АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ ӘКІМДІГІ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫ
ҚР БҒМ ҒК А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ
ОРЫНБОР МЕМЛЕКЕТТІК ПЕДАГОГИКАЛЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
Қ. ЖҰБАНОВ АТЫНДАҒЫ АҚТӨБЕ ӨҢІРЛІК МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ
ЮНЕСКО ОРТАЛЫҚАЗИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ИНСТИТУТЫ

«РУХАНИ ЖАҢҒЫРУ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МҰРА. МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ-2018» ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАР

ЖИНАҒЫ

(2018 жыл 19-20 сәуір)

Алматы – Ақтөбе – 2018

АКИМАТ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
АКТЮБИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х.МАРГУЛАНА КН МОН РК
АКТЮБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
АКТЮБИНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. К.ЖУБАНОВА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮНЕСКО

СБОРНИК

МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018. ДУХОВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

(19-20 апреля 2018 года)

Алматы - Актобе – 2018

УДК 902 (063)
ББК 63.4
Р 87

Редакциялық алқа / Редакционная коллегия
Байтанаев Б.А. – ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының директоры, т.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА академигі (редакциялық алқа төрағасы), Алматы, ҚР / директор Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, д.и.н., профессор, академик НАН РК (председатель редакционной коллегии), Алматы, РК;
Дуйсенгали М.Н. – Ақтөбе облыстық тарихи – өлкетану музейінің директоры (редакциялық алқа төрағасының орынбасары), Ақтөбе, ҚР / директор Актюбинского областного историко-краеведческого музея (заместитель председателя редакционной коллегии), Актобе, РК;
Бекназаров Р.А. – Қ.Жұбанов ат. Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті, т.ғ.д., профессор, Ақтөбе, ҚР / Актюбинский региональный государственный университет им. К.Жубанова, д.и.н., профессор, Актобе, РК;
Краева Л.А. – Орынбор мемлекеттік педагогика университеті, т.ғ.к., доцент, Орынбор, РФ / Оренбургский государственный педагогический университет, к.и.н., доцент, Оренбург, РФ;
Воякин Д.А. – ЮНЕСКО ОрталықАзиялық зерттеулер Халықаралық Институтының директоры, т.ғ.к., Самарқанд қ., ӨР / директор Международного Института ЦентральноАзиатских исследований ЮНЕСКО, к.и.н., г.Самарканд, РУ;

Конференцияның үйлестірушілері / Координаторы конференции: Бисембаев А.А., Ахатов Г.А., Мамиров Т.Б.
Жауапты хатшылар / Ответственные секретари: Уразова А.Б., Баиров Н.М., Амелин В.А.

Р 87 «Рухани жаңғыру және археологиялық мұра. Марғұлан оқулары – 2018». Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясының материалдар жинағы. – Алматы – Ақтөбе, 2018. – 639 б / «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Алматы – Актобе, 2018. - 639 с.

ISBN 978-601-7106-39-3

Жинаққа Ақтөбе қаласында 2018 жылдың 19-20 сәуір аралығында өткізілген «Рухани жаңғыру және археологиялық мұра. Марғұлан оқулары-2018» атты Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясына қатысу үшін жіберілген баяндамалар енгізілді. Конференция жұмысы Ә.Х.Марғұлан ат. Археология институты, Ақтөбе облыстық тарихи – өлкетану музейі, Қ.Жұбанов ат. Ақтөбе өңірлік мемлекеттік және Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеттерінің көпжылдық бірлесіп жасаған жұмыстарының нәтижесі болып табылады.

Қазақстан, Ресей Федерациясы, Өзбекстан, Әзірбайжан, Украина зерттеу орталықтары, университеттері, педагогикалық институттары және музейлерінің өкілдерімен жасалған ғылыми байланыстар, ұсынылған ауқымды хронологиялық және тақырыптық материалдардан көрініс тауып отыр.

Конференция материалдары археологтар, этнографтар, оқытушылар мен студенттерге, сонымен қатар Еуразия тарихы мен мәдениетіне қызығушылық танытатын барлық оқырмандарға арналады.

В сборнике представлены материалы докладов, присланных для участия в работе Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие», проходившей в г. Актобе 19-20 апреля 2018 года. Конференция явилась результатом многолетней плодотворной совместной работы Института археологии им.А.Х.Маргулана, Областного историко-краеведческого музея и АРГУ им. К.Жубанова г. Актобе и Оренбургского государственного педагогического университета.

Научные контакты с представителями исследовательских центров, университетов, педагогических институтов и музеев Казахстана, Российской Федерации, Узбекистана, Азербайджана, Украины получили отражение в присланных материалах широкого хронологического и тематического диапазона.

Материалы конференции будут интересны археологам, этнографам, преподавателям и студентам, а так же всем, интересующимся историей и культурой Евразии.

УДК 902 (063)
ББК 63.4

Рецензеттер / Рецензенты:

Байпаков К.М. - ҚР ҰҒА академигі / академик НАН РК
Таймагамбетов Ж.К. – ҚР ҰҒА корр. мүшесі / член.корр. НАН РК

ҚР БҒМ ҒК Ә.Х.Марғұлан ат. Археология институтының Ғылыми кеңесінің 2018 жылғы 15 наурыздағы №2 хаттамасы және Ақтөбе облыстық тарихи – өлкетану музейінің ғылыми-әдістемелік кеңесінің 2018 жылғы 3 наурыздағы №1 хаттамасы шешімдерімен баспаға ұсынылды

Печатается по решению Ученого совета Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Протокол № 2 от 15 марта 2018 года и Научно-методического совета Актюбинского областного историко-краеведческого музея. Протокол № 1 от 3 марта 2018 года.

ISBN 978-601-7106-39-3

© ҚР БҒМ ҒК А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
© АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ

ҚҰРМЕТТІ ӘРІПТЕСТЕР!

Назарларыңызға Батыс Қазақстанның тарихы мен мәдениетін зерттеудегі серіктестер болып табылатын - Қазақстан Республикасының Білім және Ғылым Министрлігі Ғылым комитетінің Ә.Х.Марғұлан ат. Археология институты, Ақтөбе облыстық тарихи – өлкетану музейі, Қ.Жұбанов ат. Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті және Орынбор мемлекеттік педагогикалық университетінің бірлесе өткізіліп отырған «Марғұлан оқулары-2018» Халықаралық ғылыми-практикалық конференциясы материалдарының жинағы ұсынылып отыр.

1989 жылы Әлкей Хаканұлы Марғұланның құрметіне алғашқы рет өткізіліп, дәстүрге айналған көктемгі конференцияларды ұйымдастыру 2014 жылдан кейін тоқтап қалған еді. Бүгінде, еліміздің әр түрлі мекемелерінде өткізілетін көптеген конференциялардың ішінде «Марғұлан оқуларының» өзіндік, уақытпен шыңдалған тыңдармандары бар. Бұл конференция жұмысын жандандыру Қазақстан археологиясы ғылымының дамуындағы басты шарт. Әр түрлі мекемеде жұмыс жасайтын қазақстандық археологтардың ортасында бірізділіктің жоқтығы байқалады, әріптестердің гранттық жобалар бойынша жүргізілген жұмыстары туралы мәліметтер жоқ болып отыр.

Мемлекеттік идеологиялық бағыттағы «Рухани жаңғыру», сонымен қатар «Қазақстанның қасиетті географиясы» бағдарламаларының жүзеге асу барысындағы бағыттаушы әрекеттер осындай конференциялар түрінде өткізілуі қажет. Бұл жағдайда «Марғұлан оқулары» ерекше мәнге ие болады.

Жинақта әр түрлі тақырыптағы баяндамалар топтастырылған, қатысушылардың географиялық диапазоны да ауқымды, бұл өз алдына дәстүрлі қазақстандық конференцияға деген қызығушылықтың арта түспесе де кемімегеніне көзімізді жеткізеді.

Осы жинақ және конференция жұмысы серіктестердің жүргізген ізденістерінің аралық нәтижелерін талқылау және болашақ зерттеулер үшін жаңа мақсаттарды анықтау болып табылады.

Редакциялық алқа

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Вашему вниманию предлагается сборник материалов Международной научной конференции «Марулановские чтения – 2018», которая проводится совместными усилиями давних партнеров в области исследования памятников истории и культуры Западного Казахстана - Института археологии им.А.Х.Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Актюбинского областного историко-краеведческого музея, Актюбинского регионального государственного университета и Оренбургского государственного педагогического университета.

Определенные трудности привели к тому, что начатая с 1989 года традиция проведения весенних ежегодных конференций памяти Алькей Хакановича Маргулана прервалась после 2014 года. Сегодня, при большом количестве проводимых конференций в различных учреждениях нашей страны, у «Маргулановских чтений» есть своя, проверенная временем аудитория. Возобновление работы данной конференции является важным условием развития казахстанской археологической науки. Наблюдается разобщенность в среде казахстанских археологов, работающих в различных организациях, отсутствует информация о проводимых коллегами исследованиях в рамках грантовых проектов.

В условиях активизации исследований под эгидой Государственных программных идеологических направлений «Рухани жангыру (Духовная модернизация)», а так же «Сакральная география Казахстана» определенные координационные действия должны осуществляться подобными научными конференциями. «Маргулановские чтения» приобретают в этой связи особой значение.

Сборник представлен значительным количеством самых разнообразных по тематике докладов, географический диапазон участников также весьма обширен, позволяя судить о неугасшем интересе к этой давней казахстанской археологической конференции.

Данный сборник и сама конференция являются для наших коллективов подведением промежуточных итогов работы и определением новых задач и перспектив исследований на будущее.

Редакционная коллегия

Мазмұны / Содержание

Байтанаев Б.А.
Духовная модернизация и сакральная география Казахстана..... 15

Хабдулина М.К.
Городище Бозок в средневековой истории Астаны.....18

Зайберт В.Ф.
К вопросу о конно - транспортной коммуникации и миссии
степной цивилизации.....25

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Жанузак Р.Ж.
Исследование памятников ранних кочевников
Приаральско-Мугалжарского региона в 2015-2017 гг.....28

ТАС ДӘУІРІ ЖӘНЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛДЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МӘДЕНИТТЕРІН ЗЕРТТЕУ ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛОВ

Антонова Ю.Е., Ташак В.И.
Ландшафтные и ладшафтно-рукотворные древние святилища
Западного Забайкалья..... 42

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.
Палеолит юго-западного Прибалхашья..... 47

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б.
Исследования палеолитического местонахождения Улкен Жезды
в Центральном Казахстане..... 52

Билялова Г.Д., Юмакаева Э.А
Исследование палеодиеты населения эпохи бронзы Северного Казахстана
по археологическим источникам..... 56

Варфоломеев В.В.
Поселение Камал – новый памятник эпохи бронзы..... 62

Вртанесян Г.С.
“Змеедержец” в Азии. Миграция одного символа..... 72

Дуванбеков Р.С.
Случайная находка утюжка в Актюбинской области.....80

Фрачетти Майкл Д., Марьяшев Алексей, Дюпюй Паула Н. Доумани
Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства
в бронзовом веке..... 85

Каримова Д.О.
Исследования контактов степного и земледельческого населения Южного Таджикистана (на примере эпохи поздней бронзы).....92

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.
Маркеры социальной стратификации в эпоху бронзы.....98

Мамиров Т.Б., Баиров Н.М., Куандык С.Р.
Исследования каменного века в Шалкарском и Иргизском районах Актюбинской области.....101

Мерц В.К.
Исследования поселения Борлы в 2017 году и перспективы изучения неолита Северо-Восточного Казахстана.....111

Норкобилов Т.Х.
Сравнительный анализ отражения культуры Древнего Востока в Бактрийских памятниках эпохи бронзы.....116

Пантелеева С.Е.
Хроностратиграфия укрепленного поселения Каменный Амбар.....120

Петросян Л.А., Худавердян А.Ю.
Новые данные уникального памятника Куро-Аракской культуры из Кети (Ширакская равнина, Армения).....125

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.
Мифологема рыбной ловли в культурах Евразии эпохи бронзы.....135

Потапова А.В.
Особенности инфраструктуры поселения катакомбной культуры Ксизово-1 по данным палеопочвенныз исследований (предварительные результаты).....144

Сакенов С.К.
Новый тип жилища на поселения Шагалалы II.....146

Сериков Ю.Б.
Линты – новый памятник каменного века на р. Тавде (Среднее Зауралье).....155

Сотникова С.В.
Кольцевой ров как элемент культовой практики (по материалам погребальных памятников эпохи бронзы).....162

Үмітқалиев Ұ.Ү.
Шыңғыстаудағы қырықүңгір кешенді археологиялық ескерткіші.....168

Фомичев А.В.
Применение искусственного дутья металлургами Алакульской культуры в Уральско-Мугоджарском регионе.....184

Хаванский А.И., Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т.
Погребение Среднего бронзового века могильника Щилисай II.....188

Чемякин Ю.П.
Печи поселения эпохи бронзы Коркино I..... 194

Dashkovskiy P.K.
A study of mounds of afanasyevo culture in the south part of the burial ground Inskoy dol (Altai)..... 202

КӨШПЕЛІ ӨРКЕНИЕТ ЕСКЕРТКІШТЕРІН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Айтқұл Х.А.
Ж.-А. Кастаньенің Орынбор ғылыми мұрағат комиссиясы материалдарының қалыптасуына қосқан үлесі (ҚР МОМ-ның қор коллекциясы негізінде)..... 207

Аникеева О.В., Нацкий М.В., Шемаханская М. С., Яблонский Л.Т.
Ювелирные украшения из погребения знатной женщины (могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2)..... 211

Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С.
Исследование могильника Сункар в юго-восточной части Казахстана..... 219

Грудочко И.В.
Курганы с «усами»:типология и проблема культурно-хронологической интерпретации..... 231

Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М.
Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна реки Уил..... 237

Евгеньев А.А.
Работы Б.Н. Гракова на Южном Урале и в Западном Казахстане в 1930-е гг. в контексте развития советской археологии..... 242

Жамбулатов К.А.
Позднесарматские погребения района Камыш-Самарских озер..... 246

Иванов Г.Л.
Памятники железного века Кудинской долины (западная часть Байкальской Сибири)..... 251

Ковалев А. А.
Захоронения оленных камней в могилах Синьцзяна - новое подтверждение Синьцзянской гипотезы происхождения Европейских оленных камней..... 255

Краева Л.А.
Проблемы изучения керамики ранних кочевников Западного Казахстана..... 263

Кривошеев М.В.
К вопросу об отражении сакрального в погребальном обряде сарматов..... 272

Купцов Е.А.
Гориты и колчаны кочевников Южного Урала V – IV вв. до н.э. с наборным и плетёным корпусом.....277

Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Р.
Некоторые результаты исследования в 2015-2016 г.г.
на могильнике Сенгир-там 2..... 283

Курманкулов Ж. К., Утубаев Ж. Р., Касенова А. Д.
Археологические исследования «кургана с усами» Унирек 2 в Шетском районе..... 291

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В.
Геометрические ритуальные комплексы («геоглифы») Тургая: опыт систематизации.....295

Лукпанова Я.А.
Элитарные погребения курганного комплекса Таксай..... 307

Махамбетова Л.Ә.
Ортағасырлық Жанкент қаласынан табылған моншақтар коллекциясы (2011-2014 жылдар материалдары бойынша)..... 320

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б.
Продолжение исследований на могильнике Бесоба..... 325

Онгарулы А., Каирмагамбетов А., Нускабай А.,Киясбек Г., Кызырхан М., Хасенова Б.
Предварительные итоги исследования
погребально-поминального комплекса Тортоба..... 333

Сейткалиев М.К.
Случайная находка «римского» импорта в Северном Прикаспии..... 339

Сиротин С.В., Богачук Д.С.
Погребальные конструкции курганов 2, 5 некрополя эпохи ранних кочевников «Высокая могила – Студеникин мар» в Южном Приуралье..... 343

Таиров А.Д.
Южноуральские зеркала с валиком по краю диска раннесарматского времени..... 349

Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г.
Одно из погребений раннего железного века могильника Орнек..... 355

ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ОРТА ҒАСЫРЛЫҚ ҚОҢЫСТАНУДЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕЛУІ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Амиргалина Г.Т.
Анализ керамического материала с городища Ширкейли Кос-Асар
полевых сезонов 2015-2017 гг.....364

Амиргалина Г.Т.
Перечень археологического материала с городища Сортобе
за полевой сезон 2017 года.....372

Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т.
Итоги археологических исследований на городище Джанкент (2010-2017 гг.).....380

Бочаров С.Г.
Город Каффа - западное завершение Великого шёлкового пути
в последней четверти XIII – XIV вв.....392

Буканова Р. Г.
Изучение средневековых городов Южного Урала методом сопоставления письменных и
археологических источников.....398

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А., Билалов С.У.
Археологическое исследование городища Ширкейли Кос-Асар.....402

Достиев Т.М.
Этно-культурные связи населения Азербайджана
и Казахстана в период средневековья.....409

Елелуов М., Есенов С.
Ортағасырлық Тамды қаласында 2017 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер.....413

Ибадов Ш.М.
К истории города Ленкорань: крепость Баллабур – руины древней Ленкорани?.....419

Калменов М.Д., Бижанова А.Е.
Археологические исследования на городище Жайык в полевом сезоне 2014 г.....423

Кдырниязов М.-Ш.
Поселенческая структура городов Хорезма XIII-XIV вв.....432

Кдырниязов М.-Ш, Кдырниязов О.-Ш.
Религия в истории городов Южного Приаралья.....435

Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б.
Изделия с Хмелевского I Селища.....440

Нуржанов А. А.
Повседневность средневекового города Кастек в сакральных артефактах.....447

Сайпов С.Т, Турекеев К.Ж.
Терракотовые археологические находки Южного Приаралья
в религиозной интерпретации.....456

Смагулов Е., Ержигитова А.
Культобе - цитадель древнего Туркестана.....465

Утубаев Ж. Р., Болелов С.Б.
Археологические исследования на поселении Бабиш-Мулла 7 в 2015-2017 гг.....472

Хамитова М.А.
Ә. Марғұланның сәулет өнері тарихы мен қазақ сәулетшілері туралы зерттеулері..... 479

Харламов П. В.
Защитное вооружение кочевников степей Волго-Уралья в IX-XIV вв..... 486

ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ДӘСТҮРЛІ ҚОҒАМДАРДЫҢ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Донина Л.Н.
Технология и орнаментация татарских чеканных ювелирных украшений:
Этно-археологическое исследование..... 491

Махмудова Н.Б.
Природные богатства колониального Туркестанского края
(по материалам отчетов ревизии сенатора К.К. Палена. 1908-1909гг.)..... 498

Нечвалода Е.Е.
Звезды над Гонуром (опыт трактовки анималистической сцены на ритуальном кубке)..... 502

Пикалов Д.В.
«Скифская баня» Геродота в контексте данных истории и этнографии..... 509

Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К.
Итоги грантового исследования по теме: «История городской повседневности
Центрального Казахстана как фактор социальной напряженности и девиантного
поведения во второй половине XX века (1946-1991 гг.)..... 514

Суслова С.В.
Татарские накосные украшения: этноархеологический анализ в контексте этнокультурных
традиций Евразии..... 520

Тимощук А.С.
Индо-хараппская археология в споре о прародине ариев..... 527

Уланов М.С.
К вопросу о распространении христианства в средневековой Монголии..... 533

Яданова К.В.
Представление теленгитов о священной земле – Эре-Чуй (по материалам экспедиции)..... 537

ЕЖЕЛГІ ӨНЕР ЖӘНЕ СӘУЛЕТ ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Аббасова Б.Г.
Уникальные архитектурные сооружения и исторические памятники
азербайджанского народа..... 542

Аббасова Г.Г.
Изучение археологических памятников Нагорного Карабаха.....546

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.
Изобразительные памятники раннего железного века Казахстана
как источник для изучения костюма.....549

Гераськова Л., Пыслару И.
Предок, герой, враг, божество?.....553

Нургожина Б.Е.
Культурные связи декоративно-прикладного искусства Казахстана и
Средней Азии.....568

ЕУРАЗИЯ КӨНЕ ХАЛҚЫНЫҢ АНТРОПОЛОГИЯСЫ
АНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИИ

Балабанова М.А.
Антропология погребений среднесарматского времени под индивидуальными насыпями....572

Китов Е.П., Китова А.О.
Посмертные ритуалы у ранних кочевников Центральной Азии.....582

Нечвалода А.И.
Краниология ранних кочевников Южного Приуралья:
по материалам из Переволочанского курганного некрополя.....586

Телегин А.Н.
Трепанированный череп из погребения сакского времени Кулунды.....595

Хохлов А.А.
Древнейшее население Уральско-Казахстанских степей и его проявление
в антропологических материалах эпохи бронзы.....597

Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Деведжян С.Г.
Экстраординарные погребения из памятника Лори Берд.....600

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ЖАҢА ТҰРҒЫЛАР МЕН ИННОВАЦИЯЛЫҚ ӘДІСТЕР
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

Антонов М.А.
Текелийская буддийская стела: исследование методом фотограмметрии.....606

Ахмедов Ж.З.
Музеефикация археологических памятников в Узбекистане.....613

Жусупкалиев Т., Орынбасаров Е.
Археологические памятники Западно-Казахстанской области
как объекты сакральной географии Казахстана.....616

Кольцов П.М., Ашкаев М.С., Кольцова К.П.
Применение географических информационных систем и дистанционного зондирования земли в археологических исследованиях на примере Республики Калмыкия.....620

Михайлов В.В.
Некоторые теоретические предпосылки и методология археологических исследований.... 625

Плешаков А.А.
Работы на городище Ак-ирий..... 629

Abay Namen
Application of analytical tools in the study of archaeological materials..... 634

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ / СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 637

Байтанаев Б.А.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы,

УДК 902/904

ДУХОВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: духовная модернизация, сакральная география, памятники, наследие
Keywords: spiritual modernization, sacral geography, monuments, heritage

В апреле 2017 г. глава государства Нурсултан Абишевич Назарбаев в своей статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» определил эпохальные задачи, стоящие перед общественностью Казахстана и ориентированные на духовную модернизацию страны. Изучая статью Президента, ученые Казахстана восприняли как нравственный и научный императив посыл Лидера нации: *«Нам нужен проект «Духовные святыни Казахстана» или, как говорят ученые, «Сакральная география Казахстана».*

Слово *сакральный* происходит от латинского – sacer (sacri) и имеет значение *священный*. Оно употребляется для обозначения всех мировых религий с их различными формами проявления, древнейшими религиозными воззрениями и мифологией. Иными словами, *сакральное* – это все, что связывало и связывает человека с божественным, небесным миром предков на мировоззренческом уровне.

Сакральные объекты Казахстана имеют тысячелетнюю историю, глубочайшие истоки. Они многообразны и различаются по содержанию и своим типологическим характеристикам. Современное состояние сакральных объектов неоднородно в разных регионах страны. Оно зависит от места расположения, степени урбанизации, обслуживания и организации его охраны. Типологический состав сакральных объектов неодинаков. В первую очередь сюда относятся объекты историко-культурного наследия: культовые архитектурные сооружения, города, поселения, курганы, могилы, некрополи, святилища, наскальные рисунки, места исторических событий, исторические ландшафты и др. В особую группу входят такие объекты природы, которые наделены человеком сакральными функциями: горы, сопки, родники, реки, ущелья, деревья, пещеры, отдельные географические ландшафты и др.

В отношении сохранности и доступности для обзора лучше всего обстоит дело с культовыми архитектурными памятниками, имеющими различный статус охраны, указанный в государственных реестрах памятников истории и культуры Казахстана. Большинство архитектурных памятников было отреставрировано, и на сегодняшний день их состояние оценивается как удовлетворительное, высока степень обеспеченности объектов удобными подъездными путями. Культовые архитектурные памятники достаточно подробно описаны в справочной литературе и в настоящее время готовы принимать туристов из Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья.

Хуже обстоит дело с археологическими древностями, составляющими основной объем историко-культурного наследия. Их хронологический охват очень широк. Они представлены объектами, начиная от глубокой древности до позднего средневековья. Эти объекты, являясь памятниками археологии, содержат в себе информацию по древнейшим религиозным воззрениям народов, ранее населявших Казахстан и сыгравших значительную роль в этногенезе казахского народа. Сакральные археологические объекты требуют дополнительного научного исследования, консервации, реставрации и специального подхода к эксплуатации.

Что же касается объектов природы, наиболее древние из которых, как правило, имеют сакральные традиции, уходящие вглубь веков, то здесь дело обстоит сложнее. Есть и такие объекты, «святость» которых была провозглашена в недавнее время, и их почитание развивалось стихийно. У большинства из них официально не определен статус. Подавляющее большинство объектов появилось в период независимости в коммерческих целях, вследствие развития в Казахстане паломнического туризма. Они слабо изучены и требуют проведения всестороннего исследования и научной экспертизы.

В целом сложившаяся ситуация такова, что наряду с хорошо известными сакральными объектами, вошедшими в историческую и археологическую науку, появляются новоявленные действующие архитектурные и природные объекты, называемые иногда религиозными памятниками, святыми местами.

Памятником архитектуры считаются архитектурные сооружения **прошлого**, которые имеют историческое, научное и художественное значение. Такие памятники обладают **правом неприкосновенности**. Могут ли обладать таким правом многие возникшие в наши дни сакрально-культовые объекты? Их временной статус невелик, они не имеют своей истории, кроме вымышленной. Они не обладают главным критерием для признания их памятником – историко-художественной ценностью. Но могут быть рассмотрены с точки зрения этнографии, что тоже должно быть узаконено правовым статусом.

Современная ситуация осложняется необходимостью реформирования методологической и содержательной стороны сакральной географии, чтобы научное сообщество могло иметь дело не только с выдающимися архитектурными объектами, но и другими местами паломничества, в прошлые времена называвшимися **мазарами**, включающими самые разнообразные объекты – от особо чтимых могил до природных памятников и даже целых их комплексов.

За последние 30 лет существенно изменилось общественное сознание, что обусловило новое понимание общественной роли памятников, в том числе памятников культового зодчества. Произошла сакрализация населением различных ранее не известных объектов. Религиозный туризм вовлекает, благодаря коммуникативной функции, в свою орбиту всё более обширные регионы и увеличивает и без того немалое количество объектов паломничества. Трудно провести границу между туризмом и паломничеством, которое играло знаковую роль в духовной культуре казахского народа и было прочно связано с культом святых и культом предков.

Ученым предстоит сформировать собственное видение и сформулировать свое отношение к этой данности, чтобы поставить заслон откровенному шарлатанству в области культурно-исторического наследия, отказаться от некоторых натяжек в истолковании памятников сакрального содержания, чтобы не дать возможности проявлению на этой почве религиозного экстремизма. Этому процессу необходимо придать правовое и научно-историческое обоснование, для чего предстоит разработать механизм историко-культурной экспертизы природных и иных сакральных объектов, взяв за основу традиционные и инновационные критерии отбора.

Реалии таковы: сакральная география Казахстана настолько многолика, многообразна и уникальна по своему составу, что выявить, определить и описать ее в кратчайшие сроки практически невозможно. Реализация этой сложной задачи потребует кропотливой и слаженной работы научных коллективов на протяжении ряда лет.

В конце 2017 года Институт археологии им. А.Х. Маргулана в соответствии с поручением правительства РК осуществил первое издание реестра сакральных объектов, где представлены результаты начального этапа работы по систематизации объектов, имеющих сакральное значение для народов Казахстана. Реестр включает объекты природы, историко-культурное наследие и малоизвестные памятники, объединенные в книге с учетом выработанных критериев, охарактеризованные как сакральные и описанные на основе дифференцированного подхода и подбора убедительных доказательств их значимости.

Реестр сакральных объектов формировался путем коллегиального отбора научными коллективами трех организаций: Института археологии им. А.Х. Маргулана, Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Института истории государства. По состоянию на 2017 г., предварительный список сакральных объектов Казахстана включает 670 наименований, из них в первом выпуске описано 279 объектов и около 100 находятся в запасе. Информация по сакральным объектам для издания подготовлена научными сотрудниками указанных институтов дифференцированно, на основе учета специализации научных коллективов и отдельных ученых. Для составления аннотаций сакральных объектов привлекались как архивно-библиографические сведения, так и полевые материалы. Хронология объектов охватывает период, исчисляемый тысячелетиями, до этнографической современности. С этими объектами связаны места, имена, события, которые оставили в этнокультурной памяти глубокий след, определив наш нравственный стержень – национальный код народа. О таких святых для нас объектах сказал Президент Республики Казахстан: *«...Все они образуют каркас нашей национальной идентичности».*

Исторически сложилось так, что территорию Казахстана можно условно разделить на несколько историко-культурных ареалов. Они отличаются более тесными внутренними связями, общностью развития, особенностями соответствия эколого-природных и социокультурных факторов, что сказалось на содержательной стороне археологических и исторических памятников. В сердце страны локализуется Сарыаркинский историко-культурный ареал – один из крупнейших в Казахстане, занимающий особое место в казахской истории и культуре. Обширная страна,

простирающаяся от гор Улытау до Тарбагатая. С запада к нему примыкает Арало-Каспийский ареал, с юга – Сырдарья-Каратауский и Жетысуский, а с востока – Алтай.

Учитывая этот аспект и значительные размеры территории Казахстана, огромное количество памятников истории и культуры, природных объектов, отражающих великое прошлое казахского народа, научные коллективы продолжают работу над последующим изданием реестра. В нем сакральные объекты будут распределены в соответствии с историко-культурными ареалами.

Огромный хронологический диапазон сакральных объектов делает обоснованным тезис о необходимости и целесообразности продолжения работы по составлению реестра памятников истории и культуры, не вошедших в подготовленную к изданию книгу. В Казахстане насчитываются **тысячи** сакральных мест, связанных с именами и событиями, отражающими борьбу за независимость народа; с событиями Нового и Новейшего времени. Они требуют систематизации, осмысления и научного описания.

Таким образом, работа над реестром сакральных объектов Казахстана – многолетний, скрупулезный труд, создаваемый усилиями ученых: археологов, историков, этнологов, филологов, востоковедов, краеведов. Его значение для народа Казахстана бесценно.

«Продолжая славные дела старшего поколения, мы проложим дорогу, по которой уверенно зашагают будущие поколения. Это будет путь развития, роста и процветания независимого Казахстана», – так емко сформулировал стоящую перед казахстанским обществом задачу Н.А. Назарбаев.

Резюме

Сакральные объекты Казахстана имеют тысячелетнюю историю, глубочайшие истоки. Они многообразны и различаются по содержанию и своим типологическим характеристикам. Современное состояние сакральных объектов неоднородно в разных регионах страны. Важной задачей является составление единого реестра, в котором сакральные объекты будут распределены в соответствии с историко-культурными ареалами.

Summary

Sacral objects of Kazakhstan have thousand-year history, the deepest sources. They are diverse and differ according to the contents and the typological characteristics. The current state of sacral objects is non-uniform in different regions of the country. An important task is drawing up the unified register in which sacral objects will be distributed according to historical and cultural areas.

Хабдулина М.К.
Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан

УДК 902:94 (399)

ГОРОДИЩЕ БОЗОК В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ АСТАНЫ

...средневековый город Бозок можно считать прямым предком Акмолинска, а его последним потомком является Астана – столица современного Казахстана.
Н. А. Назарбаев. В сердце Евразии. Астана. 2005. с.77

Ключевые слова: Бозок, городище, Астана, Ишим, древние тюрки, культовый центр
Keywords: Bozok, the town, Astana, Ishim, ancient Turkic, cult center

Астана раскинулась на берегах реки Ишим. По генплану застройки город будет иметь диаметр 32 км. Старый город возводился на правом берегу реки, т.к. здесь к руслу реки близко подходит ее коренной берег. Левый берег Ишима – это широкая заболоченная пойма, состоящая из пересохших русел (стариц) Ишима. На территории города Астаны обнаружены поселение бронзового века Елизаветинка, могильник эпохи бронзы Куйгенжар, «царские» курганы раннего железного века в виде курганных групп в урочище Куйгенжар и одиночных насыпей (курган Сыгнак) (Хабдулина, 2016, с. 141-144). По берегам Ишима и его притокам исследованы казахские зимовки XIX-XX вв. Достопримечательностью столицы Казахстана является средневековое городище Бозок VIII-XVI вв.

Бозок – это название археологического памятника, расположенного в левобережной долине реки Ишим, на юго-западной окраине города Астаны. Руины археологического памятника занимают возвышенную площадку восточного берега пойменного озера Бузукты, окруженного со всех сторон болотными массивами. Длина озера Бузукты 1 км, ширина 0,3 км.

Средневековое городище было открыто К.А. Акишевым осенью 1998 г. Раскопки его были начаты с 1999 года Есильской археологической экспедицией Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева под руководством К.А. Акишева, продолжены с 2004 г. М.К. Хабдулиной.

Руины древних строений тянутся полосой в 100-250 м вдоль берега озера Бузукты. Еще до раскопок на самой возвышенной точке берега рельефно выделялись три квадратной формы площадки, составленные в виде трехлепестковой розетки общей площадью 12636 кв.м. Площадки условно были названы нами «кварталами». Каждый квартал окружен внутренним рвом и внешним валом. Валы к настоящему времени оплыли и окружили площадки единой лентой. Внутренние размеры площадок примерно одинаковы: 35х35 м. В рельефе рвов видны перемычки входов (рис.1). По наличию оборонительных сооружений памятник был отнесен к категории городищ и назван «городище Бозок».

В центральной части, на стыке трех кварталов, возвышается площадка прямоугольной формы, вытянутая с запада на восток. Размеры ее 60х17 м, высота 1,8 м. Как выяснилось в процессе раскопок это возвышение, господствующее над другими сооружениями было достроено пахсовыми блоками в XII-XIII вв. На ее поверхности до раскопок были видны основания погребальных построек, в центре стоит геодезический знак (рис. 1).

В 70 м севернее трех кварталов фиксировались валообразные всхолмления прямоугольной формы, оказавшиеся остатками жилищ земляночного типа. В 100 м южнее трех центральных площадок расположены развалины кирпичного мавзолея, кирпичеобжигательной печи, рядом холмики могил мусульманского некрополя. К этим трем комплексам руин с востока примыкает агроирригационная планировка (рис.2).

Общая площадь памятника 40 га. Вся эта территория как место активного и длительного обживания хорошо выделяется на космоснимке в виде светлого пятна сегментной формы, прилегающей к береговой линии озера.

Таким образом, еще до раскопок была видна сложная пространственная структура памятника. В процессе раскопок выяснилось, что все эти компоненты возникли в разное время. Часть из них неоднократно перестраивалась, обживалась, забрасывалась. Археологическими и радиоуглеродными методами памятник датирован VIII-XV (XVI) вв. Однако обитаемым он был до X-XII вв. Позже

руины городища стали местом погребения. Здесь были построены мавзолеи из жженного и сырцового кирпича, совершены погребения по мусульманскому обряду и языческие погребения с вещами.

Раскопки Бозока ведутся с перерывами 12 лет с 1999 г. За это время раскопы были заложены на всех объектах бозокского микрорайона. Всего вскрыто более 8 тыс.кв.м. Из трех центральных кварталов полностью исследована внутренняя площадка северного квартала. Изучена архитектура и конструкция оборонительных сооружений, жилые и погребальные конструкции, открыты две кирпичеобжигательные печи, раскопаны фундаменты мавзолеев из жженого кирпича, раскопано 72 погребения XIII-XIV (XV) вв. Снят подробный план оросительной системы (рис.2). Это первый масштабно исследованный в степной полосе Казахстана средневековый объект, предоставляющий огромный материал для реконструкции культурной, духовной, хозяйственной, экологической и этнической истории населения степного средневековья.

В результате раскопок установлено, что самой древней частью памятника, возникшей в древнетюркскую эпоху, являются три квадратной формы площадки, обнесенные рвами и валами. Расстояние между рвами соседних кварталов 9-14 м. Высота вала 0,6-1,0 м, ширина основания 9-10 м.

В системе защитных сооружений оставлены проемы проходов, ведущих как наружу, так и в соседние строения. В северный квартал ведет один вход с южной стороны. В восточном и южном кварталах по два входа: с севера и юга. Именно наличие валов и рвов определило отнесение памятника к категории городищ. Однако в процессе исследования у нас возникли сомнения в оборонном назначении этих строений. На возведение защитных сооружений было потрачено много труда, конструкция их оплыла, подверглась естественному обветшанию, но сохранила до наших дней свою архитектуру.

Валы и рвы разрезаны в нескольких местах сквозными траншеями шириной 3 м. Траншеи протянуты по линии запад-восток через северный и восточный кварталы. Общая длина каждой траншеи, включающей и пространство внутренних площадок, 120 м. Кроме этого исследованы конструкция прохода в северный квартал и вход в восточный квартал с северной стороны.

Полученные материалы позволяют реконструировать процесс строительства и *строительные приемы древнетюркского времени*.

1) Изначально выбор места его первыми обитателями не предполагал рост, расширение территории, т.к. ему некуда расти. Эта небольшая возвышенная площадка восточного берега озера Бузукты окружена со всех сторон болотными массивами. Само озеро Бузукты имеет низкие, топкие берега. Выбранное пространство было намеренно ограничено с юга искусственным каналом, прорытым от угла озера Бузукты в восточном направлении, в сторону ближайшего болотного котлована. Таким образом, Бозок получил закрытое островное положение.

2) Компактное расположение трех кварталов вызвано размерами наиболее высокой части береговой полосы. В выборе места под строительство первые обитатели городища Бозок учли, что эта площадка восточного берега озера Бузукты не заливается в период весенних паводков. Это особенно важно, т.к. городище расположено в болотистой пойме Ишима. Вне сомнения, предварительно была произведена шурфовка площадки для выяснения уровня грунтовых вод, которые при высоком стоянии могли вызвать разрушение рва. Т.о., выбор места строительства был предварен серьезными проектно-изыскательскими работами. Конструкции простояли более тысячи лет, неоднократно обновлялись, застраивались и степень их разрушения вызвана естественными процессами обветшания.

Останец озера сложен суглинком, который обладает высокими строительными качествами. Следовательно, строительный материал находился тут же, «под ногами».

3) Строительство всех трех кварталов велось одновременно и началось с разметки строений на местности. Об этом свидетельствуют канавки, зафиксированные вдоль внутреннего края рва северного квартала площадки. Среди трех кварталов крупными размерами выделяется северный квартал, планировка восточного и южного кварталов носят подчиненный характер. В культурном слое северного квартала нет никаких находок. Зафиксированы были лишь следы каркасных строений, от которых остались столбовые ямки. В некоторых из них сохранилась древесина от основания столбов и вбитые в дно ямок кости животных (ребра лошади, лопатки овец). Похоже, что костями животных закрепляли столбы или они были вбиты при ремонте каркасных строений. Подобный строительный прием встречен в дворцовых постройках города Плиски, столицы Дунайской Булгарии, основанной в конце VII - начале VIII вв. (Рашев, 2003, с. 186).

4) Древняя поверхность оставлена только под валом-стеной. На нее выстилался слой чистой глины. Потом начинали копать ров и из верхнего гумусного грунта выкладывали небольшой валик.

Поверхность валика обкладывалась, иногда обмазывалась желтой глиной. Т.о., создавалось ядро будущей стены. Остальной массив вала наращивался битой глиной, выложенной пахсовыми блоками и кирпичами.

Вал строился отдельными объемами («клетями») которые пристраивались друг к другу в «разбежку», видимо, для большего сцепления. Т.е., эти конструкции возводились отдельными отрезками и не по прямой линии, а зигзагообразно. Каждый объем имел в основании прямоугольную форму размерами в среднем 3,5х2,5 м. Этот размер является оптимальным для сырцовой строительной технологии. Он зафиксирован в конструкции оборонительных укреплений поселений средней бронзы и раннего железного века (Зданович, Батанина, 2007, с. 182; Хабдулина, 1993, с. 131-132).

5) Для большей прочности и связки слои кирпичей имели комбинированную кладку: наклонно на узких гранях и горизонтально, плашмя. Т.е. вал в большей части был сложен из тяжелой материковой глины. Склоны его облицовывались сырцовыми кирпичами. Нижние слои облицовочных кирпичей зафиксированы вдоль западной подошвы вала.

Высота вала-стены была более 2 м. Ширина основания вала 7-8 м, ширина верха – 4 м. Вал в поперечном разрезе имел трапециевидную форму.

6) Стенки рва со стороны вала копались ступеньками, с внутренней стороны ров имеет крутой профиль. Ширина рва по верху – 4,8 м, ширина по дну – 1,5 м. Глубина рва от древней поверхности – 2,8 м. Дно ровное.

7) Для безопасности по краю площадки, вдоль внутреннего периметра рва делалось деревянное ограждение – заплот. Следы его фиксируются в виде ямок от столбов. Ограждение, видимо, ремонтировалось, т.к. на участках, примыкающих к углам кварталов, расчищено по 3-4 ряда столбовых ямок. Вкапывались столбы диаметром 20-30 см. В некоторых из них сохранилась древесная труха.

Конструкция входов. Во рву и валу оставлены разрывы для входа. Несмотря на неоднократные перестройки, по профилям и планам можно наметить первоначальную конструкцию прохода. До раскопок проход в северный квартал шириной 5 м фиксировался в виде всхолмления между двумя концами рва. В древности вход имел ширину 2,3 м и был оформлен системой столбов. К предвратным конструкциям относится линия мощных столбов, ведущая от западного края рва вглубь северной площадки. Расчищено 5 ямок от столбов квадратной формы размерами 0,4х0,4; 0,5х0,5 м. Они тянутся на расстоянии 4 м по линии СВ-ЮЗ. Столбы вкопаны на глубину 0,5 м.

На дне рвов у входов обнаружены жертвенные захоронения: челюсть лошади во рву северного квартала (кв. 21/П), передняя половина скелета лошади расчищена на глубине 1,8 м в восточном конце рва (кв. 23/Х). Череп лошади ориентирован на восток. Над черепом найдены две пары железных кольчатых удил и роговой стержневидный псалий. В заполнении рвов встречаются мелкие фрагменты керамики. Железные удила и роговой псалий определяют дату основания городища Бозок – VII-IX вв. (Хабдулина, 2010, с. 184).

Функционирование городища в этот период можно рассматривать как небольшую ставку-резиденцию, совмещающую функции жилого и культового центра. Архитектура вала и рва вызывают сомнение в выполнении ими функций военной защиты. Небольшие по размерам площадки кварталов окружены глубоким рвом и стоящим за ним валом. Поверхность кварталов дополнительно углублена до плотного материкового грунта. Площадки кварталов оказывались как бы «утоплены» внутри вала.

Более обоснованной выглядит трактовка кварталов как территорий закрытых для массового обитания. Конструкции нижнего строительного горизонта северного квартала свидетельствуют в пользу использования ее как сакральной площадки, места проведения каких-то обрядов (Хабдулина, 2010, с. 138).

Основным строительным материалом на протяжении всего средневековья была глина, сформованная в кирпичи и сбитая в пахсовые блоки. Использование глины в строительстве не является чуждым для степной зоны Казахстана. Глинобитная технология здесь имеет древние, глубинные истоки. Применение ее в степях Казахстана началось с эпохи энеолита. В эпоху бронзы сфера применения глинобитной технологии расширяется. Из глины возводят оборонительные конструкции, подземные и наземные погребальные сооружения, в домах появились очаги, выложенные из кирпичиков (Хабдулина, 2011, с. 165).

Валы городища Бозок имеют жесткую конструкцию с внутренним ядром и кирпичной облицовкой. В разрезе валов видна комбинированная кладка из кирпичей, слои которых положены горизонтально и поставлены наклонно. Оба приема широко распространены в средневековом городском зодчестве.

К строительной технике древнетюркского времени относится удаление почвенного грунта и верхнего слоя материка на внутренней площадке кварталов. Поверхности их заглублены до плотного материкового уровня и находятся на отметке 0,4-0,5 м ниже погребенной почвы.

Трехчастность композиции, взаиморасположение площадок, необычная планировка оборонительных укреплений: внешний вал и внутренний ров – все это свидетельствует о неординарности археологического памятника.

По мнению К.А. Акишева в семантике пространственного размещения «кварталов» городища Бозок заложен смысл трехчастного деления древних резиденций кочевых племен. Создатели его на конкретной местности воспроизвели стандартную элитную ставку VIII-IX вв. композиционно подтверждающую сведения письменных источников (Акишев, 2008, с.15-16).

Известно, что для кочевых ставок и резиденций правителей тюрко - и монголоязычных кочевников с глубокой древности было характерно особое пространственное размещение. Ни один военноначальник или аристократ не имел право ставить юрту, пока не будет установлен центр – *орду.* И лишь после этого начиналось размещение свиты согласно ранга и социального статуса. Ставка делилась на три части: центр – *орду*, правое крыло – *учук*, левое - *бузук*. Такой же принцип был заложен в административном делении древних и средневековых государств: восточные владения назывались – *бузук*, западные – *учук*, центр – *орду.* Отсюда федеративное деление Казахского ханства на три жуза, отсюда названия: Ак Орда, Кок Орда, Золотая Орда.

Кроме трех центральных площадок, вдоль восточного берега озера Бузукты зафиксированы еще два комплекса. Северный оказался комплексом жилищ земляночного типа X-XIII вв. Южный комплекс состоял из двух насыпей и примыкающих к ним с юга могильных холмиков. Под насыпями оказались руины мавзолея и кирпичеобжигательной печи. Этот комплекс, названный нами «некрополь городища Бозок», – самая поздняя часть городища Бозок. Руины всех строений окружены густой сеткой ирригационных сооружений. Они фиксируются в виде арыков и валиков, выделены участки «огородов».

Этот культурный ландшафт, оставленный средневековыми жителями, создавался в течение многих сотен лет. Радиоуглеродные даты по палеопочвам, зафиксированным под валами и радиоуглеродные даты черепа лошади, обнаруженной во рву, свидетельствуют, что центральная, самая древняя часть памятника возникает в VIII-IX вв. (возможно, даже в VII –VIII вв.). Т.е., освоение территории у брода Караоткель началось 1200 лет назад.

Территория городища Бозок обживалась в разной форме до XV-XVI вв. К этому времени могут быть отнесены поздние мусульманские захоронения, открытые на некрополи городища Бозок (Хабдулина, Билялова, Бонора, 2018, с. 22-27).

Сегодня можно утверждать, что городище Бозок – это структурная часть, элемент более обширного урбанизированного пространства, включавшего поселения, караван-сараи, пастбища. Это подтверждается сведениями краеведов о том, что при строительстве города Целиноградa в обрыве берега реки находили фрагменты керамических труб (средневековый водопровод). По аэрофотоснимку 1970 г. в 2 км южнее озера Бузукты располагались руины караван-сарая прямоугольной формы, уничтоженного при строительстве автотрассы Целиноград-Кургальджино.

Городище Бозок выполняло функцию ставки, резиденции и культового центра древних тюрков. Этими факторами объясняется его необычная топография, запрятанность среди болот, труднодоступность. И одновременно, выбор этого места под поселение, определен близким расположением к месту традиционной переправы через Ишим – броду Караоткель и местонахождением на кратчайшем расстоянии между двумя речными системами: Нурой и Ишимом, несущими воды в разные водные бассейны. Были и экономические выгоды – возможность контроля караванной торговли. С глубокой древности верховья Ишима пересекали широтные и меридиональные торговые трассы Степного Шелкового пути.

Материалы городища Бозок отражают историю четырех государственных образований, существовавших в средние века на территории Казахстана: VI – IX вв. – Тюркский каганат, X – XII вв. - Кипчакское ханство, XIII – XIV вв. – Улус Жоши (Золотая орда), XV – XVI вв. – Казахское ханство. Исследование этого археологического памятника раскрывает многие неизвестные страницы древней и средневековой истории столичного региона Казахстана.

Литература:

Акишев К.А. Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 13-19.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов. – Челябинск: Изд-во Крокус, 2007. – 260 с.

Рашев Р. К ранней истории праболгар на Нижнем Дунае// Новое в средневековой археологии Евразии /отв. ред. В.Б. Ковалевская/. – Самара: «Артефакт», 2003. – С. 184-191

Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 112-143.

Хабдулина М.К. Бозок – как древнетюркский культовый центр на реке Ишим //Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие. – Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза». 2010. – С. 177-189.

Хабдулина М.К. Оборонное зодчество древних тюрков степной Сарыарки // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Сб.научных трудов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 161-166.

Хабдулина М.К. Храмы-святилища сакской эпохи Северного Казахстана // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии - Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2016. – С.137-149

Хабдулина М.К., Билялова Г.Д., Бонора Ж.Л. Распространение ислама в Восточном Дашт-и Кыпчаке по материалам городища Бозок // Народы и религии Евразии. Вып. 1-2. – Барнаул, 2018. – С. 16-30

Резюме

М.К. Хабдулина

Городище Бозок в средневековой истории Астаны

Статья освещает некоторые результаты изучения средневекового городища Бозок, расположенного в черте г. Астаны. Это первый поселенческий объект степной зоны Казахстана, на котором проводятся масштабные раскопки. В статье дается описание особенностей топографии и планиграфии городища Бозок. Семантика планиграфии определяет функциональное назначение памятника – как элитной ставки, культового центра древнетюркской эпохи. Указано, что появление культового центра более тысячи лет назад у брода Караоткель в Верхнем Приишимье объясняется, пересечением в этом месте важного узла караванных маршрутов Степного Шелкового пути. Открытие и исследование городища Бозок подтверждает глубокие исторические корни г. Астаны.

Summary

M.K. Khabdulina

Bozok settlement in the medieval history of the Astana city

The article covers some results of the research of a medieval settlement of Bozok, which is situated nearby of the capital Astana. This is the first settled object of the steppe zone of Kazakhstan, in which the large – scale excavations are carried out. The article givers the description of the peculiarities of topography and planigraphy of the Bozok site. Semantics of the planigraphy defines functional purpose of the site as the elite headquarters, and a cult center of ancient Turkic epoch. The appearance of a small military headquarters in Karaotkel river shallow a thousand more years ago was conditioned by the intersection of the important commercial caravan routers of the Great Silk road. The discovery and existence of Bozok settlement prove the deep historical roots of Astana city.

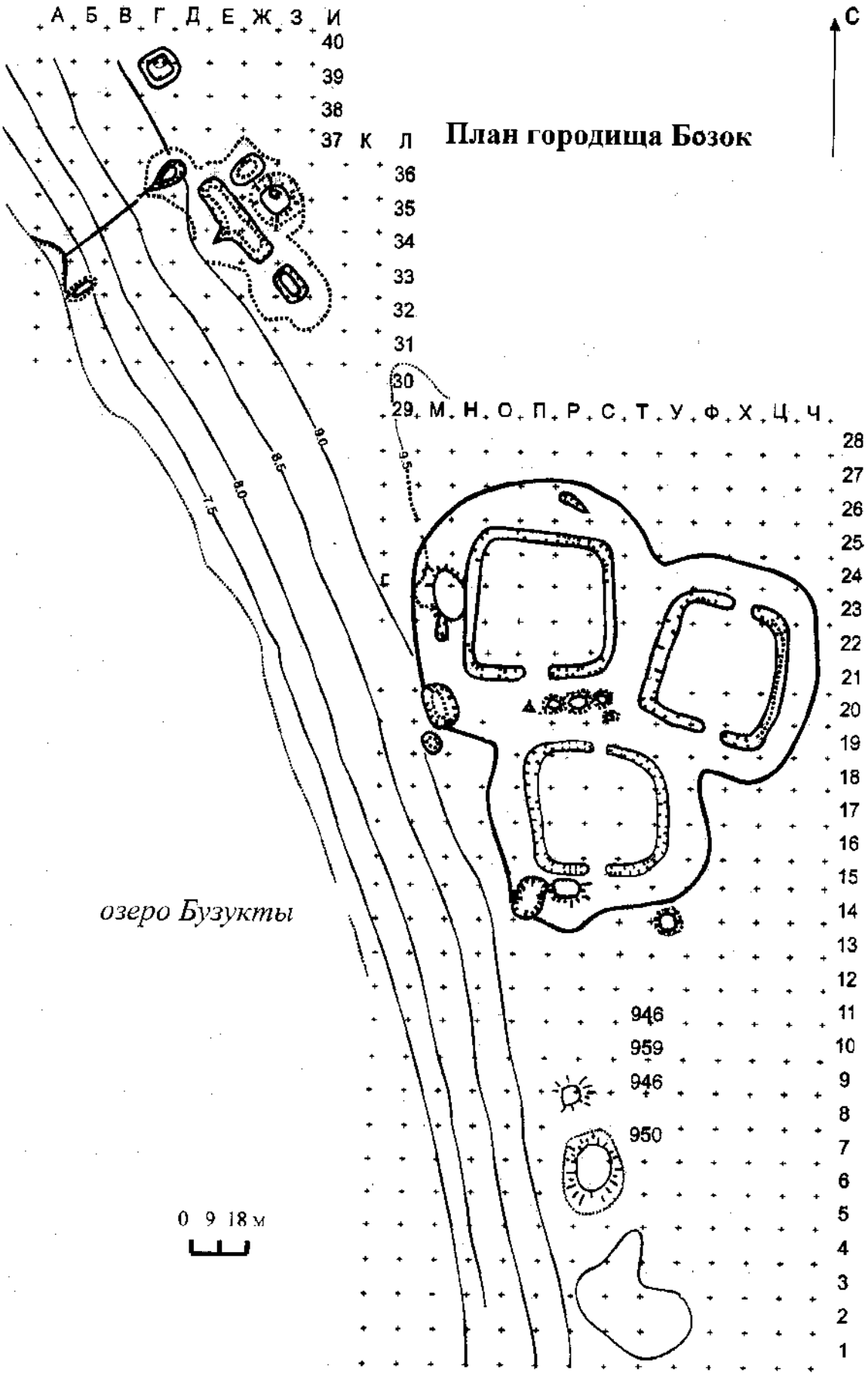


Рис.1. Городище Бозок. Тополлан

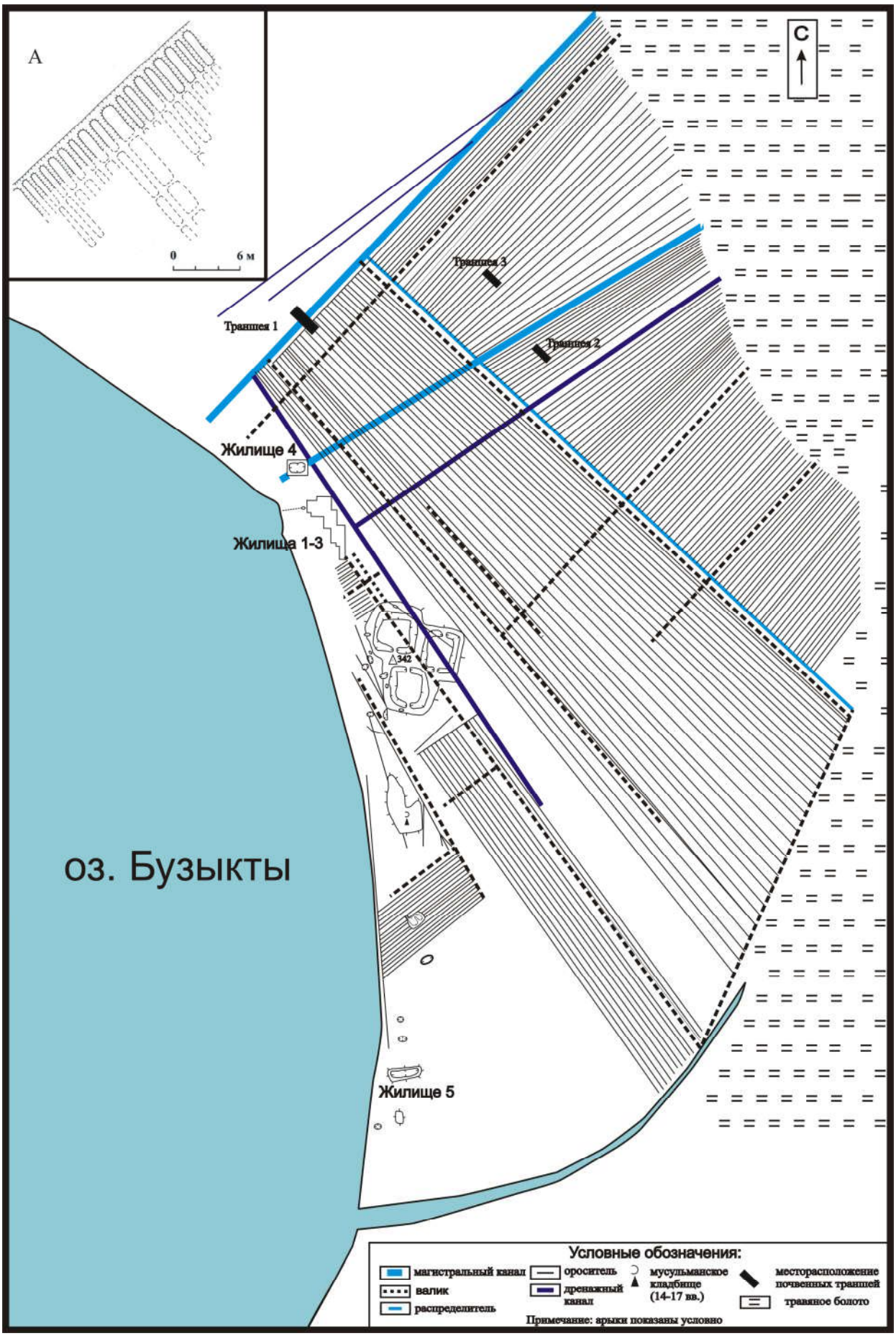


Рис.2. Городище Бозок. Ирригационная планировка

Зайберт В.Ф
НИИ «Археология и степные цивилизации»
КазНУ им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан

К ВОПРОСУ О КОННО-ТРАНСПОРТНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МИССИИ СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: энеолит, Ботайская культура, Урало-Иртышское междуречье, коневодство.
Keywords: Eneolithic, Botay culture, Ural-Irtysh interfluve, horse breeding.

Открытие поселения Ботай и ботайской культуры явилось началом переоценки исторической роли одомашнивания лошади не только как эффективной отрасли производящей экономики степного хозяйственно-культурного типа, но прежде всего, как начало в планетарном масштабе новой, после пешей, конно-транспортной коммуникации, взявшей на себя Миссию ускорителя исторического процесса, определившей векторы и характер пассионарной динамики развития и трансформации всей древней и средневековой ойкумены Старого Света. Европейская неолитическая «революция» по Гордону Чайлду и других марксистов, по сути отражала лишь эволюционные процессы хозяйственно-культурных типов в заданных территориальных и временных параметрах. Только ботайский всадник преодолел звуковой барьер пешей коммуникации, щелчком кнута подгоняя Время! (Зайберт, 2009).

Столь высокий интерес к объекту эпохи энеолита (4-3 тыс. до н.э.) был вызван прежде всего тем, что поселение Ботай был новым необычным масштабным объектом по информативности и богатству археологического материала, который изучается уже много лет, а исчерпывающаяся источниковедческая характеристика о памятнике может быть получена только через двести лет. Следует учитывать не только масштабность археологического источника, но и заложенный в нем научно значимый исторический контекст, который реконструируется как при помощи традиционных типолого-статистических и визуальных методов, так и возможностей инновационных технологий получения информации.

В результате комплексной научно-исследовательской деятельности отечественных и зарубежных специалистов из Германии, Великобритании, России, США и др., были выявлены определенные закономерности развития древних этносов Центральной части Евразии и сделаны ряд научных открытий (Outram, Zaibert et al., 2009; Outram, 2017), позволившие реконструировать основные особенности историко-культурного развития в степной зоне.

В Урало-Иртышском Междуречье начало продуктивной экономики связано со скотоводством (коневодством). В условиях обширного ареала обитания, охватывающего две-три ландшафтные зоны (полупустыня, степь, лесостепь), освоение и утилизация последних требовала значительные энергетические ресурсы. Отношения человека и окружающей среды носили разносторонний характер и направленность. Это обеспечивало динамичный ритм развития общества. Однако, обусловленная средой и уровнем производительных сил, экстенсивность экономики не способствовала в степях созданию устойчивых оседло-земледельческих структур, подобных цивилизациям на Востоке.

Культурно-хозяйственный тип, сложившийся в эпоху энеолита в Урало-Казахстанских степях, можно определить как оседлый многоотраслевой, с доминантой коневодства (ранние коневоды). Определенную роль в жизнеобеспечении играла охота, с использованием верховой лошади, рыболовство, домашние промыслы.

Изменение характера экономики в энеолите региона в IV-III тыс. до н.э. обусловлена взаимодействием трех основных факторов: природно-экологического, социально-формационного и культурно-мировоззренческого. В процессе этих контактов формировался новый ХКТ и образ жизни в целом (Кадырбаев и др., 1980; Масанов, 1984).

Ботайская кормовая база для коневодства разнообразна. Это, прежде всего большое количество водных источников, насыщенность почв минеральными солями в определенной степени оказали влияние на экстерьер и породные качества лошади.

В степных экологических нишах табуны лошадей обитали локально в радиусе 150-200 км, за счет зонального (по вертикали) использования кормовой базы в течение года. В зимнее время утилизовалась растительность на открытых степных участках (полынно-злаковая), ранней весной - на северных склонах балок, оврагов, долин, южных склонах сопок (кустарниковая, жестко-

стеблевидная), в летне-осеннее время использовались степные пойменно-луговые участки. Поэтому движение табунов носило радиально-круговой или ограниченно-радиальный характер.

Взаимодействие социосистем с биосферой в данных экологических нишах на первых этапах носило, не нарушая иерархическую структуру экологической ниши, адаптивный характер. Об этом говорит факт выбора поселений в зоне обитания крупных табунов лошадей. Жизнеобеспечение осуществлялось различными формами добычи и производства: охотой на лошадей и других животных, рыболовством, собирательством, переработкой животноводческого, охотнического и рыбного сырья.

На первый план в многоукладной системе хозяйствования выходит скотоводство (коневодство) экстенсивного типа. Оно прошло в своем становлении два этапа: - приручение и доместикацию. К моменту кризиса неолитического уклада, человек имел уже опыт приручения лошадей. Этому способствовали биологические данные лошади (Зайберт и др., 2012). Главное, что произошло в процессе приручения лошади, было то, что оседлый рыболов и охотник стал наездником и, что с этого момента лошадь стала не только объектом труда (питанием), но и предметом труда и средством производства. Вот почему дальнейшая доместикация лошади осуществлялась не только с целью ее использования в пищу, но и как средство передвижения в качестве верхового и транспортного средства (Зданович и Зайберт, 1989).

Доместикация лошади в энеолите региона отличалась от начального этапа приручения в неолите, прежде всего тем, что человек "сидя на лошади", контролировал не единичных, пойманных в процессе охоты, животных, а часть "диких" табунов. Контроль заключался в ряде мер. В первую очередь человек решил проблему устранения природной агрессивности лошади через кастрацию жеребцов и ремонт косяков.

Определенное вмешательство человека в условия формирования косяков и табунов не изменило условий обитания лошади, они остались прежними. Основная масса животных, за исключением дойных кобылиц, верховых (меринов) и жертвенных коней, выпускалась на волю, в степь, в зону обитания.

При необходимости наездники отгоняли от табунов часть косяка, загоняли в загоны фактически диких лошадей и производили забой их или ремонт.

Табунная форма коневодства сохранилась до настоящего времени именно там, где сохранились близкие древним условия для лошади - в Башкирии, Казахстане, Монголии, Хакассии (Барменцев, 1958; Баскин, 1975).

Как происходило взаимодействие внутри многоукладного хозяйства ботайцев? Оно регулировалось социальными потребностями и состоянием биосферы и гидросферы. При возрастании роли рыбного и охотничьего промыслов (благоприятная для этих промыслов обстановка био- и гидросфер) уменьшается доля мясного рациона обеспечиваемого лошадьми, и наоборот - при экстремальных условиях для присваивающих форм добычи увеличивалось потребление домашних лошадей. В этнографии хорошо известна многовековая традиция скотоводов в распределении характера пищи по временам года: весной-летом - молочно-растительная, рыбная; осенью-зимой - молочно-мясная. Однако в экстремальные годы привычная смена характера пищи могла смещаться в ту или иную сторону.

Смена "меню" происходила динамично в процессе утилизации различных ландшафтных и климатических районов в рамках зоны обитания ботайцев. Весной часть ботайцев уходила с лошадьми в юго-западном, согласно розе ветров, направлении от Кокчетавских сопок в Верхнее Приишимье и Притоболье на каштановые и песчаные почвы, которые ранней весной освобождались от снега. Здесь ненадолго оживали многочисленные речки и озера с временным стоком. В это время все больше употреблялись в пищу продукция охоты и рыболовства, широко использовалась и молочная пища. К осенне-зимнему периоду, когда ботайцы собирались в поселках, возрастала роль мясной продукции, так как начинался забой лошадей. Археологически это подтверждается обилием артефактов, относящихся к сфере домашних промыслов и формам хозяйства как на стационарных круглогодичных поселениях типа Ботай, Красный Яр, так и на сезонных, весенне-летних стоянках типа Терсек, Кожай, Соленое озеро и других.

В конце III - начале II тыс. до н.э. с усилением аридизации во многих районах Евразии нарушились ландшафтные, гидрологические, температурные режимы. Это вызвало кризис во многих экосистемах и экологических нишах. Поскольку хозяйство древних людей носило экстенсивный характер, то оно избирательно оказывало отрицательное воздействие на различные факторы биосферы, и ослабленные связи в иерархической структуре экологических ниш приводили к кризису последней. Именно в этом заключалась роль социального фактора в судьбе окружающей среды. В

конце Ш - начале II тыс. прослеживаются массовые передвижения по территории Евразии индоиранцев и арийцев, угров и самодийцев, уральских и алтайских этносов.

Сама природа как бы притягивала, обнадеживала, дарила и требовала обратно от человека внимания, доброты, самоотверженности. На протяжении нескольких тысячелетий от мезолита до современности, на этой территории мы "наблюдаем" открытия, смелые эксперименты, зачатки городской цивилизации, резкий и сильный всплеск производящей экономики, а также, следы деградации, исторические провалы. Объясняется это многими причинами и, прежде всего, уровнем взаимодействия природы и общества, характером ноосферы. И в первобытную эпоху, и в недалеком историческом прошлом, характер воздействия общества на окружающую среду носил экстенсивный характер. Поэтому прогресс в развитии производительных сил общества происходил до тех пор, пока природа способна была давать обществу энергетические ресурсы без восполнения затрат. Даже в космическую эру Урало-Иртышское междуречье входит в зону "рискованного земледелия". Но на мой взгляд, это понятие имеет силу в применении к хозяйствам, ориентированным на экстенсивные формы земледелия (например, опыт " поднятия целины"), еще широко практикуемые в Казахстане в Западной Сибири, Зауралья.

Литература:

Баскин Л.М. Поведение копытных животных. М., 1975.

Барминцев Ю.Н. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата 1958, - 65с.;

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: Алматы. Изд-во «Балауса», 2011. 480 стр.

Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Тюлебаев А. Ж. Атбасарская культура – материалы и исследования по археологии Казахстана. 2012. Том 1, Астана. 352 стр.

Зданович Г.Б., Зайберт В.Ф. Основные закономерности становления хозяйства производящего типа в Урало-Казахстанских степях. // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. 70-83 стр.

Кадырбаев и др. Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. Алма-Ата: Наука, 1980. –323с.

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII-XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984. – 175с.

Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed. The earliest horse harnessing and milking. Science: Vol. 323, no. 5919. Pp. 1332-1335

Alan K. Outram. An overview of International Research Collaboration at Botai. Альманах, 1 (1-2), 2017. 47 стр.

Резюме

В данной статье рассматривается феномен энеолитической Ботайской культуры Северного Казахстана. Важным аспектом данной культуры является специфическое экономическая направленность, связанная с развитием коневодства. В Урало-Иртышском междуречье сложилось степная скотоводческая экономика.

Summary

This article examines the phenomenon of the Eneolithic Botaya culture of Northern Kazakhstan. An important aspect of this culture is the specific economic direction associated with the development of horse breeding. Steppe cattle-breeding economy developed in the Ural-Irtysh interfluve.

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы,
Мамедов А.М.,
Центр исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия, Актобе,
Дуйсенгали М.Н., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б.,
Областной историко-краеведческий музей, Актобе,
Жанузак Р.Ж.
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Алматы.

УДК 930.26(3).1

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ПРИАРАЛЬСКО-МУГАЛЖАРСКОГО РЕГИОНА В 2015-2017 гг.

Ключевые слова: Сарматы, Западный Казахстан, Илекский локальный микрорайон, Приаральско-Мугалжарский регион, Шпаки, Кураша, скифский звериный стиль.
Түйінді сөздер: Сарматтар, Батыс Қазақстан, Елек жергілікті ықшам ауданы, Арал маңы – Мұғалжар аймағы, Шпаки, Құраша, скифтік аң стилі.
Keywords: The Sarmatians, Western Kazakhstan, Ilek local microdistrict, Priaral-Mugalzhar region, Shpaki, Kurasha, Scythian animal style.

Сотрудниками Актюбинского областного историко-краеведческого музея совместно с представителями Института археологии им.А.Х.Маргулана КН МОН РК в 2015 - 2017 гг. осуществлялись исследования по территории Актюбинской области в рамках гранта Министерства образования и науки РК 2985/ГФ4 «Динамика формирования культур и миграционные процессы эпохи раннего железного века и средневековья Приаральско-Мугалжарского региона». Некоторые результаты полевых исследований памятников ранних кочевников изложены в данной работе. В географическом отношении территория Актюбинской области состоит из Северного Приаралья, восточных и западных отрогов Мугоджар (современное название – Мугалжары). Поэтому, использование термина «Приаральско-Мугалжарский регион», при рассмотрении памятников различных эпох вполне оправданно. В данное понятие включается территория севернее Аральского моря, с рядом последовательно сменяющих друг друга географических зон – степи, полупустыни и пустыни. Территория протяженна в широтном и меридиональном направлении практически на 500 км. Присутствует разветвленная гидросеть, горная система Мугалжар, реликтовые пески Оркаш, Баркын, песчаные массивы Большие и Малые Барсуки, Нуринские разливы. Богатство и вариативность географических ниш предполагает широкий диапазон памятников, что подтверждается как существующими, обнаруженными и исследованными, так и малоизученными, информация о которых поступает со случайными находками и сборами. Отчетливо прослеживается деление на четыре географических микрорайона с привязкой к гидросети – основному аспекту жизнеобеспечения кочевников – Илекский, Уило-Кобдинский, Темирско-Эмбенско-Сагизский и восточный – Орь-Иргизский. Речные направления так же являлись факторами разграничения кочевий, оконтурившая границы этнических и политических объединений. Магистральная река Северного Приаралья (Актюбинской области) - Илек со своими притоками проходит в северном направлении, постепенно смещаясь к западу, к месту впадения в Урал и является первым центральным микрорайоном Приаральско-Мугалжарского региона.

Второй микрорайон - Уило-Кобдинский, западный, охватывающий два административных района Актюбинской области, Кобдинский и Уилский и северную часть Байганинского района. Река Большая Кобда течет в меридиональном направлении, Уил по большей части в широтном, но в целом они представляют собой единый географический комплекс, что подтверждается данными этнографии. Третий микрорайон, Темирско-Эмбенско-Сагизский, находится в центральной части Актюбинской области, в ее южной половине. Трудности создает присутствие контрактных территорий нефтедобывающих компаний. Территория богата памятниками различных эпох, охватывает площади Мугалжарского, Темирского и северную часть Шалкарского районов. Микрорайон рассекают горы Мугалжары, тянущиеся с севера на юг. Это продолжение Уральских гор в современной географической традиции обозначается как условная граница Европы и Азии. Хотя, сами по себе горы, не являются труднопреодолимым препятствием, как на памятниках, так и на

природных аспектах прослеживаются определенные различия в восточной и западной частях микрорайона. Указанный момент может обусловить выделение в группе исследуемых памятников локальных вариантов. Четвертый микрорайон обозначен как Орь-Иргизский и охватывает юго-восточную часть Актюбинской области, проходя по территории современных Иргизского, Хромтауского и Айтекебийского районов. Район характеризуется как и Уило-Кобдинский переходом от степи к полупустыне, но представляет собой Восточные Мугалжары, с выходом на Нуринские разливы.

Исследование памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона (Актюбинской области Республики Казахстан), осуществлявшее ранее в период до 1991 года, далее с перерывами по 1996 г. и регулярно с 2006 по 2017 гг. позволяет говорить о том, что они представляют собой обширный пласт материалов по истории и культуре населения второй половины I до н.э. – первых веков нашей эры, который наиболее перспективно проводить не только путем сравнительного анализа по выделенным микрорайонам, но и по хронологическим группам, соответствующим смене доминирующего населения, по имеющимся на сегодняшний день разработкам. Расположение региона в центральной части пояса степей Евразии накладывает на характер памятников свой отпечаток. Присутствуют черты в погребальном обряде и элементах материальной культуры, присущие кочевым группам соседних территорий – лесостепного Зауралья, Нижнего Поволжья, Башкирии, Южного Приаралья, позволяющие судить о характере и интенсивности контактов, различных по направленности связях, культурном обмене. Территория региона, при значительной площади, пока еще слабо изучена, и является весьма привлекательной для дальнейших масштабных исследований.

Площадь Актюбинской области Республики Казахстан составляет более 300 тыс. км². Вторая по площади административная единица, представляет восточную половину крупного региона – Западного Казахстана, гранича с такими регионами как Центральный и Северный Казахстан. Она расположена между Прикаспийской низменностью на западе, Туранской на юго-востоке, плато Устюрт на юге и долиной р.Урал на севере. Находясь в глубине Евразии, Актюбинская расположена в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугалжарским горам, реке Эмбе и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря – озера. Природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба – очевидны, ландшафты резко приобретает азиатский характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). На рассматриваемой территории прослеживаются последовательно сменяющие друг друга ландшафтные зоны – лесостепная, степная, полупустынная. Зона пустыни в виде песков Больших и Малых Барсуков, наблюдается в Северном Приаралье. Небольшая по площади, без четко выраженной южной границы, вдающаяся в степь отдельными островками, северную часть рассматриваемого региона занимает лесостепь. Реликтовое урочище, со сосредоточением колков Уркач (Оркаш), уходит глубоко в степь, в районе стыка Илека, Эмбы и Ори (Чибилев, 1987, с.86-103).

Современный рельеф Приаральско-Мугалжарского региона представлен чередованием плато, возвышенностей, речных долин и относительно пониженных равнинных пространств, тем самым представляет собой холмистую (возвышенно - волнистую) равнину. Наиболее приподняты северная и центральная части (300-600 м), понижены западная и юго-восточная (100-200) части области. Хотя средняя высота территории области - 250-300 м над уровнем моря, рельеф ее разнообразен и отличается следующими показателями расчлененности: горизонтальной до 2-5 км/км2 и вертикальной до 20-50 м. Максимальной абсолютной высоты (657м) достигает гора Большой Боктыбай в Мугоджарах, минимальной – впадина Карагие (-132м) (Агроклиматический справочник, 1960).

Ярко выраженная аридность и континентальность климата, нарастает с севера на юг и с запада на восток. При развитии кочевого скотоводства в его локальных и региональных вариантах, важное значение приобретает гидросеть, ее густота, насыщенность и обеспечение потребностей кочевого хозяйства по полному циклу. Поверхностные воды региона состоят из водотоков (постоянных и временных), бессточных озер, искусственных водоемов. Реки принадлежат к внутренним замкнутым бассейнам Каспийского и Аральского морей. Характер гидрографической сети, режим и сток рек региона существенно зависит от широтной зональности климата и ландшафтов. В связи с дефицитом влаги, особенно, в пустынных районах, поверхностный сток мал, речная сеть разрежена, а реки маловодны. С ландшафтно-климатической зональностью связана неравномерность густоты речной сети. В степной зоне она равна 0,1-0,5 км/км2, в пустыне - снижается до 2 м/км2 и даже до 0 (Физическая география РК, 1998, с.79).

Еще одним важным фактором, напрямую связанным с гидрографическими условиями, и оказывающим самое непосредственное влияние на динамику скотоводческого хозяйства, демографические аспекты (насыщенность или дисперсность в локализации кочевых группировок) является объем биомассы растительного покрова. Распределение растений и самой растительности подчинено общему закону горизонтальной и вертикальной зональности. По растительному покрову Приаральско-Мугалжарский регион содержит элементы трех зон. На севере проходит зона настоящих степей, значительная средняя часть региона включается в зону пустынных степей или полупустынь, южная часть находится в зоне пустынь.

Обрисованные природно-географические характеристики рассматриваемого региона оказывали важнейшее влияние на особенности и количественный состав памятников ранних кочевников. Оформление природно-климатических данных в тех чертах, что мы наблюдаем сегодня, отразилось на хозяйственных занятиях населения, выразилось в формировании пастбищно-кочевой системы (Акишев, 1972, с.31) – основы экономики номадных обществ. Собственно, у кочевых образований на левом берегу Урала в VI-IV вв. до н.э. сложился крупный племенной союз, консолидирующая группа (элита) которого, избрала местом своего обитания среднее течение магистральной артерии, по обоим берегам наиболее крупного левобережного притока. Иллюстрацией этому служат яркие комплексы Кырык Оба, Лебедевка, Покровка и т.д. Особенность данной ситуации была подмечена К.Ф.Смирновым, вынесшим географическую локализацию в название монографии (Смирнов, 1975). О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона ранее неоднократно упоминалось в археологической литературе, определенные итоги исследований на период рубежа XX–XXI веков были подведены С.Ю.Гуцаловым, которым была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» (Гуцалов, 2004 с.4).

Вероятно, именно, адаптирование человека в сложных условиях, привело к созданию максимально эффективной экономики, сообразно окружающей среде, и в конечном итоге выразилось в увеличении численности населения в середине I тыс. до н.э. Памятники ранних кочевников по территории левобережья Урала численно доминируют над памятниками других эпох. Занимая возвышенные территории – гребни водоразделов, вторые надпойменные террасы, платообразные возвышенности, археологические объекты ранних кочевников образуют комплексы памятников от одиночных и парных курганов, до могильников с сотнями насыпей. Картографирование выявленных памятников ранних кочевников в рассматриваемом регионе позволяет провести предварительное районирование, вычленение группы микрорайонов, привязанных к бассейнам степных рек левобережья Урала. В перспективе направление исследований будет ориентировано на сравнительный анализ между вышеуказанными микрорайонами. На территории обозначенных микрорайонов присутствуют свои элитарные группы памятников, являвшиеся, соответственно, консолидирующими центрами племенных группировок в рамках пастбищно-кочевой системы.

Наиболее многочисленные памятники раннего железного века приурочены к Илекскому бассейну, что объяснимо с позиций природно-географического характера. Илек – магистральный, левобережный приток Урала, несущий свои воды по меридиану, и таким образом, максимально комфортен для кочевания с севера на юг вдоль его берегов. Он полноводен и сам имеет богатые притоки, способные обеспечить жизнедеятельность больших скотоводческих коллективов.

Курган Кураша I, исследовавшийся в 2015 году, расположен на территории Мартукского района Актюбинской области Республики Казахстан в 14,7 км к северо-западу от пос. Петропавловка и в 11 км к востоку от пос. Родниковка. В географическом отношении курган относится к Илекскому микрорайону и располагается на водоразделе к северу от балки Кураша – правого притока р. Жаздыбай (приток р. Жаксы-Каргалы). Впервые он был обнаружен в 1988 г. археологическим отрядом Актюбинского педагогического института под руководством С.Ю. Гуцалова. На момент фиксации курган представлял собой земляную насыпь расплывшейся в результате длительной распашки формы диаметром 40 м и высотой 1,3 м от уровня дневной поверхности. У северо-восточного и юго-западного основания кургана прослеживались пологие ровики. В результате ежегодных сельскохозяйственных работ, внешний облик памятника подвергся значительным изменениям: насыпь кургана была снивелирована, вершина уплощена, ранее прослеживаемые примыкающие ровики не наблюдались. Современный диаметр кургана в ходе проведения исследования составил 31 м, высота 1,2 м. В процессе снятия насыпи были обнаружены фрагменты деревянного столба, являвшегося элементом конструкции кургана. Вокруг погребальной площадки, на расстоянии 6,53 м от условного центра кургана, находился вал, окаймлявший ее. Средняя ширина

вала составляла 3 м. Под курганной насыпью было обнаружено два погребения. Погребение №1 находилось к северу от условного центра под глиняным валом (Фото 1 - 1). Погребение №2, являвшееся основным, располагалось в центральной части погребальной площадки. (Фото 1 - 2).

Могильная яма представляла собой дромосное захоронение глубиной 240 см. Яма также оказалось богатой на находки разнообразных предметов, в том числе и культовых. В юго-западной части дна погребения, на глубине – 2 м 40 см, был обнаружен костяк №1 плохой сохранности, предположительно результат деятельности грызунов. Костяк представлял собой частично сохранившийся скелет человека. У правой руки усопшего был расположен железный акинак. Также в яме были обнаружены золотые накладки, бронзовое зеркало, каменный алтарь, бронзовые наконечники стрел, в количестве 183 штук. (Рис. 1). Оригинальными предметами, происходящими их данного памятника являются железная обойма с золотой аппликацией и крупный образец каменного жертвенника на трех ножка (Рис.1 – 1). Данная железная обойма была обнаружена справа от костяка №1. Рядом находились фрагменты железного ножа плохой сохранности, железные поясные пряжки, покрытые желтым металлом. Обойма представляло собой железное изделие подквадратной формы с длиной сторон 60х65 мм. Лицевая сторона изделия плакирована листовым золотом художественно оформленного в зверином стиле (Рис. 1 – 3). Подобная категория находок является достаточно редкой для территории Южного Приуралья и во многих случаях выступает одним из хронологически диагностирующих предметов, позволяющих выделить реперные погребения с узкой датировкой Один из первых исследователей образа оленей - М.П.Грязнов, по материалам Саяно-Алтайского региона выделил две стилистические группы: ранняя и поздняя. Первая из них охватывает VII-V вв. до н.э., а вторая датируется V в. до н.э. и заканчивается немного позже. В раннюю группу М.П.Грязнов включает три варианта изображения оленя: стоящий «на цыпочках», лежащий с подогнутыми ногами, в стремительном беге (Грязнов, 1978, с.226).

Изображение оленя, на курашинской обойме, своеобразно представлено с трикселовыми орнаментами. Олень лежит с подогнутыми ногами, голова расположена на одном уровне с туловищем, морда опущена вниз. Бедро оленя отмечено рельефным узором – завитком. Максимально подчеркнуты в данном изображении область головы и рогов. Также на лицевой стороне изделия прослеживается изображение еще одного животного,предположительно являвшееся уменьшеной копией основной композиции. Полноценное рассмотрение второго изображения было затруднено сильно коррозированной железной основы рассматриваемой обоймы. Голова оленя читается в этой композиции совершенно явственно, остальная часть, если присмотреться составляет сложную головоломку, включающяя в себя несколько зооморфных образов (завершение отростков рогов птичьими головками). По утверждению Е.Ф. Корольковой такой феномен характерен для скифо-сибирского звериного стиля, особенно в V в. до н.э. (8,стр.44). Данная обойма, также как и оригинальная курильница (Рис. 1 – 2,4) отдельно рассматривались в литературе (Серик, Амелин, 2016, с.182-184; Краева, 2016, с.176-180).

В центральной части погребения был обнаружен каменный алтарь округлой формы, на трех ножках и с бортиком. Сохранность алтаря плохая, по всей видимости, был преднамеренно расколот на множество частей. Диаметр алтаря составил 34 см, высота – 23,5см, высота ножек – 17-17,5 см, размеры ножек – 4,1-4,2х5-5,7 см, ширина бортика – 1,5-1,8см, глубина чаши – 2,8 см. Каменный алтарь оформлен в зверином стиле, по его бортику идут изображения голов птиц, чередующиеся с изображением головы хищника (волка?). Ножки предмета представляют собой такие же головы хищников, что и на бортике, но исполненные более детализировано. Образы птиц достаточно редко встречаются в оформлении жертвенников. Единственной близкой аналогией будет изображение головы грифона на алтарике из погребения 2 курган 1 могильника Биш-Уба I (Васильев, 1998, с.25-43, рис. 7, 8), однако стилистически данные образы совершенно разные. Каменный алтарь-жертвенник из кургана Кураша I исполненный в традициях камнерезного искусства второй половины VI–IV вв. до н.э., представляет собой предмет религиозно-культового назначения, подчеркивающий социальный статус погребенных, которых он сопровождает. Данный жертвенник отличается от большинства экземпляров, происходящих из Илекского микрорайона, внушительными размерами, материалом, стилистическими особенностями исполнения и общим обликом. В дальнейшем представляется перспективным изучение образцов каменных жертвенников-алтарей, а также других категорий инвентаря и элементов погребального обряда в сравнении между выделенными локальными микрорайонами Приаральско-Мугалжарского региона. Обнаруженные в погребениях предметы, кроме хронологической позиции комплекса, позволяют проводить исследования культурологического, технологического, семантического направлений. Такими предметами, достаточно часто встречающимися в погребениях указанного времени, несущими многостороннюю

информацию религиозно-семантического характера, являются каменные жертвенники-алтари, изделия с элементами изобразительного искусства.

В полевом сезоне 2016 года проводились исследования на могильнике Шпаки II, расположенном в Каргалинском районе Актюбинской области, ближе к землям Родниковского сельского округа Мартукского района. Впервые памятник был обнаружен археологической экспедицией Актюбинского областного историко-краеведческого музея в 1977 году под руководством В.В. Родионова. Могильник эпохи ранних кочевников подвергался ранее в течение длительного времени и на момент его исследования систематической распашке, так как находится на обрабатываемом поле активно действующего крестьянского хозяйства. На этапе начала раскопок размеры курганных насыпей значительно отличаются от указанных в отчете и первой редакции паспорта, составленных во второй половине XX века. Общая высота насыпей уменьшилась почти в два раза, потеряв так же первоначальную форму. На момент выявления памятник состоял из 4 курганов, расположенных на пашне, на вершине водораздельного плато в 2-х км к югу от родника Шпаки и в 3-х км к юго-востоку от могильника Шпаки I. В тот же год В.В Родионовым были произведены раскопки кургана №2. После снятия насыпи были обнаружены две могилы, расположенные в 40 см. друг от друга: центральная размером 1,9м. х 0,8 м. и северная, размерами 1,8м. х 0,6м. Могилы оказались ограбленными в древности. Значительная часть вещественного материала отсутствует, за исключением кольцевой подвески с ушком из круглой проволоки, сечением несколько больше 2 мм и диаметром 2-2,1 см.

По оценке ситуации в 2016 г. было принято решение провести археологические исследования курганов №№ 3 и 4, максимально пострадавших от антропогенного воздействия и находящихся под угрозой полного нивелирования насыпи, как большинство археологических объектов, находящихся на полях крестьянских и фермерских хозяйств. Кроме того, курган №3 стал «полигоном» для отработки новых подходов в фиксации полевого материала и попытке создания в будущем трехмерной модели кургана. Так как в последнее время стало актуальным применения современных технологий 3D для фиксации процесса и результатов археологических раскопок. Подобный метод фиксации является достаточно удобным и позволяет получить более полные сведения об объекте. Создаваемая в ходе раскопок виртуальная трехмерная модель позволяет зафиксировать и сохранить качественно больший объем информации о пространственных характеристиках исследуемого археологического объекта (геометрию, текстуру и структуру в некоторой трехмерной системе координат), чем текстовое описание, чертежи и фотографии и отличается максимальной наглядностью, так как создают «эффект присутствия» при ознакомлении с материалом. Курган №3, на котором было принято решение апробировать новый метод фиксации, был расположен в центральной части могильника. Имел сильно распаханную насыпь, диаметром около 22 метров и высотой менее одного метра, на поверхности без выходов камня или дерева. Однако для достоверного выяснения структуры наспыпи было принято решение заложить в насыпи семь шурфов, расходящихся в радиальном направлении от центра, охватив весь его периметр. В результате закладки шурфов удалось проследить и сохранить главный элемент подкурганной конструкции – глиняный вал, насыпанный из материковой желтой глины, его высота и размеры. После чего выборка грунта осуществлялась до начала вала с применением ковшового погрузчика Liu Gong, с шириной ковша 3,5 метра. Для выявления стратиграфических аспектов, по направлению север-юг были оставлены две параллельных стратиграфических бровки шириной 70 см., разбитые на отрезки длиной 50 см. После необходимых процедур фотофиксации и отрисовки, грунт, составлявший стратиграфические разрезы, так же был вынесен за пределы раскопа, с полным сохранением глиняного вала овальной формы, порядка 14,5 м в диаметре. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала была установлена в южной части 1,2 м. Поверхность вала представлена светло-желтым суглинком с примесью песка. Грунт, заполнявший могильные ямы исследуемого кургана, также выносился за пределы раскопок, в результате чего была получена общая картина погребальных действий, по отношению, к основному погребению №2.(Фото 2 - 1).

При выполнении данного способа фиксации материала в первую очередь проводится подробная съемка объекта со всех сторон под разными углами. Зоны фотографирования на каждом последующем снимке должны перекрываться не менее чем на 70%. Таким способом можно обрабатывать данные, касающиеся небольшого объекта. Что же касается кургана, тут съемка всего объекта проводится по всей окружности кургана под углом приблизительно в 45%; а замеры производятся с применением лазерного тахеометра и маркирования объекта, что позволяет получить точные данные относительно размеров (высоты, глубины, длины и т.д.) объекта. Съемка

производилась тахеометром Nikon NPL-322 5. Перед снятием грунта и оставлением двух параллельных друг к другу бровок курган был маркирован 80-ю точками образующие множество квадратов. По маркерам была проведена детальная тахеометрическая съемка поверхности кургана №3. Фотосъемка поверхности кургана производилась с маркерами для последующей обработке и сопоставления фотографии и топографического плана в программе Autodesk 3ds Max. После снятия насыпи кургана для изучения подкурганной конструкции, как важного элемента погребальной обрядности ранних кочевников, был достигнут уровень залегания желтого глиняного вала, опоясывающий площадку с ямой. Стратиграфия бровок была полностью маркирована и визуально поделена на 7 составных частей шириной по 50 см с юга на север, для более тщательного исследования структуры профиля. По маркерам произведена тахеометрическая съемка и фотосъемка. После фиксации были полностью удалены стратиграфические разрезы и отдельно отснят земляной вал, который был нами маркирован 50-ю точками. На данный момент осуществляется обработка материалов, согласно последовательности, направленной на создание 3D-модели. В перспективе применение 3D технологий при исследовании могильника Шпаки II является возможность получения с помощью 3D принтера их точной трехмерной копии. Уменьшенные копии-макеты как самого кургана, так и основного погребения можно включить в состав музейной экспозиции.

В результате полного выбора грунта был сохранен и полностью прослежен основной элемент подкурганной погребальной конструкции - земляной вал овальной формы в диаметре составилявший 14,5 м. Максимальная ширина вала была зафиксирована в северо-западной части и составила 2,3 м. Наиболее узкая ширина вала была установлена в южной части 1,2 м. Поверхность вала представлена светло-желтым суглинком с примесью песка. Погребение №1 было врезано в основное погребение (№2), в центральной части кургана (в 50 см к западу от условного центра). На поверхности погребения прослеживалось надмогильное сооружение из камней прямоугольной формы со скругленными углами. Камни различных форм и величины были углублены в материковую почву. Высота сооружения от уровня материка составила 65 см, длина 1,8 м, ширина 97 см. В процессе вскрытия погребения, на дне, был расчищен скелет взрослого человека, головой ориентированного на ЮЮЗ. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Вещевой материал захоронения весьма скуден и представлен фрагментом железного изделия, разрушенным сосудом, фрагментом железного изделия и акинаком. Длина акинака составила 27 см. Перекрестие – бабочковидное, вид навершия меча установить не удалось, в виду сохранности. Лезвие сужалось от рукояти к острию. Ширина лезвия у перекрестия – 3 см, длина – 22 см. Ширина рукояти достигает – 3 см, длина – 5 см.

Погребение №2 располагалось в центральной части кургана и являлось основным. Общие размеры могильной ямы составили 3,8 х 3,1 м., глубина 1,5 м. Над могильной ямой зафиксированы остатки деревяного перекрытия. Длина перекрытия составила 3,2 м., ширина – 2,7 м. В результате вскрытия перекрытие оказалось продавленным внутрь на 1,12 м., и представляло собой конус вершиной вниз. В процессе вскрытия на дне погребения были зачищены хорошо сохранившиеся скелеты мужчин (Фото 2 - 2). Оба костяка имели ориентир на восток, руки вытянуты вдоль туловища, ладони направлены вниз. В северной части погребения, у стенки были обнаружены кости МРС и лошади. После тщательного исследования дна погребения под костями был обнаружен фрагмент железного предмета, плохой сохранности. Также на дне погребения вдоль подножия прилегающей восточной стенки могильной ямы были зачищены кости лошади. Между костяками животных зафиксированы два керамических сосуда различной сохранности. Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Высота сосуда составила 10,7 см., диаметры: венчика 8 см., донца 7,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 11,2 см. Второй сосуд был разрушен при завале могильной ямы.

Схожие керамические сосуды были найдены между костяком №2 и костями МРС (обнаруженных вдоль подножия юго-восточной стенки) Первый сосуд имел яйцевидное тулово и плоское дно. Горло сосуда средней высоты, прямое, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда следующие: высота – 19,3 см., диаметры: венчика – 9 см., донца – 11 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 15 см. Второй сосуд также имел яйцевидное тулово и плоское дно, прямое, но низкое горло, и слегка отогнутый по краям венчик. Высота изделия – 18,7 см., диаметры венчика – 9 см., донца – 8,5 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 11,5 см. Вдоль подножия южной стенки погребения были зачищены кости лошади. Между костями животного и левой рукой №2 костяка, на уровне локтя, был зафиксирован фрагмент железного изделия, вероятнее всего ножа, и игла, сделанная из кости. Длина иглы 7,2 см., диаметр сечения 4 мм. У тазовой кости костяка №2 зафиксирована варворка, конусовидной в продольном сечении формой. Ворворка была зачищена и на уровне ладони левой руки костяка №1. Варворка конусовидной формы, выполнена из железа, длина

составила 5,3 см., диаметры оснований - 3,2 см. и 1,2 см. На уровне ладони правой руки костяка №2, в 10 см от нее, зафиксирован колчанный набор: наконечники стрел в количестве 26 штук и колчанный крюк, выполненный из железа диаметром в сечении 2,5 см. Также на уровне ладони левой руки в 10 см были обнаружены бронзовые наконечники стрел в количестве 40 штук. Наконечники хорошо сохранились и представляли совокупность различных видов: трехлопастные с выступающей втулкой, трехлопастные с внутренней втулкой, с выступающими шипами, трех и двугранные втульчатые.

На левой части тазовой кости костяка №2 лежал амулет из кабаньего клыка. При тщательном рассмотрении клыка были замечены следы обработки. Непосредственно у ладони (этого же костяка) был найден костяной предмет, выполненный в зооморфном стиле. Длина изделия 29,5 см., диаметр сечения 1,8 см. На концах предмета прослеживаются украшения скульптурами волка с оскаленной пастью. На одном из концов видны следы сильной потертости (Рис. 2 – 1). На тазовых костях обоих костяков были зачищены железные ножи-кинжалы хорошей сохранности, имитирующие стандартное расположение в ножнах. Они имели определенное различие в размерах, но в остальном прослеживается сходство. Общая длина кинжала у костяка №2 составила 28 см. Лезвие в длину составляет 17 см., ширина у перекрестия – 3,5 см. Перекрестие бабочковидное. Длина рукояти - 8,5 см., ширина 3,3 см. Навершие брусковидное.

Курган №4 был расположен в центральной части могильника, на расстоянии 60 м. к востоку от кургана №3. Курган в диаметре 28 м, высотой 0,73 м. По форме в плане насыпь приближалась к окружности. Для фиксации стратиграфии по направлению север-юг были оставлены 3 параллельные бровки шириной 70 см. Для выявления конструкции кургана было принято решение заложить в насыпи 6 шурфов перекрестным способом, охватив весь его периметр. В ходе снятия насыпи кургана в центральной траншее были прослежены останки деревянной конструкции, сожженной еще в древности. Поверх конструкции также находились останки каменной выкладки. Скорее всего, разброс камней, образовался в результате антропогенной деятельности. Также в центральной траншее были обнаружены фрагменты керамических сосудов и пряслице, выполненное из керамики. В центральной части кургана были обнаружены кости МРС. Помимо костей животных, в насыпи фиксировались и кости человека (Фото 3-1).

Погребение №1 было обнаружено в 3 м к северу от основного погребения кургана. По форме яма приближалась к прямоугольнику со скругленными углами, длинной осью ориентированной по линии запад-восток. Общие размеры ямы - 2,3х 1,72 м, глубина 0,83 м. На глубине 35 см от уровня поверхности материка были зафиксированы останки деревянного перекрытия, вероятнее всего обрушенного еще в древности. Значительная часть его перемешалась с засыпью могилы, по причине чего проследить конструкцию не удалось. При вскрытии погребения, на глубине 83 см от уровня поверхности материка был зачищен хорошо сохранившийся скелет женщины. Голова покойной ориентирована на запад, ноги находились в вытянутом положении. Левая рука вытянута вдоль туловища. Правая рука была согнута в локте, таким образом, огибая жертвенник, находившийся между рукой и туловищем усопшей. Жертвенник выполненный из камня серого оттенка, имел длину - 18 см, ширину – 10 см, глубину чаши – 1,8 см, ширину бортика – 1,3-1,5 см, две ножки цилиндрической формы с диаметром основания – 5,5 см, высотой 6 см (Рис. 2 - 2).

На дне ямы, у северо-восточной части стенки были зачищены жертвенные камни неправильной формы, выложенные в пирамидальную конструкцию. На вершине конструкции находилось каменное пряслице, в продольном сечении конусовидной формы. У подножия конструкции был зафиксирован фрагмент венчика керамического сосуда. Под головой скелета был зафиксирован гадальный камень белого цвета, эллиптической формы. У подножия северо-западной части стенки зачищено бронзовое зеркало дисковидной формы, диаметром 11,5 см. Рукоять зеркала, вероятнее всего была обломана во время обряда захоронения усопшей. Сохранность зеркала хорошая. Под зеркалом была обнаружена Grifea. Справа, в районе шеи усопшей были обнаружены бусины. Среди них одна костяная кольцевидной формы, диаметром 5 мм, и две стеклянные прямоугольной формы, длиной 7 мм., шириной 5 мм. При более тщательном изучении дна погребения была обнаружена россыпь бусин под шеей усопшей. Слева от скелета были расчищены кости принадлежащие МРС. Часть костей находилась поверх левой руки погребенной.

Погребение №2 выявлено в 4 м к югу от условного центра кургана. В плане могила имела прямоугольную форму со скругленными углами. Длина ямы составила 3,7 м, ширина 3 м, глубина 1,95 м. В ходе спуска в погребение была обнаружена обожженная деревянная конструкция длиной 5,2 м, шириной 3,2 м. На юго-западной окраине конструкции, на уровне материковой почвы, был зафиксирован часть обломанного жертвенника. Длина чаши составила 11 см, ширина – 13см. Ножки

цилиндрической формы длиной 3-3,9 см, диаметром 5 см. (Рис. 2 – 3). На дне погребения, на глубине 1,9 м, был зачищен хорошо сохранившийся скелет мужчины. Голова усопшего ориентирована на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Левая нога была в согнутом положении. Таким образом, погребенный приобретал атакующую позу. У подножия западной стенки погребения был обнаружен хорошо сохранившийся керамический сосуд, выполненный из глины темно-серого цвета. Диаметр венчика составил 11,5 см, тулова – 18,5 см, дна 12,5 см, высота сосуда 21,8 см. У запястья правой руки были обнаружены хорошо сохранившиеся бронзовые наконечники стрел, в количестве 65 штук, представляющие собой совокупность различных типов. Под наконечниками были обнаружены костяная ложечка, длиной 12 см. и максимальной шириной 2,7 см., а также семена растения, предположительно Cannabis ruderalis. Непосредственно под запястьем усопшего, был зачищен амулет, выполненный из клыков животных. У стопы правой ноги лежали обломки керамического сосуда. Слева от предплечья погребенного был зачищен фрагмент колчанного крюка, выполненного из железа. Вдоль подножия северной стенки погребения обнаружены кости лошади. У подножия северо-восточной стенки могильной ямы была зачищена керамическая курильница плохой сохранности, темно-серого цвета (Фото 3 - 2).

Погребение №3 представляло собой прямоугольную яму со скругленными углами, общие размеры которой составляли порядка 4,6х2,96 м. Глубина погребения 1,99 м. Длинная ось имела меридиональное направление. Над погребением прослеживались останки сожженной деревянной конструкции. Целостность могильной ямы предположительно была нарушена не единожды, об этом свидетельствуют человеческие и животные кости, обнаруженные в засыпи. С южной части ямы прослеживался вход вытянутый в южном направлении. Длина составила 1,8 м, ширина 0,82, максимальная глубина 0,5 м. Засыпь дромоса, практически не отличалась от засыпи самой могильной ямы, и была представлена черноземом, смешанным с комками плотного материкового суглинка. Непосредственно у входа в яму, в северо-восточной части дромоса на глубине 50 см от уровня материковой почвы был обнаружен керамический сосуд . Сосуд имел яйцевидное тулово и округлое дно, слегка уплощенное по центру. Горло сосуда средней высоты, прямое, венчик слегка отогнут по краю. Размеры сосуда следующие: высота – 20,8 см., диаметры: венчика – 11 см., донца – 6 см. Наибольший диаметр тулова (в средней части) – 19,5 см.

Расположение описанных выше археологических объектов – могильник Кураша и Шпаки, оставленных кочевым населением в период раннего железного века, и приуроченных к бассейну среднего течения Илека, магистрального притока р.Урал, имеет свое отражение на культурно-хронологической позиции исследованных курганов. Илекский локальный микрорайон насыщен археологическими памятниками середины I тысячелетия до н.э. (Ахатов, Бисембаев, 2015, с.503-513).

Схожие с илекскими, дромосные погребения на Южном Урале появляются с конца VI – V в. до н.э. (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144-145). Л. Т. Яблонский связывает появление таких могил с приходом элитарных групп кочевых объединений с территорий лесостепного и степного Зауралья и территории Средней Азии (Яблонский, 2011, с.238). Следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений датируется в пределах конца V – IV в. до н.э.

Делая вывод из вышеизложенного можно сказать следующее - время функционирования могильников Кураша I и Шпаки II может быть определено в пределах конца VI - V вв. до н.э. Об этом свидетельствовует сопутствующий инвентарный комплекс, а именно мечи «савроматского» типа. Бабочковидное перекрестие и брусковидное навершие мечей находят аналогии в материалах курганов Акжарского и Ново-Кумакского могильников, расположенных под г. Актобе и г.Орском. Автор исследований относят данные комплексы к VI – V вв. до н.э. Лучники часто использовали такие наконечники стрелы в VI- IV вв. до н.э., причем в их колчанах преобладали такие стрелы, у которых лопасти четко отделялись от втулки, возвышаясь над ней, и края лопастей заострялись в шипы. (Смирнов, 1961, с. 15, 46-47).

Достаточно редко встречающимся предметом, свидетельствующим о времени функционирования памятника, является костяное изделие с нарезкой в зооморфном стиле. Иконографический метод предмета находит аналогии у рукояти нагайки, происходящей из кургана Черная Гора, у с. Абрамовка (Оренбургская обл.). Смирнов К.Ф. датирует данный комплекс VI в. до н. э. (Смирнов, 1961. С.97).

В культурно-хронологическом отношении новые памятники Илекского микрорайона наглядно демонстрируют идентичность процесса культурных трансформаций, происходивших в раннекочевническом обществе степной зоны Евразии. Изученные объекты подтверждают, что территория Илекского локального микрорайона (в пределах Актюбинской области) насыщена памятниками ранних кочевников широкого хронологического диапазона, особенно отрезка VI – IV вв. до н.э., когда сооружались крупные могильники по обоим берегам среднего течения Илека, эксплуатировавшиеся в течение длительного времени.

Литература:

Агроклиматический справочник по Актюбинской области.- Алма-Ата: Казахское гос. изд-во, 1960. -236 с.

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана //Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, «Наука», 1972. С.31-46.

Археологическая карта Западно-Казахстанской области. – Актобе, 2009. - 370 с. с илл.

Ахатов Г. А., Бисембаев А. А. Характеристика природно-географических условий Западного Казахстана как экониши кочевого населения раннего железного века и средневековья // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященных 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы, 2015. С.503-513.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа: НМ РБ, 1998. Вып. 1. С. 25-43.

Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.,1978. С.222-232.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск, «Полиграфсервис», 2004. - 136 с. с илл.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб, «Петербургское Востоковедение», 2006, - 272 с.

Краева Л.А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения -2016» (6-7 октября 2016 года). Актобе, 2016. С.176-180.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы, 2007. – 400 с. с илл.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Западно-Казахстанская область. – Алматы, «Аруна», 2010. – 488 с.

Серик Г.С., Амелин В.А. К вопросу об изображениях оленей в искусстве ранних кочевников // Материалы Международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования». - Алматы: Қазақ университеті, 2016, С.182-184.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. // МИА №101. М.: 1961. - 170 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., «Наука», 1975. -176 с

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / ред. Г. Б. Зданович. Межвузовский сборник.Челябинск: Изд-во Башкирского ун-та, 1988. - 160 с.

Физическая география Республики Казахстан / Под редакцией Джаналиевой Г.М.- Алматы: Ғазақ университеті, 1998. - 265 с.

Чибилев А.А. Река Урал. – Л., 1987. - 168 с.

Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: мат-лы и исследования по археологии юга России / ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III.

Резюме

Данная работа повествует о последних исследованиях памятников ранних кочевников Илекского локального микрорайона Приаральско-Мугалжарского региона, являющегося значительной частью Западного Казахстана. Изучению были подвергнуты курганы, подвергшиеся значительному антропогенному воздействию и находившиеся под угрозой разрушения. Проведенные полевые работы осуществлялись с применением новых методов фиксации материалов.

Түйіндеме

Ұсынылған жұмыс Батыс Қазақстанның ауқымды бөлігі болатын, Арал маңы – Мұғалжар аймағы Елек жергілікті ықшам ауданындағы ерте көшпелілер ескерткіштеріндегі жүргізілген соңғы зерттеулер туралы хабарлайды. Антропогендік әрекеттерге көп ұшыраған және қирау қаупі төнген қорғандар зерттелді. Дала жұмыстары материалдарды бекітудің жаңа әдістерін қолдану арқылы жүргізілді.

Summary

This work narrates about the latest research of Ilek local microdistrict's early nomad monuments in Priaral-Mugalzhar region, which is a significant part of Western Kazakhstan. The study was subjected to burial mounds that were submitted to significant anthropogenic impact and were under threat of destruction. Field work was carried out using new methods of fixing materials.

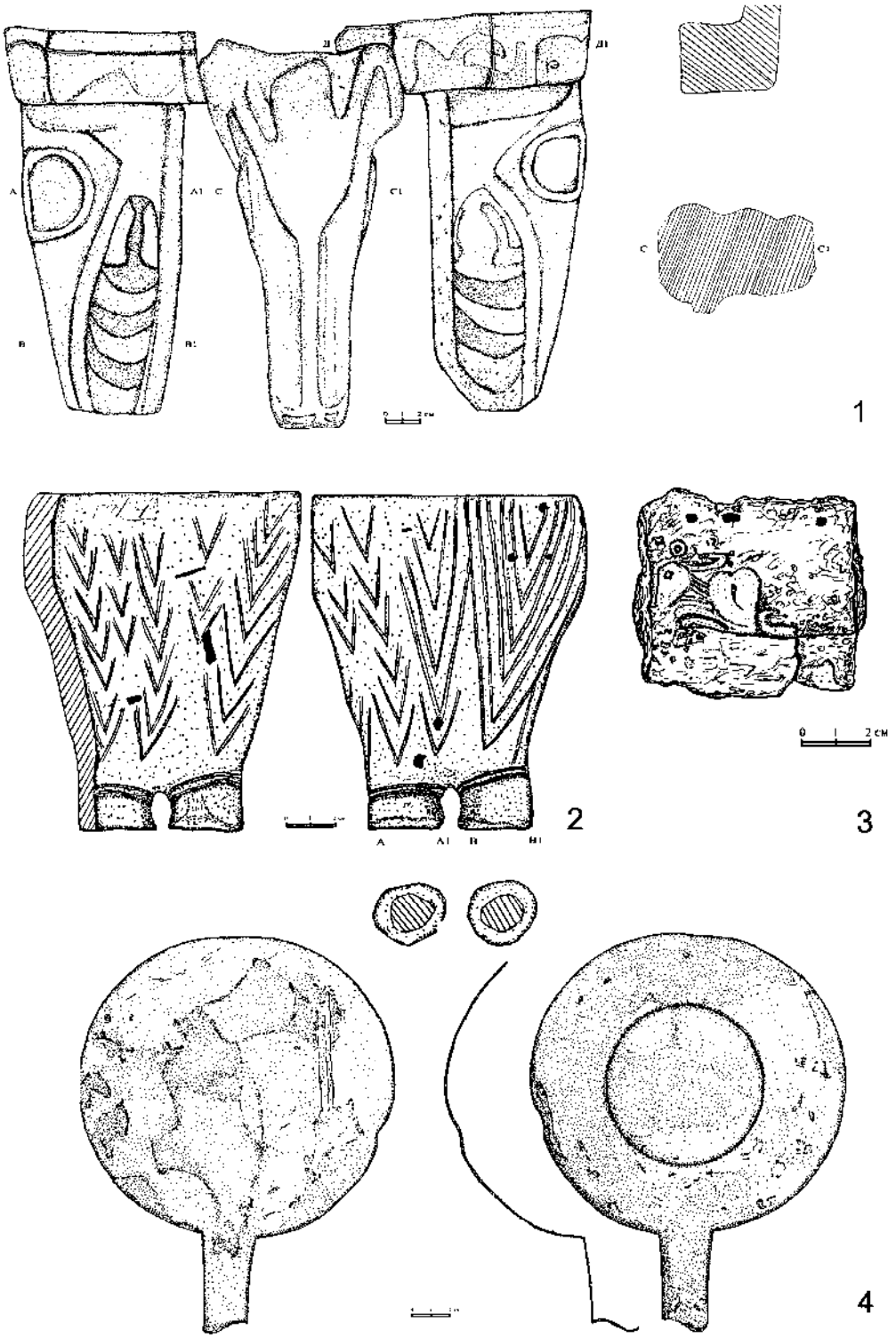


Рис.1 Инвентарь погребения 2 кургана Кураша I:
1-каменный жертвенник; 2- керамическая курильница;
3- железная обойма с золотой аппликацией; 4- бронзовое зеркало;

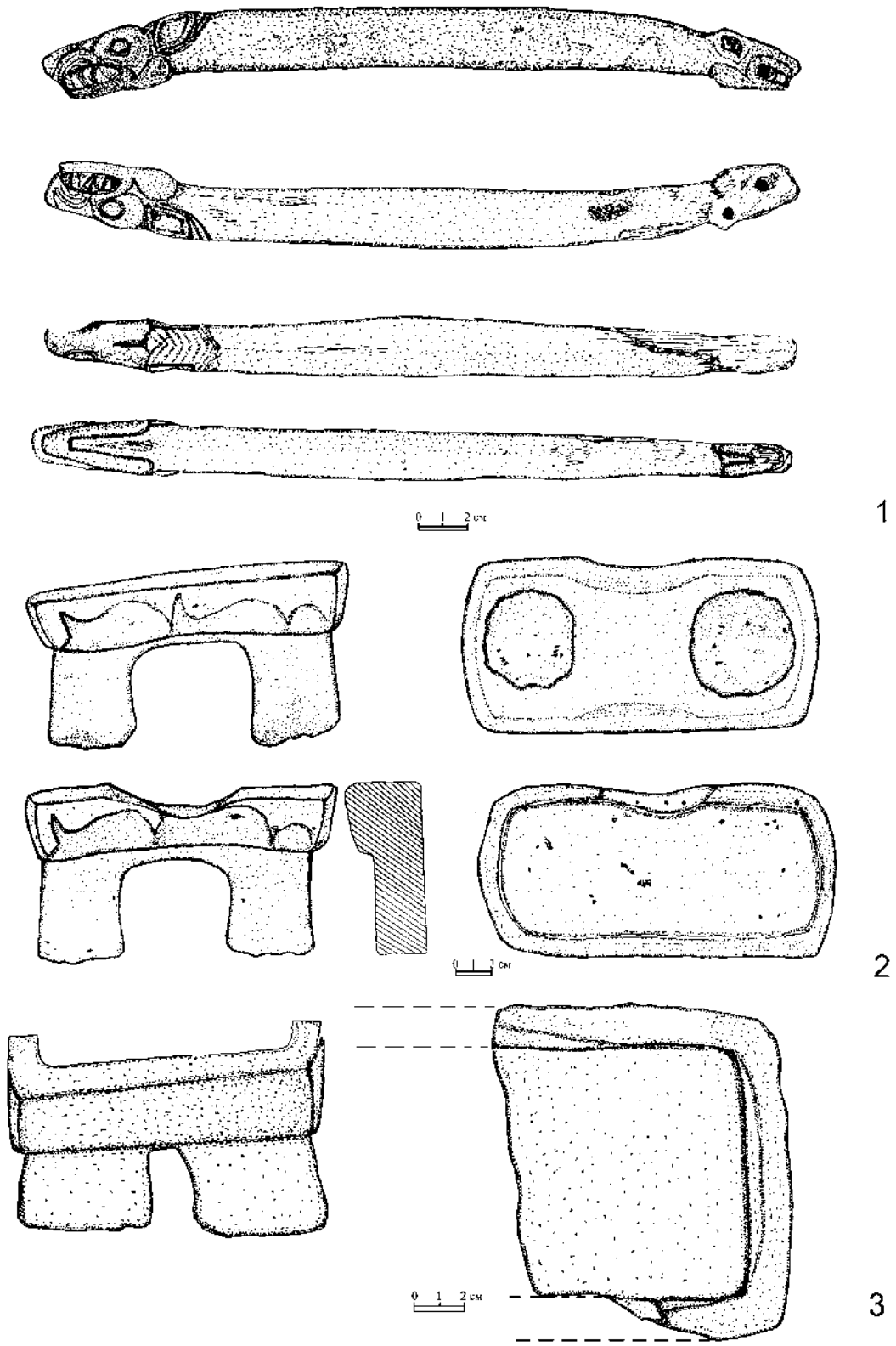


Рис.2 Инвентарь могильника Шпаки II
1-костяной предмет (рукоять нагайки) курган №3 погребение 2;
2- каменный жертвенник курган №4 погребение 1;
3-обломок каменного жертвенника курган №4 погребение 2



Фото 1 Курган Кураша I:
1-общий вид погребения 1;
2-общий вид погребения 2.



Фото 2 Могильник Шпаки II. Курган 3:
1-общий вид с юга;
2- общий вид погребения 2.



Фото 3 Могильник Шпаки II. Курган 4:
1-общий вид с севера;
2-общий вид погребения 2.

ТАС ДӘУІРІ ЖӘНЕ ПАЛЕОМЕТАЛЛДЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МӘДЕНИТТЕРІН ЗЕРТТЕУ
ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЭПОХИ КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛОВ

Антонова Ю.Е.
Бурятский научный центр СО РАН
Ташак В.И.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

УДК 903.7

ЛАНДШАФТНЫЕ И ЛАДШАФТНО-РУКОТВОРНЫЕ ДРЕВНИЕ СВЯТИЛИЩА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Түйінді сөздер: археология, қола дәуірі, діни нысандар, ғибадатхана, ғибадатхананың түрлері, Батыс Байкал сырты.
Keywords: archeology, Bronze Age, cult objects, sanctuaries, typology of sanctuaries, Western Transbaikal.

Исследования культовых объектов древности на территории Западного Забайкалья начались более 100 лет назад. Однако до последнего времени, эти исследования носили отрывочный характер. Стоит отметить, что с первых упоминаний и практически до конца XX в. изучение древних культовых мест Западного Забайкалья, в большинстве случаев, было связано с исследованием наскальных рисунков, которые часто интерпретируются как культовые объекты и святилища. Такая интерпретация наскальных рисунков была связана с наличием археологического материала у подножия некоторых скал с петроглифами, который рассматривался как жертвенный. При таком подходе к изучаемым объектам исследователями крайне редко обращалось внимание на пространственную организацию древних святилищ. Исключения составляли жертвенники, сгруппированные рядом с могильниками бронзового и раннежелезного веков, группы которых, наряду с погребениями образовывали определенные пространственные структуры.

В монографии А. В. Тиваненко «Древние святилища Восточной Сибири» суммируются данные по изучению древних святилищ, накопленные к концу 80-х гг. XX века. Он дает свои определения святилищ и представляет типологию культовых мест, которая основана по признаку расположения культового места (на поселении, у могильника, у петроглифа). Традиционно он относит к святилищам практически все известные петроглифы (Тиваненко, 1989). При этом вопрос о пространственной организации святилищ не ставился. Такой подход к изучению культовых объектов привел к тому, что ряд древних святилищ не связанных с могильниками, петроглифами или поселениями не рассматривались вообще или же неправильно оценивались масштабы культовых объектов, связанных, например, с наскальными рисунками.

Исследования различных природных и рукотворных элементов на археологических объектах, определяемых нами как святилища (Ташак, Антонова, 2013), позволяют говорить о сложной намеренной организации этих объектов в пространстве. Древнее население учитывало особенности локального ландшафта, используя природные формы для размещения святилищ как в «чистом», не видоизмененном виде, так и достраивая выдающиеся ландшафтные элементы, вероятно, согласно своим мировоззренческим представлениям. В то же время, мы наблюдаем минимальное изменение естественного окружения, святилища и входящие в них рукотворные элементы буквально вписаны в окружающий ландшафт, дополняя, но не изменяя его (Ташак и др., 2015). По степени воздействия человека на природное окружение и его перестройки святилища можно подразделить на ландшафтные, ландшафтно-рукотворные и полностью рукотворные (искусственные).

Ландшафтные святилища предполагают использование естественных природных элементов без их трансформации в какой-либо степени. Соответственно, к ландшафтно-рукотворным святилищам относятся объекты, имеющие конструкции, достраивающие природные объекты, ограничивающие и/или структурирующие пространство святилища. Рукотворные святилища полностью искусственные, выстроенные человеком. В настоящей статье мы представляем святилища

ландшафтного и ландшафтно-рукотворного типов, характерных для Забайкалья в период до проникновения сюда мировых религий – христианства и буддизма – и, соответственно, связанных с этим строительством храмов – церквей и ламаистских дацанов.

В Западном Забайкалье к ландшафтному типу святилищ мы относим культовые объекты на скалистой вершине горы Гэр-Шулуун, а также пещеры и гроты с наскальными рисунками и следами ритуально-культовой деятельности (Сарбадуй, Барун-Ламхэ и Шаман-Гора). Скальные святилища Гэр-Шулуун-1 – 4 располагаются на вершине массивной скалы, носящей название Гэр-Шулуун, в переводе с бурятского языка – Каменный дом (Ташак, Антонова, 2017а; 2017б). Скала протяженностью около 250 м вытянута по линии С-С-В – Ю-Ю-З, от подножия горы до вершины скалы со святилищами 250 м. На широком гребне этой огромной скалы образовались углубления различных размеров. Самые крупные углубления, с ровной площадкой на дне, использовались людьми для организации в них святилищ. Каждая площадка ограждена на 4/5 периметра естественными скальными стенками. Высота стенок, ограждающих площадки, варьирует от 2 до 4 м. С южной стороны стенки отсутствуют, здесь площадки ограничиваются крутыми склонами и скалистыми обрывами. Размеры площадок небольшие: от 10 х 10 м до 20 х 15 м. На всех площадках найдены подъемные материалы в виде фрагментов керамики бронзового и железного веков. На южной площадке возведено современное обоо. На самой северной площадке проводились раскопочные работы, давшие интересный археологический материал: многочисленные фрагменты керамики со спиральным орнаментом, бусины из разных материалов, железные ножи, фрагменты керамических пряслиц и каменных колец.

Пещеры Сарбадуй и Барун-Ламхэ, а также грот Шаман Гора схожи по своей структуре, которая определена использованием однотипных ландшафтных элементов. Эти объекты расположены в привершинной части гор, подход к пещерам и гроту затруднен крутыми склонами. В некоторых местах скальных поверхностей этих святилищ, минеральной красной краской – охрой, нанесены рисунки. Следует заметить, что в Забайкалье несколько десятков гротов и пещер с петроглифами, а также без петроглифов, но нами проводились исследования территориальной организации культовых мест, только на указанных объектах. На всех этих объектах в разное время разными исследователями проводились шурфовочные или раскопочные работы (Окладников, Запорожская, 1969; Константинов, 2002; Антонова, Ташак, 2013). Изучение некоторых пещер показали, что жертвоприношения оставляли как внутри, так и вне пещер, но главной сакральной территорией и объектом поклонения являлась внутренняя полость пещер.

Все идентифицируемые нами ландшафтные святилища расположены высоко в горах, в укромных местах, труднодоступны, достаточно далеко от водных источников, они неудобны для постоянного проживания. Все это предполагает неутилитарный характер использования таких мест, равно как и оставленный здесь археологический материал, который имеет выраженный вотивный характер. Границы указанных святилищ выражены крутыми склонами, скальными стенками, а также сводами пещер.

Ландшафтно-рукотворные святилища подразумевают «достраивание» существующего ландшафта, выделение границ святилища и/или организацию его пространства при помощи искусственно созданных элементов. При этом следует учитывать, что все рукотворные элементы на рассматриваемых нами объектах подчеркивают природные формы, не изменяя их. Исходя из того, что мы рассматриваем святилища, в первую очередь, как объекты, определенным образом организованные в пространстве, именно форма организации пространства может служить признаком разделения святилищ на группы или типы. Исходя из геометрии святилища, можно выделять круговой (кольцевой), секторный и линейный типы святилищ.

Круговые (кольцевые) святилища предполагают заключение центрального элемента, как естественного, так и искусственного, в замкнутое по периметру пространство. Именно центральный элемент предстает доминантой святилища, периметр, призванный выделить его из окружающего, профанного, мира, играет, таким образом, роль сакральной границы. На святилищах Забайкалья этого типа – Козья гора (Ташак, 2014) и Ундэр-Ула – в качестве центра предстает вершина небольшой горы, по подножию вокруг которой возведены курганы-керексуры – погребальные / ритуально-культовые объекты бронзового века Забайкалья и Монголии. В данном случае курганы играют роль не погребальных объектов, они составляют звенья единой цепи сакральной границы, выделяющей гору, как доминанту святилища. Имеет значение, что курганы расположены также и по северному подножию горы, что, в целом, не характерно, для погребений культуры курганов-керексуров. Любопытно, что оба святилища играли роль культовых и в более позднее время: на одном возведено

современное бурятское обоо, на втором зафиксированы тибетские молитвы, вытертые на камнях в привершинной части.

Секторный тип святилищ предполагает размещение основной площадки святилища перед логической доминантой, выделение площадки происходит за счет сочетания естественных и искусственных элементов. Название «секторный» достаточно условно, отражает модель построения пространства святилища в форме малого сектора (угол между радиусами меньше 180° или близок к этому показателю), где центральный участок святилища (алтарь?) является вершиной, а радиусы и дуга – представляют сакральную границу святилища. В Забайкалье данный тип святилищ представлен объектами с мощными скальными стенками с нанесенными на них охрой петроглифами и площадками под скалами. Площадки выделяются рядами культовых кладок, например, Барун-Алан-1 (Ташак, 2013), стеной, сложенной из камней, (Хэнгэр-Тын-3 «Святилище»), небольшим каменным валом (Хотогой-Хабсагай). Раскопочные работы, проведенные на сакральных площадках Барун-Алана-1 и Хэнгэр-Тын-3 «Святилище» свидетельствуют о проведении здесь ритуалов и оставлении жертвенного материала (фрагменты керамических сосудов, изделия из металла и кости). Следует отметить, что святилище Барун-Алан-1 является сложноорганизованным объектом, включающим множество элементов, определенным образом структурированных в пространстве. Вся организация этого святилища ориентирована на заходы солнца в дни летнего и зимнего солнцестояния (Ташак, 2013).

Линейные святилища связаны с протяженными в пространстве формами рельефа и имеющие условную ось симметрии (гребни небольших локальных хребтов и горных отрогов, рек, каньонов и т.д.). Линейные святилища Забайкалья представлены объектами, расположенными по гребням локальных горных отрогов (Шара-Тэбсэг, Хилокский и Тарбагатайский валы) (Ташак, Антонова, 2015; 2017б). Структурирующий пространство «скелет» этих святилищ представлен самим горным отрогом, во всех случаях имеющим скалистые выходы по гребню. Рукотворными элементами здесь являются каменные валы и стенки, дополняющие скальные выходы, связывая их между собой в единую непрерывную цепь. Вдоль этой цепи по гребням расположены выположенные площадки. Шурфовочные работы на таких площадках на Шара-Тэбсэг и Хилокском вале дали немногочисленные фрагменты керамики, что свидетельствует об осуществлении здесь ритуально-культовой деятельности. В качестве сакральной границы таких святилищ выступают естественные крутые склоны гребней. Из всех линейных святилищ наиболее сложную и многокомпонентную структуру имеет Шара-Тэбсэг (Ташак, Антонова, 2018), организация которого связана с наблюдением за заходом солнца в дни зимнего солнцестояния и весенне-осеннего равноденствия.

Что касается возраста всех упоминаемых святилищ, то здесь следует отметить низкую обеспеченность объектов радиоуглеродными данными. Даты получены лишь для двух объектов – Барун-Алан-1 и Гэр-Шулуун-1. Для остальных святилищ оценка возраста проводится на основе корреляций археологического материала, стратиграфических особенностей, конструктивных элементов и т.д. Наиболее разновременной группой святилищ можно считать ландшафтные – скальные убежища, гроты и пещеры. Как наиболее простой вариант, при котором используется пространство естественного ландшафта без дополнительного антропогенного воздействия, подобные святилища, вероятно, возникают раньше всего и используются в последующие периоды.

Среди святилищ Забайкалья наиболее древним, в настоящее время, предстает Шаман-Гора, которая, по археологическим материалам из шурфа, а также по аналогиям наскальных рисунков, предположительно относится к эпохе неолита (Константинов, 2002). Также на основе археологического материала концом неолита и началом бронзового века датируется и святилище Барун-Ламхэ (Антонова, Ташак, 2013). Пещера Сарбадуй дала невыразительный археологический материал, в основном, в виде костей, поэтому датируется на основе возраста наскальных рисунков бронзовым веком (Окладников, Запорожская, 1969).

Ландшафтные святилища горы Гэр-Шулуун однотипны, на основании чего предполагается, что начало их функционирования будет приблизительно одновременным. Согласно радиоуглеродному датированию северо-восточной площадки (Гэр-Шулуун-1), эти места активно начали посещаться в финале бронзового века: 2670 ± 180 л. н. (ЛУ–8742). Археологический материал с этой площадки разновозрастной (Ташак, Антонова, 2017а), поэтому можно предполагать, что святилища Гэр-Шулууна функционировали начиная с финала бронзового века и до позднего средневековья.

Начало функционирования секторных святилищ долин рек Оны и Алана (Барун-Алан-1, Хэнгэр-Тын-3 «Святилище», Хотогой-Хабсагай) также может относиться к бронзовому веку. Об этом свидетельствуют наскальные рисунки, выполненные охрой, которые А.П. Окладников датировал в

диапазоне от развитого бронзового века до его финала и даже начала железного века или от второй половины II тысячелетия до н. э. до II века до н. э. (Окладников, Запорожская, 1970 стр. 64–89). Кроме этого для соответствующего времени функционирования святилища культурного горизонта на Барун-Алане-1 была получена радиоуглеродная дата 2650 ± 120 (ЛУ–8539). Общность стратиграфии Барун-Алана-1 и Хэнгэр-Тын-3 «Святилище» (Ташак, 2009) позволяют отнести горизонты, связанные с ритуальной практикой, на Хэнгэр-Тын-3 «Святилище» также к эпохе развитого бронзового века.

Группу линейных святилищ сложно датировать. Для этих объектов нет радиоуглеродных дат, археологические материалы немногочисленны и не диагностичны. В вопросе оценки возраста могут помочь конструкции, выявленные здесь. В первую очередь любопытны стенки из вертикально поставленных плит на Шара-Тэбсэг, так как способ сооружения стенок аналогичен способам строительства стенок у плиточных могил бронзового века Забайкалья. У подножия отрога с объектом Шара-Тэбсэг расположен могильник бронзового века, где представлены плиточные могилы. Кроме этого на этом могильнике имеется курган-керексур с квадратной оградкой. Особенность кургана заключается в том, что от угла оградки кургана построена стенка из вертикально поставленных плит. В настоящее время стена сильно повреждена. Можно предполагать, что сооружение Шара-Тэбсэг было начато в эпоху бронзового века. Однако комплекс на Шара-Тэбсэг многокомпонентный, и разные его элементы предположительно разновременные. Именно поэтому другие два святилища из этой группы сложно датировать по аналогии с Шара-Тэбсэг: Хилокский и Тарбагатайский валы содержат лишь один элемент сходный с Шара-Тэбсэг – вал из необработанного камня. Тогда как Шара-Тэбсэг с бронзовым веком связывает стенка из вертикально поставленных плит.

Кольцевые святилища могут быть датированы исходя из состовляющих их элементов – курганов-керексуров, которые соотносятся с бронзовым веком Забайкалья и Монголии (Данилов, Коновалов, 1988; Цыбиктаров, 2002; 2003; Allard, Erdenebaatar, 2005).

Таким образом, большинство рассматриваемых нами святилищ Западного Забайкалья начинает функционировать в эпоху бронзового века, лишь единичные объекты ландшафтного типа могут быть отнесены к неолитическому времени. На основе входящих в состав святилищ элементов возможно соотнести их с основными культурами бронзового века Забайкалья. Так, круговые (кольцевые) святилища связаны с культурой курганов-керексуров, что очевидно. Секторные и некоторые ландшафтные святилища соотносятся с культурой плиточных могил. С этой культурой их связывают петроглифы селенгинского типа и некоторые типов артефактов (например, керамики с вафельным орнаментом) (Цыбикторов, 2003).

В целом, для большинства культовых объектов Западного Забайкалья вопросы культурно-хронологической идентификации остаются нерешенными. Однако начатые исследования в области пространственной организации святилищ и построенная на этой основе типология уже сейчас показывают перспективность выбранного направления.

Литература:

Антонова Ю.Е. Ташак В.И. Барун-Ламхэ – древнее святилище в Западном Забайкалье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. – С. 232-235.

Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ: Наука, 1988. – С. 61-79.

Константинов М.В. Древние святилища Шаман-горы (Забайкалье) // История и культура востока Азии: матер, междунар. науч. конф. – Т. II. –Новосибирск: ред.-изд. центр НГУ, 2002. – С. 83-87.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Ч. 1. – Л.: Наука, 1969. – 217 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Ч. 2. – Л.: Наука, 1970. – 263 с.

Ташак В.И. Древний культовый объект на горе Козьей // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение, № 1, 2014. – С. 158-162.

Ташак В.И. Территориальная организация древнего святилища Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). С. 172-176.

Ташак В.И. Антонова Ю.Е. Древние святилища Забайкалья: новый этап исследования // Вестник Бурятского научного центра СО РАН, 2013а. – № 1(9). – С. 18-29.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Линейные каменные конструкции в древних культовых объектах Западного Забайкалья // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. сборник научных статей. Зимовники, 2015. – С. 101-111.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Исследования древнего святилища в скальном убежище (Западное Забайкалье) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. Владивосток: «Дальнаука», 2017а. – С. 252-255.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Святилища и культовые места бронзового и железного веков западной части Тугнуйско-сулхаринской долины в Западном Забайкалье // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017б. № 6. – С. 264-271.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Шара-Тэбсэг – древний культовый и археоастрономический объект в Западном Забайкалье // Известия лаборатории древних технологий. 2018. (в печати)

Ташак В.И., Антонова Ю.Е., Кобылкин Д.В. Древние святилища Западного Забайкалья в современных ландшафтах // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения изданий томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества): материалы V международной конференции по исторической географии (Санкт-Петербург, 18-21 мая 2015 г.). Ч. – 2. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 304-307.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 201 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III – начале II тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). – С. 107-123.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1 (13). – С. 80-97.

Allard, F., Erdenebaatar, D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia. Antiquity. 2005. N 79, 547–563.

Резюме

Ю.Е. Антонова, В.И. Ташак

Ландшафтные и ландшафтно-рукотворные древние святилища Западного Забайкалья

В статье рассматриваются древние святилища Западного Забайкалья. Авторы предлагают типологию святилищ, исходя из способов организации пространства культового объекта, а также степени изменения природного элемента при его использовании в ритуально-культовых целях. По этим параметрам в Забайкалье выделены ландшафтные и ландшафтно-рукотворные типы святилищ, ландшафтно-рукотворные в свою очередь подразделены на круговые, секторные и линейные по форме организации пространства объекта. Большинство святилищ связано с культурами бронзового века.

Summary

Yu.E. Antonova, V.I. Tashak

Landscape and Landscape-artificial ancient sanctuaries of Western Transbaikal

Ancient sanctuaries of Western Transbaikal are considered in the article. The authors propose the typology of the sanctuaries proceeding from the approaches of cult objects' space organization and from the degree of changing natural element during its exploitation in ritual-cult purposes. Based on these parameters authors distinguish landscape and landscape-artificial types of Sanctuaries in Transbaikal, landscape-artificial ones are divided in their tern on circular, sector and linear objects according to the form of the sanctuary space arrangement. The most sanctuaries are related to the Bronze Age cultures.

Артюхова О.А.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
Мамиров Т.Б.
Национальный музей Республики Казахстан,
Астана, Казахстан
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

УДК 903.01 (574.31)

ПАЛЕОЛИТ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИБАЛХАШЬЯ

Түйінді сөздер: ежелгі тас дәуірі, палеолит, Хантау тұрағы, Оңтүстік-Батыс Балқаш маңы.
Keywords: Early stone age, paleolith, man site Khantau, the Balkhash region.

В данной статье нашли отражение результаты работ, которые были выполнены за период с 2015 по 2017 годы в рамках бюджетной программы «Научная и/или научно-техническая деятельность», программа 101 «Грантовое финансирование научных исследований» по теме «Палеолит Юго-ЗападногоПрибалхашья»

Выбор темы был обусловлен тем, что, несмотря на огромное количество выявленных и упоминающихся в литературе памятников древнего и позднего палеолита на территории Южного Казахстана, охарактеризованы они очень обобщенно и не дают представления о культурных и хронологических особенностях казахстанского палеолита. В то же время в музейных фондах хранятся огромные коллекции, не обработанные и не введенные в научный оборот. Такова коллекция со стоянки Хантау, исследованной в 1965 г. А.Г. Медоевым.

К югу и юго-западу от Балхаша располагаются отдельные горные массивы, образующие горную цепь – Шу-Илейские горы.Один из таких относительно небольших горных массивов называется Хантау. Этот топоним получил известность после публикации статьи А.Г. Медоева «Ареалы палеолитических культур Сары-Арка» (Медоев, 1970). В этой статье впервые упоминается палеолитическая стоянка-мастерская Хантау, которая остается единственным крупным и достаточно хорошо известным памятником между древнепалеолитическими памятниками в хребте Каратау Южного Казахстана (Алпысбаев, 1979) и ашельскими и мустьерскими стоянками Северного Прибалхашья (Деревянко и др., 1993, Артюхова и др. 2001). С этого времени памятник Хантау неоднократно упоминается в обобщающих работах о палеолите Евразии и теоретических построениях о времени и количестве миграционных волн древних гоминид (Абрамова, 1984; Вишняцкий, 1996; Деревянко, 2003, 2005).

Стоянка-мастерская Хантау была обнаружена и изучена А.Г. Медоевым в 1965 г. А.Г. Медоев руководил в то время Палеолитическим отрядом Чу-Илийской геолого-геоморфологической экспедиции ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР. Большую помощь в поисках и сборе материалов каменного века оказали геологи – сотрудники Сектора четвертичной геологии и геоморфологии ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР: А.С. Сарсеков, Н.М. Владимиров, Г.М. Потапова, Д.П. Позднышева и др.

Горы Хантау сложены осадочными породами, гранитами и эффузивами. Абсолютная высота этого массива более 1000 м, длина около 75 км, ширина 45 км. Он обрывается уступом на север и на юго-запад и постепенно переходит в плоскогорье на северо-востоке. Юго-западный склон массива приподнят над равниной на 600 м, а северо-восточный – на 200 м. Главная вершина Хантау – гора Сункар, ее высота по разным источникам оценивается в 1042-1052 м.

Поверхность гор Хантау сильно расчленена и распадается на ряд возвышенностей и гряд. Юго-западный склон массива рассечен рядом логов с живым водотоком: Сункарсай, Улькенталдысай, Юнкольсай, Шолакжиделисай, Теректысай. Эти лога параллельны друг другу и приурочены к линиям молодых разломов меридионального направления. Они начинаются широкими водосборными воронками, ближе к краю массива сильно углублены и образуют глубокие и узкие скалистые ущелья. По выходе из гор, русла их имеют слабый врез и незначительно выделяются среди равнины. Заканчиваются они обычно в такырных или солончаковых понижениях.

У юго-западного склона Хантау развит мощный пролювиальный шлейф, имеющий 10-15 км в длину. Как и все горные массивы пустыни Бетпакдала, горы Хантау почти лишены растительности (у

подножий в местах выходов родников, растет камыш, а в верховьях логов иногда встречаются небольшие куртины) (Медоев, архив).

Из публикации А.Г. Медоева следует, что стоянка-мастерская Хантау была расположена у юго-западных склонов гор Хантау, на поверхности шлейфа конуса выноса. Артефакты залегали на дневной поверхности, образуя поверхностный культурный горизонт. Автор указал, что общее количество образцов каменной индустрии превышает 10000 экз. Он определил ее как «комплекс мустье с ашельской традицией фации леваллуа», причем отметил, что значительная часть сколов имеет следы более позднего (вторичного) использования (Медоев, 1970, с.213-214).

В монографии А.Г. Медоева «Геохронология палеолита Казахстана», изданной после смерти автора, информация о Хантау еще короче: «В горах Хантау наряду с эпизодическим вторичным преобразованием древних вещей отмечается массовое использование мустьерских отщепов и пластин (леваллуа и нелеваллуа) а также орудий для изготовления новых орудий в совершенной иных типологических традициях и забвение производства сколов-заготовок. Этот случай можно отнести к деятельности каких-то современников саякской культуры» (Медоев А.Г., 1982, с.12).

Необходимо помнить, что исследования палеолита в Казахстане в это время только начинались. Методика изучения артефактов находилась в процессе разработки и постоянно совершенствовалась с учетом опыта европейских коллег. Поэтому «вторичное использование» каменных изделий на стоянках с поверхностным культурным горизонтом в настоящее время нуждается в особом обосновании с учетом всех физических и химических процессов выветривания, а также биогенных и антропогенных факторов. Иными словами, необходимо найти критерии отличия случаев реутилизации артефактов в более позднюю археологическую эпоху от изделий с псевдоретушью, которые всегда присутствуют на стоянках с поверхностным культурным горизонтом.

Определение индустрии стоянки-мастерской Хантау в качестве «мустье с ашельской традицией фации леваллуа» также требовалось обосновать или опровергнуть технико-типологическим анализом всех артефактов.

В архиве А.Г. Медоева хранится план сборов артефактов на стоянке и приводится общее количество образцов. Вся площадь стоянки условно разбита на участки:

Большой квадрат – 1312 экз.;

Западный участок – 1044 экз.;

Южный участок – 245 экз.;

Западный склон – 320 экз.;

У промоины – 13 экз.;

Северный склон – 2 экз.;

Средний участок, разбитый на квадраты 5х5 м, общей площадью 3375 кв.м – 6229 экз. (около 2 экз. на 1 кв.м.).

Ни в литературе, ни в архиве А.Г. Медоева нет точной привязки стоянки-мастерской к местности и нет географических координат. Нет живых свидетелей, которые могли бы показать ее местонахождение.

Из архивных записей А.Г. Медоева известно, что стоянка располагалась на шлейфе конуса выноса или второй надпойменной террасе,у выходов горных пород, пригодных для изготовления орудий. Над стоянкой возвышаются скалы с петроглифами.

Этим условиям удовлетворяет правый борт широкой, хорошо выработанной долины Шолакжиделисай, на выходе ее из мелкосопочного массива на равнину, с координатами N = 44°14,820′; E = 073°50,014′; h = 613 м. Конус выноса усеян обломками порфиритов бурого цвета, из которых изготовлены орудия из коллекции 1965 г. Эти же породы слагают скальные уступы к востоку от стоянки с многочисленными петроглифами.

Разведочные работы были проведены и в горах Жамбыл, Койжарылган, Майжарылган, Акжал, а также к северу и югу от стоянки Хантау – в горах Шиентас и Айтау. В ходе полевых работ были обследованы также прилегающие с севера районы Бетпакдалы вплоть до долины р. Сарысу.

Были обнаружены местонахождения каменных индустрий в следующих пунктах.

В долине Теректысай, известной своей «Картинной галереей», которая занимает видное место в монографии А.Г. Медоева «Гравюры на скалах» (Медоев, 1979). На поверхности аллювиальной террасы у родника Теректысай в 0,5 км выше по течению от «галереи» собрано 30 каменных артефактов голоценового возраста (неолит- эпоха бронзы).

Несколько местонахождений палеолитических артефактов были выявлены на поверхности, образованной конусами выноса в месте слияния долин Юнкольсай и Жиландысай:

Юнкольсай 1 (3 артефакта). Координаты: N = 44° 12.570', E = 073°53.133'.

Юнкольсай 2. Координаты: N = 44° 12.505', E = 073°52.895' (10 артефактов).

Юнкольсай 3. Координаты: N = 44° 12.081', E = 073°53.324' (4 артефакта).

Жиландысай. На левом берегу долины Жиландысай, выше по течению зимовки Жиланды. Здесь на площади примерно 100х20 м собрано 39 сильно дефлированных артефактов и 15 средне - и слабо дефлированных. Координаты центральной части местонахождения N = 44°12.007', E = 073°52.915'.

Была также обследована территория Бетпакдалы между Шу-Илейскими горами и долиной р. Сарысу. В 60-х годах прошлого столетия в Бетпакдале много и плодотворно, в тесном сотрудничестве с геологами Центрального Казахстана, работал М.Н. Клапчук, открывший местонахождения, которые утвердились на археологической карте Казахстана – Жаман-Айбат, Музбель, Кенжебайсай 7, Космола, Кызылжар, Джамантау и др. М.Н. Клапчук, а вслед за ним и многие другие археологи, на основании визуальных характеристик, отнесли эти памятники и местонахождения к разным эпохам палеолита.

У южных подножий возвышенности Жаман-Айбат М.Н. Клапчук в 1964 г. открыл местонахождения с каменной индустрией – неолитические Жаман-Айбат 1-2 и 3, и палеолитические Жаман-Айбат 4-5 (Клапчук, 1971). Одно из местонахождений он датировал ашелем.

По данным М.Н. Клапчука, местонахождение Жаман-Айбат 4 расположено в 10 км к югу от вершины горы. В период с 1964 по 1968 годы сборы на местонахождении составили более 800 находок. Автор датирует комплекс находок, представленных преимущественно одноплощадочными нуклеусами и рубяще-скребущими орудиями, позднеашельским временем (Клапчук, 1971, с. 189).

Одной из задач полевых работ было уточнение позиции этих памятников, получение дополнительной информации для датировки и культурно-стадиальной принадлежности артефактов. В окрестностях возвышенности Жаман-Айбатнами были обнаружены каменные артефакты в 4 пунктах, с координатами:

N 46°44.554′, E 068°47.670′, высота 329 м;

N 46°44.084′, E 068°48.316′, высота 315 м;

N 46°44.301′, E 068°47.550′, высота 322 м;

N 46°44.517′, E 068°47.318′, высота 308 м.

Сделаны выборочные сборы – взяты только несомненные хорошо диагностируемые артефакты – нуклеусы, сколы, орудия. Изготовлены они из того же аркозового песчаника светло-серого цвета, что и в коллекции М.Н. Клапчука, хранящейся в Карагандинском историко-краеведческом музее.

Все артефакты залегали на коренных породах мелового и палеогенового возраста, что подтвердили заложенные шурфы.

В определении культурно-хронологической принадлежности наиболее ранних артефактов местонахождений Жаман-Айбата мнения авторов разделились. О.А.Артюхова относит их к концу каменного века, Т.Б. Мамиров придерживается традиционной их атрибуции.

Основной материал по палеолиту региона составляют сборы А.Г. Медоева на стоянке Хантау в 1965 году. После ряда перемещений и переездов коллекция осела в Музее палеолита Казахстана КазНУ имени аль-Фараби. Неоднократная смена места хранения артефактов в подвальных помещениях, подтопление дождевыми и водопроводными водами, привели к смешению коллекций и отслоению шифров, что затруднило описание всей коллекции. Указанное в описи количество артефактов не всегда совпадает с фактическим содержанием коллекции и номерами шифров

Сырье для изготовления орудий – мелкокристаллические эффузивные осадочные породы различных оттенков бурого и серого цвета – добывалось среди трещиноватых элювиальных обломков и плиток. При раскалывании эти породы обычно образуют плоско-раковистый излом с шероховатой, «занозистой» поверхностью.

Под воздействием разнообразных физических и химических процессов поверхность каменных изделий претерпела видоизменения. Встречены следующие деформации: патина, ожелезнение,окатанность, заглаженность, заполированность, выветренность (корразия).

Для характеристики древнепалеолитических индустриально-хронологических комплексов, широко применяются технические и типологические индексы (Bordes, Bourgon, 1951; Любин, 1965 и др.).

Для коллекции Хантау подсчитаны индексы: IL = 3,8; Ilam = 2,1; IFstr = 3,6; IFlarge = 35,7; ILtyp = 39,5; IR = 21,1; IC = 14,0; IAt = 0,9; I гр. = 39,5; II гр. = 21,1; III гр. = 1,6;IV гр.= 21,9.

Техника раскалывания определяется исходной формой сырья – многогранниками с ровными гладкими поверхностями граней. Большая часть сколов получена с неподготовленных элювиальных обломков; так получены даже пластины со спинкой, полностью или частично покрытой коркой. Поэтому здесь очень низки индексы тонкой (3,6) и общей (35,7) подправки ударных площадок сколов-заготовок

Те нуклеусы, которые несут следы целенаправленной предварительной обработки, в большинстве случаев относятся к леваллуазскому типу (индекс нуклеусов леваллуа составляет 71,4). Нуклеусы радиального и призматического раскалывания единичны.

В техническом отношении в коллекции преобладают отходы производства; орудия составляют лишь 10,97% инвентаря. Среди отходов производства господствуютполупервичные сколы и отщепы, целые и фрагментированные, а также обломки. Из них же изготовлена и большая часть орудий.

Очень низок индекс пластинчатости (2,1).

Индекс леваллуа типологический очень велик -39,5. Кроме отщепов и пластин леваллуа здесь есть и остроконечники (4,4% - 5 экз.).

Для индустрии Хантау характерна чешуйчатая ретушь средних размеров с заломами. Обычно она глубокая крутая и полукрутая чередующаяся, придает краям изделий зубчатость, Несколько реже встречается регулярная лицевая или обратная полукрутая ретушь средних, мелких, редко – крупных размеров. Чаще, чем в других среднепалеолитических казахстанских комплексах применяется ступенчатая ретушь крупных размеров (кина), причем она бывает нанесена и на вентральную поверхность изделия.

Практиковалась и бифасиальная оббивка, подтеска, ретушь; широко применялись намеренные обломы, усечение, притупление краев продольными и поперечными сколами. Выемки обычно подправлены мелкой ретушью, смежные выемки – противолежащей.

Вторая, после леваллуазской, категория орудий – зубчато-выемчатые орудия (индекс зубчатых орудий – 21,9). Почти столько же скребел (индекс скребел общий – 21,1), причем шарантский индекс также достаточно велик – 14,0. Индекс ашельский очень небольшой– 0,9. Невелика и группа позднепалеолитических орудий (1,6).

Таким образом, индустрия стоянки-мастерской Хантау относится к мустье ашельской традиции фации леваллуа, хотя велико ее сходство по технико-типологическим показателям с леваллуа-мустьерскими индустриями.Хантауская индустрия непластинчатая, нефасетированная с высоким шарантским индексом, обогащенная зубчатыми орудиями.

В результате проведенных исследований были сделаны выводы:

1. В интересующее нас время существования первобытных людей – нижний, средний и поздний антропоген – в Шу-Илейских горах преобладали процессы денудации и формирования у поднимающихся горных хребтов обширных шлейфов конусов выноса, к которым приурочены все найденные палеолитические каменные изделия.

2. Коллекции каменных артефактов, собранные археологами и геологами во время проведения геологической съемки в 1964-1965 гг., являются наиболее полным, а в ряде случаев и единственным сохранившимся до сих пор источником по древнейшей истории Юго-Западного Прибалхашья.

3. Промышленная и сельскохозяйственная деятельность последних десятилетий в районе исследований привела к разрушению и уничтожению значительного количества археологических памятников.

4. Введение в научный оборот хранящихся в музеях коллекций каменного инвентаря становится все более актуальным, поскольку без этих данных нельзя решить проблему первоначального заселения территории Казахстана первобытными гоминидами, их биологической и культурной эволюции.

Литература:

Bordes F., Bourgon M. Lecomplexemoustérien: moustériens, levalloisien // L´Anthropologie, t.55, N1-2, 1951.

Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. –М.: Наука, 1984. – С.135-160.

Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (О древнейшнм заселении Казахстана первобытным человеком) // Алма-Ата: Наука, 1979. – 207 с.

Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4. – Новосибирск, 2001.– 120 с.

Архив Института археологии МОН РК, фонд 3, Личный архив А.Г. Медоева, Полевой дневник за 1965 г. № 1

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб: Европейский дом, 1996. – 213 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту: взгляд из Северной Азии. Вместо заключения // АЭАЕ. – 2005. – № 3 (23).

Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин В.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний-поздний палеолит). – Новосибирск: [б.и.], 1993. – 114 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Г., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана: Исследования Российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001).-Новосибирск: Изд-во ИАиЭт. СО РАН, 2003. – 184 с.

Клапчук М.Н. Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // Палеолит и неолит СССР. Т.6 / МИА, № 173. – Л.: Наука, 1971. – С.233-239.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения наижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. Т.5 / МИА, №131. – М.-Л.: Наука, 1965. – С.6-75.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С.200-216.

Түйіндеме

Бұл мақалада «Ғылыми және (немесе) ғылыми-техникалық жобалар» бюджеттік бағдарламасы, «Оңтүстік-батыс Балқаш маңы палеолиті (ежелгі тас дәуірі)» тақырыбындағы ғылыми зерттеуді гранттық қаржыландыру» 101 бағдарламасы аясында 2015 жылдан 2017 жылға дейінгі кезеңде жүзеге асырылған Бетпақдала және Оңтүстік-Батыс Балқаш маңының тас дәуірінің ескерткіштеріне жүргізілген жұмыстардың нәтижелері көрініс табады.

Summary

The article describes the results of works onthemonumentsBetpakdalaandSouth-WestBalkhash region of the Stone Age period, which were carried out during 2015- 2017 withina framework ofthe budget program «Scientific and /or scientific and technical activity», program 101Grant financing of scientific studies on the topic «Paleolithic of Southwestern Balkhash».

Артюхова О.А.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
Мамиров Т.Б
Национальный музей Республики Казахстан,
Астана, Казахстан
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

УДК 903/904

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УЛКЕН ЖЕЗДЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Түйінді сөздер: Үлкен Жезды, тас дәуірі, палеолит, климаттық оптиум.
Keywords: stone age, paleolith

Работы на памятнике производились на средства грантовых тем «Истоки степной цивилизации: комплексные исследования памятников эпохи камня, бронзы и раннего железного века Казахстана» (2012-2014 гг.) и «Комплексные исследования технологии древних производств в эпоху камня и бронзы» (2015-2017 гг.

Местонахождение Улкен Жезды расположено в Улытауском районе Карагандинской области Республики Казахстан, в уникальном микрорайоне Талдысай, где на небольшой площади представлены памятники разных исторических эпох: стоянки и местонахождения каменного века, поселение металлургов и могильник эпохи бронзы, могильники эпохи ранних кочевников и тюрков, средневековое городище Баскамыр X-XII вв., казахское кладбище XVII-XIX вв.

Изучаемое местонахождение расположено в месте слияния истоков реки Жезды - Улкен Жезды и Бала Жезды. Долина реки имеет сложное геолого-геоморфологическое строение (по материалам исследований Н.Г. Кассина, Г.Ц. Медоева, Б.Ж. Аубекерова и др.). Долина реки Жезды была заложена еще в дочетвертичное время, неоднократно заполнялась аллювиальными отложениями и подвергалась эрозионным процессам. В этот комлекс неоген-четвертичных отложений врезаны современные русла рек Бала Жезды и Улкен Жезды. Отложения террасы левого берега р. Улкен Жезды, к которым приурочено палеолитическое местонахождение, представляют собой наслоение мел-палеогеновых, неогеновых и четвертичных отложений. Основание разреза представлено мел-палеогеновыми галечниками и песками, перекрытыми красноватыми глинами павлодарской свиты (неоген). Мощность четвертичных осадков невелика – 1-2 м, они залегают с размывом на аральских глинах и на породах палеозоя.

Сравнительно маломощная современная гидросеть имеет, тем не менее, три генерации разновозрастного аллювия. Наиболее ранние из четвертичных отложений относятся к позднему плейстоцену. Судя по палинологическим материалам (по материалам Ш.А. Жакуповой, С.А. Нигматовой), этот период характеризуется прохладным и сухим климатом.

Нижняя часть разреза голоценовых отложений сформировалась в сравнительно прохладных и достаточно влажных климатических условиях. Этот этап палеоботаники относят ко второй половине бореального века. Следующий этап седиментации соответствует климатическому оптимуму голоцена с плювиальными условиями и расширением придолинных лесов. Об этом свидетельствует присутствие в пробах пыльцы сосны обыкновенной и березы, которые отличаются неприхотливостью к почвенным условиям и приспособленностью как к континентальному, так и засушливому климату. Климатический оптимум голоцена и особенно его вторая половина характеризуется наиболее благоприятными условиями.

Поверхность террасы в историческое время использовалась для возделывания зерновых и овощных культур, вследствие чего поверхностные слои сильно перемешаны. К началу наших исследований в 2001 г. на дневной поверхности и в почвенном слое в большом количестве встречались каменные артефакты энеолитического облика. Они были сосредоточены в полосе шириной 20-30 м вдоль бровки террасы (в наших ранних публикациях обозначена как стоянка Талдысай 2). Шурфы и разведочные раскопы не выявили культурного слоя – он был разрушен в результате сельскохозяйственной деятельности.

В последние десятилетия погодные условия в районе Талдысайского микрорайона были засушливее, чем обычно, русла рек сильно обмелели, произошло понижение базиса эрозии, что повлекло за собой сильный врез русла в отложения долины, усиление эрозии поверхности террасы и плоскостного смыва. В результате этих процессов образовался обрыв на левом берегу реки Улкен Жезды, который постепенно отступает в результате ежегодных весенних паводков.

В 2012 году в обрыве обнажились кости крупного млекопитающего на глубине 0,6-1,2 м. Была сделана зачистка обнажения, затем заложен небольшой стратиграфический шурф размерами 2х2 м и глубиной 2,3 м. Кроме крупных разрозненных костей первобытного тура и сайги (определение д.б.н. П.А.Тлеубердиной) и невыразительных каменных осколков ничего найдено не было.

В 2013 г. шурф был расширен до небольшого раскопа, так как в обнажении появились крупные каменные обломки (пренуклеусы из кремнистой породы, возможно побывавшие в огне). Они были приурочены к маломощному гравелистому прослою, сопровождались немногочисленными невыразительными каменными осколками и мелкими обломками костей животных. Стратиграфическая канава (до руслового аллювия) показала, что кости и артефакты сосредоточены в верхних двух метрах.

К полевому сезону 2014 г. стенки раскопа были сильно размыты рекой и обрушены, в западной стенке раскопа на глубине 1,1 м стали видны каменные артефакты. Они залегали горизонтально плотным скоплением на площади 0,2х0,3 м и мощностью 6-8 см, составляя своего рода «клад». В скоплении находилось 146 каменных изделий, изготовленных из кремнистых алевролитов и аргиллитов, кварцевых песчаников, халцедона. В техническом отношении они подразделяются на следующие категории: обломок – 1 экз., краевой скол – 1, полукраевые сколы целые – 31, обломки полукраевых сколов – 13, отщепы целые – 25, отщепы фрагментированные – 8, технические сколы – 4, пластины целые и фрагментированные – 6, 2 нуклеуса: нуклеус-скребло для пластинок, 1 обломок призматического нуклеуса для пластинок.

Остальные предметы – 51 экз. или 35% – хорошо диагностируемые орудия, представленные следующими типами: боковые одинарные выпуклые скребла – 3 экз., двойные выпуклые скребла – 2 экз., двойные выпукло-вогнутые скребла – 2 экз., угловатое скребло - 1 экз., поперечные скребла (выпуклое и прямое) – 2 экз., бифасиально обработанные орудия, целые – 2 экз., скребки разных типов – 6 экз., проколка – 1 экз., нож с аккомодированным обушком – 1 экз., ножи с естественными обушками – 2 экз., зубчато-выемчатые орудия – 3 экз., массивные клювы и тонкие рыльца преимущественно на конце отщепа – 15 экз., пластины с ретушью – 2 экз., отщепы с ретушью (сломанные или плохоопределимые орудия) – 10 экз.

Скребла крупные, более 50 мм длиной, преимущественно из полукраевых отщепов. Ударные площадки заготовок, как правило, разбиты (каменный отбойник?). Пластинчатые заготовки немногочисленны, их всего 8 экз., хотя имеющиеся в коллекции нуклеусы предназначены для получения пластинок.

В 2015 г. работы на стоянке были продолжены. Сильный весенний паводок 2015 г. снова привел к обрушению стенок раскопа. Раскоп был расширен в юго-западную сторону, вверх по течению р. Улькен Жезды.

Площадь распространения каменных артефактов несколько увеличилась. В 1,5 м к югу от «клада» на глубине 1,1 м найдено еще одно скопление из 8 артефактов, 4 из которых представляют собой орудия: одинарное боковое выпуклое скребло, двойное прямо-выпуклое скребло, скребок и резец. Несколько очень выразительных орудий было найдено в осыпи, образованной обвалившейся стенкой раскопа 2013 г. Артефакты идентичны изделиям из «клада» 2014 г.

В 2016 г. раскоп был увеличен вдвое в юго-западном направлении, вдоль современного русла. В разрезе четко видно падение напластований к югу – раскоп вскрыл часть погребенного русла, которое практически не читалось на поверхности террасы. По всей площади раскопа прослеживается прокаленный прослой, покрытый сажистыми образованиями. Поверхность прослоя сильно изогнута, очевидно, фиксирует древнюю дневную поверхность террасы. Возможно, именно в этом месте Бала Жезды в середине голоцена впадала в Улкен Жезды.

Анализ на С14 угольков с прокаленного слоя, полученный в Институте Анализа Акселератора (Япония), показал возраст 5414 cal B.P. – 5324 cal B.P (48.0%); 5420 cal B.P-5321 cal B.P. (62.2%); 5410 cal B.P.-5325 cal B.P. (45.1%).

«Клады» 2014 и 2015 гг. были выявлены ниже этого прокаленного прослоя.

В 2016 и 2017 гг. раскопки были продолжены. В целом площадь раскопа составила 64 кв. м, глубина около 2 м. Были отобраны пробы на палеопедологический и палинологический анализы.

Артефакты, полученные в 2016 и 2017 гг. единичны и не столь информативны, как орудия из «кладов».

В результате многолетних целенаправленных исследований в урочище Талдысай Улытауского района Центрального Казахстана обнаружено местонахождение палеолита с погребенным культурным слоем. Орудия составляют 35% каменного инвентаря и представлены скреблами разнообразных типов, бифасиальными и клювовидными орудиями и др. По технико-типологическим характеристикам местонахождение относится к позднему палеолиту. Поскольку местонахождения палеолита в ископаемом состоянии в Центральном Казахстане крайне редки, изучение памятника Улкен Жезды представляет большой научный интерес.

Литература:

Артюхова О.А., Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Том 1. Алматы, 2013. - 400 с.

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Улкен Жезды – первое палеолитическое местонахождение в Талдысайском микрорайоне // Актуальные проблемы археологии Евразии: сборник матер. междунар. научн.-практич. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана (18–19 октября, 2016 г.). – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2016. – С. 31–43.

Аубекеров Б.Ж. Криогенные структуры и криолитозоны плейстоцена Казахстана // Известия АН СССР. Сер. геол. – 1990. – № 4.

Аубекеров Б.Ж. Континентальные четвертичные отложения Казахстана (стратиграфия, палеогеография, корреляция): дис. … докт. геол.-минер. наук. – Алма-Ата, 1991. – 404 с.

Гольева А.А., Гаврилов Д.А., Артюхова О.А. Древняя аграрная трансформация каштановой почвы семиаридной зоны Казахстана по данным микробиологического анализа //Развитие почвоведения и проблемы рационального использования почв Сибири. – Омск: ЛИТЕРА, 2013. – С.45-49 с.

Кожамкулова Б. С. Макротериофауна плейстоцена Казахстана (руководящие виды, артефакты) // Труды Института зоологии. Т.49. Зоолого-экологические исследования. Алматы, 2005. С.43-48.

Нурмамбетов Э.И. Улутауский низкогорно-мелкосопочный район // Геология СССР. Т.XX. Центральный Казахстан. Геологическое описание. Книга 2. М.: Изд-во «Недра», 1972. – С.357-360.

Түйіндеме

Бұл мақала Қарағанды облысының Ұлытау ауданындағы палеолит дәуіріне жататын Үлкен Жезді ескерткішіне жүргізілген жұмыстардың нәтижелері көрініс табады.

Summary

The article reflects the results of works of the location of Ulken Zhezdy in Ulytau region of Karaganda oblast.

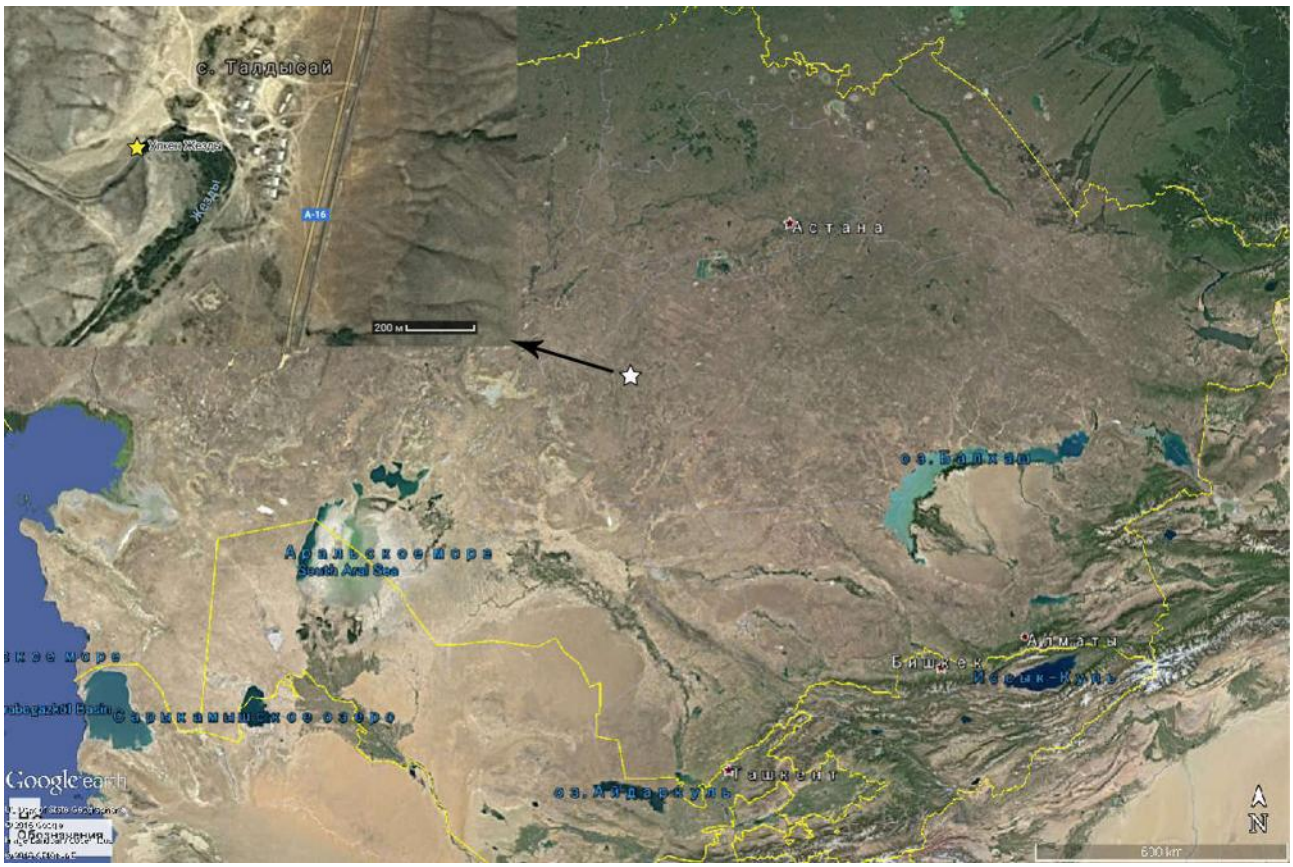


Рис. 1 – Расположение местонахождения Улкен Жезди.



Рис. 2 – Раскоп памятника

Билялова Г.Д.
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
Юмакаева Э.А
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

УДК 902.67

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОДИЕТЫ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Түйінді сөздер: Қола дәуірі, Солтүстік Қазақстан, Нұра мәдениеті, Шағалалы II, палеодиета, өсімдік тұқымдары мен тозаңдарының сараптамасы.
Keywords: The Bronze Age, Northern Kazakhstan, Nura culture, Shagalaly II, paleodiet, spore and pollen analysis.

Еда является одной из главных биологических потребностей человека. Пищевой рацион показывает степень и формы адаптации к условиям окружающей среды. Ведущие направления деятельности человека (собирательство, охота, рыболовство, земледелие, скотоводство) определяются разнообразием и доступностью биоресурсов.

Таким образом, при реконструкции хозяйственных систем древности необходимо опираться на различные виды источников, содержащих информацию о соответствующих элементах, и использовать различные приемы в изучении фаунистических и растительных остатков (Миляев, 2010, с. 9-10).

За последние десятилетия исследование палеодиеты древних обществ стало одним из актуальных направлений в ряде наук, в том числе и в археологии. В рамках изучения пищевого рациона наиболее распространенным и традиционным является метод анализа стабильного изотопа углерода для идентификации остатков древних животных и растительных органических молекулярных соединений.

В целях получения полноценной информации по структуре и видовому составу скота, применяются следующие анализы: териологический, малакологический, кладоцерный, палеоэнтомологический и др. В то же время, остеологические данные позволяют восстановить состав домашних животных, видовое разнообразие дикой фауны, картину ландшафта и климата и динамику их взаимоотношений с окружающей средой (Макарова, 1970, с. 269). Поэтому метод биометрической и статистической обработки до сих пор остается широко употребляемым и, иногда даже, наиболее предпочтительным.

В изучении земледелия используются такие общие палеоботанические методы, как динамический принцип Ляйеля палеокарпологии, спорово-пыльцевой анализ палинологии, фитолоитный анализ и др.

Со второй половины XX века устанавливаются активные связи между отечественными и зарубежными научными институтами. В связи с этим, появилась возможность проведения широких комплексных археологических исследований с применением разных междисциплинарных методов. На данный момент современная казахстанская археология имеет ряд ярких примеров успешного применения естественно-научных приемов анализа в рамках изучения пищевого рациона древних обществ.

Одно из первых крупных и показательных палеодиетических исследований осуществлялось на энеолитическом поселении Ботай. Была проведена серия различных палеозоологических и палеоботанических анализов. Например, споро-пыльцевой анализ современных и ископаемых спектров Северного Казахстана (Зайберт, 2009, с. 398-406) и анализ органических остатков с соскобов обнаруженных черепков глиняных сосудов с использованием δ13Си δD жирных кислот, который показал следы кобыльего молока (кумыса) (Outram и др., 2009, p. 1334).

Методики для идентификации абсорбированных липидных остатков в археологических гончарных изделиях широко используются в современной Европе. Эти же методы применяются в изучении аналогичных остатков в Казахстане (Stiar и др., 2013, с.159). Так, например, при помощи высокотемпературной газовой хроматографии GC и газовой хроматографии/масс-спектрометрии (GC/MS) были идентифицированы остатки жиров в керамических изделиях поселения Кент (Stiar и

др., 2013, с.160). В результате анализов было установлено, что на поселении Кент велось молочное хозяйство с использованием жвачных животных.

В рамках изучения раннего железного века Казахстана недавно были проведены исследования на памятниках тасмолинской археологической культуры. Для изотопного анализа были использованы данные из 30 объектов. На основе полученных результатов, Бейсенов А.З. делает выводы об использовании в пищу проса в таком «исконно скотоводческом» регионе, как Центральный Казахстан. Также он отмечает, недостаточность исследований хозяйственной структуры и диеты по раннему железному веку Казахстана, в целом (Святко, Бейсенов, 2017, с. 226).

Палеоботанические методы исследования помогли получить удивительные данные о земледелии поселения раннего железного века Тузусай, расположенного в Семиречье (Юго-Восточный Казахстан). В 1995 году некоторые образцы опаловых силикатов были предположительно определены как шелуха Oryzasativa, или рис посевной (рис одомашненный) (Chang и др., 2002, с. 107). Эти результаты подтвердились дальнейшими исследованиями. Таким образом, данное открытие может трактоваться как пример импорта зерновых культур из пустынных оазисов Центральной Азии или, по мнению автора, рис с глубокой древности выращивался и использовался в пище на территории Семиречья.

Все выше перечисленные исследования еще раз доказывают важность изучения палеодиеты для наиболее полной и комплексной исторической реконструкции прошлого древних обществ. Исходя из этого, в данном исследовании мы имеем цель провести комплексную оценку структуры пищевого рациона древнего населения Северного Казахстана, используя археологические находки, характеризующие основные направления культурно-хозяйственного типа деятельности. Эту информацию можно получить при анализе археологических артефактов, найденных на поселениях эпохи бронзы Северного Казахстана Шагалалы I (Чаглинка) и Шагалалы II (Павловка).

В целях облегчения процессов сбора и анализа большого объема информации с последующей рефлексии по палеодиете эпохи бронзы весь пищевой рацион был разделен на основные составные части, а именно: мясо, рыба, молочные продукты, продукты земледелия.

Мясо. Наиболее полно о хозяйстве и питании людей, населявших Северный Казахстан в эпоху бронзы, можно судить по остеологическому материалу, который свидетельствует об основных видах промысловых животных в присваивающих хозяйствах или о составе стада в скотоводческих и комплексных хозяйствах. Палеозоологические остатки могут приблизить реальное соотношение добываемых животных или состав стада в производящем хозяйстве.

Остеологический материал, собранный на памятниках раннего этапа эпохи бронзы, позволяет говорить, что основным занятием человека на территории Казахстана в это время было придомное пастушеское скотоводство. В стаде преобладал крупный рогатый скот. Немаловажное значение также имел мелкий рогатый скот (козы, овцы). Данное утверждение справедливо и для территории Северного Казахстана.

В полевой сезон 1983 года на памятнике Шагалалы II были проведены первые стационарные исследования под руководством Т.С. Малютиной. При зачистке каменной конструкции №3 в заполнении под плитой среди костей скелета взрослого человека были обнаружены челюсть коровы и две лопатки (Малютина, 1987, с. 22).

В 2010 году при раскопках коридора жилища № 1, найдены кости жертвенного животного (крупный рогатый скот). В золистом слое этого же жилища обнаружены: кость овцы, бронзовая стамеска, бронзовый нож, точильный камень. Бронзовый нож узкий, длиной 17,5 см. Рукоять длиной 11,5 см, стержневидной формы, согнута под углом 30°. По реконструкции С.К. Сакенова, бронзовый нож имел деревянную или костяную рукоятку. Нож найден воткнутым в трубчатую кость овцы (Сакенов, 2011, с. 26).

В качестве еще одного довода в подтверждение наших предположений о видовом составе скота на поселении Шагалалы II можно привести данные о фауне синхронных памятников. Это поселение Шагалалы I, расположенное в 100 км вниз по течению р. Чаглинка. В 1970 году Л.А. Макарова опубликовала предварительное сообщение о составе палеозоологических находок этого памятника. Остеологический материал в количестве 686 костей принадлежал крупному рогатому скоту, лошади и мелкому рогатому скоту (овцам и козам) (Макарова, 1970, с. 269). Костные остатки *крупного рогатого скота* были обнаружены во всех шести раскопанных землянках и, судя по собранному материалу, составляют наибольшее количество по сравнению с остатками других видов животных (Макарова, 1970, с. 270). Исходя из исследования костных останков *лошади*, было предположено, что древняя чаглинская лошадь была крупной породы, наиболее близкой по своим размерам какой-то дикой фауне, существовавшей в то время в Северном Казахстане (Макарова, 1970,

с. 274). Вместе с другими костными остатками животных на поселении найдены различные и довольно многочисленные кости *мелкого рогатого скота*. К сожалению, сохранность их очень плохая, они представлены в большинстве обломками разных частей скелета, что, безусловно, является результатом разрушения костей при использовании мяса в пищу. Тем более, что эти животные, как об этом свидетельствует большинство трубчатых костей без эпифизов, употреблялись в пищу в молодом возрасте. Автор отмечает, что по имеющимся немногочисленным и очень фрагментарным костям трудно судить, какой вид мелкого рогатого скота преобладал – овцы или козы. Но все же, данные исследования небольшого количества костей показывают, что овец было больше.

На основе вышеизложенных выводов, Л.А. Макарова заключает, что, судя по количеству костей, крупный рогатый скот составлял половину (51%) домашних животных на поселении Чаглинка (Макарова, 1970, с. 275). Подобная закономерность наблюдается и на синхронно существовавшем поселении Шагалалы II.

По результатам опубликованного в 2013 году анализа стабильного изотопа углерода современных эталонных животных жиров из Северного и Центрального Казахстана, было выяснено, что в эпоху бронзы на данной территории в посуде готовили мясо жвачных, несмотря на то, что очень мало признаков того, что конина употреблялась в пищу из керамической посуды. Эти доказательства указывают на ведение скотоводческого хозяйства, в большой степени основанного на использовании мясных и молочных продуктов от жвачных животных, причем лошади использовались, главным образом, для верховой езды и в качестве тягловой силы, а не как источник пищи (Stiar и др., 2013, с. 159-160).

Также не стоит забывать, что при реконструкции пищевого рациона древних людей необходимо обращать внимание на существующую природно-климатическую картину рассматриваемого периода. Зайберт В.Ф. при изучении Урало-Иртышского междуречья отметил, что наступившая резкая аридизация в регионе в конце III - начале II тысячелетия вызвала кризис экологических ниш (Зайберт, 2009, с. 323). Протекание данных процессов можно считать возможной причиной увеличения роли крупного рогатого скота в хозяйстве, что еще раз доказывает выводы Макаровой Л.А.

Суммируя все выше изложенное, судя по остеологическим материалам полученным с поселений Шагалалы I и Шагалалы II, можно говорить о значительном присутствии доместицированной фауны, в большинстве своем крупного и мелкого рогатого скота. Доля костей других представителей фауны (птиц) отсутствует или не сохранена.

Рыба. На поселениях Шагалалы I и Шагалалы II эпохи бронзы Северного Казахстана нечасто, но изредка встречаются предметы, связанные с рыболовством. Как правило, это единичные примеры бронзовых крючков, проволок, грузил. Например, Малютиной Т.С. был обнаружено изделие, изготовленное из прута квадратного сечения. Верхняя часть оформлена ввиде крючка. Длина изделия 4,6 см (Малютина, 1987, с. 18). В культурном слое поселений встречаются каменные грузила (Акишев, Хасенова, 2004, с. 43).

Так как поселения находятся на правом берегу р. Шагалалы, то вполне вероятно, что древнее население использовало в свой пищевой рацион и биоресурсы реки. Костные же остатки рыб не найдены. Причиной этого, вероятно, послужила их плохая сохранность в культурном слое и невозможность проведения более полноценного анализа.

Молочные продукты. В 2003 году из-за аварийного состояния памятника Шагалалы II, культурный слой которого размывался руслом реки, отрядом Ишимской стационарной археологической экспедиции под руководством К.А. Акишева и Б.М. Хасеновой на поселении были продолжены раскопки жилища. В культурном слое жилища были обнаружены мелкие бронзовые вещи, изделия из кости, камня, глины и в большом количестве фрагменты керамики (Акишев, Хасенова, 2004, с. 43-45).

Одним из загадочных находок, является изделие неясного назначения. Толщина стенки и дна одинаковы – 9 мм. Стенка немного загибается внутрь. Высота стенки до 7 см. Дно покрыто хаотично расположенными сквозными отверстиями, проделанными не полностью (Акишев, Хасенова, 2004, с. 44).

Средний диаметр отверстий 2 мм. Возможно этот предмет - сито для приготовления творога? И указывает, на употребление молочных продуктов в пищевом рационе населения эпохи бронзы Северного Казахстана.

Также на присутствие данного типа пищи указывает преобладание в составе скота жвачных животных. Доение жвачных животных (крупного рогатого скота и коз) было очень важной составляющей экономики бронзового века Казахстана.

Продукты земледелия. О наличии описываемого вида пищи археология может судить по предметам, связанным с хранением и приготовлением еды. Обычно, это глиняная и металлическая посуда. Макроостатки в емкостях, а также химические анализы пригаров позволяют реконструировать продукты и главные ингредиенты при приготовлении.

В 1983 году в раскопе I поселения Шагалалы II были обнаружены два целых каменных песта (Малютина, 1987, с. 18). Один из них (высотой 11 см) неправильной формы, плохо отшлифован, рабочая поверхность прямоугольная, имеет забитости. Второй пест имеет правильные прямоугольные хорошо зашлифованные грани, сверху – желобок для привязывания и круглый обушок. Вдобавок к этому, были обнаружены две крупные зернотерки, общими размерами 30 х 25см. Много фрагментов крупных прямоугольных плит, со следами обработки и шлифовки. Рабочая поверхность имеет следы забитости. Различные абразивы, терочники, лощила (10 штук) большей частью небольших размеров и сильно сработаны. Среди бронзовых изделий присутствуют обломок секача, нож с упором, крюк с втулкой и гвоздиком. Раскоп III среди прочего дал три каменных песта и обломки обработанных каменных плит (Малютина, 1987, с. 23).

У северо-западной стенки жилища были найдены два терочника. Первый ладьевидной формы из светло-коричневого гранита, толщина рабочей поверхности 3 см. Второй из темно-коричневого гранита, размеры 30х40 см, толщина 9,5 см (Акишев, Хасенова, 2004, с. 45).

В культурном слое поселения Шагалалы II, среди множества лепной керамики встречается около 12-15% станковой керамики разных размеров и форм. Обращает на себя внимание стратиграфическая позиция станковой керамики относительно керамики местного производства. В основном станковая керамика была зафиксирована внутри специальных хозяйственных ям, которые располагались на территории крытой хозяйственной постройки, примыкающей к жилищу (Сакенов, 2014, с. 560). Ямы, в которых были обнаружены фрагменты среднеазиатской посуды, имели различную форму (круглые, овальные) и размеры, что было связано с величиной и формой того или иного сосуда.

Именно в заполнениях ям обнаружены толстостенные фрагменты керамики, изготовленные на гончарном круге. Характеристика заполнения ям свидетельствует о хранении запасов земледельческой и скотоводческой продукции (Сакенов, 2014, с. 561). Говоря о распространении проса в Казахстане, можно отметить, что по изотопным данным предыдущих исследований, его потребление было зафиксировано в юго-восточных районах Казахстана приблизительно с XVIII в. до н.э., а в Центральном Казахстане с конца эпохи бронзы.

В течение полевого сезона 2013 года были взяты пробы почв с целью исследования ископаемых и современных спор (лишайников и мхов), а также пыльцы (цветковых и древесных растений). Образцы проб были изучены в лаборатории Института геологических наук имени К. И. Сатпаева палинологом С. Нигматовой. Результаты анализа показали преобладания в выборке полыни (лат. Artemísia), трехлопастных (лат. Trilobate) и, наиболее примечательно, мятликовых, или злаковых (лат. Poaceae) (Bonora, Sakenov, 2014, p. 122).

Наличие последних может напрямую указывать на присутствие земледельческой направленности в хозяйстве эпохи бронзы. Однако, как отмечет сам автор исследования Жан Лука Бонора, холмистый рельеф региона верхнего течения реки Чаглинка не пригоден для мелиараций и вспахивания крупными площадями. Поэтому здесь уместнее говорить о незначительной роли земледелия в явно скотоводческом хозяйстве поселения Шагалалы II (Bonora, Sakenov, p. 122, table 1).

В итоге можно отметить, что на территории Сибири и евразийских степей проведено достаточно большое количество изотопных исследований пищевого рациона древних обществ. Эти полученные данные применимы и для Казахстана. В целом, применительно к Евразийским степям, основные выводы этих исследований заключаются в следующем: – вплоть до середины эпохи бронзы рацион людей был основан исключительно на С3 ресурсах, т.е. не включал в себя просо;

– предположительно, рыба играла важную, хотя и не повсеместную роль в питании многих групп. Это подтверждают археологические находки, связанными с рыболовством;

– климатический фактор (аридность) оказывал сильное влияние на изотопные значения людей и животных, это особенно сказывалось в повышении $\delta^{15}N$ с уменьшением влажности региона (Hollund и др., 2010, p. 2971–2983);

По проведенной реконструкции можно судить о том, что для населения бассейна р. Шагалалы характерен комплексный тип хозяйства, то есть древнее население занималось параллельно как скотоводством, земледелием, рыболовство, охотничеством, так и ремеслом (предположительно металлургией).

Пища была мясной, рыбной, молочной, растительной. Их баланс был неодинаков в зависимости от сезонов года, исторической ситуации, уровня благополучия древних общин. Увеличение мясного рациона было связано с периодом перехода от присвающей к производящей системе хозяйства, который совпадает с резким увлажнением и периодическими похолоданиями в Северном Казахстане и прилегающих территориях в конце III - начале II тысячелетии до н.э. Континентальность климата и перепады погоды обусловили неравномерность в годичном цикле потребления мяса. Большая – основная часть годового потребления приходила на холодное время, меньшее – в теплое время года. Рыба, дичь, молоко компенсировали недостаток мясного рациона, а растительная пища балансировала общий объем калорий, витаминов и других необходимых для организма человека биокомпонентов.

Таким образом, наше исследование диеты и пищевого рациона населения эпохи бронзы Северного Казахстана по археологическим источникам из поселений Шагалалы I (Чаглинка) и Шагалалы II (Павловка) указывает на явное преобладание мясной и молочной, второстепенную роль растительной и незначительную долю рыбной пищи.

Литература:

Акишев К. А., Хасенова Б. М. Работы на поселении эпохи бронзы Павловка. Отчет о работах Ишимской стационарной археологической экспедиции в 2003 г. // Фонд библиотеки НИИ археологии им. К.А. Акишева ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, - Астана, 2004. л. 28- 47.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 576 с.

Малютина Т. С. Поселение и могильник Павловка. Отчет о полевых археологических исследованиях УКАЭ в Казахстане в 1982-1983 гг. // Фонд библиотеки НИИ археологии им. К.А. Акишева ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, - Челябинск 1987. л. 3- 26.

Макарова Л.А. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата, 1970. – С. 269-277.

Миляев Г.А. Методологические аспекты реконструкции традиционных хозяйственных систем древности // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. – Барнаул, 2010. – 160 с.

Сакенов С.К. Раскопки жилища на поселений Шагалалы II (Павловка) // Отчет о работах Есильской стационарной археологической экспедиции на территорий Акмолинской области в 2010 году. – Астана, 2011. - л. 25-32.

Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы II (К вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. – Астана, 2014. – С. 557-567.

Святко С.В., Бейсенов А.З. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры // Самарский научный вестник. – 2017. – № 3. - С. 223-227.

Bonora G.L., Sakenov S.K. *(with the collaboration of Sara Zaia)* A topographical and stratigraphical periplous around the bronze age settlement of Shagalaly II (Pavlovka), Akmolinsk region, Kazakhstan // Маргулановские чтения – 2014. Материалы международной археологической конференции. – Астана, 2011. – С. 335-340.

Chang C., Tourtellotte P.A., Baipakov K.M., Grigoriev F.P. The Evolution of Steppe Communities from the bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu). – Sweet Briar – Almaty, 2002. – 179 p.

Hollund H.I., Higham T., Belinskiy A., Korenevsky S. Investigation of paleodiet in the North Caucasus (South Russia) Bronze Age using stable isotope analysis and AMS dating of human and animal bones // Journal of Archaeological Science. – 2010. – № 37. - P. 2971–2983.

Outram A., Stear N., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Richard P. "Evershed The Earliest Horse Harnessing and Milking" //Science 323, 1332 (2009). – P. 1332-1335.

Stiar N., Evershed R.P., Outram A.K., Варфоломеев В.В. Идентификация остатков жиров в керамике поселения Кент методом анализа стабильных изотопов // Археологические исследования степной Евразии. – Караганда, 2013. – С. 150-159.

Түйіндеме

Г.Д. Біләлова, Э.А. Юмакаева

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,

Астана, Қазақстан

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚОЛА ДӘУІРІ ТҰРҒЫНДАРЫНЫҢ ПАЛЕОДИЕТАСЫН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕР АРҚЫЛЫ ЗЕРТТЕУ

Берілген мақалада палеоэкологиялық әдістер арқылы Шағалалы өзенінің алабындағы ежелгі тұрғындардың диета мен тамақтану мөлшерінің реконструкциясы жасалды. Палинологиялық сараптамалар бойынша Солтүстік Қазақстан жеріндегі малшаруашылығымен қатар егіншіліктің шағын рөлі анықталған.

Шағалалы II қонысынан табылған заттардың сараптамасы мен ежелгі қоғамдардың шаруашылық құрылымының реконструкциясы бойынша қомақты талдау мәліметтердің тартылуы Солтүстік Қазақстанның орта қола дәуірі тұрғындарының тамақтану моделін ұсынуға мүмкіндік берді. Солтүстік Қазақстанның қола дәуіріндегі ежелгі тұрғындардың диетасы мен тамақтану мөлшерінің археологиялық деректер арқылы зерттелуі, ет пен сүт тағамдарының басымдылық болғанын, ал өсімдік пен балықты екінші кезекте пайдаланған.

Summary

G.D. Bilyalova, E.A. Yumakayeva

L.N. Gumilyov Eurasian national university,

Astana, Kazakhstan

RESEARCH OF THE DIET OF ANCIENT COMMUNITIES IN THE BRONZE EPOCH OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES

In the article authors, basing on the paleoecological methods, provided data on the reconstruction of the diet and dietary habits of the ancient population in the Shagalaly river valley. According to the results of palynological analyses the study came to the general conclusion about the minor role of agriculture in the cattle-breeding economy of the Bronze Age in Northern Kazakhstan.

Analysis of the archeological findings of Shagalaly II settlement and drawing on vast amount of supplementary information on reconstruction of the ancient societies' economic structure enabled to propose new model of the diet which existed in the Bronze age population of Northern Kazakhstan. The results of that study showed a clear predominance of meat and dairy products, but a supporting role of plant food and a marginal part of fish-based diet.

Варфоломеев В.В.
Карагандинский государственный университет
имени Е.А. Букетова
Караганда, Республика Казахстан

УДК 903/904

ПОСЕЛЕНИЕ КАМАЛ – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ

Публикация подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Древнейшие города Казахстана (исследование городских и культурно-хозяйственных центров эпохи бронзы)»

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Средний бронзовый век, Поздний бронзовый век, поселения, раскопки, культура.
Түйінді сөздер: Орталық Қазақстан, орта қола дәуірі, соңғы қола дәуірі, тұрғын үйлер, қазба жұмыстары, мәдениет.
Keywords: Central Kazakhstan, Middle Bronze Age, Final Bronze Age, dwellings, excavations, culture.

В 2017 г. экспедицией КарГУ имени Е.А. Букетова были начаты исследования поселения Камал, открытого в 2010 г. Памятник находится в 80 км восточнее г. Караганды, в Бухаржырауском районе Карагандинской области, в 18 км к юго-востоку от с. Шешенкара, в 5,5 км к юго-востоку от моста через р. Ащису, в 2,5 км к юго-западу от трассы Караганда – Каркаралинск. Расположен на низкой надпойменной террасе правого берега реки Нуры, в 1,2 км к западу-юго-западу от зимовки Актас (Камал).

На площади около 15 000 м^2 узкой полосой тянутся остатки 31 постройки (рис. 1). Они составляют две группы. Группа 1 – развалины каменных оснований стен 26 жилищ, густо поросшие высокой караганой и занимающие юго-западную часть памятника. Постройки этой группы подпрямоугольной или овальной формы, размером от 10×15 до 12×18 м, с неглубокими котлованами. Ширина развалов стен от одного до двух метров. Застройка плотная и иногда стены соседних жилищ смыкаются. Самая большая каменная постройка (№1 на плане) размером 18×22 м, со стенами шириной около двух метров находится на западной окраине поселения и не имеет видимых признаков котлована.

Вторая группа построек занимает северо-восточную периферию площадки памятника и состоит из пяти овальных котлованов глубиной около 0,5 м, размером 12-15×20 м (рис. 1). В одном из котлованов (№29) хорошо видны вертикальные гранитные плиты облицовки восточной стенки жилищного котлована.

Южнее этой группы построек у береговой террасы был заложен рекогносцировочный раскоп размером 3×9 м. Под слоем дерна толщиной около 15 см залегал золистый слой рыжего цвета мощностью до 50 см с линзами серой золы. В слое встречались отдельные большие гранитные камни, кости животных, керамика. Найдены орудия и изделия из камня и тупик из челюсти лошади. По уровню материка зафиксировано 15 небольших ямок диаметром 15-20 см и глубиной до 15-20 см. У северной бровки была расчищена вошедшая в раскоп часть хозяйственной ямы длиной 1,8 м, глубиной 1,65 м от современной поверхности. Яма была заполнена раздробленными костями домашних животных, среди которых череп и кости коровы, кости лошади и овцы. В верхней части ямы были найдены две нижние челюсти некрупного хищника семейства псовых, вероятно, корсака.

Комплекс каменных инструментов из раскопа 1 представлен пятью предметами. Пест (рис. 2, *1*) размерами 10,7×6,5×4,7 см. Использовался цельный камень светло-серого оливинита, без предварительной обработки, на рабочей поверхности следы сработанности в виде бессистемных мелких сколов.

Рыболовное грузило из куска крупнозернистого песчаника, размерами 8,5×8×4,6 см, в разрезе подтреугольное. На трех гранях способом точечного пикетажа сделаны выемки для привязывания (рис. 2, *2*).

Мотыга, изготовленная из плитки серого гранита, размером 19×11,5×3,3 см. На боковых плоскостях сделаны по две выемки для привязывания. Судя по наличию желвачной корки, лезвие не подрабатывалось (рис. 2, *3*).

Фрагмент песта из серого песчаника. Примерные размеры рабочей площадки 4,7×3,9 см (рис. 2, *4*).

Пест размером 6×6,8×6,2 см. Использовался кусок белого кварца с одной рабочей площадкой и с выемками на двух боковых гранях для привязывания (рис.2, *5*).

Найден тупик, изготовленный из правой ветви нижней челюсти лошади (рис. 2, *6*), использовался как орудие для мездрения шкур и обработки кож.

Керамика из раскопа 1 представлена 337 фрагментами сосудов. Обломки принадлежат сравнительно тонкостенным сосудам горшечных и баночных форм с округлыми венчиками (рис. 3; рис. 4). Орнаментовались шейки и стенки. Элементы декора – каннелюры, треугольники, ямочные вдавления, желобки. Техника нанесения рисунка – мелкий и крупный гребенчатый штамп, прочерчивание, каннелирование, нарезка. Эта керамика имеет широкий круг аналогий в погребальных и поселенческих комплексах федоровской (нуринской) культуры Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 80, рис. 17; с.81, рис. 18; Ткачев, 2002, с. 28, рис. 15).

Очевидно, культурный слой, связанный со второй группой построек, сформировался в период эксплуатации береговой площадки одной из популяций населения федоровской культуры периода средней бронзы, вероятно, в первой половине II тыс. до н.э. На данном этапе исследований комплекс из раскопа 1 поселения Камал может быть датирован в широких хронологических рамках, определенных на основании радиоуглеродной хронологии памятников федоровской культуры Урала и юга Западной Сибири и соответствующих первой половине II тыс. до н.э. (Илюшина, 2014; Кирюшин и др., 2007, с. 258-273; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 136-167).

Следует отметить, что из монокультурного ряда керамики из раскопа 1 выбивается фрагмент с воротничковым оформлением приостренного венчика с узкими семечковидными вдавлениями (рис. 3, *7*). Воротничок, как деталь венчика сосуда, широко представлен в керамических комплексах валикового типа поздней и финальной бронзы. Такой комплекс содержится в слое раскопа 2 поселения Камал. В слое первого раскопа фрагмент с воротничком оказался в результате деятельности обитателей поселения на второй фазе заселения площадки памятника. Вместе с этим фрагментом был найден и тупик, что может указывать на принадлежность этого орудия к материалам финальной бронзы.

Раскоп 2, площадью 81 м^2, был разбит на краю западной части поселения и охватил часть каменной постройки из второй группы сооружений. Культурный слой бедный находками, тонкий, за пределами развалов каменной стены он составляет 10-15 см, внутри постройки достигает мощности 30 см. Найдены раздробленные кости животных, несколько каменных пестов, бронзовая бляшка, керамика и железный слиток.

Пест из гранита, обломан, размеры сохранившегося фрагмента 6×4,3×3,7 см, в разрезе овальной формы, с круговой выемкой для привязывания. На овальной рабочей площадке видны мелкие сколы – следы сработанности (рис. 5, *1*).

Фрагмент литейной формы из мелкозернистой породы размером 5,7×2,2×2 см. Категорию отливаемых изделий определить по этому фрагменту невозможно (рис. 5, *2*).

Каменный пест из плотной породы ноздреватой структуры размером 10,2×7,1×4,8 см с одной рабочей площадкой сферической поверхности (рис. 5, *3*).

Фрагмент каменного диска из оталькованной породы. Реконструируемый диаметр диска – 6 см, в средине изделия просверлено отверстие диаметром около 4 мм (рис. 5, *4*).

Пест из серого оливинита, размером 9,8×6,6×4,3 см. Использовался камень без предварительной обработки. Следы сработанности видны на противоположных площадках и на одной боковой ребристой грани орудия (рис. 5, *5*).

Лощило из плотного мелкозернистого песчаника, сломано поперек, размеры 6,4×1,5×1,9 см. Найдено в колее степной дороги северо-восточнее раскопа 2. Одна рабочая площадка, плоская, направления работы не читаются (рис. 5, *6*).

Лощило каменное, изготовлено из гальки брусковидной формы, размером 3×1,8×1,2 см. Рабочая площадка плоская, со следами поперечной сработанности (рис. 6, *2*).

Бронзовая (?) круглая бляшка на ножке, с внешней стороны выпуклая, с внутренней вогнутая, диаметром 1,6 см, высота ножки 0,7 см (рис. 6, *1*). Бляшки подобного типа широко известны в памятниках поздней и финальной бронзы (Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 89, рис. 41).

В раскопе были найдены также четыре отщепа без подработки, кусок плотной желтой охры и небольшой кусочек железного шлака.

Керамика представлена 440 фрагментами преимущественно толстостенных сосудов. По сохранившимся венчикам и шейкам выделено 52 сосуда, но по днищам только 18. Стенки сосудов

преимущественно не декорированы. Орнамент отмечен только на 27 фрагментах. Он включает такие элементы как линии, нанесенные крупным зубчатым штампом (рис. 6, *3, 9*), ногтевые вдавления (6, 15), отрезки линий (рис. 6, *16*), елочка (рис. 6, *11, 12*), каннелюры (рис. 6, *10*). На двух фрагментах присутствуют ямочные вдавления (рис. 6, *9, 14*).

На десяти из 52 сосудов имеется валик, налепной (3 случая) или формованный (7 случаев). Валики преимущественно гладкие или рассечены крестообразными отрезками, уплощенные, на двух сосудах они резко выступающие (рис. 7, *1, 23*). На одном сосуде есть выдавленные изнутри жемчужины (рис. 7, *10*). В целом, керамический комплекс из раскопа 2 соответствует посуде валикового типа, известной на широкой территории степной зоны в памятниках бегазы-дандыбаевской культуры (Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 129 – 131, рис. 67 – 69; Маргулан, 1979, с. 172, рис. 125; Маргулан и др., 1966, с. 217, табл. XXVI). Но в нем присутствуют и такие детали декора как жемчужник и ямочные вдавления, известные на посуде донгальского типа (Бейсенов, Ломан, 2009, с. 54, рис. 26; Варфоломеев, 1987, с. 64, рис. 5; Ломан, 1987; Папин и др., 2015, с. 127, рис. 8), что должно указывать на сравнительно позднюю хронологическую позицию жилищ группы 2 Камала. Вероятно, постройки второй группы были возведены на начальной стадии донгальского этапа периода поздней бронзы Казахстана. Наиболее приемлемая дата этого этапа XI – начало IX вв. до н.э.

В коллекции выделенных сосудов из раскопа 2 фрагменты пяти сосудов отличаются тонкими стенками, гладкой поверхностью, один фрагмент с плоским валиком и орнаментом в виде треугольников на шейке, подчеркнутых рядами линий, нанесенных мелким гребенчатым штампом (рис. 7, *20*). Вероятно, эти сосуды из категории керамических импортов, которые присутствуют в большинстве памятников поздней и финальной бронзы Казахстана (Варфоломеев, 2013).

Некоторые особенности комплекса второй группы построек позволяют предполагать достаточно высокий хозяйственный и культурный статус этого памятника. Площадь бегазы-дандыбаевского поселения около 1,5 га, на ней размещалось не менее 26 жилищ. Большое сооружение №1, вероятно, по своим функциям аналогично большим каменным оградам в Кенте, которые были площадками для общественных собраний и проведения обрядов (Варфоломеев, 2011). Присутствие импортной посуды, очевидно, свидетельствует о межкультурных контактах, в которых было задействовано население Камала. В связи с проблемой производства железа в период поздней и финальной бронзы особый интерес представляет находка железного шлака в слое финальной бронзы этого памятника, позволяющая предполагать существование на поселении донгальского времени железоделательного производства.

Таким образом, поселение Камал содержит материалы двух культурно-хронологических комплексов: андроновского-федоровского периода средней бронзы и донгальского финальной бронзы. С севера к площадке памятника примыкает могильник из каменных оград и курганов подквадратной формы (бегазинские мавзолеи?), что дает основание считать поселение и могильник оригинальным археологическим комплексом, очень перспективным для изучения актуальных проблем бронзового века степной зоны.

Литература:

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Інжу-Маржан полиграфия, 2009. – 264 с.

Варфоломеев В.В. Кент – город бронзового века. Новые исследования в эпоху независимости // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). – Алматы, 2011. – С. 85-97.

Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова. – Алматы, 2013. – С. 167-197.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 56-68.

Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье // Российская археология. – 2014. – № 3. – С. 26-38.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.М., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология бронзового века на Алтае (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. Том XIII. Новосибирск, 2007. – С. 258-273.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115-129.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 336 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – 435 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Том 13. – № 3. –2014. – С.136-167.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. – №2 (12). –2015. – С. 115-143.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. – Тюмень, 2002. – 289 с.

Түйіндеме

В.В. Варфоломеев

Қамал елді мекені – қола дәуірінің жаңа ескерткіші

2017 ж. қола дәуірінің жаңа ескерткішін – Қамал елді мекенін – зерттеу жұмыстары басталды. Ол Қарағанды қаласынан шығысқа қарай 80 км, қашықтықта Нұра өзенінің оң жағалауында орналасқан. Екі үймереттер тобынан құрылған. 1-топ – доңғал типтес керамикадан қаланған 26 тұрғын үйдің тас үйінділері. 2-топ – андроново-федорово типіндегі керамикасы бар бес қазаншұқыр. Орта және соңғы қола дәуірі кезеңдеріндегі халықтың материалдық мәдениеті мен шаруашылығы бойынша материалдар алынды. Елді мекенмен бірге, бәлкім, ерекше ареологиялық кешен құрайтын тас қоршаулар мен қорғандардан тұратын қорым қыстақпен солтүстігінен шектесіп жатыр.

Summary

V.V. Varfolomeev

Kamal settlement – a new monument of the Bronze Age

In 2017 there was started the investigation of on a new monument of the Bronze Age – the Kamal settlement. It is located 80 km east of the city of Karaganda on the right bank of the Nura River. It consists of two groups of structures. Group 1 – stone ruins of 26 dwellings with Dongal type ceramics. Group 2 – five pits with Andronovo-Fedorovo type ceramics. There were received the materials on material culture and economy of the population of the middle and final bronze periods. From the north to the village it is adjoined a burial ground consisting of the stone fences and barrows, which together with the settlement, probably, makes the original archaeological complex.

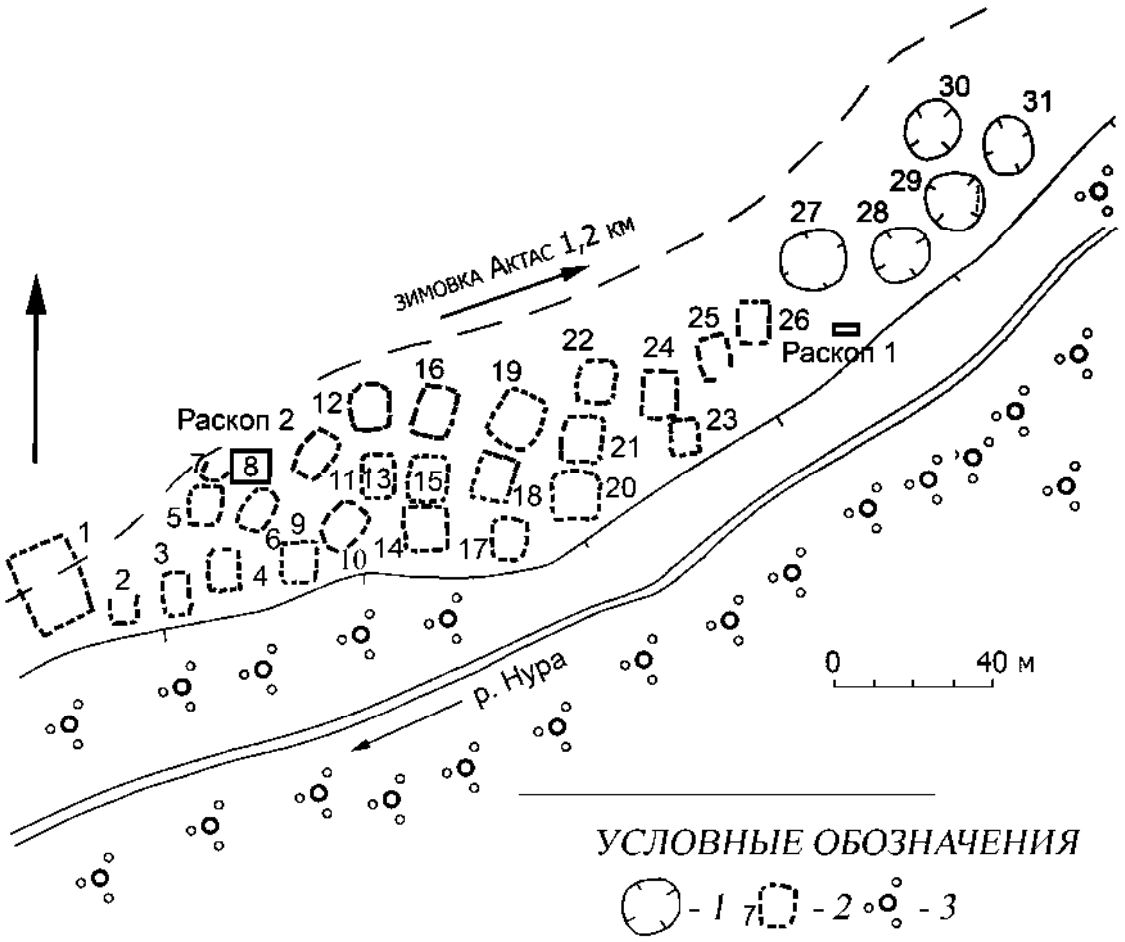


Рис.1. Поселение Камал. План. 1 – жилищная впадина, 2 – каменная постройка, 3 – кусты

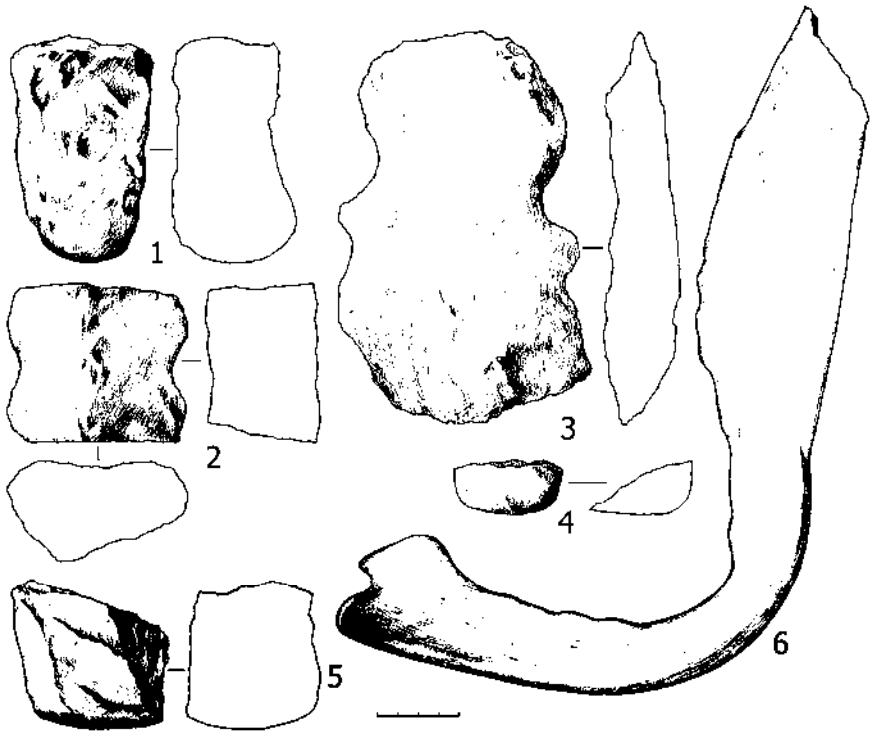


Рис. 2. Поселение Камал. Раскоп 1. Изделия и орудия из камня (1-5) и кости (6)

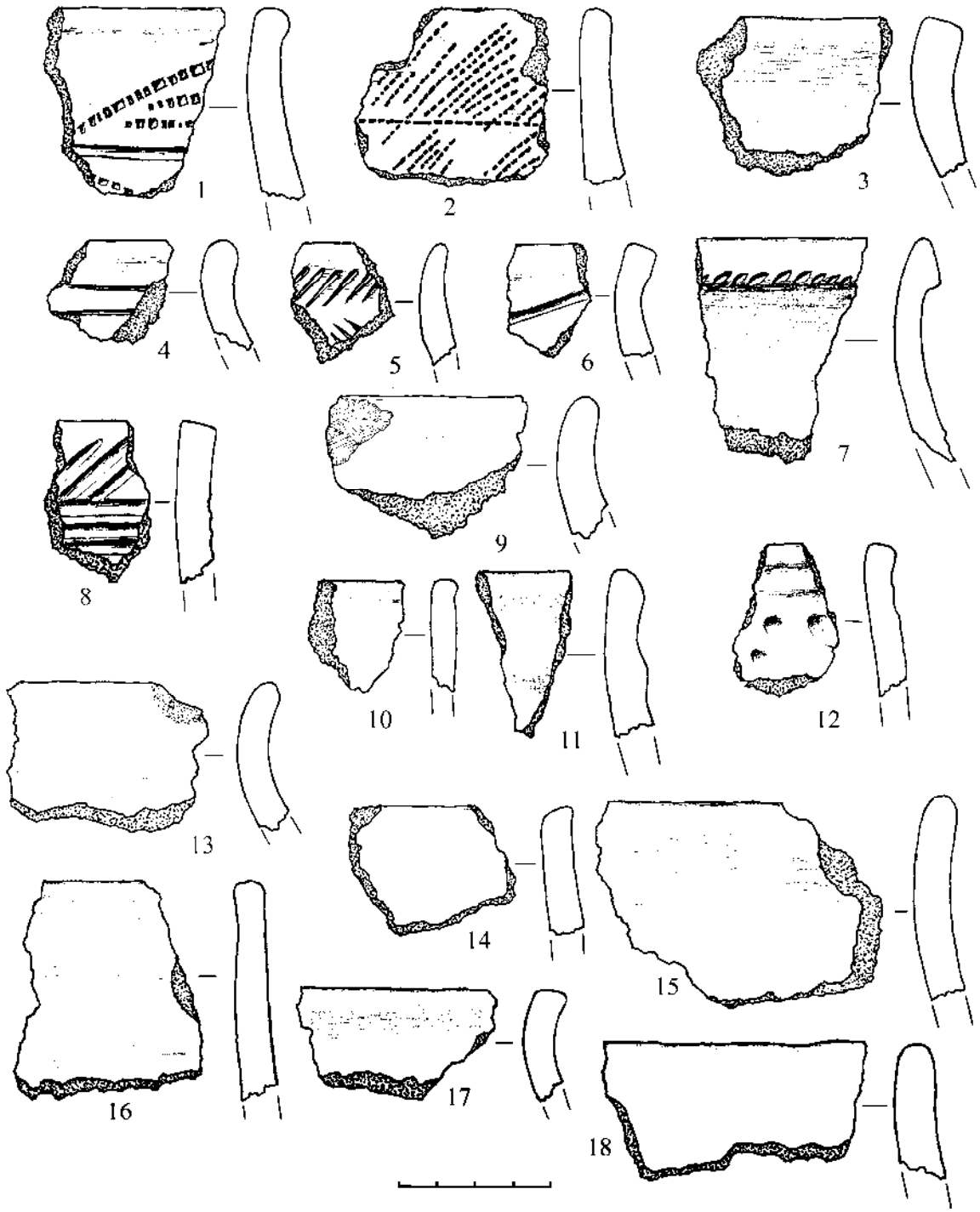


Рис. 3. Поселение Камал. Раскоп 1. Керамика

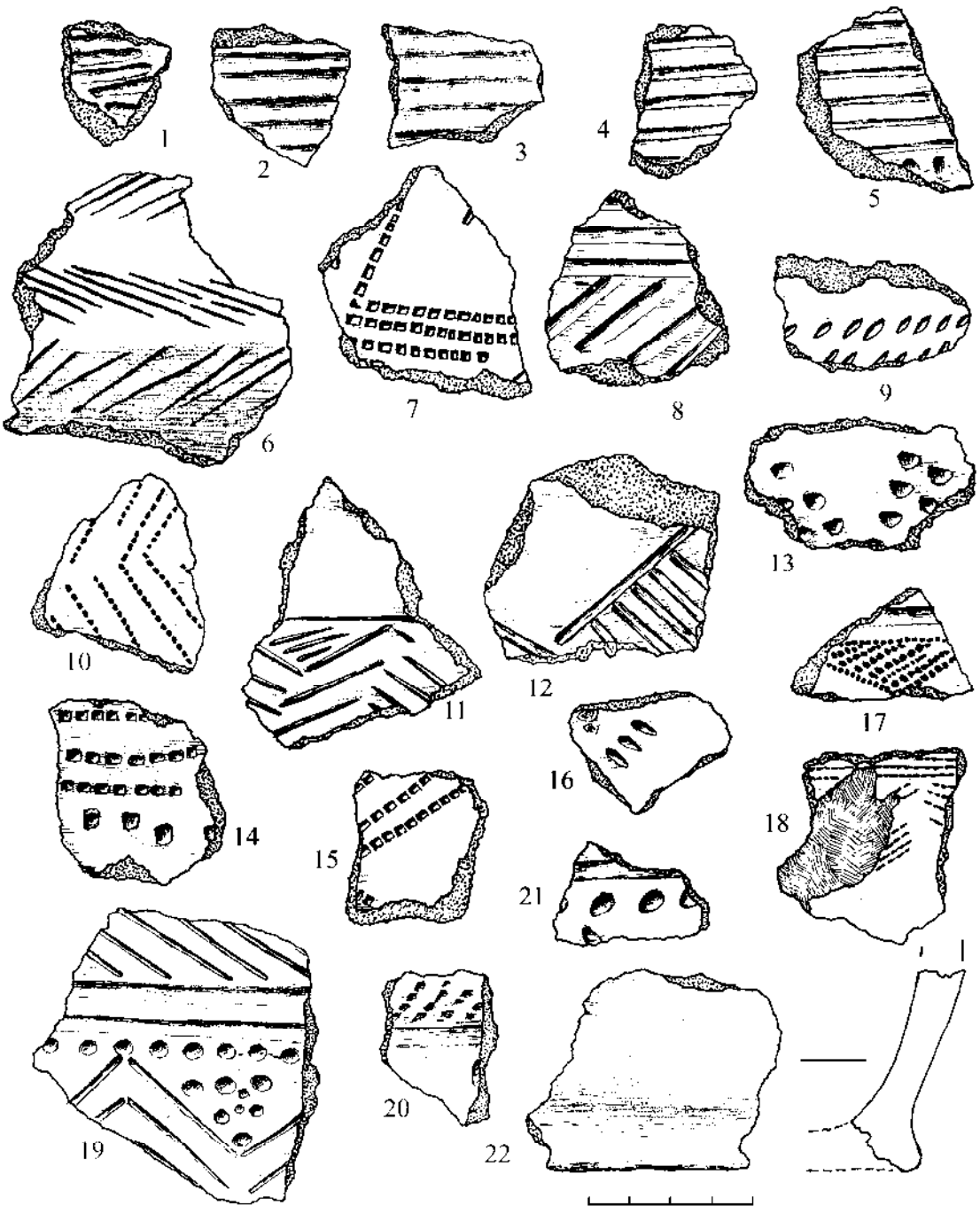


Рис. 4. Поселение Камал. Раскоп 1. Керамика

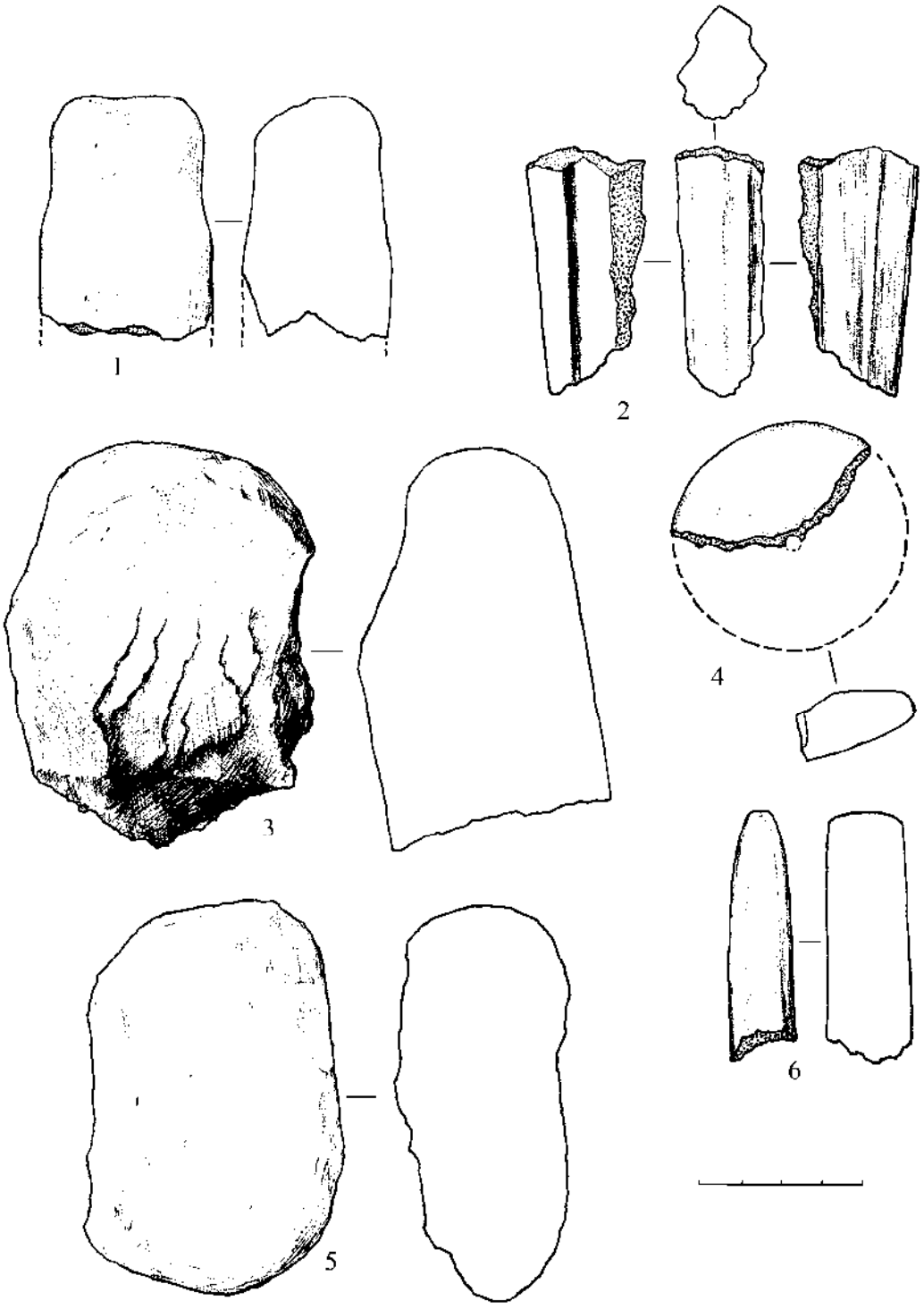


Рис. 5. Поселение Камал. Раскоп 2. Изделия и орудия из камня

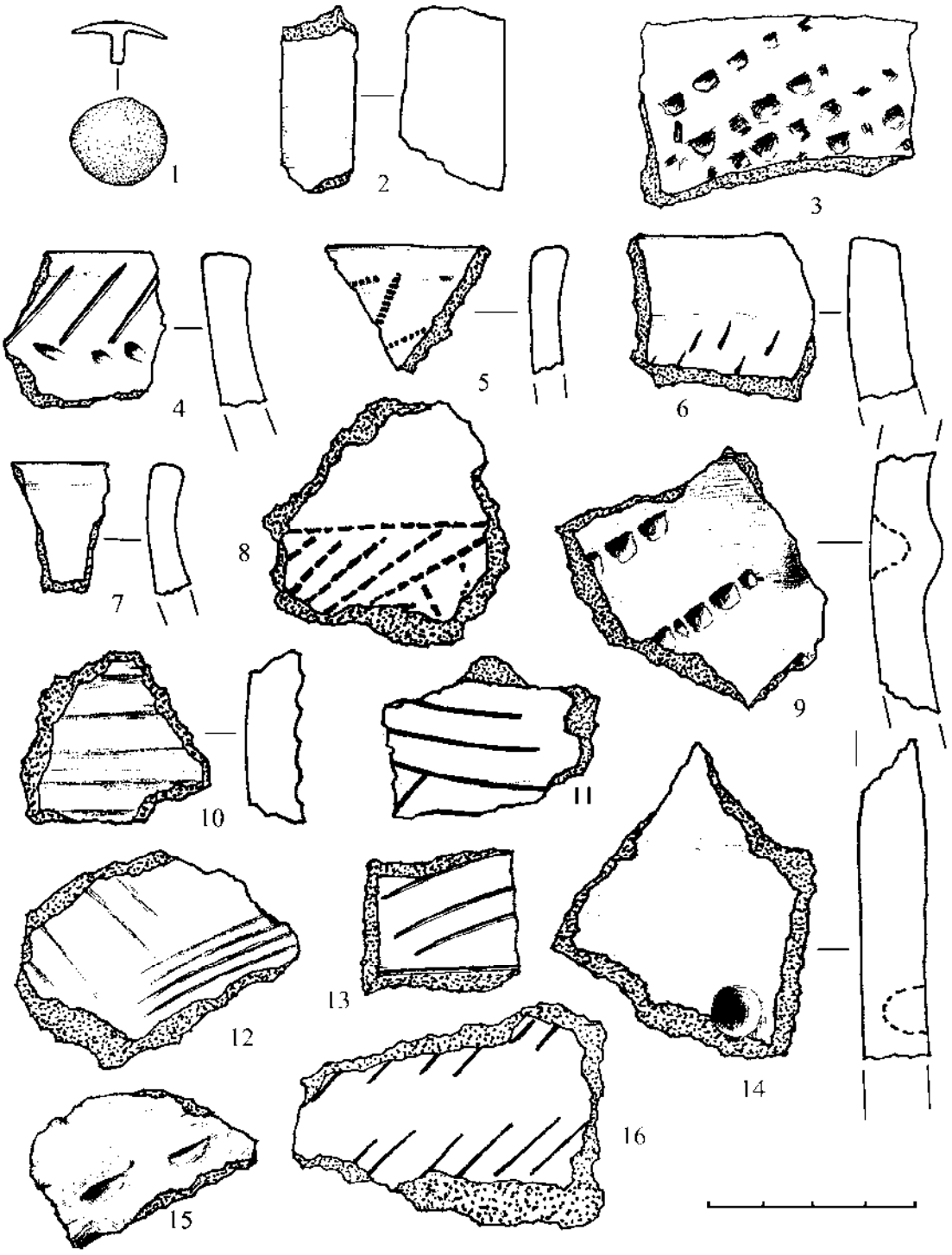


Рис. 6. Поселение Камал. Раскоп 2. Бронзовая бляшка (1), каменное лощило (2), керамика (3-16)

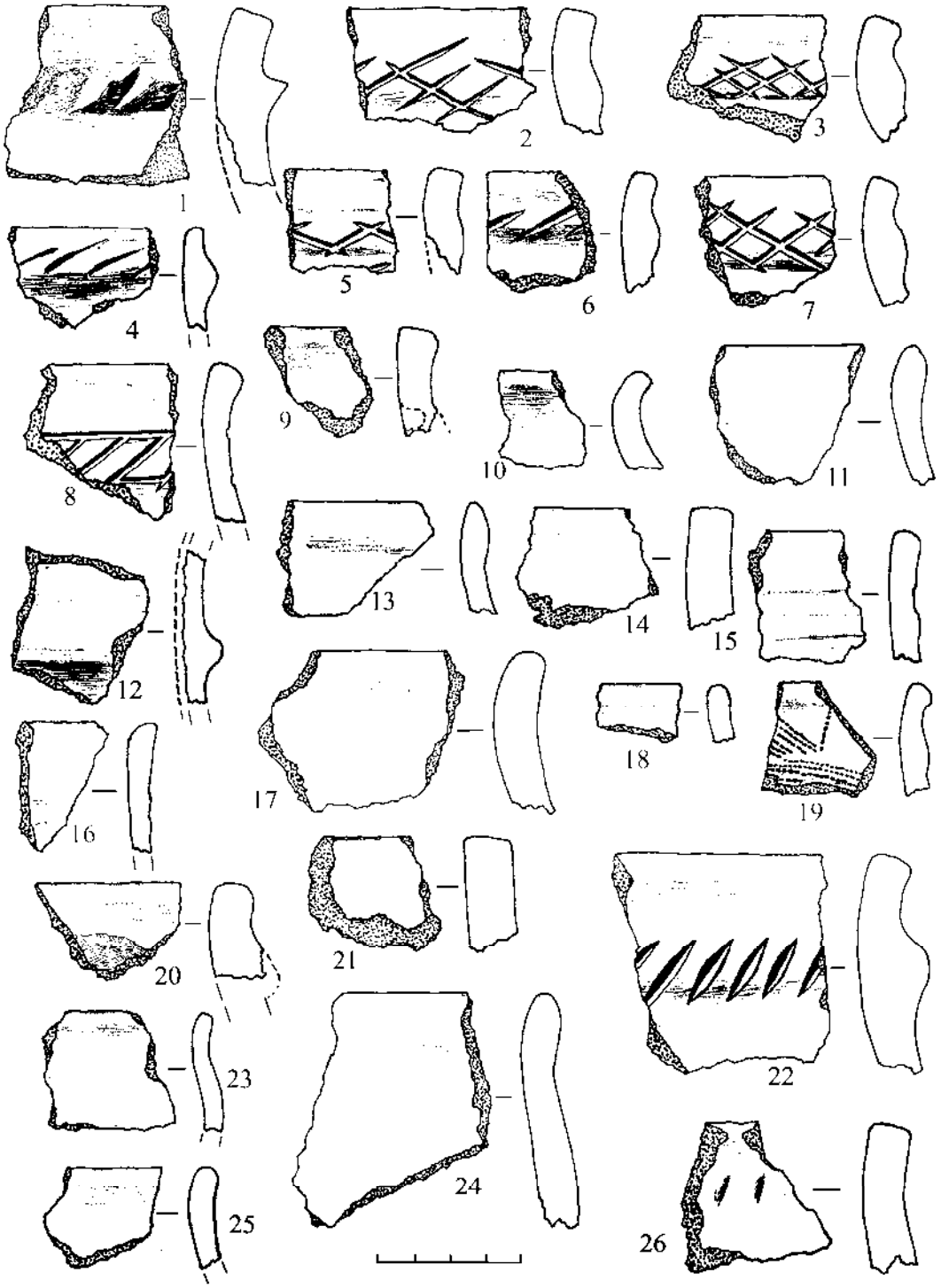


Рис. 7. Поселение Камал. Раскоп 2. Керамика

Вртанесян Г.С.
Центр изучения религий.
Российский государственный гуманитарный университет

УДК 903.1

"ЗМЕЕДЕРЖЕЦ" В АЗИИ. МИГРАЦИЯ ОДНОГО СИМВОЛА.

Ключевые слова: Змеедержец, культовая символика, период ранней бронзы Передней и Средней Азии. Миграция календарного символа, Загрос, Маргиана, Сибирь, Приамурье.
Keywords: Zmeederzhets, cult symbolics, period of early bronze of Forward and Central Asia. Migration of a calendar symbol, Zagros mountains, Margiana, Siberia, Priamurye.

В конце III тыс. до н.э. на Юге Туркмении, Средней Азии функционирует "культура оазисов", в том числе и Маргиана (Маргуш), которая становиться медиатором приема-передачи культурных импульсов, между разными частями Азии, включая север долины Инда (Массон, 1999, с. 283). Различным аспектам взаимодействия её с культурами Малой Азии, Месопотамии, Ирана и Северо – Западной Индии посвящены сотни работ (см. библ. в (Сарианиди, 2001; Francfort, 2010, p. 65 -67; Possehl, 2010, p. 128). Но при этом почти нет работ по исследованию вектора ее взаимодействия с северо – восточной частью Евразии. С конца третьей четверти III тыс. до н.э. этим "мостом", могли быть культуры БМАК (бактрийско – маргианского археологического комплекса).

Стеатитовые статуэтки в окуневских погребениях, по роли и назначению Кожин П.М. сравнил с составными статуэтками Маргианы. Это относится и к палочкам из кости, с почти одинаковым орнаментом в виде косых крестов (Кожин, 2004, с.90). В Гонуре они были сделаны из слоновой кости (Sarianidi, 2008, p.303, fig. 41), а в могилах афанасьевской культуры на Енисее, - из кости (Киселев, 1951, с.31, табл.III; с. 41, табл. VI, 8.4; Кожин, 2010, с.139). В. Время событий, отвечающее климатической катастрофе (арридизация сер. III тыс. до н.э.) в Передней Азии, дает основания для выбора в качестве маркера путей миграций населения в поисках стабильных источников водоснабжения в первую очередь календарной символики. Исход населения происходил в самых разных направлениях (о его особенностях см. в (Массон, 1999, с.278-280)). В основу работы положен анализ семантики календарной символики, составной части календарного мифа, который является совокупностью мифологизированных представлений о циклическом ходе времени в природе, соотнесенной с особенностями климата в период их формирования (Вртанесян, 2010, с.412). Он отражает сезонные особенности фауны, и формы небесных тел (Луны, Солнца, некоторых созвездий и др.). Для решения поставленной задачи, необходимо выделение и анализ наиболее характерных типов календарной символики в Евразии начиная с V тыс. до н.э. В.И. Сарианиди выявил миграцию ряда символов, - "хозяин животных", "акробат и бык", "коленопреклоненный" и др., на протяжении III тыс. до н.э., с запада (Малая Азия, Иран) на восток, вплоть до северо – запада Индии (1993, p.670, fig. 57.2). Но изображений "змеедержца" (ЗД) в них не было, ниже краткая история его появления. Назовем так символ, состоящий из "битреугольный" фигуры (чаще антропоморфной), фланкированной изображениями змей головой вверх. Их отличительные особенности, - битреугольная форма за счет широких плеч, подчеркнуто узкой талии и широко расставленных ног. Иногда такой профиль достигался покроем одежды. Наиболее ранние его изображения известны из глиптики Тепе Гийян (Caldwell, 1976. Fig. 116,125), Суз, Телль Асмара (Amiet,1961. Pl. 6 - 118; Pl. 7 - 148,151; Hole, 2007. P.176. Fig.a) (рис.1-1), относящиеся к V-IV тыс. до н.э. Эти памятники находятся на северном берегу р. Тигр. В самой Месопотамии этого периода (V-IV тыс. до н.э.) изображения ЗД автору неизвестны (см. напр. (Amiet, 1961, Pl.10 -79)). ЗД бывают включены и в сложные сюжеты, в окружении фантастических существ "птицелюдей", хищников, копытных, птиц и др. Сарианиди, 2004, с.327, рис.5; Porada, 1993. Fig. 17) (рис.1-2).

Один из культовых символов БМАК орел – змееяд, прилет которого в начале апреля практически совпадал с весенним равноденствием, а отлет в конце сентября, - с осенним (БЭС, 1986. С. 215). Его изображение с двумя змеями по бокам, встречается на печатях БМАК (Sarianidi, 1998. P. 81, 87) (рис.2), известны и многочисленные сюжеты с антропоморфными ЗД, с козлиной или бычьей головой. На вытянутых руках они держат по одной "змее", либо с обеих сторон фланкированы извивающимися змеями. Но ни на одном памятнике на северном берегу Тигра нет ни одного (!) изображения ЗД в виде орла или любой другой птицы, то есть вариант орел "змеедержец" отражал сугубо среднеазиатские реалии, по сути являясь, отражением некой мифологемы универсального

характера. Биологическая активность змей ограничена границами холодного и теплого сезонов года, совпадающими обычно с равноденствиями. С учетом реалий, - сочетание змееяда и змей, это по-видимому, символ лета. Но на хронологически близких памятниках Иранского нагорья эпохи РБ и СБ, - Тепе Сиалк (Ghirshman, 1938), Шахри – Сохта (Тоси, 1971. С. 16 -25), Яхья – Тепе (Lamberg – Karlovsky, Tosi, 1973. P. 21-59) изображений ЗД нет. Изображение его есть в Шахдаде (сер.III тыс. до н.э), - на треугольной "лопаточке", ob. № 4506 (Hakemi, 1997. P. 715) (рис. 2). Появление образа "змеедержца" именно в V тыс. до н.э. ("атлантик") ожидаемо, это был самый теплый и влажный период голоцена, наиболее благоприятный для "взрывного" размножения фауны, и змей в том числе. На древнейшей глиптике (Тепе Гийян, Сузы-1, Телль Асмар) это антропоморф с битреугольной фигурой (анфас) и лицом в профиль. По компоновке ("Центр", фланкированный фигурами), сюжет ЗД композиционно близок к "хозяину животных" ("master of animals"). "Хозяин" держит на разведенных и полусогнутых руках за горло хищников (лев, тигр) или за хвост животных (козел, бык), либо просто на них опирается. Они есть в месопотамской глиптике урукского периода (см. напр. (Amiet, 1961, Pl.32-38). В Сузы -1 образы ЗД и "хозяина животных" иногда сливаются воедино, - с сочетанием антропоморфной фигуры с козлиной головой и кроме змей в сюжете могут быть рыбы или животные (Amiet, 1961, Pl. 6, fig. 117, 118,120). Образ "хозяина животных" встречается в глиптике БМАК (Sarianidi, 1998, P. 21) и "доходит" до Северо – Западной Индии (Хараппа). Ещё одна особенность некоторых изображений "хозяина животных" из долины Инда, - замена львов на тигров, - дань реалиям (см. в (Sarianidi, 1993. p. 670, fig. 57.2)).

Если изображения "парных" змей в глиптике с указанных памятников предгорий Загроса можно рассматривать, лишь в качестве маркеров границ сезонов (зима - лето), то их появление в глиптике БМАК вместе с орлом - змееядом, допустимо полагать уже обозначением летнего сезона. Ареал распространения этого календарного символа на рубеже III – II тыс. до н.э. избирателен, изображений с ЗД, как уже было сказано, нет в Тепе Сиалке, Яхья Тепе и Шахри Сохта, но есть в материалах Шахдада. Это изображение верхней части тела обнаженного рогатого персонажа, с признаками полового диморфизма (женская грудь и щетина на лице), с руками, разведенными в стороны, и подчеркнуто большим носом. Очень толстые, пятнистые "змеи" "пересекают" лучевые кости рук (между локтем и запястьем), причем змеи "смотрят" наружу. Снизу и сверху ЗД, заключен в "дуги", с изображениями горизонтальных шевронов. На нижней дуге их 9 штук, на верхней, - 27. Над серединой верхней дуги изображена шестилучевая звезда (Hakemi, 1997. P. 715) (рис.2). Эта числовая символика (27 как длительность сидерического лунного месяца вкупе с изображением шестилепестковой "розетки") дают некоторые основания включить этот сюжет в поле календарного мифа. ЗД иногда оказываются включенными в многофигурные и сложные композиции. Сюжет с двумя ЗД есть на печати из Хафаджи (р.Дияла, северный приток Тигра). Сюжет многофигурный, на нем есть пара быков (слева) и "львов" (справа). Есть ещё и пара львов, один из которых повержен, и изображение пикирующей на него хищной птицы с большим кривым клювом, а также растения. Опуская анализ этого сюжета, отметим что, ЗД на нем, вероятнее всего, наделены разной семантикой, на это указывает ряд деталей. Например, фигура ЗД слева расположена между стоящими быками, правая, - между сидящими львами. Змеи у левой фигуры "смотрят" в стороны, а правой, - "внутрь". Левый ЗД сидит, тогда как правый ЗД стоит. Над левым плечом у обоих есть изображение шестилепестковой "розетки". Дополнительно у левого ЗД изображена "скобка", напоминающая лунный серп (Porada, 1993. Fig.17) (рис.1-2). Маллоун М.Э. опираясь на изображения растительности, быков, змей и текущей воды соотносил семантику этого сюжета с ритуалом вызывания дождя, (Mallowan, 1965. P. 23). Но в месопотамской глиптике II тыс. до н.э подобные сюжеты, - редкость. В работе (Антонова, 1983. С. 14) отмечалось, что в глиптике аккадского периода мало изображений змей, и, следовательно, в календарном мифе аккадцев в начале II тыс. до н.э., сюжет с ЗД "главным" или основным, по-видимому, не был. Композиционно близкий сюжет с ЗД на печати из темно – серого хлорита, с антропоморфом и торсом треугольной формы, найден на памятнике рубежа III – II тыс. до н.э. (о-в Бахрейн, в Персидском заливе, Дильмун – Файлака) (Kjarum, 1983. Fig. 54). Символ в проеме (рамке) прямоугольной формы. С обеих сторон проема изображены змееподобные существа с рогами на голове и раскрытой пастью. Их держат одной рукой, сидящие на стульях мужчины. Головы змей также направлены наружу (рис.2). Расположение ЗД из Дильмуна, - внутри "дверной рамки", позволяет допустить трансформацию семантики образа, с превращением его в божество "входа – выхода" (стража ворот), своего рода параллель римскому Янусу. То есть образ ЗД был достаточно распространен, на территориях, лежащих к северу и востоку от р.Тигр, и появившись в предгориях Загра в раннем бронзовом веке (V –IV тыс. до н.э. в "атлантике"), затем оказался в Иране (Сузы) и в

III тыс. до н.э. распространился на восток, - в Южную Туркмению и Среднюю Азию (БМАК), и на юг, - до Персидского залива (о. Бахрейн, Дильмун – Файлака).

Для объективного сравнения календарной символики по регионам, дан краткий обзор символики Сибири конца III тыс.- начала I до н.э. В Восточной Сибири (конец 3 тыс. до н.э.) она представлена в основном, петроглифами, и несравнимо меньше пластикой (Вртанесян, 2013. С.113) Основная часть мелкой пластики этого периода, - фигурки рыб (камень, кость), (более сотни находок), в них, по видовому составу, преобладают налим и омуль. Фигурок лосей и медведей в Сибири этого периода, - не более полутора десятка. Пик биологической активности налима (нерест, икромет) зимний сезон, с октября по март, при температуре воды близкой к нулевой (БЭС,1986. С. 392, 393). Можно поэтому считать его символом зимнего сезона (октябрь-март). Время нереста налима совпадает с периодом видимости Ориона, а пик икромета с кульминацией самой яркой звезды созвездия Бетельгейзе (“плечо великана”) (Щеглов, 1996. С. 102 – 105), и зимним солнцестоянием. Начало нереста омуля обычно осеннее равноденствие (БЭС, 1986. С.425). То есть эти виды рыб, добыча которых была еще и жизненно важной, маркировали начало, конец и пик зимнего сезона, являясь при этом весьма значимым пищевым ресурсом (подробнее об этом см. в (Вртанесян, 2013. С. 113; 2014. С. 57-59)). Основной календарный символ лесной зоны Сибири в IV – II тыс. до н.э., - лось, доминанту его можно соотнести с природными реалиями. Раскрытая пасть (рев) у его изображений, позволяют говорить об отражении периода гона лосей (октябрь – ноябрь), (начало осеннее равноденствие), при этом форма рогов взрослых самцов, участвующих в схватках, - полукруг с отростками, напоминает лучащееся “полусолнце”, спадающих обычно к концу декабря - январю, что примерно совпадает с зимним солнцестоянием. Новые рога начинают расти в апреле – мае, достигая максимальной величины к августу (Ильину дню) (МСССР, 1961, Т.1. С. 283). То есть, состояние рогов лосей, - визуальный календарный маркер, достаточно точно определяющий границы зимней и летней “дорог” Солнца. Медведь так же был календарным символом, - завершение гона к летнему солнцестоянию, залегание в спячку к осеннему равноденствию, рождение медвежат, - в зимнее солнцестояние, то есть календарная символика позднего неолита и ранней бронзы Восточной Сибири соотносилась с образами рыб, лосей и медведей (Вртанесян, 2014. С. 57, 58). Образы “змей” на рубеже III – II до н.э. единичны, - это две “змеи” на Втором Каменном острове (левая часть композиции) (Окладников, 1966. Табл. 93 -1), но на этом изображении нет “Центра”. “Жезл” (бронза, погр. №5, мог. Шиверы) с изображением головы “лося” с двумя “змейками” относится к шиверскому этапу ранней бронзы (I ая полов. II тыс. до н.э.) (Окладников, 1975. С.125, 126). То есть можно допускать, что сюжеты с ЗД в Сибири были неизвестны по меньшей мере, до начала II тыс. до н.э. Поэтому заслуживает внимания появление сюжета с “парными змеями” на памятнике Улан Хада (глазковская культура, VII слой, РБ, рубеж III –II или начало II тыс.до н.э.). Это “двойной треугольник”, окруженный с боков змеями на фрагменте керамики (Петри, 1916. Рис.19) (рис. 3). ЗД есть и на аскизской стеле (сер. II тыс. до н.э., у. Онхаков, Аскизский р-н, Хакасия), в виде “солнцеголовой” персоны в центре композиции. Пара змей изображены на корпусе, и вторая пара змей фланкирует фигуру с боков (Вадецкая и др., 1980. Табл. XXXV – 32) (рис. 3). Две пары змей, сделанные из лосиных ребер, лежали на лучевых костях рук погребенного, в погр.4, курган 1, мог. Сопка -2 кротовской культуры, середина II тыс. до н.э. (Молодин, 1985. С. 57, рис.27 -1, 2, 3). Поразительно схождение мест расположения “змей”, - на лучевых костях “змеедержцев”, - на лопаточке из Шахдада и на погребении Сопка-2. В контексте этих двух схождений приобретает новое звучание специфика положения змей на маргианских бронзовых печатях, где фигуры змей вертикальны и “пересекают” крылья орла – змееяда (Sarianidi, 1998. P. 81,87) именно в том же месте крыльев (“лучевые кости”), а не на концах крыльев.

Сравнение числа сюжетов ЗД в Передней Азии (около десятка), в БМАК (сотни), в Сибири (единицы) и более позднее их появление в Сибири (начало II тыс. до н.э.), позволяет локализовать источник этих образов в культурах эпохи РБ (Тепе Гийян, Телль Асмар, Сузы -1). Маргиана конца III тыс. до н.э. вполне могла стать тем звеном, где произошла трансформация этого образа (появление орла в роли ЗД) и усиление этого мифологического (а по сути календарного) импульса. Добавим, что змеи были одной из доминирующих тем в окуневском искусстве (Вадецкая и др.1980). Выделим черту некоторых антропоморфных фигур окуневских сюжетов, касающейся особенностей изображения “антропоморфных” фигур на памятниках самого раннего уйбатского (тас – хазинского) этапа окуневских памятников. На окуневских стелах этого этапа, торс изображен в фас, а ноги в профиль (Леонтьев, 1978. С. 91), а голова антропоморфа изображалась вдавленной в плечи, сближая их с изображениями “великанов” на восточноевропейских стелах позднеямного времени (рубеж III – II тыс. до н.э. (Формозов, 1969. С.173-175)). Вадецкая Э.Б. изображения этого типа включила в

“простую” группу окуневских изваяний (Вадецкая и др., 1980. С. 48, рис.4 – 1). Эти особенности стиля, - треугольный торс в фас, а ноги в профиль, можно считать одним из наиболее важных отличительных, характерных черт фигур “змеедержца” в наиболее ранних сюжетах этого типа. Они известны с памятников Передней и Средней Азии (Тепе – Гийян, Сузы, БМАК, Шахдад) и эта характерная деталь нашла свое отражение в окуневском искусстве. По совокупности сказанного, и с учетом особенностей формы, можно допускать, что ЗД символизировал “небесного великана” Ориона с характерной битреугольной фигурой, плюс совпадение сроков его видимости (змеи) с равноденствиями. Но к концу окуневского времени и послеокуневских культурах (карасукская, тагарская археологические культуры), образы змей фактически исчезают из сибирской пластики и иконографии (см. напр. (Советова, 2005. С. 36-63; Ковалева, 2011. С. 46-49). Близкие по стилю изображения “змеедержца” фиксируются позднее. На фреске из гробницы эпохи Хань (Хайнань, первая половина I тыс. до н.э., таштыкская эпоха) сохранилось изображение ЗД с рядом черт сходства с описываемыми изображениями, - разведенные в стороны (на уровне плеч) руки и голову “вдавленную” в плечи. Киселев С.В. относил его к таштыкской эпохе (Киселев, 1951. С. 481, табл.XLV – 3) (рис.4 - 1). Что ещё важно, - это характерный тип “рогатой” диадемы на голове хайнаньского ЗД, роднящий его с окуневскими “личинами” (Вадецкая и др., 1980. С. 62, рис.7). Ещё одна веха, связанная с сюжетом “парные змеи” есть в искусстве (орнамент) чжурчженей (IX век, Приамурье), это символ четырехчастного деления вселенной, вверху дополнительно фланкированный двумя симметрично расположенными головками змей (Шавкунов, 1990. С. 141, 263, табл.45, рис.19) (рис.4-2). И наконец, почти в том же стилевом каноне символ ЗД появляется в атрибутах культовой практики некоторых народов Приамурья (конец 19 в) (удэгейцы, (Иванов, 1954. Рис. 212, 224) (рис.4-3). Приведенный материал, по мнению автора, свидетельствует о широком распространении этого календарного символа. Возникнув в Загросе, он затем распространяется на юг и восток. В культурах БМАК он трансформируется в образ орла змееяда, становясь одним из культовых символов. Позже он оказывается в Восточной Сибири, где выявляется в глазковской культуре (Улан-Хада) и в Южной Сибири (круг окуневских культур, начало II тыс. до н.э.). Это может быть результатом влияния носителей культур БМАК, с культовым образом ЗД, на появление его в Сибири, благодаря миграции его носителей. Редкие следы влияния этой идиологемы, сохранились в культовой атрибутике Приамурья (таштыкская эпоха и чжурчжени, IX в) и у некоторых тунгусоязычных народов (нанайцы, удэгейцы) в 19-20 вв.

Литература:

Антонова Е.В. Мургабские печати в свете религиозно – мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С.13-31.

Антонова Е.В. Антропоморфный персонаж на печатях Ирана и Месопотамии // Вестник древней истории. – 1991. – № 2. С.3-17.

Биологический энциклопедический словарь (БЭС). М.: СЭ, 1986. – 864 с

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.

Вртанесян Г.С. Календарно – числовая символика в археологических культурах Бактрии и Маргианы поздней бронзы // На пути открытия цивилизации. К 80 летию Сарианиди В.И. – СПб, 2010. – С. 412-421

Вртанесян Г.С. Составные статуэтки эпохи бронзы // Маргианская археологическая экспедиция. Т.4. – М., 2012. С. 291-313.

Вртанесян Г.С. Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник Томского ГУ. История. 2013. № 3(23). – С. 112-115.

Вртанесян Г.С. Календарная символика тунгусоязычных народов Восточной Сибири и Приамурья // Сибирский сборник - 4. – СПб, 2014. – С. 56-67.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири // Труды ИЭ, Новая Серия, Т.22. – М., 1954. – 868 с

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: АН СССР, 1951. – 635с.

Ковалёва О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.

Кожин П.М. Цивилизация, утонувшая в песках великой пустыни // У истоков цивилизации. К 75 летию Сарианиди В.И. М., 2004. – С. 83-91.

Кожин П.М. Новый этап первобытной и раннеисторической археологии Средней Азии // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб, 2010. С. 135-145.

Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Т.5. Новосибирск, 1978. С. 88-118.

Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum plus. – 1999. – № 2. С. 265-285.

Млекопитающие СССР (МСССР). Т.1. М., 1961. – 776 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. – 200 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. Новосибирск, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975. – 320 с.

Петри Б.Э. Неолитические находки на берегу Байкала // Сборник МАЭ. 1916. Т.3. Пг. С.113-133.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонур-депе и иранское язычество. М: Мир-Медия, 2001. – 246 с

Сарианиди В.И. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сб. статей памяти В.В. Волкова. Отв. ред. Гей А.Н. М., 2004. С. 318-334.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск, ИАЭ СО РАН. 2005. – 140 с.

Тоси М. Сеистан в бронзовом веке, - раскопки на Шахри – Сохте // СА. –1971. – № 3. С.15-30

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. – 144 с.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей – удигэ XII – XIII вв и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. – 283 с.

Щеглов П.В. Отраженные в небе мифы Земли. М., 1996. – 142 с.

Amiet P. La gliptique Mesopotamienne archaique. Paris, 1961. – 445 p.

Caldwell D.H. The early Gliptic of Gawra, Giyan and Susa // Orientalia. – 1976. – Vol. 45. – Fasc.3. – P. 227-250.

Francfort H.- P. Birds, snakes, men and deities in the Oxsus Civilization: an essay dedicated to Prof. V. I. Sarianidi on a cylinder seal from Gonur Depe // На пути открытия цивилизации. К 80 летию Сарианиди В.И. СПб, 2010. С. 67-85.

Ghirshman R. Fouilles de Sialk. Paris, 1938. – 152 p.

Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavation of a Bronze Age Center in Iran // IsMeo. Reports and Memoirs. 1997. – Vol. XXVII. – 766 p.

Hole F. Ritual and Collapse of Susa, ca 4000 BC // Proceeding of the Vth International Congress on Archaelogy of the Ancient Near East. Barcelona, 2007. P. 165 – 176.

Kjarum P. Failaka / Dilmun. The Second Millenium Settlements. V.1.The Stamp and Cylinder Seals. Aarhus, 1983.

Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M. Shahr-i-Sokhta and Tepe-Yahya Tracks on the earliest History of the Iranian Plateu // East West. – 1973. – V.23. № 1-2. P. 21-59.

Mallowan M.E.L. Early Mesopotamia and Iran. N-Y. 1965.

Porada E. Seals and Related Objects from Early Mesopotamia and Iran // In “Early Mesopotamia and Iran”. Ed. J. Curtis. London, 1993. P. 44-53.

Possehl G.L. What’s in a name? The “Indus civilization”, onomastics and the rules of science // На пути открытия цивилизации. СПб, 2010. С.120-128.

Sarianidi V.I. Margiana and Indo-Iranien World // South Asia Archaeology. Part 2. Leiden, 1993. P. 667-680.

Sarianidi V.I. Miths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998.

Резюме

В работе прослежено возникновение и распространение символа “змеедержец” в Передней (Загрос, Дильмун), Средней Азии (БМАК) и Сибири в период с V –II тыс. до н.э. Показана трансформация семантики образа змеедержца в Маргиане. Отмечено, что образы змей исчезают в археологических культурах постокуневской эпохи (карасукская, тагарская). Однако образ змеедержца затем появляется в Приамурье (чжурчжени, X век н.э) и сохраняется в культовых изображениях тунгусоязычных народов Приамурья вплоть до начала 20 века.

Summary

In work emergence and distribution of a zmeederzhets symbol in the Lobby (Zagros mountains, Dilmun), Central Asia (BMAK) and Siberia during the period with the V-IIthousand is tracked BC. Transformation of semantics of an image of zmeederzhets in Margiana is shown. It is noted that images of snakes disappear in archaeological cultures of a postokunevsky era (karasuksky, tagarsky). However the image of zmeederzhets then appears in Priamurye (chzhurchzhen, the X century of N э) and the tungusoyazychnykh of the people of Priamurye up to the beginning of the 20th eyelid remains in cult images.

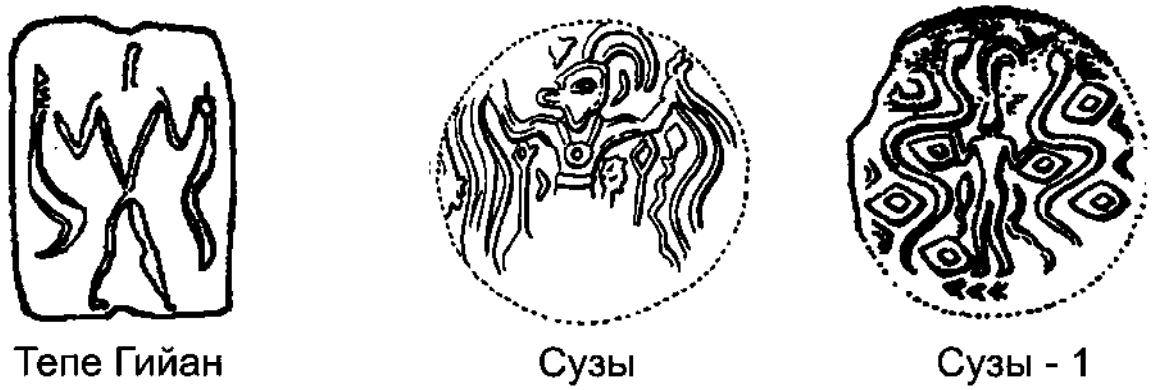


Рис.1-1. ЗД на глиптике эпохи ранней бронзы (V-IV тыс.) из Загроса (Тепе Гийян): по (Caldwell, 1976, fig. 116); Ирана (Сузы) по (Amiet, 1961, pl.6 - 118; Hole, 2007, p.176, fig.a).



Рис.1-2. Сложные композиции с изображением ЗД:
- ЗД в окружении мифических зверей на печати из некрополя Гонура:
по (Сариниди, 2004, с. с.327, рис.5);
- ЗД в окружении зверей и фантастических чудовищ, Хафаджа (Дийяла, РБ):
по (Porada,1993, fig.17).

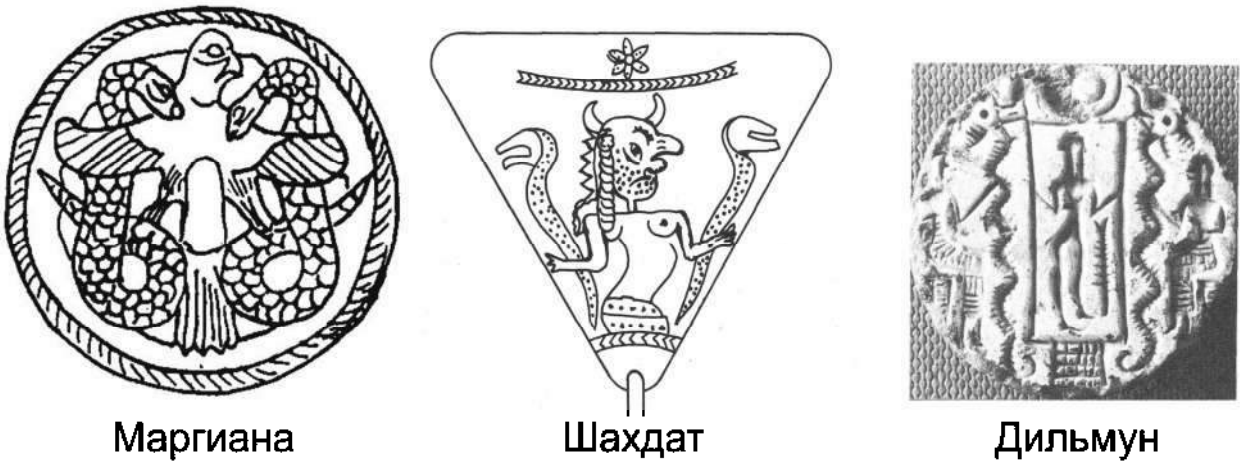


Рис. 2.
- змееяд (ЗД, Маргиана): по Сарианиди В.И. (Sarianidi, 1998, p.81,87).
- Шахдад, изображение ЗД: по (Hakemi, 1997, p.715, obj. № 4506).
- изображение ЗД на хлоритовой печати из Дильмуна (Файлака): сер. III тыс. до н.э., рубеж III – II тыс. до н.э.: по (Kjarum, 1983, p.31, fig.54).

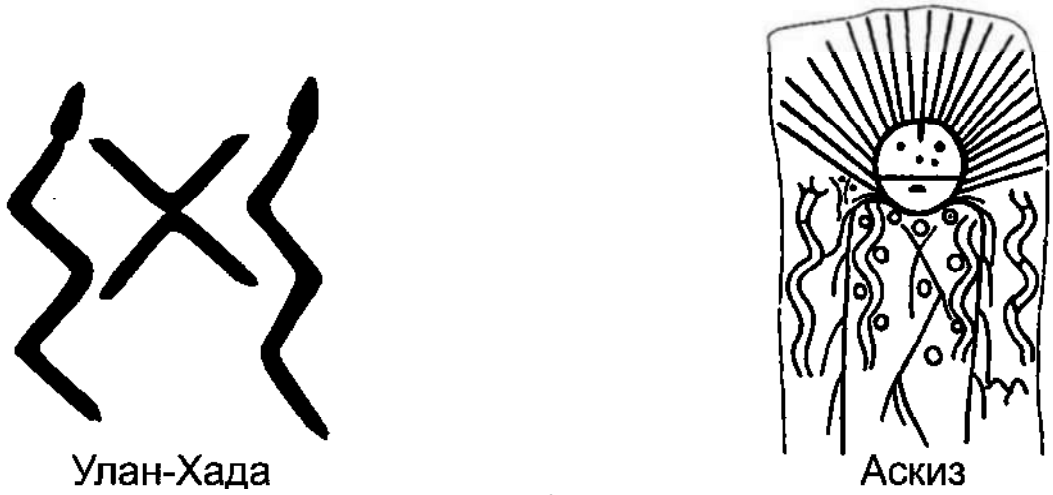


Рис. 3.
- изображение бикона (ЗД) на фрагменте керамики Улан -Хада: по Петри (1916, рис. 19).
- Аскизская стела (окуневский ЗД): по Вадецкая,1980, с.126, табл.35-32



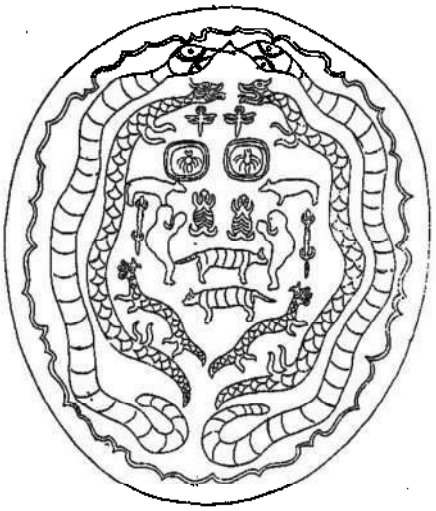
Рис. 4-1. ЗД из Хайнаня (КНР, Порт – Артур, таштыкская эпоха, по (Киселев, 1951, с.481, табл.XLV – 3).



Рис. 4-2. Символ "деления" вселенной (чжурчжени, IX век): по (Шавкунов, 1990, с.141, 263, табл.45, рис.19).



Удэгейцы



Удэгейцы

Рис. 4-3. Изображения ЗД из Приамурья (удэгейцы): по (Иванов, 1954, рис. 212, 224).

Дуванбеков Р.С.
Национальный музей Республики Казахстан,
г. Астана, Казахстан

УДК 902(631/634) (574.13)

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА УТЮЖКА В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Түйінді сөздер: Үтікше, науашық, С.Ж. Табынбаев, Ақтөбе облысы, Торғай ойпаты.
Ключевые слова: Утюжок, желобок, С.Ж. Табынбаев, Актюбинская область, Тургайское плато.
Keywords: Utuzhok, groove, S.Zh. Tabynbaev, Aktobe region, Turgai plateau.

Летом 18 августа 2014 года в Национальный музей Республики Казахстан жителем г. Астаны Ж.К. Табынбаевым на постоянное хранение был передан утюжок найденным его братом С.Ж. Табынбаевым. Найденный артефакт является случайной находкой. Место где был обнаружен данный каменный предмет находится в 25 км к юго-востоку от сельского округа Теренсай, Айтекебийского района Актюбинской области, между оз. Шалбар и с. Жанадауыр.

По словам *автора* находки каменный предмет был найден у обрыва оз. Шалбар, также это окраина с. Жанадауыр, следует заметить что на возвышенности обрыва где находится село есть несколько земленых курганов с каменной выкладкой, также на месте были найдены обломки керамических сосудов с геометрическими узорами с плоским дном. Вполне возможно, что найденный утюжок происходит из разрушенного погребения одного из близлежаших курганов, а также учитывая все данные обстоятельства неисключено что найденный предмет относится к эпохе раннего металла.

Утюжок каменный, имеет вытянутую форму объемом 16 х 6 х 2,5 см зрительно напоминаюший точильный камень. Изделие выполнено из зеленовато-серого сланца. Утюжок выполнен в технике: отбивки, скалывания, шлифования, а также сверления и полировки.

Лицевая сторона утюжка орнаментирована, графическими линиями и геометрическими фигурами. В верхней части лицевой стороны утюжка имеется изображения «личины» неизвестного существа, голова овальной формы, размерами 7,8 х 4 см, с боку голова немного согнута и вытянута мордой вперед. На поверхности макушки имеются микроповреждения в виде сколов от многочисленных ударов, также у основания макушки есть линии прочерченные в три ряда по обороту, которая зрительно создаёт эффект головного убора. Вытянутый вперед длинный нос в виде хоботка начинается с макушки головы, размерами 4,2 х 7 см и имеет 13 поперечных насечек которая напоминает складки кожи. Хорошо заметны высверленные круглые глаза которые находятся пропорционально друг к другу, и имеют по две длинных ресниц сверху. Рот расположен отдаленно относительно к носу и имеет лунообразную форму. Лицо обильно покрывает густая борода, прочерченная многочисленными линями. С конца носа к низу прочерчены четыре линий два из которых образовывают область рта, а остальные две линий форму тела. В районе туловища имеется восемь поперечных линий прочерченных паралельными рядами. Объем тела меньше чем голова.

С обратной стороны утюжка по центру находятся три косых поперечных желобка разных размеров. По всей длине утюжка имеется глубокая канавка которая зрительно разделяет на две одинаковые части поверхность изделия. Также на поверхности с двух сторон вдоль канавки имеются прочерченые линии, на которых изображаются стрелки (*две верхних и четыре нижних*). На поверхности с задней стораны где находится голова есть неболшое повреждение в виде скола.

По бокам утюжока с левой стороны проходят две глубоко прочерченные лини а с правой три. В круговороте по всем краям изделия имеются многочисленные мелкие насечки. На изделии заметны следы потертости и износа, так как поверхность сильно полированна, что доказывает об утилитарном использовании. Сохранность утюжка удовлетворительная (Дуванбеков, Мұсырманқұл, 2015, С. 91 – 96).

Абсолютные аналогии данного утюжка как в регионе, так и на всей территории ареала распространения желобчатых камней, мне неизвестны. Однако, есть одна случайная находка из южного Тургая которая имеет культурную близость. Так, Логвин В.Н. пишет что в начале 1970-х годов геологом А. Брагиным в обрыве реки Улы-Жыланшык, недалеко от центральной усадьбы совхоза Южный, был найден утюжок с человеческой личиной. Уникальность тургайского утюжка заключается в том, что он пока является единственной находкой, в которой одновременно представлены антропоморфные и зооморфные признаки в их взаимосвязи с какими-то аспектами

металлообработки. Но, данная находка близка только по культурному бытованию и неизвестностью к нему аналогии (Логвин, 2006, С. 143-147).

Также, В.Е. Пушкарев писал о проблеме интерпритации утюжков, там он говорил что особый интерес представляет зооморфный «утюжок» найденный в урочище Ак-Жунас (Дубягин, 1982). Что он выполнен в виде головы внузданной лошади и, как и все подобные предметы, имеет плоское основание и желобок. Основание которого покрыто прочерченными линиями, образующими сетку. Что там имеются четыре глубоких желобка и следы пятого. На боковых гранях предмета отчетливо читаются элементы упряжи. «Утюжок» датируется хвалынским временем. Это находка свидетельствует, во-первых, об освоении лошади древним населением, умении ею управлять и, во-вторых, о том что лошадь и ритуал, в котором использовался «утюжок», были как-то связаны (Пушкарев, 2002, С. 65-66).

О нахождениях таких же предметов на поселений Ботай четко отметил В.Ф. Зайберт, он выделел два антропоморфных «утюжка»: Первый из которых представлен достаточно выразительным фрагментом. Он выполнен на плитке крепкого сланца. Длина сохранившейся части 12 см, ширина 4,2 см, толщина 3 см. На обломке изображена фигурка человека в одежде. Выразительно смоделировано плечо и переход к шее. Руки отсутствуют. Желобок проходит несколько выше пояса туловища. Бок от плеча и ниже украшен ромбической сеткой. На груди выгравирована имитация украшения в виде подвески, идущей от плеч и спускающейся по дуге вниз на грудь. Бечевки подвески доходят до желобка.

Второй утюжок ромбовидной овальной формы длиной 8 см, шириной 1,4 см желобок, не перпендикулярной длинной оси, как обычно, а несколько по диагонали. С другой стороны, «читается» изображение куклы. Ее можно интерпретировать двояко: или это нижняя часть женского тела, напоминающая изображения палеолитических или трипольских венер, или это передача верхней части туловища, но как бы закрытой тканью (Зайберт, 2011, С. 345–347).

Если говорить об их использований то в этом единной точки зрения на интерпритацию поперечно-желобчатых изделий нет. По мнению западных исследователей, область пременения этих предметов определяется их участием в процессе изготовления древков стрел в качестве выпрямителей или полировальников (Solecki, Solecki, 1970, Vol. 72, Wechler, 1997). В отечественной археологии функция «утюжков» до сих пор окончательно не определена. Поиск ведется по двум направлениям: утелитарному и сакральному (Усачева, 2006, С. 65).

Литература:

Solecki R.L., Solecki R. S. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq // American Anthropologist. Menacha, 1970. Vol. 72, №4.

Wechler K.P. Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Osteoiropas // Bertrage zur prahistorischen Archeologie zwischer Nordund Sudosteoiropa. Espel-Kamp, 1997.

Дубягин П.С. и др. 1982. Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита – бронзы из Северного Прикаспия // Волго-уральская степь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Дуванбеков Р.С., Мұсырманқұл П.Б. Жұмбағы мол тас үтікшелер // Мәдени мұра. – Астана – 2015. – Наурыз – Сәуір. – №2 (59) – С. 91 – 96.

Зайберт В.Ф. Ботай. У истоков степной цивилизации // Алматы 2011. – С. 345–347.

Логвин, В. Н. Утюжок с личиной из южного Тургая // В. Н. Логвин, О. П. Ченченкова // Российская археология. - 2006. - N 1. - С. 143-147. - Библиогр.: с. 146-147.

Пушкарев В.Е. К проблеме интерпритации «утюжков» / Вестник общества открытых исследований древности // Челябинск – 2002. Выпуск 1. – С. 65-66.

Усачева И.В. Эти загадочные «утюжки»: к вопросу о функциональном назначении // Уральский исторический вестник. Екатеринбург – 2006. №14. С. 65.

Түйіндеме

Мақалада оңтүстік торғай ойпатынан табылған бет-бейнесі бар белгісіз үтікше жөнінде және археологияда «үтікше» деп танылатын басқа да жәдігерлердің спецификалық санаттары айтылады. Уақыт пен кеңістіктегі таралуының кеңдігіне қарамастан, көп жылдар бойы бұл тас құралдар дүниежүзінің ғалымдары үшін жұмбақ болып келеді. Бұл құралдардың храналогиялық шеңбері X-IX бастап ж.с.д. II мың. үштен біріне дейінгі мерзімді алып жатыр.

Резюме

В статье говорится о неизвестном экземпляре утюжка с личиной, найденной в южно-тургайском плато и о других специфических категории артефактов, известных в археологии как «утюжки». Несмотря на самое широкое распространение во времени и пространстве, многие годы эти каменные предметы остаются загадкой для исследователей по всему миру. В хронологическом диапазоне эти предметы охватывают период от X-IX до первой трети II тыс. до н.э.

Summary

The article describes an unknown specimen of iron with a face, found in the South Turgai plateau and other specific categories of artifacts, known in archeology as "irons". In spite of wide spreading in time and space, these stone objects remaina mystery to the scholars around the worldfor many years. These items cover the period from X-IX to the first third of the 2nd millennium BC in the chronological range.



Рис. 1. Место обнаружения утюжка на карте



Рис. 2. Актюбинский утюжок



Рис. 3. Актюбинский утюжок



Рис. 4. Навершие утюжка

Фрачетти Майкл Д.
Вашингтонский университет, С.-Луис, США
Марьяшев Алексей
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан.
Дюпюй Паула Н. Доумани
Назарбаев университет, Астана, Казахстан

ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОЙ ЧАСТИ СЕМИРЕЧЬЯ И ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ И ХОЗЯЙСТВА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Ключевые слова: Семиречье (Жетысу), горная бронза, эпоха бронзы, поселение, могильник.
Түйінді сөздер: Жетісу, тау қоласы, қола дәуірі, ежелгі қоныс орны, қорым
Keywords: Early Bronze Age, Pastoralism, Semirech'ye, settlement, ceramics

Раскопки памятников эпохи бронзы – поселений и могильников – в Семиречье долгие годы не велись, активное исследование началось с восьмидесятых годов XX века. Выборочные раскопки могильников эпохи бронзы, которые вели еще в пятидесятые годы Е.И. Агеева, П.Н. Кожемяко, А.Г. Максимова, представляли собой островки в пустыне. Поэтому для датировки отдельных находок и кладов археологи использовали периодизацию эпохи бронзы, разработанную еще в пятидесятые-шестидесятые годы XX века, построенную на материалах Центрального Казахстана. Эта периодизация состояла из нескольких этапов: нуринского, атасуского и бегазы-дандыбаевской культуры, последовательно сменявших друг друга, начиная с середины II тыс. до н. э. Впоследствии эта периодизация была перестроена, изменены названия этапов, выделены самостоятельные культуры – алакульская и федоровская.

Но с появлением новых материалов возникали и новые вопросы. Не касаясь некоторых сторон и вопросов теоретического характера, которые освещены в печати, остановимся на проблемах изучения Семиречья в эпоху бронзы.

С начала восьмидесятых годов прошлого века в Семиречье раскопки могильников и поселений эпохи бронзы вели А.К. Акишев, впоследствии К.М. Карабаспакова. Она выделила самостоятельную биенскую культуру, исходя из особенности материала и своеобразия природных условий в районе поселения Биён и датировала памятники эпохой поздней бронзы. Семиречье рассматривалось как далекая окраина степной культуры в эпоху бронзы.

С 1982 года в Семиречье начала исследования экспедиция КазПИ им. Абая. Были открыты поселения, погребения и петроглифы трех эпох в горах Ешки-Ольмес, могильники Талапты, одноименное поселение и наскальные изображения эпохи бронзы более чем в 20 ущельях этого хребта.

Комплексное изучение разных памятников позволило выявить два этапа в заселении этого региона в эпоху бронзы.

Раскопки могильников в районе Тамгалы были продолжены А.Е. Рогожинским по проекту ЮНЕСКО с использованием радиоуглеродных датировок, в результате предложенные ранее экспедицией КазПИ датировки получили более обоснованное подтверждение, что позволило датировать весь комплекс второй половиной II тыс. до н. э. Эта же экспедиция продолжила работу в горах Кунгей и Заилийском Алатау, результатом явилось выделение отдельной своеобразной группы памятников, названных позднее кульсайским типом, в дальнейшем выделенным А.Н. Марьяшевым и А.А. Горячевым в отдельную кульсайскую культуру. (Марьяшев, Горячев, 1999, с. 44-57) Е.Е. Кузьмина на материалах Семиречья выделила одноименный вариант культуры эпохи бронзы (Кузьмина, 2008, с. 109, 177, рис. 2, 6).

С начала девяностых годов Ф.П. Григорьевым раскопано поселение эпохи финальной бронзы Терренкора на окраине Алматы и А.А. Горячевым поселение Бутакты середины II тыс. до н. э. на южной окраине Алматы (Горячев, 2006, №1, с. 45-59).

Таким образом, можно было утверждать, что заселение Семиречья происходило в целом с середины и до конца II тыс. до н. э. С 1999 года велись раскопки поселений в долине рек Асы и Тургень. Установлено, что поселение Асы-1 существовало в течение двух-трех столетий в эпоху поздней бонзы, а поселение Асы-2, раскопанное Клодией Чанг, функционировало уже в середине II тыс. до н. э. Выявлены жилища самых разных конструкций от простых небольших землянок до больших многокомнатных домов с перегородками. Некоторые из них были устроены из камней,

другие из деревянных бревен. Часть жилищ была устроена между скал, которые служили прикрытием от холодных ветров зимой. Выявлены два периода заселения этого поселения, разделённые толстым слоем гравия (Марьяшев, Гумирова, 2011, вып. 3, с. 265-278).

В 2002 году М. Фрачетти и А.Н. Марьяшевым было обнаружено в предгорьях Джунгарского Алатау поселение Бигаш. Раскопки велись в течение трех лет с 2002 по 2006 гг. Ранние слои поселения были датированы 2450 – 2000 до н. э., (было взято на анализ 8 проб, которые датированы от 2450 – 2000 до н. э.). На этом же поселении в раннем слое обнаружены злаки пшена и пшеницы, что можно на этом этапе рассматривать как результат торговых контактов скотоводов с земледельческими племенами.

Раскопки на поселениях Бигаш дали возможность на протяжении эпохи бронзы проследить, как изменялся тип хозяйства в течение многих лет, как менялся состав стада, какую роль в хозяйстве занимали охота и скотоводство. Использование радиоуглеродных калиброванных дат позволило значительно удревнить время поселения Бигаш и уточнить дату появления поселения Тасбас-1. Приводим некоторые сведения по истории нескольких поселений из Семиречья (Frachetti, Mar'yashev, 2007, p. 221-242).

Поселение Асы-1. Раскопки проводились с 1999 года по 2001 год под руководством А.Н.Марьяшева и А.С. Ермолаевой. Раскоп был заложен у подножья склона на левом берегу р. Асы в месте впадения р. Караш в р. Асы в 6,5 км к востоку от обсерватории, на высоте 2350 м над уровнем моря. До раскопок на поселении просматривались каменные выкладки по линии север-юг и восток-запад. Внутри поселения просматривалась небольшая западина. После расчистки в западной части большого дома выявлены двойная стена и длинная южная стена, вытянутая по линии запад-восток, плавно поворачивающая на север в восточной части дома. Высота расчищенных стен составляет от 1,5 м до 1,6 м/

В западной части дома на уровне пола находились обгорелые бревна, фрагменты керамики, закопченные кости и бронзовый наконечник стрелы. Внутри дома у стен и в углу обнаружены небольшие очаги с углями и керамика с орнаментом. Это венчики сосудов, боковины и донца. Орнамент в виде треугольников, заполненных косыми линиями, точками, в виде ногтевидных вдавлений и насечек.

По аналогии с керамикой на сосудах это поселение аналогично по времени таким поселениям, как Кызылбулак, раскопанное А.А. Горячевым, и Талапты, раскопанное экспедицией КазПИ им. Абая, и датируется по типологии XIII – XI вв. до н. э.

Радиоуглеродный анализ фрагмента обгорелого бревна из поселения Асы-1, выполненный в Геологическом Институте (г. Москва), был датирован 3100 лет от нашего времени (Марьяшев, 2002, с.23).

В 2007-2008 гг. раскопки были продолжены в северной части поселения. Вскрыто дополнительно 7 квадратов размерами 3 х 3 м. В северной части большого дома удалось выявить два строительных горизонта, разделенных слоями гравия. На глубине 170-180 см найдены фрагменты керамики конца II тыс. до н. э. с орнаментом в виде насечек, вдавлений, канелюров по горловине, ногтевидных вдавлений и нескольких жемчужин. На 25 см глубже, под слоем гравия, выявлены фрагменты обгорелого дерева, пол с глиняной обмазкой и выложенный фрагментами керамики. Керамика представлена фрагментами, орнаментированными косыми и прямыми треугольниками, обнаружен один фрагмент керамики с валиком. Разделенные гравием слои позволили выявить два периода в истории поселения – последней трети II тыс. до н. э. и эпохи финальной бронзы.

По всей площади дома и в большей степени в северо-восточном углу обнаружено несколько столбовых ям с остатками дерева внутри диаметром от 12 до 14 см. На полу находилось несколько фрагментов обгорелого дерева, что дает основание считать, что крыша была уничтожена пожаром. Перегородки между комнатами были деревянными (Марьяшев, 2002, №1(236), с. 23).

Следует отметить, что на поселении Асы-2, расположенном в 400 м к востоку и частично раскопанном Клодией Чанг, все выявленные перегородки были каменными. Можно сделать вывод, что поселения эпохи поздней бронзы отличались большим разнообразием как в выборе материала, так и по конструкциям, даже в пределах одного региона.

Судя по толщине культурного слоя поселения Асы-1 и нескольким строительным горизонтам, поселение было долговременным. На нем жили круглогодично, прежде чем в эпоху раннего железа население перешло к сезонному использованию его. Учитывая, что в наше время в долине р. Асы даже в августе температура падает до -4°С, джайляу использовались в основном для скотоводства. Для уточнения соотношения доли скотоводства и земледелия необходимо произвести дополнительные исследования этой долины.

Поселение Бигаш. Археологические раскопки на поселении Бигаш, расположенном в 1,5 км северо-западнее с.Бигаш, проводились в период с 2002 года по 2006 год. Это совместный проект Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Вашингтонского Университета (Сент-Луис, США). Поселение расположено в небольшом ущелье на высоте 973 м над уровнем моря.

На поверхности это поселение представляет собой искривленную каменную выкладку, которая относится к верхнему историческому периоду. Она имела подовальную форму, размерами около 10 м в диаметре. Самые главные направления исследований – это хронология, стратиграфия поселения и вопросы изучения типа хозяйства, экология, согласно археоботаническим и археологическим материалам.

С точки зрения хронологии поселение Бигаш и, связанную с ним, материальную культуру можно разделить на шесть этапов: выявлено три крупных этапа архитектурного строительства, а также ряд промежуточных заселений, когда архитектура участка использовалась лишь частично, либо когда площадь участка занималась под кратковременные стоянки. Больше тридцати проб для радиоуглеродых дат (AMS – Accelerated Mass Spectrometry) демонстрируют непрерывную хронологию этапов заселения Бигаша, начиная с 2470 г. до н. э. без существенных свидетельств прекращения проживания или значительных социальных перерывов в регионе или на участке на какой-либо долгий срок. Ошибочно считать, что народонаселение района Коксу было неизменным в демографическом отношении – напротив, такие объекты, как Бигаш, указывают на развитие социально значимых участков, игравших активную роль в совокупной истории местных скотоводческих общин региона в течение тысячелетий. В археологическом плане поселение Бигаш отражает более чем 4000-летний период регионального заселения и его долговременного использования как места для сезонного скотоводческого поселения (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 62, рис. 25., Кузьмина, 2008, с. 109, 177, рис. 2,6). Однако установлено, что поселение Бигаш отличается тем, что на нем были обнаружены зерна культурных растений, датируемых по радиоуглероду 2300 – 2200 гг. до н. э. (калиброванные 14С) (Frachetti, Spengler, Gayle, Mar'yashev, 2010, p. 993-1010., Frachetti, Mar'yashev, Benecke, 2009, p. 1023-1037). Эти зерна были найдены в контексте с кремацией, что указывает на то, что они были использованы в ритуальных целях. В образцах из других контекстов (например, хозяйственных очагов) зерна не были обнаружены, поэтому остается открытым вопрос о развитии земледелия в горном районе в конце III тыс. до н. э. Находки позволяют считать, что на текущий момент эти зерна являются самыми древними следами в Евразии окультуренных растений для восточной части степной зоны Евразии. Пробы на поселении Бигаш удревняют продолжительность региональной культуры бронзового века более чем на 500 лет.

В раннем бронзовом веке скотоводческое население строило поселения как зимовки, о чем свидетельствуют многочисленные очаги, мусорные ямы с остатками фауны и другие культурные признаки раннего периода эпохи бронзы, которые не имеют аналогов на сегодняшний день в Семиречье. Но поступивший материал последних лет из Дали (район Тасбаса) и Тасбаса-1 дают возможность переосмыслить имеющийся материал из некоторых памятников горной части региона.

Тасбас (горы Баянжурек). Продолжение раскопок на исследованном поселении Тасбас-1 в 2001 году позволило расширить набор керамических изделий и их хронологию. Некоторые аналогичные формы сосудов и орнамент Тасбаса встречаются в керамике Бигаша в нижних слоях, датируемых до начала II тыс. до н. э. Тем более, в нижнем слое Бигаша был обнаружен ящик со следами кремации и остатками домашних зерен (Frachetti, Spengler, Gayle, Mar'yashev, 2010, p. 993-1010). Аналогичный ящик с кремацией обнаружен в нижнем слое поселения Тасбас-1 Новые пробы из этого ящика взяты в 2011 году для дальнейших исследований (Spengler, Frachetti, Doumani, Rouse, Cerasetti, Bullion, Mar'yashev, 2013).

Видимо, археологические поселения являются долговременными и сохраняют те же конструкции на протяжении нескольких эпох, древнее население использовало те же зимовки, пастбища и летние жайляу, которые были заселены многократно. Экологическое расположение ресурсов позволяло использовать те же маршруты на летние пастбища и сезонные перекочевки. Та же картина наблюдается в Горном Алтае.

Раскопки на близлежащих поселениях Дали и Тасбас были продолжены с 2011 по 2014 годы. Значительная часть материалов все еще обрабатывается, поэтому предложенные выводы, касающиеся горных поселений Семиречья, можно считать предварительными.

В статье рассматриваются только некоторые аспекты изучения территории поселений эпохи ранней, средней и поздней бронзы в Семиречье по полученным результатам на 2011-2014 год. Новые сведения, позволяющие пересмотреть устоявшиеся представления, касаются, прежде всего, вопросов уточнения хронологии. Серии радиоуглеродных дат по таким поселениям, как Тасбас-1, Бигаш и

Дали удревнили время появления этих поселений, причем дата последних двух относится к концу III тыс. до н. э. Скептическое отношение к удревнению наиболее ранних слоев со стороны некоторых специалистов было вызвано отсутствием четких аргументов по керамическому материалу.

Собранный в последние годы керамический материал позволил дополнить его и сопоставить с керамикой Алтая и Сибири, имеющей прямые аналогии с посудой Дали и Тасбаса. Например, часть сосудов Дали имеет яйцевидную форму, аналогичную окуневской культуре. Кроме того, прежде всего, это сосуды баночной формы и горшки с орнаментом, получившим распространение в нескольких регионах Казахстана, в том числе синташтинских памятниках, и на Алтае (Рис 1).

Для этих сосудов характерен орнамент в виде елочки. Он встречается как на сосудах из Синташты, так и в Западном Казахстане доандроновского времени. Аналогичная керамика встречается на поселении Бигаш в слоях первой половины II тысячелетия до н.э.

Наиболее древние аналогии просматриваются на поселении Бигаш в слоях первой половины II тысячелетия до н.э. (9; 10, стр. 123, рис 6, 7, 14)

Более древние фрагменты керамики обнаружены на поселении Дали. Это сосуды с орнаментом в виде широких канелюров, расположенных между двумя поясами по кругу с дырочками круглой формы. (Илюшин, Ковалевский, 2012, рис. 1,2., Кирюшин, 2004., Kovalev, Erdenebaatar, 2007, p. 149-170) (Рис 2, i j) Наиболее близкие аналогии с сосудами Алтая и Сибири конца III – начала II тысячелетия до н.э. имеются частично в памятниках окуневской культуры. Их сближают яйцевидная форма сосудов и орнамент в виде миндалевидных углублений, нанесенных по венчику и тулову сосудов. (Боковенко, Митяев, 2010, с. 16-29., Кузьмина, 2008., Леонтьев, 2003, с. 42-49., Максименков, 1980).

Однако было бы неверным видеть в ранних материалах Семиречья связь с какими-либо конкретными культурами. Аналогии с окуневской, ирменской, елунинской культурами прослеживаются частично, как в формах, так и в сосудах, тогда как в Сибири и на Алтае имеются много других сосудов, неизвестных в Семиречье.

Многие элементы орнамента, появившиеся на первоначальном этапе, получили в дальнейшем развитие на втором этапе (первой трети II тыс. до н. э.), что прослеживается на материалах поселения Бигаш и Дали. К этому времени становится разнообразнее орнамент, увеличивается число фрагментов сосудов, орнаментированных горизонтальной или вертикальной «ёлочкой», в том числе процарапанных зигзагами и ногтевидных вдавлений и других элементов декора. Объем керамики и датировки (из Дали и Бигаша) дают основание считать, что в III тыс. до н. э. заселение этого района продолжалось в течение всего периода с некоторыми небольшими перерывами, что отразилось на поселении Бигаш, Дали и Тасбас, где наблюдаются небольшие периоды затухания жизни.

Домостроение. Ландшафт и природные условия горной зоны Семиречья заметно отличаются от степной зоны. В засушливые периоды в горной зоне население имело воду, изобилие травы, в зимнее время имело возможность содержать скот и держать его на подножном корме, поэтому заселение этого региона в III – II тыс. до н. э. не было случайным.

Все эти факторы связаны с выбором места для поселений. Все перечисленные поселения находятся в укрытых от холодных ветров в местах с возможностью пасти скот на южных открытых от снега склонах, а близость жайляу, состоящих из нескольких террас, расположенных в виде ступеней, позволяли использовать их для выпаса скота, постепенно в летнее время поднимаясь в горы. Спуск с верхних жайляу вниз на равнину можно было произвести за один день. Долина Каскарау была наиболее удобным местом, и так как она находится между двумя хребтами – Джунгарским Алатау и горами Баян-Журек, южные склоны последних использовались для зимовок, а на плато в Джунгарском Алатау население поднималось летом. Не случайно на южных склонах Баян-Журека обнаружено около десяти поселений.

Специфические условия: обилие воды, хороший травостой, близость летних жайляу, закрытые от ветров южные склоны – все это способствовало заселению еще на рубеже III – II тыс. до н. э.

Для строительства поселений были использованы камни и лес. Конструкция домов на поселениях отличались большим разнообразием. Как правило, население использовало скалы, с трех сторон прикрывающие жилища, заглубляло дома в землю на глубину более 2 м (поселение Тасбас-1), наращивало стены из камней на глиняном растворе. В Заилийском Алатау поселение Асы-1 было врезано в сопку, а поселение Дали, расположенное на южном склоне гор Баянжурек, закрыто с востока, севера и запада скальными выходами.

В горных поселениях широко использовался лес для перекрытия жилищ и в качестве перегородок в больших домах между комнатами. При строительстве крыш была использована

тяньшанская ель для устройства опорных столбов для крыши и перегородок. Но на поселении Асы-2, раскопанном Клодией Чанг, расположенном в полукилометре от Асы-1, перегородки и отдельные жилые камеры были устроены из камней, что указывает на большое разнообразие конструкций жилищ, находящихся в одинаковых условиях. В Семиречье не отмечено такого единообразия конструкций, как в Центральном Казахстане, что обусловлено разнообразным ландшафтом и богатым выбором строительных материалов.

XXX

Совместный проект исследований за последние 10 лет позволил наметить и решить ряд важных для истории региона вопросов. Были раскопано четыре поселения. Собранный материал дал возможность удревнить период заселения горных районов Семиречья.

В экспедиции работали специалисты из разных стран, которые, используя современную методику, собрали пробы для радиоуглеродной датировки, материалы по археозоологии, археоботанике, геоархеологии (геоморфологии), ландшафтной археологии, ГИС и керамическому анализу, типологии и технологии. Результаты этих исследований дают возможность пересмотреть в доисторических рамках историю горной части Семиречья.

Проделанная работа позволяет дискутировать с другими специалистами, работающими в этом регионе и в дальнейшем. В наше время совместный казахстанско-американский проект продолжается согласно договору с Институтом археологии им. А.Х. Маргулана. Авторы выражают благодарность всем коллегам, чьи труды способствовали исследованию археологических вопросов древнего Семиречья.

Литература:

Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновый лог на Енисее // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 16-29.

Горячев А.А. Археологические памятники комплекса Бутакты-1 на юго-восточной окраине г. Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2006. №1. С. 45-59.

Илюшин, А.М., Ковалевский, С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. 2012. Кемерово. Рис 1, 2.

Кирюшин Е.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. – 295 с.

Kovalev, A.A., and D. Erdenebaatar. Discovery of New Cultures of The Bronze Age in Mongolia according to the Data Obtained by the International Central Asian Archaeological Expedition. Current Archaeological Research in Mongolia, Ulaanbaatar, 2007, Pp. 149-170. Рис 3,10 и 3,11.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990., стр. 62, рис. 25.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008, стр. 109, стр. 177, рис.2, 6, стр.109, 177. Она же. Кузьмина Е.Е. Могильник Еловка, 2008, стр. 220, рис 14, 16, стр. 222, рис. 11, 12, 13.

Леонтьев С.Н. Керамика эпох неолита и энеолита Минусинской степи в собраниях Мартьяновского музея // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 42-49. Он же. К вопросу о семантике орнаментации керамики раннего этапа окуневской культуры, Археология Южной Сибири, Кемерово, 1012, стр. 167, рис. 12, 15, 29 и др.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII- Эталонный памятник Окуневской культуры. Памятники Окуневской Культуры. Э.Б. Вадецкая and Н.Б. Леонтьев, eds. Pp. 3-26. 1980. Ленинград: Академия Наук СССР. Рис XXVIII. 17

Марьяшев, 2002. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баянжурык. Известия МОН РК №1 (236) 2002, стр. 23.

Марьяшев А. Н., Гумирова О.Н. Раскопки поселения Асы-1 в 2008 – 2009 гг. // Вопросы археологии Казахстана. Сб. научн. статей. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 265-278.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы // История и археология Семиречья. Алматы, 1999. С. 44-57.

Мерц, В.К. Керамика ямно-афанасьевского типа из Семипалатниского Прииртышья. 2013. Рис 2, 9.

Ткачев В.В., Гуцалов Ю. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана.

Frachetti, M.D., Robert N. Spengler, Gayle J. Fritz, and Alexei N. Mar'yashev. 2010. Earliest Direct Evidence for Broomcorn Millet and Wheat in the Central Eurasian Steppe Region. Antiquity 84:993-1010.

Frachetti, M.D., Mar'yashev, A.N., 2007. Long-term occupation and seasonal settlement of eastern Eurasian pastoralists at Begash, Kazakhstan. Journal of Field Archaeology 32, 221-242.

Frachetti, Mar'yashev and N. Benecke. 2009. From Sheep to (Some) Horses: 4500 Years of Herd Structure At The Pastoralist Settlement of Begash (Southeastern Kazakhstan). Antiquity 83(322):1023-1037.

Spengler R, Frachetti M, Doumani P, Rouse L, Cerasetti B, Bullion E, Mar'yashev A. 014 Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists of Central Eurasia. Proc. R. Soc. B 281: 20133382. http://dx.doi.org/10.1098/rspb.2013.3382

Sokolova, L.A. Okunev Cultural Tradition in the Stratigraphic Aspect. Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Eurasia 2(3): 41-51. 2007. Таблица 3.

Черников, С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. Ленинград. Издательство Академии Наук СССР. 1960. Рис XL.11.

Түйіндеме

Майкл Д. Фрачетти, А. Марьяшев, Паула Н. Доумани

Жетісудың таулы бөлігіндегі қоныстар және қола ғасырындағы шаруашылық пен экология мәселелері

Мақалада Шығыс Жетісудағы қола дәуірінің қонысында Қазақ-американ экспедициясының жүргізген он жылдық жұмыстарының нәтижелері қарастырылады. Онда қоныстардың зерттелуінің қысқаша тарихы, Биғаш, Тасбас және Дәлі қоныстарындағы қазба жұмыстарына байланысты жаңа ашылымдар беріледі. Жетісуға адамдардың мекендеу тарихы бірнеше жүзжылдықтар бұрын, яғни б.д.д. III – II мыңжылдықтарға дейін болғандығына жаңа артефактілер мен қыш бұйымдарды талдау себеп болып отыр. Табылған бидай дәні ерте қола дәуіріндегі тайпаларда кешенді шаруашылық болған деп есептеуге мүмкіндік береді.

Summary

Michael D. Frachetti, Alexey N. Mar'yashev, Paula N. Doumani

Mountain settlements of the Semirech'ye region and questions of environment and farming in the Bronze Age

Results from the Kazakh–American joint Expedition in Eastern Semirech'ye on select Bronze Age settlements are summarized in the article. A short history of settlement archaeology is presented as well as new findings connected with recent archaeological excavations on settlements of Bigash, Tasbas and Dali are presented. New artifacts and the analysis of ceramic materials from these sites allow for a new chronology of regional Bronze Age sites, specifically re-dating the earliest history of pastoralist settlement in the Semirech'ye region centuries earlier on the boundary of III-II millennia BC. The discovery of grains of wheat also allow for a reconsideration of the complex economy that developed among Early Bronze Age tribes in the region.

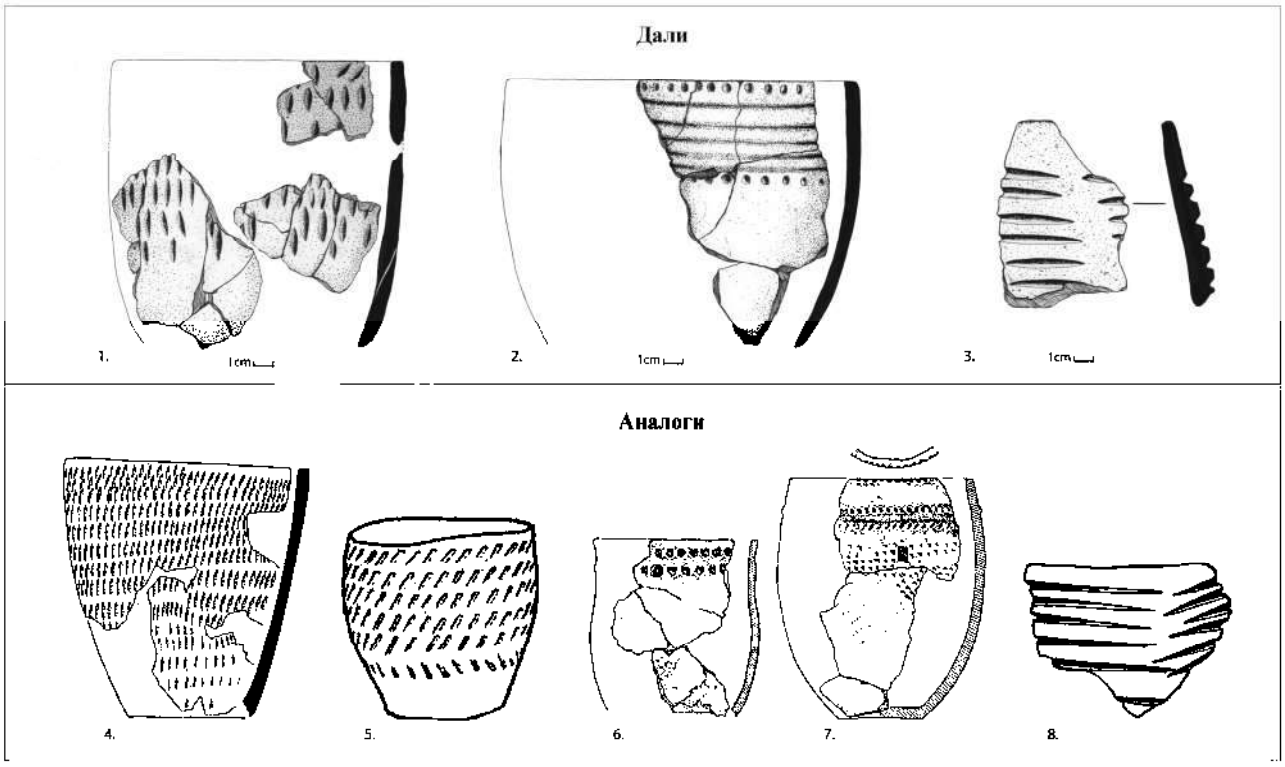


Рис.1. Керамика из Дали, этап 1: 1-3; Керамика поздней окуневской культуры: 4 (Максименков, 1980: Рис: XXVIII. 17); Керамика поздней окуневской культуры и ранней андроновской культуры: 5 (Sokolova 2007: Table 3) Керамика, Чемурчек: 6, 7 (Kovalev and Erdenebaatar 2007: Fig: 3,10 и 3,11) ; Керамика, андроновская культура: 8 (Черников, 1960 Рис. XL.11)

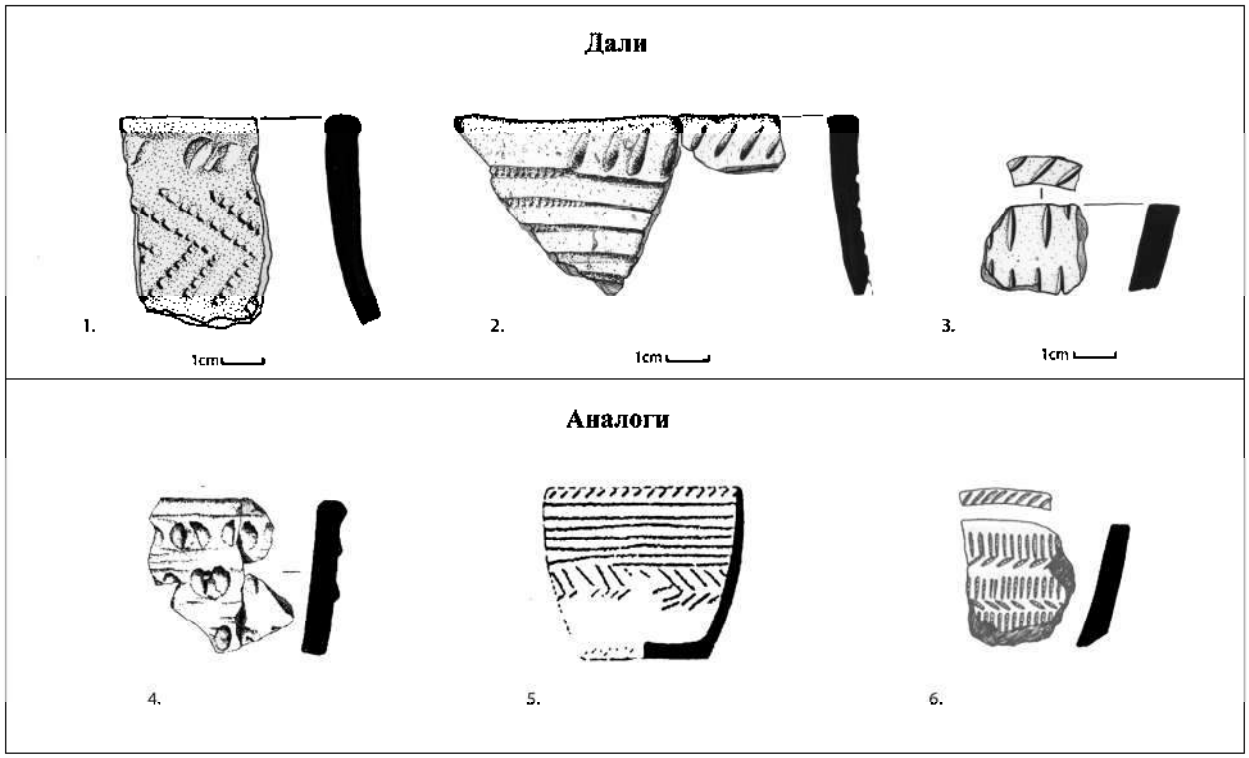


Рис. 2. Керамика из Дали, этап 2: 1-3; Керамика, Алтай, ранняя и средняя эпоха бронзы: (Мерц, 2013 Рис: 2, 9); Керамика, Алтай, средняя бронза поздняя окуневская культура (Илюшин и Ковалевский, Рис: 1, 2).

Каримова Д.О.
Государственный музей истории Узбекистана
Ташкент, Узбекистан

УДК 297(584.5)

ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТАКТОВ СТЕПНОГО И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ)

Ключевые слова: Бактрия, скотоводство, племена, эпоха бронзы, кочевые племена, этнический.
Keywords: Bactria, cattle breeding, tribes, the Bronze Age, nomadic tribes, ethnic.

В настоящее время на территории Южного Таджикистана выделяется несколько археологических культур, сосуществовавших во 2-й пол. II – нач. I тыс.до.н.э.: земледельческие памятники с северо-бактрийского варианта культуры Намазга VI, степные культуры – вахшская и бешкентская; отмечается проникновения северных степных племен андроновского типа на юг Таджикистана.

Первые случайные находки, относящиеся к эпохе бронзы были найдены в 40е годы на территории Южного Таджикистана. Памятники, относящиеся к этому периоду были изучены в городище Бешкент Мандельштамом А.М. в 1955г (Мандельштам, 1968) В 60е годы более тщательное и глубокое изучение территории рек Вахш и Кизилсу он начал под руководством Литвинского Б.А. Литвинский отнес найденные останки к культуре Вахша. Основная группа находок получила название от своего местонахождения (Литвинский, 1964, с.158). В 1965 и 1970 гг. Киров С.М. начал изучение стоянок в Курган Тюбе (Литвинчкий, Соловьёв, 1972). А в 70 годы он продолжил свои исследования в долине Бешкента (по нижнему течению реки Кафирниган) (Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977). Найденные в могиле останки он зафиксировал к хозяйственному типу стоянок долины Нурек и Гиссар (Пьянкова, 1979; Антонова, Виноградова, 1979; Виноградова, Пьянкова, 1983). Б.А.Литвинский за последние десятилетия открыты земледельческие памятники времени Намазга VI и Яз I – Кангурттут, Дахана, Тегузак, Карим Берды, Тандырйул, нурекские могильники, и новые поселения и могильники степных культур – Кумсай, Ташгузар (Vinogradova, 1994. p. 29-47). На всех этих памятниках в большей или меньшей степи имеются яркие свидетельства непосредственных контактов земледельцев со степным населением.

Практика изготовления медных орудий, а затем бронзового литья повлекла за собой разделение труда; о специализации мастеров в описываемое время свидетельствуют также искусная обработка камня и разнообразие высококачественной посуды, изготовленной на гончарном круге и обожженной в крупных печах с хорошо регулируемым температурным режимом. О стабильном обитании людей на одном и том же месте говорит не только значительная высота холмов, образовавшихся на месте поселений, но и характер самого строительства; вместо непрочных шалашей и навесов появились глиняные, а затем и кирпичные дома, а святилища из тростника и циновок в конечном итоге превратились в величественные каменные храмы.

Всё вышесказанное относится к периоду поздней бронзы. Однако, на территории Южного Таджикистана еще не найдены до сегодняшнего дня памятники ранней и развитой бронзы. Найденные памятники свидетельствуют, что на территории Южного Таджикистана в конце второго тысячелетия до нашей эры существовали скотоводческие и оседлые племена, и были они очень взаимосвязаны между собой. Соответственно, это оказало большое влияние на их генезис. Во второй половине второго тысячелетия до нашей эры в центре земледелия наблюдались большие изменения на территории Древней Бактрии. На границе южного Таджикистана наблюдалась не очень плодотворная земля. Эти земли считались богарными, богатая для джайлау, и в конечном счете, благоприятная для зимних пастбищ. Еще одной положительной стороной считалось то, что летом русло реки протекала вдоль долины. И это способствовало более эффективного развития земледелия и скотоводства. Следует здесь же отметить, что племена начинают проводить мероприятия по вскапыванию пастбищ. Ученые выделяют две древние скотоводческие культуры – Вахш и Бешкент. По мнению Литвинского генетическое происхождение местных племен связано с этими этнокультурными связями на территории Древней Бактрии.

В конце второго тысячелетия до нашей эры в степные части территории Северной Бактрии проникают элементы евроазиатской культуры. Эти племена расположились практически на всей

территории Южного Таджикистана. Об этом свидетельствуют найденные памятники (Пьянкова, 1986, с.39-45).

Степные племена потихоньку начали осваивать местные традиции и обычаи оседлых и скотоводческих. Выделяется несколько социальных прослоек населения, которым соответствовали типы жилой застройки, дифференцированной в зависимости от имущественного положения членов общества. И, если жилая и производственная застройка кварталов ремесленников хаотична и не упорядочена, то в квартале знати сеть подчинена правильной разбивке, выделяются и жилые дома этого квартала прямоугольными габаритами и чёткой планировкой. Приёмы строительной техники практически остаются прежними - это продолговатый сырец и балочные (иногда сводчатые) перекрытия. На Алтындепе перестраивается храмовое сооружение (ступенчатая башня) - увеличивается его высота и площадь. За парадным фасадом башни находилось большое здание с анфиладой комнат по длинному коридору. Одна из комнат являлась святилищем, в ней находился священный очаг, найдены также сосуды для ритуальных возлияний. У стены располагался небольшой алтарь из дерева. Здесь же были обнаружены многочисленные украшения: серебряные бляхи, бусы из золота, лазурита, сердолика и горного хрусталя, мозаичная пластина.

Тем самым, они внесли большие новшества в культурные, этнические сферы деятельности. Начинают меняться внешний облик скотоводческих племен, стала меняться и материальная культура. В итоге это привело к увеличению культурных памятников нескольких племен.

Таким образом, на территории Южного Таджикистана в эпоху бронзу наблюдалась такая ситуация. Однако, внешний облик получился немного спутанным. В нем произошли слияния культур оседлых, скотоводческих племен. Эти изменения не коснулись горных районов и долины территории Южного Таджикистана. Здесь ученые заметные остаточные явления эпохи неолита, относящиеся к Гиссарской культуре.

Ранов В.А. и Коробкова Г.Ф. отнесли это поселение к третьему тысячелетию до нашей эры (Ранов, Коробкова, 1971, с.146). По результатам радиокарбонного анализа и относят его к культуре Кулькурт Ак Танги (Северный Таджикистан) (Романова, Семенцов, Тимофеев, 1972, с.58). Здесь ученые выделили три культурных слоя. Встречаются здесь элементы бронзовой культуры, и в одном из слоев нашли один из компонентов Кайракумовской культуры (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с.43).

Ученые, проводившие исследования после 1980 гг. на территории Южного Таджикистана пришли к одному мнению, что до прихода евроазиатских племен на этой территории существовали Гиссарская неолитическая культура (Ранов, 1982, с.21).

Виноградова Н.М. уточнила точное местонахождение каждого из слоев эпохи Кангурттут в земледелии. Здесь были найдены нижние слои Гиссарской культуры, относящиеся к эпохе поздней бронзы, где были найдены глиняные останки, принадлежавшие населению Тегузак (Виноградова, 1984, с.75). Исходя из реальных находок, можно сделать вывод, что до прихода на территорию юго – западного Таджикистана с одной стороны Андроновской культуры, с другой стороны племен Сапалли и Дашли здесь проживало население гиссарской культуры. Племена гиссарской культуры не могут исчезнуть сами по себе.

О развитии экономики и непосредственно хозяйства гиссарских племен сделаны тезисные заключения Коробкова Г.Ф. она отмечает, что здесь начинается разведение мелкого рогатого скота, что в дальнейшем привело к более эффективному развитию скотоводства (Ранов, Коробкова, 1971, с.146; Коробкова, 1973, с.210). Это и становится основным занятием племен. В ряду культуры Вахша особое место занимают памятники Вахш 1, Тигровая Балка, Ойкул, Жаркул, расположенные на Макоминоре – Кизилсуне.

Начиная с 1983 года здесь начинается более детальное изучение территории. В результате которого было выявлено, что к этим территориям относятся памятники Вахша и Панжа. В дальнейшем это привело к появлению нового названия реки – Амударьи. Здесь были найдены различного рода украшения, изделия из глины. Было доказано, в эпоху бронзы в работу гончаров включается гончарный круг, усложняется ряд технологических процессов изготовления керамической продукции, что во многом определило видоизменение форм сосудов и повысило качество изделий. По-видимому, с введением гончарного круга, а также с процессом выполнения в специализированных мастерских большого количества потребных керамических изделий связана постепенная деградация, а затем исчезновение расписной керамики. Гончарами изготавливалась посуда самых разных типов и размеров от крошечных кувшинчиков и бокалов до больших хумов. Особое внимание придаётся красоте самих посудных форм. Черепок их плотен и тонок, силуэт изящен, поверхность иногда покрыта густо-красным ангобом и заношена. На Алтындепе, например,

открыт квартал, где жили и работали гончары. По-видимому, это была гончарная мастерская, с чём свидетельствует наличие производственного брака, гончарные горны (причём двух ярусные), а также комплекс глиняных изделий, подготовленный к обжигу.

В сравнении с гончарным металлургическое производство несколько запаздывает в своём развитии. Однако, существовали меднолитейные мастерские, производившие разнообразную продукцию - от медных иголок и печаток, до кинжалов. Добыча и обработка металла доставались нелегко, им дорожили, и предметы, пришедшие в негодность, как правило, пускали в переплавку.

Сохраняет некоторое значение кремневая индустрия, но постепенно металл вытесняет кремень в орудиях труда, позднее - в оружии. Из камня по-прежнему изготовляются такие орудия труда, как зернотёрки, ступки, песты, куранты и т.п., украшения (в основном бусы), а также вытачивалась прекрасная посуда.

Широко было развито текстильное ремесло.

На основе бронзы, а затем серебра и золота зарождается ювелирное искусство и к концу бронзового века оно предстаёт уже как зрелое мастерство. Мастерами-ювелирами изготавливаются украшения, культовые предметы.

Всё это дало возможность поделить развитие хозяйства на два типа: каждое из которых характеризовало свое влияние на местонахождение находок. К находкам культуры Вахша можно отнести кухонные приборы, приборы обихода, изделия круглой цилиндрической формы.

Существует еще одна культура, относящаяся к скотоводческим племенам – Бешкент, расположенная на берегу реки Кафирниган. Эту территорию тщательно и детально изучал Мандельштам А.М. К культуре Бешкента он отнес памятник Ранний Тульхар, где позже было найдено 75 могильников.

Большой интерес представляют древние захоронения на поселении. Устройство могил в основном подбойное (производились под одной из стен помещений), имеются и катакомбы, устраивавшиеся под полом комнат и под мощными обводными стенами. Встречаются захоронения в сосудах и в самих стенах. Детские погребения осуществлялись исключительно в мелких ямах. Погребения взрослых имеют единую ориентацию в скорченном положении на боку. Мужчины лежали с согнутыми коленями на правом боку, а женщины на левом. Вокруг них укладывали камни в три ряда. Встречаются коллективные захоронения и даже захоронения животных. Почти все могилы хорошей сохранности (не подвергались разрушениям и ограблениям). Богатый сопроводительный инвентарь в основном керамикой, а также изделиями из металла, камня, кожи, дерева, соломы. Однако в детских захоронениях погребальный инвентарь почти отсутствует.

Форма могильника имеет правильную угловую форму или собрание камней в четкой последовательности. Также в двух могильниках культуры Сруб были найдены ножи. Однако, в культуре Вахши все таки 70 % находок составляли глиняные изделия. Большой интерес представляют бронзовые и серебряные печати. Это небольшие предметы с петлевидной ручкой и широким основанием, на котором в глубоком контррельефе нанесено изображение, предназначенное для оттиска на пластичном материале. Появление таких печатей, по-видимому, связано с появлением института собственности - пока ещё не личной, но общественной, большесемейной, хотя не отрицается и связь изображений на печатях с религиозно-мифическими представлениями, которые весьма усложняются в этот период. В эпоху бронзы преобладают каменные печати в виде двусторонней палетки или цилиндра, оттиск с которого получали путем накатки. Те и другие во многом схожи с печатями Месопотамии формой и стилем изображений, в которых видное место занимают реальные животные и фантастические существа. Первоначально изображения были единичные (змея, трёхголовое животное, геометрические знаки, изображение луны), постепенно символика печатей усложняется и преобладают групповые изображения, где на животное нападают змеи, драконы, появляется и фигура человека с двумя рогатыми животными по сторонам.

Для коропластики эпохи ранней бронзы характерен образ нового типа женского божества. Фигурки выполнены в условно-плоскостном стиле, когда из широкой, уплотненной глиняной лепёшки формируется фронтально развёрнутый силуэт, лишь отдалённо напоминающий женскую фигуру. Большое внимание уделяется разработке головы, где особо выделяются крупные, в высоком рельефе выполненные налепи прямо смотрящих глаз, которые как бы преследуют гипнотизирующим взглядом, детально проработаны причёска, украшения на шее. Но торс предельно условен, руки с неразработанными кистями расставлены в стороны, широкие бёдра переходят в общий удлинённый треугольник соединённых ног. Встречаются единичные экземпляры мужских фигурок с чётко подчёркнутыми половыми признаками или без них выполненные, в отличие от женских фигурок, в реалистично-объемном стиле.

Во время исследований памятника Бешкент на территории Бактрии не было особых открытий. Поэтому Мандельштам отметил, что эти все металлические и глиняные находки относятся к Маргиане и Южному Туркменистана. Основу все таки составляют изделия из металла. Здесь тоже был исследован могильник. Могильник состоит из грунтовых захоронений. Устройство могил подбойной-катакомбное. Трупоположение скорченное, причём костяки мужчин находятся на левом боку, а женщин - на правом. Изучение стратиграфии захоронений, ориентации скелетов, комплексов погребального инвентаря, особенностей погребального ритуала, свидетельствующих о разновременности захоронений могильника, позволило выявить три хронологических этапа: джаркутанский, кузалинский и молалинский, а также проследить особенности социально-экономического развития общин древних земледельцев второй половины II тыс. до н э.

Присутствуют каменные орудия труда (зернотёрки, ступки, песты, молоты, отбойники) и оружие (наконечники стрел, ядра для пращи).

Значительная часть материалов представлена украшениями из камня, бронзы и кости (бусы, бисер, амулеты, подвески, серьги, браслеты, височные колечки, зеркала, шпильки, булавки и т.п.).

В гончарном производстве джаркутанского этапа наблюдается значительный прогресс, особенно в области организации труда, способствующий массовому организованному производству керамической продукции. Гончарные печи сосредотачиваются в отдельных кварталах. По мере повышения уровня производства и расширения спроса совершенствуются и увеличиваются в объёме керамические печи (двухъярусные с округлой обжигательной и овальной топочной камерами). Такое высокопроизводительное специализированное производство было связано с профессиональной организацией труда и окончательным обоснованием ремесла. Возможно, что изготовляемая в гончарных печах продукция в этот период не только обеспечивала внутренний спрос населения, но и шла на внешний «рынок».

Выделился и антропологический тип внешнего облика человека раннего Тулхара. По заключению исследований Кияткиной Т.П., их облик схож со средиземноморскому типу. Ходжаев Т.К. бронзовый век на территории Средней Азии сопоставил с различными заключениями антропологических материалов и пришел к выводу, что облик человека раннего Тулхара был другим – он имел продолговатую форму головы и длинную шею.

Помимо культуры Бешкента, останки раннего Тульхара были найдены и на других территориях. По заключению стратиграфического шурфа здесь сыграла роль Андроновской культуры. Встречаются памятники после кремации. В могильниках 63 и 64 были найдены скелеты образца Андроновских скотоводов. Также в могильниках были найдены остатки золы, что свидетельствует о сжигании тел. Это связано с религиозными верованиями. Итак, наиболее высокими темпами в эпоху бронзы развивалась земледельческая культура южного Таджикистана. Бронзовый век здесь приходится на III-II тыс. до н.э. На этой территории идёт развитие индустрии бронзы, совершенствуется система ирригации, для вспашки используется тягловый скот и на смену мотыжному земледелию приходит земледелие более прогрессивного типа - пашенное. Формируются древние цивилизации с протогородами, в виде «микрорайона» длиной в 5 км, складывается институт власти, развиваются медеплавильное, керамическое, камнеобрабатывающее, ткацкое, строительное производства, причём довольно чётко прослеживается их специализация. Слагаются приёмы монументальной архитектуры, высокого совершенства достигает керамика, продолжается развитие орнамента, терракотовой скульптуры, ювелирного дела.

Также на территории юго западного Таджикистана в районе памятников Тандиргуль и Заркомар нашли элементы культуры Сапалли.

Керамический комплекс сапаллинского этапа представлен в основном формами, сделанными на гончарном круге и лишь небольшая часть (кухонная посуда) изготовлена техникой ручной лепки. Тесто последних грубое с примесями шамота и дресвы, снаружи закопчены, внутри на стенках и особенно на дне прослеживаются остатки пищи. Станковая посуда изготовлены из хорошо отмученной, эластичной шины местного происхождения. Сосуды хорошо обожжены и имеют красный или розовый цвет. За исключением единичных фрагментов, вся керамика неорнаментированная. Комплекс представлен большим разнообразием форм: вазы и кубки на высокой ножке, конусовидные сосуды, горшки, чайники без ручки, кувшины, миски, горшкообразные чаши со сливом цилиндроконической формы, плоские блюда в виде подноса и т.п. Вся керамика высокого качества: тонкая, изящная, стройная, лёгкая. Имеются сосуды, изготовленные из дерева, кожи, соломы, камня, металла и рога.

Для сапаллинского этапов характерно преобладание богатых женских захоронений, что свидетельствует о пережитках матриархата. На кузаллинском и молалинском этапах наблюдается

постепенное объединение женских захоронений, уменьшается и количество погребального инвентаря при параллельном обогащении мужских захоронений. На кузулинском этапе в мужских могилах резко увеличивается число изделий из металла, что свидетельствует об укреплении положения мужчин в обществе. Однако, постепенно металлические изделия, особенно орудия труда и оружие, заменяются имитацией. И уже на молалинском этапе металлические изделия полностью вытеснены в основном вотивными предметами. По-видимому, с развитием общества растёт и потребность в металлических изделиях, поэтому подлинные бронзовые предметы в захоронениях заменяются на вотивные с целью символического соблюдения традиционного погребального ритуала.

Приведенные выше примеры тесных контактов земледельческих племен со степными культурами андроновского памятников, с одной стороны, и бешкентско-вахшским населением, с другой, выделяют Южный Таджикистан в особую историко-культурную область и свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, происходивших на территории Южного Таджикистана во 2-й половина II тыс.до н.э.

Литература:

Антонова Е.В., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе а 1974 г. – АРТ, вып. XIV, 1979;

Виноградова Н.М. Отчёт о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г). – АРТ, вып. XVIII, 1984, – С. 75.

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Работы в Гиссерской долине в 1977 г. – АРТ, вып. XVII, 1983.

Коробкова Г.Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии. – В кн.: Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973, – С. 210.

Литвинский Б.А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). – В кн.: Индия в древности. М.: Наука., 1964. – С. 158.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчёт о работах Южно-Таджикистанской экспедиции в 1973 г. – Археологические работы в Таджикистане (АРТ), вып. XIII. – Душанбе., Дониш, 1977.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. – Труды Института истории им А.Дониша АН Тадж ССР, т. 33, 1962, –С. 43.;

Литвинский Б.А., Соловьёв В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане. – Успехи среднеазиатской археологии (УСА), вып. I, 1972.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 145, 1968.

Пьянкова Л.Т. Бронзовы век Южного Таджикистана. Известия. 1986. №4. – С. 39-45.

Ранов В.А. Истоки, внешние влияния и внутреннее развитие гиссарской культуры. – В кн.: Древнейшие культуры Бактрии: Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». – Душанбе: Дониш, 1982, – С. 21.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссерской культуры в Южном Таджикистане. – Советская археология (СА), 1971, № 2. – с. 146.

Романова Е.Н., Семенцов А.А., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР – УСА, вып. II, 1972, – С. 58.

Пьянкова Л.Т. Отчёт о работе Нурекского археологического отряда. – АРТ, вып. XIV, 1979;

Vinogradova N. M. The Farming Settlement of Kangurttut in the Late Bronze Age. // AMI, – B. 27, – Berlin, 1994. P. 29-47.

Резюме

Д.О. Каримова

ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТАКТОВ СТЕПНОГО И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАН

(на примере эпохи поздней бронзы)

В данной статье рассматриваются особенности развития территории Южного Таджикистана, особенности развития земледельческих и скотоводческих племен эпохи бронзы, а также дается описание захоронениям памятников Бешкент, Тегузак и Кангурттут. Отдельным образом рассмотрены элементы культуры Сапалли, выявлены её характерные особенности.

Summary

D.O. Karimova

RESEARCH OF CONTACTS OF CATTLE BREEDING AND AGRICULTURAL POPULATION TO SOUTHERN TAJIKISTAN

(as an example of late bronze age)

This article discusses the features of southern Tadjikistan territory, especially the development of pastralist tribes of the Bronze Age, as well as a description of the graves monuments of Beshkent, Teguzak and Kangurttut. The author gives a special attention to the cultural elements of Sapalli and reveals its characteristic features.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.
Сарыаркинский археологический институт при КарГУ
им. академика Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан

УДК 902

МАРКЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Работа выполнена при поддержке гранта МОН РК AP05131774 «*Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы*».

Түйінді сөздер: Орталық Қазақстан, қола дәуірі, қоғамның жіктелуі.
Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, стратификация общества.
Keywords: Central Kazakhstan, the Bronze Age, the stratification of society.

До последнего времени отмечался более чем полувековой перерыв в изучении крупных высокостатусных погребальных объектов бронзового века на территории Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 160-181). Проведенные в 50-60 гг. работы позволили наметить некоторые аспекты ранжированности общества эпохи бронзы и констатировать довольно высокий уровень внутренней стратификации (Маргулан, 1979, с. 25-58).

Новый этап целенаправленных исследований начался в 2015 г. и связан с деятельностью экспедиции Сарыаркинского археологического института. В процессе исследований были осуществлены работы на двух крупных курганах могильника Бесоба. Сооружения имели земляные насыпи диаметрами 26-28 м, высотой до 1,5 м, которые перекрывали двойные концентрические ограды, возведенные из вертикально установленных плит или плашмя уложенных камней. Каждый комплекс содержал по две могилы: центральную курганообразующую и периферийную устроенную несколько позднее. В ходе расчистки заполнения погребальных камер были обнаружены четыре золотые серьги с раструбом и три бронзовые бляшки-нашивки плакированные золотым листом, а также керамика фёдоровского типа.

В 2016 г. осуществлены исследования на трех разновременных памятниках, которые позволили выявить целый исторический срез высоко статусных погребальных комплексов, занимавших некрополеобразующую позицию на территории могильников.

Так, на могильнике Шерубай-1 раскопан федоровский курган диаметром 23 м, высотой 1,5 м, на подкурганной площадке которого выявлена округлая в плане ограда из уложенных строительной кладкой камней в 3-4 ряда высотой. Снаружи к ограждению были пристроены пять детских погребений. В центральной части внутриоградного пространства располагалось погребение, устроенное в крупной цисте, содержащей тройное биритуальное захоронение.

Грандиозный пирамидально-ступенчатый мавзолей бегазы-дандыбаевской культуры исследован на могильнике Каражартас. Он представлял собой конструкцию из 5-6 рядов стен, где внешний периметр превышал 14 м. Отмечена также сплошная наружная облицовка вертикально установленными массивными гранитными плитами. Внутреннее пространство центрального периметра стен являлось погребальной камерой наземного типа, которая имела илистую обваловку. Обнаруженный в ходе исследований погребальный инвентарь представлен бронзовым наконечником стрелы, золотым кольцом, а также фрагментами характерной керамики.

Венчает культурно-хронологическую шкалу ритуально-погребальный комплекс финальной бронзы Шантимес, представляющий собой сплошную огромную четырёхугольную каменную платформу. Длина каждой стороны ограды превышает 40 м. Ориентирована углами по сторонам света. В центральной части отмечен каменный курган, содержащий детское захоронение. Вдоль двух противолежащих сторон платформы прослежены остатки кострищ в виде прокалов.

Исследованные высокостатусные погребальные памятники можно поставить в один ряд с известными сооружениями федоровской и бегазы-дандыбаевской культур, изученных ранее на могильниках Аксу-Аюлы II (курган 2, 3), Ортау II (курган 1) (Маргулан и др., 1966, с. 164-181), Беласар Б (ограда 2 (10)) (Маргулан, 1979, с. 46-50), Байбала II (Маргулан, 1979, с. 55-56), Атасу I (курган 39) (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 101, 105-108), Мыржик I (курган 1) (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 119-121), Аккойтас V (курган 1) (Байтанаев и др., 2014, с. 663-665), Бегазы, Бугулы III, Айбас-Дарасы, Сангуыр I (Маргулан и др., 1966) и Енбек-Суйгуш (Бейсенов и др., 2014, с. 46).

Анализ материалов социально-стратифицированных сооружений фёдоровской культуры позволил констатировать, что основой погребальной архитектуры являлось устройство каменных концентрических оград, перекрытых мощной курганной насыпью. В центральной части подкурганной площадки обычно располагается одна погребальная камера в виде каменного ящика или цисты, по размерам сопоставимая с рядовыми захоронениями.

За основу реальных трудозатрат на возведение элитных погребальных объектов был взят курган 3 могильника Бесоба. Подсчёты производились с учетом тоннажа насыпи и гранитных плит ограждения. По формуле $P=2\pi R$ вычислялась длина ограды, затем результат перемножался на усредненную высоту плит. Полученная таким образом площадь перемноженная на весовые показатели 1 кв. м гранита при толщине плит 10 см, определила общий вес ограждения, который составил порядка 30 т, а с учетом веса камней для внутреннего сооружения, заполнения кольцевого рва, системы внутренних подпорок, увеличился как минимум до 50 т.

Тоннаж насыпи вычислен по формуле объема сегмента ($1/6*\pi h(h^2+3R^2)$) и на основании технических характеристик грунта составил 600 т. С учетом достаточно примитивных орудий труда, необходимости рыхления, загрузки, доставки, засыпки песка, норма выработки на человека вряд ли могла превышать более 0,5 т в день. Таким образом, только для сооружения насыпи кургана 3 необходимо было1200 чел/дней.

Конечно, расчеты проведены условно, но и они отчетливо демонстрируют, что родовому коллективу или группе родственников из 50-60 человек, с учетом специфики строительных работ и наличия гужевого колесного транспорта, чтобы справиться с этой задачей могло потребоваться не менее 1 месяца. Если предположить, что вес камней ограждения рядового сооружения достигает 1 т, а мы суммируем тоннаж камня и грунта элитного кургана, то общие трудозатраты без учета доставки и строительных работ, превысят усилия по сооружению рядовой ограды фактически в 650 раз, а с учетом последних – гораздо выше.

Материалы, полученные в ходе исследований на могильнике Шерубай-1, позволили подтвердить полученные выводы. Рассчитанные трудозатраты по возведению статусного кургана превосходили рядовые в 370 раз. Следует добавить, что выявилась такая новая деталь, как наличие детских погребений, совершенных с внешней стороны ограды и перекрытых общей курганной насыпью. Например, в раннеалакульской традиции детские захоронения совершались, как правило, в пределах внутреннего пространства кургана или ограды. С нашей точки зрения, отмеченные детские захоронения связаны с центральным не напрямую, а опосредованно, через своих родителей, которые в свою очередь являлись детьми человека, погребенного в основной камере.

Каражартасский мавзолей относится к поздней фазе бронзового века Сарыарки. На общем фоне бегазы-дандыбаевских погребальных комплексов, он выделяется наличием уникальной пирамидально-ступенчатой конструкции. Крупная погребальная камера и внушительные параметры, характерные для всех крупных бегазинских мавзолеев (Бегазы, Сангуыр I, Бугулы III, Айбас-Дарасы), указывают на глубинные социально-экономические процессы, протекавшие в обществе этого периода. Прежде всего, об этом свидетельствуют размеры погребальных камер, которые в отличие, например от федоровских, увеличиваются в разы, что предполагает их наполнение многочисленным и разнообразным сопроводительным инвентарем.

Тоннаж строительного камня и облицовочных плит, необходимых для возведения стен каражартасского мавзолея производился по описанной выше методике и достигал порядка 350 т. С учетом многочисленных развалов камня за пределами мавзолея общий вес мог достигать 500 т. Сам мавзолей был перекрыт земляной курганообразной насыпью, тоннаж которой по разным подсчетам составлял от 150 т до 200 т, что в сумме дает 650-700 т. Если за основу рядовой ограды взять 1 т использованного при ее строительстве камня и грунта, то только весовые показатели строительного материала для возведения мавзолея превысят эти данные в 650-700 раз.

Несколько особняком стоит ограда Шантимес, оформленная в совершенном ином ключе и относящаяся к самому финалу бронзового века (X – первая половина IX вв. до н. э.). Она представляет собой гигантскую каменную платформу площадью 1650 $м^2$ и в отличии от других объектов, спроектирована не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости, рассчитанной на восприятие сверху, т.е. с высоты неба. Общий вес использованного камня для строительства сооружения составил около 1134 т, соответственно, реальные трудозатраты на устройство ритуально-обрядового комплекса более чем 1000 раз превысят аналогичные на сооружение рядового погребения.

Исследованные социально-стратифицированные погребальные комплексы и подсчеты реальных трудозатрат по отношению к сооружениям рядовых соплеменников наглядно демонстрирую высокую ранжированность общества бронзового века. Однако, хотелось бы остановиться на нескольких важных аспектах. Федоровские высокостатусные захоронения в отличие

от синташтинских, петровских и алакульских имеют несколько иное опредмеченное выражение. Ключевой маркер элитарности выражался не в размерах погребальных камер и наборе сопроводительного инвентаря сопоставимого с рядовыми захоронениями, а в параметрах надмогильного сооружения, его «монументальности». Налицо, прежде всего именно, социальная, нежели имущественная дифференциация. Объяснение обсуждаемых аспектов, думается, следует искать в религиозно-мифологических представлениях федоровского населения, которые в этом плане несколько отличны от мировоззрения носителей культур алакульской линии развития.

В позднем бронзовом веке обозначенный выше вектор стал меняться в сторону не только социального, но и имущественного расслоения общества. У бегазы-дандыбаевцев, очевидно, уровень общественных трудозатрат по возведению социально-стратифицированных погребальных сооружений был прямо пропорциональным уровню социально-экономической ранжированности, что особенно актуально для полярных слоев общества этого периода.

Видимо, в отличие от социальной структуры федоровского общества, в бегазинской среде уже формируется представительная элитная прослойка с достаточно высоким социально-экономическим статусом, наделенная управленческими и духовными функциями, что предполагает переход общества на сравнительно более высокий уровень социально-экономического развития.

Литература:

Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культово-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долины батыров» // Восхождение к вершинам археологии: сб. материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященный 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы, 2014. – С. 659-668.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 247 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 435 с.

Резюме

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин

Маркеры социальной стратификации в эпоху бронзы

Среди общей массы погребальных комплексов бронзового века Центрального Казахстана выделяется своими крупными размерами, а иногда сложной архитектурой небольшая группа сооружений, значительно превосходящая по трудозатратам остальные захоронения. Она наглядно демонстрирует высокую ранжированность социума, где довольно отчетливо фиксируется ее привилегированная часть. Очевидно, именно из этой среды формирующейся степной аристократии выдвигались первые архаичные лидеры, отправители культов и военные предводители.

Summary

I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev, A.I. Kukushkin

Markers of social stratification in the bronze age

Among the total mass of the Bronze Age burial complexes of the Central Kazakhstan, a small group of structures stands out with its large dimensions and sometimes complex architecture, which considerably exceeds the rest of the burials by labor. It clearly demonstrates the high rankings of the society, where its privileged part is recorded quite clearly. Obviously, it was from this environment of the emerging steppe aristocracy that the first archaic leaders, the senders of the cults and military leaders, were nominated.

Түйіндеме

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин

ҚОЛА ДӘУІРІНДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК ЖІКТЕЛУ МАРКЕРЛЕРІ

Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің жерлеу кешендерінің жалпы саны арасында, әлдеқайда көп еңбек күші бар шағын топ жерлеу құрылыстары өзінің ірі мөлшерімен, ал кейде күрделі сәулетімен ерекшеленеді. Оның артықшылықты бөлігі қоғамның қатты бөлінуін анық көрсетеді. Анық болғандай, дәл осы дала ақсүйектері қалыптасқан ортадан алғашқы архаикалық көшбасшылары, ғибадатшылар мен әскери қолбасшылары шықты.

Мамиров Т.Б,
Национальный музей Республики Казахстан,
Астана, Казахстан
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
Баиров Н.М,
Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
Актобе, Казахстан
Куандык С.Р.
Актюбинский региональный университет им. К.Жубанова,
Актобе, Казахстан

УДК 903/904

ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ШАЛКАРСКОМ И ИРГИЗСКОМ РАЙОНАХ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: палеолит, неолит, река Иргиз, Шалкарский район, стоянка-мастерская Шет.
Keywords: Paleolithic, Neolithic, Irgiz River, Shalkar District, Shet parking lot.

В 2015-2017 годах проводились разведочные работы в пустынной и полупустынной зонах (пески Большие и Малые Барсуки) Актюбинской области.

Археологические работы были сосредоточены в песках Большие и Малые Барсуки, Сарыбулаккум, долин рек Иргиз, Тургай и др.

В Иргизском районе в ходе трехлетних работ было открыто 55 памятников каменного века и эпохи палеометалла (рис. 1). К самым древним памятникам относятся две стоянки-мастерские Шет пункты 1-2 и два местонахождения Шет пункт 3 и Жаманшын. Первые три памятника обнаружены на плоской возвышенности между озерно-соровыми понижениями, в 1,2 км северо-западнее озера Узынколь в 42 км к юго-востоку от пос. Иргиз. Последнее расположено, в окрестности меторитного кратера Жаманшын, где был обнаружен частичный бифас, переоформленный в нож.

Стоянки-мастерские Шет пункты 1-2 – это первые палеолитические памятники в Иргизском районе, поэтому сборы и обследования были продолжены и в 2016 году в частности на стоянке-мастерской Шет пункт 2.

Стоянка-мастерская Шет пункт 1 расположена на выходах квацитовидного песчаника. На второй доминирующей надпойменной террасе прослеживаются выходы сливного кварцитовидного песчаника серого цвета, где было собрано 69 каменных артефактов.

Техника первичного расщепления (5 экз.) представлена заготовкой торцового нуклеуса, односторонним одноплощадочным нуклеусом, двумя массивными и одним средних размеров техническими сколами.

Орудия и обломки орудий (17 экз.) представлены бифасиальными изделиями (2 экз.), скреблами, скребками (4 экз.), зубчато-выемчатыми формами, режущими орудиями, клювовидными изделиями, сколами с подтеской и ретушью (11 экз.).

Стоянка-мастерская Шет пункт 2 расположена в 2-х км северо-восточнее памятника Шет пункт 1. Локализована в 1,3 км на северо-запад от озера Малайдар. Дневная поверхность представлена желтой супесью. Памятник расположен на выходах сырья, в первый год выборочно было собрано 25 артефактов. Предварительно отобраны два нуклеуса переоформленных в орудия. Орудийный набор (15 экз.) представлен бифасами, и фрагментами бифасов (5 экз.), зубчато-выемчатыми изделиями (7 экз.) и другими орудиями (3 экз.). Также были собраны хорошие сколы раскалывания, в том числе и техники леваллуа – 8 экз.

Во второй год велись работы по локализации площади памятника, с определением мест основных скоплений. Северная граница распространения находок, где вытянутый в субмеридиональном направлении склон, идет на межсопочную седловину. С этой точки концентрация находок становится единичной либо исчезает. На северном скоплении собрано 66 артефактов, которые представлены следующими категориями:

Орудия – 8 экз. (унифасиальное изделие, три зубчато-выемчатых орудия, орудие с носиком, два скола с ретушью, и фрагмент пластины с лицевой зубчатой ретушью по краям).

В коллекции 1 технический скол, 11 фрагментов пластин без вторичной обработки, 16 целых сколов, 2 чешуйки, 28 фрагментов сколов и обломков.

Южная граница скопления находок, проходит по вершине склона, в местах скопления находок были сделаны сборы, так на юго-восточной окраине памятнике, на участке 2х2 метра было собрано 52 артефакта.

Орудия – 2 экз.: поперечный обломок полукраевого скола размерами с бифасиальной ретушью левого края и поперечный скребок с зубчатым лезвием на фрагменте полукраевого скола.

В коллекции 8 фрагментов пластин, 10 целых сколов, один выполнен по технике леваллуа, 12 вторичных проксимальных отщепов, 3 полукраевых проксимальных отщепа, 17 обломков.

В центральной части памятника было собрано 4 артефакта: односторонний нуклеус для отщепов радиального скалывания, скребло поперечное вогнутое на техническом сколе, вторичный скол и дистальный фрагмент пластинчатого отщепа.

В ходе поверхностных сборов, были собраны артефакты в количестве 7 экз.: зубчато-выемчатое орудие на полукраевом сколе, выемчатое орудиенаполукраевом сколе, заготовка бифаса (?), сверло (?) на вторичном сколе, проксимальный фрагмент полукраевого скола и два проксимальных фрагмента сколов без обработки.

Памятники голоценового периода представлены крупными стоянками и местонахождениями.

В долине реки Иргиз на обоих берегах и на правом берегу реки Тургая обнаружен 41 памятник голоценового периода. По географии их расположения можно выделить следующие концентрации. Западный район, верхнее течение реки Иргиз на левом берегу выявлено 5 памятников на песчаных выдувах и на правом 1 на сопке Темиртау. Все они представлены местонахождениями, выделяется среди них Шенбертал 2, расположенный в 100 м на северо-запад от пос. Шенбертал, в 200 м на юго-восток от современного казахского кладбища. Этот памятник, судя по описаниям, является стоянкой Шенбертал, отмеченным А.А. Формозовым (Формозов, 1950, с. 144). Было выявлены в 2015 году следующие артефакты на выдуве: сработанный нуклеус для микропластин из выветрелогокварцитовидного песчаника, двусторонне обработанный наконечник стрелы, обломок орудия с приостренным основанием и зубчатым лезвием с бифасиальной нерегулярной ретушью и технический скол из слабо выветрелого кварцитовидного песчаника (рис. 2, 1-2).

В среднем течении реки Иргиз на правом берегу выявлено 6 местонахождений в 5-12 км к западу от поселка Иргиз. На местонахождениях собраны каменные изделия и фрагментарная керамика. К интересным находкам относятся два микронуклеса на местонахождении Кошек. Первый торцовый, второй конический с негативами снятий микропластин. Нуклеусы характеризуют микропластинчатую технологию расщепления, что позволяет предварительно датировать памятник мезолитическим временем, либо ранненеолитическим.

В окрестности села Аманколь, в среднем течении левобережья реки Иргиз выявлено 4 местонахождения, одна стоянка и одно местонахождение на правом берегу. Крупной стоянкой в этой группе является Аманколь пункт 1. На дневной поверхности прослеживается наличие большого количества костей, орнаментированной керамики и каменных орудий. Площадь выдува вытянута с севера на юг – 150 м, с запада на восток – 200 м. В непосредственной близости от памятника расположен водоем.

На памятнике обнаружено 80 каменных артефактов, из них кремневых изделий – 75 экз. и кварцитовых изделий – 5 экз.

Из кремневого сырья, выполнены следующие орудия – 14 экз.: наконечники стрел и их фрагменты – 4 экз., скребки – 4 экз., острие – 1 экз., долотца – 2 экз., скреблышко – 1 экз., выемчатые и другие – 2 экз. (рис. 2, 3-7). Из кварцитового песчаника выполнен фрагмент наконечника стрелы, четыре скола и фрагменты без вторичной обработки.

На памятнике было отобрано 8 фрагментов, выразительной керамики. Керамика разновременная: 1 крупный фрагмент тулова с прочерченным орнаментом из косых пересекающихся линий, 3 фрагмента тулова с прямыми линиями, 2 фрагмента тулова в технике отступающего накола, 2 фрагмента малоинформативные.

Ниже по течению реки Иргиз на левом берегу в 8-10 км расположены 2 местонахождения Шомишколь пункт 1-2, Каракога пункт 2 и стоянка Каракога пункт 1. Выделяется в группе стоянка Каракога пункт 1, расположенный возле зимовки на песчаномвыдуве. Площадь выдува с севера на юг – 80 м, с запад на восток – 50 м, плотность находок достигает 15-20 на 1 кв. м. Был заложен шурф №1 размерами 40х40 см. Стратиграфия показывает однородный слой из супеси желтого цвета. Прослеживается пятно светло-серой золистой супеси, размерами с северо-северо-востока на юго-юго-

восток – 1,10 м, и с северо-северо-запада на юго-юго-запад – 2 м. Стратиграфия – супесь светло-серого цвета.

Шурф №2 заложен на зольном пятне, размерами 30х30 см глубиной 10 см. Верхний слой 10 см – супесь светло-серого цвета. Также на памятнике прослежены два зольных прокала мощностью до 6 см.

Всего на памятнике обнаружено 103 каменных артефакта и 3 фрагмента керамики

Согласно сырьевой принадлежности материал подразделен на две серии: кремнистое и кварцитовидное сырье. Из крупнозернистого сырья, гранитоида представлен отбойник продолговатой формы.

Кремнистое сырье: 49 экз. Из них выполнено 15 орудий и обломков орудий: концевой скребок, боковой скребок, орудие с носиком, резец на отщепе, провертка и нож на отщепе, а также сильно окатанная плитка со сколами подправки и ретуши. 53% орудий выполнены на пластинах: геометрический микролит – параллелограмм укороченный, два вкладыша, концевой скребок и 4 фрагмента пластин с ретушью (рис. 3).

Кварцитовидный песчаник – 53 экз. Техника первичного раскалывания представлена микронуклеусом с негативами снятий микропластин и подправкой конкртфронта подтеской радиальной, техническим сколом площадки нуклеуса для пластин – «таблетка» и медиальным фрагментом ребристого скола

Орудия и обломки орудий – 8 экз.: двусторонне обработанный наконечник дротика, фрагмент двусторонне обработанного наконечника стрелы, фрагмент двусторонне обработанного бифасиального изделия, фрагмент бифасиального изделия на отщепе, медиальный фрагмент бифасиального двусторонне обработанного изделия, срединный резец на пластине,пластинчатыйотщеп с ретушью и проксимальный фрагмент вторичного скола с обратной краевой ретушью правого края.

Ниже по течению на правом берегу реки Иргиз выявлена стоянка Жарма, расположенная в 200 м на юго-восток от одноименного поселка. На ближайших сопках есть возможные выходы кварцитовидного песчаника не очень хорошего качества. Площадь сборов составил с севера на юг – 200 м, с запада на восток 200 м.

На дневной поверхности обнаружено 32 каменных изделия и 1 фрагмент лепного сосуда с прочерченным орнаментом. Из кремнистой и яшмовидной породы (18 экз.) выполнены следующие категории изделий: два нуклеуса, массивный перфоратор-скребло, три долотовидных орудия(?), скреблышко, два отщепа с микроретушью.

Из кварцитовидного песчаника (14 экз.) выполнены медиальный фрагмент двусторонне обработанного наконечника стрелы, нижняя половина двусторонне обработанного наконечника дротика и обломок продольного выпуклого скребла на сколе.

Следующая группа памятников расположена в песках Сарыбулаккум и окрестностях озера Малайдар и Узынколь. Это местонахождения Акшийбай, Орта пункты 1-2, Шет пункт 4, Малайдар пункт 2 и стоянка Малайдар пункт 1. На противоположном берегу на выходах меловых отложений на террасе выявлено местонахождение Улкен Наркызыл. На дневной поверхности был обнаружен один проксимальный фрагмент пластины с двугранной асимметричной спинкой из кремнистой породы молочного цвета с желтыми прожилками и 6 разнотипных фрагментов керамики.

На правом берегу реки Тургай вместе впадения р. Иргиз выявлено 5 памятников Куйылыс пункты 1-4 и Караколь. Интерес представляет стоянка Караколь, расположенный в 300 м на юг от одноименного поселка. Дневная поверхность – супесь с фрагментами костей и бытовым мусором. Прослеживается мощный выдув, неподалеку с выходом питьевой воды. На поверхности было собрано 11 каменных изделий: из выветрелогокварцитовидного песчаника (4 экз.) – нижняя половина двусторонне обработанного наконечника стрелы, два фрагмента сколов и поперечный обломок гальки с забитостями; из коричневого и серого кварцитовидного песчаника (2 экз.) – вкладыш на пластине и вторичный осколок; из кремнистых пород (5 экз.) – концевой скребок на пластине, резец на отщепе, три проксимальных фрагмента пластин. На памятнике выбрано 19 фрагментов керамики. Из них 12 фрагментов являются остатками одного лепного сосуда с сохранившимя плоским дном, и туловом с орнаментом в виде прочерченных линий кельтеминарского типа.Три фрагмента керамики относятся к одному типу – толстостенному сосуду лепному с прямым венчиком и сквозными отверстиями на венчике.Один фрагмент тулова керамики тонкостенного сосуда с орнаментом в виде прочерченных треугольников относится к эпохе палеометалла.

Юго-восточной группой памятников на правом берегу реки Тургай стали местонахождение Жайсанбай пункт 1 и стоянки Жайсанбай пункт 2 и Дюсемби. На первой стоянке расположенной на

песчаном выдуве в 900 м на север от пос. Жайсанбай собрано на памятнике 6 каменных изделий и 15 фрагментов керамики.

Севернее долины реки Иргиз вдоль трассы Самара-Шымкент, были осмотрены песчаные выдувы. Памятники каменного века выявлены на песчаномвыдуве к северо-западу от пос. Калыбай (стоянка Калыбай пункт 1 и местонахождение Калыбай пункт 2).

Находки на стоянке Калыбай пункт 1 залегают на песчаномвыдуве на дневной поверхности. Песчаный выдув вытянут в широтном направлении на расстояние 150 метров, в меридиональном на 80 метров. Песок желтовато-серых оттенков, плотный. Комплекс разновременный визуально датируется от неолита до РЖВ.

На памятнике собрано 61 каменных артефактов из кремнистой породы и кварцитовидного песчаника и 3 фрагмента керамики.

Если разобрать по сырьевой принадлежности, то можно выделить следующую закономерность. Артефакты из кремнистого сырья – 49 экз. Техника первичной обработки представлена двумя микронуклеусами. Первый призматический с ребром, для микропластин переделан в массивное скребло, второй конический для микропластин.

Орудий всего – 19 экз. Орудийный набор на отщепах представлен следующими категориями изделий: 5 концевыми скребками, 2 угловыми скребками, 1 боковым скреблом, выемчатым и комбинированным орудиями. К орудиям также относятся пластины и фрагменты пластин с ретушью (6 экз.), среди них можно отметить резчик. Отщепы со вторичной обработкой (3 экз.): обломок заготовки бифасиального орудия и 2 фрагмента сколов с ретушью.

Артефакты из кварцитовидного песчаника – 12 экз. Орудийный набор представлен следующими типами: концевой скребок на массивном отщепе и обломок орудия на фрагменте вторичном сколе.

В среднем течении реки Тургай на правом берегу были выявлены три местонахождения Куланшы, Куркире и Калмас.

Еще одна группа памятников расположена в Нура-Тургайском районе – Белшер пункты 1-4. Памятники расположены к западу от одноименного поселка на песчаных выдувах. Сам поселок стоит на месте большой стоянки, при обходе были найдены медиальный фрагмент двусторонне обработанного наконечника стрелы из желтоватого выветрелогокварцитовидного песчаника и дистальный фрагмент полукраевого скола из темно-серой полупрозрачной кремнистой породы. Работы на памятнике велись в 2015 и 2017 годах.

В песках Большие Барсуки за отчетный период было обнаружено 23 археологических памятника (рис. 4). Из них 15 местонахождений эпохи голоцена, 8 памятников относятся к категории стоянок. Три стоянки расположены на северной окраине песков Большие Барсуки.

На памятнике Жылтыр пункт 2 проводили работы в течение двух лет. Стоянка расположена в непосредственной окраине поселка на мощном выдуве, с которой собрано 526 каменных артефактов и 9 фрагментов керамики (рис. 5).

На памятнике был заложен рекогносцировочный шурф, размерами 1х1 метр, проведены сплошные сборы каменных артефактов в котловине выдувания. Археологический комплекс оставил 343 артефактов из кремнистых пород и 163 артефакта из кварцитовидного песчаника.

Техника первичного раскалывания представлена тремя микронуклеусами и обломком, первыйкарандашевидный, второй конусовидный, третий сработанныйодносторонний одноплощадочный с негативами микросколов на фронте и обломок одностороннего одноплощадочного нуклеуса, переоформленный в проколку.

В коллекции 31 технический скол, некоторые указывают на характер расщепления нуклеуса. Индустрия пластинчатая 142 экз., или 41,4% из всех кремнистых пород.

Орудийный набор (84 экз.), или 59% от всех пластинчатых изделий представлен следующими типами: скребки на пластинах и пластинчатых отщепах, концевые, скреблышки – 47 экз. (55,9 % всех орудий), есть комбинированной формы в виде резчика; пластины и фрагменты пластин с ретушью – 31 экз., среди них вкладыши; единично представлены угловые резцы, сверло, провертка, обломок орудия на пластине.

Отщеповая индустрия представлена 166 экз. Из них орудий – 36 экз.: скребки – 14 экз., один комбинированный – долотце; скреблышко – 1, скребло – 1, зубчато-выемчатые орудия –2 экз., режущие орудия, ножи – 2 экз., долотце – 2 экз., – орудия с выделенными жалами и остриями – 5 экз., отщепы и фрагменты с ретушью – 7 экз., резчик – 1экз., комбинированное (скребок и резец) – 1экз..В коллекции есть один массивный отбойник.

Песчаников и кварцитовидных песчаников – 163 экз.Техника первичного расщепления (8 экз.) представлена односторонним одноплощадочным нуклеусом для пластин, призматической формы и 7 техническими сколами (один отражает призматическую технику).

Пластинчатая индустрия – 54 экз. (34,8%). Орудия – 8 экз., представлены концевыми скребками – 3 экз., и фрагментами пластин с ретушью – 5 экз.

Отщеповая индустрия – 100 экз. Орудия – 17 экз.: скребки – 4 экз., скреблышко – 1 экз., двустороннеобработанные изделия и фрагменты (наконечники стрел) – 4 экз., долотце – 1 экз., отщепы с ретушью и обломки орудий – 7 экз.

Фрагменты керамики – 9 экз. представлены разнотипной керамикой.

На западной окраине песков Большие Барсуки было обнаружено 10 памятников, среди которых выделяются 6 стоянок. Наиболее примечательными являются следующие стоянки.

Жанаконысская стоянка расположена на северной окраине пос. Аккайтым, на выдуве площадью 3600 кв.м., собрано 234 каменных артефакта и 44 фрагмента керамики.

Материал из кремнистых пород представлен следующими категориями (188 экз.). Техника первичного расщепления представлена 6 техническими и 3 ребристыми сколами.

Орудийный набор (69 экз.), представлен следующими категориями: скребки и скреблышки (12), фрагменты пластин с ретушью (46), среди них две проколки, долотце (3), основание двусторонне обработанного наконечника стрелы (1), целые и фрагментированные сколы с ретушью (7), отбойник и ретушер (2).

Артефакты из кварцитовидного песчаника (46 экз.) представлены 1 техническим сколом, 11 орудиями (фрагмент двусторонне обработанного бифасиального изделия, фрагмент двусторонне обработанного наконечника стрелы, 3 концевых скребка, 4 фрагмента пластин с ретушью, 2 режущих орудия на отщепах), 9 фрагментами пластин без обработки, целым сколом и 7 обломками.

Стоянка Байкадам пункт 1 выявлен в 6 км к ССВ от одноименного поселка. На песчаном выдуве вдоль сора, на площади 12000 кв.м собрано 248 артефакта и 35 фрагментов керамики.

Материал из кремнистых пород представлен следующими категориями (123 экз.). Техника первичного расщепления (9 экз.) представлена 4 нуклеусами и 3 ребристыми пластинами и 1 техническим сколом и 1 нуклевидным обломком со сколами опробования.

Нуклеусы следующих типов: 2 конусовидных нуклеуса для микропластин, 1 призматический нуклеус для микропластин и 1 карандашевидный нуклеус для микропластин.

Орудийный набор – 41 экз. представлен фрагментами пластин со вторичной обработкой (19), среди них два вкладыша, угловой резец и резчик на пластинах, скребками (14), долотцем (3), обломками орудий (3).

Артефакты из кварцитовидного песчаника (125 экз.) представлены следующими категориями. Техника первичного расщепления (9 экз.) представлена торцовым нуклеусом для микропластин, 5 техническими сколами оживления площадки и фронта нуклеуса и 3 ребристыми пластинами.

Орудийный набор (8 экз.), представлен симметричной трапецией (геометрический микролит), двумя концевыми скребками, тремя бифасиальными изделиями, резчиком на фрагменте скола, и фрагментом пластины с ретушью

Стоянка Байкадам пункт 2 расположена в 2 км к северу от одноименного населенного пункта, на окраине песчаного массива, на выдуве площадью 15000 кв.м.

С дневной поверхности было собрано 278 каменных артефакта и 7 фрагментов керамики. Материал из кремнистых пород представлен следующими категориями (172 экз.). Техника первичного расщепления (13 экз.) представлена 7 техническими сколами оживления площадок нуклеуса и фронта, из них три для микропластин, 1 обломком сработанного нуклеуса для микропластин, 1 заготовкой нуклеуса с неудачными сколами отщепов, 3 нуклевидными обломками со следами забитостей и 1 ребристой пластиной.

Орудийный набор (61 экз.) представлен скребками (23экз.), целым и фрагментами пластин с ретушью (14экз.), угловыми резцами на пластине и отщепе (2экз.), орудием с носиком на пластине (1экз.), фрагментами наконечников стрел (4экз.), массивным долотом (отбойник) и долотцами (8экз.), проколкой, острием, отщепами и фрагментами с ретушью (5экз.) и массивным отбойником на гальке.

Артефакты из кварцитовидного песчаника (103 экз.). Техника первичного расщепления (4 экз.) представлена уплощенным призматическим нуклеусом для коротких пластин, 2 техническими сколами и 1 ребристой пластиной.

Орудийный набор (15 экз.), представлен фрагментамибифасиальных изделий (5экз.), наконечники стрел, дротиков, нож, фрагментами пластин с ретушью (2экз.), концевым скребком и

ножом на ребристых сколах (2экз.), выемчатым орудием, фрагментом бокового скребла и долотцем и острием на отщепах (4экз.), сколами с ретушью (2экз.).

В коллекции также два макрорудия: продольный фрагмент песта и поперечный фрагмент отбойника(?).

Одним из уникальных артефактов является сильнофрагментированный утюжок, размерами сохранившейся части 66,2х41,4х34,1 мм, из черной породы, небольшой по размерам, с поперечным желобком шириной 12,8 мм, и глубиной 7мм. На одной стороне от желобка имеются косые насечки.

На дневной поверхности была обнаружена раковина с просверленной дыркой

В песках Мойынкум, между Большими и Малыми Барсуками, было обнаружено 2 местонахождения и крупная стоянка Коктомакты. Стоянка расположена в 50 км к юго-востоку от г. Шалкар, в песчаных выдувах на берегу высохшего небольшого водотока.

На памятнике выборочно собрано 152 экз. каменных изделий, из кремнистой породы и преимущественно кварцитовидного песчаника.

Артефакты из кремнистой породы малочисленны (14 экз.) представлены следующими артефактами:преформа на желваке, с двумя встречными снятиями, фрагмент пластины со вторичной обработкой, два скребка, долотце на массивном техническом сколе, технический скол с ретушированной выемкой, скол с ретушью, технический скол с кромки площадки, 3 целых скола и чешуйка, фрагмент пластины и 2 фрагмента сколов.

Артефакты из кварцитовидного песчаника – 138 экз. составляют абсолютное большинство.

Памятник представляет собой достаточно крупную стоянку-поселение, с большим набором орудийного материала, предварительно соотносимым с концом голоцена (поздний неолит - энеолит).

На участке, разделяющем Большие и Малые Барсуки, расположено плоское возвышение, сложенное палеогеновыми глинами, известняками и песчаниками. На поверхности, которых были обнаружены палеолитические стоянки-мастерские Тосбулак пункт 1-2 и Жылан с обилием бифасиальных изделий.

Стоянка-мастерская Тосбулак пункт 1 расположена на высокой террасе сложенной кварцитовидными песчаниками светло-серого цвета и рыхлой супесью. На выходах сырья были собраны артефакты палеолитического облика.

Памятник является очень перспективным для дальнейшего исследования. На дневной поверхности собран 61 каменный артефакт, представленный следующими категориями: нуклеусы – 2 экз., нуклевидные изделия – 1 экз., бифасиальные изделия, наконечники – 12 экз., скребла, выемчатые орудия, отщепы с ретушью – 10 экз., фрагменты пластин – 8 экз., технический скол – 1 экз., сколы и осколки – 25 экз.

2 артефакта из другого сырья, кварцитовидного песчаника белого выветрлого – медиальный фрагмент крупной пластины и кремнистая порода – скреблышко на отщепе.

Крупной стоянкой-мастерской является памятник Жылан. Выборочные сборы с «поверхностного культурного горизонта» составили 128 артефактов, из следующих категорий: орудия и фрагменты орудий, целые сколы, фрагменты пластин и фрагментированные сколы.

Орудийный набор представлен следующими типами – 18 экз.: массивное поперечное выпуклое скребло, 5 бифасиальных изделий, 3 скребка, 4 зубчато-выемчатых изделий, 2 резца, 3 обломка орудия, отщепа с ретушью.

В коллекции 15 целых отщепов, из них выделяются 4 массивных скола, один из которых вторичный округлой формы размерами 52,1х59,6х13,8 мм является сколом системы леваллуа. Два скола удлиненных пропорций, первый ребристый, второй бивентральный скол с лезвием и обушком.

Сколы средних размеров (9 экз.) представлены вторичными отщепами, ударные площадки которых преимущественно гладкие образованные одним снятием, тонкофасетированные и точечные.

О характере техники расщепления свидетельствуют и фрагменты сколов, на памятнике собраны проксимальные вторичные фрагменты отщепов (27 экз.) и фрагменты пластин (27 экз.) – преимущественно проксимальные (16 экз.), медиальные (6 экз.) и дистальные (5 экз.).

Осмотр окрестностей памятника показал наличие выходов кварцитовидного песчаника и в соседних возвышенностях, однако на них либо отсутствуют артефакты, либо единичны. Таким образом, данная возвышенность имела превалирующее значение для обживания его первобытными людьми. Схожая ситуация обстоит и с открытыми в 2015 году памятниками Тосбулак пункт 1-2.

В песках Малые Барсуки было обнаружено 4 местонахождения и 3 стоянки. Стоянка Карашокат расположена в 1,5 км к северо-востоку от пос. Карашокат. На памятнике прослеживается мощный выдув темно-желтой плотной супеси, с обилием подъемного материала (орнаментированная керамика с каменными артефактами). На памятнике прослеживается остатки плотных песчаных

массивов на дневной песчаной поверхности образующих округлую в плане форму, нарушенную грунтовой дорогой с нефтепроводом Кенкияк – Кумколь. Южнее стоянки на геоморфологической низкой позиции расположены два небольших водоема. Памятник разрушен. Севернее памятника в песках наблюдаются единичные фрагменты керамики и каменных артефактов.

В ходе разведочных работ обследовались памятники в этом направлении. Котловины выдувания преимущественно образуются в местах расположения зимовок, либо окрестностях сел, что связано, скорее всего, с уничтожением растительности, и вследствие чего активной дефляции песков и образовании котловин выдувания. Исследования памятников голоценового периода учитывались согласно с размещением котловин выдувания на месте зимовок на берегу соров. Для проведения аналитического материала выбирались крупные дюнные стоянки в песчаных массивах.

Таким образом, за 2015-2017 годы работы велись по двум направлениям, одно из которых было проведение рекогносцировочных исследований по выявлению новых памятников каменного века в ранее не исследованных частях региона и проведение раскопок на памятнике ямной культуры – могильнике Кумсай, могильнике эпохи бронзы – средневековья Илекшар, и стоянке каменного века Сарымурза.

Проведение рекогносцировочных работ позволило открыть 95 памятников каменного века, от палеолита до энеолита. Среди которых есть и перспективные памятники, представляющие огромный интерес для науки.

Палеолитические памятники имеют аналогии с памятниками Восточного Приаралья – Айтекеби, Северного Приаралья – Тастубек, Арал, и в некоторой степени имеют схожие черты с памятники Мугалжар.

Литература:

Формозов А.А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК. – 1950. – Вып. 31. – С. 141-147

Резюме

В статье «Исследования каменного века в Шалкарском и Иргизском районах Актюбинской области» освещаются итоги разведочных и раскопочных работ, проводившиеся в 2015-2017 годах в пустынной и полупустынной зонах (пески Большие и Малые Барсуки) Актюбинской области. Археологические работы были сосредоточены в песках Большие и Малые Барсуки, Сарыбулаккум, долин рек Иргиз, Тургай и др. В Иргизском районе в ходе трехлетних работ было открыто 55 памятников каменного века и эпохи палеометалла. К самым древним памятникам относятся две стоянки-мастерские Шет пункты 1-2 и два местонахождения Шет пункт 3 и Жаманшын.

Summary

The article "Studies of the Stone Age in the Shalkar and Irgiz regions of the Aktyubinsk region" highlights the results of exploratory and excavation work carried out in 2015-2017 in the desert and semi-desert zones (sands Bolshie and Malye Barsuki) of the Aktobe region. Archaeological work was concentrated in the sands of the Big and Small Barsuki, Sarybulakkum, the valleys of the Irgiz, Turgai and other rivers. During the three-year works, 55 stone and paleometal monuments were discovered in the Irgiz region. The most ancient monuments are the two parking-workshops Shet points 1-2 and the two locations Shet point 3 and Zhamanshyn.

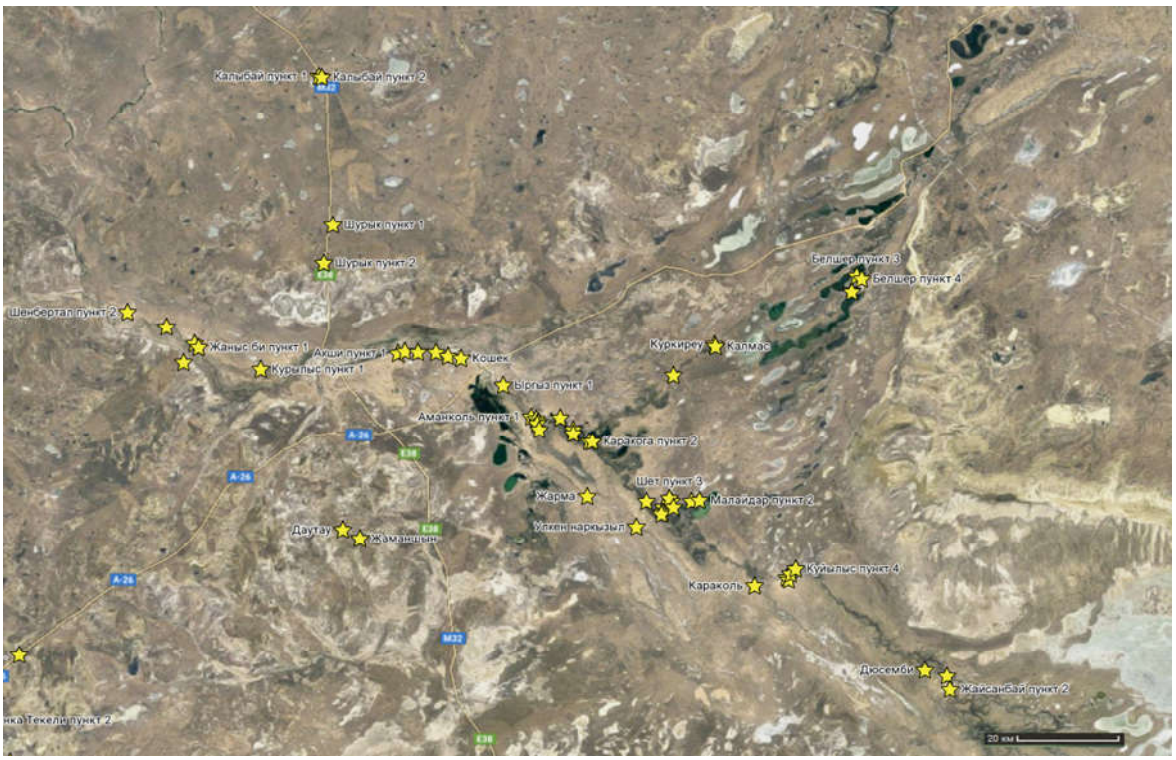


Рис. 1 - Памятники каменного века в Иргизском районе

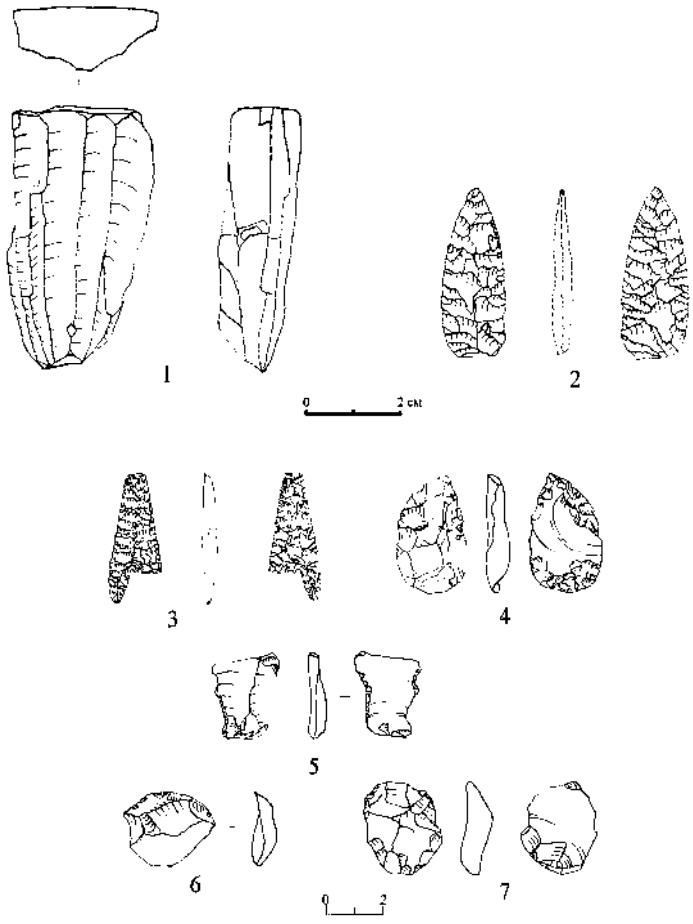


Рис. 2, 1-2 - Местонахождение Шенбертал пункт 1. Каменные артефакты
3-7 - Стоянка Аманколь пункт 1. Каменные орудия

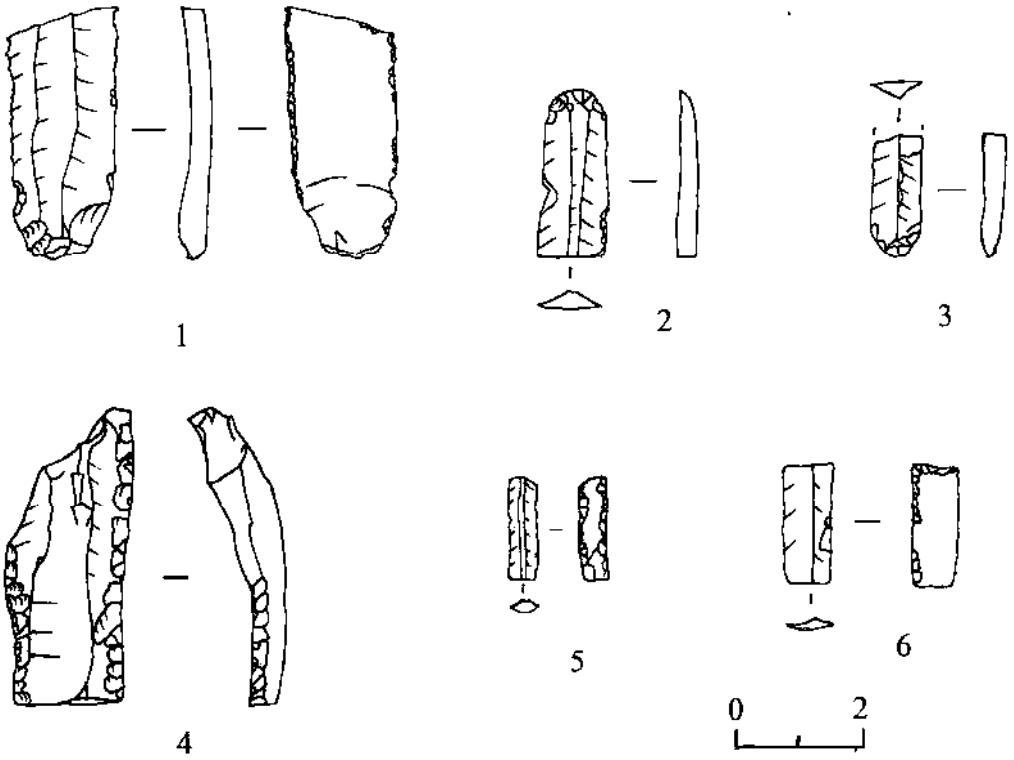


Рис. 3 - Стоянка Каракога пункт 1. Каменные орудия

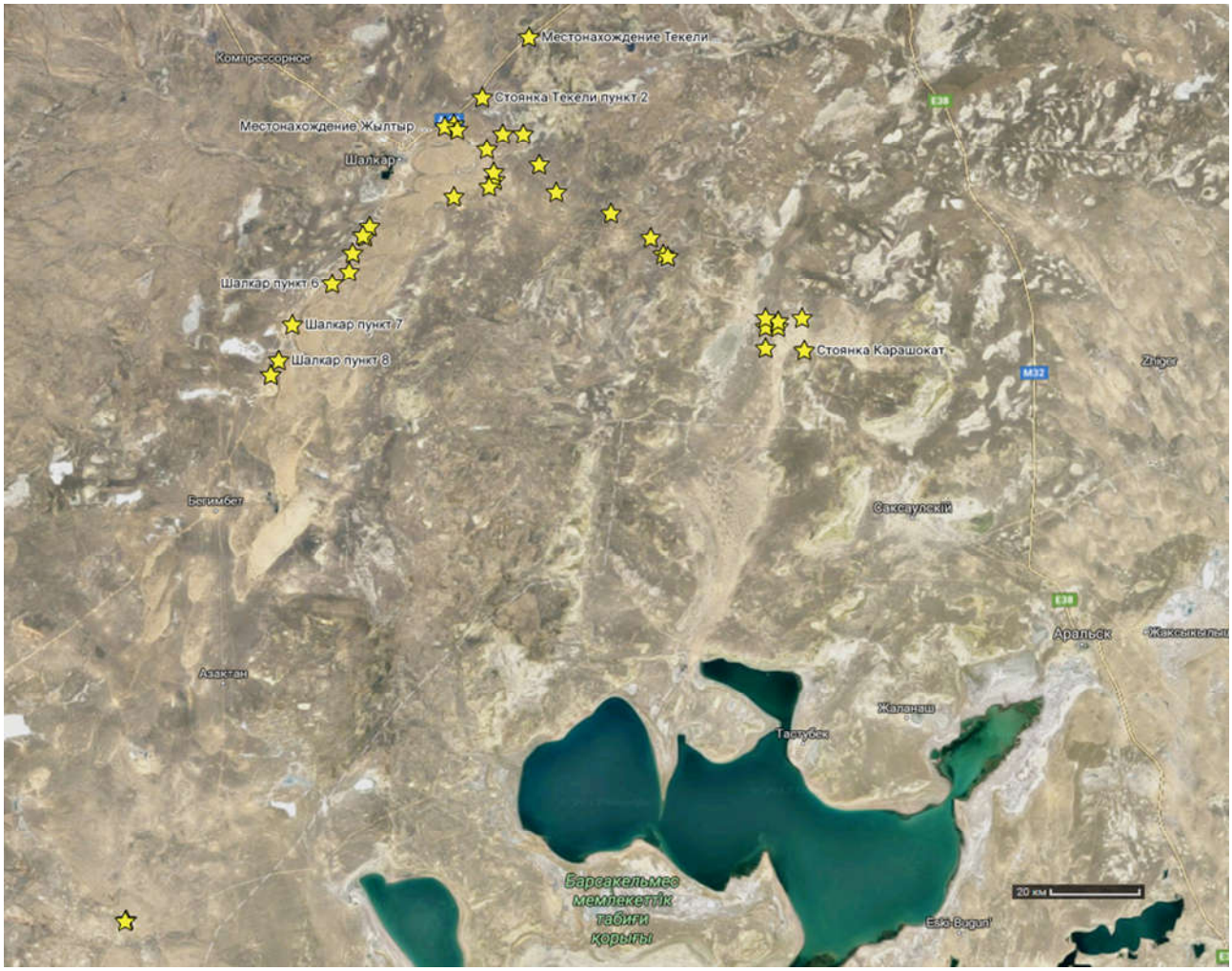


Рис. 4 - Карта памятников каменного века Шалкарского района

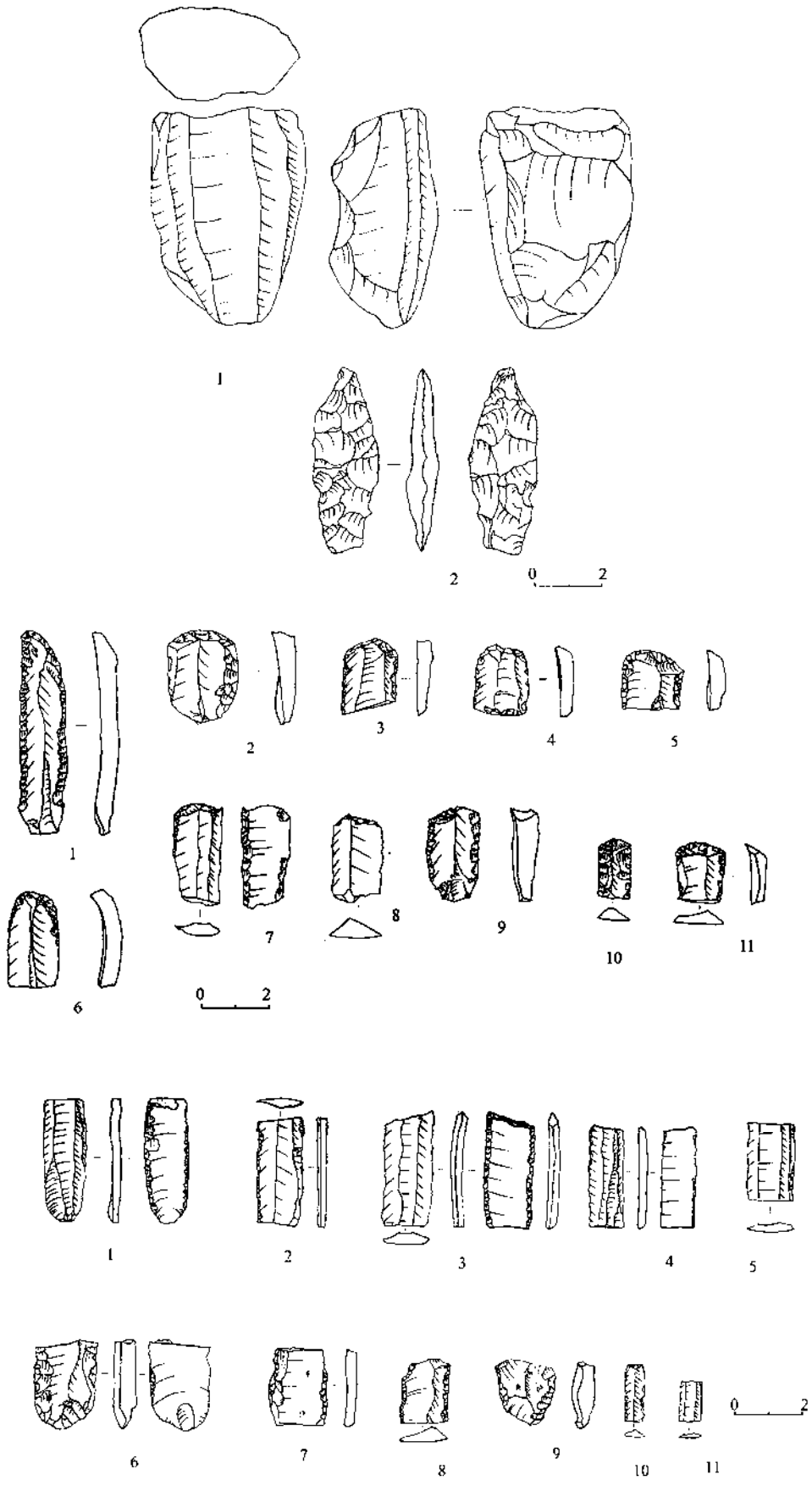


Рис. 5 - Стоянка Жылтыр пункт 2. Каменные артефакты

Мерц В.К.
Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан

УДК 902(574)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ БОРЛЫ В 2017 ГОДУ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: неолит, поселение Борлы, керамика, каменные орудия, Северо-Восточный Казахстан.
Түйінді сөздер: неолит, Борлы елді мекен, керамика, тас қарулар, Солтүстік-Шығыс Қазақстан.
Keywords: Neolithic, Borly settlement, ceramics, stone tools, North-Eastern Kazakhstan.

Систематическое изучение неолитического поселения Борлы ведется Центром археологических исследований ПГУ с 2011 года (Мерц и др, 2012). Памятник многослойный, и также как стоянка Шидерты 3 имеет исключительное значение для изучения неолита Северо-Восточного Казахстана и сопредельных регионов Юга Западной Сибири. Однако поселение Борлы, расположенное на западном берегу одноименного озера, является аварийным и постоянно разрушается из-за увеличения его акватории. Это затрудняет его планомерное изучение и заставляет, помимо раскопок, заниматься большим объемом берегоукрепительных работ, в какой-то мере, отодвигающих его разрушение. Таким образом, ежегодно удается изучить до 50 кв. м площади памятника и получить большое количество керамики, каменных и костяных орудий, украшений, массу костных остатков домашней лошади, КРС, собаки и незначительного количества диких животных (определение Л.Л. Гайдученко)[1]. Встречаются и человеческие останки (Гайдученко, Мерц, 2012, с.28). Всего на памятнике изучено более 320 кв. м. площади. В 2016 г. группой коллег из Великобритании под руководством А. Оутрама (Университет Экстера) проведены геофизические исследования, которые показали перспективы дальнейшего изучения памятника.

Основной комплекс поселения связан с материалами позднего неолита,представленный двумя типами каменных индустрий и керамики. Первая микроиндустрия атбасарского типа, аналогичная материалам слоя 2а стоянки Шидерты 3. Она содержит геометрические микролиты и множество изделий из ровных микропластин, в том числе перфораторов и резцов на сечениях крупных пластин с фасетированным торцом. Все изделия данной индустрии выполнены на светло-серой яшмовидной породе (боборыкинская яшма, фтониты и фтонитоиды) (Мосин, Никольский, 2008, с. 35). Керамика круглодонная со слегка отогнутым прямым венчиком и насечками по его краю, орнаментирована горизонтальными рядами гладкой или гребенчатой качалки. Каменный инвентарь данного комплекса не имеет четкой привязки к определенному горизонту и рассредоточен по всему культурному слою, хотя основная его концентрация тяготеет к основанию культурного слоя. В регионе аналогичный ему комплекс был изучен также на стоянке Мичурино 2 (Мерц, Ткачев, 1998; Мерц, 2013, 85-86), а в Барнаульско-Бийском Приобье на поселении Комарово, где подобная керамика отнесена к большемысскому типу (Абдулганеев, Кунгурова, Кирюшин, 2011, с. 30, 10. 3). По кости со стоянки Мичурино 2, нами получена дата С14 SPb - 2227 7022±80 BP cal 6029 (95,4 %) 5736 BC, но такой возраст для данной индустрии является слишком ранним, поэтому требует дополнительных исследований.

Второй комплекс представлен крупнопластинчатой индустрией включающей концевые скребки на коротких сечениях пластин, скобели и боковые скребки на целых пластинах с дорзальной ретушью по краям и торцовой подтеской, ножи и крупные вкладыши с аналогичной обработкой, наконечниками стрел с выемкой в основании. Появляются и бифасные наконечники стрел подтреугольной формы с вогнутой базой из отщепов. В данной индустрии использовался серо-зеленый и серый патинированный кварцит, сливной кварцитопесчаник. Шлифованные тесла, видимо, связаны с обоими комплексами. Плоские утюжки, вероятно, характерны для первого – более раннего комплекса, для второго - овальные выпуклые с поперечными и продольными желобками, как обломок утюжка (рис. 1. 5), найденный под развалом сосуда с вертикально-волнистым орнаментом.

[1] Сделанные им ранее заключения по определению принадлежности к домашним видам ботайско-терсекских лошадей и синхронного им поселения Борлы 4 нашли подтверждение в результате палеогенетических исследований (Gaunitz C., andothers, Science. DOI: 10.1126/science.aao3297).

Имеется также каменная подвеска с изображением змеи в виде двойной вертикально-волнистой линии, аналогичной сюжетам керамического декора данного толстостенного горшка, собранного из развала на участках раскопов 2016-17 гг. (рис. 1. 1-2) и некоторых боборыкинских сосудов с поселений ЮАО – IX, XIII-А, Палатки I (Ковалева, Зырянова, 2010, с.58, 62,260).

В целом для комплекса характерна тонкостенная керамика без орнамента с налепным валиком по шейке сосуда или формованным воротничком по венчику. Линейно-волнистым и геометрическим орнаментом по шейке и средней части тулова сосудов с прямыми стенками и отогнутым венчиком с насечками по краю, соотносимая с боборыкинской культурой (Мерц, 2013, 2014). Каменная индустрия аналогична материалам слоя 2 стоянок Шидерты 3 и Шарбакты 1, рассматривавшейся нами в рамках некой лебяжинской культуры (Мерц, 2004, с. 24-25; 2006, с. 149, 151).

С данным комплексом связан основной костеносный горизонт, местами перекрытый темно-коричневой погребенной почвой, очаги, хозяйственные ямы, развалы керамических сосудов (рис. 1. 3-4), костяные орудия, среди которых были обнаружены наконечники стрел и роговая мотыга, украшения в виде костяных подвесок и зубов животных (рис. 1. 6). Важно отметить также, что в верхней части этого слоя был обнаружен кусочек металла, вероятно, самого древнего в регионе. Получены и первые С14 даты по костям из этого комплекса SPb - 2228 5340 ± 70 BP cal 4333 (92,6%) 4038 и SPb - 2229 5630 ± 80 BP cal 4620 (91.1 %) 4339 BC, указывающие на вторую половину - конец Vтыс. до н.э.

Поскольку памятник многослойный, большинство культурных отложений здесь нарушено обитателями наиболее мощного - поздненеолитического комплекса занимающего основную часть культурного слоя и ямами более позднего времени. В связи с этим необходимо сказать, что помимо двух вышеописанных комплексов на поселении присутствуют остатки еще нескольких индустрий, первоначально залегавших в основании культурного слоя памятника, но по мере смены населения, разрушавшего его поверхность, остатки этих индустрий оказались перемешаны с позненеолитическим слоем. Однако избирательность сырья носителями различных культурных типов, отмеченная нами на материалах стоянки Шидерты 3, присутствует и на этом поселении. Данное обстоятельство позволило нам с опорой на типологию выявить комплекс из желтого и вишневого яшмокварцита, аналогичного индустрии слоя 4 стоянки Шидерты 3 (Мерц, 2006а, 2008, с.10), который является здесь наиболее ранним. Его типичные изделия рассредоточены по всему культурному слою снизу вверх. Они представлены низкими длинными трапециями и наиболее выразительным типом орудий, не имеющим аналогий в других индустриях региона, таким как нуклевидные резцы. Это еще один пункт, где данный комплекс полноценно представлен. Всего их 4, вместе со стоянкой Шидерты 3. Это - стоянка Карабудур 3, поселение Костомар и теперь поселение Борлы. Присутствуют данные комплексы и на стоянках Шидерты 1-2 и 5, но они еще полноценно не изучались. За пределами Казахстана к этому типу индустрий, возможно, относится комплекс стоянки Черноозерье VIa (Горбунова и др., 2017 с.18). Это позволяет нам выделить данный тип индустрии в отдельную культурно-хронологическую группу позднего мезолита – раннего неолита.

Материалы, аналогичные ранненеолитическому слою стоянки Шидерты 3, здесь тоже присутствуют на отдельных участках поселения, особенно в его северной части. Однако они не столь многочисленны, но не менее выразительны, что позволяет выделять их из общей массы и отметить привязку к нижнему культурному слою, связанному с разрушенной, супесчаной погребенной почвой, светло-коричневого цвета. С этим комплексом удалось связать очажную яму и определенный тип керамики.

Все эти обстоятельства ставят данное поселение в ряд наиболее важных и уникальных неолитических памятников Северо-Восточного Казахстана. Его материалы позволяют провести параллели между комплексами Правобережного Прииртышья, имеющими связи с неолитом Обь-Иртышского междуречья и Северо-Восточной Сарыарки, являющихся для них более близкими. Однако на правобережье есть и иные комплексы, также, видимо, связанные с местными и левобережными индустриями автохтонного типа, базировавшимися на торцово-клиновидной технике расщепления нуклеусов.

Такая микроиндустрия с керамикой была получена нами в 2016 - 17 гг. на стоянке Таскудук 1, расположенной в 3 км к северо-востоку от с. Семиярка, в Бескарагайском районе ВКО. Эта стоянка дюнного типа, полностью разрушенная эрозией в центральной части, сохранила остатки культурного слоя под надувами с северной, восточной и южной стороны. Проведенные здесь поквадратные сборы показали однородность основного комплекса и небольшую примесь отщепного комплекса эпохи энеолита, аналогичного расположенной неподалеку стоянке Нурбай 2 и другим подобным ему индустриям (Мерц, 2004а, с. 167). В южной части памятника было изучено кострище с большим

количеством плохо сохранившихся в песчаном грунте костей животных, фрагментов керамики и микролитических орудий на целых изогнутых микропластинах и сечениях с мелкой дорсальной ретушью. Очень удачное обнаружение данной индустрии с фаунистическими остатками обнадежило нас возможностью сразу продатировать данный комплекс, но попытка оказалась неудачной. Полученная по костным остаткам дата также оказалась слишком заниженной SPb - 222 59069±100 BP cal 8556 (95,4 %) 7964 BC, что, видимо, как и в первом случае с образцом со стоянки Мичурино 2, обусловлено качеством образца извлеченного из песчаного грунта. Хотя не окажись здесь керамики с полученной датой и микролитическим обликом индустрии, данный комплекс можно было бы отнести к мезолиту. Сформировавшееся некогда представление о крайней микролитоидности мезолитических индустрий ранее вводило многих исследователей в заблуждение, при обнаружении подобных материалов. Однако опыт изучения мезолитических комплексов региона на стоянке Шидерты 3 показал иной облик данных индустрий, хотя и не без общих черт в виде присутствия клиновидной техники расщепления камня (Мерц, 2008, с.9). Малочисленность керамики на стоянке Таскудук 1, также может быт аргументом в пользу отсутствия ее связи с данным комплексом, но факт совместного залегания с иными артефактами и костными остатками в кострище не оставляет нам шанса на это.

Таким образом, результаты исследования поселения Борлы и других неолитических памятников Правобережного Прииртышья, проведенные в последние годы, расширяют наши представления о многообразии каменных индустрий региона и вносят некоторую ясность в их культурно-хронологическое соотношение. Оно определяется как на основе периодизации и хронологии шидертинских комплексов, так и на собственной стратиграфии и С14 датах. Однако полученные новые материалы ставят и новые задачи по изучению неолита региона, связанные с уточнением их возраста и культурной дифференциации.

Литература:

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово 1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. - Барнаул, 2011. - 142 с.

Гайдученко Л.Л., Мерц В.К. Остеологический комплекс поселения Борлы // Маргулановские чтения - 2012: Материалы ежегодной научно-практической конференции. Астана, 2012. – С. 27-29.

Горбунова Т. А., Толпеко И. В., Шмидт И. В. Предварительные результаты полевого исследования многослойного памятника Черноозерье VI–VIa в 2016 году // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Вып. 12: материалы XII междунар. науч.-практ. конф., Омск, 2017, с. 16-19.

Мерц В.К., Ткачёв А.А. Неолитические материалы могильника Мичурино 2 // Древние поселения Алтая. - Барнаул, 1998. - С. 34-38.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов северо-восточного Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. - 2004. - № 1. - С. 23-33.

Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе северо-восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана – Труды научно- практической конференции «Маргулановские чтения». Алматы, 2004а, с. 165-169.

Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Известия КазНУ. Серия Историческая. 2006. - №2(41), с. 147-153.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006а, с. 10-23.

Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3 // Автореф. дис. на соискан. учен.степ. к.и.н. - Кемерово, 2008. - 26 с.

Мерц В.К. Археологические комплексы поселения Костомар // Археология и история Сарыарки. Караганда, 2012, с. 36-47.

Мерц В.К., Тушева Е.К., Качановская М.Г. Охранные работы на поселении Борлы // Маргулановские чтения - 2012: Материалы ежегодной научно-практической конференции. - Астана, 2012. - С. 212-219.

Мерц В.К. Культурное взаимодействие населения Северо-Восточного Казахстана и Алтая в эпоху неолита // Межкультурный диалог на Евразийском пространстве // Древности Сибири и Центральной Азии. № 6 (18). Горно-Алтайск, 2013, с. 79-87.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г.Т.I. Казань, 2014, с. 297-301.

Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. - Екатеринбург, 2008. - 196 с.

Gaunitz C.,Fages A., Hanghøj Kю, Albrechtsen A., Khan N., Schubert M., Seguin-Orlando A., Owens I. J., Felkel S., Bignon-Lau O., de Barros Davoudi H., Alquraishi S., Alfarhan A.H., Al-Rasheid K.A.S., Damgaard P., Mittnik A., Mohaseb A.F., Crubézy E.,Benecke N., Olsen S., Brown D., Anthony D., Massy K., Pitulko V., Kasparov A., Brem G., Hofreiter M., Mukhtarova G., Baimukhanov N., Lõugas L., Onar V., Stockhammer P.W., Krause J., Boldgiv B.,Undrakhbold S., Erdenebaatar D., Lepetz S., Mashkour M., Ludwig A., Wallner B., Merz V., Merz I., Zaibert V., Willerslev E., Librado P., Outram A. K., Orlando L. Ancient genomes revisit the ancestry of domestic and Przewalski's horses // Science. DOI: 10.1126/science.aao3297

Түйіндеме

Мақалада 2017 жылы өткізілген Борлолардың неолит қоныстарын зерттеудің нәтижелері қарастырылады. Кеш неолитке тиесілі негізгі қондырғының кешендегі алынған материалдардың деректері келтірілген. Олар Боборыкиндік түріндегі керамика, үлкен пластиналар мен құмыралардағы тастарды, топырақтарды, үтіктеуді, сүйек құралдарын және әшекейлерді бейнелейді. Қалған археологиялық кешендердің қысқаша сипаттамасы келтірілген, аймақтағы параллельдер мен ұқсастықтар басқа жерлерінің материалдарымен анықталған, олардың мәдени және хронологиялық позициялары анықталған. Ертіс өңірінің кейбір жаңа неолит ескерткіштері туралы хабарланған, жаңа радиокөміртектердің мерзімдері айналымға шығарылып, болашағы Солтүстік-Шығыс Қазақстандағы неолитті зерттеуге байланысты болып саналады.

Summary

The article focuses on the results of studies of Borly Neolithic settlement conducted in 2017. The materials obtained during the study of the main settlement complex belonging to the Late Neolithic are presented. They are represented by the pottery of the Boborykin type, stone implements on large plates and flakes, ground tacks, ironing, bone tools and ornaments. A brief description of the remaining archeological complexes of the settlement is given, parallels and analogies with materials from other sites of the region are drawn, their cultural and chronological positions are determined. Some new Neolithic monuments of Priirtyshye are reported, new radiocarbon dates are put into circulation, and prospects are considered related to the further study of the Neolithic of Northeast Kazakhstan.

Резюме

В статье рассматриваются результаты исследований неолитического поселения Борлы проводившиеся в 2017 году. Приводятся данные полученных материалов основного комплекса поселения относящегося к позднему неолиту. Они представлены керамикой боборыкинского типа, каменными орудиями на крупных пластинах и отщепах, шлифованными теслами, утюжками, костяными орудиями и украшениями. Дается краткая характеристика остальных археологических комплексов поселения, проводятся параллели и аналогии с материалами другими стоянок региона, определяются их культурно-хронологические позиции. Сообщается о некоторых новых неолитических памятниках Прииртышья, вводятся в оборот новые радиокарбонные даты и рассматриваются перспективы связанные с дальнейшим изучением неолита Северо-Восточного Казахстана.

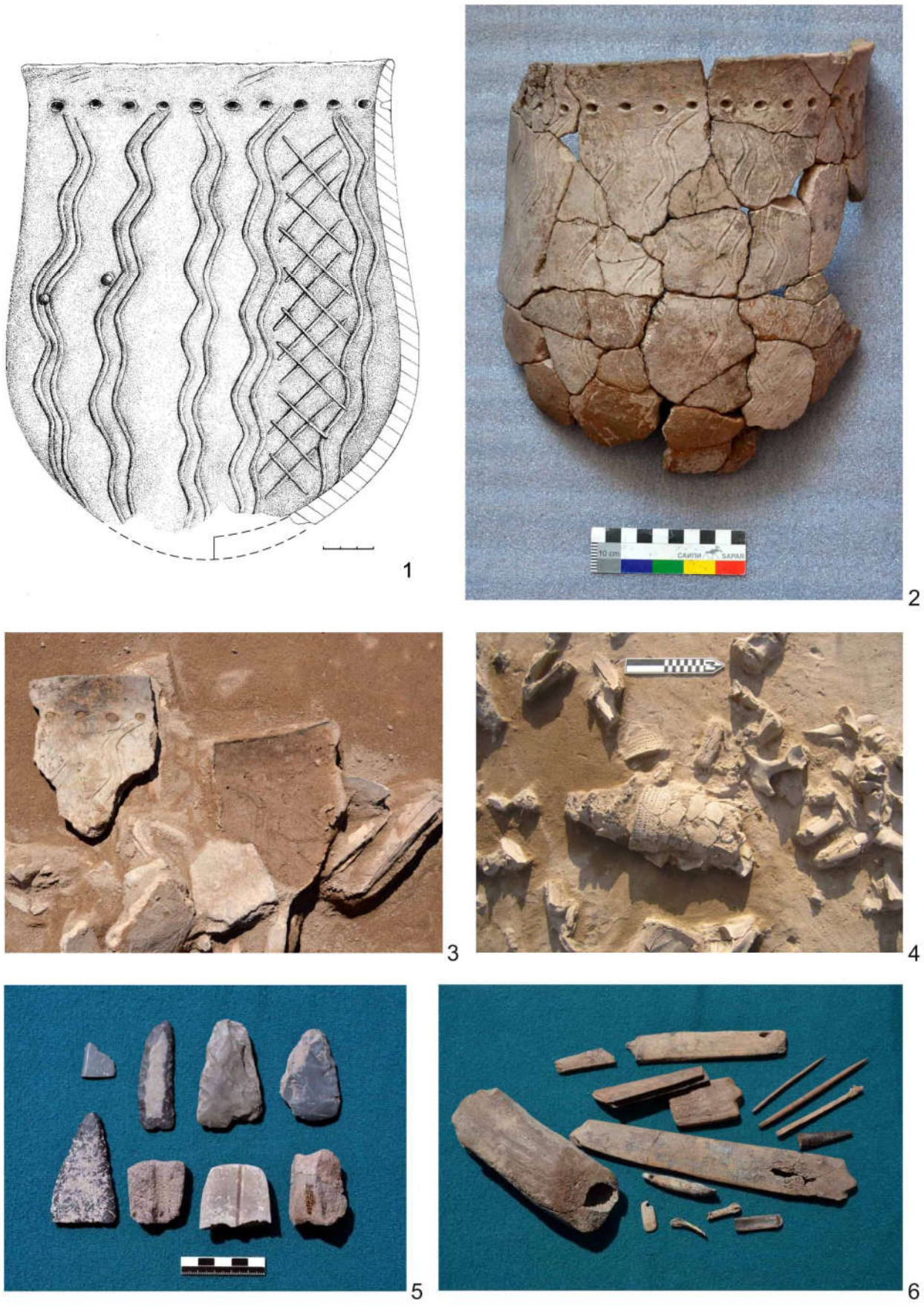


Рис. 1. Поселение Борлы: 1-2 керамический сосуд боборыкинского типа, 3 развал керамики, 4 развал сосуда и костей животных у очага, 5 каменные орудия, 6 костяные орудия и украшения.

Норкобилов Т.Х.
Государственный Музей история Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан

УДК 94 (584.4)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В БАКТРИЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Ключевые слова: культура древнего Востока, Бактрия, эпоха бронзы, Джаркутан, культура Сапалли.
Keywords: culture of the ancient East, Bactria, Bronze Age, Jharkutan, Sapalli culture.

Хорошо известно, что в древнем Востоке история городов-государств Среднеазиатского региона сравнительно ранняя и восходит к концу IV-началу III тыс. до н.э. (Дьяконов, 1983). Древневосточная культура, отраженная в Среднеазиатских памятниках позволяет увидеть влияние Бактрии и Маргианы на культуру эпохи бронзы и раннего железа.

К концу IV тыс. до н.э. процесс ранних государственных отношений, впервые в истории человечества сформировавшихся в Месопотамии, к III тыс. до н.э. начинает распространяться на Восток – Иран и Индию. Ранние государственные отношения в конце III тыс. до н.э. сформировались на юге Туркменистана в оазисах Теджен и Мургаб, а в нач. II тыс. до н .э. и в Бактрии. Об этом свидетельствуют Бактрийские памятники Сапалли и схожая с ним культура Даштли.

В последние годы узбекские археологи обнаружили в регионе древней Бактрии несколько памятников бронзового века, их постройки, найденные здесь образцы материальной культуры, дали возможность сравнить их с памятниками материальной культуры Древнего Востока – Месопотамией, Хараппой, Центральным Ираном.

Возникновение и развитие общин в Средней Азии, в частности в регионе Узбекистана, имеет много сходств с общинами Древнего Востока.

В результате археологических раскопок культуры Сапалли, в частности памятника Джаркутан было обнаружено характерное для городской культуры святилище, дворец правителя, оборонительные сооружения, следы быта и большое количество других образцов материальной культуры. Благодаря этим находкам, Джаркутан причислен к памятникам раннегородской культуры (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 168). Т.Ш.Ширинов на примере Джаркутана указал на археологические признаки раннего города, а А.Аскаров констатировал, сходство и подобие памятника Джаркутан городу-государству древнего Востока (Аскаров, 2001. с. 37).

Во время раскопок было собрано много археологических источников подтверждающих связь населения Джаркутана с внешним миром. Среди них следы материальной культуры, соответствующей Месопотамскому региону: печати, глазурованные сосуды, характерные для районов лишь Месопотамии и Хараапы бронзовой эпохи, что, несомненно, доказывает органические материальные связи джаркутанцев с древними городами-государствами Востока. Кроме того собрано достаточно археологических сведений о существовании связей джаркутанцев с населением Харапской культуры или с кочевническо-скотоводческой – Андроновской культурой Евраазийского пояса (Рахманов, Шайдуллаев, 1985, с. 58-63; Шайдуллаев, 2000. - с. 85-93).

Среди них, распространенные межкультурные памятники археологии Древнего Востока: хлоридный камень, аргеллит, фаянс, алебастр, большое количество найденных поделок из слоновой кости, является наглядным примером.

Можно сказать, что культурные связи Хараппской культуры с Бактрией достаточно хорошо изучены. Особенно, открытый в районе Бактрии, памятник Шуртукай, что явилось основой данной темы (Frangfort, 1989).

На основе материальных источников культуры Сапалли, изучались также и культурные связи Бактрии с Древней Индией, в частности А.Аскаров показал (Аскаров, 1984, с. 87-97) место и роль Хараппы в формировании материальной культуры эпохи кузали, а Т.Ш.Ширинов – архитектурные сходства (Ширинов, 1990, с. 34-39).

В результате исследований, проведенных узбекско-германской бактрийской экспедицией на Джаркутане, была собрана новая информация о культурных связях Бактрии и Хараппы.

В результате археологических исследований центральной части памятника Джаркутан в джаркутанском культурном слое, были обнаружены сосуды, сделанные из хлоридного камня (Шайдуллаев, Хуфф, 1999, Рис.5). Хлоридный камень имеет мягкую зеленовато-серую текстуру, а

предметы, сделанные из него, и отличаются начертанными и вырезанными снаружи узорами близкими друг другу по своему характеру. На имеющихся до сегодняшнего дня 30 археологических памятниках от Месопотамии до Индии было найдено более 300 подобных предметов. Изображения на них было поделено исследователями на 12 своеобразных мотивов. Г. Франкфорт считает, что сосуды из хлоридного камня относятся к периоду ранних династий (I, II, III) и изготовлены месопотамскими мастерами (Frankfort, 1977. - P. 39-40). Л. Вулли же относит их к юго-восточному Ирану (Woolley, 1935. - P.96), а С. Пиготт – считает, что подобные сосуды из хлоридного камня изготавливали в Билуджистане (Piggott, 1950, P.119). У Ламберг-Карловского иная точка зрения, что сосуды из хлоридного камня изготавливались исключительно для экспорта (Lamberg-Karlovsky, 1975, P. 358).

Ф.Колл, проясняет вопросы происхождения и распространения этого материала по найденной в Иране, в Керманской области, недалеко от памятника Тепа Яхья, мастерской по производству посуды из хлоридного камня (Kohl, 1984, P.310.).

Таким же, как хлорид - наиболее распространенным минеральный источником в эпоху бронзы, был материал аргиллит. Предметы из этого материала в конце III- начале II тыс. до н.э приобрели широкую известность в Месопотамии (Киш, Телло, Ур), Иране (Сюз, Тепа Мусиян, Тепа Али-Абад, Тепа Гиссар, Шахдод, Шахри Сохте), юге Туркменистана и Афганистане (Casanova, 1991, P. 73-74). Родиной аргиллита принято считать Иран, Афганистан, Пакистан и Среднюю Азию. Здесь, в частности, на памятнике Джаркутан встречаются предметы из аргелита: украшения, печати, мелкие сосуды для косметики, а также золотые серьги, с заполненными алебастром глазками, также из аргиллита (Шайдуллаев, Аванесова, 2000, - № 1, - с. 8).

Ещё обнаруженные предметы из фаянса, «божественные» сосуды в форме органа почки, косы малого объёма, различные украшения. В более раннем культурном слое памятника Джаркутан подобных предметов найдено в большом количестве. Сосуды в форме органа почки в отличие от Месопотамии, чаще встречаются на Хараппском памятнике. Именно поэтому Дюринг Кеспес эти предметы относит к Хараппской культуре (During Caspers, 1970, P. 112-114). К мнению ученого можно присоединиться с полной уверенностью. И доказательством тому служат обнаруженные на Джаркутане фаянсовые сосуды, где присутствует, встречающееся исключительно в Индии и Пакистане, изображение священного дерева бодхи («pipal»). Фаянсовые сосуды и сосуды с изображением «pipal» были найдены в Асмаре (Frankfort, 1933, P. 52) Индо-месопотамского региона, в Теллодском храме Иштар (Parrot, 1956, p. 93), на памятнике Телл Брак (Mallovan, 1947, P. 39-40.), а также на многих памятниках эпохи бронзы в Индии (Маккей, 1951, с. 217). Найденные на вышеупомянутых памятниках фаянсовые предметы имеют сходства с Джаркутанскими находками.

Эти сосуды с изображением присущего исключительно растительному миру Индии, дерева «pipal», так же, как и Харасппкие сосуды показывают, что эти предметы были привезены сюда из Индии. Ведь поливные сосуды эпохи бронзы были известны в Индии и Месопотамии, а технологические процессы со временем забыты (Маккей, 1951, Табл. XXVII, 12).

Таким образом, мелкие сосуды с изображением органа почки говорят о культурной связи джаркутанцев с внешним миром.

В.И.Сарианиди считает, что сосуды в форме почки хоть и были обнаружены на юге (Индия), в Бактрии они имели свой вариант особенностей, и изготовлялись из камня. Начиная с дждаркутанского времени до сегодняшнего дня сосуды, выражаясь языком В.И.Сарианиди - «бактрийского варианта» обнаружены не были. А в Индии предметы, подобные джаркутанским находкам, изготовлены в Индии, и считаются предметами материальной культуры.

В эпоху бронзы было широко распространено изготовление предметов из слоновой кости. Одни из них были в форме квадрата, другие в форме окружности, третьи – в форме палочка. С лицевой стороны по кругу характерен прочерченный «циркульный» узор. На предметах в форме трости имеется до 1-3 прочерченных круга, на квадратных предметах – до 5-11кругов, на предметная в форме окружности – до 9-11 прочерченных кругов. География распространения подобных предметов соответствует географии распространения Хараппской культуры, что позволяет с уверенностью говорить о распространении сферы влияния культуры Хараппы.

На холме №4 Джаркутанского памятника, в джаркутанском культурном слое было найдено два предмета квадратной формы, из слоновой кости чёрного и белого цвета, у которых снаружи в форме круга показаны 9 узоров, расположенных в три ряда по три узора. Точно такие предметы в большом количестве найдены на Алтын депе (Ганялин 1967, с. 216, Рис.6.), Хараппе Махенжодаро, Чанхударо (Gupta, 1979, P.167.), в Жамдет Наср Иранского региона (Matthews, 1992, Fig.12).

Подобные предметы из слоновой кости, в большом количестве, были распространены в культуре Хараппы. Распространены они были и в районах Месопотамии и исследователи месопотамских находок считают их памятниками хараппского типа. В Средней Азии подобные предметы были найдены в большом количестве на Алтын депе.

География распространения таких предметов из слоновой кости весьма широкая – Индия, Месопотамия, Иран, южные регионы Средней Азии. Исследователи считают эти предметы «детскими игрушками» или «оружием гадальщиков» (астрологическим инструментом) (Gupta, 1979, , P.167, Fig. 3.17.). По-нашему мнению хотя бы то, что эти предметы сделаны из слоновой кости, уже доказывает их ценность. Такие находки в районах распространения культуры Хараппы и сферы её влияния, выполняли функцию платежного средства. Доказательством тому служит найденный на Алтын депе керамический сосуд, в котором лежали предметы из слоновой кости: 11 квадратной формы, 2 в форме окружности и 8 в форме трости или палочки. Эти предметы отличаются друг от друга количеством нанесённых на них кругов. Если на тросточках от 1 до 3 кругов, на предметах в форме окружности – 6-7 кругов, а на квадратах 8-10 кругов. Ещё одна важная особенность: на восьми предметах квадратной формы, в центре один большая окружность, пространство во круг неё заполнено параллельными линиями в форме ромба (Ганялин, 1967, с. 215). По-нашему мнению количество окружностей указывает на ценность предмета.

Согласно древневосточной иероглифике, в частности Египта и Урарту точка внутри окружности обозначала цифру (Вайман, 1978, с. 100-105).

Исходя из вышеприведённых сведений, можно сказать, что предметы из слоновой кости в регионах влияния культуры Хараппы при торгах являлись платёжным средством.

Ещё одним материальным источником, доказывающим культурные связи джаркутанцев с культурой Хараппы, является находка в арковой части Джаркутанского памятника терракотовой статуэтки слона. Технология обжига глины этой статуэтки схожа с технологией обжига джаркутанских ганчаров. Однако, слон не характерен для животного мира Средней Азии. Следовательно, если джаркутанцы знали слона, то знали и хараппцев, что свидетельствует о культурных связях населения этих двух регионов.

Подводя итог, можно сказать, что место зарождения и развития культуры Сапалли происходило подобно развитию культуры селений Древнего Востока.

Большое количество предметов, найденных на Джаркутанском памятнике, имеют сходства с предметами, найденными в Месопотамии и Хараппе, что подтверждает органичные связи джаркутанцев с населением городов-государств Древнего Востока.

На основе данных географического расположения памятника Джаркутан и на примерах предметов, здесь обнаруженных, можно констатировать, что население культуры Сапалли являлось своего рода культурным мостом между культурой северной степи и Древневосточной цивилизацией.

Литература:

Аскаров А.А, Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд. – 1993.

Аскаров А.А. Проблема становления раннегородской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном // Древные культуры Средней Азии и Индии. - Ташкент, 1984.

Аскаров Аҳмадали. Энг қадимий шаҳар. Тошкент, 2001.

Вайман А.А. Урартская иероглифика: расшифровка знака и чнение отдельных надписей // Культура Востока. Древност и раннее средневековье. - Л.: Гос. эрмитажа. 1978.

Ганялин А.Ф. Раскопки в 1959-1961 гг. на Алтын-депе // СА. - М.: 1967. №4.

Дьяконов И.М. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. М.: 1983.

Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. -М.: 1951.

Рахманов У.В, Шайдуллаев Ш.Б. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы Сапаллинской культуры // ОНУ, 1985.

Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннежелезнего века. - Ташкент, 2000.

Шайдуллаев Ш.Б., Аванесова Н.А. Қадимги Бақтрия олтинлари // Фан ва турмуш. 2000, - № 1, - Б. 8.

Шайдуллаев Ш.Б., Дитрих Хуфф. Некоторые результаты работ Узбекско - Германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ, Вып.30. - Самарканд, 1999.

Ширинов Т.Ш. Древнейшие торговые пути Средней Азии (III-II тыс. до н.э.) // Формирование и развитие трасс великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. - Ташкент. 1990.

Casanova M. La vaisstllt d'albatre de Mesopotamie, d'Iran et d'Asia Centrale aux III et II Millenaires avant J.-C. MMAFAC // Memoires de la mission archeologie orientale. T. IV. - Paris, 1991.

During Caspers E. Some Motifs as Evidence For Maritime Contact Between Sumer and Indus Valley // Persica, V, 1970.

Frankfort H. Tell Asmar, Khafadje and Khorsabad // OIP, 16, 1933.

Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. - L., 1977.

Frankfort H.P. Fouilles de Shortughai. Recherches sur L'Asie Central protohistoriques. V.I.II. - Paris: Boccard, 1989.

Gupta S.P. Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Border lands. Vol.II. B.R. Publishing corporation. - Delhi, 1979.

Kohl Ph.L. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to Early Iron Age. - Paris, 1984.

Lamberg-Karlovsky. Third Millenium Models of Exchange and Models of Production // Ancient Civilizations and Trade. - Albuquerque, 1975. - P. 358.

Mallovan M. Excavations at Brak and chagar Bazar. - Iraq, IX, 1947.

Matthews R.J. Defining the style of the period: Jemdet Nasr 1926-28 // IRAQ, Volume LIV, 1992.

Parrot A. Le Temple D'Ishtar. - Paris, 1956.

Piggott S. Prehistorik India. - L., 1950.

Woolley L. The Development of Sumerian Art. - N.Y. 1935.

Резюме

В статье автором проводится сравнительный анализ отражения культуры древнего Востока в бактрийских памятниках эпохи бронзы. Автором предполагается, что место зарождения и развития культуры Сапалли происходило подобно развитию культуры селений Древнего Востока. Проводятся параллели предметов, обнаруженных на Джаркутанском памятнике, с предметами, найденные в Месопотамии и Хараппе.

Summary

In the article the author compares the reflection of the culture of the ancient East in the Bactrian monuments of the Bronze Age. The author assumes that the place of origin and development of the culture of Sapalli was similar to the development of the culture of the villages of the Ancient East. Parallels of the objects found on the Dzharkutan monument are found with objects found in Mesopotamia and Harappa.

Пантелеева С.Е.
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

УДК 902.01(470.55)"637"

ХРОНОСТРАТИГРАФИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР

Ключевые слова: Южное Зауралье, бронзовый век, укрепленное поселение, керамика.
Keywords: Southern Trans-Urals, Bronze Age, fortified settlement, ceramics.

Укрепленное поселение Каменный Амбар является одним из наиболее изученных памятников бронзового века Южного Зауралья. Городище расположено в зоне северной степи в границах Зауральского пенеплена в долине р. Карагайлы-Аят. В плане оно имеет форму прямоугольника со скругленными углами и состоит из двух площадок, разграниченных рвом. Геофизические исследования выявили в пределах фортификаций регулярную застройку, представляющую собой четыре ряда прямоугольных жилищ, разделенных двумя «улицами». К более позднему периоду отнесены хорошо видимые на поверхности глубокие котлованы, хаотично расположенные как внутри, так и за пределами укреплений. Археологические работы проводились в течение многих лет в рамках международного проекта (Krause et al., 2010; Корякова и др., 2011; Multidisciplinary investigations…, 2013, Fornasier et al., 2014). Раскопы закладывались в северной и северо-восточной частях поселения, а также на стыке двух площадок – в западной и восточной частях (рис. 1). Вскрытая площадь составляет около двух с половиной тысяч квадратных метров.

Керамическая коллекция насчитывает 9677 единиц и представлена фрагментами посуды синташтинского, петровского и срубно-алакульского типов. С целью определения условий залегания разных типологических групп и установления их связи с выявленными объектами был предпринят анализ пространственного распределения находок в слое поселения.

Раскопы 1-5 были заложены в северо-восточной части поселения. Здесь изучены фрагмент внешней линии укреплений, вход на поселение, участок «улицы» и четыре постройки (1–3 и 7). Объекты 1, 2 и 7 относятся к регулярной застройке, а объект 3, прорезавший котлован жилища 2, – к бессистемной. Постройки 2 и 7 подверглись существенным разрушениям: часть их заполнения уничтожена переотложенными слоями, которые, вероятно, сформировались в результате извлечения грунта при сооружении более поздних жилищ.

Доля керамики синташтинского типа в заполнении рва составила 30,6%, фрагменты были преимущественно сконцентрированы в придонной части. В постройках 1, 2 и 7 данный тип посуды доминировал, его порция в выборках варьировала от 58,2 до 85,7%. Керамика здесь находилась в нижнем заполнении котлованов, в том числе в виде развалов сосудов. В постройке 3 содержание синташтинских обломков не превышало 14,4%, средние показатели глубины залегания соответствуют верхнему заполнению структуры, что говорит об их переотложенном положении. На участке «улицы» эта керамика преобладала (71,1% выборки) и занимала нижнюю стратиграфическую позицию. При разборе стены поселения обнаружено небольшое количество фрагментов, почти все они отнесены к синташтинскому типу.

Порция посуды петровского типа в заполнении рва составляла 46,3%, фрагменты залегали компактной группой на средних горизонтах. В постройках 1, 2 и 7 содержание петровской керамики варьировало от 14,3 до 17%, фрагменты концентрировались в верхнем и среднем заполнении котлованов. В постройке 3 немногочисленные осколки (9% выборки) находились в переотложенном состоянии.

Доля керамики срубно-алакульского типа в заполнения рва – 23,1%, фрагменты в основном были сосредоточены на самых верхних горизонтах. В постройках 1 и 2 порция этой посуды составляла 10 и 26,9% соответственно, при этом в постройке 1 черепки занимали самую верхнюю стратиграфическую позицию, а в нарушенной постройке 2 – самую нижнюю. Здесь большинство осколков концентрировалось вдоль границы с постройкой 3, где доля срубно-алакульской керамики преобладала (76,6%). В постройке 7 данная группа отсутствовала.

Анализ соотношения разных керамических типов и почвенных слоев, зафиксированных в процессе исследования построек, показал, что керамика синташтинского типа доминировала в коричневом, красно-коричневом и серо-зеленом слоях, представляющих основное заполнение построек 1, 2 и 7. Максимальное содержание петровских фрагментов было выявлено в желтом

рыхлом пестроцветном суглинке, залегающем в верхнем и среднем заполнении построек 1 и 2. Срубно-алакульская керамика была самой многочисленной группой желто-коричневом слое, являющимся заполнением постройки 3.

Таким образом, в северо-восточной части поселения можно выделить три хронологических комплекса, связанных с соответствующими объектами. Два из них определяются уверенно – это синташтинский (постройки 1, 2 и 7) и срубно-алакульский (постройка 3). Объекты, связанные с третьей группой посуды, не так очевидны. Вероятно, желтый слой, насыщенный фрагментами петровской керамики, является остатками сооружений соответствующего периода, которые были возведены на месте старых синташтинских котлованов. Отсутствие четких очертаний этих структур наводит на мысль, что это были легкие недолговременные строения.

Раскоп 6 расположен в северной части укрепленной площадки. Здесь были изучены фрагмент стены поселения, участок «улицы» и остатки восьми построек. Постройки 4, 5a, 5b, 5c, 14 и 15 возведены по принципу регулярной планировки, при этом исследованный фрагмент жилища 5c может рассматриваться как наиболее раннее сооружение, впоследствии перестроенное. Постройки 6 и 16 относятся к бессистемной планировочной модели.

Процентное содержание керамики синташтинского типа в заполнении жилищ 4, 5a, 5b, 14 и 15 доходило до 38,5%, при этом наименьший показатель зафиксирован в постройке 4, нарушенной котлованом постройки 6. В жилище 5c данная посуда количественно преобладала, ее доля равна 69,8%. В структурах 6 и 16 синташтинские черепки составляли не более 12,5%. Детальное изучение условий залегания керамики позволило сделать вывод, что фрагменты либо находились в верхнем и среднем заполнении объектов, либо были сильно рассеяны в пределах котлованов. На участке «улицы» синташтинская посуда составляла всего 9,1% выборки и также занимала верхнюю стратиграфическую позицию. Совершенно иная картина наблюдалась в межстенном пространстве, где процентное содержание этого типа доходило до 79,4%, а по средним значениям глубины залегания он тяготел к нижним отметкам.

Доля посуды петровского типа в заполнении объектов регулярной застройки доходила до 42,5%. Наименьший показатель соответствует нарушенной постройке 4. В постройках 5a (помещение 1) и 15 данная группа керамики являлась преобладающей. В большинстве случаев по средним значениям глубины залегания она занимала нижнюю позицию. В постройках 6 и 16 порция петровских фрагментов не превышала 4,5%, в межжилищном пространстве и стенах между объектами она доходила до 27,8%. На участке «улицы» этот тип посуды занимал нижнюю стратиграфическую позицию, а в межстенном пространстве – верхнюю.

Содержание срубно-алакульской керамики в заполнении построек 4, 5a, 5b, 14 и 15 варьировало от 26,1 до 88,3%, максимальный показатель соответствовал жилищу 4. В постройке 5c отмечено наименьшее количество находок (17%), а в постройках 6 и 16 – наибольшее (до 95,5%). Детальный пространственный анализ выявил, что фрагменты рассеяны в пределах заполнения котлованов, но преобладали на средних горизонтах. В межжилищном и межстенном пространстве порция срубно-алакульской посуды составляет от 22,5 до 72,7%. В основном обломки керамики здесь были сосредоточены в верхних горизонтах культурного слоя.

Изучение планиграфического распределения находок и анализ их соотношения с почвенными слоями позволили выявить особенности залегания фрагментов разных типологических групп. Керамика синташтинского типа преимущественно находилась по периметру построек (вдоль стен) и в межстенном пространстве. Фрагменты посуды петровского и срубно-алакульского типов были рассеяны по всей площади котлованов построек. При этом установлена устойчивая связь петровской посуды со слоем белесого пестроцвета, маркирующего пол сооружений. Керамика срубно-алакульского типа главным образом связана с красно-коричневым слоем, представляющим основное заполнение объектов.

Итак, в северной части поселения также можно выделить три этапа застройки. В отличие от северо-восточной части здесь почти не сохранился наиболее ранний строительный горизонт. О нем свидетельствует лишь концентрация синташтинской посуды в развалах стен, практически непотревоженные нижние горизонты в межстенном пространстве (основания стен?), жертвенник под полом постройки 4, а также остатки постройки 5c.

Второй этап застройки связан с петровским керамическим комплексом и представлен жилищами, возведенными в системе регулярной застройки на месте старых синташтинских котлованов. Это подтверждается значительной долей петровской посуды в некоторых постройках, находками ее фрагментов в нижнем заполнении и на полу сооружений, а также на нижних горизонтах «улицы».

С наиболее поздним срубно-алакульским этапом связаны постройки 6 и 16, возведенные уже по иной планировочной модели. Пространство, окружающее эти сооружения активно использовалось для повседневных нужд.

Раскоп 7 был разбит в западной части поселения на стыке двух площадок. Здесь изучены часть внутренней линии укреплений, участок «улицы» и небольшие фрагменты четырех построек (8–11) . Постройки 9–11 относятся к регулярной застройке, а постройка 8 – к бессистемной. Все объекты были перекрыты и частично разрушены слоями переотложенного грунта.

Керамика синташтинского типа составляла 16,3% выборки в заполнении рва и залегала компактной группой в придонной части. В постройках 9 и 11 ее доля равнялась 75 и 100% соответственно, а в постройке 8 – 4,4%. Во всех объектах эта группа занимала самую нижнюю стратиграфическую позицию. Кроме того, синташтинские обломки доминировали (66,7%) в верхнем горизонте погребенной почвы.

Керамика петровского типа представляла наиболее многочисленную группу в заполнении рва (44,2%) и занимала там среднюю стратиграфическую позицию. В исследованных постройках ее доля составляла не более 12,5%, немногочисленные черепки были рассеяны в верхнем заполнении структур.

Порция посуды срубно-алакульского типа составляла 39,5% в заполнении рва, керамика концентрировалась в верхних горизонтах. В постройке 8 ее доля равнялась 86,8%, а в постройке 9 – 12,5%. Кроме того, срубно-алакульская посуда являлась преобладающим компонентом в слоях перемешанного грунта, перекрывающего все объекты.

Таким образом, в данной части поселения можно выделить только два хронологических комплекса, связанных с изученными сооружениями: синташтинский (постройки 9 и 11) и срубно-алакульский (постройка 8). Постройка 10, не содержавшая определимой керамики, судя по заполнению, вероятно, относится к первой группе. Посуда петровского типа, несмотря на значительную долю в коллекции, выделяется только типологически, за пределами внутреннего рва ее положение в слое можно оценивать как переотложенное.

Раскоп 8 был заложен в восточной части поселения на стыке двух площадок. Здесь были изучены части внешней и внутренней линий укреплений, а также фрагменты двух построек (12 и 13).

Процентное содержание керамики синташтинского типа в заполнении рвов доходило до 50%, фрагменты залегали преимущественно в нижних горизонтах. В постройке 12 доля этой посуды составила всего 4,7%, а в постройке 13 – 72,1%. В первом случае ее положение в слое носит переотложенный характер, а во втором – она занимает нижнюю стратиграфическую позицию. В слоях, формирующих стену поселения, порция синташтинской керамики доходила до 28,6%, положение черепков связано с нижними глубинными отметками.

Доля керамики петровского типа в заполнении рвов не превышала 21,4%. Стратиграфическое положение фрагментов в целом соответствовало промежуточной позиции между синташтинскими и срубно-алакульскими отложениями. В постройке 12 содержание петровской посуды составляло всего 4,7% выборки, немногочисленные черепки залегали на самых нижних уровнях. В постройке 13 и в слоях, формирующих тело стены, данный тип посуды отсутствовал.

Выборки керамики срубно-алакульского типа составляли до 56,5% в заполнении рвов, до 77,8% в толще стены, 90,6% в постройке 12 и 27,9% в постройке 13. Во всех объектах данный тип посуды занимал верхнюю стратиграфическую позицию.

Как и в западной части поселения, здесь также можно выделить только два хронологических комплекса, связанных с соответствующими сооружениями: синташтинский (постройка 13) и срубно-алакульский (постройка 12). За исключением положения во рвах позиция петровской посуды в слое оценивается как переотложенная.

Подводя итоги исследования можно заключить, что в культурном слое поселения разновременные материалы зачастую зафиксированы в перемешанном состоянии. Причинами данной ситуации являются многослойный характер памятника, многочисленные перестройки жилищ и нарушение целостности ранних отложений в процессе функционирования поселка. Тем не менее, в результате изучения пространственного распределения керамики удалось выделить три основных строительных горизонта, связанных с разными керамическими традициями.

Наиболее ранний горизонт – синташтинский. К нему относятся постройки, возведенные в рамках регулярной планировочной модели на обеих площадках поселения. Стоит отметить, что степень сохранности этого горизонта разнится между исследованными участками. Так, например, в северной части поселка синташтинские отложения практически полностью уничтожены объектами петровского времени.

Второй строительный горизонт представлен культурными отложениями, связанными с керамикой петровского типа. Постройки данного периода возводились в системе регулярной застройки на месте старых синташтинских котлованов. Наиболее ярко эта ситуация была прослежена в северной части поселения. Можно предположить, что на северо-востоке площадки западины, оставшиеся от синташтинских жилищ, также были использованы для сооружения каких-то петровских объектов. Правда, следы этих объектов не так очевидны. Скорее всего, это были какие-то недолговременные сооружения, возможно, хозяйственного назначения. Важно отметить, что в западной и восточной частях поселения посуда петровского типа в основном находилась за пределами построек, концентрируясь во рвах, свободных от застройки участках и в переотложенных слоях. Сооружений, связанных с данной группой керамики, здесь не было выявлено. Это наблюдение наводит на мысль, что, скорее всего, в петровское время была заселена только часть северной площадки городища.

Третий строительный горизонт связан со срубно-алакульским керамическим комплексом и представлен жилищами, возведенными по принципу бессистемной застройки. Обилие срубно-алакульской керамики за пределами данных объектов наряду с «переработанностью» культурного слоя (перемешанностью разновременных артефактов) в заполнении всех выявленных структур, очевидно, являются свидетельством активной хозяйственной деятельности позднейших обитателей поселка на руинах старых сооружений.

Литература:

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №4 (48). – С. 61-74.

Fornasier J., Krause R., Korjakova L.N., Stobbe A., Ruhl L., Schneider H., Thiemeyer H., Peters S., Epimachov A.V., Sharapova S.V., Panteleeva S.E., Molchanov I.V., Berseneva N.A., Patzelt A., Noskevich V.V. Architektur, wirtschaft und landschaft der bronzezeitlichen siedlungen am nordrand der eurasischen steppe im Trans-Ural (Russische Foderation) // Eurasia Antiqua. – 2014. – Band 20. – P. 229-272.

Krause R., Korjakova L.N., Fornasier J., Sharapova S.V., Epimachov A.V., Panteleeva S.E., Berseneva N.A., Molchanov I.V., Kalis A.J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., Konig A. Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintashta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Foderation) // Eurasia Antiqua. – 2010. – Band 16. – P. 97-129.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia) / R. Krause and L.N. Koryakova (eds.) – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – 355 p.

Резюме

Софья Евгеньевна Пантелеева

Хроностратиграфия укрепленного поселения Каменный Амбар

В статье представлены результаты исследования пространственного распределения керамики в слое укрепленного поселения Каменный Амбар. Рассмотрены стратиграфия и планиграфия культурных остатков. Выделено три основных строительных горизонта, связанных с разными керамическими традициями эпохи бронзы (синташтинской, петровской и срубно-алакульской).

Summary

Sofya Evgenyevna Panteleeva

Chronostratigraphy of the Kamenny Ambar fortified settlement

The article presents the results of distribution analysis of pottery sherds within the layers of the Kamenny Ambar fortified settlement. Stratigraphy and planigraphy of cultural remains were considered. Three main building horizons connected with different ceramic traditions of the Bronze Age (Sintashta, Petrovka and Srubnaya–Alakul') were recognized.

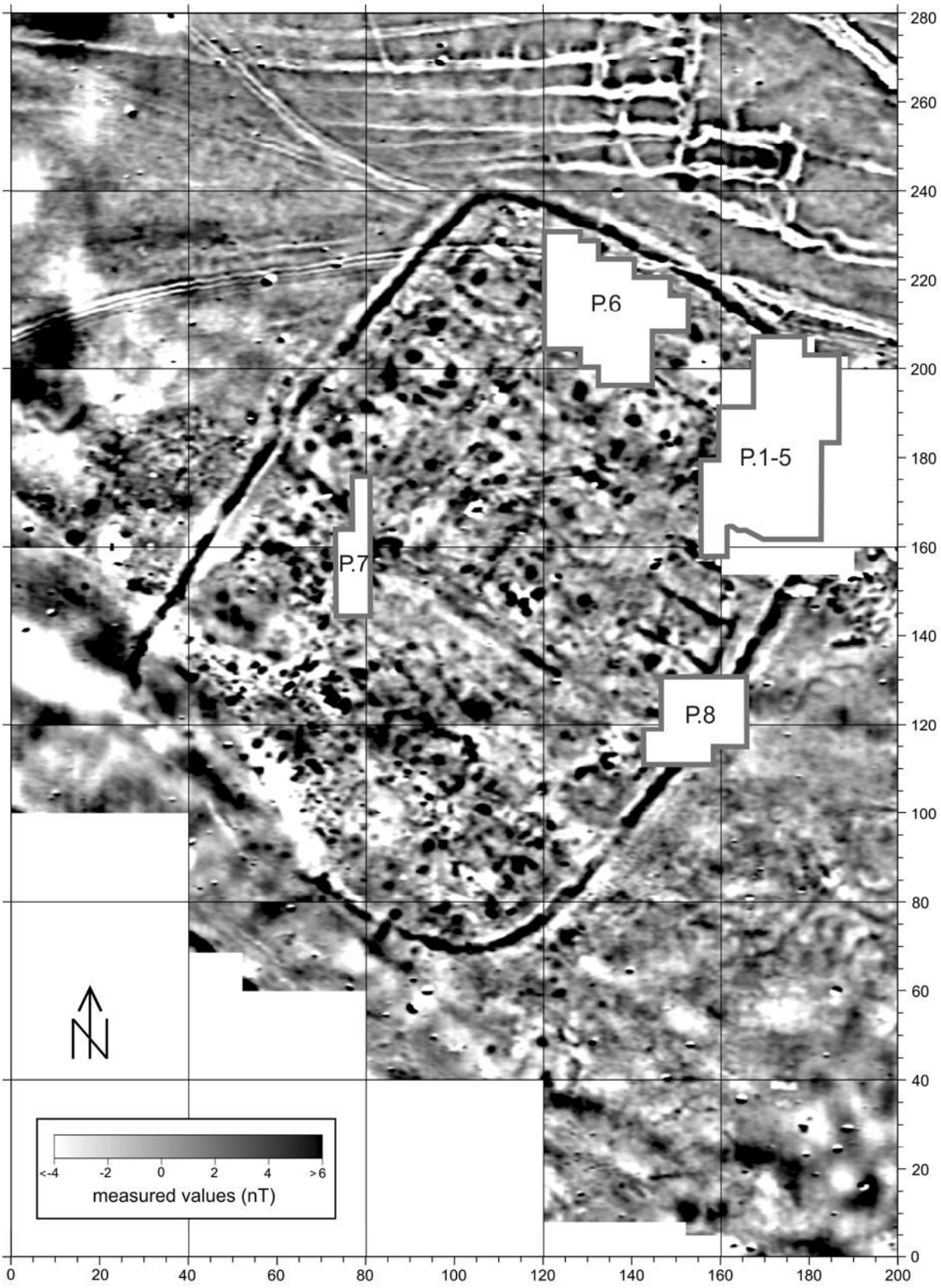


Рис. 1. Магнитная карта поселения, выполненная А. Патцелтом, с нанесенными очертаниями раскопов.

Петросян Л.А., Худавердян А.Ю.
Институт археологии и этнографии
НАН РА, Ереван

УДК 903/904

НОВЫЕ ДАННЫЕ УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КЕТИ (ШИРАКСКАЯ РАВНИНА, АРМЕНИЯ)

Ключевые слова: Армения, куро-аракская культура, археология, краниология, одонтология, палеопатология
Keywords: Armenia, kura-araxes culture, archaeology, craniology, odondology, paleopathology

Ширакская равнина расположена в северо-западе Армянского нагорья, уже в IV тыс. до н.э. являлась одним из густонаселенных районов древней Армении. В 1969-1979 гг. здесь нами были проведены раскопки поселений близ села Кети (Кракари Сар, Горнер, Сгнахнер). Материалы из поселений и некрополя относятся к II половине IV тыс. до н.э. Керамика, обнаруженная в поселениях, была без какой-либо орнаментации. Поселение Кракари Сар находится на восточной окраине с. Кети. В результате раскопок найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов и каменные орудия труда. Поселение Горнер расположено рядом с ущельем южнее с. Кети и занимало площадь около 3 га. Все образцы керамики чернолощеные, с розовой или серой подкладкой. Восточнее поселения Горнер обнаружен некрополь. Из раскопанных здесь нами трех каменных ящиков два сооружены из скальных плит больших размеров, а одно – из более мелких камней. Поселение Сгнахнер расположено в двух километрах северо-западнее с. Кети. Поселение площадью около 5 га имеет очертания вытянутого прямоугольника. На территории поселения и в его окрестностях выявлена древняя оросительная система, включающая в себя многочисленные родники и водоемы.

Представим общие особенности изученных погребений из вышеуказанных могильников: а)погребения перекрыты 2-3 необработанными каменными плитами разных размеров, пространство между которыми закрыто камнями меньших размеров; б) погребальные камеры сооружены из камней средних размеров, имеют прямоугольные очертания и ориентированы с северо-запада на юго-восток; в) камеры имеют специально устроенный в южной стене вход, к которому иногда ведет небольшой коридор дромос; г) в погребениях отсутствовали следы тризны и костей жертвенных животных; д) погребения являлись семейными захоронениями, в которых было выявлено останки от 2-7 человеческих скелетов.

В качестве примера приведем описание погребения № 5. Погребение перекрыто плитами размерами 1,6×1,5×0,9 и 1,7×1,4×0,4 м. Стены погребальной камеры возведены из небольших туфовых камней, вход имеет размеры 0,55×0,5 м. К нему ведет небольшой дромос с длиной 0,5 м. Снаружи вход в камеру был заложен двумя маленькими плитами. Сама камера имела размеры 2×1×1,2 м. В ней обнаружено 6 захоронений. Пять скелетов находились у северной стены, а шестой - лежал в сильно скорченном положении у входа, головой на юг, лицом на восток. Вдоль западной стены на полу были расставлены 14 керамических сосудов (рис. 1). Аналогичные погребения найдены в Армении (могильники Ланджике (Петросян, 1996, с. 60-61), Капс (Петросян и др., 2009, с. 154-165), Элар (Ханзадян, 1979, с. 37-38)) и Грузии (могильники Амиранис-Гора (Чубинишвили, 1963, с. 96-98) и Самшвилде (Мирцхулава, 1975)).

Керамические сосуды, обнаруженные в погребениях Кети (64 экземпляра) можно разделить на четыре группы: горшки, миски, чашки и кувшины, которые в основном изготовлены из глины с примесью песка. Черепки в изломе двухслойные, стенки небольших сосудов иногда однослойные. Поверхность всех сосудов лощеная и имеет черный или серый цвет. Внутренние поверхности сосудов в основном имеют розоватый оттенок. Сосуды раннего этапа эпохи ранней бронзы в большинстве своем не орнаментированы, а в некоторых случаях на плечиках сосудов засвидетельствован рельефный орнамент в виде спиралей. Большое число составляют налепные лжеручки. С обеих сторон этих ручек зачастую можно увидеть круглые ямочки или налепные шишковидные выступы. Несколько позднее, в конце раннего этапа эпохи ранней бронзы появляется геометрическая резная орнаментация и ручки с налепными зооморфными изображениями. Предположительно, последние относятся к культовой группе керамики. Последним этапом эпохи ранней бронзы представлены материалы погребения № 9, где выявлены материалы как раннего, так и более позднего этапов. Особенно примечателен кувшин с плавными переходами от тулова к шейке,

однослойным в изломе черепком, серым цветом и волнообразным орнаментом на плечике (рис. 2:1, рис. 3:1). Данный сосуд является необычным экземпляром для культуры эпохи ранней бронзы, и сближается с кувшинами, выявленными в погребениях эпохи средней бронзы из того же кетского некрополя.

Самый распространенный тип керамики в погребениях являются миски (31%, 20 мисок) (рис. 1: 1, 2, 4, 5, 6, 13, 14, рис. 2: 6,8,9,10,11, рис. 3: 6,8,9,10,11). У одиннадцати мисок имеют лжеручки, у 2-х – кольцевидные ручки, у одной – зооморфная, 2-е без ручек, на 4-х – фиксируются круглые ямочки. Подобные сосуды многочисленны не только в Кети, но и в Эларе (Ханзадян, 1979, табл. VI-VII), Апаране (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 61, pl. IV (1-4)), Самшвилде (Мирцхулава, 1975, табл. XLI), Баба Дервише (Исмайлов, 1977, с. 37, таб. VIII) и Геой тепе (Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 90, рис. 35). Выявлены также два экземпляра мисок с орнаментом (погребение № 9). Необходимо отметить, что подобный орнамент имеют материалы, относящиеся ко второму этапу эпохи ранней бронзы, датируемые концом IV тыс. и началом III тыс. до н.э., которые характерны для Шенгавита (Ханзадян, 1969, табл. 87), Карнута (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 141, pl. IV) и иных синхронных памятников.

Следующая группа сосудов являются чашки (19 образцов, 29,07 %), 10 из которых с кольцевидной ручкой, 7 без ручек, 2 с ложной ручкой (рис. 1: 1, рис. 2: 2, 3, 7, рис. 3: 2,3,7). Аналогичные сосуды были найдены в памятнике Гехарот (II пол. IV тыс. до н.э.).

К следующей группе относятся 14 горшков (21,9 %), 10 из которых имеют лжеручки, 3 – сквозное круглое отверстие, а один сосуд не имеет ручек. Выявлены два типа горшков. Перый тип горшков известен по материалам почти всех памятников раннего этапа эпохи ранней бронзы, а сосуды с резной орнаментацией, относящиеся ко второму типу, характерны для материалов конца IV тыс. до н.э. – I пол. III тыс. до н.э.

К последней группе керамики относятся 6 кувшинов без орнаментации (9,6%), четыре из которых имеют круглую ручку (рис. 1:7,8,9, рис. 2:5, рис. 3:5). Подобные сосуды известны из Кармир блура (Badalyan, Avetisyan, 2007, pl. VI-IX), Баба Дервиша (Исмайлов, 1977, с. 37, табл. VIII), Самшвилде (Мирцхулава, 1975, табл. XLI). Последний тип кувшинов, выявленных из погребения № 9, не известен нам по материалам других памятников эпохи ранней бронзы. Данный образец близок только к экземплярам с ручками из Степанакертских курганов (Кушанреван, Чубинишвили, 1970, с. 82, рис. 29). Этот образец находит близкие параллели среди материалов следующего этапа, эпохи средней бронзы этого же кетского некрополя, что свидетельствует о культурной преемственности (Петросян, 1989, табл. 36-38).

Задачи, решаемые в нашем исследовании, заключаются в комплексном описании палеоантропологического материала из погребений кетского могильника. Для исследования были доступны костные останки 8 индивидов различной степени сохранности (рис. 4). Часть материала была потеряна. Материал изучался по общепринятым антропологическим методикам (Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968а, б; Buikstra, Ubelaker, 1994). В захоронениях доминируют мужчины (6♂, 2♀), детских костяков не найдено.

Индивид №1/6 (женщина 45 ±2 лет). На черепе наблюдается непреднамеренная затылочно-теменная деформация колыбельного типа (cradle deformation). Мозговая коробка индивида (рис. 4:1) характеризуется как долихокранная, с малым поперечным и очень большим продольным диаметрами (табл. 1). Она средневысокая, по высотно-поперечному указателю хамекранная. Длина основания черепа очень большая, ширина – средняя. Затылок средней ширины, со средними дугой и хордой. Величины теменной дуги и хорды большие. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний (мезозем). Величины лобных дуги и хорды малая и очень малая. Лицо среднеширокое и высокое. Длина основания лица – большая. Горизонтальная профилировка сильная на верхнем уровне. Высота носа очень большая, ширина малая. Носовой указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина большая, высота – очень большая, указатель также большой. Симотическая ширина малая, высота – очень большая, указатель – очень большой. Орбиты широкие, высокие и гипсиконхные. На черепе зафиксированы следующие дискретно-варьирующие признаки: sutura frontalis, foramina infraorbitalia, foramina zygomaticofacialia, spina processus frontalis ossis zugomatici (выступ), stenocrotaphia (X-обр.), processus frontalis squamae temporalis, processus temporalis ossis frontalis, os postsquamosum, os triquetrum, os asterion, sutura palatina transversa (вогнутый), sutura incisive, foramen pterygospinosum, foramina spinosum, canalis condyloideus. Диаметры коронок верхних первых правых премоляров и моляра малых размеров. Выявлены следы обширного воспалительного процесса, затронувшие левую сторону лобной и теменной костей. Следы одонтогенного

остеомиелита наблюдаются на правой стороне верхней челюсти в области М1 и М2. На первом правом моляре выявлен кариес и прижизненная утрата левых второго и третьего моляров.

Индивид №2/8 (мужчина 50 ±3 лет). Череп узкий (рис. 4:2), ширина основания черепа малая. Затылок со средней дугой и малой хордой. Теменная дуга – малая, хорда – средняя. На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: os wormii suturae squamosum, foramina parietalia. У индивида наблюдаются поражение (типа cribra) в области наружных слуховых проходов, оссеофитные образования в ушных каналах. Очень интенсивный мастоидит привел к резорбции костной ткани левого сосцевидного отростка, следы деструктуризации отмечаются в области большого затылочного отверстия, что свидетельствует о распространении инфекции на другие области мозга.

Индивид №6/5 (мужчина 25 ±3 лет). На черепе наблюдается непреднамеренная затылочно-теменная деформация. Мозговая коробка средней длины, узкая, мезокранная (рис. 4:3). Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний. Величины лобных дуги и хорды, теменных дуги и хорды малые. Нижняя челюсть характеризуется средней длиной. Высота ветви большая, ширина – средняя. Высота тела средняя, высота симфиза малая, толщина тела – малая. Подбородок выступает средне. Бугристость в области наружной поверхности угла и внутренней поверхности угла с обеих сторон выражена отчетливо. На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: foramina supraorbitalia, foramina parietalia, os wormii suturae lambdoidea, foramina mastoidea, sulcus mylohyoideus, sutura mendoza. Диаметры коронок нижних моляров от малых до больших величин. Нижний первый моляр пятибугорковый, узор коронки «Y». На первом моляре наблюдается небольшой лингвальный сдвиг окклюзивной площадки. Вторые моляры имеют четырехбугорковое строение, узор «X» с упрощенной морфологией, в составе которой не наблюдается каких-либо дополнительных бугорков или гребней. Эмалевый затек на первом и втором молярах оценивается баллом 5. Над орбитальной частью наблюдается васкулярная реакция костной ткани – последствия криогенного стресса. На втором левом моляре выявлен кариес и прижизненная утрата первого левого моляра.

Индивид № 7 (мужчина 35 ±3 лет). Краниум мужчины с непреднамеренными теменными (tumpline deformation) и затылочно-теменными деформациями (cradle deformation) (рис. 4:4). Мозговая коробка узкая, невысокая, лоб довольно широкий. Затылочная область характеризуется большой величиной широтного диаметра, средними размерами дуги и хорды в сагиттальной плоскости. Левая орбита – широкая. Нижняя челюсть характеризуется большой длиной от мыщелков и очень большой – от углов. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви очень малая. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностями углов с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз высокий, тело низкое со средней толщиной. На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: foramina zygomatico facialia, processus frontalis squamae temporalis, processus temporalis ossis frontalis, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, foramina parietalia, os Incae completes, os asterion, foramina mastoidea, sutura incisive, canalis craniopharyngeus, foramina spinosum, processus paramastoideus, manifestatio vertebrae occipitalis, canalis condyloideus, foramina mentalia. Мезио-дистальные размеры моляров попадают в категорию малых и средних значений, вестибуло-лингвальные – малых. Высота коронок имеет очень низкие значения. Гипоконус правого первого моляра слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). Эмалевый затек на первом и втором молярах оценивается баллом 4. Вторые нижние моляры 4-бугорковые, с узором коронки «X». Третие моляры 5-бугорковый с «YX» – узором коронки. Здесь присутствовал интерстициальный дополнительный бугорок (tami) между метоконидом и энтоконидом. Наблюдаются прижизненная утрата первых моляров на верхнем (М1/лев./) и нижнем челюстях (с двух сторон) и парадонтит. На молярах (М2, М3 /прав./, М3 /прав./) выявлено наличие кариозной полости. Эмалевая гипоплазия обнаружена на левом нижнем премоляре. На правой теменной кости фиксируются среды четырех травм, полученные при ударе тупым предметом.

Индивид № 3/9 (мужчина 25 ±3 лет). На черепе наблюдается непреднамеренная затылочно-теменная деформация (рис. 4:7). Мозговая коробка среднеширокая, лоб довольно узкий, с малой дугой и очень малой хордой. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории средних размеров. На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: processus temporalis ossis frontalis, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, os wormii suturae coronalis, os apicis lambda, os wormii suturae lambdoidea, foramina mastoidea (на шве). Фиксируются специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазниц (cribra orbitalia). Признак формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний. На теменных костях наблюдаются

симметричные зажившие порезы острым предметом, их можно отнести к разряду символической трепанации.

Индивид № 5/5 (мужчина 18 ±3 лет). На черепе наблюдается непреднамеренная затылочно-теменная деформация. Мозговая коробка индивида (рис. 4:6) характеризуется как долихокранная, с малыми поперечным и продольным диаметрами. Лоб очень узкий, с малой дугой и очень малой хордой. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории малых размеров. На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: os wormii suturae squamosum, os Incae completes. При обследовании черепа на левой теменной кости в 3,2 см от сагиттального шва и в 1,5 см от лямбдовидного наблюдается дефект круглой формы размером 1,2×1,2 см, не имеющий прободения в полость черепа (поверхностная трепанация). На правой теменной кости зафиксировано сквозное круглое отверстие (высота дефекта 5мм). Входные края отверстия ровные, острые, без следов воспаления или заживления. Трепанация проведена методом сверления. Наблюдается специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазниц (cribra orbitalia).

Индивид № 4/6 (женщина 17 ±2 лет). На черепе наблюдается непреднамеренная затылочно-теменная деформация (рис. 4:5). Мозговая коробка индивида долихокранная, с очень большим продольным и средним поперечным диаметрами. Она высокая, ортокранная, метрикранная. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Лицо узкое и невысокое. Высота носа большая, ширина – средняя, носовой указатель большой (платириния). Дакриальная высота очень большая, ширина – средняя, указатель – очень большой. Орбиты средневысокие и узкие (гипсиконхия). На черепе выявлены следующие дискретно-варьирующие признаки: os zygomaticum bipartitum tripartitum, spina processus frontalis ossis zugomatici (выступ), stenocrotaphia (X-обр.), processus frontalis squamae temporalis, processus temporalis ossis frontalis, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, foramina parietalia, foramina mastoidea, sutura palatina transversa (П-образный), sutura incisive, отсутствие foramina spinosum, condylus occipitalis bipartitum, processus paramastoideus, canalis condyloideus, foramina mentalia, sutura mendoza. Мезио-дистальные размеры первых и вторых моляров попадают в категорию больших значений.

Индивид № 8/9. Нижняя челюсть и зубы (пол, вероятно, мужской, возраст 20-25 ±2 лет) (рис. 4-8). Проекционная длина нижней челюсти большая. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви средняя. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностями углов с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз средневысокий, тело низкое с очень большой толщиной. На челюсти отсутствуют дискретно-варьирующие признаки (sulcus mylohyoideus foramina mandibularia (умноженные), torus mandibularis). Мезио-дистальные и вестибуло-лингвальные размеры моляров попадают в категорию средних значений. Высота коронок также имеют средние значения. На правом клыке нижней челюсти краевые гребни лингвальной поверхности были выражены очень слабо. В вертикальной норме выявляется значительная искривленность вестибулярной поверхности коронки, причем кривизна имеет ярко выраженную асимметрию, она значительно больше на мезиальной стороне и уменьшается к дистальной. Левые премоляры сильно дифференцированы. На первом премоляре при непрерывном трансверсальном гребне присутствует два дополнительных бугорка, придающих коронке асимметричную форму. Межбугорковая борозда на втором премоляре дает лингвальную веточку, разделяющую лингвальную половину зуба на две части: образуется трехбугорковый тип (балл 5). Оба первых моляра 5-бугорковые, с «Y»-узором коронки. На них отсутствуют фены системы протостилида, tami, дистальный гребень тригонида. Вторые моляры 4-бугорковые, с узором коронки на левом зубе «X», на правом – «Y» и упрощенной морфологией, в составе которой не наблюдается каких-либо дополнительных бугорков или гребней. Третий правый моляр 5-бугорковый, с «Y»-узором коронки. Эмалевая гипоплазия обнаружена на правом клыке и на левом первом премоляре.

Новые оригинальные данные об антропологии жителей куро-аракской культуры из Ширакской равнины являются дополнением к общеантропологической характеристике населения Армении и расширяют объем знаний об антропологических особенностях и закономерностях адаптации к условиям существования. По краниологическим и одонтологическим данным, население, оставившее могильник, относится к южноевропеоидному (южному грацильному) антропологическому варианту европеоидной расы и, скорее всего, было однородным. Комплекс некоторых маркеров физиологического стресса продемонстрировал существование пищевого стресса у исследованного населения. У индивидов были зафиксированы, травмы, трепанации, воспалительные заболевания.

Литература

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия (Методика антропологических исследований). – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Бадалян Р., Смит А., Поселения Гехарот: Основные результаты раскопок, 2005-2006 гг. // Культура древней Армении: материалы республиканской сесси – Ереван: Гитутюн, 2008. – С. 45-68.

Зубов А.А. Одонтология (Методика антропологических исследований). – М.: Наука, 1968а. – 199 с.

Зубов А.А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. Отв. ред Г.Ф. Дебец, Я.Я. Рогинский. – М., 1968б. – С. 5-122.

Исмайлов Г.С. Археологические исследование древнего поселения Баба-Дервиш. – Баку: Элм 1977. – 101 с.

Кушнарева К.Х., Чубинашвили Т.Н. Древные культуры Южного Кавказа. – М.: Наука, 1970. – 190с.

Мирцхулава Г.И. Самшвилде. – Тбилиси: Мецниереба, 1975. – 96 с.

Петросян Л.А. Раскопки памятников Кети и Воскеаска (III-I тыс. до. н. э.). –Ереван: АН Армянской ССР, 1989. – 179 с.

Петросян Л.А. Раскопки в Ланджике // 10-ая научная сессия посвященная итогам археологических исследований в Республике Армении (1993-1995 гг.): тезисы докладов. – Ереван, 1996. – С. 60-61.

Петросян Л.А., Еганян Л., Хачатрян А., Раннебронзовые памятники в Капсе // Ширакский центр археологических исследований: научные труды, вып. XII. – Гюмри, 2009. –С. 154-165.

Ханзадян Э.В. Гарни IV. Результаты раскопок (1949-1966 гг.). Археологические раскопки в Армении.– Ереван: АН Арм. ССР, 1969. –190с.

Ханзадян Э. В. Элар-Дарани. – Ереван: АН Арм. ССР, 1979. – 188с.

Чубинашвили Т. Амиранис Гора. Материалы к Древнейшей истории Месхет-Джавахети. – Тбилиси, 1963. – 103с.

Badalyan R.S., Avetisyan P.S. Bronze and Early Iron Age Archaeological sites in Armenia I. – BAR International Series 1697, 2007. – 319p.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series 44. – Fayetteville, 1994. – 218 p.

Резюме

Л.А. Петросян, А.Ю. Худавердян

НОВЫЕ ДАННЫЕ УНИКАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА КУРО-АРАКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КЕТИ (ШИРАКСКАЯ РАВНИНА, АРМЕНИЯ)

В работе рассмотрены материалы поселений, особенности погребального обряда, керамики и антропологического типа индивидов из кура-аракского памятника Ширакской области. Были выявлены на костях черепа специфические поражения при инфекционных заболеваниях, травмы, трепанации и т.д.

Summary

L.A.. Petrosyan, A.Yu. Khudaverdian

NEW DATA THE UNIQUE MONUMENT OF THE KURA-ARAXES CULTURE FROM KETI (SHIRAK PLAIN, ARMENIA)

The paper describes of the Kura-Araxes site of the Shirak region, discusses available evidence concerning settlement patterns, burial customs, pottery and anthropology. Comprehensive anthropological expertise allowed to characterize the individual morphological features of individuals. Specific lesions in infectious with infectious diseases, injuries, degenerative diseases have been identified in individuals.

Таблица 1. Результаты краниометрического исследования черепов из могильника Кети

	Признак	1/6 ♀	2/8 ♂	6/5 ♂	7 ♂	3/9 ♂	5/5 ♂	4/6 ♀
1	Продольный диаметр	186	-	181,2	-	-	175,5	186
8	Поперечный диаметр	133	134,5	137	134	142	130	136,5
8:1	Черепной указатель	71,51	-	75,61	-	-	74,08	73,39
17	Высотный диаметр от ba	126	-	-	130,5	-	-	132
5	Длина основания черепа	103,5	-	-	-	-	-	96
9	Наименьшая ширина лба	93	-	96,8	-	91	88	92,7
10	Наибольшая ширина лба	-	-	117	125	121	113?	118
11	Ширина основания черепа	117,5	121	-	118,5	-	-	113
12	Ширина затылка	103,5	105	98,5	112	115?	-	106,2
29	Лобная хорда	98	-	105	-	103	103	112
30	Теменная хорда	116	113,8	108	108,5	114,5	108	126,2
31	Затылочная хорда	95	93	-	95	-	-	93
26	Лобная дуга	115	-	118	-	113	121	127
27	Теменная дуга	126	120	120	126	129	120	141
28	Затылочная дуга	112,8	111	-	112	-	-	111
40	Длина основания лица	98,9	-	-	-	-	-	89
45	Скуловой диаметр	122?	-	-	-	-	-	-
48	Верхняя высота лица	73,8	-	-	-	-	-	62,5
43	Верхняя ширина лица	102,2	-	103	-	97,2	94	97,2
60	Длина альвеолярной дуги	52,2	-	-	54,5	-	-	50
61	Ширина альвеолярной дуги	58	-	-	-	-	-	59
62	Длина неба	45	-	-	-	-	-	40
63	Ширина неба	27,8	-	-	-	-	-	28
55	Высота носа	55	-	-	-	-	-	43
54	Ширина носа	23,2	-	-	-	-	-	24,5
54:55	Носовой указатель	42,19	-	-	-	-	-	56,98
51	Ширина орбиты от mf	42	-	-	43,8?	-	-	38,5
52	Высота орбиты	36,5	-	-	-	-	-	34
52:51	Орбитный указатель (mf)	86,91	-	-	-	-	-	88,32
MC	Максиллофронтальная ширина	18	-	-	-	-	-	19
MS	Максиллофронтальная высота	8,5	-	-	-	-	-	11
DC	Дакриальная ширина	22,5	-	-	-	-	-	20,5
DS	Дакриальная высота	13	-	-	-	-	-	13,5
DS:DC	Дакриальный ук-ель	57,78	-	-	-	-	-	65,86
SC	Симотическая ширина	6,5	-	-	-	-	-	10
SS	Симотическая высота	4,2	-	-	-	-	-	5,2
SS:SC	Симотический ук-ель	64,62	-	-	-	-	-	52
77	Назомалярный угол	134	-	137	-	137	140	135
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	-	109,5*	104	112	-	-	-
79	Угол ветви н.ч.	-	34	28	37	-	-	-
68	Длина н.ч. от углов	-	82	78	84,2	-	-	-
70	Высота ветви	-	56	64,8	61,5	-	-	-
71a	Наименьшая ширина ветви	-	34	33	27,7	-	-	-
69	Высота симфиза	-	32	30,0	35	-	-	-
69 (1)	Высота тела	-	29	31,8	25,8	-	-	-
69 (2)	Толщина тела	-	14,8	12,2	13	-	-	-
	Форма черепной коробки	овоид	овоид	овоид	овоид	сфен	овоид	сфен
	Надпереносье (1-6)	1	-	3	-	3	1	1
	Надбровные дуги (1-3)	1	-	2	-	2	1	1
	Наружный затылочный бугор (0-5)	0	4	1	2	-	0	0
	Затылочные валики TOT (0-4)	2	2	-	2	-	1	0
	Позадисосцевидный отросток PR (0-4)	1	-	-	0	-	-	1
	Сосцевидный отросток (1-3)	1	2	-	2	-	-	1
	Нижний край грушевидного отверстия	инфант	-	-	инфант.	-	-	пер.ямки
	Передненосовая ость (1-5)	4	-	-	4	-	-	2

*Нижняя челюсть принадлежит мужчине из пог. 8/9

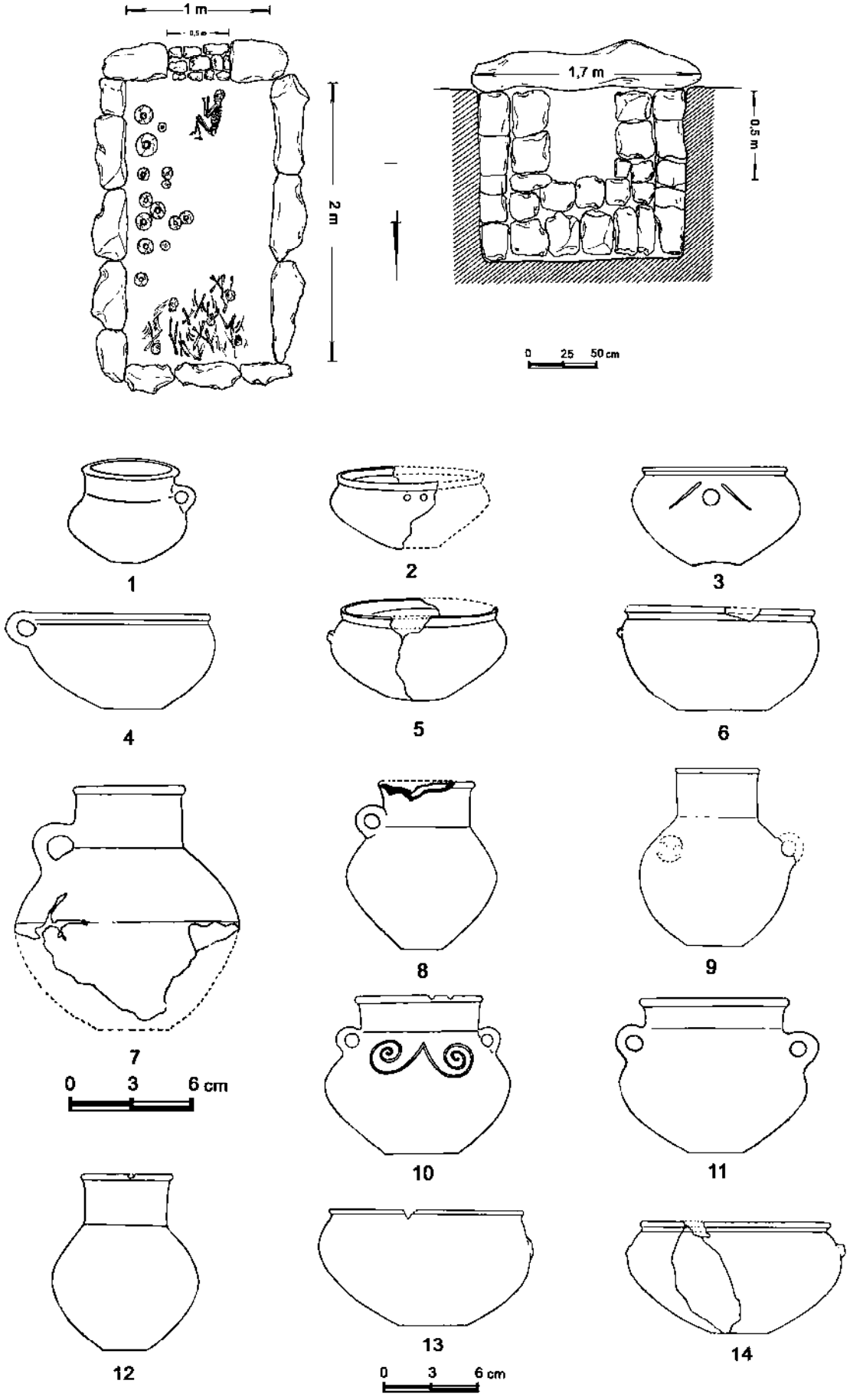


Рис. 1. Кети, погребение 5



Рис. 2. Керамические сосуды из могильника Кети

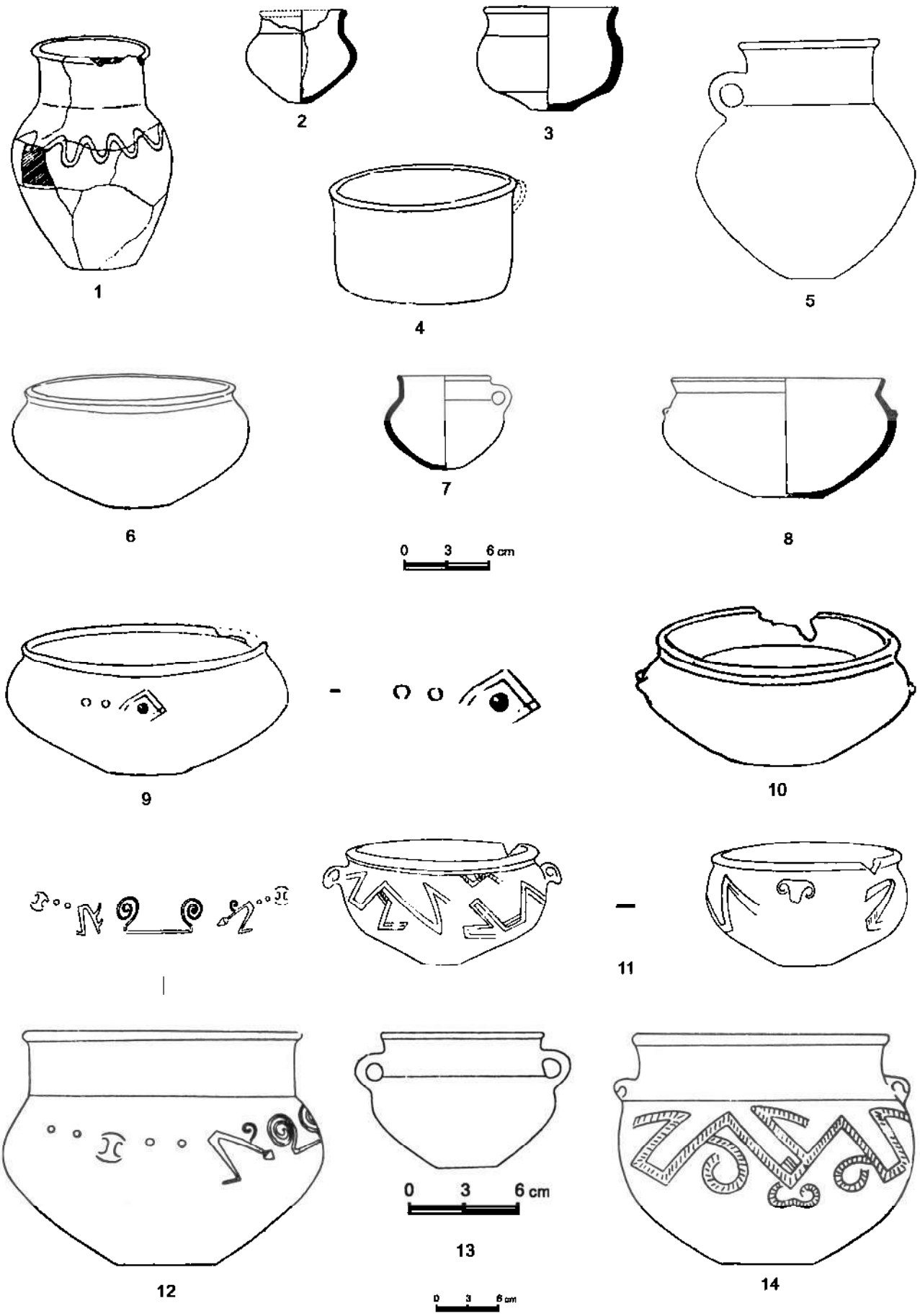


Рис. 3. Керамические сосуды из могильника Кети



Рис. 4. Антропологический материал из могильника Кети

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.
Областной краеведческий музей,
г. Донецк, Украина

УДК 903.21/904

МИФОЛОГЕМА РЫБНОЙ ЛОВЛИ В КУЛЬТУРАХ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

С причала рыбачил апостол Андрей,
А Спаситель ходил по воде.
И Андрей доставал из воды пескарей,
А Спаситель – погибших людей…
И. Кормильцев

Ключевые слова: рыболовные крючки, погребение, клад, фольклор, рыбная ловля, магическое средство.
Keywords: fishhooks, burial, treasure, folklore, fishing, magic means.
Түйінді сөздер: балық аулайтын қармақтар, қабір, қазына, фольклор, балық аулау, сиқырлы құрал.

В погребениях и поселенческих культовых комплексах эпохи бронзы культур Евразии нередко встречаются артефакты, являющиеся компонентами рыболовных снастей – крючки, наконечники гарпунов, грузила от сетей. При этом зачастую данные комплексы относятся к социумам, в экономике которых, судя по результатам археозоологических исследований, рыбная ловля играла минимальную роль. Отсюда правомерен вывод, что интересующие нас вещи не обязательно связаны с рыболовной обрядностью. Их семантика может лежать в совершенно иной плоскости. В одной из своих предшествующих работ, рассматривая захоронения с гарпунами, мы предположили, что нередко данные изделия помещались в могилы лиц, имевших отношение к отправлению обрядовой функции. Анализ состава содержавших гарпуны «текстов» позволил нам сделать вывод, что эти орудия в реальной жизни использовались отнюдь не только по своему прямому назначению. Подчас они становились атрибутами обрядов, в том числе направленных на обеспечение благополучия и, вероятно, поддержания миропорядка (Подобед и др., 2016, с. 265). Продолжая поиск в данном направлении, рассмотрим комплексы с рыболовными крючками. Следует сразу уточнить, что, составляя их сводку, мы учитывали лишь те комплексы, где находились крючки с бородкой. Хотя в древности, как и сейчас, для рыбной ловли использовались и крючки без бородки (Эверстов, 1988, с. 93; Пряхин, 1996, с. 51; Jugănaru, 2005, p. 69; Кирьянов и др., 2007, с. 27; и др.)[1], мы сочли необходимым абстрагироваться от подобных изделий, поскольку в случаях с ними никогда нельзя сказать наверняка (особенно при находке фрагментированной вещи) служил ли крючок для рыбалки или, например, предназначался для подвешивания каких-нибудь предметов, а возможно был из разряда крючьев-скоб (ср. Pare, 1999, p. 449, 450, fig. 20, 1, 2; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 40; Джумабекова, Базарбаева, 2013, с. 23; Папин и др., 2017, рис. 2, 8; и др.).

Комплексы, в контексте которых выявлены рыболовные крючки, известны во многих культурных образованиях. Для бронзового века Средиземноморья (с многочисленными аналогиями вплоть до Швейцарии) отметим недавно вышедшее обстоятельное исследование, посвященное медным и бронзовым рыболовным крючкам (Jung und and., 2016). Мы же прежде всего обратим внимание на довольно репрезентативные материалы синташтинской культуры (Шарапов, Корляков, 2016, с. 63, 64).

В п. 12 могильника **Синташта (СМ)**, Челябинская обл., РФ, где умерший мужчина был, вероятно, положен в кузов колесницы, обнаружены крупный бронзовый рыболовный крючок без петельки (длина – 9,3 см) [Генинг и др., 1992, с. 165; рис. 79, 14], а также бронзовый и костяной бородчатые наконечники гарпунов (Генинг и др., 1992, с. 165; рис. 79, 11, 15). Другие изделия из могилы представлены 2 псалиями, наконечниками стрел из кремня и кости, металлическими пластинками, гвоздем и т.д. Погребение сопровождали жертвоприношения животных, что фиксируют размещавшиеся на разных уровнях костяки четырех коней, череп и кости ног барана, а также другие археозоологические остатки. На перекрытии могил стояли 2 сосуда (Генинг и др., 1992, с. 162-167).

В этом же могильнике в разрушенном п. 35 (парном? – в яме находились 2 человеческих черепа) был выявлен «медный» рыболовный крючок с петелькой (высота – 3,3 см) (Генинг и др.,

1992, с. 223; рис. 122, 4). Другие изделия из могилы представлены фрагментами сосудов, металлическими шилом, иглой, скобками, пластинкой со стерженьками, пастовыми бусами, 2 клыками животных, костяными пластинкой и «граненой заготовкой для рукояти ножа». В яме находились также кости жертвенных животных (Генинг и др., 1992, с. 223).

В п. 39 данного могильника, где были захоронены взрослый и подросток (женщина?), близ костяка первого лежали 2 металлических крючка. Один из них имеет петельку (высота изделия – 9,8 см). У второго петелька отсутствует (высота – 4,0 см) (Генинг и др., 1992, с. 230; рис. 126, 16, 17). Взрослого сопровождали также бронзовые нож, тесло и астрагалы барана. Возле второго костяка находились каменная булава, бронзовые топор и нож, каменная подвеска, «медные» перстни. Часть бывших в могиле предметов не тяготела к конкретным погребенным – сосуд, псалии, кремневые наконечники стрел, каменные пест и плита, металлические гвоздики. Захоронению сопутствовали жертвоприношения животных, которые представлены костяком собаки и пр. (Генинг и др., 1992, с. 228-234).

В тройном п. 1 из могильника **Синташта (CI)** в юго-западном углу находилось скопление артефактов, не тяготевшее ни к одному из умерших. Оно включало бронзовые рыболовный крючок без петельки, но с утолщенной головкой (высота – 3,2 см) (Генинг и др., 1992, с. 256; рис. 140, 6), заклепки, иглу, обломок стержня, 3 каменных песта, 2 плиты, камень неопределенного назначения и 2 кусочка медной руды. В других местах могилы выявлены сосуды, бронзовые тесло, ножи, шило, астрагалы барана, кусочки шлака и другие артефакты. На перекрытии ямы размещались кости жертвенных животных (Генинг и др., 1992, с. 252-256).

В разрушенном п. 14 данного могильника (кости погребенных находились в заполнении) были выявлены 2 бронзовых крючка с петельками (высота – 8,0 и 4,2 см) (Генинг и др., 1992, с. 267; рис. 148, 2, 3). Другой инвентарь – сосуды, 2 песта и 3 каменные плиты, 2 псалия, бронзовые ножи, серп, 3 тесла, перстень, 2 шила, скобы, кремневые наконечники стрел, пастовые бусы, каменное «навершие» и т.д. В могиле находились также кости животных (Генинг и др., 1992, с. 266-268).

В синташтинском п. из **Солнца II**, 11/1, Челябинская обл., «ограбленном» в древности, находились 2 бронзовых рыболовных крючка (оба – с петельками; высота – 10,0 см и 3,0 см) (Епимахов, 1996, рис. 12, 12, 13). В могиле выявлены также сосуд, «скопления астрагалов и плюсневых костей крупного рогатого скота и лошади(?)», еще одно скопление «альчиков», роговой предмет («окончание кибити сложного лука»). На дне ямы находились черепа крупного рогатого скота (далее – КРС) и мелкого рогатого скота (далее – МРС), а близ них – хвостовой позвонок и кости крыла гуся (Епимахов, 1996, с. 32-33).

В захоронении этой же культуры из **Каменного Амбара-5**, 2/5, Челябинская обл., также подвергшемся «ограблению», обнаружен бронзовый крючок с петелькой (высота – 5,5 см) (Епимахов, 2005, илл. 20, 12). В могиле находились потревоженные останки 8 человек, в т.ч. 0,5-1,5, около 3, 10-11, 10-12, 10-14, 14-18, 15-19 и 17-22 лет. Их сопровождали, помимо интересующего нас артефакта, и другие вещи – керамические сосуды, бронзовые наконечник копья, тесло, шило, фрагмент пластинчатого орудия, спиралевидная обмотка рукояти плети(?), колечко, роговые псалии, пест, 2 терочника, 3 кремневых наконечника стрел, фаланга КРС с бронзовой скобкой, а также компактное скопление из 147 астрагалов овцы, сайгака, косули, КРС и кабана. Добавим, что на уровне перекрытия могилы и в «грабительском» вкопе обнаружены почти полный скелет жеребенка, черепа, хвостовые позвонки и кости конечностей взрослых лошадей, черепа и кости конечностей овец, кость гуся, а на дне ямы – череп КРС (Епимахов, 2005, с. 20, 23, 26-28). К кому из погребенных тяготел крючок, и с какими другими вещами он образовывал «текст», не ясно (на плане погребения крючок не обозначен (Епимахов, 2005, илл. 18), и сказано лишь то, что он находился в «юго-восточной половине дна ямы» (Епимахов, 2005, с. 26).

В парном синташтинском погребении из **Танабергена II**, 7/15, Актюбинская обл., РК близ одного из костяков (мужчина 30-45 лет) лежал бронзовый рыболовный крючок с петелькой (высота – 11,0 см) (Ткачев, 2007, с. 19; рис. 3, 6). Возле него находилось каменное изделие (абразив или наковаленка). К данному костяку тяготели также 10 кремневых наконечников стрел, бронзовый нож и оселок. Второй костяк (женщина 25-30 лет) сопровождался фрагментом бронзовой иглы и украшениями (Ткачев, 2007, с. 19).

В погребении 20 данного кургана близ костяка (молодая женщина?) находился сосуд, вокруг которого были уложены бронзовый рыболовный крючок с петелькой (высота – 3,0 см) (Ткачев, 2007, с. 25; рис. 7, 20), астрагалы овцы, 3 плоских камешка и фрагмент бронзового шила с деревянной рукоятью. Другой инвентарь – сосуды, украшения, обломок пластинчатого бронзового изделия, 2 ножа, шило, пест и кусочек черной смолы (Ткачев, 2007, с 25).

Подчеркнуто неординарным является относящееся к петровской культуре п. 88 могильника **Степное VII**, Челябинская обл., где был обнаружен бронзовый крючок с петелькой, на которой имеются следы смолы (высота – 5,8 см) (Куприянова, Зданович, 2015, с. 113-114; рис. 116, 18). Могилу окружал ровик. В нем находились остатки жертвоприношений животных, в т.ч. 2 костяка лошадей. Захоронение было «ограблено». В заполнении ямы выявлены человеческие кости, но авторы публикации не уточняют, скольким умершим какого возраста они принадлежали (Куприянова, Зданович, 2015, с. 106-108, 111-112). Крючок локализовался в южном углу погребальной камеры (здесь in situ сохранилась большая серия артефактов). Он лежал под скоплением астрагалов мелких копытных (более 340, в т.ч. со следами обработки – сточенными боковыми сторонами, просверленными отверстиями, нарезками). Центральная часть скопления была посыпана охрой. Рядом с таранными костями размещалась каменная плитка, на которой, похоже, растирали эту охру. Сверху на астрагалах стоял сосуд. Подле скопления находились еще 2 сосуда (в одном из них был каменный наконечник стрелы) и 2 подвески из клыков хищника. Восточнее описанного комплекса вещей лежали «бабка» КРС и отбойник (Куприянова, Зданович, 2015, с. 113). В могиле обнаружены и другие артефакты – украшения из бронзы и камня, каменные орудия, полупрозрачная кварцитовая галька и т.д. (Куприянова, Зданович, 2015, с. 112-114).

Рыболовные крючки играли определенную роль и в погребальном обряде срубной культуры. В срубном кургане из **Сухой Гомольши**, Харьковская обл., Украина в ямке размещались бронзовый рыболовный крючок высотой 11 см с петелькой и бородкой (Буйнов, Михеев, 1989, рис. 3, 14), сосуд и кости животных (Буйнов, Михеев, 1989, с. 93). Подчеркнем, что в данном кургане выявлено 15 захоронений срубной культуры и серия отдельно стоявших сосудов[2] (Буйнов, Михеев, 1989, с. 90), но рассматриваемый комплекс не тяготел ни к одному из погребений.

В погребении срубной культуры из **Соколов**, 1/1, Крым, Украина выявлен бронзовый рыболовный крючок без петельки (высота – 3,5 см) (Колотухин, 2003, рис. 7, 10). Другой инвентарь представлен сосудом и бронзовым ножом (Колотухин, 2003, рис. 7, 9, 10).

Крючок с петелькой и бородкой был обнаружен в захоронении маклашеевской культуры из кургана 4 могильника **Луговое**, Татарстан, РФ близ костяка взрослого. Другой инвентарь в могиле отсутствовал (Халиков, 1980, табл. 10).

Рыболовные крючки порой встречаются и в кладах[3]. Так, в кладе уральской абашевской культуры из **Верхне-Кизыльского**, Челябинская обл. находился крупный крючок с бородкой, но без петельки (Сальников, 1952, рис. 22, 3; 1967, рис. 6, 10). С ним коррелировались наконечник копья, серпы, ножи, долото, тесло, браслеты, височная подвеска и бляшки (Сальников, 1952, с. 53; 1967, рис. 6, 1-9, 11-15).

В кладе из **Лобойковки**, Днепропетровская обл., Украина присутствовали 5 бронзовых крючков с петельками и бородками (высота – 5-8 см) и еще 3 аналогичных крючка с повреждениями (у одного отломано жало, у другого – головка, третий поврежден с двух сторон) (Клочко, 1998, с. 232, рис. 12, рис. 12, 24-31). Другие изделия из клада – серпы, кельты, ножи, наконечники стрел, фрагмент наконечника копья, долота, тесла, втульчатые крюки, шилья, иглы, бритва, оковки от деревянных сосудов, кольцо, подвеска и каменный абразив (Клочко, 1998, с. 227, 232; Отрощенко, 2015). Клад, скорее всего, был депонирован носителями срубной культуры.

Бронзовые рыболовные крючки известны нам и в 3-х кладах, вероятно, относящихся к культуре Ноа. В кладе из **Баху**, Молдова присутствовал крючок с петелькой (высота – 8,0 см) (Дергачев 2012, с. 159; илл. III, 1). В состав клада входили также бронзовые серпы, кельты, долота, тесло, острия неопределенных предметов, браслеты, бляшка, 5 кусков зашлакованного металла и каменный пест (Дергачев 2012, с. 156-160).

В кладе из **Cetatea de Baltă**, Румыния находились 3 крючка – 2 с петелькой (высота 6,1 и 7,0 см) и со слегка отогнутой головкой (высота 8,6 см) (Petrescu-Dimboviţa, 1977, pl. 127, 12, 13; Botond, 2009, p. 47). Другие вещи из клада – кельты, серпы, долото, браслет, куски бронзы и т.д. (Petrescu-Dimboviţa, 1977, p. 88; pl. 127, 5-11, 14-16a; Botond, 2009, pl. 2-4).

В кладе из **Galoşpetreu**, Румыния был крючок с петелькой. Высота его – около 7,5 см (Petrescu-Dimboviţa, 1977, pl. 145, 10). Клад включал также наконечника копий, кинжалы, боевой топор, кельты, серпы, браслеты и другие артефакты (Petrescu-Dimboviţa, 1977, p. 94-95; pl. 144, 13-6; 145, 1-9, 11-13; 146).

Обратим внимание на клад из **Яргорова**, Тернопольская обл., Украина, относящийся к голиградской культуре (по Н.С. Бандривскому), где массивный крючок высотой 9 см с петелькой (Бандрівський, 2014, рис. 55-б) находился в глиняном сосуде вместе с 24 серпами, 6 браслетами, фибулами, ножами и украшениями (Бандрівський, 2014, с. 495).

Нелишне упомянуть и клад из **Valsømagle**, Дания (период NBA IB). Здесь присутствовал крючок без петельки (Metzner-Nebelsick, 2013, Abb. 4-c, 8) (рисунок дан без масштаба). Он коррелировался с наконечниками копья и дротика, топором, теслом и некоторыми другими изделиями (Metzner-Nebelsick, 2013, Abb. 4-c, 1-7).

Из **Valsømagle** известен еще один клад периода NBA IB, где найден практически такой же крючок, как в первом кладе, но среди иных вещей присутствовал наконечник копья с изображениями рыб (Vandkilde, 2014a, Fig. 7A; 2014б, p. 621, 622)[4].

Три массивных крючка с петельками присутствуют в кладе из **Futoga**, Воеводина, Сербия (Borić, 1997, T. VI, 87-89), датируемого периодом Ha A1 (Borić, 1997, s. 71; Perkić, Ložnjak Dizdar, 2005, s. 51). Высота их от 3,8 до 4,2 см (Borić, 1997, s. 48). Помимо крючков, в кладе присутствует более трех сотен вещей: обломки мечей, наконечники копий, кельты, серпы и их обломки, долота, ножи, фрагменты обкладки пояса, украшения, кольца, гривны, булавки, браслеты, возможно, гарпун и прочее (Borić, 1997, s. 43-59; Jung und and., 2016, s. 191).

Два интересных клада обнаружены на укрепленном поселении позднебронзового века **Telkibánya-Cser-hegy** в горах Северо-Восточной Венгрии (Szabó, 2016a, ol. 176-180).

Клад 1, в котором были 4 крупных бронзовых крючка, содержал так же браслет, кельты, обломок копья и прочее. Прослежено, что клад был обернут в грубую ткань (Szabó, 2016a, ol. 176).

Клад 2 состоял только из 7 бронзовых крючков длиной от 9,8 до 11,8 см (Szabó, 2016a, ol. 176-180; 2016б, s. 176, Abb. 12). Автор предполагает, что крючки из этого клада сделаны одним мастером (Szabó, 2016a, ol. 176) и, скорее всего, не использовались (или использовались минимально) (Szabó, 2016a, ol. 177). Кроме того, такие крупные крючки, как найденные в кладах 1 и 2, применялись для ловли сомов массой от 50 до 100 кг, а водоёмы, в которых могли водиться такие сомы, отстоят от поселения минимум на 25-30 км (Szabó, 2016a, ol. 177, 183). Автор вполне справедливо предполагает, что крючки в кладе 2 и, скорее всего, и в кладе 1 – специально захоронены в качестве дара во время какой-то церемонии (Szabó, 2016a, ol. 182, 183).

Итак, рыболовные крючки попадали в захоронения и клады. Любопытно, что в поселенческой обрядности они, похоже, не использовались. Так, нами учтено 1739 поселенческих культовых комплексов эпохи бронзы и начала раннего железа с территории юга Восточной Европы, Урала, Центральной Азии и Западной Сибири. Ни в одном из них не присутствовали бесспорные рыболовные крючки[5]. Что касается захоронений, то почти все комплексы, где рассматриваемые артефакты являлись погребальным инвентарем, социально неординарны. К сожалению, значительная часть их разрушена, а потому реконструировать состав «текстов», в которые попадали крючки, можно лишь в единичных случаях. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что интересующие нас изделия подчас коррелировались с предметами, которые широко использовались в обрядовых манипуляциях. Таковыми являлись, в частности, астрагалы (см., например: Подобед и др., 2014; Цимиданов, 2015), песты (Подобед и др., 2015), гальки (Цимиданов, 2014). Отсюда правомерно допущение, что рыболовные крючки клались в могилы носителей обрядовой функции. Вхождение крючков в один «текст» с бронзовым теслом не менее любопытно. Ранее мы уже высказали предположение, что тесла и другие орудия деревообработки в синташтинских захоронениях маркировали «демиургов» – носителей власти, которые, по представлениям их «подданных», обладали большой магической силой (Подобед и др., 2013, с. 474-475; ср.: Авилова, 2008, с. 171-178). Добавим, что корреляцию крючков и тесел демонстрируют и некоторые клады (Верхнекизильский, Лобойковский, комплексы из Баху и Valsømagle). На наш взгляд, это не является случайным. Весьма показательно сочетание в кладах крючков с бронзовыми серпами (ср. Подобед и др., 2011, с. 294-296, 302; Jahn, 2013, s. 227-252).

Нелишне добавить, что корреляция рыболовных крючков с социально неординарными погребениями находит параллель в Гальштатте (Hansen, 2013, p. 241, 242, fig. 3). Здесь данные артефакты (в известных нам случаях от 2 до 3-х экз.) нередко представлены в элитных воинских захоронениях (см., к примеру, п. 24/1907 из Гальштаттского могильника (Dörrer, 2003, s. 56-58, 68, Abb. 1, 7-9) или частично разрушенное в 1964 г. карьером п. 7 могильника Barbuise-Courtavant, «Les Greves» (Pare, 1999, p. 441-442)). Сошлемся и на «княжеское» погребение из Eberdingen-Hochdorf, Германия (о хронологической позиции комплекса см.: Hansen, 2013, p. 239-240). В состав погребального инвентаря, помимо прочих весьма разнообразных артефактов, входили 3 железных крючка с остатками лески, сплетенной из конского волоса(?). Они помещались в сумке, находившейся на груди умершего. По мнению автора публикации, присутствие рыболовных крючков в «богатых» гальштаттских захоронениях связано с тем, что рыбалка являлась «любимым хобби и

увлечением» представителей социальной верхушки (Hansen, 2013, p. 240-241). Однако, исследователь привел два факта, заставившие нас счесть его интерпретацию несколько упрощенной:

1. Рыболовные крючки представлены в гальштаттских святилищах (Hansen, 2013, p. 241);

2. На бронзовой поясной пластине из Novo mesto (Новое Место), Словения изображены два персонажа, ловящие рыбу сетью (Hansen, 2013, p. 241, 242, fig. 4).

Первый факт свидетельствует о том, что в гальштаттскую эпоху рыболовные крючки не только использовались по своему прямому назначению, но и являлись обрядовыми атрибутами, с помощью которых люди пытались контактировать с высшими силами. Второй факт, учитывая высокий семиотический статус поясной гарнитуры в субкультуре «гальштаттского» воинства, позволяет допускать, что на последней изображена не бытовая сцена, а какой-то мифологический сюжет.

Нахождение рыболовных крючков в захоронениях эпохи бронзы может быть интерпретировано с помощью фольклорных текстов, где присутствует мотив рыбной ловли, приводящей к чудесным последствиям. Этот мотив в фольклоре весьма расхож. Так, в персидской сказке рыбак, вытащив сеть, обнаружил в ней кувшин. Сидевший в сосуде джинн в дальнейшем помогал герою (Персидские .., 1987, с. 81 и след.). В систанской сказке пойманный на удочку, а затем отпущенный на волю кит оказывается заколдованным юношей. В знак благодарности он берет освободителя под свое покровительство (Сказки.., 1981, с. 16-24). В индийской сказке рыба, попавшая в сеть, выполняет любые желания рыбака (Сказки народов.., 1987, с. 21-23). Нечто аналогичное можно видеть и в русской сказке «По щучьему велению», но тут герой ловит рыбу руками (Русские сказки, 1970, с. 157-164). Подобные сказки есть у белуджей (Сказки, басни .., 1989, с. 40-45) и курдов (Курдские сказки.., 1989, с. 257-263). В белорусской сказке старик выловил шесть рыб. Как выяснилось, это были заколдованные царевны. Избавившись от заклятья, они одарили рыбака – превратили его лачугу во дворец (Сравнительный указатель.., 1979, с. 131). В украинской сказке рыба, пойманная на удочку, приносит рыбаку богатство (Чарівна квітка, 1986, с. 70). Подобный сюжет есть и в белорусском фольклоре (Сравнительный указатель.., 1979, с. 131), в русской былине о Садко (Русский фольклор, 1986, с. 241). В Витебской губернии было поверье, что увидеть во сне белую рыбу – к деньгам, к получению серебра. Если же снится «темная» рыба (окунь, щука, налим и пр.), то деньги тоже будут, но незначительная сумма (Никифоровский, 1898, с. 134). В сказке казаков-некрасовцев пойманная рыба становится «счастьем» рыбака. Благодаря ей тот не только разбогател, но и женился на царской дочери (Сравнительный указатель.., 1979, с. 144-145). Добавим, что весьма распространенным является мотив обнаружения в желудке пойманной рыбы драгоценного камня (Сравнительный указатель.., 1979, с. 184).

С рыбной ловлей связан еще один блок представлений. В фольклоре рыбалка нередко ассоциируется со свадьбой (Бернштам, 2011, с. 135), сексом (Бернштам, 2011, с. 136, 137, 145-147). В русских обрядовых диалогах, имевших место в ходе свадьбы, порой звучал призыв «выудить» «суженую-ряженую» со дна «моря-океана» (Шаповалова, 1978, с. 114)[6]. Вдобавок в сказках широко распространен мотив чудесного зачатия женщины, отведавшей рыбы (Новиков, 1974, с. 53; Бернштам, 2011, с. 137-140, 145, 147; и др.). Попутно стоит отметить, что связь рыбы с женским плодородием зафиксирована и этнографами. Так, у казахов существовала примета: «Если во сне явится рыба, значит, будут дети» (Тахтабаева, 1991, с. 99). У белорусов ловить во сне рыбу – забеременеть (Ляцкий, 1898, с. 148). Здесь стоит вспомнить, что на упоминавшейся выше пластине из Novo mesto оба «рыбака» обнажены, причем мастер подчеркнул наличие у них мужских половых органов. Вероятно, в данном случае мы также сталкиваемся с представлениями о связи рыбной ловли с плодородием.

Не исключено, что рыбная ловля использовалась и в качестве способа магического воздействия на здоровье людей. Во всяком случае, одним из самых почитаемых на Урале святых был Симеон Верхотурский Чудотворец. Он при жизни занимался рыболовством, а потому на иконах нередко изображался с удочкой. Люди молились святому, чтобы он послал удачу и исцеление (Кирьянов и др., 2007, с. 137).

Если суммировать все эти факты, можно увидеть знаковую связь рыбной ловли с представлениями о помощи высших сил, плодородии, здоровье и материальном благополучии. Очевидно, рыбалка издревле рассматривалась как магическое средство снискать все это. Существуют также сюжеты, содержащие мотив извлечения из водной глуби различных ценностей как материального, так и духовного плана. Вера в то, что это возможно, отразилась в русской сказке о Шише (Русские сказки, 1970, с. 197) и фольклорных произведениях русских и германцев, повествующих о кладах, спрятанных на дне рек, озер, заливов и т.д. (Криничная, 1977, с. 108).

Например, согласно украинскому преданию, просветитель Кирилл достал со дна моря мощи святого Климента и принес их славянам (Сумцов, 1886, с. 10). Уместно вспомнить и одну из версий древнегреческого мифа об Орфее, когда после убийства и растерзания Певца вакханками, на Фракию обрушились различные напасти, в т.ч. голод. Бедствия прекратились лишь после того, как была захоронена голова Орфея, найденная неким рыбаком в устье реки Мелет (Пенкова, Конова, 2013, с. 17). В данном повествовании рыбак по сути способствует упорядочиванию мира, пришедшего в состояние хаоса. Не исключено, что сюжеты о мощах святого Климента и голове Орфея порождены все той же верой в чудесные возможности рыбной ловли.

Вспомним теперь, что рыболовные принадлежности порой оказываются в захоронениях людей, имевших отношение к властной и/или ритуальной функции, в т.ч. «демиургов», призванных обеспечивать благополучие социума. Отсюда правомерно следующее предположение: от покойников, кладя в их могилы рыболовные крючки, ожидали, что те будут в царстве мертвых «ловить» для живых различные блага. Естественно, к захоронениям с рассматриваемыми артефактами следует относиться дифференцировано. В части случаев, особенно, когда комплексы ординарны в социальном плане, семантика орудий рыбной ловли, вероятно, была более простой: они выступали лишь как приспособления для рыбалки в ее утилитарном виде.

Примечания к тексту:

[1] – См., к примеру, образцы, представленные в некоторых кладах эпохи поздней бронзы на территории Жетысу и именуемые авторами «крючками» (Джумабекова, Базарбаева, 2013, с. 23), а также предмет из «клада» Tel Jatt (Израиль), датируемого второй пол. XI-началом X вв. до н.э. (Artzy, 2006, p. 43, 44, fig. 2.11. 5). Обратим внимание, что иногда фрагментированные изделия без сомнения называют рыболовными крючками (Pare, 1999, p. 442, 449; Горбенко, 2016, с. 24; и др.).

[2] – Часть из них могут быть остатками детских захоронений, где костяки истлели, другие же, вероятно, связаны с так называемыми «тризнами».

[3] – Одной из причин депонирования определенных наборов бронзовых вещей, именуемых «кладами», может быть включение их в некие неизвестные нам культовые действия. Это не противоречит идеям С. Хансена (Hansen, 1994, s. 371-396; Хансен, 2013) и других исследователей (Бочкарев, 2010, с. 161-164; Иванова, 2011, с. 62-66; Подобед и др., 2011, с. 302-303; Хэнзель, 2013, с. 235; Бандрівський, 2014, с. 177-185), видевших в подобных локусах приношения богам.

[4] – Наблюдения Х. Вандкилде о семантике ихтиофауны и рыболовного крючка в погребальной обрядности и модели мира европейского воинства эпохи бронзы (Vandkilde, 2014a, p. 62; 2014б, p. 621), как представляется, во многом соответствуют изложенным нами в этой работе. Обратим внимание и на то, что Х. Вандкилде дает информацию по погребению периода NBA IB из **Strantved** (Дания), где фрагментированный рыболовный крючок с бородкой найден с мечом, теслами и прочими металлическими предметами (Vandkilde, 2014б, Fig. 4, right).

[5] – Ситуация с крючками в кладах поселения Telkibánya-Cser-hegy, находка крючков на поселенческих памятниках Средиземноморья (Jung und and., 2016, s. 182, 184-186), поселенческие комплексы с рыболовными крючками конца эпохи бронзы и гальштаттского периода (Hansen, 2013, p. 241, 242, fig. 3) усложняют картину. Очевидно, в западноевропейском ареале и южнее – в Средиземноморье, в бронзовом веке крючки встречаются в интересующих нас контекстах.

[6] – В середине XIX в. во время свадьбы в Вологодской губернии дружок разреза́л большой пряник и середину его с изображением рыбы отдавал новобрачным, которые делили этот кусок пополам и съедали. Остальные части пряника раздавали всем за столом и каждый, поклонившись новобрачным, выпивал стакан вина, закусывая доставшимся куском пряника (Куклин, 1900, с. 104).

Литература:

Авилова Л.И. Приложение 2. Божественный плотник // Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли, 2008. – С. 168-178.

Бандрівський М. Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи - на початку доби раннього заліза. – Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. – 574 с.

Бернштам Т.А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – 372 с.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: «Инфо Ол», 2010. – 231 с.

Буйнов Ю.В., Михеев В.К. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине // Вестник ХГУ. № 343. – Вып. 23. История. – Харьков: изд-во при ХГУ, 1989. – С. 87-95.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1992. – 408 с.

Горбенко К. Основные аспекты материальной культуры городища Дикий Сад // Eμiναko: науковий щоквартальник. – № 4 (16) (жовтень-грудень). Спецвипуск: Forum Olbicum I. Пам'яті В.В. Крапівіної. – К., Миколаїв, 2016. – С. 19-32.

Дергачев В. Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова // Revista Arheologică. Serie nouă. – Vol. VIII, nr. 1-2. – Chişinău, 2012. – С. 154-160.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы, 2013. – 120 с.

Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 1996. – С. 22-42.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн. 1. – Челябинск, 2005. – 192 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 197 с.

Иванова С.В. Клады бронзового века: функции артефактов и семиотика дискурса // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 12. – Одесса, 2011. – С. 62-85.

Кирьянов И.К., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. – Пермь: Книжный мир, 2007. – 168 с.

Клочко В.І. «Лобойківська металургія» (до проблеми східного кордону Східнотшинецької культури) // «Trzciniec» – system kulturowy czy interkulturowy process? – Poznan, 1998. – S. 217-237.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. – К.: Стилос, 2003. – 139 с.

Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» // СЭ. – 1977. – № 4. – С. 105-111.

Куклин М. Свадьба у великоруссов (Вологодской губ.) // ЭО. – Кн. XLV. – № 2. – М., 1900. – С. 79-114.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. – Челябинск: Энциклопедия, 2015. – 196 с.

Курдские сказки, легенды и предания. – М.: Наука, 1989. – 624 с.

Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкования. II. Минской губернии // ЭО. – Кн. XXXVI. – № 1. – М., 1898. – С. 139-149.

Никифоровский Н.Я. Материалы для народного снотолкования. I. Витебской губернии // ЭО. – Кн. XXXVI. – № 1. – М., 1898. – С. 133-139.

Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. – Л.: Наука, 1974. – 256 с.

Отрощенко В. Лобойківська металургія та бережнівсько-маївська зрубна культура // Наукові студії: зб. наук. праць. Вип. 8. Давні майстерні та виробництво у Вісло-Дніпровському регіоні. – Винники, Жешів, Львів: Апріорі, 2015. – С. 159-170.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе**.** – Т. I. – Барнаул: Азбука, 2017. – С. 336-340.

Пенкова Е., Конова Л. Древняя Фракия в легендах и образах // Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. – М.: Кучково поле, 2013. – С. 14-21.

Персидские народные сказки. – М.: Наука, 1987. – 504 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Серпы эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии: вопросы семантики // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Мат-лы междунар. научн. конф., посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Т. I. – Алматы, 2011. – С. 286-306.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. // Далалық Еуразияның беғазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2013. – С. 453-484.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. – № 2(10). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 31-56.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. «Песты» и «терочники» в обрядах срубной культуры // Донецький археологічний збірник. – № 19. – Донецьк: ДонНУ, 2015. – С. 58-84.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Гарпуны в погребениях эпохи бронзы Южной Сибири и Южного Урала: некоторые аспекты семантики // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной научной конференции. Т. 1. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 261-269.

Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – 176 с.

Русские сказки. – М.: Художественная литература, 1970. – 384 с.

Русский фольклор. – М.: Художественная литература, 1986. – 368 с.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск: Обл. книж. изд-во, 1952. – 160 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.

Сказки, басни и легенды белуджей. – М.: Наука, 1989. – 221 с.

Сказки и легенды Систана. – М.: Наука, 1981. – 271 с.

Сказки народов мира. – М.: Правда, 1987. – 640 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Л.: Наука, 1979. – 438 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург, 2000. – 106 с.

Сумцов Н.Р. Местные названия в украинской народной словесности. – К., 1886. – 34 с.

Тахтабаева Ш.Ж. Семантика казахских украшений // СЭ. – 1991. – № 1. – С. 90-102.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. – Вып. В1-24. – М.: Наука, 1980. – 129 с.

Хансен С. Клады в Европе эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. – С. 279-289.

Хэнзель А. Значение сокровища из Эберсвальде в культурном контексте эпохи поздней бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: каталог выставки. – СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. – С. 232-236.

Цимиданов В.В. Камень *яда* и некоторые «тексты» культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // «Кадырбаевские чтения – 2014». Материалы IV Международной научной конференции. – Астана: «Мега принт», 2014. – С. 115-122.

Цимиданов В.В. Погребения срубной культуры с астрагалами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы? // Теория и практика археологических исследований. – № 1(11). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. – С. 56-69.

Чарівна квітка. Українські народні казки з-над Дністра. – Ужгород: Карпати, 1986. – 304 с.

Шаповалова Г.Г. Диалог в русском свадебном обряде // СЭ. – 1978. – № 1. – С. 110-117.

Шарапов Д.В., Корляков К.А. Рыба как источник пропитания для синташтинского населения Южного Зауралья (2100-1750 ВС) // Вестник Совета молодых ученых и специалистов. Вып. № 3(14). Т. 1. – Челябинск, 2016. – С. 60-66.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 144 с.

Artzy M. The Jatt Metal Hoard in Northern Canaanite/Phoenician and Cypriote Context / Cuadernos de Arqueologia Mediterranea. Vol. 14. – Barcelona: Edicions Bellaterra, 2006. – 161 p.

Borić D. Ostava kasnog bronzanog doba iz Futoga // Rad muzeja Vojvodine. 39. – Novi Sad, 1997. – S. 41-92.

Botond R. Depozitul de bronzuri de la Cetatea de Baltă (jud. Alba) // Analele Banatului. Serie Noua. Arheologie - Istorie. XVII. Timişoara, 2009. – P. 45-63.

Dörrer O. Das Grab eines nordostalpinen Kreigers in Hallstat. Zur Rolle von Fremdpersonen in der alpinen Salzmetropole // Archaeologia Austriaca. B. 86. – Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2003. – S. 55-81.

Hansen L. Hunting in the Hallstat period – The example of the Eberdingen-Hochdorf «princely grave» // Hunting in northern Europe until 1500 AD. Old traditions and regional developments, continental sources and continental influences / Schriften des Archäologischen ladesmuseums. Ergänzungsreihe. B. 7. – Neumünster: Wachholtz Verlag, 2013. – P. 239-258.

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken. T. l., T. 2 / UPA. Bd. 21. – Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 1994. – 613 s.

Jahn C. Symbolgut Sichel. Studien zur Funktion spätbronzezeitlicher Griffzungensicheln in Depotfunden. T. 1 / UPA. Bd. 236. – Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 2013. – 629 s.

Jugănaru G. Cultura Babadag. I. – Tulcea: Ex Ponto, 2005. – 144 p.

Jung R., Pacciarelli M., Forstenpointner G., Slepecki G., Weissengruber G. E., Galik A. Funde aus dem Müllhaufen der Geschichte im Befestigungsgraben von Punta di Zambrone – Angeln am spätbronzezeitlichen Mittelmeer // Von Baden bis Troia. Ressourcennutzung, Metallurgie und Wissenstransfer / Oriental and European Archaeology. Bd. 3. – Rahden: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2016. – S. 175-206.

Metzner-Nebelsick C. Gedanken zur Frage des kulturellen Wandels in der Zeit um 1600 v. Chr. In Nordwest-Rumänien und Nordost-Ungarn // Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. B. 9. – Halle, 2013. – S. 327-353.

Pare C.F.E. Weights and Weighing in Bronze Age Central Europe // Eliten in der Bronzezeit. Ergebnisse zweier Kolloquien in Mainz und Athen. / Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Monographien. B. 43. T. 2. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1999. – P. 421-514.

Perkić D., Ložnjak Dizdar D. Kasnobrončanodobna ostava Siča/Lučica // Opuscula Archaeologica 29. – Zagreb, 2005. – S. 41-119.

Petrescu-Dimboviţa M. Depozstele de bronzuri din Romania. – Bucureşti: Editura Academiei RSR, 1977. – 390 p.

Szabó G.V. Horgászhorgokat tartalmazó bronzdepó Telkibánya-Cser-hegy erődített településéről // Tisicum – a Jász-Nagykun-Szolnok megyei múzeumok évkönyve XXV. – Szolnok: Damjanich János Múzeum, 2016a. – Ol. 175-184.

Szabó G.V. Hortfunde und Siedlungen. Neue wakten zum Kontext der spätbronzezeitlichen ueponierungen in Ungarn // Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften. – Berlin, 2016б. – S. 165-209.

Vandkilde H. Cultural Perspectives on the Beginnings of the Nordic Bronze Age // Offa 67/68 (2010/11), 2014a. – P. 51-77.

Vandkilde H. Breakthrough of the Nordic Bronze Age: Transcultural Warriorhood and a Carpathian Crossroad in the Sixteenth Century BC // European Journal of Archaeology. 17 (4) 2014б. – P. 602-633.

Резюме

В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Донецк, Краматорск, Украина

Мифологема рыбной ловли в культурах Евразии эпохи бронзы

Статья посвящена комплексам (погребениям, кладам) эпохи поздней бронзы с рыболовными крючками. Учитывая ранее вышедшие исследования по этой теме, авторы сосредоточились на довольно репрезентативных материалах синташтинской, петровской, маклашеевской, срубной, Ноа культур. Рассматривая погребения и клады, в инвентаре которых находились рыболовные крючки, авторы пришли к выводу, что рыболовные принадлежности часто оказываются в захоронениях людей, имевших отношение к властной и/или ритуальной функции. Учитывая этнографические параллели, можно увидеть знаковую связь рыбной ловли с представлениями о помощи высших сил, плодородии, здоровье и материальном благополучии. Очевидно, рыбалка уже в позднем бронзовом веке рассматривалась как магическое средство снискать все это.

Summary

Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V.

Donetsk, Kramatorsk, Ukraine

Mythology of fishing in cultures of the Bronze Age Eurasia

The article considers the Late Bronze Age complexes (burials, treasures) with fishhooks. Taking into account previously published studies on the topic, the authors focused on quite representative findings of Sintashta, Petrovsky, Maklasheevskaya, Timber Grave, Noa cultures. The authors considered burials and treasures were fishhooks had been found and came to conclusion that fishing accessories were often put in burials of people who possessed the power and/or ritual function. Keeping in mind ethnographic parallels, it is possible to see a symbolic connection of fishing with ideas on supreme powers' help, fertility, health and material well-being. Apparently, as long ago as in the Late Bronze Age fishing was already considered as a magical means to obtain all of this.

Потапова А.В.
Институт физико-химических и
биологических проблем почвоведения РАН,
Пущино, Россия

УДК 631.4

ОСОБЕННОСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КСИЗОВО-1 ПО ДАННЫМ ПАЛЕОПОЧВЕННЫЗ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

Түйінді сөздер: мәдени қабат, ескерткіш, қола дәуірі, үңгір мәдениеті.
Ключевые слова: культурный слой, памятник, эпоха бронзы, катакомбная культура.
Keywords: cultural layer, monument, bronze age, catacomb culture.

На современном этапе развития археологической науки нельзя получить целостную картину бытовой и производственной деятельности древнего населения без привлечения методов почвоведения и других естественных наук. Важность такого рода комплексных междисциплинарных исследований особенно возрастает при решении вопросов формирования культурного слоя памятников, реконструкции инфраструктуры поселений и организации пространства на территории археологических памятников и за его пределами.

Культурный слой археологических памятников является результатом поступления в почву материалов антропогенной природы и изменения условий почвообразования. В первую очередь это относится к поселенческим памятникам эпохи бронзы и раннего железного века, а также средневековым селищам. Как правила, присутствие человека вызывает эрозию почв в окрестностях памятника, а на самом памятнике, учитывая, что большинство поселений располагалось не на водоразделах, а в подчиненных элементах рельефа, происходит накопление почвенно-грунтового материала и рост слоя природно-антропогенных напластований. Поэтому, мощность культурного слоя может достигать нескольких метров.

Известно, что в каждом конкретном месте профиль культурного слоя будет сильно отличаться от соседних участков. Поэтому получить наиболее полную информацию о свойствах почв на территории древних поселений можно при анализе образцов из каждого квадратного метра культурного слоя и последующим построении площадных диаграмм.

Оценка содержания фосфора относится к числу наиболее информативных и достоверных методов, используемых в археологической практике. Как известно, фосфаты в культурном слое могут иметь биологическую природу и накапливаться в результате поступления в почву остатков пищи, бытовых отходов, экскрементов и других органических субстратов (“органический” фосфор), либо поступать с золой и костями (“минеральный” фосфор). Определение валового фосфора не позволяет получить представление о его природе и, соответственно, искажает истинную картину жизнедеятельности древнего человека.

Объектом для изучения стратиграфических особенностей культурного слоя послужило поселение среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы Ксизово-1 (Поселение датировано 24-22 вв до н.э.) и, расположенного вблизи южных окраин с. Ксизово Задонского района Липецкой области. Поселение Ксизово занимает край надпойменной террасы левого берега реки Сновы. В процессе раскопок отбирались образцы культурного слоя из каждого квадратного метра на разной глубине. В настоящее время отобрано более 1000 образцов с разных уровней залегания культурного слоя на площади более 270 м^2.

Культурный слой, сложенный серо-бурым суглинком, выявлен под толщей природных отложений на глубине 1,95-2,2 м от современной поверхности. Массовый археологический материал в виде развалов сосудов, скопления фрагментов лепной посуды и костей животных тяготел к нижней части культурного слоя.

В результате анализов образцов из каждого квадратного метра слоя было построены площадные диаграммы распределения органического и минерального фосфора.

Исходя из полученных данных, можно сказать, что горизонт 1, соответствующий первым находками археологического материала, сформирован эрозионными процессами и наносами уже после прекращения функционирования памятника. В горизонте 2, несмотря на то что здесь обнаружен развал сосуда, свойства почвы говорят о довольно слабом антропогенном воздействии.

Предположительно, это последний этап функционирования поселения, когда антропогенная нагрузка была незначительной или эпизодической. Наиболее информативным для почвенно-археологических реконструкций является горизонт 3. В этом слое содержание валового и минерального фосфора, а также магнитной восприимчивости значительно больше, чем в выше- и нижележащем слое.

Высокие значения содержания валового фосфора и. в первую очередь, минеральных форм фосфора объясняются поступлением фосфатов в почву в виде золы, что подтверждается наличием в этом слое ряда прокалов от очагов. В горизонте 4, несмотря на то что этот слой не испытывал антропогенного влияния также присутствует археологический материал и фиксируются изменения химических свойств. Таким образом, несмотря на то, что период функционирования поселения был непродолжительным, и совпал по времени с периодом образования слоя 3, след антропогенного периода эволюции почв отразился в подстилающих слоях почвы и в вышележащих отложениях.

Литература:

Практикум по агрохимии: Учеб. пособие. - 2-е изд., перераб. и доп./ Под ред. академика РАСХН В.Г.Минеева. - М.: Изд-во МГУ, 2001.- 689 с. - ISBN 5-211-04265-4

Борисов А.В., Бухонов А.В., Гак Е.И., Плеханова Л.Н. Инфраструктура катакомбного поселения Рыкань-3 в свете междисциплинарных исследований // Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции, Саратов: Изд-во Типография ИП Беглакова, 2013. – С. 66-74

Веллесте П., 1952. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // кратние сообщю Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып.42. С.135-140.

Резюме

После прекращения функционирования памятника рост культурного слоя может продолжаться за счет тех же эрозионных процессов, но в меньшей степени. Известно, что в каждом конкретном месте профиль культурного слоя будет сильно отличаться от соседних участков. Поэтому возникает вопрос оценки свойств почв на разных уровнях культурного слоя и выделения наиболее информативного уровня, свойства которого в наибольшей степени отражали бы период существования памятника. В объекте изучения стратиграфических особенностей культурного слоя среднедонской катакомбной культуры эпохи средней бронзы Ксизово-1 мощность культурного слоя достигала около 40 сантиметров. Полученные наблюдения позволяют сделать следующие выводы, что период функционирования поселения был непродолжительным, и совпал по времени с периодом образования слоя 3, след антропогенного периода эволюции почв отразился в подстилающих слоях почвы и в вышележащих отложениях.

Summary

After the monument ceases to function, the growth of the cultural layer can continue due to the same erosion processes, but to a lesser extent. It is known that in each specific place the profile of the cultural layer will be very different from neighboring sites. Therefore, the question arises of assessing the properties of soils at different levels of the cultural layer and highlighting the most informative level, the properties of which reflect the period of the monument's existence to the greatest degree. In the object of studying the stratigraphic features of the cultural layer of the Middle Don catacomb culture of the middle bronze age of the Ksizovo-1, the thickness of the cultural layer reached about 40 centimeters. The obtained observations make it possible to draw the following conclusions that the period of functioning of the settlement was short and coincided with the period of formation of layer 3, the anthropogenic evolutionary period of the soil reflected in the underlying layers of the soil and in the overlying sediments.

Сакенов С.К.
Евразийский национальный
университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан

НОВЫЙ ТИП ЖИЛИЩА НА ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II

Түйінді сөздер: Қола дәуір, тұрғын үй, сәулет, археологиялық мәдениет, қыш ыдыс
Keywords: Bronze Age, dwellings, architecture, archaeological culture, ceramics

Одним из непрерывно исследуемых археологических памятников Казахстана является поселение эпохи бронзы Шагалалы II. Поселение расположено на правом берегу реки Чаглинки в пределах Кокшетауской возвышенности. Оно находится в окрестностях современного села Кеноткель Зерендинского района Акмолинской области. Исследование поселенческих объектов является перспективным и приоритетным в археологических полевых работах НИИ археологии им. К.А. Акишева. Начиная с 2010 года, археологические работы на территории поселения Шагалалы II были сосредоточены на изучении хозяйственно-жилых сооружений в центральной части. За семь полевых сезонов на территории поселения уже исследовано 5 жилищ, а также внимание было уделено межжилищному пространству (Сакенов, 2017, С.550-556). Как показали некоторые итоги работ, расположение домов было линейным, параллельным берегу реки. Дома строились в ряд по линейной системе, на каждой улице приблизительно располагалось от 3 до 10 жилищ. Поселение является многослойным: для раннего строительного горизонта были характерны жилища полуземлянки столбово-каркасного типа; для среднего строительного горизонта характерны прямоугольные наземные столбово-каркасные жилища. Жилища позднего периода нами подразделяются на два типа. Первый тип жилища состоит из двух комнат круглой формы, соединённых между собой проходом. Этот тип жилища аналогичен тем, которые были открыты и исследованы Оразбаевым А.М. на поселении Чаглинка (Шагалалы) (Оразбаев, 1970, с.129-146). Второй тип это временные жилища прямоугольной формы.

Интересный материал дают раскопки межжилищного пространства. Приведем лишь несколько примеров, раскрывающих некоторые вопросы древней технологии производства керамики, а также межкультурные связи с другими регионами. На территории поселения в межжилищном пространстве была открыта мастерская с так называемым каменным бассейном, который представляет собой специальное сооружение для обработки глины. «Отмученная» глина использовалась для производства станковой керамики (Сакенов, 2015, с.160-168). Другим примером архитектурных особенностей являются пристройки к жилищам, хозяйственные сооружения. Так, например, вокруг жилища №3 были раскопаны хозяйственные помещения, внутри которых выявлены ямы-хранилища. В ямах-хранилищах были обнаружены множество обломков станковой керамики, а также кости мелкого и крупного рогатого скота. В одной из ям-хранилищ найдены фрагменты станковой посуды (хум) и подставка с прочерченными знаками. Аналогичные категории керамики и керамические подставки со знаками мастера встречаются на Алтын-Тепе в слоях времени Намазга V (Массон, 1967, с. 175, 184; рис. 16). Эти материалы дают нам, возможность говорить о следующем: наличии в культурном слое поселений эпохи бронзы двух типов станковой керамики. Первый тип станковой керамики связан со среднеазиатскими гончарными центрами, второй тип станковой керамики, отличающая по качеству керамика, которую производили местные гончары. Выявленные материалы из культурного слоя поселения Шагалалы II дают возможность раскрыть многие вопросы по древней истории Казахстана.

В полевом сезоне 2017 года работы на территории были продолжены, внимание было уделено западной части поселения. Объектом исследования выбрана возвышенность, на поверхности которой было малозаметное скопление камней.

Краткое описание объекта и процесса раскопок. Объект находится в 30 метрах к западу от крайних жилищ, почти на краю поселения. Зафиксировано скопление камней на хорошо задернованной площади у поверхности земли. При внимательном осмотре нам удалось снять план строения. По систематическому расположению выступающих на поверхность земли крайних камней удалось выявить длину и ширину объекта. Размер составил 6,6×3,8 *м*. Ориентировка объекта длиной стороной на северо-восток–юго-запад. Объект возвышался на 0,30 *м*, его окружал оплывший вал шириной 2,5 *м*.

Для полного охвата строения был заложен раскоп, общей площадью 81 кв. м. Раскоп проводился методом сплошного вскрытия с поперечными и продольными бровками. Уже на уровне снятия дернового слоя фиксировались крупные камни. Отчетливо начинает проявляться структура строения, и уже на этом уровне мы прослеживаем разрушение каменной кладки стены. За пределами каменного строения, который мы отмечали как вал, обнаружен слой золы, где было найдено множество фрагментов керамики и остеологический материал. Мощность зольного слоя до 0,60 *м*. На уровне –0,80 *м* полностью выявлена каменная конструкция. В нижней части сохранились два ряда каменной кладки. Длина северо-западной стены составила 5 *м*, она сооружена из ровных плоских крупных камней. Верхняя часть каменной кладки обрушилась во внутреннюю сторону строения. Торцовая юго-западная стена полуовальной формы длиной 3,9 *м*. При раскопках хорошо фиксировалось, что стена целиком была обрушена во внутреннюю часть. Особенность данной стены в том, что в нижней части она была дополнительно укреплена крупными плоскими плитами. Длину юго-восточной стены удалось воссоздать по сохранившейся нижней части каменной кладки. Для нижней кладки подбирались ровные плоские камни прямоугольной формы, камни довольно крупных размеров, что позволило им сохраниться на месте. Выявленная длина составила 6,60 *м*. Археологически зафиксировано, что часть этой стены упала внутрь сооружения, а камни другой половины разбросаны снаружи. Впритык к наружной стороне юго-восточной стены в небольшом углублении расчищена нижняя челюсть лошади. Каменная кладка самой длинной северо-восточной стены плохо сохранилась. Стена реконструируется по сохранившимся в грунте отпечаткам каменной кладки. Общая длина стены составила около 7 метров с учетом стены коридора. Вход был со стороны северо-восточного угла. Длину коридорного входа выявили благодаря остаткам каменной кладки северо-западной стены коридора. Вход выступал на 2,5 *м*, противоположная стена не сохранилась. Каменная кладка сохранившейся стены коридора обрушилась вовнутрь. Ширина входа 1,10 *м* (Рис. 1). Как мы уже отмечали, практически все стены были обрушены во внутреннюю часть помещения. Для дальнейших работ по реконструкции данного объекта, мы тщательно посчитали количество камней упавшей кладки каменных стен и разбросанные снаружи камни (1). После этого приступили к более детальной расчистке внутренней части помещения. Расчистка внутренней части помещения велась по следующей методике. Начиная от входа, мы расчистили до уровня пола. Пол хорошо натоптан, поэтому от него без усилий оделялся рыхлый зольный грунт. По полу нам удалось найти границы помещения до северо-восточной стены. Около юго-восточного угла найдены следы очага. Очаг выложен камнями, слой сажи был не только внутри очага, но и вокруг него. Мощность слоя сажи 0,05 *м*. Слой сажи вперемешку с полуобгоревшими костями мелкого рогатого скота. После очистки сажи, хорошо прослеживается прокаленная земля. Вокруг и внутри очага найдены фрагменты керамики. Фрагменты керамики толстостенные, без орнамента, лощенные, серого цвета (Рис. 4,5). В полутора метрах от торцовой стены на полу расчищен частично сохранившийся скелет человека (2). По останкам скелета и черепу удалось зафиксировать положения костяка. Погребенный лежал на спине, ориентирован головой на северо-запад, руки выпрямлены. Погребение без сопровождения погребальным инвентарем. Вся внутренняя поверхность сооружения отчищена от зольного грунта.

Элементы реконструкции и интерпретация. Исследуемый объект интерпретируется нами как жилище. Благодаря тщательной археологической фиксации, мы можем судить о том, что сооружение прямоугольной формы, стены выложены из крупных плоских камней. Торцовая стена полуовальной формы дополнительно укреплена плоскими плитами. Вход сделан со стороны северо-восточного угла и ориентирован в сторону реки. Сооружение имеет выступающий длинный коридорообразный вход. Вышеописанные морфологические особенности объекта дают возможность сделать реконструкцию. Реконструкция жилища по его архитектурным особенностям демонстрирует образ исследуемого строения (Берлина, 2013, с.11).

В культурном слое присутствует керамический комплекс алексеевско-саргаринского типа (Рис. 2,3). А также небольшое количество станковой керамики среднеазиатского происхождения. Среди фрагментов станковой керамики необходимо обозначить обломок основания ручки. Судя по фрагменту, сосуд с ручкой был изготовлен на гончарном круге (Рис. 6). Хронология данного жилища охватывает период финальной бронзы (XII-XI до н.э.). Среди уже исследованных жилищ на территории поселения Шагалалы II это новый тип жилища. В его постройке использовался камень. В эпоху бронзы северных районов Казахстана использование камня в строительстве домов до этого открытия не встречался. Появление на территории поселения Шагалалы II жилища с каменными стенами вызывает большой научный интерес.

Жилище было наземным. При расчистке квадратов за пределами строения, а именно до каменной стены, мы фиксируем уровень древней погребенной почвы. Первые ряды каменной кладки

положены на древнюю поверхность земли. Жилище прямоугольной формы. Длина дома 6,60 *м*, ширина по внешним краям стены 4,50 *м*. Общая площадь 32,75 $м^2$, полезная площадь составляла 30 $м^2$. Все стены были относительно прямыми за исключением юго-восточной торцовой стены, она была полуовальной формы. Реконструкция стен:

- северо-западная стена: сохранились два ряда каменной кладки, 8 шт. камней у самого основания. Средняя длина камней 0,60 *м*, средняя высота камней 0,25 *м*. По нашим расчетам два ряда каменной кладки обвалено во внутреннюю часть помещения. А также в данном квадрате раскопа нами собрано 32 разбросанных камня. Количество камней с учетом собранных, реконструируют 6 рядов каменной кладки и размер стены длиной 4,8 *м*, высотой 1,5 *м*.;

- юго-западная стена: торцовая стена полуовальной формы, сохранилось два ряда кладки у самого основания, три ряда кладки обрушены во внутреннюю часть. За пределами этой стены собрано 48 штук камней. С учетом камней для нужд дополнительного укрепления восстанавливаются 7 рядов каменной кладки общей высотой 1,75 *м*. Длина стены составляет 3,9 метров.

- юго-восточная стена:длина 6,60 *м*, у основания сохранился один ряд каменной кладки. Половина упавшей стены в виде груды камней фиксируется во внутренней части, вторая половина разбросана за пределами жилища. Скорее всего, вся стена изначально обрушилась во внутреннюю сторону. Впоследствии юго-западную часть руин очистили, выбросив камни за пределы строения. Целью было захоронение останков человека, которые мы обнаружили внутри помещения. За пределами данной стены собрано 54 камня. В юго-восточном углу была разобрана самая крупная груда камней. Это объясняется тем, что это был угол, где соединялись две длинные стены юго-восточную и северо-восточную;

- северо-восточная стена: кладка стены не сохранилась. Стена реконструируется по сохранившимся в грунте следам каменной кладки, а также по остаткам нескольких камней.

Коридор представляет собой тамбур, сохранилась кладка только западной стены. Нижняя кладка состоит из двух однометровой и одной средней прямоугольной каменной плиты. Во внутренней части лежал сдвинувшийся еще один ряд кладки, состоящий из одной однометровой и трех среднего размера каменных плит.

Стены жилища максимальной высотой 1,75 *м*, размерами 6,6×3,9 *м*. Прямоугольной формы с закругленными углами. Каменные стены возводились без раствора, камни хорошо подгонялись друг к другу. В два ряда в привязку. Внутренний интерьер был прост, около юго-восточного угла был очаг открытого типа круглой формы. Его края обложены камнями, имеют следы копоти. Данный тип очага относится I типу очагов, классифицированных Е.Е. Кузьминой (1994). Зола выносилась за пределы дома и утрамбовывала наружные стены жилища. Зола является дополнительно утепляющим материалом. Пол был ровным, утоптанным. Для реконструкции кровли за основу будем брать высоту стен. Высота коротких стен на ряд выше, чем длинных боковых стен. По центру пускалось продольное бревно (конек). Один конец бревна опирался на стену, а другой конец лежал на опорном столбе, врытом по центру жилища. Двухскатная кровля, скорее всего, состояла из бревенчатого наката. Бревна были небольшого диаметра 8-10 *см*. Небольшая часть, где жилище приобретает полуовальную форму, бревенчатый накат покрывался радиально. Радиально положенный бревенчатый накат с одной стороны опирался на саму стену, а с другой стороны на перпендикулярно лежащую балку. Конечно, ширина дома нам позволяет реконструировать односкатную кровлю, но она не может быть устойчивой, учитывая форму жилища. Кровля дополнительно утеплялась ветками, для водонепроницаемости крышу могли утрамбовывать дерном и золой. В процессе обрушения вся эта масса рухнула внутрь помещения, выше мы описывали процесс расчистки зольного слоя по всей площади. Процесс разрушения шагалалинского каменного дома, находить объяснения в следующем. Самые верхние ряд каменной кладки были обрушены в наружную сторону, археологический мы это фиксируем по разбросанным камням вокруг жилища. А основная часть стен развалена во внутреннюю сторону, это произошло под внешним давлением, т.е. накопленного и утрамбованного слоя золы.

Данные палеоклиматических исследований говорят об изменении климата в сторону похолодания (Иванов, 1983). Климат в степной зоне Казахстана в голоцене охарактеризован резкими колебаниями. Похолодание сопровождалось повышением увлажненности — в самом начале позднего суббореала количество осадков приблизилось к современному уровню (Климанов и др., 1999). Особенности зимнего режима рек Кокшетауской возвышенности, в том числе и реки Шагалалы, обусловлены быстрым наступлением низких отрицательных температур в начале зимы, а также регулярными порывистыми ветрами. Сильные и порывистые ветра приходятся с севера и северо-запада (Нурмамбетов и др., 1995). Одним из архитектурной особенностью нового типа шагалалинского жилища – полуовальная форма торцовой стены. Такая форма торцовой стены

сделана специально целью минимизировать сопротивления ветровой нагрузки. Жилище отапливалось и освещалось очагом. Округлые углы дают хорошую циркуляцию воздуха и тепла внутри помещения. Данные техники в строительном деле еще раз доказывают, что древние строители и жители поселений хорошо ориентировались и адаптировались к природно-климатическим условиям региона. Использование золы в качестве изоляционного и утепляющего материала подтверждается этнографическими данными. Множество аналогий мы находим в казахских зимовках XIX в. Казахи золу складировали вдоль стен и на крыше домов. Помимо утепляющей функции зола, утрамбованная вдоль стен, препятствовала проникновению талых вод внутрь помещения (3).

Традиция использования в строительном деле камня уходит вглубь веков, мы прослеживаем это на археологических памятниках Казахстана. Самое раннее свидетельство использования камней в строительстве жилищ обнаружено на территории неолитической стоянки Караганда 15 (Клапчук, 1970, с.156-157). Камень становится основным строительным материалом большей части поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана (Маргулан, 2008, с.328). Высокий уровень каменного монументального архитектурного искусства достигнут населением средней зоны Евразии в конце эпохи бронзы (Кузмина, 1994, с.84). Истоки строительной техники северных районов Казахстана немного отличаются. Главным образом, они основаны на традиции домостроения полуземлянок, столбово-каркасные типы жилищ, берущие свое начало в эпоху неолита и энеолита. Основным материалом было дерево. Какое место занимал шагалалинский «тас үй» (каменный дом) среди наземных столбово-каркасных домов? Если за основу взять концепцию исследования социальной функции жилища С.А. Токарева: «два аспекта социальных отношений: противопоставление "мы - не мы". Жилище выполняет двойную социальную функцию: оно как-то соединяет людей, и оно же их разъединяет» (Токарев, 1970, с.3-17). Традиционно изучаемый регион считается территорией распространения алакульской археологической культуры, но со временем археологический материал показывает постепенное проникновение нуринцев-федоровцев с востока. Скорее всего, эти процессы продолжались и в эпоху поздней бронзы, т.е. племена из центральных регионов продвигались на северо-запад. Дома с каменными стенами сосредоточены на поселениях эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Затем их появление в северных регионах Казахстана (шагалалинский жилище с каменными стенами), на западе – поселение Тасты-Бутак (Сорокин, 1962), далее в Оренбуржье в поселениях Ушактта (Кузмина,1962, с.9) и Шандаш (Кузмина, 1964, с.103-104) показывает путь проникновения и распространения центрально-казахстанских племен. Массовое продвижение с востока скотоводческих племен эпохи поздней бронзы высказаны во многих работах ученых (Епимахов, Таиров, 2013, с.227; Пьянкова, 2015, с.233-245). На территории поселения Шагалалы II мы наблюдаем один устойчивый обряд – манипуляция с черепом лощади. В юго-восточном углу полуземлянки столбово-каркасного типа, жилище№1 (ранне-алакульского времени), в яме находим часть череп лощади с большим фрагментом керамики. Около восточной стены наземного столбово-каркасного жилища №3 (нуринско-федоровского времени) в яме находим целый череп лощади. И в рассматриваемом в данной статье жилище (финальная бронза) у юго-восточной стены мы обнаружили нижнюю часть челюсти лошади. Это показатель того, что с течением времени некоторые обычаи и традиции остаются неизменным.

Таким образом, выделяя новый тип в системе шагалалинских жилых построек, мы видим основные перемены, которые могут влиять на материал и форму строений. Самая влиятельная переменная – природно-климатическая. Архитектурные данные позволили нам понять взаимодействие и относительную важность природной среды. Вторая переменная экономическая: образ жизни, технологический уровень развития и социально-культурные традиций в формировании и эволюции типов жилищ. Третья – культурный фактор, который, по нашему мнению, является незначительным.

Жилище является стратегической базой для изучения любой культуры древних социумов. Изучая жилые помещения, можно найти признаки не только образа жизни его обитателей, но их социальной организации, мировоззрения, потребности в ресурсах и в доступных технологиях. Изучение всех источников (в том числе всех жилищ) дает возможность раскрыть роль и место поселения Шагалалы II в системе поселений эпохи бронзы степной части Евразии.

Примечание:

1 – Методике счета любых кладок на археологических объектах нас обучил Игорь Леонидович Кызыласов, пользуясь случаем, приносим ему огромную благодарность;

2 – Скорее всего, это погребение совершено после разрушения сооружения на руинах. Об этом свидетельствует несколько археологических фактов. Первый факт, не обнаружено следы могильной ямы или каких-либо углублений. Во-вторых, на останках и на черепе нет следов

деформаций, который могли бы возникнуть при разрушении. В-третьих, скелет расположен параллельно на границе уже упавшей торцовой стены. Т.е. погребение совершено в более позднее время, когда сооружение находилось в руинах;

3 – Личное наблюдение автора в ходе археологической разведки на территории Акмолинской области.

Литература:

Берлина С.В. Некоторые вопросы методики реконструкции жилищ эпохи бронзы и раннего железного века юга западной Сибири//Вестник Томского государственного университета. История. – Томск: 2013. №3 (23), – С.10-13.

Епимахов А. В., Таиров А. Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь)// Российский археологический ежегодник. Под ред. д-ра ист. наук Л. Вишняцкого. – СПб.: Университетский издательский консорциум: 2013. № 3, – С.211-231.

Иванов И.В. Изменение природных условий степной зоны в голоцене // Известия АН СССР, 1983, №2. Серия: геогр. – С.26-41.

Клапчук М.Л. Стоянка Караганда 15// СА. – 1970. – №4. – С.153-160.

Климанов А.А., Тарасов П.Е., Тарасова И.В. Колебание климата степной зоны Казахстана в голоцене (по данным споро–пыльцевого анализа)//Вестник МГУ, Сер.5: геогр., –1999. – № 4. – С. 99-104.

Кузьмина Е.Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области//ВАУ. – 1962. – С.9-15.

Кузьмина Е.Е. Андроновское поселение и могильник Шандаша//КСИА. – 1964. Вып.98. – С.100-106.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Калина, 1994. – 461 с.

Маргулан А.Х. Сочинения – Алматы: Издательство “Алатау”, 2008. – VI том. – 496 стр.

Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии// СА. – 1967. – №3. – С. 165–190.

Нурмамбетов Э.И., Чупина Л.Н., Акиянова Ф.Ж. К позднеплейстоцен – голоценовой истории Северного Казахстана // Палеоклимат позднеледниковья и голоцена - М., 1995

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шағалалы) некоторые формы и типы жилищ// По следам древних культур Казахстана. – Алматы: 1970. – С. 129-146

Пьянков И. В. Этнокультурные процессы в евразийских степях (конца İİ – первой половины İ тыс. до н. э.)// Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К. А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – 446 с.

Сакенов С.К. Мастерская на поселении Шагалалы II (Павловка) (предварительные итоги исследования)// Этнические взаимодействия на Южном Урале: сборник материалов конференции. – Челябинск: ЮУРГУ. 2015, – С.160-168.

Сакенов С.К. Исследования жилищ на территории поселения Шагалалы II// Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – Астана: 2017, – №3 (118). – С. 550-556.

Сорокин В.С. Жилища поселения Тасты-Бутак//КСИА.–1962, Вып,91.

Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры//Советская этнография. – 1970. – № 4. – С.3-17.

Түйіндеме

С.Қ. Сәкенов

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ

Қазақстан, Астана

ШАҒАЛАЛЫ II ҚОҢЫСЫНДАҒЫ ТҰРҒЫН ҮЙЛЕРДІҢ ЖАҢА ТҮРЛЕРІ

Мақалада Шағалалы II елді мекен аймағындағы 2017 жылдың далалық маусымдағы археологиялық қазбалардың нәтижелері берілді. Тас қабырғалы тұрғын үйлер маңызды жаңалық болып табылады. Бұл жұмыста автор аталмыш үйлердің сипатамасын және құрылсын баяндайды және оны жаңа тип ретінде көрсетеді. Археологиялық жіті зерттеулер құрылыстың кейбір сындарлы ерешеліктерін аша білген. Ежелгі құрылышылар және тұрғындар табиғи-климаттың құбылыстарға

жақсы бейімделгендері атап өтілген. Жалпы алғанда өзінің жұмысында автор Қазақстаның ежелгі тарихының көптеген сұрақтарын ашатын тұрғын үйлерді зерттеу теориясын дамытуда.

Summary

S.K. Sakenov

Eurasian National University after L.N. Gumilev, Astana, Kazakhstan

NEW TYPE OF HOUSING IN SHAGALALY II SETTLEMENT

The article gives the results of archaeological excavations of 2017 field season in the settlement of Shagalaly II. An important discovery is a dwelling with stone walls. In the work the author describes and reconstructs this dwelling, indicating it as a new type. A careful archaeological fixation revealed some structural features of the structure. It is noted that the ancient builders and inhabitants were well adapted to the natural and climatic conditions. In general, the author develops the theory of studying housing, which reveals many questions of the ancient history of Kazakhstan.

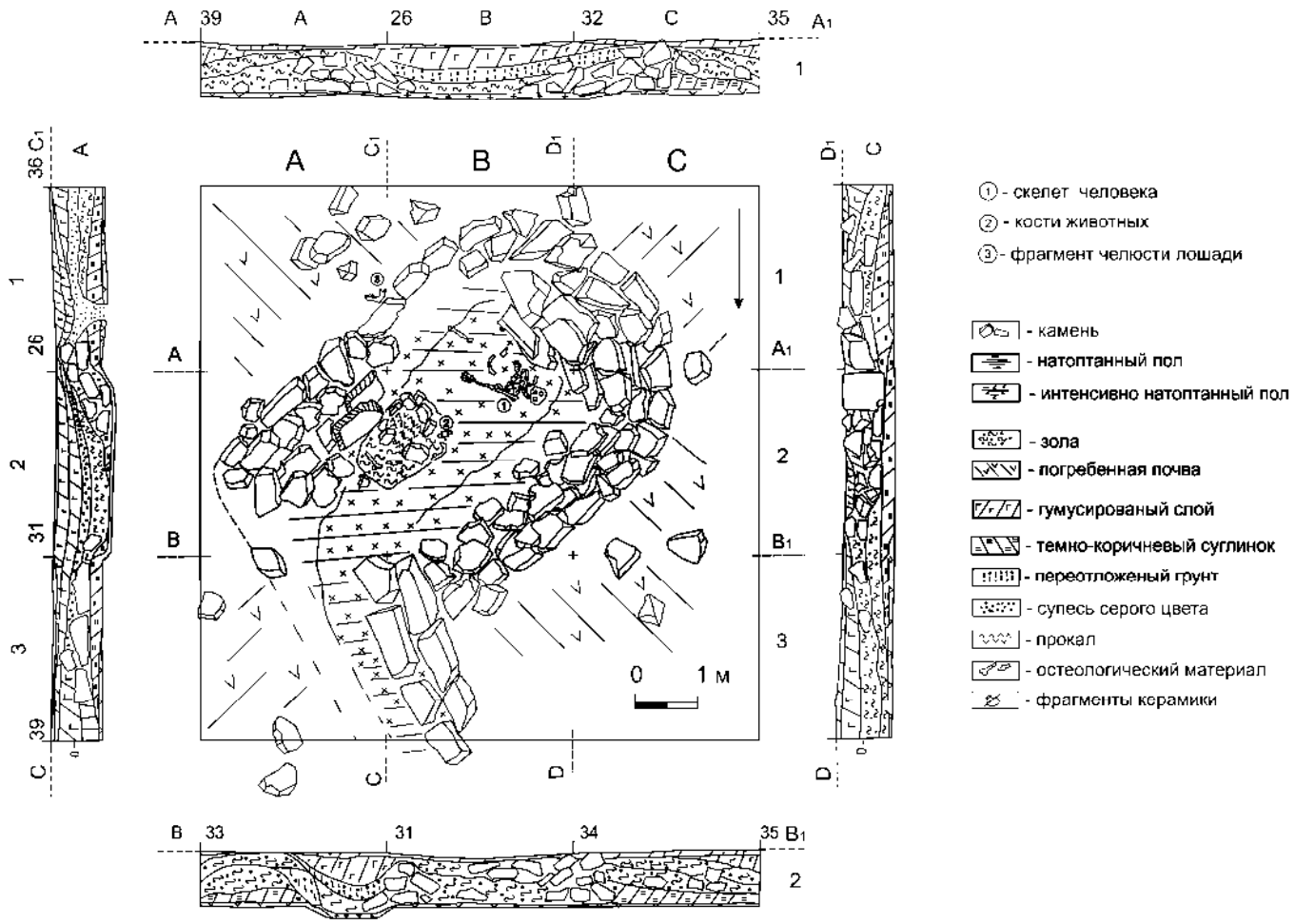


Рисунок 1. Поселение Шагалалы II. План и профиль жилища

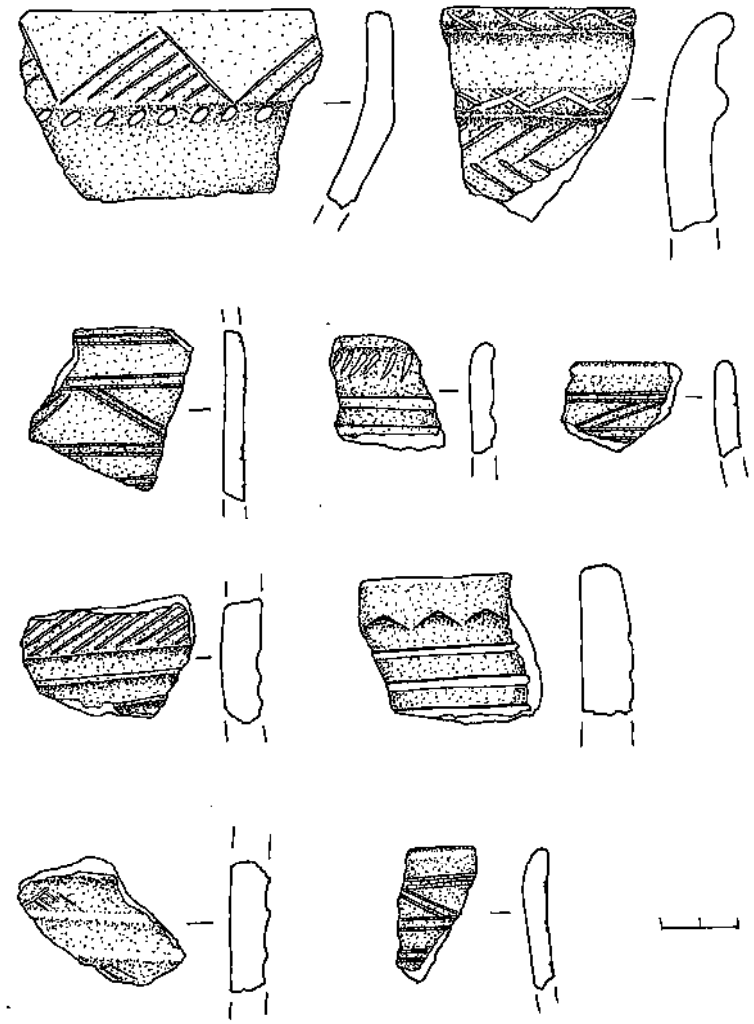


Рисунок 2. Поселение Шагалалы II. Фрагменты венчиков

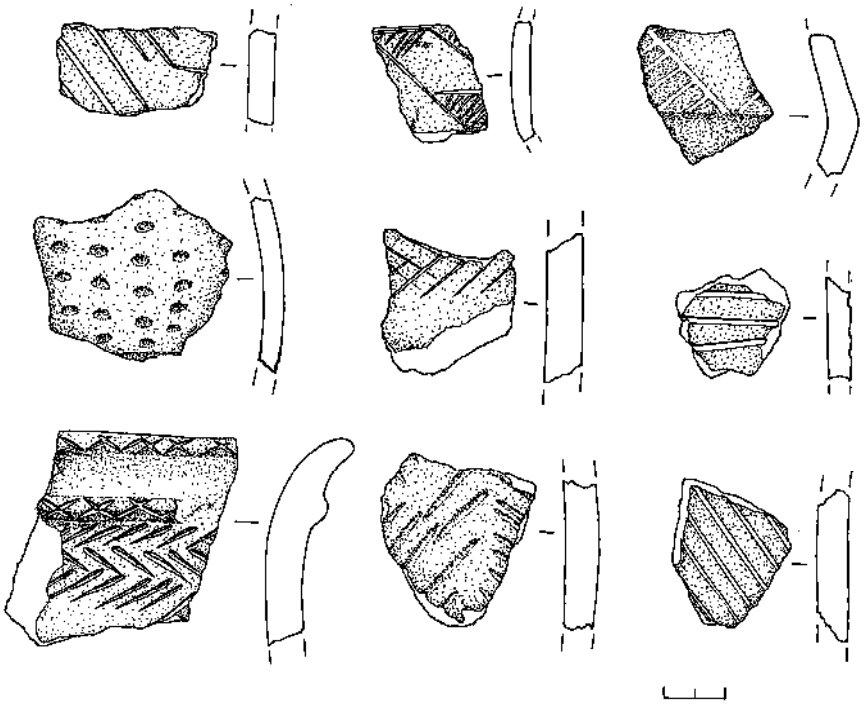


Рисунок 3. Поселение Шагалалы II. Фрагменты стенок сосудов

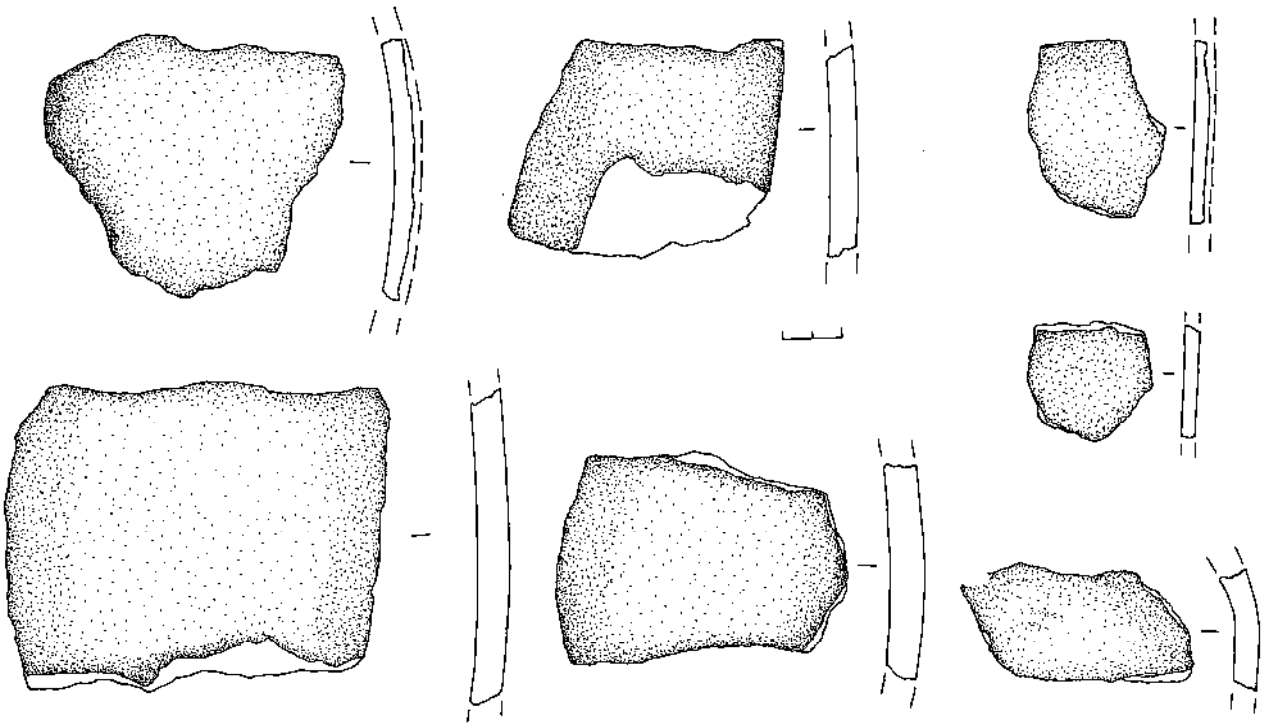


Рисунок 4. Поселение Шагалалы II. Фрагменты стенок сосудов, обнаруженных возле очага

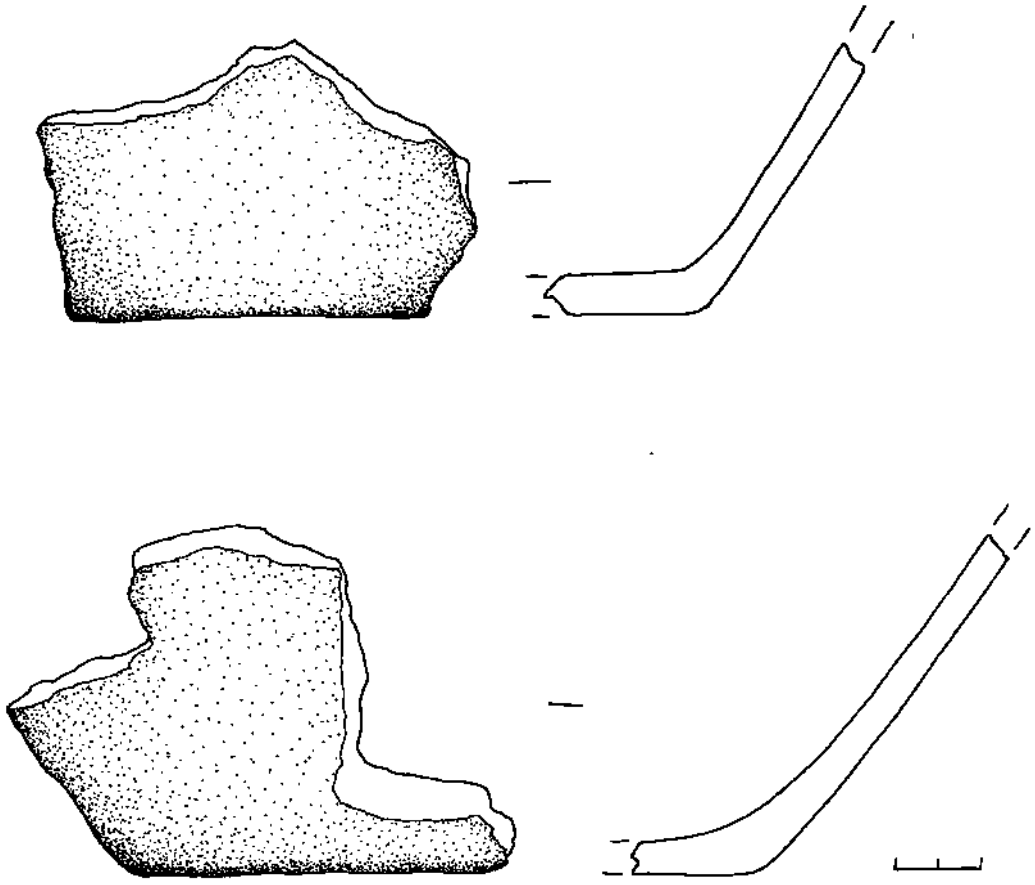


Рисунок 5. Поселение Шагалалы II. Фрагменты днищ сосудов, обнаруженных возле очага.

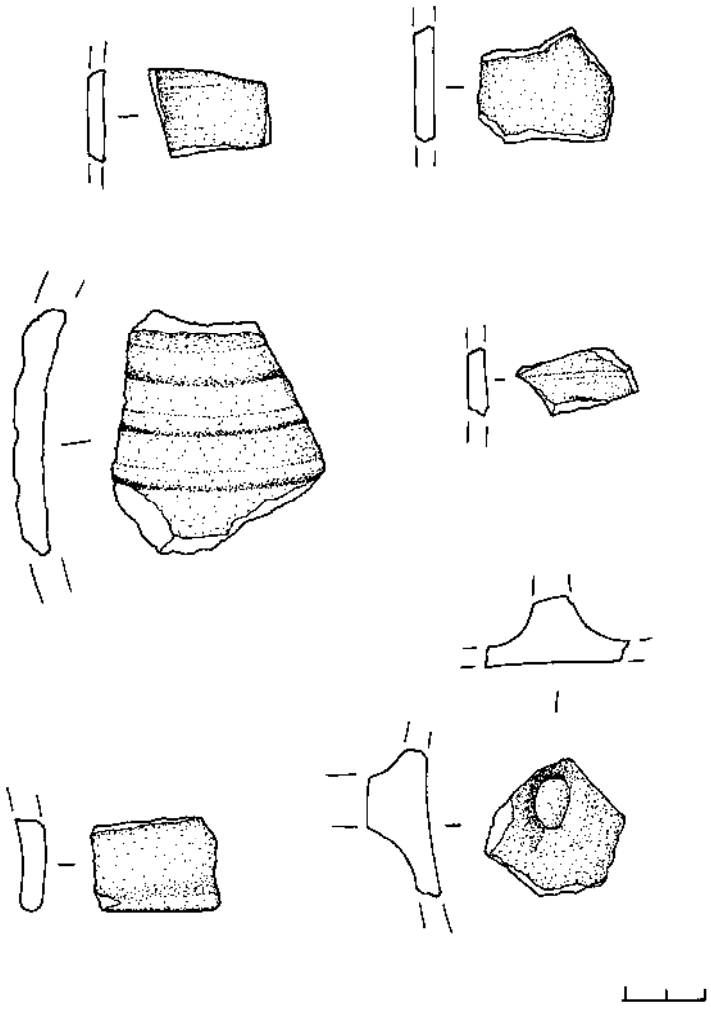


Рисунок 6. Поселение Шагалалы II. Фрагменты станковой керамики.

Сериков Ю.Б.
Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле), Нижний Тагил, Российская Федерация

УДК 903(470.51/.54)"631/634"

ЛИНТЫ – НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА НА Р. ТАВДЕ (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

Ключевые слова: Среднее Зауралье, мезолит, неолит, энеолит.
Түйінді сөздер: Орта Жайық сырты, мезолит, неолит, энеолит.
Keywords: Middle Transural, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic.

Местонахождение кремня и керамики на р. Тавде в 500 м ниже по течению от пос. Линты (Гаринский р-н Свердловской обл.) было обнаружено в 2003 г. во время поиска и мониторинга так называемых «кладбищ мамонтов» на реках Сосьва и Тавда (Сериков, 2014, с. 98–108). Пос. Линты располагается на правом берегу Тавды в 63 км по рекам Сосьве, а затем Тавде от райцентра Гари. От Гарей до поселка идет проселочная дорога (30 км).

Местонахождение находится на правом берегу р. Тавды при впадении в нее р. Чанова. Высота берега в этом месте достигает 5 м. В обнажении берега культурный слой не просматривается. Шурфовки памятника не производилось. На береговой полосе длиной до 30 м собран подъемный материал в виде керамики и каменных изделий. Памятник обследовался одиннадцать раз в течение 2003–2008, 2010, 2012 и 2016 гг., в результате чего удалось собрать коллекцию из 1300 предметов. Из-за своей труднодоступности район верховьев Тавды остается археологически не исследованным. Поэтому представительная коллекция нового памятника заслуживают отдельной публикации.

На памятнике выделен небольшой комплекс (161 экз.) каменных изделий мезолитического облика. Среди них 10 целых нуклеусов, 7 расколотых, заготовка нуклеуса, 6 нуклевидных кусков, поперечный скол с нуклеуса, ребристая пластинка, 105 микропластинок без ретуши, 19 отретушированных микропластинок, 8 резцов, 2 резчика и скребок на расколотом микронуклеусе.

Торцовые нуклеусы представлены двумя экземплярами. Один из них относится к торцовым односторонним одноплощадочным. Изготовлен он из галечки некачественного кремнистого сланца высотой 1,6 см. После двух пробных сколов нуклеус был забракован. Второй нуклеус – торцовый трехсторонний одноплощадочный – изготовлен из качественной темно-серой яшмовидной породы. Его высота также 1,6 см. Нуклеус сработан с трех сторон. Ширина негативов сколов – 0,3 – 0,4 – 0,5 см (рис. 1, *1*).

Призматический нуклеус высотой 1,3 см сработан по всему периметру. Ширина негативов – 0,2 – 0,3 – 0,4 см (рис. 1, *2*). Снятия пластинок производились с одной ударной площадки. Изготовлен нуклеус из качественной яшмовидной породы зеленоватого цвета.

Семь нуклеусов имеют коническую форму. Их высота не превышает 2,5 см. Они сработаны по всему периметру. Изготовлены из качественного минерального сырья: кремня, яшмы, кремнистого сланца.

Любопытна заготовка нуклеуса. Плитка темно-серого кремня размером 3,3 × 2,8 × 1,6 см с трех сторон покрыта первичной коркой. Мелкими сколами подготовлена ударная площадка и на узкой грани – плоскость скалывания.

Нуклевидные куски (6 экз.) имеют размеры от 2,5 × 3,0 см до 4,0 × 3,5 см. На двух кусках присутствует первичная корка. Изготовлены они из кремнистого сланца (3 экз.), лимонита (2 экз.) и алевротуфа (1 экз.). Обработка нуклеусов представлена поперечным сколом и ребристой пластинкой.

Пластинчатый комплекс представлен 134 изделиями. Микропластинок без ретуши в коллекции 105 экз. Их ширина колеблется от 0,5 до 1,1 см. Преобладают пластинки шириной 0,6–0,9 см (рис. 1, *2–16*). Ширина пластинок не соответствует ширине негативов сколов на нуклеусах. В коллекции присутствуют как целые пластинки, так и их части. Преобладают отсеченные проксимальные концы, сечения и пластинки с отсеченным дистальным концом. Изготовлены пластинки из черного и темно-коричневого кремня, зеленой яшмовидной породы и разнообразных кремнистых сланцев.

Пластинки с вторичной обработкой включают пластинки с ретушью со спинки, с ретушью с брюшка, с отретушированными выемками и с притупленным ретушью концом. Преобладают

пластинки с ретушью со спинки. Чаще всего они обработаны по одному краю, причем не по всей его длине (рис. 1, *17–18*). Также частично обработанный ретушью край имеют и пластинки с ретушью с брюшка (рис. 1, *21*). Единичными экземплярами представлены пластинки с отретушированными выемками (рис. 1, *19*) и с притупленным ретушью концом (рис. 1, *20*). Во всех случаях пластинки обработаны мелкой краевой ретушью. Состав минерального сырья тот же, добавилась только пластинка из бурой яшмы.

Из орудий на пластинках в коллекции имеются только резцы (8 экз.) и резчики (2 экз.). Все резцы изготовлены на углу сломанной пластинки. Семь из них одинарные (рис. 1, *22–23, 25*), один – двойной (рис. 1, *24*). Резчики представлены орудиями с клювовидным и скошенным рабочими краями.

Другие изделия мезолитического комплекса (скребки, отщепы) из-за смешанности материалов выделить невозможно. Единственный скребок, который достоверно можно отнести к мезолиту, изготовлен на расколотом вдоль микронуклеусе высотой 1,9 см.

Неолитический комплекс содержит 317 фрагментов керамики, что составляет около двух третей коллекции керамики. Венчики неолитических сосудов (20 экз.) обычно (но не всегда) с внутренней стороны имеют слабо выраженный наплыв (рис. 2, *2, 4*; 3, 4–*5*). Орнаментирована неолитическая керамика прочерченными волнистыми линиями, а также прямыми или волнистыми линиями, выполненными в технике «отступающей палочки» (рис. 2, *1–9*; 3, *4–5*). Иногда края венчиков украшены поперечными или диагональными нарезками (рис. 2, *1*). У одного венчика насечки нанесены на выступе наплыва с внутренней стороны. Представляет интерес фрагмент стенки неолитического сосуда, у которого под прочерченными волнистыми линиями нанесены диагонально расположенные линии древовидных очертаний (рис. 2, *6*). Фрагменты неолитических сосудов содержат заметную примесь мелкого песка.

Энеолитическая керамика представлена фрагментами венчиков (17 экз.) и стенок (154 экз.) сосудов. Орнаментирована она различными сочетаниями оттисков гребенчатого штампа: горизонтальные линии из отпечатков гребенки, шагающая или прокатанная гребенка, горизонтальные ряды из вертикально поставленных отпечатков гребенчатого штампа, короткие наклонно поставленные отпечатки гребенки. Сочетания гребенчатых отпечатков иногда образуют треугольники или ромбы, что характерно для энеолитической керамики Урала (рис. 3, *1–3, 6*).

Разделить каменный инвентарь по эпохам очень затруднительно. С неолитом предположительно можно связать основную часть изделий из камня. Это, прежде всего, пластины и изделия из них. К ним относится нижняя отсеченная часть ребристой пластины из зеленоватого алевротуфа. Ее длина 4,3 см, ширина 2,3 см, но к низу своеобразными «усиками» она расширяется до 3,2 см. Пластина сколота с массивного двухплощадочного нуклеуса, – на ее нижнем конце сохранилась часть сколотой ударной площадки. По одному краю пластина обработана ретушью со спинки, на противоположном – присутствует ретушь утилизации.

В неолитический комплекс входят 4 пластины без ретуши и 2 – с ретушью. Самая крупная пластина имеет длину 5 см и ширину до 2,6 см. Она слегка изогнута в профиле, на одной грани сохранилась первичная корка (рис. 1, *28*). Еще три пластины представлены сечениями длиной 3,2, 3,2 и 1,5 см, шириной соответственно 1,2, 1,2 и 1,4 см (рис. 1, *35*; 2, *12–13*). У короткого сечения на одном краю находится современный вылом. Все пластины изготовлены из кремнистого сланца.

Обработанные пластины имеют длину 4,5 и 3,0 см, ширину соответственно 1,2 и 1,7 см и толщину – 0,4 см (рис. 1, *29*; 2, *11*). У первой пластины оба края обработаны крутой краевой ретушью. Вторая пластина имеет частично обработанный мелкой ретушью край. В обоих случаях ретушь наносилась со стороны спинки.

Из других изделий к неолиту можно отнести 4 острия и скребок. Скребок выполнен на пластине песчаника шириной 1,6 см и толщиной до 0,6 см (рис. 2, *10*). Все острия различаются по типу и технике изготовления. Одно острие длиной 5,9 см изготовлено на широком (2,2 см) пластинчатом сколе зеленоватой слабоокремнелой породы – обломке шлифованного орудия (рис. 1, *30*). Оба края по всей длине обработаны среднефасеточной ретушью со стороны спинки. Кончик острия сглажен и закруглен, он использовался в качестве сверла. Второе острие выполнено из тонкого отщепа алевротуфа. Заостренный конец обработан крутой ретушью с брюшка. Длина изделия 2,2 см (рис. 1, *36*). От третьего острия сохранился только отломанный кончик длиной 1 см. С двух сторон он обработан крутой ретушью со спинки. У четвертого изделия кончик острия расположен слегка асимметрично. Он обработан ретушью с брюшка и подправлен ретушью со спинки. Также с брюшка обработан и один боковой край изделия. Изготовлено острие на пластине шириной 1,6 см (рис. 2, *14*).

Остальные изделия из камня рассматриваются суммарно.

Скребки представлены серией из 34 экз. Среди них имеются скребки на пластинчатых отщепах (2 экз.), на галечном отщепе (рис. 1, *26*), на плитке (по 1 экз.) и на обычных отщепах (30 экз.). Размеры скребков колеблются от 1,1 до 3,5 см. Скребки из качественных пород камня имеют обычно округлые очертания (рис. 1, *32–34*), скребки из плохого сырья чаще всего бесформенные. Семь скребков имеют по два противолежащих лезвия, еще у двух лезвия смежные. Некоторые лезвия скребков заметно скошены влево. Это значит, что работали ими левой рукой. Интересен миниатюрный скребок размером 1,1 × 1,0 см. Изготовлены скребки из разнообразного минерального сырья: кремня (6 экз.), кремнистого сланца (17 экз.), углистого сланца (3 экз.), светло-серой слабоокремнелой породы (3 экз.), зеленой яшмы (4 экз.) и яшмовидной породы серо-зеленоватого цвета (1 экз.). Одно изделие размером 3,7 × 3,5 см можно отнести к скреблам (рис. 1, *31*). Оно имеет округлую форму и два противолежащих лезвия. Изготовлено из халцедона.

Единственный в коллекции нож выполнен на галечном отщепе алевротуфа. Его размеры 5,0 × 3,3 см. Обработан ретушью со спинки и с брюшка. Удобно держать в руке.

Шлифовальные плиты (6 экз.) изготовлены из разных пород камня. Одна из них выполнена их зернистой брекчиевидной породы, ее размеры – 18,1 × 7,7 × 4,6 см. Плита двусторонняя, с двух сторон находятся овальные глубокие выемки. Шлифовали на ней небольшие изделия линзовидного сечения с выпуклыми поверхностями. Шлифовка производилась круговыми движениями, что характерно для неолитической техники. Также крупные размеры (19,5 × 12,0 × 3,6 см) имеет двусторонняя плита из гранодиорита. Третья плита размером 11,8 × 9,4 × 1,4 см также двусторонняя, но изготовлена из сланца. Еще одна плита из сланца размером 10 × 4,3 × 1,7 см имеет одну сработанную поверхность. Она сильно заглажена, использовалась для тонкой шлифовки и полировки. Одна из боковых поверхностей плиты сохранила следы обдирки крупнозернистым абразивом. Одну рабочую плоскость имеет плита из мелкозернистого песчаника. Ее размеры – 7,6 × 3,5 × 1,3 см. Своеобразно использовалась узкая плитка лимонита размером 13,1 × 5,5 × 5,2 см. У нее сильно, до вогнутости, сработаны две поверхности. Узкие рабочие поверхности позволяют предполагать, что ими работали как современными напильниками.

Из шлифованных орудий в коллекции присутствуют 5 тесел и топорик. Он изготовлен из алевролита. Шлифовкой обработаны лезвие и одна боковая грань. Неудачный удар отколол один угол лезвия до середины. Размер топорика – 6,5 × 5,0 × 1,2 см.

Все тесла изготовлены из алевролита зеленого цвета. Самое крупное тесло имеет длину 8,5 см, ширину 3,8 см и толщину 2,2 см. Тесло отшлифовано полностью, но на боковых краях проступают глубокие сколы поперечной оббивки. Лезвие тесла дугообразное, имеет слабую желобчатую вогнутость. От крупного тесла сохранился фрагмент верхней части размером 6,4 × 5,0 × 1,9 см. На обломке сохранились следы попытки шлифовкой образовать новое лезвие. У третьего тесла отбита обушная часть, сохранилась нижняя часть с лезвием размером 5,5 × 5,2 × 1,2 см. Она полностью отшлифовано, долгое время было в работе: лезвие сильно выщерблено и заглажено. Представляет интерес небольшое тесло (4,8 × 3,7 × 1,4 см) из ярко-зеленого песчаника (рис. 1, *37*). Верхняя его часть сильно заглажена, скорее всего, она использовалась для лощения кожи. Также полностью отшлифовано небольшое тесло размером 4,1 × 2,1 × 1,0 см (рис. 1, *27*). Пришлифовка лезвия сняла все следы сработанности, которые сохранились только у самой его кромки.

Шлифованные орудия из мягких пород камня от сильных ударов часто разрушались. В коллекции присутствуют 22 обломка шлифованных рубящих орудий. Среди них есть отколотые лезвия, боковые сколы, обушные и средние части. Самые крупные обломки достигают размера 5,2 × 3,6 см. Но обычно сколотые обломки не превышают в длину 3 см. Большая часть обломков (18 экз.) происходит от орудий, изготовленных из алевролита. Но есть обломки орудий из алевротуфа (3 экз.) и сланца (1 экз.).

Из других изделий нужно отметить 3 отщепа с краевой ретушью и 2 отбойника. Два отщепа – из кремня и сургучной яшмы – имеют длину до 2,5 см. Один из их краев отретуширован по всей длине со стороны спинки. Третий отщеп из углистого сланца имеет длину до 3 см. Ретушь на нем носит несистематический характер.

Одним отбойником являлась продолговатая галька зеленокаменной породы размером 11,0 × 3,5 × 3,5 см. На обоих концах гальки присутствуют выбоины и мелкие сколы. Одна плоскость гальки пришлифована, она использовалась в качестве абразива и наковаленки: в одном месте фиксируется группа овальных ямок и выбоин. В качестве второго отбойника служила галька слюдистого сланца вытянутой каплевидной формы. Ее длина 10 см, максимальная ширина 5,1 см, толщина 1,5 см. Оба

конца – узкий и широкий – сильно забиты. На обеих плоскостях тоже имеются следы ударов, но уже в центре гальки. Галька служила торцевым и плоскостным отбойником.

В коллекции присутствуют 4 целых гальки и 91 расколотая. Целые гальки кварца и кварцита имеют размеры от 3,3 до 6,0 см. Минеральный состав расколотых галек более разнообразен: кварц, кварцит, кремень, кремнистый сланец, песчаник, яшма зеленая и бурая.

Завершают коллекцию каменных изделий отщепы – 325 экз. Их размеры колеблются от 1 до 8,5 см. Преобладают отщепы длиной до 2 см – 50 %. Отщепов длиной до 3,5 см в коллекции 80,6 %. Минеральный состав отщепов очень разнообразен. Отщепы кремнистого сланца и алевротуфа суммарно составляют 52,7 %. На втором месте по численности отщепы алевролита, халцедона и кремня – 28,7 %. Затем идут отщепы зеленой яшмы, лидита и светло-серой породы. Единично представлены отщепы кварцита, сланца, углистого сланца, песчаника, яшмы сургучной, светло- и темно-серой и полосчатой (красно-зеленой). Разнообразие минерального сырья свидетельствует о его дефиците. По всей видимости, использовались местные галечники, которые в верховьях р. Тавды единичны. О местном сырье свидетельствует и тот факт, что 38 % отщепов имеют галечную корку.

Кроме керамики в коллекции имеется 5 кусков обожженной глины, кусочек ошлакованной глины и обломок глиняного изделия. Сохранившиеся его размеры – 3,0 × 2,5 × 1,4 см. Что оно изображало – непонятно. Ошлакованная глина имеет размер 2,3 × 2,1 × 1,2 см. Куски обожженной глины достигают длины 6,4 см.

На 100-километровом участке в верховьях р. Тавды в настоящее время известно только 4 археологических памятника: Запань, Болтышево, Линты и Усть-Вагильский холм. Первые три обнаружены в процессе поиска кладбищ мамонтов и до сих пор не опубликованы. Единственный исследованный раскопками археологический памятник в верховьях р. Тавды – Усть-Вагильский холм – находится в 40 км ниже Линтов по течению реки (Панина, 2008, с. 137–146). Новые материалы свидетельствуют о заселенности верховьев Тавды в мезолите, неолите и энеолите.

Литература:

Панина С.Н. Археологические исследования на Усть-Вагильском холме (2005–2006 гг.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. – Екатеринбург; Сургут, 2008. – С. 137–146.

Сериков Ю.Б. Мониторинг археологических памятников на реке Сосьва // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучения недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Екатеринбург, 2014. – С. 98–108.

Резюме

Ю.Б. Сериков

ЛИНТЫ – НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА НА Р. ТАВДЕ
(Среднее Зауралье)

В статье публикуются материалы смешанного памятника, расположенного в верховьях реки Тавды, которые из-за своей труднодоступности остаются археологически не исследованными. Тысячная коллекция находок позволяет достаточно полно охарактеризовать выявленные комплексы мезолита, неолита и энеолита. Особенностью памятника является разнообразие использованного минерального сырья. Полученные новые материалы свидетельствуют о заселенности верховьев Тавды на протяжении всего каменного века, начиная с эпохи мезолита.

Summary

U. B. Serikov

LINTI – NEW SITE OF STONE AGE BY THE R.TAVDA
(Middle Transural)

The article is devoted to materials from mixed site situated at the upstream of Tavda river, which is archaeologically not investigated still due to its inaccessibility. The collection which contains one thousand of artefacts allows to characterize quite full Mesolithic, Neolithic and Eneolithic complexes. The diversity of mineral resources used at the site is the feature of it. New materials testify about occupancy of Tavda upstream during the whole Stone Age since Mesolithic epoch.

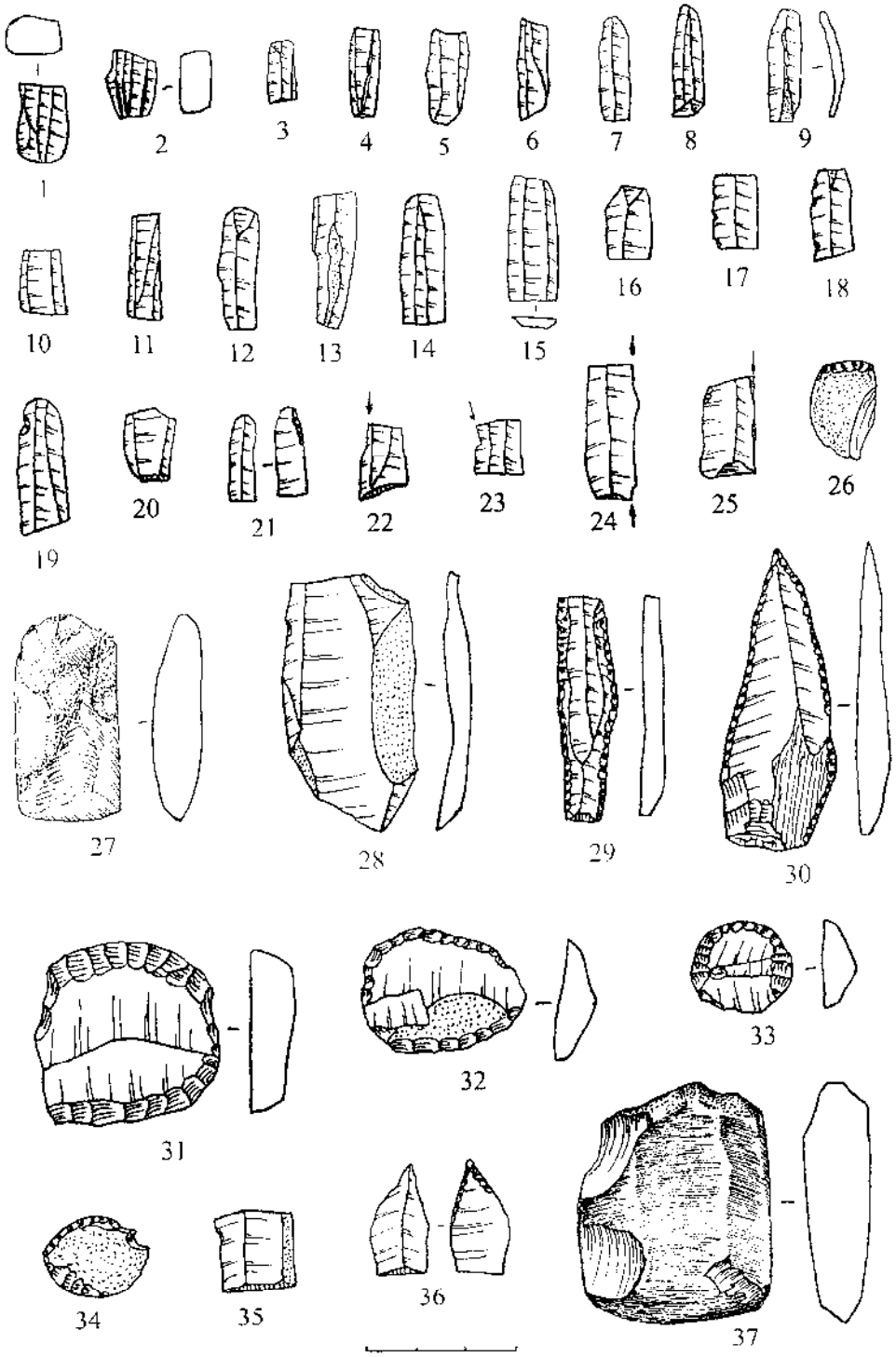


Рис. 1. Линты. Каменные изделия (1–2 – нуклеусы; 3–16 – микропластинки без ретуши; 17–21 – микропластинки с ретушью; 22–25 – резцы; 26, 31–34 – скребки; 27, 37 – шлифованные тесла; 28, 35 – пластины без ретуши; 29 – пластина с ретушью; 30, 36 – острия).

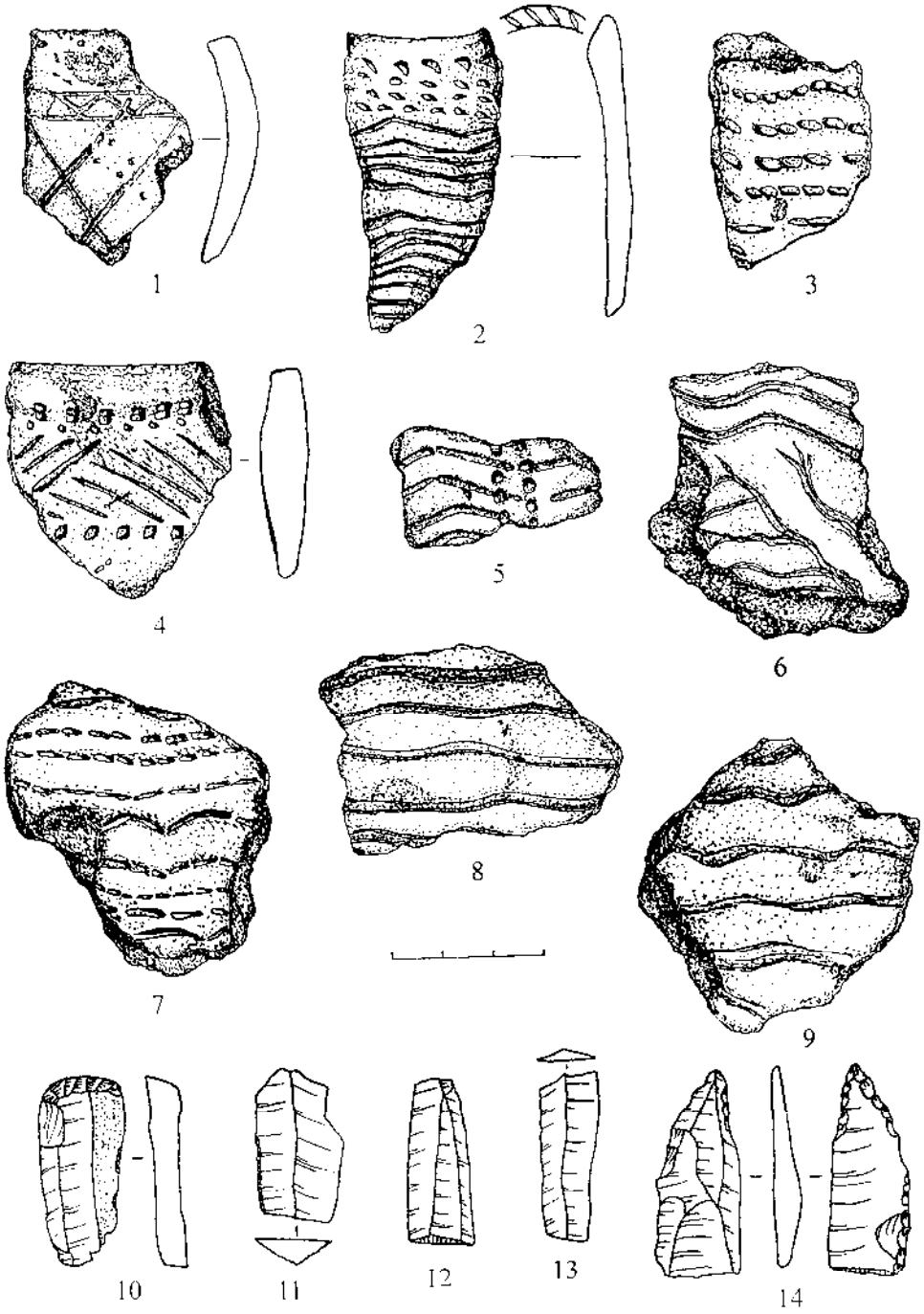


Рис. 2. Линты. Фрагменты неолитической керамики (1–9) и каменные изделия (10 – скребок; 11 – пластина с ретушью; 12–13 – пластины без ретуши; 14 – остриё).

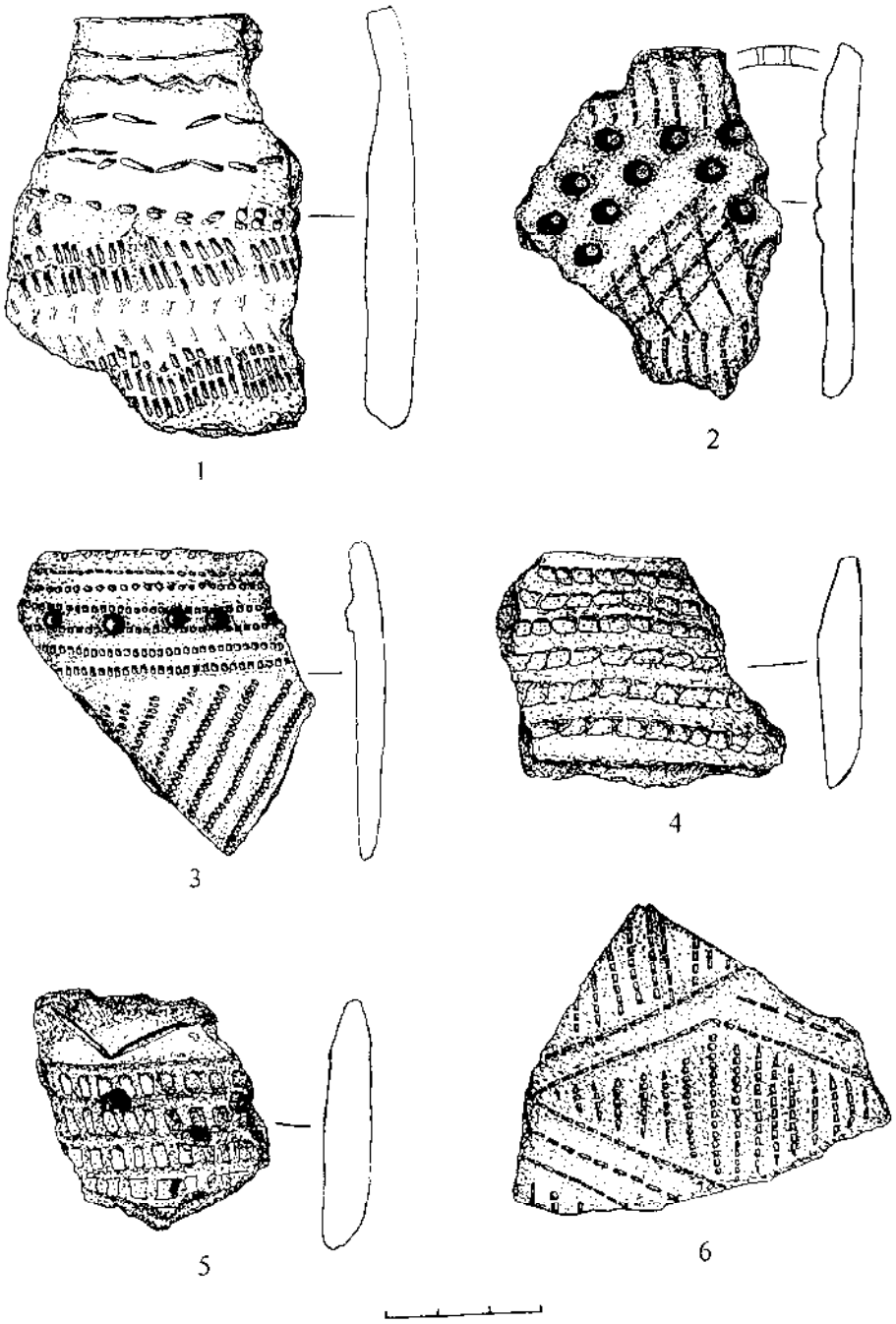


Рис. 3. Линты. Фрагменты керамики энеолита (1–3, 6) и неолита (4–5).

Сотникова С.В.
ООО «Центр археологических исследований»,
г. Надым, Россия

УДК 902.6

КОЛЬЦЕВОЙ РОВ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ)

Ключевые слова: Южное Зауралье, Казахстан, эпоха бронзы, синташтинская культура, курган, кольцевой ров.
Keywords: Southern Trans-Urals, Kazakhstan, Bronze Age, Sintashta culture, barrow, annular moat.

В некоторых курганах синташтинской культуры эпохи средней бронзы фиксируются рвы, расположенные под насыпью и окружающие погребальную площадку. В могильнике Степное 1 (Южное Зауралье) курган 1 являлся одним из самых крупных, диаметр насыпи составлял около 26 м, высота – 0,2 м. В процессе исследования погребальной площадки в центральной части на уровне материка зафиксированы контуры трех центральных могил 1–3, жертвенной ямы 4 и кольцевого рва, опоясывающего центральные погребения. Диаметр рва составлял 24–25 м. В северо-западном секторе рва имеются две перемычки, в остальной части ров образуется цепью продолговатых углублений различной конфигурации. Глубина и ширина рва на разных участках сильно варьируют. Ширина рва в его верхней части достигает 4 м, глубина – 1,2 м от уровня материка. Профилировка стенок плавная, покатая, дно округлое. Ров имеет неоднородное слоистое заполнение. В нижней части заполнения рва располагалось множество тонких перемежающихся слоев супеси различного цвета – от черного до желто-коричневого, образовывавшихся, как полагает Е.В. Куприянова, в процессе стекания в ров паводковых, дождевых вод (Куприянова, 2016, с. 8–10).

В могильнике Каменный Амбар 5 (Южное Зауралье) курган 2 перед началом раскопок имел диаметр 22 м, высоту 0,6 м. Насыпь перекрывала площадку, ограниченную рвом почти безупречно округлых очертаний. Диаметр рва по внешнему краю равнялся 31–32 м, ширина (на материке) – в среднем 1,0 м, глубина от уровня дневной поверхности – 0,5 м. Заполнение рва гумусно-песчаное, на отдельных участках рва прослежено чередование чистых глинистых и гумусно-илистых прослоек. В кургане исследовано 16 могильных ям и одно погребение (№ 13) на уровне погребенной почвы. Две ямы располагались в центре площадки (№№ 1, 2), 11 ям (№№ 3–8, 11–14, 17) – по кругу в пределах рва. Эти погребения и ров исследователи относят к раннему (синташтинскому) периоду функционирования кургана. По прошествии некоторого времени была пристроена группа поздних (петровских) могил (№№ 9, 10, 15), они размещались на линии рва, частично прорезая его (Костюков и др., 1995, с. 156–157, 171). Для интерпретации назначения рва представляет интерес синташтинская могила 5. Могила размером 5,6 х 2,2-2,5 м и глубиной в материке 1,15 м была ориентирована по линии ЮВ-СЗ. Яма подверглась ограблению. В непотревоженном участке заполнения у ЮВ стенки на 0,4 м выше дна зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде слабого тлена белесого цвета, уложенного поперек длинной оси ямы. На уровне перекрытия размещались: в восточном углу – два черепа лошади; у середины ЮЗ стенки – скелет жеребенка (без дистальных частей ног), череп и хвост взрослой лошади. В грабительском вкопе встречены кости конечностей трех особей лошади, черепа и кости ног двух овец, кость крыла гуся. На дне у ЮВ стенки находился череп крупного рогатого скота. В могиле было захоронено 8 человек. В ЮВ половине дна могилы, которая пострадала меньше, зафиксированы останки мужчины (?) 17–18 лет, мужчины 25–27 лет, двух индивидов 13–16 лет, ребенка 1,5–2 лет. Судя по немногим костям ног, сохранившим первоначальное положение, имело место захоронение как на левом, так, возможно, и на правом боку, головой во всех случаях на ЮЗ, т.е. поперек длинной оси ямы. В СЗ половине в заполнении обнаружены кости мужчины 22–24 лет, ребенка 2 лет, подростка 13–16 лет. Несмотря на ограбление, могила сохранила разнообразный инвентарь. Почти не потревоженный комплекс находился в СЗ части дна, он включал два сосуда, бронзовое тесло и шило, спиралевидную обмотку ременной рукояти плети, пест из яшмовидной породы. В ЮВ половине дна могилы обнаружены бронзовые наконечник копья, колечко, крючок, фрагмент спиралевидной обмотки (?), обломок пластинчатого орудия, 4 псалия из рога лося, 2 «терочника» из кварцевого порфира и яшмовидной породы, 3 кремниевых наконечника стрел, фаланга крупного рогатого скота с бронзовой скобкой. В южном углу находилось компактное

скопление из 147 астрагалов (овца – 111 экз., сайга – 27 экз., косуля – 6 экз., крупный рогатый скот – 2 экз., кабан – 1 экз.). Всего в могиле обнаружено не менее 8 сосудов (Там же, с. 160–161).

Наибольший интерес представляют материалы кургана 25 Большекараганского могильника (Южное Зауралье). Перед началом раскопок курган 25 представлял собой участок пахотного слоя диаметром около 20 м, высотой 0,3 м. В результате раскопок выявлена погребальная площадка правильной округлой формы диаметром 18–18,5 м, окруженная мощным кольцевым рвом. В пределах площадки и во рву выявлено 15 погребений и 6 ям с останками жертвенных животных. Исследователи считают, что комплекс этого кургана формировался в течение длительного промежутка времени и условно выделяют три основных этапа. На первом этапе были сооружены погребения 7, 16, возможно, 20. Кольцевой ров еще отсутствовал. Второй этап отмечен появлением вокруг площадки рва и оформлением центральной (погребения 9 и 10) и западной-1 (погребения 2, 4, 17, 18) групп погребений. Центральные ямы, по-видимому, функционировали в качестве склепов. Третий этап связан с появлением в западной части комплекса могильных ям, впущенных в ров в процессе его затекания грунтом (погребения 12, 23, 24) (Зданович, 2002, с. 17, 20, 23, 26–27). Особого внимания заслуживает ров, обводящий площадку. Д.Г. Зданович отмечает, что ров и центральные погребения образуют в совокупности единую, центрально-ориентированную систему, которая организует всю планиграфию комплекса. Ров был выкопан в один прием, так как нигде не наблюдаются следы его дополнительного углубления и повторных прокопов. Ров имел ширину 3–4 м в верхней части и глубину до 1,3 м от уровня древней поверхности. Он состоял из 12 секций, по-видимому, его копали по общему плану и разметке, но в виде отдельных ям. В результате исследователь приходит к выводу, что «функции рва – символические и ритуальные, наличие целой серии перерывов сводит к нулю реальные охранительные функции этого масштабного сооружения» (Там же, с. 27).

Безусловно, следует согласиться с этим выводом. Но для интерпретации данного архитектурного сооружения представляют интерес центральные могилы, вокруг которых, собственно, и был сооружен ров. Прежде всего, это погребение 10. Очертания ямы в верхней части размыты из-за нор землероев, в районе дна яма имела прямоугольную форму и размеры 3,5 х 2,5 м. В заполнении встречены фрагменты 6 человеческих костяков: А – мужчина 18–22 лет, Б – женщина 15 (?) лет, В – ребенок возраста 4 ± 1 год, Г – ребенок старше 2 лет, Д – ребенок возраста 1 год ± 6 месяцев, Е – ребенок до 6 месяцев (новорожденный). Выявлены останки жертвенных животных – лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Погребальный инвентарь, встреченный в заполнении, представлен фрагментами четырех сосудов, медным шилом, «лопаточкой» из рога, плоским костяным диском с центральным отверстием, пятью разрозненными клыками корсака, бусинами из камня (15 экз.) и меди (1 экз.). Вдоль северной стенки ямы сохранился в нетронутом виде участок дна шириной 0,7–0,8 м. Находящиеся здесь предметы были погребены под остатками деревянного перекрытия ямы. Параллельно стенки располагалось 8 сосудов (№№ 34–41). Сосуды № 38 и № 39 находились внутри сосуда № 37. Сосуд № 36 – деревянный, в виде полусферической чаши. Под этим сосудом были расчищены кости утки (исходно – часть тушки). Под сосудом № 41 (миниатюрный остроребериый горшочек с двумя отверстиями на шейке) залегали кости дикого кабана – две первые и две вторые фаланги конечностей двух особей в сочленениях. На костях расчищены две пастовые бусины. Возле сосуда № 41 находился кусок древесной смолы, под ним – медная спиралька и кусочек металла. К северу от этого сосуда находились: медное шильце, еще один кусок древесной смолы, костяное изделие круглой формы с центральным отверстием и треугольными нарезками по краю, две подвески из клыков лисицы и собаки. Две аналогичные подвески располагались к востоку от сосуда. В СВ углу ямы лежали три каменных наконечника стрелы, в районе СЗ угла – белемнит. У северной стенки на 60 см выше дна найден медный топор-тесло. В полу ямы выявлено два детских погребения. Захоронение «Ж» располагалось в ЮЗ секторе, в яме размерами 0,60 х 0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 7–8 см. Ребенок захоронен скорченно, на правом боку, головой на С. Прямо под костяком, в ямке стоял сосуд № 42, устье которого было перекрыто бедренными костями скелета. В ногах костяка – семь астрагалов и три фаланги овцы, три клыка корсака. На черепе – дисковидная бусина из серпентинита. Возраст ребенка 1,5 года ± 6 месяцев. Захоронение «З» располагалось в СЗ секторе, в яме размерами 0,65 х 0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 5 см. Ребенок захоронен скорченно, на правом боку, головой на С. За спиной лежал набор астрагалов (кабан – 1 экз., овца –7 экз., коза – 3 экз., сайга – 2 экз.). На черепе – оригинальная каменная бусина с шишечками. Возраст ребенка 1,5 года ± 6 месяцев (Зданович, 2002, с. 41, 43, 47).

Большекараганское погребение с костями утки и деревянной чашей не единственное в синташтинской культуре. Подобный ритуальный комплекс обнаружен в синташтинском погребении

35 могильника Бестамак (Казахстан, Костанайская область), где была захоронена женщина 25–30 лет. Могильная яма крупных размеров 3,4 х 1,9 м ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Над перекрытием зафиксированы костяки двух лошадей ногами друг к другу, головой на СЗ. У задних конечностей лошадей располагались кости конечностей от четырех овец. На дне могилы находился костяк женщины скорченно, на левом боку, головой на СЗ. В области шеи обнаружено 17 пастовых бусин, на левой руке – бронзовый браслет, на черепе – две каменные бусины синего цвета. В головах – 4 сосуда, причем маленький сосуд помещен внутрь самого большого. Под развалом большого сосуда – бронзовый серп. Слева от сосудов, в ЮЗ углу найдены проколка и две бронзовые скрепки от деревянного изделия (сохранился древесный тлен). В 0,1 м от них лежали в анатомическом порядке кости крыла утки, а также просверленный астрагал крупного рогатого скота. Так же в головах, ближе к центру ямы, лежали два бронзовых ножа, стамесочка с роговой рукояткой и штыковидное орудие. В северном углу рядом с сосудом найдены два каменных наконечника стрелы, каменный пест (?). За спиной – костяное орудие, бронзовый шплинт. В ногах: бронзовая стамесочка с деревянной рукоятью, бронзовая игла, две бронзовые скрепки, костяное пряслице, маленький неорнаментированный сосуд (Калиева, Логвин, 2009, с. 38–43). Погребение 35 не было окружено рвом. Однако представляет интерес замечание исследователей, что остатки конструкций в виде рвов прослежены в незатронутой разрушением части раскопа (Там же, с. 34).

Для интерпретации назначения рва, окружающего подкурганную площадку с основными могилами, представляется допустимым привести достаточно отдаленные аналогии, которые сохранились в японских письменных источниках. В «Кодзики» и «Нихон сёки» есть известная легенда о том, что душа отважного воителя Ямато-такэру после его погребения в кургане превратилась в большую белую птицу (лебедя). Сын Ямато-такэру, государь Тюай, повелел по всем провинциям страны изловить «белую птицу» и вскормить ее в пруду у гробницы отца. Для него изловили несколько птиц. Действительно, в японских дворцовых прудах и во рвах с водой, окружавших гигантские царские курганы, гнездились водоплавающие птицы, которых подкармливали, чтобы они не улетали далеко. Даже сейчас на гигантских «царских» курганах, где сохранилась хотя бы часть опоясывающих их рвов с водой, все еще гнездятся водоплавающие, в том числе белые птицы: лебеди, гуси, цапли, журавли, утки. В древности глиняные изображения (ханива) таких птиц изготавливали в массовом порядке и устанавливали непосредственно во рвах вокруг курганов или на их вершине (Бакшеев, 2004, с. 445–446).

Прямое перенесение этнографических данных на синташтинский материал невозможно. Однако вполне допустимо предположение, что рвы вокруг синташтинских курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной во время таяния снега и паводка они наполнялись водой, что привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц – гусей, лебедей, уток. В таком случае, весьма значимой становится находка в погребении 10 кургана 25 Большекараганского могильника ритуального комплекса, состоящего из деревянного сосуда в сочетании с костями утки. Кроме того следует отметить также то, что центральные погребения (9, 10) и ров были созданы, как уже было отмечено выше, в одно время. Поэтому связь ритуального комплекса из погребения 10 и рва представляется весьма вероятной. Не менее значимым является находка костей крыла гуся на перекрытии могилы 5 кургана 2 могильника Каменный Амбар 5, могила 5 и ров этого кургана также относятся к одному (раннему) периоду функционирования данного погребального сооружения.

Наличие ритуальных комплексов, включающих деревянную чашу и кости утки (могильники Большекараганский, Бестамак), жертвенного комплекса с костями крыла гуся (Каменный Амбар 5) могут выступать свидетельством существования представлений о душе-птице, которая возрождается с прилетом водоплавающих птиц в ходе отправления определенных ритуалов. Учитывая, что большинство исследователей признает индоиранскую принадлежность синташтинского населения, для подтверждения этого предположения вполне уместно привлечение данных из угорской этнографии, так как согласно лингвистическим данным контакты угорского и индоиранского населения уходят в глубокую древность.

В культуре обских угров ритуал, связанный с водоплавающими птицами (утками), имеет отношение к куклам упыт-акань. Среди северных хантов и манси был распространен обычай изготавливать такие куклы после смерти умершего (Кулемзин, 2000, с. 131). В угорской этнографии содержатся сведения о двух видах ритуальных кукол – упыт-акань (опыт-акань) и иттарма (иттерма). Кукла упыт-акань изготавливалась из волос умершего и его родственников. Такие куклы были распространены у березовских и казымских хантов (Карьялайнен, 1994, с. 110; Мартынова, 1998, с. 132, 135–136; Соколова, 1979, с. 252). Кукол держали дома до прилета диких уток, а затем сжигали в ходе особого ритуала (Карьялайнен, 1994, с. 110; Мартынова, 1998, с. 135; Чернецов, 1959, с. 151).

Сведения о ритуалах, связанных с куклами упыт-акань, имеются в работе К.Ф. Карьялайнена. Он отмечает, что «если на Казыме умирает тот, кто уже научился вязать узлы, с его головы срезают волосы, которые вкладывают в куклу умершего…В солнечные дни ее вынимают и садят на стол во время семейных трапез. Так заботятся о кукле умершего мужчины пятьдесят, а о кукле умершей женщины сорок дней, и в это время не посещают их могил. По истечении этого срока куклу при необходимости хранят в сундуке до дня сожжения. Но нельзя сжигать, если реки покрыты льдом. Если человек умер поздней осенью, так что дни поминовения (50–40) не закончились до замерзания рек, куклу сжигают только следующей весной во время возвращения диких уток» (Карьялайнен, 1994, с. 110). По свидетельству В.Н. Чернецова на окраине селения для изображения покойного строится небольшой шалашик, «перед входом которого кладется убитая утка головой на север. Шалашик вместе с куклой сжигается, а утку родственники варят и съедают. Если человек умер осенью или зимой, то изображение его хранят до весны, пока не прилетят утки. Обряд сжигания куклы производится непременно при «верховом», т.е. южном ветре» (Чернецов, 1959, с. 151). По данным Е.И. Ромбандеевой северные манси обряд сожжения волос умершего устраивают с прилетом уток. Для этого строят специальный шалашик, куда кладут волосы, разложенные на 4–5 пучков, и маленькую утку (Ромбандеева, 1993, с. 112–113).

Изготовление куклы упыт-акань было тесно связано с представлениями о магической силе волос. По данным З.П. Соколовой, волосы человека считались местом обитания души-дыхания «лили», которая после смерти человека и проведения соответствующих обрядов вселялась в новорожденного младенца (Соколова, 1995, с. 143). Как отмечает В.Н. Чернецов, эта «реинкарнирующаяся душа» или душа-имя связывалась с дыханием и жизненным началом человека и представлялась в образе птицы, живущей у его головы (Чернецов, 1971, с. 81).

В угорской традиции природные явления, знаменующие возрождение природы (вскрытие рек, прилет птиц, теплые ветра) были непосредственно включены в ритуал и определенным образом связаны с представлениями о мире. Птицы – это, прежде всего, водоплавающие птицы, совершающие сезонные перелеты на юг, причем предпочтение отдается утке. Более того, в мансийской традиции оговаривается, что это должна быть маленькая утка, типа чирка, а не крупная, как чернеть (Ромбандеева, 1993, с. 113). Ветер обязательно южный, «верховой». Водоплавающая птица (утка), река, южный, «верховой» ветер являются важными элементами угорской мифологической картины мира и связаны с представлениями о возрождении души. В.В. Напольских предложил следующую реконструкцию древнейшей мифологической картины мира для уральских народов: пространство упорядочено относительно мировой реки, текущей с юга, с неба на север, в нижний мир. Этому делению мира соответствует в мировоззрении уральских народов представление о стране водоплавающих перелетных птиц, уток в том числе. В верховьях мировой реки, на юге, на небе обитает подательница жизни. Утка является связной между богами и людьми. За устьем мировой реки начинается нижний мир. С этим миром связана гагара (Напольских, 1990, с. 9–11; 1991, с. 79–87).

Данные представления нашли отражение в угорском ритуале сожжения погребальной куклы. Важное место в ходе проведения обряда отводилось водоплавающей птице – утке. В погребальном обряде северных манси сжигаемая вместе с куклой утка выступает в роли медиатора, она должна была помочь душе достичь Верхнего мира (южной стороны) (Федорова, 2003, с. 472). По материалам В.Н. Чернецова, перед шалашиком с куклой клали первую убитую утку (1971, с. 81). К первой добытой в году утке ханты относились с особым почитанием. Ее нельзя было есть, пока от нее не отойдет весь пар. Обычай этот был распространен повсеместно, но только у северных хантов сохранилось объяснение этого ритуала как связанного с приглашением божеств к пиршеству и посыланием пищи в Верхний мир (Мифология хантов, 2000, с. 84).

Следует также отметить, что в иранском искусстве и мифологии также присутствует образ водоплавающей птицы. Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу главой пернатых, она первой принесла слово божье в этот мир. Уже этого, по мнению Ю.А. Рапопорта, достаточно, чтобы предположить, что водоплавающая птица была воплощением божества и некогда играла в мифологии очень значительную роль. Кроме того, он полагает, что образ водоплавающей птицы отражал представление об изначальности водной стихии, которую в авестийском пантеоне олицетворяла богиня Ардви Сура Анахита (Рапопорт, 1977, с. 60, 68).

Таким образом, на основании аналогий из этнографии можно высказать предположение, что рвы вокруг курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц. В синташтинских курганах обнаружены ритуальные комплексы, включающие деревянную

чашу и кости утки, жертвенный комплекс с костью крыла гуся. Определенные параллели синташтинскому погребальному ритуалу с использованием костей водоплавающих птиц можно обнаружить в обско-угорской этнографии. Обско-угорские аналогии позволяют предполагать существование в среде синташтинского населения представлений о душе-птице, которая возрождается с прилетом водоплавающих птиц в ходе отправления определенных ритуалов. Кроме того, утка могла выступать в роли медиатора, она должна была помочь душе достичь Верхнего мира. Вместе с тем следует признать, что погребения с костями водоплавающих птиц (утка, гусь) достаточно редко встречаются в синташтинских могильниках и сопровождаются нестандартным набором инвентаря. Возможно, реконструируемые для эпохи бронзы представления могли иметь и другие формы выражения, не фиксируемые на археологическом материале.

Литература:

Бакшеев Е.С. Небесные девы, пернатые одежды. Орнитологический код в традиционной японской культуре (на примере мотива «Хагоромо») // Человек и природа в духовной культуре Востока. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 435–462.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Кн. 1. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. – С. 17–106.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 9. – С. 32–58.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – Т. 1. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. – 152 с.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 156–207.

Кулемзин В.М. Иттерма // Мифология хантов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – С. 131–132.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1 (раскопки 2008, 2010–2011, 2014 гг.). – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – 119 с.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. – 235 с.

Мифология хантов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – 310 с.

Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1990. – С. 5–21.

Напольских В.В. К реконструкции прауральской космогонии: Мать Юга (возможность воссоздания образа) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. – С. 79–87.

Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1977. – С. 58–71.

Соколова З.П. Похороны у казымских хантов // Полевые исследования Института этнографии. 1977. – М.: Наука, 1979. – С. 249–253.

Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. – М.: ТОО «ГЕО-ТЭК», 1995. – С. 143–173.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Федорова Е.Г. Мир умерших у северных манси // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск: ООО «Тобольск-Нефтехим» 2003. – С. 470–475.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды института этнографии. Новая серия. – 1959. – Т. 51. – С. 114–156.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. – Вып. В 4–12. – М.: Наука, 1971. – 120 с.

Резюме

С.В. Сотникова

КОЛЬЦЕВОЙ РОВ КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ

(по материалам погребальных памятников эпохи бронзы)

В некоторых курганах синташтинской культуры Южного Зауралья фиксируются рвы, окружающие погребальную площадку. На основании аналогий из этнографии высказано предположение, что они сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной во время таяния снега и паводка рвы наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц, с которыми, вероятно, были связаны представления о душе-птице и ее возрождении.

Summary

S.V. Sotnikova

ANNULAR MOAT AS AN ELEMENT OF CULTIC PRACTICE

(on the materials of burial sites of the Bronze Age)

In some barrows of the Sintashta culture of the Southern Trans-Urals, moats surrounding the burial place were discovered. Based on analogies from ethnography, it was suggested that they were built taking into account their use in cult practice. In spring, during the melting of snow and flood, the moats were filling with water. This attracting to the moats of migratory waterfowl, with which, probably, the notions of the soul-bird and its revival were connected.

Үмітқалиев Ұ.Ұ.
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан

УДК 902.2

ШЫҢҒЫСТАУДАҒЫ ҚЫРЫҚҮҢГІР КЕШЕНДІ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШІ

Ключевые слова: эпоха бронзы, сакский период, могильник, курганы с «усами»
Keywords: bronze age, the period of Sakis, burial, Tumulus with ridges

Қырықүңгір кешенді археологиялық ескерткіші 2014 жылдан бастап Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің, тарих факультеті, археология және этнология кафедрасының жазғы далалық археологиялық және этнологиялық экспедициясымен зерттелініп келеді.

Табиғаты әсем Шаған өзені бойына орналасқан «Қырықүңгір» археологиялық кешені бірнеше дәуірді қамтитын ескерткіштермен және сан алуан архитектуралық құрылыстарының өзгешелігімен көпшілік ғалымдар назарын аударып отыр.

Кешенді ескерткішке «Қырықүңгір» атауын беруіміз Шаған өзенінің оң жағалауында орналасқан ақ тасты жұмсақ тау жынысынан құралған ерекше геологиялық түзілім нәтижесінде тау жыныстарында көптеген үңгір қуыстары пайда болған.

Жергілікті халық аузында осы үңгір қуыстарына нақты атау ерте кезеңдерден бастап берілмегенімен, кейінгі ел аузында «Қырық екі үңгір» немесе «Қарлығаш 2» деп аталып жүр. Үңгірдің көптігіне байланысты жалпы қазақ халқында бес, жеті, тоғыз сандарына дейін нақты атағанмен одан көп болса «қырық», «сексен» деп атай береді. Ал одан да көп болса «мың» дей салады.

Сол себепті осы ескерткіштің жанында табиғатына ерекше көрік беріп тұрған үңгірлі ақ жартасқа байланысты және археология ғылымында қалыптасып үлгерген қағида бойынша ескерткішке жергілікті жердің ерекшелігіне қарай зерттеушінің өз атауын беру шарты ұсталынды.

Қырықүңгір кешенді ескерткішін зерттеуге тағы бір түрткі болған мәселе бұл Алтай, Тарбағатай, Ертіс бойы көне мәдениеттердің ошағы болған өлкемен Сарыарқаның кең жазықты ұлы мәдениеттерінің тоғысар торабы. Сонымен бірге Шыңғыстау өлкесі ықылым замандардан бастап ақ мал өрісіне қысы жазы жайлы, металл кеніштеріне бай ірі мәдени ошақ болғаны дәлелденіп отыр. Сөзіміздің әлқиссасына кіріспес бұрын осы Шыңғыстау жерінде ғалымдар назарына ілінген ескерткіштер жөнінде қысқаша сөз қайырып өтпекпіз.

Шыңғыстау жерінде ғылыми тұрғыда зерттеулер азды-көпті болғанмен олардың дені Шыңғыс жотасының оңтүстік сыртындағы ұсақ шоқылы қыратты болып келетін Сарыкөл көлі төңірегінде жүргізілді.

Екінші дүниежүзілік соғыстан кейінгі кезеңдерде белгілі ғалым Әбусағит Жиреншиннің бастамасымен өлкетанушылық экспедициялар және Алматыдағы Орталық мемлекеттік музейдің қызметкері Л.К. Нифонтованың, Ленинградтық ғалым С.С. Черниковтардың барлау жұмыстары нәтижесінде Сарыкөл ескерткіштері тізімге алынды (Черников, 1960, 124 б). Кейіннен 1980 жылдардың аяғында осы өңірдің тумасы Ә.М. Оразбаев осы Сарыкөл ескерткіштерін көріп сол маңнан бірнеше обаға қазба жүргізеді, (Төлеубаев, 1995, 4 б).

Тәуелсіздік кезеңінен кейін бұл өңірлерде Шәкәрім атындағы Семей мемлекеттік университетінің экспедициялары бірнеше маусым зерттеулер жүргізіп әл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университетінің археологтары Ә.Т. Төлеубаев, Ғ.Қ. Омаровтарды ат салыстырған болатын. Бұл экспедиция құрамында Семейлік тарихшы ғалым Амантай Исин және жергілікті әуесқой өлкетанушы Кәкен Шылғаубаевтармен бірге Семей университетінің бір топ студенттері ат салысты. Осы зерттеулерге әл-Фараби атындағы қазақ ұлттық университетінің археологтары қатарында осы еңбектің авторы да қатысқан болатын.

Зерттеулер барысында Сарыкөл маңынан біршама қомақты археологиялық жәдігерлер табылып ол жөнінде Амантай Исин бірнеше мерзімді басылымға мақалалары мен еңбегін жарыққа шығарды (Исин, 2004, 20-37 бб).

Кейіннен мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында белгілі археолог Зейнолла Самашевтің жетекшілігімен «Шыңғыстаудың түркі дәуірі ескерткіштері» атты жобамен үш жыл зерттеулер жүрді. Ол зерттеудің қазба жұмыстарын Ә.Х. Марғұлан атындағы археология

институтының жас ғылыми қызметкері Ерден Оралбай жүргізді, (Самашев, Сапашев, Оралбай, Төлегенов, Исин, Сайлаубай, 2010, 86-162 бб).

2012 жылы А.З. Бейсеновтың жетекшілігімен жас археолог А.Е. Қасеналин Сарыкөлден 10 шақырымдай жерде Қопа өзенінің оң жағалауындағы қорымнан екі соңғы қола дәуірінің №5, №7 қоршауларын зерттеген болатын. Ол жөнінде А.З. Бейсенов, В.В. Варфоломеев және А.Е. Қасеналиндердің 2014 жылы шыққан «Паятники Бегазы – Дандыбаевской культуры Центрального Казахстана» атты ұжымдық еңбектерінде терең талдау жасалынады. (Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, 62 б)

Алайда осы жоғарыда көрсеткен шағын тізімнің барлық зерттеушілері Шыңғыстаудың оңтүстік сыртындағы Сарыкөл маңы ескерткіштерін зерттеумен шектелді. Нақтылап айтқанда 10 шақырымдық радиусты қамтитын шағын зерттеулер мен барлаулар Шыңғыстаудың көне тарихи-мәдени ерекшелігін айшықтап бере алмасы анық.

2012 жылдан бастап Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының жетекші ғылыми қызметкері А.З. Бейсеновтың жетекшілігімен біздің зерттеулерімізде барлау жұмыстарымен қатар бірнеше мұртты обаға қазба жұмыстары жүргізілді. Барлау барысында Тоқтамыс, Арқат, Медеу, Көкбай, Сарыжал, Олжай және Құндызды селолық округтері территориясынан 50 ге жуық ерте темір дәуірінің обалар қорымы тізімге алынды. Осы қорымдардан 33 мұртты оба бар екендігі анықталды. Бұл деректер соңғы емес әлі де толыға түсетіні анық. Айта кетерлігі, мұртты обалар кездесетін қорымдарда аталмыш ескерткіштер көбінекей бір немесе екіден кей жағдайда бір қорымда алтыға дейін мұртты обалар кездесетіні анықталды. Барлау жұмыстарымен қатар, Тоқтамыс ауылының оңтүстік-батысына қарай 9 шақырым жердегі Бұғылы-Машан тауының сілемі болып келетін Керегетас тауының бөктерінде орналасқан Айтуған I қорымынан екі мұртты оба және Құндызды селолық округіне қарасты Суықбұлақ, Баймағұл ескерткіштерінен екі мұртты оба зерттелген болатын. (Бейсенов, Умиткалиев, Дуйсенбай, 255б)

Осындай бағытты зерттеулердің сыртында бүгінгі күні өз бетінше қазына іздеу мақсатында археологтардың атын жамылып тонаушы топтардың көбейуі қынжылтады. Туған жердің тарихын көздің қарашығындай қорғап оны барша ел болып жұмыла сақтау ісі бүгінгі күннің кезек күттірмес мәселесі.

Соңғы төрт жылдың көлемінде Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің археологиялық және этнологиялық экспедициясы Шыңғыстау өңірінде толық барлау жұмыстары мен қазба зерттеулерін жүргізуде. Осы уақытқа дейінгі барлық ақпараттарды қамти келе тас дәуірінен бастап, қола, ерте темір, түркі кезеңдерінің 270 тен астам кешенді ескерткіштері тізімделді. Сонымен бірге Олжай ауылының жер әкімшілігіне қарасты Қаракемер қойнауында, Тоқтамыс ауылының маңынан Айтуған, Қырықүңгір қорымдарында және Құндызды ауылының әкімшілігіне қатысты Суықбұлақ, Баймағұл қорымдарына қазба жұмыстары жүргізілді.

Солардың бірі де бірегейі Тоқтамыс ауылының жанында орналасқан қола дәуірінен бастап орта ғасырларға дейінгі ескерткіштерден тұратын - Қырықүңгір жерлеу кешені жөнінде жөнінде сөз өрбітпекпіз.

Қырықүңгір жерлеу кешені – Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданы, Тоқтамыс батыр (Бестамақ) елді мекенінен солтүстікке қарай 2 км жерде, екі мұсылман зиратының арасында жатыр. Қырықүңгір тауынан батысқа қарай 350 метр жерде Шаған өзенінің сол жағалауындағы екінші террасада орналасқан. (1 сурет) Қырықүңгір жерлеу кешенімен қатар Шаған өзенінің сол жағалауында қола дәуірінің қонысы мен бірге Шаған өзенінен 1 шақырымдай жерде тау қойнауында сақ дәуірінің қонысы бар екендігі анықталды.

Қырықүңгір жерлеу кешені жалпы I, II, III топтардан тұрады. Онда үш шаршы шақырым аймақта орналасқан қола, ерте темір және түркі дәуірінің жерлеу ескерткіштері мен қоныстары бар. Оңтүстік - шығыстан солтүстік – батысқа қарай созылып жатқан үш қорымда құрамында 100 – ге жуық ескерткіштер анықталды. Ескерткіштердің негізгі бөлігін қола дәуірінің қоршаулары құрайды сонымен қатар, соңғы қола дәуірінің құрылысы күрделі болып келетін қоршаулары мен обалары, ерте темір дәуірінің қорғандары және түркі кезеңінің қоршаулары. Осылардың ішінде өлшемдерімен ерекшеленіп тұрған биіктігі 3-4 метр, диаметрі 35-40 метрді құрайтын ерте темір дәуірі қорғандары және биіктігі 2,5 метрді құрайтын пішіні тік төртбұрышты болып келетін соңғы қола дәуірінің қорғаны орналасқан.

Археологиялық қазба жұмыстары төрт жылдың көлемінде әр кезеңге жататын ескерткішке жүргізілді. Олар: қола дәуірінің 20 кіші қоршаулары мен ірі көлемдегі 1 төрт құлақты қоршауы, 1 топырақ үйінділі қорған қоршауы және ерте темір дәуірінің Қырықүңгір I, II, III қорымдарынан төрт обасы мен бірге бір «мұртты» обаға қазба жүргізілді.

Қола дәуірінің қоршаулары негізінен қорым орналасқан терассаның өзен жақ шетін ала жағалай тізбектеле шағын қоршаулардан тұрады. Кіші көлемдегі тасты қырынан қойып жасалған қоршаулар өзіндік ерекшелігіне қарай және табылған жәдігерлеріне қарай ерте қола кезеңі ескерткіші екенін меңзеп отыр.

Төрт жылдық қазба жұмыстарының барысында осындай қырынан қойылған тастардан салынған 8 қоршауға қазба салынып, әр қоршауда екіден - төртке дейін тас жәшікті жерлеулер кездесіп, 20 тас жәшік ашылды.

Ең қызықты әрі тарихи маңызы бар деректер берген 2014 жылғы қазба маусымындағы Қырықүңгір қорымы № 58 қоршаудағы үш тас жәшіктен анықталды. Тас жәшікті жерлеулер дөңгелек қоршаудың орталық бөлігінде ұзынынан шығыс-батыс бағытында тізбектеле орналасқан. Қоршау тоналып кетсе де сақталған адам сүйектерінен жерленушінің қалай жатқызылғанын аңғаруға болады.

Шығыс шетіндегі қоршауда ер адам мүрдесі оң иығымен беті батысқа қаратылып жерленген. Екінші жерлеу тас жәшігінде әйел адам сол иығымен бүктетіле беті шығысқа, ер адамға қаратылып жерленген. Екеуінің де тас жәшігі бір біріне қосылып ортасын бір таспен ғана бөліп жерлеген. Үшінші көлемі кішкене тас жәшікте баланың сүйегі кездесті, сүйек оң иығымен беті батысқа қаратылып жерленген. Қола дәуірін зерттеудегі қалыптасқан қағидада ер адам оң иығымен, әйел адам сол иығымен жатқызылады, сол себепті баланың жатқызылуына қарап та ер бала деуге толық болады.

Тас жәшіктің ішін тазарту барысында 70 см тереңдіктен ретсіз, шашыраңқы түрде орналасқан қыш ыдыстардың сынықтары мен адамның сүйектері, қоладан жасалған әшекей бұйымдардың қалдықтары табылды. Жәшіктің солтүстік бұрышында еңбек құралдары, ал батыс бөлігінде адам сүйектерімен қатар қола пластиналар табылды.

Бұл жерлеу орынындағы ер адам мен әйел адамның және баланың қоса жерленген заттары ғылыми тұрғыда өте құнды деп айтуға болады.

Онда ер адамның жанынан табылған қола шотпен бірге аяқ жағынан табылған 140 асық және әйел адамның қола әшекей заттарымен бірге 37 асықтың табылуы. (2,3,4,5 суреттер)

Осыған дейін асықтар қола дәуірінің көптеген жерлеу орындарынан кездескен, мысалы: Орталық Қазақстанның қола дәуіріне жататын Бағанаты II қорымынан және Солтүстік Қазақстандағы Амангелді I қорымының №5 қорғанынан табылған. Сонымен бірге Еуразия даласында кең тараған ерте қола дәуірі мәдениеттері саналатын көне шұңқыр, катакомбалы және андронов – қима мәдениеттерін зерттеуші ғалымдар тарапынан қарастырылады. Олардың қатарында И.Ф Ковалева (Ковалева, 1990), Ю.Ф Кирюшин (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2003), Н.В Рослякова (Рослякова, 2014), С.В Сотникова (Сотникова, 2014) сынды ғалымдар еңбектері. Зерттеушілердің ойынша жерлеу орындарынан табылған асықтарды тек қана балалар ойынына қолданғаны туралы айтады, себебі осыған дейін асықтар көбінесе балалардың қабірінен табылып келген.

Біздің қазбалардағы асықтар ересек адамдардың қабірінен табылып отырғандықтан және бір шетінде тұмар ретінде тағылған тесіктері бар, екі шеті де егелгені, қызыл түске боялғандарын ескере келе асықтың тек бала ойыны үшін емес, сонымен бірге, ғұрыптық, дүниетанымдық мәні бар деп жорамалдауға негіз болып отыр.

Жоғарыдағы зерттеушілер ішінде С.В. Сотниковаңың пікірлері оқ бойы озық тұратынын айта кету керек. Оның зерттеулері бойынша асықпен жерлеулерді бір жүйеге келтіре отырып балалардың жас ерекшелігіне қарай екі топқа бөліп қарастырады. Бірінші 5-6 жастағы балалар аз асықтармен жерленген яғни ата-анасының баланың жасына 1 – 5 дейін асықтар қою, екінші 7-14 жастағы балалар асықтардың көптеп кездесуі яғни өздерінің ойнап ұтқан асықтары деп жорамалдайды.

Ал ересек адамдар қабірлерінде кездесетін асықтар жөнінде мардымды ештеңе айтпайды. Сонымен бірге этнографиялық деректерді қолдана отырып тәжіктер мен алтайлықтардың және монғолдардың мысалында алады. Дегенмен бұл пікірлерінің өзі бала атрибутында ғана шектеледі.

Ал біздің ойымызша асықтың көне дәуірлерде атқарған функциялық қызметі әлдеқайда тереңірек болған. Мәселен қазақ халқында тіпті көпшілік түркі жұртында кездесетін кәрі жілік, жауырын сүйекпен бал ашу, жорамал жасау сияқты қызметімен қатар асықты халықтық ойын ретінде, ханның ойыны ретінде, рулық белгілерді беретін, шешімдер шығаратын асылы деп қарау керек сияқты. Әрине асықтардың қола дәуірлерінен бастап кейінгі орта ғасырларға дейінгі ескерткіштердегі археологиялық табылымдарымен бірге қазақ халқының тұрмысы мен дүниетанымында кездесетін белгілерін зертеу мен жүйелеу жеке ғылыми еңбек жазуымызға түрткі болып отыр. Сондықтан да археологиялық зерттеулердегі барлық жерлеу орындарының бізге дейінгі дәуірлерде тоналса да, табылған заттық айғақтар сол дәуірдің материалдық және рухани өмірінен беретін деректік кілт болып табылады.

Келесі бір мол мәлімет берген Қырықүңгір I қорымындағы № 24 қоршау болды. Онда бір қоршауға үш тас жәшікті жерлеу және кейіннен қосымша қоршау жасап бір жай жер қабір мен бір тас жәшікті жерлеуде жерлеген. Жалпы жиыны № 24 қоршауда бес жерлеу орны анықталды.

№ 24 қоршау Қырықүңгір I қорымының оңтүстік-шығыс шетіне қарай орналасқан. Қоршаудың тастары анық жер бетінде көрініп тұр. Қоршау пішіні шар тәріздес. Оңтүстіктен солтүстік бағытта диаметрі 8,58 м, шығыс-батыс бағытта диаметрі 7,18 м. Қоршаудың беткі бөлігін 10 см ашқаннан кейін тас жәшікті үш жерлеу орны бар екендігі анықталды. Тас жәшіктердің барлығы шығыс батыс бағытында ұзынынан орналасқан. № 1 тас жәшік пен № 2 тас жәшіктің ара қашықтығы 90 см, № 2 тас жәшік пен № 3 тас жәшіктің ара қашықтығы 3,33 м. Осы екінші және үшінші тас жәшікті жерлеудің арасындағы кең бос жерден ағашпен тас жәшік тәрізді етіп жасалған жерлеу орны анықталды. Ағаш жерлеу орынының оңтүстігіне, яғни № 2 тас жәшіке қарай 60 см жерден жылқы сүйектерінің қалдығы 25 см тереңдіктен табылды. (6 сурет)

№ 1 тас жәшіктің ішін қазу барысында батыс жақ басынан бүтін қыш ыдыс және 1 асық пен сүйектен жасалған үш жебе ұшы және төрт қырлы болып келген басы үшкір сүйек зат пен ортасы қуыс аңның жілік сүйегінен жасалған сыбызғы тәріздес сырты өрнектелген сүйек зат және жабайы аңның тісінен жасалған амулет тәрізді тесігі бар зат табылды. Осы № 1 тас жәшіктің ішін қазуды 74 см тереңдікке жеткізгенде батыс жақ шетінен үш бүтін қыш ыдыс табылды. Сонымен бірге шашылған күйінде пастадан жасалған моншақтар мен қоладан жасалған моншақтар табылды. (7,8,9 суреттер)

№ 2 тас жәшікке қазба жүргізу барысында батыс бөлігінен 5 қыш ыдыс бүтін күйінде тігінен қойылған. Тас жәшіктің шығыс бөлігінен шашылған күйінде пастадан жасалған моншақтар мен қоладан жасалған моншақтар табылды. Тас жәшіктің орталық бөлігінен қоладан жасалған дөңгелек сырға мен алтыннан жасалған бір жарым орамды самай сырға табылды. Екі тас жәшікте де адам сүйектері сақталмаған.

№ 3 тас жәшіктің ішінен адам сүйектері шашылып табылғанмен қоса жерленген ешқандай заттық айғақтар табылмады.

№ 2 және № 3 тас жәшіктердің ортасынан табылған ағаш құрылысты жерлеуден шашылған адам сүйектерінен басқа ешқандай заттық айғақтар табылмады.

№ 42 қоршау– мұртты қорғаннан оңтүстік – батыс бағытына қарай 65 м жерде орналасқан, пішіні шаршы тәріздес әрбір қырының ұзындығы 6 м – ге жетеді. Қоршау дөңгелек тастарды жерге қадап орнату арқылы тұрғызылған, тастардың диаметрі 25 – 35 см, жер бетінен 0,4 – 0,5 метр сыртқа шығып тұр. Қазбаға дейін қоршаудың беткі бөлігін қалың шөп басып жатты.

Қоршау толық шым қабатынан тазаланғаннан соң, ортаңғы бөлігінен ұзындығы 3,7 м., ені 2,7 м. құрайтын қабір шұңқырының ізі табылды. Қабір шұңқырды тазалау барысында 0,7 м, тереңдікте таспен қаланып қоршалған құрылыс (циста) анықталды, тас қоршаудың ұзындығы - 2,5 м, ені – 1,7 м, биіктігі – 1 м, құрайды. Қазу барысында тас қоршаудың ішінен ретсіз, шашылған кейпінде адам сүйектері және қыш ыдыстың сынықтары табылды. Қоршаудың батыс бөлігінің қабырғаға жақын жерінде орташа сақталған адамның бас сүйегі табылды. Қоршаудың ішін тазалау барысында материк деңгейінен киіздің қалдықтары табыла бастады. Киіз қалдығының сақталу деңгейі өте нашар. Киіз қалдығының сақталған бөлігінің көлемі 25х10 см болады. Киіздің табылуына қарап жерленген мәйітті киіздің үстіне жатқызған болуы мүмкін. Қоршау кезінде аяусыз тоналған. Жерлеу камерасының ішінен басқа қосымша ешқандай заттар табылған жоқ. (10,11 суреттер)

Тас жәшіктерден табылған қыш ыдыстардың барлығы тік кертпішті иықты болып келген өрнегі тек бүйірінен жоғары салынған алакөл мәдениеті ескерткіштеріне тән екенін айта кету керек. Алайда Шыңғыстау өңіріндегі қола дәуірі қыш ыдыстарының өрнектеріндегі ерекшеліктер Ертіс бойы қола дәуірі мәдениеттеріне қарағанда Орталық Қазақстандық нұсқаларға жақын екенін ескерте кеткен жөн.

Сонымен қатар Қырықүңгір I қорымында қола дәуірі ескерткіштерімен қатар ерте темір дәуірінің төрт обасына қазба жұмыстары салынды. Қырықүңгір кешенінде ерте темір дәуірі ескерткіштері негізінен Шаған өзеніне қарай жақын орналасқан үшінші террассаның шетіне орналасқан. Ерте темір дәуірі ескерткіштерінің көпшілігі Қырықүңгір II, III қорымдарында кездеседі. Үш жылдық қазба маусымында тек үш ерте темір дәуірі ескерткіштері зерттелгенімен жақсы мәліметтерге қол жеткіздік деп айта аламыз.

Оның біреуі «мұртты оба» қалған екеуі кіші көлемдегі тас үйінділі бір тізбекте орналасқан обалар. Жалпы қорымның солтүстік шығыс шетіне қарай орналасқан Шаған өзенінің үшінші террасасында Шаған өзенінен 230 метр жерде жалғыз «мұртты оба» орналасқан. «Мұртты» оба – қорымның солтүстік шығыс бөлігінде жекелеу орналасқан. Қазба жұмыстарына дейін қорған тас

және топырақ араласқан пішіні дөңгелек үйінді тәріздес болды. Өлшемдері: диаметрі оңтүстіктен солтүстікке қарай 11м, шығыстан батысқа 12 м, биіктігі 0,5 м. Мұрттың ұзындығы: солтүстік мұртының ұзындығы – 47,5 м, оңтүстік мұртының ұзындығы - 41,7 м, солтүстік мұртының ені – 3 м, оңтүстік мұртының ені – 2,5 м.

Қорғанның беткі бөлігіне тазалау жұмыстарын жүргізгеннен кейін орталық нүктеден оңтүстік – шығысқа қарай жер бетінен 0,3 м тереңдікте жылқының шашылған сүйектері табылды. Қорғанды тазалау жұмыстары біткеннен соң басқа құрылымдық ерекшеліктер байқалмады. Қорғанның орталық бөлігінен оңтүстік-батысқа қарай 1,5 метр жерден, жақсы сақталған қалпында жылқы сүйегінің алдыңғы бөлігі табылды. Сүйек қалдықтарының орналасуына қарағанда жылқының алдыңғы екі қол бөліктерін шығысқа бағыттап көмген.

Қазба жұмыстары барысында мұртты обаның мұртшаларының әр бөліктерінен от орындары мен күл қалдықтары көптеп кездесті. Солтүстік мұртшаның шығыс жақ басынан бүтін күйінде сақталған тігінен тұрған қыш ыдыс табылды. Қыш ыдыстың формасы мен ернеуіндегі батырылып салынған өрнектеріне қарап ерте темір дәуірінің соңғы ширегіне жатқызуға болады.

Мұртшаның басқа да бөліктерінен шашылып табылған қыш ыдыс сынықтары кездесті.

Біздің пайымдауымызша мұртты кешеннің негізгі обасынан адам сүйектерінің кездеспеуі мен бірге от орындары, қыш ыдыс сынықтары мен жылқы сүйектеріне қарап сол дәуірдің ғұрыптық кешенді құрылысы болған деп жорамал жасауға болады.

Екі мұртшаны тазалау кезінде де тас тізбектің әр жерінен от орындары мен күл қалдықтары табылған болатын. Жылқы сүйектерін 2015 жылы А.З. Бейсеновтың зерттеу қорытындылары негізінде арнайы зертханаға сынама алуға беру барысында б.д.д 5 ғасырмен мерзімделетінін дәлелдеп беріп отыр (Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016, 249-255).

Біздің зерттеулеріміз бойынша Қырықүңгір қорымында жүргізілген келесі бір ерте темір дәуіріне жатқызылатын ескерткіш № 37 оба. Қорымда орналасқан мұртты обадан оңтүстік-шығысқа қарай 68 метр жерде орналасқан. Оба дөңгелек формада әртүрлі көлемдегі аралас өзеннің малта тастарымен,таудың жақпар тастарымен үйілген. Обаның диаметрі 6 метр, биіктігі 0,2 метр. Обаның орталық бөлігінен тас үйіндісін алғаннан кейін оңтүстік-шығыс, солтүстік-батыс бағытына бағытталған қабір анықталды. Қабірдің ұзын бойы 2 метр, ені 1,35 см, тереңдігі 1,75 см. Қабір ішін тазалау кезінде 60 см тереңдіктен бастап әр түрлі көлемдегі тас шыға бастады. Қабір іші тереңдігі 1,60 см ге жеткенде көлденеңінен жатқызылған плита тастар кездесті. Тастардың көлемі 60х30х10см ден 110х40х20 см ге дейін болады. Тас плиталар сынған күйінде шашылып кездесті. Тастардан тазаланған қабір ішінен 1,70 см тереңдіктен анатомиялық күйін сақтаған адам сүйегі табылды. Адамның басы солтүтік-батысқа қаратылып шалқасынан жерленген. Адамның бас жағынан солтүстік-батыс бетінен 1,75см тереңдіктен бүтін қызыл түсті кішкене қыш ыдыс табылды. Қыш ыдыс сыртында ешқандай өрнек салынбаған биіктігі 11 см, ернеуінің диаметрі 7,5 см (Умиткалиев, Айтбаев, 2016, 236-242 бб).

Қырықүңгір қорымында зерттелген келесі бір ерте темір дәуірінің ескерткіші № 38 обасы.

Ескерткіш №37 обаның солтүстік – шығысында жапсарласа орналасқан. Оба тас аралас топырақпен сәл сопақтау болып үйілген. Диаметрі шығыс-батыс бағытында 5 метр, оңтүстік-солтүстік бағытында 4 метр. Тас үйіндісін тазалау барысында тігінен сәл ішке қарай жантайта салынған тас қоршау анықталды. Тас қоршаудың көлемі солтүстік – оңтүстік бағытында 3,7 м, батыс – шығыс бағытында 4,9 м.

Тас қоршаудың ортасынан солтүстік-батыс, оңтүстік-шығыс бағытында қабір шұңқыры анықталды. Қабірдің ұзындығы 2 метр 20 см, ені 1 метр 90 см. Қабір тереңдігі 1 метр 95 см. (12,13 суреттер)

Қабір іші әртүрлі көлемдегі таспен толтырылған. Қабір ішінің тереңдігі 1,80 см ге жеткенде көлденең жабылған жалпақ тастар кездесе бастады. Бірақ барлық тастар сындырылып тасталғаны байқалады. Осы жалпақ тастар астынан 1,90 см тереңдіктен анатомиялық күйін сақтаған адам сүйегі табылды. Адам сүйегінің бас жағынан нақты айтқанда мойын тұсынан әр жерде шашылған жасыл түсті және ақ түсті моншақтар табылды. Жерленушінің сол жақ құлағының тұсынан жалғыз алтын сырға және кеуде тұсынан сүйек астынан аң бейнесіндегі алтын қапсырма табылды. (14,15,16 суреттер) Сонымен бірге адамның сол қолының басынан жасыл түске енген дөңгелек қола айна табылды. Қола айнаның ешқандай өрнегі жоқ, тек артында кішкене ұстайтын ілмегі қоса құйылып жасалған. Қабір ішінде адам сүйегімен бірге басқа ешқандай заттар табылған жоқ. Соған қарағанда және қабір құрылысындағы тастардың шашылып кездесуіне қарап оба қатты тоналған. Алайда үш жылда зерттелген ерте темір дәуіріне жататын үш обаның табылымдарымен нақты мерзімдемелік уақытын анықтауға мүмкіндіктер бар деп айта аламыз.

Қазба барысында табылған Қырықүңгір қорымындағы археологиялық жәдігерлердің ішіндегі ең біздің мақаламызға арқау болғалы отырған №38 обадан табылған аң стильіндегі мысық тұқымдас аңның бейнесіндегі алтын қапсырма. Қазбадан табылған аң бейнесіндегі қапсырма жалғыз болғанмен осы бейнені қайталайтын образдар Орталық Қазақстанда А.З. Бейсенов қазбаларында Талды-2, Ашутасты, Ақбейіт ескерткіштерінде кездесетіндігі айтылады. (Бейсенов А.З, Джумабекова Г.С, Базарбаева Г.А., 2015, 83)

Сонымен бірге осындай мысық тұқымдас жыртқыштың Еуразия даласында кең тарағандығын және оның Аржан – 2 ескерткішінде, Түгіскен ескерткіштерінде, Обские Плесы-2, Кош-пей -1 де кездесуі айтылады. (Богданов, 2006, 27).

Талды -2 ескерткішінде кездесетін мысық тұқымдас жыртқыштың ұқсас үлгісі Түгіскен қорымындағы Артомонов М.И. зерттеулеріндегі жыртқышпен ұқсас екендігі айтылады. Алайда Артомонов М.И бұл жыртқышты жүріп бара жатқан немесе жатқан арыстан бейнесіне жатқызады. (Артомонов, 1973, 21-22).

Ал Талды-II ескерткішінде кездесетін жыртқыштар арыстан бейнесінде емес екені анық, өйткені арыстан кейпіндегі образ сақ өнерінде осы уақытқа дейін еш жерде кездеспеген болатын. Сонымен бірге аң бейнелерінің қалыптасуы мен оның бейнеленуі жергілікті фауна мен флораға негізделгендіктен Орталық Қазақстан территориясында арыстанның мекендеуіне табиғи жағдайдың келмеуін де ескеру керек. Оған көптеген мысалдар мен дәйектерді келтіруге болады. (Қыстың қатты болуы, жергілікті жерде оған қажетті аулайтын аңның болмауы т.б себептер).

Ал біздің зерттеулеріміздегі табылған мысық тұқымдас жануардың бейнесіне қарап, оның құйрығының ұзындығына қарап барыс деуге әбден болады. Ал оның жасалу технологиясы мен композициясы және сюжеттік ерекшелігі көне шебердің дизайнерлік қабілеті өте жоғары деңгейде болғандығын аңғару қиын емес. Өйткені жоғарыда келтірген зерттеушілер пікірі бойынша осы қапсырмаларды жасаушылар ол аңнан хабары болмай штамптап көшіре берген деген пікір айтылған болатын. Алайда бұл мысық тұқымдас жануардың бейнесі жұқа алтын қаңылтырға салынғандықтан оның бұлшық еттері пен негізгі серпімділікті көрсететін дене мүшелері айқын берілген. Сол себепті де қапсырмада әлде қайда ірі жануардың бейнесіне ұқсап көрінеді. Оның негізгі контурлары бойынша бажайлап қарар болсақ қар барысы екендігін анық аңғарамыз. Ал жергілікті фаунада мекендеген аңды бейнелеуде жоғарыда айтып кеткендей тайпалық бірлестіктің негізгі тотемі болуының өзі ол бейне жөнінде көне тұрғындардың танымы ұшқары болды деп айта алмаймыз.

Мысық бейнесіндегі жыртқыштың барыс деуге негіз болатын тағы бір себеп оның аулайтын жемі таутеке мен арқардың осы жергілікті фаунада мекендеуі негіз бола алады.

Енді осы мысық тұқымдас жануардың мерзімдік даму ерекшелігіне қарай Еуразия даласында кездесетін үлгілерін Чугунов К.В жақсы сипаттап кеткен. Оның пікірінше Аржан – 2, Шілікті, Талды-2 және тағы басқа ескерткіштерде кездесетін барлық аңдар бейнесінің көркемдік ерекшелігіне қарай оның синкретикалық образға ауысуы сияқты мәселелерді қозғай келе осы құйрығын шиырған мысық тұқымдас аң бейнесі б.д.д 6 ғасырдың соңы мен 5 ғасырларға сәйкес келетіні айтылады. (Чугунов, 2015, 402).

Яғни өткен 2014 жылғы қазба маусымында табылған мұртты оба табылымындағы жылқы сүйектеріне жасалған сынама әдісінің қорытындысы бойынша және мысық тұқымдас жануардың б.д.д 5-4 ғасырларда кең тарағанына қарай, қола айнаның аналогиясына қарай отырып Қырықүңгір ескерткішінде зерттелген ерте темір дәуірінің үш ескерткішінің де б.д.д 5 ғасырмен мерзімделетін ескерткіш деуге толық негіз болып отыр.

Қорыта айтқанда Шыңғыстау жеріндегі Қырықүңгір кешенді ескерткіші қола дәуірлерінен бастап ақ ірі шаруашылық мәдени орталықтың болғанын көрсетіп отыр. Бұл ескерткіш арқылы қола және ерте темір дәуірінің көптеген түйткілді мәселелерін шешуге талпыныстар да жасалуда. Сонымен бірге археологиялық ескерткіштерді жаңаша бағытта зерттеу қажеттілігі туындап отыр. Осы уақытқа дейін ғылымда үстемдік еткен кезеңдеу, мерзімдеу мәселелеріне ерекше мән бергеннен бөлек қоғамға кеңінен насихаттау бағытында, эксперименталды археология, виртуальды археология сынды заманауи бағыттарды дамыта зерттеу тұрғысы өзекті деп білеміз.

Әдебиет:

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. - №88. – М.-Л.: Наука, 1960. – 272 с.

Төлеубаев Ә.Т. Каз Му – дің көне дәуір археологиясы және этнологиялық зерттеу топтарының жұмыстары. / Этнокультурные процессы на территории Казахстана. Алмат: Санат, 1995.

Исин А. Шыңғыстау, Берел, Шілікті, Абыралы: 1999-2003 жж. Археологиялық зерттеулер. – Семей, 2004. – 184б.

Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Төлегенов Е., Исин А., Сайлаубай Е. Шығыс Қазақстанның байырғы өнер туындылары. – Алматы: «Археология» ЖШС баспатобы, 2010. – 216 б.

Бейсенов А.З, Варфоломеев.В.В, Касеналин. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. – 192 с. +20 с. цв.ил.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Дуйсенбай Д.Б. Памятники хребта Чингистау.Курганы с «усами» // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Том 2.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков. Исследования по археологии Поднепровья. Отв. ред. И.Ф. Ковалева. – Днепропетровск. – «ДГУ». – 1990.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы. Аридная зона юга западной Сибири в эпоху бронзы: сб. науч. трудов. – Барнаул. – «Алт. гос. ун-та». – 2003.

Рослякова Н.В. Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторический общности Самарского поволжья. Диссертация на соискание кандидата исторических наук. Автореферат. – Казань. – 2014.

Сотникова С.В. Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы. Вестник археологии, антропологии и этнографии. Электр.журн. №2(25) Глав. ред. А.Н. Багашев. – Тюмень. – «ИПОС СО РАН». - 2014.

А.З. Бейсенов, У.У. Умиткалиев, М.А. Кулькова. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сарыарка) //Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 249-255.

Умиткалиев У.У, Айтбаев А.Б. Памятники сакской эпохи в могильнике Кырыкунгир. // Қазақ даласындағы сақтар мен савроматтар: мәдени байланыстар. Археолог Бекен Нұрмұханбетовты еске алуға арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2016, - 252 с.

Бейсенов А.З, Джумабекова Г.С, Базарбаева Г.А. Искусство саков Сарыарки. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана: «Бегазы – Тасмола», 2015. – 168 с. + цв.ил.

Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006.

Артомонов М.И. Сокровище саков. М.: «Искусство», 1973.

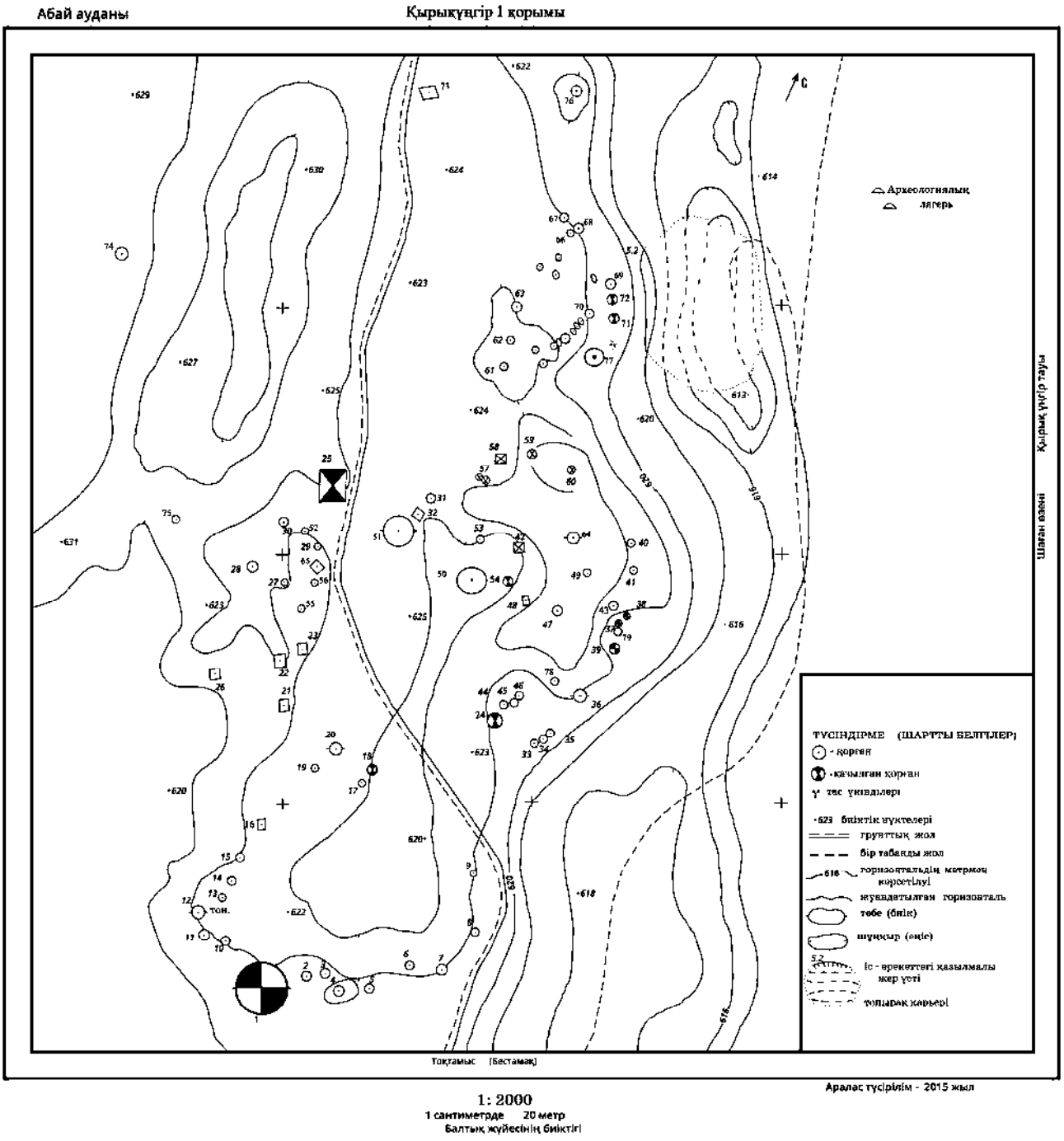
Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени тывы и Казахстана:опыт сравнительного анализа и хронология.// Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. –Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – 446 с.

Резюме

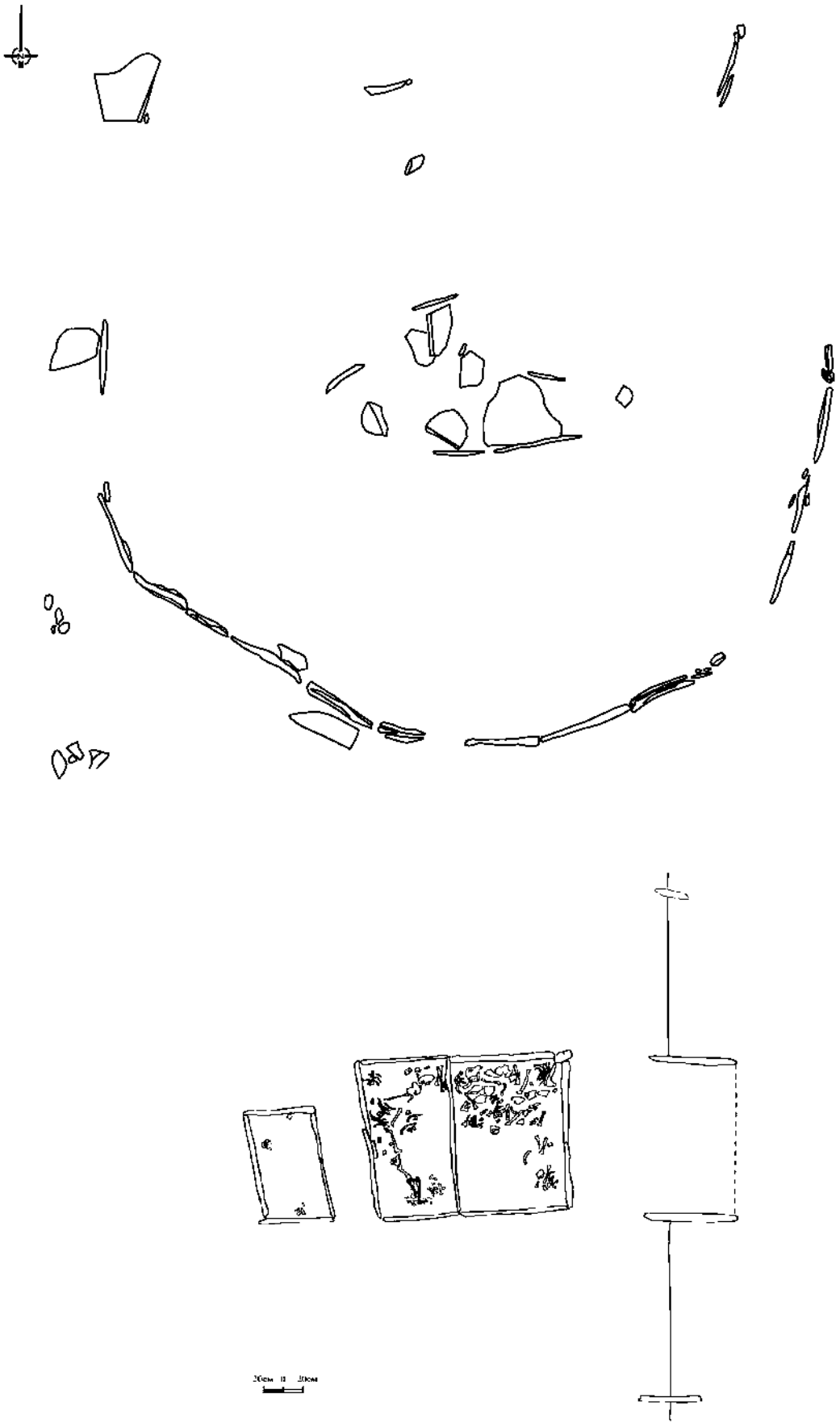
В этой статье показаны результаты изученных памятников эпохи бронзы и сакского периода расположенных в могильнике «Кырыкунгир», исследованные учеными исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в период с 2014 по 2017 года на территории Абайского района Восточно-Казахстанской области в могильнике «Кырыкунгир». Показаны полные описание раскопочного процесса исследуемых объектов, ограды бронзовой эпохи, кургана «с усами» и кургана №37, №38 сакского периода. Сделан сравнительный анализ некоторым археологическим артефактам, найденным в ходе раскопок.

Summary

This article shows the results of the studied monuments of the Bronze Age and the Saka period located in the burial ground "Kyrykunghir", studied by scientists of the L.N. Gumilyov Eurasian National University faculty of History in the period from 2014 to 2016 on the territory of Abay district of East Kazakhstan region in the cemetery "Kyrykungir". Show full description of excavation process of the objects, the mound "with a mustache" and the mound №37, №38 Saka period. The comparative analysis of some archaeological artifacts found during the excavations.



1 сурет. Қырықүңгір қорымы. Жалпы жоспары



2 сурет. Қырықүңгір қорымы. №58 қоршау сызбасы



3 сурет. №58 қоршау. Тас жәшік



4 сурет. №58 қоршау. Қоладан жасалған шот



5 сурет. №58 қоршау. Асықтар



6 сурет. Қырықүңгір қорымы. №24 қоршау



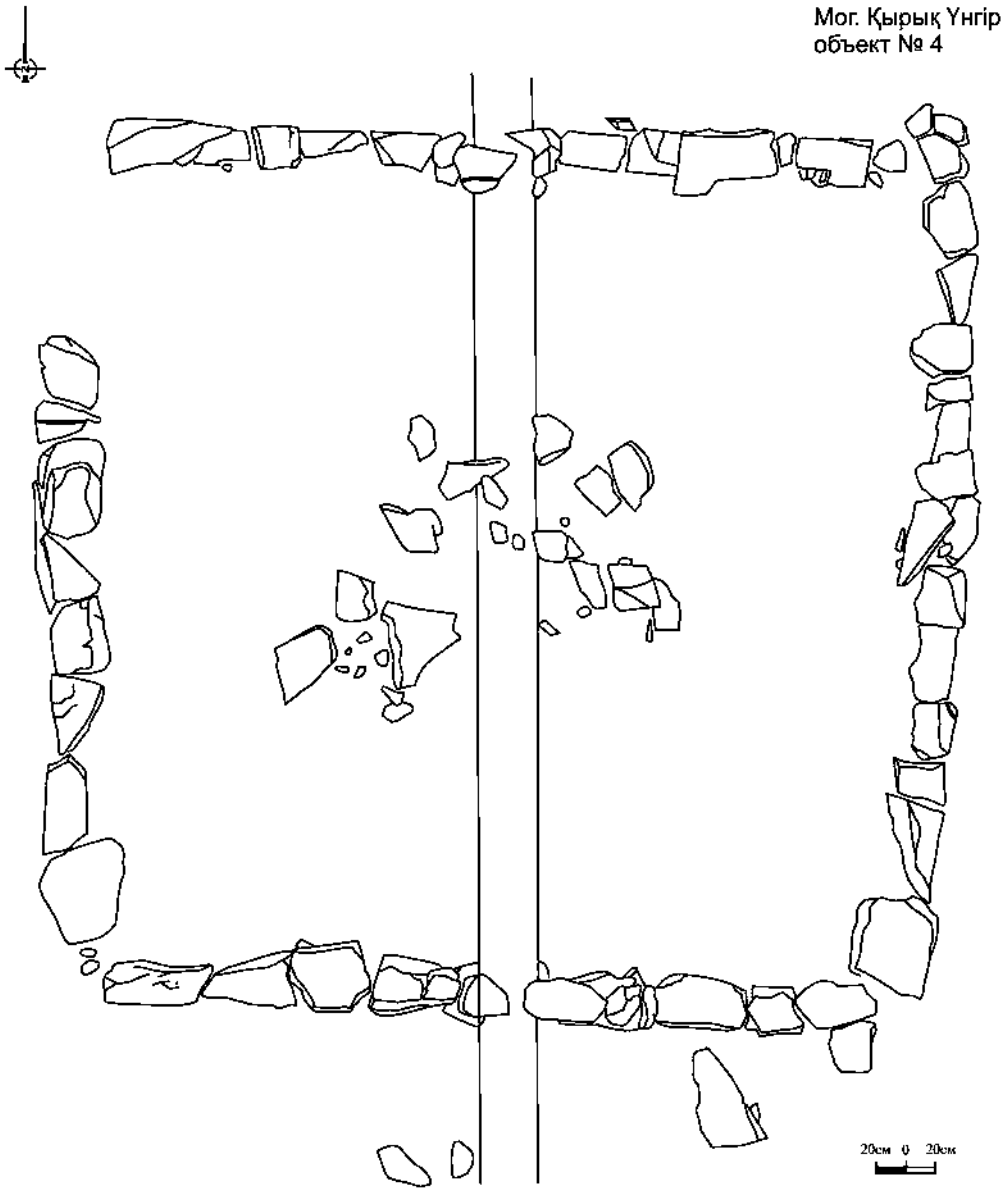
7 сурет. №24 қоршау. Қыш ыдыстар



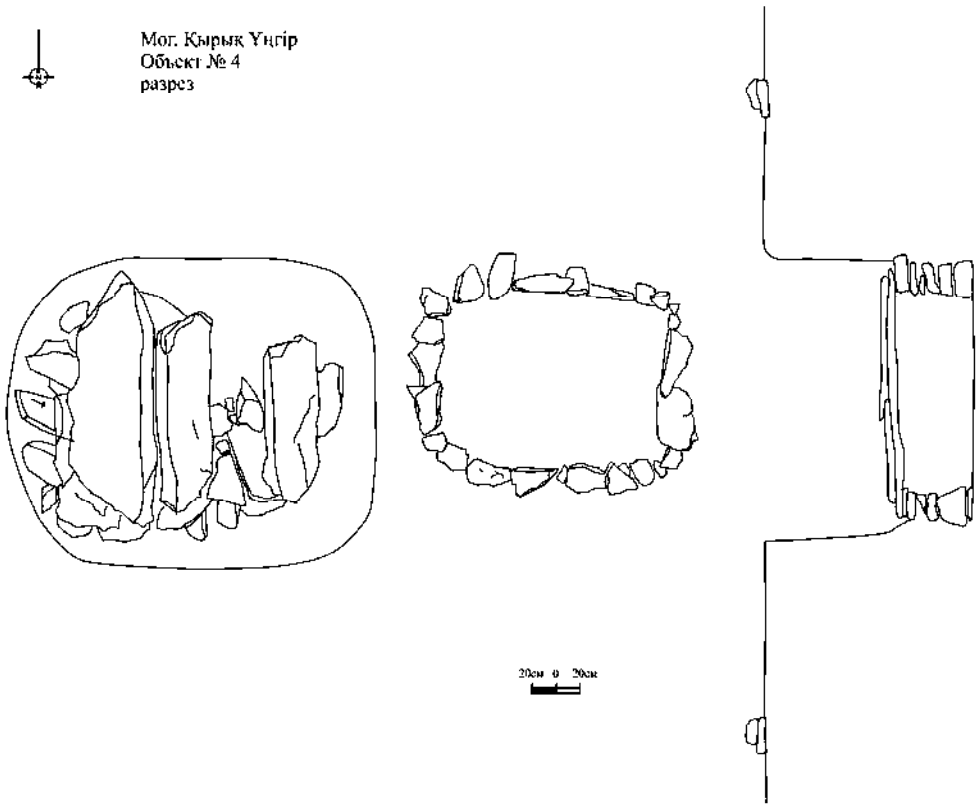
8 сурет. №24 қоршау. Сүйек заттар



9 сурет. №24 қоршау. Сүйек заттар



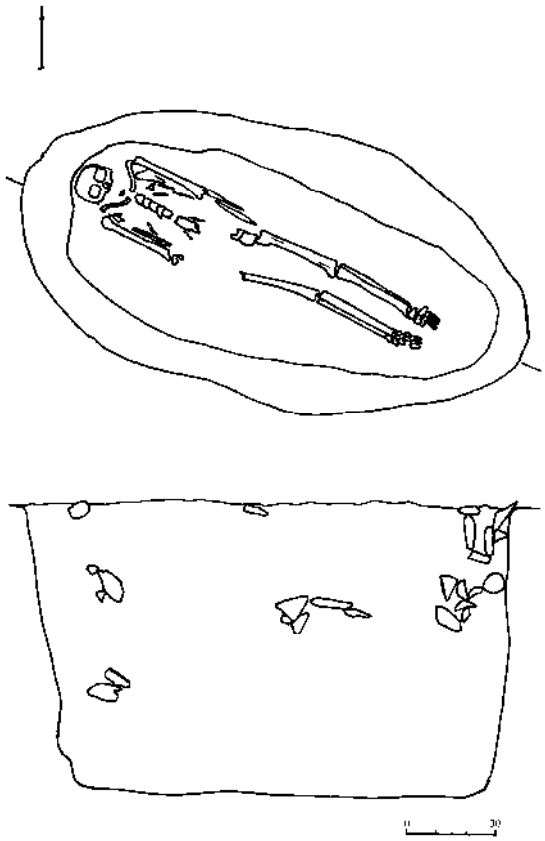
10 сурет. Қырықүңгір қорымы. №42 қоршау



11 сурет. Қырықүңгір қорымы. №42 қоршау



12 сурет. *Қырықүңгір қорымы. №38 оба*



13 сурет. Қырықүңгір қорымы.№38 оба



14 сурет. №38 оба. Аң бейнесіндегі алтын қапсырма



15 сурет. №38 оба. Қола айна



16 сурет. №38 оба. Қола және тас моншақтар

Фомичев А.В.
Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) ОГУ
г. Орск, Российская Федерация

УДК 902/904

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ДУТЬЯ МЕТАЛЛУРГАМИ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УРАЛЬСКО-МУГОДЖАРСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: поздний бронзовый век, алакульская культура, металлургия меди.
Keywords: late bronze age, Alakul culture, metallurgy of copper.

Исследование металлопроизводства населения позднего бронзового века является одним из дискуссионных вопросов в археологической науке. В настоящее время, для западной периферии алакульской культуры, выделяются два горно-металлургических центра, Южно-Уральский и Уральско-Мугоджарский, с которыми связано развитие горного дела и металлургии (Зайков В.В. и др., 2013; Ткачев В.В., 2010). Особо стоит отметить Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр, географически он приурочен к особому геолого-географическому району, охватывающему южные отроги Уральских гор и их естественного продолжения на юге Мугоджарских гор. В административном отношении это территория восточных районов Оренбургской области Российской Федерации и северных районов Актюбинской области Республики Казахстан (Чибилев, 2011, с. 135–145).

В ходе полевых исследований памятников археологии Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, были получены многочисленные свидетельства металлопроизводства, и авторами раскопок неоднократно отмечалось его высокое значение в хозяйственной жизни алакульского населения позднего бронзового века (Формозов, 1951, с. 119; Кузьмина, 1962, с. 92).

В настоящий момент одними из актуальных вопросов по изучению металлопроизводства алакульского населения Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, выступает технология выплавки металла. Источниковая база для исторических реконструкций довольно ограничена. К основным свидетельствам организации выплавки металла на поселениях выступают специализированные площадки, на которых размещались теплотехнические сооружения – металлургические печи, очаги для тигельной плавки, а также сделаны находки орудий труда древних металлургов. Определить металлургическое назначение найденных на поселениях очагов, затруднительно, чаще всего приходится ориентироваться на скопления металлургических шлаков, отожженной руды, а также особенности их устройства. К другой немаловажной группе свидетельств металлопроизводства относятся специализированные орудия металлургов, к которым следует отнести, тигли и сопла.

Сопла – специально спрофилированные воздуходувные каналы, применяемые в металлургии, изготовленные из огнеупорного материала (глина). Сопла имели форму слегка зауженных на одном из концов цилиндров.

Для памятников Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра имеется информация о четырех случаях находок сопел, три из них – это фрагменты и единственный целый экземпляр.

Единственное целое сопло найдено на поселении Кудук-сай (рис. 1. *1*). Оно имело цилиндрическую форму, сужающуюся к одному из краев (длина – 11,3 см, диаметр в широкой части – 2,7 см), на сломе прослеживается примесь медной руды в тесте. Находка была сделана рядом с очагом овальной формы, в заполнении которого были обнаружены ошлакованные фрагменты толстостенного сосуда, а также многочисленные капли шлака (Фомичев, 2014, с. 299, рис. 4. *5*).

Фрагменты сопел найдены, в зольниках на поселениях Ушкатта II, Еленовка I (рис. 1. *2*), Шандаша I (Кузьмина, 1959, с. 12, 33; Она же, 1965, с. 10).

На поселениях позднего бронзового века Евразии, сопла и их части встречаются довольно редко. По подсчетам Д.В. Валькова и С.В. Кузьминых, среди орудий металлургии и металлообработки, сопла не превышают 1% от общего числа учтенных предметов (Вальков, Кузьминых, 2000, с. 75). Однако география находок сопел с поселений довольно широка. Авторы часто приблизительно указывают на функциональную принадлежность данной категории, выделяя в качестве основного критерия ошлакованность предметов. Среди памятников других регионов стоит

отметить поселения Ново-Бурино, Архангельский прииск II в Южном Зауралье. На поселении Ново-Бурино был найден фрагмент сопла с ошлакованным концом, на поселении Архангельский Прииск II, найдены два фрагмента и одно целое ошлакованное сопло (Сальников, 1959, с. 180; Григорьев, 2013, с. 431). На селище Горный 1 в Южном Приуралье, условно к соплам были отнесены, два невыразительных фрагмента (Вальков, Кузьминых, 2000, с. 73). Подобные находки сделаны и на Мосоловском поселении в Подонье (Пряхин, 1996, с. 105, 106, рис. 68. *1, 2*). Более выразительные фрагменты глиняных сопел, покрытых стекловидным шлаком были обнаружены в ходе раскопок медеплавильного комплекса рудника Юлия в Хакасии (Сунчугашев, 1975, с. 106, рис. 45).

Находки сопел и их фрагментов, на поселениях Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра, указывают на возможность использования металлургами позднего бронзового века специальных приспособлений для нагнетания воздуха – воздуходувных мехов. Этот технологический прием предназначался для насыщения кислородом огневой камеры металлургической печи и скорейшего достижения высоких температур для выплавки металла.

Немногочисленность находок сопел усложняет реконструкцию этапа металлургии, связанного с выплавкой металла в окислительной атмосфере с применением искусственного нагнетания воздуха. Во-первых, сложно идентифицировать теплотехнические сооружения, которые могли использоваться при металлургических операциях. Во-вторых, отсутствуют прямые археологические свидетельства, указывающие на конструктивные особенности воздуходувных мехов. Данная проблема вероятно связана с плохой сохранностью материалов, из которых мехи были изготовлены, дерева и кожи. Таким образом, на настоящий момент, сопла, изготовленные из глины, можно признать единственными свидетельствами использования искусственного дутья металлургами позднего бронзового века.

Для решения этой задачи, имеется два пути, привлечение данных экспериментальной археологии и поиска аналогий в других регионах.

В рамках первого направления – экспериментальные работы с использованием воздуходувных мехов. Однако, они проводились лишь на основании материалов с поселений, предшествующего периода бронзового века Южного Урала, аркаимско-синташтинской культуры. Учитывая генетическую связь памятников аркаимско-синташтинской и алакульской культуры, следует обратить внимание на результаты этих исследований.

Авторами экспериментов, теплотехническими сооружениями, связанными с металлургией, были обозначены печи, примыкающие к колодцам, что, позволяло использовать естественную вентиляцию. Не исключалось и использование искусственной вентиляции с применением воздуходувных мехов. В ходе эксперимента, были применены двухкамерные мехи, которые отличались сложной конструкцией, но по их же мнению такие механизмы не использовались металлургами аркаимско-синташтинской культуры, иначе бы были зафиксированы остатки их оснований, примыкавшие к металлургическим печам. Высказывается предположение, что металлургами применялись более простые однокамерные мехи. В этом случае возможно объяснить особенности размещения сопел в основаниях печей, и отсутствие иных конструктивных элементов (Григорьев, 2013, с. 43–46).

Также в качестве аргументов по реконструкции внешнего вида воздуходувных мехов исследователи приводят в пример изображения обнаруженные на памятниках Малой Азии и Египта, достаточно удаленных от степной Евразии. Можно предполагать, что технические приемы в области металлургии в позднем бронзовом веке были близки.

На фресках древнеегипетских гробниц, присутствуют сцены выплавки металла с применением мехов в виде кожаных резервуаров соединенных с соплом при помощи трубки. Выталкивание воздуха осуществлялось при помощи нажатия ступней человека, а наполнение при помощи веревок. Другим, более опасным, способом нагнетания воздуха, являлось использование длинных воздуходувных трубок. На хеттских изображениях, из Малой Азии, присутствовали изображения воздуходувной конструкции основой которой выступал глиняный сосуд перекрытый кожей (Рындина, 1983, с. 231, 232, рис. 7; Григорьев, 2013, с. 44–46).

В подведении итогов, несмотря на то, что на настоящий момент источниковая база по реконструкции по вопросу использования искусственного дутья металлургами алакульской культуры ограничена, опираясь на ряд косвенных признаков, нельзя исключать возможности его применения. Алакульские металлурги Уральско-Мугоджарского региона, кроме окисленных минералов меди, начинают использовать и основные минералы меди, которые добывали на древних рудниках. Для их плавки были необходимы более высокие температуры, которые можно достичь или с применением отдельных видов топлива, или благодаря воздуходувным мехам, пусть даже и не самой совершенной конструкции.

Литература:

Вальков Д.В., Кузьминых С.В. Сопла Евразийской металлургической провинции // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск: Ин-т Евраз. Исслед., Ин-т Степи УрО РАН, 2000. – С. 73–83.

Григорьев С.А. 2013. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. – Челябинск: Цицеро. – 660 с.

Зайков В.В., Юминов А.М., Анкушев М.Н., Ткачев В.В., Носкевич В.В., Епимахов А.В. 2013. Горно-металлургические центры в Зауралье и Мугоджарах // Известия Иркутского государственного университета. – №1(2). – С. 174–195.

Кузьмина Е.Е. 1959. Отчет Еленовского отряда Оренбургской экспедиции 1959 г. / Е.Е. Кузьмина // НОА ИА РАН, ф. 1, Р-1, № 1938.

Кузьмина Е.Е. 1965. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. / Е.Е. Кузьмина // НОА ИА РАН, ф. 1, Р-1, № 3081.

Кузьмина Е.Е. 1962. Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА. – Вып. 88. – С. 84–92.

Пряхин А.Д. 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. – 176 с.

Рындина Н.В., 1983. Человек у истоков металлургических знаний // Путешествия в древность. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 205–246.

Сальников К.В. 1959. Раскопки у села Ново-Бурино // СА. – Т. XXIX–XXX. – С. 172–185.

Сунчугашев Я.И. 1975. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. – М.: Наука. – 171 с.

Ткачев В.В. 2010. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. №2. С. 268–271.

Фомичев А.В., 2014. Металлургический комплекс на поселении Кудук-сай в Еленовско-Ушкаттинском археологическом // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. – Кн. (MMXIV) I – С. 293–300.

Формозов А.А. 1951. Археологические памятники в район Орска // КСИИМК. – Вып. XXXVI. –С. 115–121.

Чибилев А.А. 2011. Урал: пророднoе разнообразие и евро-азиатская граница. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. –160 с.

Резюме

А.В. Фомичев

Применение искусственного дутья металлургами алакульской культуры в Уральско-Мугоджарском регионе

Реконструкция технологических приемов в металлургии позднего бронзового века, это один из самых дискуссионных вопросов в науке. Ограниченный объем археологических материалов усложняет задачу исследователей в этом направлении. В данной статье рассматриваются находки сопел и их фрагментов, сделанные в ходе раскопок на поселениях Уральско-Мугоджарского региона. Обращаясь к аналогичным находкам сделанными на памятниках бронзового века в соседних регионах и материалам экспериментальной археологии, можно предположить о применении алакульскими металлургами, специальных приспособлений для нагнетания воздуха.

Summary

A.V. Fomichev

Application of artificial bleeding by metallurgistsof Alacul culture in the Urals-Mugodzhary region

Reconstruction of technological methods in the metallurgy of the late Bronze Age, are among the most controversial in science. The limited amount of archaeological materials complicates the task of researchers in this direction. This article examines the findings of nozzles and their fragments, made during excavations in the settlements of the Urals-Mugodzhary region. Turning to similar findings made on the monuments of the Bronze Age in neighboring regions and the materials of experimental archeology, it can be assumed that Alakul metallurgists have used air-injection devices.

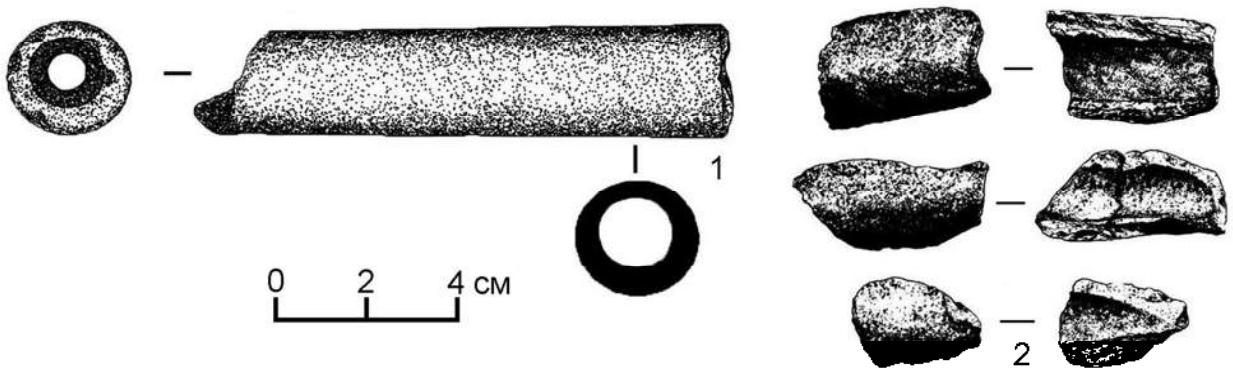


Рис. 1. Сопла из поселений позднего бронзового века Уральско-Мугоджарского региона.
1 – пос. Кудук-сай; 2 – Еленовка I

.

Хаванский А.И.,
ООО «Археологическое общество Кубани»,
Орск – Ростов-на-Дону, Россия;
Бисембаев А.А.,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан;
Дуйсенгали М.Н.,
Баиров Н.М.,
Амелин В.А.,
Бидагулов Н.Т.
Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
г. Актобе, Казахстан

УДК 903/904

ПОГРЕБЕНИЕ СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА МОГИЛЬНИКА ЩИЛИСАЙ II

Ключевые слова: Западный Казахстан, погребение, катакомбная культура.
Түйінді сөздер: Батыс Қазақстан, жерлеу, катакомб мәдениеті.
Keywords: Western Kazakhstan, burial, catacomb culture.

Памятники среднего бронзового века Западного Казахстана достаточно редки (Ткачев В.В., 2007, с. 231). Поэтому публикация каждого вновь выявленного комплекса крайне важна в плане накопления материала по данному периоду. В статье речь пойдет о погребении среднего бронзового века могильника Щилисай II.

Курган 2 могильника Щилисай II изучался в полевом сезоне 2014 года экспедицией Актюбинского историко-краеведческого музея под руководством А. А. Бисембаева. Могильник находится на всхолмлении 2-й надпойменной террасы левого берега р. Жаман-Каргала, в 200-300 м от её русла, в 1 км к З от пос. Щийлисай, в 11 км к С-СВ от пос. Ново-Степановка (Опытная станция). Состоит из трёх земляных курганов с включением камня, расположенных по дуге с СЗ на ЮВ на расстоянии 220 м. Курган №1 был раскопан С.Ю. Гуцаловым в середине 1990-х гг и дал материалы раннего железного века, материалы опубликованы (Гуцалов С.Ю., Ушаков А.М., 2008).

Курган №2 расположен в юго-восточной части могильника, на естественной возвышенности второй надпойменной террасы (рис. 1). Диаметр кургана составлял 10 м и 0,5 м высотой. Курган имел каменную насыпь, сооруженную, как выяснилось впоследствии, в эпоху раннего железного века (рис. 2). В связи с сельскохозяйственной деятельностью северная часть кургана была снивелирована. Раскопки кургана осуществлялась с оставлением двух взаимно перпендикулярных бровок по сторонам света.

Стратиграфия кургана (рис. 3):

Бровка север-юг, западный фас. Под слоем дерна по всей длине бровки проходит каменный слой толщиной от 8см до 10 см. Поверх камней от условного центра к югу, начиная от 1 м до 1,3 м находилась углистая прослойка (следы интенсивного горения) мощностью до 0,15 м. Под камнями - с 1,8 м до конца бровки идет серый суглинок с мелким щебнем. От условного центра к северу до края бровки прослеживается серый суглинок с мелким щебнем толщиной в 15 – 25 см. Под ним от 0 до 3 м прослеживается засыпка серой супесью, которая покоится на гумусированной погребенной почве.

Бровка север-юг, восточный фас. По всей длине бровки прослеживается каменный слой толщиной от 10 см до 15 см. На этом каменном слое с 0,7 м до 1,8 м прослеживается следы сильного горения. Ниже, от 2 м южнее от условного центра до края бровки прослеживается серый суглинок с мелким щебнем с толщиной 15–20 м. Под ним с 2,3 м до 4,2 м прослеживается тонкий слой серой супеси.

Бровка запад-восток, южный фас. От 2,3 до края бровки к западу прослеживается каменный слой мощностью до 20 см. Начиная с условного центра до 4,2 м прослеживается серый суглинок с мелким щебнем мощностью до 20 см. А под этим слоем начиная с условного центра до 2,2 м идет засыпка серой супесью. К востоку от условного центра идет плотный слой камней до отметки 1,8 м здесь камни выходят на поверхность и тянутся до края бровки. Ниже находится серый суглинок с мелким щебнем мощностью до 25 см. Под ним находится гумусированная погребенная почва мощностью до 15 см.

Бровка запад-восток, северный фас. Начиная с условного центра к востоку до края бровки прослеживается каменный слой мощностью до 20 см. Ниже от 0 до 4,2 м прослеживается серый суглинок с мелким щебнем мощностью до 35 см. Под ним от 0 до 2,7 м прослеживается однородная засыпка серой супесью мощностью до 20 см. В западной части бровки от 1,8 м до края прослеживается каменный слой. Ниже - начиная с условного центра до края выявлен слой серого суглинка с мелким щебнем мощностью до 25 см. Под ним ниже – слой серой супеси.

Т.о. стратиграфия показывает, что основным и древнейшим захоронением в кургане было погребение 2 (рис. 3). К нему относится слой серой супеси (древнейшая насыпь). В эпоху раннего железного века северо-восточнее погребения 2 было сооружено погребение 1 (костяк 1, нижний уровень). Погребение 1 прорезает слой серой супеси. Над этим погребением была сооружена насыпь из серого суглинка с включениями камней. Позднее, но тоже в эпоху РЖВ в погребение 1 было совершено подзахоронение (костяк 2, верхний уровень). При этом слой серого суглинка с камнями был нарушен. После завершения захоронения вся насыпь была перекрыта каменным панцирем, а над погребением 1 был разведен большой костер.

Поскольку целью данной статья является публикация комплекса среднего бронзового века, погребения раннего железного века будут опубликованы отдельно.

Погребение №2 (рис. 4). Находилось в юго-западном секторе. Оно было совершено в катакомбе. Общая форма погребальной конструкции в плане эллипсовидная, размеры 1,2х1,2 м. Свод катакомбы обрушился еще в древности. Кроме конфигурации стенок на катакомбную конструкцию погребального сооружения указывает несколько обстоятельств.

1. Наличие широкой «ступеньки», которая фактически представляет собой входную яму катакомбы. «Ступенька» занимает не менее половины всей погребальной конструкции и находится на уровне -64 см от условного «0». Сама погребальная камера находится ниже – на уровне -78 см.

2. Погребальная камера отделана от входной ямы массивной каменной плитой. Плита имеет неправильную, но в целом подпрямоугольную форму. Длина плиты составляет около 80 см, ширина – 70 см, толщина – 10 - 15 см. В погребении плита находилась в вертикальном положении, на своей длинной стороне. Плита меньше ямы и находилась в вертикальном положении посередине ямы. Поэтому она не могла быть перекрытием, а являлась перегородкой между входной ямой и погребальной камерой в катакомбе.

На дне катакомбы, лицом к входной яме, покоился скелет человека зрелого возраста. Погребальная поза – сильно скорченно на левом боку, кисти рук находятся у лица. Головой покойный ориентирован на юго-запад. Сохранность костей средняя. В районе теменной части черепа обнаружены следы охры.

Инвентарь представлен украшениями. К сожалению, сохранность их была неудовлетворительная, и, не смотря на попытки полевой фиксации, сохранить их не удалось. Приведем их описание по полевому дневнику.

Раковины. Вероятнее всего – Grifea, 3 экземпляра. Находились у лицевой части черепа.

Пастовые (фаянсовые) бусы – пронизи. Не менее 10 экземпляров. Представляли собой трубочки длиной от 0,5 до 1,5 см и диаметром 0,5 см. Цвет белый и синеватый. Находились у лицевой части черепа.

Изделие округлой формы из кости (пряслице, пряжка?). Диаметр около 7 см. Находилась в районе лобной части черепа.

Культурная атрибуция.

Основные характеристики погребения: единственное погребальные сооружение в кургане, катакомбная конструкция погребального сооружения, положение погребенного сильно скорченно на левом боку, частичная окраска охрой (в данном случае голова), юго-западная ориентировка погребенного, украшения из фаянсовых бус и пронизей, раковины. Все эти характеристики полностью укладываются в традиции позднекатакомбной культурной группы конца среднего бронзового века, выделенной в степном Приуралье В.В. Ткачевым (Ткачев В.В. 2007, с. 228-257). Практически полной аналогией данному погребению является погребение 14 в кургане 25 Новокумакского могильника (Смирнов К.В., Кузьмина Е.Е., 1977, с. 10, рис. 2, 1). В нем также погребенный находился в катакомбе (или глубоком подбое), покоился скорченно на левом боку с кистями около лица, затылок и стопы были окрашены охрой, а вход в катакомбу был закрыт каменными плитами (там же). Различия небольшие: в Новокумакском могильнике скорченность погребенного средняя и размеры погребального сооружения больше при той же эллипсовидной форме.

Необходимо отметить редуцированную форму катакомбы (скорее это подбой), бедность погребального инвентаря, левобочность захоронения и расположение рук у лица. Это не соответствует классическим катакомбным традициям. В основной своей массе они предполагают положение на правом боку и расположение рук в районе таза. В то же время эти черты встречаются даже не в позднекатакомбных, а в посткатакомбных культурных образованиях, типа лолинской культуры и криволукской культурной группы (Мимомход Р.А., 2007, с. 145). Поэтому данное погребение следует отнести к финалу среднего бронзового века Западного Казахстана.

Поскольку на территории степного Приуралья и Западного Казахстана вместе с данным погребением насчитывается всего два десятка комплексов конца-финала среднего бронзового века, то публикация новых материалов должна помочь исследователям в изучении этой интересной культурной группы.

Литература:

Гуцалов С.Ю., Ушаков А.М. Погребения кургана 1 могильника Щилисай II // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2008. - №2. – С. 171-177.

Мимоход Р.А. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-Западного Прикапия // Российская археология. – 2007. - №4. – С. 143-154.

Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М.: Наука, 1977. – 84 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. – Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 484 с.

Резюме

Хаванский А.И., Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т.

Погребение среднего бронзового века могильника Щилисай II.

В статье публикуется и анализируется погребение 2 могильника Щилисай II. Захоронение было совершено в катакомбе, погребенный лежал на левом боку, кисти рук у лица. Череп окрашен охрой. Голова ориентирована на юго-запад. Погребальная камера отделена от входной ямы массивной каменной плитой. Захоронение 2 было совершено в конце среднего бронзового века и относится к катакомбной культуре.

Түйіндеме

Хаванский А.И., Бисембаев А.А., Дүйсенғали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидағұлов Н.Т.

Шилисай II жерленген жердің орташа қола дәуірін жерлеу.

Мақалада 2 Шилисай II-ның көму жері жарияланып, талданады. Қабырғалар дененің сол жағындағы катакомбаға көміп тасталды. Бас сүйегінің оюмен боялғаны. Басы оңтүстік-батысқа бағытталған. Кіреберіс камерасы кірпіштен массивный тас тақтамен аяқталды. 2 көму Орта Қола дәуірінің соңында жасалды және катакомб мәдениетіне жатады.

Summary

Khavansky A.I., Bisembaev A.A., Duysengali M.N., Bairov N.M., Amelin V.A., Bidagulov N.T.

Burial of the average bronze age of the burial ground of Shilizai II.

The article publishes and analyzes the burial of the 2nd Shilisai II burial ground. The burial was buried in the catacomb on the left side of the body, with the hands on his face. The skull is painted with ocher. The head is oriented to the south-west. The funerary chamber is finished from the entrance pit by a massive stone slab. Burial 2 was committed at the end of the Middle Bronze Age and refers to the catacomb culture.

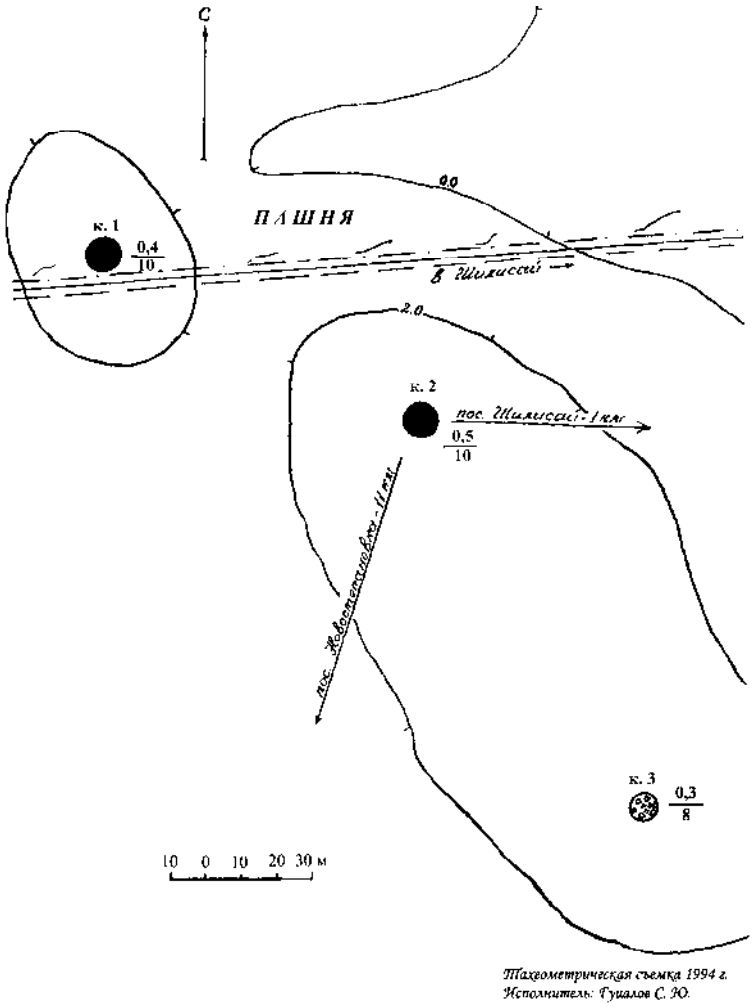


Рисунок 1. План могильника Щилисай II

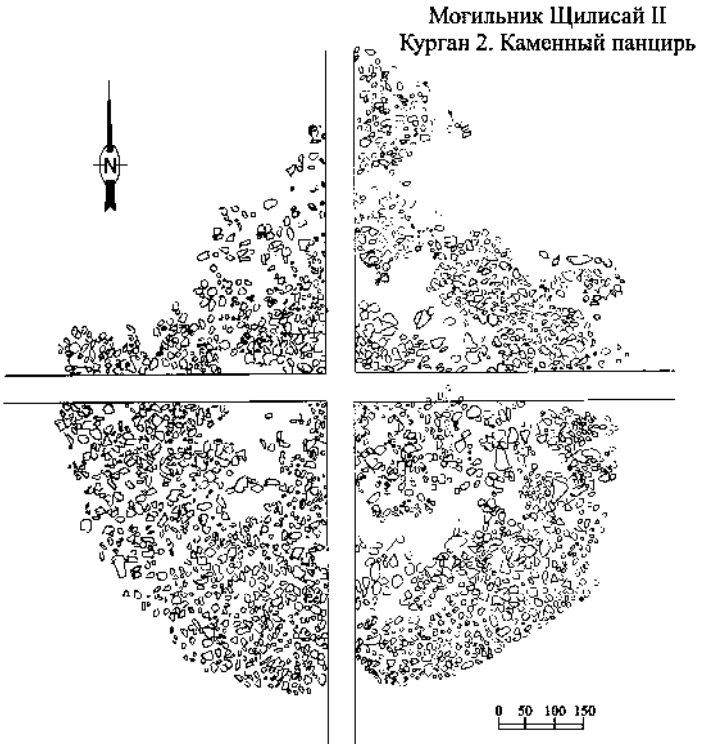


Рисунок 2. Могильник Щилисай II, курган 2. Каменный панцирь

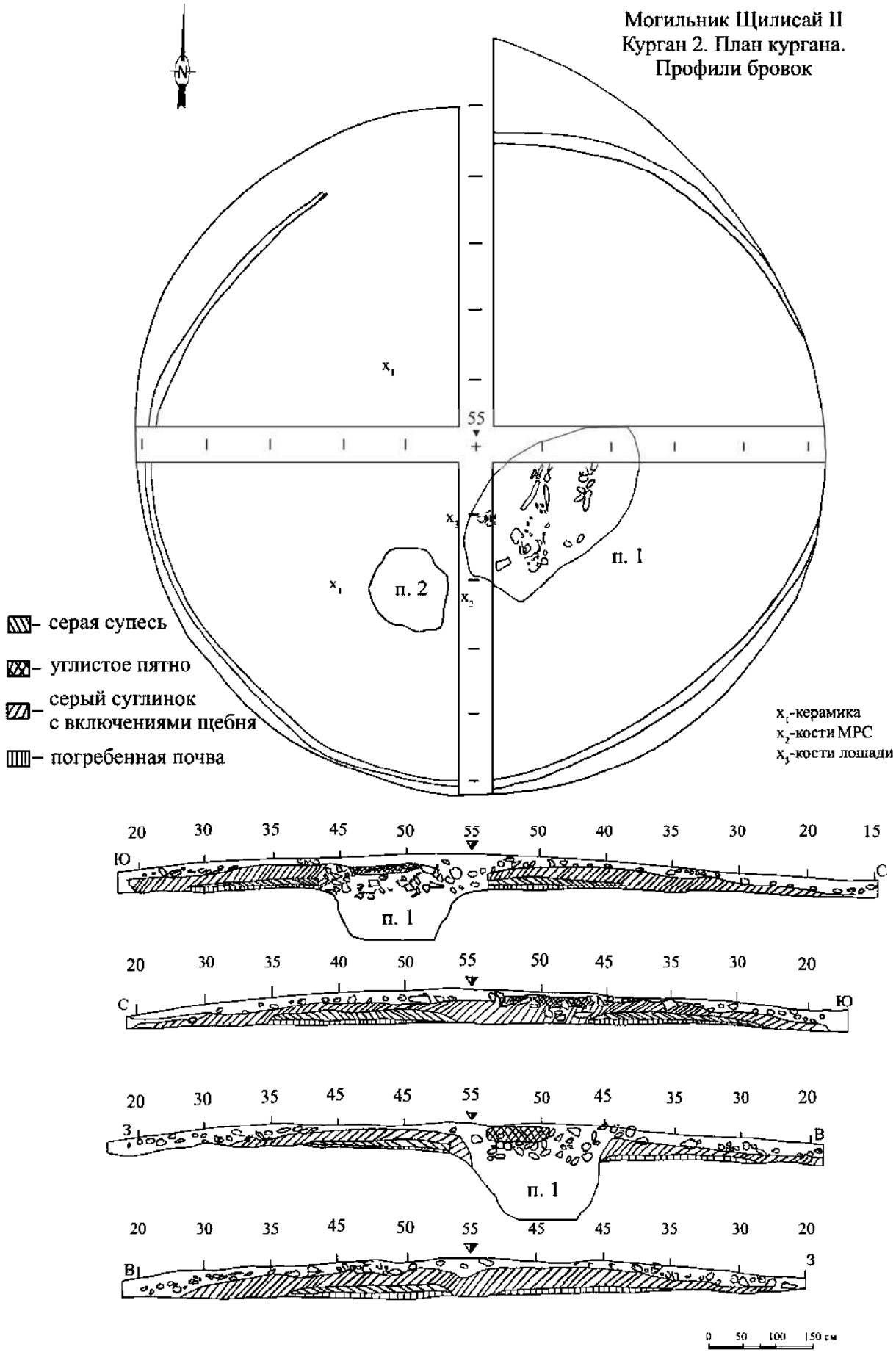


Рисунок 3. Могильник Щилисай II, курган 2. План подкурганной площадки и профили бровок

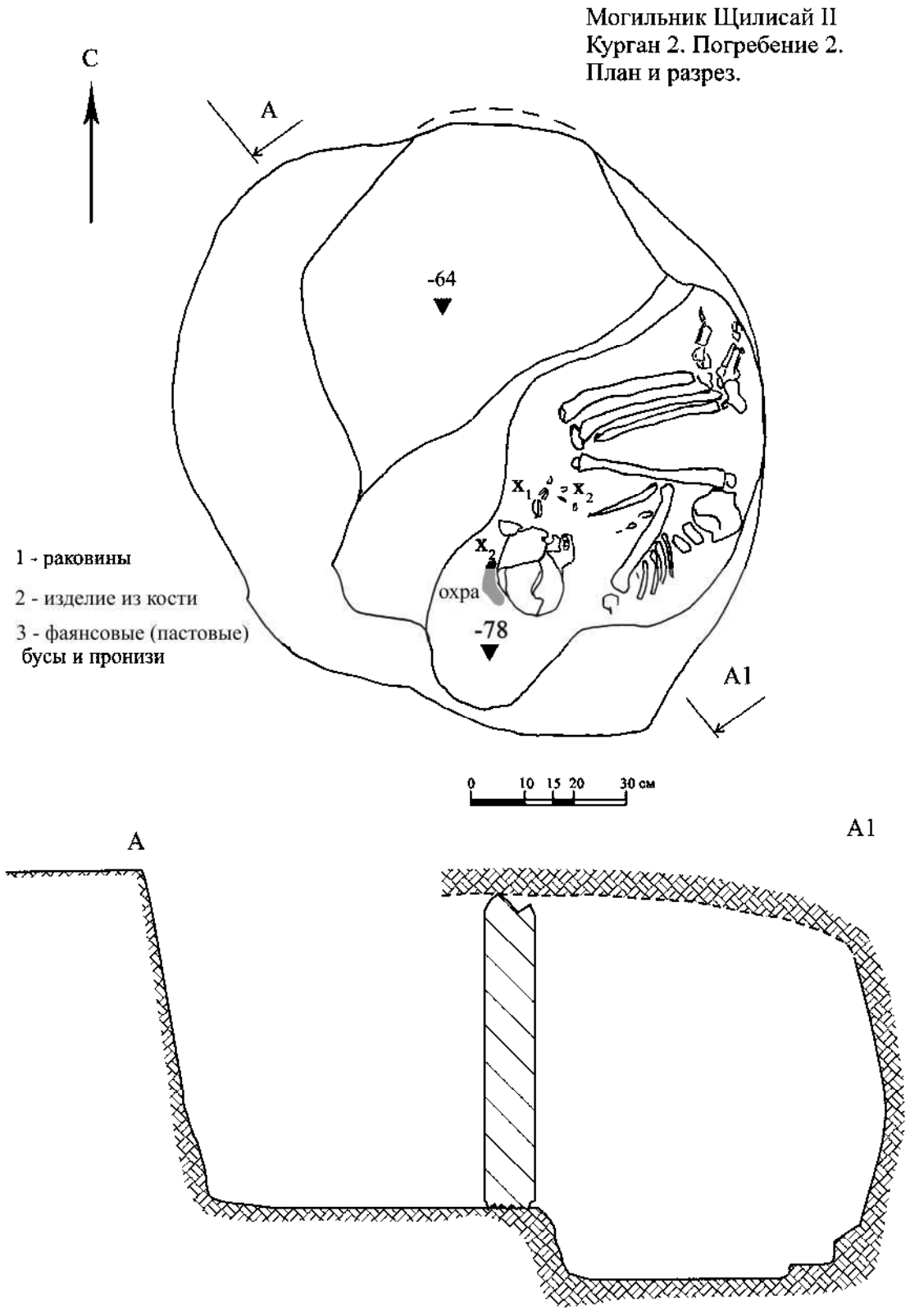


Рисунок 4. Могильник Щилисай II, курган 2. План и разрез погребения 2 (катакомбы)

Чемякин Ю.П.
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

УДК 902.6

ПЕЧИ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КОРКИНО I

Ключевые слова: алакульская культура, поселение, бронзовый век, печи, металлургия, очаги
Keywords: Alakul culture, settlement, Bronze age, furnaces, metallurgy, hearths

В 1973 г. В.Т. Петриным в районе станции Сары, близ г. Коркино Челябинской области, было открыто поселение Коркино I. Оно находится на северном берегу Рыбного болота, на высоте 0,5–1 м от уровня воды. Предварительно оно было отнесено к андроновским древностям. В 1975–1977 гг., в связи с сооружением очередного нефтепровода через территорию памятника, автором были проведены охранные раскопки. Следует отметить, что к тому времени поселение уже было сильно повреждено при прокладке водовода и одной нитки нефтепровода. Площадь памятника была оценена в 12000 кв. м. На поверхности фиксировались 12 округлых и овальных впадин глубиной 10–50 см, диаметрами от 9×8 до 30×20 м (рис. 1). Одна из самых больших впадин, как выяснилось в ходе раскопок, образовалась на месте двух рядом расположенных котлованов (жилища 3 и 5) и, предположительно, наземной постройки. В ходе раскопок (вскрыто ок. 3000 кв. м) на памятнике были выявлены два разновременных слоя эпохи бронзы — алакульской и черкаскульской культур. К первому отнесены остатки 6 построек, зольники и многочисленные прокалы. Жилища слабо углублены, с нечеткими очертаниями, во всех отсутствовали выраженные очаги, но обнаружены колодцы (нередко по 2 в постройке). Стены двух колодцев, исследованных до глубины 3,5–4,5 м, были укреплены плетнем из березовых жердей и веток. Вероятно, еще две наземные постройки, на месте которых в рельефе наблюдались впадины, были зафиксированы лишь фрагментарно, так как в черноземном слое их границы однозначно не удалось уловить. На памятнике в раскопах обнаружены остатки 26 колодцев, часть из которых, вероятно, находилась в наземных постройках (рис. 2), Рядом с одним из жилищ найдены скелеты четырех убитых мужчин, в колодце этого жилища — останки минимум 4–7 человек (без черепов), в других местах поселения — отдельные человеческие кости, в том числе женские и детские (Чемякин, 2014). Алакульское поселение погибло в результате военного набега, что обусловило сохранение большого количества изделий, в том числе уникальных. Вещевой инвентарь представлен керамикой (преимущественно алакульского типа, но также федоровского и амангельдинского типов), костяными, глиняными и бронзовыми предметами (кирпичики, блюдца, бронзовые наконечники стрел, ножи, два наконечника копья и два вислообушных топора, кельт-тесло, литейные формы из камня, каменный шлифованный топор, игральные кости с насечками, предметы конской упряжи и наконечники стрел из кости, и т.д.) (Чемякин, 2000, с. 30, 281-282). Предметом нашего рассмотрения явились печи, связываемые с алакульским слоем.

На алакульском поселении обнаружены несколько ям диаметром 36–70 см с частично обмазанными глиной и прокаленными стенками, углубленный в землю очаг, сложенный небольшими камнями, яма, в заполнении которой фиксировались слои золы и прокаленной глины (?). Назначение этих объектов неоднозначно, но достаточно вероятно, что часть из них связана с цветной металлургией.

Рядом с северным углом сооружения 3 на гл. –80 см была зафиксирована яма А (уч. Н–К/16–17). Она имела, по-видимому, овальную форму (северный конец ямы не вошел в раскоп), размер 2,5×1,5 м. Глубина ее от уровня первой фиксации 48 см. Заполнение: в придонной части черный глинистый слой с мелкими вкраплениями охры (?) мощностью 10–12 см, выше — заплывы коричневатого золистого пестроцвета различных оттенков общей мощностью до 40 см, в верхней части — заплыв белой золы, перемежавшейся с прокаленной почвой оранжевого цвета, по структуре напоминавшей битый кирпич. На гл. –120 см на дне ямы на фоне черной глины зафиксировано пятно темно-коричневого рыхлого слоя диаметром 30 см, оказавшееся ямкой глубиной 12 см. С юга к яме примыкала ямка № 6 от столба (?), зафиксированная на гл. –95 см. Диаметр ее 20 см, глубина 26 см, в профиле она прямоугольная. Заполнение ямки — прокаленный пестроцвет. Я не исключаю, что яма А связана с какой-то печной конструкцией. За это говорят слои золы и прокаленной глины, оставшейся от купола печи (?). В 40 см к востоку от ямы обнаружен бронзовый втульчатый наконечник копья.

В 3 м к северо-востоку от сооружения 3 находилась постройка 5 размером 12,5×7 м (рис. 2). Внутри ее обнаружены три больших ямы (11–13), из которых две были законсервированы на уровнях –120 и –125 см, а третья доведена до глубины –230 см (135 см от уровня первой фиксации). Характер заполнения в верхней части ям, влажность слоя позволяют предполагать, что все они остались от глубоких колодцев. А это означает, что в жилище были перестройки, не замеченные в черноземном заполнении котлована. У его северо-западной стены были зафиксированы три ямы с прокаленными стенками: две из них находились с внешней стороны котлована, и одна — внутри. Линия стены при этом на гл. –100 см прошла над краем ямы IV, выявленной на уровне –105 см, что свидетельствует о более раннем возрасте ямы по сравнению с котлованом. Возможно, котлован возник на месте наземной постройки, с которой связаны и некоторые колодцы.

Яма IV (уч. З/20, рис. 3; 4, *1–4*) в плане имела овальную форму, размер 48×40 см. По периметру ее окаймляла полоса оранжевого прокала толщиной по верху 1–3 см. Стенки были прокалены на глубину 20–25 см настолько, что превратились в керамические. Это говорит о том, что стенки были первоначально покрыты (обмазаны) глиной, и что при функционировании печи внутри достигалась высокая температура. Форма ямы в профиле — усеченный треугольник (то есть она была усеченно-конической). Глубина ее 35 см от уровня первой фиксации. На дне ямы — прокал толщиной 1–1,5 см. Заполнение — желто-серый пестроцвет, в верхней части — темно-серый слой.

Близкие по характеру ямы, также зафиксированные на уровне –105 см, находились с внешней стороны котлована постройки 5 в 25 см к северу и запад–северо-западу от ямы IV. Яма II (уч. З/20, рис. 3; 4, *1, 2*; 5, *1*) имела неправильно-овальную форму, размер 70×48 см. Вдоль края ее окаймляла полоса оранжевого прокала толщиной по верху 2–8 см, в центре наблюдалось пестроцветное прокаленное бело-оранжево-фиолетовое пятно мощностью 6–8 см. Стенки были прокалены на глубину 17–27 см. Форма в профиле — усеченный треугольник. Глубина — 53 см от уровня первой фиксации. Яма была заполнена желто-серым глинистым пестроцветом с пятнами прокала, на дне ее отмечен оранжевый прокал толщиной 0,5–1 см, напоминавший по структуре керамику.

Яма III (уч. З/20, рис. 3; 4, *1, 2, 5, 6*) имела круглую форму, диаметр 52 см. По периметру ее окаймляла полоса оранжевого прокала толщиной 2–3 см. Стенки были прокалены на глубину 15–21 см. До уровня –126 см яма сужалась, затем имела вертикальные стенки. Глубина ее 37 см от уровня первой фиксации. Заполнение — желто-серый пестроцвет, в нем найден фрагмент керамики. На дне ямы обнаружено скопление угольков.

Описанные ямы находились рядом с колодцем (?), в 0,7–1,3 м к западу от него. Никаких каналов (канавок), связывавших ямы с колодцем, не выявлено.

Еще одна подобная яма I была зафиксирована на гл. –70 см под зольником в 1 м к юго-востоку от южного угла жилища 5 (уч. Л–М/21, рис. 3). На гл. –90 см она имела круглую форму, диаметр 58 см. На этом уровне вдоль края ее окаймляла полоса прокала толщиной вверху 2–4 см. Стенки были прокалены на 30 см вглубь ямы, причем оранжево-красный прокал с внутренней стороны переходил в черный обожженный слой. В профиле яма имела форму усеченного треугольника, глубину 83 см от уровня первой фиксации. Заполнение ее придонной части — желто-серый пестроцвет с угольками толщиной 26 см, выше залегал темно-коричневый рыхлый слой. На дне ямы зафиксирован прокал мощностью 1,5 см, над ним — кусочки дерева и угли. В заполнении встречены также кости и обожженные камни.

Наконец, еще одна такая же яма — V — зафиксирована в углублении неправильной формы на уровне –100 см в северо-восточной части раскопа 7, в 7 м к северо-востоку от постройки 5 (уч. Ж/25, рис. 3; 5, *2, 4*). Не исключено, что она находилась внутри практически наземной постройки, частично перекрытой котлованом жилища 5. В плане яма имела круглую форму, диаметр 36 см. Вдоль края ее окаймляла полоса прокала толщиной 1–2 см, в центре наблюдался фиолетово-коричневый рыхлый прокаленный слой мощностью 4–6 см. В профиле яма представляла собой усеченный треугольник. Стенки были прокалены на глубину 15–20 см. Глубина ее 45 см от уровня первой фиксации. На дне ямы был оранжево-красный прокал мощностью до 4 см, в котором встречены угольки. Над ним залегал желто-серый пестроцвет мощностью 8 см; выше — серо-голубая глина толщиной до 6 см; над ней желтая, местами прокаленная глина мощностью 6–8 см; вверху — темно-серый слой. В 1,8 м к северо-западу от ямы V зафиксирована овальная яма 17, оставшаяся от колодца (законсервирована на уровне –235 см, или в 135 см ниже уровня первой фиксации, после появления грунтовых вод). Еще один колодец (яма 15) находился в 3,5 м к юго-западу от ямы V. Никаких каналов, соединявших последнюю с колодцами, не выявлено.

Назначение этих ям неизвестно. Никаких вещей в них не обнаружено, за исключением керамики в яме III, попавшей туда из верхних слоев, и камней с костями в яме I. Некоторой

аналогией им может служить овальное углубление диаметром 0,5–0,7 м к востоку от колодца (углубления 2) в жилище 3 Синташтинского поселения, имевшее прокаленные стенки и забитое прокаленным грунтом (Генинг и др., 1992, с. 48, рис. 8). В.Ф. Генингом оно интерпретировано как печь, пристроенная к колодцу (там же, с. 50). Ее глубина и форма в профиле мне не известны. Разрез, приведенный в публикации С.А. Григорьева (Григорьев, 1996, с. 107-109, рис. 1, *2*), называющего печь металлургической, не соответствует ее характеристике в работе В.Ф. Генинга с соавторами.

Крупные углубления (глубиной 0,6–1,7 м), в ряде случаев с обожженными стенками, трактованные как металлургические печи, выявлены на поселении Атасу (Кадырбаев, Курмануклов, 1992, по: Григорьев, 2013, с. 434). Они отличались наличием горизонтальных дымоходов и пристроенными печами для тигельной плавки. С.А. Григорьевым не без оснований было предположено, что в действительности за печи было принято верхнее заполнение колодцев (Григорьев, 2013, с. 434). Близкая картина (мощные прокалы в верхней части колодцев) зафиксирована на ряде синташтинских и алакульских памятников, в том числе на Коркино I.

Пристроенные к колодцам печи в углублениях, сравниваемые с коркинскими, были обнаружены в алакульских постройках на поселении Мочище (Григорьев, 2013, с. 428, рис. 11–26). Однако они отличаются от печей Коркино по форме — их стенки в профиле вертикальные или имели ступеньку. Каких-либо еще памятников с печами, близкими публикуемым, мне не известно. Согласно типологии И.П. Алаевой, последние занимают промежуточное положение между печами типов 2 и 4 — открытыми очагами в небольших углублениях и очагами в глубоких ямах (Алаева, 2015, с. 57). От первых они отличаются большей глубиной, от вторых — меньшими размерами. Но главное отличие — в усеченно-конической форме ям.

Эксперименты по выплавке меди показывают, что оптимальными являются печи диаметром минимум 50–70 см (Григорьев, 2013, с. 43, 50, 52). Именно такие размеры и имеют ямы усеченно-конической формы, открытые на Коркино I. Прокаленные стенки, местами до состояния керамики, свидетельствуют о высокой температуре внутри них, но характер подачи воздуха в печи остался не выясненным. Никаких каналов не удалось зафиксировать, сопла также не найдены. Наличие на поселении шлаков, капель металла, литейных форм, сравнительно большое количество бронзовых вещей говорят в пользу того, что на поселении существовал полный металлургический и металлообрабатывающий циклы. По мнению С.А. Григорьева, состав коркинских шлаков свидетельствует о плавке руд (вторичные сульфиды с примесью окисленных минералов — малахита, куприта и др.), содержавшихся в ультраосновных серпентинизированных и кварцевых породах (Григорьев, 2013, с. 471-473). Шлаки, куски обожженной глины и капли металла были рассредоточены по всей площади поселения. Значительная часть памятника, в том числе его окраины, осталась неизученной, что необходимо учитывать при реконструкции металлургических процессов на Коркино.

На этом поселении обнаружена еще одна печь, сложенная из камня (уч. В/16, рис. 5, *3, 5*; 6). Она была сооружена в яме размером 100×100 см, глубиной 16–21 см, со слегка покатым дном. Камни небольшие, длиной до 10–20 см, были скреплены между собой глиной. Почва вокруг очага была прокалена. В 10 см севернее находилась яма размером 65×55 см, глубиной 26 см, параболоидная в профиле. В ней стоял крупный сосуд алакульского типа без дна. Обе ямы с западного края соединялись чуть изогнутой канавкой шириной 26 см.

Подобные очаги были широко распространены в андроновских жилищах (Кузьмина, 1994, с. 80-81; Алаева, 2015, с. 59). Исследователи отмечают наличие рядом ними небольших и неглубоких ям, в том числе с раздавленными сосудами в заполнении (Потемкина, 1985, с. 323).

По-видимому, на Коркино были и простые открытые очаги-кострища, но вычленить их среди многочисленных следов пожара, видимо, случившегося при военном набеге на поселение, затруднительно. Отмечу еще мощные слои прокалов в верхней части заполнения многих колодцев, иногда трактуемые как развалы печей, однако их происхождение и конструкции еще предстоит анализировать.

Литература:

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья. – Дисс. … канд. ист. наук. Т. 1. – М.: ИА РАН, 2015. – 219 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Григорьев С.А. Металлургические комплексы поселения Синташта // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: Каменный пояс, 1996. – С. 106-116.

Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 660 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 247 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. – 464 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Чемякин Ю.П. Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000 (2-е изд., перераб. и доп.). – С. 30 (ил.), 281-282.

Чемякин Ю.П. О военных конфликтах в андроновском мире // «Марғұлан оқулары – 2014»: Академик Ә.Х. Марғұланның 110-жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары / «Маргулановские чтения – 2014»: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф., посв. 110-летию акад. А.Х. Маргулана. – Алматы – Павлодар, 2014. – С. 97-106.

Ю.П. Чемякин

ПЕЧИ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ КОРКИНО I

В 1975–1977 гг. автором были произведены спасательные археологические раскопки поселения Коркино I около одноименного города в Челябинской области. На памятнике были выявлены слои алакульской и черкаскульской культур эпохи бронзы. К первому отнесены остатки 6 построек, зольники, колодцы. Интерес представляют печи в небольших конических ямах, вероятно, связанные с металлургией. Полные аналоги им неизвестны. Наличие металлургии и металлообработки подтверждается шлаками и литейными формами, найденными на поселении. На памятнике также обнаружен очаг, сложенный из камней.

Yu. P. Chemyakin

FURNACES OF SETTLEMENT OF THE BRONZE AGE KORKINO I

In 1975-1977 years the author have carried out protected archaeological excavations of the Korkino I settlement near the town of Korkino in the Chelyabinsk region, during which layers of the Alakul and Cherkaskul Bronze Age cultures were revealed. In particular Alacul culture artifacts included remains of six buildings, layers of ash and wells among others. Especially interesting were the discoveries of furnaces in small conical pits, probably related to metallurgy. This seem to be quite unique and without direct known precedents. The presence of metallurgy and metalworking was further confirmed by slag deposits and casting molds found in the Korkino I. A hearth made of stones was also found on the settlement.

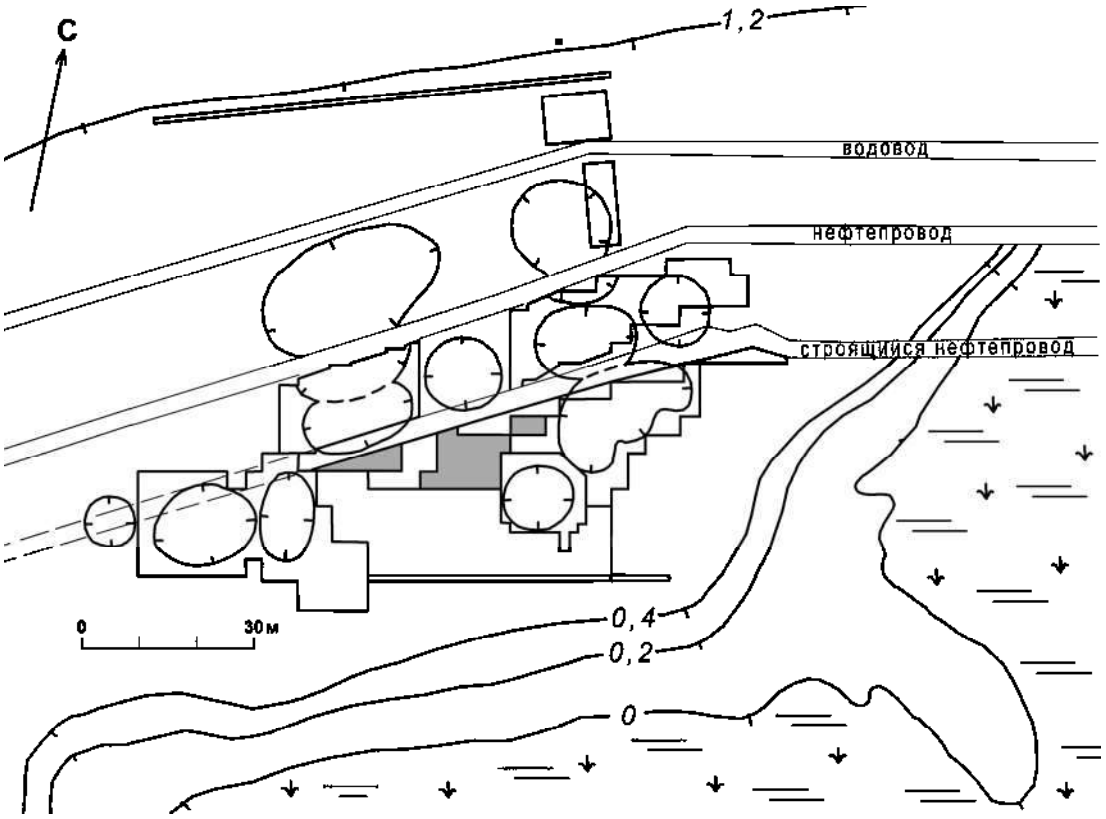


Рис. 1. Поселение Коркино I. План памятника.

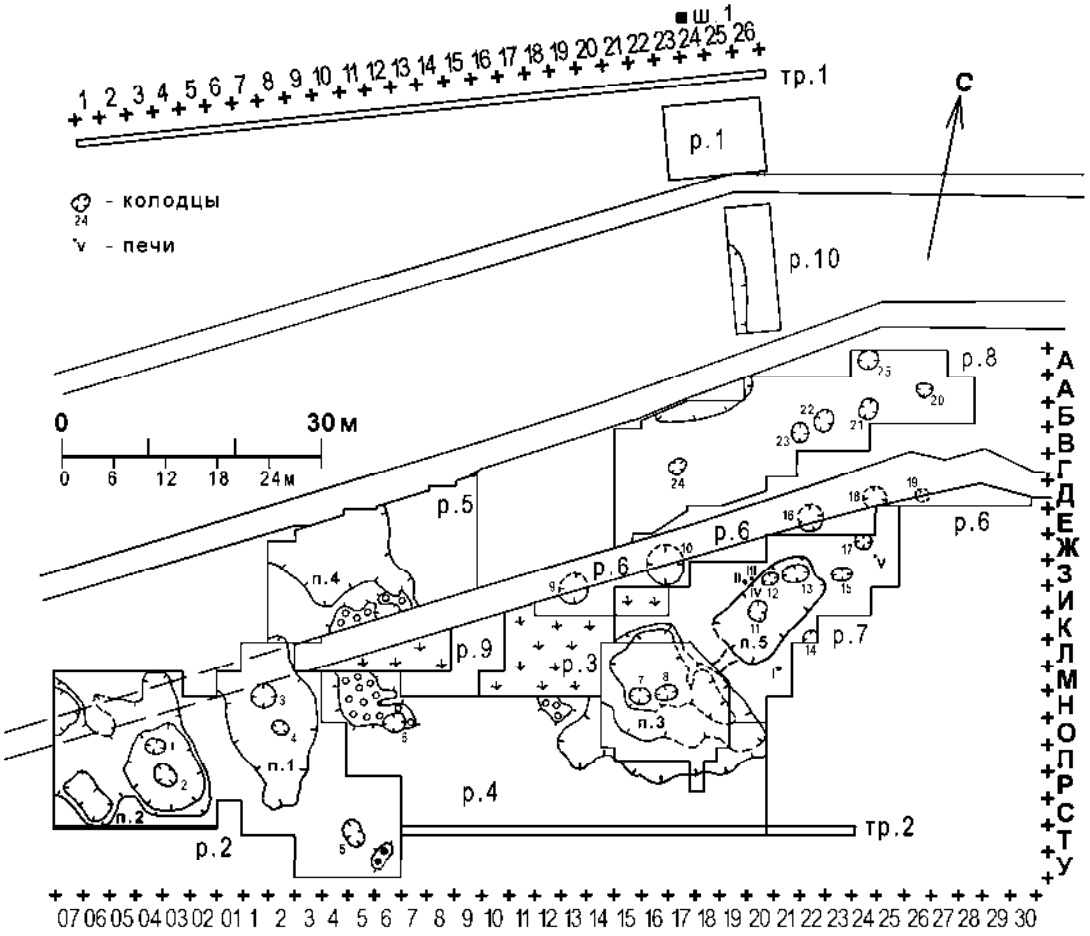


Рис. 2. Поселение Коркино I. План раскопов

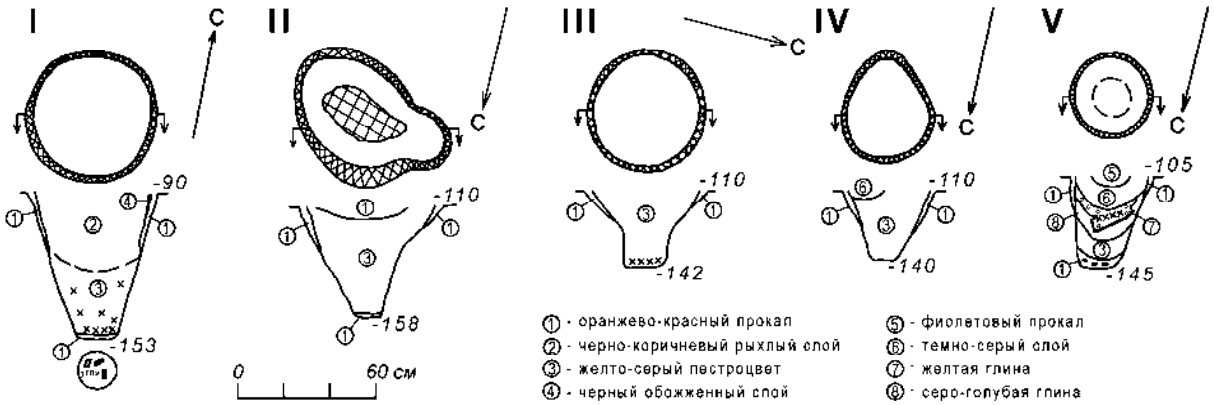


Рис. 3. Поселение Коркино I. Планы и разрезы ям-печей I–V



Рис. 4. Поселение Коркино I: 1 – ямы II–IV на гл. –110 см (уч. 3/20), вид с С; 2 – разрезы ям II—IV, вид с СВ; 3 – разрез ямы IV, вид с СВ; 4 – южная стенка ямы IV, вид с С; 5 – разрез ямы III, вид с В; 6 – юго-западный сектор стенки ямы III, вид с СВ.

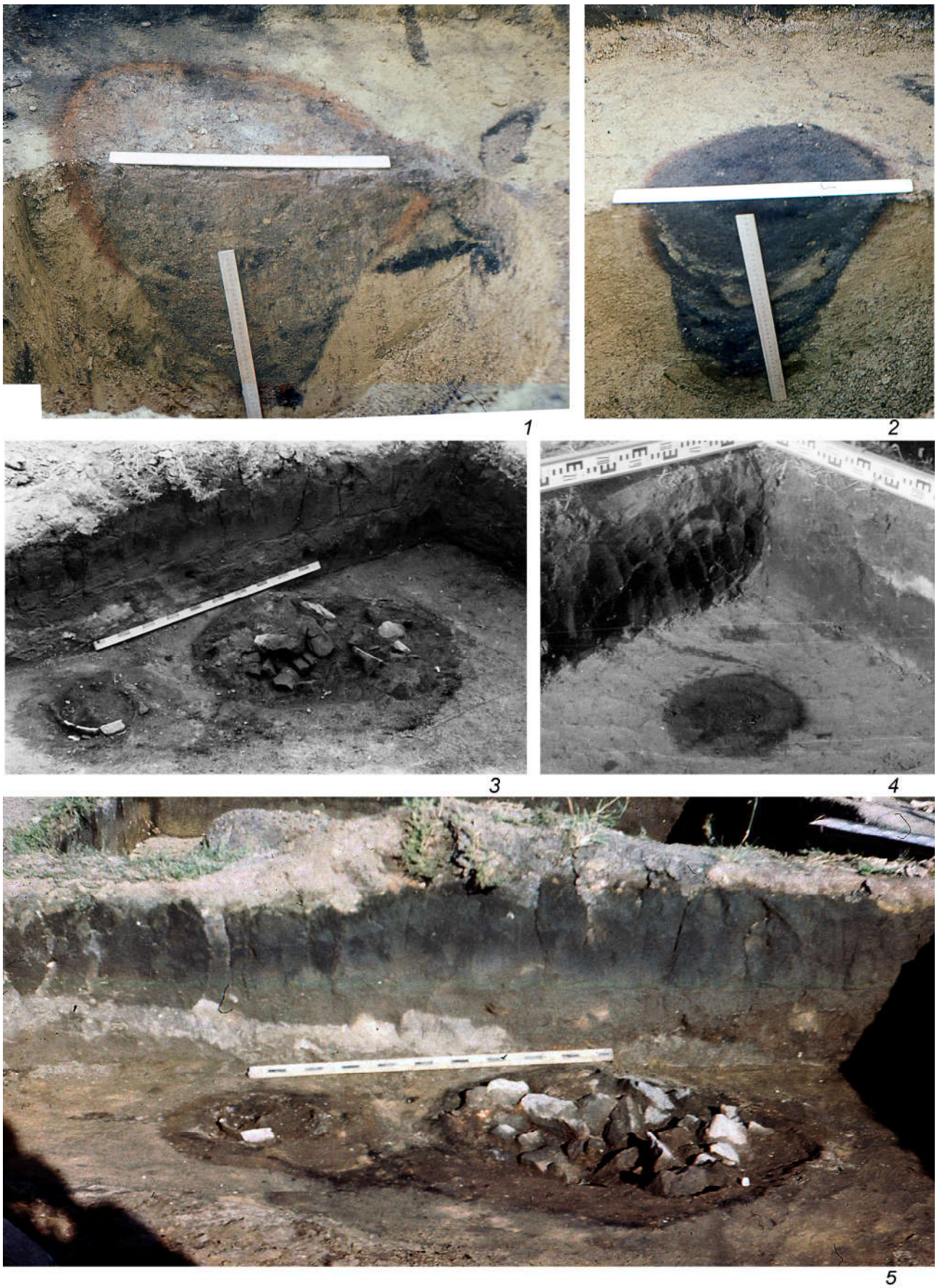


Рис. 5. Поселение Коркино I: 1 – разрез ямы II (уч. З/20), вид с С; 2 – разрез ямы V (уч. Ж/25), вид с С; 3 – очаг на уч. В/16 (гл. –75 см), вид с СЗ; 4 – яма V на гл. –105 см (уч. Ж/25), вид с СЗ; 5 – очаг на уч. В/16 (гл. –75 см), вид с З.

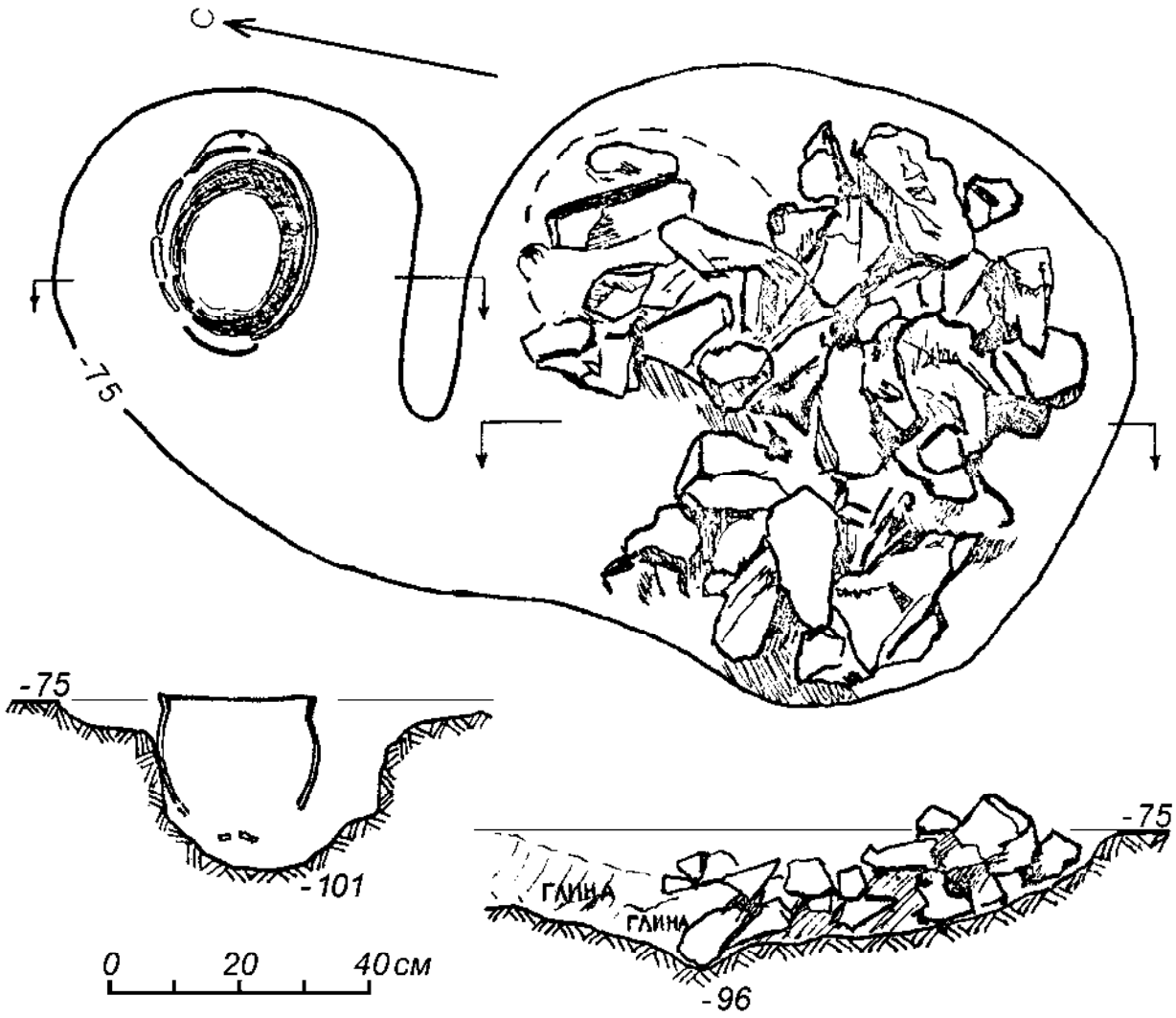


Рис. 6. Поселение Коркино I. План и разрезы очага на уч. В/16

Dashkovskiy P.K.
Altay state university, Barnaul, Russia

УДК 902

A STUDY OF MOUNDS OF AFANASYEVO CULTURE IN THE SOUTH PART OF THE BURIAL GROUND INSKOY DOL (ALTAI)

Ключевые слова: эпоха энеолита, афанасьевская культура, погребальный обряд, керамика, Алтай
Keywords: era of the Eneolithic, Afanasyev culture, funeral rite, ceramics, Altai

The burial mound Inskoy Dol was discovered by the author in 2010 in the process of studying archaeological monuments created at different periods of time within the Chenitinsky archaeological area, Krasnoshchekovsky District, Altai Krai, Russia (picture 1). We discovered the mound during our field study of the archaeological site located in the southern part of the valley where – in the central and northern parts – we had earlier discovered and started to research necropolises Chineta-II and Khankarinsky Dol. Kurgan burial ground Inskoy Dol is situated on the second terrace above the floodplain on the left bank of the Inya river, 2 kilometres southeast-east from Chineta village, Krasnoshchekovsky district, Altai Krai. The Khankara river flows 0.8 kilometres north of the monument Inskoy Dol. There is a basement of a pioneer summer camp building on the Inya bank 0.7 kilometres south-east of the mound. The necropolis has two groups of tumuli. The first group consisting of two tumuli is located 20 metres west of the road going from Chineta village to Tigirek village. The second group consisting of 16 tumuli is located 400 metres east of the first group on the both sides of the ravine and on a small hill. Research into topography, planigraphy and structural features of the embankments prove that the mound Inskoy Dol has monuments of the Scythian-Saki period as well as objects of the Early Bronze Age – some results of the research have already been published (Dashkovskiy, 2016; Dashkovskiy, Meykshan, 2014; Dashkovskiy, Goncharova, Meykshan, 2015; etc.).

We should say that tumuli of the Eneolithic Age are found in the northern and southern parts of the kurgan burial ground Inskoy Dol. This paper tells about the study of tumuli 4, 5, and 9 – monuments of Afanasyevo Culture (Afanasevo Culture, Afanasievo Culture) – which were found in the southern part of the necropolis. It should be noted that the modern surface of the archaeological site does not show any presence of archaeological objects inside the ground because of the thick greensward and turf layer. We managed to find the mound using a metal probe which had been earlier used in order to find stone laying in the northern part of the hill.

Tumulus no.4 was found in the southern part of the mound. The diameter of the rock embankment of the object is 9.75 metres in the north-south direction and 9.5 metres in the west-east direction. The embankment is made of 1-4 layers of stones and reaches 0.6 metres in height. The stone layer was very solid. After dismantling the stone embankment, we found a circle stone layer made of bigger stones – the krepida (from Greek *krepis –"basement"*). The diameter of the circle layer is 9.6 metres, the width is 0.75-1 metres. While dismantling the bottom of the mound edge, we dug out an ornamental fragment of a ceramic vessel wall (picture 2.-1). After dismantling the central part of the mound edge, we found a tomb which had the dimensions of 1.8 X 1.23 X 0.91 metres. The tomb was badly ruined, so we cannot detect the position of the body and its location towards the sides of the world. Most bones of the human skeleton including pieces of cranium were found at the west wall of the grave. The dead person was probably located with his/her head westward. Some parts of the bones were found in the central and north-east part of the grave. Pieces of ceramics were dug out in different parts of the grave what is connected with its destruction. We were able to restore the fragment of an egg-shape vessel without any ornament.

Tumulus no.5 is situated 5 metres north of tumulus 4 and forms one group with it. This monument, although rather overgrown with grass and with a thick layer of turf, can be seen very well on the surface, especially the stone edge along the perimeter of the object. After mopping the stone embankment, we could understand that the kurgan had a kind of circle fence along the whole perimeter with the width of 2.25-3.5 metres. The fence is made from small and medium-size stones and stone-plates. The biggest plates were found in the north-east sector of the tumulus. The diameter of the stone fence which has 2-3 layers is 15.25 metres in the north-south direction and 15 metres in the west-east direction. The height of the object reaches 0.9 metres. In the western part of the stone circle fence, there is a deliberately constructed passage with the width of 2 metres. Inside the embankment, there is a sub-rectangular structure made of one stone layer. The corners of the rectangle look directly at the sides of the world. The length of the long rectangle sides is 5.5

metres and the length of the short sides is 5 metres. After dismantling the rectangular structure, we found a grave pit which was almost properly oriented to the four sides of the world. The grave had dimensions of 2.3 X 1.67 X 0.72 metres. In the grave, we found a skeleton of a man lying on his back with bent legs and his head westward. There was an egg-shape ornamented vessel 0.15 metres north of the cranium (picture 2.-3).

Tumulus no.9 is situated 10 metres west of tumulus 5. The diameter of the stone embankment, which has two layers, is 7 metres in the north-south direction and 8 metres in the west-east direction. The height of the tumulus reaches 0.4 metres. After dismantling the embankment, we found a circle stone layer – the krepida – with the width of 0.5-1 metres. In the central part of the tumulus, there is a grave of almost oval shape. The long axis of the oval was oriented in north-south direction. The dimensions of the grave are 1.95 X 1.44 X 0.49 metres. The grave turned out to be plundered. So, we found bones of a human skeleton but not in the anatomic order. On the skeleton bones, there were traces of red ocher. No pieces of accompanying inventory were found.

The most important issue is the question of cultural and chronological affiliation of the tumuli found on the mound Inskoy Dol. The solution to this problem is connected with the study of Afanasyevo Culture monuments of Altai. This issue has been given intensive academic investigation recently what is proved by a large number of scientific papers (Larin, 2005; Афанасьевский сборник Afanasyev Collection, 2010; Afanasiev collection, 2012 Kiryushin, Grushin, Stepanova, Tyurina, 2010; Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014; etc.). First of all, we should note that the found group of tumuli no.4, 5 and 9 has explicit analogies among classical monuments of Afanasyevo Culture (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014, p. 319-321). Since tumuli 4 and 9 were ruined, we can get the most sufficient information from the study of tumulus 5. Studying the group of tumuli described above, we can notice several characteristic features of the monuments of Afanasyevo Culture. First, it is the planigraphy disposition of the objects and the rounded shape of the tombs each of which had a circle of plates placed vertically and stones laid flat. Second, all three tumuli have graves in the ground in which the dead are placed on their backs with bent legs (tumulus 5) and their heads oriented to the west (tumuli 4 and 5). Third, in each grave, the bodies of the dead are raddled with red ocher. Fourth, in tumuli 4 and 5, there are ceramic fragments of egg-shape vessels. Moreover, the vessel found in tumulus 5 as well as the piece of the vessel found in tumulus 4 have the specific for Afanasyevo Culture type of ornament (picture 2.-1, 3) (Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014, p. 5-99, 327, picture 198; Stepanova, 2010; etc.).

The question of chronological affiliation of Afanasyevo Culture monuments in Altai still remains. Starting with the last quarter of the 20th century researchers have expressed different points of view on the question, taking into consideration archaeological analogies and the results of radiocarbon analysis. The widest chronological period of Altai Afanasyevo Culture is suggested to be the late 4th – early 2nd millenium BC (Tsyb, 1984, p. 12-13; Molodin, 2002, p. 125; etc.). A bit shorter period was suggested by the archaeologists after the excavation of a number of Afanasyevo Culture mounds at the Middle Katun (Kiryushin, Grushin, Stepanova, Tyurina, 2010, p. 69). The method of radiocarbon analysis gives a wide range of chronological suggestions (Stepanova, 2009; Polyakov, 2010, p. 164-167; etc.). Narrower chronological frameworks are suggested by different archaeologists who paid most attention basically to the method of archaeological analogies. Thus, M.D. Khlobystina dated the artifacts of Altai Afanasyevo Culture by analogy with the monuments of Yamnaya Culture (or Pit Grave Culture) as the second half of the third millennium BC (Khlobystina, 1975, p. 17). A.P. Pogozheva refers Afanasyevo Culture objects to the first half of the third millennium BC (2006). D.G. Savinov considers the Afanasyevo Culture mounds should be dated from the 3rd- early 2nd millennium BC (Savinov, 1994, p. 134). A.P. Borodovskii believes it is possible not to date Afanasyevo Culture monuments of the Middle Katun earlier than the 2nd millennium BC. And N.F. Stepanova, taking into consideration the study of funeral rites and equipment, especially the ceramics, comes to the conclusion that Afanasyevo Culture could exist in Altai only during a short period – within the third millennium BC or even between the mid. – late 3rd millennium BC (Stepanova, 2012, p. 193). Apparently, we can give dates to tumuli no. 4, 5 and 9 of the mound Inskoi Dol within the third millennium BC.

To sum up, the conducted research shows the following results: according to the features described above, tumuli no.4, 5 and 9 are referred to the monuments of Afanasyevo Culture of South Siberia and may be given dates of around the 3rd millennium BC. Further study of the obtained data together with radiocarbon analysis will provide better understanding of chronological affiliation of the Eneolithic Age artifacts of South Siberia. Special attention should be paid to the study of the worldview of South Siberia population of the Eneolithic Age.

Bibliographic:

Afanasiev collection: collection of scientific articles / resp. N. F. Stepansky, A. V. Polyakov. – Barnaul: Azbuka, 2010. Vol. I., . 293 p.

Afanasiev collection 2: collection of scientific articles / resp. N. F. Stepansky, A. V. Polyakov. – Barnaul: AZBUKA, 2012. Vol. II. - 226 p.

Borodovskij A. P. Afanasievskii monuments of the Lower Katun river // the Burial and settlement complexes of the bronze age of the Altai mountains. –Barnaul: Publishing house Alt. UN-TA, 2006. – P. 84-95.

Wodecka E. B., Polyakov A. V., Stepanova N. F, a Set of monuments afanasyevskaya culture. – Barnaul: Publishing house Alt. UN-TA, 2014. - 380 p.

Dashkovskiy P.K. Mounds of the Eneolithic burial ground on the Inskoy dollars (Altai) // News of Altai state university. 2016. No. 4 (92). C. 230-237.

Dashkovskiy P.K., Meykshan I.A. Investigation of the burial mounds of Scythian time on the burial ground Chineta II and Inskoy $ / / Preservation and studying the cultural heritage of Altai region. – Barnaul: Publishing house Alt. UN-TA, 2014. – Vol. XX. – P. 94-100.

Dashkovskiy P.K., Goncharova N.S., Meykshan I.A. Continuation of the study of burial mounds in the cemetery Inskoy $ / / Field research in Irtysh, the Upper on-site professional and Altai. 2014: archeology, Ethnography, oral history. – Barnaul: Of Altgpa, 2015. – Vol. 10. – P. 40-44.

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Stepanova N.F., Tyurina E.A. Afanasievskii funerary complexes of the middle Katun river (Katun results of studies of an archaeological expedition in the area of construction and flooding of the Altai hydroelectric power station in 2006-2007). – Barnaul, Publishing house of Alt. UN-TA, 2010. - 80 p.

Larin O.V. Afanasyevskaya culture of Mountain Altai: the burial of Solidar - 1. – Barnaul: Publishing house Alt.UN-TA, 2005. - 208 p.

Molodin V.I. Gorny Altai during the bronze age // the History of the Altai Republic. Mining Altas, 2002. - T. I. - P. 98-142.

Pogozheva A.P. Afanasyevskaya culture // Pogozheva, A.P., Rykun M.P., Stepanova N.F., Tur S.S. Eneolithic and bronze of the Altai mountains. - Barnaul, 2006. – Part I – P. 18-48.

Polyakov AV. Radiocarbon dates of Afanasiev culture // Afanasievsky sbornik. – Barnaul: Azbuka, 2010. – P. 158-171.

Savinov D.G. Burial Bertek-33 // Ancient culture Bertekskoy valley (Gorny Altai, Ukok plateau). - Novosibirsk: Science, 1994. – P. 39-49.

Stepanova N.F. Problems of absolute and relative chronology of monuments of Afanasiev culture of the Altai Mountains // Role of natural scientific methods in archaeological research. – Barnaul: Publishing house Alt. UN-TA, 2009. - P. 154-159.

Stepanova N.F. Afanasyevskaya culture of Gorny Altai and Yenisei rivers: the burial rite and ceramics (similarities and differences) // Athanasian collection: the collection of scientific articles. – Barnaul: Azbuka, 2010. – P. 177-187.

Stepanova N. F. Afanasyevskaya culture of Gorny Altai and burial korotenkova type // Athanasian collection 2: collection of scientific articles. – Barnaul: AZBUKA, 2012. – P. 173-182.

Khlobystina M. D. the Ancient tombs of the Altai mountains // CA. - 1975 – № 1-P. 17-34.

Tsyb S. V. Afanasyevskaya culture in the Altai. The author's abstract dis... Ph. D. Kemerovo, 1984. - 19 p.

Shulga P. I. Burial of the Eneolithic-bronze age in the Sentelek valley // Burial and settlement complexes of the bronze age of the Altai Mountains. – Barnaul: Publishing house Alt. UN-TA, 2006. - P. 47-72.

Резюме

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Исследование курганов афанасьевской культуры в южной части могильника Инской дол (Алтай)

Статья посвящена предварительным результатам исследования курганов №4, 5, 9 на могильнике Инской дол, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края (Западный Алтай). Исследованные объекты позволяют дополнить сведения по эпохе энеолита Южной Сибири. Анализ погребального обряда и инвентаря дал возможность установить, что курганов №4-5, 9 имеет характерные признаки для афанасьевской культуры и датирована предварительно III тыс. до н.э.

Summary
P.K. Dashkovskiy
Altay state university, Barnaul, Russia
A study of mounds of afanasyevo culture in the south part of the burial ground inskoy dol (altai)

The article is devoted to the preliminary results of the study of mounds No. 4, 5, 9 on the Inskoy Dol burial ground located in the Krasnoshchekovskiy district of the Altai Territory (Western Altai). The investigated objects make it possible to supplement information on the era of the Eneolithic of Southern Siberia. An analysis of the funeral rite and inventory made it possible to establish that the burial mounds No. 4-5, 9 has characteristic features for the Athanasian culture and is dated pre-III millennium BC.



Рис. 1. Расположение могильника Инской дол.

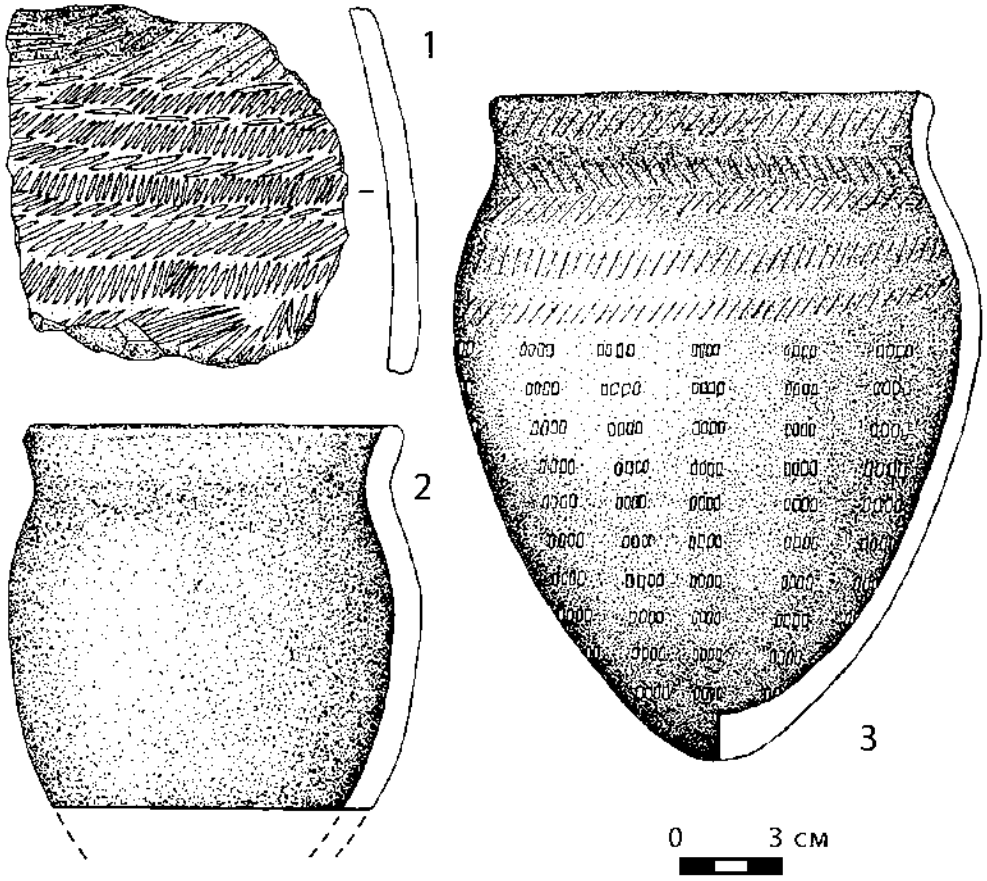


Рис. 2. Керамические сосуды: 1-2 - курган №4, 3 — курган №5

КӨШПЕЛІ ӨРКЕНИЕТ ЕСКЕРТКІШТЕРІН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Айтқұл Х.А.
ҚР Мемлекеттік орталық музей
Археология орталығының жетекшісі
Алматы, Қазақстан

МРНТИ 034101

Ж.-А. КАСТАНЬЕНІҢ ОРЫНБОР ҒЫЛЫМИ МҰРАҒАТ КОМИССИЯСЫ МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫНА ҚОСҚАН ҮЛЕСІ (ҚР МОМ-НЫҢ ҚОР КОЛЛЕКЦИЯСЫ НЕГІЗІНДЕ)

Ключевые слова: Кастанье Ж.-А., Западный Казахстан, средневековая история, Оренбургская ученая архивная комиссия.
Keywords: J.-A. Kastane, western Kazakhstan, medieval history, Orenburg Academic Archive Commission.

XIX ғ. соңында – XX ғ. басында Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің (бұдан әрі қарай ҚР МОМ) қалыптасқан негізі археологиялық коллекциясының бірі болып Орынбор ғылыми мұрағат комиссиясының (бұдан әрі қарай ОҒМК) материалдары табылады. Комиссия зерттеушілері ғылыми мәселелерді әзірлеумен, далалық қазбалармен және музей қорын археологиялық артефактілермен толықтырумен айналысқан. Уақыт өте келе Комиссия базасында құрылған археологиялық мектеп ОҒМК-на – археология, маңызды бағыттары ретінде бекуіне көмектесті (Хасанов, 2005, 20 б.). Қазба жұмыстарының арқасында, комиссияның музей қорлары артефактілермен толықтырыла бастады, олардың құндылығы жөнінде Оңтүстік Оралдан тыс жерлерде де белгілі болды.

Орынбор ғылыми мұрағат комиссиясының Еңбектерінде М.И. Ростовцева, А.В. Попов және т.б. монографиялары жарияланды. Орынбордың археологиялық ескерткіштерін зерделеумен, талдауда Ж.-А. Кастанье көп үлес қосты, ол орынбор археологиялық материалдардың алғашқы зерттеушілердің бірі болды. Ж.-А. Кастанье мен А.В. Попов 1887-1905 жж. Оңтүстік Оралдағы археологиялық зерттеулердің «Обзор археологических раскопок в Оренбургской губернии и Киргизской степи» деген жинағын жариялайды. Бұл еңбектің маңыздылығы сөзсіз, өйткені онда XIX-XX ғасырлар ширегінде Оңтүстік Оралда жүргізілген барлық археологиялық қазба жұмыстары туралы мәліметтер баяндалған. 1910 жылы «Орынбор ғылыми мұрағат комиссиясы Еңбектерінің» XXII шығарылымында Ж.-А. Кастаньенің «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» атты монографиясы жарияланды. Монографияда Орал өңірі мен Қазақстанның археологиялық ескерткіштері егжей-тегжейлі талқыланған. Жарияланымға «обалар, қалашықтар, тас мүсіндер, қираған қамалдар, көне қорымдар, қалалар және өзге де құрылыстар, көшпелілер туралы мәліметтер, сондай-ақ қазба жұмыстары туралы шолулар, христиан-несториандық ескерткіштер туралы мәліметтер, тастағы жазулар мен суреттер туралы, мұсылман әулиелері және басқа да көрнекті орындар мен көне кеніштер» туралы мәліметтер көптеп кірген (Кастанье, 1910).

1911 жылы ОҒМК «Еңбектерінің» жеке басылымында Ж.-А. Кастаньенің «Надгробные сооружения Киргизских степей» атты жұмысы жарияланды (Кастанье, 1911). Ж.-А. Кастаньенің қызығушылығы көп қырлы болды: археология, фольклор, этнография, лингвистика, тарих. Ол туралы атақты ғалым В.В. Бартольд еске ала отырып, былай деп жазған: «было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей Кастанье» (Бартольд, 1977, 549 б.). Сондай-ақ, ол Ж.-А. Кастаньенің археологиялық материалдарды жинаудағы ғылыми тәсілін ерекше атап өткен: «Из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем Ж.-А. Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разъездов и хранится в полном порядке; происхождение каждого предмета точно указано» (Бартольд, 1977).

Ж.-А. Кастанье Орынборда өткізген бүкіл жұмыс уақытында Орал, Ақтөбе және Орынбор уездерінде қазба, барлау, тексеру, зерттеу жұмыстарымен айналысты (Анарбаев, 1988; Лунин, 1876; Кастанье, 1913; Пугаченкова, Германов, 1996). 1904 жылы ол Жақсы Қарғалы өзенінің бойында алты обаға қазба жұмыстарын жүргізеді (Ақтөбе қаласынан 45 км). Мемлекеттік Орталық музей қорында осы ескерткіштің №4 және 6-шы обалардың материалдары сақталған. № 4-ші оба үйіндісі тастан үйіген, адам қаңқасы батыстан шығысқа қарай созылған жағдайда жатқан, басы батысқа беті оңтүстікке қараған. Обадан табылған заттай материалдар темір найзаның фрагменттерінен (ЦМК КП 23687), аяқтың тізеден томен, тобық тұсынан табылған екі темір үзеңгі (ЦМК КП 23685/1,2; сур. 1), темір тоға (ЦМК КП 23686) және ауыздық фрагменттерінен (ЦМК КП 23684/1-6) тұрды (Кастанье, 2007, 121-122 бб.).

№ 6-шы оба өлшемі шағын ғана, қазба жұмыстары барысында обадан үш жерлеу орны анықталған. Адам қаңқалары батыстан шығысқа қарай созылып, бастары батысқа қарай бағытталған, олардың әрқайсысы жеке көр шұңқырында айналасы ағаштан жасалған қадамалармен қоршауланып жерленген. Заттай материал саздан жасалған құмыралардың, қайын қабығынан жасалған қорамсақ (фрагменттері) (ЦМК КП 23681/1, 2), темір жебе ұштары (ЦМК КП 23696, сур. 2), кішкентай ағаш қорапша (ЦМК КП 23679/1-3) және геометриялық өсімдік ою-өрнегінің элементтері бар жібек мата фрагменттерінен тұрады (НВФ 6060/1,2; сур. 3) (Кастанье, 2007, 121-122 бб.).

1909 жылы Ж.-А. Кастанье Жақсы-Қарғалының ағымы Жаман-Қарғалы өзенінің бойында орналасқан биіктігі 12 м, диаметрі 8 м болатын және сырты ормен қоршалған үлкен обаға қазба жұмыстарын жүргізеді. Оба үйіндісі ұсақ малта тастардан үйілген. Қазба барысында төрт адамның қаңқасы әр түрлі тереңдікте солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай орналасқан күйде табылды, олардың біреуінің жанынан жылқы сүйегі анықталған. Табылған заттай материал темір ауыздықтан (ЦМК КП 2272/2), қанжардан, қыш құмыралардан, мыс тоғадан (ЦМК КП 2272, сур. 4) және темір жебе ұштарынан тұрды (ЦМК КП 2272/11-15) (Кастанье, 2007, 121-122 бб.).

1911 жылы Ақтөбе уезінде екі обаға қазба жұмыстарын жүргізеді, обадан табылған затарға және қазба жұмыстарының барысына егжей-тегжейлі сипаттама береді. Ол көптеген қорымдарды, архитектуралық құрылыстарды, қоныс орындарын көріп зерделейді, сондай-ақ ол бір мезгілде Қазақстанның 1910 жылға дейін белгілі барлық археологиялық ескерткіштердің тізбесін құрады және егже-тегжейлі жіктеу жүргізеді (Кастанье, 2007, 19 б.).

Ж.-А. Кастанье Императорлық археологиялық комиссияның ғалым хатшысы болған, ал 1909 жылдың қыркүйегінен бастап, Орынбор ғылыми мұрағат комиссиясының вице-төрағасы болып сайланды. Сонымен қатар, Комиссия мүзейінің сақтаушы міндеттерін қоса атқарды. XIX ғасырдың 30-шы жылдары В.И. Даль негізін қаланған музей қорының артефактілер саны 1910 жылы 3100-ден астам сақтам бірлікті құрады. Ж.-А. Кастанье өзінің айрықша энергиясының арқасында 1911 жылы барлық музей коллекцияларын қарастырып, нумизматикалық коллекциясын ретке келтіріп, монеталар мен медальдар каталогын, сондай-ақ музейдің палеонтологиялық бөлімінің тізімдемесін жасайды (Байпаков, Таймагамбетов, 2006).

Жазушы Ю.О. Домбровский Қазақстанның Орталық музейінде 1938 жылы сақтаушы болып жұмыс істеген кезінде «Хранитель древностей» атты роман жазған. Аталмыш романда Ж.-А. Кастаньені өзінің ізашары деп атайды; «То и дело, например, попадалась фамилия Кастанье. «Из сборов Кастанье», «Из коллекции Кастанье», «Описано Кастанье», «Смотри рисунок в монографии Кастанье» и так далее. Этим человеком я заинтересовался уже намного позже. Тогда же мне просто было от него некуда деваться. Сколько он насобирал камней! И там Кастанье, и тут Кастанье, и везде один и тот же Иосиф Антонович Кастанье – «ученый секретарь Оренбургской архивной комиссии» (так он подписывался под своими статьями) ... краеведом Кастанье был первоклассным – внимательным, неутомимым, знающим, рьяным. Он был из тех, для кого история – действительно муза» (Домбровский, 1992).

Зерттеуші А.А. Евгеньев ОҒМК-сы орынбордың археологиялық ғылымын дамытуға қосқан үлесін атап өтеді. Бұл, ең алдымен, Ж.-А. Кастанье жүйелеген географиялық қағидалары бойынша орал даласының көне тарихын сипаттайтын алуан түрлі материалдар қазба жұмыстарын жүргізу нәтижесінде алынған. ОҒМК-сы Оңтүстік Оралдың археологиялық мұраларын қорғауда және губернияның халқы арасында археология саласындағы ағарту жұмыстары бойынша маңызды әрі табысты жұмыстар атқарды. Жергілікті өлкетанушылардың түрлі жоспарларының нәтижесінде алынған материалдар, олардың теориялық әзірлемелері мен ескерткіштерді қорғау тәжірибесі ескерілді және кейінгі ұрпақ зерттеушілерімен пайдаланылды, бұл құбылыс аймақтың революцияға дейінгі және кеңестік археологиясының танымдық сабақтастығын сипаттайды (Евгеньев, 2008, 9 б.).

Солтүстік-батыс және Батыс Қазақстанның басқа да зерттеушілерінен Торғай мен Ақтөбе уездерінде қазба жұмыстары жүргізген А.Л. Аниховскийді; жүйелі түрде кездейсоқ табылған заттар туралы ақпарат беріп тұрған И.В. Аничковты атауға болады. Жалпы алғанда Қазақстан археологиясының дамуының бірінші кезеңі айтуға болады, ол XIX ғасырдың ортасынан бастап 1917 жылға дейінгі уақытты қамтиды (Байпаков, Таймагамбетов, 2006, 20 б.).

Сонымен қатар ҚР МОМ қорында И.С. Шукшинцевпен және Р.Ж. Игнатьевтердің Троицк уезінің, Травниковск станциясының Шахматовский ауылының аумағында орналасқан обаларға жүргізілген қазба жұмыстарының археологиялық материалдары сақтаулы. Бұл темір қылыш (ЦМК КП 2276/2), жүрек тәрізді белдеу қаптамалары (ЦМК КП 2272/3, 4), ат әбзелдерінің темір тоғалары (ЦМК КП 2272/7-9), жебе ұштары (КП 2271/10) және т.б. (Игнатьев, 1903; Шукшинцев, 1900).

ОҒМК-ның материалдары Орталық Азия көшпелі халықтарының орта ғасыр тарихының тұтас археологиялық кешен көздерінің құрамдас бөлігі деп қорытуға болады.

Орта Азия мен Қазақстанды зерттеуде атақты археолог, этнограф, фольклорист, географ, шығыстанушы Н.Н. Пантусов үлкен үлес қосқан. Ол ортағасырлық араб географтарының географиялық Шығармаларының аудармаларын және Бабырдың «Жазбаларын» жариялайды. Түркістан археология әуесқойларының үйірмесінің мүшесі бола отырып, Жетісуда археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізген. 1885 ж. археологиялық комиссиясының есебінде; «Весьма усердного сотрудника, – по части собирания среднеазиатских древностей, Комиссия нашла в лице ориенталиста Пантусова» деп жазылған (Доклад о действиях АК за 1885 год, 1891). 1889 жылдың сәуір, мамыр айларында Н.Н. Пантусов Верный қаласының батыс жағында үш обаға қазба жұмыстарын жүргізеді, ол өзі бұл туралы: «с целью познакомиться на опыте с приемами работы и подготовиться к раскопке крупных курганов» деп жазады (Пантусов, 1899; Пантусов, 1894) Н.Н. Пантусов жинаған археологиялық материалдардың бір бөлігі кейінірек Жетісу облыстық музейіге сақтауға түсті және оның коллекциялар негізін қалыптастырды, қазіргі уақытта бұл коллекциялар ҚР МОМ-ның археологиялық қор коллекциясы құрамына кірді.

Әдебиет:

Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье // Советская археология № 1. М., 1988. – С. 35-40;

Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 355 с.

Бартольд В.В. Работы по истории востоковедения // Собрание сочинений в 9 томах. Т. IX. – М: Наука, 1977. – 957 с.

Доклад о действиях Археологической Комиссии за 1885 год // Отчет Археологической Комиссии ОАК за 1882-1888гг. – СПб., 1891. – LIX-XCVI с.; ОАК за 1989 г. – С. 75-80.

Домбровский Ю.О. Хранитель древностей // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4.– М.: Издательство «Терра», 1992. – 396 с.

Евгеньев А.А. Оренбургская археология с XVIII в. до конца 70-х гг. XX в.: автореф. канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань, 2008. – 26 с.

Игнатьев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // ИАК. Вып. V. СПб., 1903. – 132 с.;

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края с рисунками И.А. Кастанье // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXII. – Оренбург, 1910. – 361 с.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. XXIII. – Оренбург, 1911. (на рус. и фр. языках). – 176 с.

Кастанье И.А. Отчет о поездке в Шахрохию и местность «Канка». – Ташкент /отд.отт./, 1913. – С. 13-14;

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 516 с.

Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане // Туркестанские ведомости. – 1876. № 24. – С. 113;

Пантусов Н.Н. Описание раскопок трех, курганов, находящихся на западной стороне города Верный в апреле и мая 1889 г., ПТКЛА, IV, 1899. – С. 105-117;

Пантусов Н.Н., раскопки в Семиреченской области, Раскопки Н.Н. Пантусова в 1890 г. курганов в Семиреченской области, Продолжение исследования могильных памятников на

христианско-несторианских кладбищах близ Токмака и Пишпека, работы Н.Н. Пантусова и А.М. Фетисова, ОАК за 1892 г. – СПб., 1894. – С. 73-75.

Пугаченкова Г.А., Германов В.А. Туркестанский кружок любителей археологии и домусульманские древности Средней Азии: К 100-летию Туркестанского кружка любителей археологии // Вестник древней истории. – Москва. 1996. № 4 (219). – С. 189-195.

Хасанов Э.Р. Историческое краеведение на Южном Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. канд. ист. наук: 07.00.02. – Оренбург, 2005. – 20 с

Шукшинцев И.О. Сведения о курганах Оренбургской губернии // Труды ОУАК. Выпуск VI. – Оренбург, 1900. – С. 74-127.

Резюме

В данной статье расматривается роль Оренбургской ученной архивной комиссии в изучении средневековой истории западного региона Казахстана. А так же, вклад в обобщение и анализ Оренбургских археологических памятников Приуралья и Казахстана – археолога, историка-востоковеда Ж.-А. Кастанье. И его значимость в формировании коллекции архивной комиссии. В статье автор дает научное описание уникальным артефактам собранным Ж.-А. Кастанье из коллекции ЦГМ РК.

Summary

This article examines the role of the Orenburg Academic Archive Commission in studying the medieval history of the western region of Kazakhstan. And also, the contribution to the generalization and analysis of Orenburg archaeological monuments of the Urals and Kazakhstan – archaeologist, historian-orientalist J.-A. Kastane. And its importance in the formation of the archival commission's collection. In the article the author gives a scientific description of the unique artifacts collected by J.-A. Kastane from the collection of the State Central Museum of the Republic of Kazakhstan.



Сурет 1 – Үзеңгілер ЦМК КП 23685/1,2
Сурет 2 – Жебе ұшы ЦМК КП 23696
Сурет 3 – Суретші А.Е. Горбатов салған мата фрагментерінің сызбасы НВФ 060/1,2
Сурет 4 – Тоға ЦМК КП 2272

Аникеева О.В., Нацкий М.В.,
Шемаханская М. С.
Государственный научно-исследовательский
институт реставрации,
Яблонский Л.Т.
Институт Археологии РАН
Москва, Россия

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЗНАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ (МОГИЛЬНИК ФИЛИППОВКА 1, КУРГАН 1, ПОГРЕБЕНИЕ 2)

Түйінді сөздер: Зергерлік әшекейлер, Филлиповка 1қорымы, археологиялық құралдар, көшпелілер ортасы, сарматтар.
Keywords: Jewelry, burial ground Phillipovka, archaeological stocks, nomadic surroundings, the sarmatians.

При доследовании царского кургана 1 могильника Филипповка 1 (IV в. до н.э.) в Оренбуржье было обнаружено нетронутое грабителями захоронение женщины, которая умерла в возрасте 30-35 лет (Яблонский, 2014). По совокупности необычайно богатого и типологически разнообразного сопровождающего инвентаря погребение принадлежало, вероятно, жрице высокого ранга.

На погребенной был найден ювелирный гарнитур, который состоял из двух браслетов (рис. 1; рис. 2) и двух височных подвесок (рис. 3; рис. 4). Особое место (и в прямом и в переносном смысле этого слова) занимает драгоценный предмет – диск с центральным изображением и сложными подвесками по радиусу, найденный в коробе слева от погребенной и, как будет показано ниже, по декоративному оформлению деталей относящийся к этому гарнитуру (рис. 5; рис. 6).

Особенностью всех предметов гарнитура является их полихромность, разнообразие примененных при их изготовлении технологических приемов, использованных при их изготовлении, и одновременно наличие в разных вещах декоративных элементов, выполненных по идентичной технологии.

Браслеты. Каждый браслет состоит из шести однотипных звеньев. Основой каждого звена является удлиненная эллипсоидная бусина-пронизь из сердолика, на которую надеты три цилиндрические втулки (рис. 1; рис. 2).

Концевые втулки закрытые и имеют круглое дно, припаянное к одному концу цилиндра. Поверхность каждого цилиндра украшена треугольниками из зерни. К втулкам припаяны петли, сделанные из двух проволок, соединенных зернью. Через эти петли звенья были нанизаны на кожаный шнурок. Цепочки подвесок сделаны из скатанной проволоки одинаковой толщины плетением «одна в одну». Все элементы на обоих браслетах разделены двумя петлями. Браслеты различны по набору декоративных элементов. Все детали собраны по единому рациональному принципу последовательной сборки.

Браслет с левого запястья (рис. 1). В этом браслете на цепочках каждого звена размещены три различные привески на концах. Первая – полый шарик, на поверхность которого напаяны полоски, образующие каплевидный каст, в которые помещены полихромные вставки из пасты красного цвета и глухого стекла ярко-голубого и бледно-голубого цветов, оконтуренные зернью. Вторая – литая головка барана. С внутренней стороны одной головки в углубление вставлена цилиндрическая агатовая бусина. Третья – полый шарик из двух спаянных полусфер, украшенный треугольниками зерни. В середину каждой цепочки включен декоративный элемент, представляющий собой квадратный сквозной каст, украшенный калиброванной зернью, окаймляющий по периметру каменную вставку. Минералого-петрографическое определение материала вставок показало, что они относятся к рудным минералам олова (касситерит), цинка (сфалерит) и железа (пирит-пирротин), представленным микрозернистыми выделениями серно-колчеданных руд. В неокисленном виде поверхность каменных вставок имела металлический блеск и серый цвет. Микрокристаллическая текстура этих минералов объясняет хрупкость материала, и в процессе бытования часть вставок, видимо, была утеряна. На их место позднее были помещены каменные вставки из пирита.

Браслет с правого запястья (рис. 2). Конструкция браслета такая же, как у первого браслета, за исключением привесок на концах: они одинаковые, двусторонние, плоские, каплевидной формы, по краю обрамлены полоской, которая образует ковчег. Поверхность внутри ковчега разделена согнутыми под углом двумя припаянными полосками на четыре ячейки, в некоторых сохранились

полихромные вставки из стеклянной пасты красного и бирюзового цвета. Привески украшены по торцу двумя рядами зерни, на концах – пирамидками из зерни. Одинаковые по декору, они несколько отличаются друг от друга размерами.

Сердоликовые бусы-пронизи (по шесть в каждом браслете) имеют визуально одинаковую форму длинного эллипсоида с выделенными торцевыми гранями. Однако по способам выведения форм и торцевых граней, сверлению и минералогическим характеристикам камня можно выделить три типа бус, изготовленных в разных ремесленных центрах:

А. «Рубленые», изготовленные по традиционной индийской технологии: удлиненная заготовка 4–8 см сверлится алмазным или каменным сверлом, после чего шлифованием ей придается цилиндрическая форма, далее она разбивается или разрезается на отдельные бусины, форма которых доводится полировкой. Для таких бус характерны нешлифованные, резаные, слегка приполированные торцевые грани, идеально ровные края входных отверстий, сжатая с боков форма, так что поперечным сечением является не круг, а овал. Изготовлены из мраморовидного оранжевого сердолика невысокого качества, распространенного в Индии. Его яркая окраска и полупрозрачность появляются при термической обработке для искусственного улучшения цвета камня – способ, используемый в Индии со 2-го тыс. до н. э.

Б. Группа бус-пронизей, преобладающая в браслетах (восемь из двенадцати), различается техническими нюансами обработки, что свидетельствует о развитой и налаженной индустрии каменных украшений. Для них характерны двустороннее сверление металлической трубкой и/или металлическим стержнем, шлифованные и полированные торцевые грани; на краях входных отверстий видны следы вхождения сверла. На двух бусинах одно из отверстий просверлено алмазным сверлом. Это показывает, что мастерские, производящие бусы, начинают осваивать новый способ сверления. Здесь встречаются как бусы, изготовленные из несверленых заготовок индийских рубленых бус, так и бусы, сделанные из аравийского сердолика, копирующие форму рубленых бус. Совокупность технологических признаков позволяет говорить, что эти бусы производились в Древнем Иране.

В. Бусина-пронизь из индийского сердолика, изготовленная кустарным способом и примитивно копирующая данную форму. Просверлена с двух сторон металлическим стержнем, отверстия некоаксиальны. Края пронизи несут следы ручной перешлифовки, чтобы бусина входила во втулки. Вероятно, была вставлена в браслет взамен утерянной бусины.

Изучение сердоликовых бус-пронизей позволяет предположить, что сердоликовые пронизи типа Б (преобладают в браслетах) изготавливались специально для браслетов в ремесленном центре с развитым производством. Совокупность технологических приемов изготовления показывает, что эти бусы производились в Древнем Иране. Пронизи типа А индийского происхождения были широко распространены на территории Ахеменидского государства (Schmidt, 1957, p. 162. pl. 43, 20–22; Tallon, 1995, s. 28, 32; Woolley, 1962, p. 132. pl. 21, U 469). Вероятно, они использовались в этом же ремесленном центре как эталоны для изготовления пронизей типа Б и вставлены как подходившие по форме и виду камня.

Пронизь типа В была вставлена в браслет взамен утерянной значительно позже, и, судя по примитивной технике изготовления, возможно, когда браслет находился у кочевников.

Разнообразные способы крепления сердоликовых бус во втулках, следы неоднократного и разнообразного ремонта каменных вставок в квадратных привесках свидетельствуют о весьма длительном периоде их бытования.

Височные подвески (рис. 3, рис. 4). Подвески одинаковые в своей основе: дужки кованые, украшенные рельефом в виде ромбов. Подобный рельеф известен на гривне и серьгах из могильника Филипповка 1 (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 416, 419). К дужке через зернь припаяны две головки верблюдов, к которым через петли в нижней части головок прикреплены цепочки, заканчивающиеся полихромными каплевидными привесками, идентичными привескам второго браслета. К середине цепочек прикреплены проволочки с пирамидкой зерни на конце, на которые, видимо, были надеты бусины. Аналогичные приемы декоративного оформления имеются на подвеске № 2 (рис. 4). На дужку височной подвески № 2 (рис. 4) надет элемент с двумя литыми головками быков и полихромными вставками, отсутствующий на подвеске № 1. Фон заполнен зернью. По нижнему краю элемента прикреплены на петлях диски. Место пайки петли прикрыто зернью.

Дисковидное ювелирное изделие с подвесками (рис. 5, рис. 6). Центральная часть украшения – диск. Его основой является тонкая круглая гладкая пластина, по краям которой золотым припоем напаяны радиальные декоративные элементы диска:

Ряд пирамидок из шариков зерни уложены одна к одной и образуют фестончатый край диска. После напаивания зерни край пластины был подрезан по контуру внешних шариков так, что он стал зубчатым.

Замкнутое кольцо из гладкой, круглой в сечении "проволоки", на которой видны идущие по спирали линии стыка, образовавшиеся при ее изготовлении скручиванием из ленты.

Два кольца из шнура, свитого из двух гладких "проволок" – наружное кольцо свито против часовой стрелки, внутреннее – по часовой стрелке. Вместе они образуют полоску елочного орнамента.

Кольцо из единой полосы-пластины, концы которой спаяны внахлест. Кольцо припаяно к диску, возможно, лишь в нескольких местах, так, что с внутренней стороны образует бортик, в который впаян полихромный медальон.

Рисунок полихромного медальона выполнен в технике перегородчатой инкрустации (клуазонне). Этот медальон вставлен в кольцо основного диска. Промер высоты кольца с наружной и внутренней стороны показал, что диск имеет собственное дно, к пластине которого и припаяны перегородки инкрустации. По внутреннему краю медальона расположены две окружности. Одну составляют четырехугольные ячейки: шаг орнамента определяется цветом вставок – синяя-бирюзовая-красная-бирюзовая. Вторая окружность с треугольными ячейками, по цвету образующими два кольца: внешнее – с чередующимися синими и красными треугольниками, внутреннее – из бирюзовых треугольников. Для вставок использовалось синее, красно-оранжевое прозрачное стекло и бирюзовая непрозрачная стекловидная паста (фритта).

К краю оборотной стороны диска припаяны одним концом петли, на которые надеты цепочки из скатанной проволоки с плетением «петля в петлю». К их концам прикреплены четырехлопастные подвески, заканчивающиеся пирамидкой зерни. В три вертикальных шва четырехлопастных подвесок уложен ряд калиброванной зерни. Четырехлопастные подвески – распространенный элемент в ювелирных изделиях Филипповки (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 376, 390).

У края диска имеются два вида привесок с цветными вставками, окаймленные рядом калиброванной зерни: серповидные, которые прикреплены к петле диска, в них вклеены вставки из красно- коричневой или бирюзовой (чередуются) пасты, и квадратные, надетые за петлю, припаянную к углу квадратного глухого каста, к верхней петле цепочки. Так что привески создают два ряда цветных украшений. В квадратные касты помещены каменные вставки. Техника исполнения и материал кастов совершенно идентичны аналогичным элементам украшения на браслетах, вплоть до того, что при разрушении (утере) первичных камней в кастах они восполнялись аналогичными вторичными каменными вставками (см. выше).

К цепочкам крепился еще один декоративный элемент – проволочка с пирамидкой зерни. На некоторых проволочках сохранились бусины бирюзового цвета из пасты. Вероятно, эти элементы были расположены перпендикулярно к цепочкам, что придавало украшению объемность. Идентичные элементы присутствуют на обоих височных кольцах (рис. 3, рис. 4).

Визуальные характеристики стекловидной пасты (текстура, плотность, рельеф, цвет, характер вторичных преобразований) в плоских каплевидных подвесках на концах цепочек одного из браслетов (рис. 2), а также обоих височных колец (рис. 3, рис. 4) и в серповидных привесках подвески не исключают вероятности идентичности их состава. Характеристики стекла из ячеек перегородчатой инкрустации центрального медальона подвески резко отличаются по параметрам и позволяют предположить, что это стекло было изготовлено в другом ремесленном центре.

Присутствие в квадратных привесках браслетов и подвески таких рудных минералов, как касситерит и сфалерит, характерные зернистые микрокристаллические текстуры этих камней, имеющих форму минеральных агрегатов, а не отдельных кристаллов, отсутствие каких-либо данных о применении этих минералов в одновременных ювелирных украшениях разных регионов позволяет предположить, что эти ювелирные украшения производились в одном ремесленном центре в одно время.

У ювелирного украшения – подвески, есть особенность, которая не поддается однозначной интерпретации: различная длина цепочек у подвесок. Шесть цепочек короткие, состоят из пяти звеньев. К ним примыкают с обеих сторон длинные, которые плавно укорачиваются. На коротких цепочках отсутствуют серповидные привески, а квадратные прикреплены с изнаночной стороны, так, что они видны только тогда, когда подвески перекинуты на центральный украшенный диск, т.е. при вертикальном расположении подвески. На оборотной стороне подвески напаяны четыре полоски, образующие прямоугольник, видимо, для подвешивания на тканые ремешки или ленты (они не сохранись).

Назначение данного предмета не очень понятно. Однако, если расположить диск вертикально, то короткие цепочки-подвески, которые крепятся к его верхнему краю, не перекрывают изображение на центральном медальоне (рис. 6). Поэтому, скорее всего, украшение располагалось вертикально.

По данным этнографии подобные бляхи встречаются на шаманских костюмах многих народов. В частности, солярные подвески с космическими символами известны, например, по костюмам эвенкийских шаманов. У эвенков шаманский плащ или кафтан непременно расшит множеством всевозможных лент и соединенных с ними подвесок (Прокофьев, 1971, с. 45, 48). Подобный предмет был ранее найден в, погребении 1 кургана 17 того же могильника Филипповка 1 (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 145). Объединяет их одинаковая конструкция: центральный диск с медальоном с цветными вставками, подвески из цепочек разной длины, заканчивающиеся четырехлопастными привесками с пирамидками зерни, привески в виде проволочек с бусинами и пирамидками зерни на концах, на оборотной стороне припаяны такие же полоски для крепления. Имеются отличия в типе привесок: к петлям диска прикреплены полые, спаянные из двух половин шарики с пирамидками зерни на вершине и каплевидные привески из золотой полоски, заканчивающиеся пирамидкой зерни и стилизованно копирующие данную форму.

В группе рассмотренных ювелирных украшений можно выделить абсолютно одинаковые декоративные элементы, встречающиеся в оформлении всех представленных украшений: 1) пирамидки калиброванной зерни двух размеров и окантовка зернью по периметру разных кастов; 2) идентичный характерный способ плетения цепочек; 3) плоские каплевидные полихромные привески; 4) проволочки с пирамидкой зерни на концах, жестко прикрепленные в середине цепочек подвесок; 5) квадратные касты с каменными вставками идентичных рудных минералов.

Центральный диск ювелирного украшения, выполненный в классической технике клуазоне резко выделяется среди элементов и визуальными характеристиками использованных для вставок цветных стекол, и высоким профессионализмом технологического исполнения. Детальный разбор технологии изготовления этого украшения показывает, что диск был изготовлен ранее и вставлен в последовательно собранную сложную подвеску готовым. Семантическое содержание центральной композиции диска представляет собой символ древнеиранского солярного культа, сопряженного с изображением мирового древа и охраняющих его птиц-симургов. Это, а также наличие в изученных украшениях таких элементов, как четырехлопастные привески (подвеска), дужки из округлого в сечении прута, украшенного декором в виде регулярных граней ромбов (височные кольца), треугольники зерни на привесках-бусинах, спаянных из двух полусфер (браслеты), наряду с выделенными выше двумя первыми признаками однозначно свидетельствует, что эти украшения были изготовлены в ремесленном центре ахеменидского Ирана (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 134-165). Присутствие среди этих украшений многочисленных общих декоративных деталей и элементов, идентичная технология изготовления позволяют предположить, что они были изготовлены одновременно или в весьма узкий период времени.

Погребение, в котором были сделаны находки, комплексом археологического инвентаря определенно датируется в пределах IV в. до н. э. Однако все признаки свидетельствуют о длительности использования описанных предметов уже после того, как они попали на Южный Урал в руки кочевников, поэтому дата их производства не совпадает с датой захоронения и может лежать в пределах V в. до н. э.

Литература:

Прокофьева ЕД. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л., 1971. С. 32-53

Трегубов В. Е., Яблонский Л. Т. Горит из Филипповки // КСИА – 2014. – Вып. 233 – С. 64–71

Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.): в 2 т. – М. ТАУС, 2012. – Т. II. 468 с.

Яблонский Л. Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // КСИА – 2014. – Вып. 232 – С. 3–7.

Schmidt E.F. Persepolis II. Contents of the treasury and other discoveries. OIP. Vol. LXIX – Chicago-Illinois, 1957. – 162 p.

Tallon F. Les pierres precieuses de l”Orient ancien, Les dossiers du Musée du Louvre. – Paris, 1995. – 149s.

Woolley L., with a contribution by Mallowan M.E.L. Ur excavations. Vol. IX. The Neo-babilon and Persian periods. – London: trustees of the two museums. 1962. – 139 p.

Резюме

В работе представлены пять ювелирных украшений, найденных в не тронутом грабителями захоронении знатной женщины кургана 1 могильника Филипповка 1. Их отличает полихромность, разнообразие использованных при их изготовлении технологических приемов и одновременно наличие в разных вещах декоративных элементов, выполненных по идентичной технологии. По данным технологического анализа все украшения были изготовлены в ремесленном центре ахеменидского Ирана одновременно или в весьма узкий период времени. Комплексом археологического инвентаря погребение датируется в пределах IV в. до н. э., но все признаки свидетельствуют о длительности бытования этих предметов в кочевнической среде, поэтому дата их изготовления может лежать в пределах V в. до н.э.

Summary

Five jewelry ornaments found in the untouched by the robbers noble woman burial of the mound burial ground Filippovka 1 in the Southern Urals are present in this study. They are distinguished by polychrome style, a variety of technological methods used in their manufacture, and at the same time the presence of decorative elements made with identical technology in various handicrafts. According to the technology analysis, all the ornaments were made in the craft center of Achaemenid Iran simultaneously or in a very narrow period of time. The burial is dated by local chronologies to the 4th century B.C., but the date of their manufacture can lie within the V century B.C. because all signs indicate the duration of existence of these objects in a nomadic environment.

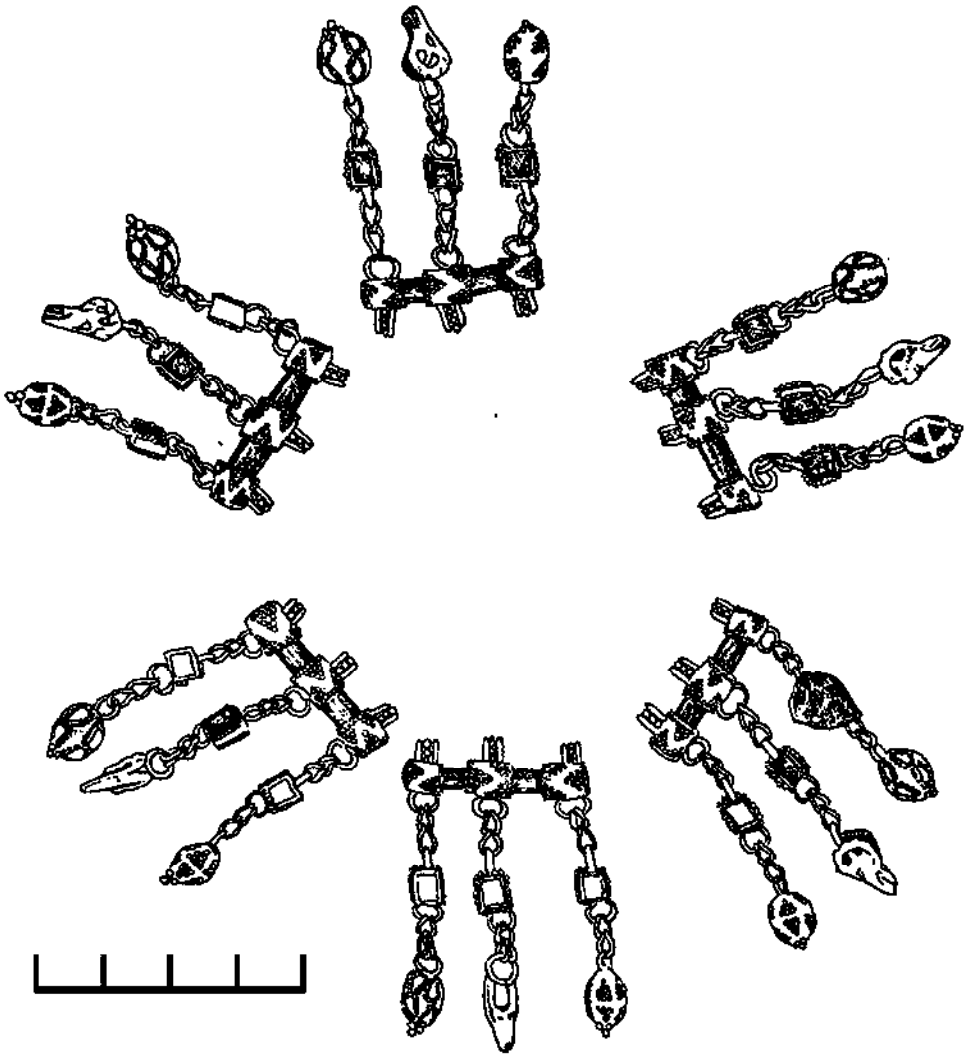


Рис. 1. Браслет с левого запястья. Могильник Филипповка 1, курган 1 погребение 2. ОГИКМ 20114/7-12

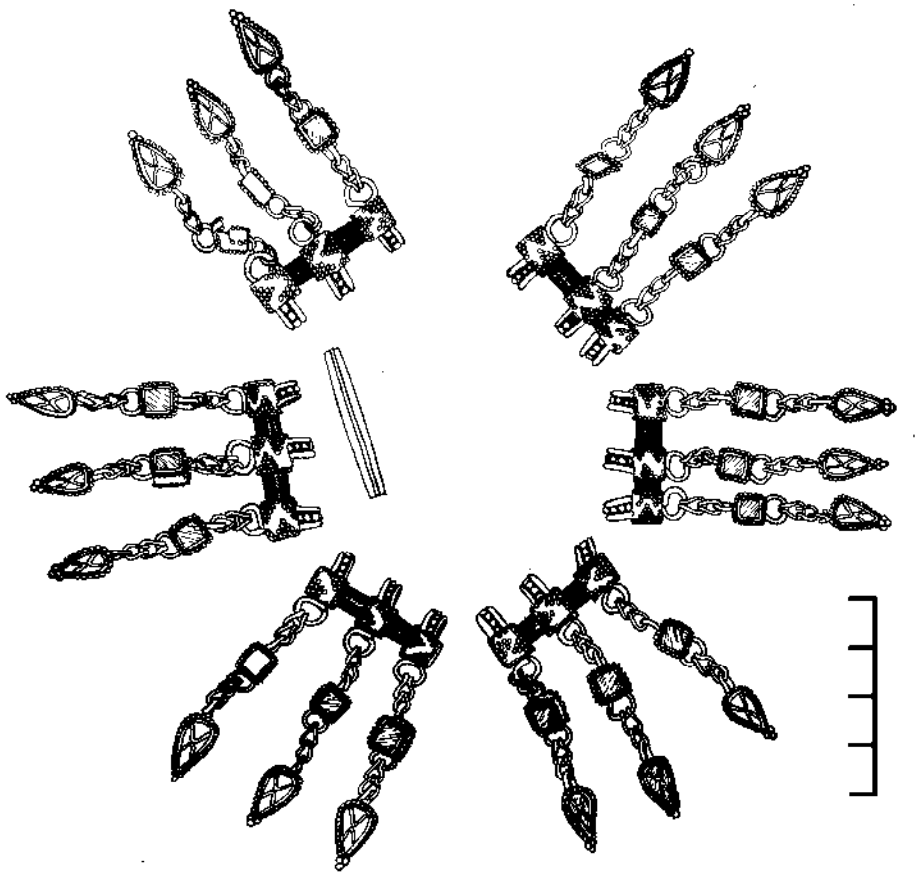


Рис. 2. Браслет с правого запястья. Могильник Филипповка 1, курган 1 погребение 2. ОГИКМ 20114/1-6



Рис. 3. Правое височное кольцо. Могильник Филипповка 1, курган 1 погребение 2. ОГИКМ 19971/9

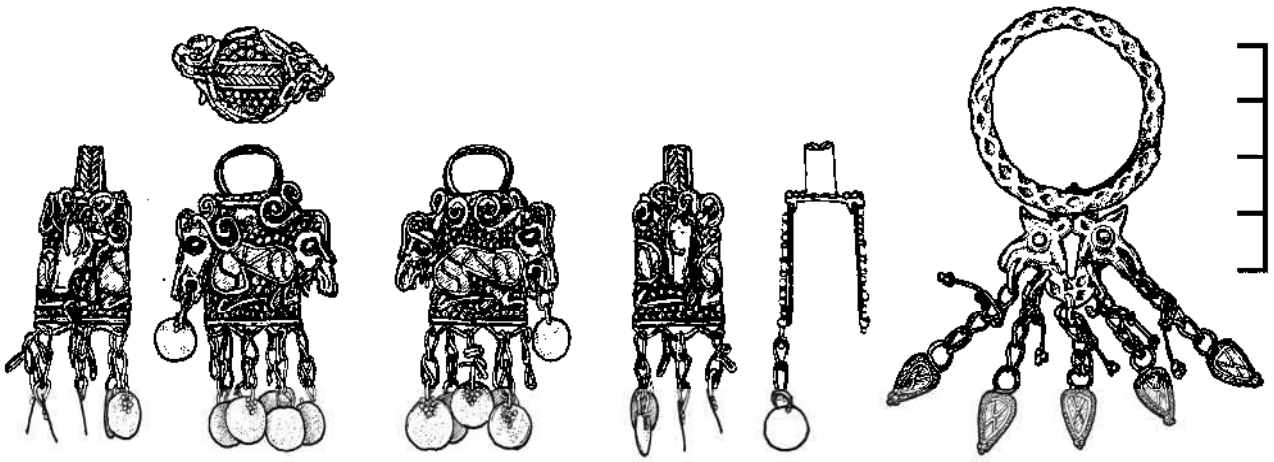


Рис. 4. Левое височное кольцо. Могильник Филипповка 1, курган 1 погребение 2. ОГИКМ 19971/7-8

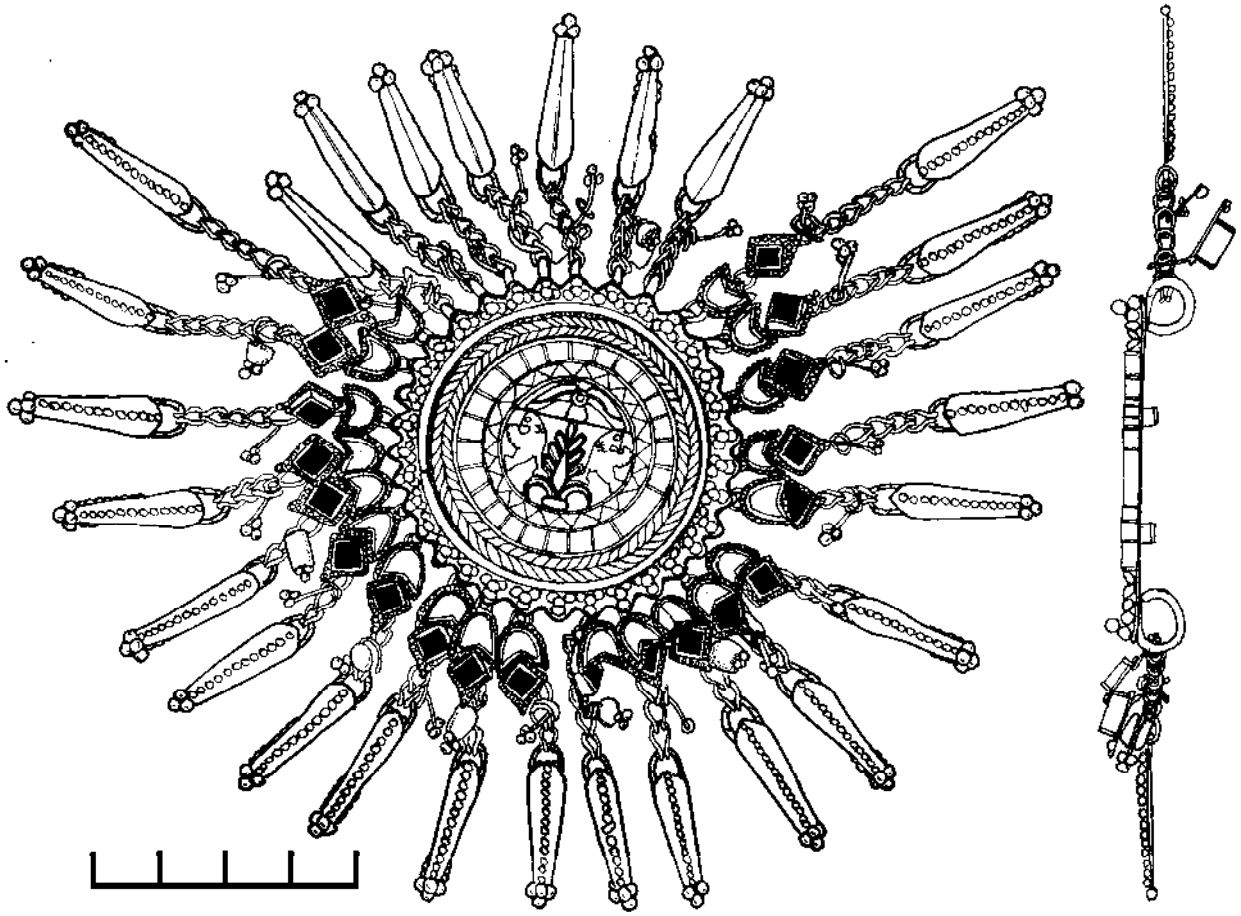


Рис. 5. Ювелирное украшение – подвеска, лицевая сторона. Могильник Филипповка 1, курган 1 погребение 2. ОГИКМ 20283/4

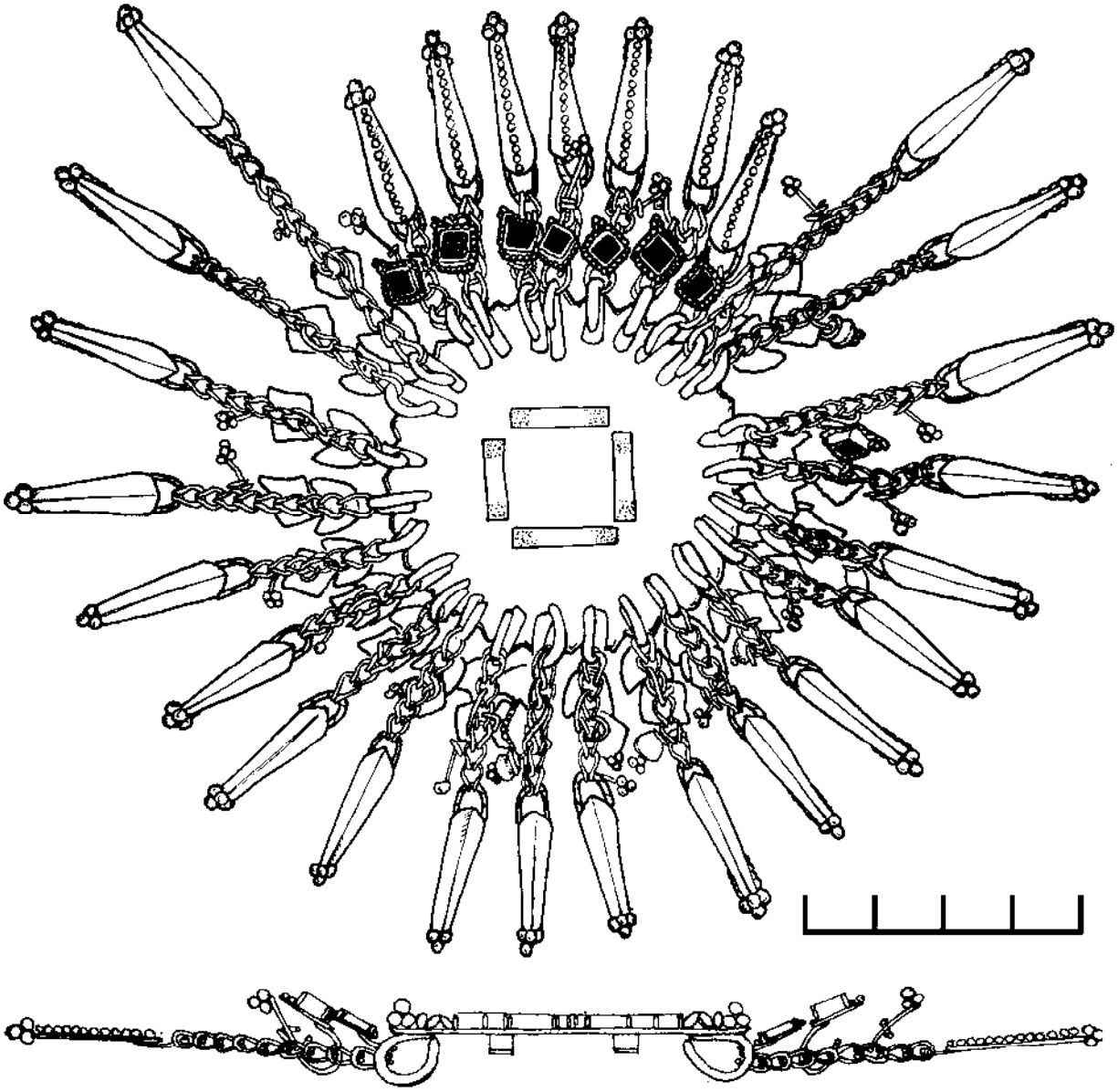


Рис. 6. Ювелирное украшение – подвеска, оборотная сторона. Могильник Филипповка 1, курган 1 погребение 2. ОГИКМ 20283/4

Бексеитов Г.Т.
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Алматы, Казахстан
Тулегенов Т.Ж.
Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»
Есик, Казахстан
Иванов С.С.
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
Бишкек, Кыргызстан

УДК 903/904

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА СУНКАР В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: ранние кочевники, сакская культура, погребальный обряд, материальная культура.
Keywords: ancient nomads, Saka culture, funeral rites, material culture.

В 2016 г. археологической экспедицией под руководством Б.Г. Бексеитова проводилось археологическое изучение могильника эпохи ранних кочевников Сункар. Данный некрополь расположен в 1 км. к юго-западу от с. Покровка Жамбыльского района Алматинской области. Памятник был выявлен и зафиксирован в 2015 г.

Могильник Сункар состоит из трех курганных групп, располагающихся на предгорной террасе одноименной горы. Каждая группа состоит из 6-8 погребальных объектов, вытянутых цепочками по направлению юго-запад – северо-восток. Всего было исследовано 3 кургана в западной группе-цепочке: два в южной части и один – в северной.

Курган 1. Насыпь кургана каменно-земляная, овальной в плане формы и ассиметрично-полусферическая в профиль, так как северная ее часть имеет более возвышенный склон, чем с южной стороны. Размеры насыпи кургана – 13,9 х 13,3 м., высота – до 1,3 м.

После снятия дернового слоя была выявлено сплошное каменное кольцо-крепида, покрывающее полностью полы курганной насыпи. Оно было сложено из двух-трех слоев камней, причем, в нижней части кольцо крепиды было гораздо мощнее. Подобная конструкция позволила курганной насыпи сохранить практически первоначальный вид. Помимо этого было установлено, что первоначально курган был окружен ровиком шириной до 1 м. и глубиной 0,3-0,4 м., который затем был практически полностью скрыт оплывом.

В центральной части насыпи курганной насыпи отмечено внутренняя подовальная конструкция, размером 5 х 6 м., сложенная в несколько слоев из крупных и средних по величине камней, которая располагалась непосредственно над могильной ямой. Данная каменная конструкция в среднем располагалась на расстоянии 0,5-0,7 м. от внутреннего края крепиды. (Рис. 1).

Также при изучении насыпи кургана на юго-западной ее оконечности отмечены остатки тризны. Камни в этой части крепиды были поставлены на ребро, возле которых на площади примерно 2 х 2 м. было зафиксировано скопление битой керамики и обломков тонкостенного железного предмета (сосуда, котелка ?). (Фото 1, *в, г*). Фрагменты керамики – лепные и станковые, принадлежат нескольким сосудам, форма которых достоверно не восстанавливается.

После снятия камней внутреннего кольца были выявлены контуры могильной ямы, ориентированной по линии запад-восток с заметным отклонением. При разборе заполнения ямы было установлено, что на глубине 1 м. от уровня древней поверхности она имела плечики-уступы шириной от 0,2 до 0,35 м. Они, по-видимому, предназначались для поддержки перекрытия могильной ямы, которое, судя по сохранившимся камням вдоль южного уступа было либо каменным, составленным из нескольких рядов плит, либо комбинированным, из деревянных жердей и камня. Однако из-за ограбления кургана мы можем лишь косвенно судить о его конструктивных особенностях.

После полной расчистки могильной ямы было установлено, что она имела подпрямоугольную форму, со скругленными углами. Кроме того, к востоку она несколько сужалась. Длина ямы по внешнему контуру составляет – 3, 3 м., ширина – 1,35 м., максимальная глубина – 1,9 м.

Могильная яма была заполнена относительно мягкой почвой со значительным количеством средних и крупных камней и плит. На разных ее уровнях, вплоть до донной части, фиксировались находки разрозненных костей человеческого скелета. Судя по расположению черепа в переотложенном виде в западной части и малой берцовой кости в первоначальном положении

восточной части, что дает основания предположить, что погребенный был уложен в вытянутом положении головой на запад, с некоторым отклонением к северу. (Рис. 2).

Сопроводительный инвентарь, судя по находкам в могильной яме костей крупного рогатого скота (располагались в перемешанном виде с человеческими преимущественно в восточной части могилы), был представлен ритуальной пищей. Других предметов в захоронении не отмечено.

Курган 2. Каменно-земляной. Насыпь кургана имеет округлую форму, полусферическую в разрезе. Южная пола кургана несколько более пологая, чем северная. Диаметр насыпи составляет до 14,9 м., высота – до 1,25 м.

После снятия дернового слоя была выявлена кольцевая крепида, опоясывавшая полы курганной насыпи, которая была сложена в один-два слоя из камней разного размера. При этом, в нижней части при ее возведении, как правило, использовались более крупные камни. Если в основании крепиды камни были уложены в два ряда, то в верхней части в один ряд. С западной части кургана крепида была частично нарушена грабительским раскопом.

При последующем изучении насыпи кургана в ее центральной части была открыта полусферическая в разрезе, округлая каменно-земляная намогильная конструкция. Большая ее часть была в один слой покрыта концентрически уложенными камнями по принципу панцирной кладки; только ее верхняя часть была лишена каменного покрытия вследствие ограбления кургана. Причем, в основании данной конструкции использовались более крупные валуны, а большая часть этой конструкции была покрыта средними по размерам камнями. С юго-западной части она частично была нарушена в результате ограбления кургана. Диаметр данной каменно-земляной конструкции составляет 4 м., высота над уровнем древней поверхности – до 0,8 м. (Рис. 3).

Первоначально, по-видимому, земляная часть внутренней намогильной конструкции была полностью покрыта камнем, и, так как располагалась непосредственно над могильной ямой, ее сплошная каменная обкладка была нарушена вследствие ограбления кургана. В то же время она была несколько смещена от центра кургана в северо-восточную сторону.

При разборе данной конструкции в восточной ее был найден фрагмент кости животного. После ее полного снятия были выявлены контуры могильной ямы, ориентированной с незначительными отклонениями по линии запад-восток. Яма была заполнена светлым суглинком вперемежку с камнями различной величины. На глубине 1 м. от уровня древней поверхности в центральной части могильной ямы найдена трубчатая кость лошади. На уровне 1,7 м. в заполнении ямы отмечались отдельные кости лошади и барана. В западной ее части с глубины 1 м. и практически до дна фиксировались обломки лепного сосуда. В придонной части могильной ямы в западной части ямы бессистемно были разбросаны человеческие кости, большая часть которых была сложена в кучу в северо-западном углу ямы. Среди них были обнаружены обломок небольшого трубчатого костяного предмета и фрагменты деревянных жердей диаметром 1-1,3 см. На небольшом расстоянии от этого скопления человеческих костей был найден костяной черешковый наконечник стрелы, рядом с которым лежала костяная пронизь. Вокруг них были разбросаны сильно коррозированные фрагменты мелких железных наконечников, форма которых достоверно не устанавливается. В анатомическом порядке сохранились только кости голеней погребенного человека в восточной части ямы. У южной стенки вдоль трубчатых костей ног скелета обнаружены фрагменты деревянных досок. По древесному тлену и сохранившимся фрагментам дерева можно предположить, что это были остатки деревянной рамы из досок, уложенных в один венец. Судя по нижнему контуру могильной ямы, данная рама имела длину 1,9 м. и ширину 0,70-0,80 м., так как в западной части яма несколько расширялась.

Полученные данные позволяют констатировать, что погребенный был первоначально уложен в вытянутом положении, головой на запад. Исходя из того, что все предметы сопроводительного инвентаря были обнаружены в западной части могильной ямы, можно предположить, что они располагались там с момента погребения.

После полной расчистки могильной ямы было установлено, что по внешнему контуру она имела овальную форму. Стенки ямы наклонно опускались ко дну, вследствие чего в придонной части она имела меньшую площадь. Причем, в донной части ее западная часть имела подпрямоугольную форму, а восточная – полуовальную. Длина ямы по внешнему контуру составляет – 2,95 м., максимальная ширина – 1,2 м., максимальная глубина – 1,9 м. (Рис. 4).

Вероятно, что первоначально могильная яма имела перекрытие, разрушенное затем в процессе ограбления кургана, на что могут указывать фрагменты деревянных жердей, а также многочисленные камни в ее заполнении.

Курган 3. Каменно-земляной. До раскопок хорошо просматривалась внешняя квадратная каменная ограда и вписанная в нее невысокая земляная возвышенность овальной формы, ориентированная по линии север-юг с заметным отклонением от этой оси. Размеры насыпи кургана – 11х11 см, высота – 0,7-0,8 м.

После снятия дернового слоя была выявлена подквадратная каменная выкладка, ориентированная по отношению к сторонам света с заметным отклонением (ССВ – ЮЮЗ и ЗЗС – ВВЮ). В центральной ее части имелась внутренняя аморфная наброска из камней, которая располагалась непосредственно над могильной ямой. Выкладка была сооружена из камней различного размера, в основании внешних сторон выкладки использовались валуны крупных размером, основная же часть каменных конструкций кургана была сложена из средних по размеру камней. На северо-восточном углу каменной наброски стоял одиночный вертикально поставленный крупный камень. Внешняя и внутренняя каменные выкладки конструктивно состояли из одного, реже двух слоев камня. (Рис. 5).

После снятия камней внутренней выкладки были выявлены аморфные контуры могильной ямы, частично нарушенные в результате ограбления кургана. Яма имела неправильно овальную форму и была ориентированная по линии север-юг с некоторым отклонением от данной оси.

Заполнение могильной ямы было представлено глинистым грунтом с камнями средней величины, основная часть которых фиксировалась преимущественно ближе к древней поверхности. В придонной части северного сектора могильной ямы было зафиксировано компактное скопление разрозненных костей человека. В анатомическом порядке сохранились только кости голеней человека в южной части могильной ямы. Предметов сопроводительного инвентаря в данном захоронении не обнаружено. (Рис. 6).

Таким образом, погребение было совершено в неглубокой могильной яме, которая расширялась к востоку. Учитывая положение сохранившихся костей ног, можно заключить, что первоначально погребенный лежал вытянуто на спине, головой на север, с заметным отклонением к востоку.

Размеры могильной ямы: длина – 2,25 м., максимальная ширина – 1 м., глубина – 0,6 м.

Описание предметов сопроводительного инвентаря из могильника Сункар.

Костяной наконечник стрелы имеет удлиненную, узкую боевую головку сводчатой формы. В нижней ее части имеются короткие продольные вырезы, которые дополнительно профилируют грани в массивные короткие лопасти, оканчивающиеся шипами. Боевая часть в основной своей части трехгранная. Черешок короткий, плоский. (Рис. 7, *1*; фото 1, *а*).

Общая длина наконечника – 6,5 см., из которых 5,4 см. приходятся на боевую головку; ее ширина составляет 1,2 см. Длина черешка не превышает 1,6 см.

Костяная пронизь имеет усечено-биконическую форму в профиль и круглую в разрезе. В центре сквозное продольное отверстие значительного диаметра. Вероятно, данный предмет является деталью колчана, поскольку был найден рядом с костяным и обломками железных наконечников стрел. (Рис. 7, *2*; фото 1, *б*).

Высота предмета – 1,4 см., диаметр – 1,7 см., диаметр отверстия – 1 см.

Керамический материал. Представлен обломками нескольких лепных и, как минимум, одного станкового сосудов, полученных из курганов 1 и 2, которые, впрочем, не дают однозначных форм. Наличие относительно толстостенных венчиков, боковинок и уплощенных донцев позволяет предположить, что в погребальном инвентаре этих захоронений использовались сосуды типа мисок, чаш и горшков. Поверхность керамических сосудов была светло-коричневого цвета. Выделяется несколько фрагментов станкового сосуда, которые имели красный ангоб.

Прочие фрагменты железных (Фото 1, *в,г*) и костяного предметов (Рис. 7, *3*), полученных в процессе раскопок курганов могильника Сункар, нами не привлекаются ввиду их невыразительности и малой информативности.

Культурно-хронологическая атрибуция могильника Сункар. Исследованные курганы 1 и 2 данного некрополя характеризуются достаточно единообразными погребальными традициями. Захоронения были совершены под каменно-земляными насыпями, имеющими кольцевую каменную крепиду по основанию. В центральной части непосредственно над погребением в одном случае было отмечена овальная каменная конструкция, а в другом – остатки сплошной панцирной обкладки небольшого земляного холмика, располагавшиеся непосредственно над погребениями.

Оба захоронения в рассматриваемых курганах были совершены в грунтовых могильных ямах, имевших первоначально перекрытия из камней и деревянных жердей. Причем, в одном случае для этого яма была снабжена специальными плечиками-уступами. Погребенные были уложены вытянуто

на спине, головами на запад; в одном случае – с некоторым отклонением к северу от данного направления.

По основным характеристикам погребального обряда курганы 1 и 2 находят полные параллели в памятниках развитого сакского периода Семиречья (Акишев, 1963, с. 91-102; Нурмуханбетов, Трифонов, 2016, с. 10-19; Байпаков и др., 2016, с. 665-668) и соседнего Тянь-Шаня (Ташбаева, 2011, с. 36-50, 97-109), поэтому общий культурный и хронологических контекст этих захоронений не вызывает сомнений.

Несмотря на скудный сопроводительный инвентарь, полученный из курганов 1 и 2, все же можно получить дополнительные данные об их более узкой хронологии. Наиболее информативным в этом отношении является костяной наконечник из кургана 2. Он обладает признаками – удлиненная головка и короткий черешок – характерными для роговых и костяных наконечников V-III вв. до н.э. Данный наконечник находит близкие параллели как в сакских погребальных памятниках в Семиречье (Иванов, Тулегенов, 2016, с. 78-79), так и за его пределами. Значительный круг аналогичных или же очень сходных наконечников стрел из кости в этот хронологический период известен в кочевнических культурах Лесостепного и Горного Алтая, Тувы (Маннай-Оол, 1970, с. 54, рис. 11, *1-4*; Могильников, 1997, с. 56, рис. 38, *6*, 46, *23*; Кочеев, 1999, рис. 2, *22,27,28*; Шульга, 2002, с. 44-50). Но наиболее близок ему экземпляр из могильника Курты, также имеющий продольные вырезы в нижней части боевой головки, датирующийся в пределах IV – начала III вв. до н.э. (Агеева, 1961, рис. 4; Иванов, Тулегенов, 2016, с. 78-79, рис. 1, *12*) Не противоречит, а скорее подтверждает эту хронологию находка в этом же кургане фрагментированных мелких железных наконечников стрел, которые были, по-видимому, черешковыми. Подобные трехлопастные и реже трехгранные наконечники начинают распространяться в Средней Азии, в том числе в Притяньшанье, в IV-III вв. до н.э. (Литвинский, 2001, с. 93-98; Ташбаева, 2011, с. 91-94; Тулегенов, Иванов, 2016, с. 152). Все это позволяет датировать курган 2 в рамках этого хронологического отрезка.

Учитывая, что курган 2 расположен рядом с курганом 1, а также их большую общность в погребальных традициях, то, вероятнее всего, что они были возведены с относительно небольшой разницей во времени. Это во многом подтверждается находкой фрагментов красноангобированного станкового сосуда из места тризны кургана 1. Керамическая посуда подобного облика начинает широко распространяться в оседлой части Средней Азии в период с конца IV-III вв. до н.э. (Древнейшие государства…, 1985, с. 285, 309-310, 329-330). Нужно полагать, что данный сосуд, как предмет престижа, представляет собой импорт из соседних земледельческих областей региона.

Поэтому есть все основания датировать курганы 1 и 2 могильника Сункар концом IV-III вв. до н.э. и отнести к сакской культуре Притяньшанья.

Вопрос о хронологии кургана 3 достаточно сложен, учитывая полное отсутствие предметов сопроводительного инвентаря. В то же время данный погребальный объект по комплексу погребальных традиций существенно отличается от остальных исследованных курганов могильника. Поэтому очень вероятна иная культурная и хронологическая позиция данного погребального объекта.

Следует отметить, что северная ориентировка погребенных начинает широко распространяться в Притяньшанье в гунно-сарматскую эпоху. Подобные захоронения отмечены на Внутреннем Тянь-Шане, причем, один из курганов там имел подквадратную форму и два вертикально врытых по углам валуна (Табалдиев, 2011, с. 67-71, рис. на с. 69), что также приближает его к кургану 3 могильника Сункар. Поэтому предварительно данное погребение можно датировать в широких рамках: со второй половины II в. до н.э. – по V в. н.э.

Вероятно, курган 3 был пристроен гораздо позже к уже существовавшей сакской курганной цепочке.

Таким образом, несмотря на то, что все исследованные погребения могильника Сункар оказались разграблены, был получен ряд ценных данных о погребальных традициях и отчасти материальной культуре древнего кочевого населения Юго-Восточного Казахстана в сакский период.

Литература:

Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 12. – Алма-Ата, 1961. – С. 21-40.

Акишев К.А. Культура саков долины реки Или (VII-IV вв. до н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. –Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – С. 9-136.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. – Алматы, 2016. – 672 с.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.: Наука, 1985. – 496 с.

Иванов С.С., Тулегенов Т.Ж. Костяные (роговые) наконечники стрел ранних кочевников Притяньшанья // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. – Алматы, 2016. – С. 75-81.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. – №4. –Горно-Алтайск, 1999. – С. 74-82.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Восточная литература, 2001. – 530 с.

Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время (уюкская культура). – М.: Наука, 1970. – 119 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997. – 195 с.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. – Алматы, 2016. – С. 10-19.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: V.R.S. Company, 2011. – 320 с.

Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С. Новые находки предметов вооружения сакского времени из могильника Орнек (Семиречье) // Мат-лы V межд. науч. конф. «Кадырбаевские чтения – 2016». – Актобе, 2016. – С. 150-155.

Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. – Бишкек: Илим, 2011. – 274 с.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 43-61.

Резюме

Г.Т. Бексеитов, Т.Ж. Тулегенов, С.С. Иванов

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА СУНКАР В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАЗАХСТАНА

Статья посвящена публикации материалов раскопок трех курганов на могильнике Сункар в юго-восточной части Казахстана (Семиречье). В ходе исследования был получен интересный материал по погребальным традициям и отчасти по материальной культуре древних кочевников этого региона. Два из исследованных кургана могут быть датированы сакским периодом. Хронология третьего погребения затруднена ввиду отсутствия датирующих предметов и предварительно он отнесен к гунно-сарматской эпохе.

Summary

G.T. Bekseitov, T.Zh. Tulegenov, S.S. Ivanov

THE INVESTIGATION OF BURIAL SITE SUNKAR IN SOUTH-EASTERN KAZAKHSTAN

The article is devoted to the publication of the excavations of three mounds on the burial field Sunkar in the south-eastern part of Kazakhstan (known as Semirechie). In the course of the research was got an interesting material on burial traditions and partly on material culture of ancient nomads of this region. Two of the investigated mounds can be dated within the Saka period. The chronology of the third burial is complicated due to the lack of dating objects from it, and previously it is related to the Hun-Sarmatian epoch.

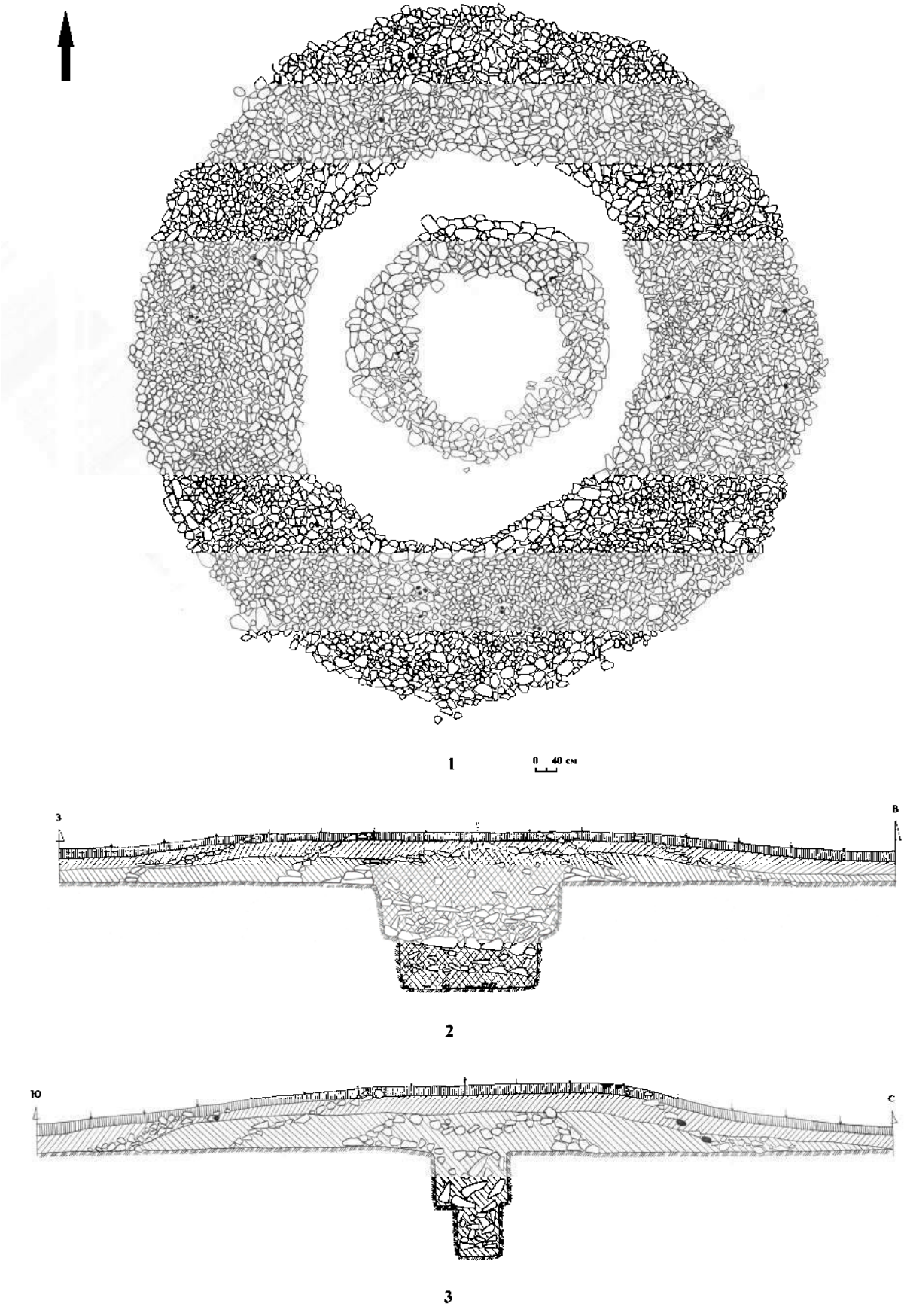


Рис. 1. Могильник Сункар, курган 1. Общий план и разрезы насыпи.

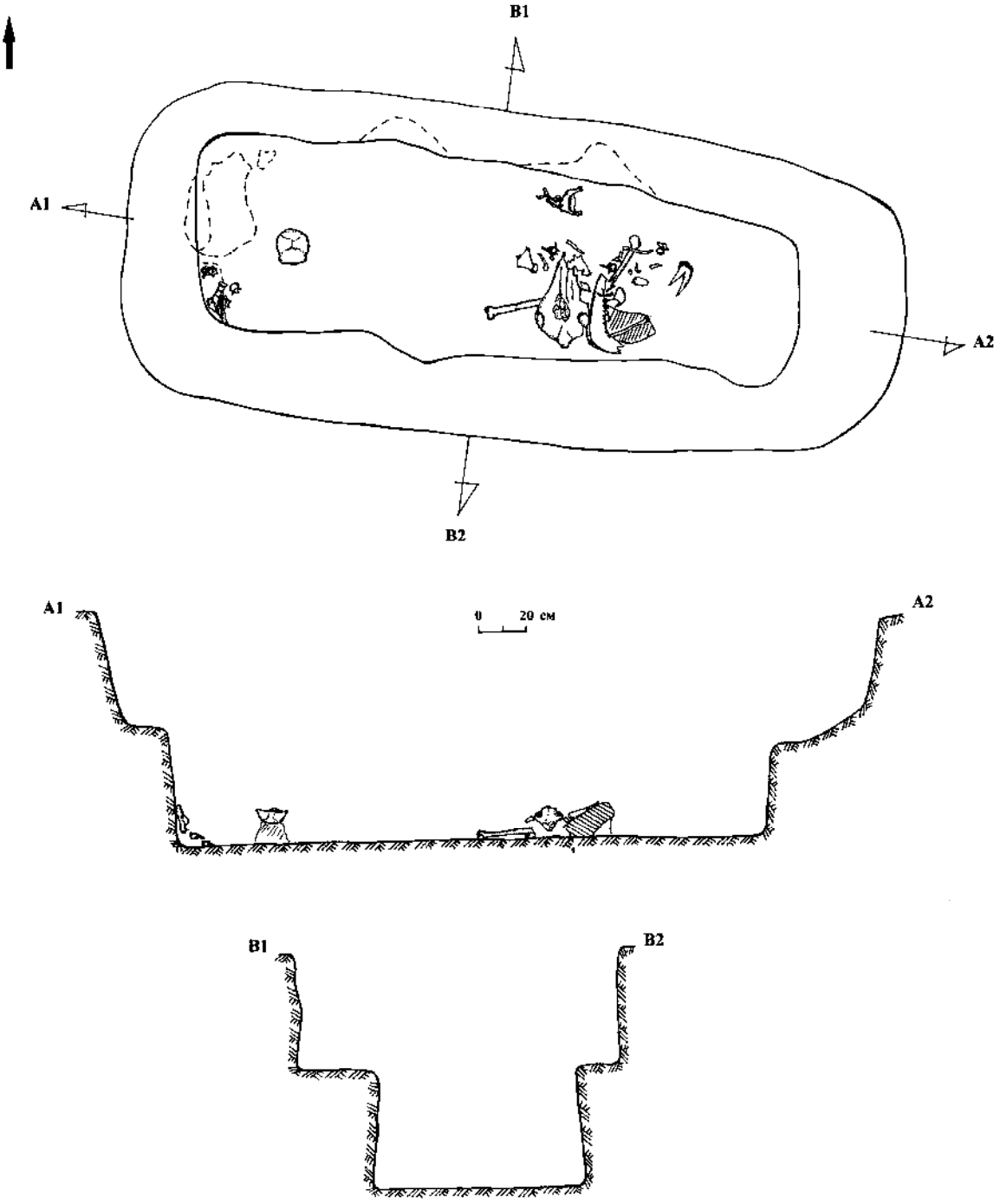


Рис. 2. Могильник Сункар, курган 1. План и разрезы могильной ямы

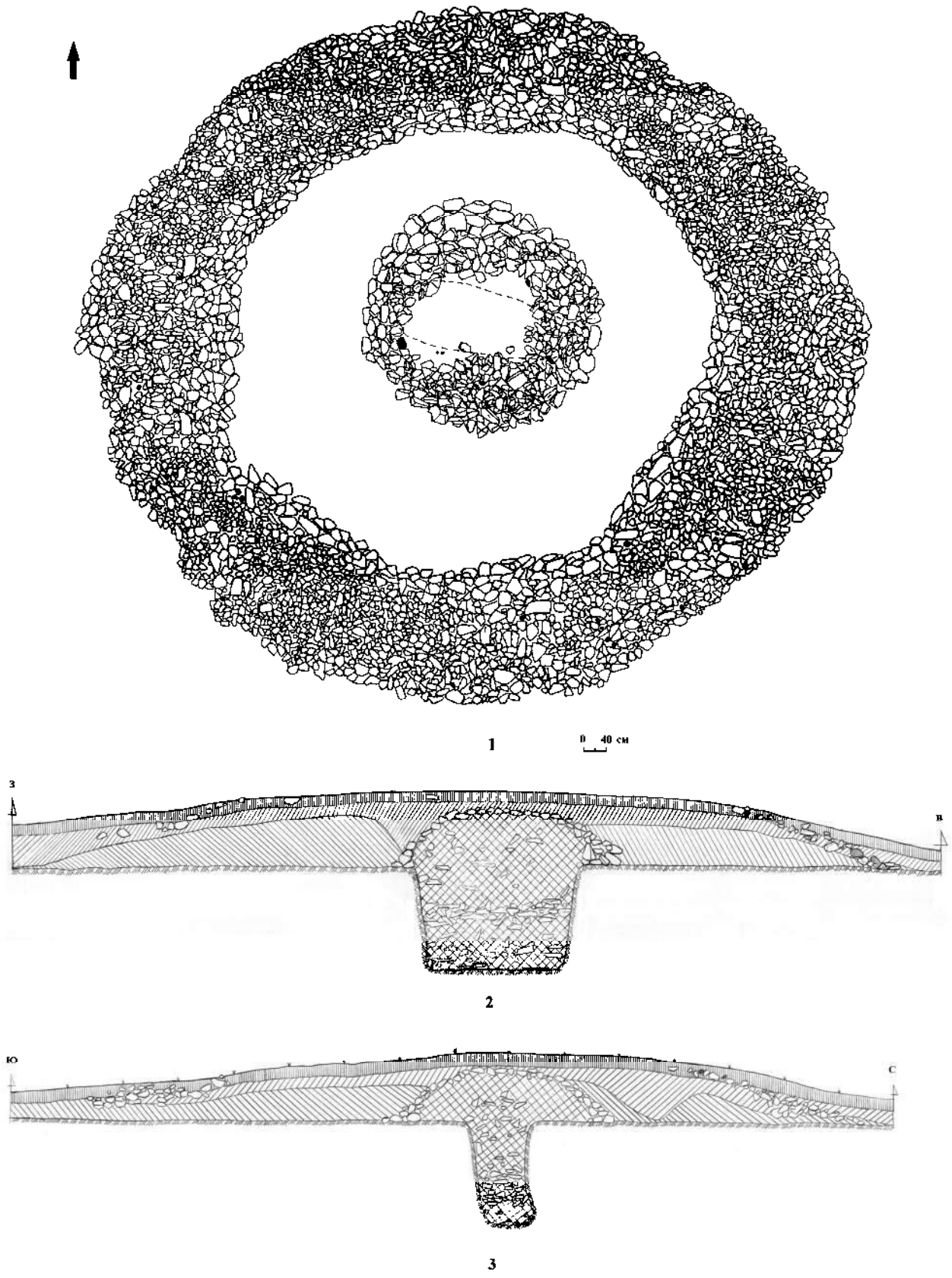


Рис. 3. Могильник Сункар, курган 2. Общий план и разрезы насыпи.

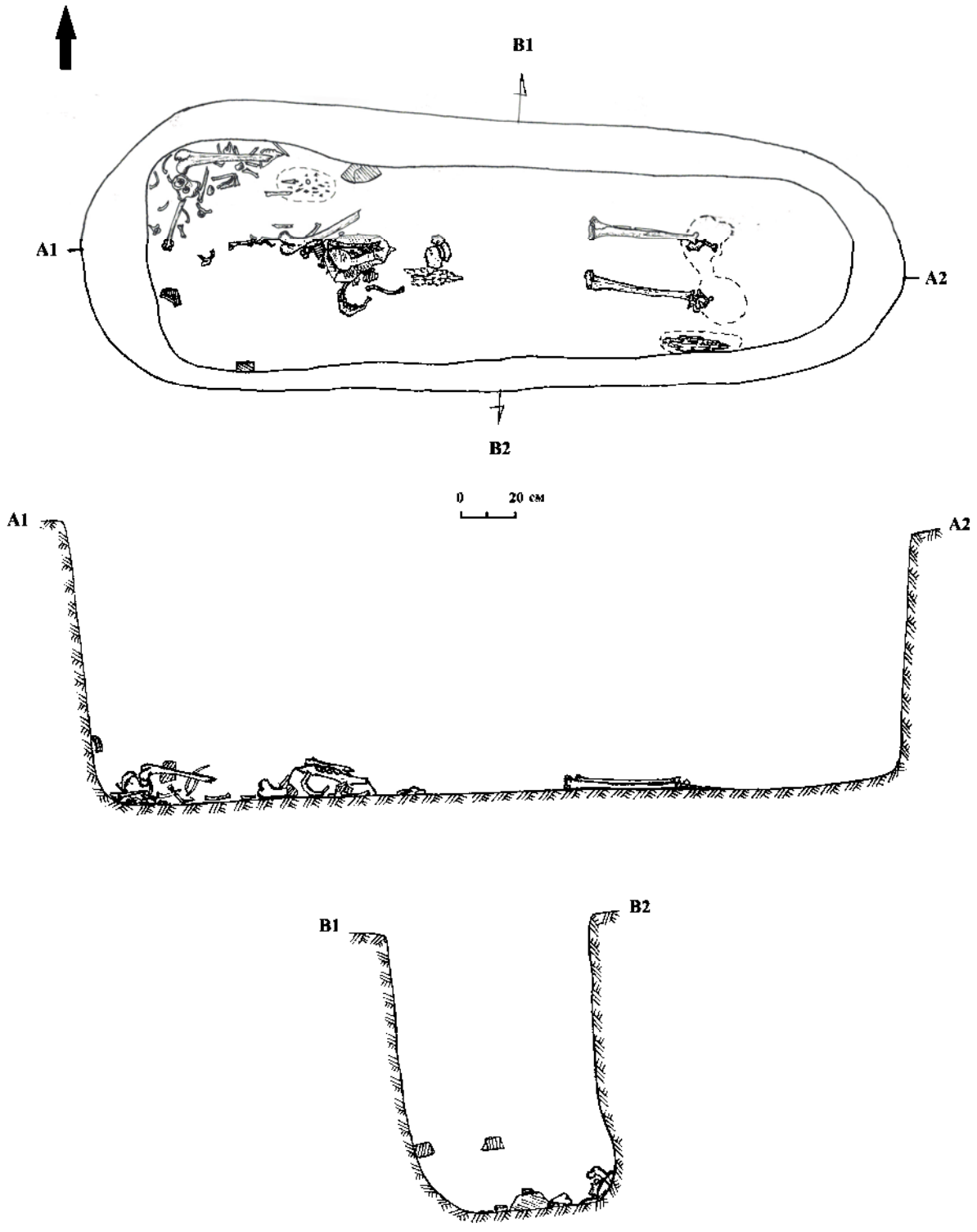


Рис. 4. Могильник Сункар, курган 2. План и разрезы могильной ямы

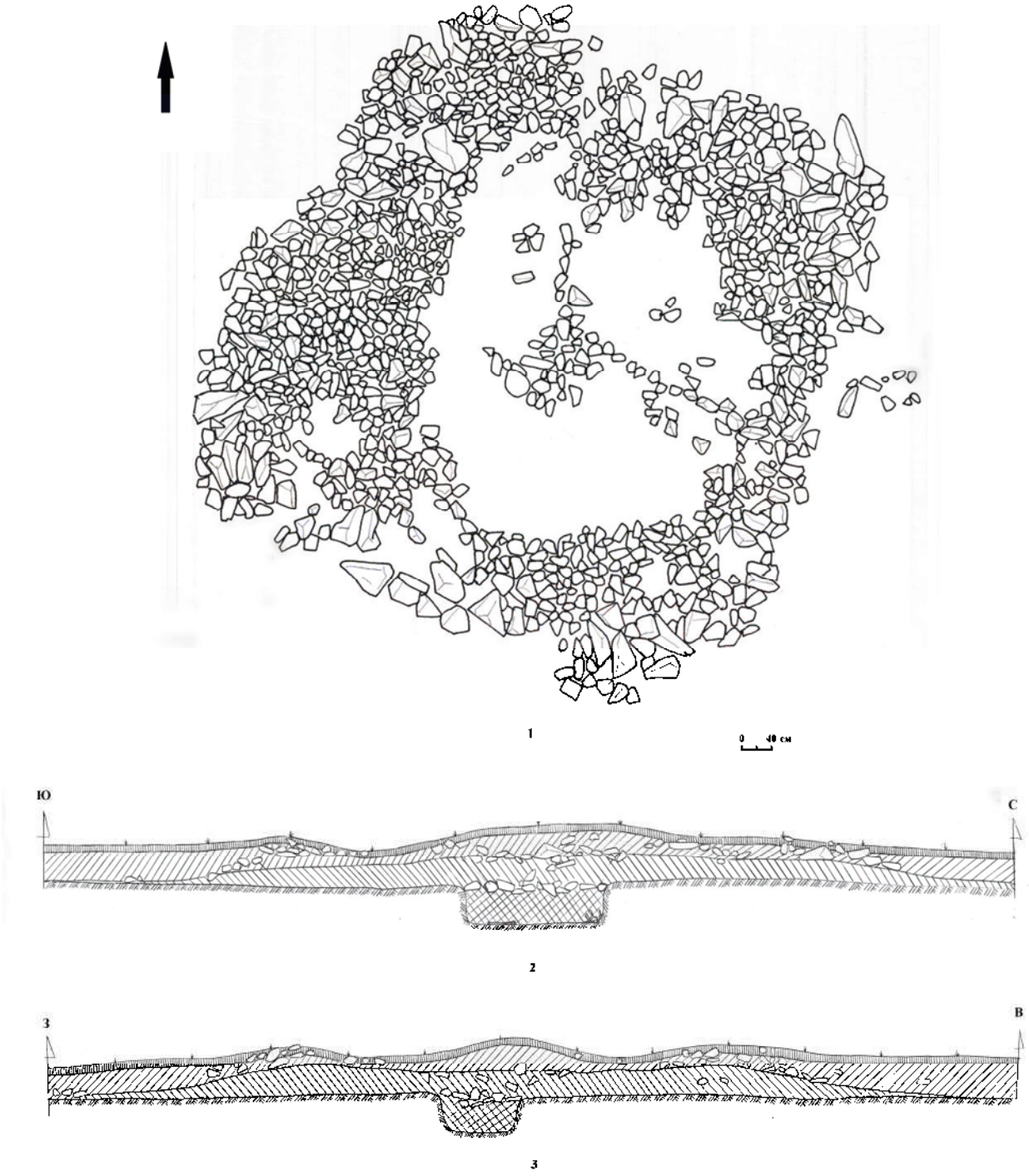


Рис. 5. Могильник Сункар, курган 3. Общий план и разрезы насыпи

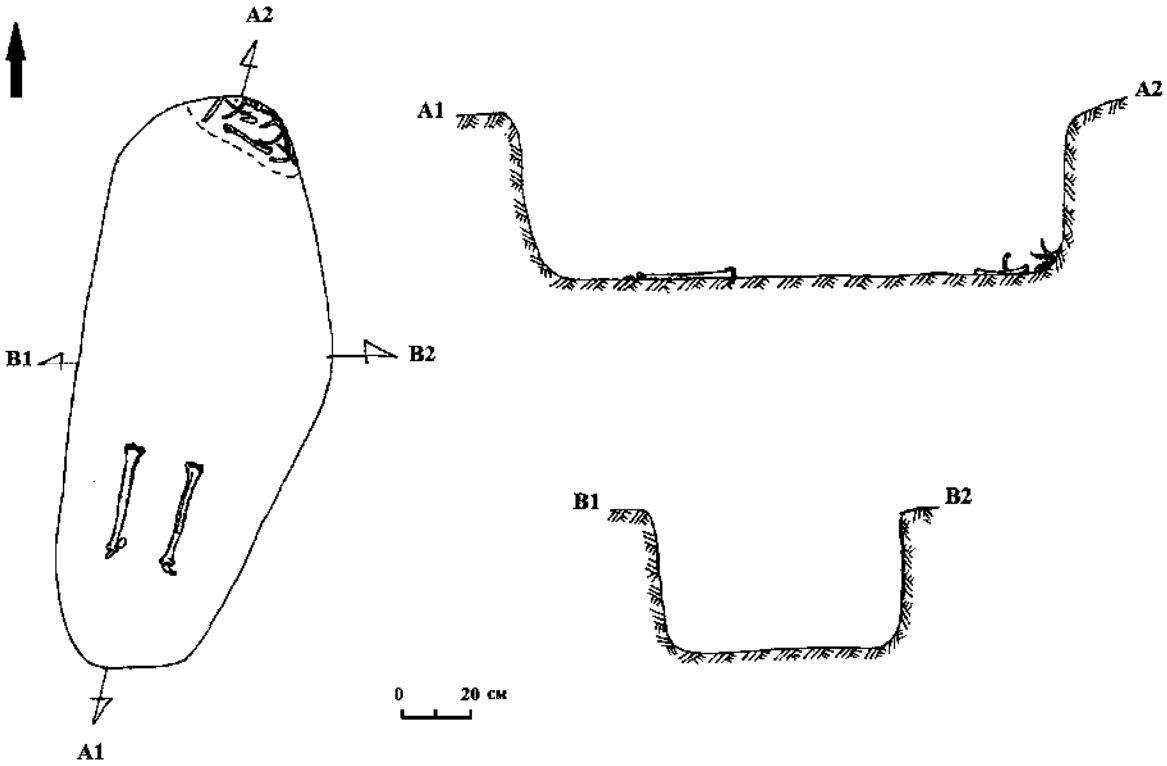


Рис. 6. Могильник Сункар, курган 3, план и разрезы могильной ямы

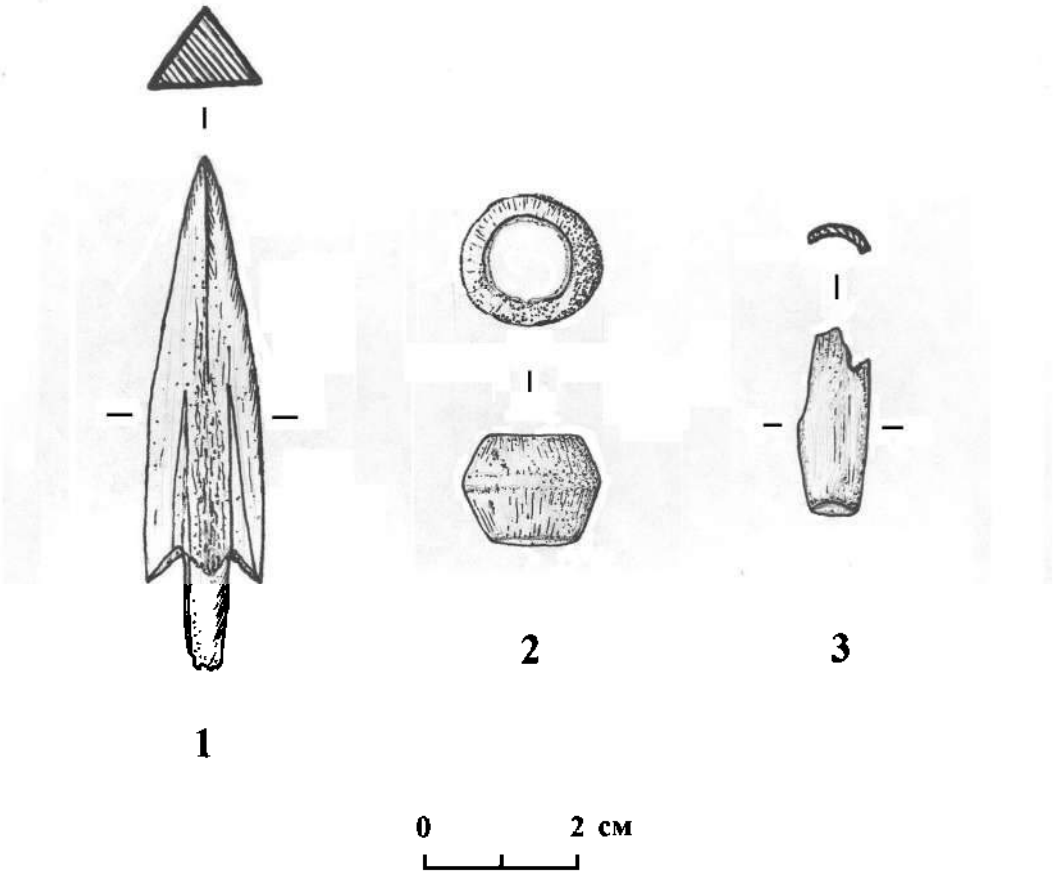


Рис. 7. Могильник Сункар, курган 2. Предметы сопроводительного инвентаря.
1 – костяной наконечник стрелы; 2 – костяная пронизь; 3 – фрагмент костяного изделия.



Фото 1. Могильник Сункар, предметы сопроводительного инвентаря.
а – костяной наконечник стрелы, курган 2; б – костяная пронизь, курган 2;
в,г – фрагменты железного изделия (котелка, сосуда ?), курган 1.

Грудочко И.В.
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

УДК 902.01

КУРГАНЫ С «УСАМИ»: ТИПОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ[2]

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Южный Урал, курганы с "усами", Тургай
Key words: Central Kazakhstan, Southern Urals, barrows with "mustaches", Turgai

Исследование курганов с «усами» насчитывает уже более 90 лет. За это время на территории Казахстана и России открыто и изучено множество комплексов. Последние годы отмечены достижением значительных результатов в картографировании и радиокарбонной хронологии. Активные полевые исследования ведутся на Тургае и в Центральном Казахстане. В перспективе их возобновление на Южном Урале. Однако до сих пор существуют проблемы типологии и хронологии курганов с «усами». Известные на сегодняшний день типологические схемы (М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов, С.Г. Боталов) отражают разные авторские позиции по данным вопросам. В этой работе мы бы хотели проследить, каким образом шло осмысление курганов с «усами» и предложить свое понимание этого вопроса.

Первый исследователь, который попытался определить датировку курганов с «усами», был А.Х. Маргулан. Он обратил внимание на стелы в составе одного из комплексов на реке Жинишке. На них были нанесены знаки, напоминающие орхонское письмо, в связи с чем исследователь предложил относить их к раннему средневековью (Маргулан, 1950, с. 12).

М.П. Грязнов, анализируя материалы довоенных лет, пришел к выводу о раннекочевнической принадлежности. В качестве доказательства он приводит комплекс Большое Чебачье с предметами I тыс. до н. э. из могильной ямы. Комплекс Дандыбай вовсе не содержал находок, но по соседству с ним находился еще один курган с захоронением эпохи ранних кочевников. Это дало основание предположить, что курган с «усами» датируется тем же временем (Грязнов, 1956, с. 9-10).

В 1966 году М.К. Кадырбаев предложил типологию курганов с «усами» (рис. 1). В ее основе лежал тезис о цельности всех составных элементов комплекса, включающий: погребальное сооружение (в большом кургане), поминальное (малый курган) и «усы». Классической разновидностью он считал тип I, в котором различается большой погребальный и пристроенный к нему с востока малый курган. Остальные типы являются линиями развития типа I. М.К. Кадырбаев подчеркивал, что «рассмотрение в отдельности какого-либо элемента ведет к неверному пониманию комплекса в целом» (Маргулан и др., 1966, с. 309). На этом тезисе была основана тасмолинская принадлежность курганов с «усами». Однако дальнейшие исследования показывали, что этот комплекс имеет все-таки автономное положение относительно больших погребальных сооружений.

Эту мысль позже высказал С.С. Сорокин в работе посвященной околокурганным сооружениям ранних кочевников. В частности, он указал на неодновременность поминального и погребального актов в кургане с «усами». В качестве примера он приводит знаменитый комплекс из могильника Тасмола, где погребение сакского времени является ранним погребальным актом, а сосуд на древней поверхности свидетельствует о более позднем поминальном действии (Сорокин, 1981, с. 24, 25).

Поправка С.С. Сорокина позволила А.З. Бейсенову разработать новую типологию (рис. 2) и скорректировать первоначальную схему М.К. Кадырбаева: «Недостаточной стороной определения М.К. Кадырбаева являлась неразработанность проблемы, касающейся простой разновидности курганов с каменными грядами, состоящей только из одного центрального сооружения» (Бейсенов, 1996, с. 35). В своей типологии исследователь выделяет три типа, соответствующие планиграфическим особенностям головных курганов (рис. 2, *1–12*). Ведущим типом А.З. Бейсенов обозначил тип 1 – с одной насыпью: «Именно указанная разновидность сооружений является собственно курганом с каменными грядами» (Бейсенов, 1996, с. 39). Он становится типом 2, когда

[2] Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ в сфере научной деятельности, №33.5494.2017/БЧ «Пограничье культурных миров (Южный Урал от древности до Нового времени)».

пристроен к погребальному сооружению с востока. Тип 3 предположительно назван им «промежуточным» между типами 1 и 2 (Бейсенов, 1996, с. 40). Главным позитивным моментом работы А.З. Бейсенова является вывод о том, что определяющим фактором типовых различий является «автономность расположения собственно системы кургана с «усами» или привязка этого комплекса к обыкновенному погребальному сооружению» (Бейсенов, 1996, с. 40). Однако, это не ставило под сомнение синхронность курганов с «усами» с тасмолинскими памятниками; весь раннесредневековый материал, который содержали на тот момент около десятка комплексов, обозначен впускным.

Примерно в то же время появились новые материалы по Южному Уралу, которые заставили челябинских исследователей (С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, И.Э. Любчанский) пересмотреть тасмолинскую версию и еще раз скорректировать типовые различия этих памятников. Единодушным стало мнение о существовании ведущих курганов с «усами» только двух типов – 1 и 3 (по А.З. Бейсенову). Тип 2, по мнению С.Г. Боталова, является вариантом простейшего типа 1, который пристроен к насыпи более ранней эпохи (Боталов, 2000, с. 292). Исследователи также обращают внимание на факты двойной стратиграфии, разновременной планиграфии, проявляющиеся не только для пристроенного комплекса типа 2, но и для некоторых памятников с одной насыпью (Боталов и др., 2006, с. 91).

В 2017 году А.З. Бейсенов скорректировал свою типологическую схему (рис. 2, *2017*). Классической моделью по-прежнему является ритуальный комплекс с одной насыпью. Типы 2 и 3 почти повторяют планиграфию центрального сооружения по версии 1996 года. Отмечено, что тип 3А приобретает форму 2Б, когда пристроен к большому погребальному сооружению. Ранее эта форма не была отмечена в схеме 1996 года. Введен новый признак – наличие погребения, который определяет различие между вариантами 3А и 3Б, а в типе 2 является постоянным. Автономность комплекса с «усами» подчеркнута в типе 2, в типе 3 это не отмечается.

Таким образом, опыт типологий курганов с «усами» (Маргулан и др., 1966; Бейсенов, 1996; Боталов и др., 2006; Боталов, 2000, 2008) показывает, что главными признаками различий являются (а) планиграфия центрального сооружения, (б) относительная хронология составляющих его элементов и (в) их погребальный/поминальный характер. С 1990-х гг. достигнуто согласие в том, что простейшей формой кургана с «усами» является ритуальный комплекс с одной центральной насыпью. (Бейсенов, 1996, с. 40; Боталов и др., 2006). Разногласия возникают при определении хронологии, особенно в трактовке комплексов с двумя или более насыпями. Были ли курганы с «усами» частью тасмолинского погребального обряда, или же древние курганы могли быть вторично использованы и переоборудованы для более позднего кургана с «усами». Данная проблема постепенно находит свое решение благодаря поступлению новых материалов, особенно в области радиокарбонной хронологии (Бейсенов, 2015–2017; Бейсенов и др., 2016, 2017).

На наш взгляд, главной задачей типологии является определение того, что является курганом с «усами», а что – инокультурными элементами, поэтому классификация должна быть основана на двух взаимодополняющих друг друга признаках (рис. 3). Первый – количество и расположение курганов центрального сооружения (римские цифры). Второй – факт использование (или неиспользование) ранней насыпи в ансамбле кургана с «усами» (индексы «a», «b», «c») (рис. 3, *A*). Признак «человеческое захоронение» нами не учитывается, поскольку имеет случайный или исключительный фактор.

Модель Ia демонстрируют типичную картину жертвенно-поминальных традиций курганов с «усами», главными чертами которой являются каменная архитектура насыпи, стабильное отсутствие человеческих погребений, установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного инвентаря, остатки продуктов горения, кости животных (как правило, лошадь). Типологическая близость керамики, узкие радиоуглеродные даты, согласующиеся с датировкой предметного комплекса в пределах V–VII вв., позволяют идентифицировать простейший тип Ia. Именно его следует считать индикатором историко-культурного комплекса «курганы с «усами», к чему единогласно пришли исследователи на современном этапе.

Единовременные комплексы с двумя и более насыпями составляют типы IIa и IIIa. При том, что подкурганный обряд имеет такой же характер, что и в предыдущем типе, он отличается количеством насыпей. Особенно показателен исследованный на современном уровне комплекс Солончанка I, который демонстрирует сходство обряда всех трех насыпей, планиграфическую цельность комплекса и отсутствие инокультурного материала (Любчанский, Таиров, 1999).

Тип Ib и IIb характеризуется тем, что комплексы сооружены на погребальных курганах более ранней эпохи, при этом подкурганный обряд на древнем горизонте совпадает с обычным для

курганов с «усами» обрядом (Тасмола, Кайнсай, Кара-Бие, Толагай, Карамурун, Большое Чебачье) (Грязнов, 1956, с. 9, 10, рис. 1, *2*; Кадырбаев, 1958, с. 96–99, табл. 1, *2*, рис. 1; Кадырбаев, 1959, с. 169–173, рис. 7; Маргулан и др., 1966, с. 355–357, рис. 48, 49; Боталов и др., 2006, с. 56, 57, рис. 38). В качестве показательного примера необходимо отметить комплекс Тасмола (курган 19), который, исходя из описаний раскопок (Кадырбаев, 1962, с. 71–77), сооружен на насыпи раннесакского времени. Несмотря на эти и другие нюансы, группа памятников Ib, IIb считается показательной в пользу раннекочевнической принадлежности всех курганов с «усами».

Такую же ситуацию, но в более стандартизированной планиграфической форме демонстрирует следующий тип Ic. Весь ансамбль представляет собой большой курган ранней эпохи, к которому с восточной стороны пристроен комплекс с «усами». В целом они приведены и проанализированы в монографии южноуральских исследователей (Боталов и др., 2006, с. 76–91). Здесь хотелось бы остановиться на новых и недавно введенных материалах двух центральноказахстанских комплексов – 37 воинов, Назар, Тандайлы 2 и Жамантас. Первый в основном исследован еще в 1952 (Кадырбаев, 1958, с. 99). Он состоит из кургана с «усами», большого кургана с кольцевой оградой и ряда 37 выкладок с северной стороны. Недавно исследования возобновлены А.З. Бейсеновым, который раскопал одну из северных выкладок с дромосной могилой (Бейсенов, 2015). Из нее получена радиоуглеродная дата, определяющая вероятное время совершения погребения в пределах VIII–V вв. до н. э. Известен также сосуд, относящийся к комплексу с «усами», точная локализация которого, судя по первой публикации М.К. Кадырбаева, не ясна (Кадырбаев, 1958, с. 99). Сам сосуд имеет типологическое сходство с керамическим материалом других курганов с «усами» (Боталов и др., 2006, с. 122, 125–127, рис. 68, *7–13*) и не имеет аналогов в более раннее время. Вполне вероятно, что кольцевая ограда большого кургана была разобрана и на этом месте сооружен головной курган комплекса с «усами». То есть имеющиеся данные позволяют говорить, как минимум, о двух хронологических горизонтах. К наиболее раннему следует относить цепочку северных выкладок (или часть выкладок) и большой курган. Ко второму – курган с «усами» и керамический сосуд.

В комплексе Назар также прекрасно прослеживается факт разновременной и разнокультурной ситуации. Он состоит из большого (раннего) кургана, окруженного кольцевой каменной оградкой. Разрыв кольцевой оградки фиксируется в восточной части – там, где помещен малый курган с «усами». На общем плане «до раскопок» малый курган немного перекрывает восточную полу насыпи большого кургана, что указывает на относительную последовательность этих сооружений (Бейсенов, 2016, с. 85, 90, 91, рис. 2, 3). В малом кургане, на древней поверхности обнаружена донная часть лепного сосуда и кинжал гуннского времени – IV–V вв. н. э. В большом кургане открыто дромосное погребальное сооружение, отнесенное к раннесакскому периоду VIII–VI вв. до н. э. (Бейсенов, 2016, с. 86, 88). Еще два кургана того же времени (Назар-2) находились в 3 км к востоку. Их ранняя дата подтверждается наличием аналогичных дромосных конструкций, бронзовым наконечником стрелы в одной из них и радиоуглеродными датами (Бейсенов, 2016, с. 87, табл. 3). Но в насыпь одного из этих курганов было впущено погребение V в. с мечом и колчаном из железных ромбических наконечников стрел (Бейсенов, Китов, 2013; Бейсенов, 2016, с. 86). Таким образом, здесь довольно уверенно прослеживается ранний – раннесакский горизонт, в рамках которого оставлены все большие курганы с дромосными погребениями. И поздний – впускное погребение V в. и курган с «усами».

Комплексы Тандайлы 2 и Жамантас тоже представляют собой классическую модель Ic. Надо сказать, что здесь впервые получены радиоуглеродные даты со всех объектов центрального сооружения, указывающие на значительный интервал между их постройками. Даты из большого кургана относятся к раннему железному веку (2468±28 и 2471±32), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700-800 лет позже (1795±36 и 1654±30) (Бейсенов и др., 2016а, с. 236, табл. 2; Бейсенов и др., 2017, с. 231, табл. 1).

Указанные примеры еще раз подчеркивают, что подтипы «b» и «c» характеризуют разновременные комплексы, когда курганы с «усами» воздвигались на площадках могильников или непосредственно на курганах раннего времени, причем зачастую («c») были пристроены с восточной стороны. Несмотря на чужеродный характер, насыпь ранней эпохи становилась частью архитектурного ансамбля кургана с «усами» (что, видимо, и повлияло на неверную культурно-хронологическую идентификацию памятников). Эта традиция имеет региональную особенность и хорошо проявляется в Центральном и Восточном Казахстане. Менее заметна эта традиция в западных районах – Тургай и Зауралье, где курганы с «усами» в большинстве случаев имеют автономную локализацию.

Таким образом, все типы курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы, объединяются схожими признаками, которые заключались в одноразовом наземном жертвенно-поминальным акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения (Канаттас, Зевакино).

Традиция курганов с «усами» формируется в Центральном Казахстане (Восточная Сары-Арка) и берет начало в районах Восточного Казахстана и Северного Тарбагатая. Для более восточных районов (Джунгария, Восточный Тянь-Шань, Гоби) у нас пока нет никаких данных. Примерно с III-IV вв. данное население осваивает Восточную Сары-Арку, а к концу IV в. – Южное Зауралье. Поведение мигрантов на вновь освоенных территориях прослеживается в традиции возведения курганов с «усами» вблизи древних погребальных сооружений (Ic).

Литература:

Бейсенов, А.З. Культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана // Известия министерства науки АН РК. Сер. общ. науки. 1996. № 2. С. 31-40.

Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 1. С. 6-12.

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. № 1(14). С. 84-93.

Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 31-37.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2013. С. 462-467.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К., Святко С.В. Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016а. Вып. 5. С. 233-239.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У. Кулькова М.А. Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сары-Арка) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016б. Вып. 5. С. 249-255.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Святко С.В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. № 3(20). Том 6. С. 227-231.

Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Том II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 494 с.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. 672 с.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8-16.

Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1958. Вып. 1(6). С. 95-104.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162-203.

Кадырбаев М.К. Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1962. Вып. 1(18). С. 70-83.

Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-т., 1999. С. 5-62.

Маргулан А.Х. Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР, серия археологическая. 1949. Вып. 2. № 67. С. 3-36.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1966. 435 с.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1981. Вып. 22. С. 23-39.

Резюме

Статья посвящена типологии и хронологии курганов с «усами». Сегодня известно несколько концепций, которые отражают различные позиции авторов по этим вопросам (М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов, С.Г. Боталов). Мы предлагаем схему, которая описывает центральное сооружение комплекса в зависимости от расположения насыпей и использования курганов более древних эпох. Мы считаем, что курганы с «усами» оставлены в I тыс. н. э.

Summary

The article presents typology and chronology of kurgans with "mustache". At the moment we have several concepts, which have been developed different positions of the authors on these issues (M. K. kadyrbayev, A. Z. Beisenov, S. G. Botalov). Our typology proposed describes the Central structure, depending on the location of mounds and the use of older eras mounds. We think, that barrows with "mustaches" were left in the first millennium A. D.

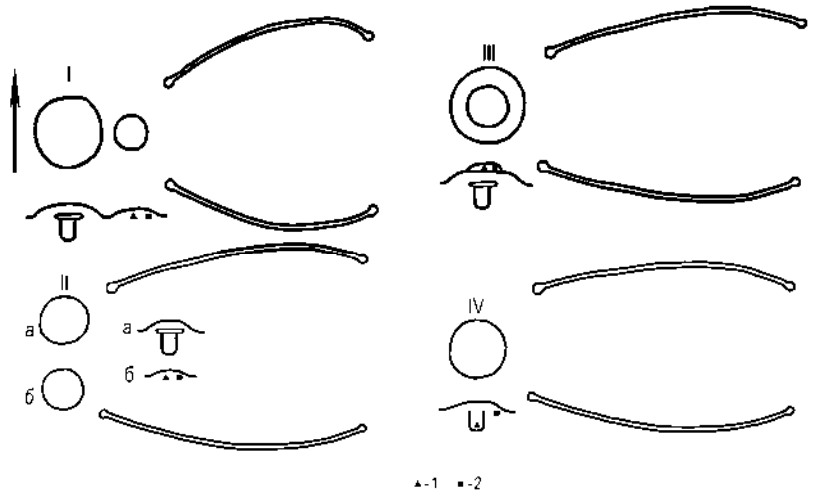


Рис. 1. Типология курганов с «усами» М.К. Кадырбаева. 1. Скелет или отдельные кости лошади; 2. глиняный сосуд. (Маргулан и др., 1966).

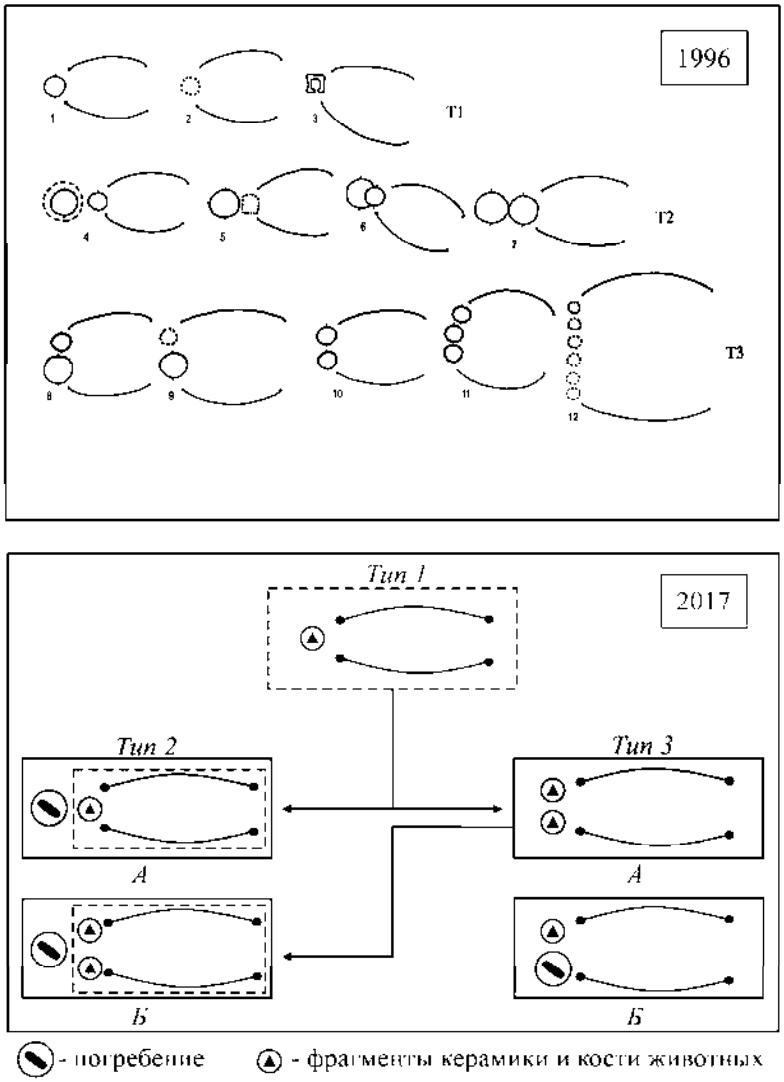


Рис. 2. Типология курганов с «усами» А.З. Бейсенова 1996 и 2017 гг. (Бейсенов, 1996, 2017)

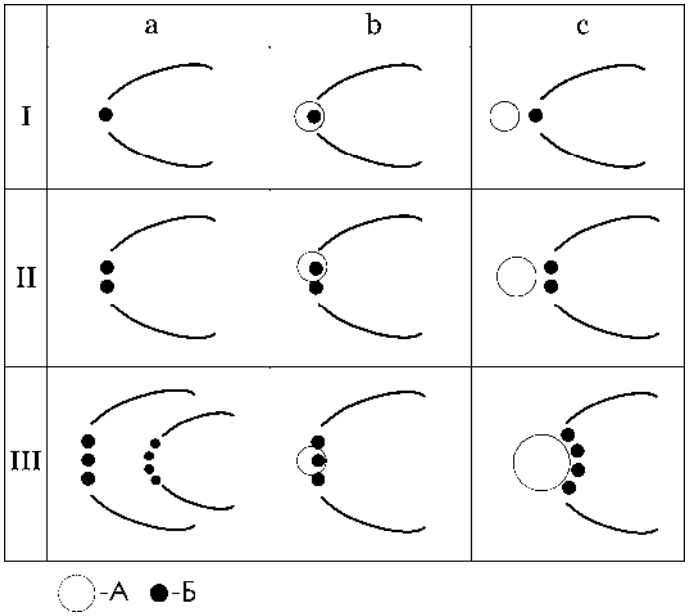


Рис. 3. Типология курганов с «усами». Планиграфия и относительная хронология.
А. Объект ранней эпохи;
Б. Центральный курган комплекса с «усами»

Дуйсенгали М.Н.,
Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
Актобе, Казахстан
Мамедов А.М.,
Центр исследования, реставрации и охраны
историко-культурного наследия, Актобе,
Баиров Н.М.
Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
Актобе, Казахстан

УДК 903/904

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ БАССЕЙНА РЕКИ УИЛ

Ключевые слова: Погребально-поминальные комплексы, поздняя древность, река Уил, Западный Казахстан, Дербесали, Куагаш, Акбулак.
Keywords: Funeral and memorial complexes, late antiquity, the river Will, Western Kazakhstan, Derbesali, Cuagash, Akbulak.

В 2017 году ОФ «Фонд совета молодых учёных» по государственному социальному заказу ГУ «Управление по вопросам молодёжной политики Актюбинской области» объявил областной конкурс на лучшие научно-исследовательские. Целью конкурса являлся поиск новых решений проблем молодых учёных и соискателей, а также стимулирование массового участия молодёжи в научно-исследовательской деятельности путём организационной и финансовой поддержки инновационных проектов.

На конкурс по программе Общественные и гуманитарные науки был представлен проект по теме: «Пространственный анализ и архитектоника памятников гунно-сарматского периода Актюбинской области (II-IV вв н.э.)», который занял 2 место.

Гунно-сарматский период, по другому эпоха «поздней древности» или эпоха Великого переселения народов, в целом первая половина первого тысячелетия н.э. представляет собой яркий и самобытный отрезок истории нашего государства. К этой эпохе и непосредственно к гуннскому племенному объединению исторический накоплен большой интерес во всем мире.

Основную массу гуннского населения позднеантичные авторы фиксируют в степях Западного Казахстана. Археологические исследования последних лет проводимые в Актюбинской области предварительно подтверждают сообщения позднеантичных авторов, пока только фиксацией уникальных памятников относимых исследователями к первой половине первого тысячелетия н.э., которые включают в свою структуру своеобразные культово-поминальные объекты в виде подквадратных оград, круглых оград подкововидных сооружений – «святилищ», «гантелевидных» и простых длинных валообразных насыпей.

Несмотря на многолетнюю историю изучения, на карте Актюбинской области существуют огромные территории, которые представляют собой terra incognita. Эта проблема была поднята еще в первой половине XX в. специалистами, но к сожалению должным образом не проработана до сих пор, причиной тому является сложности в обнаружений памятников и трудозатратность проведения подобных исследований.

В последнее время активное использование в археологии методов исследования смежных наук значительно повысило эффективность выявления и дальнейшего изучения погребально-поминальных и иных памятников древнего населения. Безусловно, привлечение смежных, особенно естественных наук, позволило решить множество проблем касающихся как формирования культур в целом, так и вопросов, связанных с погребальными обычаями и традициями.

Применение методов естественных наук существенно увеличило возможности поиска и обнаружения объектов погребально-поминальных комплексов, выявить особенности организации курганного пространства, а также архитектуру курганов, святилищ и т.д.

Как правило, при исследовании археологических древностей, особенно курганных могильников мы, обычно, фиксируем визуально наблюдаемые объекты. Большинство дополнительных объектов, связанных с погребально-поминальными культами (жертвенники, поминальники и др.) в основном остаются вне поле зрения исследователя (Антимонов и др. 2015. С 281). Особенно это касается тех памятников, которые подверглись антропогенному воздействию.

В работе авторы хотели бы привести пример поиска памятников, выявления дополнительных объектов, а также выяснения особенностей размещения их в курганном поле с помощью материалов дистанционного зондирования Земли.

Начиная с 2006 года археологическим отрядом Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии в ходе разведочных работ были зафиксированы только те объекты, высота которых четко выражалась в рельефе. Накопленный опыт визуального разведочного археологического обследования и раскопок показал, что большая часть, небольших насыпей со временем исчезают. Как указывалось выше, данная проблема возникла в результате разных причин: естественных экзогенных процессов, сельскохозяйственной деятельности и т.д.

В связи с этим перед началом визуального обследования археологических памятников рассматриваемого периода были использованы новые методы, а именно материалы дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Для данной методики камеральной дешифровки космических снимков нами была выбрана программа SASPlanet. Названная программа характеризуется следующими параметрами: программа является бесплатной и общедоступной, программа обладает удобным интерфейсом, программа имеет широкий набор карт различного масштаба, а главное спутниковых снимков высокого разрешения (Хаванский. 2016. С. 111). Камеральная работа на данной программе заключалась в том, чтобы провести детальное изучения космоснимков Уилского и Хобдинского районов, разделив их на условные полигоны.

Учитывая имеющиеся данные по размерам курганов исследуемого периода, то оптимальным вариантом для их обнаружения по космоснимкам программы SASPlanet является масштаб увеличения 1:400 м. Рассматриваемый регион имеет колоссальную площадь, в связи с этим данная методика дешифровки космоснимков представляется трудоемкой.

После анализа материалов космоснимков было проведено натурное обследование отмеченных объектов. Обследование состояло из осмотра территории памятника, отбора подъемного материла, определение JPS-координат, описание памятника и проведение тахеометрической съемки.

Сопоставление материалов показало, что такие особенности структуры курганов как кольцевой ров, при визуальном осмотре практический не фиксируются, между тем на материалах космического наблюдения они четко отличаются от общего рельефа более темным оттенком.

В результате выделены перспективные объекты с определением географических координат, в двух районах области. В Кобдинском районе выделены 18 точек, в Уилском районе 22 точек с перспективными аномалиями.

По итогам полевых работ получили почти 100 % подтверждение на местности. Результаты детальной тахеометрической съемки подтверждают данные полученные с космических снимков (Рис 4).

На данном этапе мы провели детальную инструментальную (тахеометрическая) съемку на 10 погребально-поминальных полей, комплексов и отдельных объектов (Рис 1, 2, 3). Зафиксировано более 250 памятников (табл. 1).

Таблица 1

Могильники	Округлая грунтовая насыпь	Подковообразное сооружение	Валообразная насыпь	«Гантелевидная» насыпь	другие
Дербисалы I	17	7			
Дербисали II	28	5	2	2	5
Акбулак I	22	1	2		2
Акбулак II	24	9	2		2
Акбулак III	25	9	3	4	3
Акбулак IV	14	6	1	1	2
Акбулак V	22	12	2		3
Узынтам	6	2	1		1
Куагаш	5	4	2	1	3

Таким образом проведенные разведки показали, что на территории Актюбинской области сосредоточено большое количество памятников завершающего периода раннего железного века. Курганные могильники, которые наряду с поминально-культовыми объектами, образуют целые комплексы, дальнейшее изучение которых способно будет вывести на уровень историко-культурных реконструкции. Особую ценность эти материалы имеют для разработки вопросов воссоздания архитектурных традиций, системы погребальной обрядности и тесно связанных с ними идеологических представлений населения II-IV вв н.э. Западного Казахстана.

К тому же нам представляется, что эти уникальные объекты являются звеньями целостного сакрального пространства, где каждый из них имеет определенную закономерность в расположении в пространстве погребального поля и несут в себе идеологическую нагрузку «единства» и «всеобщего объединения».

Продолжение комплексного изучения памятников поздней древности на территории Актюбинской области следует осуществлять в рамках реализации масштабной исследовательской программы.

Литература:

Антимонов Н.П., Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н., Трибунский С.А. О некоторых аспектах исследования степных курганных могильников по данным дистанционного зондирования Земли. Журнал «Известия Самарского научного центра РАН». 2015. С 281-286.

Хаванский А.И. О локальных вариантах андроновской общности (опыт картографического исследования). «Кадырбаевские чтения-2016». Материалы Международной научной конференции. – Актобе, 2016. С 111-118.

Резюме

В статье «Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна реки Уил» освещаются итоги разведочных работ, проводившиеся в 2017 году на территории бассейна реки Уил. В ходе исследования материалов дистанционного зондирования Земли было обнаружено большое количество памятников завершающего периода раннего железного века. Проведен анализ материалов космоснимков с материалами полученными в ходе натурного обследования.

Summary

In the article "Preliminary results of the study of burial-memorial complexes of the late antiquity of the river basin of the Will", the results of exploration carried out in 2017 on the territory of the river valley of the River Will were discussed. In the course of the study of the Earth's remote sensing materials, a large number of monuments of the final period of the Early Iron Age concentrated in the Wil basin were discovered. The analysis of the materials of space images with materials obtained during the field survey was carried out.

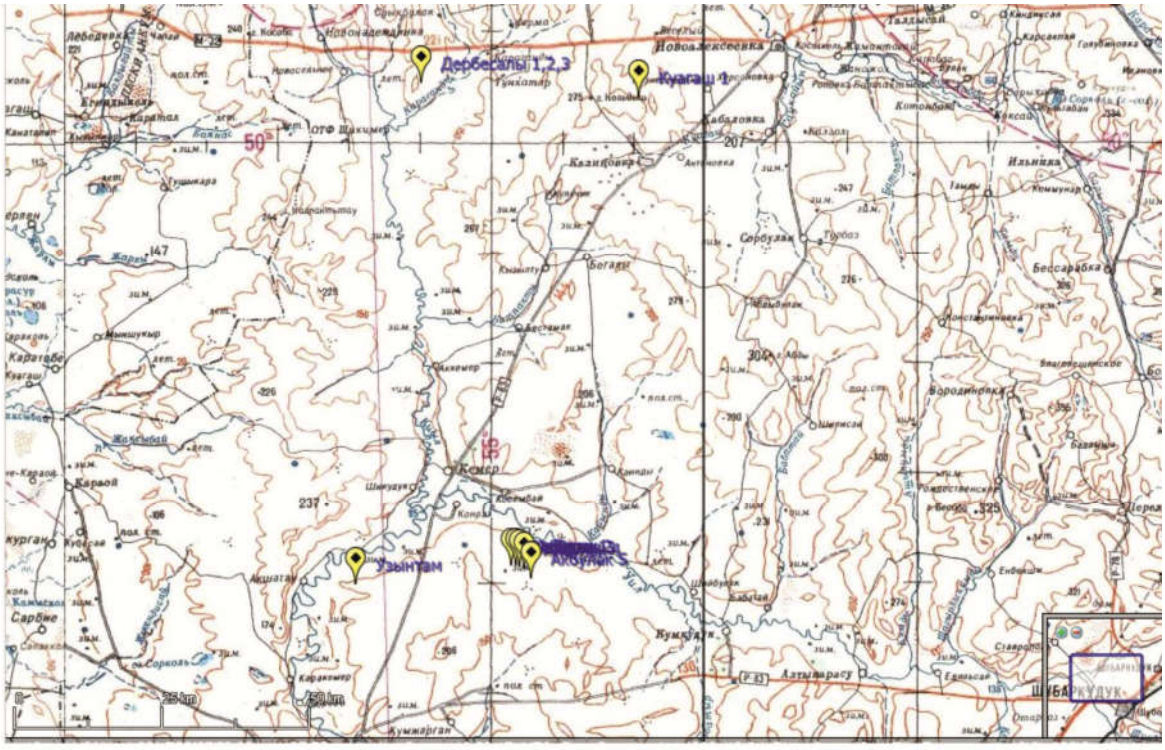


Рис. 1. Топографическая карта расположения памятников поздней древности бассейна реки Уил

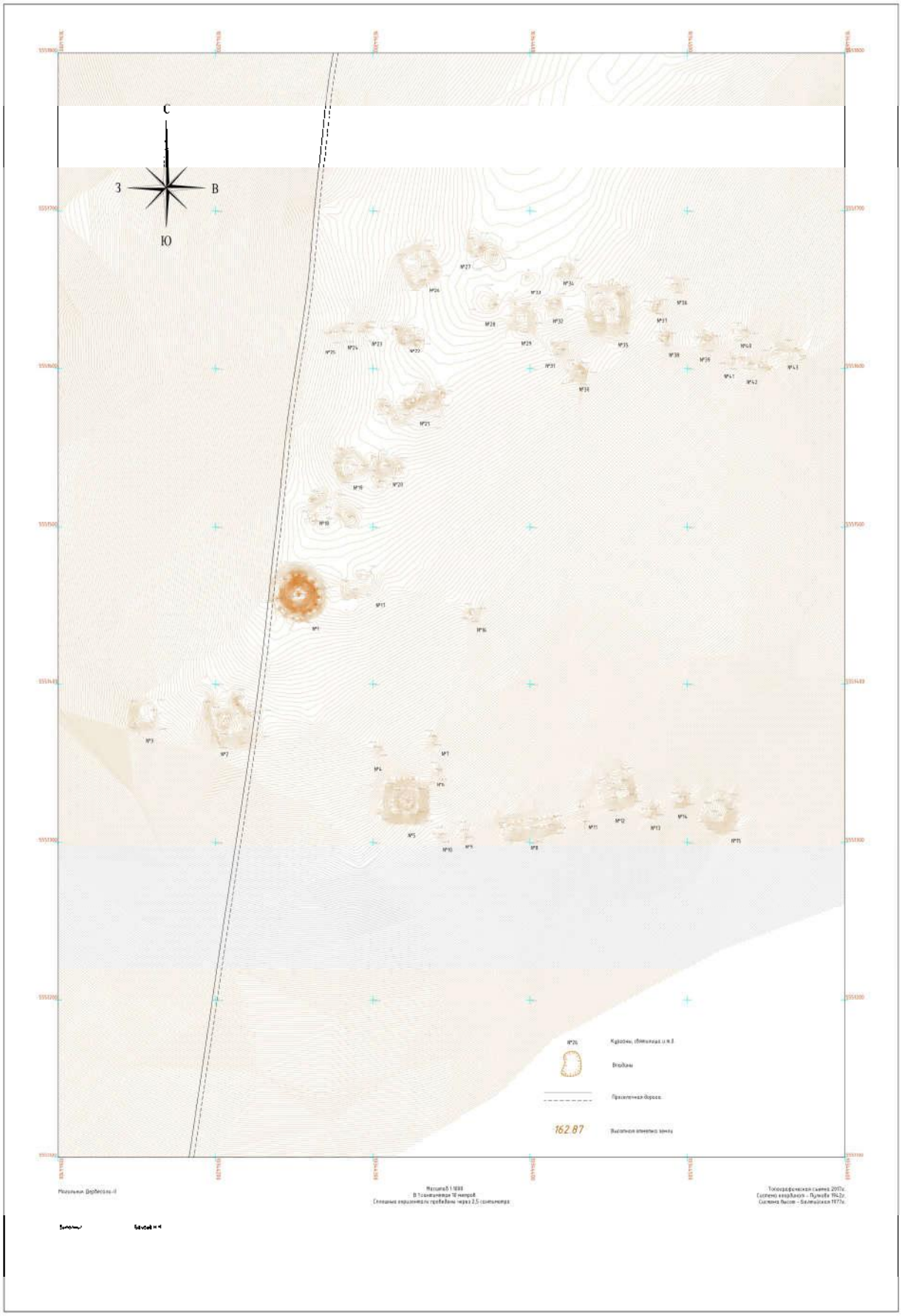


Рис. 2. Могильник Дербисали II

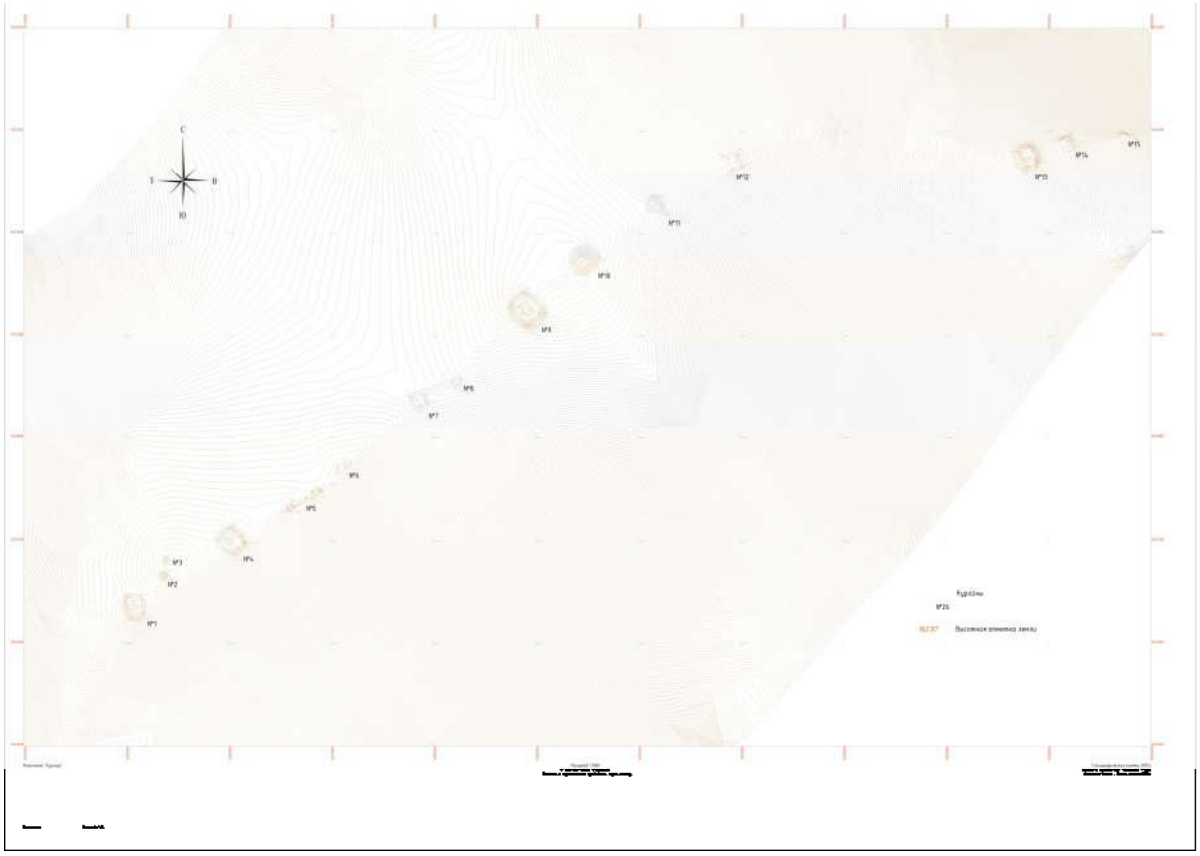


Рис. 3. Могильник Куагаш



Рис. 4. а) Трехмерная поверхность могильника Дербисали II
б) Космоснимок с программы SASPlanet могильника Дербисали II

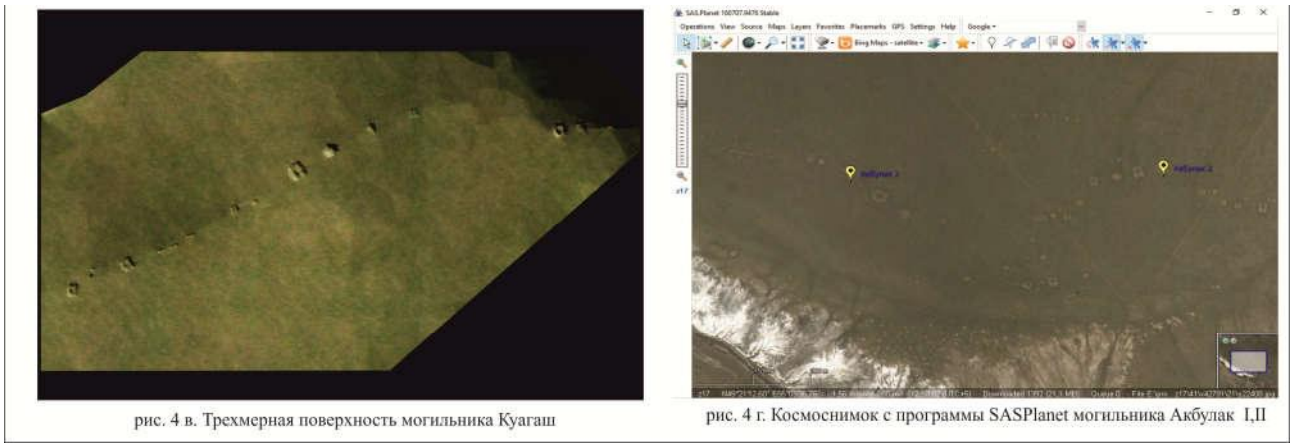


рис. 4 в. Трехмерная поверхность могильника Куагаш

рис. 4 г. Космоснимок с программы SASPlanet могильника Акбулак I,II

Рис.4. в) Трехмерная поверхность могильника Куагаш
г) Космоснимок с программы SASPlanet могильника Акбулак I, III

Евгеньев А.А.
ФГБОУ ВО Оренбургский государственный
педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

УДК 903 (С17)

РАБОТЫ Б.Н. ГРАКОВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1930-Е ГГ. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ключевые слова: история археологии, Б.Н. Граков, археологическая карта Казахстана, рекогносцировочные работы, Южноуральская экспедиция, андроновская культура, раннесарматская культура, кочевники средневековья
Keywords: history of archeology, B.N. Grakov, archaeological map of Kazakhstan, reconnoitring works, South-Ural expedition, Andronovo culture, early Sarmatian culture, nomads of the Middle Ages

Выдающийся советский скифолог Борис Николаевич Граков (1899-1970) внес значительный вклад в изучение памятников кочевников РЖВ Южного Приуралья. В 1927-1929 гг. он по поручению ГИМ проводил разведочные исследования в окрестностях г. Оренбурга, в районе поселков Нежинка и Благословенка (Граков, 1928, 1947). В 1930 году учёный перенёс свои работы на Южном Урале в бассейн р. Ори (Домбаровский район Оренбургской области и территория Актюбинской области). Археологическая целесообразность этих работ была обусловлена задачей составления археологической карты Казахстана, поставленной в работе Б.Н. Гракова «Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана», написанной им весной 1929 г. Эта статья явилась программной для археологии Южного Приуралья и Казахстана. Граков подробно рассмотрел историю археологического исследования Казахстана, выделив в ней три этапа, а также дал чрезвычайно полный и соответствующий уровню развития современной автору науки очерк всех представленных в рассматриваемом регионе эпох – от палеолита до средневековья. Подводя итог рассмотрению ключевых археологических проблем Казахстана, Б.Н. Граков подчеркнул главную задачу: «Путем новых и новых раскопок должны быть заполнены зияющие пробелы в истории материальной культуры на территории КССР и пополнено то немногое, что известно об вышеуказанных эпохах» (Граков, 1930, с. 18). Осознавая, что это задача на отдаленную перспективу, требующая «длительной, планомерной и методической работы», Граков предлагал более реалистичный план, подразумевающий первоочередной задачей организацию «экспедиций рекогносцировочного характера», включающих в себя регистрацию и фотофиксацию памятников, их нанесение на карту и сбор подъёмного материала. При этом Б.Н. Граков обоснованно замечал, что рекогносцировочные работы непременно должны сопровождаться «пробными раскопками, без чего не сможет быть выяснен культурный характер памятников» (Граков, 1930, с. 18-20)

Работы 1930 г. вполне соответствовали программным установкам вышеуказанной статьи. Экспедиция Б.Н. Гракова в бассейне р. Орь была организована Казахским Комитетом по охране памятников природы, искусства и старины (Казкомпристарисом) и носила в основном рекогносцировочный характер: «центр тяжести работы лежал в разведках» (Граков, 1931, № 877, л. 1). В задачи экспедиции входило: «1. произвести разведку по р. Ори для регистрации и описания памятников в этой части Казахской степи; 2. произвести рекогносцировочные раскопки с целью выяснения физиономии отдельных видов регистрируемых памятников; 3. в особенности стремиться к изысканию памятников кочевых культур прошлого»; по мысли Гракова, бассейн Ори как северный участок древнего миграционного пути с Востока в Европу для этих целей подходил как нельзя лучше (Граков, 1931, № 807, л. 1).

Работы экспедиции проводились на протяжении мая – июня 1930 г. Сотрудником экспедиции был К.В. Сальников, на тот момент – аспирант ГАИМК. В письме к супруге О.А. Кривцовой-Граковой Граков хвалил напарника за организаторские способности: «Сальников прекрасно хозяйствует и достает всё почти из-под земли» (И жизнь, и слезы, и любовь, 2011, с. 27). Маршрут экспедиции был таков: от станции Джурун до урочища Кум-сай (где проведены раскопки), далее вниз по Ори «через Казакские аулы, регистрируя и описывая встречные памятникик, снимая планы их расположения и т.д.» (Граков, 1931, № 807, л. 14); по р. Уйсыл-Кара, с проведением раскопок у пос. Матвеевского, затем до впадения в р. Орь реки Тасты-Бутак (где проведены раскопки на землях аула №3) и оттуда в г. Орск (Граков, 1931, № 807, л. 1). Граков образно писал о режиме своей

деятельности: «Я чувствую себя кочевником, невесть, где ночуем, но ведь пока что мы еще в относительно культурных условиях» (И жизнь, и слезы, и любовь, 2011, с. 26).

Ввиду постоянных кочевок местного населения по степи и связанного с этим отсутствия свободных рабочих рук археологические раскопки производились эпизодически. Всего было раскопано 6 земляных и 2 каменных кургана, а также 7 каменных колец в составе андроновского Кожумбердынского могильника (Граков, 1931, № 877, л. 2). Б.Н. Граков, судя по переписке с женой, целенаправленно раскапывал различные типы курганов – земляные и каменные насыпи, – ориентируясь на опыт раскопок каменных курганов в Губерлинских горах оренбургского краеведа И.А. Зарецкого, однако итоги работ его скорее разочаровали, он писал: «ничтожные результаты раскопок заставляют задерживаться, т.к. необходимо, чтобы хотя бы до некоторой степени оправдались расходы. Ведь одна регистрация памятников слишком безлична» (И жизнь, и слезы, и любовь, 2011, с. 27). Учёный, конечно, склонен был преуменьшать результативность своей работы: по маршруту разведки было пройдено более 400 км, было зафиксировано более 500 памятников: земляные и каменные курганы, каменные площадки, каменные кольца, оградки и ящики, случайные находки, и т.д. В.В. Родионов предположил, что под памятниками Б.Н. Граков и последующие публикации результатов его работ подразумевали не памятники в строгом значении этого термина, а отдельные сооружения (например, курганы или могилы) в пределах одного могильника (Родионов, 1996, с. 14).

Материалы раскопок Кожумбердынского могильника были опубликованы О.А. Кривцовой-Граковой (Кривцова-Гракова, 1947). В исследованных каменных кольцах погребенные сопровождались орнаментированными геометрическими узорами сосудами, изредка – изделиями из металла (бронзовый нож, медные браслеты, обоймочки, бусина) и пастовыми бусами. Отметив черты сходства погребений могильника с памятниками, исследованными в 1926 году М.П. Грязновым в бассейне Киргильды и Тереклы, Граков вместе с тем обратил внимание на преобладание в могильнике юго-западной ориентировки погребённых, что сближает этот памятник с погребениями восточного ареала андроновской культуры (Граков, 1931, № 877, л. 6). Значение раскопок Кожумбердынского могильника подчеркивает то обстоятельство, что он стал эпонимным для синкретической группы памятников андроновской культуры Южного Урала и Западного Казахстана (Кузьмина, 2008, с. 250-264).

К раннему железному веку относились раскопанные Б.Н. Граковым курганы у посёлка Матвеевского (Ак-Джар) и в урочище Кум-сай. К савроматской культуре относились погребения в кургане 2 в местности Кум-сай и в кургане 5 Матвеевского могильника; остальные курганы (Матвеевский, курганы 3, 4, 6; Кум-сай, курган 1), относились к раннесарматской культуре (Граков, 1931, № 877, л. 7). Материалы были введены в научный оборот отчасти самим Граковым, в работе «Пережитки матриархата у сарматов», отчасти К.Ф. Смирновым (Смирнов, 1964, с. 55-56, 65-66). Б.Н. Граков особо отметил сочетание в женском погребении кургана 3 Матвеевского могильника предметов женского туалета и быта с оружием, что указывало, по его мнению, на пережитки матриархата у носителей прохоровской культуры (Граков, 1947, с. 114).

Возвращение Б.Н. Гракова на Южный Урал состоялось в 1933 г. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологических памятников» (10 февраля 1934 г.) все строительные работы предварялись обследованием территории будущего хозяйственного объекта с целью выявления и охранного изучения имеющихся археологических памятников. Для таких охранных работ на месте строительства проектируемых Губерлинской, Орской, Ириклинской и Магнитогорской ГЭС была образована Южноуральская новостроечная экспедиция во главе с Б.Н. Граковым (сотрудники экспедиции – П.А. Дмитриев, А.И. Тереножкин). Экспедиция работала в течение июля – сентября 1933 г. по четырём маршрутам, соответствующим районам будущих строек (Граков, 1935, с. 92-96):

1) район водохранилища на р. Ори (выявлено 204 комплекса в 21 могильнике);

2) район г. Орска (41 комплекс в 12 могильниках);

3) зона Ириклинского водохранилища (311 комплексов в 92 могильниках, 3 стоянки и два пещерных объекта);

4) район Магнитогорской плотины (100 комплексов в 14 могильниках).

Всего в общей сложности экспедицией было «обследовано и учтено 838 погребальных сооружений в составе 168 курганных групп и могильников, пять открытых стоянок, две обитаемых пещеры и несколько отдельных находок» (Граков, 1935, с. 91). Зафиксированные разведочными работами памятники относились главным образом к типу погребальных сооружений, среди которых Граков выделил следующие виды: «1) каменные кольца и земляные сегментовидные курганы с

каменными кольцами или такою же обкладкою на поверхности, относящиеся … к «эпохе бронзы»; 2) земляные низкие курганы… – скифо-сарматская стадия; 3) каменные овальные и круглые площадки, а также небольшие насыпи-курганы из камня, принадлежащие средневековым кочевникам-тюркам» (Граков, 1935, с. 96). Кроме этого, выявлены были и поселения различных эпох: неолитические стоянки Б и Г на правом берегу р. Суундук, поселение А андроновского времени «у скотского кладбища пос. Таналык», и пещерные стоянки В на р. Суундук и Е у пос. Никольского (Граков, 1935, с. 95).

Вследствие нехватки времени и малочисленности состава экспедиции её работа сводилась к фиксации и первичному описанию памятников. Сам Б.Н. Граков писал: «Раскопки вообще должны были играть в работе этого года подсобную роль и служить лишь для уяснения характера памятников и намечения объектов будущих исследований» (Граков, 1935, с. 95). К тому же организационные возможности экспедиции были ограничены: в большинстве пунктов не было рабочих для земляных работ, а если и были, то эффективность их работ оставляла желать лучшего: «…едва сбили пеструю партию для раскопок небольшого земляного кургана… Роем в час по столовой. Похоже на ограбление. […] Очень земля тверда, а рабочие и инструменты плохи» (И жизнь, и слезы, и любовь, 2011, с. 104).

Следует отдать должное Б.Н. Гракову, он в ущерб своему научному интересу предпочел исследовать главным образом не земляные курганы кочевников РЖВ, а погребальные сооружения другого времени и облика, с тем чтобы выявить специфику памятников в обследуемых районах. Раскопки были проведены на отдельных памятниках в бассейне р. Суундук:

1) В группе LVI у Тулайкина аула были раскопаны два каменных кольца с разграбленными могилами, в которых присутствовал типичный для андроновской культуры инвентарь – медные браслеты со спиральными парными щитками, бронзовый серп и крюк, керамика андроновского облика (Граков, 1935, с. 104-105).

2) В группе LV на р. Суундук, в урочище Бай-Джигит был раскопан курган № 5, под которым в пределах каменного кольца находилось частично разрушенное безынвентарное раннесарматское погребение, а в тайнике в южной поле кургана обнаружен железный кинжал (Граков, 1935, с. 116).

3) В пещере В на р. Суундук были найдены, наряду с типичными сарматскими фрагментами керамики и бронзовым втульчатым трехлопастным наконечником стрелы, архаичные костяные трехгранные наконечники стрел и ножевидная кремневая пластинка, причем все предметы находились in situ (Граков, 1935, с. 111). По мнению Б.Н. Гракова, в связи с этим «открывается интересная историческая проблема сосуществования здесь на одной территории разных стадий общественного развития, симбиоза северных охотников со степными кочевниками» (Граков, 1935, с.96). Следует признать, однако, что дальнейшего развития разработка этой научной проблемы ни в трудах Гракова, ни в работах последующих исследователей не получила.

4) В группах LIII и LIV у аула Худай-Берген под овальными и круглыми площадками из камней были исследованы погребения кочевников золотоордынского времени. Граков писал, что этот тип памятников привлек его внимание еще в ходе экспедиции 1930 г. «своею таинственностью» (И жизнь, и слезы, и любовь, 2011, с. 99). Инвентарь характерен для воинских (берестяные колчаны, удила, железные ножи, обломок стремени, кресала, ворворки, небольшая медная чашечка и т.д.) и женских (фрагменты бокки, обломок зеркала) захоронений XIII-XIV вв. (Граков, 1935, с. 96, 100-103).

В целом масштабы проведения «новостроечных» раскопочных работ были сравнительно невелики, что было обусловлено нехваткой времени и малочисленностью экспедиции. Вся работа сводилась в основном к регистрации находок; большинство памятников в силу ограниченности во времени лишь описывалось, а не раскапывалось. Однако были проведены раскопки на ряде разновременных памятников, причем очевидно, что задачей Б.Н. Гракова было именно изучение разнотипных памятников: курганные могильники андроновской (Тулайкин аул) и сарматской культур (Бай-Джигит), памятники средневековых кочевников (Худай-Берген), открытые и пещерные стоянки каменного и бронзового века. Таким образом, на исследованной территории была получена своеобразная хронологическая шкала, включавшая разнообразные памятники от неолита до золотоордынского времени.

К сожалению, большинство выявленных Б.Н. Граковым памятников были разрушены при строительстве Ириклинского водохранилища. Несколько выявленных экспедицией комплексов были доисследованы в дальнейшем: в 1936 г. Орской новостроечной экспедицией были раскопаны андроновские и сарматские памятники у с. Ново-Аккермановка и близ аула Джанатан (Подгаецкий, 1937), а могильники у с. Хабарное были исследованы в 1959 г. Э.А. Федоровой-Давыдовой и в 1984 г. В.А. Ивановым (Федорова-Давыдова, 1973; Иванов, 2004). Раскопки 1930-80-х гг. стали подтверждением культурно-хронологической ситуации Восточного Оренбуржья, выявленной работами Б.Н. Гракова.

Литература:

Граков Б.Н. Краткий отчёт о проведении археологической экспедиции в мае-июле 1930 года по течению р. Ори // НА ИИМК. Ф. 2. 1931. № 807.

Граков Б.Н. Отчёт по раскопкам летом 1931 г. в бассейне р. Ори // НА ИИМК. Ф. 2. 1931. № 877.

Граков Б.Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. 4. – М., 1928. – С. 145-155.

Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана. – [Кзыл-Орда:] Казиздат, 1930. – 20 с.

Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Археологические работы Академии на новостройках в 1932-1933 гг. Ч. 2. – М.-Л.: ОГИЗ, 1935. – С. 91-118.

Граков Б.Н. ГУNAIKOKPATOУMENOI (Пережитки матриархата у сарматов) // Вестник древней истории. 1947. № 3. – С. 100-121.

И жизнь, и слезы, и любовь… / сост. А.Г. Плешивенко. – Запорожье: ООО «ЛИПС» ЛТД, 2011. – 368 с.

Иванов В.А. Хабарный I – могильник золотоордынского времени в Центральном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 6. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 74-83.

Кривцова-Гракова О.А. Кожумбердынский могильник. (Выдержки из дневника раскопок) // Труды ГИМ. Вып. XVII. Археологический сборник. – М.: Изд-во ГИМ, 1947. – С. 165-169.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: ПринтА, 2008. – 358 с.

Подгаецкий, Г.В. Краткий отчет о работах Орской экспедиции / Г.В. Подгаецкий // Советская археология. 1937. № 4. – С. 332-335.

Родионов В.В. Очерк истории археологических исследований в Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. – Самара: Диалог, 1996. – С. 5-22.

Фёдорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 133-152.

Резюме

А.А. Евгеньев

Работы Б.Н. Гракова на Южном Урале и в Западном Казахстане в 1930-е гг. в контексте развития советской археологии

В статье рассмотрена деятельность в 1930-е годы в Восточном Оренбуржье и Западном Казахстане Бориса Николаевича Гракова. Показано значение рекогносцировочных работ 1930 г. для составления археологической карты Казахстана. Выявлены основные направления и проблемы возглавляемой Б.Н. Граковым Южноуральской новостроечной экспедиции 1933 г. Определено место проведенных Б.Н. Граковым исследований в разработке проблем позднего бронзового века, раннего железного века и эпохи средневековья.

Summary

A.A. Evgenyev

B.N. Grakov's works in the South Ural and in the Western Kazakhstan in the 1930th in the context of development of the Soviet archeology

In the article activity in the 1930th years in East Orenburg region and the Western Kazakhstan of Boris Nikolaevich Grakov is considered. The value of reconnoitring works of 1930 for drawing up the archaeological map of Kazakhstan is shown. The main directions and problems of the South-Ural expedition of 1933 headed by B.N. Grakov are revealed. The place of the researches conducted by B.N. Grakov in development of problems of the Late bronze age, the Early Iron Age and an era of the Middle Ages is defined.

Жамбулатов К.А
Институт археологии им. А.Х.Маргулана,
Алматы, Казахстан

УДК 903/904 (574.3).638

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАЙОНА КАМЫШ-САМАРСКИХ ОЗЕР

Түйінді сөздер: Соңғы сармат мәдениеті, Камыш-Сармат өзені, солтүстік бағыт, деформирацияланған бас сүйек, жерлеу орны, оба.
Ключевые слова: Позднесарматская культура, Камыш-Самарские озера, северная ориентировка, деформированный череп, погребение курган.
Keywords: Late Sarmatian culture, Kamysh-Samara lakes, northern orientation, deformed skull, burial mound.

Западно-Казахстанский регион представляет собой огромную по площади территорию с различными природно-географическими условиями. В разное время на степных просторах Общего Сырта и Мугоджар вели оседлый или кочевой образ жизни многочисленные племена различных народов, получившие новую Родину или использовавшие эту территорию как транзитный коридор, но оставившие здесь свой след. Одним из ярких таких проявлений являются племена, относящиеся к позднесарматской культуре.

На всем протяжении от р. Ишима до р. Урала и далее на запад мы находим многочисленные свидетельства присутствия племен позднесарматского времени в виде, как правило, небольших земляных курганов с одним погребением или погребений впущенными в насыпь более раннего времени, а также в виде различных по форме жертвенно-поминальных сооружений.

Для рассмотрения такого большого объема материала на столь обширной территории позднесарматские памятники нами были объединены по природно-географическим зонам в небольшие локальные группы.

На территории Западно-Казахстанской области позднесарматские памятники нами были объединены в 3 локальные группы. Первая – район Камыш-Самарских озер. Вторая группа – в районе Шыжынских разливов. Третья – северная часть левого берега р. Урал.

В данной статье нами проведена статистическая обработка позднесарматских погребений первой группы. Материал был взят из отчетов Кушаева Г.А. написанных в соавторстве в разные годы с Железчиковым Б.Ф. (Отчет, 1976 г.) и Кокебаевой Г.К. (Отчет, 1978 г., 1980 г.)

Начиная с 1974 года Уральский педагогический институт проводит археологическую практику студентов в районе Камыш-Самарских озер, по бассейну рек Караозен и Сарыозен. Были исследованы могильники Мокринский I и II, а также проведена предварительная рекогносцировка местности в зоне строительства Айдарханской и проектируемой Джангалинской оросительно-обводнительных систем. В результате чего, были выявлены десятки разновременных памятников археологии, часть из них были раскопаны. Полевые исследования на погребальных памятниках дали богатый материал, раскрывающий особенности духовной и материальной культуры племен, охватывающих широкий диапазон истории – начиная от эпохи бронзы и заканчивая поздним средневековьем. Среди исследованных памятников было выделено 14 погребений из 3 могильников позднесарматского периода.

В 1975 году Кушаевым Г.А. и Железчиковым Б.Ф. был исследован могильник Кисык-Камыс-**I**, расположенный в одноименной долине, на северной оконечности небольшого озера, в низовье реки Кошим, в 2 км южнее поселка Жанакала (Кушаев, Железчиков 1976, с. 62-75; Железчиков, 1998, с. 42-44).

Могильное поле, состоящее из 21 кургана, расположено по верхней части естественной гряды. Могильник состоит из трех локальных групп. Практически все насыпи имеют ровики с перемычками. Диаметры насыпей от 12 до 30 м, высотой от 0,4 до 1,2 м. В курганах 1, 3, 5-8 были раскопаны погребения позднесарматского времени.

В 1978-1979 годах экспедиция Уральского педагогического института (Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К.) проводит спасательные работы на месте строительства гидротехнического узла на левом берегу реки Сарыозен между поселками Коктерек и Жулдыз. Здесь были исследованы 2 могильника Кособа (Кушаев, Кокебаева, 1980, с. 8-39) и Мамай (Кушаев, Кокебаева, 1978, с. 5-16; Кушаев, 1993, с. 90-93).

Оба могильника расположены на левом берегу реки Сарыозен, на пологой надпойменной террасе. Могильник Кособа расположен в 2 км к югу от крайних домов поселка Коктерек. Памятник состоит из 18 курганов и 1 жертвенной выкладки вытянуто-прямоугольной формы. Планиграфически могильник условно можно разделить на две группы. Северная группа курганов значительно отличается по своим размерам. Здесь расположены 3 кургана диаметром от 30 до 60 м и высотой до 2 м. В юго-западной части могильника компактно расположены курганы с насыпью меньших размеров. Диаметры насыпи от 8 до 10 м и высотой до 0,5 м.

Могильник Мамай расположен посередине отрезка полевой дороги между поселками Коктерек и Жулдыз, в месте, где расположен брод через реку. Могильное поле вытянуто с запада на восток на 800 м, с севера на юг на 180 м и состоит из 10 курганов с земляной насыпью и одного жертвенного сооружения квадратной формы. Какой-либо системы в расположении курганов нет. Самый крупный курган диаметром 50 м, и высотой 2,8 расположен на восточном краю могильника. Остальные курганы имеют насыпи диаметром от 10 до 20 м и высоту от 0,5 до 1,5 м расположены бессистемно в западной половине могильника.

Всего за два года на могильнике Кособа было раскопано 12 курганов, в которых находилось 27 могильных ям. В могильнике Мамай раскопано 8 курганов с 12 могильными ямами. Исследованные памятники охватывают широкий диапазон культур, начиная с эпохи бронзы заканчивая Золотоордынским временем. Позднесарматские погребения в частности, были раскопаны в могильнике Кособа – курганы 11, 14, 19, в могильнике Мамай – курганы 1, 23, 5, 7, 8.

Всего за 3 года на правом берегу реки Урал в районе Камыш-Самарских озер было изучено 14 курганов позднесарматского времени, в 3 могильниках, содержащие 16 погребений. Большинство курганов имели центральное и единственное погребение. Таких курганов насчитывается 9 или 64,2% от общего количества насыпей. Три позднесарматских погребения было впущено в более ранние насыпи бронзового века, что составляет 21,4%. Все 3 погребения сосредоточены в одном могильнике Мамай курганы 1, 7 и 8. Под двумя курганами было погребено по 2 захоронения 14%. Из них 2 захоронения в кургане 7 могильника Кисык-Камыс-I оказались кенотафами.

	Могильник	Курган	Погребение	Парные погребения	Кенотаф
Кол-во	3	14	16	2 (в двух курганах)	2 (погребения)

Как правило, насыпи позднего сарматского времени особо не выделяются на дневной поверхности. Это земляные уплощенные, округлой формы курганы. Диаметр насыпей под индивидуальными захоронениями составляет от 8 до 16 м, высотой от 0,2 до 0,3 м. Незначительно по размерам отличаются насыпи курганов с парными захоронениями. Диаметр 17 и 26 м, высота 0,3 и 0,9 м.

К особенностям околокурганного пространства насыпей относится наличие рва по периметру насыпи. Такие рвы были встречены в 6 курганах позднесарматского времени на трех могильниках, что составляет 54%. В кургане 6 могильника Кисык-Камыс-I ров имел индивидуальную особенность в виде наличия 5 перемычек, 4 из которых расположены в северной половине насыпи. Ширина рва в курганах варьирует от 1 до 3 м, глубина 0,2-0,3. Во всех трех могильниках в насыпях курганах, часто на уровне погребенной почвы, были обнаружены отдельные кости животных или их скопления, а также фрагменты керамики. В кургане 7 могильника Кисык-Камыс-I в насыпи был найден целый, плоскодонный сосуд грушевидной формы, а в насыпи курган 6 того же могильника были найдены фрагменты железных удил. Ритуальные кости животных и фрагменты керамики были встречены в 5 курганах или 35,7% случаях. Кости животных были встречены в 4 курганах 28,5 %. Фрагменты керамики были найдены в насыпях двух курганов 14,2%.

В расположении могильной ямы относительно насыпи кургана наблюдается два варианта. Первый вариант встречен в 7 случаях (43,7%), это когда могильная яма расположена в центральной части кургана. Во втором варианте могильная яма расположена в юго-западном секторе насыпи кургана, 6 ям или 37,5%. При этом наблюдается характерная особенность.

[3] В книге Г.А. Кушаева, Этюды древней истории степного Приуралья, приводится описание кургана 12 могильника Мамай. Возможно, здесь имеется опечатка. Так как текст описания кургана в книге соответствует тексту описанию кургана 2 Отчета за 1978 год.

Простые прямоугольные (средние и широкие) ямы расположены чаще в центральной части кургана или ближе к центру. А из 7 подбойных ям, только 2 расположены в центре кургана. Остальные занимают положение в юго-западном секторе.

Могильник	Ров (кол-во)	Тризна в насыпи	Расположение могильной ямы относительно центра насыпи	
			Центральная часть	Юго-западный сектор
Кособа	2	–	2	1
Мамай	–	2	2	2
Кисык-Камыс-I	4	3	3	3
Всего	6 (54%)	5 (37,5%)	7 (43,7%)	6 (37,5%)

В трех могильниках было выделено 2 типа погребальных сооружений. Это среднеширокая или узкая прямоугольная яма часто с закругленными углами 56,2%. Второй тип это подбой под западной стенкой входной ямы 43,7%. Подбойная ниша всегда была ниже входной ямы на 5-30 см.

Ямы, как правило, длинными сторонами ориентированы по оси север-юг с отклонениями к западу или востоку. Погребальные ямы строго ориентированные по линии север-юг составляют 50%. Ориентированные по линии северо-запад – юго-восток 31,2%. По линии северо-восток – юго-запад ориентированы 12,5% ям.

Ориентировка погребенных головой в северный сектор, лицом на запад. Лишь в одном случае, в парном захоронении удалось установить, что погребенный был ориентирован на юг, вторая яма была ограблена. Погребенные были уложены на спине с вытянутыми конечностями, иногда левая рука на левом крыле таза. В двух случаях погребенные были уложена на спине в пол-оборота на правый бок.

Отличительной чертой позднесарматских погребений являлось наличие искусственной деформации черепной коробки кольцевого типа. Из 14 погребений данный признак был зафиксирован лишь у 8 погребенных (57%). Необходимо отметить, что наличие или отсутствие деформации определялось археологами без привлечения специалиста антрополога. На ряде черепов раннего этапа функционирования позднесарматских групп деформация черепной коробки едва заметна.

Могильник	Тип могильной ямы		Ориентировка погребенного				Деформация черепа
	Подбой	Прям-ная	С	СЗ	СВ	Ю	
Кособа	–	3	2	–	1	–	–
Мамай	3	2	2	2	1	–	5
Кисык-Камыс-I	4	4	4	3	–	1	3
Всего	7 (43,7%)	9 (56,2%)	8 (50%)	5 (31,2%)	2 (12,5%)	1 (6,2%)	8 (57%)

Отметим, что антропологами неоднократно отмечалось повсеместное распространение деформации кольцевого типа на территории бассейна р. Урал (Дремов, 1977, с. 99-104; Яблонский, Малашев, 2008,с. 71-81; Китов, Хохлов, 2010, с. 127-131; Китов, 2013, с. 521-548; Китов, 2014, с. 611-616). Однако на территории Среднего Поволжья процент деформированных черепов уменьшается до 70 % (Балабанова, 2010, с. 184-230). При условии, что ошибка при определении наличия деформации черепной коробки минимальна, ее процент близок к результатам анализа памятников Нижнего Поволжья.

Погребальный инвентарь в погребениях позднесарматского времени Камыш-Самарских озер довольно стандартный для всей территории распространения культуры Южного Приуралья. Все находки можно разделить на несколько категорий: вооружение, украшения, предметы хозяйственного назначения. Одно погребение не содержало инвентаря.

Керамический материал из погребений представлен тремя кувшинами с ручкой. Они были расположены по одному за черепом в северной половине ямы. Сосуды были найдены только в могильнике Мамай. Они имели грушевидной формы тулово, уплощенное дно, отогнутый венчик, петлевидную ручку, на двух ручках были нанесены налепы в виде ушек хищного животного.

Предметы вооружения представлены единичными экземплярами или их фрагментами. В качестве материала было использовано железо. В кургане 2 могильника Мамай был найден обоюдоострый меч без навершия и перекрестия, длина меча 60 см, длина ручки 7 см. В кургане 3

могильника Кисык-Камыс-I найден нож с ручкой черешком с деревянными обкладками. Длина ножа 13 см. Также фрагменты ножей были обнаружены в двух курганах.

В двух погребениях могильника Мамай были найдены два биконических пряслица высотой 2,5 – 2,8 см, диаметром в центральной части 3 и 4 см.

Наиболее многочисленным материалом из погребений являются бронзовые фибулы. Всего было найдено 6 штук, причем 2 фибулы происходят из одного погребения кургана 8 могильника Кисык-Камыс-I. Три фибулы из могильника Мамай по классификации А.К. Амброза относятся к группе 13 фибулы с завитком на конце сплошного приемника (Амброз, 1966, с. 45-46). При этом две из них относятся к варианту 7 – с мягко изогнутой спинкой. А третья фибула относится к варианту 8 – с коленчато-изогнутой спинкой (Амброз, 1966, с. 46). К этому же типу (группа 13 вариант 8) относятся фибулы с ромбической спинкой из могильника Кисык-Камыс-I. Из погребения кургана 8 могильника Кисык-Камыс-I происходят два типа фибул. Это вышеуказанная фибула с изогнутой ромбической спинкой и высоким приемником ножкой с завитком на верху, и также лучковая двучленная фибула с подвязным приемником и раскованной треугольной ножкой. Аналогии последней фибуле приведены у А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 52-53), и данный тип фибул определены И.Э. Любчанским и Д.В.Денисовой в третью типологическую группу как редко встречающиеся на территории Южного Приуралья (Любчанский, Денисова, 2014, с. 126).

Фибулы с плавно-изогнутой спинкой А.К. Амброз датировал 2-ая половиной II (?) – III в., а коленчато-изогнутые, в том числе с ромбической спинкой кон. III – нач. IV в. (Амброз, 1966, с. 46). А.С. Скрипкин откорректировал датировки: фибулы с плавно-изогнутой спинкой он оставил в пределах III в., а коленчато-изогнутые он датировал кон. III – IV в (Скрипкин, 1977, с. 115). М.Г. Мошкова анализируя ряд комплексов из Южного Приуралья передатировала нижнюю дату коленчато-изогнутых фибул началом III в. с возможным заходом на 2-ую половину II в. (Мошкова, 2000, с. 191). И.Э. Любчанский и Д.В. Денисова датировали лучковые двучленные фибулы с раскованной треугольной ножкой 2-ой половиной III в. (Любчанский, Денисова, 2014, с. 126).

Погребальный обряд и инвентарь позднесарматских погребений в выделенном нами районе Камыш-Самарских озер довольно стандартен, однообразен и незначительно отличается на фоне других комплексов позднесарматской культуры. Это небольшая земляная насыпь с единственным погребением расположенным в меридиональном направлении. Погребенные лежат вытянуто на спине, иногда в полооборота на правый бок, ориентированы головой на север с незначительными отклонениями в западную или восточную сторону.

Однако имеются некоторые особенности подчеркивающие их локальные особенности. Таковыми являются земляные рвы вокруг насыпи кургана (54%). На всем ареале распространения позднесарматских памятников рвы имеют всего 8% курганов, причем большая часть курганов со рвами расположены в Волго-донском регионе. В Лебедевском комплексе и в могильнике Покровка 10 рвы представлены лишь в единичных случаях (Мошкова, 1982, с. 80-87; Малашев, Яблонский, 2008, с. 44-47).

В результате анализа исследованных курганов можно сделать вывод, что локальная группа позднесарматских памятников Камыш-Самарских озер, возможно, больше тяготеет как территориально, так и по специфическим признакам к памятникам южной части междуречья Волги и Дона. Однако, для подтверждения первичных выводов требуются дополнительные исследования и расширение источниковой базы.

Литература:

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. – Москва: Наука, 1966. – 126 с.

Балабанова М.А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). – Волгоград. – 2010. – С. 184-230.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 266 с.

Дремов В.А. Обычай искусственного деформирования головы у древних племен Западной Сибири и его происхождение // Проблемы археологии и этнографии. Изд. ЛГУ. – 1977. – вып.1. – С. 99-104.

Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1998. – 136 с.

Китов Е.П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сборник научных трудов / гл. ред.: С.Г. Боталов, отв. Ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. – Челябинск: Рифей, 2013. С.521-548.

Китов Е.П**.** Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Научный журнал «Известия Самарского научного центра РАН» – №3 (2), 2014, том 16, № 3. С. 611-616.

Китов Е.П., Хохлов А.А. Краниология могильника соленый дол позднесарматского времени в Южном Зауралье // Уфимский Археологический вестник. – 2010. – №10. – С. 127-131.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. – Уральск: Диалог, 1993. – 171с.

Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. – Д.1467, св. 94. – 1976.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1978 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. – Д.1675, св. 120. – 1978.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1979 г. // Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана. – Д.1762, св. 130. – 1980.

Любчанский И.Э., Денисова Д.В. Фибулы позднесарматского времени из могильников Южного Урала // Уфимский археологический вестник – 2014. – №14. – С. 124-129.

Малашев В. Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10 – Москва: Восточная лит-ра, 2008. - 365с.

Мошкова М.Г. (отв. ред.) Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. – Москва: Восточная литература, 2009. – 176 с.

Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника Западном Казахстане // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 80-87.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // НАВ – 2000. – Вып. 3. – С. 186-200.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА – 1977. - №2. – С. 100-120.

Түйіндеме

К.А. Жамбулатов
Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

КАМЫШ-САМАР КӨЛДЕРІ АУДАНЫНДАҒЫ СОҢҒЫ САРМАТ КЕЗЕҢІНІҢ ЖЕРЛЕУ ОРЫНДАРЫ

Мақала өткен ғасырдың 70-жылдары зерттелген Камыш-Самар көлдері ауданындағы соңғы сармат жерлеулеріне статистикалық шолуларға арналған. Жекелеген топтардың статистикалық талдауы соңғы сармат мәдениетіне тән белгілер бар 16 жерлеу орнынан тұрады. Обалардың орналасуы, жерлеу орнының ғұрыптары мен заттарына жүргізілген алғашқы сараптама нәтижесінде, Орал өзенінің оң жағалауында орналасқан соңғы сармат кезеңінің обалары Волга мен Донның төменгі ағысының ескерткіштеріне жақын деген ойға алып келеді.

Summary

K.A. Zhambulatov
Institute of Archaeology named after A. Margulan
Almaty, Kazakhstan

LATE-SARMATIAN BURIALS OF THE DISTRICT OF KAMYSH-SAMARA LAKES

The article is devoted to the statistical review of the Late Sarmatian burials of the Kamysh-Samara Lakes in the 70s of the last century. The statistical sample of the local group consisted of 16 burials with characteristic features for Late Sarmatian culture. The initial analysis of the near-burial space, funeral rite and inventory revealed a number of peculiarities that suggest that late Sarmatian barrows of the right bank of the river. Urals closer gravitate to similar monuments in the lower part of the Volga and the Don.

Иванов Г.Л.
Иркутский областной краеведческий музей
Иркутск, Россия

УДК 902(571.5)

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КУДИНСКОЙ ДОЛИНЫ (ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ)

Ключевые слова: река Куда, ранний железный век, артефакт, могильник, археологический материал.
Keywords: river Kuda, early Iron Age, artifact, burial ground, archaeological material.

Вступление

Река Куда – крупнейший восточный приток р. Ангары, а окружающая её долина является одним из трех степных островов Западной части Байкальской Сибири. Наряду с Приольхоньем и Аларской степью, Кудинская долина считается остатками крупного реликтового степного пространства, существовавшего на данной территории со плейстоцена, которое продолжает сокращаться из-за естественного увеличения площади лесных массивов. Преобладание степного пространства в ряде регионов Байкальской Сибири не могло не способствовать формированию и функционированию в эпоху железа скотоводческих сообществ самых различных масштабов, которые сильно отличались по своему культурному облику от охотников-собирателей Предбайкалья эпохи неолита – бронзового века. Кудинская долина является своего рода коридором, соединяющим долину реки Ангары, верхнее течение реки Лены и Приольхонье, поэтому изучение расположенных здесь археологических объектов представляется в высшей степени актуальным.

Периодизация истории исследований

Археологическое изучение Кудинской долины началось в 1880-м г. и достаточно четко распадается на три этапа

1-й этап 1880 – 1936 гг. – период накопления фактов, основной упор делается на исследование стояночных и поселенческих комплексов, а так же «городищ», причем раскопочные работы в Кудинской долине началипроводится только в 1-й четверти XX в.. В этот же период появляется первая систематизация археологических источников Предбайкалья и первая периодизация, разработанные профессором Иркутского университета Бэрнгардом Эдуардовичем Петри большей частью на основе собственных полевых исследований (Петри, 1922, 1923, 1928). Основой для анализа материалов железного века станут материалы из поселения Уту-Елга на реке Мурин (левый приток р. Куды).

Своеобразным итогом археологических изысканий этого периода станет монография (первая по счету) ученика Б.Э. Петри – Алексея Павловича Окладникова – Очерки по истории западных бурят-монголов (1937, перизд. 2013). И если Б.Э. Петри обобщает железный век Предбайкалья под понятием «курумчинский этап», то А.П. Окладников конкретизирует его термином «курумчинская культура», которое, однако в его работах не получает развернутой характеристики.

2-й этап 1948 – 1997 гг. – продолжение накопление фактов, однако наряду со стояночными комплексами начинаются исследования погребений. Все собранные данные анализируются на основании этногенетических построений А.П. Окладникова. В 1955 г. в своей очередной монографии А.П. Окладников опубликают ряд наработок, напрямую коснувшись темы археологии долины реки Куды.

3-й этап начался в 1997 г. и связан в первую очередь с внедрением радиоуглеродного датирования, которые позволило пересмотреть часть хронологических построений А.П. Окладникова, хотя его работы и идеи продолжают сохранять актуальность. Одновременно в научных оборот вводится ряд новых понятий – различные керамические типы, а так же на основе полученных полевых материалов саянтуйская культура.

Период раннего железного века

Период раннего железного века представлен в Кудинской долине материалами как погребальных, так и стояночных комплексов. Первая категория археологических объектов на сегодняшний день полностью относится к Культуре плиточных могил (Цыбиктаров, 1998). первую очередь следует отметить могильник Манхай III, исследованный экспедицией под руководством А.П. Окладникова в 1952 г. На тот момент было 10 погребений (из 11 выявленных), которые руководитель раскопок датировал 3-2 вв. до н.э. и связал их появление в Предбайкалье с последствиями хуннской

экспансии в Центральной Азии, которая вызвала миграцию части населения из Забайкалья в Предбайкалье (Окладников, 1955, с. 195 - 196). Одновременно, известен небольшой могильник из трех комплексов Урлэхэ-Хушун I, погребение №1 которого было исследовано в 1995 г. (Туркин, 1997).

Полученный в результате раскопок 1952 г. археологический материал был немногочислен и представлял собой концевые накладки на лук, костяной наконечник стрелы, железный штырь, а также бронзовую пуговицу сферической формы с вертикальными насечками по краю (Окладников, 1955, рис. 66). Одновременно, следует отметить, что все выше перечисленные находки в публикации не привязаны к конкретным комплексам, кроме того раскопки плиточных могил производились не на снос – раскапывалась только центральная часть погребений, а каменная конструкция не разбиралась и не исследовалась.

Исследования могильника Манхай III были возобновлены в 1994 г. иркутским археологом А.В. Харинским, тогда было вскрыто единственное оставшееся не раскопанным погребение №11, причем в отличии от работ 1952 г. было исследовано надмогильное сооружение и раскопана небольшая площадь по периметру комплекса. Находки составили два зуба животного и небольшое количество антропологического материала, на основании размещения которого было установлены ориентация (головой на восток) и трупоположение (вытянуто на спине) (Туркин, 1995, с. 82). Кроме того, по этому комплексу была получена абсолютная дата, составившая 2640±110 (ГИН-7631), которая с учетом калибровки составила 8 в. до н.э. (Туркин, 1995, с. 83, Харинский, Зайцев, Свинин, 1996, с. 76).

Археологи относят плиточные могилы Кудинской к тырганской группе, представители которой выглядят как оградка прямоугольной формы с вертикально поставленными плитами, причем торец как правило представлен одной плитой, а бока одним-двумя рядами вертикально поставленных плит. Сюда включаются следующие объекты: могильник Манхай III- погребения 1, 2, 4, 11, могильник Урлэхэ-Хушун I погребение 1, (Туркин, 1995, с. 83, 2003 – С. 9, Харинский и др., 1997 – С. 13-14,).

В стояночных комплексах материалы раннего железного века – это прежде всего инвентарь 4-го культурного слоя стоянки Балин I и 4-го культурного слоя стоянки Манхай IV, материалы исследований которой сейчас готовятся к публикации (Иванов, Харинский, Номоконова, Лозей, Клементьев, 2017).

В первую очередь, это фрагмент венчика грибовидной внешнеассиметричной формы сосуда закрытой формы, декорированного горизонтальными рядами прямоугольного штампа по зону шейки и косыми насечками по внешнему краю (Балин I) и фрагмент керамики с оттисками шнура, а так же пока на данный момент единственный фрагмент гладкостенного сосуда с рассеченным налепным валиком (5-й культурный слой стоянки Манхай IV).

Кроме того, керамика, подходящая под критерии материалов раннего железного века имеется в материалах поселения Уту-Елга – это фрагмент венчика сосуда простой закрытой формы с грибовидным внешнеассиметричным венчиком. Фрагменты этого сосуда несут на себе оттиски шнура (в качестве технического декора) и тонкие налепные валики, горизонтальные и диагоналевые (Иванов, 2017, с. 40). Аналогичная керамика была так же зафиксирована в подъемных сборах в селе Оек и окрестностях поселка Усть-Орды. Морфологически, описанная выше керамика из Оека, Усть-Орды и Уту-Елги относится к позднему варианту этого керамического типа, который как уже говорилось выше так же может быть датирован ранним железным веком.

Период 3 вв. до н.э. – 12 в. н.э.

В Кудинской долине погребения этого периода не известны, но имеется ряд материалов, которые можно относить к этому временному промежутку. Это комплекс стоянки Манхай IV, по 3-му культурному слою которого имеется абсолютная дата - 2165±150 (СОАН-3585) (Харинский, 2005, С. 208). В комплексе данного памятника имеется сосуд сосновострого типа, который считается одним из отличительных маркеров данного этапа и характеризуется в первую очередь сложным декором, состоящим в основном из двух элементов:

- горизонтальный налепный валик,
- дугообразные вдавления
- прочерченные дугообразные линии (Харинский, 2005, С. 208).

Наряду с прекрасно и затейливо орнаментированной сосновоостровской керамикой в 3-м культурном слое стоянки Манхай IV фиксируется керамика, декорированная рассеченными налепными валиками, нанесенными на сосуды горизонтально и перпендикулярно друг к другу, композициями из пересекающихся дугообразных линий.

Малое количество археологического материала, имеющееся в нашем распоряжении на сегодняшний день не позволяет в полной мере охарактеризовать культурные процессы, протекавшие в Кудинской долине в этот период и определить точные хронологические рамки. Можно говорить о том, что в период с конца I тыс. до н.э. по начало II тыс. н.э. в Кудинской долине фиксируется бытование плоскодонных гладкостенных сосудов ручной лепки, декорированных композициями из позитивного и негативного декора, наиболее распространенной среди которых является налепный валик. В первую очередь, отсутствие закрытых комплексов (в частности) погребений, не позволяет разбить имеющийся массив материала на периоды и определить их характерные черты, но будущие исследования вероятнее всего помогут это сделать.

Кроме того, можно утверждать, что имеющиеся в нашем распоряжении на настоящий момент факты говорят о широких связях и культурной синхронизации сообществ Кудинской долины с остальными частями Предбайкалья в период с конца I тыс. до н.э. по начало II тыс. н.э.

Начало II тыс. н.э. – 15-16 вв.

К этому периоду относятся материалы 4 погребений:

Погребение Галки (Николаев, 2006, с. 59-60)

Погребение 1, Урлэхэ-Хушун II (Авраменко, Харинский, 1995)

Погребение 1,2 Хабсагай (Дашибалов, 2005)

По этим погребений имеется три абсолютные даты охватывающие период от 12 до 15 вв. (Иванов, Харинский, 2017, с. 59, Николаев, 2006, с. 137, Орлова, Сулержицкий, Харинский, 1996, с. 150).

Предметный набор представлен плоскими черешковыми наконечниками стрел, кольчатыми удилами, стременами арочной формы – артефактами достаточно распространенными в Центральной Азии в монгольское время. Все погребения идентичны по ориентировки (Северо-восточный сектор), 4 имеют надмогильные сооружения в виде каменных кладок округлой или овальной формы. Кроме того, в двух погребениях отмечается наличие костей барана (Николаев, 2006, с. 60, Дашибалов, 2005, с. 230).

Отдельно следует коснуться вопроса о керамике, в двух погребениях (Хабсагай погр. 1 и 2) имеются два лепных керамических сосуда, два из которых имеют дно округлой формы. На сосуде из погребения 1 есть декор в виде резной сетки и рассеченного налепного валика. Появление новой формы дна сосудов в 12 в. (при продолжении бытования плоскодонных сосудов), тем не менее не мешает сохранению старой традиции орнаментации, что неоднократно отмечалось исследователями (Николаев, 2006, с. 73, Харинский, 2001, с. 89, 93).

Необходимо оговорить, что ориентировка погребенного в северо-восточном направлении и наличие костей барана (хотя данное обстоятельство важным признается не всеми) считаются исследователями признаками культурного влияния монголоязычных кочевников (Коновалов, 2016, Именохоев, 1985, Именохоев, 1988 – С. 112, 1989 – С. 56, 61, Харинский, Ковычев, Крадин, 2016, с. 68).

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что период железного века в Кудинской степи охватывает период с 7-6 вв. до н.э. вплоть до середины II тыс. н.э. Полная и ясная картина культурно-хронологических процессов, протекавших здесь в это период еще не создана, и поэтому необходимо целенаправленное и планомерное исследование всех имеющихся материалов, а также поиск и дополнение новых. Наиболее актуальным и продуктивным направлением в анализе археологических материалов железного века на наш взгляд представляется изучение фрагментов керамических сосудов, как самой массовой категории инвентаря.

Литература:

Авраменко, В.Н., Харинский, А.В. Предбайкальские погребения в колодах: ареал распространения и хронология. // Вопросы археологии Сибири. Кемерово, 1995. С. 108 – 110.

Агапитов, Н.Н. Прибайкальские древности. Изображения на утесах. Городища.// ИВСОИРГО. 1881. Т. XII, №4-5. Иркутск, 1882 – С. 1-23.

Дашибалов, Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.

Дашибалов Б.Б. Средневековые захоронения саянтуйской культуры на р. Куде// ИЛДТ ИрГТУ, вып. 3, 2005. С. 230 – 236

Иванов Г.Л., Харинский А.В., Лозей Р. Дж., Номоконова Т.А., Клементьев А.М. 18. Балин I – стоянка железного века в долине реки Куды // Известия Лаборатории древних технологий, т 13, вып.2. 2017. С. 44 – 69.

Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск : ВО Наука, 1992. С. 23-48.

Именохоев Н.И. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде (по данным археологии) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ: БВ СО АН СССР, 1988 – С. 108 – 128.

Именохоев, Н.В. К вопросу о культуре ранних Монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-восточной Сибири в средние века: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1989 – С. 55 – 62.

Именохоев, Н.В., Коновалов, П.Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985 – С. 69 – 86

Николаев, В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII – XIV веках: усть-талькинская культура. – Владивосток – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 306 с., илл.

Окладников, А.П. Очерки по истории западных бурят-монголов. – Л.: Соцэкгиз, 1937 – 428 с.

Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. (История Якутской АССР, т. 1) М.-Л.: АН СССР, 1955. 432 с.

Орлова Л.А., Сулержицкий Л.Д., Харинский А.В. Радиоуглеродное датирование и некоторые аспекты истории населения Западного побережья озера Байкал в XI – XVI вв. // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 147-150.

Петри Б.Э. Вторая поездка в Прибайкалье// Изв. РКИСВА. Сер. II, №3, 1914. С. 89 – 106.

Петри Б.Э. Среди кудинских бурят. Отчет о командировке Б.Э. Петри и В.А. Михайлова// Изв. РКИСВА. Сер. II, №2, 1913. С. 92 – 110.

Туркин Г.В. Новые данные по плиточным могилам Предбайкалья // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово. 1995. С. 82-83.

Туркин, Г.В. Лесостепное Предбайкалье в конце II – I тыс. до н.э. (по материалам погребальных комплексов): автореф. дисс. к.и.н. – Иркутск, 2003 – 24 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001 – 199 с.

Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н. Могильник Окошки I в юго-восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII—XIV вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Казань – Ялта – Кишинев: Стратум-плюс, 2016 – С. 65 – 68.

Харинский, А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий, вып.3., 2005. С. 44 – 69.

Харинский, А.В., Зайцев, М.А., Свинин, В.В. Плиточные могилы Приольхонья// Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 64 – 78.

Цыбиктаров, А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1998. – 286 с.

Иванов Г.Л. Памятники железного века Кудинской долины (Западная часть Байкальской Сибири)

Резюме

Публикация подводит предварительные итоги изучения памятников железного века в долине реки Куды (от 7-6 вв. до н.э. до 15 в. н.э.), которые на данный момент дифференцируются на три больших периода - ранний железный век (7-6 вв. до н.э. – 3-2 вв. до н.э.), период I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э. и период 12 – 15 в. Для каждого периода описывается и анализируется имеющийся в наличии комплекс артефактов, наиболее многочисленным из которых являются фрагменты керамических сосудов ручной лепки.

Summary

The publication summarizes the preliminary results of the study of the Iron Age monuments from the Kuda River valleys (from the 7th - 6th centuries BC to the 15th century AD), which are currently differentiated into three large periods

- Early Iron Age (from the 7-6 centuries BC to the 3-2 centuries BC), the period from the first millennium BC to beginning of the second millennium AD and the period of the 12 - 15 centuries. There is description and analysis of artifacts complex for each period, the most numerous of which are parts of handicraft modeling ceramic vessels.

Ковалев А. А.
Институт археологии РАН,
Москва, Российская Федерация

УДК 903/904

ЗАХОРОНЕНИЯ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ В МОГИЛАХ СИНЬЦЗЯНА - НОВОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СИНЬЦЗЯНСКОЙ ГИПОТЕЗЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ

Ключевые слова: оленные камни, кенотафы, предскифский период, ранний железный век, Синьцзян, Монгольский Алтай, Восточный Тянь-Шань, Восточная Европа, Северный Кавказ
Keywords: deer stones, cenotaphs, Early Iron Age, Xinjiang, Mongolian Altai, East Tian-Shan, East Europe, North Caucasus

В конце прошлого века мною была обнародована гипотеза о происхождении традиции оленных камней «западного региона» с территории Джунгарии и Монгольского Алтая (Ковалев, 2000). Основаниями для такого вывода послужило, в в первую очередь то, что именно здесь встречены оленные камни со всеми специфическими признаками «западных» стел, а также, среди них, камни, не имеющие черт, отсутствующих у европейских изваяний. Под специфическими признаками западных оленных камней мною подразумеваются изображения двух (а не трех!) косых черт на передней грани, узкой ленты-диадемы и длинного меча, лезвие которого заходит на боковую грань. Эти признаки отделяют оленные камни западного региона в том числе от остального массива оленных камней т.н. «саяно-алтайского» и «общеевразийского» типов по Волкову (Волков, 2002, с. 19). В статьях 1986, 1992 и 2000 годов мною было выражено мнение о том, что т.н. «общеевразийские» изваяния не могут считаться отдельным типом, а являются всего лишь оленными камнями «саяно-алтайского» облика, на которых отсутствуют изображения животных (Ковалев, 1986; 2000, с. 171, 173; Kovalev, 1992, S. 77). Об условности выявления «общеевразийского типа» и особой связи его с «саяно-алтайским» говорит и Д.Г.Савинов (Савинов, 1994, с. 82; 2016, с. 127). В моей статье 2000 года были приведены также находки предметов «черногоровского» облика из Синьцзяна, в том числе бронзовых мечей и кинжалов с прямым пластинчатым перекрестьем, схожих с изображенными на местных оленных камнях, втульчатых наконечников стрел с лавролистным пером и валиками на втулке.

Некоторые утверждения в статье вызвали ряд справедливых критических замечаний В.С. Ольховского и С.Л. Дударева (Ольховский, 2000; Дударев, 2001), касающихся как интерпретации облика изображенных на европейских изваяниях предметов, так и хронологии рассмотренных памятников. Эти замечания, за которые я благодарен коллегам, никоим образом не касаются существа моей гипотезы о происхождении рассматриваемой традиции. Предложенный мною состав специфических признаков оленных камней западного региона никем не был оспорен. Необходимо оговорить, что при выделении указанных признаков я заведомо не включал в их число изображения местных, «европейских» реалий, не имевших распространения на востоке: кавказских поясов и топоров, бусин типа «Михайловского клада» и т.п. В то же время очевидно, что прародину оленных камней Европы можно установить только лишь выделив их специфические признаки на фоне т.н. «общеевразийского» типа таких изваяний, а не описывая общие черты таких оленных камней или оленных камней Евразии в целом. Общие рассуждения об истоках этого типа статуарных памятников вряд ли могут иметь какой-либо эвристический смысл, тем более не могут приблизить нас к решению проблемы характера распространения традиции (миграция или диффузия идей), ее связи с определенным этносом или известными по письменным источникам историческими событиями (проблема «киммерийцев»). Примеры таких общих рассуждений, приводящих авторов к совершенно противоположным выводам, к сожалению, нередки (см. напр. Членова, 2004; Пыслару, 2016, с. 136-143).

Дискуссия, завершившаяся в 2001 году (Ольховский, 2000; 2005, с. 18-93), ясно показала, что хотя оленные камни Восточной Европы были первоначально связаны с черногоровским контекстом, традиция их изготовления продолжает развитие и в новочеркасский период вплоть до начала VII века до н.э. Эти соображения заставили меня вновь обратиться к интерпретации находок «западных» оленных камней в могильных ямах: ведь в статье 2000 года, исходя из приоритета черногоровской атрибуции изваяний, я объяснял такие находки переиспользованием стел при устройстве могил

новочеркасского горизонта (Ковалев, 2000, с. 158-161). К такому выводу подталкивали и обстоятельства находок этих оленных камней: в погребении 6 кургана 25 у Кичкасской переправы стела была найдена на глубине 2,6 м в каменно-земляном заполнении, а в кургане №1 у станицы Усть-Лабинской «двойной» оленный камень, как выяснилось, был обнаружен на глубине 8 метров от вершины кургана ранней(!) частью вверх в каменной засыпи могильной ямы с новочеркасским инвентарем; его случайное попадание в могилу через грабительскую воронку с вершины кургана на такую глубину практически исключено (Ковалев, 2000, с. 160, рис. 11). Если усть-лабинский оленный камень был все же связан с устройством этой могилы, следовало предположить, что это изваяние было специально закопано на большую глубину, причем верхом вниз. Такую возможность в 2000 году я отверг, исходя, как и предшествующие исследователи (Членова, 1984, с. 50-54; Ольховский, 1990, с. 114-115), из ложных соображений «здравого смысла»: предполагалось, что оленные камни являются намогильными памятниками и должны были выставляться на вершинах курганов.

За прошедший с 2000 года период в ходе масштабных раскопок в Туве и Монголии были получены материалы, принципиально изменившие наши представления о назначении оленных камней. Выяснилось, что эти изваяния использовались в качестве памятников-кенотафов, символизируя отсутствующее тело умершего: об этом говорят как контекст оленных камней, устанавливавшихся в Монголии, так и случаи намеренного захоронения оленных камней в курганах алды-бельской культуры Тувы (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; Ковалев и др., 2014; 2016). Наша экспедиция впервые в истории предприняла раскопки большими площадями ритуальных и ритуально-погребальных комплексов с этими изваяниями: в 2001 году – херексура Хар говь в горах Монгольского Алтая, а в 2006 и 2013 годах – двух выдающихся ритуальных комплексов Суртийн дэнж и Ушкийн увэр в Хубсугульском аймаке. При этом комплекс Суртийн дэнж был исследован полностью, а на Ушкийн увэр сплошным раскопом была охвачена площадь как минимум трех обособленных ансамблей, состоявших из изваяний и иных ритуальных объектов. Выяснилось, что в Центральной Монголии вокруг каждого ряда оленных камней сооружался точно такой же комплекс поминальных сооружений, как и вокруг курганов с реальными захоронениями: прямоугольная платформа со стелами, каменные колечки с зольниками (с запада) и каменные насыпи с захороненными останками лошадей (с востока). Так что оленный камень почитался таким же образом, как и захоронение человека. В Западной Монголии оленные камни, напротив, устанавливались рядом с погребальными курганами-херексурами (с оградой, соединенной с насыпью «лучами») или на их насыпи. Однако, несмотря на то, что в кургане обнаруживается захоронение одного человека, оленных камней, как правило, гораздо больше. Вероятно, это были символические обозначения других умерших людей, находившихся в родственных отношениях с погребенным в херексуре.

Одновременно в Туве, в алды-бельском кургане 1 могильника Бай-Даг-8 были впервые открыты два несомненных случая намеренного захоронения оленных камней на площади кургана внутри ограды: один камень был уложен на древний горизонт и засыпан выкидом из могильной ямы, второе изваяние было уложено на древний горизонт по линии запад-восток и аккуратно заложено камнями насыпи (Ковалев и др., 2014, с. 51-53). В других алды-бельских курганах оленные камни в горизонтальном положении были захоронены над погребениями (Килуновская, Семенов, 2014, с. 40). Таким образом, и здесь изваяние замещало реального погребенного.

С этой точки зрения нет ничего удивительного в намеренном захоронении оленных камней и в могилах предскифского периода Восточной Европы. В контексте этих данных получает убедительное объяснение феномен «двойных» оленных камней: Усть-Лабинского и Зубовского: если изображение символизировало отсутствующее тело погребенного и камень подлежал захоронению, то его обозрение не предполагалось вовсе.

Единственный восточноевропейский оленный камень, расположение которого в могильной яме нам известно – Усть-Лабинская стела, – обнаружен, как говорилось выше, в заполнении могилы в вертикальном положении. Это сильно отличается от алды-бельских захоронений оленных камней, которые во всех известных случаях были уложены горизонтально (Ковалев и др., 2014, с. 51-52; Килуновская, Семенов, 2014, с. 39-40; Чугунов, 2014, с. 137-139). Могло ли население, давшее начало традициям восточноевропейских оленных камней, захоранивать эти изваяния, в отличие от алды-бельцев, именно в вертикальном положении? Факт обнаружения таких захоронений оленных камней придал бы дополнительный вес нашей гипотезе о происхождении этих европейских антропоморфов.

Положительный ответ на этот вопрос дали новейшие раскопки в Синьцзяне, где в 2011-2012 годах были найдены две могилы с оленными камнями, захороненными именно в вертикальном положении.

Курган М32 могильника Нуэрцзя.

Краткий отчет о раскопках этого памятника опубликован в журнале «Вэньу» и в коллективной монографии Синьцзянского института культурного наследия и археологии (Синьцзян вэньу, 2013; 2015, с. 164, 171). Могильник расположен к западу от Урумчи, на северных склонах Тянь-Шаня, в волости Ашили городского уезда Чанцзи Чанцзи-Хуэйского автономного округа. Курган М32 представлял собой каменную насыпь диаметром 10,4 м, высотой 0,4 м. (рис. 1, 1). При разборке насыпи в ее центральной части была зачищена подовальная ограда из валунов, уложенных на уровне древнего горизонта, окружавшая скелет особи мелкого рогатого скота без передних конечностей и головы, лежавший на левом боку. К сожалению, данных о точном расположении этого комплекса в публикациях не приводится. Судя по приведенной фотографии, захоронение туши животного не было потревожено постдепозиционнными процессами. Сообщается, что после разборки выкладки и скелета животного «при зачистке» (здесь же?) выявилось пятно могильной ямы. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы имела размеры в плане 2,4х1,1 м, глубину 1,1 м, ориентирована длинной осью по линии юго-восток – северо-запад (рис. 1, 1-3). При выемке заполнения в северо-западной части ямы был обнаружен оленный камень, стоящий в вертикальном положении с наклоном к западу (рис. 1, 2). Верх изваяния, как сообщается, зафиксирован на глубине 0,7 м. Высота стелы составляет 0,63 м. Таким образом, при глубине ямы 1,1 м, основание оленного камня должно было находиться непосредственно на дне могилы, на костях погребенного. Приведенный раскопщиками план погребения показывает, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад. Как раз на месте нахождения оленного камня располагался череп погребенного, который был, судя по описанию и чертежу, раздавлен просевшим вниз изваянием. Судя по приведенным данным, могила не была ограблена, и оленный камень был установлен в ее заполнении намеренно. Стела не могла быть первоначально установлена на перекрытии на уровне горизонта, поскольку в этом случае при обрушении перекрытия образовалась бы воронка, заполненная камнями насыпи, что не было зафиксировано раскопщиками. Профиль кургана и план могильной ямы показывают, что перекрытие должно было опираться на невысокие заплечики, и именно на уровне этих заплечиков и был поставлен оленный камень, засыпанный каменно-земляной наброской.

На передней грани оленного камня изображены две косые черты – отличительный признак «европейских» изваяний, на левой грани глубоким рельефом изображено крупное височное кольцо, на правой грани, по описанию – такое же кольцо, а под ним округлая ямка(?) (рис. 1, 4).

Курган М11 могильника Борат 3 (участок 2)

Об этом памятнике нам известно только по отрывочной информации из четырех предварительных публикаций (Синьцзян вэйуэр, 2011, с. 47; Юй Цзяньцзюнь, 2011, 2013а; 2013б). Могильник находится в волости Имик (Воимокэ) уезда Бурчун, к западу от селения Борат (Болатэ). Раскопки проводились в 2011 году. В трех курганах «участка 2» (все с округлыми каменными насыпями высотой до 0,5 м): М2, М9, М11 (Синьцзян вэйуэр, 2011, с. 47; Юй Цзяньцзюнь, 2011; 2013а), были впервые в Синьцзяне обнаружены могилы, представляющие собой земляные ямы с дромосом, отходящим от могильной ямы на восток; «вход» из дромоса в могильную яму закладывался каменными плитами. В кургане М11 (Синьцзян вэйуэр, 2011, с. 47) в дромосе был обнаружен вертикально установленный на дне дромоса оленный камень, на левой грани которого глубоким рельефом изображено крупное височное кольцо, ниже – ожерелье (судя по фотографии, огибающее камень как минимум и с тыльной стороны), а еще ниже – фигура лошади (? – на фотографии не просматривается) (Юй Цзяньцзюнь, 2013б, с. 77) (рис. 1, 7). Судя по фотографии, приведенной в своде памятников археологии уезда Алтай (Синьцзян вэйуэр, 2011, с. 47), оленный камень был обнаружен в самом начале зачистки дромоса с его восточной стороны, около входа. Вокруг изваяния, в заполнении дромоса, был выявлен каменный заклад, причем на фотографии камни по периметру заклада, видимо, лежат на древнем горизонте, а ближе к оленному камню западают (рис. 1, 5). В дальнейшем, как показывает фотография из публикации 2013 года (Юй Цзяньцзюнь, 2013б, с. 77), раскопщики снесли каменный заклад и прокопали заполнение дромоса далее к востоку (рис. 1, 6). Думаю, что оленный камень был вкопан вертикально на всю длину в земляное заполнение дромоса, для устойчивости обложен камнями, а затем перекрыт каменной насыпью кургана.

Судя по опубликованным фотографиям, могила в кургане 11 была устроена наподобие дромосных могил в курганах тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, 2015, с. 24-28; Казахстан в сакскую эпоху, 2017, с. 77-86). Характерными чертами таких памятников является восточное или юго-восточное направление дромоса, устройство каменного заклада между коридором

и могилой. Заполнение дромосов тасмолинской культуры различно: иногда прослеживается каменное или деревянное перекрытие и затек в дромос грунта, слагающего насыпь, иногда «участки дромоса завалены камнями» (Бейсенов, 2015, с. 24). В нашем случае, очевидно, дромос был заполнен землей до сооружения каменной насыпи кургана, поскольку в ином случае запад камней прослеживался бы по всей его длине, а не только в месте установки стелы. С курганами тасмолинской культуры связан ряд находок антропоморфных изваяний и каменных стел (Бейсенов, 2016), однако ни одной стелы, изваяния или тем более оленного камня в дромосах таких курганов не найдено, поэтому захоронение вертикально установленного оленного камня в дромосе необходимо считать следствием реализации местной, синьцзянской традиции.

Время сооружения обоих рассматриваемых курганов может быть установлено лишь приблизительно, по косвенным данным. В кургане Нуэрцзя М32 находок не было, инвентарь кургана 11 могильника Борат 3 не опубликован. Архитектура курганов, особенности погребального обряда и, собственно, находки установленных в заполнении могил оленных камней позволяют отнести эти комплексы к раннескифскому периоду. Очевидно, что рассматриваемые памятники не должны считаться заведомо более ранними, чем оленные камни Европы, связываемые с черногоровским или новочеркасским контекстом, однако их обнаружение в Синьцзяне говорит о бытовании здесь традиции захоронения оленных камней, истоки которой могут уходить в более глубокую древность.

Оба оленных камня, найденных в могилах Синьцзяна, захоронены в вертикальном положении. Таким же образом была установлена, предположительно, и Усть-Лабинская стела. По набору признаков они не выходят за пределы «восточноевропейского» стандарта подобных изваяний, для которого обычны изображения ожерелья, височных колец и отдельных фигур животных. Особое внимание должно быть обращено на две (а не три!) косые черты на передней грани изваяния из Нуэрцзя: это специфичный признак для оленных камней западного региона.

Интересно, что в 1993 году в Синьцзяне был обнаружен еще один оленный камень в кургане – над могильной ямой кургана М9 могильника Далункоу (уезд Джимсар (Цзимусаэр) Чанцзи-Хуэйского автономного округа), около 100 км к востоку от могильника Нуэрцзя (Синьцзян вэньу, 1994, с. 3, 4, 8). Курган М9 имел каменно-земляную насыпь диаметром 54 м, высотой в центральной части около 2 м, с северо-запада сопровождался двумя дугами из каменных колечек. Оленный камень был найден «в 0,5 м выше устья могильной ямы», в слое «спрессованной земли насыпи», он лежал горизонтально, примерно по линии север-юг. Более точные сведения о его местонахождении отсутствуют. «Устье» могильной ямы имело размеры в плане 4,6х4 м, яма двумя уступами спускалась на глубину более 4 м. Могила, судя по опубликованным данным, была начисто ограблена в древности. Установить, является ли расширение верхней части могильной ямы особенностью ее конструкции либо это края грабительской воронки, не представляется возможным, поэтому остается неизвестным, был ли вкопан оленный камень в насыпь или заполнение могилы или он был изначально установлен на насыпи кургана. Оленный камень общей высотой 1,85 м, как и вышеописанные изваяния, относится к т.н. «общеевразийскому типу», с боковых сторон имеет изображения кольцевых «серег», с лицевой стороны – три косые черты, тонкой горизонтальной линией изображен пояс, от пояса на боковых сторонах вниз отходят неясные линии, видимо – изображения каких-то предметов. Ниже пояса нанесены неясные рисунки животных(?). Необходимо отметить, что опубликованная в 1994 году прорисовка изваяния весьма далека от оригинала, что становится ясным при рассмотрении фотографий боковых граней (Сычоу чжи лу, 2008, с. 199; Синьцзян вэйуэр, 2011б, с. 197).

За годы, прошедшие со времени выхода в свет моей статьи 2000 года, в Синьцзяне были обнаружены десятки новых оленных камней (Синьцзян вэйуэр, 2011б, с. 152-201). В подавляющем большинстве они относятся к т.н. «общеевразийскому типу», некоторые из них имеют не три, а только две косые черты на передней грани. Контекст их нахождения в большинстве случаев неясен, за исключением оленных камней, устанавливавшихся около херексуров «с лучами» (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; Ковалев и др., 2014, с. 50-51). Однако херексуры «с лучами» распространены только в горах Монгольского Алтая, далее к югу и западу их количество ничтожно мало. Поэтому синьцзянские оленные камни северных предгорий Тянь-Шаня и Джунгарии, скорее всего, связаны с иными видами наземных сооружений. С другой стороны, как установлено работами нашей экспедиции, элитные херексуры «с лучами» и аналогичные рядовые курганы того же времени Монгольского Алтая содержат под насыпью погребальную камеру – высокую цисту с погребением на горизонте (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 108-110); на Монгольском Алтае вплоть до хуннского времени господствовал обычай захоронения на горизонте (Зайцева и др., 2008, с. 28). Большинство курганов раннескифского времени из северного Синьцзяна западнее и южнее Монгольского Алтая,

напротив, имеет погребения в грунтовых ямах (см. Синьцзян Саэньсаи, 2013; Синьцзян Алэтай, 2015, с. 22-215; Синьцзян Чанцзи, 2015). Как раз в таких могилах и были найдены in situ рассматриваемые изваяния.

Как известно, погребения, с которыми предположительно могли быть связаны оленные камни Европы, также совершены в грунтовых ямах; обычай захоронения на горизонте для предскифского времени Северного Причерноморья и Северного Кавказа не характерен. Поэтому вершины и восточные склоны Монгольского Алтая можно исключить из предполагаемой прародины европейских оленных камней. Носители этой традиции, вероятно, мигрировали в Западную Евразию не непосредственно с Алтая, а с земель, прилегающих с севера к Восточному Тянь-Шаню. Были ли этим народом загадочные «киммерийцы» и нашел ли его исход отражение в рассказе Геродота – вопрос, который нужно решать, принимая во внимание, что в этом же районе, между Восточным Тянь-Шанем и Алтаем, находится предполагаемая прародина европейских скифов, вторгшихся в Переднюю Азию вслед за киммерийцами (Ковалев, 2014).

Итак, находки изваяний, захороненных в подкурганных могилах Внутренней Азии, служат еще одним аргументом в пользу гипотезы о синьцзянском происхождении «европейской» традиции оленных камней. С другой стороны, эти данные подкрепляют идею о намеренном захоронении европейских оленных камней в могильных ямах.

Литература:

Бейсенов А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 11-38.

Бейсенов А.З. Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи //Вестник Хакасского государственного университета. – 2016. – №16. – С. 17-22

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Дударев С. Л. О дискуссионных вопросах изучения предскифского периода на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе // Материаллы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. II. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – С. 84-100.

Зайцева Г.И., Ковалев А.А., Тишкин А.А., Дирксен В.Г. Радиоуглеродная хронология культур Тувы, Алтая и Монголии начала раннего железного века // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 27-30.

Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4). – С. 36-40.

Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х.Маргулана, 2017. – 228 с., 16 с. илл.

Ковалев А.А. О культуре оленных камней // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. Часть 1.– М.: Из-во «Наука», Гл. ред. вост. лит., 1986. – С. 51-56.

Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 138-180.

Ковалев А.А. Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 124-136.

Ковалев А. А., Рукавишникова И. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни - это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4). – С. 41-54.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 99-105. (Труды САИПИ. Выпуск 3).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн увэр (по результатам исследований 2013 года) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Том 44. – № 1. – 2016. – С. 20-30.

Ольховский В. С. О северокавказских стелах эпохи раннего железа. – Советская археология. – 1990. – №3. – С. 113-123

Ольховский В. С. Монументальная скульптура кочевников Евразии: проблемы источниковедения // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 253-276.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.

Пыслару И. Феномен евразийских степей в раннем железном веке и о киммерийцах в Карпатско-Дунайском регионе // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 132-145.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.

Савинов Д.Г. Некоторые актуальные аспекты изучения проблемы оленных камней // Алтай в кругу евразийских древностей. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 123-143

Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Членова Н.Л. Северный Какваз – Синьцзян – Монголия // Археологические памятники раннего железного века Юга России. – М., 2004. – (Материалы и исследования по археологии России, № 6) – С. 220-244.

Чугунов К. В. Оленные камни Чинге-Тэя (предварительное сообщение) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 4). – С. 136-140.

На китайском языке

Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Алэтай дицю цзюань (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учёта объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Округ Алтай) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района) – сост. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. – 2011а. – 225 с.

Синьцзян вэйуэр цзычжицю ди сань ци цюаньго вэньу пуча чэнго цзичэн. Синьцзян цаоюань шижэнь ю луши (Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учёта объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Каменные бабы и оленные камни степей Синьцзяна) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу цзюй (Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района) – сост. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2011б. – 202 с.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо, Чанцзи хуйцзу цзычжичжоу вэнь гуаньсо Цзимусаэр сянь вэньу гуаньлисо. Цзимусаэр сянь Далункоу гу муцзан (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна, Управление культуры Чанцзи-Хуэйского автономного округа, Бюро культурного наследия уезда Чжимсар. Древние могильные сооружения в Далункоу, уезд Чжимсар) // Синьцзян вэньу. – 1994. - №4. – С. 1-11.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 году могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжичжоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) // Вэньу. – 2013. – №12. – С. 22-36.

Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо. Чанцзи ши Нуэрцзя муди 2012 нянь фацзюэ цзяньбао (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна. Краткий отчет о раскопках в 2012 году могильника Нуэрцзя в городском уезде Чанцзи) // Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжичжоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) / Синцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна) – сост. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – С. 160-173.

Синьцзян Алэтай дицю каогу ю лиши вэньцзи (Сборник статей об археоологии и истории округа Алтай, Синьцзян) / Синцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна) – сост. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – 498 с., 100 с. ил. (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи у).

Синьцзян Саэньсаи муди (Могильник Саэньсаи в Синьцзяне) / Синцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна) – сост. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2013. – 261 с., 99 с. ил. (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи сань).

Синьцзян Чанцзи хуйцзу цзычжичжоу каогу дяоча ю фацзюэ (Археологические разведки и раскопки в Чанцзи-Хуэйском автономном округе) / Синцзян вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзяна) – сост. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – 218 с., 87 с. ил. (Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо цункань; чжи сы).

Сычоу чжи лу. Синьцзян гудай вэньхуа (Шёлковый путь. Древняя культура Синьцзяна) / Ци Сяошань, Ван Бо – сост. – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. – 304 с.

Юй Цзяньцзюнь. Буэрцзинь сянь Еламань муцюнь каогу фацзюэ (Археологические раскопки в Еломан, уезд Бурчун) // 2011 вэньу каогу няньбао (Летопись культурного наследия и археологии за 2011 год) / Синьцзян вэйуэр цзычжицю вэньу каогу яньцзюсо (Институт культурного наследия и археологии Синьцзян-Уйгурского автономного района) – сост. Урумчи. С. 24.

Юй Цзяньцзюнь. Синьцзян Буэрцзинь сянь Болатэ сань хао муцюнь цянцзю син фацзюэ (Раскопки спасательного типа могильника Борат 3 в уезде Бурчун, Синьцзян) // Чжунго вэньу бао. – №8 (15.03.2013). – 2013а.

Юй Цзяньцзюнь. Болатэ муцюнь каогу фацзюэ цзи (Записки о раскопках могильника Борат) // Дачжун каогу. – 2013б. – № 6. – С. 75–79.

На немецком языке

Kovalev A. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chenesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). – Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. – (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichbaren Archäologie; Bd. 50). – S. 46-87.

Резюме

А.А.Ковалев

ЗАХОРОНЕНИЯ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ В МОГИЛАХ СИНЬЦЗЯНА: НОВОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГИПОТЕЗЫ СИНЬЦЗЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ

В статье приводятся данные о находках оленных камней, захороненных в вертикальном положении в подкурганных могилах Синьцзяна. На взгляд автора, обнаружение этих захоронений подкрепляет его гипотезу 2000 года о синьцзянском происхождении оленных камней западного региона, поскольку таким же образом была захоронена и Усть-Лабинская стела на Северном Кавказе. Один из захороненных синьцзянских оленных камней имел две косые черты на передней грани, что является специфическим признаком европейских оленных камней. В то же время факт намеренного захоронения оленных камней в могилах подтверждает предположение об использовании этих изваяний в качестве памятников-кенотафов, замещающих реального погребенного.

Summary

A.A. Kovalev

BURIALS OF DEER STONES IN XINJIANG ANCIENT GRAVES: NEW CONFIRMATION OF THE HYPOTHESIS ABOUT THE ORIGIN OF EUROPEAN DEER STONES FROM XINJIANG

The article contains data on finds of deer stones deliberately buried in a vertical position in graves of the Xinjiang burial mounds. In the author's view, the discovery of these burials supports his 2000 hypothesis about the Xinjiang origin of “European” deer stones, since the Ust’-Labinsk stele in the North Caucasus was also buried in the same way. One of the buried in Xinjiang deer stones had two incline lines on the front facet, which is a specific feature of European deer stones. At the same time, the fact of deliberate burial of deer stones in graves confirms the assumption of the use of these stelae as cenotaphs, replacing the real buried.

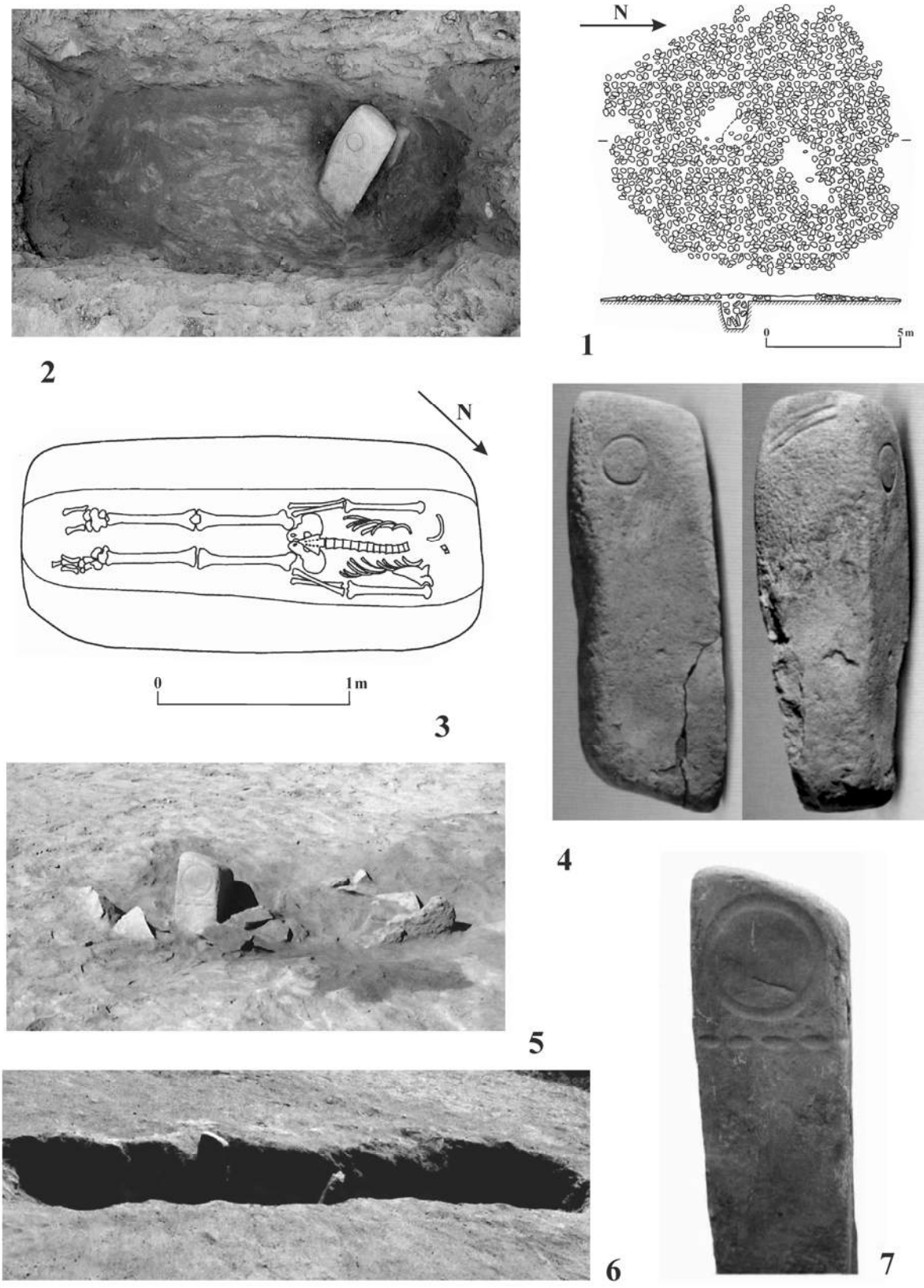


Рисунок 1. 1-4 – Курган М32 могильника Нуэрцзя (по Синьцзян вэньу, 2015). 1 – план и разрез кургана; 2 – положение оленного камня в могиле; 3 – план могилы; 4 – оленный камень. 5-7 – курган 11 могильника Борат 3 (по Синьцзян вэйуэр, 2011; Юй Цзяньцзюнь, 2013б). 5 – оленный камень в начале раскопок дромоса; 6 – дромосная могила с оленным камнем и закладом входа в погребальную камеру; 7 – оленный камень.

Краева Л.А.
Оренбургский государственный
педагогический университет
Оренбург, Россия

УДК 902.6 (С55) К 21

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА[4]

Ключевые слова: гончарство, Западный Казахстан, сарматы, ранние кочевники, технология, керамика
Keywords: pottery, Western Kazakhstan, Sarmatians, early nomads, technology, ceramics

В рамках проекта по изучению ранних кочевников Западного Казахстана[5] с 2012 г. проводилось исследование керамики – самой массовой и наименее изученной категории находок.

На настоящий момент изучено более 1500 сосудов и фрагментов керамики из археологических комплексов VI в. до н.э. – III в. н.э., хранящихся в музеях, научных центрах и учебных заведениях Актюбинской, Атырауской, Мангыстауской, Западно-Казахстанской областей, а также в г. Алматы.

Большинство сосудов происходит из погребений в курганах, а также из святилищ (Мангышлак, Устюрт) и временных стоянок вокруг колодцев (Атырауская область). Сохранность материала везде различна. В погребениях преобладают целые и развалы сосудов. Керамика в святилищах представлена в основном фрагментами, найденными на территории храмовых комплексов на разных уровнях, а также целыми сосудами и развалами из погребений. Керамика на временных стоянках была обнаружена во время разведочных работ и представлена отдельными фрагментами, которые, видимо, были сосредоточены вокруг древних колодцев.

Комплекс исследования включал в себя: 1) технико-технологическое изучение керамики; 2) фотосъемку целых сосудов и фрагментов лепной керамики; 3) макрофотосъемку следов, связанных с изготовлением сосудов (орнаменты, способы конструирования и обработки поверхности, особенности исходного пластичного сырья, формовочной массы и т.д.); 4) метрические замеры керамики; 5) отбор образцов керамики для дальнейшего изучения в стационарных лабораторных условиях.

Целью исследования являлась реконструкция культурных традиций в гончарстве изучаемого населения (савроматская, сарматская культуры). Для достижения цели последовательно решались следующие задачи: 1) выделение исходной информации о технологии изготовления лепной керамической посуды ранних кочевников; 2) реконструкция навыков труда и культурных традиций по всем ступеням гончарного производства; 3) выделение культурных традиций собственного гончарного производства у ранних кочевников Западного Казахстана; 4) реконструкция историко-культурных процессов в Западном Казахстане в раннем железном веке на основе обобщения всех полученных данных по исследованию керамики.

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским (1978; 1999, с. 5-109). К настоящему времени в России создана научная школа, работающая в рамках данного подхода. Историко-культурный подход предусматривает системное выявление, учет и изучение конкретных навыков труда, с помощью которых делалась керамика.

Методика базируется на трасологии, бинокулярной микроскопии и физическом моделировании.

Структура научного исследования включает два уровня: эмпирический и теоретический. На эмпирическом уровне выделяется информация о технологии изготовления каждого конкретного сосуда, проводится обобщение полученной информации по всем изученным сосудам; выделяются технологические традиции; происходит определение их места и времени. В итоге составляется общая

[4] Статья написана при поддержке госзадания Министерства образования и науки России №33.1389.2017/ПЧ

[5] Выражаем глубокую признательность А. Онгарулы за организацию и поддержку работы по исследованию керамики, а также всем коллегам из Казахстана без чьей помощи было бы невозможно выполнение этого исследования.

характеристика изучаемого гончарного производства. На теоретическом уровне осуществляется перевод полученной технологической информации в историческую и реконструкция историко-культурных процессов в среде изучаемого населения.

Фундаментальными основами интерпретации технологической информации и перевода ее в историческую являются: положение об исторически складывающейся системе трудовых навыков в гончарстве, сохранении их в стабильных условиях и различном «поведении» этих навыков в условиях смешения разных в культурном отношении групп населения; положение о механизме передачи приемов труда только контактным способом по родственным каналам из поколения в поколение, что обусловливало образование устойчивых технологических традиций. При этом разные навыки труда реагируют с различной скоростью на возникновение и ход процессов смешения. Субстратные навыки труда (способы формообразования, конструирования полого тела, начина) сохраняются неизменными в течение жизни 5-6 поколений гончаров. Изучая эти навыки, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. Приспособительные навыки труда (приемы отбора, добычи и подготовки исходного пластичного сырья – ИПС, составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей) изменяются достаточно быстро, в течение жизни 1-2 поколений гончаров, поэтому их изучение позволяет получить информацию об истории населения на момент совершения захоронений. Смешение носителей культурных традиций в доремесленном гончарстве отражает и смешение групп древнего населения в целом (Бобринский, с. 242-244).

Выделение технологической информации производилось в рамках естественной структуры гончарного производства, разработанной А.А. Бобринским, которая включает 3 стадии и 10 обязательных ступеней, а также двух необязательных ступеней, присутствующих не во всех гончарных производствах: 11) конструирование служебных частей (ручек, носиков-сливов и так далее.); 12) орнаментирование сосудов.

Структура гончарного производства (по А. А. Бобринскому):

Стадия I – подготовительная: ступень 1 - отбор исходного сырья; ступень 2 - добыча исходного сырья; ступень 3 - обработка исходного сырья; ступень 4 - составление формовочной массы.

Стадия II – созидательная: ступень 5 - конструирование начина сосуда; ступень 6 - конструирование полого тела сосуда; ступень 7 - придание сосуду формы; ступень 8 - механическая обработка поверхностей.

Стадия III – закрепительная: ступень 9 - придание прочности сосуду; ступень 10 - устранение влагопроницаемости стенок сосуда.

В рамках исследования микроскопический анализ проводился при помощи переносного микроскопа МБС-10 и стационарного микроскопа марки Zeiss Stemi 2000C Stereo. Изучались следы на поверхностях и свежих изломах сосудов. Определение способов конструирования, формообразования и обработки поверхностей производилось при увеличении от x8 до x16. Исследование исходного пластичного сырья и состава формовочной массы – при увеличении от x16 до x40. Фотосъемка осуществилась с помощью фотоаппаратов Nikon D90 и D800.

Все образцы перед непосредственным анализом дополнительно нагревались в муфельной печи до 800°C в условиях окислительной атмосферы с целью более точного определения степени ожелезненности сырья и особенностей минеральных добавок.

В лабораторных условиях были проведены эксперименты в виде физического моделирования конструирования сосудов с помощью пластилина или глины, а также проверка на низкотемпературный обжиг и сравнение с существующими эталонными сериями. В полевых условиях – эксперименты по технологии изготовления и бытовому использованию посуды, без которых невозможно понимание приемов работы древних гончаров и способов использования посуды.

В результате исследования была произведена реконструкция гончарных традиций и рассмотрена специфика гончарного производства ранних кочевников Западного Казахстана; выделены локальные географические особенности гончарных традиций; реконструированы историко-культурные процессы региона в раннем железном веке на основе обобщения всех полученных данных по исследованию керамики; выделены признаки бытового и сакрального использования посуды ранними кочевниками Западного Казахстана, особое внимание было уделено технологии изготовления разных типов «курильниц» и способам их эксплуатации.

Отдельно следует сказать о керамике, найденной на временных стоянках вокруг колодцев в Атырауской области и в святилищах Мангышлака и Устюрта, как ранее наименее изученному

материалу (Краева, 2011а, с. 124-139). К сожалению, из-за отсутствия значительного культурного слоя и хорошей стратиграфии стоянок культурная атрибуция такой посуды порой вызывает сомнения. Обычно это толстостенная керамика, изготовленная спирально-жгутовым или кольцевым ленточным налепами. Для ее изготовления использовалась глина с примесями в основном шамота. Керамика, как правило, неорнаментированная, некоторые фрагменты имеют аналогии среди керамики из святилищ, культурная атрибуция которых также вызывает сомнения. Имеем ли мы дело с особой кухонной посудой ранних кочевников, которая не помещалась в захоронения и поэтому не находит аналогий среди погребальной керамики или это инокультурная керамика, не имеющая отношения к сарматской культуре, пока сказать сложно.

Исследованию препятствовали ряд трудностей: 1) за давностью проведённых раскопок не вся керамика могла быть атрибутирована по археологическим комплексам; 2) сохранность керамики, особенно гипсованной, затрудняла ее изучение, т.к. со временем гипс приводит к дегидратации материала и его разрушению; 3) испорченная внешняя поверхность сосудов в результате мытья грубыми материалами (зубными щетками, металлическими губками и т. д), которая делала невозможным изучение обработки поверхности, произведенной древними гончарами; 4) отсутствие ранее проведенных исследований по датированию археологических комплексов, откуда происходит керамический материал[6]; 5) отсутствие признанной научной классификации сарматской керамики и предварительного анализа форм и орнаментов исследуемой керамики.

Кроме того, в процессе исследования также пришлось столкнуться с необходимостью решения в основном историко-технических проблем как фундаментальных (Цетлин, 2010, с. 229-244), так и прикладных, связанных со спецификой изучаемого гончарства.

С учетом структуры гончарного производства и общих вопросов изучения керамики все проблемы были разделены на 8 групп.

Группа I. Классификация керамики.

1) Классификация форм. Общепризнанной классификации сарматской керамики на сегодняшний день не разработано. При характеристике сосудов исследователи прибегают к самостоятельному интуитивно-визуальному описанию. Так, большинство разработанных типологий носят частный характер, выделение типов производилось применительно к керамическому материалу конкретного памятника или рассматривалось в рамках изучения погребального обряда (Пшеничнюк, 1983; Очир-Горяева, 1990, с. 81-92; Клепиков, 2002; Гуцалов, 2004, с. 33-37 и др).

Одними из первых классификаций керамического материала ранних кочевников Южного Приуралья и Поволжья стали классификации К.Ф. Смирнова (1964, с. 108-127) – по савроматской керамике и М.Г. Мошковой (1963, с. 24-30) – по раннесарматской керамике, которые были основаны на массовом материале. Эти построения выявили ряд проблем, которые до настоящего времени не позволяют создать общую, универсальную и логичную типологическую схему: во-первых, отсутствие единого терминологического аппарата; во-вторых, наличие большого разнообразия форм сарматских сосудов и присутствие массы сосудов переходных типов, выделить критерии разделения которых очень сложно.

Например, даже разделение сарматской посуды на группы по форме днища всегда достаточно условно, т.к. наблюдается масса переходных форм между плоскодонными и круглодонными сосудами (Краева, 2003, с. 333), критерий же выделения степени уплощенности весьма размыт, и на рисунках обычно его очень трудно показать.

Выделенные проблемы в морфологии сарматской керамики не разрешены и в более поздней классификации С.А. Скрипкина (1990, с. 30-58, рис. 4-18), которая была направлена на решение вопросов хронологии сарматской культуры. Использование С.А. Скрипкиным методов статистического анализа взамен интуитивно-визуальному описанию, применяемому исследователями ранее, привело к дроблению керамики на множество типов (113 – плоскодонных и 69 – круглодонных), которые часто визуально неотличимы друг от друга. Все это показало сложность привлечения подобных методов к изучению лепной сарматской керамической посуды.

2) Классификация орнаментов. При рассмотрении орнаментации исследователи ограничивались лишь общей характеристикой орнаментов (Смирнов, 1964, с. 120-127; Мошкова, 1974, с. 30-37, рис. 10; Скрипкин, 1990, с.162-163, рис.18).

Изучая семантику орнамента, особое внимание исследователи уделяли сосудам с «пиктограммами». Одними из первых, кто обратил внимание на савроматские сосуды с

---

[6] Выражаем благодарность М. Дуйсенгали и А. Мамедову за помощь в датировании археологических материалов

нестандартной системой орнаментации, были Н.П. Кипарисова и К.В. Сальников (1958, с. 250). Анализируя сосуд со знаками из курганного могильника у с. Клястицкое, они интерпретировали завитки на сосуде как сами изображения баранов. В дальнейшем К.Ф. Смирнов (1964, с. 124-125) связал происхождение знаков на савроматской посуде с «письменными» знаками и асимметричной орнаментацией срубной культуры, а также с влиянием протохорезмийской письменности. Но значительный временной промежуток, разделяющий культуры позднего бронзового века и РЖВ, отсутствие подобных орнаментов на сосудах из погребений «переходного» типа не дают основания сегодня говорить о такой генетической преемственности.

По-видимому, традиция нанесения таких рисунков на сосуды связана с развитием искусства ранних кочевников, для которого характерны изображения различного рода значков, завитков, спиралей на изделиях из металла, кости и камня. Неслучайно, большинство сосудов с пиктограммами приходится на время расцвета звериного стиля, а «исчезновение» – на период схематизации образов в сарматском искусстве (Краева, Богданов, 2000, с. 171).

На наш взгляд, в ближайшее время должна быть выработана общая систематизация форм и орнаментации керамики, доступная и понятная всем исследователям.

Группа II. Изучение исходного пластичного сырья и формовочных масс.

3) *Проблема выделения признаков искусственной и естественной примеси талька.* С данной проблемой пришлось столкнуться ранее при анализе сарматской посуды из Южного Приуралья, актуальной она оказалась и при исследовании материалов из Казахстана. Дело в том, что происхождение примеси талька в керамике различно. Тальк может являться как естественной примесью в глине, так и искусственно введенной гончаром (тальковая дресва). Кроме того, широко распространённый термин «тальковая керамика» является очень условным, так как при визуальном исследовании тальк легко перепутать с некоторыми другими примесями (слюдой, раковиной и др.) или он может оказаться не единственной примесью в формовочной массе посуды, а также примесь талька в незначительной концентрации не всегда фиксируется при визуальном осмотре.

На основе наблюдений и проведения серии экспериментов были выделены определенные признаки, объясняющие нахождение талька в сырье. Однако в ряде случаев однозначное заключение порой дать сложно. Например, сложным для интерпретации остаются случаи, когда частицы талька присутствуют в незначительной концентрации (1-3 включения на 1 $см^2$), а в составе формовочной массы сосуда входит еще и шамот, который не выделяется по цвету даже после вторичного обжига образцов в муфельной печи, так как для его изготовления использовались сосуды из аналогичной глины с шамотом и тальком (Краева, 2010, с. 58-65). Выделение качественных особенностей естественной и искусственной примеси талька является до сих пор одной из актуальных задач в изучении древнего гончарства, а проведенные методические разработки в этом направлении хотя и дали определенные результаты, но требуют продолжения исследований.

4) *Проблема выделения признаков искусственной и естественной примеси слюды.* Как и тальк слюда может являться как естественной примесью в глине, так и искусственно введенной гончаром. А.А. Бобринским были отмечены только случаи существования глин с содержание слюды в качестве естественной природной примеси, а также искусственное попадание ее в сырье при дроблении гранито-гнейсовой дресвы, в составе которой она фиксируется (Бобринский, 1978, с. 105). Проведённые эксперименты показали, что слюду невозможно растолочь без предварительной термической обработки, т.к. она не распадается на отдельные частицы при дроблении в «сыром» состоянии. Вопрос о целесообразности специального добавления слюды в качестве искусственной примеси остается открытым и, чтобы ответить на него, необходим более глубокий анализ.

5) *Проблема выделение видов органических растворов.* В формовочных массах керамики в ряде случаев фиксируются какие-то органические растворы, для которых характерны следующие признаки: участки, пропитанные жидким веществом различного цвета; аморфные пустоты с налетом на стенках; пленки обволакивающие искусственные минеральные примеси; иногда присутствие редких включений измельченных остатков растительности длиной от 0,2 мм до 1-1,5 мм (Бобринский, 1999, с. 85-86; Салугина, 1999, с. 23; Краева, 2011б, с. 53). Рецепты изготовления органических растворов пока остаются неизвестными и в этом направлении ведутся экспериментальные работы (Васильева, Салугина, 1999, с. 240).

6) *Проблема выделения признаков искусственной и естественной раковины.* Раковина как искусственная примесь довольно редко встречается в рецептах формовочных масс сарматской керамики. Однако в качестве естественной примеси часто фиксируется в илах и илистых глинах. В последнее время, на основании многочленных экспериментов выделены признаки искусственной добавки в формовочную массу дробленой раковины пресноводных моллюсков (Салугина, 1994, с.

148; 2006, с. 379-381; Васильева, 1999, с. 192-193; 2005, с. 78). При анализе керамики из святилищ, нам пришлось столкнуться с фактом наличия в формовочных массах морской раковины. В связи с чем возник вопрос об искусственном или естественном характере ее происхождения. Чтобы ответить на него, были начаты сборы и анализ морских глин, а также эксперименты в этом направлении.

7) *Проблема выделения признаков шамота и сухой глины в качестве искусственных примесей.* Признаки искусственной примеси шамота и сухого состояния глины в исходном сырье были детально описаны А.А. Бобринским (1978, с. 106-108). По изученному материалу из святилищ было выдвинуто предположение, что в ряде случаев в качестве искусственной примеси в глину могли добавлять специально обожженную или хорошо высушенную чистую глину, которая не имеет четких следов дробления. Выделение признаков определения данных примесей требует дополнительной разработки.

Группа III. Изучение конструирования посуды.

8) *Определение способов конструирования.* По материалам Западного Казахстана выявлен способ двухслойного конструирования, неизвестный ранее, при котором происходило сильное наложение элементов друг на друга, а в качестве этих «строительных элементов» выступали ленты или короткие ленты (3х10 см). Система наложения остается до сих пор несовсем понятной и еще требует проведения дополнительных экспериментальных работ.

9) *Выделение признаков использования гончарного круга и поворотного столика.* Бытует ошибочное мнение, что если форма сосуда симметричная, то сосуд изготовлен или «подправлен» на гончарном круге. Между тем, обладая высокими навыками в изготовлении посуды, можно слепить «идеальную» форму, не прибегая к гончарному кругу.

А.А. Бобринским было выделено 7 этапов развития функций гончарного круга от использования круга только в роли поворотного столика (РФК-1) до его роли в качестве инструмента для полного вытягивания сосуда из комка глины (РФК-7) (Бобринский, 1978, с. 191, Бобринский, 1991). Отметим, что в качестве поворотного столика мог использоваться не только сам круг, но и подручные предметы, так в некоторых регионах Средней Азии сосуд формовали на диске из глины и навоза, который устанавливался на камень (Пещерева, 1959, с. 30).

Сегодня остается открытым вопрос с какого этапа РФК можно называть сосуд круговым, не имея возможности изучения технологии, а также какие признаки различия между ручными, ножными кругами и поворотными столиками при отсутствии следов на днищах сосудов следует выделять.

Группа IV. Изучение техники орнаментации.

10) *Проблема определения техники орнаментации и инструментов для нанесения декора.* К сожалению, общая методика определения техники нанесения орнамента не существует, как не существует и единой терминологии. Каждый специалист в зависимости от изучаемой эпохи и культуры в своей работе руководствуется собственными представлениям. Между тем есть ряд исследований, которые начали восполнять этот пробел (Калинина, Устинова, 1990, с. 7-19; Волкова, 1996; 1998, с. 135-146). Однако в связи со спецификой орнаментации сарматской керамики не все методические разработки, выделенные на хронологически более раннем материале, к ней применимы, и необходим дополнительный анализ и проведение экспериментальных работ.

Особым интересным направлением в изучении орнаментов на сарматской керамике представляется исследование техники скульптурных орнаментов («шишечки», каннелюры, валики). Например, до сих пор неясно с помощью чего формовались «шишечки» (сосцевидные налепы) по плечу сосуда из кургана 3 могильника Уркач I (№13709 АОИКМ), которые имели стандартные одинаковые размеры и «ячеистые» отпечатки на поверхности (Краева, 2016, с. 103).

11) *Проблема выделения ногтевых отпечатков.* На сарматской посуде, особенно VI-IV вв. до н. э. довольно часто в качестве орнаментиров использовались пальцы гончара, это могли быть как простые вдавления ногтя так и «защипы», а также вдавление с протаскиванием подушечки пальца. Актуальным являются вопросы о целенаправленном или случайном нанесении некоторых ногтевых отпечатков в ходе изготовления сосуда и отделение именно отпечатков ногтя от ногтевидных вдавлений, нанесенных другими инструментами. Очень перспективной представляется совместная работа со специалистами по дактилоскопии.

Группа V. Изучение обработки поверхности.

12) *Проблема определения инструментов и способов обработки поверхности.* Методика определения способов обработки поверхности была детально разработана А.А. Бобринским еще в 1978 году. На сегодня созданы серии эталонов в рамках разных лабораторий. Между тем, в зависимости от наклона инструмента, которым осуществлялось заглаживание, особенностей самого инструмента и из-за нечеткости следов на поверхностях сосудов, определение способа заглаживания

может быть затруднено. На поверхностях сарматской керамики довольно часто встречаются следы, которые трудно пока интерпретировать. По этим причинам требуется внимательный дополнительный сравнительный анализ с эталонами и обращение к экспериментированию.

13) *Проблема интерпретации следов в виде пятен и подтеков.* Иногда на сарматской посуде можно встретить следы в виде различных пятен, разводов и подтеков (Краева, 2015; 2016а). При их обследовании часто возникают вопросы: связаны ли они с дополнительной химико-термической обработкой после обжига или нанесение их произошло до обжига, либо возникло в результате бытового использования. К сожалению, существующие методические разработки не всегда позволяют ответить на эти вопросы. Так, например, остается неясным каким образом и когда были нанесены округлые радиальные пятна-отпечатки на поверхность кувшина из могильника Онайбулак I (АОИКМ) (Краева, 2016а, с. 104, рис. 2, *7-8*). Видимо, этот сосуд относится к серии сарматской керамики с пятнистым обвариванием, которая была выделена в ходе исследования и ранее никем не отмечалась. Однако, чтобы делать более аргументированные выводы при анализе поверхностей в каждом случае требуются дополнительные экспериментальные работы.

Группа VI. Изучение обжига.

14) *Проблема определения режима обжига и вида обжигательного устройства.* В истории гончарства известны 4 основных вида специализированных устройств для обжига керамики – кострища, очаги, горны и печи. Однако строгая методика различения посуды, обожженной в разных обжигательных устройствах отсутствует, т. к. цвет поверхностей сосудов зависит не только от вида устройства, но и от режима обжига, и от вида топлива, а также от химического состава использованной глины и способов дополнительной обработки поверхности (Бобринский, 1991; Цетлин, 2010, с. 236, 238; Салугина, Васильева, 1999, с. 245). В археологической литературе часто фигурируют термины «сероглиняная» и «красноглиняная» посуда даже по отношению к лепной керамике неоднотонного цвета, что, на наш взгляд, является некорректным. Данная характеристика не связана с цветом глины, а окрашенность поверхности зависит от нескольких факторов: вида обжигательного устройства, атмосферы устройства (окислительная или восстановительная), температурного режима обжига и степени ожелезненности глины. Большинство же сарматской керамики имеет пятнистую окраску поверхности в результате неравномерного обжига в непостоянной окислительно-восстановительной атмосфере, видимо, кострового обжига.

Методика определения низкотемпературного обжига была разработана А. А. Бобринским (1989, с. 20-23; 1999, с. 89-93). В Самарской экспедиции по экспериментальному изучению гончарства уже много лет осуществляется многолетняя работа по изучению обжига, которая, возможно, позволит решить ряд вопросов по этой проблеме (Васильева, Салугина, 1999, с. 244-248, 255-257; 2015, с. 13).

Группа VII. Определение сферы использования сосудов.

15) *Проблема выделение следов бытового и сакрального использования посуды.* Проведенные наблюдения и экспериментальные работы позволили выделить признаки бытового и сакрального использования посуды из сарматских захоронений Западного Казахстана (Краева, 2015). Однако большинство из них остаются косвенными и решение проблемы нуждается в дальнейшей дополнительной разработке.

16) *Проблема выделения сакральной посуды и способы использования «курильниц».* Данной проблеме в последнее время было посвящено несколько публикаций (Краева, 2006, с. 197-201; 2016б, с. 113-124; 2016в, с. 176-180; 2016г, с. 48-55). Изучена технология и выделены признаки использования этой категории посуды. Поставлен вопрос о допустимости применения термина «курильница» к сосудикам с одним боковым отверстием, т. к. некоторые из них могли служить в качестве светильников. Дальнейшее изучение назначения сакральной посуды требует расширения источниковой базы и продолжения экспериментирования с репликами «курильниц» других типов.

Группа VIII. Историко-культурные проблемы.

17) *Определение пола и возраста для определения индивидуальных особенностей индивида по отпечаткам подушечек пальцев, размера ногтевых отпечатков.* Как уже отмечалось выше, на сарматской керамике встречаются отпечатки ногтей и подушечек пальцев. Изучение их могло бы дать конкретную информацию о производителях керамики. Например, при изучении сосудика из кургана 4 могильника Танаберген II (№12020 АОИКМ), было выдвинуто предположение об изготовлении его ребенком, основанное на малых размерах элементов орнамента в виде «защипов», незаконченности орнаментации, а также асимметричности и небольших размерах сосуда (Краева, 2016а, с. 101). Теоретические разработки по возможности определения пола и возраста гончаров по ногтевым отпечаткам на сосудах до недавнего времени велись в «Группе истории керамики» в ИА

РАН, к сожалению, из-за объективных причин они были приостановлены. Полученные результаты очень интересны (Бобринский, 2008, с. 316-345; Гей, 2010, с. 200-213), но требуется дальнейшая разработка теории для применения ее на практике.

18) *Выделение форм-подражаний*. В погребениях Южного Приуралья и Западного Казахстана в IV-I вв. до н.э. встречается круговая импортная посуда из Средней Азии и Кавказа (Мошкова 1963, 30; Мещеряков, Яблонский 2007, 361-361), а также лепные формы-подражания ей, выполненные сарматскими гончарами (Краева, 2011б, с. 118). Последние изготовлены с помощью местных технологических приемов, но стремление к воссозданию формы и внешних особенностей импортной керамики сразу обращает на себя внимание. В сарматском гончарстве фиксируются также редкие заимствования некоторых технологических приемов обработки поверхности для усиления похожести на копируемые образцы (ангобирование, обваривание, окрашивание). Причиной изменения структурных компонентов формы сосудов являются инокультурные влияния, которые могут проявляться в результате подражания импортным образцам посуды и путем смешения самих носителей разных гончарных традиций (Бобринский, 1999, с. 53-56; Цетлин, 2010, с. 237). Механизмы встраивания и адаптации новых форм посуды были разработаны А. А. Бобринским, но данная методика требует более детальной разработки для возможности ее использования на конкретном материале.

Помимо, выделенных 18 проблем изучения керамики ранних кочевников Западного Казахстана, существуют еще другие крупные фундаментальные проблемы в изучении гончарства, которые были подробно охарактеризованы Ю.Б. Цетлиным, поэтому в рамках данной статьи не рассматриваются (2010,с. 229-244).

Подводя итог, следует отметить, что керамика является одним из наиболее ценных и информативных источников, ее изучение позволяет не только реконструировать гончарное производство ранних кочевников Западного Казахстана, но и выйти на решение вопросов историко-культурного характера. Анализ проблем разной степени сложности, которые возникли и были сформулированы в ходе ее изучения, поможет расширить наши знания о сарматском гончарстве и в дальнейшем существенно дополнить методические разработки в области изучения керамики в целом.

Литература:

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Боборинский А.А. К методике изучения обжига керамики // Первая кубанская археологическая конференция. Тезисы. докл. – Краснодар, 1989. – С. 20-23.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н. э). – М.: Наука, 1991. – 215 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5-109.

Бобринский А.А. Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике // Проблемы современной археологии (сб. памяти В. А. Башилова). – М.: ИА РАН, 2008. – С. 316-345.

Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. III. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – С. 191-216.

Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезжинскогно и I и II Хвалынских могильников // РА. – 2005. – №3. – С. 76-84.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 1999. – С. 234-257.

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. – 2015. – №3 (2). – С. 8-27.

Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. – М.: Наука, 1996. – 128 с.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. – Вып. 3. – Тверь: Триада, 1998. – С. 135-146.

Гей И.А. Отпечатки кончиков пальцев на изделиях из глины (изучение, проблемы, перспективы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 200-213.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск: ЗКЦИИА, 2004. – 136 с.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник ГосЭрмитажа. – 1990. – №30. – С.7-19.

Кипарисова Н.П., Сальников К.В. Савроматское погребение близ г. Троицка // СА. – 1958. – №2. – С. 246-251.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 216 с.

Краева Л.А. Технико-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 332-358.

Краева Л.А. Сарматский ритуальный сосуд из второго курганного могильника у с. Акоба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2006. – Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии. – С. 197-201.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 58-65.

Краева Л.А. Технико-технологическое исследование керамики из храма-святилища Кызылуийк // Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуийк. – Астана: ТОО «Археология», 2011а. – С. 124-140.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. –2011б. – №4(48). – С. 51-60.

Краева Л.А. Специфика гончарства ранних кочевников Южного Приуралья IV-I вв. до н.э.// Древность: историческое знание и специфика источника. – М.: ИВ РАН, 2011в. – С. 116-120.

Краева Л.А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. – 2015. – №3 (2). – С. 90-99.

Краева Л.А. Гончарные традиции сарматов Западного Казахстана // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. – Алматы: Изд-во Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2016а. – С. 97-106.

Краева Л.А. Технология изготовления и способы использования некоторых типов сарматских курильниц // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016б. – С. 113-121.

Краева Л.А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2016». – Актобе, 2016в. – С. 176-180.

Краева Л.А. «Курильницы» с одним боковым отверстием // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. – Алматы: Изд-во Института археологии им. А.Х. Маргулана, 2016г. – С. 48-55.

Краева Л.А., Богданов С.В. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ОГПУ, 2000. – Вып. IV. – С. 168-179.

Мещеряков Д.В., Яблонский Л.Т. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М.: «Таус», 2007. –С. 357-368.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М.: Наука, 1963. – 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

Очир-Горяева М. А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990. – С. 81-92.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. – М.-Л.: АН СССР, 1959. – 395 с.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука., 1983. – 199 с.

Салугина Н.П. Раковина в составе древней керамики // Материалы международной конф. по применению методов естественных наук в археологии. – СПб.: ИИМК РАН, 1994. – С. 148.

Салугина Н.П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – Вып. 3. – С. 2-39.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). – Т. II. – Новосибирск, 2006. – С. 379-381.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 240 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 379 с.

Цетлин Ю.Б. Фундаментальные проблемы изучения гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 229-244.

Резюме

Л.А. Краева

Проблемы изучения керамики ранних кочевников западного Казахстана.

В статье сформулированы основные проблемы изучения керамики ранних кочевников Западного Казахстана, с которыми пришлось столкнуться автору в ходе исследования гончарства сарматских племен. Даны характеристики изученности каждой проблемы и намечены перспективы их решения.

Summary

Lyudmila A. Kraeva

Problems of Studying Ceramics of the Early Nomads of Western Kazakhstan

The article deals with the main problems of studying ceramics of the early nomads of Western Kazakhstan, which the author faced during the study of the pottery of the Sarmatian tribes. The author characterizes the peculiarities of each problem and suggests the prospects for their solution.

Кривошеев М.В.
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия

УДК 63.442.7(235.7)-427.1

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ САКРАЛЬНОГО В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САРМАТОВ[7]

Ключевые слова: ранние кочевники, погребальный обряд, сакральные функции, «жреческие» погребения
Keywords: early nomads, burial rite, sacral functions, "sacerdotal" burials

Адекватность отражения прижизненных сакральных функций в погребальном обряде кочевников – крайне сложный вопрос, который, вероятно, не может быть решен однозначно ввиду отсутствия четких сведений о представлениях древних кочевников евразийских степей и в принципе сложности подобных реконструкций на основе погребальных памятников (Гуляев, Ольховский, 1999). Однако попытки соотнесения погребальных комплексов с социальной стратификацией в кочевых обществах существуют и будут продолжаться.

Сакральная жизнь любого социума крайне сложна. Она всегда связана с верованиями, религиозными воззрениями. В традиционных обществах вопросам сакрализации отдельных процессов придавалось особое значение. Вполне очевидно, что у ранних кочевников существовали особые места для отправления ритуалов, святилища. Известен ряд памятников, которые исследователи считают культовыми местами или святилищами кочевников. Характер святилищ разный – это и комплексы каменных изваяний на Устюрте, относящиеся к раннесарматскому времени (Ольховский, Галкин, 1990), и места вотивных приношений (Шевченко, 2006, с. 149-150) и валообразные насыпи среди курганов крупных некрополей позднесарматского времени Южного Приуралья (Малашев, Яблонский, 2008, с. 82).

Наличие культовых мест предполагает и существование людей, обслуживающих культы. Выделение в погребальном обряде элементов, указывающих на принадлежность к лицам, отвечающим за отправление культа крайне сложно.

В историографической традиции существуют мнения об атрибутике ряда артефактов и веществ, которые можно интерпретировать как сакральные, использовавшиеся для отправления культов. Это каменные столики савроматского времени, красящие вещества, раковины, зеркала, курильницы и др. (Мошкова, 2000, с. 210; Шевченко, 2006, с. 150)

Наиболее часто такие находки происходят из женских погребений и поэтому жреческие функции у ранних кочевников традиционно приписывались женщинам. Прежде всего, это отмечалось у савроматов (Граков, 1947, с. 110). Для сарматского времени существует точка зрения, что с I в. до н.э. функция отправления общественных культов могла переходить к мужчинам (Шевченко, 2006, с. 152).

В предложенной работе мы попытаемся выявить взаимосвязь между отражением в погребальном обряде сакральных функций представителей савромато-сарматских обществ и социальной структурой общества в разных культурах.

В савромато-сарматской археологии единых критериев выделения вещей и обрядовых норм сакрального характера, которые могли бы маркировать принадлежность погребенных к кругу лиц, отправлявших культы, пока не определено. Наиболее яркие комплексы, которые можно отнести к «жреческим», встречаются в савроматское время. Во второй половине VI-V вв. до н.э. о жреческих функциях погребённых свидетельствуют находки каменных столиков («жертвенников»), которые принято отождествлять с переносными алтарями, различные краски, пудры, раковины, ложечки, зеркала, иглы (Смирнов, 1964, с. 202; Мошкова, 2000, с. 210; Таиров, Коноплева, 2012).

В количественном отношении каменные столики встречаются в 6,6 % погребений савроматского времени и нередко вместе с указанными выше предметами «жреческого» круга» (Железчиков, 1994, с. 131).

[7] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-11-34009 а(р) «Элиты сарматского общества Волго-Донского региона (проблемы выделения и социальной интерпретации)»

В VI-V в. до н.э. среди памятников савроматской культуры не отмечается захоронений, своими размерами, сложностью погребальных конструкций и богатством инвентаря, претендующих на царский статус. Это может косвенным образом свидетельствовать в пользу отсутствия в савроматском обществе в этот период объединений, предводители которых старались выделить свои могилы среди захоронений соплеменников.

В конце V-IV вв. до н.э. наблюдаются новые традиции, связанные с появлением некрополей знати (Филипповка I, Переволочанский могильник). В этих могильниках находились гигантские курганные насыпи, под которыми захоронены представители высшей знати.

Появление погребений уровня Филипповки I (Пшеничнюк, 2012) демонстрирует изменения в структуре общества ранних кочевников Южного Приуралья указанного времени. Возможно, это связано с появлением слоя предводителей крупного кочевого объединения, которым, по одной из версий, были дахи, известные по античным сочинениям (Скрипкин, 2017, с. 44-46).

Социальные изменения ярко демонстрирует царский некрополь Филипповка I. В кургане № 1 погребение вождя (погр. 1) (Пшеничнюк, 2012, с. 21-30, 93-131, рис. 3-50) сопровождало периферийное богатейшее погребение женщины (погр. 2), в котором находились атрибуты «жреческого» характера (Яблонский, 2014).

Можно предположить несколько вариантов интерпретации такой ситуации. С усложнением социальной структуры и оформлением статуса предводителя крупного объединения происходит консолидация в руках представителей царской семьи или рода как политической власти, так и сакральных функций. Не исключено, что в кургане № 1 была погребена верховная «жрица» племенного союза дахов (?), статус которой повышался вместе с укреплением власти верховного вождя. При этом она могла не являться членом правящей политической верхушки. Погребение её в кургане вместе с царем подтверждало её высший статус именно в роли «жрицы», отправляющей общественные обряды. В любом случае представители высшего слоя сосредотачивали в своих руках «жреческие» функции высшего порядка или, приближая представителей культа, тем самым укрепляли собственные правящие позиции.

В конце IV в. до н.э. происходят изменения в кочевом обществе. Царские некрополи филипповского типа исчезают, что, вероятно, связано с распадом племенного союза дахов в Южном Приуралье и продвижением раннепрохоровских объединений на запад. На политической карте южнорусских степей появляются новые названия кочевых народов (Скрипкин, 2017, с. 48-51). Распад огромного племенного союза приводит к трансформации социальной структуры савроматского общества, в рамках которого, завешается оформление раннесарматской культуры. Вероятно, на основе крупного кочевого объединения появляются более мелкие кочевые сообщества. Появление курганов кладбищ свидетельствует о родовых или большесемейных отношениях как социальной основе раннесарматского общества.

Вплоть до конца II в. до н.э. среди раннесарматских памятников практически не известны богатые захоронения. Также с конца IV по конец II в. до н.э. практически отсутствуют захоронения, которые по набору сопровождающего инвентаря можно было бы уверенно отнести к «жреческим». Отдельные элементы, которые в савроматскую эпоху маркировали погребения «жреческого» статуса продолжают встречаться, однако в полных наборах в комплексах они практически не сочетаются.

С конца II в. появляются погребения, которые по богатству инвентаря претендуют на захоронения представителей знати (Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 98-116; Simonenko, 2008, s. 49-50). Появление таких комплексов в конце II-I в. до н.э. совпадает с упоминаем в письменных источниках крупных объединений сарматов, способных выставить многотысячные армии (Страбон, XI, V, 8). Появление погребений, отличающихся богатством инвентаря, может указывать на формирование новой элиты, возглавлявшей крупные кочевые союзы, и концентрировавшей в своих руках богатства, поступавшие к сарматам в результате контактов с античными и восточными цивилизациями. При этом стоит отметить, что богатейшие комплексы I в. до н.э. именно женские. Однако в этот период нет захоронений, которые бы по набору инвентаря в полной мере можно было соотнести с погребениями представителей «жречества».

С оформлением в южнорусских степях среднесарматской культуры в I в. н.э. отмечается появление погребений, отличающихся богатством инвентаря (Прохорова, Гугуев, 1992; Simonenko, 2008; Засецкая, 2011 и др.). Большинство из них принадлежали женщинам. Обращают на себя внимание находки в некоторых женских погребениях атрибутов, которые могли использоваться при проведении культовых обрядов: зеркала, краски, раковины, ложечки, курильницы, алебастровые сосудики. Также появляются такие яркие культовые атрибуты как «жезлы», имитирующие мировое древо (Шевченко, 2006), «жезлы» с расширением на конце (Клепиков, 2013). Наличие среди

богатейших могил среднесарматской культуры «жреческих» захоронений свидетельствует о повышении статуса женщин в обществе (Балабанова и др., 2014, с. 64-67, 71-76).

В литературе уже высказывалось мнение о возрождении в среднесарматской культуре старых традиций, существовавших в скифское время, но прерванных раннесарматской культурой: захоронения под индивидуальными насыпями; диагональное положение костяков в могилах; появление коротких мечей с волютообразным навершием; лепная керамика, типологически близкая савроматской; увеличение процента целых зеркал в погребениях; округлые или прямоугольные каменные плиты; наличие высокостатусных женских погребений; звериный стиль; использование грунтовых блоков при возведении курганов (Скрипкин, 1992, с. 29-30; Кривошеев, 2013). Появлению богатых женских погребений с одной стороны способствовало возрождение традиций савроматской эпохи, с другой – участие сарматов в I –первой половине II вв. н.э. в политической и военной жизни на внешней арене. Это, вероятно, приводило к созданию крупных племенных союзов и формированию слоя знати, которая оформляла свои погребальные сооружения с соответствие со своим статусом. Можно предположить, что в общественной сфере происходили процессы, близкие тем, которые складывались в Южном Приуралье в IV в. до н.э. Параллельно с оформлением надплеменной верхушки происходит повышение статуса лиц, отправлявших общественные культы. Либо эти функции принимают представители правящих групп.

В сер. II в. н.э. с появлением носителей позднесарматской культуры ситуация резко меняется. Позднесарматская культура отличается от предшествующей среднесарматской значительно меньшим количеством богатых захоронений. Погребальный обряд достаточно единообразный. Инвентарь чаще утилитарного назначения. Это может указывать на слабую социальную дифференциацию в позднесарматском обществе. Только в первой половине III в. н.э. происходит оформление социальных элит в позднесарматском обществе, что сопровождается появлением богатых захоронений. Крупные могильные сооружения крайне редки. К наиболее статусным захоронениям, по количеству трудозатрат на сооружение погребальных конструкций, относятся мужские комплексы с выраженным воинским статусом. В некоторых случаях они отличаются аскетичностью плане погребального инвентаря (Кривошеев, Лукпанова, 2015; Кривошеев, Перерва, 2017, с. 28). Встречаются также и богатые женские захоронения, в которых находят вещи импортного производства, украшения, что также указывает на принадлежность к социальной элите (Кривошеев, 2017).

Для этой культуры не определен круг признаков погребального обряда и сопровождающего инвентаря, которые могли бы указывать на принадлежность к «жреческой» группе. Существует предположение, что сакральную значимость в погребальном обряде могло иметь сочетание пружинных ножниц и зеркал с центральной петелькой, которые находят преимущественно в женских захоронениях (Кривошеев, 2016, с. 129). Металлические колокольчики, атрибут женских захоронений, также могли использоваться в ритуалах (Косяненко, 1997).

Можно предположить, что слабая дифференциация позднесарматского общества и высокая роль воинских коллективов в нём не способствовала оформлению группы «жречества» высшего ранга. Возможно, в этих условиях «жреческий» статус не оформлялся в погребальной обрядности.

Беглый анализ савромато-сарматских традиций оформления в погребальном обряде сакральных прижизненных функций позволяет отметить некоторые закономерности. При формировании социальных элит в крупных кочевых объединениях наблюдается повышение социального уровня лиц «жреческого» статуса, что выражается в оформлении их погребений, помимо вещей сакрального круга, богатым инвентарем, размерами могильных сооружений или близостью к погребению вождя. Возможно, такие лица отвечали за отправление общественных культов, исполняя роль верховного «жреца».

В условиях слабой социальной дифференциации в обществе, если можно судить о ней на основе погребального обряда, захоронения «жреческого» ранга практически не фиксируются, что может свидетельствовать об отсутствии в эти периоды «жрецов», отправляющих общественные культы. Сакральные функции в условиях родового или большесемейного устройства общества могли переходить к лицам, обслуживающим эти коллективы. Оформление их статуса не требовало специальных атрибутов при погребении.

Литература:

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Клепиков В.М., Кривошеев М.В., Демкин В.А., Ельцов М.В., Скрипкин А.С., Удальцов С.Н., Яворская Л.В., Дьяченко А.Н. Курганный могильник

Перегрузное I. Результаты междисциплинарных исследований. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. – 360 с.

Граков Б.Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ: Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории – 1947. – № 3. – С. 100-121.

Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сб. статей. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 10-18.

Железчиков Б.Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. – М.: ИА РАН, 1994. – С. 127-151.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. – 328 с.

Клепиков В.М. Железные «жезлы» сарматских жриц // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест. 2013. – С. 187-190.

Косяненко В.М. Роль бронзовых колокольчиков в погребальном обряде (по материалам позднеантичных памятников) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. – С. 153-164.

Кривошеев М.В. Скифо-сарматские параллели. Новые данные // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Экоинвест, 2013. – С. 210-213.

Кривошеев М.В. Ножницы в погребальном обряде сарматов // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории", посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Сборник статей. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2016. – С. 122-131.

Кривошеев М.В. К вопросу о критериях выделения элитных погребальных комплексов позднесарматского времени // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Материалы VII всерос. (с междунар. участием) науч. конф. – Челябинск, 2017. – С. 56-59.

Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 "История. Регионоведение. Международные отношения". – 2015. – № 5 (35). – С. 98-111.

Кривошеев М.В., Перерва Е.В. Воинственность поздних сарматов по антропологическим и археологическим данным // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве, Волгоград, 20–21 окт. 2017 г. В 2 ч. Ч. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – С. 14-36.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. – М.: Восточная литература, 2008. – 365 с.

Мошкова М.Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. – М.: ИА РАН, 2000. – С. 201-215.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 195-206.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // Советская археология. – 1992. – № 1. – С. 142-161.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.

Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. –2008. – Вып. 9. – С. 98-116.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М. 1992. – 46 с.

Скрипкин А.С. Сарматы. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – 293 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.: Наука, 1964. – 381 с.

Страбон. География в 17 книгах.

Таиров А.Д., Коноплева К.Г. Каменные жертвенники как источник по связям кочевников Южного Урала со скифским миром // Вестник ЮУрГУ, № 10 (269), Серия «Социально-гуманитарные науки», выпуск 18. – 2012. – С. 86-87.

Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // Вестник древней истории. – 2006. – № 1. – С. 141-154.

Яблонский Л.Т. Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение) // Краткие сообщения института археологии. – 2014. – Вып. 232. – С. 3-10

Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I. und Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. (Archäologie in Eurasien; Bd. 25). – Mainz, 2008. – S. 1-264.

Резюме

М.В. Кривошеев

К вопросу об отражении сакрального в погребальном обряде сарматов

В погребальном обряде ранних кочевников отмечаются закономерности в оформлении сакральных прижизненных функций. При формировании социальных элит в крупных кочевых объединениях наблюдается повышение социального уровня лиц «жреческого» статуса, что выражается в оформлении их погребений. В условиях слабой социальной дифференциации в обществе «жреческие» захоронения практически не фиксируются. Сакральные функции в условиях родового устройства общества могли переходить к лицам, обслуживающим эти коллективы. Оформление их статуса не требовало специальных атрибутов при погребении.

Summary

M.V. Krivosheev

Towards the question of the reflection of the sacral functions in the funeral rite of the sarmatians

In the funeral rite of the early nomads regularities in the arrangement of sacral intravital functions are noted. The increase of the social level of “sacerdotal” status person is observed when elites are formed in large nomadic associations. This is expressed in arrangement of their burials. In conditions of weak social differentiation of society, "sacerdotal" burials practically are not detected. In the clan community sacred functions could pass to the persons serving these collectives. No special attributes were required to indicate their status for burial.

Купцов Е.А.
Оренбургский государственный
педагогический университет,
Оренбург, Россия

УДК 902.6(470.56)

ГОРИТЫ И КОЛЧАНЫ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА V – IV ВВ. ДО Н.Э. С НАБОРНЫМ И ПЛЕТЁНЫМ КОРПУСОМ

Работа выполнена в рамках реализации проекта Министерства образования и науки РФ №33.1389.2017/ПЧ

Ключевые слова: горит, колчан, снаряжение лучника, сарматы, Южный Урал
Keywords: gorites, quiver, archers' equipment, Sarmatians, Southern Urals

Гориты и колчаны являются неотъемлемой частью снаряжения воинов-кочевников раннего железного века. Уже К.Ф. Смирнов в одной из своих фундаментальных работ отмечал, что колчаны савроматов изготавливались из кожи, луба, бересты и имели форму узких футляров 60-70 см длиной (Смирнов, 1961, с. 67). Использовались населением Южного Урала и гориты (футляры для одновременного хранения лука и стрел с несколькими отделениями), изготовлявшиеся из деревянных планок и кожи или коры (Смирнов, 1975, с.163-164).

Археологические находки, сделанные в течение двух последних десятилетий, позволили существенно расширить представления исследователей о данной категории воинского снаряжения. В настоящее время известно, что у кочевников региона существовало несколько разновидностей горитов и колчанов (плоские и циллиндрические). Они могли изготавливаться из разнообразных материалов животного и растительного происхождения и имели от одного до четырех отделений для хранения либо лука и стрел, либо – только стрел. Шкура и кожа животных, иногда – и кожа человека, являлись наиболее популярными материалами для изготовления основной массы колчанов, конструкция которых могла быть как весьма простой, так и достаточно сложной (Васильев, 2001, с.24-26, 97-98; Федоров, Горшкова, 2001, с.178-180; Краева, Купцов, 2007, с. 30-37; Трегубов, Яблонский, 2014а, с. 64-71; Трегубов, Яблонский, 2014б, с.178-183).

Полученные таким образом данные сейчас с успехом используются в различных музейных и художественных реконструкциях паноплии сарматов Южного Урала (Астафьев, 2011, с. 396).

Несмотря на это, на некоторые вопросы связанные с происхождением и хронологическим интервалом бытования у кочевников региона того или иного типа колчанов и горитов, в настоящее время, ответить практически невозможно.

Тем не менее, относительно недавно в сарматских погребениях Южного Урала и Западного Казахстана были встречены находки и изображения колчанов и горитов известных ранее типов, но, достаточно своеобразной конструкции. Речь идет о сложных футлярах для лука и стрел, состоящих, как правило, из кожаного мешка с одним или несколькими отделениями и плетеной или наборной конструкции из тонких веток или лозы, являющейся, в зависимости от ситуации, внешним или внутренним корпусом колчана или горита. Серия подобных находок еще относительно невелика, но, как нам представляется, уже позволяющая, хотя бы частично, ответить на вопросы происхождения и хронологических рамок бытования колчанов такой конструкции в системе вооружения ранних кочевников Южного Урала.

Вещественные находки колчанов и горитов с наборным или плетеным корпусом встречены в КМ Сара, Акоба II, Филипповка I, Сапибулак, Имангулово 2-е (КМ II).

КМ Сара курган 4 погребение 1 (Кувандыкский район, Оренбургская обл.). Погребение впускное. Плоский колчан из тонких прутиков и кожи выявлен в северной части значительного по размерам коллективного погребения, содержавшего костные останки 5 человек. К сожалению, комплекс опубликован лишь частично, поэтому мы ограничимся только упоминанием этой находки. Авторы раскопок датируют погребение рубежом V – IV вв. до н.э. (Федоров, Васильев, 2017, с. 59).

КМ Акоба II курган 1 погребение 2 (Акбулакский район, Оренбургская обл.). Погребение впускное. Колчан №1 представлял собой двухслойный скроенный из шкуры и выделанной кожи мешок с одним отделением. Донная часть была округлой формы, диаметром 5 х 6 см. Под колчаном и по его бокам фиксировались фрагменты веток кустарника диаметром 5-8 мм, отпечатки которых

были видны и на внешних поверхностях изделия. В колчане находились деревянный гребень и 22 бронзовых втульчатых наконечника стрел. Погребение датировано авторами публикации в пределах второй половины V – началом IV вв. до н.э. (Моргунова, Краева, 2010, с. 170, 196, рис.11, 10).

КМ Филипповка I курган 4 погребение 2 (Илекский район Оренбургская обл.). Погребение впускное. Колчан со 164 разнотипными наконечниками стрел и горит, от которого сохранились остатки переплетенных прутьев со следами кожи на поверхности, располагались слева от погребенного. Горит был украшен массивным золотым умбоном-утяжелителем и имел несколько отделений-карманов, в которых находились: железный наконечник дротика, железный нож, точильный камень и оселок. Погребение датируется IV в. до н.э. (Яблонский, Рукавишникова, 2007, с.18; Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011, С. 220-221, 224).

КМ Сапибулак курган 5 погребение 1 (Алгинский район Актюбинская обл.). Основное (центральное) погребение. Фрагменты колчана располагались у левой руки покойного, частично перекрывая остатки древков стрел, сохранившиеся на длину 50-55 см. Колчан был изготовлен из тонких прутиков дерева, возможно, скрепленных между собой клейким веществом. Снаружи он был обшит материей, небольшой фрагмент которой фиксировался поверх него. Внутри колчана были найдены 20 бронзовых наконечников стрел. По погребальному обряду и сочетанию предметов вооружения, погребение датировано IV в. до н.э. (Мамедов, Китов, 2015,с.33, 54).

Три экземпляра колчанов с наборным и плетеным корпусом было выявлено летом 2017 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции ОГПУ при исследовании II курганного могильника у села Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области (Купцова, Купцов, Евгеньев, Харламов, 2018, в печати).

КМ Имангулово 2-е II курган 3 погребение 1 (ярусное). Основное (центральное) погребение. Нижний ярус представлял собой совершенное в простой яме округлой формы погребение двух убитых в бою воинов, перекрытое сверху каменной выкладкой в форме кольца. Покойные располагались в позе «всадников» вытянуто на спине, головой на юг. В головах погребенных встречены два скопления костей МРС, среди которых находились фрагменты двух железных черешковых ножей. Инвентарь погребения представлен железной кольцевой пряжкой с боковым выступом, железным колчанным крюком, деревянным сосудом со следами ремонта и тремя колчанами с бронзовыми и железными наконечниками стрел внутри.

Колчан № 2 – сохранились мелкие фрагменты кожи и древесины, составлявшие придонную часть колчана общей длиной 10 – 11 см и шириной 12,5 – 14 см. Несмотря на плохую сохранность органических материалов, ряд элементов его конструкции удалось проследить. Колчан реконструируется как изготовленный из кожи, с округлым нижним краем подпрямоугольной формы футляр (мешок?) с двумя отделениями-карманами, помещенный внутрь своеобразной плетеной корзины. Наличие деревянных ребер жесткости в конструкции колчана не зафиксировано. В ходе разбора, выявлено несколько фрагментов прутиков, современным диаметром 0,5 – 0,7 см (без учета усыхаемости), которые, судя по их расположению, были проложены между плетеным внешним и кожаным внутренним корпусами колчана. От кожаного мешка сохранились мелкие фрагменты кожи под наконечниками стрел и между древок. Внешний корпус колчана был сплетен из тонких, расположенных перпендикулярно друг другу тонких прутиков (веточек), современным диаметром 0,2 – 0,3 см (без учета усыхаемости) и, возможно, стеблей травы или волокон коры. Фрагменты плетеного корпуса прослежены как с лицевой, так и с оборотной стороны колчана (под наконечниками стрел, между кусочками кожи от внутреннего мешка и грунтом дна могильной ямы). Прутики были расположены под углом около 45 градусов относительно горизонтальной плоскости дна колчана и формировали геометрический рисунок плетения на его боковых поверхностях. В общей сложности, в обоих карманах колчана выявлено 27 лежавших остриями вниз бронзовых втульчатых наконечников стрел с фрагментами древок во втулках. Среди наконечников стрел располагалась цельнодеревянная стрела, от которой сохранился фрагмент древка и боевой части.

От колчана №3 сохранилась представленная фрагментами кожи и древесины придонная часть длиной 10 – 13 см и шириной 11 – 14 см. Его конструкция, очевидно, была практически полностью идентична конструкции колчана №2 и отличалась от него только количеством отделений-карманов. Колчан реконструируется как изготовленный из кожи, с округлым нижним краем подпрямоугольной формы мешок с тремя карманами, помещенный внутрь плетеной конструкции. Наличие деревянных ребер жесткости в конструкции колчана не зафиксировано. Фрагмент плетеного корпуса размером 11 х 7 см прослежен только с лицевой стороны колчана. Внешний корпус колчана был сплетен из тонких, расположенных перпендикулярно друг другу тонких прутиков (веточек), современным диаметром 0,2 – 0,3 см (без учета усыхаемости). В общей сложности, во всех карманах колчана

выявлено 27 наконечников стрел, из которых 23 представлены бронзовыми втульчатыми, а остальные – железными экземплярами (3 черешковые, 1 втульчатый).

Судя по погребальному обряду (ярусное захоронение) и инвентарю (сочетание бронзовых втульчатых и железных втульчатых и черешковых типов стрел, железная кольцевая пряжка с боковым выступом, колчанный крюк), погребение датируется не позднее второй половины IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 31, 40. Таб.25; Гуцалов, 2004, с.151; Мышкин, 2010, с. 266-267, 276, рис.4, 14).

КМ Имангулово 2-е II курган 8 погребение 1. Основное (центральное) погребение. Совершено в неглубокой, округлой формы яме, перекрытой каменным панцирем. Содержало парное захоронение женщины и ребенка лежавших вытянуто на спине, головой на юг.

В погребении присутствовали развалы двух орнаментированных сосудов и богатая напутственная пища в виде значительного количества костей лошади и МРС.

У головы скелета ребенка выявлен небольшой керамический сосуд, у правого бедра – бронзовая ворворка, вдоль левой руки располагался железный акинак с бабочковидным перекрестьем и прямым брусковидным навершием. Бронзовые наконечники стрел в количестве 17 штук, по всей видимости, некогда лежавшие в колчане (колчан №2), расчищены на реберных костях.

У шеи женщины зафиксированы бусы из сердоликового оникса, агата и мела, бронзовое проволочное кольцо в несколько оборотов на фалангах пальцев левой руки, игольник, орнаментированное алебастровое биконическое пряслице, раковина Gryphea, колчан с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел.

Колчан №1 (рис. 1,3-4) – сохранилась придонная часть длиной 9 – 11 см и шириной 12 см, представленная фрагментами кожи, прутьев оплетки и деревянного каркаса. Колчан реконструируется как изготовленный из кожи мешок подпрямоугольной формы с округлым нижним краем и одним отделением, помещенный внутри плетеного футляра. Плетеный футляр состоял из ребра жесткости и прутьев оплетки.

Ребро жесткости (рис. 1,5), зафиксированное по всему периметру сохранившейся нижней части колчана, изготовлено из неравномерно обработанной режущим предметом (ножом?) древесной ветки. В зависимости от месторасположения (боковина, дно), его современный диаметр (без учета усыхаемости древесины) составляет 0,45 – 1,25 см. К ребру жесткости под углом 45 градусов крепились относительно редкие прутья, в совокупности с ним составлявшие каркасную основу колчана.

В последнюю очередь, на основу каркаса одевались расположенные горизонтально (параллельно дну колчана), плотно пригнанные друг к другу прутья оплетки, современным диаметром 0,4 – 0,5 см, изготовленные из обработанных веток (лозы?) (рис. 1,6).

Между собой прутья оплетки были часто перевязаны тонкими нитями растительного или животного происхождения, формирующими на внешней поверхности колчана рисунок плетения (рис. 1,7). В колчане, снабженные древками, располагались 44 бронзовых втульчатых наконечника стрел.

По погребальному обряду и инвентарю (керамические сосуды и сочетание предметов вооружения) погребение датируется первой половиной IV в. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 27, Табл.9, 1,4; Скрипкин, 2007, с. 47-48, рис.3,1-6).

Кроме вещественных находок, в памятниках Южного Урала присутствуют и изображения колчанов и горитов с наборным или плетеным корпусом, происходящие из КМ Филипповка I и района Сикияз-Тамакского пещерного комплекса.

Филипповка I курган 4 погребение 2 (Илекский район, Оренбургская обл.) – изображения воинов с горитами подтрапециевидной формы, с сетчатым орнаментом на поверхности корпуса, на «золотом» парадном мече. Типологически, меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием может быть датирован второй половиной V – IV в. до н.э. По сочетанию типов наконечников стрел, погребение датируется первой половиной IV в. до н.э. (Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011, с.220-245, рис.8).

Сикияз-Тамакский пещерный комплекс (Саткинский район, Челябинская область) – случайная находка. Бронзовое литое изображение горита с сетчатым орнаментом на поверхности корпуса и отверстием для подвешивания (подвеска?). Вследствие характера находки, датируется в пределах VI – IV вв. до н.э. (ГИМ ЮУ, выставка «Сарматы и их соседи на Южном Урале»).

Археологические находки колчанов и горитов с плетеным и наборным корпусом, а также их изображения, типологически практически ничем не отличаются от плоских и циллиндрических колчанов других конструкций. В то же время, конструктивно они различаются между собой по целому ряду параметров: технологией изготовления (набор, плетение), наличием или отсутствием

ребер жесткости, использованием разнообразных материалов для набора и плетения (веточки, лоза) и т.д.

Судя по находкам и изображениям, подпрямоугольные плоские колчаны и гориты с плетеным и наборным корпусом могли быть изготовлены с одним, двумя или с тремя отделениями-карманами. Ширина их корпуса у дна составляла около 11 – 14 см. Верхние части колчанов и горитов как правило, не сохраняются в погребениях. Тем не менее высоту исследуемых футляров для лука и стрел можно реконструировать по их изображениям. На изображениях из Филипповки и Сикияз-Тамака луки из горитов выступают на 1/3 своей длины, а оперение стрел находится на одном уровне с верхней кромкой карманов. Согласно данным В.Н. Васильева, большая часть хорошо сохранившихся древков стрел из погребений ранних кочевников Южного Урала имела максимальную длину 40 – 60 см (Васильев, 2001, с.97-98).

Длина лука кочевников региона в снаряженном состоянии задокументирована при исследовании погребения 5 кургана 4 КМ Филипповка I. Она составляла 60 см (Яблонский, 2013, с.121).

Следовательно, высота плоских подпрямоугольной формы колчанов и горитов должна была составлять около 40 – 50 см. Очевидно, такой же была и высота цилиндрических колчанов.

В хронологическом плане, все находки достаточно компактны и датируются авторами, преимущественно, в пределах IV в. до н.э. Погребение 2 кургана 1 КМ Акоба II, учитывая факт находки здесь уздечного набора с бляхами в виде рыб, возможно, также не выходит за пределы вышеуказанной даты (Федоров, Васильев, 2017, с.59). Датировка подвески, найденной вблизи Сикияз-Тамакского пещерного комплекса, в связи с обстоятельствами ее обнаружения, вряд ли может быть уточнена.

Интересно отметить, что подвеска в виде горита найдена вблизи Сикияз-Тамакского пещерного комплекса у восточного ската Уральских гор. Наиболее вероятными источниками золота, использованного для украшения меча из погребения 2 кургана 4 КМ Филипповка I, могли служить россыпи из рек Миасс, Таналык и Сакмара, географически, расположенные там же (Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011, с.242-243). Традиция использования камня при сооружении погребений, зафиксированная в курганах 3 и 8 КМ II у с. Имангулово и кургане 5 КМ Сапибулак, иногда встречается в сарматских комплексах Оренбургского Предуралья, но, все же, более характерна для памятников восточных районов Южного Урала (Смирнов, 1964, с.78). В сочетании, все это, вероятно, должно указывать на возникновение традиции изготовления колчанов с наборным и плетеным каркасом где-то к востоку от Уральских гор.

Литература:

Астафьев А.Е. Опыт историко-художественной реконструкции в археологии ранних сармат // Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. – С. 394-399.

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI – II вв. до нашей эры. – Уфа: Гилем, 2001. – 153 с.

Гуцалов С.Ю. Ярусные погребения Южного Приуралья // УАВ – 2004. – №5. – С. 135-152.

Краева Л.А., Купцов Е.А. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С.30-37.

Купцова Л.В., Купцов Е.А., Евгеньев А.А., Харламов П.В. Исследования II курганного могильника у села Имангулово 2-е в 2017 году (предварительные результаты) // XXI Уральское археологическое совещание. – Самара, 2018. – в печати.

Мамедов А.М., Китов Е.П. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак) // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2015. – №6. – С. 19-60.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. // САИ Д 1–10. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 56 с.

Мышкин В.Н. Колчанные крючки кочевников Самаро-Уральского региона VII – I вв. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территории. – М.: ТАУС, 2010. – С. 262-279.

Скрипкин А.С. 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII – IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С. 38-50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: АН СССР, 1961. – 168 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М.:Наука, 1963. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Трегубов В.Е., Яблонский Л.Т. Горит из Филипповки // КСИА. – 2014а. – №233. – С. 64-71.

Трегубов В.Е., Яблонский Л.Т. Горит из Филипповки // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III. – Казань, 2014б. – С. 178-183.

Федоров В.К., Васильев В.Н. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана №4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. – 2017. – Т.17. №1. – С. 54-62.

Федоров В.К., Горшкова В.Е. Колчан из человеческой кожи в погребении раннего кочевника из башкирского Зауралья // УАВ. – 2001. – №3. – С. 178-180.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. – М.: ИА РАН, 2013. – 232 с.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского – 1 могильника) // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: ЮУрГУ, 2007. – С.16-23.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. «Золотой» меч из царского кургана №4 могильника Филиповка 1 // ВДИ. – 2011. – №4. – С. 219-250.

Резюме

Е.А. Купцов

Гориты и колчаны кочевников Южного Урала V – IV вв. до н.э. с наборным и плетёным корпусом

Статья посвящена горитам и колчанам ранних кочевников Южного Урала с наборным и плетенным корпусом. На основании материалов погребений и случайных находок V – IV вв. до н.э. рассматриваются особенности конструкции данной категории снаряжения конных лучников.

Summary

E.A. Kuptsov

Gorites and quivers of nomads of the Southern Urals of V - IV centuries BC with the typesetting and wattled case.

The article is devoted to the gorites and quivers of the early nomads of the Southern Urals with the type-setting and wattled case. Based on materials of burials and random finds of V - IV centuries BC features of the construction of this category of horse archers' equipment are considered.

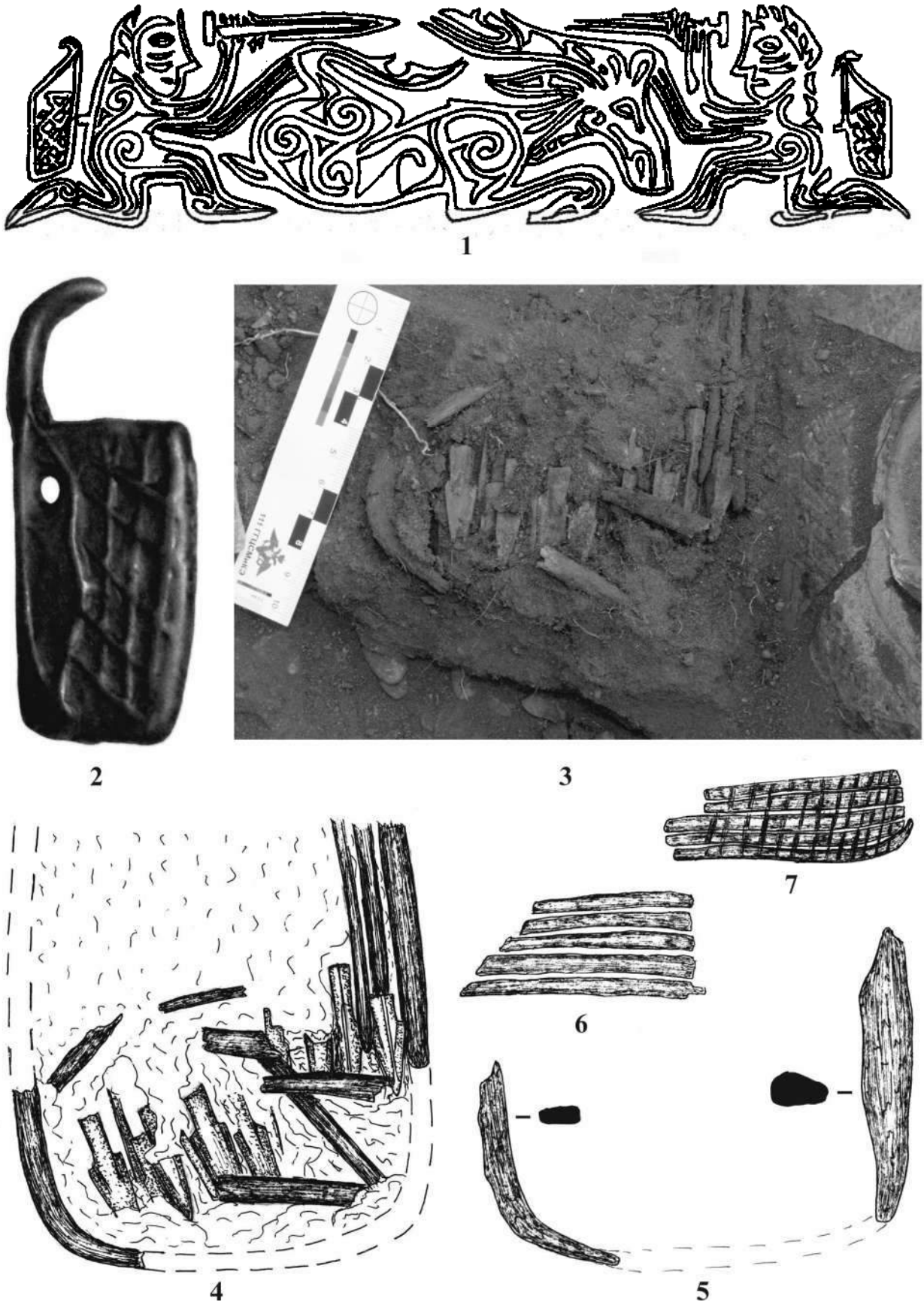


Рис.1. *1 – прорисовка фрагмента изображения на «золотом» мече из КМ Филипповка I К.4. П.2. (по Яблонскому, Рукавишниковой, Шемаханской); 2 – бронзовая подвеска, найденная близ Сикияз-Тамакского пещерного комплекса (экспозиция ГИМ ЮУ (Челябинск), фото автора); 3-7 – КМ II Имангулово 2-е, К.8.П.1. колчан №1.*

Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Р.
Институт археологии А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

УДК 902(574. 54)

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В 2015-2016 г.г. НА МОГИЛЬНИКЕ СЕНГИР-ТАМ 2

Түйінді сөздер: Сырдария, Сенгір там, оба, керамика, ат әбзелдері, моншақ, қанжар.
Keywords: Sirdary, Sengir-there 2, mound, ceramics, horse harness, beads, knife.

В 2015, 2016 годах Чирик рабатской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК было начато изучение раскопкой одного из памятников раннего железного века в Восточном Приаралья – могильник Сенгир-там 2. Курганной могильник Сенгир-там 2 по расположению, внешним признакам насыпей был похоже на раннее исследованных могильников Южный Тагискен и Уйгарак, что послужило выбора его для раскопки. Надо отметить, что он пока третьей памятник, обнаруженный в между Инкардария и Жанадария.

Работа выполнена в рамках гранта «Социально-экономический строй племен нижней течении Сырдарьи в раннем железном веке (VII-II вв до н.э.)».

В 1961 году стационарные археологические исследования Хорезмской археолого-этнографической (далее ХАЭЭ) экспедиции были начаты раскопки могильника Уйгарак (рис. 1. 2) под руководством О. А. Вишневской, которые продолжались в 1962, 1963 и 1965 годах, было исследовано 70 курганов (Вишневская, 1973, с. 6; Итина, Яблонский, 1997, с. 10). В этот же период М.А. Итиной были обследованы и раскопаны 38 курганов в южной части возвышенности Тагискен (могильник Южный Тагискен) (рис. 1. 1) (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 36-47; Итина, Яблонский, 1997; Итина, Яблонский, 2001).

Погребения на южном Тагискене и Уйгараке совершались на древнем горизонте и в грунтовых ямах, причем во всех случаях над захоронением насыпался курган. Совершались погребения по обряду трупоположения и трупосожжения (Вишневская, Итина, 1971, с. 197, рис. 14). Сходство погребального ритуала, наблюдаемое при анализе погребений обоих могильников, позволили относить их близкородственным этническим группам, что дало возможность рассматривать материалы могильников в едином комплексе (Толстов, Жданко, Итина, 1963).

Результатом этих исследований явилось открытие первых на территории Сырдарьинской дельты памятников раннего железного века – сакских курганных могильников.

После более чем 40-летнего перерыва изучения памятников раннего железного века в южной части древней дельты Сырдарьи возобновлены Чирикрабатской археологической экспедицией МОН РК.

Могильник Сенгир-там 2 расположен на одноименной возвышенности на левом берегу р. Жанадарья, в 6 км к северо-востоку от могильника Сенгир-там 1 и в 23 км к западу от городища Чирик-Рабат.

На некрополе насчитываются 23 кургана условно делящиеся на западную и восточную группы. Обе группы курганов вытянуты цепочкой запад-восток. Все курганы округлой формы, диаметром от 7 до 18 м, высотой от 0,1 до 1 м. На некоторых насыпей имеются впадины от грабительских раскопок.

Стационарные раскопки на памятнике было начато в 2015 году. В том полевом сезоне, снято топографический план памятника и исследовано четыре кургана (рис. 1. 3) (Курманкулов, Утубаев, 2016, 283-285).

Курган №1. Крайний курган западной группы. Высота насыпи кургана 0,4 м, диаметр 12 м (рис. 2. 1). Насыпь кургана сложена из песка красного цвета с известковыми вкраплениями. Базисные слои насыпи состояли из плотной протакырной супеси, перемешанный с измельченным керчом. В нижней части насыпи, поверх древней погребенной почвы зафиксировано супесчаные слои, насыщенные продуктами интенсивного горения.

Под насыпью на уровне древней погребальной поверхности зафиксирован камышовый настил, уложенный в форме неправильного круга, толщиной 0,1-0,2 м. Под камышовым настилом расчищена глиняная заливка округлой формы, темно-серого цвета и толщиной 0,1 м.

На поверхности глиняной заливки выявлена система из двенадцати столбовых ям. Из которых две наиболее большие, видимо, представляют собой остатки надземной погребальной конструкции. Обе ямы вытянуты по линии ЮЗ-СВ, и отстоят друг от друга на 1,4 м. Из-за того что в северной части погребальной конструкции не удалось зафиксировать столбовые ямы судить о ее форме не представляется возможным. От юго-восточной «стены» погребальной конструкции отходили параллельные ряды столбовых ям, моделирующие вход в погребальную камеру. Длина этого коридора – около 3, ширина 1,5 м. Диаметр столбовых ям колеблются в пределах от 10-12 см, глубина – от 20-23 см.

В северной части сооружения зафиксированы следы горения, по направлению с запада на восток в виде плотной линзы золы.

В центральной части погребального сооружения был обнаружен каменный оселок (рис. 3. 17). Человеческие кости не зафиксированы. Предположительно в древности захоронение было ограблено.

Раскопки показали, что погребальный обряд и захоронение происходило на древней дневной поверхности.

Курган №13. Располагался в северной части могильника, к северу от кургана №22.

В рельефе насыпь кургана не фиксировалась, захоронение было обнаружено по небольшой западине. Погребальное сооружение представляло собой округлую в плане насыпь, диаметром – 7 м, высотой 0,15 м (насыпь частично разрушена из-за ветровой эрозии) (рис. 2. 3).

Под насыпью была обнаружена могильная яма прямоугольной в плане форме. По нижнему контуру она имела размеры длиной 2,80 м, шириной 1,85 м ориентирована с востока на запад. Глубина могилы – 2,35 м от реперной точки.

Верхние слои заполнения ямы состояли из плотной слоистой светлой супеси (натечно-надувная масса). В заполнении ямы были найдены фрагменты лепного сосуда, которого удалось реставрировать – кувшин с грушевидным туловом и рукоятка железного ножа (рис. 3. 2, 11), а также разбросанные человеческие кости.

На глубине 2 м выявлен слой камыша и древесного тлена, под ним серая супесь, перемешанная с комками материкового суглинка.

На дне погребальной камеры находились: грушевидный сосуд (рис. 3. 1), орнаментированные сердоликовые (?) бусы, пастовые бусы зеленого и синего цвета (рис. 3. 14).

Стратиграфические наблюдения показали, что после погребения, древняя дневная поверхность над ямой была перекрыта камышом. Поверх камыша была сделана подсыпка из супеси, перемешанной с измельченным керчом. Захоронение в древности было ограблено.

Курган №20. Находится в центральной части восточной группы. Насыпь слабо выделялась в рельефе и фиксировалась по округлому в плане пятну измельченного известняка белого цвета и густой растительности по его периметру. Высота насыпи кургана – 0,35 м. диаметр – 10 м (рис. 2. 2). При зачистке поверхности древнего горизонта обнаружена глиняная линза.

В центре образованной глиняной линзой площадки находилась могильная яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами размеры 3,7х2,7 м. По нижнему контуру она имела размеры 2,65х2,25 м ориентирована с юго-востока на северо-запад. Глубина ямы 2,15 м от уровня погребенной почвы. Заполнение ямы состояло из желтой супеси, перемешанной с комками материкового суглинка. На дне погребальной камеры были расчищены разрозненные кости человеческого скелета.

Среди разбросанных грабителями костей были найдены бронзовые предметы конской упряжи. Фрагмент железного ножа, золотая нашивная бляшка, фрагмент костяного изделия и фрагмент железного предмета (рис. 3. 8-10, 12, 13, 18).

Курган №21. Находится в центральной группе, у края возвышенности, к юго-востоку от кургана №13. Насыпь слабовыделялась на рельефе и обнаружена по густой растительности на россыпи измельченного известняка. Высота кургана – 0,20 м. диаметр – 12 м (рис. 2. 4).

В центре образованной мощной глиняной линзой площадки находилась могильная яма. Яма перекрывалась древесно-камышовым слоем. Здесь по периметру могильной ямы обнаружено12 столбовых ям, с остатками древесины и тлена. Погребальная камера по внешнему контору округлой в плане формы - диаметром 3,5 м. По нижнему контору прямоугольной в плане формы, размеры 2,80х2,20 м ориентированная длинными сторонами по оси с востока на запад. Глубина ямы от уровня древней погребенной поверхности 2 м. Заполнение ямы состояло из желтой супеси, перемешанной с комками материкового суглинка, среди которых зафиксированы фрагменты древесины – остатки столбов, поддерживавших перекрытие. На дне погребальной камеры располагались 2 столбовые ямки, диаметром 10-15 см и глубиной 7-10 см. Таким образом, погребальное сооружение имело деревянное перекрытие, которое покоилась на нескольких опорных столбах.

На дне погребальной камеры был расчищен частично потревоженный скелет человека. В анатомическом порядке сохранились лишь кости нижних конечностей, а также кисти рук. Возле кисти рук лежал железный браслет (рис. 3. 16). Судя по сохранившимся insitu костям, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад, с небольшим отклонением к северу.

Среди разбросанных грабителями костей скелета были найдены фрагменты лепного сосуда, который удалось реставрировать – кувшин с грушевидным туловом с петлевидной ручкой (рис. 3. 3). А также найдены бронзовая колесико-амулет (рис. 3. 15) и фрагмент железного предмета.

Курган №22. Располагался в восточной части восточной группы. Курган слабо выделялся на рельефе и фиксировался в виде небольшой уплощенной насыпи. Высота кургана 0,20 м, диаметр 12 м (рис. 2. 5). Курган округлой в плане формы, насыпь состояла из светлой супеси, перемешанной с мелкой галькой.

Под насыпью на уровне древней погребальной поверхности вокруг ямы зафиксирован вал выкид из ямы из светло-серого песка. Вал округлый в плане формы. По всему периметру внутренней стороны вала расчищены остатки камышового настила, толщиной 0,1 м.

В центральной части насыпи обнаружена погребальная яма, верхние края которой разрушены грабительскими перекопами. По нижнему контору яма имела прямоугольную в плане форму, ориентированная длинными сторонами по оси северо-восток на юго-запад, размерами: ширина – 1,25 м, длина – 2,65 м, глубина – 1,6 м. По углам погребальной камеры располагались ямки округлой в плане формы. Во время расчистки ямы были найдены разбросанные человеческие кости и фрагмент керамической чаши (рис. 3. 6).

Курган №23. Располагался в центральной части восточной группы.

Погребальное сооружение представляло собой округлую в плане земляную насыпь, диаметром – 12 м, высотой 0,3 м (рис. 2. 6).

В центральной частью насыпи, находилась могильная яма прямоугольной в плане формы, размерами 4х3м. Ко дну могильная яма сужалась до 3,35х1,8 м. Ориентирована с востока на запад. Глубина могилы – 2,1 м.

Верхний слой заполнения ямы состоял из плотной слоистой светлой супеси. В этом слои заполнения были найдены: придонная часть кубка видного сосуда (рис. 3. 7) и также потревоженные человеческие кости.

На глубине 1,65 м выявлен слой камыша и древесного тлена, под ним серая супесь, перемешанная с комками материкового суглинка.

На дне погребальной камеры найдены фрагменты лепных сосудов (кувшин и кружка с ручкой) и бусы из стеклянной пасты зеленоватого цвета (рис. 3. 4, 5, 13).

Стратиграфические наблюдения показали, что после погребения, дневная поверхность над ямой была перекрыта камышом. Поверх камыша сделана подсыпка из супеси, перемешанной измельченным керчом.

Итак, несмотря на почти сплошное ограбление погребений могильника Сенгир-там 2 в процессе раскопок был получен немногочисленный разнообразный по составу инвентарь.

Керамика. Часть керамических сосудов при ограблении могил была разбита, их фрагменты находили не только на дне погребальных камер, но и в заполнении могильных ям. Таким образом, редко удавалось с достаточной степенью уверенности выявить изначальное местоположение сосудов в погребальной камере.

Все сосуды лепные, сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц. Они имеют серый или коричневый цвет. Черепок довольно грубый, обжиг костровой. Все сосуды плоскодонные. Среди археологически целых или восстанавливаемых сосудов четко выделяются формы, характерные для сырдарьинского ареалаасакских племен.

Встречаются кувшины без ручек и с ручкой. Кувшины без ручек имеют шаровидное и грушевидное тулова, расширяющееся к устью горло, которое заканчивается округлым или горизонтально срезанным краем. Кувшины найдены в курганах №№13, 23.

У миниатюрного кувшина с ручкой (курган №21) грушевидная форма и расширяющееся к устью горло.

Найдена кружка с ручкой (курган №23), имеющая шаровидное тулово и фрагмент полусферической чаши. Все указанные сосуды идентичны материалам из Тагискена (Итина, Яблонский, 1997, 38-40, рис. 45,1) и Уйгарака (Вишневская, 1973, табл. XXII, 2,3, 2-26).

Найдена ножка кубковидного сосуда (курган №23). Данный сосуд имеет прямые аналогии в кургане №9 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, рис. 3. 7). Однако, у Тагискенского сосуда сохранилась верхняя часть, а у Сенгиртамского сосуда только нижняя часть.

Вооружения. Найден фрагмент железного ножа в кургане №20. Однолезвийный железный нож с выделенной рукоятью в кургане №13. Такие варианты ножей имеют множество аналогий в сакских могильниках Приаралья. В частности, совершено аналогичные экземпляры были найдены в кургане № 61, Южный Тагискена (Итина, Яблонский 1997, с. 26) и могильнике Уйгарака (Вишневская 1973, с. 72, табл. II, XXI), где они были датированы VII-VI вв. до н.э.

Предметы конской упряжи представлены, несколькими бронзовыми предметами (курган №20), в частности бронзовым на носником в виде головы оленя, кольцевиднымии щитковыми пронизями нагрудных и уздечных ремней. Данная категория находок имеет широкий круг аналоги среди сакских памятниках Алтая (Шульга 2008, 88-92), Приаралье (Вишневская 1973, с. 106; Итина, Яблонский 1997, с. 59-60), сарматских памятниках (Смирнов 1964, с. 369) и Тасмолинских памятниках Центрального Казахстана (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966, с. 315).

Украшения. Также на могильнике имеются бусы. Например, в кургане № 13, 20, 23 были обнаружены бусы из бирюзы, сердолика. Шесть сердоликовых веретенообразных бусин с наведенным по поверхности содовым орнаментом. Длина 1,5-2 см. Бирюзовые бусы они неправильно-округлой, дисковидной формы зеленоватого цвета. Такого типа бусы аналогичные Сенгир-тамским, известны по материалам раскопок поселения Куюсай 2 (Вайнберг, 1997, табл. XI), в курган 6 могильника Тасмола V (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966, с. 423-424) и Южным Тагискене (Итина, Яблонский 1997, с. 44).

Один из наиболее распространенных видов украшений у ранних кочевников это металлические браслеты. Найден железный браслет с кургана №21. По классификации В. М. Клепикова относится к типу-1 вариант А (Клепиков 1998, с. 29). В частности, аналогичные экземпляры были найдены в Южного Приуарлья (Гуцалов, 2004, табл. 28).

Среди них выделяются предметы в виде колесиков и дисков из кургана №21. Оно вытянуто-овальные с литые бронзовые колесики с отверстием в центре и несколько спицами. По мнению Смирнова, они служили подвесками-амулетами к оружию, их прикрепляли к костюму или надевали на шею (Смирнов, 1964, с. 146). Связывают, как у многих древних народов, с солярными культами. Такие амулеты найдены в основном в погребениях VI-IV вв. до н.э.

К предметам труда и быта относится каменный оселок прямоугольной форма, найден в кургане №1. Полный аналогии им имеются в материалах могильников южный Тагискен (Итина, Яблонский 1997, рис. 14, 35; 29, 7; 33, 3), на могильнике Уйгарак (Вишневская 1973, с. 73), а также – в Сакарчага 1 и 3 (Яблонский, 1986, рис. 1).

Исходя из аналогий погребального обряда и инвентаря могильник Сенгир-там 2 относится сакской культуре и датируется VII-V вв до н.э.

Могильник Сенгир-там 2 относится к кругу исследованных ранее ХАЭЭ могильников Южный Тагискен и Уйгарак. Судя по материалам населения Восточного Приаралья имела тесные связи с населениями от Алтая на Востоке до Причернаморья на западе.

В дальнейшим памятник Сенгир-там 2 будет исследован и результаты будет включены в научный оборот.

Литература:

Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI. - М. 1997

Вишневская О.А. Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). ТХАЭЭ. Т. VIII. - М. 1973.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск-2004

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М., 2001.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М., 1997.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Часть 1. Барнаул 2008.

Вишневская О.А., Итина М.А., Ранние саки Приаралья // Проблемы Скифской археологии. М., 1971

Клепиков В.М. Женские браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников в IV в до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград. 1998.

Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Р. Предварительное сообщение о раскопках на могильнике Сенгир-там 2 в 2016 году // «Актуальные проблемы археологии Евразии» Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана. - Алматы, 2016.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.

Түйіндеме

Мақала мақсаты Қызылорда облысы Сырдария өзенінің бір тармағы болып саналатын Жаңадария арнасында орналасқан ерте темір дәуіріндегі Сенгір-там 2 ескерткішінің материалдарын ғылыми айналымға енгізу. Қорымды жерлеу рәсімдері мен табылған бұйымдарға қарап Арал өңірінің элиталық ескерткіштерінің біріне жатқызуға болады. Обалардан табылған жәдігерлердің сақтардың Оңтүстік Түгіскен және Ұйғарақ қорымдарына ұқсастығы көрсетілген. Сонымен қатар, табылған ат әбзелдерінің бұйымдары мен моншақтар сонау Алтай, Орталық Қазақстан, Оңтүстік Орал маңындағы обалардан табылған бұйымдарға ұқсастығы қызықты болып отыр. Табылған жәдігерлер негізінде ол б.з.д. VII-V ғғ. мерзімделеді.

Summary

The article is introduced into scientific circulation materials with a new monument of early Iron Age - Sengir-tam 2, located on the bank of the Zhanadarya river in Kyzylorda region . Funeral rites s and the inventory which presented here have a complete analogy to the monuments of Saks at the Aral Sea region, in particular at burial ground South Tagisken.

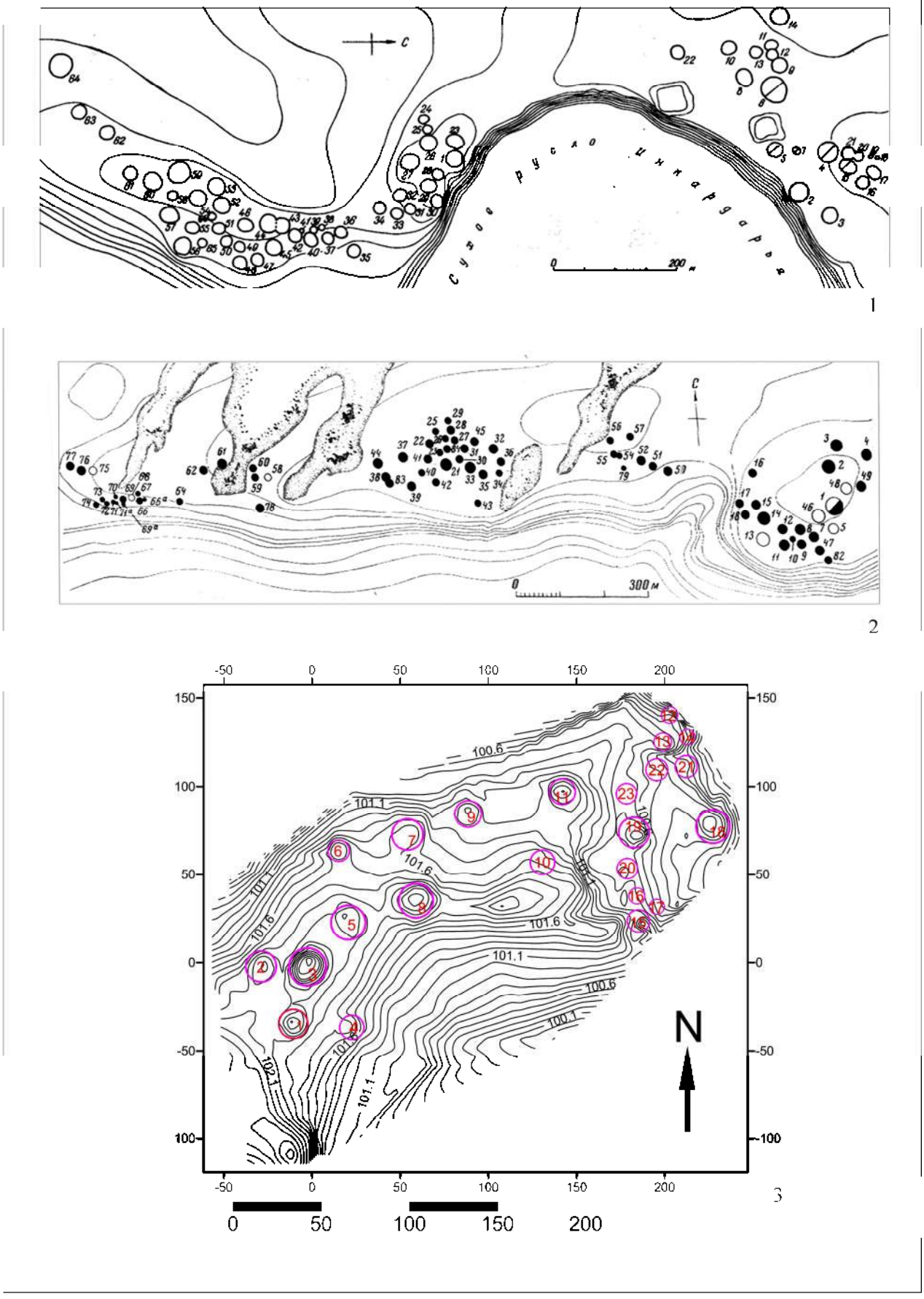


Рис. 1. Топографический план. 1- могильник Южный Тагискен; 2-могильник Уйгарак; 3- могильник Сенгир-там 2

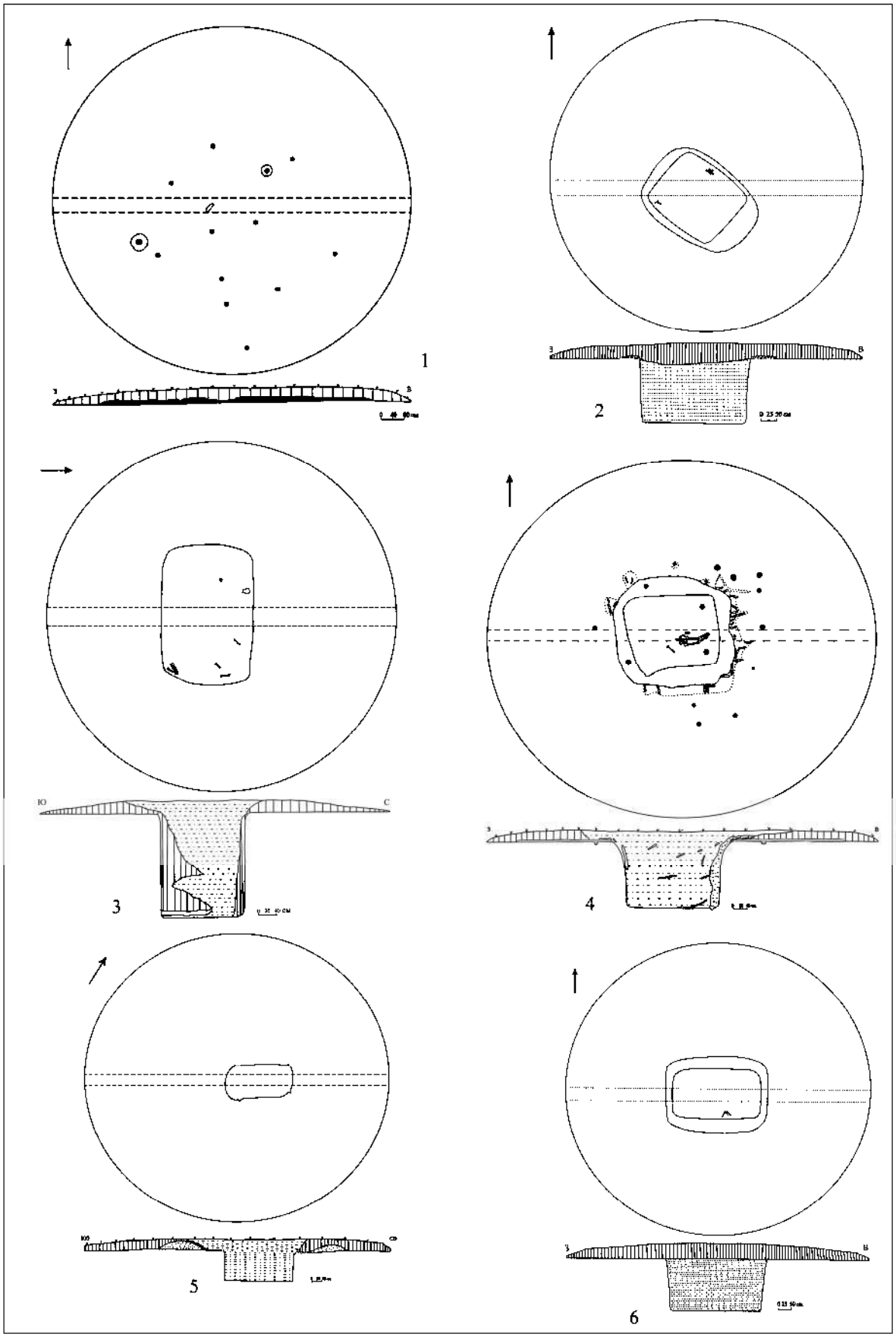


Рис. 2. План и разрез. 1- курган №1; 2- курган №20; 3- курган №13; 4- курган №21; 5- курган №22; 6- курган №23

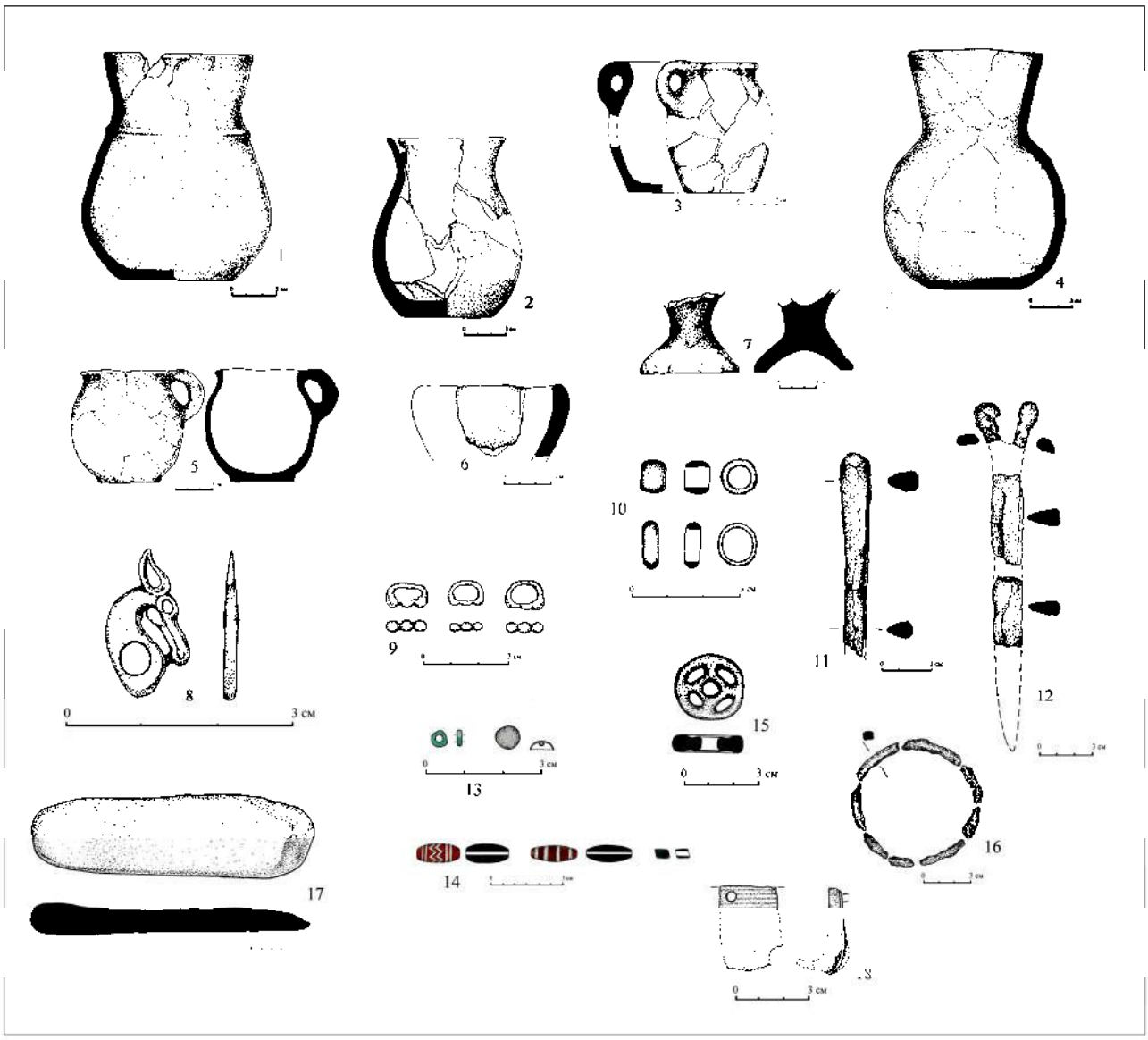


Рис. 3. Инвентари курганов. 1-7 – керамика; 8-10 - предметы конской упряжи; 11, 12 – железные нож; 13, 14 – бусы и нашивная бляшка; 15 – колесико-амулет; 16 – железный браслет; 17 – каменный оселок; 18 – фрагмент костяные изделия.

Курманкулов Ж. К., Утубаев Ж. Р., Касенова А. Д.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «КУРГАНА С УСАМИ» УНИРЕК 2 В ШЕТСКОМ РАЙОНЕ

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Унирек II, курган с «усами», ранний железный век.
Keywords: Central Kazakhstan, Unirek-2, mound with a "mustache", early Iron Age.

В публикации вводятся в научный оборот некоторые материалы, полученные в ходе разведочных работ в Центральном Казахстане под руководством Ж. Курманкулова. В числе прочих памятников Сарыарки в полевом сезоне 2017 г. исследован аварийный курган с «усами» (каменными грядами), возле которого найдено антропоморфное стела и оленный камень.

Объект находится в 6 км к юго-востоку от село Унирек (Шетский р-н Карагандинской обл.). GPS-координаты: N $48^0$4812.10 E $72^0$5944.89.

До раскопок объект представлял собой одиночный курган с каменной насыпью, округлой формы. К востоку от кургана отходятся две каменные гряды дугообразной формы, ориентированные по оси с запада на восток. На обеих гряд зафиксированы небольшие каменные выкладки округлой формы (рис. 1).

Курган округлой формы, сложен из рванных гранитных камней различных размеров. Насыпь кургана сильно разрушена из-за воздействия антропогенного фактора (частично разобрана на хозяйственные нужды), что стало причиной срочного исследования памятника. Сохранившийся диаметр кургана 12 м, высота 0,2 м.

Начало грядов («усов») находятся в 14 м. от кургана. Длина южной гряды 175 м, левой – 200 м, ширина доходит до 2,5 м, высота 0,2 м. Гряды состоят из бессистемно уложенных рванных гранитных камней, местами фиксируется вертикально вкопанные камни. На каждом конце гряд как и большинства подобных курганов фиксируются каменные выкладки округлой формы, размерами от 5 м до 5,5 м, высотой 0,2 м.

В средней части южной гряды наклонно, стоял «оленный камень» сделанный из светло-серого гранита по определению геолога инженера НС «Института геологических наук им. К.И. Сатпаева» У. Габитовой. В верхней части камня, изображен солярный знак «круг» (Ермоленко, Курманкулов, 2014, с. 341-348). Высота камня от уровня современной дневной поверхности составляет 1,2 м, ширина 0,18 м (рис. 2. 2).

С внешней и внутренней стороны гряды, расположены еще две каменные стелы.

Стела №1 находится в 1,5 м к северо-востоку от «оленного камня». Стела лежала на уровне современной дневной поверхности, одним краем соприкасаясь с каменной грядой. Она длинными сторонами ориентирована по оси С-Ю. Стела прямоугольной формы, выполнена зооморфном стиле напоминающей фигуру барана «койтас». Размеры: высота 1,3 м, ширина 0,20 см.

Стела №2 находится в 35 м к юго-западу от «оленного камня». Она лежала на уровне современной дневной поверхности. Длинными сторонами ориентировано по оси С-Ю. Антропоморфная стела прямоугольной формы Размеры: высота 1 м, ширина 20 см.

Процесс раскопок начался со снятия инструментального топографического плана памятника, разбивки раскопа и его нивелировки (рис. 1).

На кургане заложен раскоп, диаметром 12 м, с оставлением по центру стратиграфической бровки С-Ю, шириной 0,3 м.

После расчистки камней насыпи, зафиксированы все конструктивные элементы кургана (рис.2. 1). По периметру насыпь укреплена двойным рядом крепиды, сооруженных из поставленных на ребро каменных плит. К сожалению, многие камни лежат беспорядочно. После детальной фиксации насыпи, был произведен разбор камней и горизонтальная зачистка на уровне материка. На уровне материка костных останков и могильного пятна не зафиксировано.

В процессе зачистки камней кургана в северо-восточном секторе под камнями найдены разрушенный еще в древности железный котел (казан) (рис. 2. 3), железные наконечники стрел (рис. 2. 4), железные пряжка поясная (рис. 2. 5) и колчанный крюк из железа (рис. 2. 6).

В этом же секторе, на уровне материкового грунта найден сильно разрушенный донная часть лепного керамического сосуда (рис. 2. 7).

В восточной поле под камнями насыпи обнаружена каменная стела прямоугольной формы, высотой 0,9 м, шириной 0,4 м.

В результате раскопок, по конструктивным особенностям, каменной стеле и керамическому сосуду, нами определено, что курган сооружен в раннем железном веке и был местом для проведения ритуальных обрядов.

Центральный курган, судя по находкам железного котла, наконечников стрел относящиеся датирующиеся ранним средневековьем был использован вторично, опять же в ритуальных целях. Погребений под насыпью не зафиксировано.

Материалы кургана с «усами»Унирек 2 поставили новые вопросы о времени сооружения данного типа памятников. Здесь видно, что сам «курган с усами», судя по древнего облика стелам, был сооружен в эпоху раннего железа. Как известно, этот вид памятников М.К. Кадырбаев относил к тасмолинской археологической культуре (Кадырбаев, 1966), хотя не исключал, что подобные сооружения существовали целое тысячелетие – с середины I тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э. (Кадырбаев, 1959, с. 97). В насыпи кургана найдены железный котел и наконечники стрел, датирующиеся I -III вв н.э., что указывает на вторичное использование. Определить это по стратиграфии кургана затруднительно из-за разбора насыпи кургана для хозяйственных нужд местами населенными. Ставится вопрос о том, что использование ранней насыпи последующим населением происходило случайно или осмыслено?

Литература:

Кадырбаев М. К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вестник Академии Наук Казахской ССР. 1959. №7 (172).

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз ССР, 1966.

Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. Оленный камень из урочища Койшокы // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана: Сарыарка, 2014.

Түйіндеме

Мақалада Орталық Қазақстанның Шет ауданындағы (Үңірек) «жалпы евразиялық түрге» жататын «мұртты» обаны және ондағы бұғы, қойтастарды ғылыми айналымға енгізу. Болжам бойынша ескерткіш ерте темір дәуіріне мерзімделеді.

Summary

In this article, an emergency mound with a "mustache" is injected with a salty stone "common Eurasian type" installed on the southern ridge of a mound with a "mustache" in Central Kazakhstan (Unirek-2). The authors suggest that the tradition of setting vertical stones refers to the early Iron Age (1 millennium BC).

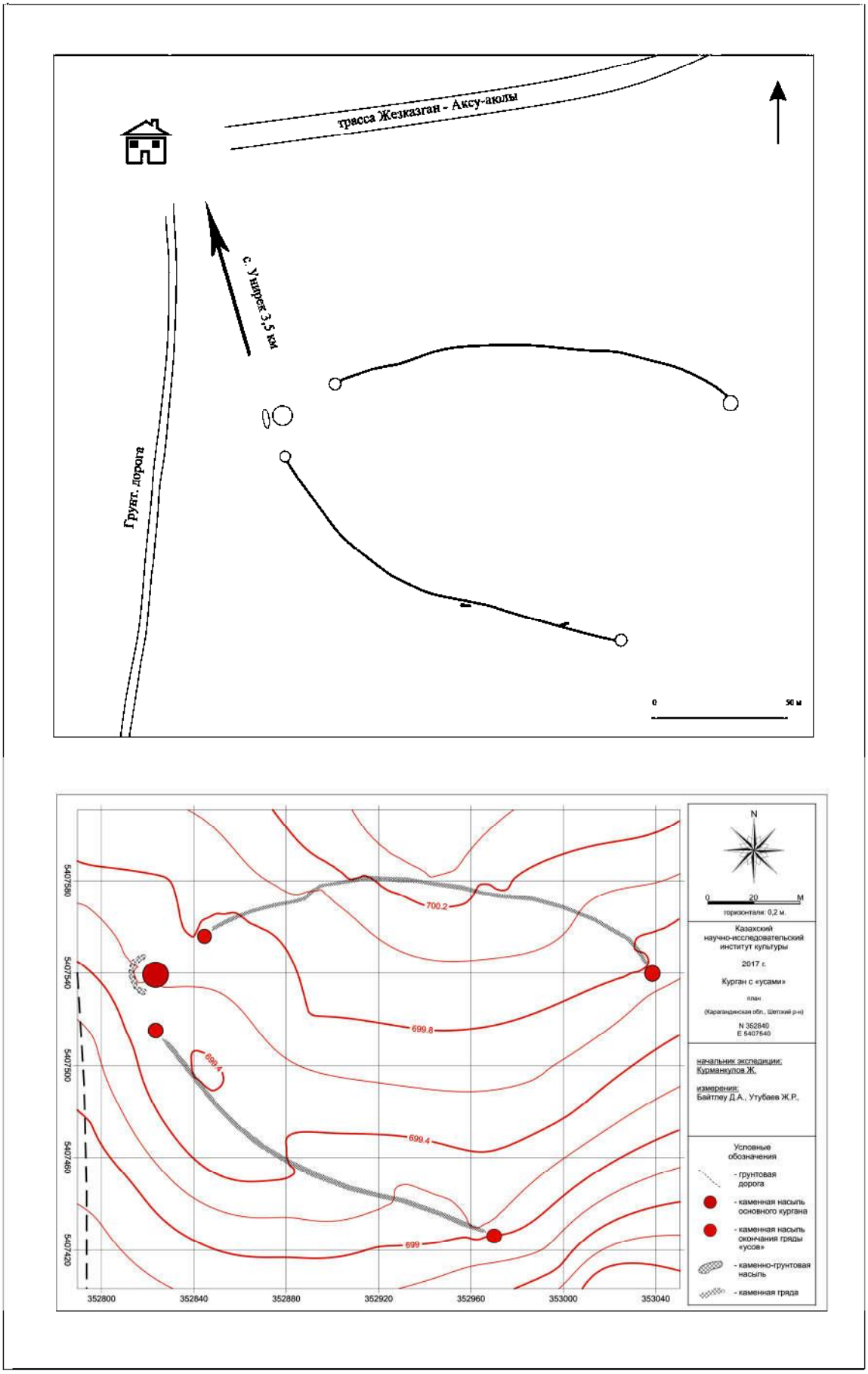


Рис. 1. Топографический план курган с «усами»

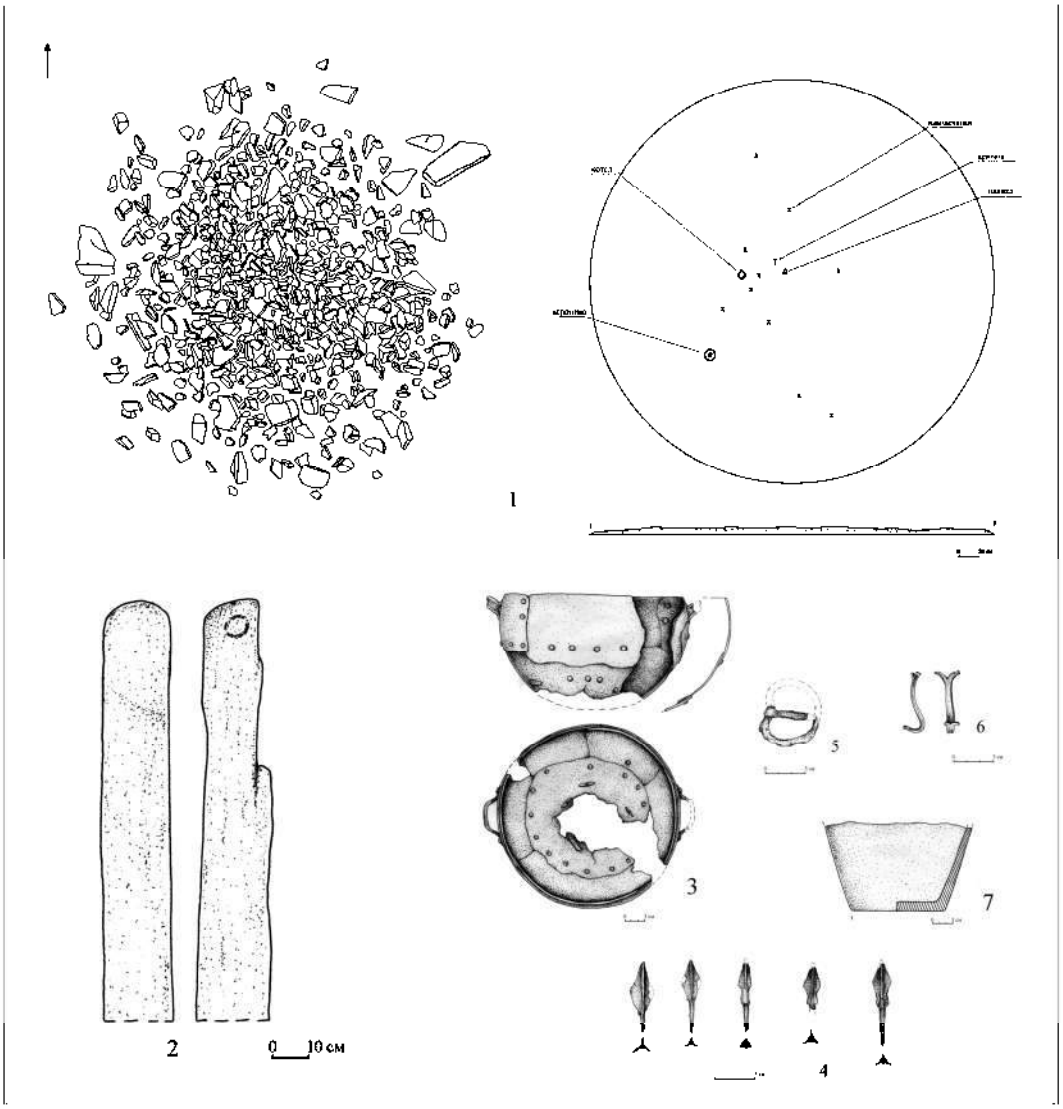


Рис. 2. 1-план и разрез; 2- «оленный камень»; 3- железный котел; 4- железные наконечники стрел; 5- железный пряжка; 6- колчанный крюк из железа; 7- донная часть лепного керамического сосуда

Логвин А.В., Шевнина И.В.,
Сеитов А.М., Нетета А.В.
Костанайский государственный
университет им. А.Байтурсынова,
Костанай, Казахстан

УДК 903/904

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ («ГЕОГЛИФЫ»*) ТУРГАЯ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Ключевые слова: «геоглифы»», «геоглифы» Тургая, Тургай, Уштогайский квадрат, ритуальный комплекс Урпек, Большой Ашутастинский крест, Малый Ашутастинский крест
Түйінді сөздер: «геоглифтер», Торғай «геоглифтері», Торғай, Үштоғай шаршысы, Үрпек ритуалдық кешені, Үлкен Ашутас кресті, Кіші Ашутас кресті.
Keywords: "geoglyphs", "geoglyphs" Turgai, Turgai, Ushtogai square, ritual complex Urpek, Great Ashutasty cross, Small Ashutasty cross

Впервые информация об объектах, получивших позднее название «геоглифы Торгая», была получена на общем собрании Оренбургской Ученой Архивной комиссии в 1909 г. в докладе Б.А. Скалова, о чем сообщает в своем труде И.А. Кастанье «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». Б.А Скалов доложил о наличии в пределах первой Наурзумской волости «…курганов, расположенных в ряд, образующих геометрические фигуры вроде треугольников и четыреугольников…расположены на одинаковом друг от друга расстоянии» (Кастанье, 1910, с. 64).

В дальнейшем, эти объекты не привлекали должного внимания исследователей, ситуация изменилась в настоящее время, когда стали общедоступны аэро и космоснимки. В результате изучения космоснимков, доступных в программе Google Earth, в 2007 Д. Деем был найден ряд геометрических объектов, самые известные из которых Уштогайский квадрат и Тургайская свастика.

Впоследствии сотрудниками лаборатории археологических исследований Костанайского государственного университета (Тургайская археологическая экспедиция) была проведена значительная работа по выявлению и фиксации данного вида памятников. Всего за период 2007–2017 гг. обнаружено при изучении космоснимков**, 88 «геоглифа» из них посещен и зафиксирован в соответствии с методикой полевых исследований 69 объект (рис. 1). Рассматриваемые объекты расположены относительно компактно в пределах Тургайского прогиба на высоких точках и имеют большие (32-680 м) размеры и геометрическую форму.

Описание объектов. Для сооружения «геоглифов», как правило, выбирались наиболее возвышенные участки местности, на различном удалении от водоемов, часто такими местами служили края чинков. Памятники сооружены из: курганообразных насыпей (69) или валов (2). Два объекта из валов, в плане имеют форму трехлучевой свастики (рис.2).

Тургайская свастика входит в археологический комплекс Урпек, представляющий собой сложный ритуальный комплекс, состоящий из 18 сооружений, в числе которых, кроме самой свастики, округлые насыпи и гантелевидные курганы. Тургайская свастика – трехлучевая, вихревая, сооружена из земляных валов. Каждый из лучей заканчивается зигзагообразной фигурой, концы которой загнуты против часовой стрелки. Высота насыпи до 0,3 м, длина луча около 33 м, ширина у основания 13–15 м, ширина на конце 10–12 м. Зигзагообразные фигуры длиной 40–50 м, шириной 5–6 м, длина загнутых частей 15–20 м. В центре сооружения имеется впадина диаметром 4 м, глубиной до 0,3 м. Свастика вписывается в окружность диаметром 90 м.

Свастика Жандра I, также трехлучевая, сооружена из земляных валов. В центре фигуры насыпь, диаметром 30 м, высотой 1,9 м. От центральной насыпи в северо-западном, северо-восточном и юго-восточном направлении отходят три луча длиной до 60 м и шириной до 15 м. Высота юго-восточного луча - 1,2 м, северо-восточного - 0,8 м, северо-западного - 0,7 м. Заканчиваются лучи круглыми насыпями с небольшими «отростками». Диаметр насыпей - 22 - 25 м, высота - 0,6 - 0,7 м. В центре каждой насыпи имеется провал диаметром до 12 м, глубиной 0,4-0,7 м.

В группе «геоглифов», сооруженных из курганообразных насыпей, по форме выделяются следующие: «линия», «крест», «квадрат», «кольцо». Все объекты, выполнены из насыпей округлой формы***, диаметром от 5 до 13 м, высотой от 0,05 до 0,8 м, в пределах одной фигуры, имеющих

одинаковые параметры и расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга. Количество насыпей в фигуре всегда нечетное (табл.1; рис.2).

Большинство объектов представлено «линиями» (48). Ориентировка по сторонам света разнообразна: ССВ – ЮЮЗ (17), С - Ю (12), СВ – ЮЗ (5), ССЗ – ЮЮВ (5), З – В (4), ЗСЗ – ВЮВ (3), ВСВ – ЗЮЗ (2), СЗ – ЮВ (1) (диагр.1). Длина линий от 32 м до 680 м. Количество насыпей в фигуре от 5 до 23 (диагр.2).

Диаграмма 1.

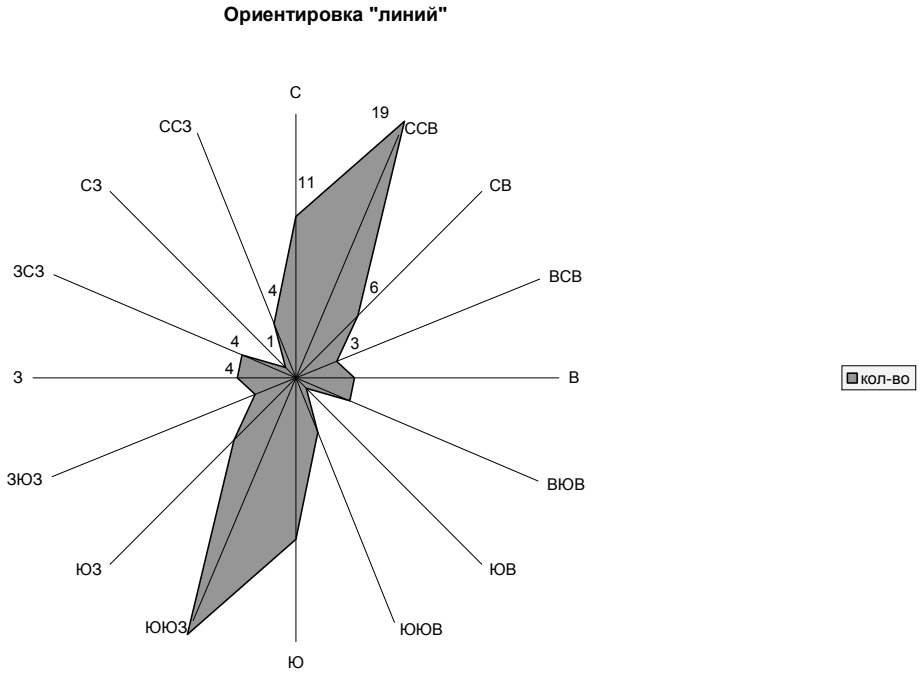
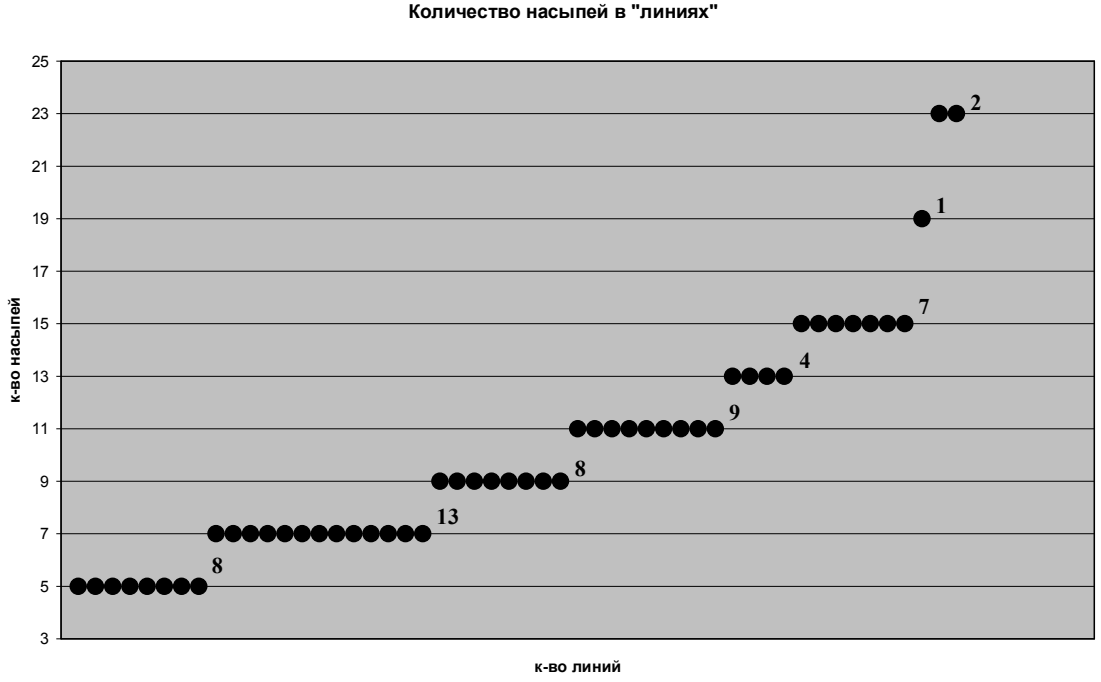


Диаграмма 2.



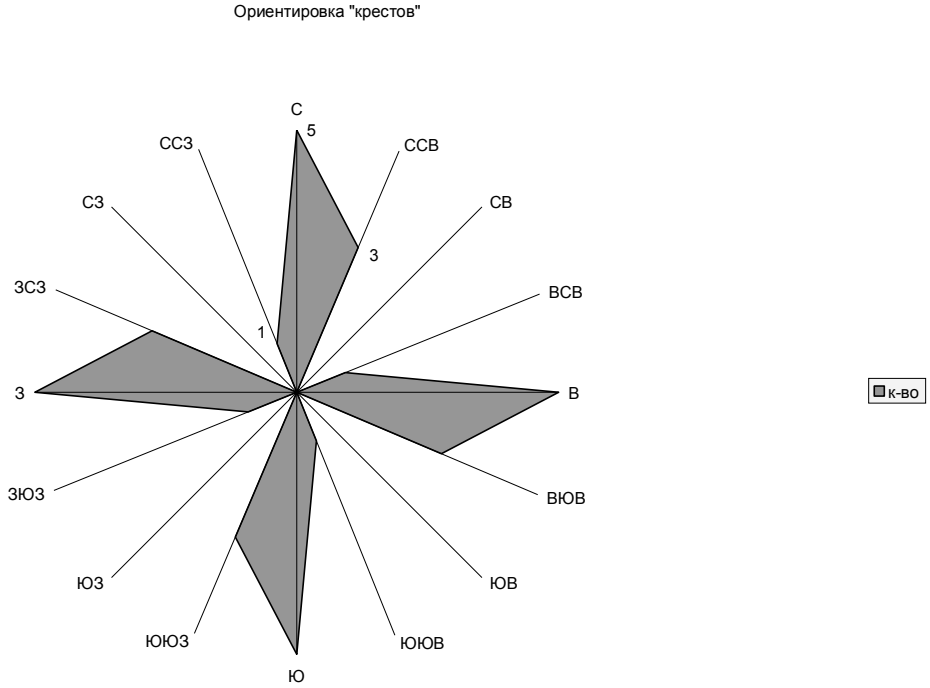
Зафиксированы как одинарные так и двойные линии. Двойных линий немного (4), у всех известных объектов одна линия короче другой, в трех случаях линии параллельны, в одном случае имеют разную ориентировку СВ – ЮЗ и ВСВ-ЗЮЗ.

«Кольцо» (9). К данной группе отнесены объекты, насыпи в которых выстроены в форму близкую кольцу. Зафиксировано 9 колец, из них 5 колец одиночных, остальные имеют рядом расположенную линию, что по нашему мнению представляет собой единый комплекс. Диаметры фигур от 30 до 170 м. Кольцо Суйиндык геометрически более тяготеет к фигуре ромба, поскольку имеет углы (размеры 105х140 м). У Алакольского кольца все вершины насыпей плоские. В комплексе Аксайская линия и кольцо к крайней, северной насыпи примыкают «усы». К северу от Тургайского кольца находятся три кольцевых рва.

«Квадрат». Данный объект представляет собой комплекс, включающий в себя, помимо Уштогайского квадрата, три кольцевых рва с северной стороны квадрата и линию с южной стороны квадрата. Сам квадрат сооружен из 101 насыпи выстроенной по периметру квадрата и по диагоналям. Длина стороны квадрата 287 м, длина диагонали – 406 м. Ориентировка по диагоналям - ССЗ-ЮЮВ – ВСВ-ЗЮЗ.

«Крест» (9) представляет собой перпендикулярные, перекрещивающиеся в центе линии. Размеры самой маленькой фигуры 75х105 м, самой большой 436х436 м, ориентировка фигур: СЮ-ЗВ (5), ССВ-ЮЮЗ – ЗСЗ-ВЮВ (3), ССЗ-ЮЮВ – ВСВ-ЗЮЗ (1) (диагр.3). Из конструктивных особенностей выделим следующие: на насыпи № 4 Малого Ашустатинского креста имеется наброс камней; к северу от Большого Ашутастинского креста расположены три кольцевых рва; между восточным и южным «лучом» Южно-Тургайского креста, ближе к центру фигуры находится курган, диаметром 22 м, высотой 1,5 м со рвом 4 м; у креста Жалдама поперечины креста не одинаковы по размеру и количеству насыпей.

Диаграмма 3.



Методы исследования. С целью культурно-хронологической атрибутации данных памятников были предприняты археологические раскопки на одной из насыпей Уштогайского квадрата (2007 г.) и Малого Ашутастинского креста (2013 г.). Кроме этого на одном из сооружений (насыпь №14) комплекса Урпек был заложен разведочный шурф. (Логвин, Шевнина, Сеитов, 2016, с. 56-64). В результате раскопок насыпей Уштогайского квадрата, Малого Ашутастинского креста и разведочного шурфа сооружения № 14 комплекса Урпек никаких артефактов и конструкций не было выявлено.

Кроме этого, на объектах применялся геофизический метод (с использованием георадиолокационного комплекса Лоза-В), который также не выявила каких-либо особенностей конструкций.

Для более точной датировки были отобраны образцы почв для OSL анализа (2012 г.). Для этого были заложены разведочные шурфы в насыпях «геоглифов» Тургайского кольца, Большого Ашутастинского креста. Результаты OSL- анализа дали практические идентичные даты. Большой

Ашутастинский крест – 2800 (L2623) и Тургайское кольцо- 2750 лет назад (L2624), то есть переходный период от финала бронзового века к раннему железному веку.

В разведочной траншее Тургайского кольца, в слое, была обнаружена кость, радиоуглеродный анализ которой указал на период поздней древности (табл.2) (Motuzaite Matuzeviciute, Logvin, Shevnina, Seitov, Feng, Zhou, 2016, с.6).

Таблица 2. Результаты AMS анализа образца из Тургайского кольца (по: [Motuzaite Matuzeviciute, Logvin et al., 2016, с. 6])

Лабораторный шифр	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата 68.3 (1 sigma)	Калиброванная дата 95.4 (2 sigma)
UBA-23654	Тургайское кольцо, траншея	1965±28	cal AD 6 – 68	cal BC 42 – cal AD 85

Обсуждение. На данный момент мы не имеем достаточных оснований для установления точной культурно-хронологической позиции и функционального назначения «геоглифов» Тургая. По имеющимся данным естественных наук датировка памятников представляется достаточно широкой от финала эпохи бронзы до первых веков нашей эры. Отсутствие же каких-либо признаков погребения, могильной ямы, конструкции или находок (за исключением кости животного в насыпи *Тургайского кольца*) затрудняет интерпретацию этих объектов.

В ходе работы был высказан ряд предположений о предназначении «геоглифов». Среди них: маркер территориальной собственности или присутствия определенного населения в данной местности, сакральная или культовая функция, места астрономического наблюдения. Небольшая высота большинства объектов, расположение некоторых из них рядом друг с другом, противоречит на наш взгляд идее о функции их в качестве знаков территориальной собственности.

Учитывая, что в древности значительная часть жизни человека была подчинена разного рода ритуалам, большая часть которых связана с главными светилами и имеющими к ним отношение небесными явлениями, нельзя полностью исключать астрономическую составляющую при сооружении «геоглифов». Однако следует признать малую вероятность использования данных объектов в качестве пригоризонтной обсерватории хотя бы исходя из их различной ориентировки по сторонам света от меридиональной до широтной. Видимо астрономическая функция не являлась определяющей при сооружении «геоглифов».

По нашему мнению, на данный момент, гипотеза сакрально-культового назначения данных объектов наиболее обоснована.

Поскольку подробный обзор аналогий уже был проведен ранее (Логвин, Шевнина, Сеитов, 2016, с. 60-64; Логвин, Шевнина, Сеитов, Нетета, 2018, с. 30-63), остановимся лишь на некоторых аспектах.

Наиболее близкие аналогии тургайским объектам мы видим на могильнике Чаш-Тепе (юго-восточный край плато Устюрт, нижняя Амударья). Большинство объектов расположенных на этом могильнике имеют внешнее сходство с тургайскими «линиями», «кольцами» и «свастиками» по форме, ориентировке, количеству и размеру насыпей (Рапопорт, Трудновская, 1979; Толстов, 1948; Игонин, 1968, с. 257-267). Комплекс датирован авторами раскопок в пределах первых веков нашей эры и вплоть до второй половины I тыс. н.э. (Рапопорт, Трудновская, 1979).

Чаш-Тепинские «свастики», так же как и тургайские были образованы невысокими насыпными валами. Более того *Тургайская свастика* по конструктивным особенностям и размеру подобна чаштепинским объектам. Ю.А. Рапопорт и С.А. Трудновская считают чаштепинские «свастики» «символическими знаками» (Рапопорт, Трудновская, 1979).

Форма трехлучевых свастик Тургая (*Тургайской свастики* и *Жандры 1*) близка некоторым изображениям тамг «сармато-аланского» времени I в. до н.э. – III в. н.э., распространенных от Центральной и Средней Азии на востоке, до Восточной Европы и Северного Причерноморья на западе (Вайнберг, 1977, с. 184, табл. XV; Толстов, 1948, с. 182, рис. 108; Буряков, Кошеленко, 1985, табл. CXLIX, 18; Яценко, 2001, с. 38–39, 67, рис. 6; 10; 13, *I*; 14, *h*; 18, *2–3, 16–17*; 25, *а 3–4, в 21*; 35, *149, 207*; 6, *92, 113*; 27, *96*; 28, *47–48,121*; 29, *52–53, 60, 94–95*; 39).

Говоря о геометрических сооружениях Тургая нельзя не отметить, что, у более 80 % так называемых «геоглифов» в радиусе от нескольких метров до 300 расположены другие археологические объекты. Подавляющее большинство это - курганы со рвом или без рва (более 70 шт.) с местоположением (относительно «геоглифа») в основном в южном и восточном секторах. Эти погребальные памятники могут не иметь никакой связи с «геоглифами, но в то же время можно

предположить, что «геоглифы» могли быть вторичными по отношению к определенным курганам и устраивались рядом как часть ритуала. Как известно, к ритуальным объектам относятся разнообразные выкладки, «курганчики», жертвенники, поминальные курганы-кенотафы и т.д. По функциональному назначению они делятся на памятники поминального и жертвенного характера (Дворников, 2004; Шелепова, 2009). Такие сооружения в основном известны в ряде степных культур от эпохи бронзы и скифо-сакского времени до средневековья в Центральной Азии (Шелепова, 2009) и частично в Казахстане, например, погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» (Центральный Казахстан), датируемый VIII–V вв. до н.э. (Бейсенов, 2015, с.6-12; Кадырбаев, 1958, с.95-104; Маргулан, 1966).

Кроме обычных курганов, рядом с «геоглифами» отмечены и другие объекты: курганы с «усами» (грядами) (3 шт.), гантелевидные курганы (5 шт.), прямоугольный курган, кольцевые рвы (7 шт.), подпрямоугольные сооружения из валов (5 шт.).

Например, к самой крайней северной насыпи в *Аксайской линии* пристроены «усы» (есть вероятность того, что *Аксайская линия* была сооружена раньше). Подобные случаи не редки, исследователи отмечают, что «усы» часто пристраивали к рядом стоящим курганам, которые были построены намного раньше (эпоха бронзы, раннесакское, савромато-сарматское или гунно-сарматское время) или в одно время при сооружении всего комплекса (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с.15-98).

Необходимо отметить, что форма тургайских «линий» и размер их насыпей близки некоторым курганам с «усами» (грядами) Урало-казахстанских степей (Бейсенов, 1996, с. 31-41; Бейсенов, 1997, с. 1-25; Кадырбаев, 1958, с. 95-104; Мариковский, 1983, с. 26-31).

Гантелеобразные курганы, подпрямоугольные склепообразные сооружения, обнаруженные рядом с некоторыми «геоглифами» относятся к гунно-сарматскому времени. Как известно, гунно-сарматские жертвенно-поминальные памятники, совмещали культовые и погребальные функции (Боталов, 2009; Мошкова, 1984, с. 196-205). К примеру, *линия Коктас* находится на территории *могильника Коктас* гунно-сарматского времени, в который входят склепообразные земляные сооружения, курганы и гантелевидные курганы. В комплекс Урпек, кроме *Тургайской свастики* входят также гантелевидные курганы и насыпи.

Таким образом, считаем важным отметить, что все расположенные рядом с «геоглифами» археологические объекты, так или иначе, имеют ритуально-поминальный характер.

Обзор аналогий, данные OSL и AMS анализов дают возможность предварительно отнести тургайские «геоглифы» к разряду ритуально-сакральных объектов, бытовавших в промежуток времени между эпохой финальной бронзы и первыми веками нашей эры. К тому же нечетное количество насыпей, возможно символического, сакрального значения, не противоречит этому предположению. Ведь в мифологических представлениях многих народов нечетное и четное – это противопоставление мужского и женского, правого и левого, верха и низа, небесного и земного.

В заключении отметим, что, исходя из выше сказанного, на данный момент нет оснований для применения такого термина как «геоглиф», так как он не отражает сути тургайских объектов и их функционального назначения. По нашему мнению, точнее было бы данные объекты называть геометрическими ритуальными комплексами, поскольку, вероятнее всего они относятся к сакральной сфере человека.

*Термин «геоглиф» (от греч. ge – земля + glypho – черчу, вырезаю, glyphos – выдолбленный) – рисунок, созданный рельефным способом на земле. Это понятие стало использоваться при описании гигантских рисунков, линий и геометрических фигур, известных как геоглифы Наска, открытых в первой половине XX века в Южной Америке. В связи с отсутствием в археологии Евразийских степей, аналогичных тургайским объектам памятников, авторами для обозначения огромных рукотворных геометрических фигур Тургая первоначально использовался термин «геоглиф» (Логвин, Шевнина, Дей, 2011). По мере накопления данных авторы пришли к тому, что термин «геоглиф» не отражает сути тургайских объектов и их функционального назначения, и может использоваться в отношении данных объектов только условно, поэтому в англоязычной работе был использован термин «geometric earthworks» (Motuzaite Matuzeviciute, Logvin, Shevnina et al., 2016].

**Использовались космоснимки из разных баз данных, находящиеся в общем доступе (Google,Yandex и др.).

***Поскольку пока не было найдено захоронений под насыпями в «геоглифах» Тургая, нет оснований называть их курганами.

Литература:

Бейсенов А.З. Культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана // Известия Мин. Науки. – Алматы: АН РК, 1996. - № 2. – С. 31–41.

Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (7 – 1 вв. до н.э.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Алматы, 1997. – 25 с.

Бейсенов А.З. Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск: ЮУрГУ, 2015. – Т. 15, № 1. – С. 6–12.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. – 232 с.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ООО «ЦИРК «Рифей», 2009. – 672 с.

Буряков Ю.Ф., Кошеленко Г.А. Ташкентский оазис // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985.– С. 297–303.

Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. – М.: Наука, 1977. – 223 с.

Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка– М.: Русский язык, 1979. – Т.2. И–О.– 779 с.

Дворников Э.П. Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая: автореф. …канд. ист. наук. 07.00.06– Барнаул, 2004. – 24 с.

Игонин Н.И. Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 257–267.

Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата: АН КазССР, 1958 – Вып. 1 (6). – С. 95–104.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. – Оренбург, 1910. – Вып. XXII. – 329 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Дей Д.Б. Геоглифы Торгая // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: Западно-казахстанский центр истории и археологии, 2011. – № 1. – С. 226–229.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Ритуальный комплекс Урпек (предварительное сообщение) // Религия и система мировоззрений древних и средневековых номадов Евразии. – Астана, 2016. – С. 56-64.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Ритуальные комплексы («геоглифы») Тургайского прогиба (предварительное сообщение) // Archaeoastronomy and Ancient Technologia. - 2018 – Vol. 6, № 1. P. 30-63.

Маргулан А.Х. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Мариковский П.И. К изучению астрономического значения курганов с грядами // Вестник АН КазССР. – Алма-Ата: «Наука», 1983.– № 4. — С. 26–31.

Мошкова М.Г. Культовые сооружения Лебедевского могильника //Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 196–205.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-Тепе// Кочевники на границах Хорезма. – Тр.ХАЭЭ. – XI. – М.: Наука, 1979. – С. 151–166.

Толстов С.П. Древний Хорезм. – М: МГУ, 1948. – 351 с.

Шелепова Е.В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья: автореф. …канд. ист. наук. 07.00.06 – Барнаул, 2009. – 24 с.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 190 с.

Motuzaite Matuzeviciute G., Logvin A.V., Shevnina I., Seitov A.M., Feng J., Zhou L. OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan // Archaeological Research in Asia, 2016. – P. 1–9.

Резюме

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В.

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ («ГЕОГЛИФЫ») ТУРГАЯ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Термин «геоглиф» - рисунок, созданный рельефным способом на земле. Авторами первоначально использовался термин «геоглиф». По мере накопления данных авторы пришли к тому, что термин «геоглиф» не отражает сути тургайских объектов и их функционального назначения, и может использоваться в отношении данных объектов только условно, поэтому в англоязычной работе был использован термин «geometric earthworks». Всего за период 2007–2017 гг. обнаружено при изучении космоснимков, 88 «геоглифа» из них посещен и зафиксирован в соответствии с методикой полевых исследований 61 объект. Рассматриваемые объекты расположены относительно компактно в пределах Тургайского прогиба на высоких точках и имеют большие (32-680 м) размеры и геометрическую форму. Памятники сооружены из: курганообразных насыпей (69) и валов (2). Обзор аналогий, данные OSL и AMS анализов дают возможность предварительно отнести тургайские «геоглифы» к разряду ритуально-сакральных объектов, бытовавших в промежуток времени между эпохой финальной бронзы и первыми веками нашей эры.

Түйіндеме

А.В. Логвин, И.В. Шевнина, А.М. Сеитов, А.В. Нетета

ТОРҒАЙДЫҢ ГЕОМЕТРИЯЛЫҚ РИТУАЛДЫҚ КЕШЕНДЕРІ («ГЕОГЛИФТЕРІ»): ЖҮЙЕЛЕУ ТӘЖІРБИЕСІ

"Геоглиф" термині - жер бетінде бедерлі әдіспен құрылған сурет. Авторлар Торғайдағы үлкен қолдан жасалған геометриялық фигураларды белгілеу үшін бастапқыда "геоглиф" терминін қолданған. Деректердің жиналуына қарай, авторлар "геоглиф" термині торғай объектілерінің мәні мен олардың функционалдық мақсатын көрсетпейді және бұл объектілерге қатысты тек шартты түрде қолданылуы мүмкін екендігін айтады, сондықтан ағылшын жұмысында "geometrik eathworks" термині қолданылған. Барлығы 2007-2017 жж. аралығында ғарыштық түсірілімдерді зерттеу кезінде 88 "геоглиф" табылған, соның ішінен далалық зерттеулер әдістемесіне сәйкес 61 объект қаралып тіркелген. Қаралатын объектілер Торғай өлкесі шегінде салыстырмалы жинақы, жоғары нүктелерінде орналасқан және өлшемдері (32-680м) мен геометриялық нысаны үлкен болады. Ескерткіштер: қорған тәрізді үйінділерден (69) және созылыңқыраған топырақ үйінділерінен (2) құрылған. Ұқсастықтарды шолу, OSL және AMS талдау деректері торғай "геоглифтерін" соңғы қола және біздің дәуіріміздің бірінші ғасыры аралығында қолданылған ритуалды-киелі объектілері қатарына алдын-ала жатқызуға мүмкіндік береді.

Summary

A.V. Logvin, I.V. Shevnina, A.M. Seitov, A.V. Neteta

GEOMETRIC RITUAL COMPLEXES ("GEOGLIFS") TURGAI: THE EXPERIENCE OF SYSTEMATIZATION

The term "geoglyph" is a pattern created in a relief way on the ground. The authors originally used the term "geoglyph". As data accumulated, the authors came to the conclusion that the term "geoglyph" does not reflect the essence of Turgai objects and their functional purpose, and can only be used for these objects conditionally, so the term "geometric earthworks" was used in English-language work. In total for the period 2007-2017 61 objects have been visited and fixed in accordance with the field research methodology, 88 of the "geoglyph". The objects under consideration are relatively compact within the Turgai trough at high points and have large (32-680 m) dimensions and geometric shapes. Monuments are built of: kurgan-like embankments (69) and shafts (2). A review of the analogies given by OSL and AMS analyzes make it possible to include Turgai's "geoglyphs" as ritual-sacral objects that existed between the epoch of the final bronze and the first centuries of our era.

Таблица 1. Параметры геометрических комплексов Тургая

№п/п	Название	тип				размер фигуры/м	ориентировка	к-во насыпей	d насыпей/м	h насыпей/м	конструктивные особенности	сопутствующие памятники
		линия	крест	кольцо	квадрат							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Линия Ашутасты	+				40	ССВ-ЮЮЗ	5	6-8	0.1		
2	Линия Ащыбутак	+				142	ССВ-ЮЮЗ	13	7-8	0,2		+
3	Малый Ашутастинский крест		+			100	ССВ-ЮЮЗ - ЗСЗ-ВЮВ	17	8-9	0,2-0,3	Одна из насыпей имеет наброс камней	+
4	Большой Ашутастинский крест		+			436	СЮ-ЗВ	41	12-13	0,8-1		+
5	Уштогайский квадрат				+	287х287 диаг 406	ССЗ-ЮЮВ - ВСВ-ЗЮЗ	101	10-12	0,8-1	Квадрат имеет диагонали	+
6	Аксайская линия	+				335	ССВ-ЮЮЗ	15	10-12	0,5-0,7	Крайняя северная насыпь имеет "усы" из земли.	+
7	Аксайское кольцо			+		35		9	8-10	0,2-0,3		+
8	Кара-Тургайская линия	+				230	ССЗ-ЮЮВ	15	10	0,2		+
9	Кара-Тургайское кольцо			+		45		9	8	0,2-0,3	Земля, камень	+
10	Кара-Тургайский крест		+			210х235	СЮ-ЗВ	21	10	0,2-0,3		+
11	Житикаринская линия	+				680	СЮ	23	5-7	0,1-0,4	Состоит из двух частей	+
12	Кольцо Каинды			+		70		15	8	0,3-0,4		
13	"Кольцо" Суйындык			+		105х140		29	6-8	0,1		+
14	Крест Акшыганак		+			170х160	ССЗ-ЮЮВ - ЗЮЗ-ВСВ	21	8-9	0,1		+
15	Крест Жарсай		+			240	ССВ-ЮЮЗ - ЗСЗ-ВЮВ	25	12	0,5		+
16	Крест Махат		+			237х221	СЮ-ЗВ	25	7-10	0,2-0,4		+
17	Линии Аршалы	+ +				32 162	ССВ-ЮЮЗ	5 13	5-6	0,1	Две паралельные линии	+
18	Линия Акшыганак	+				130	СЗ-ЮВ	9	7-8	0,1		+
19	Линия Андагул	+				70	ЗСЗ-ВЮВ	5	7-8	0,2		

20	Линия Егинколь	+				82	СЮ	9	7-8	0,1		+
21	Линия Жалтытобе	+				130	СВ-ЮЗ	11	5-6	0,2		+
22	Линия Жарсай	+				85	ЗВ	7	8	0,3		
23	Линия Жарык	+				90	ССЗ-ЮЮВ	7	6-8	0,1		+
24	Линия Жосалы	+				480	ЗВ	23	10	0,4	На дной насыпи имеется наброс камней	+
25	Линия Каинды	+				145	ЗВ	13	6	0,05		+
26	Линия Карабулак	+				220	СЮ	15	8	0,3		+
27	Линия Кызылкан	+				230	СЮ	19	6	0,15		+
28	Линия Тасты	+				120	ССВ-ЮЮЗ	11	7-8	0,15-0,2		+
29	Линия Торткотай	+				90	ССЗ-ЮЮВ	7	8	0,2		+
30	Линия Шилисай	+				75	ССЗ-ЮЮВ	5	8	0,1		+
31	Тургайское кольцо			+		170		25	8-10	0,8-1		+
32	Уштогайская линия	+				55	ЗВ	7	7-8	0,2-0,3		+
33	Южно-Тургайский крест		+			160х195	СЮ-ЗВ	21	12	0,5		+
34	Южно-Тургайское кольцо			+		50		15	10-12	0,3		+
35	Рудненская линия	+				380	СЮ	15	10	0,3		+
36	Линия Жалдама	+				85	СВ-ЮЗ	7	6	0,05		+
37	Кольцо Жалдама			+		30		7	5-6	0,05		+
38	Линия Кызылколь	+				140	ССВ-ЮЮЗ	11	6	0,1		+
39	Крест Жалдама		+			105х75	ССВ-ЮЮЗ - ЗСЗ-ВЮВ	15	6	0,05	"поперечины "креста не одинаковы по количеству насыпей	+
40	Линия Тастемир	+				66	СВ-ЮЗ	7	8	0,1		+
41	Линии Шинсай	+ +				85 108	СЮ	7 9	6	0,1	две паралельные линии	+
42	Крест Егинды		+			140х150	СЮ-ЗВ	21	7	0,2		+
43	Линия Карабидайык	+				110	ВСВ-ЗЮЗ	11	6	0,1		+
44	Линия Уйрек	+				54	ССВ-ЮЮЗ	7	6	0,2		
45	Линия Азербай	+				285	ССВ-ЮЮЗ	15	6	0,1		+
46	Линия Жолоба	+				48		5	6	0,1		
47	Линия Аласор	+				67	ССВ-	5	6	0,2		+

							ЮЮЗ					
48	Алакольское кольцо			+		90		25	6	0,1-0,3	вершины насыпей плоские	+
49	Алакольские линии	+				120	ССВ-ЮЮЗ	11	8	0,1-0,05	две паралельные линии	+
		+				60		5				
50	Линии Косжан	+				162	СВ-ЮЗ	11	8	0,1-0,2	две непараллельные линии	+
		+				125	ВСВ-ЗЮЗ	8				
51	Линия Коктау	+				115	СВ-ЮЗ	11	10	0,4-0,5		
52	Линия Богет	+				105	ССВ-ЮЮЗ	9	8	0,3		+
53	Линия Коктас	+				75	СЮ	7	7-8	0,1		+
54	Линия Куат	+				175	ССВ-ЮЮЗ	11	8-10	0,1-0,3		+
55	Линия Кызылоба	+				200	ССВ-ЮЮЗ	15	10	0,2		+
56	Линия Ащылы	+				60	СЮ	7	8	0,2	Земля, камень	
57	Линия Мулькольян	+				74	ССВ-ЮЮЗ	9	7-8	0,2	насыпи расположены вплотную друг к другу	+
58	Линия Сайкудук	+				105	СЮ	9	6-7	0,1		
59	Линия Тажен	+				50	ЗСЗ-ВЮВ	7	5-6	0,1-0,05		
60	Линия Шийли	+				200	ССВ-ЮЮЗ	13	10-12	0,5		+
61	Линия Акбулак	+				180	СЮ	15	12	0,3		+
62	Линия Шоптиколь	+				90	ВСВ-ЗЮЗ	7	10	0,2		
63	Линия Удербай	+				62	СЮ	7	8	0,05		+
64	Линия Сандыктау	+				90	СВ-ЮЗ	9	8	0,2		
65	Кольцо Терисбутак			+		85		23	10	0,2		+
66	Л иния Караоба	+				115	ВЮВ-ЗСЗ	11	8	0,1		+
67	Линия Когалы	+				65	ССВ-ЮЮВ	5	8	0,15		

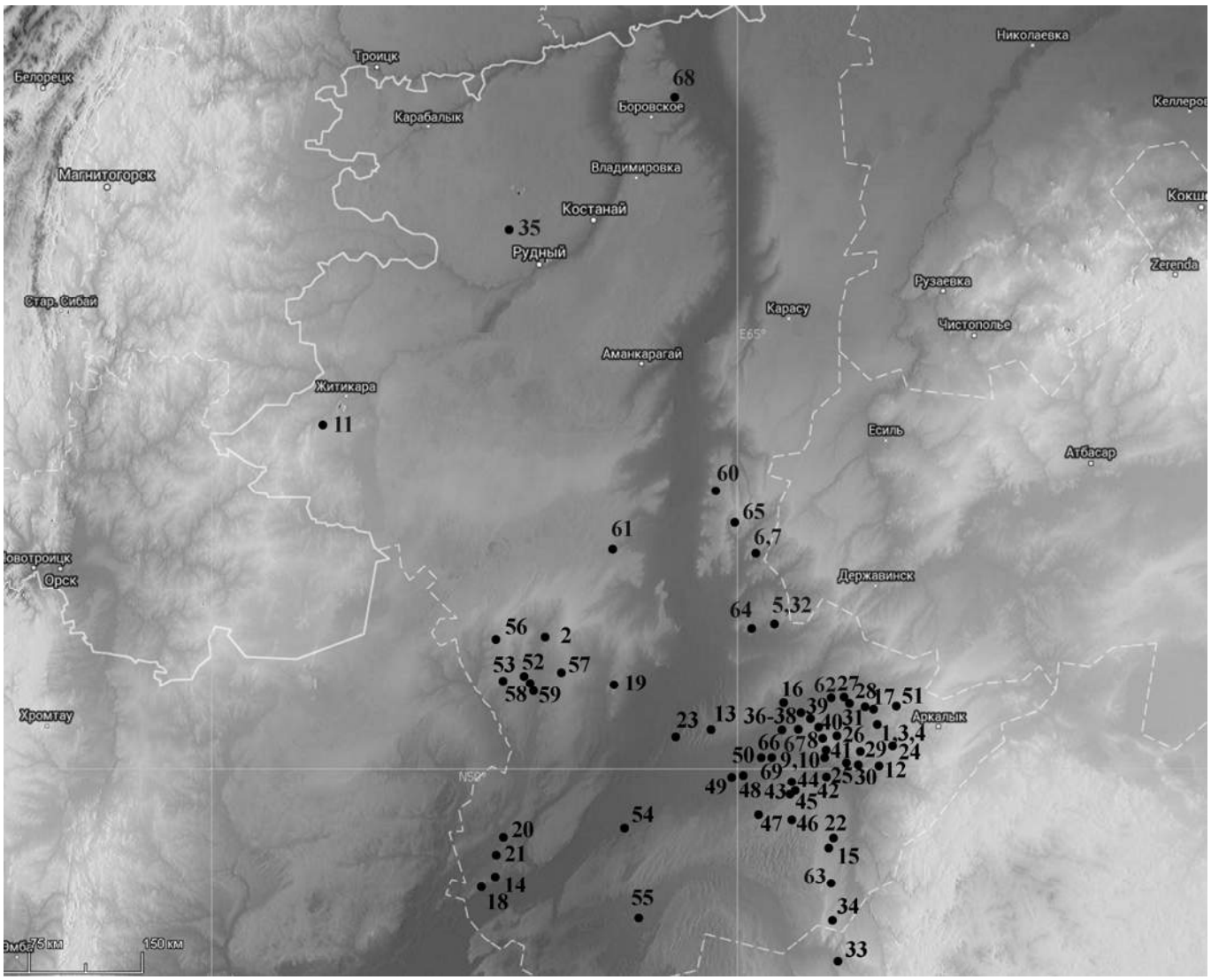


Рис. 1. Схема расположения геометрических ритуальных комплексов Тургая. 1 – Линия Ашутасты; 2 - линия Ащыбутак; 3 – Малый Ашутастинский крест; 4 – Большой Ашутастинский крест; 5 – Уштогайский квадрат; 6 – Аксайская линия; 7 – Аксайское кольцо; 8 – Каратургайская линия; 9 – Каратургайское кольцо; 10 – Каратургайский крест; 11 – Житикаринская линия; 12 – кольцо Каинды; 13 – «кольцо» Суйиндык; 14 – крест Акшыганак; 15 – крест Жарсай; 16 – крест Махат; 17 – линии Аршалы; 18 –линия Акшыганак; 19 – линия Андагул; 20 – линия Егинколь; 21 – линия Жалтытобе; 22 – линия Жарсай; 23 – линия Жарык; 24 – линия Жосалы; 25 – линия Каинды; 26 – линия Карабулак; 27 – линия Кызылкан; 28 – линия Тасты; 29 – линия Торткотай; 30 – линия Шилисай; 31 - Тургайское кольцо; 32 – Уштогайская линия; 33 – Южно-Тургайский крест; 34 – Южно-Тургайское кольцо; 35 – Рудненская линия; 36 – линия Жалдама; 37 – кольцо Жалдама; 38 – линия Кызылколь; 39 – крест Жалдама; 40 – линия Тастемир; 41 - Линии Шинсай; 42 - крест Егинды; 43 – линия Карабидайык; 44 – линия Уйрек; 45 – линия Азербай; 46 – линия Жолоба; 47 – линия Аласор; 48 – Алакольское кольцо; 49 – Алакольские линии; 50 – линии Косжан; 51 – линия Коктау; 52 – линия Богет; 53 – линия и могильник Коктас; 54 – линия Куат; - 55 – линия Кызылоба; 56 – линия Ащылы; 57 – линия Мулькольян; 58 - линия Сайкудук; 59 – линия Тажен; 60 – линия Шийли; 61 – линия Акбулак; 62 – линия Шоптиколь; 63 - линия Удербай; 64 - линия Сандыктау; 65 – кольцо Терисбутак; 66 – линия Караоба; 67 – линия Когалы; 68 – свастика Жандра I; 69 - ритуальный комплекс Урпек (Тургайская свастика).

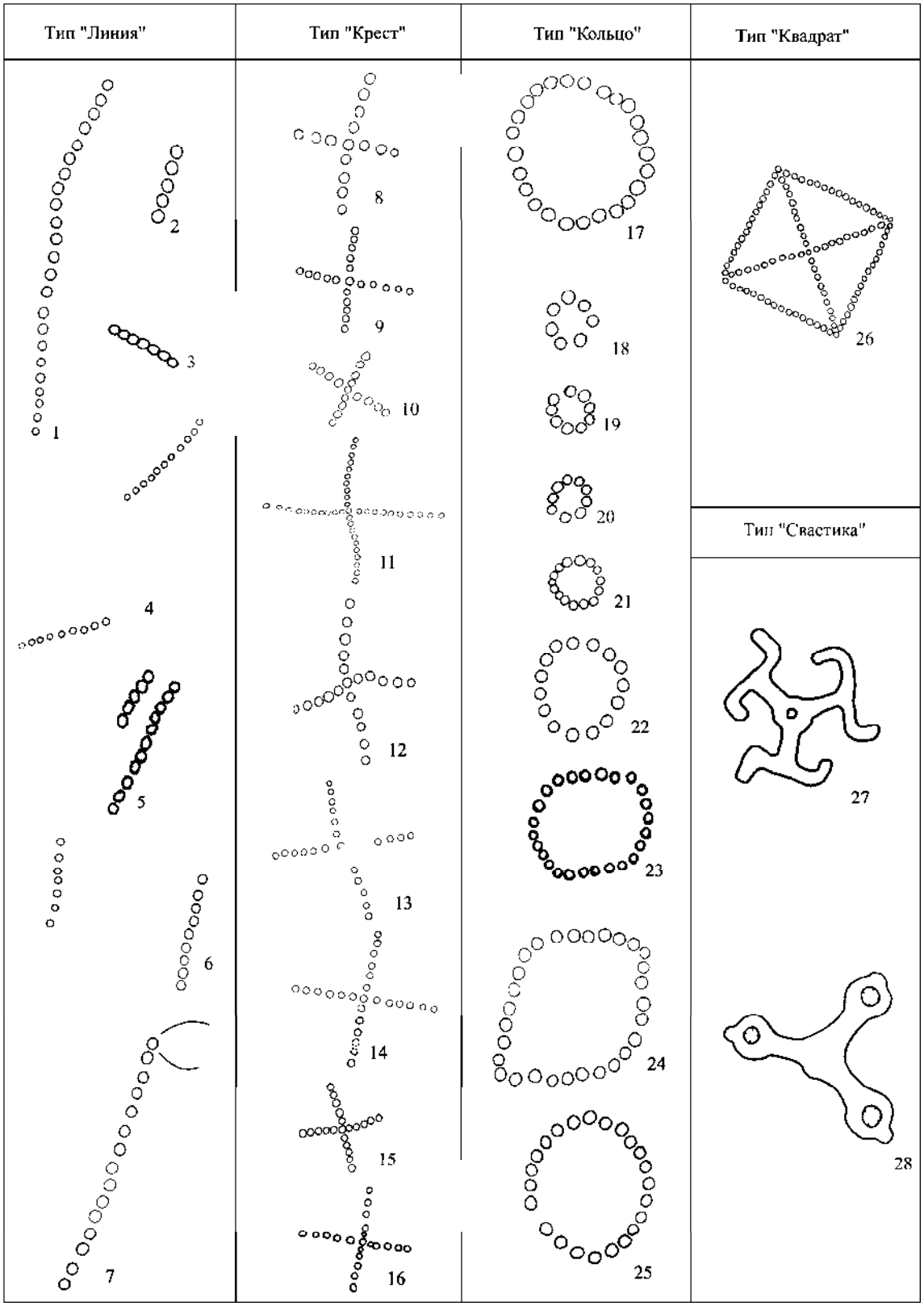


Рис. 2. Типы геометрических ритуальных комплексов Тургая. 1 – Житикаринская линия; 2 – линия Когалы; 3 – линия Богет; 4 – линии Косжан; 5 – Алакольские линии; 6 – линии Шинсай; 7 – Аксайская линия; 8 - крест Жалдама; 9 – крест Егинды; 10 – Малый Ашутастинский крест; 11 – Большой Ашутастинский крест; 12 – Южно-Тургайский крест; 13 – крест Махат; 14 – крест Жарсай; 15 – крест Акшыганак; 16 – Кара-Тургайский крест; 17 – Алакольское кольцо; 18 – кольцо Жалдама; 19 – Кара-Тургайское кольцо; 20 – Аксайское кольцо; 21 – Южно-Тургайское кольцо; 22 – кольцо Каинды; 23 – Тургайское кольцо; 24 – кольцо Суйиндык; 25 – кольцо Терисбутак; 26 – Уштогайский квадрат; 27 – ритуальный комплекс Урпек (Тургайская свастика); 28 – свастика Жандра I

Лукпанова Я.А.
Западно-Казахстанский центр истории и археологии
Уральск, Казахстан

УДК 903/904

ЭЛИТАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННОГО КОМПЛЕКСА ТАКСАЙ

Ключевые слова: сарматы, элита, кочевники, конструкция, инвентарь, курган, катакомба
Түйінді сөздер: Сарматтар, элита, көшпенділер, құрылым, құрал, қорған, үңгір
Keywords: Sarmatians, elite, nomads, construction, tools, mound, catacomb

В географическом положении Западно-Казахстанская область занимает северную часть Прикаспийской низменности. Терииторию Западного Казахстана, Г.А. Кушаев называл Степным Приуральем, отмечая специфичность, необыкновенный рельеф региона (Кушаев,1993, с.6). Это огромные открытые пространства площадью 151 339 км² издавна привлекали внимание человека и неудивительно, что именно в этом регионе были обнаружены целый ряд комплексов, которые определяются как элитарные. Удобное географическое положение Приуралья в Евразии "способствовало сложению здесь в I тыс. до н.э. самобытной и яркой культуры" (Гуцалов, 2007, с. 75), о чем свидетельствуют исследованные курганные комплексы Кырык-оба, Лебедевка, Тунгуш, Булдурты. К числу этих памятников археологии можно отнести могильник Таксай, выявленный в 2012 году.

Он состоит из пяти групп. С момента открытия археологическим отрядом Западно-Казахстанского центра истории и археологии до 2017 г. было исследовано 3 комплекса Таксай-1, 2, 3 (раскопки Лукпановой). Здесь были выявлены разновременные захоронения раннего железного века, относящиеся к элитной верхушке кочевого общества.

Таксай-1 (рис.1) расположен в 8 км южнее пос. Долинный и в 2 км севернее железнодорожного разъезда Таксай. Комплекс состоит из шести земляных насыпей (Сдыков, Лукпанова, 2013).

Курган №4 диаметром 34 м, высотой от дневной поверхности 0,8 м. Под насыпью кургана на глубине 0,50 см было выявлено могильное перекрытие, в виде глиняной площадки, под ним обнаружено одно погребение в яме с подбоем с максимальной глубиной 3,60 м. На дне подбоя было зафиксировано погребение in situ (рис. 2), скелет человека лежал вытянуто с севера на юг, головой ориентирован на север с легким поворотом на запад. Верхние конечности согнуты в локте и кисти сложены на тазовых костях. Из-за повышенной влажности в камере, кости плохой сохранности светло-желтого цвета, рассыпчатые с легким специфическим запахом. Погребенный лежит на органической подстилке. Череп деформирован. Инвентарь представлен конской уздой, набором клинкового вооружения, состоящего из длинного меча, кинжала и боевого ножа с бронзовыми деталями рукояти, массивным оселком и бронзовым кованным котелком. Сохранились ножны меча, в средней части ножен выявлена подпрямоугольная пластина со сквозным отверстием, на которую крепилась пряжка. Погребение датируется второй половиной III в. н.э. Данное захоронение относится "к элитным погребальным комплексам позднесарматской культуры и входит в круг захоронений профессиональных воинов" (Кривошеев, Лукпанова, 2015, С.98)

Курган №6 расположен на востоке курганного комплекса. В плане он имел округлую форму с современным диаметром 41,0 м, высотой от дневной поверхности 1,0 м. Курган со сложной конструкцией. Под насыпью над центральной ямой, было сооружено надмогильное сооружение. вокруг которого зафиксированы два кольцевых вала из желтой материковой глины, ближе к центру был выявлен прокаленный до красного цвета кольцевидный вал из сырцовых плит, плотно прилегающий к конструкции (Рис.3) (Сдыков, Лукпанова, 2013).

В кургане выявлено три женских погребения. Две женщины, обнаружены в СЗ и ЮВ секторе, на уровне древней поверхности. Третье погребение, было совершено в центральной яме. Яма была подквадратной формы, перекрыта двойным слоем бревен из тополя. При сооружении могилы в ритуале юго-западное направление имело важное значение в погребальном обряде ранних кочевников, это предположение подтверждает ориентировка всех погребенных обнаруженных в кургане №6 на юг, юго-запад, расположение четырех комплектов узды (рис. 4) на перекрытии, золотых изделий, декор стен ямы (Лукпанова, 2016, с.156).

Яма условно была разделена на восточную и западную части (рис. 5). У восточной стены могильной ямы, на циновке покоился скелет человека, предположительно женщины. (Рис.6). Некогда богатое погребальное убранство женщины было украшено золотыми изделиями. От женского костюма сохранились различные художественные элементы, представленные разнообразными свастиковидными, овальными, квадратными нашивными бляшками и пронизями, а также каркас головного убора. Частично, предметы сохранились in situ, но в результате тления бревна, под погребенной, с левой стороны они сместились. Одежда женщины, очевидно, была предназначена для повседневной носки, поскольку на некоторых бляшках и пронизях присутствуют следы ремонта, а украшения потерты от длительного использования (Алтынбеков 2013; Лукпанова 2017).

В яме был разложены сопутствующие в погребальном обряде предметы, которые принадлежали ей: двустороннее бронзовое зеркало в ореховом футляре, стеклянный сосудик в форме миниатюрного горшочка темно-синего цвета, фрагмент деревянной посуды с шестью золотыми оковками по венчику, стеклянная полихромная чашечка, вокруг которой найдены 7 бусин. 1 белая, 4 голубые глазчатые и 2 желтые глазчатые. железный нож, положенный острием на юг.

В западной части ямы были обнаружены ритуальные вещи, принадлежащие женщине. Бронзовый котел полусферической формы с сужающимися к устью стенками, узда, жаровня и ритуальный ореховый короб, обнаруженный в северо-западном углу ямы. Размер короба 50,0 х 80,0 см, он сделан из пяти плоских досок, с невысоким бортиком. В нем были разложены специфичные ритуальные предметы, характерные для совершения жреческих обрядов. Кисти двух особей волка, нож с костяной рукояткой, наносник в виде стилизованной головы хищной птицы, уникальный деревянный гребень с изображением противостояния скифа с персами. На гребне лежал миниатюрный белый сосуд, клыки и зубы волка, а также ступка с пестом, галька.

Декор одежды женщины оформлен в зверином стиле, что являлось выражением духовных основ мировоззрения и идеологии, как ранних кочевников Южного Приуралья, так и народов степной Евразии, при этом они передавали представление о мифологической и религиозной модели мира. Обилие солярных символов в одежде погребенной подчеркивают статус и положение женщины и относит ее к элите раннекочевнического общества.

Курганный комплекс Таксай-2 (рис. 6) расположен в 6 км юго-восточнее пос. Федоровка (районный центр), в 2,0 км юго-западнее села Донецк и в 8 км северо-западнее станции Таксай. Комплекс состоит из двух земляных насыпей. Курган 2 высотой 1,63 м, диаметром 35,0 м. Конструкция кургана представляла собой круговую выкладку, из сырцовых блоков. Мощность выкладки составляет - 40,0 - 45,0 см, под ней сплошная забутовка из материковой глины, мощностью 10,0 – 15,0 см. В кургане выявлено 9 могильных ям, 10 погребений, 2 рва, 2 жертвенные ямы, 14 скелетов (рис.7). Основное захоронение на кургане было выполнено в центре, остальные были погребены вокруг (Лукпанова, 2016).

Погребение № 3 было совершено в центральной яме № 1, представляло собой катакомбное захоронение. Входная яма имела овальную в плане форму, длинной осью ориентированную по линии СЮ (рис.8). С восточной стороны к яме примыкала ступенька на ее поверхности было зафиксировано органическое покрытие красного цвета, в СВ углу обнаружен камень (оселок?).

Дно входной ямы было зафиксировано на глубине –6,41 м, ее размеры 1,65 х 1,80 м. С С-СЗ стороны ямы был зафиксирован вход в погребальную камеру, представляющую собой катакомбу, она имела подпрямоугольную форму, вытянутую длинными сторонами по направлению СЗ – ЮВ. Дно камеры зафиксировано 6,70 м. Размер катакомбы 3,30 х 2,25 м. Максимальная высота свода 3,80 м. В камере было выявлено разграбленное погребение взрослого человека. Кости разрознены. Сложно установить, куда был ориентирован головой погребенный. В восточном углу камеры выявлено скопление костей крупного животного зеленого цвета с сохранившейся мягкой тканью. Вероятно кости были сложены в бронзовом котле, что объясняет их цвет и сохранность фрагментов мягкой ткани.

Инвентарь представлен округлыми золотыми бляшками с гладкой поверхностью и с изображением розетки выполненной в технике басмы. Среди костей человека зафиксированы маленькие пронизи цилиндрической формы гладкие и с поперечными линиями. Золотые обкладки из фольги полусферической формы. Рядом с черепом, была выявлена пронизь, состоящая из двух полосок фольги желтого цвета, образующих трубочку, внутри которой была вложена деревянная основа со сквозным отверстием, поверхность трубочки орнаментирована тиснением. Накладка на перекрестье меча из желтого металла. Среди костей человека и животных зафиксированы железные стержни длиной от 2 до 7,2 см, диаметром 0,3см. Ручки дуговидной формы с ромбовидным основанием. Среди костей животных были обнаружены фрагменты пластин из белого металла

(серебро?). Судя по конструкции ямы и зафиксированного инвентаря, погребение принадлежит мужчине из привилегированного сословия, это безусловно элитное захоронение, датируемое IVв. до н.э.

В яме 8 выявлено катакомбное погребение (рис. 9). Длинными сторонами яма была ориентирована по направлению СВ – ЮЗ. Дно входной ямы было зафиксировано на глубине -5,43 м. Яма представляла собой входную яму в комбинированную катакомбу, усложненного типа, состоящая из двух камер выкопанных в противоположных торцах входной ямы.

Камера № 1 была расположена с СЗ торца ямы. Вход в погребальную камеру катакомбы был закрыт деревянным заслоном, представляющим собой вертикально-поставленные жерди. В погребальной камере выявлено два скелета.

Скелет № 1 (южный). Принадлежал предположительно мужчине. Он лежал вытянуто на спине головой на запад с некоторым отклонением на юг. Инвентарь представлен множеством бусин мелких и больших. Между правой тазовой и локтевой костью лежали бусины бочонковидной формы темно и светло коричнево цвета (предположительно сердолик) и бусины дисковидной формы, черного цвета. Аналогичный набор бусин (сердоликовые) и черные дисковидные были обнаружены с внешней стороны запястья левой руки погребенного. С левой стороны на уровне плеча расположен нож и фрагмент предмета из трубчатой кости. Севернее локтя левой руки обнаружен оселок, фрагмент железного предмета и фрагмент керамического сосуда. Под левой лопаткой и ребрами погребенного, было обнаружено бронзовое зеркало с боковой ручкой в кожаном футляре, под которым была выявлена серьга из желтого металла свернутая в 1,5 оборота.

Скелет № 2 (северный). Принадлежал предположительно женщине. Она лежала вытянуто на спине головой на З. Ноги были сведены в коленях, на них лежала кость животного. С внешней стороны колена левой ноги была выявлена лопатка животного. Длина скелета 1,32 м. Скелет покоился на деревянных носилках.

С правой стороны черепа лежал фрагмент бронзового зеркала. В области шейных позвонков были обнаружены мелкие бусины дисковидной формы черного цвета, тонкостенная бусина цилиндрической формы, бусины с внутренней позолотой разных размеров, округлые маленькие бусины и подвеска из камня неправильной формы с двумя сквозными отверстиями.

На два запястья женщины, вероятно, были надеты браслеты, составленные из различных бусин, или же это было декор рукава одежды. Вокруг запястья правой руки выявлены бусины с внутренней позолотой, черные боченковидные, дисковидные светло-коричневые-бежевые, черные цилиндрической формы, мелкие округлой формы. Вокруг левого запястья бусины с внутренней позолотой бочонковидные, прозрачная тонкостенная, дисковидные бежевые, мелкие округлые (бисер). На палец правой руки было надето кольцо из бронзовой проволоки в 1,5 оборота. С правой стороны бедренной кости правой ноги лежало пряслице из камня (песчаник?), дисковидной формы. С левой стороны в ногах у левой стопы погребенной был положен лепной сосуд с шаровидным туловом, разбитый под тяжестью грунта. У изголовья, в 0,5 см выше головы, был обнаружен сосуд керамический, баночной формы.

Заупокойная пища представлена остатками костей лошади и барана.У северной стенки камеры были зафиксированы 6 звеньев позвонков разных животных, кости животных, под ними обнаружена лопатка животного и конечность барана. Среди костей лежал железный нож. У изголовья погребенных лежали кости крупного животного (лошадь?): ребра, лопатки. Ребра были выложены в три слоя, три лопатки и кости лошади.

Камера № 2 была расположена с СВ торца ямы. Вход в погребальную камеру катакомбы был укреплен сырцовым ограждением. Заполнение камеры представляло собой материковую супесь, свод камеры слегка обвалился.

Погребальная камера имела подпрямоугольную форму, вытянутую по линии ЮЗ-СВ, длина камеры 2,80 м, ширина камеры по дну 1,40 м. На дне погребальной камеры выявлено 1 погребение. Дно камеры зафиксировано на уровне – 601 см. С левой стороны ямы с северной стороны обнаружен выступ на глубине - 536 м, шириной 15,0 см.

Скелет лежал вытянуто на спине головой на запад с некоторым отклонением на юг. Принадлежал предположительно женщине. Она лежала вытянуто на спине, головой на З. Череп погребенной был раздавлен обвалившимся сводом подбоя, прослеживается поворот лицевой части на север. Правая рука была вытянута вдоль корпуса. Левая рука слегка сгибалась в локте была вытянута вдоль корпуса, кисти рук лежали чуть ниже тазовой кости Ноги были разведены в коленях – поза всадника. Между ногами, на уровне берцовых костей от щиколоток до колена, были выложены 2 кости (?). Погребенная лежала на органической подстилке, головой ко входу в камеру.

У изголовья с левой стороны черепа женщины был выявлен сосуд с биконическим туловом, в 15,0 см восточнее сосуда, зафиксированы фрагмент предмета из кости подовальной формы (игольник?) и фрагмент курильницы и в 5,0 см к северу от сосуда найдена бусина боченковидной формы. С правой стороны черепа обнаружены три железных стержня. Вокруг шейных позвонков были найдены бусины боченковидной формы с внутренней позолотой, вероятно, бусина найденная рядом с сосудом у изголовья также относится к этой группе бусин и дисковидные бусины.

Под черепом было зафиксировано бронзовое зеркало с валикам по окружности и с боковой ручкой. Под зеркалом лежали бусины черные дисковидной формы, бусины боченковидной формы, с внутренней позолотой. С левой стороны под черепом была выявлена серьга из проволоки (металл?) в 1,5 оборота. Вокруг правого и левого запястья погребенной обнаружены бусины: вокруг запястья правой руки бусины с внутренней позолотой и дисковидные, вокруг запястья левой руки выявлены бусины с внутренней позолотой, дисковидные бусины. На безымянный палец правой руки было надето кольцо бронзовое с округлой кастой. Вдоль правой плечевой кости с внешней стороны зафиксированы, железный нож. Между локтевыми костями и ребрами правой стороны расположен округлый железный предмет. Между ногами погребенной на уровне средней части бедренной кости правой ноги выявлено бронзовое пряслице биконической формы. С правой стороны средней части большеберцовой и малоберцовой кости правой ноги выявлена вторая часть курильницы. Слева ступней правой ноги в 5,0 см обнаружен керамический сосудик с округлым дном.

С правой стороны погребенной в 5,0 см, на уровне от колена до локтя, у юго-восточной стены кости крупного животного. Ребра выложены длинными сторонами по направлению СЗ-ЮВ прямоугольной площадкой, а по периметру площадки выложены позвонки, конечности и другие кости крупного животного.

Погребение № 9 из кургана № 2, комплекса Таксай-2 выполнено в многокамерной катакомбе. По классификации В.С. Ольховского подобные катакомбы относятся к VI типу, 3 варианту (Ольховский, 1977, С.108-128), когда оси расположенные под углом, камеры отходят от двух углов входной ямы или от ее двух коротких сторон. Подобные катакомбы датируются IV-III вв. до н.э (Ольховский, 1991, С.215). Данное погребение мы датируем концом IV первой половине III века до н.э., в пользу этой даты, свидетельствуют ряд особенностей погребального обряда, выделенных В.М. Клепиковым. Среди них: земляная насыпь без кусков песчаника, наличие парных одновременных захоронений, погребение впускное, совершено в кургане эпохи бронзы, скелет №1 из камеры 1 был погребён в гробовище, в погребении представлена напутственная пища с сочетанием костей овцы и крупного животного, при этом кости овцы представлены только позвонками, большая часть костей ребрами, лопатками, конечностями крупного домашнего животного (лошадь?). Анализ вещевого комплекса позволяет отнести данное погребение к этому периоду. Вариант катакомбы из кургана № 2, комплекса Таксай-2 встречается редко, их количество небольшое, учитывая сопутствующий инвентарь в камерах и наличие богатого остеологического материала, можно предположить, что погребенные здесь имели особый социальный статус.

Курганный комплекс Таксай-3, расположен в 5 км юго-восточнее пос. Долинное, Теректинского района, Западно-Казахстанской области. Комплекс состоит из шести курганов (Лукпанова, 2017).

Курган 2 в плане имел округлую форму, видимый диаметр насыпи составлял 40,0 м, высота над дневной поверхностью 1,0 м. Насыпь кургана была повреждена в результате антропогенного воздействия. Под насыпью был обнаружен глиняный вал, прерывающийся с южной стороны. В центре вала была выявлена могильная камера прямоугольной формы, вытянутая длинными сторонами с запада на восток. К югу от нее отходил дромос, который соединялся со второй ямой округлой формы.

Внутренняя поверхность вала была покрыта корой дерева, а от самого вала к яме радиально были уложены деревянные доски, жерди, верх которых покрыт ветками и корой. Яму перекрывал бревенчатый накат. В яме, судя по элементам сопроводительного комплекса, представленного колчаном, акинаками, конской уздой, находилось погребение трех воинов, покоившихся на органической подстилке. Головой они были ориентированы на запад.

Во второй яме выявлено погребение четырех коней, ориентированных головой на север. Два коня были погребены у входа в яму, кости остальных коней потревожены грабительским вкопом.

Курган 3 Диаметром кургана 45,0 м, высотой примерно 1,5 м. Под насыпью кургана выявлена конструкция, состоящая из бревен радиально уложенных бревен диамером 10-12, верх которых покрыт ветками и корой. Возможно, это была некогда шатровая конструкция, которая также, как и в

кургане 2 рухнула в результате сожжения. Сооружение сгорело, земля прокалилась мощностью до 1 м.

В кургане на уровне древнего горизонта обнаружено коллективное захоронение. Было выявлено три скелета, головой они были ориентированы на юго-восток. Два скелета были погребены вместе, предположительно они принадлежали мужчине и молодой женщине, возможно подростку. Скелет мужчины сильно обгорел, кости второго скелета потревожены, сохранились лишь тазовые кости и части нижних конечностей. Третий скелет, располагался в 1,5 метрах восточнее от них, кости разбросаны грабителями в древности. Рядом с усопшими были погребены две взнузданные лошади, ориентированные головой на север, их кости также обгорели. При совершении погребального обряда на курганах был применен огонь, шатровые сооружения сгорели, земля прокалилась мощностью до 1 м.

Шатровые постройки, по мнению М.К. Кадырбаева, заключали погребения представителей родоплеменной знати, наиболее знатным жрицам сооружали персональные курганы, это видно на примере кургана 6, могильника Таксай-1, погребения воинской элиты сопровождалось захоронениями коней и всей военной экипировкой. Наземные деревянные постройки, богатые захоронения, сопровождаемые трупосожжением это обряд, сопровождающий процесс захоронения наиболее почитаемых лиц у ранних саков Приаралья, кочевников Приуралья (Смирнов, 1964, с. 88, 89). Курганные комплексы, совершенные с применением огня и со сложными внутри- и надмогильными конструкциями – это усыпальницы, принадлежащие военной аристократии жречеству и племенным вождям кочевников раннего железного века, расселявшимся на территории Западного Казахстана в VI-IV вв. до н.э.

Таким образом, Таксайский могильник, на протяжении всего периода раннего железного века функционировал как могильник, где хоронили кочевую элиту. Захоронения разновременные, но по анализу инвентаря, конструкциям курганов, обряду и характерным признакам, можно высказать мнение, о том, что могильник принадлежал к родственным племенам оставивших свои захоронения на курганных комплексах Южного Приуралья.

Литература:

Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. – Алматы: Остров Крым, 2013. – 64 с.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2007. - № 2 (30). - С. 75–92.

Кривошеев М., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волг. гос. университета. - Сер.4, Ист. - 2015. - № 5(35) - С.98-111.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. - Уральск: 1993. – 171 с.

Лукпанова Я. А. Археологические исследования сарматских погребений из кургана 2, могильника Таксай -2 (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья, V Международная Нижневолжская конференция археологическа конференция (г Элиста, 15-18 ноября 2010 г.). - Элиста: Калмыцкий университет, 2016. - С. 108-117

Лукпанова Я. А. Знаковая функция предметов с зооморфными изображениями из кургана №6 комплекса Таксай 1 (Степное Приуралье) // Сакская культура Сарыарки в контексте исследования этносоциокультурных процессов степной Евразии - Алматы: HARC «Бегази-Тасмола», 2016 год. - С.154-159

Лукпанова Я.А. Раннесакские памятники Южного Приаралья // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. - С. 179-190

Лукпанова Я.А. Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // Поволжская Археология. - 2017. - №1(19). - С 145-156

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). — М.: Наука, 1991. — 256 с.

Ольховский В. С. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА.— 1977.— № 4.— С. 108-128

Сдыков М. Н. Лукпанова Я. А. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере комплекса Таксай I). – Уральск: Полиграфсервис, 2013. – 292 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Түйіндеме
Я.А. Лұқпанова
Таксай қорған кешенінің элиталық жерлеуі

2012 жылы Теректі ауданы маңынан Тақсай қорғанынан бес жерлеу кешені анықталды. Батыс Қазақстан облыстық тарих жәнеархеология орталығының отряды Тақсай 1,2,3, оба қорғандарын қазған болатын. Нәтежисінде бұл ерте темір дәуірінің көшпелі қоғамына тиесілі жерлеу кешендері екені анықталып, көптеген археологиялық материалдар алынды. Мақалада ұсынылған қорғандар элиталық қорғандар екені анықталып, танымал археологиялық Қырық-оба, Лебедевка, Сара, Филлипов қорғандарымен тікелей параллельді.

Summary
Ya.A. Lukpanova
Elite burials of the mound complex of Taksai

In 2012, a Taksay burial ground was discovered in the Terektinsky district, consisting of five groups of burial mounds. A detachment of the West Kazakhstan Center for History and Archeology excavated burial mounds from Taksai-1,2,3 burial grounds. As a result, a new mass and individual archaeological material was received, indicating that the kurgan complexes belong to the top of the nomadic society of the early Iron Age. The mounds represented in the article are defined as elitist, have direct parallels with such well-known archeological monuments as, Kiryk-both, Lebedevka, Sarah, Phillipovka.

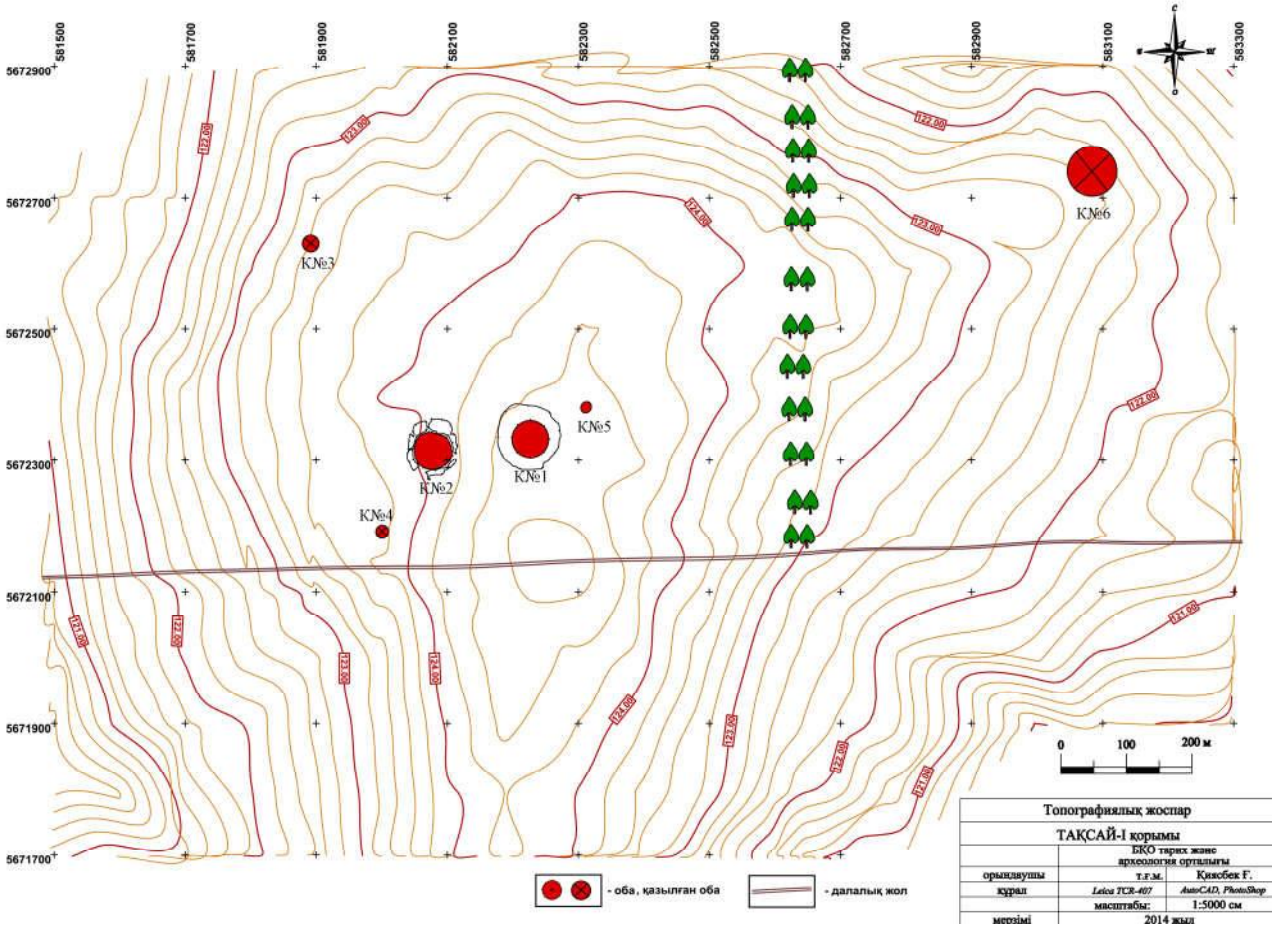
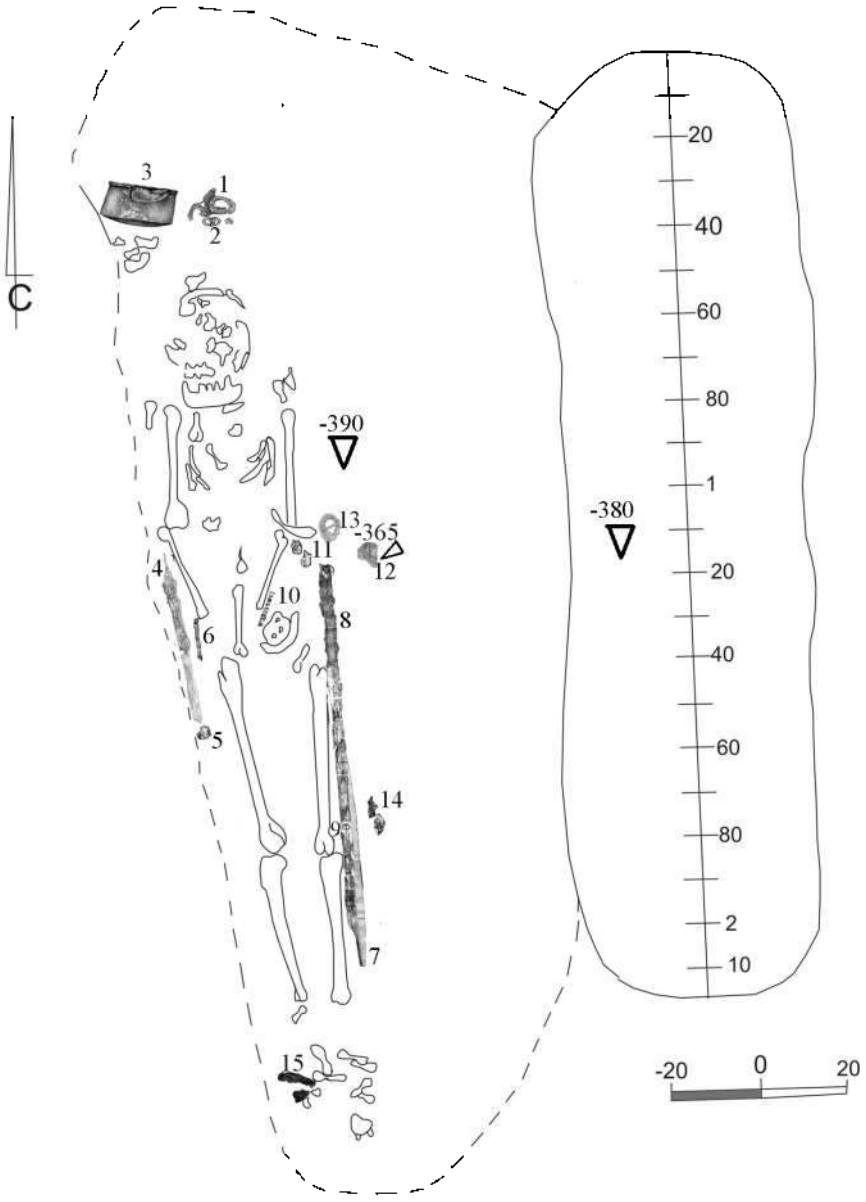


Рис. 1 План курганного комплекса Таксай-1

Курганный комплекс Таксай I
Курган №4
Погребение



1. Удила
2. Бронзовая пряжка
3. Котелок
4. Кинжал
5. Фрагмент ножен кинжала
6. Железный нож
7. Подквадратная пластина с пряжкой
8. Железный нож с бронзовой рукояткой.
9. Фрагменты железа, бронзовая пластина
10. Железная пряжка
11. Фрагменты кожи

Рис. 2 Курганный комплекс Таксай- 1 курган 4, погребение 1.

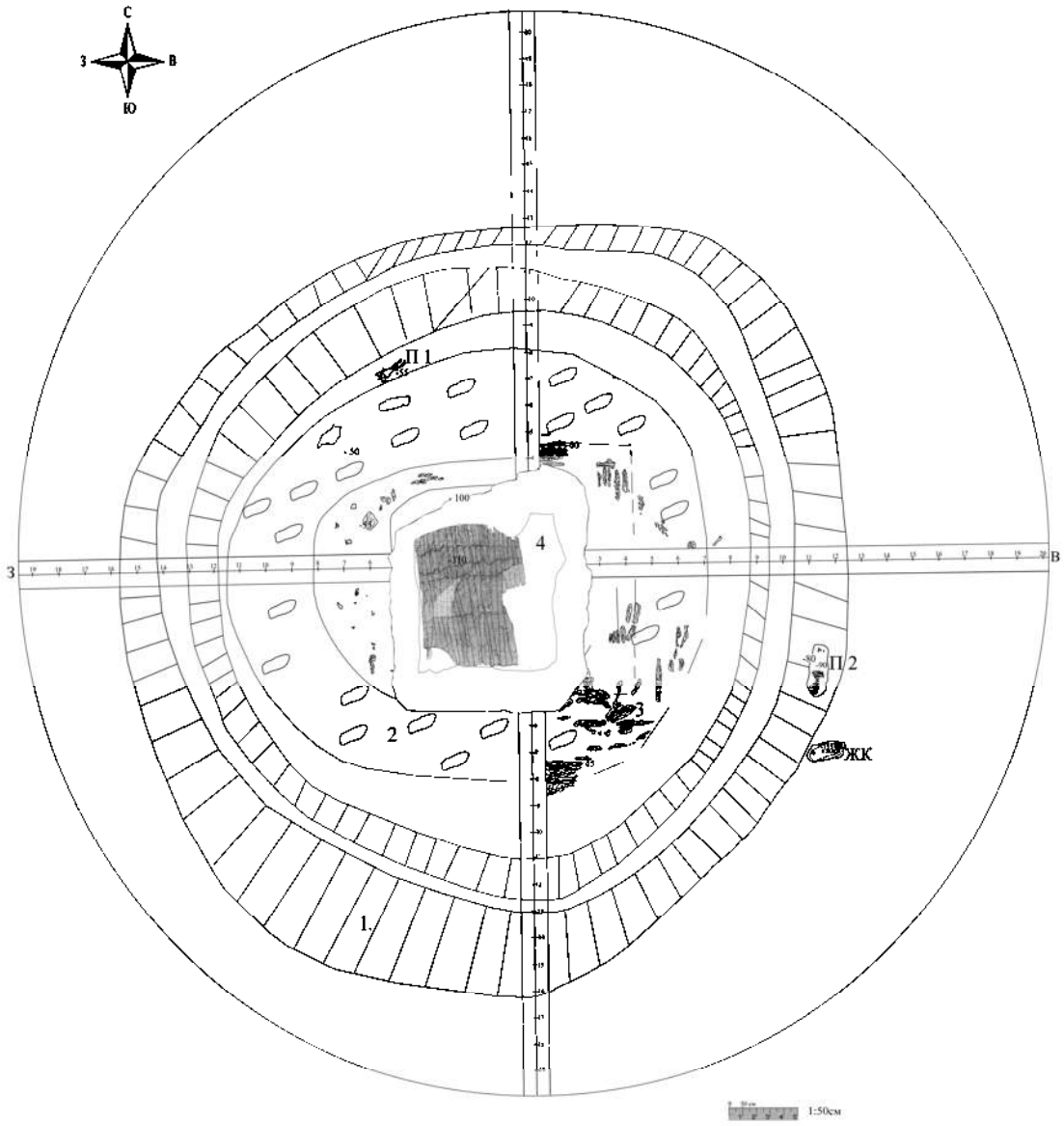


Рис.3 План кургана № 6, Таксай-1

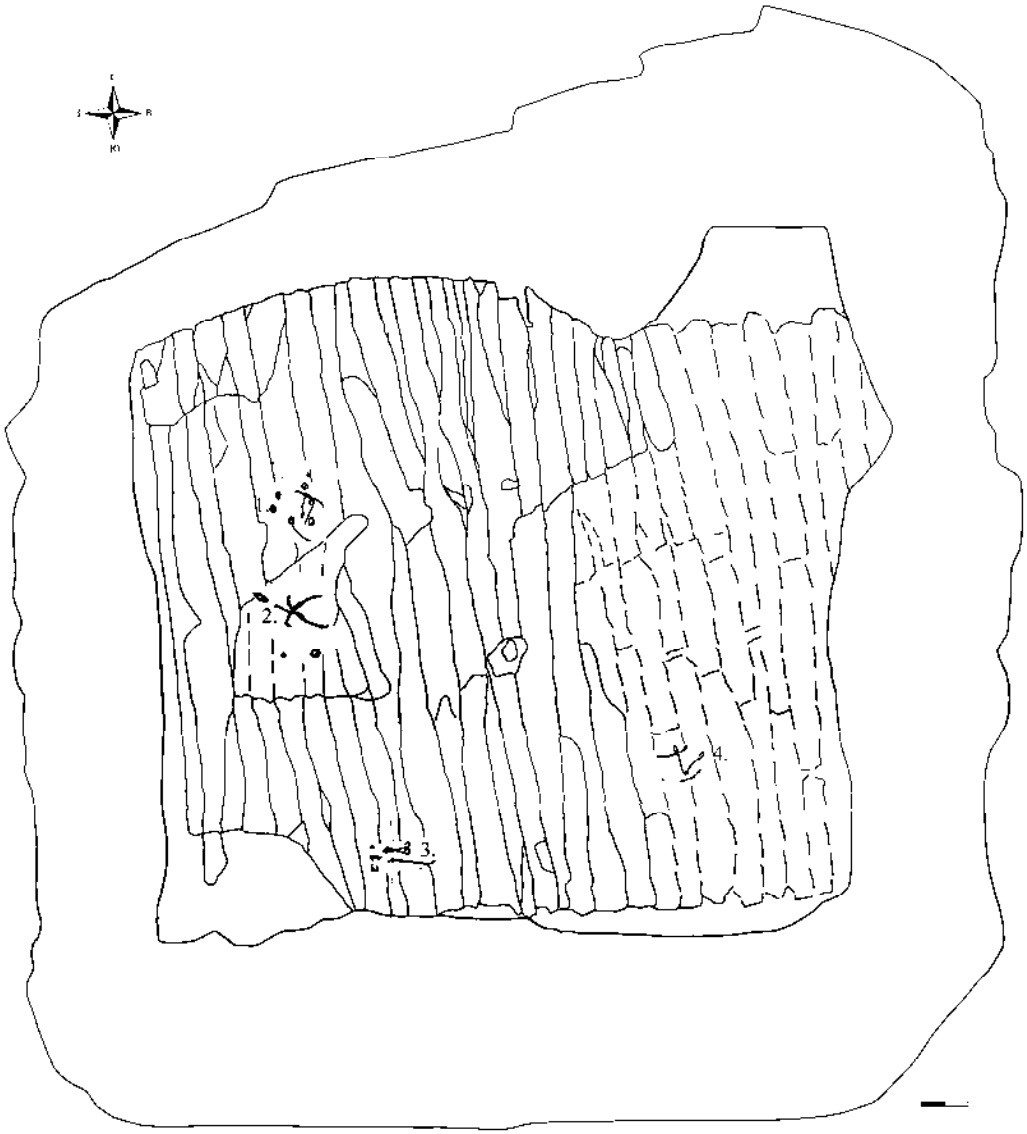


Рис.4 Комплекты узды на бравенчатом перекрытии

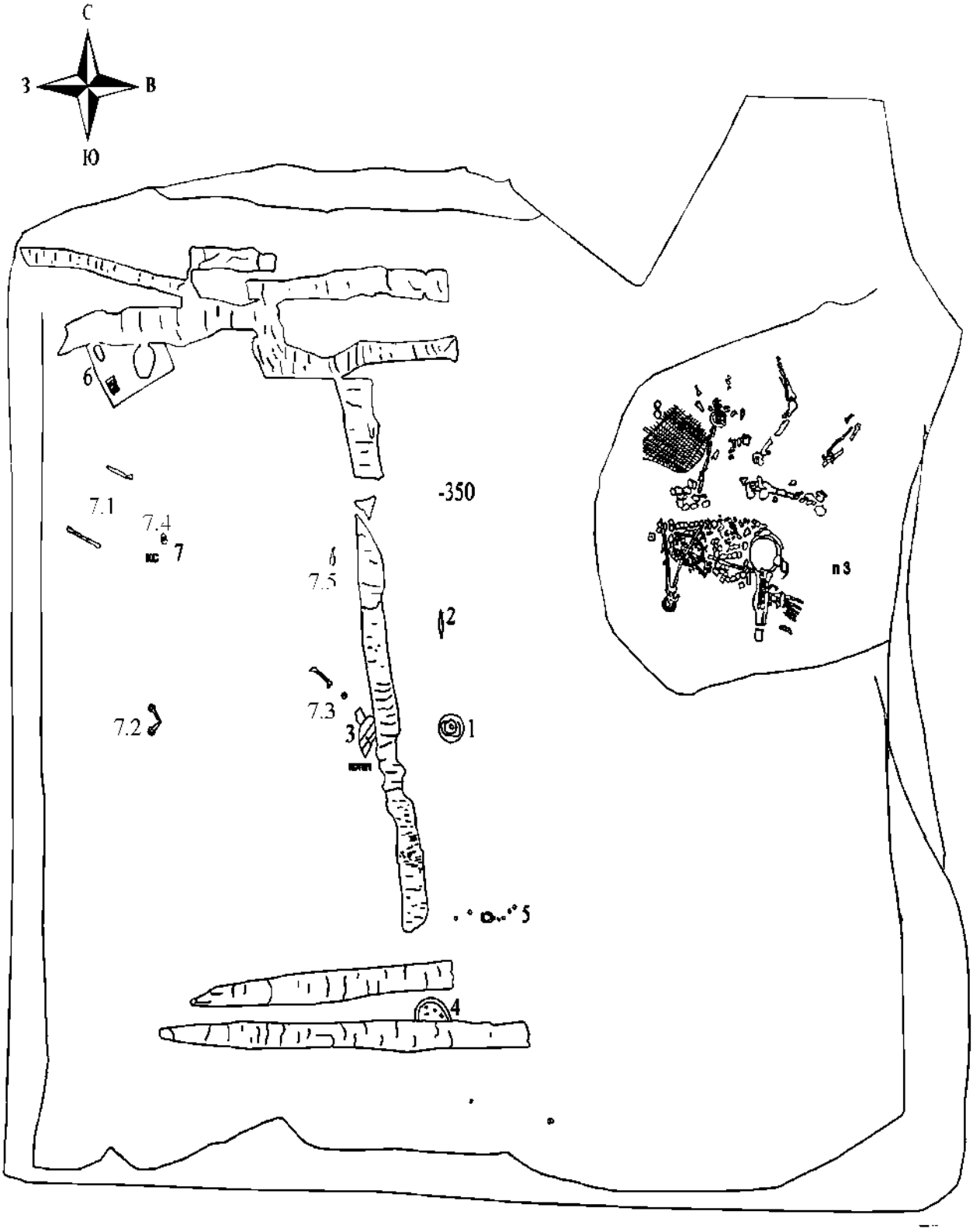


Рис. 5 Таксай-1. Центральная яма кургана № 6

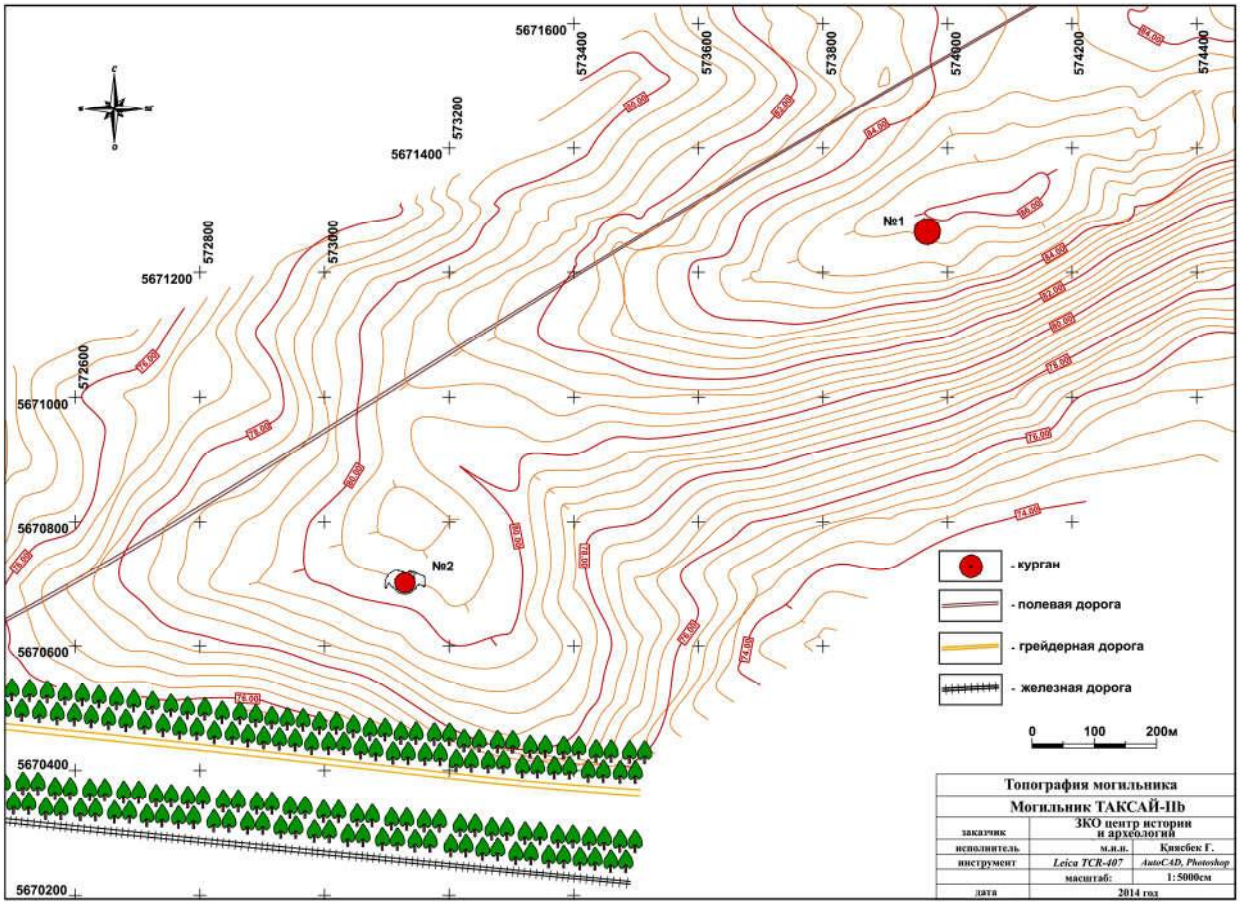


Рис.6 План курганного комплекса Таксай-2

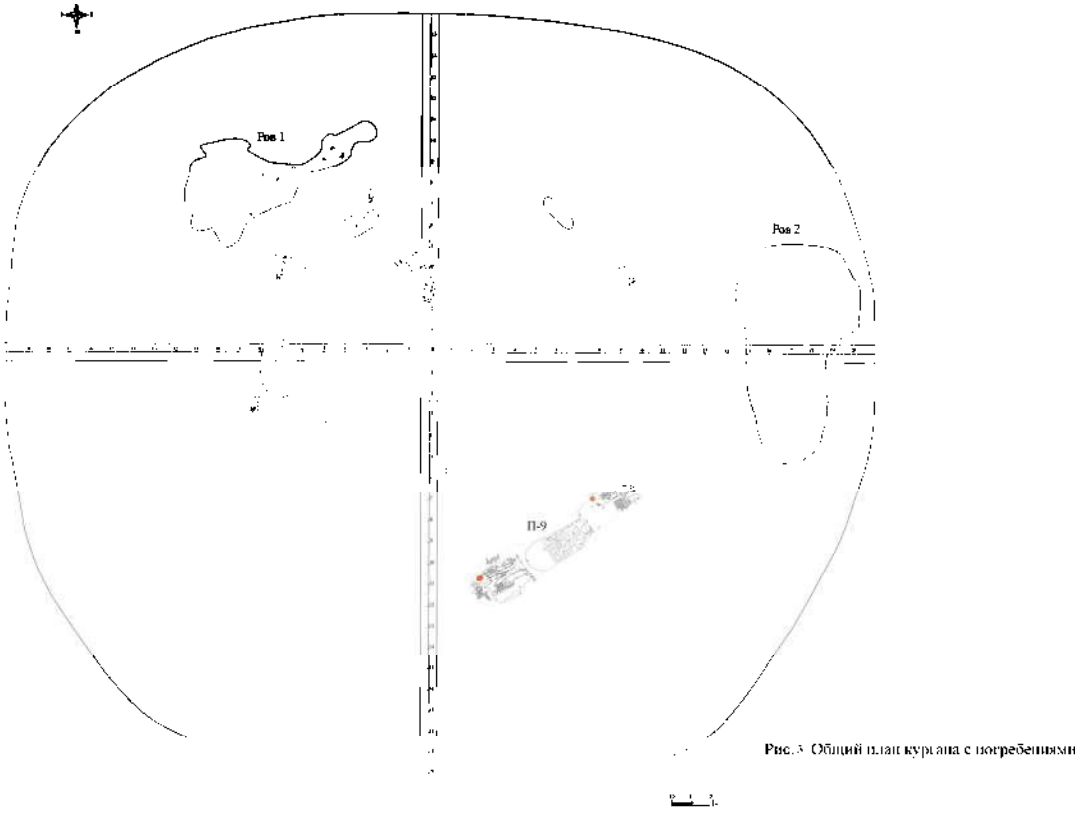


Рис.7 Таксай-2, курган 2. Общий план погребений

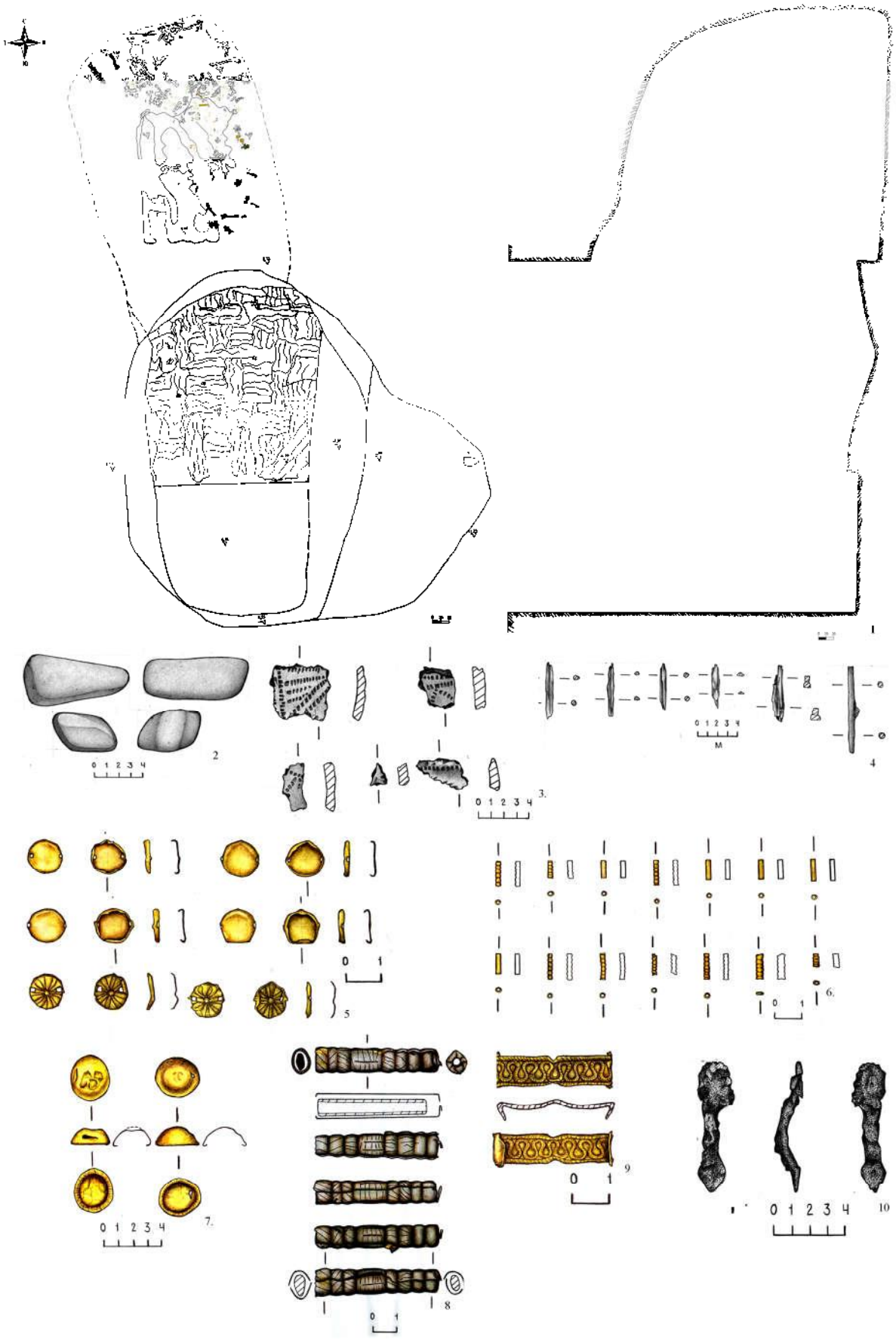


Рис.8 Таксай-2, курган 2 Центральное погребение.
1.*Погребение 3. Яма 1.* ***2.****Камень* ***3.****Фрагменты лепного горшка сиз заполнения ямы 1, погребения 3.*
4. *Стержни. Железо.* ***5.****Нашивные бляшки.* ***6.****Пронизи.* ***7.*** *Обкладки полусферической формы*
8.*Пронизь двусоставная.* ***9.****Накладка.* ***10.****Ручки. Железо*

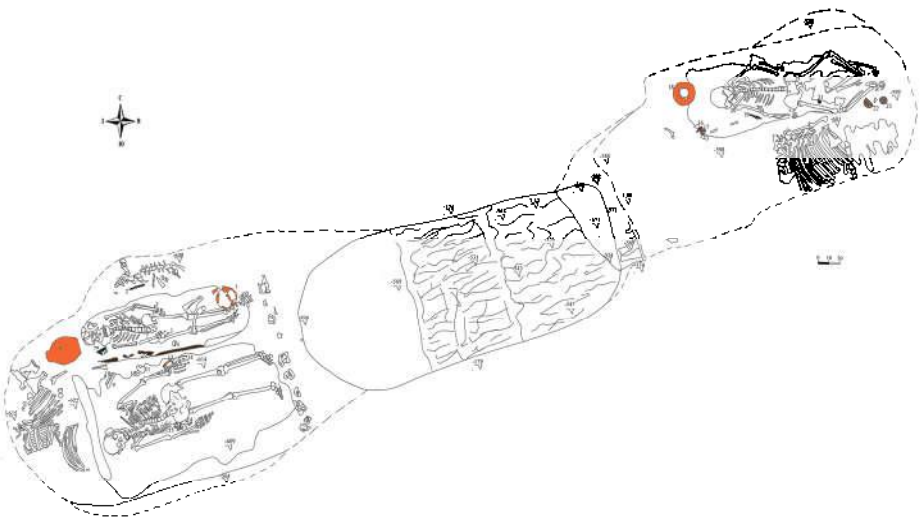


Рис. 4 погребение 9, яма 8

Рис.9 Таксай 2 курган 2 яма 8 погребение 9 Каакомбное захоронение

Махамбетова Л.Ә.
Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті
«Археология және этнография» ғылыми-зерттеу орталығы,
Қызылорда, Қазақстан

ӘОК 94/99:950:666. 27(574.54)

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ЖАНКЕНТ ҚАЛАСЫНАН ТАБЫЛҒАН МОНШАҚТАР КОЛЛЕКЦИЯСЫ (2011-2014 жылдар материалдары бойынша)

Ключевые слова: Джанкент, средневековое городище, описание, бусы, раковина каури.
Keywords: Dzhankent, medieval fortification, description, beads, cowri sink.

Ортағасырлық **Жанкент қаласы -** IX-XI ғасырларда Сырдың төменгі ағысында өмір сүрген Оғыз мемлекетінің астанасы. Ол - республикалық санаттағы ірі археологиялық ескерткіштердің бірі. Жанкент қаласы Қызылорда облысы Қазалы ауданының территориясында орналасқан. Үлкен аумақты алып жатқан бұл қала құрылымы мен бекінісі жағынан өте ерекшеленеді.

Қаланың көлемі 375 х 225 м. Формасы «Т» әрпі тәріздес, шығыстан батысқа қарай созыла орналасқан.

Жанкенттің басты қақпалары шығыс және батыс қорғаныс қабырғаларының дәл ортасында бір-біріне қарама-қарсы орналасқан. Жанкенттің ең бекінісі мықты бөлігі *цитадель* қаланың солтүстік-батыс бұрышын алып жатыр. Көлемі 100 х 100 м.

ҚР Президентінің бастамасымен қолға алынған мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында 2004 жылы Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті, Ресей ғылым академиясы Н.Н. Миклухо-Маклай атындағы Этнология және антропология институты, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты арасында аймақтағы ескерткіштерді зерттеу жұмыстарын жүргізу үшін үшжақты келісім-шарт жасалды. 2005 жылы университетте Жанкент археологиялық экспедициясы жасақталып, күні бүгінге дейін тұрақты қазба жұмыстарын жасап келеді. Қазба барысында көптеген керамикалық бұйымдар, қыш ыдыстар, нумизматикалық материалдар т.б. құнды жәдігерлер табылуда.

Бұл мақалада 2011 – 2014 жылдар аралығында археологиялық қазба жұмыстары барысында ортағасырлық Жанкент қаласынан табылған әшекей бұйымдардың бірі моншақтар мен каури қабыршағына сипаттама беріледі.

Моншақ №22. 2011ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылған. Жасыл түсті шыныдан жасалған ақ перламутрмен боялған қара жолақтары бар моншақ. Тегіс емес. Формасы дөңгелек. Бүтін күйінде сақталған. Диаметрі – 1см, биіктігі – 0,5 см, тесігі – 0,5см.

Моншақ №26. 2011ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылған. Шыныдан жасалған. Моншақтың түсі қызғылт. Сары бояумен өрнек салынған. Дөңгелек формада. Бүтін күйінде сақталған. Диаметрі – 0,5 см, биіктігі – 0,5см, тесігі – 0,3 см.

Моншақ №1. 2011 ж. №4 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде бүтін күйінде табылды. Ақықтан жасалған. Сарғылт қызыл түсті.Тегіс емес. Дөңгелек формада. Диаметрі – 0,5 см, биіктігі – 0,6 см, тесігі – 0,1 см.

Моншақ №5. 2011 ж. №4 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылды. Моншақ шыныдан жасалған. Түсі ақ. Тегіс емес. Бүтін күйінде табылған. Дөңгелек формада. Диаметрі – 0,4 см, биіктігі – 0,5 см, тесігі – 0,2 см.

Моншақ №2. 2011 ж. №5 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылды. Шыныдан жасалған. Бисер (су моншақ). Жасыл түсті. Диаметрі – 0,3 см, биіктігі – 0,3 см, тесігі – 0,3 см. Бүтін күйінде сақталған.

Моншақ №4. 2011 ж. №5 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылды. Бисер (су моншақ). Түсі жасыл. Бүтін. Шыныдан жасалған. Формасы түтікше тәрізді. Диаметрі – 0,3 см, биіктігі – 0,5 см, тесігі – 0,1 см.

Моншақ №45. 2012 ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылды. Шыныдан жасалған. Бүтін күйінде табылған.Түсі қоңыр. Моншаққа әртүрлі түспен жолақтар салынған. Формасы дөңгелек. Диаметрі – 1,5 см, биіктігі – 1 см, тесігі – 0,6 см.

Моншақ №65. 2012 ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылған. Моншақ шыныдан жасалған. Түсі ақ. Бүтін күйінде табылған. Формасы дөңгелек. Диаметрі – 0,3 см, биіктігі – 0,4 см, тесігі – 0,1 см.

Моншақ №66. 2012 ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылған. Пастадан жасалған. Түсі көгілдір. Тегіс емес. Формасы көп қырлы. Диаметрі – 0,5 см, биіктігі – 0,6 см, тесігі – 0,3 см.

Моншақ №52. 2012 ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылған. Шыныдан жасалған. Түсі ақ. Формасы дөңгелек. Диаметрі – 0,6 см, биіктігі – 0,6 см, тесігі – 0,3 см.

Моншақ №34. 2012 ж. цитадельден бүтін күйінде табылған. Шыныдан жасалған. Көк түсті. Тегіс емес. Формасы дөңгелек. Диаметрі – 0,4 см, биіктігі – 0,4 см, тесігі – 0,3 см.

Моншақ №35. 2012 ж. цитадельден бүтін күйінде табылған. Шыныдан жасалған. Көк түсті. Тегіс емес. Формасы алмұрт пішінді. Диаметрі – 0,5 см, биіктігі – 1,8 см, тесігі – 0,3 см.

Моншақ №2. 2014 ж. №1қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде бүтін күйінде табылған. Көгілдір түсті. Шыныдан жасалған. Формасы түтікше тәрізді. Диаметрі – 0,3 см, биіктігі – 0,7 см, тесігі – 0,1 см.

Моншақ №3. 2014 ж. №1қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылған. Керамикадан дөңгелек формада жасалған, шыныдан сыртына жылан бейнесіне ұқсас жолақ жүргізілген. Диаметрі – 1,5 см, биіктігі – 1см, тесігі – 0,5 см.

Каури қабыршағы №64. 2012 ж. №2 қазбаға жүргізілген қазба нәтижесінде табылды. Жылан бас бейнесіндегі бұйым. Биіктігі – 2 см.

Ортағасырлық Жанкент қалашығынан табылған моншақтар жиынтығы өзінің көптігімен және әртүрлігімен ерекшеленеді. Жалпы 14 моншақ пен 1 каури қабыршағына сипаттама берілді. Моншақтардың көп бөлігі дөңгелек формада, шыныдан әр түрлі түсте, әр түрлі көлемде жасалған. Сонымен қатар ақықтан, пастадан, керамикалық моншақтар да кездеседі. 7 – еуі №2 қазба – цитадельден, 4 – еуі №5 қазба – ішкі қабырғаның қимасынан, 2 – еуі №1 қазба – тұрғын – жайдан және бір каури қабыршағы №2 қазба – цитадельдің үйінді арасынан табылған. Осыған ұқсас моншақтар мен каури қабыршағы Жетіасар мәдениеті ескерткіштерінде де кездеседі (Левина, 1996, 342 бет, 147 сурет).

Моншақ – түрлі түсті үлгідегі (шар, сопақша, қырлы) мойынға тағатын әшекей. Археологиялық деректерге сүйенсек моншақ неолит дәуірінде тастан, сүйектен, қола дәуірінде металдан, ортағасырларда шыны, асыл тастардан жасалған. Сонымен қатар моншақтар (су моншақ) киімдерді әшекейлеуге пайдаланылды. Моншақтар тіл, көз, сұқ тимейтін сәнді зат ретінде де қолданылады. Мысалы, сырғаға өткізілген немесе білезік ретінде қара-ақ, қара-көк немесе көгілдір моншақтарды пайдалану кең тараған. Мұндай моншақтарды нәрестенің киіміне қадаған, сондай-ақ қыздар да тағып жүрген. Сәбидің қолына көп жағдайда қара-ақ, қызыл-көк моншақтардан тұратын білезіктер де тағылған (Тохтабаева, 2001, 381 бет).

Қазақ халқының әшекей бұйымдарын зерттеуде ең алдымен материалдық құндылығымен қатар олардың магиялық – қорғау қызметін атқаратынын ескеру керек.

Далалықтар ақықтан жасалған әшекейлер тіл-көзден, әйелдерді бедеуліктен сақтайды, сонымен қатар бұл «күн тасы» қартайған кісілерге жастық пен жақсы көңіл-күй сыйлайды деп сенген (Нургажина, 2010, 29 бет). Ақықтан жасалған моншақ ортағасырлық Жанкент қаласынан табылған (1 кесте, 2011 ж. моншақ №1).

Моншақтардың магиялық күш ретінде қасиеттілігі оның қандай материалдан жасалғандығымен қатар көптігімен негізделеді. Моншақтардың санының көптігі байлықтың, ұрпақтың көптігімен түсіндіріледі.

Қазақ халқының түсінігінде сыртына күміс жалатылған қоңыр немесе қара түсті керамикалық түймелер зұлым күштерден қорғайтын болған. Жылан бейнесіндегі керамикалық түймелер өз бастауын ерте кезден алады. Оны б.з.д. V–III мыңжылдықта асыл тастардың көптігіне қарамай египеттіктерде жаппай таралған керамикалық моншақтармен түсіндіруге болады (Тохтабаева, 1991, 94 бет). Осыған ұқсас сыртына шыныдан жылан бейнесіне ұқсас жолақ жүргізілген керамикалық моншақ ортағасырлық Жанкент қаласынан табылған (1 кесте, 2014 ж. моншақ №3).

Жанкент жайында айтылатын қазақ аңыздарында бұл қаланы мекендеген елдің жойылуын қалаға ордалы жылан қаптап кетуінен деп келтірілген (Марғұлан, 1985, 194 бет).

Сондай-ақ, «жылан бас» деп аталатын каури қабыршағын – нәрестенің киіміне тіккен, бесікке іліп қоятын болған. Осындай «жылан бас» бейнесіндегі каури қабыршағы ортағасырлық Жанкент қаласынан табылды (1 кесте, 2012 ж. каури қабыршағы №64).

Тіл-көзден сақтау үшін каури қабыршағын Азияның барлық түркі тілдес халықтары пайдаланған. Жетіасар мәдениеті ескерткіштеріндегі кішкентай балалардың жерлеу құрылыстарының барлығында дерлік каури қабыршағы кездеседі, бұл сәбиді өзіндік қорғаудың түрі болуы мүмкін (Левина, 1996, 226 бет). Зерттеушілердің пікірі бойынша жылан мен каури қабыршағы алғашқы қауымдық түсініктерде әйел адамның бастауы, ұрпақтың өсіп-өну идеясын және балалар мен бала тууда қолдаушы болып есептелген (Тохтабаева, 1991, 93 бет).

Өлке ескерткіштерінен табылған бұл моншақтар бүгінгі қазақ әйелдерінің пайдаланып жүрген моншақтарының таралу аймағының кең екендігін көрсетіп, қазақ халқының материалдық және рухани мәдениетін зерттеу мәселесінде маңызды орын алады.

Әдебиет:

Аржанцева И.А., Тажекеев А.А. Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011 – 2014 гг.) – Алматы: Арыс, 2014. – 320 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – Москва: Восточная литература, 1996. – 396 с.

Марғұлан Ә. Ежелгі жыр, аңыздар – Алматы: Жазушы, 1985. – 368 б.

Нургажина Б. Капсырма. Художественный и семантический анализ парных застежек // Мәдени мұра. – 2010. – №3 (30). – С. 25-30.

Тохтабаева Ш.Ж. Семантика казахских украшении // СЭ. – 1991. – № 1. – С. 90-102.

Тохтабаева Ш.Ж. Обряды и обычаи казахов, связанные с произведениями прикладного искусства // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. – Алматы: Ғылым, 2001. – С. 373-386.

Резюме

Лайла Алиевна Махамбетова

Коллекция бус из средневекого городище Джанкент (по материалам 2011-2014гг)

В данной статье автор описывает украшения (бусы, раковина каури) найденные в ходе археологических исследовании средневекого городища Джанкент. Археологические материалы использованные в статье были обнаружены в жилых слоях Раскопа №1,№2, №4, №5 и цитадели городища.

Автор методом сравнительного анализа с аналогичными украшениями из ближайших раннесредневековых памятников (Джетыасарская культура) пытается объяснить семантику бусине и раковине каури в виде «змеи».

В конце статьи прилагается таблица с описаниями и фотографиями бус и раковины каури.

Summary

Laila Alievna Makhambetova

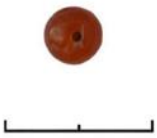
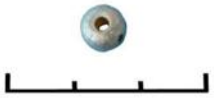
Collection of beads from the medieval fortress of Dzhankent (based on materials from 2011-2014)

In this article, the author describes ornaments (beads, cowrie shell) found during archaeological research of the medieval fortress Dzhankent. Archaeological materials used in the article were found in the residential strata of Excavation No.1, No. 2, No. 4, No. 5 and the citadel of the ancient settlement.

The author tries to explain the semantics of beads and shells of kauri in the form of a "snake" using the method of comparative analysis with similar ornaments from the earliest medieval monuments (Jetyasar culture).

At the end of the article is attached a table with descriptions and photos of beads and cowri shell.

1 кесте

№	Атауы, заттың номері	Сипаттамасы	Көлемі (диаметр, биіктігі, тесігі, ұзындығы, ені)	сурет
1	Моншақ №22 2011ж	Жасыл түсті шыныдан жасалған ақ перламутрмен боялған қара жолақты моншақ. Тегіс емес.	Диаметр-1 см Биіктігі-0,5 см Тесігі-0,5 см	
2	Моншақ №26 2011 ж	Қызғылт түсті сары бояумен өрнек салынған моншақ.	Диаметр-0,5 см Биіктігі-0,5 см Тесігі-0,3 см	
3	Моншақ №1 2011 ж	Ақықтан жасалған сарғылт қызыл түсті моншақ. Тегіс емес.	Диаметр-0,5см Биіктігі-0,6 см Тесігі-0,1см	
4	Моншақ №5 2011 ж	Шыныдан жасалған ақ түсті моншақ.Тегіс емес	Диаметр-0,4 см Биіктігі-0,5 см Тесігі-0,2 см	
5	Моншақ №2 2011 ж	Шыныдан жасалған жасыл түсті моншақ.	Диаметр-0,3см Биіктігі-0,3см Тесігі-0,3см	
6	Моншақ №4 2011 ж	Бисер. Шыныдан жасалған жасыл түсті моншақ.	Диаметр-0,3см Биіктігі-0,5см Тесігі-0,1см	
7	Моншақ №45 2012 ж	Түсі қоңыр әртүрлі түспен жолақтар салынған шыныдан жасалған моншақ.	Диаметр-1,5см Биіктігі-1см Тесігі-0,6см	
8	Моншақ №65 2012 ж	Шыныдан жасалған ақ түсті моншақ.	Диаметр-0,3см Биіктігі-0,4 см Тесігі-0,1 см	

9	Моншақ №66 2012 ж	Пастадан жасалған түсі көгілдір моншақ.	Диаметр-0,5см Биіктігі-0,6 см Тесігі-0,3см	
10	Моншақ №52 2012 ж	Шыныдан жасалған ақ түсті моншақ.	Диаметр-0,6 см Биіктігі-0,6см Тесігі-0,3см	
11	Моншақ №34 2012 ж	Шыныдан жасалған көк түсті моншақ.	Диаметр-0,4см Биіктігі-0,4см Тесігі-0,3см	
12	Моншақ №35 2012 ж	Шыныдан жасалған көк түсті моншақ.	Диаметр-0,5см Биіктігі-1,8см Тесігі-0,3см	
13	Моншақ №2 2014 ж	Шыныдан жасалған көгілдір түсті моншақ.	Диаметр-0,3 см Биіктігі-0,7 см Тесігі-0,1см	
14	Моншақ №3 2014 ж	Керамикадан жасалған сыртына шыныдан жылан бейнесіне ұқсас жолақ жүргізілген моншақ.	Диаметр-1,5 см Биіктігі-1 см Тесігі-0,5 см	
15	Каури қабыр шағы №64 2012 ж	Жылан бас бейнесін дегі бұйым	Биіктігі-2см	

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б.
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан

УДК 903'15

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НА МОГИЛЬНИКЕ БЕСОБА

(Исследование проведено в рамках проекта *«Сакральное пространство и погребально-поминальные обряды населения Казахского Алтая от древности до средневековья»*)

Ключевые слова: Восточно-Казахстанская область, могильник Бесоба, скифо-сакская культура.
Түйінді сөздер: Шығыс-Қазақстан облысы, Бесоба қорымы, скиф-сақ мәдениеті.
Keywords: East-Kazakhtan region, Besoba cemetery, Scythian-Saka culture.

На сегодняшний день на территории Восточного Казахстана сделано немало открытий, в том числе археологических, которые внесли существенные коррективы в ранее сложившиеся представления о возникновений и развитии раннекочевнического общества. На востоке и западе страны, в Семиречье, а также в пределах Казахского мелкосопочника открыты яркие и перспективные памятники, которые существенно расширяют наши представления о хронологических рамках функционирования кочевнических культур. Сформировался значительный объем новой информации, которая требует качественного оформления полученных знаний в рамках изучения как отдельных регионов, так и на более широком территориальном уровне.

Исследуемый регион Юго-Западного Алтая, занимающий в горно-долинном и степном поясе Евразии ключевую позицию в физико-географическом и политико-административном отношении в древности и в современности, является объектом пристального внимания со стороны ученых нескольких стран. Новые археологические открытия, сделанные в последние годы на территории Восточного Казахстана и азиатской части Евразии в целом, обострили дискуссию по проблеме места и времени формирования скифо-сакской культуры. Поэтому исследование эпохи становления кочевничества и возникновения мощных протогосударственных образований является наиболее перспективным, особенно на материале памятников Казахского Алтая.

В полевом сезоне 2017 года помимо стационарных работ на исследуемом объекте, были произведены разведочные работы в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области. В процессе были обнаружены памятники, сделана подробная тахеометрическая съемка, нанесены на карту планы могильников (рис. 1). Так же были взяты географические координаты объектов.

Могильник Егиндибулак 1 расположен в 1 км к северу от с. Егиндибулак. Памятник состоит из 10 прямоугольных оградок (рис. 2). Оградки сооружены из гранитных плит, вкопанных на ребро. Внутри оградок на дневную поверхность выступают каменные ящики. Внутри каменных ящиков лежат отдельные обломки каменных плит от покрытия ящика. Средние размеры оградок 2,5 × 1,5 м, размеры ящиков внутри оград 2 × 0,8 м. Предположительно авторы датируют могильник эпохой бронзы.

Могильник Егиндибулак 2 расположен в 2 км к северо-востоку от с. Егиндибулак. В могильнике зафиксировано 5 курганных сооружении разных размеров, диаметр каменной насыпи крупного кургана 30 × 30 м. Предположительно могильник датируется ранним железным веком.

Могильник Кособа расположен в 3 км к югу от с. Егиндибулак. Могильник представляет собой долину, где в два ряда цепочкой расположены 8 каменных курганов (рис. 3). Два из них большие по размеру (50 × 50 м, 60 × 60 м, высотой 5–6 м) (рис. 4, 5), остальные средних размеров 20 × 20 м в диаметре, высотой 0,5–1,2 м. Предположительно могильник датируется ранним железным веком.

Могильник Тутканбай (Терискей Бокенбай) расположен в 3 км к западу от села Терискей Бокенбай. Могильник состоит из 12 каменных курганов малых размеров 4 × 4 м, 3 × 3 м. Высотой 0,1–0,2 м. Предположительно могильник датируется ранним железным веком.

Могильник Егизкызыл расположен в 4 км к юго-западу от с. Егиндибулак. Могильник состоит из 6 каменных курганов (1,5 × 2 м, 2,5 × 2,5 м), расположенные одиночно и парами. Предположительно могильник датируется ранним железным веком.

Могильник Жаксылык расположен в доль дорог Акбулак – Терискей Бокенбай в 2 км от с. Терискей Бокенбай. Могильник состоит из 5 курганов малых размеров (2 × 2 м, 3 × 3 м).

Предположительно могильник датируется ранним железным веком (Ғылыми-зерттеу жұмысы…, 2017, 33–34 б.; Омаров, Бесетаев, Сапатаев, Сагындыкова, 2018).

Могильник Бесоба 1, расположенный в долине рек Такыр и Балакалжыр, в 2 км от села Акбулак Курчумского района Восточно-Казахстанской области. Могильник состоит из 24 курганов, расположенных параллельными цепочками, вытянутыми поперек долины, по линии Ю-З – С-В (Омаров, 2014, рис. 136; Омаров, 2015, 5–7 б.).

Курган №9. Было принято решение для изучения использовать стандартную методику, оставив бровки С-Ю и З-В, для изучения стратиграфии кургана шириной 0,4 м. Произведя фото- и графическую фиксацию стратиграфического разреза, в дальнейшем вести раскопочные работы в ручную, извлекая заполнение могильной ямы с параллельной фото- и графической фиксацией процесса раскопок. В качестве объекта раскопок был выбран курган, имеющий меньшие параметры, более приземистый, с расплывчатой насыпью и густой растительностью. Анализ источников позволил предположить его датировку сакским временем. Диаметр кургана составляет 13 × 13 м, округлая в плане, и высотой 0,6 м. Отличается сравнительно меньшими размерами от остальных курганов. Была произведена фотофиксация объекта перед начатием раскопок. При исследовании кургана был снят дерновый слой и произведена зачистка наземного сооружения из камней. Для определения стратиграфии наземной конструкции кургана были оставлены две бровки по линии С – Ю и З – В. Далее, в процессе снятия дерного слоя курганной насыпи была выявлена кольцевая выкладка в два-три ряда вокруг центральной части шириной 1,5 м, диаметром 5,5 × 5,5 м, где расположена магильная яма, из речных и горных камней средних и малых размеров. Внутренний диаметр 4 × 4 м. В центральная части фиксируется каменная забутовка (?) могильной ямы размером 3 × 2 м, вытянутая по линии СЗ – ЮВ, овальная в плане. Размеры камней варьируются от 0,2 до 0,5 м. Расположение камней в центральной части бессистемно. Камни кольцевой выкладки в некоторых частях лежат сплошь. Более хорошо сохранилась восточная часть конструкции. В основном кольцевая конструкция разрушена, видимо, в следствии сельскохозяйственных работ. В западной части каменной выкладки фиксируются разбросанные в хаотичном порядке камни (рис. 6). Возможно, грабительский лаз (?). Также в юго-западной части кольца выявлены каменные оградки (жертвенники?) округлые в плане диаметрами 70 × 70 м, 1,50 × 70 м, 50 × 50 м, которые, видимо, были сооружены для поминальных целей (?).

Могильная яма размерами 2,5 × 1,2 м, овальная в плане, вытянутая по линии СЗ – ЮВ, и глубиной 1,8 м. На дне в восточной части были зафиксированы разбросанные человеческие кости (ребра, позвонки, фрагменты берцовой кости и др.) на разных уровнях высоты. В северной и западной части стенки могильной ямы фиксируется следы грабительского лаза. Могила была полностью разграблена. Выявленные фрагменты костей были взяты на остеологический анализ. Была произведена рекультивация кургана.

Особое внимание было уделено выбору объектов для археологического изучения и разработки методики исследования. В качестве основного объекта выбран курган, предположительно принадлежавший представителю раннесакской воинско-кочевой элиты, о чем говорят его параметры и типологические характеристики. Исследования курганного некрополя Бесоба 1, локализованного на сравнительно небольшой территории, позволяет с меньшими затратами исследовать эталонные памятники скифо-сакской культуры и проследить эволюцию в ее развитии, наглядно представить полученные результаты в новых экспозициях музеев Казахстана.

Местонахождение этой долины по дороге из г. Зайсан в высокогорья Алтая, на озеро Маркаколь, где пролегают маршруты туристов и путешественников, увеличивают значимость и перспективы дальнейшего использования этого памятника в деле пропаганды богатого историко-культурного наследия Казахстана. В перспективе возможно создание здесь музейного комплекса.

Исследования памятников ранних кочевников могильника Бесоба 1, известного уникальными находками раннего этапа скифо-сакской культуры, позволят проследить преемственность в возведении наземных сооружений, внутримогильных конструкций и в целом в погребальном обряде, а, следовательно, развитие религиозно-мифологических воззрений, выявить местные и привнесенные элементы культуры.

Литература:

Ғылыми-зерттеу жұмысы жөніндегі есеп. Оңтүстік-Батыс Алтайдың ежелгі және ортағасыр көшпелілері: пәнаралық зерттеу 1038/МҚ 4 (қорытынды). – Алматы, 2017. – 99 б.

Омаров Ғ.Қ. Бесоба қорғандары. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 28 б.

Омаров Ғ.Қ. Күршім ауданының археологиялық ескерткіштері (2012 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстары). – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 148 б.

Омаров Ғ.Қ., Бесетаев Б.Б., Сапатаев С.А., Сагындыкова С.Т. ШҚО Күршім ауданының археологиялық ескерткіштерінің тізімі / жауапты ред. М.Е. Елеуов. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 174 б.

References

Gylymi-zertteu zhumysy zhonindegi esep. Ontustik-Batys Altaidyn ezhelgi zhane ortagasyr koshpelileri: panaralyk zertteu 1038/MK 4 (korytyndy). – Almaty, 2017. – 99 b.

Omarov G.K. Besoba korgandary. – Almaty: Kazak universiteti, 2015. – 28 b.

Omarov G.K. Kurshim audanynyn arkheologiyalyk eskertkishteri (2012 zhylgy arkheologiyalyk zertteu zhumystary). – Almaty: Kazak universiteti, 2014. – 148 b.

Omarov G.K., Besetayev B.B., Sapatayev S.A., Sagyndykova S.T. ShKO Kurshim audanynyn arkheologiyalyk eskertkishter tizimi / zhauapty red. M.E. Eleuov. – Almaty: Kazak universiteti, 2018. – 174 b.

Түйіндеме

Ғ.Қ. Омаров, Б.Б. Бесетаев

БЕСОБА ҚОРЫМЫНДАҒЫ 2017 ЖЫЛҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

2017 жылдың жазғы маусымында Шығыс Қазақстан облысы, Күршім ауданындағы Бесоба 1 қорымындағы №9 оба нысанына зерттеу жұмыстары жүргізілді. Сонымен бірге, барлау жұмыстарының барысында қола және ерте темір дәуірлерімен мерзімделетін жаңадан ескерткіштер ашылды.

Summary

G.K. Omarov, B.B. Besetayev

CONTINUATION OF RESEARCH ON THE BESOBA BURIAL

In the field season of 2017, archaeological excavations were continued at the Besoba 1 burial ground, located in the Kurchum district of the East Kazakhstan region. During the reporting period, burial mound # 9 was investigated. During the exploration works, new monuments belonging to the Bronze and the Early Iron Ages were discovered in the investigated area.

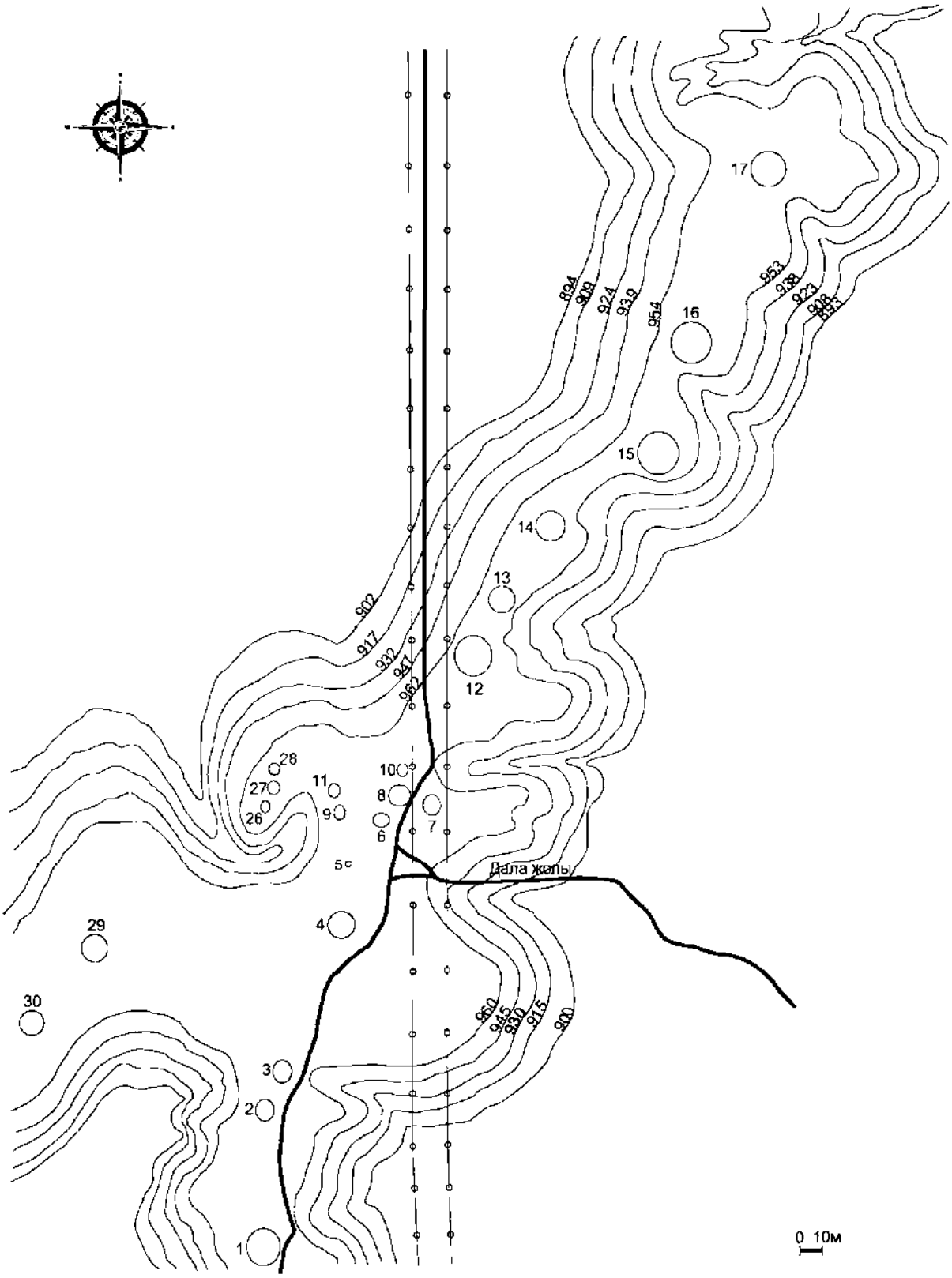


Рисунок 1. Топографический план могильника Бесоба 1



Рисунок 2. Могильник Егиндибулак 1

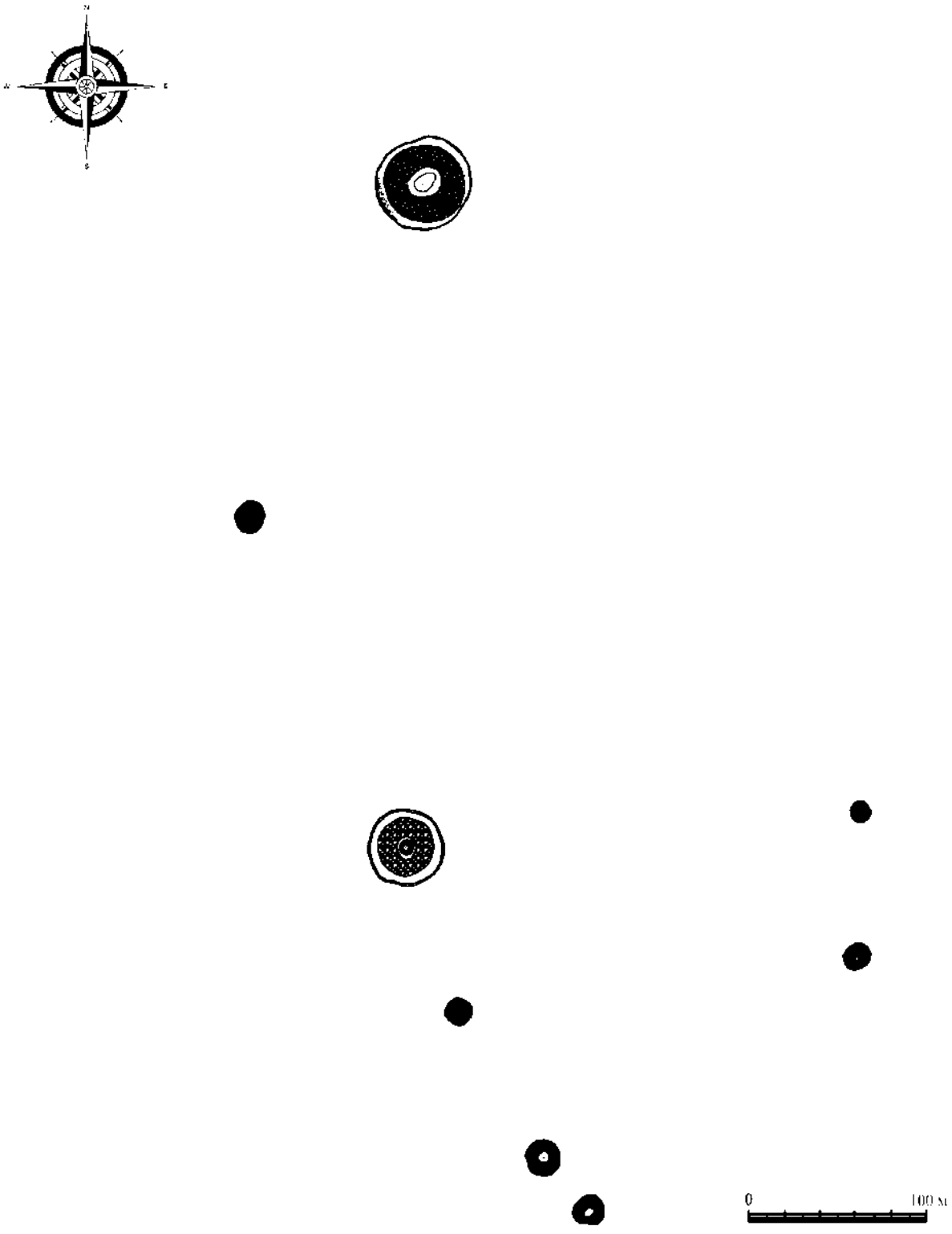


Рисунок 3. План могильника Кособа

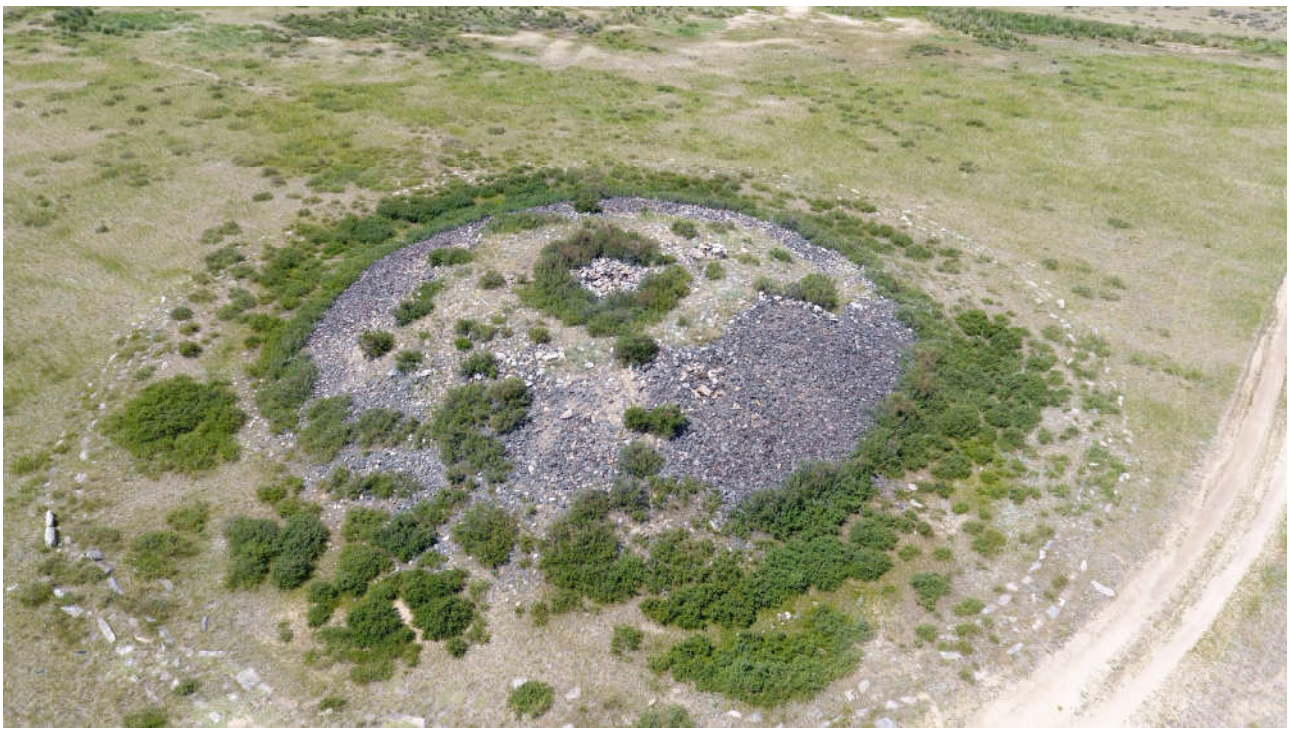


Рисунок 4. Могильник Кособа. Курган №1

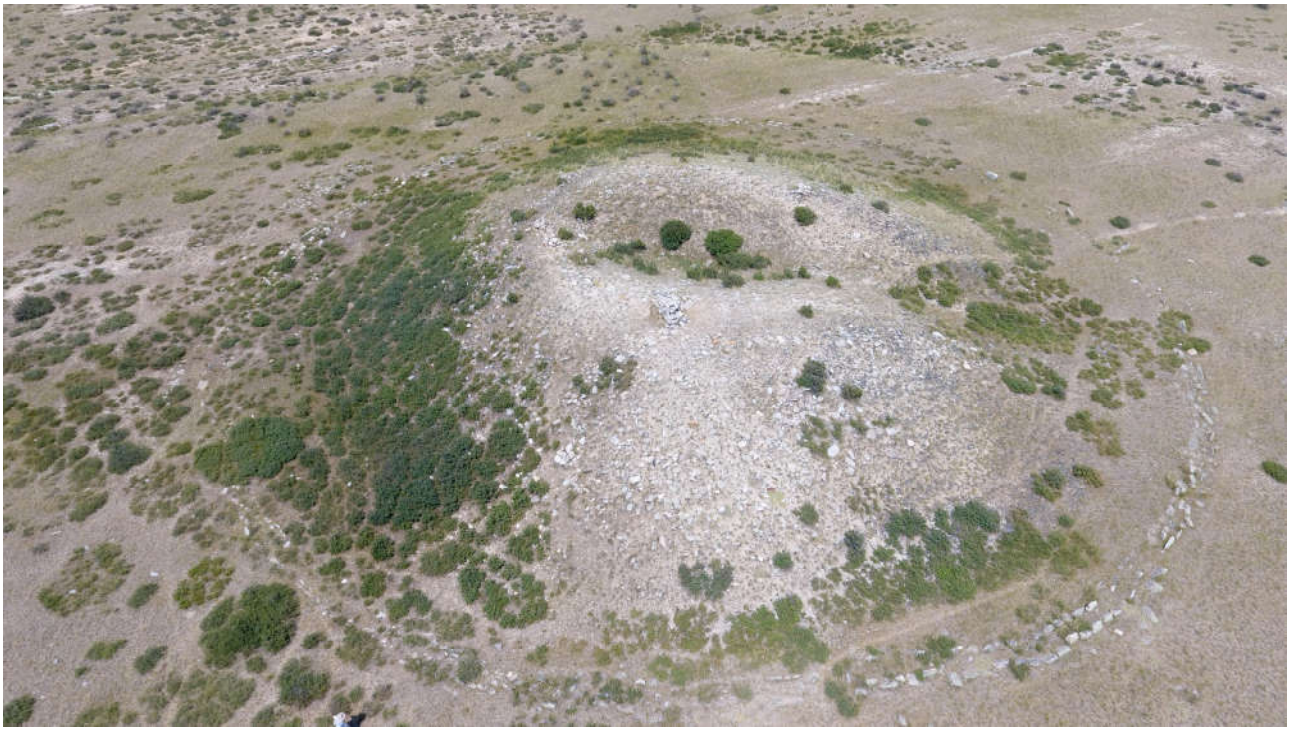


Рисунок 5. Могильник Кособа. Курган №2

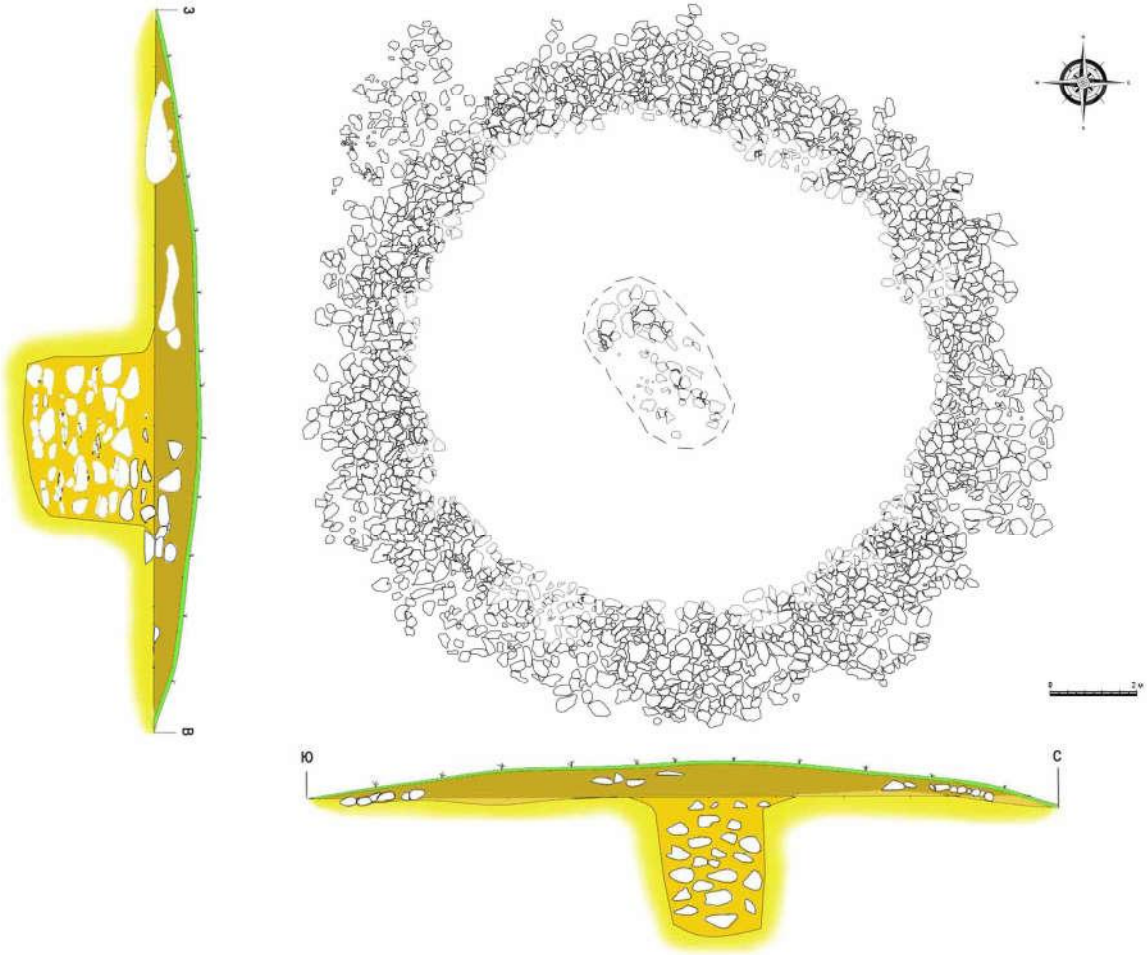


Рисунок 6. Могильник Бесоба. План и разрез кургана №9

Онгарулы А., Каирмагамбетов А., Нускабай А.,
Киясбек Г., Кызырхан М., Хасенова Б.
Национальный музей Республики Казахстан
г. Астана, Республика Казахстан

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ТОРТОБА

Түйінді сөздер: Батыс Қазақстан. Қобда өзені. Төртоба. Жерлеу-ғұрыптық кешен. Оба маңы құрылысы. Жерлеу орындары. Үйінді.
Keywords: Western Kazakhstan. The Kobda River. Tortoba. The burial-funerary complex. Construction of infrastructure. Burial places. Bracket.

В расположении курганных могильников и святилищ на территории современного Западного Казахстана особую роль сыграли природно-климатические и ландшафтные особенности региона. Могильники с большими курганами были расположены в возвышенных местах – на первой надпойменной террасе, на склоне водоразделов или на глубоко удаленных в степь водораздельных плато.

Месторасположение элитарных курганов, их конструктивные особенности, монументальность и предметный комплекс погребений находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Они показывают уровень развития строительного дела у кочевников, их отношение к вопросу жизни и смерти, сложность ритуально-обрядовой практики. Кроме того, принципиальное сходство некоторых конструктивных характеристик погребальных сооружений Западного Казахстана указывает на глубинные связи населения эпохи ранних кочевников, единство религиозных и идеологических установок.

На территории Западного Казахстана в конце VI–V вв. до н.э. над погребальной площадкой сооружали мощную наземную деревянную конструкцию шатровой формы или в виде срубов. Чаще всего деревянные сооружения сразу поджигались в ходе ритуальных действий, связанных с культом Огня. Встречаются еще следы жертвоприношений в виде отдельных прокалов, золы, костей животных, части уздечных наборов, фрагменты керамики или целые сосуды на разных слоях насыпи (Бисембаев, Сдыков, 2011, с. 196-206; Железчиков, 1980; Гуцалов, 2004; Кадырбаев, 1984. с. 84-93; Самашев, 2004, с. 230-269).

В полевом сезоне 2011 г. совместной Казахско-германской экспедицией были начаты работы на могильник Тортоба, который находится на территории пос. Жиренкопа Кобдинского района Актюбинской области. Памятник входят к группам памятников бассейна реки Кобда.

С 2013 по 2017 года непрерывно были проведены и завершены раскопочные работы на этом комлпексе (Онгар, Самашев, Киясбек, Хасенова, Мамедов, 2013. с. 124-131; Отчет о научно-исследовательской работе.., 2017; Samašev, Ongar, 2013, p. 555-573).

Визуально на территории могильника зафиксированы пять земляных насыпей, четыре из них значительных размеров (кург. № 1–2, 4–5), один из них (кург. № 3) – уступает в высоте. Они датируются эпохой РЖВ. Курганы ориентированы по линии ЗСЗ–ВЮВ, при этом курганы 2, 4–5 расположены цепочкой друг за другом, а курган № 1 немного севернее этой цепочки. Расстояние между насыпями неравномерное. Курган № 3 размещен в пространстве между насыпями курганов № 2 и 3 с северной стороны.

Курган № 1 находится в восточной части могильника. Диаметр его насыпи – 45 м, высота – 4,96 м, Вершина уплощенная, за исключением небольшого возвышения в северо-западной части.

В околокурганном пространство основного наземного сооружение были исследованы 9 объектов:

Объект № 1 является самым восточным. На снимке видно округлое пятно с небольшим округлым понижением в центре, ров фиксируется с восточной и юго-западной стороны. На объекте обнаружены семь погребений. Интересно отметить, что в проходе находились два детских погребения, они обозначены как объекты № 1а и 1в. Ямы овальной формы ориентированы по линии З-В. Расстояние между ними – 28 см. Стенки ям немного расширяются ко дну.

Объект № 1а содержал погребение двоих детей, ориентированных головами на запад. Как показывают костные останки, телами они были обращены друг к другу, руки одного ребенка (южный костяк, скелет 1) лежали на уровне плеч другого, ноги у обоих подогнуты. В изголовье на расстоянии 10 см находились два сосуда. В области ребер южного костяка и в изголовье в пространстве между

двумя костяками находились зубы животных. У подножия сосуда, расположенного с юга (сосуд 1), расчищены кости животного. Дно расчищено на уровне 2,52 м.

Объект № 1в: погребение ребенка в скорченном положении, лежащего на правом боку. Ориентирован головой на запад. Ноги умершего были подогнуты, левая рука находилась на черепе, правая, возможно, под головой. В изголовье вплотную к черепу находились два сосуда, соприкасающихся также и друг с другом. Череп раздавлен. Сохранились кости рук, ног, фрагменты костей таза.

Объект № 1с прорезает западную оконечность рва. Яма небольших размеров, овальной формы, с неровными очертаниями, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. На уровне 2,8 м расчищены остатки скелета. Умерший лежал в скорченном положении на правом боку. Сохранились кости ног. На уровне 2,85 м фиксируется дно погребения.

Объект № 1d содержал разрушенное погребение человека на правом боку в скорченном положении. Яма овальной формы, с прямыми стенками. Ориентирована по линии С-З. Среди костей находились фрагменты керамики (– 2,55–2,56 м). Дно зафиксировано на уровне 2,93 м.

Также на объекте расчищены ряд погребений (обозначены, как находка 2, 4, 4а, 5), местонахождение бронзовых и железных изделий и фрагментов керамики.

Объект № 4. Визуально не фиксировался, выявлен в результате геомагнитной съемки. Находился к ЮЮЗ от кургана № 1. После снятия верхнего дернового слоя выявлена прямоугольная конструкция с закругленными углами, окаймленная рвом. Ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Для выяснения структуры рва были сделаны два разреза: 1) по центру конструкции длиной 7,5 м, шириной 1 м; 2) южнее, траншея при этом, прорезала ров только в западной части, ее размеры 4×2 м. Они показали, что слои заполнения рва образовались относительно быстро, ров находился в открытом состоянии недолго, так как в нем не отмечено слоев мелкозернистого седимента, крупные блоки стерильного грунта и гумуса были быстро перекрыты.

На объекте обнаружены 2 погребения и выкладка из костей животного (животных?).

Погребение 1. Находилось непосредственно под гумусным слоем, стенки ямы не зафиксированы. Содержало захоронение ребенка возрастом до двух лет. Скелет ориентирован на запад. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, череп немного повернут налево, руки вдоль тела, согнуты незначительно в локтях. В изголовье с левой стороны вплотную к черепу находился небольшой сосудик. Рядом с ним железный колокольчик и каменная подвеска. На запястьях расчищены бронзовые браслеты. В области запястья правой руки находился бронзовый колокольчик. В области запястья левой руки расчищены бусины (детали браслета?), еще один колокольчик из бронзы и предмет из железа. Дно фиксируется на уровне 1,25 м.

Погребение 2. Находилось в северной части конструкции. Яма прорезала ее насыпь. Зафиксирована как пятно овальной формы, вытянутое по линии З-В. В южной стенке имелся небольшой уступ шириной до 30 см с закругленным очертанием, в северной вырыт подбой. Скелет человека находился в подбое вплотную к северной стенке. Умерший был ориентирован головой на запад. Лежал в вытянутом положении на спине. Левая рука вытянута вдоль тела, правая немного согнута в локте. Кисть левой руки согнута, а правой раскрыта и немного отставлена в сторону. В изголовье по диагонали лежала кость крупного животного (верблюда?) (–2,03 м). Справа от головы и в области шеи находились бусины, слева – мелкая бронзовая трехлепестковая бляшка. В области грудной клетки расчищены многочисленные изделия из бронзы. В верхней части они расположены бессистемно, ниже на правой стороне образуют четыре небольших ряда, размещенных по диагонали друг над другом.

Поверх тела человека, немного по диагонали, видимо, был развернут пояс. Верхняя его часть находится на уровне брюшной полости. Внизу заканчивается немного ниже правого колена.

Основной ремень состоял из бляшек трех разновидностей: прямоугольных с прорезью в нижней части (в ряд друг за другом расположены 6 предметов), полуовальных также с прорезью и в форме лунницы с боковыми округлыми выпуклостями (в ряд друг за другом расположены 39 предметов).

Объект № 6. Примыкал ко рву кургана № 1 с юго-западной стороны. Представлял собой небольшую земляную насыпь в плане округлой, в разрезе полусферической формы. Его размеры: диаметр 14,5 м, высота 0,2 м. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами ориентированную по оси северо-запад – юго-восток. На дне ямы на глубине 1,0 м был расчищен скелет взрослого человека. Костяк лежал по диагонали, вытянуто на спине, головой на запад. Кости рук располагались вдоль туловища. Слева от костей запястья стоял лепной плоскодонный сосуд с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком и двумя вертикальными

ушками на шейке. Ниже сосуда под костями левой кисти лежал небольшой каменный оселок подтрапециевидной формы с круглым отверстием в верхней части. Справа от костяка, в районе костей правой кисти лежал каменная плитка овальной формы. Здесь же лежали четыре железных наконечников стрел с деревянными древками. Погребенного также сопровождала заупокойная пища, от которой сохранились кости конечностей, позвоночников и ребер мелкого рогатого скота. Все они находились слева от погребенного севернее костей предплечья и черепа.

Объект 7. Находился несколько в стороне от кургана 1, в 22 м к юго-западу от его основания. К началу раскопок он представлял собой небольшое всхолмление диаметром 14,6 м и высотой 0,6 м. Непосредственно на подкурганной площадке было выявлено округлое пятно прокала. Могильная яма подовальной формы, ориентирована по линии запад-восток. Ее размеры 2,56 х 1,34 м. Заполнение могилы темно-коричневый суглинок. До уровня 0,8–1 м от уровня материка стенки могилы отвесные. Ниже расширяются, образуя неглубокую нишу вдоль всех стенок, продолжающуюся вплоть до уровня дна (2,5 м). В западной части ямы на разных уровнях были разбросаны кости человека и мелкого рогатого скота. В юго-западном секторе расчищены фрагменты керамики. Череп человека имел искусственную деформацию: вытянут в области затылка.

Среди костей расчищены мелкие фрагменты керамики, фрагменты железных удил, а у западной стенки в придонной части расчищены 11 бронзовых наконечников стрел (десять трехлопастных, один двухлопастной). В юго-западной части ямы отдельно находились еще два трехлопастных бронзовых наконечника стрел.

Объект № 8. Располагался к западу от кургана 1 и практически примыкал к его рву. Представлял собой небольшую насыпь округлой формы диаметром 12 м, высотой 0,6 м. Могильная яма подовальной формы, была ориентирована по оси запад-восток. Ее длина 3,2 м, ширина 2,3 м. В ходе снятия грунта в засыпи могилы в северо-восточном секторе ямы расчищен череп крупного животного. На дне ямы по ее длинной оси, на глубине 1,9 м от уровня материка лежал скелет взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая немного отставлена в сторону и согнута в локте. Правая нога вытянута. Левая немного согнута в колене, т.е. зафиксирована т.н. «поза всадника». Справа в изголовье, под торцевой восточной стенкой погребенного находилось скопление железных предметов, большинство которых сохранилось во фрагментарном состоянии. Между кистью и бедренной костью левой ноги были расчищены пучок бронзовых стрел с деревянными древками. Кучное расположение наконечников стрел (32 шт.) и наличие фрагментов кожи поверх находок предполагает использование в погребальном обряде колчана. С внутренней стороны ладони был найден клык крупного животного (кабана?). В верхней части клыка имеется округлое отверстие. С левой стороны вплотную к скоплению наконечников лежал железный нож, ориентированный острием к ногам. К острию ножа примыкал небольшой деревянный предмет. Изделие удлиненной формы, в сечений линзовидное. Погребенного сопровождали заупокойная пища, от которой сохранились кости мелкого рогатого скота (кость передней ноги с лопаткой, позвоночники, ребра), в большинстве лежавшие в сочленении.

Ямы с жертвоприношениями животных. В результате геомагнитной съемки, сделанной в 2011 г. немецкими геофизиками, геомагнитная съемка позволила выявить визуально не фиксируемые крупные сооружения прямоугольной формы, расположенные к югу от курганов эпохи РЖВ. Между объектами РЖВ и сооружением прямоугольной формы зафиксированы несколько ям с жертвоприношениями. Ямы обозначены соответствующими цифрами и буквами: 9a, 9в, 9c, 9d, 9e. На дне первой ямы, начиная с глубины от 95 см и до 1, 11 м от современного дневного горизонта найдено множество костей животных. Очертания ямы на уровне древнего горизонта подокругулой формы, направленная с востока на запад с небольшим отклоненим. Извлеченные кости принадлежали 2 видам животных, лошадям и овцам. Стоит отметить, что костей первого животного было намного больше. Кости следующего порядка: позвоночника, лопаточные, ребер, берцовые, трубчатые кости ног.

Начиная с 2014 года основное внимание уделялось исследованию самой курганной насыпи вышеназванного комплекса. Насыпь была поделена на 8 составляющих частей (включая контрфорсы), что позволяло максимально точно проследить стратиграфию насыпи. Курганная насыпь вскрывалась вручную послойно по 20-25 см.

После тщательной зачистки камышового слоя и деревянной конструкции в центральной части сооружения, были определены границы камышового настила. Размеры настила 21,4х20,3 м. В процессе дальнейшего исследования были зафиксированы плахи с корой. В некоторых местах под этим слоем проглядывались фрагменты дерева, коричневого цвета. Структура волокна камышового

слоя показывает, что камыш был выложен, округляя центральное деревянное сооружение. Сам же камышовый слой в толщину достигает от 2-до 8 см.

После расчистки деревянной конструкции ее размеры составил 14х13,1 м. Структурно конструкция напоминает крышу шестигранного шатра. Центральная конструкция кургана представляет собой деревянный «сруб», ориентированный по линии север, северо-запад – юг, юго-восток, поверхность которого была перекрыта бревнами. Под тяжестью надмогильной насыпи и с процессом многолетнего разрушения дерева, бревна были деформированы и приплющены. На следующем этапе была проведена зачистка деревянной конструкции, в целях определения количества могильных ям, определения их границ. В процессе раскопок в северо-восточном углу деревянного сруба на уровне 43 см от нулевой северной точки был зафиксирован развал крупного сосуда. На древней поверхности в 8 м к ЮЮЗ от юго-восточного угла центральной восточной могильной ямы была зафиксирована деталь конского снаряжения – бронзовое кольцо с навершием.

После зачистки деревянной конструкции по ее периметру зафиксированы 39 лунок и опорных столбовых ямочек. Столбовые ямки по-видимому служили в качестве опоры деревянной конструкции. Об этом свидетельствуют остатки дерева и формы вырытых под углом ямок.

Внутри сруба при зачистке полов зафиксированы два могильных пятна светло-желтого цвета смешанного с фрагментами дерева, резко контрастирующие на фоне серовато-коричневого цвета платформы. Размер восточной ямы – 190х260 см, западной – 160х230 см. Могильные ямы расположены параллельно друг другу, расстояние между ними по южному краю ям – 240 см, по северному – 250 см. К югу от могильных ям фиксируются 6 столбовых ям, расположенных в два ряда по три в каждом, ориентированных по линии север, северо-восток – юг, юго-запад. Ямы расположены симметрично относительно рядов, к югу расстояние между ямами рядов увеличивается. Размеры и глубина ям варьируется от 20х20х65 до 30х30х76 см. Вероятней всего, данные ямы предназначались для опорных столбов центральной деревянной конструкции, возможно даже играли роль некоего коридора, входа в сруб. В ямах обнаружены фрагменты деревянных столбов.

В процессе расчистки восточной могильной ямы, на глубине 20-25 см от поверхности платформы серого цвета, был зафиксирован человеческий костяк. К югу от центра могильной ямы были зафиксированы 4 фрагмента железного изделия. Другого сопутствующего инвентаря обнаружено не было.

При углублении в западной могильной яме на уровне -15-20 см от поверхности платформы зафиксированы кости и один фрагмент керамики. Другого погребального инвентаря не обнаружено.

В процессе послойной расчистки основного кургана в северо-западной части надмогильной насыпи была зафиксирована погребение № 1. Яма прорезала насыпь кургана. Зафиксировано как пятно прямоугольной формы с округленными углами, вытянутое по линии З-В. Ее размеры зафиксированные по дну составили 260х300 см, а глубина – 2,03 м.

После расчистки могильной ямы было зафиксировано, что дно овальной формы. В центре была сооружена деревянная рама, концы плохо сохранившихся жерди (?), вероятно, скреплялись пазами. Паз делался как, на нижне доске, так и на верхней, которая входила вплотную, прочно скрепляя составляющие рамы. Фиксируемая ширина досок – от 4 до 10 см. Размер деревянной рамы составил – 185х185 см.

На дне деревянной рамы имеется камышевый настил, северный и западный края которого плотно примыкают к раме, а южный и восточный заканчиваются не доходя до стенок рамы – 20-35 см. На настиле по направлению юго-восток – северо-запад, ориентированный головой на юго-восток зафиксирован скелет погребенного. Скелет человека находился диагонально (юго-восток – северо-запад) в деревянной рамке. Он лежал на спине, лицом направленным, возможно к вверху. На момент расчистки лицо погребенного было немного повернуто влево. Ноги в вытянутом положении, стопы вплотную прижаты к северо-западному углу деревянной рамы. Руки вытянуты, немного согнуты в локтях, лодони прижаты к земле.

На нижней части тазовой кости и на левой кисти руки погребенного поперек бедер, лежал железный кинжал. Рукоятка направлена на северо-запад. Возможно, что захороненный в погребении являлся правшой. Кинжал с прямым навершием, и сломанным под тупым углом перекрестием, близкое к т.н. бабочковидному (нижние углы концов перекрестия закруглены). Рукоять брусковидная. Клинок обоюдоострый, треугольный с немного дуговидными сторонами лезвий. Сохранность относительно хорошая, сохранена форма, но изделие корродировано. Изделие изготовлено из железа, при помощи ковки.

В центральной части у северной стенки зафиксирован колчанный крюк. Крюк с отверстием, зооморфный. У северной стенки, центральной части деревянной рамы на расстоянии 20 см к северо-

западу от колчанного крюка, были зафиксированы, 119 наконечников стрел. Они располагались острием в северо-западном направлении. В наконечниках очень плохо сохранились древка стрел. В целом наконечники можно разделить на несколько типов. Наконечники изготовлены из бронзы с применением техники литья, с дополнительной подточкой краев перьев или лопастей.

В юго-восточном углу деревянной рамы были зафиксированы две накладки (оковки) деревянного сосуда расположенные одна на другой (?). На которых лежали небольшие фрагменты дерева.

За юго-западным углом деревянной рамы по линии северо-запад – юго-восток лежал железный наконечник копья (?). Втулка наконечника коническая, основание стянуто кольцом-муфтой. Длина наконечника копья составила – около 47 см. Рядом с втулкой наконечника копья (?) зафиксированы фрагменты дерева, а на глубине – 1,7 м, лежала ворворка (темлячная подвеска). Изделие усечено-конической формы.

Погребение № 2 расположено в западной, юго-западной части, на краю наземной конструкции. Она была зафиксирована в процессе прокладки разреза насыпи кургана. Могильная яма была перекрыта деревянными жердями. Жерди перекрытия располагались, поперек длинной оси могилы. Центральная часть перекрытия была провалена. Могильное пятно прямоугольной формы с закругленными углами, и ориентировано длинной ось по линии юго-восток – северо-запад. Размеры верхней части ямы составили – 5,1х6 м, а глубина 3,2 м. В процессе расчистки могильная яма сужалась ко дну. Замеры дна могилы показали, что она представляет собой квадратную форму с закругленными углами, длина сторон которой составила 3,7х3,7 м. Деревянные фрагменты перекрытия могильной ямы и камышевое перекрытие сохранилось на глубине -2 м от дневной поверхности земли.

В процессе расчистки могильной ямы в северо-восточной части были зафиксированы вертикально врытые в землю деревянные жерди, которые с течением времени и под влиянием грунта заполнявшего могильную яму немного склонились к центру могилы. Можно предположить, что данные деревянные жерди, врытые вертикально в землю, служили укреплением для центрального погребения, от обвала стенок могильной ямы.

В центральной части могильной ямы, как и в погребении № 1 была сконструирована деревянная рама. Длинной осью рама ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размер прямоугольника образованного досками деревянной рамы составил – 165х195 см. Возможно, что доски рамы крепились между собой при помощи пазов. На дне внутрирамного пространства был зафиксирован красновато-коричневого цвета войлок (?), а также сохранила подстилка в виде подушки. Размеры ее составили 120х25 см. В северо-западной части деревянной рамы зафиксирована решетчатая подстилка в виде кереге, сделанная из тонких прутьев, на поверхности которой имеются фрагменты материала положенного на нее.

В центральной части дереянной рамы был зафиксирован скелет усопшего, головой ориентированного на юго-восток. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, лицом направленным вверх.

На нижней части тазовой кости и в районе левой кисти руки погребенного поперек бедер лежал железный кинжал, а точнее рукоять, и часть отходящего от перекрестия клинка. Острие клинка лежало на древках стрел. Рукоятка направлена на северо-восток. Возможно, что захороненный в погребении являлся правшой. Клинок обоюдоострый, треугольный с немного дуговидными сторонами лезвий. Изделие изготовлено из железа, при помощи ковки.

С левой стороны от погребенного, на уровне бедренной кости был расчищен берестяной (?) колчан со стрелами. Возможно, что колчан сплетен из гибких деревянных прутьев и завернут в бересту (?). Фиксируемые размеры колчана следующие: ширина – 20 см, длина – 55-60 см, толщина – 14 см. Длина древков стрел, отходящих от колчана составляет – 40 см. Колчан положен наконечниками стрел на северо-запад.

В северном углу деревянной рамы, справой стороны, у ног усопшего, в положении на боку, дном к северо-западной, а устьем к юго-восточной стенке был зафиксирован керамический сосуд. Кувшинообразный крупный сосуд с короткой с раструбом горловиной и закругленным вниз венчиком, который плавно переходит в раздутое тулово сосуда. Дно плоское, цвет керамики светло коричневый. Высота сосуда составила – 38 см, диаметр устья- 10 см, диаметр дна 15,5 см, толщина стенок сосуда – 1 см. Сосуд фрагментирован.

Справа от погребенного зафиксирован деревянный поднос, на котором, лежали ребра крупного животного (КРС, лошадь, верблюд (?)). Вдоль внешней северо-восточной стенки деревянной рамы, вероятней всего было положено копье. Могильная яма ориентировано по север-юг.

Погребение № 3 было зафиксировано в центральной части надмогильной насыпи, на уровне древней поверхности земли. Место погребения имело овальную форму немного зауженную к северу. Размеры ее составили 230х110 см. Длинной осью погребение расположено по линии север-юг. В центре погребения был зафиксирован скелет усопшего. Он был положен на спину, в вытянутом положении по линии север-юг, головой ориентирован на юг, лицо направлено на верх. Кости скелета лежали в анатомическом порядке.

На нижней части тазовой кости и в районе левой кисти руки погребенного по линии северо-запад – юго-восток, лежал железный кинжал, а точнее рукоять, и часть отходящего от перекрестия клинка. У правой бедренной кости были зафиксированы наконечники стрел. Наконечники стрел в количестве 183 штук, острием были направлены на север. Во втулках наконечников сохранены древка. Изделия отлиты из бронзы. Наконечники разнообразны по типу, форме головки, втулке, основания бойка и т.д. В целом наконечники по способу насада все втульчатые. По виду втулки их можно разделить на наконечники с выступающей и со скрытой втулкой. По форме поперечного сечения головки на двухлопастные, трехлопастные, трехлопастные с ложками, трехгранные без ложков, четырехгранные и круглые. По форме головки в основном встречаются: сводчатые, треугольные, лавролистные, пулевидные. По форме основания головок с прямым основанием и с опущенными вниз концами. По форме основания головок: треугольные, арочные и М-образные. У стоп обеих ног усопшего в колличестве 6 штук были найдены золотые нашивные бляшки. Они предназначались для парадной одежды воина-аристократа. В нижней части тазовой кости, с правой стороны была зафиксирована костянная ложечка. А ниже ложечки, был зафиксирован предмет похожий по очертанием на нож.

Литература:

Бисембаев А.А., Сдыков М.Н. Исследование памятников раннего железного века в Западном Казахстане в 1991-2001 гг. // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). – Алматы, 2011. – С. 196-206.

Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья. – Автореф. канд. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Москва, 1980. – 16 с.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VIII–I вв. до н.э. – Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2004. – 136 с.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – Москва, 1984. – С. 84-93.

Онгар А., Самашев З., Киясбек Г., Хасенова Б., Мамедов А. Изучение околокурганного пространства кургана № 1 могильника Тортоба (по материалам 2013 г.) // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК в г. Астана. – Астана, 2013. – С. 124-131.

Отчет о научно-исследовательской работе «Сако-савроматский культурный горизонт Казахских степей: исследование проблем межкультурных контактов в исторической диахронии» за 2017 год // Архив ИА КН МОН РК.

Самашев З.С. Древние всадники Западной Азии // Труды Центрального музея. – Алматы, 2004. – С. 230-269.

Samašev Z., Ongar A. Die Nomaden der kasachischen Steppe in der eurasischen Steppe // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. – Bochum. 2013. Volume II. – P. 555-573.

Түйіндеме

Оңғарұлы А., Каирмагамбетов А., Нұскабай А.,
Қиясбек Ғ., Қызырхан М., Хасенова Б.

Төртоба жерлеу-ғұрыптық кешеніндегі зерттеулердің алғашқы нәтижелері

Мақалада Төртоба отрядының 2011, 2013-2017 жылдары аралығында Ақтөбе облысының Қобда ауданының Жиренқопа ауылдық аумағындағы Тортоба жерлеу-ғұрыптық кешенінде жүргізілген жұмыстарының алғашқы қорытындылары жарияланды.

Summary

Onggaruly A., Kairmagambetov A., Nuskabay A.,
Kiyasbek G., Kizirkhan M., Khasenova B.

Preliminary study of the Tortoba burial complex

The article summarizes the first results of the Tortoba team' work at the Tortoba burial-funerary complex in the Zhirenkopa village, area of the Kobda region of the Aktobe in 2011, 2013-2017.

Сейткалиев М.К.
ТОО «Археологические исследования»
Алматы, Казахстан

УДК 902/904

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА «РИМСКОГО» ИМПОРТА В СЕВЕРНОМ ПРИКАСПИИ

Ключевые слова: Северный Прикаспий, Западный Казахстан, сарматы, римское время, патера, случайная находка, импорт
Keywords: Northern Caspian area, Western Kazakhstan, Sarmatians, Roman's time, the Pater, the accidental find, import

Среди древностей начала нашей эры, обнаруженных как в закрытых комплексах, так и найденных случайным образом в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье, особое место занимают находки предметов импортной бронзовой посуды. Проявляемый к ним интерес со стороны специалистов обусловлен в первую очередь малочисленностью найденных изделий, а также тем, что привозные сервизы имели довольно узкие хронологические рамки производства, что, безусловно, делает их важным индикатором при определении времени совершения погребения. Как я уже отметил, в обозначенном выше регионе известна небольшая серия металлической посуды римского времени, произведенной в ремесленных центрах Центральной и Южной Европы. В настоящее время, несмотря на развертывание широкомасштабных археологических исследований в нашей стране, в Западном Казахстане найдено не больше десятка предметов бронзовой утвари «римского»[8] производства (Багриков, Сенигова, 1968, с. 83, Мошкова 1982, с. 82, Боталов, Гуцалов, 2000, с. 101). В этой связи, обнаружение новых, пусть даже и депаспортизированных изделий в регионе представляет несомненный интерес.

Летом 2000 года жителем поселка Ганюшкино Курмангазинского района Атырауской области на песчаных выдувах (рис. 1), расположенных близ населенного пункта был обнаружен фрагмент бронзовой патеры. Впоследствии найденная часть утвари была передана археологу М. Касенову[9]. Найденный предмет представляет собой длинную цельнолитую ручку со скульптурным окончанием в форме головки кругорогого барана (рис. 2, *1*). Размеры предмета составляют: длина – 15 см; диаметр – 2,5 см. Переход ручки к атташу передан в виде кольцевой обоймы с рифлёным внешним краем. Сам атташ сохранился фрагментарно, в виде пластины округлой формы с рваными краями. Ствол ручки цилиндрической формы украшен глубокими продольными каннелюрами, отделен от навершия широким валиком. Последняя деталь представляет собой чередование узких и широких рифлёных поясков. Часть валика, расположенная к стволу ручки, сильно затерта. Скульптурное навершие расположено на одной оси со стволом ручки и оформлено в виде головки барана, переданной в весьма реалистичной манере. Животное изображено с массивной, горбоносой головой, лоб широкий, уши длинные, торчащие. Спиральные рога большие, широкие, загибаются назад и внутрь, хорошо подчеркнуты многочисленные поперечные насечки. Волнистая шерсть животного передана двумя приемами. Мех, покрывающий верхнюю часть головы, смоделирован в виде барельефных широких завитков. Шерсть же вокруг ушей и нижней челюсти передана в виде длинных волнистых линий. Глаза большие, миндалевидные, хорошо выделены низким рельефом веки животного. Ноздри смоделированы глубокой бороздкой в виде запятой. Ротовая щель барана оформлена вдавленной линией (рис. 2, *2*). В целом, мы должны отметить высокое качество исполнения изделия и прекрасное знание мастера экстерьера изображаемого животного.

Описанное изделие вызывает закономерный научный интерес, по причине того, что это первая находка бронзовой патеры типа «Millingen» (Eggers 155) к востоку от Волги[10].

---

[8]Применимый в данном контексте термин условен, так иногда под ним понимают не только предметы, произведенные в мастерских Римской империи, но и изготовленные в производственных центрах стран и территорий, не входивших в ее состав, но находящихся под ее непосредственным влиянием.

[9] Обстоятельства и место находки приведены в первой статье посвященной публикации предмета (Касенов, Сейткалиев, 2017, с. 115-118)

[10]Здесь следует также упомянуть о находке в погребении 2 кургана 23 могильника Лебедевка V бронзовой патеры с отломанной ручкой (Мошкова, 1982, с. 82). Несмотря на отсутствие такой важной типообразующей детали, как ручка, Н.Е. Берлизовым лебедевская патера была отнесена к типу «Миллинген» (Берлизов, 2011, с. 223, табл. 75, *1*). Однако, несмотря на определенное сходство атташа патеры из Лебедевки с предметами рассматриваемого типа, утрата ручки не позволяет

Справедливости ради следует отметить, что и к западу от нее, на территории расселения сарматских племен, находки предметов рассматриваемого типа также носят единичный характер. К сожалению, обнаружение патеры вне археологического контекста не позволяет с определенной уверенностью говорить о времени появления патеры в приуральских степях. Существующие аналогии допускают только наметить хронологические рамки производства изделия. Наиболее близкий в территориальном отношении аналог рассматриваемому предмету найден в погребении кургана 12 Никольского могильника в Астраханской области. Обнаруженная бронзовая патера датирована В.П. Шиловым первой половиной I века нашей эры и могла являться по предположению исследователя продуктом южноиталийских мастерских (Шилов, 1974, с. 230-231).

Также к среднесарматскому времени отнесена бронзовая патера, найденная в могильнике у хутора Сладковский на правобережье Нижнего Дона (Мошкова, 1989, с. 183, рис. 78: *10*). К I веку нашей эры относится канеллированная ручка бронзовой патеры с изображением головы барана, найденная в 1898 году на Недгиговском городище в Ростовской области (Кропоткин, 1970, с. 92). Целая серия южноиталийских патер рассматриваемого типа, датированных в пределах I-II вв. н.э., найдена в памятниках Северного Причерноморья (Кропоткин, 1970, с. 88, 96). Куда больше параллелей патера из Ганюшкино находит в Восточной и Западной Европе, на территориях некогда входивших в состав Римской империи или находившихся под определенным ее политическим и культурным влиянием. Подробные сводки большей части этих находок приводятся в работах Х. Эггерса, Г. Нубера, В.П. Шилова, что избавляет меня от необходимости их обзора в предлагаемой статье (Eggers, 1951a, Taf. 13, Nuber, 1972, p. 45, Шилов, 1974, с. 226-231).

Исходя из обозначенного круга аналогий, считаю возможным датировать производство атырауской патеры в пределах I-II вв. н.э. Здесь следует оговориться, что речь идет именно о дате изготовления предмета, а не времени попадания его в прикаспийские степи. Собственно на территории римских провинции патеры рассматриваемого типа датируются периодом B1 (Eggers, 1951b, Abb. 1). Временем между 40/50-150 гг. н.э. определял их бытование Р. Петровский, при этом оговорив их длительное использование в европейском Барбарикуме, вплоть до конца II вв. н.э. Также в широких хронологических рамках датировал бытование данного типа Г. Нубер. Он определял его временем: вторая половина I в. н.э. – середина II вв. н.э. (Шаров, 2016, с. 332). Несмотря на то, что большая часть находок патер, произведенных в пределах I-II вв. н.э. найдена в синхронных варварских комплексах, известны случаи обнаружения их в погребениях III в. н.э. (Кропоткин, 1970, с. 96). К сожалению, находка патеры вне захоронения, не позволяет ответить на вопросы о времени появления ее в степях Западного Казахстана, а также в каком качестве она проникла к кочевникам, населявшим регион в римскую эпоху. В.П. Шилов предполагал, что патеры типа «Millingen» могли быть произведены в Южной Италии, но в тоже время в своей работе он приводит несколько версий о возможном их изготовлении в александрийских, галльских и придунайских мастерских (Шилов, 1974, с. 231). Восточно-средиземноморское происхождение отдельных предметов не исключает Б.А. Раев (Раев, 1987, с. 47).

Появление продукций «римских» мастерских в столь отдаленных от границ империи местах может быть обусловлено несколькими факторами: начиная от торговых отношений и заканчивая военно-политическими контактами. Картографирование находок патер рассматриваемого типа позволяет условно наметить вариант вероятного пути проникновения изделий в западнокахстанские степи: Северное Причерноморье – Нижний Дон – Нижнее Поволжье – Северный Прикаспий (Западный Казахстан). Думается, что дальнейшие исследования в регионе увеличат число находок предметов импортного происхождения, в том числе и римского. Что безусловно, позволит ответить на многие спорные вопросы сарматской истории, среди которых и выяснение характера контактов кочевников Западного Казахстана и населения восточноримских провинций.

Литература:

Монографии:

Eggers H.J. Der romische Import imfreien Germanien. Hamburg: Hamburger Museum fur Volkerkunde und Fruhgeschichte, 1951a. - 212 s.

Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. - V в. н.э. Ч. I. – Краснодар: Парабеллум, 2011. – 320 с.

однозначно отнести ее к изделиям группы «Millingen». По этой причине, лебедевская патера в данной работе не рассмотрена. Но, справедливости ради следует отметить, что отнесение патеры из Лебедевки к рассматриваемому типу допускает и М.Ю. Трейстер (Трейстер, 2016, с. 284).

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в до н.э - V в. н.э). 1970. – 280 с.

Статьи в сборнике:

Eggers H.J. Zurabsoluten Chronologie der romischen Kaiserzeitimfreien Germanien //Atlas der Urgeschichte 1. – Hamburg, 1951b. – S.196-244

Nuber H.U. Kanne und Griffshale //Ihr Gebrauch in täglichen Leben. Ber. der RGK 53. 1972. – S. 1-232.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 266 с.

Коллективные монографии:

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура //Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. – С. 177-191.

Раев Б.А. Новые находки римских импортов в Нижнем Подонье //Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье (тезисы докладов к семинару). – Новочеркасск, 1987. – С. 47-48.

Трейстер М.Ю. Кочевники на перекрестке трансъевразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный) //Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. – Оренбург, 2016. – С. 279-286.

Статья в журнале:

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР.– 1968. – 2. – С. 71-88

Касенов М., Сейткалиев М. Случайная находка ручки патеры типа «Millingen» в Северном Прикаспии // Stratum plus. – 2017. – 4. – С. 115-118.

Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. – 1982. – 124. – С. 80-87.

Шаров О.В. Склеп Деметры в Керчи: неизвестные страницы (по материалам научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа) // Stratum plus. – 2016. – 4. – С. 319-334.

Шилов В.П. Бронзовая патера из Астраханской области // СА. – 1974. – 1. – С. 226-231.

Резюме

М. Сейткалиев

Случайная находка «Римского» импорта в Северном Прикаспии

Среди древностей римского времени, обнаруженных как в закрытых комплексах, так и найденных случайным образом в Западном Казахстане особое место занимают находки импортной бронзовой посуды. Проявляемый к ним интерес со стороны специалистов обусловлен в первую очередь малочисленностью найденных изделий, а также тем, что привозные сервизы имели довольно узкие хронологические рамки производства, что, безусловно, делает их важным индикатором при определении времени совершения погребения. В Западном Казахстане известна небольшая серия металлической посуды римского времени, произведенной в ремесленных центрах Центральной и Южной Европы. В настоящее время, несмотря на развертывание широкомасштабных археологических исследований в нашей стране, в регионе найдено не больше десятка предметов бронзовой утвари «римского» производства. В начале 2000 года в Атырауской области была случайно найдена ручка бронзовой патеры типа «Миллинген». В данной работе приведено подробное описание находки, намечены возможные центры ее производста, обоснована датировка и рассмотрены вероятные пути проникновения римского импорта в западноказахстанские степи.

Summary

M. Seitkaliev

Casual find of "roman" importin Northern Caspian region

Among the antiquities of the Roman period found in closed complexes, as well as found randomly in Western Kazakhstan special attention is paid to the findings of imported bronze ware. In the beginning of 2000 in this region had been accidentally found the handle of a bronze Patera like "Millingen". The present scientific paper presents the detailed description of the finding, identifies possible centers of its production, justifies the dating and considers possible ways of the penetration of Roman imports in western Kazakhstan steppe.

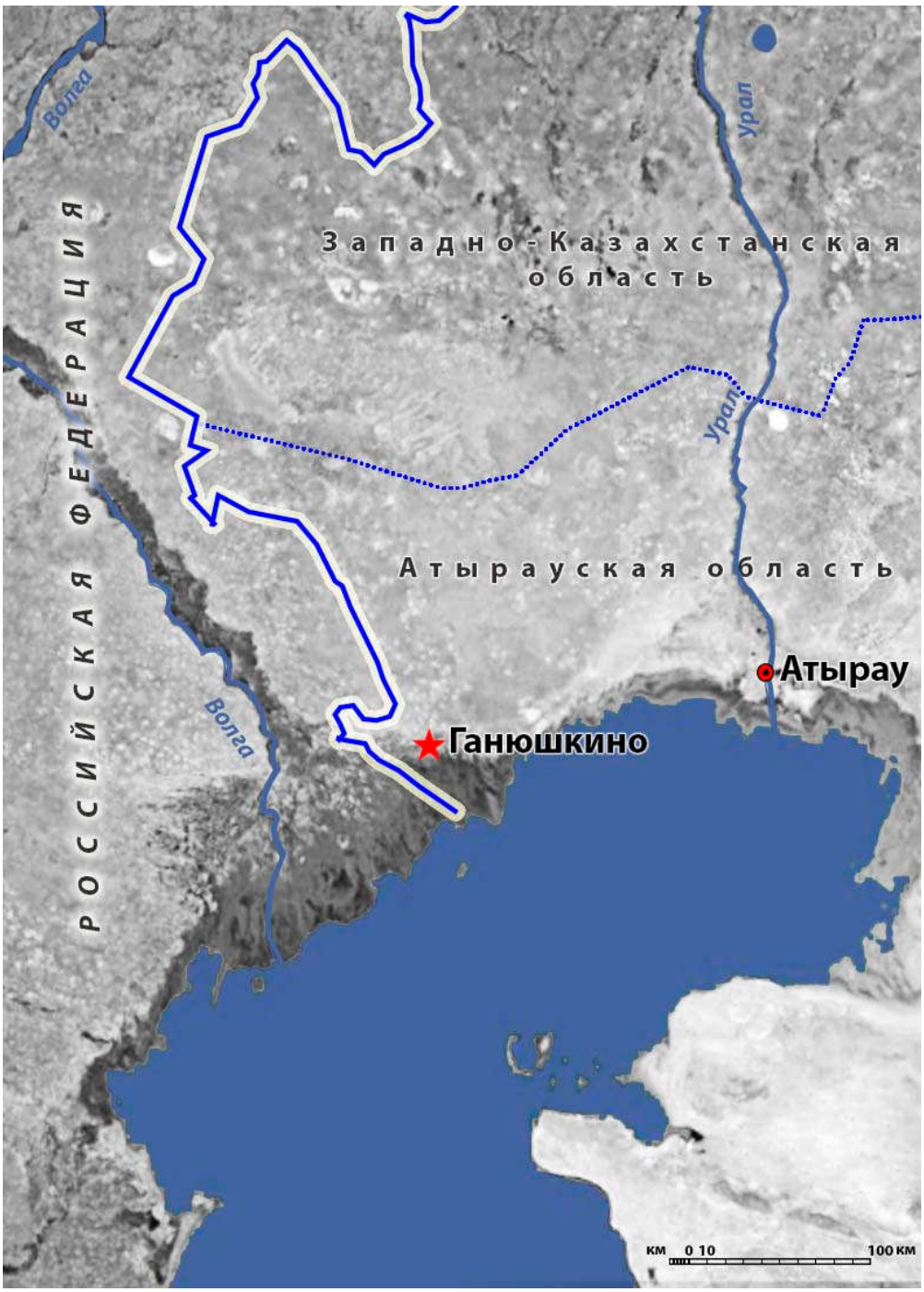


Рис. 1. Местонахождение патеры

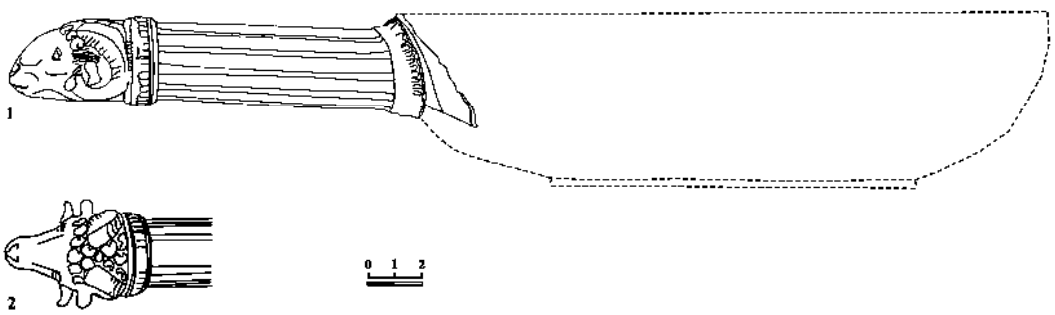


Рис. 2. Ручка бронзовой патеры из Ганюшкино. 1 – Общий вид ручки; 2 – скульптурное навершие ручки

Сиротин С.В., Богачук Д.С.
Институт археологии Российской академии наук,
Москва,Российская Федерация.

УДК 902/904
ББК (Т) 63.4 (2)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КУРГАНОВ 2, 5 НЕКРОПОЛЯ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ «ВЫСОКАЯ МОГИЛА – СТУДЕНИКИН МАР» В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Ключевые слова: курганы, погребальный обряд, Южный Урал, ранние кочевники.
Түйінді сөздер: қорғандар, жерлеу салты, Оңтүстік Жайық, ерте көшпенділер.
Keywords: burial mounds, funeral rites, the South Urals, early nomads.

Курганный некрополь «Высокая Могила – Студеникин Мар» расположен на территории Оренбургской области в 16 км к югу от с. Дедуровка. Данный памятник представляет собой крупный могильник, в составе которого выделяется несколько курганных групп, насчитывающих более 50 курганов разной величины, включая большие сооружения раннекочевнической знати. Рассматриваемые в данной публикации курганы входят в группу «Богатырские могилки» в составе некрополя. Данная группа находится восточнее основного кургана в некрополе (Высокая могила) и включает в свой состав 5 относительно больших (диаметром 50–70 м, высотой до 2,5 м) и более десяти малых курганов.

В природно-географическом отношении район исследований занимает центральное местоположение в Оренбургской области и располагается на стыке трех природных округов, входящих в состав Общесыртовско-Предуральской возвышенной степной провинции. Курганная группа находится к югу от р. Урал на территории Урало-Илекского ландшафтного округа с условиями типичной степи на южных черноземах (Чибилев, 1996. с. 155-156).

Самые ранние упоминания о древних курганах степей Оренбургского края содержатся в работах первых исследователей Оренбуржья – П.И. Рычкова, И.П. Фалька П.С. Палласа. В связи с деятельностью Оренбургской ученой архивной комиссии в конце XIX в. историками и краеведами проводились исследования по выявлению и описанию памятников археологии. В этот период есаулом М.Л. Юдиным сделаны первые описания и планы некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» (Юдин, 1898. с. 67-68).

В 2016 – 2017 гг. Приуральской экспедицией ИА РАН были исследованы два кургана, относящихся к категории больших (курганы 2, 5). Курган 2 (диаметр 56 м, высота 1,79 м) располагался в западной части группы. На вершине кургана фиксировался засыпанный грабительский шурф, выкопанный экскаватором весной 2016 г.

При исследовании насыпи кургана, в южной поле были найдены отдельные скопления костей лошади. В центральной части кургана были выявлены участки сильно прокаленной почвы и остатки сгоревшей деревянной конструкции. Дерево сгорело практически полностью, в связи с чем, проследить характер конструкции не представлялось возможным. Можно лишь предполагать, что исходя из общей архитектуры кургана, конструкция могла быть устроена в виде радиально уложенных бревен, так называемого «шатрового» типа. Следы мощного кострища фиксировались в стратирафических разрезах контрольных бровок, на погребенной почве и на материковой поверхности.

В насыпи кургана был найден разбитый в древности бронзовый котел.

В центре кургана была исследована могильная яма (погребение № 1), в которой выявлены остатки коллективного захоронения. Конструктивно, могильная яма центрального погребения относится к дромосным погребальным сооружениям. Яма имела подпрямоугольную в плане форму с примыкающим к ней с юго-востока коротким дромосом. Длинной осью дромос был ориентирован по линии юго-восток – северо-запад. Около начала дромоса в материке фиксировались столбовые ямки. Вокруг центрального погребения был выявлен вал из материковой глины диаметром 30–34 м, имеющий разрыв на юго-востоке.

Ко времени исследования могильная яма центрального погребения была значительно разрушена вследствие многочисленных ограблений. Особенно сильные разрушения от экскаватора фиксировались в западной части ямы.

В дромосе был найден разбитый и смятый в древности бронзовый котел. В заполнении могильной ямы на разной глубине были найдены бронзовые наконечники стрел, бронзовые и

железные ворворки, бронзовые бляхи, железный вток копья, железный колчанный крючок и ряд других категорий инвентаря.

На стенке могильной ямы in situ были обнаружены два уздечных набора, включающих железные удила, железные стержневидные двудырчатые псалии, биметаллические псалии С-видной схемы, пластинчатые орнаментированные налобники, железные дуговидные нахрапники, украшения узды.

Помимо этого, на подкурганной площадке был исследован подземный ход, длиной более 15 м, устье которого заходило в центральное погребение. Подземный ход был выявлен в восточной поле. Начало хода находилось за пределами вала вокруг центрального погребения и, вероятнее всего, у границы первоначальной насыпи. Длинной осью ход был ориентирован по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Глубина хода от материковой поверхности составила до 1,7 м.

Около входа в подземный ход был найден массивный бронзовый ковш, в который были уложены два уздечных набора, включавших в себя железные удила, стержневидные двудырчатые псалии, бронзовый орнаментированный пластинчатый налобник, бронзовые пронизи, бронзовые уздечные бляхи.

Курган 5 (диаметр 50 м, высотой 2,38 м) являлся самым восточным в цепочке больших насыпей данной группы. Структура и конструктивные особенности насыпи кургана 5 были очень схожи с насыпью кургана 2. В южной поле кургана были найдены скопления костей лошади, в центральной части кургана фиксировались остатки сгоревшего дерева от надмогильного перекрытия, предположительно «шатрового» типа.

В насыпи кургана, в северной поле, северо-восточнее центра был найден сломанный в древности железный кинжал с прямым перекрестьем и серповидным навершием. В южной поле, юго-западнее центра был найден фрагмент бронзовой пластины (налобник?).

В центральной части кургана было выявлено впускное мужское погребение (погребение № 1). Костяк был ориентирован головой на юго-восток. Рядом со скелетом была расчищена лопатка и передняя нога барана. Около правой руки были найдены железные трехлопастные наконечники стрел.

В центре подкурганной площадки было выявлено центральное погребение дромосного типа (погребение № 2). Могильная яма имела подквадратную в плане форму с закругленными с севера углами. С юго-востока к яме примыкал дромос длиной около 4 м, шириной 0,8 – 1,25 м, углублен в материк до 0,16 (вход) – 0,78 м (устье). Дромос был ориентирован по линии юго-юго-восток – северо-северо-запад и имел понижение дна в сторону ямы. В 1 м от устья дромоса по краям фиксировались две столбовые ямы от опорной конструкции. К моменту исследования погребение было неоднократно ограблено.

В устье дромоса были обнаружены три бронзовых котла. В одном из котлов был уложен бронзовый ковш.

Вокруг центрального погребения был выявлен вал из материковой глины диаметром 22 м, имеющий разрыв на юго-востоке.

Юго-восточнее центрального погребения, за пределами глиняного вала было найдено погребение № 3. Могильная яма относилась к подбойному типу. Входная яма неправильной подтрапецивидной формы 1,2х0,8 м, углублена в материк 0,89 м, ориентирована длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. Подбой был устроен в длинной стенке (северной).

Погребальная камера неправильной овально-подпрямоугольной формы 1,25х0,7 м, углублена в материк до 1,24 м, длинной осью ориентиррована по линии юго-запад – северо-восток. Дно ямы неровное, находилось ниже уровня дна входной ямы на 00,8 – 0,31 м. Судя по остаткам дерева, найденным в погребальной камере, вход в камеру был закрыт тонкими бревнами. В камере обнаружено несколько сломанных трубчатых костей. В восточной части камеры был найден лепной керамический сосуд. Около западной стенки фиксировались остатки деревянной чаши.

К северо-северо-востоку от центрального погребения, за пределами глиняного вала было выявлено погребение № 4. Погребение очень сильно разрушено норами степных животных (грызунов?). Вероятнее всего, погребение относилось к катакомбному типу. Вследствие серьезных разрушений контуры входной ямы проследить не удалось. На дне выявлены три предвходовых ступени, первая из которых могла являться дном входной ямы. В погребальную камеру вел короткий ход-дромос. Разрушенная погребальная камера обнаружена в южной части ямы. Длинной осью погребальная камера была перпендикулярна оси хода и ориентирована по линии запад – восток. В камере был расчищен фрагментированный мужской костяк. Был найден, череп, кости рук, позвонок и бедренная кость. Судя по расположению фрагментов костяка, погребенный располагался в

вытянутом на спине положении, головой на восток. Около левого предплечья был найден железный втульчатый наконечник копья. Около западной стенки был найден бронзовый котел.

Помимо этого, на подкурганной площадке было расчищено два подземных хода. Подземные ходы были устроены в северной части, ориентированы по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток и соединялись в 2 – 5 м от ямы центрального погребения. Длина хода I составила около 11,5 м, длина хода II до его соединения с ходом I составила около 7,5 м, глубина от уровня материковой поверхности 1,33 м (ход I) – 1,76 м (ход II). Подземные ходы пробивали северную стенку ямы ближе к ее восточному углу. В заполнении входной ямы хода I были найдены бронзовые трехлопастные наконечники стрел и железные панцирные чешуйки.

Погребальный обряд курганов 2 и 5, архитектура, элементы инвентаря имеют прямые аналогии среди комплексов известного могильника Филипповка I (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2011), а также группы больших курганов могильника Переволочан I (Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2016). Единовременность данных курганных некрополей подтверждается и данными палеопочвоведения. По данным почвоведческих анализов исследуемый курган сооружался в том же хронологическом диапазоне, что и курганы могильника Филипповка I.

Вопросы, связанные с появлением погребений дромосного типа в южноуральских степях до сих пор остаются открытыми. Распространение дромосных могил на Южном Урале связывают, в целом, с трансформацией культурных традиций номадов в конце V – IV вв. до н.э., в рамках которой наблюдается утверждение новых форм погребальной обрядности, инвентаря.

Б.Ф. Железчиков рассматривал появление традиции последовательных захоронений в связи с миграцией в степи Южного Приуралья нового этноса, что привело, в конечном итоге к формированию прохоровской культуры (Железчиков, 1992, с. 92). Не уточняя вопрос, о каком именно этносе идет речь, Б.Ф. Железчиков в качестве возможных носителей традиций сооружения дромосных могил видит саков Приаралья, где такие захоронения получают распространение еще в раннескифское время (Железчиков, 1992, с. 93). По мнению Р.Б. Исмагилова данный вид погребальных конструкций был привнесен на Южный Урал с территории Южного и Юго-Восточного Казахстана (Исмагилов, 1996, с. 44). Л.Т. Яблонский связывает распространение таких могил с приходом элитарных групп кочевых объединений с территории лесостепного и степного Зауралья и территории Средней Азии (Яблонский, 2011, с. 238).

Вместе с тем, несмотря на то, что вопрос о происхождении дромосных могил имеет несколько точек зрения, исследователи отмечают, что дромосные погребения принадлежат кочевой элите и являются признаком высокого социального статуса погребенных (Мошкова и др., 2011, с. 166; Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 145; Мышкин, 2011, с. 169). В этой связи курганы 2 и 5 безусловно относятся к категории погребальных сооружений высокого социального ранга.

В рамках определения даты исследованных больших курганов следует отметить, что большая часть известных к настоящему времени дромосных погребений на Южном Урале датируется в пределах конца V – IV вв. до н.э. (Мошкова и др., 2011, с. 162-165).

Вызывает интерес катакомбное погребение из кургана № 5 (погребение № 4). К.Ф. Смирнов высказывал мысль о самостоятельном возникновении катакомб у савроматов, идея сооружения которых могла возникнуть под влиянием больших грунтовых прямоугольных могил с дромосами и деревянными перекрытиями (Смирнов, 1964, с. 84; 1978, с. 64). В качестве причины их появления и распространения на обширных пространствах степной Евразии видится сходство в идеологических и религиозных представлениях кочевых народов, населяющие эти территории в скифо-сарматское время (Смирнов, 1972, с. 76).

Точка зрения К.Ф. Смирнова о происхождении ранних катакомб от дромосных могил с деревянными перекрытиями была поддержана М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашевым (Мошкова, Малашев, 1999, с. 177), А.Д. Таировым и А.Г. Гаврилюком (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 147). Исходные территории, откуда южноуральские номады могли бы заимствовать данный тип погребальных сооружений к настоящему времени не определены, в связи с чем, предлагается рассматривать территорию южноуральских степей в качестве самостоятельного центра генезиса катакомб независимого от Северного Причерноморья и Боспора (Мошкова и др., 2011, с. 167).

Традиция сооружения катакомбных погребений на Южном Урале складывается в рамках общего процесса трансформации культуры ранних кочевников в V – IV вв. до н.э.

Об этом свидетельствует относительно одновременное появление в южноуральских степях дромосных и катакомбных могил в V в. до н.э. и их особое распространение в конце V – IV вв. до н.э. Вполне допустимо, что катакомбы были своеобразным вариантом или версией дромосных могил, которые предназначались для индивидуальных захоронений.

Как известно, К.Ф. Смирнов, рассматривая типологию сарматских катакомб, выделил три типа катакомб в зависимости от расположения осей хода и погребальной камеры (Смирнов, 1964, с. 82-84; 1972, с. 74-75). Типология К.Ф. Смирнова была уточнена и дополнена М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым, которые выделили шесть типов и предложили в качестве типообразующего признака для ряда катакомбных сооружений использовать соотношение осей входной ямы и погребенного. Данный признак является особенно актуальным в том случае, если длина камеры не превышает ширины входной ямы (Мошкова, Малашев, 1999, с. 173-174, Мошкова и др., 2011, с. 166).

Исходя из этого, катакомба погребения № 4 кургана 5 относится к I типу, с перпендикулярным соотношением осей входной ямы и погребенного.

Время бытования таких катакомб определяется в рамках V-III вв. до н.э., причем большая часть из них имеет датировку IV – начало III вв. до н.э. (Мошкова и др., 2011, с. 166).

По мнению М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашева и Д.В. Мещерякова катакомбы этого типа конструктивно близки и, вероятно, генетически связаны с дромосными погребениями, имеющими деревянное перекрытие (Мошкова и др., 2011, с. 166).

Что касается подбойного погребения № 3, то погребения, совершенные в подбойных ямах появляются еще в V в. до н.э. Однако их массовое распространение является отличительной чертой IV в. до н.э. (Мошкова, 1974, с. 17; Гуцалов, 2004, С. 105).

Часть найденного в курганах инвентаря (бронзовые наконечники стрел, ворворки, бронзовые котлы) датируются широко в пределах V – III вв. до н.э. Вместе с тем, есть основания для уточнения времени сооружения курганов 2 и 5 из рассматриваемого некрополя.

Уточняют время сооружения кургана 2 некоторые категории инвентаря, прежде всего, элементы конского снаряжения. В их числе железные и биметаллические двудырчатые псалии (стержневидные и С-видной схемы), железные дуговидные предметы, относящиеся к деталям узды повышенной строгости (нахрапники) (Вальчак, 2009), имеющие аналогии в южноуральских раннепрохоровских комплексах последней трети IV – IV–III вв. до н.э. (Васильев, 2004; Сиротин, 2015; Сиротин, 2016). Обращает на себя внимание наличие широких аналогий найденных элементов конского снаряжения с комплексами второй половины IV в. до н.э. Среднего Дона (Савченко, 2009).

Исходя из общей архитектуры курганного сооружения, погребального обряда и инвентаря, предварительно курган 2 может быть отнесен к последней трети – концу IV века до н.э. К этому же времени относится и сооружение кургана 5.

Несколько диссонируют с этой датой материалы погребения № 1 (железные наконечники стрел) и найденный в насыпи фрагментированный железный кинжал классического прохоровского облика. Однако, учитывая явно впускной и более поздний характер погребения № 1, ритуальное (жертвенное) размещение фрагментированного кинжала в насыпи, эти материалы следует относить к практике вторичного использования курганной насыпи в качестве погребального сооружения в III – II вв. до н.э.

Проведенные исследования позволяют предположить, что группа из 5 больших курганов «Богатырские могилки» входящих в состав некрополя «Высокая могила – Студеникин Мар» имеет сходную организацию подкурганного пространства, планиграфию, архитектуру курганных сооружений, устройство могильных ям и погребальный инвентарь. Сооружение данной курганной группы относится к последней трети – концу IV в. до н.э. и хронологически смыкается с верхней границей функционирования могильника Филипповка I. Причем, как показывают материалы кургана 5, насыпи курганов в качестве погребальных сооружений могли использоваться и в позднепрохоровское время.

Литература:

Вальчак С.Б. Об одной из функциональных деталей скифской уздечки Восточной Европы // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. – М.: ИА РАН, 2009. – С. 126-140.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. – Уфа: Гилем, 2004. – Вып. 5. – С. 153-172.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII – I вв. до н.э. – Уральск, – 2004. – 136 с.

Железчиков Б.Ф. Погребения IV в. до н.э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Проблемы хронологии сарматской культуры / ред. А.С. Скрипкин. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1992. – С. 85-93.

Исмагилов Р.Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / ред. Н.А. Мажитов, М.Ф. Обыденнов. – Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1996. – С. 32-71.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М: Наука, 1974. – 51 с.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья / Отв. редактор А. С. Скрипкин. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. – С. 172-212.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / ред. Яблонский Л.Т., Лукьяшко С.И. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – Вып. III. – С. 162-167.

Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI – V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / ред. Яблонский Л.Т., Лукьяшко С.И. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – Вып. III. – С. 168-178.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / отв. ред. Б.Б. Агеев. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 62-96.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале / Отв. ред. Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 280 с.

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В.И. Гуляев. – М.: ИА РАН, 2009. – С. 221-325.

Сиротин С.В. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. – С. 247-256.

Сиротин С.В. Об относительной хр**онологии и датировке могильника Переволочан** I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Кон**стантина Федоровича Смирнова: сборник статей /** Ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2016. – С. 253-263.

Смирнов К.Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / ред. В.И. Козенкова, Ю.А. **Краснов, И.Г.** Розенфельдт. – М: Наука, 1978. – С. 56-64.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М: Наука, 1964. – 379 с.

Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. – 1972. – № 1. – С. 73-81.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / ред. Г.Б. Зданович. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1988. – С. 141-159.

Чибилев А.А. Природное наследие Оренбургской области. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. – 384 с.

Юдин М.Л. Заметка о курганах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. IV. – Оренбург, 1898. – С. 67-68.

Яблонский Л.Т. Новые раскопки могильника Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. – Москва:ТАУС, 2011. – С. 7-19.

Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России / ред. Яблонский Л.Т., Лукьяшко С.И. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – Вып. III. – С. 235-240.

Резюме

В статье С.В. Сиротина и Д.С. Богачук «Погребальные конструкции курганов 2, 5 некрополя эпохи ранних кочевников «Высокая могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье» представлены предварительные результаты работ Приуральской археологической экспедиции Института

археологии РАН в Оренбургской области в 2016 – 2017 гг. Анализируются погребальные конструкции и предлагается предварительная дата данной курганной группы. Погребальный обряд, архитектура курганов № 2, 5, инвентарь имеет аналогии в материалах известного курганного некрополя номадов Южного Урала Филипповка I. Предварительная дата сооружения курганов № 2, 5 последняя треть IV в. до н.э.

Summary

In the article S.V. Sirotin and D.S. Bogachuk «Burial constructions of mounds 2, 5 of the necropolis of the era of early nomads «Vysokaya mogila – Studenikin mar» in the Southern Urals» presents the preliminary results of the work of the Priural archaeological expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in the Orenburg region in 2016 - 2017. Burial constructions are analyzed and a preliminary date of this burial group is proposed. The funeral rite, the architecture of the mounds 2, 5, the inventory has analogies in the materials of the famous barrow necropolis of the nomads of the Southern Urals Filippovka I. Preliminary date of construction of mounds No. 2, 5 last third of the 4th c. BC.

Таиров А.Д.
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия

УДК 903.226

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ ЗЕРКАЛА С ВАЛИКОМ ПО КРАЮ ДИСКА РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Ключевые слова: Южный Урал, раннесарматское время, зеркала, зеркала-погремушки.
Keywords: South Urals, Early Sarmatian period, mirrors, mirror-rattle

На рубеже савроматского и сарматского времени на Южном Урале появляются новые формы зеркал, не связанные с савроматскими. Это, в первую очередь, зеркала с валиком по краю диска (рис. 1, *10–13*). Наиболее ранними из них являются зеркала с широкой плоской ручкой и с широким утолщенным валиком, которые появляются во второй половине V – начале IV в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 159; Скрипкин, 1990, с. 142, 150, 151; Гуцалов, 2003, с. 184). Вероятно, чуть позднее, скорее всего на рубеже V–IV вв. до н.э. или в самом начале IV в. до н.э., входят в употребление зеркала с длинной боковой ручкой, утолщенным краем диска, резными концентрическими окружностями (циркульным орнаментом), в центре которых располагается коническая выпуклость, окруженная высоким валиком (тип 5.3 по А.С. Скрипкину). Зеркала этого типа (рис. 1, *4–6, 9*), не имеющие каких-либо истоков в культуре кочевников Южного Урала савроматского времени, существовали, по мнению А.С. Скрипкина, только в IV в. до н.э. (Скрипкин, 1990, с. 95, 150). Хроноиндикаторами IV в. до н.э. считает их и Н.Е. Берлизов (2003, с. 93). Хотя, на наш взгляд, вполне вероятно, что отдельные их экземпляры на Южном Урале и в Нижнем Поволжье могут встречаться и в погребениях рубежа IV–III вв. до н.э., а на более западных территориях и в III–II вв. до н.э. (Берлизов, 2003, с. 98, рис. 5, 5). Уточним лишь, что речь здесь идет о целых зеркалах, а не об их фрагментах, помещение которых в могильную яму стало традицией позднее. В Южном Зауралье к зеркалам этого типа относятся зеркала из кургана 11 Мало-Кизылского I могильника, датированного III–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 42, табл. 28, 20) (рис. 1, *6*), погребений 3 и 4 кургана 3 могильника «Победа» (начало IV в. до н.э.) (рис. 1, *4, 5*), кургана Тулубай, сооружение которого относится ко второй половине IV в. до н.э. (Исмагил, Сунгатов, 2009, с. 119, 125, рис. 3, Б, 1) (рис. 1, *9*), фрагмент из Исянбетовского кургана 1 (Савельев, 2000, с. 20. 26, рис. 4, 4). В Южном Приуралье зеркала типа 5.3 («типа Мало-Кизылского могильника»), появление которых здесь С.Ю. Гуцалов относит к концу V – середине IV в. до н.э., встречены в погребении 5 кургана 9 могильника Лебедевка V (Гуцалов, 2000, с. 79, табл. 26, 14), погребении 5 кургана 23 могильника Покровка 2 (Яблонский и др., 1994, с. 48, рис. 89, 25), кургане 1 Качкиново II, погребении 8 кургана 1 Новоузенска (Пшеничнюк, 1983, табл. II, 6; Скрипкин, 1990, с. 95, рис. 35, 31–33), погребении 2 кургана 1 могильника Аксай III (Мергалиев, 2006, с. 152, рис. 4, 5). Зеркало этого типа найдено и в погребении 3 кургана 5 Бердянского V могильника, датированного III–II вв. до н.э. (Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 130, 132, рис. 9, 1). Обломок аналогичного зеркала происходит из погребения 2б кургана 6 могильника Мечетсай второй половины IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1975, с. 108, 115, рис. 37, 5). Возможно к этому типу зеркал относится и зеркало, представленное фрагментом, из кургана 2 группы Тара-Бутак IV вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 42, табл. 27, 15; Смирнов, 1964, рис. 45, 7г). Переходным между зеркалами «типа Мало-Кизылского» и зеркалами с валиком по краю диска и центральным умбоном является зеркало из погребения 2 кургана 1 могильника Линевский (III в. до н.э.) (Мещеряков, 1996, с. 48, рис. 6, 11; Савельев, 2000, с. 26). За пределами Южного Урала зеркала «типа Мало-Кизылского могильника» нам известны на Алтае (Могильников, Уманский, 1995, с. 19–21, рис. 1; 2; 6) и в Семиречье (Амиров, 2015, с. 236, рис. 1, 3).

Как считает А.С. Скрипкин, для данного типа зеркал «не прослеживается и более или менее очевидное развитие его в дальнейшем». Однако, по его же мнению, этот тип зеркал имеет, возможно, отношение к формированию зеркал с валиком по краю диска, а также с выпуклостью в центре (отделы V и VI) (Скрипкин, 1990, с. 150). Как представляется, определенное воздействие рассматриваемые зеркала оказали и на оформление зеркал: а) с плоским диском, отлитым вместе с

ручкой, и циркульным орнаментом на тыльной стороне; б) с диском имеющим утолщенный край, длинную ручку, отлитую вместе с диском, и циркульным орнаментом на тыльной стороне (рис. 1, *1, 7, 8*) (Мошкова, Кушаев, 1973, с. 262–265, рис. 2, 6, 12; Ягодин, 1978, рис. 2, 2; Пшеничнюк, 1983, табл. XLIX, 6; LI, 9; Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3, 5; Яблонский и др., 1994, рис. 99, 16; 1995, рис. 52, 1; Моргунова, Мещеряков, 1999, рис. 3, 7; Гуцалов, 2000, табл. 101, 6; Исмагил, Сунгатов, 2009, с. 119, рис. 3, Б, 2. 3; Бытковский, 2012, с. 27, рис. 17, 4).

Образцом для изготовления зеркал «типа Мало-Кизылского» послужили, скорее всего, зеркала-погремушки или «музыкальные» зеркала. На Южном Урале найдено два таких зеркала – в погребении 5 кургана 8 могильника Мечетсай и погребении 4 кургана Яковлевка-II (Смирнов, 1975, с. 140–142, рис. 57; Сиротин, 2012, с. 158–159). Дополнительным, хотя и косвенным, подтверждением такого вывода может служить тот факт, что дважды зеркала обеих типов были найдены в пределах одного могильника – Мечетсай в Южном Приуралье и Рогозиха I на Алтае (Савельев, 2000, с. 26). По мнению П.И. Шульги, есть основания считать, что ранние импортные зеркала с циркульным орнаментом появляются уже в конце V в. до н.э. во время бытования зеркал-погремушек (Шульга, 1999, с. 86).

Погребения с зеркалами-погремушками (Яковлевка-II, Мечетсай на Южном Урале, Пазырык, Рогозиха-1 и Локото-4 на Алтае) датируются авторами публикаций в диапазоне середины V–III вв. до н.э. Время захоронений с такими зеркалами П.И. Шульга первоначально определял следующим образом: Локоть-4 – конец VI–V в. до н.э., Рогозиха-1 – вторая половина V в. до н.э. Мечетсай и Пазырык – середина V–IV вв. до н.э., (Шульга, 1999, с. 83). В настоящее время он склоняется к мнению, что «погребения с зеркалами-погремушками могут датироваться в рамках конца V – начала IV в. до н.э.» (Шульга, Оборин, 2017, с. 383). Как считает М.Ю. Трейстер, датировать перечисленные погребения следует в рамках IV в. до н.э., вероятно его второй половины (Трейстер, 2012, С. 122–123).

Появление «музыкальных» зеркал А.П. Уманский и П.И. Шульга определяли в рамках конца VI–V вв. до н.э., и бытовали они, по их мнению, до IV в. до н.э. (Уманский, 1999, с. 209; Шульга, 1999, с. 84). Концом V–IV вв. до н.э. датировали появление этих зеркал на Южном Урале и Алтае В.А. Могильников и А.П. Уманский (1995, с. 23). По мнению М.Ю. Трейстера «есть основания предполагать изготовление зеркал в рамках конца V–IV в. до н.э.». По времени изготовления он распределил «музыкальные» зеркала следующим образом: ранняя группа включает зеркала из Рогозихи, Локтя и Яковлевки, средняя – Мечетсая, поздняя – Второго Пазырыкского кургана (Трейстер, 2012, с. 123). С отнесением пазырыкского зеркала к наиболее поздним согласился и П.И. Шульга, который считает, что Второй Пазырыкский курган датируется второй половине IV в. до н.э., возможно, рубежом IV–III вв. до н.э. Это зеркало отличается от остальных тем, что не имеет «позолоты» на лицевой стороне и изображений на оборотной (Шульга, Оборин, 2017, с. 383).

В плане выяснения времени появления зеркал «типа Мало-Кизылского» чрезвычайно важен, на наш взгляд, вывод П.И. Шульги: «судя по образцу из Второго Пазырыкского кургана уже с середины V в. до н.э. они (зеркала-погремушки – А.Т.) упрощаются, заменяясь в IV в. до н.э. цельнолитыми имитациями. Согласно ранней датировке кургана Иссык имитации появляются в V в. до н.э.» (Шульга, 2002, с. 162). Напомним, что курган Иссык датирован К.А. Акишевым V в. до н.э. Правда зеркало из этого кургана значительно отличается от зеркал «типа Мало-Кизылского». У него короткая штыревидная, почти как у «музыкальных» зеркал, ручка, коническая выпуклость в центре отсутствует, а валик в центре диска широкий и пологий, в отличие от зеркал «типа Мало-Кизылского» (Акишев, 1978, с. 31, 39, табл. 33).

Распространение зеркал «типа Мало-Кизылского» рассмотрено В.А. Могильниковым и А.П. Уманским в связи с находкой двух таких зеркал в могильнике Ново-Троицкое II на Алтае. Ими учтено шесть целых зеркал (из могильников Мало-Кизылский и Качкиново II на Южном Урале, Рогозиха-1, Соколово-1, Ново-Троицкий II на Алтае)[11] и три фрагмента центральной части диска (Мечетсай, курган 6 на Южном Урале, городище усть-полуйской культуры Няксимволь на Северном Урале, Быстрянский могильник, курган 12 на Алтае[12]) (Могильников, Уманский, 1995, с. 19–21, рис. 1; 2; 6). Зеркало из кургана 15 могильника Ново-Троицкое II датировано ими IV–III вв. до н.э., хотя

[11] Включенное ими, а также П.И. Шульгой (Шульга, Оборин, 2017, с. 383), в это число зеркало из кургана Иссык к этому типу не относится.

[12] «Данный обломок зеркала является подвеской, и само зеркало, по-видимому тяготеет к более раннему времени» (Могильников, Уманский, 1995, с. 21)

приводимые аналогии погребальному инвентарю, позволяют, на наш взгляд, ограничиться и IV в. до н.э. Зеркало, подвергшееся сложному ремонту, из кургана 17 этого же могильника датировано III–II вв. до н.э., «предположительно в более узких пределах – III в. до н.э.» (Могильников, Уманский, 1995, с. 21). Зеркало из Соколово-1 по сарматским аналогиям датировано IV в. до н.э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 38, табл. XLIII, 9). В целом В.А. Могильников и А.П. Уманский приходят к выводу, что «описываемая форма зеркал с небольшой полусферической выпуклостью и окружавшим ее валиком в центре диска существовала сравнительно ограниченный период времени конца IV – III–II вв. до н.э., возможно, даже в III–II вв. до н.э. При этом наиболее ранние экземпляры конца IV–III вв. до н.э. представляют фрагмент зеркала из погребения 2б кургана 6 Мечетсая» (Могильников, Уманский, 1995, с. 22).

Следует подчеркнуть. что зеркала, на оформление которых, как мы считаем, определенное воздействие оказали зеркала «типа Мало-Кизылского» и которые датируются в основном IV в. до н.э., В.А. Могильников и А.П. Уманский считают более ранними по отношению к зеркалам «типа Мало-Кизылского». По их мнению наиболее ранними, датируемыми IV в. до н.э., являются зеркала с длинной ручкой и плоским или с небольшим валиком по краю диском, украшенным циркульным орнаментом. Хронологически и типологически промежуточным между этими зеркалами и зеркалами «типа Мало-Кизылского» является зеркало из могильника Новочекино в Барабе, которое Н.В. Полосьмак датировало IV в. до н.э. У него длинная, расширяющаяся к низу, рукоять, плоский диск, украшенный циркульным орнаментом и небольшая полусферическая выпуклость в центре, без кольцевого валика в середине (Полосьмак, 1987, с. 83, рис. 58, 1).

Развитие зеркал в раннесарматское время, по мнению В.А. Могильникова и А.П. Уманского, шло от зеркал с длинной ручкой и плоским диском к зеркалам с валиком по краю диска. При этом промежуточными формами в этом генезисе явились зеркала с длинной боковой ручкой и гладким диском, украшенным прорезным циркульным орнаментом IV в. до н.э. Форма же «музыкальных» зеркал послужила стимулом к появлению в конце IV в. до н.э. валиков на плоских сарматских зеркалах. С появлением же валика развитие конструкции зеркал пошло, вероятно, двумя путями: 1) с расположением валика по периметру диска ободком; 2) с расположением валика и небольшой выпуклости в центре диска. В дальнейшем параллельное развитие привело к формированию зеркал с валиком по краю и коническим умбоном в центре диска (Могильников, Уманский, 1995, с. 22, 23).

Однако этой схеме противоречат ряд фактов. Во-первых, в савроматское время (конец VI – первая половина V вв. до н.э.) не известно ни одного зеркала с циркульным орнаментом на оборотной стороне диска. Во-вторых, курган Иссык, где найдено зеркало с двумя валиками (по краю и в центре диска) и резным циркульным орнаментом, по всему комплексу инвентаря не может датироваться позже V в. до н.э., на что указывал и К.А. Акишев (Акишев, 1978, с. 39, табл. 33). В-третьих, зеркала с широкой плоской ручкой и с широким утолщенным валиком на Южном Урале появляются во второй половине V – начале IV в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 159; Скрипкин, 1990, с. 150, 151). В-четвертых, два зеркала «типа Мало-Кизылского» из погребений 3 и 4 кургана 3 могильника «Победа» в Южном Зауралье (рис. 1, *4, 5*), по всему комплексу инвентаря датируются началом IV в. до н.э. У обоих зеркал, помимо узкого валика в центре, край утолщен и имеет вид широкого низкого валика. Кольцевую «припухлость» у края диска отмечает А.П. Уманский и на зеркале «типа Мало-Кизылского» из кургана 8 могильника Рогозиха-1 (Уманский, 1992, с. 55). В-пятых, концом V – началом IV в. до н.э. датируется зеркало из кургана Темир (рис. 1, *7*) – с широким валиком по краю и резным циркульным орнаментом (Зданович, Хабдулина, 1987. С. 51, 62, рис. 3, 5). Таким образом, уже на зеркалах второй половины V – начала IV вв. до н.э. имеются валик по краю, а также валик по краю и в центре, совмещенные с резным циркульным орнаментом. Зеркала же с плоским диском и циркульным орнаментом, как уже отмечалось, датируются главным образом IV в. до н.э., чаще его второй половиной. Именно этим временем датирован склеп в кургане Тулубай, в котором вместе с зеркалом «типа Мало-Кизилского» найдены зеркала с циркульным орнаментом и невысоким валиком по краю диска и плоское с циркульным орнаментом (рис. 1, *1, 8, 9*) (Исмагил, Сунгатов, 2009, с. 119, рис. 3, Б. 1–3). Во второй половине V в. до н.э. на Южном Урале появляются зеркала с точечным орнаментом на оборотной стороне диска, край которого иногда утолщен, и верхней части рукояти (рис.1, *2, 3*) (Заседателева, 1988, рис. 54, 1; Агеев и др., 1998, рис. 8, 5; 10, 3; Oro il mistero…, 2001. Schede 94; Трейстер и др., 2012, с. 139–140, рис. 101, 1; Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 26, 24, 32). Более ранние зеркала имеют точечный орнамент лишь на верхней части рукояти (Смирнов, 1964, рис. 33Б, 8; Зуев, 1996, рис. 1, 1–3; Зуев, Исмагилов, 1999, с. 110, рис. 7, 1; Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 20, 38).

В заключении сюжета о зеркалах хотелось бы отметить некоторые, достаточно важные, с нашей точки зрения, моменты. Если признать индийское происхождение зеркал-погремушек, к чему сейчас склоняется все больше исследователей (Уманский, 1992, с. 59; Кирюшин, Фролов, 2000, с. 43, 44; Марсадолов, 2000, с. 24; Шульга, 2002, с. 161; Васильков, 2003, с. 29), то ближайшей территорией, через которую они могли попасть на Алтай, является Восточный Туркестан. Отсюда, как известно, издревле шел торговый путь в долину Инда (Лубо-Лесниченко, 1985, с. 88, 89; 1988, с. 356). В Восточном Туркестане, помимо зеркал с плоским диском и длинной боковой ручкой, встречено также зеркало с утолщенным краем или широким валиком по краю диска и длинной ручкой. Происходит оно из могильника Tiemulike в бассейне Или, датируемом 750–200 гг. до н.э. (Mei, Shell, 2002. P. 226. Fig. 14.16, 8). На Южный Урал зеркала-погремушки могли поступать по торговому пути, идущему из Индии через Гиндукуш, Дахистан и Хорезм (Равич, Трейстер, 2012, с. 234).

Литература:

Агеев Б.Б., Сунгатов Ф.А., Вильданов А.А. Могильник Биш-Уба II // Уфимский археологический вестник. – 1998. – Вып. 1. – С. 97-115.

Акишев К.А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.

Амиров Е.Ш. Зеркало среднеазиатского облика из могильника Каратума (к постановке проблемы выделения жреческих погребений саков Семиречья) // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2015. – № 1 (76). – С. 235-239.

Берлизов Н.Е. «Темный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н.э. в прохоровской АК) // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 3. – Краснодар: б.и., 2003. – С. 93-105.

Бытковский О.Ф. Комплекс с иранским стеклянным сосудом могильника Красноуральский // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). – Т. 2. – М.: ТАУС, 2012. – С. 26-28.

Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международ. науч. конф., посвященной 100-летию М.П. Грязнова. – Кн. II. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 28-33.

Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э.: дисс. … канд. ист. наук. – Уфа, 2000.

Гуцалов С.Ю. Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н.э. // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Астана: "Култегін", 2003. – С. 180-188.

Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции Орского краеведческого музея в 1988 году // Архив ИА РАН. – Р-I, № 12358.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Курган Темир // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1987. – С. 45-65.

Зуев В.Ю. Научный миф о "савроматских жрицах" // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы международ. конф. – СПб.: ИИМК РАН, 1996. – С. 54-68.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. – 1999. – Вып. III. – С. 105-123.

Исмагил Р, Сунгатов Ф, А. Тулубай. Савромато-сарматский склеп в Зауралье // Уфимский археологический вестник. – 2009. – Вып. 9. – С. 118–126.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Памятники яицкой культуры последней четверти V–IV вв. до н.э. на Южном Урале. – Уфа: «Белая река», 2013. – 223 с.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н.э.) на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000. – С. 42-50.

Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Вопросы истории. – 1985. – № 9. – С. 88-100.

Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1988. – С. 352-391.

Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы раннесарматской культуры в Южной и Юго-Восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: БФ АН СССР, 1977. – С. 52-66.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дисс. … докт. культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.

Мергалиев Р.С. Исследования на курганном могильнике Аксай III // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2006. – № 1–2. – С. 151-159).

Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. – 1996. – Вып. I. – С. 44-67.

Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М.: б.и., 1995. – С. 19-31.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. – 1999. – Вып. III. – С. 124-146.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Свод археологических источников. – 1963. – Вып. Д1-10. – 56 с.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 258-268.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 144 с.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

Равич И.Г., Трейстер М.Ю. Состав и технология изготовления бронзового зеркала особой конструкции, найденного в сарматском могильнике Мечетсай (Южный Урал, IV в. до н.э.) // Исследования в консервации культурного наследия. Вып. 3. Материалы международной научно-методической конференции. – М.: Индрик, 2012. – С. 228-235.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. – 2000. – Вып. 2. – С. 17-48.

Сиротин С.В. Комплекс с предметами ахеменидского круга одиночного кургана Яковлевка-II // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). – Т. 2. – М.: ТАУС, 2012. – С. 157-162.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 300 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-1 // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). – Т. 2. – М.: ТАУС, 2012. – С. 84-156.

Трейстер М.Ю. Бронзовые зеркала из Южного Приуралья: ближневосточные и южно-азиатские импорты и местные подражания // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). – Т. 1. – М.: ТАУС, 2012. – С. 120-133

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 184 с.

Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: б.и., 1992. – С. 51-59.

Уманский А.П. К вопросу о семантике зеркала из Рогозихи // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 206-211.

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Извести лаборатории археологии. – № 4. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 82-91.

Шульга П.И. Раскопки курганов скифского времени на р. Алей // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. – С. 154-164.

Шульга П.И, Оборин Ю.В. «Восточные» зеркала-погремушки и бронзовые диски с гравировками // Археологія і давня історія України. – 2017. – Вип. 2 (23). – С. 381-389.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. – Вып. 3. – М.: б.и., 1995. – С. 9-47.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. – Вып. 2. – М.: б.и., 1994. – С. 4-60.

Ягодин В.Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 83-89.

Mei, Shell, 2002. – Jianjun Mei & Colin Shell. The Iron Age Cultures in Xinjiang and hheir Steppe Connections // Ancient interactions: east and west in Eura-sia. Edited by Katie Boyle, Colin Renfrew & Marsha Levine. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2002. – Pp. 213-234.

Or il mistero dei Sarmati e degli Sciti. – Milano, 2001. – 260 p.

Резюме

А.Д. Таиров

Южноуральские зеркала с валиком по краю диска раннесарматского времени

Рассматриваются происхождение и хронология зеркал с валиком по краю диска раннесарматского времени. Образцами для наиболее ранних зеркал этого времени послужили зеркала-погремушки или «музыкальные» зеркала. Зеркала-погремушки и подражания им встречены на Южном Урале и на Алтае. Поступали они из одного центра, но разными путями.

Summary

A.D. Tairov

South-Ural mirrors with a roller along the edge of the disk in the Early Sarmatian period

The study concerns the origin and chronology of the mirrors with a roller along the edge of the disk in the Early Sarmatian period. The mirrors-rattles or “music” mirrors were patterns for the earliest mirrors of this period. The mirrors-rattles and their imitations were found in the South-Urals and Altai. They came up from one center but by different ways.

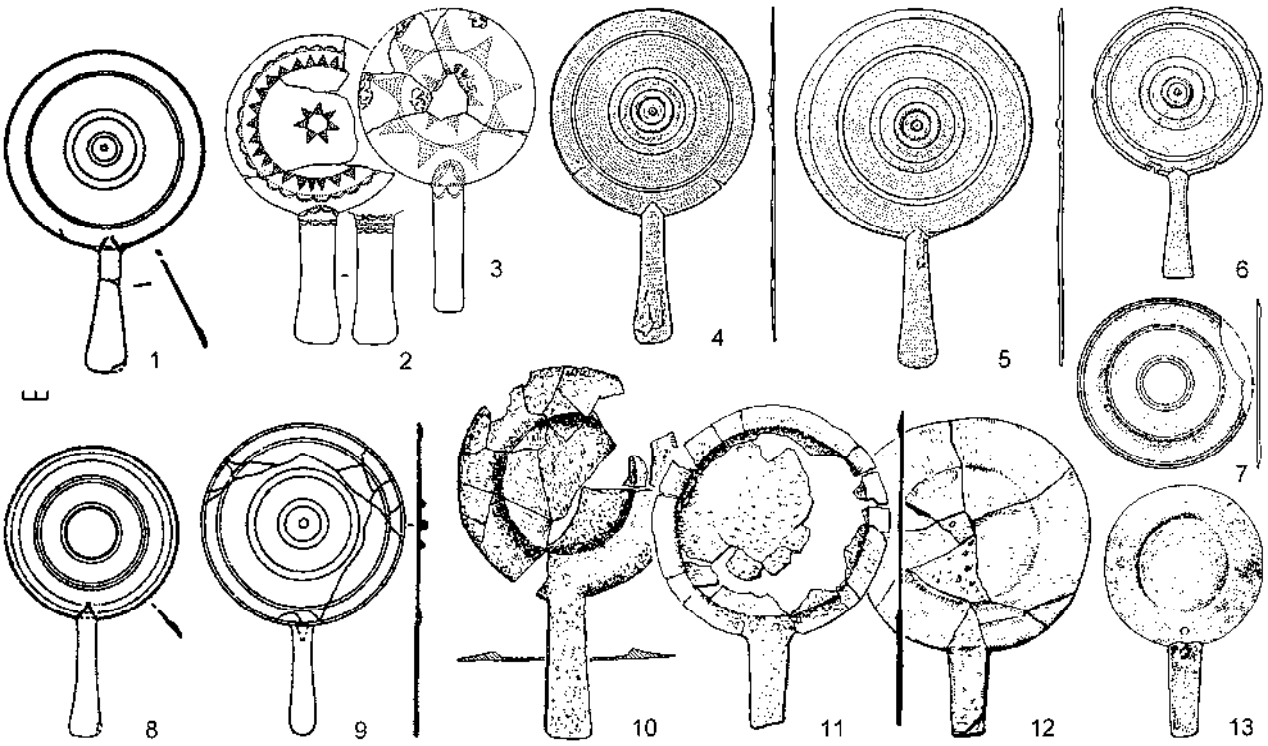


Рис. 1. Бронзовые зеркала раннесарматского времени Южного Зауралья.
1, 8, 9 – курган Тулубай (Исянгильдино-1); 2, 3 – могильник Биш-Уба I, курган 1; 4,
5 – могильника «Победа», кургана 3; 6 – Мало-Кизылский могильник I, курган 11; 7 – курган Темир;
10 – IV Ивановские курганы, курган 2; 11 – Альмухаметовские курганы, курган 6;
12 – Переволочанский курганный могильник, курган 3; 13 – Муракаевские курганы, курган 2.
1, 8, 9 – по: (Исмагил, Сунгатов, 2013); 2, 3 – по: (Агеев и др., 1998); 6 – по: (Мошкова, 1963);
7 – по: (Зданович, Хабдулина, 1987); 10–12 – по: (Пшеничнюк, 1983);
13 – по: (Мажитов, Пшеничнюк, 1977)

Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г.
Государственный историко-культурный
заповедник-музей «Иссык», г.Есик, Казахстан

УДК 903/904

ОДНО ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА МОГИЛЬНИКА ОРНЕК

Түйінді сөздер: Өрнек қорымы; ерте көшпенділер дәуірі; жер асты құрылысы; суб-элиталық әлеуметтік топ.
Ключевые слова: Могильник Орнек; эпоха ранних кочевников; подземные цистовые постройки; субэлитарная социальная группа.
Keywords: The burial ground of Ornek; the era of the early nomads; underground cyst buildings; sub-elite social group.

В полевом сезоне 2017 года, во время работ археологической экспедиции заповедника-музея «Иссык» в с. Орнек, было исследовано погребение раннего железного века – третий курган цепочки два могильника Орнек. Могильник Орнек расположен на северо-западной окраине поселка Орнек (Енбекшиказахский район Алматинской области), на обширной заболоченной низменности. Археологические исследования на памятнике были начаты в 2015 году, проведением работ по снятию уточненного плана могильника. На новый план были нанесены вновь выявленные объекты эпохи ранних кочевников, расположенные, как правило, в цепочке. Каждая цепочка состояла из 5-7 насыпей курганов, диаметры курганов от 20 до 45 м, высота от 1 до 2 м (рис.1). В полевой сезон 2015 года было исследовано 4 кургана, во всех курганах выявлены подземные цистовые постройки (стены погребальных камер были обложены камнями среднего размера). Работы имели охранно-спасательный характер. Проводились они в зонах строительства вахтового поселка СКС-7. Иначе говоря, были задействованы конкретные рычаги правовых основ охраны и использования объектов историко-культурного наследия. В ходе раскопочных работ на объектах в первую очередь исследуется лишь самые аварийные из них, которые находятся в зоне нового хозяйственного освоения. Поэтому основные исследовательские работы велись на могильнике Орнек в цепочке I (курганы №№1,2) и в цепочке II (курганы №№5,6).

По результатам археологических исследований удалось выявить следующую закономерность. Все погребения производились в цистах погребальных постройках, стены которых были обложены камнями среднего размера), ориентированных по линии запад-восток, иногда с некоторыми отклонениями (Тулегенов, 2016, с.150-155). Погребенные укладывались головой на запад. В двух цистах удалось отметить присутствие фрагментов древесного тлена, что наталкивает на мысль об использовании древесины при устройстве погребального сооружения, вероятнее всего, в качестве перекрытия. В стандартный набор сопроводительного инвентаря входили керамические сосуды в большинстве своем круглодонной формы, кости животных, а также украшения (золотые бляшки, пронизи), предметы вооружения (наконечники стрел). Над могилами возводилась невысокая насыпь из грунта с включениями мелких камней, склоны которой перекрывались слоем щебня и мелкой гальки. Толщина этого слоя увеличивалась ближе к основанию насыпи, ввиду чего при вскрытии насыпи в плане он иногда фиксировался в виде каменного кольца, опоясывающего околокурганную площадку в виде платформы. В большинстве случаев, в профилях над ним читается слой желтой глины пылевидной структуры, которая, по всей вероятности, имеет надувное происхождение. В ходе проведенных стратиграфических наблюдений факт происхождения его из грабительских воронок подтвердить не удалось. Насыпи большей своей частью не проявляют сложности в своем внутреннем устройстве, что во многом определяется их незначительными размерами. Территория могильника подвергалась интенсивной мелиорации на протяжении нескольких лет.

Во второй цепочке курганов была отличительная особенность – все они имели предкурганное кольцо-платформу шириной от одного метра до полутора из светло синего камня. Судя по всему, камень не местного происхождения, а привозился со стороны, по фактуре он отличается от речной гальки из русел близ лежащих рек (Иссык, Тургень.). Место происхождения камня пока не выяснено. От внутренней части кольца опоясывавшего курганную насыпь примерно на половину сегментосферы насыпи возвышалась кладка из того же голубого камня. Таким образом, кольцо могло иметь двойное значение как обходной коридор и как крепида кладки панциря.

Летом 2017 года раскопки на могильнике Орнек были возобновлены. Курган входил во вторую цепочку могильника GPS географические координаты: N43°32.010", E077°25.818". Насыпь кургана была снивелирована во время строительства дороги и водоотводных каналов в 70-х годах, и место заросло кустарниками (рис.2). Курган обнаружил себя только фрагментами прикурганной каменной платформы-кольца, которая в виде каменной кладки проступила на поверхности проселочной дороги. Из-под деформированной насыпи кургана вышла каменная кладка в виде кольца-платформы и крепидой вокруг, и обнажились его истинные размеры диаметром около 18-20 м (рис.3). Строение каменного кольца, которое очевидно имеет сакральный смысл, вызвало интерес у археологов. Цвет камня кольца синий и выбирался по цвету, что возможно имеет отношение к традиции возведения так называемых цветных курганов. Наиболее близкую аналогию описному объекту можно отнести опоясывающий кольцевую крепиду «цветного кургана» могильника Тургень, кстати могильник Орнек так же находится не далеко от поймы реки Тургень и не исключено, что конструкции курганов спроектированы носителями одной культуры. Исходя из этого, можем предположить, что оба памятника находясь на разных участках, сохраняют единый структурный элемент, так выявленное «синее» кольцо в планировке кургана Орнек по функциональному своему назначению, несет в себе ту же смысловую нагрузку что и «цветные» кольца кургана могильника Тургень. В целом курган №3 могильника Орнек представляет собой погребально-поминальный культовый объект, отражающий религиозные представления ранних кочевников Жетысу (Байпаков, 2009, с.19).

В ходе исследования структуры курганной насыпи стало очевидным, что земля насыпи привозная и имеет в своем составе большой процент песка и ила. Земля насыпи отличалась от материка по цвету и фактуре. Камень цисты так же привозной, предположительно из русел близлежащих рек, и отличается по цвету (пестрый) от камня кольца кургана. По центру кургана по линии СЮ-ЗВ был протянут шнур и к востоку от него размечен квадрат, заложен шурф в масштабе 4 х 4 м. Выбор данной методики объясняется рядом причин: во-первых, безусловно, раскоп квадрата был произведен для фиксации стратиграфии заполнения могильной ямы. Во-вторых, относительно довольно больших размеров квадрата - яма копалась в песчаном грунте, и широкий охват раскопа необходим был во избежание обвала. В-третьих, вполне вероятно, что выявленное могильное пятно могло быть следом грабительского лаза и широкий квадрат, возможно, помог бы определить истинные границы могильной ямы. Площадь раскопа составила 300 м. кв. Общий объем извлеченной земли составил 100 кубометров.

Поскольку уже имелся опыт работ на этом могильнике достаточно быстро была произведена зачистка каменной крепиды-кольца, в результате было выявлено «могильное пятно» – вход в погребальную камеру. На глубине примерно 0,7 м от древней поверхности была обнаружена циста из речной гальки – выложенная из камня – саркофаг прямоугольной формы с классической для того периода ориентацией на запад (рис.4). Часть конструкции была разрушена в результате грабительского вмешательства, большая часть скелета отсутствовала, непотревоженными остались только нижние конечности (рис.5-6). Тем не менее, несмотря на разграбление, было найдено костяное кольцо (рис.7) и изделие из бронзы назначение которого предстоит выяснить (рис.8), а также ритуальная керамическая чашечка (рис.9).

За три полевых сезона на могильнике Орнек был собран интересный материал не только в виде артефактов, но и по конструкции курганов, их погребальной архитектуре. Эта информация ждет своего научного комментария и анализа.

Была замечена (по результатам исследований могильников «Иссык», «Тургень», «Каракемир», «Ассысага») закономерность, подтверждающая тезис об особом статусе царей в социальной структуре древних насельников региона Жетысу – все курганы высотой от 6 м. и выше стоят отдельно от «династических цепочек». Общая археологическая обстановка представляется следующей: по предгорным зонам и на высоких древних террасах встречается большое количество малых курганов с насыпью из речной гальки или щебня с землей, а также оград из гальки преимущественно округлых очертаний. Могильники «царского ранга» – Орнек и Рахат эти курганы заметно отличаются от Иссыкских как по архитектурному так и погребальному обряду. В основном, это могильники состоящие из 5-10 насыпей, диаметром около 25-30 м, высотой 2-3 м. Имеются различия и по параметрам. В целом наблюдается резкое уменьшение их размеров. Возможно, курганный могильник Орнек – территория пришлых сакских племен из Восточного Казахстана (что подтверждается наличием погребального инвентаря, схожего с Алтайскими захоронениями). В этих курганах выявляются и сходные черты, присущие также крупным объектам: цепочная взаимосвязанность сооружений, широтная вытянутость могил, одиночные трупоположения в каждой

и т.д. Эти черты, дополняемые такими существенными признаками, как положение погребенных (вытянутое, на спине) и их ориентировка (головой на запад), свойственны, очевидно, не только уже изученным объектам, в которых они прослежены, но и всем остальным, что свидетельствует о сохранении субстратной основы памятников сакской культуры на протяжений всего периода его бытования.

Новые исследования курганов, дали в целом значительный объем информации, расширяющий наши познания в области сакской археологии. Сильная разграбленность больших курганов затрудняет выяснение абсолютной хронологии и временного разрыва цепочек. Добытые материалы представляют большой интерес для изучения древней истории края, в том числе, в контексте выяснения ранних этапов этногенеза саков Жетысу по археологическим данным. Перспективность научно–исследовательских археологических изысканий на территории Алматинской области в культурно-историческом плане не вызывает сомнения. Кроме того, использование их в музейных целях формируют у граждан нашего государство историческое самосознание и самоидентификацию.

Таким образом, необходимо отметить, что исследования памятников историко-культурного наследия сакского периода будет иметь свое логическое продолжение, поскольку регион Жетысу является субэлитарным репрезентативным источником при решении вопросов социально-имущественной стратификации сакского общества. Пока же мы можем только с большой долей уверенности утверждать, что третьи курган могильника Орнек был сооружен в V-IV вв. до н.э.

Литература:

Акишев К.А. Феномен элитарных курганов северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху – Спб.: РАН ИИМК Российский фонд фундаментальных исследований, 1994. – С. 8–11.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Амиров Е.Ш., Антонов М.А. «Цветной» курган могильника Тургень // ҚР ҰҒА хабарлары=Изв. НАН РК. Сер. Общественных наук, 2009. – № 1. – С. 19.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Новые памятники сакского времени близ г. Алма-Аты // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения): тезисы всесоюзной археолог.конф. Ч. I. Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово: КемГУ, 1989. – С. 57-61

Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С. Новые находки предметов вооружения сакского времени из могильника Орнек (Семиречья) // Материалы V Международной научн. конф. «Кадырбаевские чтения-2016». – Актобе, 2016. – С. 150 – 155.

Тулегенов Т.Ж. Охранно – спасательные работы на курганном могильнике Орнек (итоги полевого сезона 2015г.) // МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ международный научный журнал. – 2016. – № 4.Том-2. – С. 930-935.

Тулегенов Т.Ж. Изучение курганов Жетысу // 40-ая Ежегодная конференция Корейского археологического общества «Origin Studies in Korean Archaeology Revisited». – Сеул, 2016. – С. 394–405.

Түйіндеме

Т.Ж.Тулегенов, А.Г.Чекин
«Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі,
Есік қ., Қазақстан

ӨРНЕК ҚОРЫМЫНДАҒЫ ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНІҢ ЖЕРЛЕУ ЖОРАЛАРЫНЫҢ БІРІ

Мақалада «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейінің 2017 жылы жүргізілген далалық археологиялық жұмыстары баяндалады. Шамамен б.з.д. V-IV ғғ. жататын қызықты да, өзіндік ерекшелігі бар қорым оншақты жерлеу қабірлерінен тұрады. Бұл аудан жеткілікті түрде жақсы зерттелгеніне қарамастан, сирек кездесетін циста формасындағы өзеннің малта тастарынан қаланып тұрғызылған жерлеу қабірлері ашылып зерттеліп, сондай-ақ керамиканың таныс емес түрлері табылды. Қару-жарақ, салпыншақтар, алтын әшекейлер сияқты тұтастай материалдар массасы бұл ескерткішті «классикалық» топқа жатқызуға мүмкіндік береді. Бұл ескерткіштерден аталған кезеңде шығыстан көш орын алған деген ойға жетелейтін «алтай ізі» де өте жақсы байқалады.

Резюме

Т.Ж.Тулегенов, А.Г.Чекин

Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык»,

г. Есик, Казахстан

ОДНО ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

МОГИЛЬНИКА ОРНЕК

В статье освещаются полевые археологические работы РГКП Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» в 2017 году. Интересный и своеобразный могильник предположительно V– IV вв. до н.э. включает в себя несколько десятков погребений. Не смотря на то, что этот район достаточно хорошо изучен были открыты ранее редко встречающиеся формы внутри могильных сооружений т.н. – цисты из речной гальки, а также не знакомые формы керамики. В целом основная масса материала – оружие, подвески, золотые украшения позволяют отнести этот памятник к «классическому» сакскому времени. Достаточно сильно прослеживается «алтайский след», что наводит на мысль о миграциях с востока в указанный период.

Summary

T.ZH. Tulegenov, A.G.Chekin

State Historical and Cultural Reserve-Museum «Issyk»,

Esik city, Kazakhstan

ONE OF THE BEDROOMS OF THE EARLY IRON AGE

THE BURIAL GROUND OF ORNEK

The article highlights the field archaeological works of the State Enterprise Historical and Cultural Reserve-Museum "Issyk" in 2017. Interesting and peculiar burial ground supposedly V-IV cc. BC. includes several dozen burials. In spite of the fact that this area has been sufficiently well studied, previously rare forms have been discovered inside the grave facilities of the so-called "grave". - cysts from river pebbles, as well as not familiar forms of ceramics. In general, the bulk of the material - weapons, pendants, gold ornaments allow attributing this monument to the "classical" Saka time. The "Altai trace" is quite traced, which suggests migration from the east in the specified period.

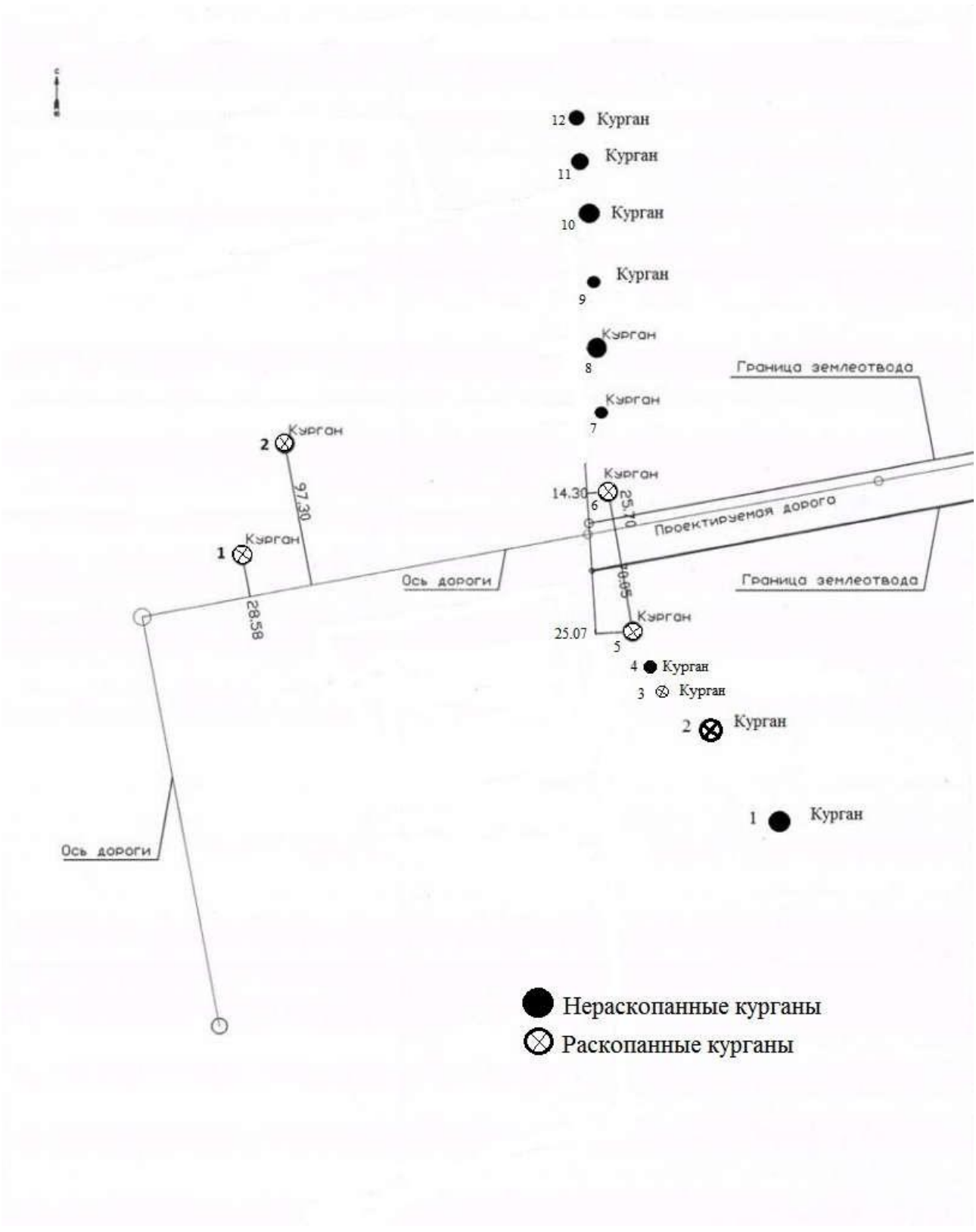


Рисунок 1 – Ситуационный план могильника Орнек



Рисунок 2 – Общий вид кургана до раскопок



Рисунок 3 – Каменная кладка в виде кольца. Курган №3, цепочка II, могильник Орнек



Рисунок 4 – Погребение прямоугольной формы с классической для того периода ориентацией на запад-восток

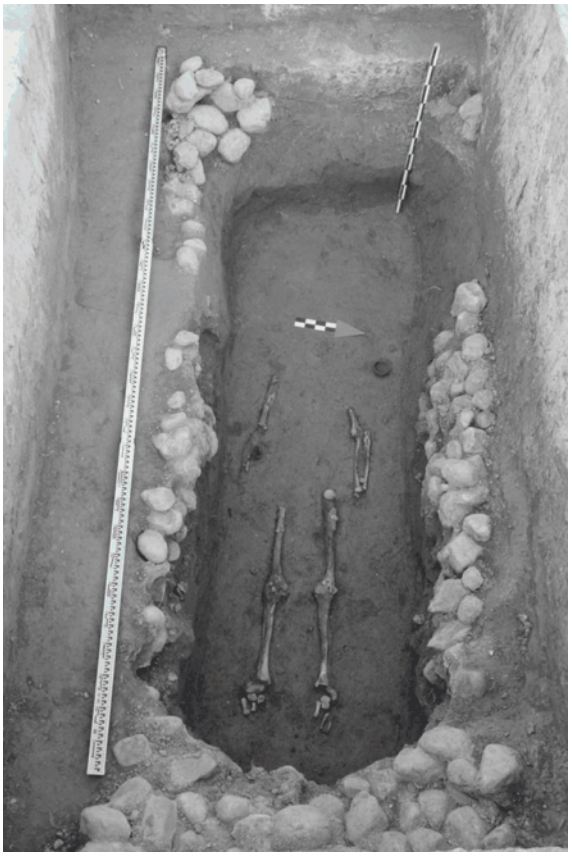


Рисунок 5 – Потревоженное погребение грабителями

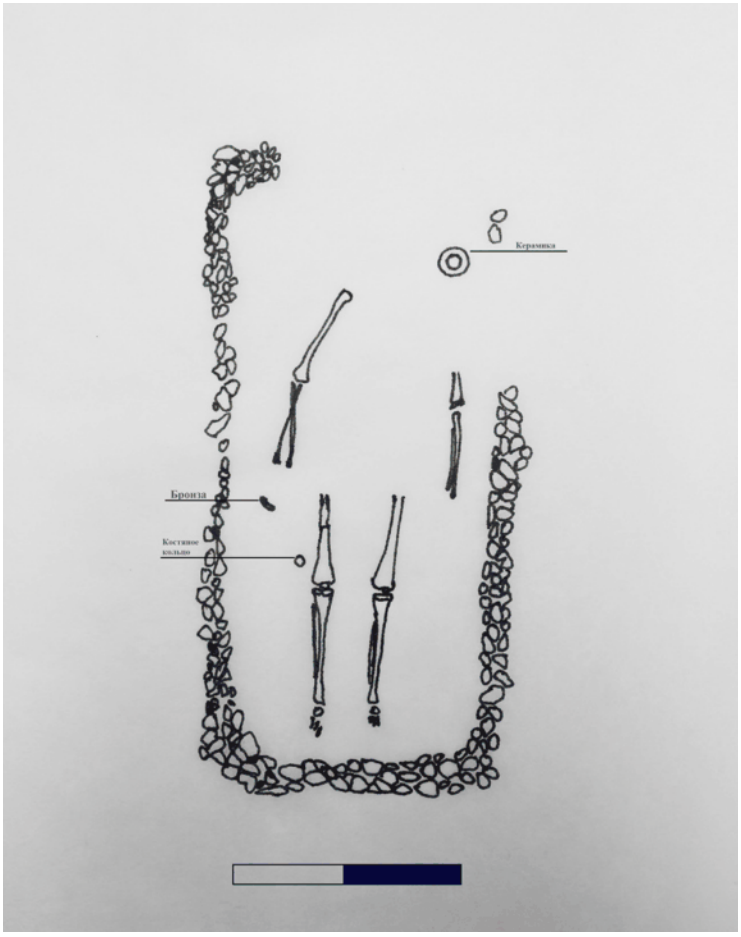


Рисунок 6 – План погребений



Рисунок 7 – Костяное кольцо



Рисунок 8 – Изделие из бронзы



Рисунок 9 – Керамический сосуд

ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ОРТА ҒАСЫРЛЫҚ ҚОҢЫСТАНУДЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕЛУІ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Амиргалина Г.Т.
Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата, Кызылорда, Казахстан

УДК 75.023.15: 001.8(574.54)

АНАЛИЗ КЕРАМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА С ГОРОДИЩА ШИРКЕЙЛИ КОС-АСАР ПОЛЕВЫХ СЕЗОНОВ 2015-2017 ГГ.

Ключевые слова: городище Ширкейли Кос-асар, керамика, анализ керамического материала.
Keywords: the settlement of Shirkeyli Kos-asar, ceramics, analysis of ceramic material.

Благодаря бюджетной программе «Развитие науки», подпрограмме «Грантовое финансирование научных исследований» Институт археологии имени А.Х. Маргулана совместно с научно-исследовательским центром «Археология и этнография» под руководством А.А. Тажекеева в период с 2015 по 2017 годы проводил исследовательские работы на средневековом городище Ширкейли Кос-асар, расположенный в 5,5 км к западу от села Н.Ильясова Сырдарьинского района, Кызылординской области (Тажекеев, 2016).

Городище Ширкейли Кос-асар было выявлено еще в 40-е годы прошлого века Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстого и отнесено учеными ко второй группе памятников джетыасарской культуры – «Восточным асарам» (Толстов, с. 132, рис. 30).

Памятник состоит из двух объектов, условно названных исследователями «**Большой дом**» и «**Малый дом**» (Тажекеев, 2016). В указанный период его изучения (2015-2017 гг.) основные работы проводились на трех объектах: Раскоп 1 (Р1) – здание с жилыми постройками, Раскоп 2 (Р2) – разрез внешней стены «Большого дома», Раскоп 3 (Р3) – разрез внешней оборонительной стены городища.

Археологический материал, выявленный на городище Ширкейли Кос-асар – керамика, изделия из кости, металла, стекла, дерева. В настоящей статье поставлена цель краткого анализа керамического материала, выявленного на памятнике за последний период исследования.

За основу описания керамического материала была взята классификационная система описания керамических изделий Шишкиной и Болелова (Шишкина, 2010, с. 30-37): *формовочная масса; формовка; обработка поверхности; орнаментация; обжиг; морфология; форма.* Состав формовочной массы керамического материала был определен по излому черепка, визуальным способом. Изучение керамики осуществлялось отдельно по раскопам (Р1,Р2, и Р3), однако особых различий в материале не прослеживается, поэтому анализ дан общий с небольшими дополнениями по отдельным раскопам.

Керамика представлена в основном лепными изделиями, преимущественно посудой, из которой выделены такие категории как: тарная посуда – хумы, фляги; столовая посуда – кружки, кувшины и миски, кухонная посуда – сковороды, горшки. Круговая посуда найдена в пределах Р1 только в единичных экземплярах. Фиксируются и предметы домашнего быта. Большое количество найденных фрагментов принадлежат ***хумам*** (рис. 1,*1-14*). Они сформованы из высокоожелезненной глины с примесью шамота и органики. Встречаются фрагменты хумов с рыхлой структурой из Р1 (от -250 см). Они сформованы из высокоожелезненной глины с большой примесью шамота, в пропорции 2:1, что по соотношению две части шамота на одну часть глины (Цетлин, 2012, с. 75, 115).

Формовка хумов, по-видимому, осуществлялось ручной лепкой и доработкой на круге. На поверхности черепков четко фиксируются следы ротации на круге. Поверхность большинства фрагментов хумов не имеет ангоба, реже встречаются обломки, поверхность которых покрыта густым черным ангобом. На некоторых фрагментах хумов из Р2 и Р3 от их горловины до дна прослеживаются потеки красного или черного ангоба (рис. 1,*1,4,11*). На Р2 также фиксируются фрагменты крупных хумов исключительно ручной лепки (рис. 1,*5,10,12,13*). Сформованы они из

высокоожелезненной глины с примесью органики – навоза (?) в большом количестве. Их черепки в изломе и на поверхности пористой структуры.

Внешняя поверхность некоторых фрагментов хумов имеет светло-желтый цвет, а их внутренняя часть и излом черепка – кирпично-красный, что создает эффект покрытия ангобом. Однако в сечении черепка прослеживается тонкая внешняя граница, толщиной в 0,5 мм – 1 мм (рис. 1,*6,11*). Такая характеристика четко показывает «эффект ложного ангобирования» достигнутого путем особого и качественного обжига. На Р3 на желтую поверхность некоторых фрагментов хумов нанесены потеки красного ангоба. Следы лощения на поверхности хумов не прослеживаются. На внешней поверхности некоторых фрагментов фиксируются следы глиняной обмазки (рис. 1,*12-13*). Внешняя поверхность дна одного из сосудов имеет отчетливые опечатки текстильного материала (рис. 1,*14*). В этом случае при формовке сосуда в качестве подстилающей поверхности использовали влажную материю. Нередко между формовочной массой и обработкой поверхности хумов можно проследить связь, так поверхность хумов плотной структуры не имеет следов обработки, ангоб отсутствует. Фрагментов хумов с орнаментом немного, орнаментальная зона – тулово и венчики сосудов. Внешняя поверхность некоторых фрагментов хумов покрыта красным ангобом, их венчики овальные в сечении с налепными валиками, поверх которых нанесен орнамент в виде волнистой сборки (рис. 1,*2,5*). Способы орнаментации – сплошные горизонтальные и волнистые линии, орнамент-штамп. Встречается орнаментация на венчике хумов в виде косых пальцевых надавливаний. На Р2 обнаружены фрагменты хумов, внешняя поверхность которых обработана горизонтальным или хаотичным полосчато-ребристым лощением по сырой глине, поверх политое красным или коричневым ангобом (рис. 1,*7-8*). Изнутри поверхность этих фрагментов ангобирована без лощения.

В полевом сезоне 2017 года на Р1 на третьем строительном горизонте был обнаружен развал верхней части красноглиняного хума с антропоморфным налепом на верхней внешней поверхности тулова (рис. 1,*15*). Налеп представляет собой схематическую фигуру мужчины с расставленными руками и ногами и подчеркнутым половым признаком. Крупные хумы с подобными налепами характерны для джетыасарких памятников, так называемые «танцующие» фигурки, по определению Л.М. Левиной (Левина, 1996, с. 247, рис. 170).

Обжиг хумов – качественный. Судя по сохранившимся фрагментам диаметры хумов по венчику – около 25-30 см. Толщина стенок хумов в поперечном сечении от 1,2 см до 2 см.

Ойнохойевые сосуды встречаются в большом количестве на Р1 на уровне от верхнего слоя до глубины -300 см от основного репера. Это посуда закрытых форм для жидкости. Изготовлены они ручной лепкой. Встречаются они также в обломочном виде, четко фиксируются фрагменты горловин, с широким венчиком выпукло-вогнутой формы. Они напоминают емкости для жидкости – греческие ойнохойи, предназначенные для вина (рис. 1,*16-17,20,23*). Сосуды сформованы из высокоожелезненной глины с примесью шамота и органики. На внешнюю поверхность сосудов нанесен ангоб, красного, светло-красного или бежевого цветов. Внешняя поверхность сосудов и поверхность горловины внутренней части лощена. Цвет черепков красный, кирпично-красный. Орнаментация на сосудах не прослеживается. В изломе черепка прослеживается слегка заметная разница в цвете, то есть обжиг достаточно качественный. Толщина черепков варьируется от 0,8 см до 2,3 см, некоторые до блеска. Целых ойнохойевидных сосудов на городище Ширкейли Кос-асар пока не обнаружено. Судя по фрагментам, изделия имели стандартные параметры высоты и диаметров. Диаметр горловины по венчику более 20 см.

Горловина сосуда оформлена в виде широкого фестончатого борта. В зоне перехода венчика к горловине диаметры сужаются до 12-13 см. Формы тулова и дна таких сосудов пока не определены, так как целых сосудов пока не зафиксировано. Вполне возможно, что это сосуды предназначались для жидкости. Ведь и сама горловина, оформленная в виде выгнутых дугообразных краев, удобна для литья воды или любой другой жидкости.

Ближайшие аналогии ойнохойевым сосудам с городища Ширкейли Кос-асар найдены на городище Джанкент, где целые сосуды также не зафиксированы. Наибольшее их скопление на Джанкенте прослеживается на Р2 в разрезе внешней северной стены рядом с Цитаделью (Амиргалина, 2014, с. 200). Аналогии ойнохойевым сосудам находят так же в археологических памятниках Джетыасарской культуры (Левина, 1971, с. 33, рис. 9,*74;* с. 40-43*,* рис. 11*,66-67*). Схожее оформление горловины у стеклянного кувшина из Джигирбента (Вишневская, 2001, с. 92, рис. 38/8).

На городище Ширкейли Кос-асар найдены ***фляги*** – емкость для жидкости, горловины которых, с одним или двумя сливами. Фляги встречаются в Р2 (рис. 2,*20*). Здесь на уровне второго горизонта зафиксировано скопление крупных керамических фляг ручной лепки. Способ лепки –

ленточный, на поверхности одной из фляг четко прослеживаются соединительные швы лент. Фляги изготовлены из слабоожелезненной глины с незначительным количеством шамота. Вся внешняя поверхность покрыта коричневым ангобом, поверх которого имеется лощение. Внутренняя поверхность ангобирована лишь в зоне горловины. В изломе черепка прослеживается равномерный однотонный цвет, что говорит о хорошем качестве обжига. Емкости крупных размеров. Метрические характеристики в силу фрагментарности фляг не определены. Посуда имеет сферическое тулово, часть поверхности которой плоская – дно фляги, горло узкое с широким венчиком и носиком-сливом. Аналогии керамическим флягам мы находим на городищах комплекса джетыасарской культуры (Левина,1971, с. 39, рис. 31,*13*; с. 69, 17*,18*).

Среди найденных фрагментов керамики на городище немало обломков ***сковород.*** Много их выявлено на Р1. Они представлены фрагментами стенок и придонной части. Черепки сформованы из глины со средним ожелезнением. В изломе черепка четко фиксируются фрагменты шамота, размерами от 1 до 3 мм, в большой концентрации в пропорции 3:1, что является очевидным признаком кухонной посуды. Кроме этого в составе глинистой массы прослеживаются фрагменты кальцинированных костей. Эта посуда изготовлена ручной лепкой. Поверхность изделий как внешняя, так и внутренняя, специальной обработки не имеет, ангоб отсутствует, присутствуют лишь следы легкого заглаживания. Следует отметить, что снаружи дно всех фрагментов имеет густое покрытие мелкими зернами или их отпечатками (рис. 2,*22*). Подобная характеристика сковород встречается и на Джанкенте (Амиргалина, 2014, с. 192-193). Технологический анализ коллекции сковород с городища Джанкент изучена ранее (там же), а сковороды городища Ширкейли Кос-асар очень близки им. Орнаментация на сковородах отсутствует. Обжиг неполный, в изломе почти у всех фрагментов прослеживается трехслойность с резкими границами между слоями. Цвет черепков варьирует от кирпично-красного, до темно-коричневого, с почти повсеместным покрытием внешней поверхности копотью. Все найденные фрагменты небольшие, преимущественно фрагменты стенок. Диаметры по линии изгибов фрагментов от 35 до 50 см (возможно и больше). Высота стенок от 7 см до 2,5 см, толщина стенок от 1,3 см до 1 см, дно сковород тонкое до 0,7 см. Венчики прямые с орнаментом в виде пальцевых защипов по краю венчика или пальцевых вдавлений по верхнему краю венчика.

В целом сковороды – это крупные в диаметре, по-видимому, не предназначенные для переноски, стационарные кухонные емкости. Внешне они довольно грубые, на поверхности есть множество мелких трещин и пустот. Сами изделия изготовлены из смешанной формовочной массы. Наличие большого количества минеральных примесей в них (шамота), причем крупных размеров, подчеркивают предназначение этой посуды именно для приготовления пищи на огне. Немаловажным для этой категории кухонной посуды, наверняка, были их физико-технические свойства, связанные с температурными условиями. Благодаря сложному составу, посуда долго сохраняла в своем «теле» высокую температуру и не позволяла остывать содержащейся в ней пище.

Аналогии сковородам мы находим в материалах джетыасарской культуры (Левина, 1971, с. 65, рис. 15, 26-31). Где «сковороды или «жаровни» отличаются рыхлым черепком с примесью шамота и дресвы…, а на поверхности дна фиксируются зерна проса» (Левина, 1971, с. 67). Аналогии происходят из материалов городищ Алтын-асар, Карак-асар, Ашаг-асар и. др. и относятся к этапу Джеты-асар I, датируемый рубежом эр до IV в.н.э. (Левина, 1971, с. 64), среди керамического материала городища Джанкент, согласно которым, этот вид посуды бытует и в более поздний период (Амиргалина, 2014, с. 193).

На объекте Р1 в пределах четвертого и третьего строительного горизонтов от глубины 4 м и ниже обнаружены 3 керамические ручки, обломанные в местах их крепления к основанию (рис. 2,*6-8*). Формовочная масса ручек изготовлена из высокоожелезненной глины с добавлением шамота. Они слеплены вручную, формы прямые в двух случаях и петлеобразная в одном случае. Изделия кирпично-красного цвета, покрыты темно-коричневым ангобом, поверх этого имеется лощение, один из образцов лощен до металлического блеска. Края ручек, как правило, слегка сплющены, а в них проделаны сквозные отверстия. Вполне возможно, что предметы, на которых лепились эти ручки, подвешивались. Обжиг на двух образцах качественный, равномерный по всей поверхности и в поперечном сечении, на одном из образцов – некачественный. Орнамент на ручках отсутствует. Функциональную принадлежность этих ручек определить сложно, на сегодняшний день определенно можно сказать, что крепились они по горизонтальной оси, об этом говорит характер слома – по основанию. Эта же причина говорит, о том, что ручки крепились к какому-то массивному тяжелому предмету. Нельзя исключать и то, что это ручки - ухваты для сковород. Ведь сковороды являлись

массивными и довольно тяжелыми кухонными емкостями, а их ручки в виду небольших размеров неудобны для транспортировки.

Кухонные горшки Ширкейли Кос-асар фиксируются фрагментарно. Их формовочная масса, изготовленная с примесью большого количества шамота (2:1) и наличия на поверхности следов нагара и копоти. Они ручной лепки. Лощение и ангоб на поверхности не прослеживается. Черепки фрагментов кухонных сосудов все некачественного обжига, в их изломе четко прослеживается двухцветность. Линии изгибов фрагментов кухонной посуды говорит о присутствии горшков, венчики которых диаметрами до 13-14 см, донца до 9-12 см.

Среди керамики верхнего наносного слоя фиксируются фрагменты ***мисок*** – невысокие тонкостенные сосуды открытых форм (рис. 1,*21,24*). Они слеплены из высокоожелезненной глины с незначительной примесью органики. Вся поверхность покрыта густым слоем красного ангоба, поверх имеется лощение. Орнаментация отсутствует. В изломе цвет черепка кирпично-красного цвета. Диаметры мисок небольшие, формы невысокие. Посуда, вероятней всего, является столовой.

Кружки обнаружены на всех трех раскопах фрагментами и целыми единицами (рис. 2,*1-5*). Состав их формовочной массы – глина высокого ожелезнения, с примесью шамота. В изломе некоторых фрагментов кружек присутствуют мелкие фрагменты зернистой структуры, светло-желтого цвета с зеленоватым оттенком, предположительно кашин (?), а так же удлиненные пустоты ровных форм – следы выгоревших органических добавок. Формовка кружек – ручная лепка, осуществляемая несколькими способами: выдавленные из кома глины, дно слеплено отдельно от тулова вертикальными полосами. Внутренняя и внешняя поверхности большинства кружек покрыты красным или коричневым ангобом. Поверх ангоба имеется лощение. Ангобирование осуществлялось путем обмазывания – на внешней поверхности четко фиксируются хаотичные следы разводов краски. Внутри кружки окрашены лишь по верхней половине. На дне кружек ангоб не прослеживается. Орнаментация отсутствует. Обжиг кружек во всех случаях качественный. Диаметры кружек по венчику – до 8 см, по дну – до 5 см, толщина черепков – от 0,4 до 0,8 см. Высотой кружки до 10 см. Кружки цилиндрической формы, с кольцевой вертикальной ручкой по центру тулова. Венчики прямые слегка расширяющиеся, в сечении овальной или треугольной форм.

На Р1 в пределах четвертого строительного горизонта обнаружены две кружки в виде кувшинов с кольцевыми ручками (рис. 2,*4-5*). Интересной деталью в них является горизонтальный желобок на тулове кружек под ручкой. Их форма отличается от цилиндрических кружек. Дно у них не плоское, что не позволяет их ставить в вертикальном положении. Возможно, эти кружки применяли как емкости для черпания и переливания жидкости.

В Р3 на глубине от -330 до -390 см расширяется количество индивидуальных керамических находок: фрагментов пряслиц, светильников (рис. 2,*9-11*). Здесь обнаружен крупный ***кувшин***, горловина которого напоминает силуэт головы барана (рис. 1,*18*). Сосуд ручной лепки, сформован из среднеожелезненной глины с примесью небольшого количества шамота и органики. Поверхность покрыта темно-коричневым жидким ангобом. Поверх ангоба имеется лощение. Кувшин крупных размеров, горловина высокая с рифлением. Тулово сферической формы. Вертикальная ручка овальной в сечении формы и с горизонтальным рифлением поверх. Похожий кувшин мы находим среди керамики городищ Джанкент (Амиргалина, 2014, с. 230, рис. 19) и Куйруктобе (Смагулов, 2011, с. 93, рис. 60.).

Несколько фрагментов ***дастарханов*** – керамических изделий в форме дисков (столешниц) с ножками – зафиксировано в пределах Р1 на глубине -300 см от основного репера. Выше уровнем на раскопах они не фиксировались. Дастарханы сформованы из высокоожелезненной глины с незначительной примесью шамота и органики. В изломе четко фиксируется мелкозернистый песок, как естественная примесь глины. Столики слеплены вручную и доработаны на круге, на поверхности внутреннего края и на цилиндрической ножке-подставке четко фиксируются следы ротации на круге (рис. 2,*12-13*). Вся поверхность изделия покрыта светло-желтым ангобом. Внешняя – рабочая поверхность выровнена и покрыта лощением. Предмет качественного обжига, в изломе черепка прослеживается однотонный кирпично-красный цвет. На внутренней поверхности изделий имеется орнамент в виде пальцевых разводов. Диаметры столешниц доходят до 50 см, их толщина в сечении – 1,5-2 см. Все дастарханы с бортиками по краю дисков, высота бортиков – от 3,2 до 3,8 см. Внешняя поверхность плоская и лощенная. На внутренней стороне по центру имеется цилиндрическая ножка-подставка. Сходство дастарханам прослеживаются на городище Джанкент (Амиргалина, 2014. с. 205-206). Интересным является небольшой дастархан блюдцеобразной формы ручной лепки на ножках (рис. 2,*14*).

На Р3 выявлены предметы домашнего быта или интерьера – узкие трапециевидной формы подставки (рис. 2,*15-17*). Они ручной лепки, сформованы из слабоожелезненной глины с большим содержанием шамота, в пропорции 1:1. Черепок рыхлой структуры.

Найдены также две керамические зооморфные фигурки. В одном случае такая фигурка является навершием крышки (рис. 2,*18*), во втором случае – фрагмент туловища животного (рис. 2, *19*).

Совокупный анализ керамики с объектов Раскоп 1, Раскоп 2, Раскоп 3 городища Ширкели-Косасар дает следующие предварительные результаты. Вся керамика лепная. Имеются несколько фрагментов керамики, сформованной на гончарном круге, найденные в верхних слоях раскопов.

Характерные признаки лепной керамики, найденные на городище:

- практически вся керамика сформована из высокоожелезненной глины с примесью шамота, большей или меньшей концентрации в зависимости от категории посуды или изделия. В некоторых фрагментах прослеживаются частицы шамота, напоминающие кашин. В качестве дополнительной примеси присутствует органика (измельченная кость, органика растительного происхождения и навоз);

- обработка поверхности представлена покрытием ангоба красного или черного цветов. Ниже уровнем на раскопах увеличивается число черноангобированной керамики. В целом процентное соотношение красноангобированной и черноангобированной посуды среди найденной керамики примерно одинаково. Черепки керамики, покрытые черным ангобом тоньше в поперечном сечении. Поверх ангоба имеется лощение;

- орнамента на посуде мало, орнаментация представлена геометрическим, резным и штампованным декором, а также присутствует технический декор в виде глиняной обмазки;

- обжиг керамики меняется в зависимости от категории изделия;

- коллекция посуды по функциональному назначению на сегодняшний день делится на: тарную (около 70 % от всей посуды), столовую и кухонную (около 30 %). Есть также и предметы быта.

Хронологическая характеристика керамики городища Ширкейли Кос-асар с первого строительного горизонта аналогичная керамике IX-XII веков раннесредневекового городища Джанкент. Это преимущественно дастарханы, кружки, хумы. Керамика нижних слоев находит аналогии среди материалов до IX века из других городищ джетыасарской культуры. Есть керамические изделия, которые аналогичны более раннему материалу. К примеру, антропоморфный налеп на одном из хумов схож с джетыасарскими хумами, которые исследователи датируют с III в. по VII-VIII вв. н.э. (Левина, 1996, с 247, с.365, рис. 170), а кувшин с горловиной в виде головы барана аналогичен кувшину из городища Куйрыктобе, датируемый IX-XI веками.

Таким образом, по результатам проведенного анализа в керамическом материале, найденного на городище Ширкейли Кос-асар в 2015-2017 годы, обнаруживается керамический материал приблизительно VII-VIII вв. н.э. – XI, возможно XII веков н.э., выраженный в керамике джетыасарской культуры и аналогичный керамике из городища Джанкент.

Литература:

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс//Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.)/сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. – Алматы, Издательство «Арыс», 2014. С.188-240.

Байпаков К.М. Средневековаяя городская культура Южного Казхстана и Семиречья. – Алма-Ата, 1986. – 256 с.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джегирбента, (IV в. до н. э. – начало XIII в. н.э. «Восточная литература» РАН, 2001, – 175 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья, I тысячилетие до н.э. – I тысячилетие н.э. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – 396 с. ил.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. ТХАЭЭ,– М.: Наука. – 1971 Т. VII. – 251 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: «Абди», 2011. – 401 с.

Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У. Городская культура Приаралья в зоне контактов земледельцев и скотоводов в I тысячелетии н.э. (по материалам городища Ширкейли Кос-асар)//Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Б.Нурмуханбетова. – Алматы, 2016, – С. 221-230;

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948. – 326 с.

Шишкина Г.И., Болелов С.В. Опыт классификационного описания керамики Самаркандского Согда (по материалам работ Среднеазиатской археологической экспедиции ГМВ)//Материальная культура Востока. – Москва, 2010. № 5 – С. 27-37.

Резюме

Г.Т. Амиргалина

Анализ керамического материала с городища Ширкейли Кос-асар полевых сезонов 2015-2017 гг.

В данной статье дан краткий анализ керамического материала с раннесредневекового городища Джанкент по материалам раскопок 2015-2017 годов. Анализ керамического материала проводится по категориям, акцент делается на технологии керамики, кратко характеризуется орнаментация изделий. В статье приведены некоторые аналогии описываемому керамическому материалу.

Summary

G.T. Amirgalina

Analysis of ceramic material from the ancient settlement of Shirkeyli Kos-asar field seasons 2015-2017

This article gives a brief analysis of ceramic material from the early medieval settlement of Dzhankent based on materials from excavations in 2015-2017. Analysis of the ceramic material is carried out by categories, the emphasis is on the technology of ceramics, the ornamentation of products is briefly characterized. The article gives some analogies to the described ceramic material.



Рисунок 1. Керамический материал городища Джанкент



Рисунок 2. Керамический материал городища Джанкент

Амиргалина Г.Т.
Кызылординский государственный
университет имени Коркыт Ата,
Кызылорда, Казахстан

УДК 930.26: 303.436 (574.54)

ПЕРЕЧЕНЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА С ГОРОДИЩА СОРТОБЕ ЗА ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 2017 ГОДА

Ключевые слова: городище Сортобе, керамика, археологический материал.
Keywords: fortification of Sortobe, ceramics, archaeological material.

В 2017 году по заказу Государственного коммунального учреждения по охране памятников истории и культуры Кызылординской области «Управления культуры, архивов и документации Кызылординской области» начались исследовательские работы на раннесредневековом городище Сортобе, расположеном в Кармакшинском районе Кызылординской области в 10 км западнее от поселка Жусалы. Городище расположено на одном из изгибов реки Сырдарья, и находится в аварийном состоянии. Запланированные на 2017 год работы на Сортобе заключались в изучении двух объектов – раскопа 1 (далее Р1) – разрез южной стены (восточный склон холма) и раскопа 2 (далее Р2) – жилой комплекс. На данных объектах выявлен уникальный керамический материал, интересные изделия из металла, дерева, стекла, весьма разнообразны предметы, изготовленные из костей животных. Перечень и краткое описание найденного материала представлено вниманию читателя в данной работе.

Описание керамического материала

За полевой сезон 2017 года на Р1 и Р2 выявлена коллекция керамического материала, наиболее интересные из которых характеризуется ниже. Керамика представлена посудой (тарная – хумы, корыта, чигири; столовая – миски, кружки, кувшины, крышки, кухонная – сковороды-жаровни); дастарханами – небольшие в диаметре круглые столики на ножках); бытовыми изделиями (светильники, сфероконусы, пряслица); предметами домашнего инвентаря (очаги-подставки в виде голов баранов). Керамика в большинстве своем ручной лепки, за исключением некоторых изделий, сформованных на круге. Характерная обработка поверхности керамики – простое или специальное заглаживание, ангобирование, лощение (некоторые фрагменты лощены до металлического блеска), замазывание слоем глины и орнаментирование. Наиболее распространенный орнаментальный декор на изделиях – геометрический. Это треугольные вдавления нанесенные техникой штампа, и прямоугольники образованные резными линиями. Растительный орнамент встречается в виде сдвоенных лепестков из резных линий, а также в виде штампованных розеток исключительно на дастарханах. Встречаются пальцевые разводы на некоторых фрагментах дастарханов и хумов.

Керамики, изготовленной на гончарном круге немного, представлена она несколькими фрагментами посуды и единичными оригинальными изделиями – корытом и сфероконусом.

На Р1 на глубине от -60 см и ниже обнаружены фрагменты дастарханов, сформованных на гончарном круге. На внутренней поверхности одного из них имеется орнамент – штамп в виде восьмилепестковой розетки, на внешней поверхности дна других фрагментов имеется орнамент, в виде пальцевых вдавлений. Сохранившиеся фрагменты дастархана не позволяют определить точно их диаметры (рис. 1,*1*).

Крупное корыто обнаружено на Р2 в помещении 2 на глубине -129 см. Сосуд целый, хорошей сохранности, сформован на гончарном круге, четко фиксируются следы ротации. Посуда является крупной емкостью открытой формы (рис. 1,*18*).

Керамический сфероконус обнаружен на Р2 в помещении 4 на глубине -220 см. Предмет археологически целый, с раздутым туловом, дно слегка вытянуто и заострено, горловина узкая в виде трубочки. Емкость изготовлена на гончарном круге (рис. 1,*3*).

Археологически целый кувшин крупных размеров с одной ручкой, напоминающий амфору. Обнаружен предмет на Р1 на глубине -235 см (рис. 1,*19*).

Фрагмент тулова керамической посуды обнаружен на Р2 на глубине -143 см. На нем четко фиксируются следы ротации, свидетельствующие о формовке посуды на гончарном круге. Фрагмент орнаментирован рельефным штампом, нанесенным вогнутым оттиском и резными линиями (рис. 1,*4*).

Фрагмент глазурованной посуды обнаружен на Р2 в помещении 4 на уровне -230 см, третьего строительного периода. Это фрагмент донной части посуды блюдцеобразной формы, сформованной на гончарном круге. Вся поверхность изделия покрыта белым ангобом. На внутренней части посуды поверх белого ангоба нанесен орнамент черной и красной краской из елочных элементов и линий разной толщины. Вся поверхность покрыта прозрачной глазурью. Технология такой орнаментации и глазурования напоминает собой изделия нишапурского типа из Ирана, датируемые 9-10 вв (рис. 1,*5*).

На обоих объектах исследования (Р1 и Р2) часто встречаются фрагменты светильников. Светильник хорошей сохранности слеплен вручную с массивным дном, с тремя носиками сливами, с высокими стенками. На его стенках четко прослеживаются остатки нагара. Напротив одного из сливов сохранилось основание ручки, которая утеряна (рис. 1,*6*).

Из керамики ручной лепки на двух раскопах найдено несколько керамических пряслиц разных форм. Два пряслица найдены на Р1 в помещении 1, на уровне -136 см. Изделия полусферической формы, со сквозными отверстиями по центру. На поверхности основания одного из них имеется орнамент в виде резной, из элементов зигзага, розетки (рис.1,*7*), а на поверхности второго – декор из резных линий, создающие ромбовидный орнамент. Третье пряслице найдено на том же объекте в помещении 2, на уровне -364 см. Изделие конусовидной формы, со сквозным отверстием по центру. Поверхность основания пряслица имеет орнамент из резных линий и точек (рис. 1,*8*). В этом же помещении несколько глубже на уровне -384 см найдено четвертое пряслице дисковидной формы, со сквозным отверстием по центру (рис. 1,*9*). Еще два пряслица обнаружены на объекте Р2. Одно найдено в помещении 6 на глубине -235 см. Изделие конусовидной формы, со сквозным отверстием по центру. Поверхность основания имеет орнамент из резных линий в виде ромба (рис.1,*10*). Второе пряслице обнаружено в помещении 5 на глубине -142 см. Изделие дисковидной формы. Изделие вторичной обработки, вырезано из стенки сосуда. Предмет кирпично-красного цвета. На пряслице отсутствует центральное отверстие (рис. 1,*12*). Возможно, изделие незавершенное и являлось заготовкой.

В числе керамической посуды имеются фрагменты кружек, представленные в основном донцами (рис. 1,*16-17*). Так фрагмент донца обнаружен на Р2 в помещении 1, на уровне -136 см. Форма кружки цилиндрическая с налепной ручкой, большая часть которой утеряна. Дно плоское, придонная часть округлой формы. На внешней поверхности дна имеется резная тамга в виде овала с резной поперечной линией по центру (рис. 1,*16*).

Фрагмент керамического изделия в виде крышки обнаружен на Р2 в помещении 1 на глубине -297 см. Изделие представляет собой предмет с дисковидным основанием, края которого утеряны. По центру расположена трубчатая ручка со сквозным отверстием. Верхняя часть ручки утеряна. Вокруг основания ручки и на внешней поверхности имеется резной орнамент из прямых линий и косых насечек (рис. 1,*21*).

Встречаются фрагменты небольших керамических мисок, например фрагмент керамической миски обнаруженной на Р2 на глубине -398 см. На внешней поверхности ее дна имеется орнамент, вырезанный концом острой палочки, напоминающий арабскую букву «айн» - «ع» (рис. 2,*18*).

Фрагмент корытообразного сосуда обнаружен на Р1 на глубине -30 см. Сохранился лишь фрагмент горловины посуды. На внешнюю поверхность сосуды нанесена глиняная обмазка, поверх которой проведены пальцевые разводы. На фрагменте есть одно сквозное отверстие. На предмете имеется налепной орнамент, напоминающий фигуру человека на асарских хумах с раскинутыми по сторонам руками и ногами (Левина, 1996, с. 247, с. 365, рис.170). Следует заметить, что эта фигура также напоминает основание очажной подставки, имеющаяся в жилищных помещениях Сортобе, которые ближе всего схожи с цельной шкурой барана (рис. 1,*15*).

На Р1 в помещении 3обнаружен хум, вкопанный в пол. Хум крупных размеров с двумя налепными ручками. Венчик хума утерян, на плечике с двух противоположных сторон налеплены кольцеобразные ручки, округлые в сечении. Форма хума яйцеобразно вытянуто, дно плоское. Вся внешняя поверхность сосуда покрыта глиняной обмазкой, поверх которой нанесены волнообразные разводы. Такой способ обработки внешней поверхности часто встречается и на крупных посудах Джанкента. Иначе его можно определить как технический рисунок. Стенки сосуда сильно осыпаются. На тулове четко прослеживаются сквозные отверстия, по-видимому, хум подвергался ремонту (рис. 1,*25*).

Крупный керамический сосуд с ушками обнаружен на Р2 в помещении 3 на глубине -279 см. Сосуд археологически целый, крупных размеров, ручной лепки. Лепили сосуд отдельными частями, на стенках посуды четко фиксируются следы стыка, замазанные сверху. Линия соединения прослеживается на уровне плеч посуды, в месте соединения венчика и тулова. На сосуде имеются

четыре налепные ручки, расположенные парно противоположно друг другу. Вдоль центра ручек нанесена узкая рельефная полоска. В верхней части ручек имеются прямые площадки треугольных форм. На тулове сосуда под ручкой имеется орнамент из ленты, налепленной в форме головы барана, внутри которой есть еще шесть шишкообразных налепов. Между этими фигурами нанесен резной орнамент из прямых и кривых линий в виде сросшихся лепестков. Нижние края ручек соединены между собой также налепными горизонтальными лентами. Дно плоское. Сосуд, по-видимому, является имитацией металлических котлов (рис. 1,*22*).

На Р2 в помещении 2 на глубине -252 см обнаружены несколько сосудов с ручками. Один сосуд с широким устьем и суженным дном, тулово слегка раздуто в верхней части. На внешнюю поверхность венчика нанесены прямые насечки в один горизонтальный ряд, на верхней линии тулова нанесены два горизонтальных ряда из косых насечек, на нижнюю часть тулова нанесены три ряда резных волнистых линий, на основании которых имеются шишкообразные налепы (рис. 2,*4*). Другие два сосуда больше напоминают кружки (рис. 2,*1-2*). Они горшковидных форм, с небольшими кольцеобразными ручками на горловине. На венчике одного из них присутствует орнамент в виде косых насечек на внешнем крае венчика (рис. 2,*2*). Схожий сосуд, но со сливом реконструируется из найденных здесь же фрагментов. Он также небольших размеров, яйцевидной формы с небольшим венчиком слегка выгнутым наружу. Донная часть изделия утеряна (рис. 2,*3*).

Горловина кувшина с ручкой обнаружен на Р2 в помещении 3 на глубине -189 см. Изделие сохранилось частично, тулово с дном полностью утеряна. Край горловины широкий с носиком сливом, с двух сторон от которого на равном расстоянии налеплены две шишечки. Напоминает горловина голову барана. Такие сосуды встречаются и на городище Джанкент. Предмет не орнаментирован (рис. 2,*7*).

Фрагмент горловины крупного сосуда обнаружена на Р2 на глубине -222 см. Сохранилась верхняя часть тулова сосуда с фрагментом венчика. Вся внешняя поверхность фрагмента покрыта орнаментом из резных волнистых и прямых линий. Орнамент оформлен в растительном стиле. Венчик прямой с резким переходом к раздутому тулову (рис. 1,*14*).

Фрагмент керамического изделия обнаружен на Р2 в помещении 1 на глубине -136 см. Изделие представляет собой высокий сосуд в виде чигиря с круглым поддоном. Большая часть посуды утеряна. Фрагменты венчика не сохранились. Поддон с внешней стороны представляет собой емкость, напоминающую светильник с носиком-сливом. В этой части поддона на стенках сохранился слой нагара. Такой же нагар прослеживается и во внутренней части самого сосуда. Все внешние признаки посуды более близки к чигирю – емкости для воды. Однако наличие копоти и нагара на стенках сосуда, говорит о возможном вторичном использовании предмета. Не исключено и то, что изделие изначально было задумано как светильник. Вся внешняя поверхность предмета покрыта резным и штампованным орнаментом из прямых линий, косых насечек и треугольных штампов (рис. 2,*6*).

Фрагменты чигирей встречаются на Р2. Почти целый чигирь был обнаружен в помещении 4 на глубине -220 см. (рис. 2,*5*) Предмет археологически целый, вытянуто конусовидной формы, с широким кольцом на венчике и сдвоенными кольцами у основания. Слеплен чигирь вручную. Вся поверхность покрыта резным и штампованным орнаментом из резных линий, косых насечек и треугольных вдавлений (рис. 2,*5*).

Фрагмент крышки обнаружен на Р2 на глубине -72 см. На крышке имеется интересный орнамент из резных зигзагообразных линий и круглых вдавлений (рис. 1,*11*).

Часто встречаемыми фрагментами на обоих объектах являются венчики ойнохойевых сосудов, оформленных в виде широкого венчика выгнутого наружу (рис. 1,*20*).

Всего несколькими фрагментами представлены сковороды (рис. 1,*13*).

Особо следует уделить внимание керамическим подставкам в виде барана, выявленных в помещениях на Р2, в заполнениях помещений часто встречаются фрагменты очажных подставок (рис. 1,*24*). На сегодняшний день в положении in situ выявлено два очага, размещенных в центре помещений жилого квартала, а в слоях найдены несколько фрагментов керамических голов баранов. Подставки плохой сохранности, во внутренней части сильно крошатся. Они слеплены вручную с большой примесью шамота. Внешне подставки очень схожи с джанкентскими очажными подставками. Подставки на городище Джанкент имеют массивную центральную часть, по краям с двумя возвышениями, которые оформлены в виде голов барана противоположно направленных друг к другу (Амиргалина, 2014, с. 204-205). Эту же форму имеют и подставки на городище Сортобе.

Таким образом анализ имеющейся на сегодняшний день керамики с городище Сортобе позволяет дать следующие предварительные выводы: в основном керамика изготовлена лепным

способом. Круговая керамика также присутствует, но ее меньше, однако предметы сформованные на гончарном круге изготовлены с большим мастерством, это фрагменты дастарханов, и сфероконус оригинальной формы, имеются также немного мелких фрагментов посуды. Лепная керамика сформована из высокоожелезненной глины с добавлением шамота, органики и реже песка. Для гончарной керамики применяется менее ожелезненная глина и примесей меньше. Качество обжига, обработка поверхности предметов так же разное в каждом из случаев.

Ближайшие аналогии керамического материала Сортобе пока прослежены только на географически близких памятниках – на городищах асарского комплекса и на Джанкенте. Сходство проявляются в коллекции посуды, изготовленной ручным способом. Конкретно параллели можно провести между кухонными горшками, сковородами, кружками на Сортобе и на Джанкенте. Схожесть проявляется в сковородах на обоих городищах, только на сортобинских сковородах на дне посуды не прослеживаются следы зерновых подсыпок, что характерно для джанкентских сковород. Для сортобинских сковород в качестве подсыпок при формовке использовалась сухая глина. Орнаментальные мотивы керамики на Сортобе менее разнообразны, чем на городище Джанкент (Амиргалина, 2014, с.188-240), широкое разнообразие штампованного орнамента здесь не прослеживается.

Отдельно можно охарактеризовать налепной орнамент, представленный на многих фрагментах в виде шишечек. Так налепы в виде шишечек встречаются на тулове чигиря, на горловине кувшинов, напоминающих голову барана, на горшках. Есть и фигурные налепы, встречаемые на фрагментах крупной тарной посуды, напоминающие силуэт человека или, возможно, натянутую шкуру барана. Еще одним видом орнаментации являются потеки ангоба по поверхности сосудов. Они зафиксированы на крупном амфоровидном кувшине с одной ручке, а также на некоторых фрагментах керамики. Интересными является резные тамги на внешней поверхности дна целиндричеких кружек.

Индивидуальные находки из разных материалов.

Весьма интересными являются находки, изготовленные из костей животных, металла, стекла, древесины, горных пород. Предметы изготовлены из костей животных преимущественно изделия из домашнего быта – проколки или шила, оттиски, лопаточки для обработки керамики и заготовки. Фрагменты стекла подтверждают, что кроме посуды из керамики бытовала и стеклянная посуда. Металл, по-видимому, также использовался для изготовления бытовых изделий – пряжки, проколки, гвозди, ножи. Особый интерес вызывают фрагменты древесины, которые, судя по сохраившейся небольшой части светлой коры на поверхности одного из кусочков, изготовлены из березы. Сохранившиеся фрагменты древесины не позволяют определить предмет (рис. 2,*31*).

1. На Р1 на глубине -60 см от дневной поверхности обнаружены обработанные кости – шилья (проколки) в количестве 6 экземпляров (рис. 2,*8-13*). Это фрагменты тонких трубчатых костей КРС (пястных костей). Один край изделий заострен, другой круглый. Длина проколок варьирует от 10 до 13,3 см. Изделья тяжелые в весе, по-видимому, пропитаны специальным раствором. Еще одна проколка была обнаружена на Р2 на глубине -152 см в помещении 3, ее длина 14 см.

2. Костяное пряслице обнаружено в помещении 3 Р2 на глубине -209 см. Изделие полусферической формы, со сквозным отверстием по центру. Оно вырезано из закругленного конца трубчатой кости – эпифиза КРС. Основание предмета ровно срезано (рис. 2,*19*). Диаметр пряслица по основанию – 5,6 см, высота – 2,6 см, диаметр отверстия – 1,5 см.

3. Фрагмент обработанной кости обнаружен в Р2 на глубине -148 см и второй на Р1 на глубине -235 см. Это рог КРС с сохранившимся основанием и средней частью. Поверхность основания рога имеет небольшую обработку в виде срезанных площадок, остальная часть рога осталась не тронутой. Вес кости относительно тяжелый. По-видимому, это есть заготовка из кости для дальнейшей обработки (рис. 2,*15-16*).

4. Изделие из кости обнаружено в помещении 2 Р1 на глубине -314 см. Предмет изготовлен из рога КРС, на котором четко фиксируются следы обработки – продольные срезы. Один конец изделия поперечно срезан, рабочий конец заострен в виде треугольника. Предмет, по-видимому, пропитывали специальным раствором, так как оно тяжелое по весу. Изделие напоминает оттиск для нанесения штампа на керамику (рис. 2,*17*).

5. В том же помещении 2 Р1 на глубине -364 обнаружен еще один костяной предмет. Он широкой формы в виде лопатки, один конец сужен овальной формы, противоположный конец широкий ровно срезан поперек. Одна из боковых сторон, по-видимому, являлась рабочей, так как на ней четко прослеживаются следы трения по всей продольной линии. Лопатка изготовлена из нижней

части крупного ребра КРС (рис. 2,*14*). Возможно это лопатка для заглаживания поверхности керамических изделий.

К числу металлических изделий относятся фрагменты медных пластинок, обнаруженных на Р1 на глубине -127 см (рис. 2,*22*), найденный рядом гвоздь из бронзы (рис. 2,*26*), длиной – 7,5 см, диаметром – 2,2 см.

Бронзовая пряжка обнаружена на Р2 на глубине -56 см. Изделие небольшой прямоугольной формы, в основании которой два параллельных кольца, соединенных между собой центральной стерженью. Лицевая поверхность гладкая, на изнанке – имеются два небольших гвоздика без шляпки для крепления. Длина – 2 см, ширина – 1,3 см (рис. 2,*31*). Еще одна бронзовая пряжка фигурной формы обнаружена как подъемный материал (рис. 2,*27*).

Фрагмент бронзового предмета обнаружен на Р1 на уровне -398 см. Изделие внешне напоминает однолопастной втульчатый наконечник стрелы. На одном из краев имеется отросток. Изделие сильно коррозировано, четкие формы изделия не сохранены (рис. 2,*28*).

Петлеобразная ручка изготовленная из меди обнаружена на Р2 на глубине -72 см. ручка тонкая, прямоугольная в поперечном сечении. Оба конца сплющены со сквозными отверстиями по центру. Возможно это ушко от металлического котла (рис. 2,*25*). Длина изделия – 10 см. Ширина – 0,6 см.

Фрагмент бронзового предмета, напоминающая фрагмент ножа обнаружен на Р2 на уровне -98 см (рис. 2,*24*). В том же Р2 обнаружен железный предмет, напоминающий гвоздь, на глубине -105 см. Предмет сильно коррозирован, четко фиксируется шляпка и заостренный стержень (рис. 2,*21*).

Железный предмет фигурной формы обнаружен в помещении 4 Р2, на уровне -222 см. Изделие в виде сердца на прямоугольной ножке, часть которого утеряна. В центральной части предмета имеется сквозное отверстие (рис. 2,*20*). Здесь же на том же уровне (-222 см) найден фрагмент горного хрусталя. Предмет прозрачный, бесцветный, не имеет следов обработки (рис. 2,*23*).

В помещении 4 также обнаружены фрагменты стеклянной посуды (рис. 2,*32*) на глубине от -222 до -230 см – уровень пола. Толщина стенок фрагментов варьирует от 0,1 до 0,6 см. цвет стекла зеленый, поверх стекла нанесена перламутровая и черная краска. Большая часть фрагментов от тулова посуды. Сохранился фрагмент венчика, форма которого не точно круглая, а с небольшим изгибом. Венчик с небольшим изгибом наружу, край закруглен и перпендикулярно выгнут во внешнюю сторону. На венчик нанесена горизонтальная выпуклая линия. В одном случае под данной линией с внутренней стороны нанесен бугорок, который напоминает налепные шишечки на сосудах с горловиной в виде барана, где эти шишечки напоминают бараньи ушки.

Фрагменты древесины обнаружены на Р2 в помещении 4 на глубине -222 см (рис. 2,*33*). Древесина обработанная, в виде узкой доски, треугольная в сечении. Она имеет специфический для древесины аромат, напоминающий больше всего березу. На поверхности древесины сохранились фрагменты коры, похожие на кору березы.

В коллекции найденного материала есть и изделия из камня. Каменная ступа грушевидной формы обнаружена на Р2 в помещении 3 на уровне -197 см (рис. 2,*30*). Еще одна каменная ступа обнаружена на уровне -132 см. Форма предмета четко выточена, имеется суженная в центральной части ручка, резко переходящая к более широкой рабочей части (рис. 2,*29*).

Каменный оселок обнаружен на Р2 на уровне -116 см. О длительном использовании изделия как точильного камня свидетельствует его центр, который сильно протерт (рис. 2,*34*). Длина оселка – 9,2 см. Ширина – 5,1 см. Толщина стенки в поперечном сечении – 1 см, а толщина поперечного сечения по центру – 2 мм.

Каменный кобыз обнаружен на раскопе 1 (рис. 2,*35*).

Таким образом, результаты первого года археологических исследований городища Сортобе дали очень интересный археологический материал. Найденные изделия показывают, что при жизни города местное население наряду с богатым и разнообразным керамическим комплексом использовало в быту и разные предметы, изготовленные из нескольких видов сырья. Существовало ли ремесло в городе, местного ли производства керамика на городище, все эти и другие вопросы позволят раскрыть дальнейшие исследования памятника.

Литература:

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс//Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.)/сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. – Алматы, Издательство «Арыс», 2014. С.188-240.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. ТХАЭЭ,– М.: Наука. – 1971 Т. VII. – 251 с.

Резюме

Г.Т. Амиргалина

Перечень археологического материала с городища Сортобе за полевой сезон 2017 года

В данной статье дан краткий анализ археологического материала с раннесредневекового городища Сортобе по материалам раскопок 2017 годов. Городище Сортобе расположено на одном из изгибов реки Сырдарья, и находится в аварийном состоянии, что является основной причиной необходимого его скорейшего исследования. За первый год исследования на памятнике выявлен уникальный керамический материал, интересные изделия из металла, дерева, стекла, весьма разнообразны предметы, изготовленные из костей животных. Вниманию читателя представлен основной перечень и краткое описание найденного археологического материала.

Summary

G.T. Amirgalina

List of archaeological material from the site of the site of Sortobe for the field season of 2017

In this article, a brief analysis of archaeological material from the early medieval settlement of Sortobe on the materials of the excavations of 2017 is given. Fortress Sortobe is located on one of the curves of the Syr Darya River, and is in an emergency condition, which is the main reason for its prompt study. During the first year of the study, a unique ceramic material, interesting items from metal, wood, glass, various items made from animal bones were revealed on the monument. The reader is presented with a basic list and a brief description of the archaeological material found.

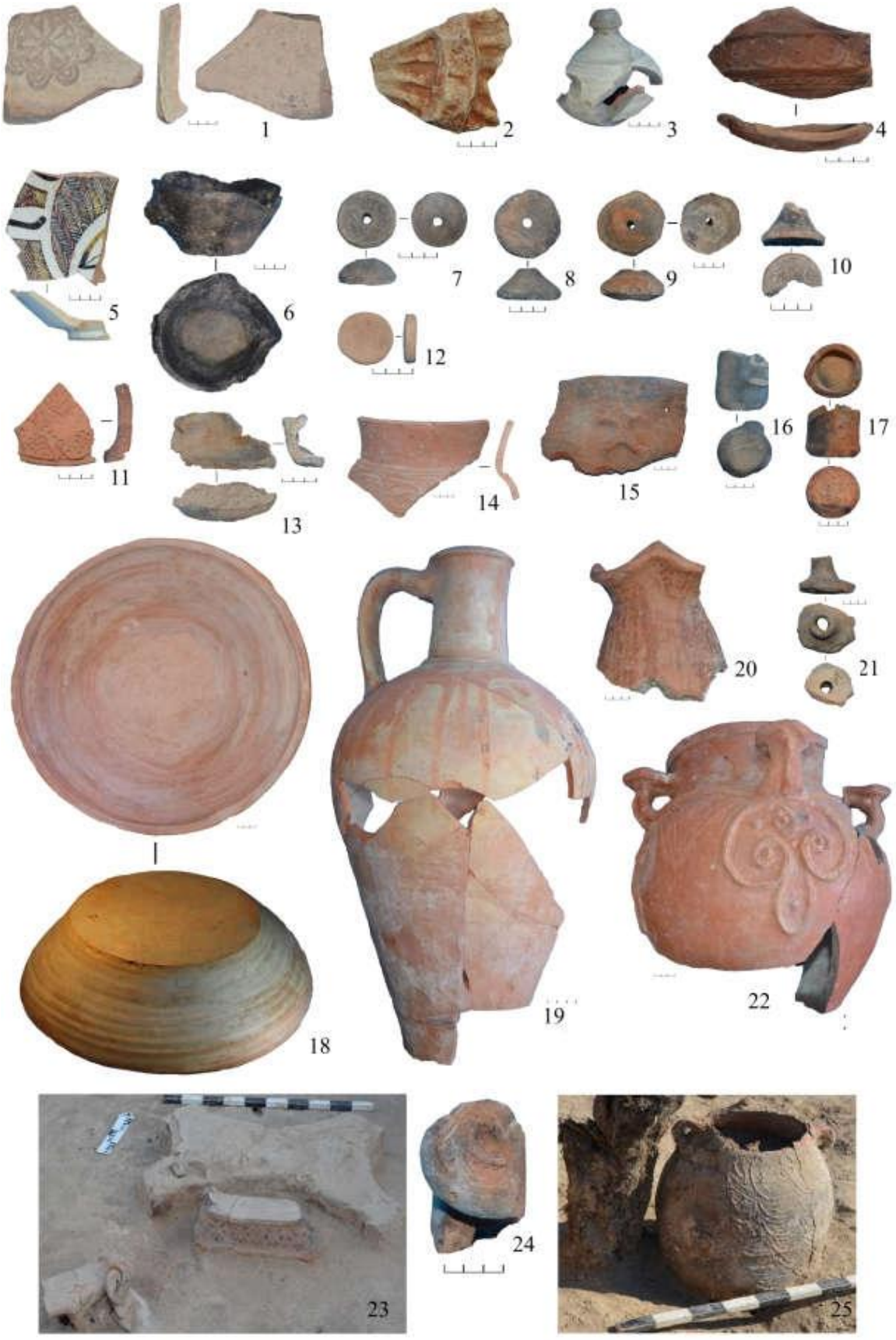


Рисунок 1. Керамический материал с городища Сортобе



Рисунок 2. Керамика (1-7,18) и изделия из разного материала (8-17,19-35) с городища Сортобе

Билалов С.У.
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Казахстан.
Тажекеев А.А.
Кызылординский государственый университет имени Коркыт Ата,
НИЦ "Археология и этнография"
Кызылорда, Казахстан.
Дарменов Р.Т.
Научно-исследовательский институт "Национальное достояние"
при РГКП "Национальный музей Республики Казахстан"
Астана, Казахстан.

УДК 303.436 (574.54)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ ДЖАНКЕНТ (2010-2017 гг.)

Ключевые слова: городище Джанкент, средневековье, оборонительные сооружения, архитектурные традиции, городская культура.
Keywords: ancient settlement of Dzhankent, Middle Ages, defensive structures, architectural traditions, urban culture

Жанкент является самой известной из группы так называемых средневековых "болотных городищ" расположенных в районе низовьев Сырдарьи. Сам термин "болотные городища" в научный оборот был введен начальником Хорезмской Археолого-этнографической экспедиции (далее ХАЭЭ) академиком С.П.Толстовым в конце 40-х годов прошлого века (Толстов, 1962. С. 198-200). "Болотные городища" распологались на древней дельте ограниченной с севера Сырдарьей, с запада Аральским морем, и с юго-востока полосой болот и камышевых плавней старого русла Сырдарьи - Куандарьи. В 1946 году местность была обследована летной разведывательной группой ХАЭЭ, в ходе рекогносцировочных работ была проведена аэрофотосъемка памятников, сделаны предварительные описания городищ, сняты глазомерные планы и собран подъемный материал (в основном керамический) (Рис. 1.) Полученный керамический материал с городищ, позволил С.П.Толстову датировать памятники как существовавшие с античного периода непрерывно до X-XI вв. (Толстов, 1947. С.63).

После разведывательных работ 1946 года археологические исследования велись только на самом большом из "болотных городищ " - Кескен Куюк-кале 1963 году сотрудниками ХАЭЭ Б.И. Вактурской и Н.Н. Вишневской (Аржанцева, Рузанова 2011. С.394). Полномасштабные археологические работы на памятниках начались только в 2005 году на городище Жанкент (КГУ им. Коркыт Ата совместно с ИЭА РАН и ИА МОН РК), которые продолжаются до настоящего времени (Аржанцева, Тажекеев 2014), и с 2008 года на городище Кескен Куюк-кала (ИА МОН РК под руководством К.М.Байпакова).

Городище Джанкент ("Янгикент" в переводе с тюркского "Новый город") - наиболее изученное из всех "болотных" городищ. Джанкент имеет длительную историю исследования которая начинается с середины XVIII в. Многие исследователи отождествляют развалины этого городища с историческим городом Янгикент, которая упоминается в нескольких средневековых письменных источниках.

При описании нижнего течения реки Шаша (Сырдарьи) средневековый арабский историк ал-Идриси (XI в.) упоминает о Новой Гузии. Новой Гузией именовался город Янгикент (Жанкент, Джанкент), располагавшийся в нижнем течении реки Сырдарьи. В средневековых арабских и персидских письменных источниках Джанкент упоминается под несколькими названиями, которые в переводе означают «новый город»:

1. Янгикент – тюркское название: *янги* – новый, *кент* – поселение, город (Бектаев, 2001. С. 180.);

2. Ал-Карьят ал-Хадиса, ал-Мадина ал–джадида – арабское название: *карьят, мадинатун* – город, *хадисун, джадидун* – новый;

3. Дих-и-нау – персидское название: *дих* – селение, *нау* – новый (Бартольд, 2002. С. 61.).

Современное название памятника Жанкент (в русской транскрипции Джанкент) происходит от тюркского «Янгикент». «*Жан*», измененная форма прилагательного «*жана*», переводится, так же как и «*янги*» - новый (Курманкулов, Аржанцева и др., 2006. С.29.).

Возникновение этих названий, по мнению К.М. Байпакова, связано с захватом огузами политической гегемонии в присырдарьинских степях (Байпаков, 2007. С. 52.).

Выбор Новой Гузии в качестве политического центра огузской державы был обусловлен многими обстоятельствами: это и выгодное географическое расположение Янгикента на стыке с крупными земледельческими оазисами Казахстана и Средней Азии, и то, что Новая Гузия служила коридором, соединявшим огузские степи с Хорезмом, Мавереннахром и Хорасаном. Янгикент лежал на важном караванном пути через кимакские степи в долину Сарысу, Ишима и Нуры. Дорога соединялась с торговыми путями, ведшими в Сыгнак и на Южный Урал (Агаджанов, 1969. С.134.).

Одним из первых письменных источников, в котором упоминается городище Джанкент, является сочинение арабского историка Ибн-Русте «Китаб ал-а'алак ан-Нафиса», написанное в X в. Автор, описывая нижнее течение Джейхуна (Амударьи), пишет: «… на западном его берегу - горы, называемые Сиякух, на восточном – заросли, переплетающихся между собой деревьев; через них почти невозможно пройти или проехать, по дорожке, по которой ходят дикие кабаны, и (по дороге) к северному концу берега, ездит царь населения называемого Новое селение» (МИТТ, 1939. С. 150.).

Ал-Масуди, арабский историк и географ, в своем сочинений «Китаб мурудж аз-захаб», написанном в 947 г., сообщает о Новом городе (ал-Медина ал-Джадида), которые живут мусульмане (МИТТ, 1939. С. 166.).

Персидский географ Ибн Хаукал в книге «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик» пишет о реке Шаша, которая проходит в фарсахе от Нового Селения и впадает в Хорезмское озеро (Аральское море) в двух днях пути от него, и по ней во время мира и перемирия возили продовольствие в Новое Селение. «В Новом Селении живут мусульмане, - писал Ибн Хаукал, - и вместе с тем – оно столица государства гузов. Вблизи от него (находится) Дженд и Хора, в обоих живут мусульмане, а власть принадлежит гузам. Самое большое из трех мест – Новое Селение, оно находится в 10 днях пути от Хорезма и в 20 днях пути от Фараба» (МИТТ, 1939. С. 184.). В последних публикациях К.М. Байпаков высказал мнение о том, что Хора соответствует одному из «болотных городищ» либо Кескен Куюк-кале, либо Куюк-кале (Байпаков, 2007. С. 52.).

Ал-Макдиси пишет о трех городах, лежащих на берегу реки Чача. По его сообщению эти города, Дженд, Харэ (Хварэ), Дих-и-Нау, расположены от Хорезма в 10 переходах, от Фараба в 20 переходах, а князь гузов зимой находится в городе Дих – и – Нау (МИТТ, 1939. С. 217.).

В письменных источниках, написанных в XIV в. Рашид ад-Дином и Джувейни, есть сведения о существовании Джанкента во время монгольского нашествия. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина сохранился «Рассказ о походе царевича Джочи на Дженд и Янгикент и об их завоевании». В нем говорится, что после взятия Дженда монгольские войска двинулись в сторону Янгикента, и, завоевав его, посадили там (своего) правителя (Рашид ад-Дин, 1952. С. 199.). Об этом событии повествует и Джувейни, но в его сведении Янгикент встречается под названием Шехркент. Янгикент, существовавший в XIII в. и завоеванный монгольскими войсками по Рашид ад-Дину, скорее всего, был город, расположенный в 600 м восточнее от самого городища Джанкент, который нынешнее время местными жителями называется Мынтобе.[13]

По заключению С.П. Толстова " ... материал позволяет утверждать что эти городища (Куюк-кала, Кескен Куюк-кала, Джанкент) существовали непрерывно со времен античности, по меньшей мере с начало нашей эры до IX-X столетий...". Однако, по словам С.П.Толстого из трех городищ только Джанкент в конце IX в начале X века "заново укрепляется по хорезмийскому" типу (Толстов, 1947. С. 68). Эта версия подтверждается и результатами исследований последних лет, которые показывают, что городище Джанкент доживает до IX – первой половины X в. (Аржанцева, Тажекеев, 2014.)

Городище расположено в 1,5 км от аула Уркендеу Казалинского района, Кызылординской области (рис. 2.). Размер площади памятника, согласно топографической съемке 2005 года - 375 (420) х 225 м (рис. 3.). Памятник имеет "Т" - образную форму, вытянутую с востока на запад, со значительным расширением в восточной половине. Стены построены из *пахсы*.[14] Они хорошо

[13] Мынтобе (каз.) при переводе означает «Тысячи холмов» (мың – тысяча, төбе - холм).

[14] Пахса – блоки и слои глины, смешанной с водой и органическими и растительными добавками, чаще всего с рубленной соломой (саманом).

сохранились лишь в восточной части. Вдоль них видны следы башен, расположенных друг от друга на расстоянии 25 - 40 м. Ворота находятся по центру восточной и западной стен. Посередине восточной стены находится хорошо сохранившееся предвратное сооружение в виде полукруглого выступа стены около 15 м длиной (с юга на север), с воротами перпендикулярными стене, на северном конце. Выступ фланкирован двумя выносными башнями. Северо-западный угол города занимает цитадель - возвышение квадратной формы, размером 110 х 110 м. Городище разделяет на две части главная улица, идущая с запада на восток параллельно внешним стенам. По характеру рельефа визуально выделяются плотно застроенный северный участок городища и значительно менее застроенный, ровный и низинный южный участок. В северо-восточном секторе городища прослежен примыкающий к северной стене прямоугольный холм размером 60 х 70 м и высотой около 3-4 м. К северной стене с внешней стороны примыкает огражденная невысокими валами полукруглая в плане территория.

Историю изучения низовьев Сырдарьи можно рассматривать, выделив пять этапов:

начальный этап (с середины XVIII века по 1895 г.);

период деятельности Туркестанского кружка любителей археологии (с 1895 года по 1917 г.);

период становления советской археологической науки (с 1917 г. по 1941 г.)

исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (с 1946 г. по 90-е гг.);

современные археологические исследования в низовьях Сырдарьи, начавшиеся в 2005 году.

В данной статье мы рассмотрим только последний период исследования Восточного Приаралья, в частности городища Джанкент.

Стационарные археологические исследования на городище Джанкент ведутся вот уже более 12 лет. Первые два года (2005-2006 гг.) исследований на памятнике работала казахстанско-российская археологическая экспедиция, по трехстороннему договору между Кызылординским государственным университетом им. Коркыт Ата (Казахстан), Институтом Этнологии и Антропологии РАН (Москва, Россия) и Институтом Археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК.

Начиная с 2007 года по сегодняшний день на городище работает совместная международная археологическая экспедиция состоящая из научных сотрудников КГУ им. Коркыт Ата и ИАЭ РАН, также на исследовательские работы на городище Джанкент в разные годы приглашались научные сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова (2012-2014 гг.), Института Георграфии РАН (2012), Варшавского университета (2015) и с 2011 года на постоянной основе в археологических работах принимает участие профессор археологии Тюбингенского университета Эбергарда и Карла Генрих Харке.

За время исследовательских работ международной экспедиции было опубликовано два сводных отчета (2007, 2010) по работам на памятнике, более трех десятков статей по результатам исследований на Джанкенте на русском, казахском и английском языках, издана книга «Комплексное исследование городища Джанкент: работы 2011-2014 гг.» (Алматы, Арыс, 2014) и книга-альбом «Цивилизации, затерянные в песках» (Астана, 2013). Материалы, полученные в ходе работ на Джанкенте представлены были на многих конференциях в России, Казахстане и Европе.

В 2011 году работы на Джанкенте проводились в рамках гранта «The Origin of Early Mediaeval Towns in South-Western Kazakhstan: The Case of Dzhankent» (номер гранта ICRG – 104), финансируемого «Wenner Gren Foundation», в 2012-2014 в рамках проекта «Роль городов низовьев Сырдарьи в этнокультурных связях в средневековье (городище Джанкент)» (номер гранта №1984-ГФ Министерство образование и науки РК). А также в 2014 году исследования проводились в рамках проекта «Культурный слой как информационная система: междисциплинарные исследования раннесредневековых поселений Евразии», поддержанного РФФИ[15] (номер гранта 14-06-00348).

В 2014-2017 гг. исследования проводилась по теме «Археологические исследования на городище Жанкент, Казалинского района Кызылординской области» по заказу Государственное коммунальное учреждение «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области управления культуры, архивов и документации Кызылординской области».

В 2011 году в рамках проекта, поддержанного «Wenner Gren Foundation», на Джанкенте был проведен международный полевой семинар «Early medieval urbanization and state formation east of the Aral Sea», в котором приняли участие казахские, российские, немецкие и английские ученые.

За 12 лет археологических исследований на памятнике вскрыто более 1500 м². Работы ведутся в одном стратиграфическом и на трех основных раскопах:

[15] Российский Фонд Фундаментальных Исследований

Раскоп 1 – жилой квартал в восточной части городища;

Раскоп 2 – северо-восточный угол Цитадели и Северная оборонительная стена;

Раскоп 5 – южная оборонительная стена;

Раскоп 6 – юго-западный угол цитадели.

Проведен комплекс почвенных и геофизических исследований. Начаты большие работы по изучению керамического комплекса и комплекса костей животных. Получены чрезвычайно интересный данные, которое многое добавили к истории «болотных городищ» низовьев Сырдарьи. Постепенно проясняются сложная структура этого памятника, этапы его формирования время его функционирования и запустения. Учитывая ограниченные возможности ведения раскопок широкими площадями в настоящее время, мы привлекали к работам геофизиков, неразрушающие методы которых дали интереснейшую информацию и помогли ответить на многие вопросы. Но еще больше вопросов остаются пока без ответа.

Недавно разработанная Г.В. Шишкиной и О.Н. Иневаткиной типология поселений западных земель Самаркандского Согда по морфологическим признакам определяет город, как «структурно развитую агломерацию, обладающую комплексом разнообразных функций, частично выраженных морфологически: четкие границы, фиксируемые валами внешней линии обороны; укрепленный административный центр; холмы монументальных зданий; свободные пространства – площади» (Шишкина, Иневаткина, 2012, с. 33-38.). Используя эту типологию, мы отнесли Джанкент к типу 1.2 - город укрепленный с цитаделью в черте городской ограды (стены). Далее нас интересовали такие вопросы, как внутренняя планировка памятника, ее прототипы и аналогии, как и прототипы и аналогии форм и расположения Цитадели. В ходе работ подтвердились предположения, высказанные С.П. Толстовым, а вслед за ним существенно дополненные Л.М. Левиной и Б.И. Вайнберг, о сильном влиянии соседнего Хорезма, прежде всего в общей планировке города и в керамическом комплексе (Толстов, 1947. С. 68). Скорее всего, позднейшую перепланировку и связанные с этим строительные работы осуществляли хорезмийцы. Судя по небольшому, но устойчивому проценту хорезмийской керамики (около 15%), вполне вероятен и определенный процент выходцев из Хорезма, находившихся постоянно в Джанкенте. С помощью раскопок, топографических съемок, сопоставлений снимков аэрофото и космических, с помощью магниторазведки и тахеометрии мы более или менее представляем себе общую внутреннюю планировку памятника.

Ближайшие свои аналогии планировка Джанкента находит в Хорезме. В первую очередь, это городище Топрак-кала, которое дает ближайшие аналогии для Джанкента по внутренней планировке и расположению Цитадели. И хотя Топрак-кала датируется более ранним периодом, сравнение планировочных особенностей двух памятников вполне правомерно, т.к. очевидно, что пространственно-планировочная модель, использованная в поздней перепланировке Джанкента, сформировалась гораздо раньше. Как отмечали исследователи Топрак-калы: «Одной из закономерностей, наблюдаемых в среднеазиатской античной фортификации и градостроительстве, является стремление строителей придать городам и тем более крепостям строго геометрическую конфигурацию и регулярную планировку» (Толстов, 1948. С. 119-123). Нижний город, примыкающий к Цитадели (в западной части городища), так же, как и на Топрак-кале, делился правильной сеткой улиц на 8 кварталов (размерами 100Х30 м), лежавших по обе стороны центральной улицы, шедшей от единственного входа на востоке к середине западной стены (вернее, упирающейся в юго-восточный угол Цитадели). Данные магниторазведки, проведенной на участке жилого квартала около Цитадели, подтвердили такую планировку.

Цитадель Джанкента, так же, как и цитадель (дворец) Топрак-калы, располагалась в углу крепости (в обоих случаях в северо-западном углу). Согласно мнению историка среднеазиатской архитектуры В.А. Лаврова, угловые цитадели, появившись в античный период (например, Базар-кала – IV в до н.э.), стали наиболее предпочтительны в раннесредневековый период (Лавров, 1950, С. 40)[16]. С ним, однако, не согласна Е.Е. Неразик, считающая, что и в ранее средневековье цитадели (кёшки) могли располагаться в любой части памятника (здесь речь идет об усадьбах Беркут-калинского оазиса афригидского периода. «Донжон может быть расположен в центре усадьбы, вне ее, в углу или в середине одной из стен. В крупных замках он чаще всего находился посредине двора». Но заметим, что здесь речь идет о таком характерном типе памятников, как сельские замки-усадьбы, которые

[16] В.А. Лавров одним из первых обратил внимание на такую планировочную особенность поселений, которая начала проявляться где-то к IV в н.э., как «разделение основного массива жилых комнат от повышенной части в одном из углов основного массива». Возможно, это своеобразный прототип угловых цитаделей.

формировались и развивались по своим законам, отличным от тех, по которым строились большие города-крепости. И если в замке-усадьбе местоположение донжона зависело от того, как перестраивался, или укреплялся замок (так что положение донжона относительно внутреннего пространства усадьбы могло меняться в ходе этой перестройки), то помещение Цитадели в угол города-крепости, который сооружался по единовременному плану (как Топрак-кала и Джанкент) имело свой смысл. Исследователи Топрак-калы также задумывались о таком положении Цитадели-дворца: «Расположенный в северо-западном углу цитадели дворец …вошел огромным бастионом в систему укреплений города и мог, таким образом, участвовать как в общей его обороне от внешнего врага, так и в случае нужды оказать сопротивление врагам внутренним. Пристроенный к южному фасаду дворца …. огромный массив башни недвусмысленно «смотрел» в сторону города» (Рапопорт, Неразик, 1984, с. 195-200.). Цитадель Джанкента, конечно, не столь монументальная, как цитадель Топрак-калы, вероятно, наделялась теми же функциями: она была не только частью оборонительной системы города и возможной резиденцией правителя, но и могла в случае необходимости послужить убежищем правителя в случае внутренней смуты. По данным тахеометрической съемки вокруг Цитадели наблюдается ров, хорошо выраженный не только с внешней стороны Цитадели, но и с внутренней, со стороны города.

И если внутренняя планировка западной части памятника вместе с Цитаделью близка топрак-калинской, то общая конфигурация памятника с Т-образным расширением восточной части чрезвычайно напоминает усадьбу № 136 афригидского периода Беркут-калинского оазиса в Хорезме, с той лишь разницей, что усадьба гораздо меньше и не имеет донжона. В восточной части Джанкента нет регулярной планировки, здесь визуально и по космическим съемкам определяются несколько крупных холмов, вероятно, жилых кварталов или даже городских усадьб. Именно здесь исследуется один из холмов – жилой квартал (Раскоп 1). А так же в этой части при помощи почвенных анализов, фитоиндикации и электротомографии было определено место довольно крупного водоема, скорее всего искусственного происхождения.

Археологические материалы с усадьбы (Раскоп 1) позволяют утверждать, что в ранний период строительства, здесь проживало большая семейная община единой в производственном и потребительском отношении. В более поздний период происходит внутренние дифференцирование, во всяком случае, в потребительском отношении, что привело к разделению на мелкие семьи.

Причина разделение усадьбы на многочисленные жилые комнаты, можно связывать с вхождением Приаралья в экономические отношения с государствами Средней Азии и Казахстана. Торговые пути, обращение денежных средств, привело к накоплению расслоению первичных патронимов на отдельные мелкие семьи.

Однако, по этнографическим материалам можно утверждать, что данной усадьбе проживали близкородственные семьи. Так, нечто подобное существовало еще недавно и у таджиков Каратегина и Дарваза. Исследователи зафиксировали там общинно-родовую организацию — каум (Неменова, 1966, с. 67.). Она состояла из нескольких родственных семей, происходивших от общего предка. В большинстве случаев возникновение каума определяется за 4—5 поколений. Его название часто происходит от имени основателя, а иногда от его профессии. «Члены одного каума и до настоящего времени связаны участием в радостных и печальных событиях семейной жизни, обязаны взаимопомощью друг другу. Кладбища во всех кишлаках Дарваза и в ряде мест Каратегина до сих пор делятся на родовые участки, где каждый каум хоронит своих родственников».

Исследователи, занимающие эволюция типов поселений смогли проследить и эволюцию большой семьи. По Н. А. Кислякову, намечены следующие этапы развития;

Кишлак-дом или кишлак-хутор, заселенный большой патриархальной семьей;

Кишлак-квартал, заселенный несколькими семьями, обычно относившимися к одному кауму;

Много-квартальный кишлак, в каждом из кварталов которого прослеживаются родственные связи;

Кишлак, где проследить родственные связи уже нет возможности. (Кисляков, 1936, с. 100-102.).

Сходные типы поселений зафиксированы у казахов, туркмен, киргизов (Абрамзон, 1971, с. 191-192.), великороссов, южных славян и других народностей (Косвен, 1963, с. 107-109, 169.) - всюду, где прослеживаются признаки семейно-родственных (агпатических) групп, или патронимии.

Исходя из сказанного, есть, как мы полагаем, все основания считать, что на усадьбе № 1 городища Джанкент IX-X вв. запечатлели следы существования в земледельческих общинах вышеназванных групп. Можно полагать, что в той мере, в какой топография усадьбы служит

источником для реконструкции общественных отношений и отражает структуру общины и семьи, выявить разные этапы развития.

Мы предполагаем, что на архаическом этапе возникновение города Жанкент, население построивший усадьбу № 1 была единая большая семья – род, где имущество составляло коллективную собственность всей патронимии. С течением времени имущество, все земли, в первую очередь пахотные, делятся по семьям. Например, можно сопоставить со старинными формами патронимии, например у адыгов, когда пахотные земли находились в неразделенном владении патронимии в целом, а урожай поступал в общие закрома и затем делился по семьям (Косвен, 1963, с. 195-196.).

Быстрый рост торговых отношениях в городской среде, привело к переустройству усадьбы №1, на смену родовому дому в поздний период, мы видим множество небольших жилых комнат для моногамной семьи.

Что касается полукруглого аппендикса, примыкающего с внешней стороны к северной стене, то назначение его не вполне ясно. Шурфовка, почвенные анализы и электротомография не показали здесь наличие хоть сколько-нибудь значительного культурного слоя (было обнаружено лишь несколько костей животных) или внутренних построек. Из всех предположений наиболее вероятным кажется то, что это был загон для передержки скота, предназначенного для дальнейшей продажи (Аржанцева, Тажекеев, 2014.).

Почвенные исследования, проведенные на памятнике, также дали интересную информацию о структуре культурного слоя Джанкента, о хозяйственной деятельности населения и климатических особенностях, в которых протекала жизнь города. Совокупность проведенных анализов указывает на отсутствие какой-либо интенсивной нагрузки на исследованные участки верхних жилых уровней памятника[17], помимо селитебной, ведущей к небольшому накоплению остаточных продуктов, связанных с органикой животного происхождения (продукты метаболизма человека и животных, а также продукты питания животной природы). Селитебное использование этих участков, судя по незначительному изменению химического состава и микологических характеристик, было не очень длительное, либо малоинтенсивное, но возрастало с глубиной культурного слоя. Что косвенно подтверждает нашу гипотезу, высказанную еще раньше, что фортификация и видимые на поверхности сооружения Джанкета были возведены поверх более ранних слоев интенсивного обживания. Наиболее существенная аккумуляция химических элементов, связанных с обживанием территории, обнаруживается в нижних пристенных слоях Цитадели. Здесь отмечается существенное накопление элементов, обусловленных присутствием костного материала: кальций-фосфор-стронций. Содержание фосфора возрастает в 1,5-2 раза по сравнению с верхней частью культурного слоя. В составе микробиоморф нижнего уровня присутствует значительное количество крупного травянистого детрита, немного меньше древесного. Основная часть материала взятых здесь образцов – это естественно разложившаяся органика без признаков горения (обугленности). В составе фитолитного комплекса единично встречены формы, характерные для тростника, степных и культурных злаков. То есть, на данном месте разлагались значительные объемы органики, в основном разные травы, включая тростник (камыш). При анализе всех жилых поверхностей нижнего уровня пристенных слоев (уровень 6) городища Джанкент установлено значительное присутствие и разнообразный состав кератинолитических грибов, которые являются индикатором мест накопления кератинсодержащих субстратов – на шерсти и щетине домашних животных, в местах обитания диких животных и содержания скота, на остатках шерстяных изделий, домашней обуви, на волосах и эпителии человека, в бытовых отходах. Специализированные анализы позволили также определить содержимое горшков, вкопанных в землю возле тандыра (очага) в нижней части Раскоп 2. Проведенные анализы показывают, что очаг, рядом с которым обнаружены артефакты в виде горшков, использовали, скорее всего, для приготовления специфической продукции, не пищи, предположительно, лекарственных или косметических смесей. При исследовании нижних слоев в шурфе 1 специализированные анализы показали, что интенсивность бытования человека в период формирования нижних слоев на исследованном участке памятника была очень невелика. Наиболее интересные и важные выводы, сделанные при помощи почвенных исследований, следующие:

Жители города жили в более благоприятной, по сравнению с современной, среде обитания;

[17] Речь идет о верхних пристенных участках Цитадели со стороны восточной стены.

Регулярная встречаемость фитолитов тростника – типичного растения болот, берегов рек и озер – позволяет утверждать, что местность в период существования городища обладала существенно большими водными резервами, чем сейчас.

Наличие фитолитов степной и луговой растительности также свидетельствует о менее аридных, более комфортных ландшафтно-климатических условиях, по сравнению с современными, пустынными.

Присутствие кутикулярных слепков листьев культурных злаков позволяет предположить, что жители поселения занимались земледелием. Поскольку, если бы зерновые импортировались, то в культурном слое встречались бы только зерна, но не вегетативные части культурных злаков (Аржанцева, Тажекеев, 2014. С. 141-153.).

Несмотря на довольно интенсивные междисциплинарные исследования последних лет, мы все еще находимся лишь в начальной стадии исследования этого уникального памятника. На данном этапе исследования нам пока, мало известно о нижних, самых ранних слоях (они вскрыты лишь на небольшой площади в двух шурфах), жилых кварталах западной части, о внутренней планировке, стратиграфии и особенностях культурного слоя Цитадели, о конструкции ворот и предвратного сооружения, вынесенного за пределы стен города. К настоящему моменту накоплен огромный керамический материал, но только сейчас начинается разработка его типологии и исследование морфологических особенностей. Так до сих пор и не найден некрополь города, и существует большая вероятность того, что он находится под современным кладбищем которая находиться в 500-600 м северо-восточнее от памятника вплотную примыкая к аулу Уркендеу.

С 2016 года на городище Джанкент параллельно с археологическими исследованиями проводятся экспериментальные работы по консервации объектов, раскопанных во время археологических работ. За последние 10 лет выявлено что ряд археологических раскопов на городище, страдают от увлажнения в осенне-весенний период. В ходе исследования был сделан вывод, что археологические объекты и зоны раскопок пострадали от 6 главных процессов эрозии:

- Непосредственное воздействие дождей на конструкции;
- Циркуляция дождевой воды и ее скопление внутри конструкции;
- Циркуляция воды внутри структурных элементов;
- Сочетание влаги и ее замерзание в структурах сооружений;
- Произрастание растений;
- Присутствие людей.

Для каждого археологического объекта был предложен ряд мер для испытания в экспериментальном масштабе;

- Укрепление;
- Принятие мер, в отношении окружающей среды (зачистка, дренаж и т.д.);
- Обеспечение организованного оттока атмосферных осадков;
- Реставрации основания стен (заполнение швов между кирпичами)
- Восстановление и повторное оштукатуривание.

Консервационные работы проводились на двух объектах - на оборонительных башнях северной обводной стены (цитадели) городища, где была вскрыта и расчищена площадь размером 300 квадратных метров и над вскрытыми помещениями раскопа №1, над которым был сооружен временный деревянный каркас с металлической кровлей.

Для временной консервации объектов с помощью глины, были проведены предварительные испытания почв. Вокруг памятника Джанкент много глинистой почвы с высоким уровнем содержания солей. Прослеживается также большое разнообразие песков. Такое разнообразие ресурсов предоставляет много интересных возможностей для консервации.

Результаты проведенных опытов показали, что почва взятая вокруг памятника не подходят для консервации, в них очень высокий процент засоленности. Причина этого, сброс воды в весенний период, скопление дождевой воды и ирригация современных полей. При высыханий появляется трещины и отваливаются от древней стены. Исследования почв из отвалов более ранних раскопок, показало, что при длительном простаивания под открытым небом, глина и глинистые отложения отщелочилась, уменьшился соленость и в почве повысилась свойства цементирования (рис. 4, 5, 6, 7.)

Мы надеемся и в дальнейшем продолжить наши совместные усилия с тем, чтобы закрыть еще хоть небольшую часть «белого пятна», именуемого «болотные городища» в древней дельте Сырдарьи.

Литература:

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. - Ашхабад, 1969. - 297 с.

Аржанцева И.А., Рузанова С.А. **Исследование "болотных городищ": архивы и новые материалы. // Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий. Сб. статей в честь 60-летия Л.Т. Яблонского. - МИАР №13. М.: «Таус». 2010. 496 с.**

Аржанцева И.А., Тажекеев А.А. Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). - Алматы: Изд-во "Арыс", 2014. - 320 с.

Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана. // Известия НАН РК . 2007. № 1. С. 52.

Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. - М., 2002. - 612 с.

Бектаев ***К.*** Большой казахско-русский русско-казахский словарь. - Алматы: Алтын қазына, 2001. - 704 б.

Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А. Археологические работы на городище Жанкент (предварительные итоги). // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006. С 29.

Лавров В.А. Градостроительная культура Средней азии. - М.: Государственное Изд-во., Архитектуры и Градостроительства, 1950. - 177 с.

Материалы по истории Туркмен и Туркмении: VII-XV вв., Арабские и персидские источники. Том 1. М.-Л., Издательство Академия Наук СССР, 1939 - С. 612.

Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Топрак-кала. Дворец. Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции Т. XIV. - М.: изд-во «НАУКА», 1984. - 301 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. - М – Л., 1952. - 199 с.

Толстов С.П. Города гузов. // Советская этнография №3 - М.: Изд-во. АН СССР, 1947.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М.: Изд-во. Восточная литература. 1962. - 323 с.

Шишкина Г. В., Иневаткина О. Н. (Москва) — Западные земли Самаркандского Согда. Типология археологических памятников. // Проблемы истории, филологии, культуры (Journal of historical, philological and cultural studies). - 4 (38) Октябрь–Ноябрь—Декабрь. МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК. - 2012.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. - Л.: Наука, 1971. - 404 с.

Кисляков И.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-Боло. - М-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - 160 с.

Косвен М. О. Сельская община и патронимия. - М.: Наука, 1963. - 198с.

Неменова Р.Л. Население // Таджики Каратегина и Дарваза: Вып.1 / Под ред. Н.А. Кисляков, А.К. Писарчик . – Душанбе: Дониш, 1966. – 379 с.

Резюме

С.У. Билалов

Итоги археологических исследований на городище Джанкент (2010-2017 гг.).

Авторы в статье излагают итоги археологических исследований на средневековом городище Джанкент за последние 7 полевых сезонов. За более чем 12 лет археологических работ на городище, в составе международной археологический экпедиции в разные годы совместно с сотрудниками КГУ им. Коркыт Ата, работали научные сотрудники Российской Академии наук (Институт Этнологии и антропологии, Институт Географии), МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственного исторического музея (Москва) (РФ), Варшавского университета (Польша), Тюбенгенского университета (Германия), а также сотрудники Института Археологии им. А.Х. Маргулана (РК).

По итогам полевых и лабораторных исследований, получены новые данные памятника, показывающие например, что, при возведении оборонительных сооружений, широко использовался принцип заложения в основание стен клетей, которые подтверждают особенности строительных конструкций Джанкента, имеющие сходства с архитектурными традициями городской культуры Центральной Азии. Исследования жилого квартала, показывающий существование на нем двух строительных горизонтов, наличие богатой керамической посуды с различными орнаментальными композициями (растительный, бараний, геометрический), свидетельствует о симбиозе городских и кочевнических традиций в архитектуре, прикладном искусстве городища Джанкент.

Особое внимание уделено на результаты естественно-научных методов исследования, которые на памятнике проводили почвоведы Института Географии РАН, и сотрудники кафедры Мало-глубинной геофизики МГУ Ломоносова.

Summary

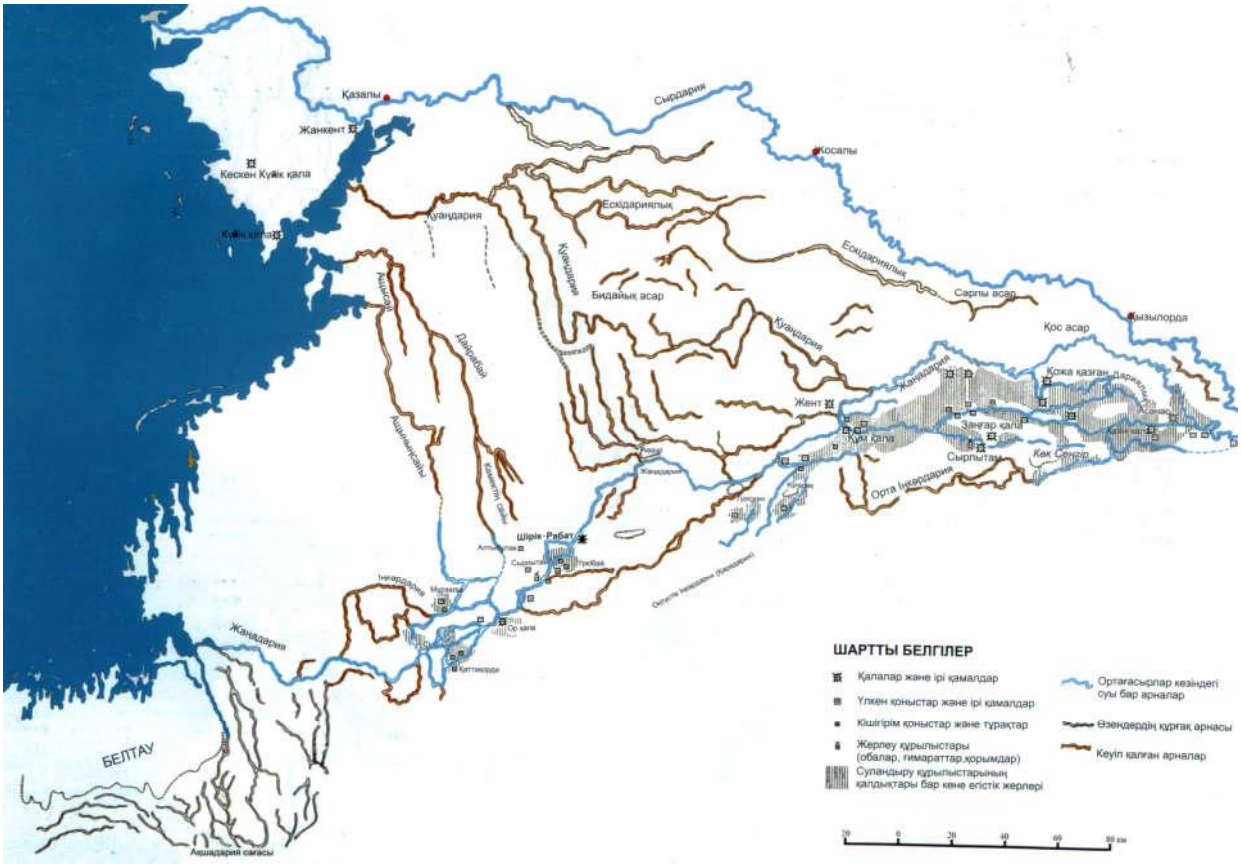
S.U. Bilalov

Results of archaeological research on the ancient settlement of Dzhankent (2010-2017).

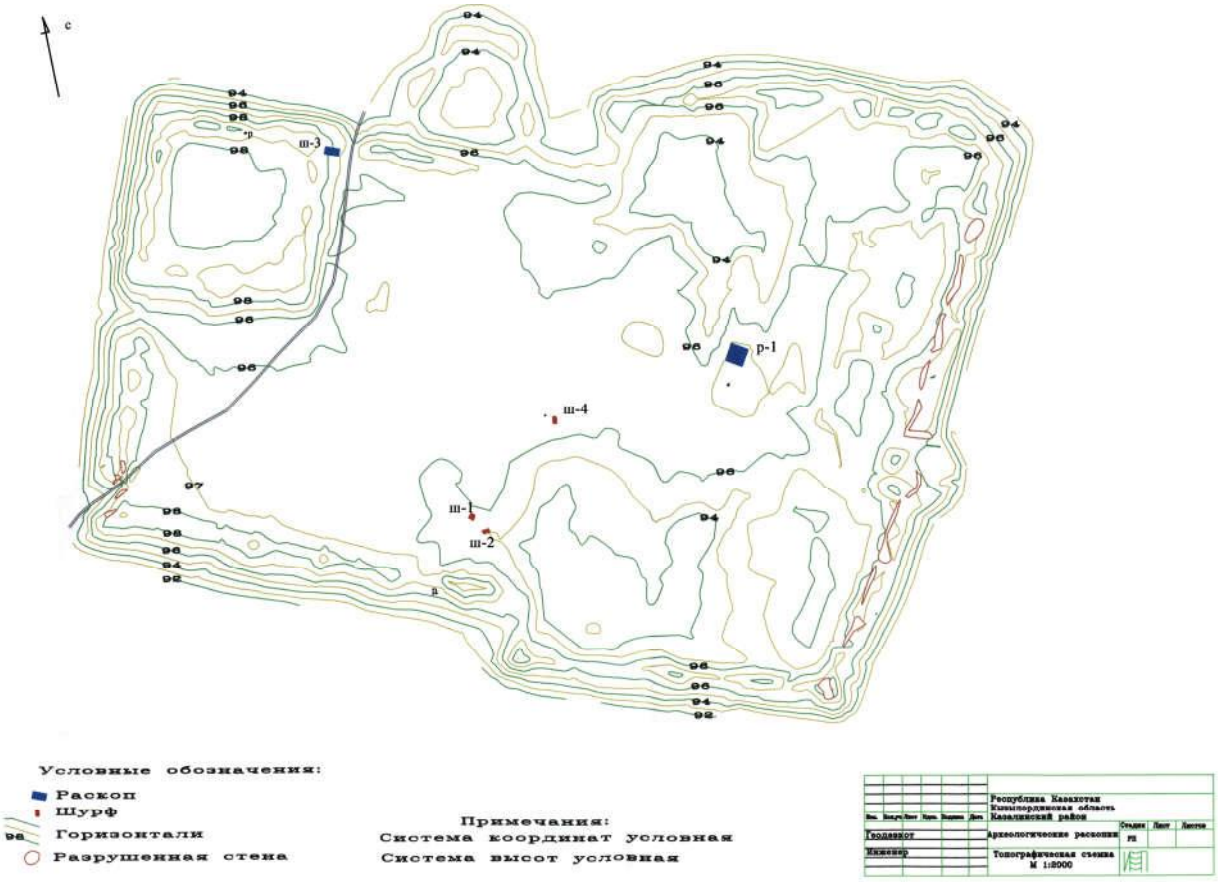
The authors describe the results of archaeological research on the medieval fortress of Dzhankent for the last 7 field seasons. For more than 12 years of archaeological work on the site of ancient settlement, as part of the international archaeological expedition in different years, together with the employees of KSU named after. Korkyt Ata, researchers from the Russian Academy of Sciences (Institute of Ethnology and Anthropology, Institute of Geography), MSU. M.V. Lomonosov, the State Historical Museum (Moscow) (RF), the University of Warsaw (Poland), the University of Tübingen (Germany), as well as employees of the Archeology Institute. OH. Margulan (RK).

Following the results of field and laboratory studies, new data of the monument were obtained, showing, for example, that when building defensive structures, the principle of laying the walls of stands was widely used, which confirm the features of Dzhankent's building structures that resemble the architectural traditions of urban culture in Central Asia. Researches of the residential quarter, showing the existence of two construction horizons on it, the presence of rich ceramic ware with various ornamental compositions (vegetative, mutton, geometric), indicates a symbiosis of urban and nomadic traditions in architecture, applied art of the ancient settlement of Dzhankent.

Particular attention is paid to the results of natural scientific methods of research, which were carried out by pedologists of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, and staff of the Department of Low-depth geophysics of the MSU Lomonosov.



1. Рисунок 1. Карта средневековых памятников Юго-Восточного Приаралья (сост. Тажекеев А.А.)



2. Рисунок 2. Топографический план городища Джанкент. 2005 г. (автор А.С. Черняев)



3. Рисунок 3. Джанкент с птичьего полета. Вид с востока



4. Рисунок 4. Джанкент. Раскоп №1. Временное каркасное соорружение над раскопом. Вид с запада.



5. Рисунок 5. Джанкент. Раскоп №2. Временное сооружение над раскопом. Вид с севера



6. Рисунок 6. Джанкент. Цитадель. Раскоп №2. Вид с птичьего полета.



7. Рисунок 7. Джанкент. Цитадель. Штукатурка оборонительных стен и башни.

Бочаров С.Г.
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация

УДК 903/904

ГОРОД КАФФА - ЗАПАДНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIII – XIV ВВ.

Ключевые слова: Великий шёлковый путь, Средиземноморье, Крым, Каффа, историческая топография.
Keywords: Great Silk Road, Mediterranean, Crimea, Caffa, Historical topography.

В зрелом средневековье западный сухопутный участок Великого шелкового пути заканчивался в приморских городах Сирии и Палестины. Но в XIII в. западная ветвь пути изменила свое направление и переместилась в города Северного Причерноморья и Крыма. Основной товарообмен между морской и сухопутной частями этой торговой артерии стал происходить через приморский город Каффа (современная Феодосия) в Юго-Восточном Крыму.

Средневековая Каффа - крупнейший город Северного Причерноморья, одна из важнейших генуэзских факторий (70-е гг. XIII в. - 1475 г.), административный и экономический центр Генуэзской Газарии. Достигнув быстрого развития между 1280 и 1300 гг. Каффа к середине XIV в. превращается в самый большой генуэзский торговый город на Черном море - центр слияния основных морских и сухопутных путей, соединявших Запад с Востоком.

Почему возник этот городской центр и в чем причина его богатства и быстрого роста? Ответ на эти вопросы следует искать именно в изменении маршрута западной ветви Великого шелкового пути и событиях, развернувшихся в причерноморских степях в XIII в. Перемены связаны с несколькими событиями: с распадом Византийской Империи в 1204 г, с вхождением Крымского полуострова в Монгольское государство (1249 г.), с появлением западноевропейских купцов в Черном море и созданием ими своих факторий, а также, с исчезновением государств крестоносцев на Ближнем Востоке. В 1204 г. с падением Византии венецианское правительство, основной инициатор нападения крестоносцев на столицу империи - Константинополь, получает разрешение на торговлю в Черном море, которое раньше было закрыто для латинян. В 1262 г. с возрождением Византийской империи император Михаил VIII Палеолог по условиям Нимфейского соглашения разрешает другим латинянам - генуэзцам свободно торговать на Черном море и предоставляет им торговые привилегии, одновременно запретив доступ к понтийским берегам купцам других средиземноморских государств.

В начале XIII в. начинается новый период и в истории степей Северного Причерноморья или Дешт-и-Кипчак. За более чем двухвековым господством половцев в степь приходят новая волна кочевников с востока. Монголы впервые появляются в Крыму в 1223 г. во время похода полководцев Чингизхана – Джебе и Субедея, следующее их появление в Крыму приходится на 1229 – 1230 гг. А уже с похода 1237 – 1238 гг. начинается непосредственное включение Крымского полуострова в состав монгольского государства. С созданием монгольской империи передвигаться по огромным пространствам евро-азиатских степей становиться безопасно, что существенно повлияло на развитие континентальной коммерции.

Таким образом, в Северном Причерноморье сошлись азиатский сухопутный и европейский морской торговые пути, превратив Крымский полуостров в центр, где соединились товарные потоки с запада и востока.

Генуэзская торговая фактория Каффа возникла в Восточном Крыму в 70-х годах XIII в., а в 1308 г. после осады города войсками хана Тохту была оставлена жителями. Этот опорный пункт для генуэзцев был временно потерян (Balard, 1989, p. 107 – 131). После смерти этого хана, коммуна Генуи отправляет 9 августа 1312 года посольство к его преемнику Узбеку, которое добивается разрешения на восстановление города Каффы (Balard, 1978).

Для управления делами торговых поселений в Северном Причерноморье в 1313 году в Генуе была создана специальная коллегия из восьми человек (Officium Gazarie). 18 марта 1316 года был принят план восстановления Каффы (Ordo de Caffa). План предусматривал строительство каменной крепости (castrum), запрещал застраивать пространство за крепостной стеной, прилегающее к дороге на Солхат, а также, разделение города на две зоны: территорию, окружённую крепостной стеной

(civitas) и местность за ее пределами, но входящую в границы города (burg) (Balard,Veinstein, 1981, p. 79 – 131).

Территория внутри крепости разделялась на участки, предназначенные для продажи с торгов для граждан Генуи, на которой они к концу 1320 года были обязаны построить дом. За крепостными стенами, все участки земли должны сдаваться в аренду под застройку представителям нелатинских общин городского населения и арендная плата за них должна вноситься в казну Каффы (Balard, 1978, p. 204). Население города всегда составляли представители различных народов и конфессий и, видимо, такой план восстановления фактории предполагал на случай конфликта отделить колонистов из Западной Европы от представителей восточных общин каменными стенами крепости.

После восстановления города генуэзские официалы поддерживают мирные отношения с правителями Золотой Орды, город переживает экономический подъем, связанный в первую очередь, с удачной торговой деятельностью, выгодной и Орде и Каффе. В первой половине XIV в., за счёт новых переселенцев, растёт население города, которое начинает занимать и осваивать участки земли к югу и западу от крепости. Городская территория подразделяется на кварталы (contrado). В свою очередь, контрадо группировались вокруг различных культовых памятников города и имели свою ярко выраженную этническую доминанту: латинскую, греческую, армянскую, еврейскую или тюркскую. Даты возведения церкви, синагоги или мечети, конечно, в том случае, когда они упомянуты в письменном источнике, дают возможность судить о времени занятия каждого конкретного участка городской территории представителями определённого народа.

В 1340 году начинается строительство каменной крепости (castrum) (Balard,Veinstein, 1981, p.87), внешний облик которой можно установить по картографическим источникам. Каструм охватывает всю площадь современного Карантинного холма, и равнинную территорию к югу от этой возвышенности. Общая длина крепостных стен около 1440 метров. Площадь городской территории, защищённая стенами - 11,3 гектаров (Бочаров, 2006, с.112-115). Застройка внутри крепости (civitas) занимает вершину Карантинного холма, северо-западный, северо-восточный (приморский) склоны, и ровное пространство на северо-западе (рис. 1).

В ходе военного конфликта между Золотой Ордой и Генуей (Сафаргалиев, 1996, с. 369) хан Джанибек дважды осаждает Каффу в 1344 и 1346 годах, но взять новую каменную крепость (рис. 1) его войскам так и не удается (Карпов, 1994, с. 123). В конфликте хан терпит поражение - изгнать латинян из города и ликвидировать их присутствие в Восточном Крыму ему так и не удалось. В следующее десятилетие с 1347 по 1357 гг. в военные конфликты стороны не вступали. Однако, уже в 1357 г. при преемниках Джанибека, администрация Каффы от обороны переходит к наступлению, и на Крымском побережье Чёрного моря от Чембало (Балаклавы) до Воспоро (Керчи) создаёт систему городов, крепостей и селений, подчинённых Генуе, которая получила название генуэзская Газария (Бочаров, 2016, с. 264; Бочаров, 2017, с. 57-58).

В последней четверти XIV в. Каффа состояла из трёх градообразующих частей: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели и называвшиеся цивитас, городские кварталы, расположенные в пределах внешнего оборонительного кольца - бург (burg) (рис. 2) и территория жилой застройки, расположенная за пределами крепостных стен - антибург (antiburg) (рис. 3).

Схема развития застройки городских кварталов за пределами цитадели - бурга иная, чем в цивитас. Здесь нет регулярной планировки. Хаотическая застройка бурга, по нашему мнению, тоже является следствием воплощения в жизнь норм “Ordo de Caffa”. Единственная градостроительная норма, относящаяся к бургу - оставить свободным и не застраивать обширное пространство со стороны дороги на Солхат, но эта мера была предпринята не для систематизации жилой застройки, а для ограничения этой застройки на северо-западном направлении от цитадели. Генуэзская администрация при восстановлении фактории предполагала отделить латинян от жителей других общин, мало заботясь о соблюдении правильных архитектурно-планировочных форм на территориях за пределами цитадели, которые застраивались хаотично во всех направлениях, исключая солхатское. Последующий пятидесятилетний бурный рост нового города, появление все новых групп населения, застраивающего новые площади не позволили это исправить (рис. 2). Общая площадь внутри оборонительного кольца 82 гектара, за вычетом площади цивитаса - 11,3 гектара, площадь городской территории занятой бургом составляет 70,7 га (рис. 2) (Бочаров, 2015а, с. 183).

Площадь городских предместий - антибурга около 43 гектаров. Антибург с запада и юго – запада примыкал к укреплённой городской территории и имел иррегулярную планировку (рис. 3). Такая планировка сложилась под воздействием фактора рельефа местности, при постоянном притоке нового населения, заселявшего свободные территории и имела плотную застройку. Городской пейзаж антибурга помимо рельефа складывался под влиянием размещения дорог на Солхат, Солдайю и

Воспоро (при которых возникали первые кварталы). Общая площадь городской территории к середине XV в. составила около 125 гектаров (Бочаров, 2000, с.18; 2015б, с. 812).

В 1383 году начинаются широкомасштабные работы по возведению внешнего оборонительного кольца. К 1389 году можно отнести завершение строительства крепостных сооружений оборонительного кольца, обращённых в сторону суши, о чем свидетельствует закладная плита башни, построенной у моря и находящейся рядом с Каядорскими воротами (Skrzinska, 1928, p. 56). Площадь вновь укреплённой городской территории составила около 82 га. Крепостное кольцо длиной около 5240 м (с учётом 600 м берегового участка цитадели), укрепляла приморскую часть города на протяжении 2070 м и опоясывала город со стороны суши на протяжении 3170 м (Бочаров, 1998, с. 90).

В Каффе проживали представители нескольких конфессий. В этот период в городском пейзаже доминировали христианские храмы трех основных конфессиональных массивов - католического, православного (византийского) и армянского. Также были два иудаистских храма, одна мечеть. Можно говорить о существовании в городе к 1475 году двадцати девяти католических церквей и двух монастырей - Францисканском и Доминиканском. Большая часть храмов находилась в цитадели, с уверенностью можно говорить о трех церквях находившихся в бурге и одной на центральном городском рынке (Бочаров, 2015б, с. 819). Из тринадцати греческих церквей двенадцать находились в кварталах защищённых внешнем оборонительным кольцом (Айбабина, Бочаров, 2000, с. 425-436) и одна на греческом средневековом кладбище на западном склоне мыса св. Ильи (Айбабина, Бочаров, 2002, с. 159-169). Армянская община владела двадцатью восемью храмами и четырьмя монастырями (Бочаров, 1996, с. 220-221). Двадцать две церкви находились в кварталах бурга, шесть храмов и все четыре монастыря в антибурге (Bocharov, 2009, p. 31).

Благодаря расположению на западном окончании Великого шёлкового пути и активному участию в международной и региональной посреднической торговле к концу XIV в. город Каффа достигает вершины своего развития. Это большой и развитый международный порт, где встречались товарные потоки следовавшие морем из Средиземноморского региона с изделиями доставляемыми караванами из Китая и Средней Азии. Торговый город Каффа за короткий промежуток времени превращается в крупнейший город Причерноморья как по площади территории так и по количеству населения.

Литература:

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Об атрибуции одной из средневековых церкви в Феодосии // Стратум Плюс. – Кишинев. – 2000. – № 5. – С 425 – 436.

Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие православные церкви средневековой Каффы // Православные древности Таврики. – Киев: Изд-во Стилос, 2002. – С 159 – 169.

Бочаров С.Г. Армянские церкви и проблемы исторической топографии Каффы (XIV–XVIII вв.) // Тезисы докладов IV Международной конференции студентов и молодых ученых. – Киев: Киево-Могилянская академия, 1996. – С. 220 – 221.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII - вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. – Спб. : Изд-во Алетея, 1998. – С. 82 – 117.

Бочаров С.Г. Историческая топография Каффы конец XIII в. - 1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2000. – 21 с.

Бочаров С.Г. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века // III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А.Федорова-Давыдова «Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне». – М. : Изд-во ГИМ, 2006. – С. 112-115

Бочаров С.Г. Заметки путешественников XIV – XV веков о городе Каффа // Поволжская археология. – Казань. – 2015а. – Вып. 4. – С. 172 – 189.

Бочаров С.Г. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. // Былые годы (Bylye Gody). – 2015б. – Vol. 38. Is. 1. – P. 808-824.

Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275 – 1475 гг. // Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». – Кишинёв: Стратум. 2016. – С. 263 – 269.

Бочаров С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между

Востоком и Западном: движение культур, технологий и империй». Под.ред. Н.Н. Крадина, А.Г. Ситдикова. – Владивосток: Дальнаука. 2017. – С. 57-63.

Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский Временник. – М. : Изд-во Индрик, –1994. – С. 121 – 127.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М. : Изд-во Евразия, 1996. – С. 277 – 526.

Balard M. La Romanie Génoise (XIII- début du XV e siècle). – Roma, Genova: Boccard, 1978. – T. 1. – 503 p.

Balard M. Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII–XV siècle) // D'une ville à l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII-XVI siècle). – Rome: École française de Rome, 1989. – P. 107 – 131.

Balard M.,Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génois et Ottomane // Le Paysage urbain au Moyen Âge. – Lyon: Persée, 1981. – P. 79 – 131.

Bocharov S. Ottoman mosques of the city of Caffa-Kefe (1475-1774) // The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Abstracts. – Krakow: Mangana museum, 2009. – P. 42.

Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // Atti della Societa Ligure di Storia Patria. – Vol. LV1. – Genova: Societa Ligure di Storia Patria, – 1928. – 141 p.

Резюме

С.Г. Бочаров

ГОРОД КАФФА - ЗАПАДНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIII – XIV ВВ.

Статья посвящена выяснению вопросов связанных с исторической топографией крупнейшего в Причерноморье города Каффы. Быстрый расцвет этого пункта с мультинациональным населением связан с изменением западной ветви Великого шёлкового пути в XIII в. Благодаря расположению на западном окончании этой тарнс континентальной коммерческой магистрали и активному участию в международной и региональной посреднической торговле к концу XIV в. город Каффа достигает вершины своего развития.

Summary

S. Bocharov

CITY OF CAFFA - WESTERN POINT OF THE GREAT SILK ROAD IN THE LATEST QUARTER OF 13 – 14 CENTURIES

This article about research of the Historical topography of the largest city in the Black Sea Region - Caffa. The fast growth of this point with multinational population associated with a change in the Western branch of the Great Silk Road in the 13th century. Due to the location on the Western end of this Continental commercial road and active participation in international and regional trade on the end of the 14th century city of Caffa achieved the high level of development.

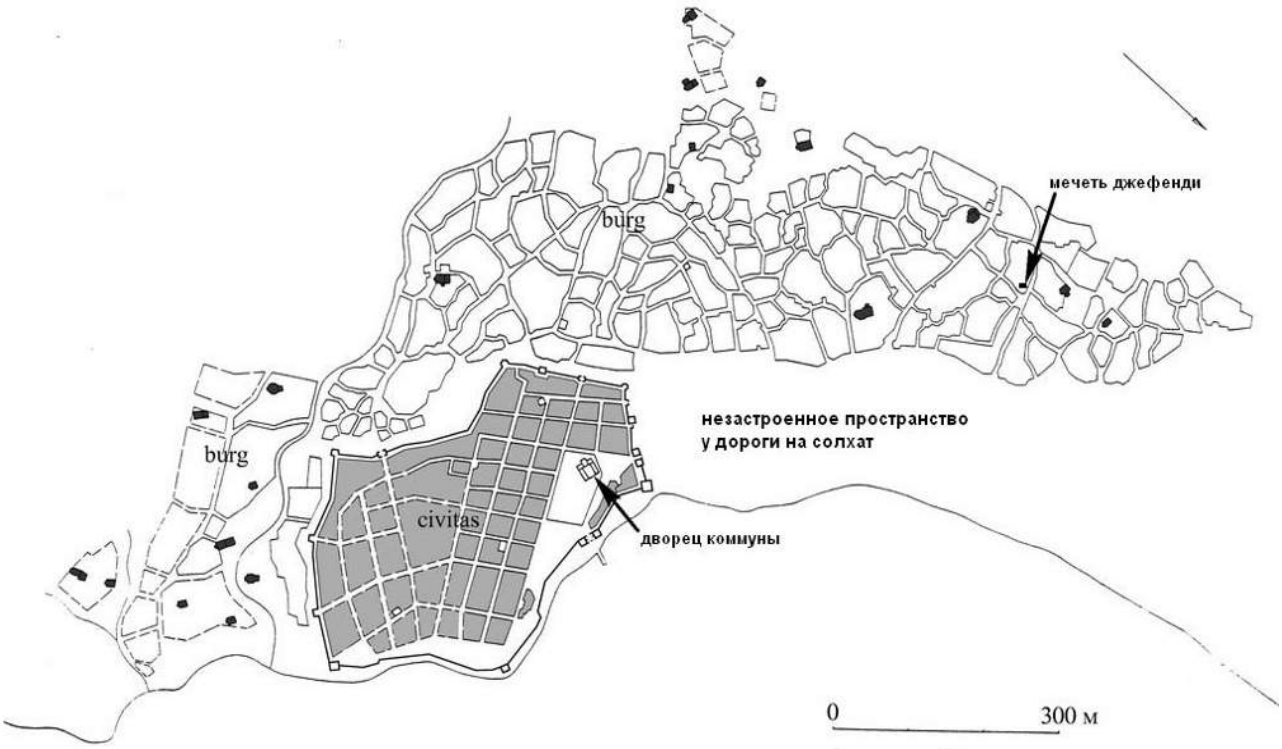


Рис. 1. Реконструкция планировки города Каффа к середине XIV в.

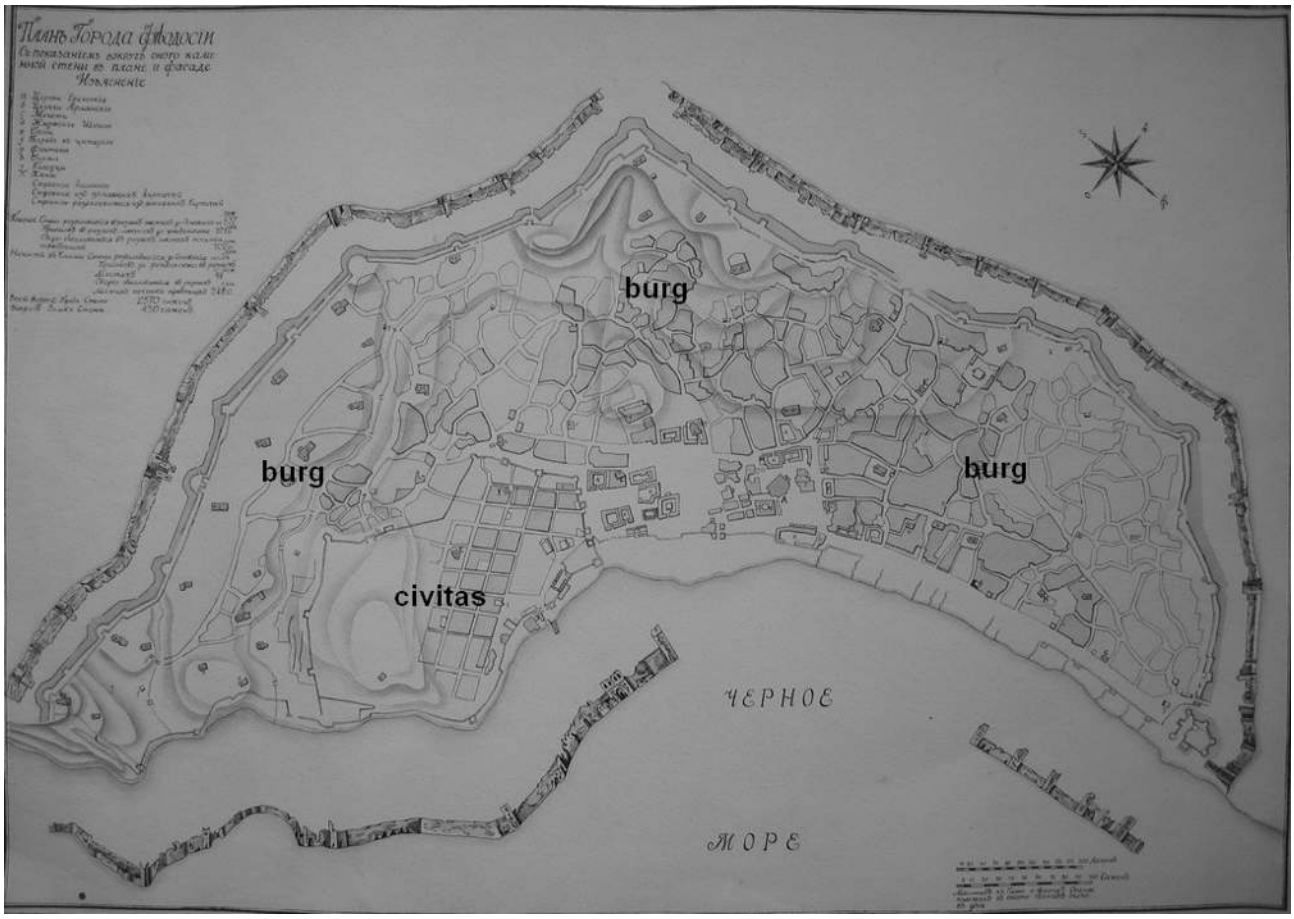


Рис. 2. План города Феодосия (конец XVIII в., Российский Государственный военно-исторический архив, Фонд 846, опись 16, дело 22729), на котором изображена городская планировка бурга Каффы - кварталов в пределах внешнего оборонительного кольца к концу XIV в.

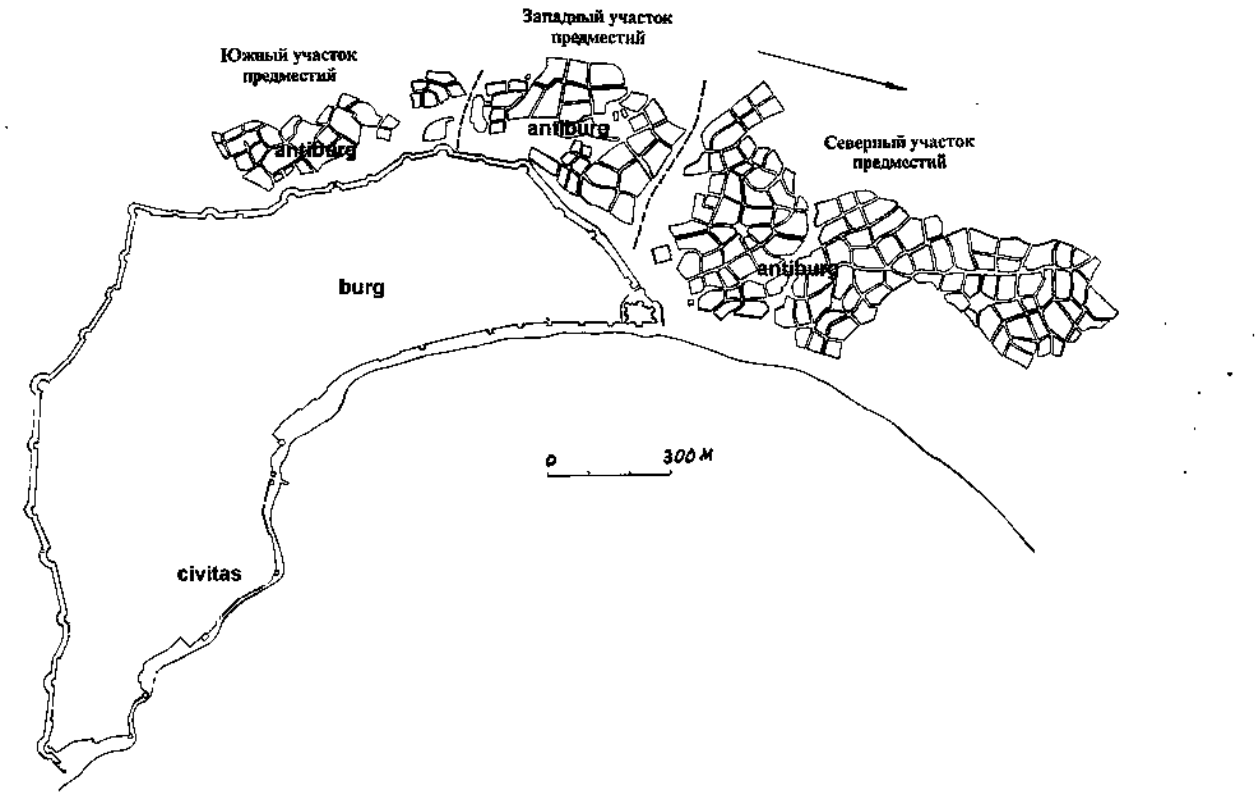


Рис. 3. Реконструкция планировки неукреплённого предместья (антибург) Каффы к середине XV в.

Буканова Р. Г.
Уфимский юридический институт МВД РФ
Уфа, Российская Федерация

УДК 29 (470.57)

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА МЕТОДОМ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: средневековый город, Южный Урал, Западный Казахстан, городище Уфа-II.
Keywords: medieval city, South Urals, Western Kazakhstan, ancient settlement of Ufa-II.

Современная археологическая наука вышла за пределы классического определения ее основной функции как науки о дописьменной древности, изучающей прошлое по вещественным источникам, значительно обогатившись за счет привлечения комплексов источников других наук: письменных, этнографических, антропологических, картографических и других. В частности, на стыке археологии и этнографии возникла такая отрасль науки как этноархеология, имеющая междисциплинарный характер. Археологи чаще стали проявлять интерес к вопросам, которые входят в предметную область экономической, военной истории, истории религии и культуры не только древности и средневековья, но и нового времени. Все это ставит перед археологами новые задачи, связанные с необходимостью изучения не только археологической литературы, но и общеисторических трудов по исследуемой проблеме, умения работать с письменными и другими видами источников. Особенно это важно при изучении средневековых городов, их локализации в пространстве и идентификации по сохранившимся письменным источникам. В противном случае ошибки неизбежны.

На примере изучения средневековых городов Южного Урала в данной статье ставится проблема сравнительного анализа археологического материала и письменных источников.

Города, как исчезнувшие, так и продолжающие свое существование на протяжении веков, представляют огромный интерес для исторической науки. Однако, если в недавнем прошлом интерес археологов был ограничен исследованием городищ как типа археологического памятника, то сейчас обращение археологов к письменным или картографическим источникам становится обычной практикой, раскрывающей широкие возможности для интерпретации и популяризации полученных данных.

Классическим примером является исследование городища Уфа-II группой археологов во главе с известным башкирским археологом Н. А. Мажитовым. Изучение городища Уфа-II «на сугубо археологическом материале» было начато еще в 1957-1958 гг. П. Ф. Ищериковым и Н. А. Мажитовым. Как вспоминал Н. А. Мажитов, «полученный материал уже тогда свидетельствовал в пользу того, что городище Уфа-II является одним из крупнейших археологических памятников обширного южноуральского региона эпохи Средневековья, а также давал повод рассматривать его в качестве крупного населенного пункта, функционировавшего в ранге политического и культурного центра» [10, с. 33]. Однако в то время ученые ограничились лишь подробным отчетом и описанием полученного вещественного материала. В связи с начавшейся застройкой данной территории в 2006 г. «в целях сохранения памятника археологии V–XVI веков н.э. – городища Уфа-II» постановлением правительства Республики Башкортостан было решено вновь возобновить охранные раскопки [10, с. 7]. Теперь предстояло изучить городище не только как археологический памятник, а обосновать существование на территории современной Уфы большого города, являвшегося главным городом на территории исторического Башкортостана. Прежде постановка такой задачи не представлялась возможным: советская историческая наука не признавала наличие городов у степных народов. Наряду с проведением археологических изысканий, башкирским археологам пришлось приложить немало усилий, чтобы, изучив средневековые карты и письменные источники и сопоставив их с археологическими находками, придти к выводу о существовании в V – начале XVI на территории современного г. Уфа средневекового города Башкорт, получившего впоследствии название Уфа [11, с. 39-44].

Между тем, по сохранившимся письменным и картографическим источникам и прежде было известно о наличии на месте современного города Уфа древних поселений [2, с. 20-35; 3, с.13-15.]. Город Башкорт (Паскерти) действительно встречается на карте, составленной в 1367 г. итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани. В атласе фламандского картографа Герарда Меркатора

он обозначен под названием Pacsherti (Пашерти). Эти карты были подробно исследованы известным советским археологом В. Л. Егоровым, который слово «Пашерти» рассматривал как один из вариантов наименования башкир в средневековых источниках. Здесь важно другое: В. Л. Егоров не сомневался в происхождении названия города от этнонима «башкорт». [8, с. 131-132]. Происхождение этнонима башкорт, а также одноименных названий страны башкир и средневекового города, исследователи связывают с именем половецкого хана Башкорт, жившего в XII в. [1, с. 87-93]. Он хорошо известен по русским летописям. Вместе с тем, данная проблема нуждается в дальнейшем всестороннем междисциплинарном исследовании, введения в научный оборот разнотипных источников, что значительно расширит круг представлений не только о древних городах Башкортостана, но и в целом об истории региона.

Можно привести и такие примеры, когда в интерпретации средневековых рукописей и карт археологи допускают досадные неточности, чего можно было бы избежать при применении общеизвестных методов установления достоверности источников и более широкого сопоставления рукописей с археологическим материалом.

Одним из примеров вольного обращения археологов с письменными источниками и историографическим компонентом является статья молодых уфимских историков Камалеева Э. В. и Ахатова А. Т. «Русская крепость Табынск и его окрестности: к вопросу о колонизации центральной части Башкирии в XVI – XVIII вв.», в которой они ставят задачу «комплексного историко-архивного исследования первых русских поселений на территории центральной части Башкирии» [7, с. 20-27]. Авторы являются представителями нового направления в археологии – этноархеологии, но рассматривают период новой истории, который хорошо освещен в историко-краеведческой литературе. В статье предпринята весьма неудачная попытка удревнить начало русской колонизации и возникновение русских поселений и монастырей в центре Башкирии. По мнению авторов этот процесс начался задолго до основания Уфимской крепости, хотя упоминаемый ими Табынск был построен только в XVIII веке. Поскольку до строительства в 1586 г. уфимской крепости русские села здесь никак не могли появиться, основное внимание в статье уделяется истории Соловарного городка (Соловарного острожка) XVII века, который, вообще-то, не имел никакого отношения к Табынску. Опираясь на краеведческий материал, авторы рассматривают также историю якобы возникшей в центре Башкирии Вознесенской пустыни. Не касаясь множества искажений и ошибок методологического и фактологического характера, отметим лишь наиболее существенные из них. Научность и объективность исторического исследования определяется, в первую очередь, источниковой базой и, что не менее важно, умением с ней работать. В данном случае авторы заявили об использовании ими как археологических, так и письменных источников. Однако, «привлечение ранее не использованных археологических материалов» в статье сведено лишь к нескольким строчкам из отчета археологов Башкирского педагогического института 2014 г. о раскопках Табынского городка. Другой «археологический» материал представляет собой топографическое описание предположительного местоположения Вознесенского «монастыря» (пустыни), предпринятого местными изыскателями в 1910, 1911 и 1912 гг. Что касается «комплексного историко-архивного» исследования – в статье не приведено ни одного архивного документа. Это наше утверждение базируется на том, что единственный документ, в котором имеются полные и достоверные сведения об основании в 1684 году Соловарного городка, впервые был обнаружен (в 1984 г.)[18] и введен в научный оборот автором этих строк [13]. Кроме того, авторы статьи, помимо полного игнорирования имеющихся исторических исследований по этой теме [2; 3; 4; 5; 6 и др.], проявили также отсутствие навыков работы с этнографическим материалом. Первые русские люди, промышлявшие солеварением, появились не на пустом месте, а в вотчинных землях аборигенного населения Кесе-Табынской волости с их согласия: соляные промыслы башкиры сдавали в аренду, о чем мы неоднократно писали в своих работах. А Соловарный городок был поставлен на месте прежде существовавшего башкирского Князь-Курпеч-бий-Табынского городка. Князь Курпеч-бий, согласно башкирским шежере, был одним из активных сторонников принятия башкирами российского подданства.

Здесь возникает еще одна проблема, имеющая значение, как для историков, так и археологов, занимающихся изучением средневековых городов на Южном Урале и Западном Казахстане. Многие русские города-крепости по мере территориального расширения Московского государства в юго-

[18] Кроме Р.Г. Букановой этот документ, написанный очень неразборчивым почерком – скорописью XVII века, никто полностью не изучал.

восточном направлении строились на месте древних городов местного населения. Так, Л. Р. Кызласов отмечал, что остатки древних поселений аборигенного населения Сибири были погребены под современными городами [9, с. 59]. Это в значительной степени затрудняет археологическое изучение средневековой истории региона. В таких случаях необходимо обратиться к рукописному наследию.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранился уникальный документ, рассказывающий о древних и средневековых поселениях (городах и ханских ставках) периода Золотой Орды на Южном Урале и прилегающих территориях. Это – отрывок из старинной рукописной книги, обнаруженной В. Н. Татищевым в башкирском селении Сибирской дороги в 30-х гг. XVIII в. [12, л.1008.] Копия была сделана переписчиком Мустафой Кутлумухаметовым. Перевод со старотюркского языка был сделан Арсланом Бекметовым, находившимся на службе в канцелярии В. Н. Татищева. Называя эту книгу «татарской историей», В. Н. Татищев имел в виду все тюркоязычное население края. «Под именем Великой Татарии всю сию страну заключили и всех жителей татарами имянуют», – писал В. Н. Татищев [12, лл. 159 об.-160].

В 1737 г., в разгар башкирского восстания, В. Н. Татищев был назначен начальником Оренбургской комиссии и наделен *неограниченными полномочиями по управлению Башкирией.* Он усмотрел в содержании вышеназванной книги призыв к мятежу с целью восстановления прежних вольностей башкир. «Вырезанные листы ис той книги», написанные арабской графикой и перевод их на русский язык были отправлены в Петербург. Благодаря этому, до нас дошли фрагменты этой книги под названиями: «Статья о ханах» и «Статья по-татарски и 700 году, ныне тому 450 лет» [12, л. 1015-1018]. В них привлекают внимание точные географические ориентиры расположения «жилищ» ханов XIII-XIV вв. на Южном Урале и Западном Казахстане, которые подтверждаются и другими источниками. Перечислим их в том же порядке, в каком они даются в оригинале, добавив необходимые знаки препинания:

«Булгар – Булгара хана жилище.

Тобольск – Урус хана жилище.

Черемшан – Умирхучи хана жилище, которое имеетца в Казанском уезде на Нагайской дороге на Закамской стороне.

Уюзан [Узень] – Токтамыша хана жилище, а оная Уюзан река в Уфинском уезде на Нагайской дороге от города Уфы разстоянием в пятнадцати верстах пала в Уршак реку.

Между Эмбы и Яика рекам – жилище Женибека хана.

Бельское устье – Кара хана жилище.

Актюба – Басмана хана жилище, состоит на устье Сакмары реки; брат у него меньшей именем Иючи.

Туратавское устье до самого Алмалы Аты – Чахана хана жилище, сиречь гора имеетца в вотчине Юрматынских башкирцов, где впала Селеук река в Белую реку.

На устье Уфы реки – Тиря хана [Тура хана] жилище.

Разстоянием от Уфы в четырех верстах – Саралчик, Чалсак хана жилище.

А Саралчик имеетца на реке Яике между Яицкого и Гурьева городков – Анчи Хакима хана жилище.

< … >

Астрахань – Тимер Кутлы хана жилище.

Кабил – Сиберка хана жилище.

Казань – Шигалея хана жилище.

Заинское устье – Булара хана жилище» [12, л. 1015-1018].

Содержание вышеназванной книги было хорошо известно представителям башкирской знати: Кидряс Муллакаев почти дословно пересказал его П. И. Рычкову, который использовал эти данные при написании истории Оренбургского края. Кроме города в устье р. Уфа, в книге упоминалось и о других древних городах: на р. Узень, притоке р. Уршак, на устье р. Сакмара, на р. Саралчик в четырех верстах от Уфы, в устье р. Селеук, где постоянно проживали ханы. В эту книгу, посвященную ханам, не вошли многие другие поселения, известные по археологическим раскопкам и другим источникам. К сожалению, богатейшее рукописное наследие тюркских народов в большей части еще остаются не исследованными. Содержащиеся в них сведения могли бы послужить бесценным ориентиром для археологических исследований.

В заключение хотелось бы добавить, что Н. А. Мажитов понимал необходимость объединения усилий археологов, историков и представителей других наук для изучения истории средневековых городов. На внутренней стороне обложки научного журнала за 2007 год, где была напечатана статья о

древнем городе Башкорт, обращаясь к автору этих строк, он написал: «Нисек итеп ҙур Башҡорт ҡалаһын халҡыбыҙга еткерергә инде? Минең бер уҙемдең к с м етмәй! Нияз Мажитов».

Литература:

1. **Баширов Я.А.** Башкорт хан / Ханы средневековья. – Уфа: Альфа-Реклама, 2017. – 284 с.
2. **Буканова Р.Г.** Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. – Уфа: Китап, 2010. – 264 с.
3. **Буканова Р.Г.** Один из башкирских городов золотоордынского периода в описании миссионера Йоганки. // Проблемы востоковедения. – 2010. – № 3 (49). – С.13-15.
4. **Буканова Р.Г.** Откуда есть пошел Солеваренный городок // Истоки. – 1991. – №5. (февр.)
5. **Буканова Р.Г.** Солеваренный городок // Актуальные проблемы Отечественной истории: прошлое и современность : Межвуз. науч. сб. – Уфа, 1992. – С. 77-85.
6. **Буканова Р.Г.** Табынская крепость // Актуальные проблемы истории и этнографии Башкортостана: прошлое и современность. – Уфа, 1993. – С. 3-10.
7. Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2017. – Т. 22. – № 1 (85).
8. **Егоров В.Л.** Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., 1985. – 248 с.
9. **Кызласов Л.Р.** Письменные известия о древних городах Сибири. – М., 1993. – 132 с.
10. **Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.** Сокровища древней Уфы. – Уфа: ГУП «ГРИ “Башкортостан”», 2008. – 112 с.
11. **Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н.** Средневековый город Башкорт (Уфа) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2007. – Т. 12. – № 3. – С. 39-44.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп.17. Кн. 1164.
13. «“Столп” приказа Казанского дворца об Уфимском Солеваренном городке» // Архив СПб.ИИ РАН. Колл. 105. Оп. 1. Д. 11.

Резюме

Р. Г. Буканова

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА МЕТОДОМ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Современная археология значительно расширила междисциплинарные рамки, проявляя интерес к вопросам, которые входят в предметную область этнографии, антропологии, экономической и военной истории, истории религии и культуры не только древности и средневековья, но и нового времени. Все это ставит перед исследователями новые задачи, связанные с необходимостью изучения письменных и других видов источников. На примере изучения средневековых городов на территории Южного Урала рассматривается проблема сравнительного анализа археологических и письменных источников.

Summary

R. G. Bukanova

STUDY OF THE MEDIEVAL CITIES OF THE SOUTHERN URAL BY METHOD OF COMPARISON OF WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Modern archeology has significantly expanded the interdisciplinary framework, showing interest in issues that are included in the subject area of ethnography, anthropology, economic and military history, the history of religion and culture, not only of antiquity and the Middle Ages but also of modern times. All this poses new challenges for researchers, related to the need to study written and other types of sources. The problem of comparative analysis of archaeological material and written sources is considered on the example of studying medieval cities in the Southern Urals.

Дарменов Р.Т.
Научно-исследовательский институт "Халық қазынасы"
при РГКП "Национальный музей Республики Казахстан"
Астана, Казахстан
Тажекеев А.А.
Кызылординскийгосударственый университет имени КоркытАта,
НИЦ "Археология и этнография"
Кызылорда, Казахстан.
Билалов С.У.
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Алматы, Казахстан.

УДК 930.26:001.8 (574.54)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА ШИРКЕЙЛИ КОС-АСАР

Ключевые слова: Сырдарья, Эпоха бронзы, городище, поселение, памятник, керамика.
Keywords: Syr Darya, Bronze Age, ancient settlement, settlement, monument, ceramics.

В 2015 году Институтом Археологии были возобновлены археологические работы на памятниках Джетыасарского урочища. Для проведения археологических работ был выбран памятник Ширкейли-Кос-асар, который находится в восточной части урочища и, по мнению исследователей здесь городская культура ранних кочевников продолжала существовать и в средние века. Как отмечала Л.М. Левина на территории северных древних протоков Сырдарьи — Кувандарьи и Пракувандарьи (Эскидарьялыка) бытовали памятники джетыасарской культуры, существовавшей с конца эпохи бронзы по VIII-IX вв. н.э. (Левина, 1996)

С.П. Толстов после рекогносцировочных работ на памятниках Джетыасарской культуры дал ей первую характеристику и классификацию памятников, разделив их на три основных типа. Первый — укрепленная усадьба с большим также укрепленным зданием внутри нее; второй — крепость с сильно развитой системой фортификации (башни, укрепленные ворота) и без следов построек внутри стен; третий — крепость со столь же развитой фортификационной системой, но с многочисленными и разнообразными остатками жилых сооружений внутри.

Первый тип имел два подтипа, к первому из которых было отнесено городище Джеты-асар №1, ко второму подтипу — городище Джеты-асар №№2, 5, 6, 7, 13, 15, 16 (Толстов, 1948, с. 128-131). К наиболее поздним С.П. Толстов отнес второй тип памятников—крепости Джеты-асар №4 и №8 (Толстов, 1948, с. 136). В середине 1960-х годов Л.М. Левиной была дана уточненная периодизация культуры и классификация ее керамики (Левина, 1966). В развитии культуры было выделено три крупных этапа: Джетыасар I (последние века до н.э. — конец III-IV в. н.э.), Джетыасар II (IV-VI, возможно, VII вв. н.э.) и Джетыасар III (VII-IX вв. н.э.) (Левина, 1971, с. 64-76), при этом неоднократно оговаривалось предположение о гораздо более ранней начальной дате первого этапа культуры (Левина, 1971,с. 64).

Как отмечала Л.М. Левина бытование джетыасарских городищ, как и их «гнезд» неодинакова, прежде всего, зависело от экологической ситуации. Учитывая неустойчивость гидрографического режима древних сырдарьинских дельтовых протоков и их многочисленных притоков, а также общую характеристику восточноприаральской равнины, не должно удивлять, что расположенные на западе и юге джетыасарские крепости прекращали бытовать гораздо раньше, чем расположенные на востоке. Среди последних большинство функционировало по IX в. (например, Ак-курган, Ак-тобе, Большой Кос-асар, Сарлы-асар), а отдельные крепости использовались и другими племенами вплоть до XV-XVI вв. (например, Асанас). В то же время и внутри группы поселений на части крепостей, базирующихся на разных руслах, жизнь прерывалась раньше, чем на других. Так, например, городище Тас-асар в одной из юго-восточных групп, крепости Домолак-асар и Малый Кара-асар в одной из восточных групп перестали функционировать не позднее IV, а скорее конца III в. н.э., в то время как остальные городища их "гнезд" были обитаемы вплоть до IX в. н.э. (Левина, 1996).

Ширкейли Кос-асар – огромное поселение неправильно овальных очертаний, площадью 1000х400 метров, представляет собой комплекс из трех крепостей, построенных предположительно в разное время и на определенном этапе объединенный одной фортификационной системой.

Расположено оно в 5,5 км к западу от села Н.Ильясова Сырдарьинского района, Кызылординской области (Курманкулов и др, 2007, с.289-290).

Два городища (Кос-асар – пер. с казахского два города) – условно называемое нами «Большой дом» и «Малый дом», характерны для абсолютно большинства планировок в виде двухъярусных округлых или овальных в плане тобе (Рисунок 1). Площадь двух ярусов «Большого дом» – 170х130 кв. м, а высота его отдельных частей достигает 10 метров. Высота второй площадки не более – 4-6 метров. Как и на других археологических памятниках Джетыасарского урочища на Ширкейли Кос-асар, поверхность памятника усеяна фрагментами керамики. В подъемном материале представлены материалы и предметы, характерные для всех этапов комплекса Джетыасарской культуры, что свидетельствует о длительной жизни городища.

«Малый дом» находится 500 метрах к востоку от Большого дома. Это такое же двухярусное тобе, по всей видимости, с самого начало имела два этажа. Площадь его около – 130х120 кв. м. Здесь также поверхность усеяна фрагментами керамического комплекса встречающихся на всех этапах джетыасарской культуры.

Третьим памятником на поселении Ширкейли Кос-асар является прямоугольная крепость, встроенная с юга к обводной оборонительной стене. Крепость имеет площадь – 3500 кв. метров (70х50 м). Сохранность крепости не удовлетворительная, так с востока от нее во время ирригации рисовых полей собирается вода. Крепость покрыта полностью камышом. Вероятней всего строительство прямоугольной крепости и обводной фортификационной системы вокруг поселения Ширкейли Кос-асар происходило единовременно и в более поздний период. Если учесть, что раскопанные синхронные памятники джетыасарской культуры Хорезмской экспедиции, где встречаются квадратные крепости, дают стратиграфическую планку не поздней конца этапа Джетыасар II и начала Джетыасар III.

Исследовательские работы на Ширкейли Кос-асар дали материалы, которые не находят аналогии в джетыасарской культуры, и могут относиться к иноэтничному населению, которое тут обосновалось.

В настоящее время поселение и окрестности памятника полностью покрыты густой растительностью, связанно это с повторным освоением земель древнего орошения в 50-60 годов XX века.

В полевом сезоне 2015-17 годах в ходе осмотра городища было решено заложить два основных раскопа и один стратиграфический разрез на внешней оборонительной стене. В ходе археологических работ на городище применялись комплексные методы полевых археологических исследований, используемые при раскопках памятников, содержащих элементы архитектурных сооружений (Тажекеев и др., 2016, с. 221-230).

Раскоп №1 - Первый раскоп заложен в северо-восточной стороне крепости на верхнем ярусе. Общая площадь вскрытой площади –400 кв. м. Тут нами было выявлено два монументальных здания – квадратное и прямоугольное, которые примыкали стенами друг другу (Рисунок 2).

Квадратное здание (12х12 м)– это мощное монументальное сооружение, сложенное из крупных сырцовых кирпичей, которое ориентировано углами по сторонам света. Стена построена из сырцовых кирпичей (размером от 40х42х28-30х10 см до 38-40х38х40х10 см) с большим количеством раствора из глины, который местами достигает 10-12 см. Толщина стен достигает – 3,5 метров. Площадь внутреннего помещения – 6х6 метров. Уровень пола помещения в виде кирпичной выкладки обмазанной глиняной обмазки выявлен на уровне отметки – 230-240 см. На полу лежит культурный слой, сильно насыщенный золой и органикой с большим количеством костей животных и фрагментами керамики. Наибольшая мощность этого слоя отмечается в середине помещения до 50 см, и местами он проявляется у южной стенки здания.

Культурный слой перекрывается мощным слоем завала из сырцовых кирпичей до 0,5 м причем обвал шел, по всей видимости, с восточной стороны. Следует заметить, что слой завала фиксируется на всей площади помещения, что может свидетельствовать о том, что стены здания были высокими.

Внутреннее помещение имеет квадратную форму, оно также ориентировано по сторонам света. В центре помещения на расстоянии 2,5 м от восточной стены и 2,8 м от северной удалось расчистить очажное пятно. Оно вытянуто по оси юго-восток-северо-запад. Длина его - 1,2 м. У южной стены помещения удалось частично расчистить сильно разрушенную суфу, шириной – 1,2 м и высотой 40 см. Суфа сложена из сырцового кирпича, который лежит на уровне пола. От северной стены помещения на расстоянии 0,2 м с уровня пола опущена яма. Яма овальная в плане, размер ее 80х80 см.

Коридор – длиной 3,5 м и шириной – 70 см шел наклонно с юга на север с выходом на внутренний двор. Причем, как показала расчистка прохода, он был вырублен в стене. Здесь фиксируется выкладка в два кирпича, причем один уходит на 60 процентов под стену. Уровень пола зафиксирован на отметке – 236 см. Проход со стороны внутреннего двора, по всей видимости, когда-то был выложен порталом (?). Здесь мы имеем завал из кирпичей.

Внутренний двор попал в раскоп только в квадраты 4/а,б,в, 5/а,б,в и краем примыкающий к северной стене квадратного здания. Расчистка показала, что мощность культурного напластования составляет более 0,5-1 м.

Уровень пола, или скорее уровень жилой поверхности двора, зафиксирован на отметке – 336 см. На уровне пола лежат, послойно культурные отложения из перегнившей органики, золы, костей животных и в огромном количестве – керамики. Выше идет слой серо-желтой глины мощность от 10-30 см. Слой глины в свою очередь перекрывается слоем кирпичной кладки. Заметим, что последний слой зафиксирован на продольной бровке в квадрате 4/а.

На всем участке двора, на уровне верхней кирпичной кладки зафиксированы хозяйственные ямы. Ямы в большинстве своем прорезают стены квадратного здания. Нам удалось расчистить 20 хозяйственных ям.

В полевом сезоне 2016 года в целях максимального выявления характера памятника на городище к основному раскопу был прирезан участок, на восточной высокой площадке, размером 12х12 м и стратиграфический раскоп в северной части. В результате неоднократных зачисток выявился плотный глиняно-кирпичный массив (-175 см ▼), шириной до 2 метров, идущий параллельно восточной стене квадратного здания №1.

Зачистка указанной стены, показывает, что она была приставлена к внешней восточной стене квадратного здания № 1 и на северном краю площадки раскопа под углом 90° разворачивается на восток. Стены сложены из крупного сырцового кирпича (размером 50/40х20/25/10 см или 40/38х30х10 см). Зачистка по горизонтальной и вертикальной плоскости вдоль стены угла, показало, что стена уходящая, на восток перекрывала плотную глиняную поверхность (забутовка). Причем древние строители, при возведении стены не выровняли площадку, которая имеет наклон с перепадом до 100 см, а клали сырцовые кирпичи по наклону. Перепад от верхнего ряда кирпичей до нижнего составляет 8 рядов.

Стена, идущая вдоль борта квадратного здания, по оси север-юг имеет наклон 30° по дуге на юг, соединялось, вероятно, со стеной, выходящий на айван. К сожалению, стена на южной стороне раскопа не сохранилось, связанно это с деятельностью позднего населения.

Раскопки показали, что пространство внутри внешних мощных стен было застроено двумя жилыми помещениями и коридором с выходом на айван. Помещения №1 и №2 скорее всего, были одновременны, причем происходили неоднократные перестройки внутри отдельных секции и в обходном коридоре.

Помещение №1 – прямоугольной формы, размером 6х2 м. Помещение и внутренняя конструкции в них построены из прямоугольного в плане кирпича, размером 40х30х10 см. Толщина стен достигает 60 см. Внутреннее убранство состоит из суфы, напольного культового очага и очага вырубленного в западной стене. Раскопки показали, что помещения подвергались перестройке стен и изменениям интерьера внутри. Так помещение имело два выхода в сторону северного и южного айвана. Причем северный выход на айван был, по всей видимости, самый ранний. Дверной проем, шириной 60 см, имел высокий порог, тут сохранилась дверная балка. На уровне дверного порога сохранился утрамбованный пол айванной части двора, шириной 2 м. Здесь на утрамбованном полу «двора-айвана» видны следы трех столбовых ямок (диаметр 25 см).

В более позднее время, вход был заложен сырцовыми кирпичами и перекрыт суфой. Суфа шириной 80 см сложена из одного кирпича вдоль всей северной стены помещения №1. Вход же переносится на южную сторону, здесь мы видим, что перед входом кладут кирпичную стену из одного кирпича, создавая коридорчик – тамбур, шириной 1 м.

К этому времени относится вырубка очага в стене, типа камина, квадратной формы 50х40 см. Время формирования культового очага неизвестно, однако нужно отметить, что он в этот период не функционировал. Очаг круглой формы, вырубленный на полу помещения в виде ямки, был в поздний период перекрыт саманной обмазкой. Внутри очага при зачистке песчаной супеси найдены амулеты из мелкой кости степной черепаха и зубов волка.

Помещение №2 – находится в восточной части раскопа, причем частично площадь помещения уходит за край раскопа. Расчищена полностью одна западная стена помещения – 6 метров в длину и внутреннее помещение – 4 метра. Стена шириной – 1 м. Внутренний интерьер помещения не

прочитывается, связанно, это с жизнедеятельностью населения в поздний период. Здесь мы видим впускные хозяйственные ямы, которые прорезают стены жилого помещения, так и более ранние стены.

Процесс формирования обходного коридора, соединявшего жилые помещения, дает нам интересную картину неоднократных перестроек. Можно утверждать, что система коридоров сформировалось, чуть позже, чем жилые помещения или процесс строительства растянулся на длительное время. Внешние мощные стены, возможно, были поставлены в период забутовки северного дверного проема помещения № 1, так как стена, идущая на восток, частично перекрывала северный «двор-айван».

В это же время внутреннее пространство между помещениями №1 и №2 приставляется стеной с целью создание обходного коридора. Стена ориентирована по оси север-юг и сложена она регулярной кладкой из сырцовых кирпичей, толщиной – 80 см. При зачистке южного угла встроенной стены было сложено выкладкой в один кирпич край этой стены, которая доходит до наружного южного «двора-айвана». В северном углу обходного коридора между помещениями №1 и №2 выявлены две параллельно выступающие стеноки, которые перекрывали коридор от площади «двора-айвана». Возможно, это проходное пространство в виде «открытого тамбура».

Зачистка площади «дворов-айванов» показывает, что они использовались интенсивно длительное время, тут сформировался мощный утрамбованный пол серо-зеленого цвета, на поверхности которого встречаются следы очагов, вырубленных на полу. В южном «дворе-айване» на поверхности зафиксированы остатки сырцовой конструкции (по всей видимости, обкладка емкости для хранения).

В результате раскопок, было выявлено более десятка хозяйственных ям. Причем хозяйственные ямы относятся к самому верхнему строительному горизонту, жилые конструкции которого не сохранились. Ямы вырубались, как на стенах раннего периода, так и в культурных слоях (Рисунок 3).

Стратиграфический раскоп.

В 2016-17 году на раскопе №1 в северо-западном углу (кв. А4, Б4, А5, Б5) на уровне второго строительного горизонта (горизонты даются сверху вниз) существования городища Ширкейли Кос-асар были начаты раскопочные работы для выявления нижних, ранних построек и стратиграфической ситуации. Размер стратиграфического раскопа 8х8 м и нижняя точка его отмечено на уровне – 781 см от реперной точки.

В ходе работ было выявлено шесть строительных горизонтов, которые также делятся на периоды. До III строительного горизонта на площади раскопа идет керамика как асарского периода, так и близкая керамика культуре «болотных городищ». IY-YI строительный горизонт отличается от верхних, тут уже отсутствует керамический комплекс позднего периода, а в заполнениях идет чисто асарский комплекс.

Раскоп 2 - был заложен в восточной части городища, предположительно на внешней стене так называемого «Большого дома». Размеры Р-2 20х4 м, с прирезкой в северо-восточной части размером 4х8 м (общая площадь 112 м²) археологические работы были остановлены в южной части на отметке -440 см, -450 см ▼, в северной части на отметке -610 см, -620 см ▼.

Целью закладки раскопа №2 является углубление насколько возможно до материка для определения хронологии возникновения памятника, а так же по стратиграфии разреза проследить возможные перемены (ремонты, перестроения) строительных горизонтов которые относятся к разным периодам.

В ходе расчистки раскопа было выявлено, что на площадь ее попали остатки жилого комплекса, которые примыкали к внешней оборонительной стене «большого дома» городища Ширкейли-Кос-асар. Жилой комплекс за время бытование подвергся нескольким строительным перестройкам, причем для двух верхних строительных горизонтов, характерен керамический комплекс огузкого периода, 3-ий строительный горизонт, который перекрывался мощным полуметровым слоем забутовки из глины и битых кирпичей дает уже другой керамический комплекс – чисто асарский. Изменяется и размер сырцового кирпича от верхних горизонтов 40х30х7 см.

Нужно отметить, что жилое здание в поздний период перекрывало внешнюю оборонительную стену «большого дома», так как на раскопе выявлены следы укладки мощного плотного глиняного слоя стилобата, являющийся основанием жилого комплекса, которое примыкало и находилось над стенами оборонительной стены. По всей видимости, стены позднего жилого комплекса служили оборонительной стеной для «большого дома». Внешняя оборонительная стена «большого дома»

представляет собой глинобитное сооружение, выложенное внутри сырцовыми кирпичами. Толщина стен достигает 2,5 м.

Третий раскоп был заложен в юго-западном углу городища, где фиксируются следы антропогенного воздействия на стену. В ходе мелиоративных работ, тут при помощи техники был взят грунт и часть стены. Раскоп был заложен узкой траншее 12х2 м. Стена в настоящее время сохранилась в высоту 3,80 м и ширину у основания до 10 м. Сложена она из сырцового кирпича двух размеров - 25-30х15-20х10 см и 40х20х10 см.

В ходе расчистки траншеи выявлено, что к стене с внутренней стороны примыкало жилое помещение. Вскрыто часть ее, из интерьера на площадь раскопа попало печь-тандыр и пристеная конструкция (суфа?), а также многочисленный комплекс керамики этапа Джетыасар III. Раскоп был остановлен на глубине – 395 см, так как начался выход подземных вод на поверхность (Тажекеев и др., 216 с.221-230, Он же и др., 2016, с. 250-255).

Итак, археологические материалы, полученные при раскопках городища Ширкейли-Кос-асар позволяют определить стратиграфию и время обживания городища, проследить изменения, происходившие в его топографии и наметить основные этапы развития в поздний период бытования.

Судя по керамике городище Ширкейли-Кос-асар существовало еще IX в. н.э. и подвергалось неоднократным внутренним перестройкам, причем жизнь проходила и на территории внутреннего пространства фортификационной системы.

Хронологическая характеристика керамики на городище, прослеживаемого на материале разреза Р2, представлена керамикой верхнего уровня – первого строительного горизонта, аналогичная керамике IX-XII веков раннесредневекового городища Джанкент, городища Сауран (Амиргалина, 2014, с. 188-241, Смагулов, 2011). Это преимущественно дастарханы, кружки, хумы. Керамика нижних слоев находит аналогии среди материалов до VIII-IX веков из городищ джетыасарской культуры. Они представлены тонкостенными крупными кувшинами, так называемых ойнохойевых форм, хумчами, хумами грубой лепки с большим содержанием шамота. Посуда покрыта красным или черным ангобом, поверх которых имеется лощение. К примеру, кувшин с горловиной в виде головы барана аналогичен кувшину из городища Куйрыктобе, датируемый IX-XI веками.

Таким образом, в керамическом материале городища Ширкейли Кос-асар обнаруживаются керамический материал приблизительно IX-XII веков, выраженный в керамике джетыасарской культуры на городищах асарского комплекса, на городище Сортобе и керамике из городища Джанкент.

Литература:

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). - Алматы, Издательсво "Арыс", 2014. - 320 с.

Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Утубаев Ж., Абдикаликов Ш.М. Городище Ширкейли Кос-асар // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы- 2007. – С. 289-290.

Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетыасарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М. 1966

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. ТХАЭЭ,– М.: Наука. – 1971 Т. VII. – 251 с.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья (в первом тысячелетии до н.э. - первом тысячелетии н.э.). – М: Изд. Вост. лит. РАН, 1996. - 396 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы.: - Абди, 2011. – 401 с.

Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У. Городская культура Приаралья в зоне контактов земледельцев и скотоводов в I тысячелетия н.э. (по материалам городища Ширкейли Кос-асар) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Б.Нурмуханбетова. – Алматы, 2016, – С. 221-230;

Тәжекеев Ә.Ә. Дәрменов Р.Т., Білалов С.Ө., Әмірғалина Г.Т., Шарапова Қ.Ә., Сұлтанжан Ж.Қ. Оңтүстік-Шығыс Арал маңыныңқаламәдениеті: Жетіасар ескерткіштеріндегі жаңа зерттеулер // «Қазақстанның тарихи-мәдени мұраларының өзекті мәселелері: өткені, бүгіні мен болашағы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – Алматы, 2016. – 250-255 бб.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948. – 326 с.

Түйіндеме

Авторлар мақалада ерте ортағасырлық Шіркейлі-Қос-Асар ескі қаласы бойынша соңғы үш далалық маусымдағы археологиялық зерттеулердің нәтижелерін баяндайды. Шіркейлі-Қос-Асар екі мыңжылдық тарихы бар Жетіасар мәдениетінің ескерткіштеріне жатады. Ғылыми зерттеулерде Жетіасар мәдениеті ескерткіштері б.з. VIII ғасырында жойылған және халық Орта Азияның оңтүстігі мен Сырдариының төменгі жағына көшкен деп саналады.

Алайда, жаңа деректер Жетіасар мәдениетінің кейбір ескерткіштері Сырдария-Қуаңдариының ежелгі сағалары аумағына жаңа халықтар – түркілер-оғыздар қоныстанған б.з. IX ғасырдың ортасына дейін өмір сүргендігін көрсетеді. Шіркейлі-Қос-Асар керамикалық кешені Жетіасар мәдениеті керамикасының классикалық формасын ғана емес, сонымен қатар Жанкент қалашығының керамикасымен ұқсастығын да көрсетеді.

Summary

The authors in this article set out the results of archaeological research on the early medieval settlement of Shirkeyli-Kos-asar for the last 3 field seasons. The ancient settlement of Shirkeyli-Kos-asar refers to the monuments of a peculiar Jetyasar culture, which existed for two thousand years. In scientific research on the problem of Jetyasar culture, it was believed that the monuments disappear in the VIII century AD, and the population migrates to the south in Central Asia and the lower reaches of the Syr Darya.

However, new data show that some monuments of Jetyasar culture existed until the middle of the 9th century AD. When the new population - Turkic Oguzes - is overrun on the territory of the ancient deltas of the Syr Darya - Kuvandarya. The ceramic complex from the settlement of Shirkeyli-Kos-asar gives not only the classic form of pottery of Jetyasar culture, but also ceramics similar to the settlement of Dzhankent.

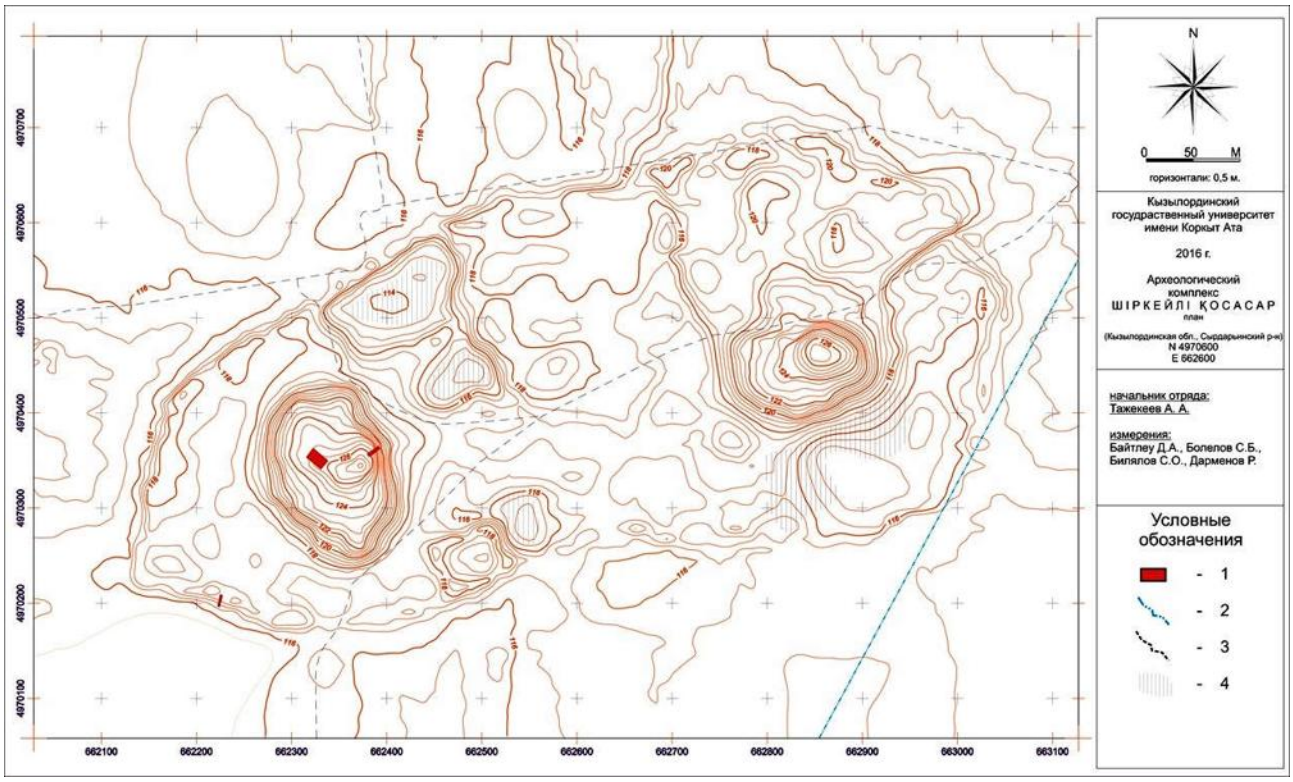


Рисунок 1 – Ширкейли Кос-асар. Тороографический план.
1 – раскопки; 2 – канал; 3 – дорога; 3 – «озера»

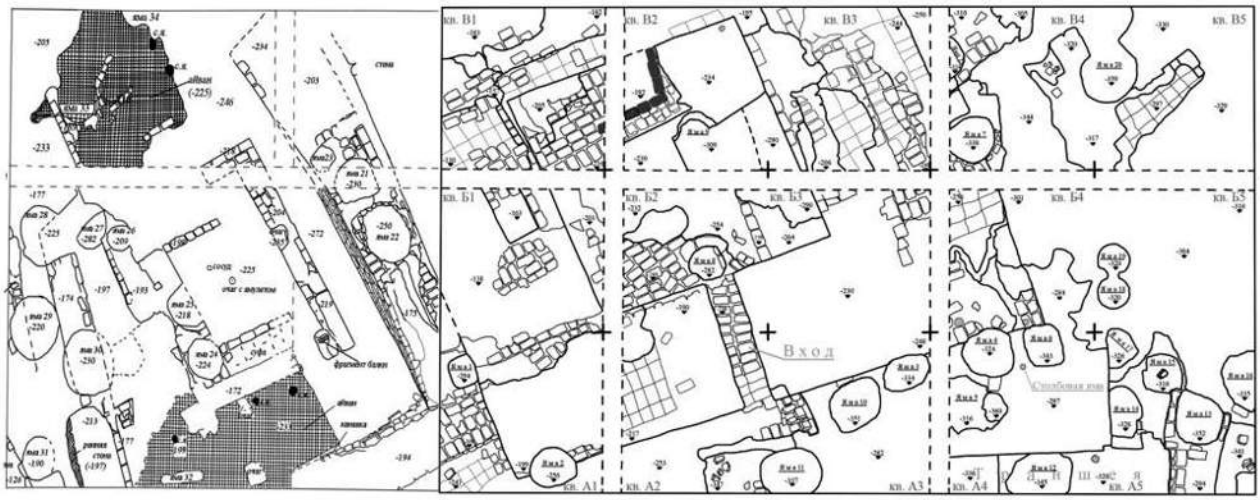


Рисунок 2 – Раскоп №1. Раскопки в 2015-2017 гг. План



Рисунок 3 – Городища Ширкейли Кос-асар. Раскоп №1. 2015, 2016 г.

Достиев Т.М.
Институт Археологии и Этнографии
НАН Азербайджана
Баку, Азербайджан

УДК 902.911

ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА И КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ключевые слова: Азербайджан, Казахстан, кыпчаки, этнокультурные связи, материальная культура.
Keywords: Azerbaijan, Kazakhstan, Kypchaks, ethno cultural ties, material culture.

На протяжении многовековой истории культура Азербайджана и Казахстана развивались во взаимосвязи, чему способствовали религиозное единство, единые этнические корни, политические и культурные связи. Роль кыпчаков в формировании казахского народа был значительным. Участие кыпчаков в этногенезе азербайджанцев также не вызывает сомнения. Исследователи считают, что этноним "казах" — это производное от названий родов: "сак", "кас", "каз", "хаз", "аз", "ка-сак". Некоторые ученые предполагают, что название произошло от слов "касак" и "кесек". (http://tak-to-ent.net). В связи с этим, заслуживает внимания факт существования еще в раннем средневековье в Азербайджане населенного пункта Касак. Арабский автор ал-Куфи (умер 926 г.) в сочинении «Китаб ал-футух» («Книга завоевания») в связи событиями, происходившими в VII веке, отмечает, что «…Марван выступил из Сирии во главе 120-тысячного войска и вскоре достиг Азербайджана. Он остановился в населенном пункте, называемом Касак, расположенном в 40 фарсахах от Барды и в 20 фарсахах от Тифлиса» (ал-Куфи, 1981, с. 49). Автор сообщает также о крепости Казадж в Южном Азербайджане. «…Жители Казаджа смотрели на Бабека и не узнавали его, даже напали на него с целью ограбления» (ал-Куфи, 1981, с. 71). Эти письменные сообщения свидетельствуют, что кипчаки (казахи) обитали в Азербайджане еще до VII века (Гейбуллаев, 1991, с. 141). Следует отметить, что проникновение кыпчаков в Азербайджан имело место в разные исторические периоды, но, в заметном количестве кыпчаки появились в Азербайджане при Ильденизидах, которые сами были по происхождению из кипчаков (Гейбуллаев, 1986, с. 41-45; Гусейн-заде, 2013, с.12).

Единые этническое корни обеспечили схожесть некоторых топографических наименований. Интересные данные о взаимовлияниях в духовной культуре имеются в фольклористике. Исследователи выявили схожи сюжеты азербайджанского эпоса «Китаби- Деде Коркут» и казахского – «Алпамыс». По мнению ряда исследователей, в том числе В. Бартольда в формировании эпоса «Китаби Деде Коркут» участвовал многие тюркские народы, но окончательно он сформировался и был записан в Азербайджане (Kitabi D d Qorqud, 1988, s.6).

Процесс взаимообогащения материальной и духовной культуры населения Азербайджана и Центральной Азии особенно активно протекал после арабского завоевания. Арабское завоевание и включение, как Азербайджана, так и Центральной Азии в состав Халифата, активные экономические и культурные связи привели к существенному изменению облика материальной и духовной культуры и породили общемусульманские черты. Новая религия породила новые художественные принципы, способствовала торжеству орнаментализма и каллиграфии в искусстве. Центрами развития художественной культуры стали крупные города, в которых концентрировался производственный, культурный и интеллектуальный потенциал и эти города оказывали прогрессивное воздействие на социально-экономическое и культурное развитие общества. Черты общности и сходства отчетливо прослеживаются в градостроительстве, архитектуре, в художественной обработке металла, керамическом производстве, резьбе по камню и т.д.

Новая религия особенно успешно распространяется среди горожан (Байпаков, 2012; Мамедов, 2015). С утверждением ислама меняется облик средневекового города и примыкающей к нему территории. Складывается топография мусульманского города, который состоит из трех частей: цитадели, шахристана и рабада. Происходит расширение городов за счет увеличения их рабадов, где размещались ремесленные мастерские, базары, караван-сарай. Доминантами застройки становятся мусульманские культовые сооружения: Джума мечети, квартальные мечети, минареты, медресе; мавзолеи (Az rbaycan arxeologiyası, 2008; Байпаков, 2012, с.13). К ранним мечетям Азербайджана относятся Джума мечети Дербенда, Шемахи, а Казахстана - мечеть Акыртаса. Они датируются VIII веком.

Схожие черты имеются и в памятниках гражданского зодчества, что особенно отчетливо прослеживается в строительной технике и строительном материале. Основным строительным материалом городов Аррана и Казахстана в раннеисламском периоде (VIII-X вв.) был сырцовый кирпич, применялась комбинированная кладка из сырцового кирпича и глинобита (пахсы) (Байпаков, 2012,с.15; Ахмедов, 1983, с.14). В XI-XII вв. в городской строительстве общественных, культовых зданий и жилищ основным строительным материалом стал служить обожженный кирпич квадратной формы. В художественным оформлении монументальных зданий применялись изразцы и поливные кирпичи, которые появились в середине XII века, широкое распространения получили в XIII-XV вв. Много общего было в водоснабжении, вкладке улиц и дорог, в устройстве санитарно-гигиенических сооружений.

Как известно, в мусульманском Востоке важным элементом благоустройства и быта была баня. Она была самым посещаемым местом после мечети. Баня на мусульманском Востоке, кроме своего прямого назначения, использовалась в лечебных целях, а также являлась местом для отдыха. Средневековые бани, изученные в результате археологических раскопок в Хараба-Гилане, Шемахе, Шехергяхе в Азербайджане, в Таразе, Актобе, Отраре в Казахстане позволяют проследить черты общности и локальные особенности.

Ханегах Ходжа Ахмеда Ясави - один из самых монументальных памятников в Центральной Азии. В строительных приемах и композиции мавзолея-мечети, возведенного при Эмире Тимуре, прослеживается влияние Тебризской архитектурной школы (Гияси, 1983, с.70-71). Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави состоит из огромного прямоугольного здания (46,5х65,5 метров) с огромным арочным порталом иhttps://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BF%D0%BE%D0%BB куполами. В центре квадратного зала стоял большой бронзовый котел, предназначавшийся для приготовления ритуальной пищи. В центре гробницы находился большой саркофаг. Надгробный камень святого был привезен из Тебриза (История Казахстана, с.87).

Ценным памятником культурного взаимообогащения является бронзовый котел мавзолея-мечети Ходжа Ахмада Ясави, который известный востоковед А.Ю. Якубовский назвал чудом техники бронзового литья (*Якубовский А.Ю.,* 1939. С. 283). Этот шедевр художественного литья средневековой эпохи, изготовленный в 801 г.х. (1399г.) по повелению Амира Тимура мастером Абд ал-Азизом ибн Шараф ад-Дином ат-Тебризи, и поныне поражает грандиозностью размеров и монументальностью замысла. Полусферический огромный резервуар, снабженный десятью большими ручками, стоит на высоком поддоне. Корпус котла декорирован орнаментальными поясами и медальонами. Верхний пояс заполнен надписью « … Приказал построить это место для питья Амир величайший… Амир Теймур Гураган, да освятит Аллах всевышний царство его, для усыпальницы шейха ислама, султана шейхов в мире, шейха Ахмада ал-Ясави, да освятит Аллах дух его великий, 20 шавваля года 801». Следующий пояс на 20 картушей десятью чередующимися шишечками и десятью большими ручками. В этом поясе размещены повторяющиеся благопожелания и «подпись» мастера. В нижнем поясе 22 раза приведена традиционная формула «Власть принадлежит Аллаху», выполненная почерком куфи. Ниже орнаментальных поясов на глади основания котла чередуются растительный орнамент и рельефные медальоны (Бретаницкий, Веймарн, 1976, с. 231-232; Художественная культура,2012, с. 53-54, 254, 277).

Выявленные археологическими раскопками артефакты: керамика, предметы торевтики, стеклянные изделия, украшения и т.д. позволяют проследить культурные взаимовлияния и взаимообогащения населения Азербайджана и Казахстана в период средневековья. Советский археолог А.Л.Якобсон, основываясь на археологических материалах средневекового города Бейлаган, отмечает, что художественная культура Азербайджана IX-X вв. имеет с Центральной Азией не меньше – если не больше – точек соприкосновения, чем с культурой соседних стран Южного Кавказа. Этот вывод подтверждается массовым керамическим материалом XII-XIII вв. (Якобсон, 1965, с.17). Керамика Азербайджана, в особенности глазурованная посуда в виде чаш, блюд, тарелок, кувшинов, ваз и пр. по форме, характеру богатой декоративной отделки разнообразными орнаментальными мотивами и изобразительными сюжетами, необычайно яркому колориту находит аналогии в поливной посуде средневековых городов Казахстана. Появились новые виды сосудов, характерные для Исламской керамики: кувшины-афтафа, кувшины-гюлабданы (кувшины для розовой воды), сфероконические сосуды и т.д. Арабский шрифт, допускающий разные варианты написания букв, открывал мусульманским гончарам - художникам большие возможности для творчества. Схожесть обнаруживается также при сопоставлении эпиграфики керамических изделий (Az rbaycan arxeologiyası, 2008, s. 165-167; Байпаков, 2012, с. 94-95).

Сохранившиеся предметы торевтики Азербайджана IX-X вв. немногочисленны. Примечателен светильник из археологических раскопок Габалы, который имеет зооморфную форму: четыре ножки, пять носиков для фитилей. Для заправки светильника в верхней части имеется отверстие с крышкой. Известны такие светильники из Центральной Азии, в частности, из археологических раскопок городища Тараза (Художественная культура, 2012, с. 77).

Высоким художественным оформлением выделяется бронзовый составной светильник эпохи сельджуков, хранящийся в Национальном музее Истории Азербайджана. Светильник имеет трипод с тремя ножками в виде звериной лапы, нижний ее уступ овальный, гладкий, плотно прилегающий к плоскости. Верхняя площадка состоит из наклоненного наружу внешнего кольца, которое валикообразным уступом переходит в уплощенно-сферическую верхнюю часть. Уплощенно-сферическая часть украшена ажурным декором. Она, в свою очередь, переходит в центральную цилиндрическую втулку слабо выраженным валиком. У внешнего кольца имеются овальные выступы, к которым прикреплены массивные ножки. Выступы, отходящие от внешнего кольца, украшены трилистниками. Из шести трилистников в трех имеется по одному отверстию. Светильник состоял из шестигранного ствола и катушкообразной части. Верхняя катушкообразная часть не сохранилась. Ствол богато украшен ажурным растительным орнаментом. Верхняя и нижняя части ствола декорированы геометрическим и эпиграфическим орнаментом. Следует отметить, что подобные составные светильники были широко распространены в странах Центральной Азии, в частности, на территории Казахстана в XI-XII вв. Они известны из городища Тараза и Талгара (Художественная культура, 2012, с. 59-65).

Артефакты, выявленные при археологических раскопках из средневековых городищ, позволяют проследить взаимовлияния в производстве стеклянных изделий. Сырьем для производства стекла как в Азербайджане, так и в Казахстане были песок и зола. Типология стеклянных изделий почти аналогична: кувшины, графины, бутыли, кружки, чаши, банкаобразные сосуды, стаканы, флаконы, алембики (Художественная культура, 2011). Образцы оконного стекла в основном принадлежат к одному типу, представляющему собой круглый диск. Закраины диска утолщены и имеют петлевидную форму. Как правило, они украшены рельефными геометрическими или растительными орнаментами. Это стекло вставлялось в специальную ячеистую решетку типа «панджара» из гипса или камня и крепилось с помощью гипсового раствора (Достиев, 2012, с. 77-82).

Вопросовидные серьги, изготовленные из проволоки с бусинкой в нижней части, характерное украшение кыпчаков выявлены также из средневековых памятников Азербайджана в слоях монгольского времени (Асланов, и др., 1966, с.27, табл. IV, 1; Dostiyev, 2001, s. 139, ş k. 38, 4-5).

Литература:

Асланов Г.М., Голубкина Т.И., Садыгзаде Ш.Г. Золотые и серебряные предметы из археологических раскопок Азербайджана. – Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1966, – 68 с.

Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана). Пер. с арабского З.М. Буниятова. – Баку: Элм, 1981, – 84 с.

Ахмедов Г.М. О среднеазиатских параллелях материальной культуры средневековых городов Азербайджана // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г. – Алма-Ата: Наука, 1983, С. 11-17.

Байпаков К.М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. – Алматы, 2012– 284 с., 108 илл.

Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В. Искусство Азербайджана IV-XVIII веков. – Москва: «Искусство», 1976, – 272 с.

Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). — Баку: Элм, 1986, — 198 с.

Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев. — Баку: Элм, 1991, — 552 с.

Гияси Дж. К вопросу о связях архитектуры Азербайджана и Средней Азии конца XIII – начала XV в. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы всесоюзного совещания 13-15 мая 1981 г. – Алма-Ата: Наука, 1983, С. 67-75.

Гусейн-заде Р.А. Кавказ и Кипчаки, 2013 // http://www.clio-caucasus.org/assets/files/ Гусейн-Заде ---Кавказ-И-Кипчак.pdf

Достиев Т.М. О производстве оконного стекла в средневековом Азербайджане //Вестник Бакинского университета, сер. Гуманитарных наук, 2012,№1, с. 77-82.

История Казахстана в персидских источниках. Т.5. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007, – 476 с.

Мамедов Р.А. Города Северного Азербайджана VII-XIV вв. (социально-экономическая и культурная история). –Баку: Elm v T hsil, 2015, –480 с.

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX –XV вв. Т. 2, Стекло. – Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2011, – 182 с.

Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX –XV вв. Т. 3, Торевтика. – Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2012, – 297 с.

Якобсон А.Л. Археологические исследования на городище Орен-кала в 1957 г.// МИА, №133, Москва-Ленинград: Наука, 1965, с. 9-25

Якубовский А.Ю. Мастера Ирана и Средней Азии при Тимуре // III международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сентябрь 1935. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 301 с., 121 табл. илл.

Az rbaycan arxeologiyası. Altı cildd . VI cild. – Bakı: Ş rq-Q rb, 2008, – 632 s.

Dostiyev T. Şimal-Ş rqi Az rbaycan IX-XV srl rd . – Bakı: Bakı universitetinin n şr., 2001, – 396 s.

Kitabi – D d Qorqud. – Bakı: Yazıçı, 1988, – 268

http://tak-to-ent.net/publ/9-1-0-201

Резюме

Т.М. Достиев

Этнокультурные связи населения Азербайджана и Казахстана в период средневековья

Культура Азербайджана и Казахстана развивались во взаимосвязи, чему способствовали религиозное единство, единые этнические корни, политические и культурные связи. Процесс взаимообогащения материальной и духовной культуры особенно активно протекал в период средневековья. Черты общности и сходства отчетливо прослеживаются в градостроительстве, архитектуре, в художественной обработке металла, керамическом производстве и т.д.

Summary

T.M. Dostiev

Ethno-cultural ties of population of Azerbaijan and Kazakhstan during the middle Ages

The culture of Azerbaijan and Kazakhstan developed in interrelation, which was facilitated by religious unity, unified ethnic roots, political and cultural ties. The process of mutual enrichment of material and spiritual culture was particularly active during the middle Ages. The features in common can be clearly seen in urban planning, architecture, artistic metal processing, ceramic production, etc.



Рис. 1. Бронзовый котел, изготовленный Абд аль-Азизом ибн Шараф ад-Дином ат-Тебриги

Елелуов М.
Әл-Фабари атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы, Казахстан
Есенов С.
ҚР Ұлттық музейі, Астана

ӘОЖ 902.2 (554)

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ТАМДЫ ҚАЛАСЫНДА 2017 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Ключевые слова: Тамды, средневековый город, коридор, площадка.
Keywords: Tamdy, medieval city, corridor, area.

Қазақстанның ортағасырлық қалалары мен елді мекендерінің пайда болуы, қалыптасуы мен даму тарихын зерттеу археология ғылымының өзекті мәселелерінің бірі. Әсіресе жекеленген қалалардың даму тарихындағы өзіндік ерекшеліктерін анықтау және олардың дамуындағы басқа қалалармен ортақ белгілерін ажырата білудің маңызы жоғары. Қазақстан археологиясында ортағасырлық қалалардың мәдени тарихы кешенді түрде зерттелген ескерткіштер саны өте аз. Олардың қатарында: Тараз, Ақтөбе (Баласағұн), Отырар, Суран қалаларын атап айтуға болады. Ал табиғи апаттан бұзылып жатқан ортағасырлық қалалардан тек Сарайшық қаласы ғана зерттелуде. Сондықтан қазіргі ғалымдар мен ескерткіштерді қорғау ісіне жауапты мекемелердің алдында тұраған өзекті мәселе табиғи және техногендік жағдайлардан бұзылып бара жатқан ескерткіштерде зерттеу сақтау шараларын ұйымдастыру кезек күттірмейтін жұмыстардың бірі. Сондықтан да табиғи жағдайлардан және шаруашылық жұмыстары барысында бұзылып жатқан ортағасырлық Тамды қаласының әртүрлі бөліктерінде кең көлемде қазба жұмыстарын жүргізіп, осы қаланың даму тарихына және Қазақстанның ортағасырлық қалаларының өзекті мәселелеріне қатысты қажетті деректер алу, сонымен қоса ескерткіште қайта қалпына келтіру мен уақытша сақтау мақсатында 2009 жылдан бері зерттеу жұмыстары жүргізіліп келеді. Аталған зерттеу, қорғау жұмыстары негізінен Жамбыл облысы әкімдігі мәдениет басқармасының «Тарихи-мәдени ескерткіштерді қорғау және қалпына келтіру» дирекциясының тапсырысы бойынша жүзеге асырылуда.

Ортағасырлық Тамды қаласы Жамбыл облысы Талас ауданының орталығы Қаратау қаласының (бұрынғы Шолақтау ауылы) батыс шетінде, Тамды өзенінің оң жағалық жарқабағын ала орналасқан (сурет 1). Географиялық координаттары: N. 43º10'871", E. 070º25'901", т.д.б. 544 м.

Тамды қаласының қалыптасу тарихын ортағасырларда Қаратауды теріскей бетімен жағалап жүретін Ұлы жібек жолы тармақтарының бойында орналасқан қалалық мәдениеттің дамуымен байланыстыруға болады.

Тамды атауы өзенге, жергілікті өңірге және әулиелерге қатысты ел ауызында сақталған аңыз әңгімелерде кездеседі (Дәдебаев, 2002, 10 бет). Ал ортағасырлық Тамды қаласындағы археологиялық зерттеулер XX ғ. ортасынан басталады. Ескерткішті алғаш рет 1941 жылы Жамбыл археологиялық бекетінің Г.И.Пацевич жетекшілік еткен археологиялық тобы ашып, қысқаша сипаттамаларын берген (Агеева, Пацевич, 1958, 114-115). 1947 жылы Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының А.Н. Бернштам жетекшілік еткен зерттеу тобы Тамды қалашығының тарихи-топографиялық құрлымын зерттеп, жобасын түсіріп, цитадельде байқау қазбасын жүргізген. Қазба барысындақалыңдығы 3 м келетін мәдени қабатының жеті қабаттан тұратындығын анықтап, қаланың өмір сүрген уақытының ерте кезеңі қаңлылар тұрағының орнында пайда болып, қазіргі сақталған құрылыс нысандары ортағасырларға сәйкес келеді деген қорытынды жасаған (Бернштам, 1950, 73).

2000 жылы ортағасырлық Тамды қаласының тарихи-топографиялық құрылымын Ә.Х.Марғұлан атындағы археология институтының археологиялық ескерткіштердің жинағы экспедициясы (К.М. Байпақов, Д.А. Лобас) зерттеп, ескерткіштің бұзылып кеткен бөліктеріне сипаттама берген (Свод памятников истрии и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область, 2002). 2006 жылы Тұран археологиялық экспедициясы (М. Елеуов) ортағасырлық Тамды қаласының бұзылып жатқан бөліктерінің көлемін анықтап, суретке түсірді осы экспедиция 2009 жылы Республикалық «Мәдени Мұра» стратегиялық бағдарламасы аясында қаржыландырған «Ортағасырлық Тамды қаласы» атты ғылыми жоба бойынша ортағасырлық қаланың жобасын түсіріп, цитаделінде археологиялық қазба жүргізе бастады. Зерттеу жұмыстары барысында қаланың қоғаныс жүйесі мен мәдени қабаттарын анықтау мақсатында цитаделдің солтүстік жиегіндегі Тамды өзені

шайып бұзылып жатқан жарқабақа көлденең (солтүстіктен оңтүстікке бағытталған) кесік салынып, нәтижесінде төрт құрылыс кезеңін анықтаған және қорғаныс қамалы мен оның ішкі жағындағы айналма дәліз ашыла бастаған (Ортағасырлық Тамды қаласы, 2009, 7).

Ескеркіште қазба жұмыстары қайта жалғастырылып, 2010 жылы осы кесіктің солтістік-батыс жағында қазба салынып, цитадельдің жоғарғы қабатынан төрт бөлме ашылған. Нәтижесінде қаланың соңғы кезеңдегі өмір сүрген уақытына қатысты (XII-XIII ғғ.) деректер алынған (Ортағасырлық Тамды қаласын ашық аспан асты мұражайына айналдыру мақсатында алдынала жүргізілетін археологиялық зерттеу жұмыстары, 2010, 15).

2011 жылы қала цитаделіндегі қазба жұмыстары одан әрі жалғасырылып, қала қамалының ішкі жиегіне жапсарлас салынған жақсы сақталған күмбезді бөлмелер, дәліз және су құбыры мен кәріз ашылған. Сонымен қатар ашылған құрылыс нысандарын уақытша сақтау және ашық апсан асытындағы музейлендіду жұмыстары атқырылған (Ортағасырлық Тамды қаласын ашық аспан асты мұражайына айналдыру мақсатында алдынала жүргізілетін археологиялық зерттеу жұмыстары, 2011, 2).

Арада өткен бірнеше жылғы үзілісткен кейін 2017 жылы Тамды қаласындағы зерттеу, қорғау жұмыстары қайта жалғасын тапты. Қазба жұмыстары барысында цитадельді солтүстік жағынан қоршаған қамал мен оның айналма дәлізі және цитаделдің ішкі құрылыстарына қатысты алаң ашылды.

Айналма дәліз. 2017 жылғы зерттеу жұмыстарының негізгі міндеттерінің бірі ретінде ескерткіштің мәдени қабаттары мен олардағы нысандарды анықтау үшін кең көлемде қазба жұмыстарын жүргізу және нысан көлемінде орналасқан қорғаныс жүйесінің сақталған элементтерін ашу көзделген болатын. Осы мақсатта ортағысырлық Тамды қаласында 2011 жылғы №3- қазбадан ашылған 1 – 5- бөлмелердің солтүстік-батыс жиегінен Тамды өзеніне қарай қазба салынды. Шығыстан батысқа қарай бағытталған қазбаның ұзындығы 16 м, ені 2-4 м, тереңдігі 0,4-1,5 м. Қазбаның беткі қабатын тазату кезінде 30-40 см қалыңдықтағы бос топырақ құландысы тазартылып, оның астынан құрылыс насындары ашыла басытады. Қазбаны одан әрі қарай тереңдету барысында пахса блоктардан тұрғызылған қорғаныс қамалының қабырғалары мен олардың арасындағы айналма дәліз анықталды. Ашылған дәліздің ұзындығы 16 м, ені 1,3-1,8 м. Дәліздің оңтүстік жиегі (қамалдың ішкі қабырғасы) 2011 жылғы №3- қазбадан ашылған 1–5- бөлмелердің солтүстік жиегіне жапсарласа орналасқан. Қамал құрылысының жоғарғы қабатының бұзылып кеткендігі және айналма дәліздің іші жоғарғы құрылыстарыды салу кезінде тығыздалып бекітілгендігі анықталды. Ашылған қамалдың шығыс жағындағы ұзындығы 7 м болатын бөлігі 2011 жылғы қазбаның 1-2- бөлмелерінің солтүстік қабырғасымен ортақ. Ал одан батысқа қарайғы бөлігі 5 қатар пахса блоктармен бекітілген. Ұзындығы 1,8 м, ені 2 м, сақталған биіктігі 0,5 – 1,5 м. келетін пахса блоктар ұсақ малтатас аралас сары топырақтан құйылған.

Дәліздің солтүстік жиегі (қамалдың сыртқы қабырғасы) оның оңтүстік жиегіне параллель орналасқан пахса блоктардан тұрғызылған.

Дәліздің шығыс жағы 2010-2011 жылдары ашылаған дәлізге жалғасады. Ал дәліздің батыс жиегі қазбаның әлі қазылмаған бөлігінің астында қалғандықтан оның ұзындығы толық анықталған жоқ. Қаланың осы бөлігінің сыртқы топграфиялық ерекшеліктеріне қарағанда ашылған дәліз цитадельдің солтүстік батыс бұрышында орналасқан мұнараға өтетін болса керек.

Қазба барысында бос топырақ құландыларының арасынан қыш ыдыстың сынықтары мен ұсақ малдың сүйектері және өңделген асықтар кездесті.

Алаң. 2011 жылы ашыла бастаған алаңның дәлізге жалғасатын жерінен батысқа қарай тереңдетіп тазарту жұмыстары жүргізілді. Қазба барысында 1- бөлменің оңтүстік қабырғасының сыртына жапсарлас орналасқан сұпа тазартлып, толық ашылды. Шығыстан батысқа қарай сөзыла орналасқан сұпаның ұзындығы 4,7 м, ені 1,2 м. Оның бетін тазарту кезінде батыс шетінен ұзындығы мен ені 1,2 м келетін 1- бөлмеге өтетін төменгі құрылыс кезеңінегі өтпе дәліздің орны анықталды. Шағын дәліз жоғарғы құрылысты салу кезінде екі шетінен кесекпен қаланып, арасы бос топырақпен толтырлған. Бос топырақты тазрту кезінде қыш ыдыстың сынықтары мен ұсақ малдың сүйектері кездесті.

Сұпаның бұзылып кеткен шығыс бұрышы қайта қаланып, беті толықтай балшықпен сыланды. Қазбаға келушілердің өтуіне қолайлы болу үшін 1- бөлменің есігіне өтетін шағын дәліздің орны тазартылып, бекітілген жері қайта ашылды.

Алаңды тереңдетіп тазарту кезінде 2011 жылы ашылған оңтүстіктен солтүстікке қарай өткен дәліздің еден деңгейінен ашылған тастан қаланған арықтың жалғасы ашылды. Арық дәліздің оңтүстік шетіндегі біткен жерінен батысқа қарай бұрылған. Ашылған арық шығыстан батысқа қара

бағытталып, сұпаға параллель және 1,2 м аралықтан өткен. Арықтың ашылған ұзындығы 4,7 м, ені 60–75 см, тереңдігі 30–40 см және оның бетіне көлемдері 40х30х15 см шамасындағы жалпақ тастар қаланған. Арықтың солтүстік жиегінен қалыңдығы 30 см келетін бекіту жүйесі жасалған. Сыртқы жағынан бір қатар кесекті қырынан қалап арасын топырақпен тығыздағын. Арықты тазарту кезінде 2011 жылы ашылған дәлізге бұрылатын тұсында оның бетіне төселген жалпақ тастардың арасынан тас мүсін аршылып алынды.

Мүсін ашық-сұр түсті гранит тастан қашалып, ер адам бейнесінде өңделген. Мүсіннің бас бөлігі сынып, тек дене тұрқы сақталған. Мүсіннің сақталған биіктігі 90 см, жалпақтығы 35 см, қалыңдығы 15 см. Мүсін оң қолына кесе алып, иек тұсына жақын ұстаған. Сол қолынаұзыншақ әрі жүзді келген тік қанжар алып, тұтқасынан ұстап, сол жақ бүйіріне таянаған қалпында бейнеленген. Оң жақ мықынына торсық тәрізді ыдыс іліп, ал сол жақ мықынына ұзын жүзді тік қанжар тағынған.Мүсіннің төменгі жағы жерге отырғызуға ыңғайлап, артқа қарай шалқайта өңделген.

Бұл тас мүсіннің антропоморфты сюжеті жергілікті түрік халықтарының ғұғыптық кешендерінде жиі кездесетін ескерткіш нысандары ретінде сипатталатын, VII-VIII ғғ. жататын балбалтастарға жақын келеді (Досымбаева, 2013, 49).

Сонымен қатар арықтың бетін тазарту кезінде бос топырақ құландысының арасынан қыш ыдыстың сынықтары, дастархан мен бүтін кесе табылды.

Алаңды батыс бағытта тазарту барысында оның 2011 жылы ашылған №3- қазбаның солтүстік жиегін жағалай отырып батыс шетіне дейін жалғасатындығы анықталды. Алаңның батыс бөлігін жалғастыру және 2011 жылы ашылған №3- қазбадан ашылған 3, 4, 5- бөлмелердің солтүстік қабырғаларның сыртын анықтау мақсатаныда қазбаны тереңдету жұмыстары жүргізілді. Қазба барасында алңның солтүстік батыс бұрышынан аумағы 70 см, тереңдігі 1 м, шұқыр ашылды. Шұңқырды тазрту кезінде қыш ыдыстың сынықтары, дирменнің үстіңгі тасы, металдан жасалған шырағдан тұғырының бөлшегі кездесті (Тамды IX-XIII ғғ. қалашығында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу, 2017, 17-19]. Қазба барысында анықталған құрыс қалдықтары мен табылған бұймдарға байланысты камералдық өңдеу және салыстырмалы талдау жұмыстары жалғасуда.

Далалық жұмыстар барысында 2017 жылы жаңадан салынған қазба барысында ашылған құрылыс нысандары толығымен уақытша сақтау үшін темір шатырмен жабылды. 2011 жылғы археологиялық қазба барысында ашылған құрылыстардың көміліп қалған жерлері қайта тазартылып, бүлінген жерлері қалпына келтірілді (сурет 2, 3). Ашылған құрылыс нысандары жайлы қысқаша мәліметтер берілген ақпараттық тақтайшалар жасалып, ілінді (сурет 4). Ескерткіш төңірегінде тазарту жұмыстары жүргізіліп, санитарлық орындар жасалды.

Алдағы уақытта Тамды қаласында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижесін пайдалану жөнінде Жамбыл облыстық мәдениет басқармасына және осы саладағы құзырлы мекемелер мен ұйымдастырушылардың келесідей бірқатар өзекті мәселелерді шешудің жолын басшылыққа алғаны дұрыс деп санаймыз. Біріншіден ғылыми зерттеу барысында дайындалған топографиялық карталар мен фотоларды пайдалана отырып ортағасырлық Тамды қаласының ресми құжат түрдегі қорғау аймағын бекіту қажет. Екіншіден 2009-2010 жылдары жүргізілген қазба жұмыстары кезінде ашылған құрылыс нысандарын, қорғаныс қамалы мен оның ішкі жағындағы дәліздің бұзылған бөліктерін қайта қалпына келтіру және төбесін толықтай темір шатырмен жабу ісі де кезек күттірмейтін мәселенің бірі. Үшіншіден ортағасырлық Тамды қаласы мен оған қатысты тарихи ескерткіштер туралы ғылыми-ақпараттық еңбек шығару да өлке тарихы мен мәдениетін насихаттаудың үлкен мүмкіндігі деуге болады.

Әдебиет:

Агеева Е.И. Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселении и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1958. – Т. 5: Археология. – С. 3 – 215, Рис. 54.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, 1950, № 67. Серия археологическая. Выпуск 2. С. 59-99.

Дәдебаев Ж**.** Талас аңыздары. - Алматы: Нұрлы Әлем, 2002. - 72 б.

Досымбаева А. История тюркских народов Традиционное мировозрение тюрков. Алматы, «Service Press», 2013. – 250.

Свод памятников истрии и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. – Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. – Т. 2. С. 261, № 646.

Ортағасырлық Тамды қаласы / Елеуов М. Ғылыми-зерттеу жұмысының (аралық есеп). – Алматы, 2009. – 45 б.

Ортағасырлық Тамды қаласын ашық аспан асты мұражайына айналдыру мақсатында алдынала жүргізілетін археологиялық зерттеу жұмыстары / Елеуов М. Ғылыми-зерттеу жұмысының (аралық) есебі. – Алматы, 2010. – 45 б.

Ортағасырлық Тамды қаласын ашық аспан асты мұражайына айналдыру мақсатында алдынала жүргізілетін археологиялық зерттеу жұмыстары / Елеуов М. Ғылыми-зерттеу жұмысының (аралық) есебі. – Алматы, 2011. – 57 б.

Тамды IX-XIII ғғ. қалашығында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу / Елеуов М. Ғылыми-зерттеу жұмысының есебі. – Алматы, 2017. – 58 б.

Резюме

М. Елеуов, С.Есенов

«Археологические исследования средневекового города Тамды в 2017 году»

В статье рассматриваются краткая история исследовании средневекового города Тамды а так же результаты археологических исследовании проведенных в 2017 году. Приведены краткое описание, конструкция коридора и площадка, а также связанных с ними археологических находки, обнаруженные в ходе раскопок. Кроме того, предоставлены конкретные предложения в отношении памятника для реализации в будущем.

Summary

M. Yeleuov S. Yessenov

«Archaeological research at the medieval city Tamdy in 2017 year»

The article addresses to brief history of the medieval city Tamdy and results of The article addresses to brief history of the medieval cyity Tamdy and results of archaeological research conducted in 2017 year. Briefdescription of the corridor and construction of the site as well as associatedwith them archaeological finds obtained in the course of excavations are given.In addition, specific proposals to be conducted in the future of the monument arepresented.



Сурет 1. Ортағасырлық Тамды қаласы



Сурет 2. Тамды қаласында 2011 ж. ашылған құрылыстарды қалпына келтіру



Сурет 3. Тамды қаласында 2011 ж. ашылған құрылыстарды қалпына келтіру



Сурет 4. Тамды қаласында 2017 ж. ашылған құрылыстар және ақпарат тақтайшалары

Ибадов Ш.М.
Институт Археологии и Этнографии
Национальной Академии Наук
Азербайджан, г. Баку

УДК: 911.375.2

К ИСТОРИИ ГОРОДА ЛЕНКОРАНЬ: КРЕПОСТЬ БАЛЛАБУР – РУИНЫ ДРЕВНЕЙ ЛЕНКОРАНИ?

Түйінді сөздер: Әзірбайжан тарихы, Ленкоран, Баллабур қамалы, Астара, Талыш-Муган мәдениеті
Ключевые слова: история Азербайджана, Ленкорань, Балабур, Астара, культура Талыш-Муган
Keywords: history of Azerbaijan, Lankaran, Ballabur, Astara, the Talysh-Mughan culture

Ленкорань – один из древнейших городов Азербайджана –географически расположен в Ленкораньской низменности, на пересечении 38 градуса северной широты и 48 градуса восточной долготы, на юго-западном берегу Каспийского моря, на востоке подножия гор Талышской гряды, в той её части, где река Ленкораньчай на высоте 20 метров (65 футов) от уровня моря впадает в Каспий. Ленкорань является портовым городом. Точные данные о дате основания города не имеется. Так как, отсутствие археологических раскопок в древней части города (в Крепости /*Гала*/), стало причиной тому, что, вопросы связанные с его историей, по сей день остались открытыми. Вместе с тем, никакого сомнения не вызывает тот факт, что территория на которой расположен город, является одним из древних мест поселения в Азербайджане. Это подтверждается и образцами материальной культуры, относящимися к периоду позднего бронзового и раннего железного веков, найденными, приблизительно, в одном километре от Ленкорани – на территории могильника Сигон (что означает – «каменная территория»). Могильные захоронения этого кладбища относятся к типу «каменных коробок», сооружённых из гигантских кусков скальных пород. В центре кладбища в окружении «каменных коробок» расположены группы из 6 могильников, приблизительно, одинакового размера. В целом, на территории существует более 200 «каменных коробок», большинство из которых разграблены (Махмудов Ф, 1967, с. 1-7). К сожалению, в настоящее время, большая часть территории кладбища передана населению в виде дворовых участков, и лишь малая часть этого памятника находится под охраной государства.

Образцы материальной культуры (керамика, различные виды оружия и пр.), найденные на кладбище Сигон относят к культуре, известной в азербайджанской археологии как «Талыш-Муганская культура». Эти образцы, наряду с информацией о быте населения, проживавшего на этой территории в прошлом, сообщают нам и о его культурных, экономических, политических и военных отношениях с ближними и дальними странами. Исследователи, которые вели здесь исследования разведывательного характера в 80-ые годы прошлого века, относят могилы этого кладбища к концу II – началу I тысячелетия до н. э. (Кошкарлы, Алекперов, 1988, с. 67).

Другие значительные находки были выявлены в 5 км от современного города Ленкорань, на территории посёлка Хафтони. Во время археологических раскопок здесь было найдено оружие, изготовленное из бронзы – 5 мечей и кинжалов, а в 1,5 км от города – в местности, называемой Дивалона, во время хозяйственных работ было обнаружено ещё 6 мечей и кинжалов, а также 2 стрелы. Такие оружейные находки встречались и в селе Шилавар, поблизости от Ленкорани (Махмудов Ф., 2008, с.79-80). Всё это, а также выявленные в начале минувшего века в восточной части Ленкорани на прибрежных камнях Каспия, образы луны, солнца, меча и других видов оружия и предметов быта, отражающие первичные верования и хозяйственную деятельность людей, доказывают, что история Ленкорани уходит корнями очень глубоко в прошлое (Азимбеков И, 1926, с. 74).

Начиная с XVI века в письменной литературе можно встретить информацию, относящуюся к путешественникам, купцам и государственным деятелям, в которой название города Ленкорань упоминается в таких формах как «Ланкон», «Лайгон», «Лянгяркунан» и прочих. К примеру, в хранящихся в посольстве Гамбурга (Германия) и относящихся к XVI веку отчётах, упоминается название города Ленкорань и находящегося неподалёку от него села «Ланкон». В частности, указывается, что в районе Талыш, на берегу Каспийского моря есть местность под названием «Ланкон». Места здесь слишком заболочены, однако удобны для остановки в ряд судов. (Путешественники об Азербайджане, 1961, с. 175).

Из воспоминаний Лоренса Чепмена – поверенного торгового предприятия «Англия-Москва» в XVI веке, выясняется, что во время своего путешествия в 1568-69 гг. он проезжал через Ленкорань: «…Я увидел столицу этой страны – город «Лайгон»» (Путешественники об Азербайджане, 1961, с. 142). Посол Германии в Государстве Сефевидов – Стефан Какаш, направляясь в 1603 году от короля Рудольфа во дворец Шаха Аббаса I, по пути побывал в Ленкорани и в находящемся в его окрестностях населённом пункте «Ланцен» (Путешественники об Азербайджане, 1961, с. 173-175; Махмудов Я, 1980, с. 54-58).

Одним из европейских авторов средневекового периода, оставившим интересные сведения об Азербайджане и о его отдельных городах и областях, был немецкий путешественник Адам Олеарий. Преодолевший 4 мили пути, и прибывший 7 февраля 1638 года в Лянгяркунан (Ленкорань) А.Олеарий, записал свои впечатления, связанные с этим городом. Согласно его записям «…Этот город получил своё название от названия порта, где суда бросали якорь, однако, в действительности, здесь нет порта. Существует лишь залив, в форме полумесяца, имеющий в двух местах выход на сушу. Один из них находится в Ленкорани, а другой – в Гызылагадже… Так как, дно залива покрыто землёй, смешанной с мелким песчаником, туда могут входить лишь лодки с плоским дном». (ОРВЗК, 1986, с. 402-403).

Однако по мнению специалистов, историю основания Ленкорани неверно относить к XVI веку. Потому что, уже в то время бывавшие здесь проездом путешественники видели Ленкорань сформировавшимся городом, обладающим выгодными естественно-географическими условиями, и отмечали его как столицу провинции Талыш. Учитывая, что для зарождения и формирования города требуются столетия, то историю зарождения Ленкорани нужно искать в более древних временах. В связи с этим, внимание привлекает следующая информация, сообщаемая нам в произведении «Джавахирнамеи-Лянкорань» летописца XIX века Сейид Али Казимбекоглу: «…В книге «Тарихи-джаханумайи-турку», история которой насчитывает около двухсот лет, указывается, что Ленкорань – это посёлок на западном берегу Каспийского побережья, расположенный немного южнее города Гызылагадж. Однако из бесед с аксакалами этих мест становится ясно, что раньше Ленкорань была большим городом, с большим населением. Местные жители отмечают, что на рынках города имелось сорок лавок, торговавших промышленными товарами, также были ремесленники, продававшие продукцию ткачества и прочими изделиями…» (Казимбекоглы, 2000, с. 4).

Заметка учёного-географа Н.Керемова о том, что видный азербайджанский поэт А.Хагани в 1151 году, направляясь в Хорасан на паломничество, прошёл через Сальян, Ленкорань, Астару и Ардабиль, (Керемов, 1986, с. 29), а также информация о том, что Рамазан ибн Шейх Али – автор произведения «Фаррухнамеи-Джамали», написанного в 1409 году, и Мухуб Али ибн Ахмад, который в 1594 году перевёл это произведение на персидский язык, взяли название «Ленкорани» в качестве своих псевдонимов, выступают подтверждением того, что этот город существовал столетиями раньше (НАИИ НАНА, ф. 1, с. 9, д. 4732).

Однако в некоторых источниках предполагается, что город Ленкорань располагался на территории древней крепости Баллабур (в народе её называют «Крепость цирюльника», «Крепость Бабека»), и это место являлось одним из опорных пунктов войск Бабека, сражавшихся против арабов (Ленкоран, 2014, с. 79-80; Казимбекоглу, 2000, с. 35). Руины крепости, которые расположены на вершине горы, на сегодня поросли лесами. Известно, что само её название происходит от талышских слов «балел» (дуб) и «быр» (колючка), и существуют такие этимологические варианты, которые можно перевести как «дубовый терновник», «дубовая гора» или «дубовые джунгли». Считается, что в прошлом высокие дубовые деревья и непроходимые колючие кустарники сыграли для крепости роль естественного защитного ограждения. Руины крепости находятся в 9 км к юго-западу от города Ленкорань, рядом с селом Баллабур и охватывают площадь, приблизительно, в 1 гектар. Некоторые авторы сообщают о возведении крепости в IV веке в защитно-оборонительных целях, в период правления сасанидского императора Шахпура II (309-379). По их мнению, строительные работы по возведению крепости были поручены наместнику Ирана в Талыше – Хилалу Бабуру. В крепости располагался большой гарнизон и этим объясняется то, что на территории крепости во время археологических раскопок было найдено множество образцов материальной культуры, оружия и боеприпасов.

Другие же, авторы считают, что Баллабур был заложен не в Средние века, а на 1500-2000 лет ранее (Ахундов Ф., 20 апреля, 2012 г.). Археологи К.Кошкарлы и А.Алекперов указывают, что крепость Баллабур появилась в XIV-XV вв. и существовала до XVIII века. По их мнению, крепость являлась одной из самых обороноустойчивых городов-крепостей для своего времени. (Кошкарлы, Алекперов, 1988, с. 67).

В конце XIX и начале XX вв. вырос интерес к изучению истории Ленкорани, в том числе и крепости Баллабур. Французский археолог Жак де Морган, изучавший крепость в тот период, увёз найденные здесь бронзовые предметы и украшения в музей города Сен-Жермен (Франция). Однако по той причине, что его изыскания носили не научный характер, а мотивировались, скорее, жаждой наживы, они нанесли этому историческому памятнику существенный урон. В частности, после того, как в 1910 году в крепости был найден крупный клад, многие участки крепости были разрушены, большинство обозначений, символов и изображений на поверхности камней и её стенах были уничтожены. Разрушения, производимые с целью обнаружения новых сокровищ, завершились уничтожением и разорением многих древних изображений и произведений искусства. Некоторые предметы и образцы строительных материалов, найденные на территории крепости в последующие периоды, хранятся в Краеведческом музее города Ленкорань (Азербайджан, 18 июнь, 2016).

В 1967 году, в траншее глубиной в 100 метров, вырытой для прокладки водного канала под крепостью, было обнаружено 2 культурных слоя толщиной в 1,5-2 метра, богатых различными образцами материальной культуры. В нижнем слое были обнаружены черепицы, изготовленные из чёрной глины, обломки кувшинов, шарообразной формы без ручек и с узким горлом, оружие из железа и бронзы, и прочее (Махмудов Ф., 2008, с. 78). Все эти находки также подтверждают, что в поздний бронзовый и ранний железный века эти места являлись поселениями. Толщина культурного слоя в 1,5–2 м. указывает на то, что место поселения было довольно обширным и жизнь, здесь, протекала интенсивно и беспрерывно.

При постройке крепости, снизу вверх по склону горы, по окружности возводились фортификационные укрепления из нескольких, подпирающих друг друга, речных камней. В настоящее время эти укрепления сохраняются в виде каменных возвышенностей, покрытых лесными зарослями. Археолог Иса Азимбеков в своей статье «Древности Ленкоранского края», опубликованной в 1926 году во втором выпуске журнала «Известия Азербайджанского Археологического Комитета», отмечает, что фундамент крепости, заложенный в форме восьмиугольника, сооружён из речного камня, а стены выстроены из обожжённого кирпича, квадратной формы (28x28x6). Высота стен крепости достигает 4-5 метров, толщина – 1,5 метра. Археологические материалы, собранные на территории памятника, состоят из глазурованной и неглазурованной керамики характерной, в основном, для IX-XII веков. Наряду с этим, на территории крепости были обнаружены и медные, серебряные, а также византийские золотые монеты (Археология Азербайджана, 2008, с. 92).

В трёх секционной башне, расположенной в самой высокой части крепости, имелись комнаты. В первой секции внимание привлекает фигура быка, высеченная из белого камня на стене. На стенах второй секции нанесены рельефные изображения лука, стрел, обнажённого меча и кинжала. В самой верхней, третьей секции расположена полуразрушенная комната, на стенах которой внимание притягивают, изготовленные из гипса фигуры птиц, цветов и растений (Мирешрефоглы, апрель, 2013 г.).

Предполагают, что крепость имеет несколько врат. Одни из них ныне находятся, предположительно, на территории села Сефидор. Исследователи считают, что начальник крепости или командующий войсками сидел в нынешней деревне Косалар и осуществлял общее наблюдение. Административные привратники и служители закона размещались на территории села Гумбаши.

Осуждённые на смертную казнь, проходили в крепости через особую дверь. По этой причине, это место получило название «Гёранба», то есть, «Дверь в могилы» (возможно, что название села Гурунба в Ленкорани также происходит отсюда). Во время арабского завоевания крепость перешла в руки арабов, где был размещён гарнизон Халифата (Азербайджан, 18 июня, 2016 г.).

Историческое значение горы Баллабур заключалось в том, что расположившись в таком военно-стратегическом и экономически выгодном месте, где горный ландшафт соединяется с низменностью, крепость выполняла функцию оборонительного сооружения и наблюдательного пункта за равнинными территориями. Помимо этого, предполагается, что одна из основных дорог Юго-Восточного региона Азербайджана, проходившая по низменности и предгорью вдоль гор, проходила именно через Баллабур. По мнению специалистов, племена, являвшиеся в нашей истории носителями Талыш-Муганской культуры, в поздний бронзовый и ранний железный века именно в этом месте – зоне, где горная область переходит в низменность, основали свой политический и экономический центр – город-крепость. Существование у подножия горы древнего поселения и кладбища также указывает на это. Однако, к сожалению, тайны крепости Баллабур ещё не раскрыты до конца. Мы считаем, что фундаментальные исследования, которые, несомненно, будут здесь проводиться в дальнейшем, принесут значительную пользу как для изучения самой крепости и древней истории города Ленкорань, так и для освещения далёкого прошлого истории Азербайджана.

Литература:

«Азербайджан» (газета). 18 июня 2016.

Азимбеков И. Древности Ленкоранского края. // Известия Азербайджанского Археологического Комитета. 1926, № 2. 1926. - с. 67-81

Археология Азербайджана (в 6 томах). Т. VI, Баку: - «Шарг-Гарб», 2008. - 632 с.

Ахундов Т., Керимов Б. Великолепный памятник истории Азербайджана – Баллабур. // «Известия Юга» (газета). 20 апреля, 2012

Казимбекоглы С. Джавахирнамеи-Ленкорань. - Баку: «Орнек», 2000. - 45 с.

Керемов Н. Путешественники и географы Страны огней. Баку: «Азернешр», 1986. - 205 с.

Кошкарлы К., Алекперов А. Разведочные работы в Талыш-Муганской зоне. // Тезисы докладов конфренции «Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической науки в Азербайджане». – Баку: «Элм», 1988. - с. 66-67.

Ленкорань: энциклопедические сведения. - Баку: "Ол", 2014. - 512 с.

Махмудов Ф. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. - Баку: «Нафта-Пресс», 2008. - 216 с.

Махмудов Я. Путешествие в Страну огней. - Баку: «Гянджлик», 1980. - 120 с.

Махмудов Ф. Отчет об археологической разведке в Ленкоранском районе (1967 г.). Архив ОПИСАЭИИ. с. 1-7.

Мирешрефоглы С. Крепость Баллабур – камни Родины. // «Зелёный чай», (журнал). - Апрель, 2013.

Научный Архив Института Истории Национальной Академии Наук Азербайджана (НАИИ НАНА). - ф. 1, с. 9, д. 4732

Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях (ОРВЗК). В 4 т., т. III. - СПб., 1836. - 392 с.

Путешественники об Азербайджане. Том. I (Под. ред. Э.М.Шахмалиева). - Баку: Академия Наук Азербайджанской ССР, 1961. - 499 с.

Түйіндеме

Ш.М. Ибадов

Әзірбайжан Ғылым Академиясы Археология және этнография институтының докторанты, Баку қаласы

Ленкорань қаласының тарихы: Баллабур бекінісі - ежелгі Ленкоранның қирандылары ма?

Әзірбайжандағы ең көне қалалардың бірі - Ленкоранның негізінің қалануы туралы тарих ғылымында нақты дерек жоқ. XVI ғасырдан бастап жазба әдебиеттерде қаланың атауы «Ланкон», «Лайгон», «Лянгяркунан» және тағы басқа түрде кездеседі. Алайда, қала орналасқан аумақ Әзірбайжандағы ең көне орындардың бірі болып табылатындығына ешқандай күмән жоқ. Сол өңірден кейінгі қола және ерте темір дәуіріне жататын материалдық мәдениет үлгілерінің (қару-жарақ, тұтынатын бұйымдар және тұрмыстық заттар) табылуы дәлел болып табылады. Сонымен қатар кейбір деректерде Ленкорань қаласының ортағасырларда (IX -XIғғ.) Баллабур бекінісінің аумағында орналасқаны айтылады. Мақалада Ленкорань қаласының тарихына байланысты мәселелер қарастырылып, талдау жасалады.

Summary

Sh. M.Ibadov

Doctoral candidate of the Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Sciences of Azerbaijan Azerbaijan, Baku city

About the history of the Lankaran town: Is the fortress of Ballabur is ancient Lankaran?

There is no accurate information about the history of Lankaran - one of the ancient towns of Azerbaijan. In written literature it was mentioned as "Lankon", "Liqone", "Langarkunan, etc., since the 16th century. However, there is no doubt that the area of the town's location is one of the oldest settlements of Azerbaijan. The late Bronze - early Iron Age material and cultural samples (guns, farming and household items) discovered in suburban areas prove this fact. At the same time, some sources deal with location of Lankaran town in the medieval ages (9th – 11th centuries) in the area of ancient Ballabur fortress. The article deals with these and other issues related to the history of Lankaran town.

Калменов М.Д.
кандидат исторических наук,
ЗКГУ им. М.Утемисова
г. Уральск, Казахстан
Бижанова А.Е.
кандидат исторических наук,
ЗКГУ им. М.Утемисова
г. Уральск, Казахстан

УДК 903

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ЖАЙЫК В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2014 г.

Ключевые слова: Археологические раскопки, средневековая городская культура, городище Жайык, гончарная печь, медная монета
Keywords: Archaeological excavations, medieval urban culture, Zhaik settlement, pottery furnace, copper coin

В полевом сезоне 2014 г. были продолжены археологические исследования на городище Жайык. Раскоп №1 был заложен на участке примыкающий к раскопам предыдущих лет (раскоп 2002 г.). Он расположен к западу от «Большой усадьбы» (*Байпаков и др., Уральск, 2002; Байпаков и др., Алматы, 2005)*. В ходе снятия верхнего горизонта (20 см) были обнаружены контуры остатки стены, сложенной из сырцовых кирпичей. Размеры кирпичей 32х25х5, 30х25х6 см, к сожалению, после вскрытия площади стало известно что, сохранились только нижний ряд кладки. Остатки стены в плане, визуально представляет букву «Е». Возможно, западная стена была внешней стеной постройки, она состоит из трех рядов кладки. Северный и южный стены сложены из двух рядов кладки, доказываю, что, они служили межкомнатными стенами сооружения. Восточные части остатков межкомнатных стен постройки не сохранились, визуально, четко прослеживается, что они были разрушены или происходила выборка кирпичей. Аналогичная ситуация и с северным сектором внешней стены. В 2,5 м к южнее от стены расположены остатки печи. Объект сильно разрушен, сохранился лишь дугообразный контур конструкции. Печь, по-видимому, была сложена комбинированными кирпичами, в ходе зачистки были обнаружены фрагменты и жженных, и сырцовых кирпичей. В центральной части дугообразного контура четко прослеживается толстый и спрессованный слой золы. В заполнении золы встречены мелкие фрагменты керамики и костей животных. На краю бровки раскопа, западнее от остатков стены была обнаружена контуры ямы. Верхний диаметр ямы 90 см. Во время зачистки заполнения ямы, стало известно, что внутренний профиль от материка к верху слегка сужается, что образует грушевидний профиль. Максимальный внутренний диаметр 170 см, глубина 1 м. В ходе зачистки внутреннего заполнения ямы были обнаружены несколько фрагментов жженого кирпича со следами сажи. В глубине около 50 см была обнаружена хорошо сохранившиеся керамическая труба. Его поверхность и внутрь имеют следы сажи, сохранившиеся размеры: длина – 27 см, диаметр отверстия – 7 см, соединяющие манжеты сохранились частично. На полу (материке) также была найдена аналогичная труба. Поверхность и район соединяющей манжеты местами имеют следы извести, что доказывает на соединение с помощью известняковой массы. Сохранившиеся размеры: длина – 24, диаметр отверстия – 6,5 см. В заполнении ямы также были найдены мелкие фрагменты красноглиняных сосудов и кости животных, среди них преобладают кости КРС, несколько фрагментов сильно коррозированных, нечитаемых кусков металла. По-видимому, первоначально яма функционировала как место для хранения хозяйственных продукции, типа погреб, а обнаруженные в заполнении ямы фрагменты керамики, кирпичей и костей животных, а также керамические трубы со следами сажи, вероятнее всего попали в позднее время. На это наводить и тот факт, что стенки ямы не имеет следов сажи. Логически, если здесь имело место горения, то и стенки должны быть прокаленными.

Раскоп №2. Раскоп был заложен в северо-восточном направлении от основных памятников, исследованных в предыдущие годы. Вероятнее всего, на этом участке сконцентрированы основные объекты гражданской постройки. Вокруг площади раскопа располагаются исследованные объекты: к западу общественная баня-хаммам, а к югу усадьбы. Для комплексного изучения площади была заново расчищена «Малая усадьба», исследованная в 2002 г. *(Байпаков и др., Алматы, 2005, с.72-75)*.

В ходе снятия верхнего слоя, в 5 м восточнее от «Малой усадьбы» были обнаружены скопление фрагментов жженого кирпича, которые расположились по контуру фундамента постройки, который имеет размер 14х11 м (северная стена – 10, 6 м; западная стена – 14, 1 м; восточная стена – 14 м; южная стена – 10, 8 м). После зачистки фрагментов кирпичей южный и западный стены постройки имели следы сажи, возможно, по этой линий проходила отопительная система постройки. Судья по контурам, толщина стен достигает до 110 см. В ходе работы стала известно, что, первоначально на материке были вырыты углубления глубиной 15-20 см. На такой глубине, по-видимому, заложили фундамент сооружения. За все время работы обнаружено только две единицы целого кирпича. Они прямоугольные по форме, форматы, которых 22х23х5 см. На внешней и внутренней участках постройки найдены несколько десятков фрагментов глазурованной керамической плитки. В центре постройки сохранилась стена разделяющая сооружение на два помещения, длина 7,2 м, ширина 90 см. Стена сложена из сырцовых кирпичей по оси восток-запад. Размеры кирпичей 44х22х6, 42х22х6 см. На момент зачистки стена сохранила высоту 17 см (3 ряда кладки). В северной части сооружения сохранилась небольшая пристройка размером 230х170 см. Внешний периметр сооружения основан из сырцовых кирпичей, размером 27х20х5, 28х22х5 см, высота сохранились местами до 3 рядов. Внутрь пристройки заполнено бутом из фрагментов жженых кирпичей. На горизонте материка западнее от нее, прослеживается контуры не сохранившейся, еще одной аналогичной пристройки. На промежутке между контурами постройки и усадьбой обнаружены 6 небольших ям. В ходе расчистки заполнений ям, были обнаружены фрагменты керамики, кирпичей и костей животных, судья по цвету, подавляющее большинство костей, возможно, относится к позднему периоду. Восточнее от постройки располагаются 2 ямы. Диаметр первой ямы – 90 см, глубина – 30 см. В ходе зачистки внутреннего заполнения на глубине 15 см начинался слой золы, в заполнении золы встречаются фрагменты обугленных костей животных. Диаметр второй ямы – 1 м, глубина 70 см. при зачистке внутри ямы были обнаружены фрагменты кирпичей и костей животных. Восточнее, недалеко от описанных ям, находятся еще 2 углублений. Они неглубокие, глубина достигает максимум до 15 см. На верхнем слое сконцентрированы фрагменты жженого кирпича. Заполнения идет в перемеси с золой, обнаружены обломки керамики, кирпичей и костей животных.

В 10 м к востоку от «контурной постройки» располагается остатки еще одной постройки. По сравнению с первым объектом, сооружение сохранилась намного лучше. После снятия верхнего горизонта обнаружены остатки стены сооружения. Внешняя стена сохранилась в «Г» образной форме, по оси север-юг, и сохранилась в длину 12,45 м, толщина 95 см. Стена возведена из сырцовых кирпичей, размеры которых – 40х25х6, 38х25х6, 37х23х6 см. В фасадной части стены, местами, четко прослеживается остатки штукатурной обмазки. Возможно, когда-то, вся фасадная и внутренняя часть сооружения была полностью оштукатурена. Штукатурная масса изготовлена из песка и извести. Вход в сооружение, по-видимому, располагался в северо-западной части стены, на этом месте, на краю внешней стены имеется разрыв шириной 1 м, далее сохранился лишь фрагмент северной стены. К сожалению, северная стена была разрушена траншеей. На условной входной части расположены остатки двух печей. Первая печь сложена из жженых, квадратных кирпичей, в количестве 5 единиц, они вставлены на ребро, образуя в плане круг. Диаметр очажного круга 35 см, размеры кирпичей 25х25х5 см. Внутрь печи заполнено золой. Внешняя сторона печи была оштукатурена. Печь располагается на суфе, которая, сложена из сырцовых заполнений с последующей глиняной обмазкой. Высота суфы определяется в пределах 15 см. Восточнее от нее, располагается вторая печь. Она изготовлена из красножгущейся глины с большим количеством дресвы. Толщина стенок печи – 12-14 см, высота – 15-17 см. Внутренний диаметр очажного круга – 50 см. Внутрь печи заполнено золой. Печи не имеют систем дымоходов типа – кан, вокруг них не замечены следы прокали или сажи, не считая зольную концентрацию. Расстояние между двумя печами 3,40 м, в этом промежутке находится хаотичное концентрация жженых кирпичей (в основном фрагменты). Возможно, эти нечитаемые концентраций, остатки околопечных элементов, которые воздвигались для функциональных значений на площадке вокруг печи. Вблизи второй печи расположена неглубокая яма, диаметром – около 1 м и глубиной – 10 см. Заполнение ямы – зольно-сажистая. Южнее от первой печи располагается входной проем в помещения постройки. Порог проема застелен сырцовыми кирпичами. Ширина проема – 80 см. Далее по коридору, на площадке «прихожей» находится контуры шурфа позднего периода. Размер шурфа – 2,40х2,30 м, на поздний период, говорить и тот факт, что, западный сектор шурфа захватывает на 90% часть внешней стены. Далее по коридору, внутри дома, к востоку, располагается помещение. Размер помещений 4,70х4,50 м, толщина стен 82-83 см. Внутрь помещения перегораживает межкомнатная стенка с входным проемом на следующую комнату. Стенка комнаты сложен в ряд один кирпич. Кирпич сырцовый,

прямоугольный, размером – 23х22х4 см. Ширина входного проема 65 см. После снятия верхнего горизонта стало известно, что, внутрь этой небольшой комнаты завалена фрагментами жженого кирпича. После удаления фрагментов кирпичей, в нижнем ярусе, на полу, по периметру всей площади помещения обнаружен тонкий слой золы. Южнее от комнаты, в 3,55 м, располагается еще один сохранившиеся входной проем, аналогичной первой. Здесь также имеется остатки застеленных сырцовых кирпичей, ширина проема – 80 см. Возможно, кирпичи образовали ступеньку, на это показывает и тот факт, что далее ниже от горизонта находится глиняная набивка, располагающая на месте стыка южной и западной внешней стены. Размер сырцовой набивки – 160х90 см, толщина – около 15 см. К востоку от нее, ниже от горизонта обнаружена яма. Яма имеет средний диаметр – 130 см, глубина – около 1 м. При вскрытии ямы, кроме земляного заполнения, обнаружены фрагменты керамики, жженых кирпичей и костей животных. Дно и внутрь ямы «чистый», стенки не имеют никаких сажно-золистых следов. Далее, севернее от нее, в 50-60 см, располагается еще одна яма. На верхнем горизонте площади ямы сконцентрированы обугленные и полуобугленные кости грызунов и МРС, также были обнаружены фрагменты алюминиевых проволок. По сообщение местных жителей, в 70-80 гг. XX в. на этой площади работали сотрудники противочумной организации. По соображениям безопасности здоровья, было решено, не вскрыть, данную яму.

Таким образом, в ходе исследования площади раскопа №2, обнаружены остатки нескольких объектов. Первой – сохранились только контуры стен постройки, к сожалению, точное назначение данной постройки определить трудно. Найденные на этом участке фрагменты глазурованной плитки, а также размер сооружения наводить на мысль, что здесь была масштабная по тем временам сооружение. Возможно, это было административное или религиозное сооружение. Изобилие только фрагментов красных кирпичей говорить о выборке кирпичей в позднее время. Второй объект, также потревожен траншеей 2001 г. *(Байпаков и др., Уральск, 2002; Байпаков и др., Алматы, 2005; Калменов, 2013, Калменов, 2014)*.

В 15-17 м к югу от «Малой усадьбы» после снятия верхнего горизонта были обнаружены контуры круглого в плане темно-бурого цвета площадка, диаметром около 8 м. Вся площадь вокруг контура была заполнена слегка рыхлой землей смесь с золой. В северной части объекта найдены несколько мелких фрагментов возможно, обгорелого сырца. После снятия следующего слоя в заполнении найдены большое количество фрагментов красноглиняной керамики. Среди них особо выделяется несколько фрагментов штампованной сероглиняной и поливной керамики, местами обнаружены крупные куски сырца и глиняные шлаки. После расчистки контура, где были, сконцентрированы обгоревшие сырцы выяснилось, что это – гончарная печь. Археологические находки гончарной печи во многих средневековых городах свидетельствуют о широком развитии в средневековье гончарного ремесла *(Гайдукевич, 1934, с. 72-74; Мальм, 1949, с. 98)*.

Памятник представляет собой круглое в плане сооружение диаметром 1,25 м. *(Калменов, 2016, с. 179-186)* В ходе зачистки во внутренней заполнений обнаружены большое количество кусков природного мела, возможно, куски мела попали в период запустения памятника. После удаления фрагментов мела на глубине 60-65 см обнажилась перекрытия топки печи. В четырех местах перекрытия располагается отверстия-продухи которые служили для доступа горячего воздуха в верхнее отделение из топочной камеры. Они представляют собой круглые отверстия диаметром от 9 до 12 см, высотой 10-12 см, расположенные через каждые 30-40 см. Из-за плохой сохранности сказать, что-либо конкретное о перекрытии обжигательной камеры и загрузочного отверстия трудно. Толщина глиняной массы перекрытия топки 9-12 см. Восточная часть перекрытия сильно разрушена. Сооружение было воздвигнуто из кирпичей размерами 22х12х5, 25х12х6 см. Кирпичи печи, по-видимому, первоначально были сырцовые, на это подсказывает и тот факт, что с внешней стороны они сырцовые, а с внутренней красные, то есть обожженные. Кладка северо-западной части стен печи просела на 8-10 см. Перекрытие памятника была сооружено на глубине (от современного остатка горна) 55-60 см. На этой глубине с внутренней стороны четко прослеживаются следы слома перекрытия. В северо-западной части, где читается проседание кладки, с внешней стороны обнаружены контуры почти круглой в плане предтопочной ямы диаметром 2,10 м, глубиной от 0,90 до 1 м. Ниже дернового слоя идет слой разрушения мощностью до 40 см. На глубине около 80 см обнаружен пол с зольным слоем толщиной 10 см. В слое были найдены обломки керамики XIII-XIV вв**.** Пол представляет собой утрамбованную белую золу толщиной 10 см, на которой местами прослежены обмазки с саманной глиной. В ходе расчистки заполнения ямы были обнаружены фрагменты красноглиняных стенок сосудов, костей животных и природного мела. Во время расчистки заполнения ямы была обнажена внешняя сторона печи, выявлены контуры и техника кладки стены горна. В восточном секторе горна для выяснения внешней кладки была заложена

небольшая траншея размером 1,20х1,80 м. В результате, были выявлены контуры кладки и с этой стороны. Кладка прослеживается на глубине до 50 см.

Таким образом, в результате произведенных работ было установлено, что гончарная печь была двухъярусной конструкции. Печь сохранилась плохо, уцелела только нижняя топочная камера, верхняя обжигательная разрушилась. Топка установлена в округлой яме-котловане, вырытой в материковом грунте. Стены топочной камеры сложены из сырцового кирпича размером 22х12х5, 25х12х6 см. В поздний период сооружение, по-видимому, использовалась для гашения извести. На это подсказывает, и тот факт скопления природной мели в самой печи и в предтопочной яме. По результатам археологических исследований последних лет производство городища Жайык (печи по обжигу кирпичей, извести) *(Калменов, 2013б, с. 205-214; Калменов, 2013в, с. 357-363; Калменов, 2013г, с. 37-45),* по своему техническому развитию вполне соответствовало уровню технологий гончарного производства, который был, достигнут в эпоху Золотой Орды.

Аналогичные гончарные печи раннесредневекового и средневекового времени известны в Хорезме на Кырккыз кале, Шемахе кале и других городищах *(Вактурская, 1952, с. 189-190; Неразик, 1966, с. 154, Неразик, 1976, с. 74)*. В Туркменистане гончарные печи, также были двухъярусные, топки имели высоту 1,5-1,8 м *(Лунина, 1974, с. 254-256)*. В Мерве начиная с IX в. складывается три типа печей, которые будут характерны для периода развитого средневековья: это круглые печи без перекрытия топки, круглые двухъярусные с отверстиями-продухами в поду и двухъярусные прямоугольные *(Лунина, 1962, с. 251)*. В Мерве получили распространение прямоугольные печи, появление которых связывается с увеличением производства *(Масимов, 1972, с. 35-37)*. Двухъярусные по конструкции печи были раскопаны в Кафыр-кале (Согд) *(Беленицкий и др., 1973, с. 50)*.

Во время зачистки юго-западного сектора печи, на глубине 35-40 см была обнаружена медная монета. Тип монеты из-за плохой сохранности трудно определить. Монета джучидская, монетный двор нечитаемая, от даты видно только 7?? г.х. (1330-1340 гг.) *(Петров, Калменов, 2016, с. 22-28),* возможно, времен Узбек-хана. Во время работ 2002 г. также была найдена медная монета *(Байпаков и др, 2005, с. 86*) принадлежащей к пореформенному чекану хана Узбека, там по краю картуша была прочитана надпись «Чекан Сарая 737». Цифрами дана дата чеканки монет-737 год Хиджры (1336-1337 гг.). В любом случае, найденный нумизматический материал свидетельствуют о расцвете города в XIV в.

Таким образом, в полевом сезоне 2014 года были продолжены археологические работы по исследованию серии памятников на городище Жайык. В результате археологических исследований на площади расположения гражданских построек вскрыты археологические конструкции. Они представлены остатками жилых и хозяйственных помещений, очагами, в которых не только готовили пищу, но и возможно, являлись источником тепла внутри жилища, также вскрыта гончарная печь. Продолжение археологических исследований крайне актуально, поскольку они позволят исследовать новые объекты, часть из которых подвергается естественному и антропогенному разрушению.

Литература:

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Исследование средневекового города в окрестностях г. Уральска / Вопросы истории и археологии Западного Казахстана – Уральск, 2002 – №1.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык – Алматы, 2005.

Белиницкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии – Л. – 1973.

Бобринский А.А. К изучению техники гончарного ремесла на территории Смоленской области / СЭ – 1962 –№ 2.

Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха кала Туркменской ССР / ТХАЭЭ – М. 1952 – Т. I.

Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929-1931 гг. – М.-Л. 1934.

Калменов М.Д. «Отчет об археологических исследованиях на средневековом городище Жайык», Уральск, 2013а / Архив ЦИА ЗКО.

Калменов М.Д. «Отчет об археологических исследованиях на городище Жайык», Уральск, 2014 / Архив ЦИА ЗКО.

Калменов М.Д. Кирпечеобжигательная печь с городища Жайык / «Поволжская Археология», Казань, 2013б – № 4 (6).

Калменов М.Д. Печь для сжигания извести с городища Жайык / Сборник статей «Археология Восточно-Европейской степи», Материалы IV -Нижневолжской международной археологической конференции – Саратов, 2013в.

Калменов М.Д. Объекты строительства на городище Жайык (13-14 вв.) / «Вестник МИЦАИ» – Самарканд, 2013г – №18.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Об одном погребении, найденном на городище Жайык / Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале», 28 сентября по 2 октября 2015 г. – Челябинск, 2015

Калменов М.Д. Гончарная печь с городища Жайык / Еуразияның мәдени мұрасы (ежелгі дәуірден бүгінгі күнге дейін), Ғылыми мақалалар жинағы, Ә.Марғұлан атындағы Археология Институты – Алматы, 2016

Калменов М.Д. «Жайық қалашығы – ортағасырлық қала мәдениетінің ескерткіші» (2012-2015 жылдары жүргізілген археологиялық жұмыстарының нәтижелері бойынша) / «Городище Жайык – памятник средневековой городской культуры (по результатам археологических изысканий 2012-2015 гг.), (қазақ және орыс тілдерінде) – Орал, 2016

Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X-начала XIII вв. / ТЮТАКЭ – Ашхабад, 1962 – Т. XI.

Лунина С.Б. Эволюция и техника гончарного производства в средневековом Мерве / ТЮТАКЭ – Ашхабад, 1974 – Т. XV.

Мальм В.А. Горны московских гончаров XV-XVII вв. / Материалы и исследования по археологии СССР – М.-Л., 1949 – № 12.

Масимов И. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе / Каракумские древности – Ашхабад, 1972 – Вып. IV.

Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма – М. 1966.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) / ТХАЭЭ – М. 1976 – Т. 9.

Петров П.Н., Калменов М.Д. Сведения о находках джучидских монет на городищах Кетик-Кала и Кызыл-Кала в Казахстане / Научный ежегодник «Нумизматика Золотой Орды», №5, 2015 г. (база Скопус) – Казань, Кембридж.

Резюме

В статье дается информация о археологической работе произведенной в полевом сезоне 2014 г. на средневековом городище Жайык, являвшегося одним из наиболее значимых памятников бассейна реки Жайык. Продолжая раскопочные работы в центральной части городища, соединяя раскопы предыдущих полевых сезонов, исследовательские работы проводились путем привязки нового раскопа к выявленным конструкциям раскопов предыдущего сезона на самом городище. Были вскрыты остатки примыкающие друг к другу гражданские постройки и гончарная печь, датируемые по выявленным археологическим материалам XIII-XIV вв.

Summary

In the article information is given about archaeological work produced in the field season 2014 on the medieval site of ancient settlement of Zhayik being one of the most meaningful monuments of river Zhayik basin. Continuing excavations works in central part of site of ancient settlement, connecting excavations of the previous field seasons, research works were conducted by attachment of new excavations to the educed constructions of excavations of previous season on the site of ancient settlement. Bits and pieces were unsealed the joining to each other civil building and pottery stove, dated on the educed archaeological materials of XIII - XIV century.



Рис. 1. Раскоп 1

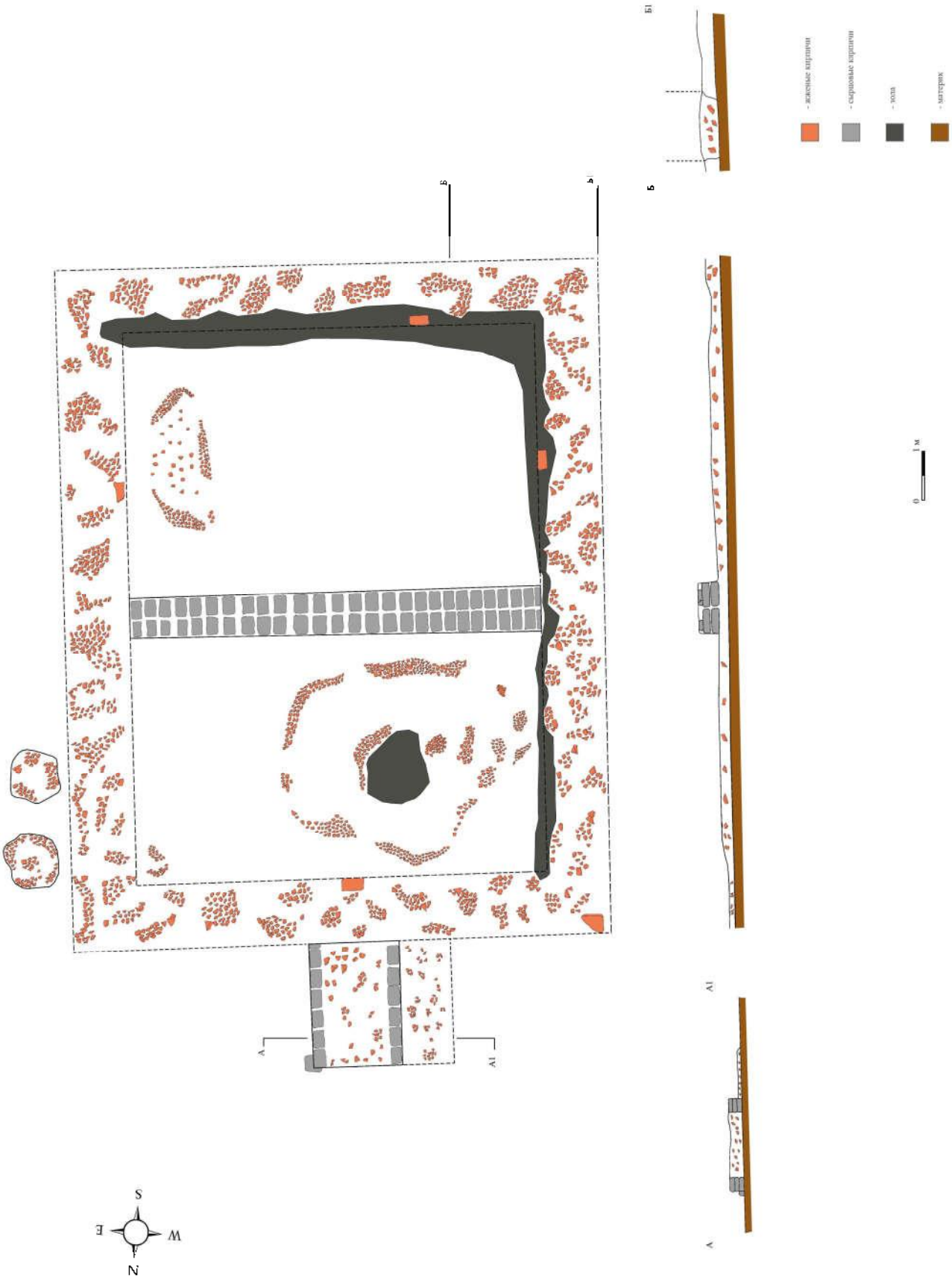


Рис. 2. Контурная постройка

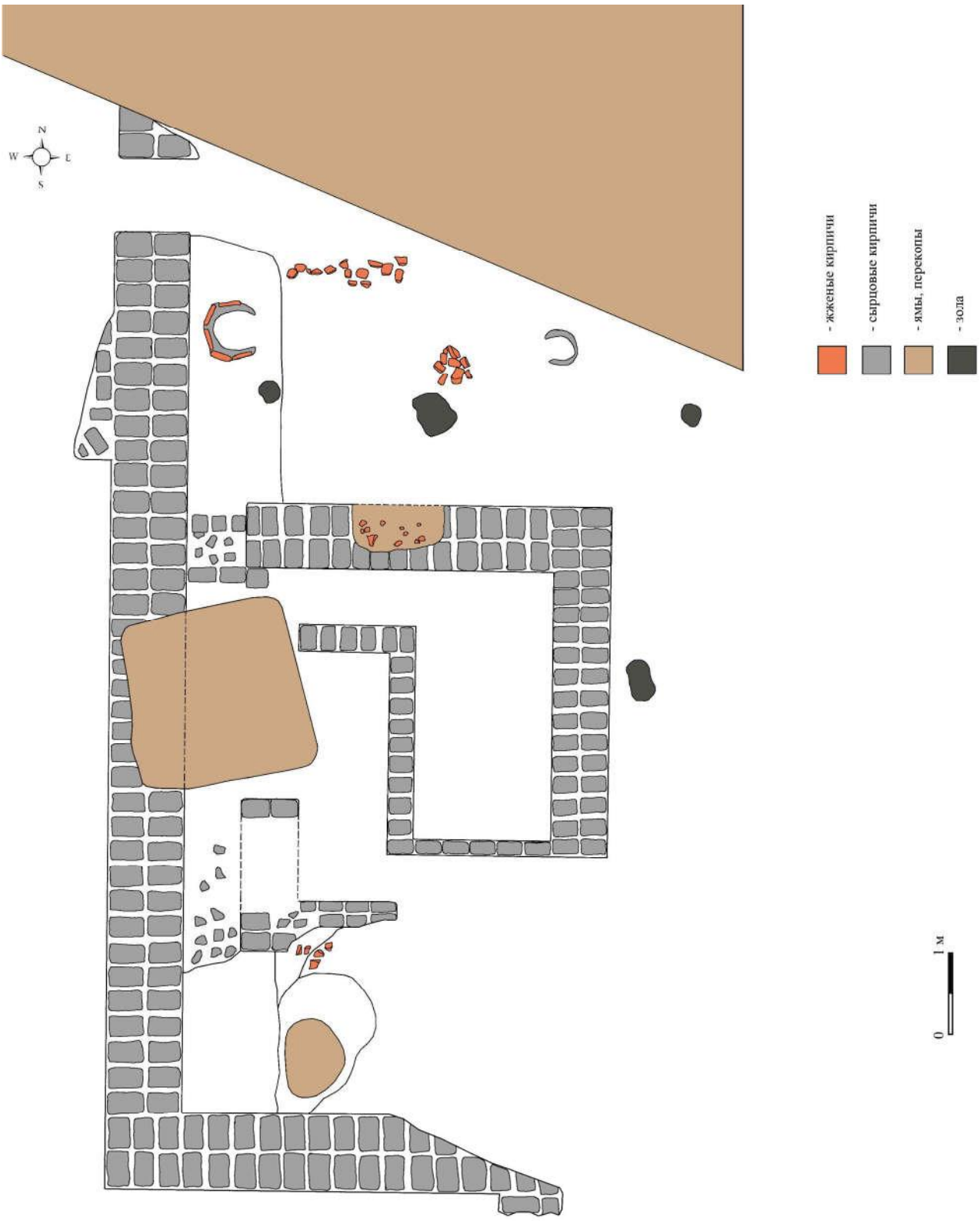


Рис. 3. Усадьба

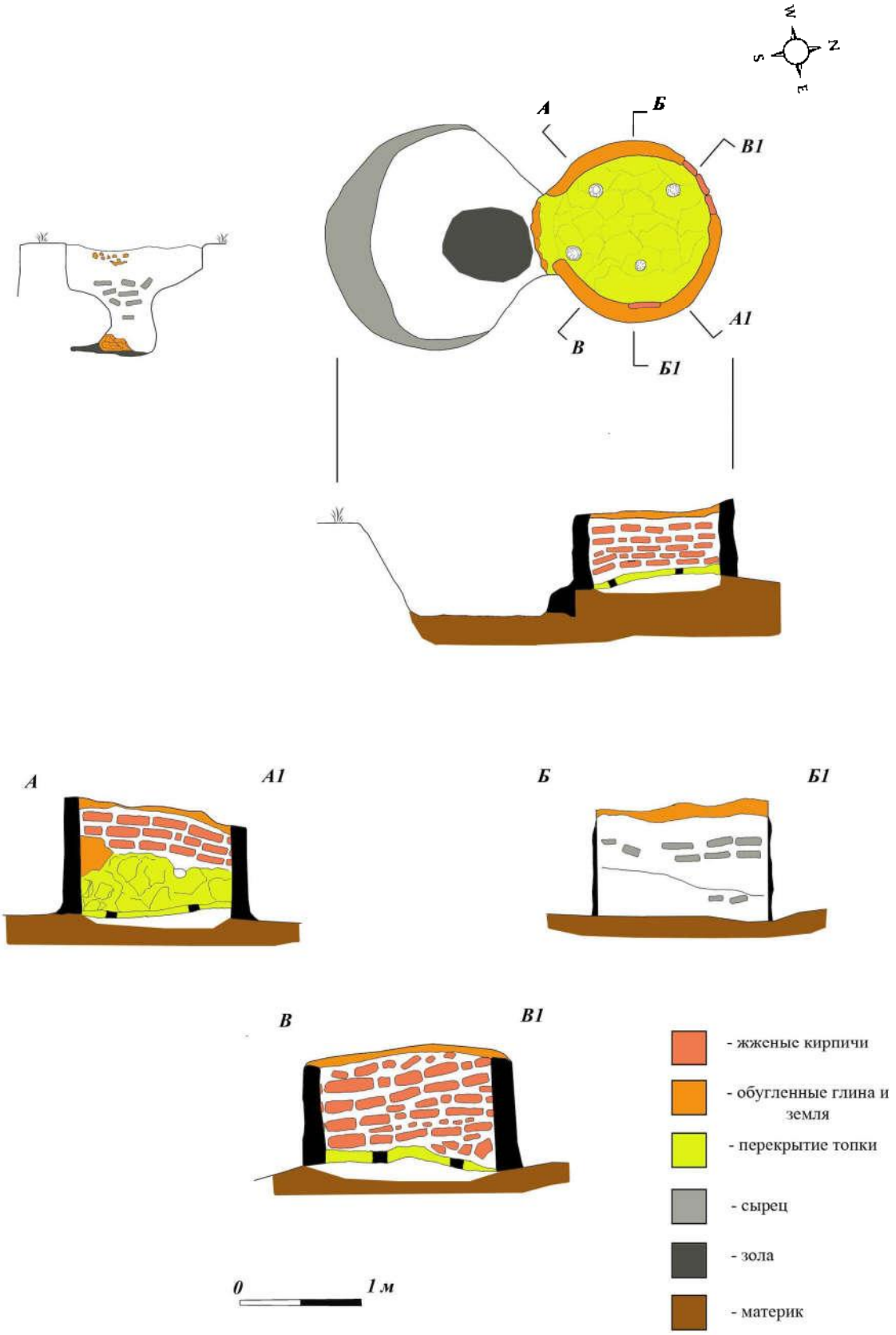


Рис. 4. Гончарная печь

Кдырниязов М.-Ш.
Каракалпакский государственный университет
им. Бердаха, кафедра Археология
г.Нукус, Узбекистан, Каракалпакстан

УДК: 902. (575. 1)

ПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОРОДОВ ХОРЕЗМА XIII-XIV ВВ.

Ключевые слова: Хорезм, город, квартал, дома, улица, поселенческая структура
Keywords: Khorezm, city, square , houses, street, settlement structure

Крупные города Средней Азии в течение своей многовековой жизни оставались на одном и том же месте, лишь территориально расширяясь от столетия к столетию. В эпоху Золотой Орды значительно изменились размеры и планировочная структура хорезмского города. Отдельные города переходят на новые места, строятся заново, а если и остаются на прежней территории, то радикально меняют свой облик. Археологические раскопки до - и монгольских городов Хорезма показали, что квартал состоял из массива городской застройки, состоящей из ряда домовладений, объединённых внутриквартальной улицей или же расположенных в отрезках магистральной улицы. Фасад кварталов обращен к улице, а границы с соседними кварталами проходят по задним стенам домов и боковым стенам крайних домов (Миздахкан). В домонгольское время свободному росту города препятствовали крепостные стены. В золотоордынский период с утерей оборонительного характера стен, город занимает территорию не только ограниченную фортификационными сооружениями, но и за переделами их. При этом основные очертания структуры города существенно не менялись. Городские центры (административно-политические, культурные, духовные) формировавшиеся в недалеком прошлом, сохранились на тех же местах. Примером такого архитектурно-планировочного центра, сложившегося издавна в до - и монгольское, темуридское время является Таш-кала Куня Ургенча. Восстановленный после 1391 г. "квартал Каан" Таш-калы, "несомненно, повторял домонгольскую планировку квартала, "золотоордынский город включал и его части" (Вайнберг, 1998,с.192). Недаром об этом свидетельствуют и расположенные в нем сохранившиеся монументальные памятники - минарет, мечеть, мавзолеи, караван-сараи и др.

Археолого-топографические исследования сотрудников Хорезмской археологической экспедиции на территории возродившегося города показали, что слои темуридской Таш-калы "подстилают золотоордынские и хорезмшахские наслоения" и что "стены золотоордынского города окружали всю огромную территорию, включавшую и более древние его части" (Вайнберг, 1998, с.192). Сохраняя древние начертания плана, Ургенч отличался застройками общественного характера. Наиболее значительные сооружения группировались в центральных кварталах или при выходе из города, где линия плотно застроенной территории не позволяла свободно планировать парадные сооружения по типу загородных. Ибн Баттута характеризует Ургенч, как торговый и культурный центр огромного масштаба с загородными монументальными постройками. Сообщения Атамелика ат Джувейни донесли до нас квартальное расположение городских застроек домонгольского Ургенча. Надо полагать, что золотоордынские города Хорезма унаследовали систему не только кварталов городов, но и структуру территориально-социальной организации населения. Система кварталов по структуре напоминала сельскую общину с ее общностью. Селились в них в основном по профессиональному признаку. Так, в Миздахкане был квартал керамистов с производственным цехом (Кдырниязов, Туребеков, 1998, с.21). Как уже отмечалось, подобную структуру имели планировки золотоордынских Шемаха-калы, Шехрлика и чагатайской Хивы (Ртвеладзе, Мамбетуллаев, 1997, с.129-130). Принцип размещения ремесленников по кварталам археологически зафиксирован в городской структуре Сарая (Федоров-Давыдов, 1973, с. 88-89). Ибн Баттута, посетивший его при хане Узбеке, пишет о том, что «В Сарае проживали монголы, ясы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы, персы, арабы и др. Каждый народ имел особый квартал, отделенный друг от друга, и особые базары" (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

Кварталы XIII-XIV вв. выявлены при раскопках Джанпык-калы. Каждый из таких кварталов обведен тупиком, отходящим от улицы и завершающимся у крепостной стены. Длина улицы 32 м. В западной части квартала №1 выявлено четыре дома, насчитывающих 29 помещений общей площадью 1600 кв.м (Кдырниязов, 2015,с.83, рис.21; Хожаниязов, Кдырниязов, 1990, с. 132). Другой

ремесленный квартал площадью 885 кв.м из трех домовладений (23 помещения) вскрыт в северной части городища (Алиакберова, 1983,с. 89-93).

Большая цепь торгово-ремесленных кварталов XIII-XIV вв. выявлена многолетними стационарными раскопками на городище Миздахкан. Размеры сохранившихся кварталов составляют 1300, 1502, 2800 кв.м. В "Восточном I-II" («ВК I,II» квартале выявлено 10 домовладений (2800 кв.м), в кварталах "юго-западный» - 5, в "северной» - 8 домовладений, а в "Центральном I,II" («ЦК I, II») - 8 домов и одно общественное здание - квартальная мечеть (Дом № VII). Каждый дом состоит от двух до одиннадцати помещений с большим производственными дворами или без них. (Кдырниязов, 2015, с.82,86; Кдырниязов, Туребеков, 1998, с.15-17). По своей планировке и характеру застройки кварталы не отличаются друг от друга. Границы кварталов соединены с соседними улицами. Фронтальная часть обращена к улице сплошной стеной с выходами. Судя по материалам Джанпык-калы и Миздахкана, кварталы заселены ремесленниками какой-либо одной специальности. Жителями квартала "северный" в Миздахкане, видимо, в основном были торговцы товарным зерном. Такой же характер имела деятельность жителей квартала «ВК II» (Кдырниязов, 1999а, с.82). Впервые в Хорезме обнаружены городские кварталы с зернохранилищами. В "юго-западном" квартале отмечена специализация виноделов (Кдырниязов, 1999 б, с. 101). Таким образом, можно логично предположить, что в кварталах селились, в основном по профессиональному признаку.

Археологические раскопки вскрыли отрезки улиц и переулков. В домонгольское время главным ориентиром для определения направления улиц в городах служили места расположения ворот. Однако в большинстве случаев при отсутствии в XIII-XIV вв. фортификационных элементов направления главных и межквартальных улиц выделяются по рельефу. Аэрофотосъемки и археолого-топографическое изучение Ургенча позволило восстановить линию магистральной улицы, идущей с юга на север, к древней части Кырк-моллы. Поперечные улицы, по сторонам магистральной, делили город на четкие кварталы (Вайнберг, 1998, с. 193). Жилые застройки в городе, в основном построены слитно без разделения на отдельные дома по обеим сторонам улиц. Наряду с жилыми помещениями раскрыты комнаты явно производственного или торгового назначения (Федоров-Давыдов, 1958, с. 507, рис. 2). Кроме магистральной улицы в Миздахкане открыты отрезки улиц разной длины. Улица № 1 находится в квартале I и тянется с севера на юг, сливается с западной улицей «Центрального квартала I». Она прослеживается на протяжении около 75 м, шириной около 4 м. Улица № 2 открыта на северо-востоке "юго-западного" квартала городища. Ее длина более 90 м, а ширина 5 м. На территории "Северного" квартала, параллельно к современному коллектору, прослеживается еще одна улица шириной 3,5 м и длиной 80 м. В 1987 г. нами была заложена стратиграфическая траншея. Удалось охарактеризовать культурные наслоения магистральной улицы Миздахкана. В пределах «ВК I» открыт переулок шириной около 1,60 м. Он прослеживается в меридиональном направлении с севера на юг длиной 78 м. Переулок разделяет «ВК I» и «ВК II» (Кдырниязов, 2015, с.84,рис.22). Кроме того, на разных участках городища Джанпык-кала открыты остатки улиц и переулков межквартального характера (Хожаниязов, Кдырниязов, 1990, с. 138). Городские улицы в зависимости от их назначения делились на улицы магистрального и обычного характера и в связи с этим имели различную ширину. Внутри кварталов были более узкие улицы для пешеходного движения. В средневековом городе весьма существенную роль играли большие магистральные дороги ("дарб") (Беленицкий и др., 1973. С. 227). Сейчас такие "дарбы" хорошо выявлены на планах до- и монгольского Ургенча и Миздахкана. В целом результаты раскопок городов достаточно информируют об уличных сетях золотоордынского города. Судя по строительной технике, значительные участки Миздахкана застроены одновременно по одному типу.

Однако такая урбанистическая поселенческая планировка не характерно для городов на периферии области. Археологические работы в Пулжае в 2004-2017 гг. показали, что огромное городское поселение площадью 100 га застраивается хаотично. Работы выявили конструкцию разрозненных жилищ прямоугольных или квадратных в плане форм. Жилые постройки памятника на равнине по берегам старого дельтового русла реки еще в изначальный период были построены на естественных возвышенностях, выделяющихся от плоскости такыров. Возвышенности защищали поселенческие постройки от смыва дождевой и талой воды, в период обильных осадков, спускающихся от чинка плато Устюрт. Дома открытого поселения, состоявших из групп по две-три постройки или много комнатных отдельных домов, расположены интервалами в 10-20 и 40-50 м. Это своеобразная черта жилых комплексов памятника связан с природно-экологическим состоянием объекта в древности. Неоднократные природные катаклизмы в Южном Приаралье (дождевых намывов, селевые потоки из Устюрта или трансгрессия древнего русла Амударьи) отрицательно воздействовали определенной планировки городской структуры. Здесь не наблюдается архитектурно-

планиграфическая правила. Элементы жилых комплексов построены хаотично, дома не объединены в кварталы. Этот процесс наблюдаются и в других районах оазиса связанный с кочевниками Арало-Каспия. Такая поселенческая структура исследована в сельских поселениях Левобережного Хорезма. В частности, они известны в домах вблизи Айгельди и урочище Дарьялык–куль (Неразик, 1976,с.91,97).

Литература:

Алиакберова А. Ремесленный комплекс Джампыккалы // Вестник Каракалпакского Филиала АН РУз. Нукус, 1989. - № 4. -С. 89-93.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973. - 399 с.

Вайнберг Б.И. Историческая топография городища Куня-Ургенча в свете данных аэрофотосъемки // Приаралье в древности и средневековье. М.: Восточная литература РАН, 1998. - С. 187-197.

Кдырниязов М.-Ш, Туребеков М.Т. Миздахкан золотоордынского времени // Ходжейли - древнейший город Республики Каракалпакстан. -Ходжейли, 1998. -С. 13-18.

Кдырниязов М.-Ш. Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана // Общественные науки в Узбекистане. 1999а, № 3-4. -С. 82-86.

КдырниязовМ.-Ш. Мастерские винодельни золотоордынского Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. 1999 б. № 4-5. -С. 101-102.

Кдырниязов М.-Ш. Культура Хорезма в XIII-XIV вв. – Самарканд «Zarafshon», 2015. -321 с.

Неразик Е.Е. Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.). М., 1976, 255 с.

Ртвеладзе Э.В, Мамбетуллаев М.М. Қадимги ва ўрта асарлардаги Хива // Хива минг кумбаз шаҳри. Ташкент, 1997, 22-30 бетлар.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, СПб., 1884. – 564 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV-XVII вв. на городище Ташкала. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.2, М., 1958. -С.505-528.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.:МГУ, 1973. -179 с.

Хожаниязов Г, Кдырниязов М.-Ш. Раскопки жилого квартала XII-XIV вв. в западной части Джанпыккалы // Археология Приаралья. Вып. 4, Ташкент, 1990. -С. 132-146.

Резюме

М.-Ш. Кдырниязов

«Поселенческая структура городов Хорезма XIII-XIV вв.».

В данной статье анализируется поселенческая структура городских поселений городских поселений Хорезма XIII-XIV вв. Многолетние археологические работы средневековых городищ региона позволил автору работы рассмотреть общие вопросы расположения кварталов, улицы, переулков, профессиональный и функциональный характер обитателей махалли городов золотоордынской эпохи. На примере периферийного города Пулжая отмечается разрозненный характер городских построек связанные с экологической ситуацией и этническим фактором.

Summary

M-SH. Kdyrniyazov

Settlement structure of the cities of Khorezm in XIII-XV centuries

In this article, the settlement structure of urban settlements of urban settlements of Khorezm XIII-XIV centuries is analyzed. Longstanding archaeological works of medieval settlements of the region allowed the author of the work to consider general issues of location of quarters, streets, lanes, professional and functional character of the inhabitants of mahallas of the cities of the Golden Horde period. On the example of the peripheral city of Pulgaya, the scattered nature of urban buildings is associated with the ecological situation and ethnic factor.

Кдырниязов М.-Ш, Кдырниязов О.-Ш.
Каракалпакский государственный университет
им. Бердаха, кафедра Археология
г.Нукус, Узбекистан, Каракалпакстан

УДК. 39(575.1) 008.

РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ ГОРОДОВ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

Ключевые слова: Приаралье, античность и средневековье, Золотая Орда, города, религиозные учения.
Keywords: Aral region, antiquity and the Middle Ages, the Golden Horde, cities, religious teachings.

В ходе археологических исследований экспедиции С.П. Толстова учеными-археологами Каракалпакстана были изучены история и этапы культурного развития, факторы, воздействующие на цивилизационные процессы, характерные черты и особенности цивилизации в древности и средневековье, вопросы возникновения государственности в Южноприаральском регионе (Кдырниязов, Ягодин и др., 2017). Накоплены археологические артефакты связанные с религиозными представлениями племен и народов, обитавших в Южном Приаралье с древнейших времен. Однако, в исследованиях, за исключением оссуарных погребальных обрядов, не были рассмотрены и обобщены данные связанные с религиозной жизнью местных этносов.

Около 530-года до н.э. племена и народности Южного Приаралья (хорезмийцы и др.) вошли в состав Ахеменидской империи: в начале, наряду с парфянами, согдийцами, и ариями, как часть XVI податного округа, а затем, во второй половине VI в. до н.э. развивался как отдельная сатрапия. В самом конце V или начале IV веке до н.э. уже является самостоятельным государственным образованием (Балахванцев, 2006, с.365-275). С этого времени в духовных представлениях оседлого и затем кочевого населения Приаралья (Яблонский 2010, с.252) господствует каноны зороастризма. Появляются захоронения в оссуариях, строится храмы, посвященные богам зороастрийской религии. Наряду с ними в религиозных верованиях и обрядах населения появляются терракотовые статуэтки, олицетворяющие различные божества. К настоящему времени из памятников Южного Приаралья насчитывается более 400 антропоморфных терракотовых изображений античного периода, среди них преобладают женские статуэтки. Среди антропоморфных изображений фигурки женского божества, получившего условное название «богини с шарфом», преобладают с раннего периода, восходят к переднеазиатским типам. «Богиня с шарфом» была наиболее популярной иконографическим типам, сохранившимся на протяжении всего античного периода. Были и другие образы женского божества: обнаженная богиня, богиня с зеркалом в руке и Анахита - богиня водной стихии и плодородия (Воробьева 1981, с. 190-191). В конце античного периода на всей территории Хорезма распространяется новый тип терракот – женщина с непокрытой головой в длинном платье, сидящая в так называемой азиатской позе. Она частично вытесняет образ «богини с шарфом», частично сливается с ним (Воробьева 1981,с.185-186, 192). Фигурки обнаженной богини, известные и для раннеантичного периода, чаще встречаются в более позднее время. Вероятно обнаженная богиня и «богиня с шарфом» - две ипостаси одного божества. В позднеантичное время оба типа имеют одинаковые головные уборы, что еще больше подтверждает мысль о единстве этого образа (Воробьева 1981, с. 193).

Одним из специфических разновидностей древнехорезмийского искусства, связанных с религиозными представлениями, являются статуарные погребальные сосуды, керамические маски, датирующиеся IV-III вв. до н.э. (Рапопорт 1971, с.58), антропоморфные и зооморфные статуарные оссуарии, бытовавшие в основном в период II в. до н.э.- II в.н.э. (Рапопорт, 1981,с.38-46,рис.3-7,9) и, так называемые “архитектурные” оссуарии, возможно реально воспроизводившие архитектурные сооружения, доживающие до конца IV-V в.н.э. (Рапопорт, Лапиров-Скобло, 1963,с.156). Анализ погребальных обрядов с применением оссуариев, позволяет считать, что они как археологический артефакт свидетельствуют о распространения религии зороастризма в Южном Приаралье. Наиболее ранние среднеазиатские оссуарии пока найдены только в Хорезме, они распространены здесь на протяжение многих веков. По этому, научный мир, несмотря на разноречивые гипотезы, связывает с южным Приаральем один из ранних очагов зороастризма. Страна Арьянам Вайдж отождествлялась с Хорезмом. Этому способствовало сложение хорезмийского государства к рубежу VII-VI вв. до н.э. Здесь в честь государственной религии были построены храмы. Среди них особо выделяются крупные культовые центры: Кой-крылган-кала, IV-III вв. до н.э.(1967,с.227) и другие памятники с храмами: Калалы–кыр 2, IV-II вв. до н.э. (2004,с.187-188); Ахшахан-кала, III-II вв. до н.э. (Ягодин,

Беттс, Хожаниязов, Кидд, 2006, с.250); Елхарас, IV-II вв. до н.э. (Левина, 2001); Топрак-кала , I-IV в. н.э. (1981,с.140-141); Чирик-рабат, III-II вв. до н.э. (Лоховиц, 1963,с.101-102) и Большой Айбуйир-кала IV в. до н.э.-I в.н.э (Мамбетуллаев, 2011,с.52). Примечательно отметить, что большинство из этих храмов построены в памятниках периферии культурного оазиса Южноприаральского регоиона, на границе с кочевым миром. Кочевники в древности и средневековье вступали здесь в контакты с местными народами и заимствовали у них элементы локальной цивилизации и традиционные для религиозной обрядности. Одним из таких элементов был обычай, воспринятый кочевниками захоронение умерших по зороастрийскому обряду (Яблонский, 2010, с.257).

Потом, тысячи лет спустя ислам заменил религию "огнепоклонников". В верованиях населения Приаралья издревле присутствовал элементы культа плодородия, материнской утробы Анахиты, образ языческого пантеона тюрок Умай. В целом, в средние века ислам в той или иной форме стал неотъемлемой частью культурной жизни народов южного Приаралья. Хорезм в эту эпоху являлся одним из очагов духовности, просветительства и ислама, из него исходила миссионерская деятельность. Посланник халифа Мукдадира (908-932) к булгарскому царю Ибн Фадлан (921-922 гг.) подчеркивал, что на Итиле политическое и культурное влияние Хорезма весьма велико. Хазарского кагана (VII-X вв.) окружали представители духовенства, ученые и деловые люди из Хорезма. Ал Бекри (988-997 гг.) указывает на исламизацию печенегов под влиянием хорезмийских миссионеров (Толстов, 1948, с.262). Этот процесс расширяется за счет миграции новых этнических элементов, проникших в Приаралье из Дешти-Кыпчака вместе с монголами. В этом, как и прежде, основную роль в качестве миссионеров играли представители суфийских общин, последователи известных шейхов. Суфийские шейхи-наставники со временем приобретают авторитет и политическую силу. В до - и монгольское время популярность святых, суфийских шейхов на Приаралье была очень велика. Имена Хаким-ата, Ахмед Яссави (XII в.), Наджим ад-Дин ал-Кубра, Сулейман Хадади Мусевий, Абдаллах Наринжаний (XIII-XIV вв.) были широко известны не только в Хорезме, но и в Мавереннахре и сопредельных странах. XII-XV вв. - время поступательного развития мусульманской религии, наложившей отпечаток на духовную жизнь феодального общества. В средневековом Хорезме большое значение придавалось религиозным учениям. Не случайно, в источниках часто упоминаются "великие праведники и шейхи", "имамы", "правоведы". Монгольские правители также покровительствовали святым шейхам и суфиям. Создавались религиозные учреждения, строились минареты, мазары над могилами мусульманских авторитетов. Возросла роль суфийских общин и для них учреждались вакфы (шейху Сулейман Муссави Хаддадий в 1349 г. Гургандже).

В процессе борьбы против монголов прославился один из виднейших суфийских шейхов, деятель дервишского ордена "кубровия" - Наджим ад-Дин аль-Кубра (1145-1121). По данным источников и агиологии, шейх пользовался большим авторитетом не только у своего народа, но и среди врагов. Рашид-ад-Дин (1247-1318) в "Сборнике летописей" приводит рассказ о патриотизме шейха: «Чингизхан велел предупредить шейха о монгольском походе на Хорезм и предложил ему покинуть город (Ургенч), при этом обещал полную безопасность. Но "шейх вместе с народом сражался на стенах Ургенча» (Бартольд, 1963, с.503). Наджим ад-Дин Кубра побывал на западе мусульманского мира, общался с авторитетами суфизма, постоянно жил в Хорезме и имел последователей в лице шейхов Сададдин Хамави, Али ибн Аяла, шейх Сайфаддин Бохарзи и др. Под влиянием западного суфизма он перенес в Хорезм их учение, в частности, музыкальные радения ("зикри захрия"). Возможно, со времен шейха хорезмийский оазис, район Приаралья и Северная Туркмения стали в прошлом зоной классической "джахрия". Яркой личностью в просветительском деле был поэт, мыслитель и ремесленник Пахлаван Махмуд (1248-1326). Его, этико-философского содержания, месневи "Канз ал-Хакаик" ("Казна истины") и литературная слава распространились далеко за пределами Южного Приаралья (Ибн Вали, 1977, с.19, 106). По мнению некоторых ученых творчество Пахлавана Махмуда было связано с суфизмом. Поэт и борец сделался патроном древней Хивы, впоследствии столичного города Хорезма. Широкая популярность Пахлаван Махмуда как святого борца сделала его еще и патроном правящей Кунградской династии в ханстве. Усыпальница Пахлаван Махмуда превратилась в мощный комплекс культовых сооружений, который обслуживался большим числом духовных лиц, облагодетельствованных ханами.

В целом, в XIII-XV вв. возросла роль суфизма в исламизации местных племен Приаральского региона. Ненадолго прерванная исламизация степного Приаралья с новой силой развернулась с первого десятилетия XIV в., когда местные правители, духовенство и купцы стали играть важную роль в создании синкретической культуры Золотой Орды и исламизации Дешти-Кипчака. Просветителем был ученый имам Номанаддин аль-Хорезмий - один из шейхов, преподававший религию в Сарае (Тизенгаузен, 1884, с.307). Уроженцем Хорезма был известный богослов Средней Азии середины XIII в. имам Нуратдин Хорезми. Имам в присутствии великого кагана Гуюка провел диспут с христианскими проповедниками, одержал блестящую моральную духовную победу

(Бартольд, 1963, с.556). В эту эпоху в городах Южного Приаралья и Золотой Орды наблюдается либеральность вероисповедания. Веротерпимость ханов привела к новому процветанию доисламских верований («многобожие», «язычество»), распространению культа святых («адылов», «авлия», «валиев»). Ибн Баттута (1333 г.) писал, что «в любом городе (Средней Азии) было множество святых могил, мазары «были одним из самых почитаемых святынь», на могиле святых было принято «закалывать быков и баранов». В средние века как и прежде в верованиях населения Южного Приаралья немаловажную роль играл культ огня. Абу Райхон Беруни (973-1048) в «Памятнике минувших поколений» упоминает о храме огня. Новые археологические материалы также свидетельствуют о наличии такого обряда в Хорезме в XIII-XIV вв. В ходе раскопок мавзолея Жетимулло (1987 г), Соборной мечети (1987-1989 гг.) в до- и золотоордынских кварталов (1986-1917 гг.) в Миздахкане были найдены башнеобразные осветительные приборы, ранне не известные в памятниках Южного Приаралья. Эти светильники Миздахкана предназначались для поклонения священному огню.

Другим распространенным явлением в верованиях мусульманского населения золотоордынского населения Южного Приаралья была вера в чудеса, совершенными живыми святыми, т.е антроплотарии. В числе святых были местные культуртрегеры: имам Номаддин ал-Хорезми (Сарай), шейх Нураддин ал Кермани (Ургенч). Кроме того в Южном Приаралье имели большую популярность колорийные личности такие, как Пахлаван Махмуд, Тюрабек-Ханым (1312-1333 гг.), Шаббоз Бобо (XIII в.). Связанные с ними агиологические материалы генетически восходят к XIII-XIV вв.

Впоследствии культ местной антроплотарии перешагнул границы Южноприаралского региона и распространялся в Среднеазиатской агиологии (XVI в.). Говоря до мусульманских реликтах региона в средние века, нужно отметить о наличии у местного населения древних пережитков тотемизма. Примером для Центральной Азии могут служить тотемистическое имя Кебек (пес) хана, имя дочери Узбек хана Иткуджук и ритуальное отношение к собаке в легенде, связанной с личностью Наджимаддина аль Кубра (Ибн Баттута).

Письменные источники и археологические материалы позволяют всесторонне осветить историю религии и культово-мемориальные памятники городов Южного Приаралья в до- и послемонгольские периоды. В каждом городе, даже в небольшом селении была мечеть или медресе, где многие мударрисы славились знанием хадисов и фикха. В число первоисточников, упоминавших о мечетях и медресе региона, входит до монгольская арабо-персоязычная литература. В ней упоминаются соборные мечети и намазгахи Кята, Дарган, Амуль, Садвара (МИТТ, I, с.183, 187, 189], также сообщаются о "людях разумению науки, фикха, способной к образованию", «отличающиеся хорошим чтением Корана», "место собрания самых выдающихся мужей в мире" [МИТТ, I, с.185; Барьтольд, III, с.544). Письменные источники XIII-XIV вв. дополняют сведения ранних авторов. Ибн Баттута пишет, что в золотоордынском Ургенче были мечети и медресе, среди которых особо выделяет медресе Кутлуг-Темура, мечеть и ханако Тюрабек Ханым, три загородных ханако (завия) шейхов Наджимаддина Кубра, Джелаладдина ал-Самарканди и Абул Касима аль-Замахшари (Тизенгаузен, I, с.309-310). Согласно вакуфному документу Кутлуг-Темура от 1349 г. был сооружен мавзолей и ханако шейха Сулеймана Хадади в селении Мадыр около Ханкы и на бугре Мазлумхан-сулу в Миздахкане (Ходжейли) (Гулямов, 1957, с.129, 169). По сообщению Ибн Баттута, складывавшаяся обстановка в Южном Приаралье в XIII-XIV вв. способствовала многообразию религиозных учений. Он отметил, что в здесь наряду с суннитским религиозным учением преобладала итизаль-(мутизаль)-рационалистическое течение в исламе, проповедующее о свободе воли (Тизенгаузен, 1884, с.310). Учение мутазилитов, занесенное в Хорезм в XI в. имело многочисленных последователей, даже во второй половине XIV в., когда в Западной Азии мутазилитов не существовало, а в Хорезме была благоприятная почва для ислама и мусульманской науки (Бартольд, III, с.549).

Либеральность вероисповедования в золотоордынском обществе - характерное явление. Мистико-религиозные компоненты в исламе - сунниты, мутазилиты и другие одинаково вольно существовали, проповедовались учения ханифитов и шафитского толка (Тизенгаузен, 1884, с.281, 284, 300). Однако суть ислама не нарушалась, жители верили и строго соблюдали предписания шариата. По данным мусульманских и западноевропейских источников среди населения южного Приаралья, наблюдается конгломерат верований, местные жители исповедовали несколько религий. Здесь, в средние века, наряду с мусульманами, проживало христианское население, принадлежавшее несторианам. Ал Якут Хамавий (1219 г.), сообщая об огузах Приаралья, говорит о христианах-иноземцах на землях Хорезма и о том, что часть жителей из племени джикелей исповедуют христианскую веру. По данным ал Макдиси и ал Истахри (X в.), они были приезжими русскими купцами или невольниками (Гаркави, 1870,с.264-265). Археологические исследования на территории

Южного Приаралья также свидетельствуют о распространении идей христианства среди населения. На городище Миздахкан (Ходжейли), среди погребальных построек, на оссуарных ящиках обнаружены изображения креста, звезды и листообразные полосы. Эти мотивы связываются с несторианским течением в христианстве (Ягодин, Ходжаиов,1970,с.146-147). На фасадной стене пещерного города Бутентау южном чинке Устюрта, имеется несколько изображений креста. Здесь пещерные помещения по планировке также напоминают крестообразную форму. Пещерный город Бутентау – кала датирован XI- нач. XIII в. и XIII-XIV вв. К этому времени относятся сведения о христианской колонии в Хорезме. Плано Карпини указывает, что христианская колония в Ургенче состояла из хазар, русских и аланов (Путешествия, 1957, с.46). В XIV в. здесь существовала Ургенчская епархия, входившая в состав Ханбалыкской епархии и местные христиане (мелькиты) подчинялись антиохскому патриарху. Проникновение христианства в Южное Приаралье можно наблюдать и по нумизматическим материалам. В Адамли кале (Каракалпакстан) и в Шаватском районе (Хорезмская область) найдены местные монеты царя Шаушафана (VIII в.). На этих монетах на аверсе в диадеме или конце короны изображен равносторонный крестик по типу несторианского (Ваинберг, 1977, табл.XXIV, 4, 10, 11). Выдающийся нумизмат Г.А. Федоров-Давыдов в монетах Хорезма эпохи Золотой Орды установил изображение солнца в клещах рака (символ созвездия Рака) (1965, с.189-191). Появление этих монет вызвано активностью католических миссионеров в городах Золотой Орды, в число которых входил и южноприаральский город Гургандж.

В религиозно-обрядовых верованиях населения Южного Приаралья, как в эпоху хорезмшахов, так и в эпоху Золотой Орды особых изменений не происходит. Однако, интересно отметить, что здесь наблюдаются использование деревянных гробов, не зафиксированных в домонгольское время. Деревянные гробы достаточно представлены в погребениях XIII-XIV вв. Миздахкана (мавзолеи Кырк шопан), Жанпык-кала (мавзолеи), позднекочевнических курганах Устюрта. Своеобразны и другие детали. В некрополе Миздахкана в отдельных погребальных оградах обнаружены остатки одежды (ткани коричневого и зеленного цветов с шитьем апликаций растительного характера); сердоликовые бусы; амулеты и кольца; сероглиняные кувшины с яйцами, покрытые арабской надписью (Хожаниязов, Додохудаева, 1998,с.118-121). Перечисленные факты совершенно не свойственны мусульманским могильникам домонгольского Хорезма. Вся совокупность материалов своеобразного погребального ритуала - позволяет отнести часть захоронений на бугре Миздахкан к числу погребений, оставленных мигрантами-кочевниками. Они, судя по наличию инвентаря, сохранили свои доисламские языческие обряды.

Таким образом, в эпоху античности в до-и послемонгольские периоды, кроме господствующей религии зороастризма и ислама в Южном Приаралье существовала своего рода благоприятная симбиотическая ситуация для развития различных религий и верований. Они, свидетельствовали о миропредставлениях человека и общества, системе целей деятельности людей, этических нормах и взаимоотношениях с другими конфессиями. Религия стала доминирующим фактором в развитии общества. В целом, в древности в средневековье религия была одним из элементов цивилизационных процессов.

Литература:

Балахванцев А.А. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Том 2. - СПб., 2006.-С.365-275.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.- Соч. Т. I. – М.: Наука, 1963. –749 с.

Бартольд В.В. Работы по исторической географии. Соч. Том. III. М.: Наука, 1965. –712 с.

Ваинберг Б.И. Древние монеты Хорезма. М.: Наука, 1977.- 193 с. табл.

Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. - С.184-194.

Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII века до конца X века. СПб.,1870.-С.264-265.

Городище Топрак-кала // ТХАЭЭ. Т.XII. –М.:Наука, 1981. - 150 с.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма. –Ташкент, 1957. – 315 с.

Калалы-гыр 2. Культовый центр Левобережном Хорезме IV-II вв. до н.э. –М.,2004. – 234 с.

Кдырниязов М.-Ш, Ягодин В.Н, Мамбетуллаев М.М, Сагдуллаев А.С,Кдырниязов О.-Ш. История цивилизации Хорезма. –Нукус: «Каракалпакстан», 2017. – 285 с.

Койкрылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э-IV в.. н.э. // Труды ХАЭЭ. Т.V. –М.: Наука, 1967. – 347 с.

Левина Л.М. Древнехорезмийский памятник Елхарас. –М., 2001. – 132 с.

Лоховиц В.А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-рабат // МХЭ. Вып. 6. –М.:Наука,1963.-С.214-220.

Мамбетуллаев М.М. Исследования храмового комплекса Большая Ацбуйир-кала / Археология Узбекистана. –Самарканд 2011. № 1 (2).- С.52-61.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. –М.:-Л.,1939. Т.I. – 519 с.

Махмуд ибн Вали. Море таин относительно доблестей благородных (география). –Ташкент: Фан, 1977. –324 с.

Путешествия в восточные страны Г.Рубрука. М., 1957.-423 с..

Рапопорт Ю.А., Лапиров-Скобло М.С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6. М.,1963. С.141-156.

Рапопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма. –М.:Наука, 1971.-173 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящиеся к истории Золотой Орды. Т. I. –СПб., 1884.-564 с.

Толстов С.П. Древний Хорезм.-М.,1948. -352 с.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. –М.-Л.: Изд-во, АН СССР, -1948. -378 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука,1965. –С.189-191.

Хожаниязов Г, Додохудаева Л. Уникальные находки из некрополя Миздахкана // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. Нукус, 1998. № 3.-С.118-121.

Яблонский Л.Т. Переход к зороастрийскому погребальному обряду у скотоводов Хорезма // Древние культы Евразии // Материалы научной конференции посвященной 100 летию со дня рождения А.Н. Бернштама. –СПб.,2010. С.252-258.

Ягодин В.Н., Беттс А., Ходжаниязов Г., Кидд Ф., Амиров Ш., Искандерова А. Археологические исследования на городище Казаклы Яткан в 2005 году // Археологические исследования в Узбекистане. Самарканд, 2006. -С.250-256.

Ягодин В.Н., Ходжаиов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН, 1970.–327 с.

Резюме

М.-Ш, Кдырниязов, О.-Ш.Кдырниязов

Место религии в истории цивилизации городов Южного Приаралья

В статье характеризуются погребальные обряды и религиозные представления в городах Южного Приаралья от античности до средневековья. Археологическими исследованиями определены, что зачатки религиозных представлений у местных племен проявляются, начиная с эпохи неолита и бронзового века. Роль религии в истории народов Приаралья связана и с распространением зороастризма. Страна Арьянам Вайдж отождествлялась с Хорезмом. Здесь сложением государства в VII-VI вв. до н.э. в честь государственной религии были построены храмы. Наряду с этими, в верованиях населения Приаралья издревле присутствовали элементы различных культов. Некоторые элементы до мусульманских реликтов сохранились и во времени господства ислама. В целом, как и другие факторы для древности был характерен религиозный взгляд на исторические и цивилизационные процессы.

Summary

M- SH. Kdyrniyazov, O.-SH Kdyrniyazov.

The place of religion in the history of civilization, the cities of the Southern Aral Sea area

The article characterized the funeral rites and religious ideas in the cities of the Southern Aral Sea area from antiquity to the Middle Ages. Archaeological investigations determined that the beginnings of religious ideas from local tribes appear, since the Neolithic and Bronze Age. The role of religion in the history of the peoples of the Aral Sea region is associated with the spread of Zoroastrianism. Country Aryanam Vaydzh identified with Khorezm. Here, the addition of the state in VII-VI centuries. BC. in honor of the state religion were built temples. Apart from these, in the beliefs of the population of the Aral Sea region since ancient times there were elements of different cults. Some elements to the Muslim relics preserved in the Islamic domination of time. In general, as well as other factors for antiquity was characterized by a religious view of the historical and civilizational processes.

Недашковский Л.Ф.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Шигапов М.Б.
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия

УДК 903.05+903.2+904

ИЗДЕЛИЯ С ХМЕЛЕВСКОГО I СЕЛИЩА

Ключевые слова: поселения, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, вооружение, конское снаряжение, предметы быта, керамика.
Keywords: settlements, the Golden Horde, the Low Volga region, arms, horse equipment, objects of daily life, pottery.

Ближайшими к Увекскому городищу, на месте которого находился крупный золотоордынский город Укек, остатками городского поселения эпохи Улуса Джучи является Хмелевское I селище. Селище, в прошлом - малый город Золотой Орды, относится ко второй половине XIII – XIV в., на нем найдены нумизматические материалы начала 70-х гг. XIII - конца XIV в.

Научное исследование селища осуществлялось археологической экспедицией Казанского университета 1995-2002 гг. (1995-1998 и 2002 гг. – разведки, 1999-2001 гг. - раскопки), возглавлявшейся Л.Ф. Недашковским.

В статье рассматриваются предметы вооружения, конского снаряжения и быта с Хмелевского I селища.

Предметы вооружения.

Топоры. Имеются два фрагмента топоров (рис. 1,*1-2*). Судя по сохранившемуся фрагменту обуха (рис. 1,*1*), он принадлежал топору без щековиц, выделенных цапф и выступающего обушка, имевшему клиновидное лезвие. Согласно А.Н. Кирпичникову подобные топоры датируются XII-XV вв. (Кирпичников, 1966, с. 29-30, 40, рис. 6,*VIIIA*, 29,*8-9*, 30,*12*, табл. XV,*8-9*, XVI,*12*). Такие находки известны с Увекского (Недашковский, 2000, с. 70-72, рис. 13,*5-6*) и Водянского городищ, они характерны для памятников Восточной Европы X-XIV вв. (Савченкова, 1996, с. 14, 16, рис. 2,*9*).

Наконечники стрел. Представлены два типа наконечников.

Тип 1. «Срезни» (3 экз.) в виде вытянутой лопаточки с линзовидным в сечении пером и упором при переходе к черешку (рис. 1,*4-6*). Наконечник такого типа известен с поселения Подгорное в округе Укека (Недашковский, 2000, с. 74). Подобные наконечники стрел широко бытовали в Восточной Европе и в Центральной Азии в XIII-XIV вв. (Савченкова, 1996, с. 72, 75-76, рис. 33,*11-13*).

Тип 2. Четырехгранный бронебойный наконечник, ромбический в сечении, с круглой шейкой без упора (рис. 1,*3*). Такие наконечники известны с древнерусских и булгарских памятников XI – первой половины XIII в., а также в материалах Болгарского городища XIV в. (Савченкова, 1996, с. 72-73, 77, рис. 33,*21*).

Фрагмент керамической бомбы. Фрагмент толстостенного полого керамического шара коричневого цвета, со сквозными отверстиями (диаметром до 1 см) в стенках, с примесью песка в тесте, оплавленный изнутри (рис. 1,*9*). Такие шары известны с Увекского, Водянского, Селитренного и Маджарского городищ (Недашковский, 2000, с. 76, 78, 80, рис. 17,*9*, 18,*1,3*), найдены в Азове (Волков, 1992, с. 6-7, 20, табл. 1,*B6*), Сарайчике, на городище Ак-тобе (Галкин, 1998) и в Казанском Кремле.

Конское снаряжение.

Имеется прямоугольная в сечении рамка железной *пряжки* (рис.1,*7*), использовавшейся, очевидно, для крепления подпруги. Пряжка имела полуовальную форму. Аналогичные пряжки встречаются на памятниках Древней Руси XII-XIII вв., Среднего Поволжья IX-XIV вв. и средневековых кочевников Восточной Европы.

Железное *кольцо* (рис. 1,*8*) использовалось в конской узде. Подобные кольца известны на средневековых памятниках Среднего Поволжья X-XIV вв.

Подкова (рис. 2, *1*) из квадратного дрота имеет аналогии в материалах Лаишевского селища, Увекского (Недашковский, 2000, с. 77, 79, рис. 16,*1-3*), Селитренного (Fyodorov-Davydov, 1984, fig. 96,*15*), Болгарского (Савченкова, 1996, с. 63-66, рис. 29,*1-8*), Водянского городищ и Отрара (Акишев и др., 1987, с. 68, рис. 23,*8-10*).

Ледоходные шипы (2 экз.). Размеры лучше сохранившегося изделия (рис. 2,*2*) 3,9х2,6 см. Аналогичный шип происходит из подъемного материала 2002 г. Сходные ледоходные шипы очень широко использовались в Восточной Европе в XI-XV вв.; они имеют аналогии на Увекском городище, в урочище Подстепное (Недашковский, 2000, с. 77-79, рис. 16,*4*, 17,*5-7*), на Болгарском городище (Савченкова, 1996, с. 65-66, рис. 30) и на Лаишевском селище.

Предметы быта.

Заклепки металлических сосудов представлены тремя экземплярами, изготовленными путем сворачивания листа в конус (рис. 2,*3-5*). Одна из заклепок не была применена (рис. 2,*3*), еще 2 – сплющены и деформированы (рис. 2,*4-5*), что говорит об их использовании. Заклепки таких форм, по мнению К.А.Руденко, применялись для крепления ушек тазов; они хорошо известны с памятников Среднего и Нижнего Поволжья (Недашковский, 2000, с. 81-82, рис. 19,*1-9*). *Фрагменты литых сосудов* представляют собой обломки стенки (рис. 2,*13*) и венчика (рис. 2,*16*) чаш. *Фрагменты кованых сосудов* представлены 17 экземплярами (рис. 2,*8-9,11,14,17,22-23,26*), очевидно, обломками котлов, включая фрагмент венчика с остатками железного ушка (рис. 2,*11*); не приведенные на иллюстрациях фрагменты являются подъемным материалом 1999 г. *Обломки листов* (рис. 2,*6-7,10,12,15,18-21,24-25*), вероятно, в большинстве своем также принадлежат к числу фрагментов сосудов.

Фрагменты чугунных котлов имеют разную толщину (рис. 3,*1-6*). Аналогичные котлы представлены на памятниках Золотой Орды и сопредельных территорий (Недашковский, 2000, с. 84-86, рис. 20,*2-5*); датируются они в пределах XIV – первой половины XVI в.

Железное *чересло* (рис. 3, *7*) сходно по форме и размерам орудиям XII-XIV вв., найденным на Болгарском городище (Савченкова, 1996, с. 9-10, рис. 1,*4-6*).

Был найден небольшой фрагмент железной *косы* (рис. 4,*3*).

Муфты ножей (рис. 4,*1*) представлены 13 экземплярами, как литыми, так и вырезанными из металлического листа. Аналогичные изделия известны с поселений Нижнего Поволжья золотоордынского времени, в том числе с Увекского городища (Недашковский, 2001, с. 353, 361, рис. 2,*1-26*), Среднего Поволжья, Хорезма, из курганов золотоордынских кочевников и из Белоозера; такие изделия, вероятнее всего, следует датировать в пределах второй половины XIII – XIV в.

Золотоордынская неполивная гончарная керамика Хмелевского I селища представлена значительным количеством форм, многие из которых хорошо сохранились (рис. 5-6). Посуда присутствует лощеная (5,7-22,3% на разных раскопах; рис. 4,*4*, 5,*2*, 6) и нелощеная (77,7-94,3%; рис. 4,*2*, 5,*1*); керамика хорошего (рис. 4,*4*) обжига (53,3-63,5%) количественно несколько преобладает над плохо обожженной (рис. 4,*2*, 5-6) керамикой (36,5-46,7%). Коричневой посуды (рис. 4,*2,4,* 5-6) на разных раскопах 44,3-85,3%, красной – 7,1-33,7%, серой - 1-7,6%, бурой – 0,5-19,6%, желтой – не более 0,7%.

Имеются кувшины, туваки (рис. 5,*1*), миски, крышки, фляги, нелощеные горшковидные сосуды хорошего обжига с одной ручкой.

Кувшины (рис. 5,*2*, 6) орнаментированы вертикальным лощением и прочерченными горизонтальными линиями по горловине и тулову. Подобные сосуды известны из золотоордынских напластований Болгарского городища (Хлебникова, 1988, с. 58-59, рис. 36,*4*, 37,*7*; Кокорина, 2002, с. 325, рис. 71,*8*).

Тувак (сунак) имеет диаметр венчика 15,7 см, диаметр тулова 11,1 см и высоту 12,4 см (рис. 5,*1*). Сходные по форме гончарные сосуды известны из материалов Среднего Поволжья золотоордынского времени, а также из золотоордынских городов Нижнего Поволжья, Поднестровья, Приазовья и из Средней Азии (Fyodorov-Davydov, 1984, fig. 47,*3*; Хлебникова, 1988, с. 88, 90-92, рис. 66,*1-5,7*, 68; Волков, 1992, с. 5-6, 20, табл. 1,*А16,Б6*; Недашковский, 2000, с. 98-99, 101-102, рис. 27,*1-3*; Федоров-Давыдов, 2001, с. 164-167, табл. 90, 91,*1*; Кокорина, 2002, с. 73, 147, 293, 341, рис. 39,*18*, 86,*10-12,14*).

Золотоордынская керамика имеет примесь мелкого песка в тесте, иногда посуда дополнена красным ангобом. Керамика украшена орнаментом в виде прочерченных горизонтальных линий (рис. 4,*2,4*; 5,*2*; 6), многорядной и однорядной волны, оттисков гребенчатого штампа, фестонов и оттисков палочки; есть сосуды, покрытые лощением (рис. 4,*4*, 5,*2*, 6), в том числе горизонтальным и вертикальным (рис. 5,*2*, 6), а также в виде зигзагообразных вертикальных линий.

Имеются и *керамические напрясла из стенок сосудов* (6 экз.); инструменты были изготовлены из стенок золотоордынской неполивной керамической посуды с примесью песка в тесте, их форма округлая (рис. 4,*2,4*). Сосуды, использованные для изготовления напрясел, были в двух случаях лощеными (рис. 4,*4*), а в остальных - нелощеными (рис. 4,*2*); четыре сосуда были обожжены хорошо

(рис. 4,*4*) и лишь два (рис. 4,*2*) имели плохой обжиг – темную прослойку в средней части излома. Напрясла имеют в двух случаях красный и в четырех - коричневый (рис. 4,*2,4*) цвет. Размеры пяти небольших изделий (рис. 4,*2,4*): диаметры 27-48 мм, толщина 5-8 мм, диаметр отверстий 4-7 мм. Крупный массивный предмет, по нашему мнению также являющийся напряслом с неровными краями, имеет диаметр 65 мм, толщину 8 мм и диаметр отверстия 6 мм.

Находки *древнерусской керамики* на раскопах и в шурфе на поселении составляют от 0 до 3,7% от всей керамической посуды. *Фрагменты мордовской посуды* составляют на раскопах не более 0,4% от всей массы керамики.

Из общей массы неполивной керамической посуды выделяются *трапезундские амфоры*, их найдено 9 фрагментов. Трапезундские амфоры имеют красно-оранжевый цвет, с мелким рифлением и белым ангобом, а также примесь в тесте мелкого песка и слюды.

Многочисленны также находки фрагментов *кашинной и красноглиняной поливной посуды*. *Штампованной* керамики найдено 14 фрагментов.

Представленная коллекция индивидуальных находок золотоордынского времени, происходящая с Хмелевского I селища, также позволяет сделать некоторые выводы. Сравним приведенные материалы с изделиями тех же категорий, происходящими с Увекского городища (Недашковский, 2000, с. 67-93; 2001), на месте которого располагался близлежащий крупный город Укек. В материалах с Хмелевского I селища, в отличие от Укека, отсутствуют копья, булавы, кистени, кинжалы, боевые ножи, стремена и серебряные сосуды. Обращает на себя внимание многократное преобладание в материалах Увекского городища топоров, керамических бомб, заклепок от металлических сосудов и муфт ножей. Напротив, отмечается наличие в материалах Хмелевского I селища железных подпружной пряжки и кольца от узды, отсутствующих на Увекском городище.

По своим археологическим характеристикам Хмелевское I селище являлось памятником городского типа, как и более крупное по размерам Увекское городище, однако приведенные выше различия в материальной культуре отражают некоторые отличия быта и культуры населения малого и крупного золотоордынского города соответственно. Жители крупного города (особенно оседлая золотоордынская аристократия, как раз и проживавшая преимущественно в городах), очевидно, в большей степени были связаны с военным делом и торговлей, а население малого города – с подсобными земледелием и скотоводством.

Литература:

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – 353 с.

Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (Классификация и датировка): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.

Галкин Л.Л. Генуэзские пираты на... Каспии // Вокруг света. – 1998. – № 4. – С. 78-80.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. – М.-Л.: Наука, 1966. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. – 147 с.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). – Казань: Институт истории, 2002. – 383 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 224 с.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21-23 ноября 2000 г.) / Отв. ред. В.И. Завьялов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 349-364.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – Казань: Тип. «Татполиграф», 1996. – С. 5-88.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 256 с.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1988. – С. 7-102.

Fyodorov-Davydov G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series. 198. – Oxford, 1984. – 278 p.

Резюме

Л.Ф. Недашковский, М.Б. Шигапов.

Изделия с Хмелевского I селища.

В статье рассматриваются предметы вооружения (фрагменты топоров, наконечники стрел, фрагментом бомбы), конского снаряжения (железные рамка подпружной пряжки, кольцо от узды, подкова и ледоходные шипы) и быта (заклепки, фрагменты медных и бронзовых сосудов, листов, чугунных котлов, железные чересло, коса, муфты ножей и керамика) с Хмелевского I селища второй половины XIII – XIV в., располагающегося в Саратовском Поволжье и изучавшегося в 1995-2002 гг. экспедицией Казанского университета.

Summary

L.F. Nedashkovsky, M.B. Shigapov.

Wares from Hmelevka I settlement.

Objects of arms (fragments of axes, arrowheads, fragment of bomb), horse equipment (iron framework of supporting buckle, ring from bridle, horseshoe and debacle thorns) and daily life (rivets, fragments of copper and bronze vessels, sheets, cast-iron cauldrons, iron plough blade, scythe, knife couplings and pottery) from Hmelevka I settlement of the second half of XIIIth – XIVth century, situated in Saratov Volga region and studied by expedition of Kazan University in 1995-2002, are considered in the article.

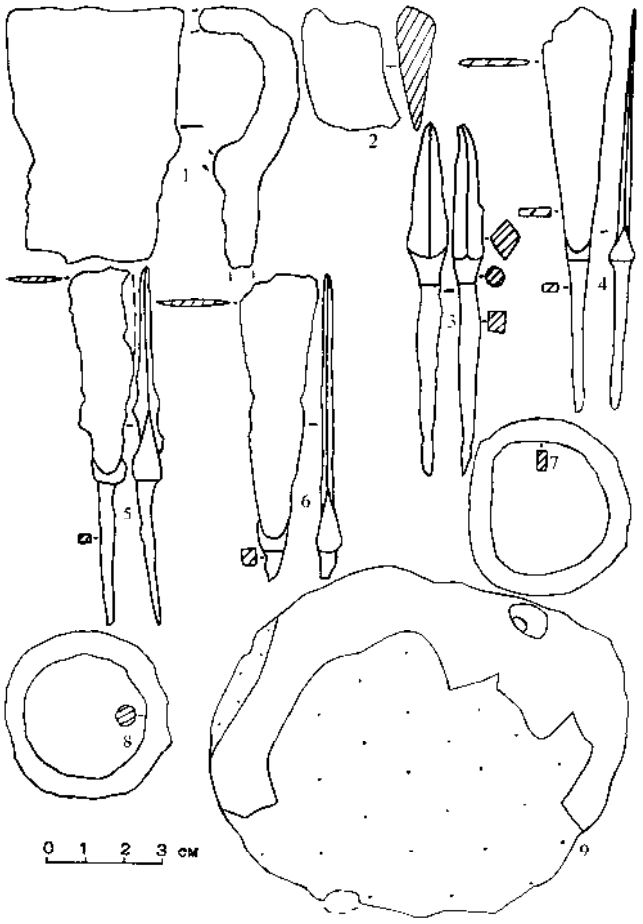


Рис.1. Железные фрагменты топоров (1-2), наконечники стрел (3-6), рамка пряжки (7), кольцо (8) и фрагмент керамической бомбы (9) с Хмелевского I селища.

1,3,5 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-1999: 1,5 – яма 2 (№ 14, -148 см; № 12, -154 см), 3 – культурный слой (№ 3, -61 см).

2,7-9 – Саратовский областной музей краеведения, подъемный материал Л.Ф.Недашковского 2001 (2), 1998 (7,9) и 2000 (8) гг.

4 - Научно-исследовательская археологическая лаборатория Саратовского государственного университета.

6 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-2000, яма 5 (№ 79, -185 см).

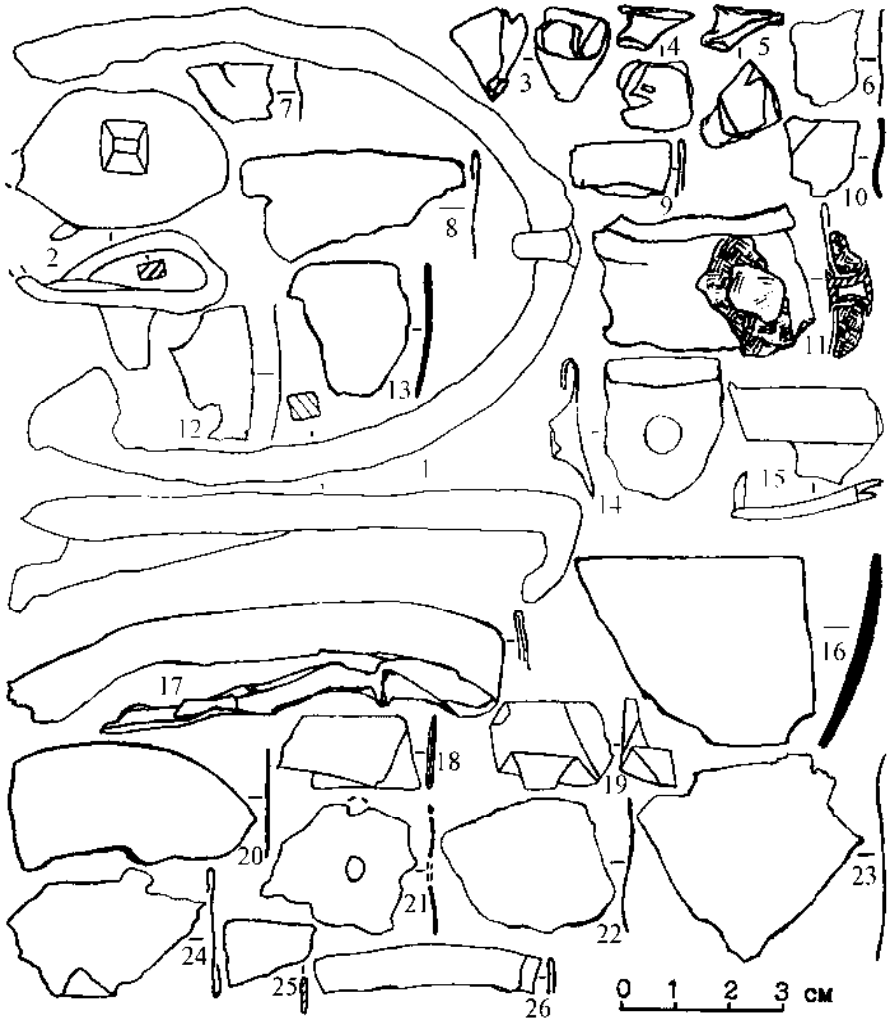


Рис.2. Подкова (1), ледоходный шип (2), заклепки (3-5), фрагменты кованых (8-9,11,14,17,22-23,26) и литых (13,16) сосудов и обломки листов (6-7,10,12,15,18-21,24-25) с Хмелевского I селища.
1-2 – железо, 3-10,12-25 – бронза, 11 – железо и бронза.
1,6-7,12,14,17,24 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-2000: 1 – яма 5 (№ 52, -110 см), 6-7,24 – яма 4 (№ 20, -48 см), 12,14,17 – культурный слой (№ 15, -51 см; № 3, -43 см; № 67, -91 см).
2-5,8-9,11,13,15-16,18-23,26 – Саратовский областной музей краеведения, подъемный материал Л.Ф.Недашковского 1998 (2,15,18-19,21), 2000 (3-5,8,11,13,16,20,22-23), 2002 (9) и 2001 (26) гг.
10,25 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-1999, яма 2 (№ 26, -214 см; № 46, -266 см).

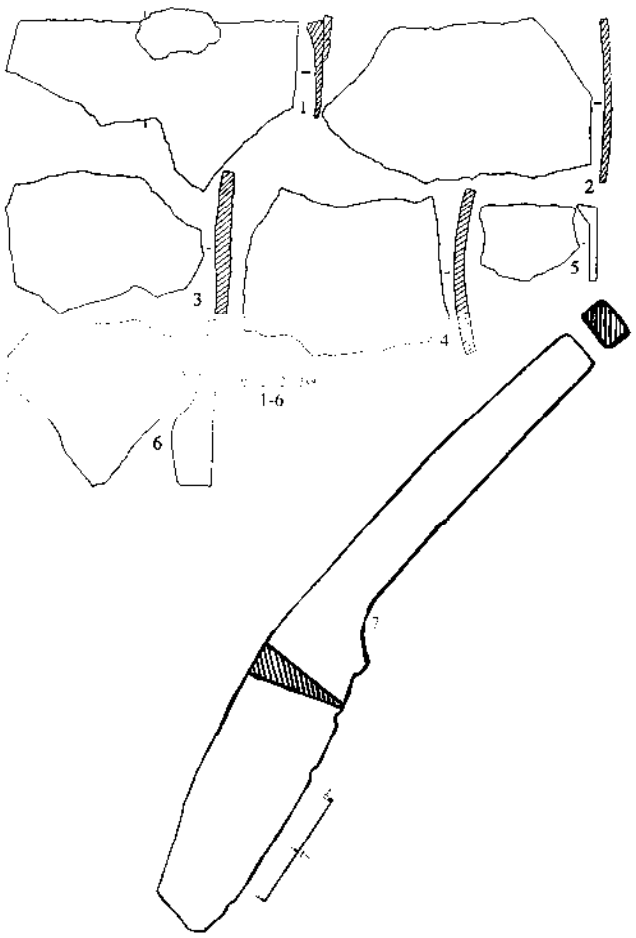


Рис.3. Фрагменты чугунных котлов (1-6) и железное чересло (7) с Хмелевского I селища.
1-2 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-2000, яма 5 (№ 49, -87 см).
3-7 – Саратовский областной музей краеведения, подъемный материал Л.Ф.Недашковского 2001 г.

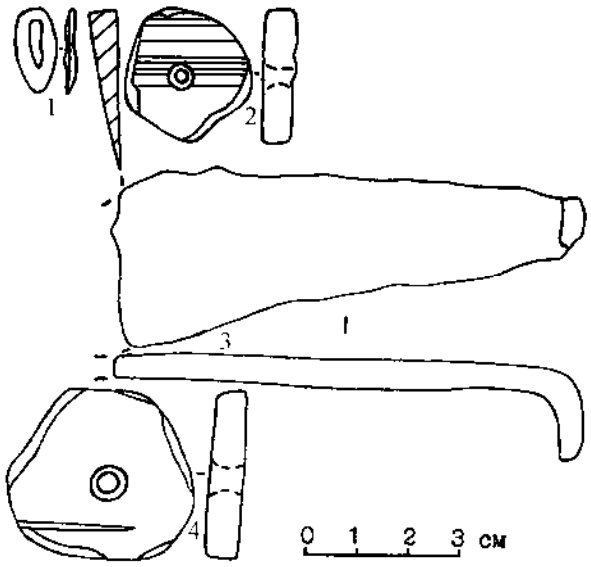


Рис.4. Бронзовая муфта ножа (1), керамические напрясла из стенок сосудов (2,4) и фрагмент железной косы (3) с Хмелевского I селища.
1 – Саратовский областной музей краеведения, подъемный материал Л.Ф.Недашковского 2000 г., № НВСП 45220/25.
2-4 – Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-2000, яма 4: 2 – № 57, -71 см, № НВСП 45268/31, 3 – № 40, -101 см, № НВСП 45220/45, 4 – № 42, -108 см, № НВСП 45268/41.

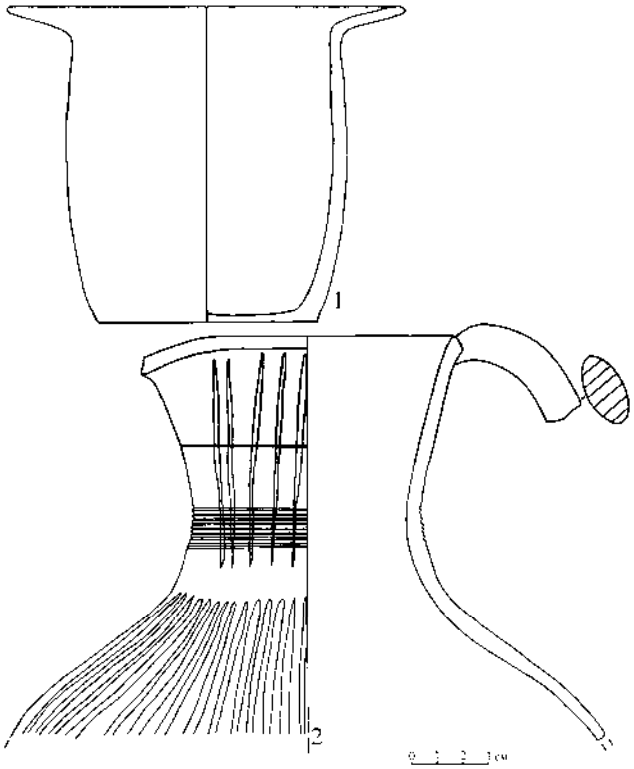


Рис.5. Золотоордынские красноглиняные неполивные тувак (1) и кувшин (2) с Хмелевского I селища. Саратовский областной музей краеведения, раскоп I-1999, яма 4. 1 – № НВСП 45093/4, 2 – № НВСП 45093/5.

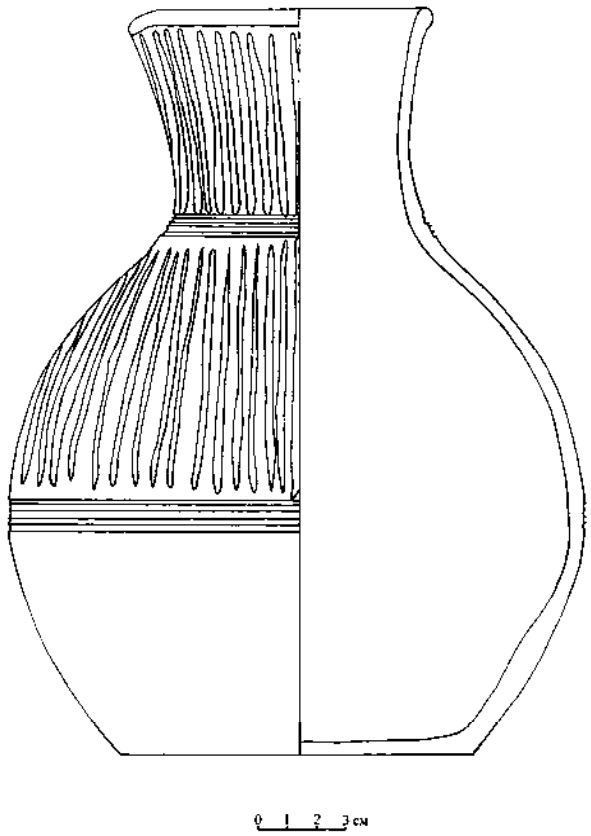


Рис.6. Золотоордынский красноглиняный неполивной кувшинообразный сосуд из ямы 4 раскопа I-1999 с Хмелевского I селища. Саратовский областной музей краеведения № НВСП 45093/3,6.

Нуржанов А. А.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Алматы, Казахстан

УДК 903/904(574.5)”637”

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА КАСТЕК В САКРАЛЬНЫХ АРТЕФАКТАХ

Ключевые слова: Средневековое поселение Кастек, религия, повседневная жизнь в средневековых городах, священных экспонатах, цивилизации, тюркской культуре.
Keywords: Medieval settlement Kastek, religion, daily life in medieval towns, sacred artifacts, civilization, Turkic culture.

Казахстанская наука достигла значительных успехов в изучении городской средневековой культуры. Многолетние стационарные исследования городских центров на юге Казахстана и Жетысу открыли увлекательную историческую панораму становления и развития своеобразной городской культуры. Создали источниковедческую базу изучения развития различных сторон материальной и духовной культуры за длительный исторический период. Одновременная историко-культурная реконструкция прошлого, изображавшая историю Казахстана лишь как «историю кочевий», приобрела адекватную многомерную ретроспективу. Возникая и развиваясь на стыке великих степей и зоны древних среднеазиатских оазисов, на нитях караванных дорог Великого Шелкового пути, эти города являлись сгустками степных кочевых и оседлоземледельческих культур среднеазиатского типа.

Великий арабский мыслитель Ибн Халдун (1332-1406) писал: «Знай, что науки, как служат предметом изучения и обучения в городах, делятся на два вида: 1). Естественные для человека, как он приобретает умозрительным путем; 2) традиционные, как он перенимает от того, кто положил им начало» (Ибн Халдун, с. 215).

Несомненно, однако, что в многосложной и длительной культуре человечества феномен города многогранен и нередко имеет черты локального своеобразия. Образование и развитие городов Средней Азии и Казахстана, при всех общих закономерностях, не было шаблонным, имело свои особенности. Структура средневековых городов также не была единой и зависела от объективных условий процесса градообразования. Этот вывод особенно важен и справедлив для средневекового Казахстана, где формирование городских центров происходило в условиях исторически сложившегося взаимодействия оседло-земледельческого и кочевого населения, что сказалось на топографии и типах городов, своеобразии городской культуры.

В первые десятилетия VII в. на трассе Великого Шелкового пути переместившегося в Южный Казахстан и Жетысу, появились города. Некоторые из них сформировались как ставки тюркских каганатов, другие были основаны согдийцами как торговые факторий. Доля оседлого и городского населения увеличивалась вплоть до начала XII в. То есть, на протяжении шести-семи столетий в рамках таких государств, как Тюргешский, Карлукский, Караханидский каганаты характерно сочетание скотоводства и земледелия, сопровождающееся ростом и расширением последнего, появлением селений и городов.

Жетысу занимает Шу-Балхашский бассейн, средняя высота которого колеблется в пределах 300-400 м над уровнем моря, наиболее низкое место – низовья Шу. Продольная ось Шу-Балхашского междуречья проходит через низовья Шу, Балхаш, Алаколь и через Жунгарские ворота уходит в Западный Китай к озеру Эби-Нур (Аболин, 6).

К югу от реки Иле начинается Заилийский Алатау. Западная часть между правым берегом г. Шу и песками, окаймляющими части которых носят название Кульжабасы, Хантау. Они имеют многочисленные перевалы, удобные для колесного транспорта. Через Курдайский перевал проходит дорога, соединяющая Илийскую и Чуйскую долины. Еще один путь проходит через перевал Кастек, соединяя долину Или с котловиной Иссык-Куля и долиной Шу.

Перевал Кастек издревле служил для связи долин Шу и Иле (Бартольд, 1966, с. 38). Упоминание об этом перевале сохранилось в источниках XV в., описывающих поход Тимура. В 1375 г. армия Тимура из долины Иле шла в Атбаш через перевал Кара-Касман (Кастек) (Умурзаков, 53-58).

Средневековое городище Кастек-1 находится в 2,5 км от с. Кастек, на левом побережье реки Кастек у подножья горы Суык-Тобе. Географические координаты: 43º03'03,54" С.; 75º59'09,11" В., на

высоте 1296 м над уровнем моря (Рис. 1). Городище расположено на месте выхода горной речки из горных теснин на относительно широкую часть возвышенных прилавков, образующих возвышенное плато, при этом река еще сохраняет стремительность своего течения, создавая своеобразный звуковой фон местности.

Центральная часть памятника представляет собой несколько возвышенный над общей поверхностью подчетырехугольный участок, ориентированный углами по сторонам света. Размер по линии С-Ю – 210 м, В-З – 150 м, что составляет 4 га. Он обнесен крепостной стеной, которая выглядит как оплывший вал толщиной до 15 м, высотой до 4 м. По гребню вала видны впадины и всхолмления на месте оборонительных башен. В топографии городища выделяются 14 башен и 32 крупных домовладений, располагавшихся внутри стен, имеется и значительное число других построек, расположенных, главным образом вдоль реки. Вокруг вала с трех сторон кроме восточной, прослеживается ложбина былого рва глубиной 0,5-2 м и шириной 3-4 м, с восточной сторон город располагался на высоком берегу реки, остаток построек не нем не зафиксировано. Въезды находятся напротив друг друга в середине стен.

При вскрытии верхнего культурного слоя, на глубине 0,5 м обнаружены стены и пол второго строительного горизонта. Стены помещений вытянуты с востока на запад. Сохранившаяся высота стен 0,4-0,5 м (Нуржанов, 19-22).

Общий размер раскопа – 112х64 м; верхний строительный горизонт X–XIII вв. – 19х7 м; нижний строительный горизонт VIII–IX вв. –54х28 м; (Рис.2)

Верхний строительный горизонт X– нач. XIII вв.

Помещение 1а (6х5,3 м). Выше уровня пола находится тандыр из обожженной глины диаметром 40 см. Его внутренняя поверхность украшена орнаментом из прорезных волнообразных линий, прочерченных вертикально и углублений-вмятин. В помещении две мусорные ямы. Одна яма диаметром 150 см, вторая яма имеет внутренний диаметр 150 см, диаметр вместе с внешним обрамляющим выступом – 230 см. Входные проемы ведут в помещения 2а и 3а.

Помещение 2а (4х1,6 м). В помещении находится глиняный тандыр диаметром 60 см. От тандыра отходит глиняный отросток, изгибаясь он доходит до противоположной стены.

Помещение 3а (4х3,4 м). Возле юго-восточной стены расположена яма, диаметр которой 130 см. Яма окружена стенкой, от нее отходит отросток, который соединяется со стеной у входа.

Помещение 4 а (4,1х3,1м) объединяется входным проемом с помещением 3а. В южной части помещения имеется перегородка, отгораживающая часть помещения. В кладке северной стены сохранились камни. С юга на возвышенном участке расположено керамическое корытце, по форме напоминающее цифру 8.

Помещение 5а (1,8х2,2 м). Объединено проходами с помещениями 7а и 6а.

Помещение 6а (2,2х2,2 м). Перегородка возле прохода в помещение образует тамбурный вход.

Помещение 7а (5х2 м). Помещение имеет входы соседние помещения 4а и 5а.

Помещение 8а (8,3х1,2 м) имеет вытянутую форму с переходом в помещение 3а.

Нижний строительный горизонт VIII–IX вв. Стены сделаны из прессованной глины. Разрез стены по линии А-А в помещении 2 с закладкой шурфа обнаружен глиняный стилобат, на котором была возведена постройка. Толщина внутренних стен от 34 до 70 см, перегородок 25 см. На данном этапе работ помещения выявлены не полностью, стены уходят под бровки.

Помещение 1 (5х3 м). У юго-восточной стены толщиной 40 см расположен двухступенчатый жертвенник нишеобразных очертаний. Нижняя ступень выдвинута больше верхней, отступает от стены на 1,45 см, образуя ступеньку. Ширина нижней ступени 1,5 м, ширина верхней – 1,10 см. На верхней ступени жертвенник – углубление из обожженной глины диаметром 40 см. С двух сторон от него – два шишковидных выступа диаметром примерно 8 см. У входа стоял сосуд, его верхняя часть отбита, диаметр широкой части тулова 35 см. На полу – очаг диаметром 0,52 см. Помещение 1 соединяется с помещением 2 входным проемом шириной 77 см. Южный угол помещения прорезает яма, вероятно, идущая с верхнего горизонта.

Помещение 2 (3,10х3,5 м). Вдоль северной стены протянута суфа шириной 80 см. Вдоль южной стены сделан стратиграфический срез А-А. Рядом заложен шурф, обнаживший часть глиняного стилобата. В верхней части стены глина светлого оттенка, затем слой глины светло-кирпичного цвета. В глиняной стене есть тонкие прослойки известняка и вкрапления кусочков сухой глины.

Помещение 3 (5,20х3,9 м). Помещение 3 соединяется проходом с помещением 1. Возле юго-восточной стены расположена суфа размером 2,7х1,85 м. На суфе круглое углубление диаметром 1,60 см.

Помещение 4 (4,20х2,7 м). Вдоль западной и северной стен расположена суфа, ширина которой соответственно 70 и 50 см.

Помещение 5 (2,5х1,5 м). Толщина перегородки между помещениями 5 и 7, на которой обнаружены глиняные кирпичики, составляет 25 см. Кирпичи разного формата толщиной около 5 см, возможно, использовались для облицовки. Ширина входного проема 80 см. Он соединяет помещение 5 с помещением 7.

Помещение 6 (4,7х2,6 м) соединяется проходом с помещением 7.

Помещение 7 (неправильной формы 5,8х5,4 и 3,9 м) соединяется проходами с помещениями 5,6 и 10.

Помещение 8 (3,9х3,3 м). В помещении 8 два входных проема. Один проем шириной 80 см ведет в помещение 7, второй проем шириной 90 см соединяет с помещением 9. Возле этого входа вдоль юго-восточной стены – суфа шириной 75 см. В северной части суфы имеется возвышение.

Помещение 9 (4х2,1 м) соединяется проходами с помещениями 8 и 10. В северо-западную стену врезан очаг диаметром 50 см.

Помещение 10 (8х2 м). Помещение 10 соединяется с помещениями 7 и 9 входными проемами шириной 80 см. Уровень пола в помещении 10 ниже, чем у соседних. Из помещения 7 ведут две ступеньки, ширина нижней ступеньки 30 см, высота 10 см. Слева от входа расположена суфа шириной 60 см. Она примыкает к стене, толщина которой 40 см. Из помещения 9 можно спуститься по одной ступеньке.

У юго-восточной стены расположен глиняный алтарь с двумя полуовальными ступенями. На верхней плоскости алтаря – углубление в виде чаши из обожженной глины диаметром 40 см. Поверхность чаши украшена наклонными прочерченными линиями. С двух сторон от нее находятся два шишковидных выступа диаметром около 8 см. На полу вблизи алтаря – очаг диаметром 52 см. У входа в помещение стоял керамический сосуд с отбитым верхом. Вдоль северной стены расположена суфа шириной 80 см. Помещение 1 объединяется проходами с помещениями 2 и 3.

Глиняные двух- и трехступенчатые алтари известны на средневековых памятниках Средней Азии, Южного Казахстана и Юго-Западного Жетысу. Археологические исследования показали, что подобные алтари могли использоваться по-разному: на одних возжигался огонь, на других устанавливались скульптурные изображения, символы богов, возлагались дары, производились воскурения. Форма жертвенников нишеобразных или арочных очертаний, подобная форме двухступенчатого алтаря из Кастек-1, объясняется единой с нишами символикой (Нуржанов, Терновая, 312-316).

Необычный керамический кувшин (Рис. 3) высотой 22 см с «носиком» и ручкой обнаружен в караханидском слое X–XI вв. Форма сосуда обтекаема – тулово плавно расширяется от венчика и сужается к донцу. Крышка прикреплена к венчику сосуда и составляет с ним одно целое. На тулове сделан сквозной проем трапециевидной формы.

Оформление сосуда диктует способ его применения. Наглухо прикрепленная крышка перекрывает устье. Носик, несмотря на сквозное отверстие, не использовался для слива. В проем, сделанный в боковине сосуда, предположительно вкладывались мелкие предметы. Согласно аналогиям, вырезанный до обжига фрагмент мог использоваться как крышка.

При исследовании назначения сосуда в качестве аналогий были привлечены сосудообразные предметы по следующим категориям: 1) керамические сосуды или полые внутри вместилища с перекрытым устьем и отверстием или проемом в необычном месте; 2) сосуды с «носиками», в том числе, не предназначенными для слива; 3) кувшины с ручкой и антропоморфными признаками.

Керамика с круглыми отверстиями встречается среди бытовых и культовых изделий. У сосудов крупных форм (хумов, хумчей) отверстия находились в нижней части тулова. В средней части тулова круглые отверстия диаметром 1-1,5 см имеются на маслобойках. Сосуды с отверстиями под венчиком и с более узким горлом служили для хранения молочных продуктов.

Круглые отверстия на бытовой средневековой керамике объясняются с точки зрения их функциональности. Отверстия на керамике, не имеющие практического назначение, служат поводом для предположения об их ритуальном значении.

Зубная щетка. (Рис. 4) Следующим костяным предметом является длинная (225 мм) костяная палочка из компактной кости? животного, светло-желтоватого цвета, плотная и массивная. Она имеет несколько вытянутую плоско-выпуклую часть головки размером 36,5 мм Х 10,5 мм, которая затем переходит в виде ее шейки и на четырехгранную ручку (6 Х 5 мм в середине и 6 Х 5.5 мм в конце). Головка имеет лицевую плоскую сторону с двумя двухсторонними парными нитевидными не глубокими аккуратно выполненными надрезами по длине головки. Вдоль этих двух парных линий в

цепочку расположены по 5 цилиндрической формы отверстии-ячейки (диаметр-2,5 мм) с не до конца просверленными тонкими просвечивающими днами на задней выпуклой стороны головки описываемого предмета. Нижняя часть всех отверстий в совокупности формирует лицевую часть продолговатой кармашки. Двух рядные 10 отверстии замыкаются по нижним и верхним концам головки предмета еще двумя идентичными по диаметру и глубине, но сквозными отверстиями.

Противоположная сторона головки несколько выпуклая и гладкая и имеет по сагиттальнальной линии-третью линию надреза (длина-25 мм), но более широкую и глубокую переходящую и формирующую заданию стенку с гребенчатым выступом по центральной части кармашки по длине головки зубной щетки, которая также являются несколько скошенным дном 5 цилиндрических парных ячеек. Данные трасологических исследований указывает, что предмет был изготовлен вручную, по всей поверхности отмечаются частые прерывистые насечки от режущего аппарата во время обработки поверхности исследуемого предмета.

На наш взгляд, трудность установления наименования изучаемого предмета заключается в том, что он в период наших исследований не имел главного в функциональном и технологическом отношениях элемента (пучков волос животного происхождения или других волокон для чистки зубов). Вероятно, он как представитель из органической природы в настоящее время отсутствовал из-за полной естественной деструкции в археологической среде. Одной из подтверждающей версией в пользу предполагаемого нами предмета является то, что ручка предмета в средней части деформирована на лицевую сторону, в результате регулярного силового воздействия руки человека во время чистки зубов.

Древние тюрки вероятно щетку стали делать из конского волоса. В Древнем Китае использовали щетки для зубов - деревянные палочки со свиной щетиной. В середине XVI века, жесткую и неприятно пахнущую щетину европейцы заменили на беличью или барсучью шерсть, но она, напротив, была слишком мягкой. Наконец нашли разумный компромисс – щетку стали делать из конского волоса. Такой щеткой пользовался Наполеон, который чистил зубы морским песком с добавкой опиума для успокоения нервов.

Средневековые тюрки Центральной Азии унаследовали от своих предшественников многие изобразительные традиции. Мифические образы скифо-сибирского звериного стиля были унифицированы и творчески переработаны. Наряду с этим, обширный тюркский мир сохранил в своем искусстве ряд древнейших образов (волка и собаки), воплощая их в керамических изделиях(Рис.5), мелкой пластике и монументальной скульптуре.

Необычный керамический кувшин (Рис. 6) грушевидной формы с прямым донцем диаметром 13,5 см, с отогнутым на внешний край венчиком (диаметром 6,5 см), и сливом, выступающим от горизонтальной поверхности венчика на высоту 4 см.

Петлевидная ручка с канелюрами, заканчивается имитацией капюшона кобры с крестом посередине и частыми параллельными насечками на крыльях капюшона (ширина капюшона – 6,8, длина 8,8 см).

Высокая, конической формы, горловина (выс.9,5 см) расширяется к тулову (верхний диаметр части горловины – 8,2, нижней - 11,7 см), и крутым плечом (диаметр самой широкой части кувшина 32 см), на котором расположен декор, после концентрического выступа у основания горловины (расстояние между выступами горловины 2.7см).

После второго концентрического выступа на расстоянии от первого – 2,3 см, расположены, между тремя прочерченными параллельными прямыми линиями два ленточных декора с волнообразным орнаментом с частой амплитудой волны.

«Зона неба» на плечеках сосудов покрыта перекрещивающимися линиями. Этот орнамент служит не обозначением «верхнего мира», а, скорее, условного пространства над землей. В зоне земли изображен орнамент в виде волнистых линий, окруженных точками, – это символический изображение змей (Байпаков, Терновая, 226).

Слив выполнен в виде скульптурного зооморфного изображения животного (кобра). Плавные выступы по обеим сторонам слива, слегка прижаты. На них расположены стилизованные выпуклые налепные глаза диаметром 1,9 и высотой 1 см, с имитацией зрачка в виде круглого отверстия диаметром 0,3 см. В верхней части горловины, диаметрально противоположно, расположены налепные ушки (длина ушка – 2,7 см, ширина 1,9 см) с отверстием посередине диаметром 0,3 см.

Тесто кувшина плотное с примесью мелкого речного песка, излом черепка розовый, обжиг равномерный. Поверхность покрыта розовым ангобом. Изготовлен на гончарном круге.

Кобра символизирует изначальную инстинктивную природу, прилив жизненной силы неконтролируемой и недифференцированной, потенциальную энергию, воодушевляющий дух. Это

посредник между Небом и Землей, между землей и подземным миром. Змея ассоциируется с небом, землей, водой и в особенности с Космическим Деревом (Jordan,265).

В древности со змеей связывали идею непрерывности жизни, постоянного ее «оживления» после «смерти» (сбрасывания кожи), идею бессмертия и неиссякаемого плодородия (Гаджиев, 217).

В зороастризме воплощением «бессмертия» является дух растительности Амерстат («целостностью»), духом, воплощающим телесное здоровье, покровителем воды. Их взаимосвязь восходит к мифологеме мирового дерева и источника живой воды (Мелетинский, 720). Хаурватат и Амерстат не только укрепляют смертного бытие, но и дариует вечное процветание и вечную жизнь, получаемую в присутствии Ахура – Мазды (Бойс М.,76).

Змея может символически изображать солнечные лучи, путь солнца на небе, молнию и силу воды. Являясь атрибутом всех речных божеств. В контексте космологии змея – это изначальный океан, из которого все возникает и в который все возвращается, первобытный недефференцированный хаос. Это тот бог ранних космогонии, который позднее послужил отправным пунктом для более психологических и духовных интерпретаций (Афанасьева В.К.,125).

Змей, представленный почти во всех мифологиях символ, связываемый с плодородием, землей и женской производящей силой, водой, дождем, и с одной стороны, и домашним очагом, огнем (особенно небесный), а также мужским оплодотворяющим началом – с другой (Фрезер Дж.Дж., 832).

Крест – один из наиболее распространенных символов, нередко олицетворяющий высшие сакральные ценности. Для объяснение этого феномена необходимо привлечь знания самых разных наук: археологии, истории, психологии, философии, биологии, архитектуры, математики, физики. По сути, как бы сосредотачивает в себе все человеческие знания, и в этом еще одно проявление его универсальности.

В помещении 3 был найден керамический сосуд с семенами конопли, которые, согласно письменным источникам, сведения которых подтверждены археологическими материалами, использовались в ритуальной практике для воскурений и изготовления опьяняющих напитков.

Более точная верификация плодов и семян изучаемого растения, предположительно установленного нами как конопля, требует более тщательного исследования на уровне ДНК анализа, хроматографических данных, что позволит выявить эволюционные изменения и отличия современных культурных форм конопли от их древних аналогов.

Конопля посевная описана в 19-м и 20-м томах «Естественной истории» Плиния Старшего, которые упоминает ее использование как прядильного, пищевого и лекарственного растения. Упоминается что конопляные семена – хорошее средство для лечения запора у домашних животных, сок травы помогает от отита, а корень можно использовать в качестве припарок от боли в суставах, подагры и ожогов.

Конопля имеет богатую историю использования человечеством в качестве пищи (семена), материала для изготовления бумаги, одежды, обуви, веревок, канатов, тросов и ниток (стебли растения состоят из весьма прочных волокон), а также в качестве психотропного средства.

Конопля впервые описана в Китае около 2800 года до н.э.. (Jum-Ji Kim and Mi-Young Lee, 84-88). Геродот так описывает оргии скифов: «Они бросали конопляное семя на горячие камни и выли, и вопили от удовольствия». В Северной Африке конопля — источник счастья. В Индии (VIII—VI века до н. э.) жрецы-брахманы готовили крепкий отвар конопли, чтобы приблизиться к божеству (X.-S. Wang, Ch.-He Tang, X.-Q. Yang, W-R.Gao, 11-18).

В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее… Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия» (Геродот,73).

М. Элиаде указывал на «шаманский характер этого погребального очищения; культ умерших, использование конопли, удушье и крики составляют по сути специфический религиозный комплекс, целью которого мог быть только экстаз» (Элиаде М., 291).

Присутствие в городища Кастек-1 двухступенчатого алтаря, предназначенного для воскурений, найденные в непосредственной близости от него предметы: керамический сосуд с семенами конопли, небольшой керамический сосуд-цедилка с отверстиями в тулове, культовый сосуд с носиком в виде головы волка (или собаки), медный котелок с растительным орнаментом и другие предметы помогают в какой-то степени реконструировать сакральные обряды и религиозные представления жителей Жетысу в VIII–IX вв.

Таким образом, средневековый Жетысу, один из крупных культурно-исторических регионов Казахстана, где сохранилась древняя интереснейшая топонимика, в том числе и относящаяся к городской культуре, с древними караванными путями. Благодаря археологическим исследованиям, решен ряд вопросов археологической и исторической географии, получено о развитии здесь своеобразной цивилизации. Здесь города и степь, земледелия и скотоводство развивались в едином политическом, хозяйственно-экономическом и культурологическом комплексе.

Литература:

Аболин Р.И. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри//Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа КазССР. Ташкент, «ФАН». 1930, С. 6.

Афанасьева В.К. Орел и змея в изобразительности и литературе Двуречья. М.: Водолей Publishers, 2007. 462 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы: Изд-во «Баур», 2005. 236 с.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. С. 76.

Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М. 1991. 214 с.

Геродот. История в девяти книгах. / Перевод и примеч. Г.А. Стратановского. 4 кн. Л.: Наука, 1972. 600 с.

Ибн Халдун. Введение (фрагменты)//Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1961. 622 с.

Мифологический словарь // Гл. Ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. Энц., 1991. С. 36.

Нуржанов А.А., Терновая Г.А. К вопросу об обрядовой практике жителей Жетысу (Семиречья) в VIII–IX вв. // Труды «IV» XX Всеросссийского археологического съезда в Казани. Т. 2. Казань. Отечество. 2014, С. 312-316.

Нуржанов А.А. Жетысу-золотая колыбель казахской нации. Мысль: Республиканский общественно-политический журнал. Алматы, 2013. №10. С.19-22.

Умурзаков С.У. К исторической топонимике Киргизии // Ономастика Средней Азии. М.: Наука ГРВЛ, 1978. С. 53-58.

Jordan M. Renenutet [Dictionary of Gods and Goddesses]. New York. 1941. p. 265.

Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии // М.: Изд-во политической литературы, 1980. 832 с.

Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. М.: Академ. проект, 2014. 480 с.

Jum-Ji Kim and Mi-Young Lee. Isolation and Characterization of Edestin from Cheungsam Hempseed //J. Appl. Biol. Chem.- 2011. 54(2). P. 84-88.

X.-S. Wang, Ch.-He Tang, X.-Q. Yang, W-R.Gao. Characterization, amino acid composition and in vitro digestibility of hemp (Cannabis sativa L.) proteins// Food Chemistry.- 2008.-107. P. 11–18.

Резюме

Средневековый Жетысу - одна из крупнейших культурных и исторических областей Казахстана, где древние топонимы городской культуры были сохранены. У формирования и развития городов Средней Азии и Казахстана, со всеми общими образцами были свои специфические особенности. Структура средневековых городов была также не однородна и зависела от объективных условий процесса городского формирования. Это заключение особенно важно для средневекового Казахстана, где формирование городских центров произошло в контексте исторически установленного взаимодействия прочно-сельскохозяйственного и кочевого населения, которое затронуло топографию и типы городов.

Summary

Medieval Zhetysu - one of the major cultural and historical regions of Kazakhstan where the ancient toponyms of the urban culture were preserved. The formation and development of the cities of Central Asia and Kazakhstan, with all the general patterns had its own peculiarities. The structure of medieval cities was also not uniform and depended on the objective conditions of the process of city formation. This conclusion is especially important and valid for medieval Kazakhstan where the formation of urban centers occurred in the context of the historically established interaction of the settled-agricultural and nomadic population which affected the topography and types of cities.

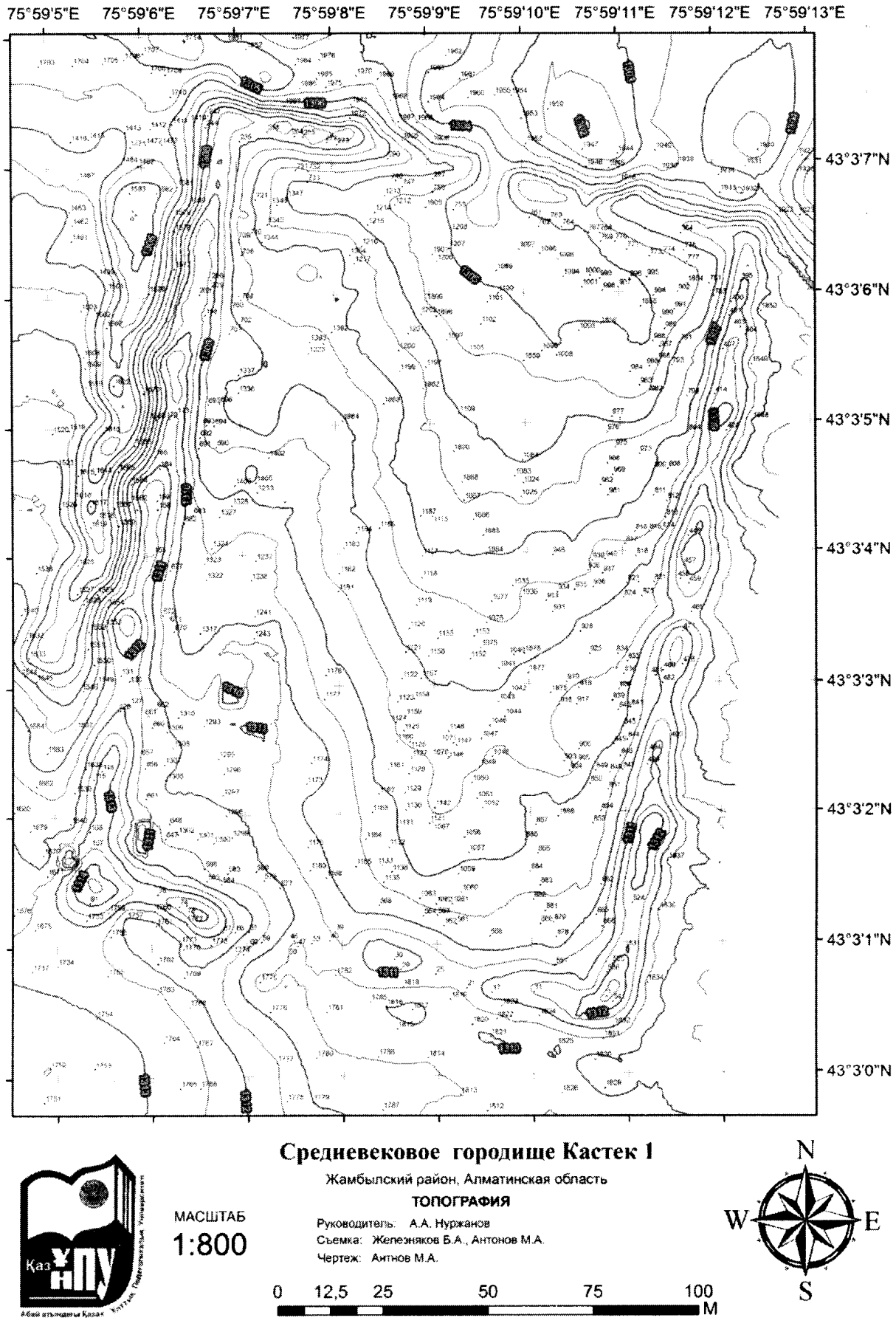


Рис. 1. Топографический план центральной части города

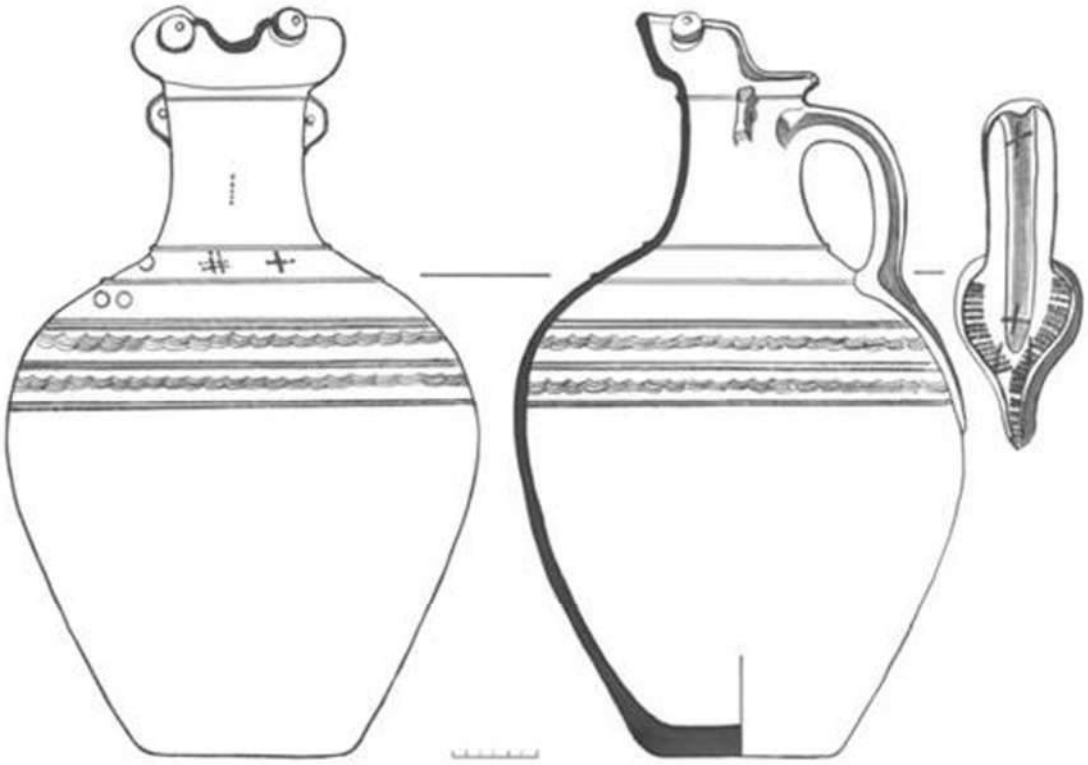
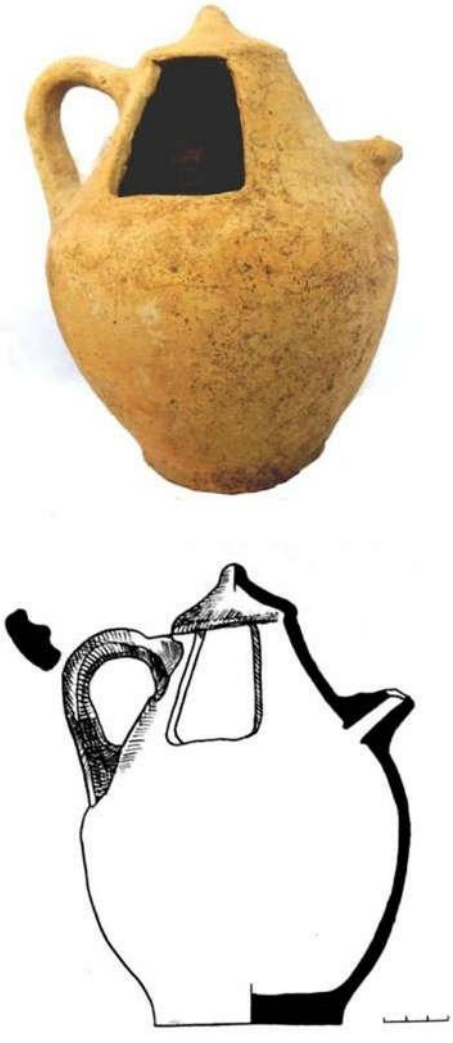


Рис. 2. Культвый кувшин (Водолей)





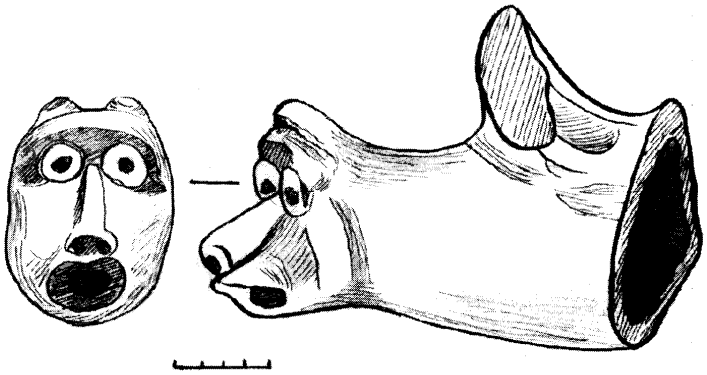


Рис. 5. Голова волка. Водолей (городище Кастек)



Сайпов С.Т, Турекеев К.Ж
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха,
Каракалпакский научно-исследовательский
институт гуманитарных наук ККО АН РУз.
г. Нукус, Республика Узбекистан

УДК 930,26

ТЕРРАКОТОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: терракотовые статуэтки, зооморфные керамические фигурки, лошадь, баран, рыб, стилизованные изображения «змеиных следов», обряды, традиции, религиозная интерпретация.
Keywords: terracotta figurines, zoomorphic ceramic figures, horse, ram, fish, stylized images of "snake traces", rituals, traditions, religious interpretation.

В последнее время при археологических раскопках на средневековых памятниках Южного Приаралья были найдены уникальные артефакты. Среди них большой интерес представляют фигурки животных и зооморфные изображения на керамических изделиях. Эти находки, в свою очередь, интерпретируется описанием местных религиозных представлений. В данной статье, мы попытаемся проанализировать некоторые виды этих категорий находок. Среди них часто встречаются керамические фигурки животных, например, лошадей, баранов, быков, стилизованные изображения «змеиного следа», изображения и фигурки рыб, относящихся к семейству карповых и др. Однако, надо отметить, что весь комплекс таких археологических артефактов всесторонне описать в одной статье затруднительно, поэтому, мы останавливаемся только на некоторых из них.

Одна из часто встречаемых фигур среди археологических материалов является терракотовая фигурка лошади. В религиозных традициях и верованиях у каракалпаков тотем лошадей сохранился в трансформационной форме. Такое явление можно встретить в погребальным обряде, при укладке ребенка в колыбель, предохранять жилые помещения от сглаза и, особенно хорошо сохранились среди верований всадников-чавандозов.

На керамических фигурках лошадей, найденных при раскопках археологических комплексов средневекового Южного Приаралья, вместо глаз налеплены маленькие диски, иногда они имеют прокол в центре. Грива лошади сделана в виде насечек, рот слабо намечен. Они вылеплены из тщательно отмученной глины, без добавок примесей. Глина красно- кирпичного цвета, некоторые из них покрыты белым ангобом. У большинства лошадок на спине имеется седло (рис.1. 2-4,7,9). Образы лошадей в древних верованиях и обрядах Южного Приаралья часто встречаются. По мнению Г.П. Снесарева они по сравнению с другими животными в верованиях и обрядах Хорезма отступала на второй план (Снесарев,1972,с.169). Тем не менее при раскопках средневековых памятников Хорезма их можно встретить чаще, чем другие фигурки животных. Древние сако-массагетские племена считали их священными. Единственный бог, которого они почитают, это - солнце. Солнцу они приносят в жертву коней. Смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете (Геродот, 2004, с.68-69). В Хорезмийских легендах лошадь встречается в качестве спутника, слуги того или иного святого. Как и в других областях Средней Азии, почитанием пользовался Дуль-дуль - конь Али, с помощью которого этот святой - странствующий рыцарь совершал свои подвиги. Топографическое место в средней Амударье «Дуль-дуль атлаган» - это место, где конь Али якобы перескочил Амударью. Легенда, связанная с этим поверьем хорошо известна в Хорезме. Многочисленны здесь и кадам-джои (места остановок), где по преданиям Али привязывал или кормил своего коня. На юге оазиса с мифом о сказочных крылатых конях, укрощенных пророком Сулейманом, связаны название и история города Хазараспа («хазорасп» -тысяча лошадей) (Снесарев, 1972 с.121).

Культ коня занимает особое место в представлениях народов Средней Азии. Представления о священности коня, его святости до сих пор бытуют среди каракалпаков. Особенно сильны различные представления, связанные с конской головой. В народе существует поверье, если конскую голову повесить на жилой дом, то она будет приносить счастье (Аширов, 2007, с.23). Некоторые наездники верят, что если перед домом привязать коня (иссиня-черного цвета), то дом не будут посещать злые духи. Наездники не только бережно относились к своему коню, но еще более трепетным было их отношение к конской голове. В случае, когда у лихого наездника умирал конь, его голову

заворачивали в белую ткань и вешали перед входом в дом, положив в него заклинания. Бытуют случаи, когда некоторые наездники хоронят голову коня на кладбище (Турекеев, 2016, 72, 75, 78). В северных районах Каракалпакстана -Чимбайском, Караузякском, Кегейлийском, Тахтакупырском - используют в пищу конину, но не употребляют голову. Некоторые наездники не употребляет конину совсем. По словам нашего информанта, наездника из Чимбайского района Сейтмуратова Мухаммедияра «некоторые наездники, в случае, когда умирает конь, хоронят его и при этом соблюдают траур» (Турекеев, 2013, 89). Информант из Нукусского района Зарафаддин, также поведал нам о том, что когда умер его конь, он похоронил его, завернув в белую ткань (Турекеев, 2016, 84). При сборе полевых материалов мы неоднократно видели подвешенные к дому конские головы (рис.2.1).

Существует много поверий, связанных с конем, например, бесплодные женщины посещают место, где проводились традиционные «ылак ойын» и катаются по земле в тех местах, где есть следы конских копыт. Согласно представлениям это земля является священной (Турекеев, 2016, 72). В некоторых семьях, чтобы обрести потомство, держат коня (Турекеев, 2016, 83). Когда появляется потомство, производится обрядность, связанная с культом коня. У многих тюркских народов, существуют поверья, связанные с пуповиной. В северных районах Каракалпакстана - Чимбайском, Караузякском, до конца XX в. был распространен обычай, при рождении мальчика, завязывать ему пуповину конским волосом (Турекеев, 2016, 83). Хотя этот обычай ныне забыт, но есть еще некоторые люди, которые о нем помнят (Турекеев, 2013, 89). При первом укладывании младенца в колыбель, производится обряд «бесик шаўыў». Об этом обряде С.Х. Есбергенова пишет следующее: «В родильном обряде «бесик той» прослеживается имитация колыбели как коня, что выражается в следующих действиях: в момент первой укладки ребенка в колыбель пожилая женщина в образе наездницы подходила к каждой из присутствующих на тое женщин, сообщая, что едет издалека и хочет продать раба. Видимо, здесь образ коня символизирует очищение колыбели от злых духов» (Есбергенова, 2000, с. 41). В некоторых источниках отмечается, что еще в середине XXв. конь занимал особое место в свадебной обрядности. Однако к концу XX началу XXI вв. использование коня при свадьбе забывается.

Сохранились некоторые архаические элементы, связанные с конем в похоронной обрядности. Ранее, у тюркских народов вместе с покойником хоронили и коня. Вот, что пишет по этому поводу ученый Усман Туран: «У тюркских народов, покойника хоронили вместе с конем и оружием, так как на нем, покойник в ином мире отправляется в рай» (Усмантуран, с. 51). Согласно сведениям информантов, носилки на которых хоронят покойника называются «агашат», они станут для покойника последним конем, когда он окажется в мире ином (Турекеев, 2016, №5). Информант Багда апа рассказала нам о том, что для каждого человека готовится один «агашат», на него садится душа и спасает покойника (Турекеев, 2013, №62, 2016, №4).

Если в древности коня хоронили вместе с покойником, то сейчас у каракалпаков, при смерти всадника, отстригают гриву его коню. В некоторых местностях подрезают конский хвост (Турекеев, 2016, №4). У узбеков,не только подрезали хвост, на этого коня уже никто не садился (Аширов, 2007, с. 22). У казахов также существовал подобный обычай «на такую лошадь уже никто никогда не сядет, ее называют овдовевшей (*тулдаганат*)» (Радлов, 1989, с. 282). В северных районах Каракалпакстана, мы не встречали случаев, чтобы отстригали гриву или хвост коню. Значит, древние представления, связанные с конем у каракалпаков уже забыты. Однако, несмотря на широкое распространение исламской религии, следы некоторых верований и представлений, связанных с конем, все еще встречаются среди населения.

Второй вид религиозных представлений связан с культом барана, фигурки, которая часто встречаются при археологических раскопках Южного Приаралья. Статуэтки баранов также изготовлены из хорошо отмученной глиной, без добавок, каких-либо примесей (рис.1. 5-6,8). Они вылеплены вручную, имеют серый или красноглиняный цвет. Зооморфная форма типичная, особо выделяется рога. В этом плане интерес предоставляет фигурка барана, служивший в качестве ручки тарного сосуда, найденная при раскопках на городище Миздахкан (Сайпов, 2017,с.169), (рис.1. 9). В легендах они упоминаются как плодотворители, покровителем детей, символом счастья. По этому поводу каждая семья старалась держать во дворе барана. У хорезмских узбеков, как и у их соседей каракалпаков, казахов, овечья шерсть служила в качестве амулета. У казахов гадание по овечьей лопатке было особенно популярно. Широко распространен был в Хорезме обычай укреплять над входом в жилище рога кочкара, призванные ограждать дом от «дурного глаза» (Снесарев,1969,с.310). Широко распространенный у всех народов Средней Азии орнамент в виде рогов барана на кошмах, коврах, вышивках, несомненно, имел некогда значение оберега.

Этнографические материалы настоящего времени показывают, что баран, является священным, и религиозные представления, связанные с этим, часто встречается на свадьбах, в похоронных погребальных обрядах и праздниках Курбан Хайит.

Культ барана в древних верованиях многих народов занимает значительное место. Это животное, начиная с того момента, как было одомашнено и до сегодняшних дней, играет большую роль в религиозной и семейной обрядности. У народов Центральной Азии и Кавказа это животное было возведено в культ. Изучение этого культа вылилось в большое количество весомых работ, например, ученый Б.А.Литвинский, связывает его с культом Фарна (Литвинский, 1968, с. 46-47). Г.П. Снесарев в своих трудах отмечает роль этого культа с похоронным обрядом (Снесарев, 1969, с, 115). Существует работа казахского ученого К.М. Байпакова, в которой отмечается существование у живущих на побережье Сырдарьи кочевых народов культа животных (Байпаков, 1980. сс. 32-45). В работах каракалпакстанских археологов В.Н. Ягодина и Т.Х. Ходжаева, (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 135-137).

Авторы данной статьи хотели остановиться на культе барана, существующем в современных верованиях и представлениях, а также в современной обрядности. Этнографические исследования, проведенные в районах Каракалпакстана, позволяют нам утверждать, что культ барана по сей день сохраняется повсеместно. Особенно хорошо сохранился в семейной обрядности, в частности - свадебной. В свадебной обрядности каракалпаков существует традиция «бет ашар» - знакомство с невестой. При проведении этого обряда, невесту представляют, собравшимся на свадьбу гостям. В центре, в окружении родственников и гостей, стоит невеста, под ноги ей подстилают баранью шкуру. Согласно сведениям наших информантов, это делается для того, чтобы нрав молодой невесты был такой же кроткий, как у овцы (барана). (Турекеев, 2013, №71., 2017, №57). Подобный обряд существует у туркмен: «у двери под ноги (келин) стелили шкуру барана, давали отведать меда, пожелав, чтобы жизнь в доме была удачной, счастливой» (Гаджиева, 1990, с. 175). У узбеков существует поверье, связанное с альчиками из бараньих костей. Ферганские узбеки в дом, где есть молодожены, подвешивают бараньи альчики (астрагалы), с целью, чтобы первенец у молодой пары родился мальчик (Абдулаҳатов, 2008, с. 132). В каракалпакской орнаментике существуют узоры, связанные с бараньими рогами (Алламуратов, 1977, с. 34-35). Подобные орнаментальные мотивы в вышивке имеются и у туркмен. Эти орнаменты имели не только охранительное значение, нопо поверьям, были наделены особой силой плодородия (Теджев, 1987, с. 68). Каракалпаки, как и другие народы, в местах паломничества по сей день приносят в жертву барана, готовят из его мяса угощение.

Большинство паломников на святые места составляют бесплодные женщины. Жительница южного района Каракалпакстана Анна апа рассказала нам, что бездетные женщины во время паломничества подвязывают куски ткани на деревья или другие священные атрибуты, при этом произнося следующие слова: «Господи, дай мне сына, я тебе принесу в жертву барана». Если эта женщина действительно достигнет желаемого, после 40-дневия приносит в жертву еще одного барана (Турекеев, 2015, №63). Такого рода обряды существуют и у туркменов (Басилов, 1970, с. 133). Принесение в жертву барана на местах паломничества имеет распространение у многих народов (Андреев, 1953, с. 49; Горшунова, 2006, с. 295; Пещерева, 1976, с. 74-75; Дзуце, Бесаева, 1994, с. 16).

Представления, связанные с культом барана, сохранились и в погребальной обрядности. Согласно религиозным представлениям нашего народа, баран является проводником человеком в потустороннем мире. Существует множество обрядов, связанных с закалыванием барана при похоронах. В северных районах Каракалпакстана, в первую ночь, когда тело покойника еще находится в доме, закалывают барана или козу. В народе этот обряд называют *«қоныҚ асы»*. В Ходжейлийском, Шуманайском, Канлыкольском, Кунградском районах закалывают овцу или барана. В южных районах, где узбекское население является преобладающим, при выносе тела покойника из дома также режут барана. Такой же обряд существует у туркменов и казахов, проживающих в Каракалпакстане (Турекеев, 2014, №58, 2017, Д.Ж.№34, 48).

Пророк приносил в жертву барана с особыми закрученными рогами. Козы реже используется для этих целей, связано это с тем, что на том свете коза, в отличие от барана, много блеет, прося вернуть ей жизнь. (Қарақалпақ фольклоры, 2014, с. 363). Г.П.Снесарев пишет «…… когда покойника выносят из дома (а за ним якобы следует его душа), «чтобы два духа (человека и животного..…. «душа барана вселяется в умершего человека» (Снесарев, 1969, с.115). В южных районах республики нам рассказали о том, что если при поминках заколоть козу, она будет сильно беспокоить человека, когда он окажется в мире ином, так как это животное много блеет. Другой информант нам поведал «баран – куран, коза- бес (Турекеев, 2017, №34). Еще один информант рассказал о том, что баран

райского происхождения, поэтому во время поминок закалывают барана (Турекеев, 2016, №6). Таким образом, мы видим, что культ барана, сохранялся в семейной обрядности до конца XX века, смешавшись с различными религиозными представлениями (рис.2. 2-3).

Также, в археологических находках встречается изображения и керамические фигурки рыб, связанные со священными ритуалами, которые хорошо сохранены в этнографических источниках и наших наблюдениях до наших дней (рис.3. 3). В исламской религии не употребляют мясо умерших животных, как пищу (особенно барана и крупнорогатого скота и др.), но по отношению к рыбам это исключается, так как, рыба считается в любом виде священным животным.

В ходе расчистки верхнего строительного горизонта в Южном поселении городище Миздахкана, относящегося к золотоордынскому и Тимуридскому времени, под полом обнаружен клад хозяйственно-бытовых вещей. Среди предметов было найден неполивной ковш-кружка. Мастер гончар старался придать сосуду форму рыбки. Он изготовлялся из хорошо отмученной серой глины. Венчик как бы изображает тело рыбки, слегка сплюснутая часть венчика - ротик рыбки служит сливом, хвост является ручкой сосуда. Форма рыбки напоминает породу семейства карповых. Гравировка насечка на хвосте имитирует чешую (Кдырниязов, Сайпов, 2007, с.31). Длина рыбы составляет 11 см, диаметр венчика со сливом 7 см, высота сосуда 7,2 см, толщина стенок 0,3-0,6 см, наружная и внутренняя части сильно закопчено (рис.2. 4).

Еще один красноглиняный предмет - детская игрушечная свистулька была найдена в ходе раскопок в 2013 г. на Миздахкане, в слоях золотоордынского периода. Мастер-керамист вылепил форму музыкального инструмента в виде рыбы. Общая длина предмета составляет 5,3 см, имеет четыре отверстия, два из них напоминают рыбьи глаза, одно сверху,они служили для набирания нужных нот, и одно на хвосте для выдувания свиста. Причем голова этой рыбки сильно напоминает голову дельфина (Сайпов,2015,с.77, рис.3.),(рис.2. 5-6).

Распространение украшений в виде рыб непосредственно связано с идеологическими представлениями, уходящими своими корнями в глубокую древность. Это связано, прежде всего, с хозяйственными отраслями Приаральского региона. Даже у арабского путешественника аль-Магдиси имеются сведения, что первые поселенцы этих мест питались исключительно рыбой. В этнографических преданиях каракалпаков упоминаются некоторые племена, издавна жившие у берегов Аральского моря и на его островах. Они сочетали земледелие с рыболовством. Тамгой этих племен являлась острога, орудие рыболовства у каракалпаков (Жданко,1950,с.53). В народе имеется очень древняя легенда, где повествуется, что однажды обыкновенная рыба решила пожертвовать собою ради спасения всевышнего божества от выпущенного по нему из лука стрелы и накрыла своим телом бога. В итоге получила рану-жабры. В благодарность за это рыба была объявлена чистой в любом виде и олицетворено, как священное животное. У каракалпаков, как и у других народов, проживающих в Центральной Азии, рыба являлась тотемным животным. Культ рыбы получил широкое распространение в Центральной Азии (Снесарев, 1969, с. 82). В научной литературе существует большое количество работ, посвященных этой проблеме. В каракалпакстанской историографии, одним из первых, кто затронул этот вопрос, является У. Кусекеев, который в собранных им этнографических материалах отметил благородство, сверхъестественные способности рыбы (сазана) (Кусекеев, 1934, с. 42). Среди населения бытует легенда о райском происхождении рыбы. Каракалпаки наделяют сазана сверхъестественными свойствами. Во время беседы с одним из информантов, тот отметил, что если падет скотина, она считается нечистой, поэтому не используется в пищу, но падшую рыбу же употребляют в пищу, так как она по представлениям каракалпаков является чистой (Турекеев, 2016, № 12). Некоторые верующие люди, после употребления в пищу сазана, читают молитвы из Корана (Турекеев, 2016, №40). Мы были свидетелями того, как в городах Тахиаташ и Ходжейли маленьким детям в качестве оберега на шею вешают высушенное нёбо сазана (Турекеев, 2013, №11). Во время этнографических экспедиций, проведенных среди каракалпаков, мы не зафиксировали случаев, когда во время религиозных обрядов или обрядов, проводимых в семье (поминальная обрядность), подавали рыбу. Не были зафиксированы случаи употребления рыбы в местах паломничества. Согласно этнографическим сведениям, по представлениям населения, рыба, обитающая в священных местах, может исцелять от недугов. Как отмечает А.Аширов, человек, поймавший и употребивший в пищу священную рыбу, может навлечь на себя проказу (Аширов, 2007, с. 30). В 2014-2015 годы при сборе информации в Султан Вайс баба, мы были свидетелями того, как паломники трепетно относятся к рыбе, боясь причинить ей вред, обращаются к ней со своими просьбами и пожеланиями. М.Жураев в своей работе останавливается на различных мифологических представлениях, связанных с рыбой в священной книге зороастрийцев - Авесте. Например, в 40 главе

«Замйадяшт» Авесты, говорится о легендарной рыбе, которая помогла Кэришаспу победить дракона (Жураев, Нарзиқулова, 2006, с. 9-10).

Исследователь древних культов Г.Снесарев, отмечает, что у рыбаков существовали свои покровители- пиры, например, Сочли ата или Сувадам у туркменов, истоки которого восходят к доисламским верованиям (Снесарев, 1969, с. 327). Много сюжетов, связанных с рыбой и рыбаками встречается в каракалпакском фольклоре и сказках. Среди них можно отметить такие, как «Балықшы жигит ҳәм алтын балық» («Молодой рыбак и золотая рыба»), «Сыйқырлы сазан» («Волшебный сазан»). В основе сказок мотив о золотой рыбе, пойманной рыбаком, которая превращается в человека и оказывает ему в последующем помощь (Қарақалпақ фольклоры, 2014, с. 107-110, 144-145).

Другим видом среди археологических артефактов является трансформенные и стилизованные изображения змей, которые анализируется в этнографических источниках, как символ богатства и доброты. В других источниках образ змеи считается, как символ образа Хидр (Кыдырата). В ходе археологических раскопок были найдены крышка дисковидной формы диаметром 23 см, а толщина стенок 2 см, в изломе серые и при сушке поставлена на песок. На лицевой стороне крышки до обжига нанесена волнообразная процарапанная линия в виде стилизованного «следа змеи» (рис.3. 1-2). Стилизованные «змеиные следы» также встречается и на других сосудах в качестве орнаментации, большинство из них это кувшины, тагоры, чаши, сосуды специального назначения и т.д. Большинство из орнаментации, изображены в основном в шейной части и под венчиковой частью керамических сосудов. Стилизованные изображения змей имели формы изогнуто-плавной волны, представляющей, возможно, символ воды и земли основного элемента зороастрийского культа (Мамбетуллаев, 1999,с. 288-289). Образ змеи, культ которой уходит корнями в глубокую древность, имел двоякое значение: олицетворение зла и мудрого, доброго начала. Сохранились легенды и верования о том, что змея охраняет клады с драгоценностями.

Каковы бы ни были генетические корни этих пережиточных явлений, мы имеем дело с сакрализацией животных, птиц, рыб, наделением их особой, сверхъестественной силой, положительно или отрицательно действующей на людей. В отношении общества с давно уже развитой религиозной системой можно констатировать лишь остаточные явления, следы некогда развитого культа животных, среди которых, однако, нельзя не уловить и некоторые весьма типичные черты, позволяющие говорить о генетической связи с тотемизмом, как стадиальным явлением (Токарев, 1964, с.76). Такие явления часто встречается и на этнографических материалах Южного Приаралья.

Таким образом, такие археологические артефакты часто встречающиеся в средневековых городских культурных слоях Южного Приаралья, дополненные этнографическими источниками и нашими полевыми материалами показывают, что эти зооморфные фигурки и связанные с этим религиозные традиции, духовные верования, изображающие культы животных не потеряли своих сакральных признаков до сегодняшнего дня. С древних пор в Южно-Приаральских верованиях и обрядах встречаются, прежде всего, домашние животные. Это явление связано с хозяйственной деятельностью, что способствовало вести плодотворные занятия, что дали географические условия дельты Аму-Дарьи.

Литература:

Абдулаҳатов Н.У. Фарғона водийси аҳолиси турмуш тарзида зиёратнинг ўрни. дисс. … канд. ист. наук.– Тошкент: 2008. – 170 б.

Алламуратов А. Каракалпакская народная вышивка. – Нукус: Каракалпакстан, 1977. – 80 с.

Андреев М.С. Таджики долины Хуф: (Верховья Амударьи). Вып. 1. –

Сталинабад, 1953. – 243 с.

Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2007. – 276 б.

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племён// Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980. С. 32-45.

Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М: Мысль, 1970. – 144 с.

Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в. – М. Наука, 1990. – 216 с.

Геродот. «История»: ОЛМА-ПРЕСС Инвест: 2004.- 436 с.

Горшунова О.В.Узбекская женщина: Социальный статус, семья,

Религия (по материалам Ферганской долины). – М: 2006. – 360 с.

Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. Этнография детства у осетин. – Владикавказ. 1994. – 114 с.

Есбергенова С.Х. Конь в верованиях и эпосах народов Приаралья //Общественные науки в Узбекистане. 2000. №2. С.40-44.

Жданко.Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX-начале XX века. - М-Л, 1950.-171 с.

Жураев М., Нарзиқулова М. Миф, фольклор ва адабиёт. – Ташкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2006. – 184 б.

Кдырниязов.М-Ш., Сайпов С.Т. Клад бытовых вещей из Миздахкана//Вестник МИЦАИ, 2007. - №5.- С.27-32.

Қарақалпақ фольклоры. Т. 67. – Нөкис: Илим, 2014. 9-180 б.

Қарақалпақ фольклоры. Т. 81. – Нөкис: Илим, 2014. 223-284 б.

Кусекеев У. Этнография ККАССР. Турткуль: 1934 Инв № 932.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (кисторико-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). – Душанбе: Дониш, 1968. – 119 с.

Мамбетуллаев М.М. Кердерская чаша.//ИМКУ.-1999.-№30.- С.286-290.

OsmanTuran. Turk cihan hakimiyeti mefkuresi tarihi. Cild. 1, 6 bosk. – Istambul: 1993. – 203 p.

Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. –Душанбе:
Дониш, 1976. – 192 с.

Радлов В.В. Из Сибири. – М: Наука, 1989. – 749 с.

Сайпов С.Т. Зооморфные изображения рыб на керамических находках из средневекового городища Миздахкан // Вестник КГУ имени Бердаха.- 2015. - №4(29). – С.76-78.

Сайпов С.Т. Керамические фигурки животных средневекового Хорезма//Қарақалпақ мамлекетлик университети ғәрезсизлик жылларында.- Нөкис., 2017.-С.168-171.

СнесаревГ.П. Реликты до мусульманских верований и обрядов у
узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.

Снесарев Г.П. Люди и звери (этнографические поиски в области культа животных)// СЭ.-1972.-№1.-С.166-177.

Теджев А. Свадебные обряды туркмен- емрели в конце XIX – начале XX в.// Материалы по исторической этнографии туркмен. – Ашхабад: 1987. С. 55-70.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие.- М: Наука,1964. 276 с.

Турекеев К.Ж. Полевые записи за 2013, №№ 11, 62, 71, 89,

Турекеев К.Ж. Полевые записи за 2014, №58,

Турекеев К.Ж. Полевые записи за 2015, № 63.

Турекеев К.Ж. Полевые записи за 2016, №№ 4, 5, 6, 12, 40, 72, 75, 78, 83, 84,

Турекеев К.Ж. Полевые записи за 2017, №№ 34, 48, 57,

Ягодин Б.Н., Ходжайов Т.К. Некрополи древнего Миздахкана. – Ташкент.«Фан», 1970.– 255 с.

Резюме

В статье «Терракотовые археологические находки Южного Приаралья в религиозной интерпретации» авторов Сайпова Садуллы Турсынбаевича и Турекеева Куанышбек Жиенбековича, анализируются некоторые виды зооморфных фигур и их изображения на керамических сосудах, найденные на археологических раскопках в средневековых городищах Южного Приаралье. В статье использованы многочисленные этнографические данные о сакрализации животных, рыб, наделением их особыми, сверхъестественной силой, воздействующий на людей, часто встречающийся в Южном Приаралье в современный период.

Түйіндеме

Авторлар Сайпов Садулла Тұрсынбаевич және Турекеев Куанышбек Жиенбековичтер өздерінің «Терракотовые археологические находки Южного Приаралья в религиозной интерпретации» деп аталған мақаласында Оңтүстік Арал бойы орта ғасыр қалаларынан археологиялық зерттеу аяғында табылған күләлдан жасалған әр түрлі жануар фигураларының кей біреулерін анализдеп, олардың діни салт-дәстүр мен байланыстығы, табиғаттан тыс күштер мен адамдарға әсері сөз етіледі, сонымен бірге одардың бүгінгі күн этнографиялық материалдарында кездесетіні кең түрде жарытылған.

Summary

In the article "Terracotta archaeological finds of the Southern Aral Sea in a religious interpretation" by the authors of Saipov Sadulla Tursynbaevich and Turekeyev Kuuanyshbek Zhienbekovich, some kinds of zoomorphic figures and their images on ceramic vessels are, found on archaeological excavations in the medieval settlements of the Southern Aral Sea is given analyzed. The article uses numerous ethnographic data on the sacralization of animals, fish, their special, supernatural force, affecting people, often found in the Southern Aral Sea region in the modern period.

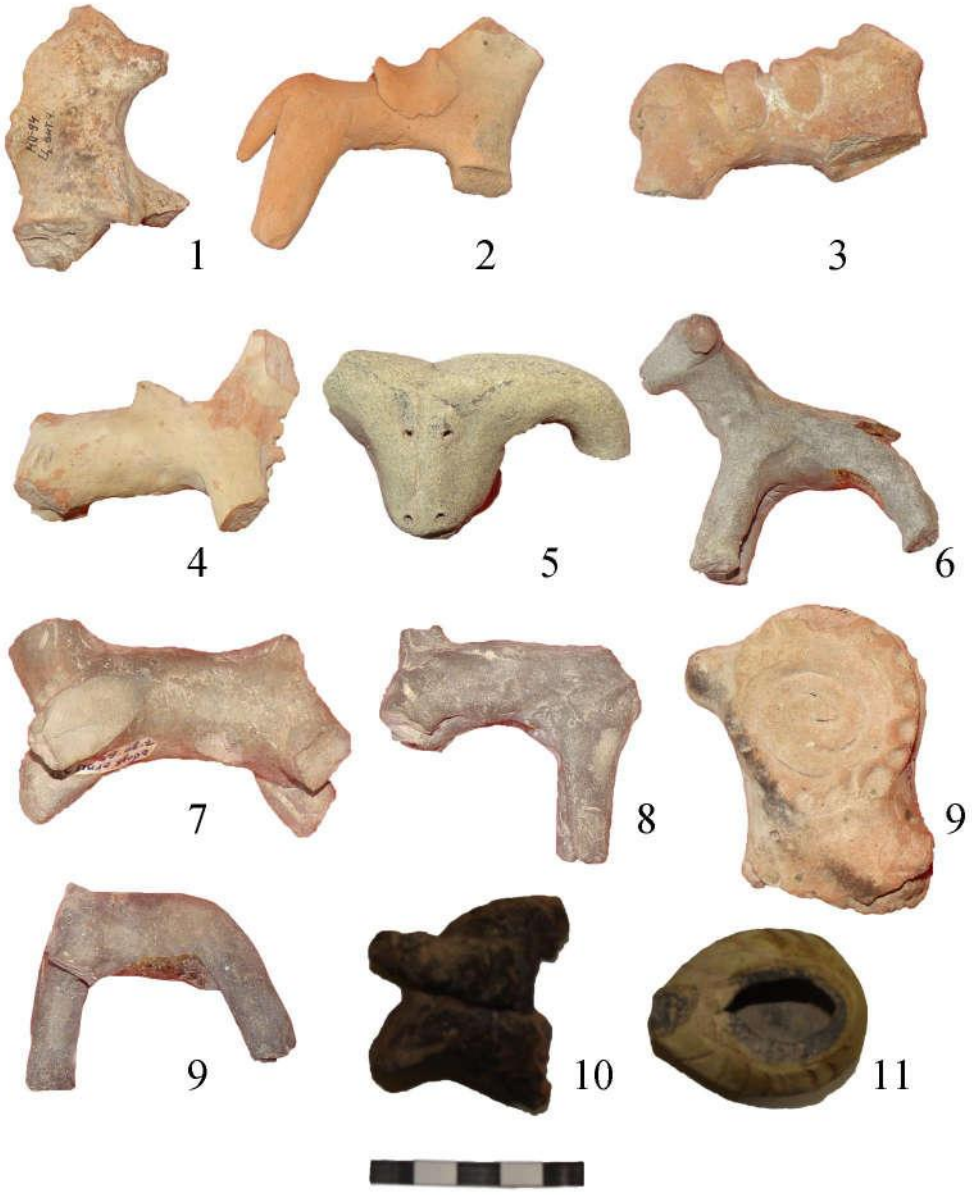


Рис.1. Зооморфные керамические фигурки животных из средневековых городищ Южного Приаралья. 2-4,7,9- фигурки лошадей; 5-8- фигурки барана; 9- фигурка барана прикрепленной к ручке тарного сосуда.



Рис.2. Фото. 1- подвешенные к дому конские головы; 2-3- подвешенные к дому головы баранов; Зооморфные керамические фигурки из средневековых городищ Южного Приаралья. 4- керамическая кружка в виде рыб; 5-6- керамическая свистулька в виде рыб.

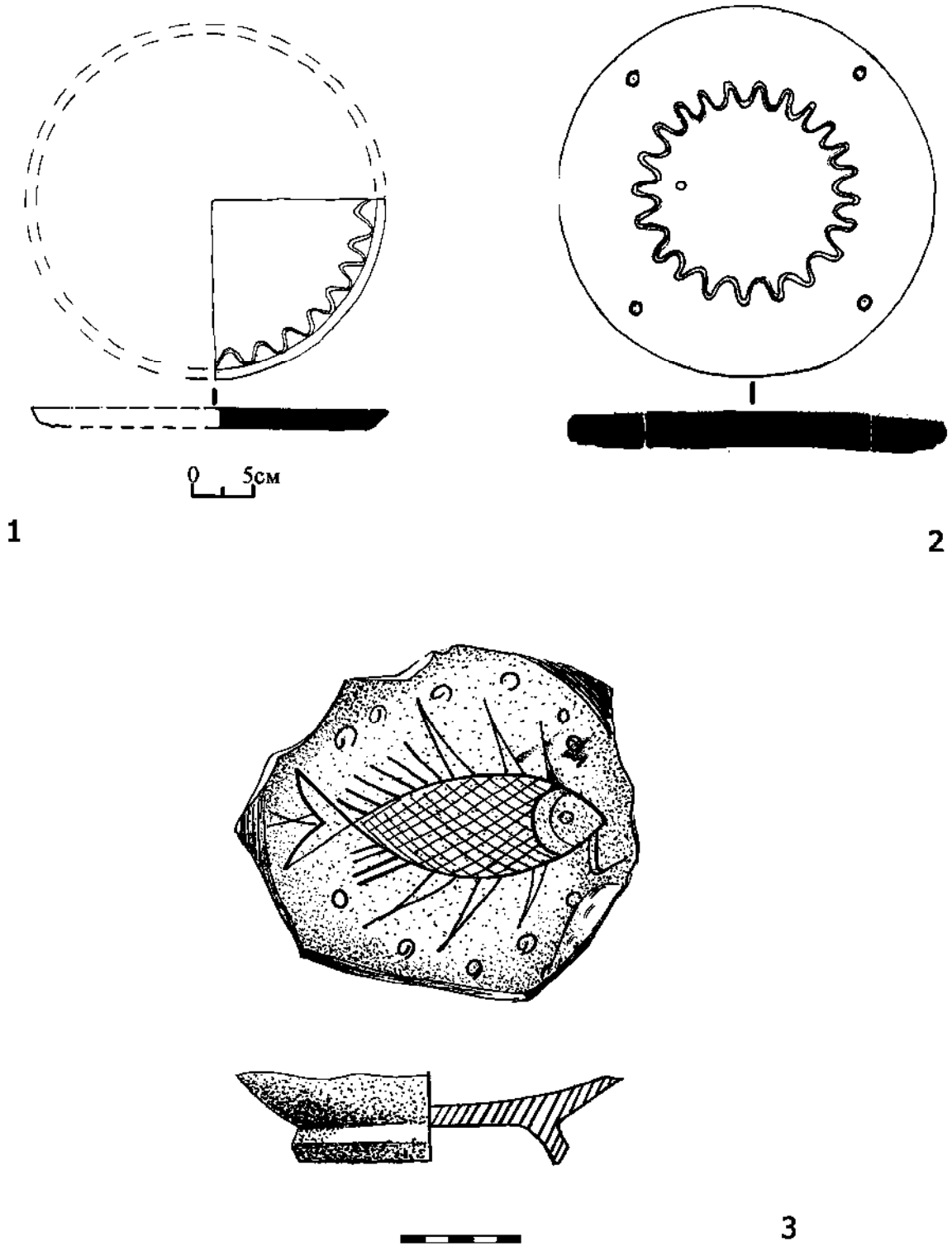


Рис.3. Зооморфные изображения из средневековых городищ Южного Приаралья. 1-2- стилизованные изображение «змеиных следов» на керамических изделиях; 3-изображение рыб на керамической чаше.

Смагулов Е.
Институт археологии им.Маргулана МОН РК
Алматы, Казахстан
Ержигитова А.
Областной историко-краеведческий музей
г. Шымкент МКС РК

КУЛЬТОБЕ – ЦИТАДЕЛЬ ДРЕВНЕГО ТУРКЕСТАНА

Ключевые слова: Туркестан, Культобе, Ходжа Ахмет Яссауи, городище, цитадель
Түйінді сөздер: Түркістан, Күлтөбе, Қожа Ахмет Яссауи, қалашық, цитадель

Город Туркестан давно и прочно стал духовным символом единения казахов и заняла ведущее место в ряду туристических центров Казахстана. Наряду с новой столицей Астаной, Туркестан является международным брендом страны. Тем важнее и актуальнее исследовать и знать реальную историю культуры, специфику духовной и материальной культуры как самого города Ясы/Туркестана, так и городов его оазиса, с древнейших времен образовавших самостоятельный духовный центр на границе мира степей и городов. О значении этого города в истории как торгово-экономического и культурного центра написано не мало, но о древнейших этапах его возникновения и развития могут поведать только археологические раскопки на холме Культобе и на других древних памятниках региона.

Известно, что вплоть до XVI в нынешний г.Туркестан носил имя Ясы и это название отразилось на страницах многих письменных источников. Ученые-лингвисты имеют несколько мнений о происхождении и значении этого топонима, но единого мнения они до сих пор так и не сформулировали. А так же на сегодняшний наука день имеет слабое представление о его истории, культуре, значении до XIII вв. Конец этой эпохи отмечен, как известно, массовым распространением ислама. В ускорении этого процесса важную роль сыграл и патрон города Туркестан и всех тюрок-мусульман Ходжа Ахмед Ясави.

В последние годы усилия археологов увенчались несомненным успехом – открытием архитектурного комплекса застройки цитадели Древнего Туркестана датируемой периодом от II в до н.э. – IV в н.э. Древнейшая цитадель Туркестана это уникальный по сохранности и значимости архитектурно-фортификационный памятник - более древнего архитектурного сооружения в древних городах Казахстана пока попросту мы не знаем. Они, конечно, были, но до сих пор не открыты и не изучены.

Проекты научно-прикладных исследований по Культобе в последнее время осуществляемые Институтом археологии им.А.Маргулана ориентированы на получение и изучение нового комплекса археологических материалов первоначального этапа возникновения и развития города Ясы/Туркестан, научная реконструкция истории его генезиса и становления как древнего и средневекового духовного, культурного центра Казахстана.

Теперь мы можем аргументированно утверждать, что под холмом Культобе открыта самая древняя постройка города Ясы/Туркестан и самый древний памятник городской архитектуры в регионе. Размеры «креста» 18 х 18 м., ширина «лучей» 7 м. Они ориентированы почти точно по направлению сторон света. Концы перекладин крестовины закруглены. Стены сохранились местами на высоту более трех метров (3,2-3,4 м.). Внешние стороны стен имеют небольшой положительный уклон. Они сложены из пахсовых лент, прослоенных слоями сырцовых кирпичей. С нижнего пола отчетливо прослеживаются две толстые пахсовые ленты без вертикальной нарезки, толщиной по 0,8 м. На верхнюю ленту уложены два слоя сырцового кирпича размером 49-50 х 34-36 х 9 см., но в кладке явно использовался кирпич и иных форматов. Сверху сырцовой прослойки снова положена толстая лента пахсы.

В этом здании открыто три помещения: центральное длинное помещение ориентированное по направлению З-В размером в интерьере - 13,7 х 2,9 м. (помещение А) и по одному помещению, сообщающемуся с ним арочными проходами и расположенными по обе стороны от его середины (помещение В и помещение С; размером 2,35 х 2,9 м.) (рис.1-1).

На назначение здания I-го периода указывает наличие бойниц на открытых участках стен. Всего можно реконструировать по шесть бойниц в каждом скругленном конце «креста». Они щелевидные вертикальные, расположены в 1 м. от пола. Вход их прямоугольной формы размером 35 х 10-12 см. Полик наклонный, расположен под углом 20°, выход имеет размеры 0,95 – 1 м.

Помещения между собой сообщались посредством арочных проходов. Ширина арочного проема, например, между помещениями А и В - 90-105 см., высота арки от галечного уровня пола 1,60 м. В кладке арки использованы кирпичи разного размера: 50 х 10 см., 35 х 8 см., 32 х 8 см., 60 х 8 см., 44 х 9 см.[19]

Камера, названная нами «катакомбой», относится к последнему, третьему периоду функционирования крестовидного здания. При ее обнаружении она почти на всю высоту была заполнена рыхлым грунтом пылевидной консистенции. Крупные обломки пахсы лежали на полу. Назвать этот период строительным можно лишь условно, так как из строительных работ был сделан только в завале помещения А наклонный ход к камере-катакомбе с запада на восток. Сама камера имеет в плане неправильную овальную форму и вытянута по линии З-В. Вход вырублен в восточной стене помещения А, со сдвигом к северу. Камера размером 3 х 1,7 м., и высотой от 1,4 до 1,6 м. Стенки камеры не ровные; потолку, который местами обвалился, была когда-то придана сводчатая форма. На не ровном полу камеры ничего не обнаружено. Но, тем не менее, погребальное назначение этого сооружения не вызывает сомнения.

Во втором строительном периоде к крестовидному зданию первоначального замка пристроена планировка из 6-7 помещений с массивными пахсово-сырцовыми стенами, сохранившимися местами на высоту более трех метров. Планировку образовывали узкие длинные сводчатые помещения, скомпонованные вокруг открытого дворика необычной пятиугольной формы. Такая форма плана дворика обусловлена тем, что сводчатые помещения торцами прилегают к «крестовидному зданию» (рис.1-2). Эту постройку второго строительного горизонта (СГ2) условно назовем «Юго-восточным зданием» (ЮВЗ), поскольку оно, хотя и пристроено к «крестовидному зданию» (СГ1), но представляет собой вполне самостоятельный архитектурный тип планировки «четырехбашенных замков», организованных вокруг открытого двора или зала. Эта планировочная форма известна в древней архитектуре Средней Азии как отдельный самостоятельный архитектурный тип, так и в сочетании с крестовидными зданиями.

«Дворик» (пом.3) прилегал к восточной стороне крестовидного здания, соответственно и помещения №1а и №5 были пристроены вплотную к стенам здания СГ1. Позже наружные стены его были снаружи обстроены прилегающей вплотную сырцовой «рубашкой» шириной 85 см. Но внутри дворика эта «рубашка» отсутствовала. Интересно отметить, что внешняя обкладка стен «креста» выполнена в технике кладки стен СГ2 – тонкие слои пахсы прослоены одним слоем кладки сырца. Так сложены стены ЮВЗ, и участки поздней крепостной стены.

Выяснилось, что помещение №1 является северной полукруглой крепостной башней, прилегавшей к середине помещения №1а. Оно было заполнено булыжниками удобных для ручного метания размеров. Напротив, к наружному южному фасу помещения №5 прилегает такая же по размерам южная башня (№5а), но с хуже сохранившимися стенами. Первоначально на месте ряда подквадратных помещений (№11-13) с восточной стороны нами предполагалось наличие такой же овальной башни (помещение №12). Тогда бы перед нами вырисовывалась планировка типичная для позднеантичных замков, где «крестообразность» выражена полукруглыми (или квадратными) башнями, установленными посередине четырех сторон подквадратного ядра. Однако тщательные расчистки на нижних уровнях обнаружили, что помещения этой крестообразной планировки были связаны между собой арочными проходами, и в первоначальной планировке здесь проявился главный вход в замок.

Установлено, что первоначально центральный вход в замок был в середине длинных стены пом.4, проходил поперек его длины, между двумя пилонами (с пом.11 и 13). На последнем этапе эта часть планировки замка подверглась реконструкции - обе дверные арки в стенах пом.4 были заложены, вдоль этой стороны замка образовались три пом.11,12,13.

Стратиграфические наблюдения со всей определенностью показали, что этот комплекс из крестовидного и крестообразного зданий некоторое время существовал как сооружение замкового типа и, вероятно, являлся древнейшим ядром цитадели возникавшего здесь укрепленного поселения/города. Стены «крестовидного здания» стоят на пахсовой платформе

[19] Смагулов Е.А. Из истории кангюйской архитектуры: здания крестообразной планировки// Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. -С.495-520.

высотой всего около 1,2 м., которая сооружена на материке. Это демонстрируют профили трех небольших шурфов опущенных под стены «крестовидного» здания.

На полах древнего замка и связанных с ним помещений застройки цитадели получен комплекс интересных находок, датируемых III-IV вв.н.э., и проливающих свет на культовую, обрядовую сторону жизни древнего Ясы (рис.2).

Среди обломков массовой керамики, например, привлекают внимание многочисленные четко прочерченные или оттиснытые по сырой глине тамгообразные знаки - эмблемы. Наиболее интересен из них знак в виде квадрата с кружками по углам. Он и раньше встречался среди находок с Культобе, а теперь их количество увеличилось до семи экз. Наряду со знаком в виде простого креста это самый распространный знак нашей коллекции (рис.3).

Во дворе перед главных входом в Замок была поднята золотая «калачиковидная» серьга инкрустированная гранатами (рис.4). И раньше на полах Замка находились мелкие золотые «потеряшки» - нашивки на одежду, всякий мелкий золотой бисер... Но эта находка, как и найденные ранее кушанские монеты, может обосновать дату одной из последних реконструкций всего Замкам. Наиболее ранние образцы аналогичных изделий, широко бытовавших в среде степных сарматских племен, встречены в погребениях 1-й половины III в. н.э., но большая часть находок присутствует в комплексах середины – 2-й половины III в.н.э.. Найденная золотая серьга вполне может быть еще одним «хронологическим репером» для датировки времени древних реконструкций замка на последних этапах его существования. Кстати, происхождение подобных ювелирных украшений специалисты традиционно связывают с ювелирными центрами Средней Азии[20].

В помещениях «углового здания» застройки цитадели в слое пожара на полу найден целый ряд интересных артефактов, включая несколько алебастровых идолов[21].

В настоящее время ведутся поиски и вскрытие крепостной стены цитадели. Как показывают раскопки, стена сильно пострадала от разрушительных перекопов, выемок грунта для нужд местного небольшого кирпичного заводика, который в прошлом использовал чистую глину стены для изготовления кирпичей... Так что, древняя крепостная стена местами оказалась срыта почти до основания, а местами сохранилась на высоту 3-4 м.

Совместно со специалистами-реставраторами начаты работы по разработке планов и проектов консервационных мероприятий с целью сохранения вскрытых объектов древней городской застройки, частичной реконструкции и музеефикации.

Но прежде необходимо определится с основными положениями общей Концепции – что мы хотим видеть на этом месте, на месте где некогда высились неприступные стены древнего Ясы? В каком виде следует сохранить следы древнего города – в виде аутентичных руин лишь бережно и профессионально законсервированных, или же в виде реконструированного объекта? Как совместить и презентовать на одном объекте разные пласты истории, между которыми может быть промежуток времени в несколько веков? Предполагается, что именно отсюда, от музеефицированного холма Культобе, следуя исторической логике в последующем следует начинать презентацию памятников сакрального Туркестана.

Т.е. уже сейчас совершенно очевидно, что Культобе ставит перед нами очередные не простые вопросы. Ведь развитие туристического кластера, это не только строительство дорог и гостиниц, но и создание аутентичных, уникальных объектов, демонстрирующих глубину исторического прошлого казахского народа, которые могли бы привлекать туристов. В Мире происходит осознание простой истины, что исторический опыт каждого народа уникален и бесценен. И на основе этого растет интерес к прошлому разных стран и народов. В том числе и к древностям Казахстана.

В этих условиях, все настоятельнее встает задача расширения археологических работ, а в государственной внутренней политике осознается необходимость создания туристических объектов вокруг наших памятников историко-культурного наследия. Учитывая историческую и идеологическую значимость Туркестана, назрела необходимость разработки **«Концепции исследовательских, реставрационных и музеефикационных работ на городище Культобе (Древний Туркестан)».** Концепции, которая бы содержала научно-обоснованное видение прошлого и будущего этого памятника, и на основе поэтапной программы конкретных практических мер гармонизировала усилия специалистов различных ведомств. Помимо прочего, такая Концепция

---

[20] Благодарю В.Малашева (ИА, Москва) за развернутую консультацию по подобным артефактам из находок на Культобе.

[21] Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурно-археологический комплекс цитадели древнего Ясы (Туркестан)// Археология Узбекистана, -№1 (6), -2013. -С.60-75.

нужна чисто с практических/производственных целей – на ее основе следует в дальнейшем формулировать технические задания (ТЗ) археологам и реставраторам. Пока же для нас является очевидным, что такая Концепция должна быть построена на основе некоторых универсальных принципов:

- научная достоверность и познавательность;
- аутентичность;
- наглядность и историческая последовательность;
- эстетическая привлекательность.

Стоит приложить консолидированные усилия всех профессионально заинтересованных ведомств для того, чтобы в нашем Туркестане появился еще один памятник достойный его славной истории.

Литература:

Смагулов Е.А. Из истории кангюйской архитектуры: здания крестообразной планировки// Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. -С.495-520.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Архитектурно-археологический комплекс цитадели древнего Ясы (Туркестан)// Археология Узбекистана, -№1 (6), -2013. -С.60-75.

Түйіндеме

Түркістандағы Күлтөбе қаласы: зерттеулердің кейбір нәтижелері

Ескі Түркістан қалашығының ең ерте бөлігі Қожа Ахмет Яссауи кесенесінен оңтүстікке қарай 300 м қашықтықта орналасқан Күлтөбе екендігі белгілі. Соңғы жылдардары жүргізілген зерттеу жұмыстары нәтижесінде ежелгі цитаделінде сәулет кешенінің бірқатар құрылыстары ашылды. Сәулет кешенді қоршап тұрған цитадельдің ежелгі бекініс қабырғасының шамамен 2000 шаршы метрі ашылды. Цитадельдің соңғы құрылыс кезеңінің едендерінде табылған олжалар кешені құрылыстың уақытын және цитадельдің алғашқы құрылыс кезеңдерін біздің ғасырымыздың I (дейін?) - IV ғасырларына жатқызуға мүмкіндік береді.

Summary

Ancient settlement of Kultobe in Turkestan: some results of the research

It is known that the earliest part of the town of Eski Turkestan is the hill Kultobe, located in the south of the settlement, 300 meters from Khoja Ahmet Yasawi mausoleum / khanaka. Studies of recent years have partially revealed the architectural complex citadel of the ancient Yasy. The primary lock of the citadel was completely cleared, having in the plan a cruciform form. The ancient fortress wall of the citadel, surrounding the architectural complex, covering an area of about 2000 square meters, is being revealed. The complex of artifacts, obtained on the floors of the last construction period of the citadel, allows attributing the construction time and the initial building periods of the citadel to the first centuries of our era (up to?) - IV century of our era.

Резюме

Городище Культобе в г.Туркестане: некоторые итоги исследования

Известно, что наиболее ранней частью городища Ески Туркестан является холм Культобе, расположенный в ЮВ части городища, в 300 м. к югу от мавзолея/ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Исследованиями последних лет здесь частично вскрыт архитектурный комплекс застройки цитадели древнего Ясы. Полностью расчищен первичный замок цитадели, имевший в плане крестовидную форму. Вскрывается древняя крепостная стена цитадели, окружавшая архитектурный комплекс, площадью около 2000 м.кв. Комплекс артефактов, полученный на полах последнего строительного периода цитадели, позволяет отнести время строительства и первоначальных строительных периодов цитадели к первым векам н.э. (до?) – IV в.н.э.

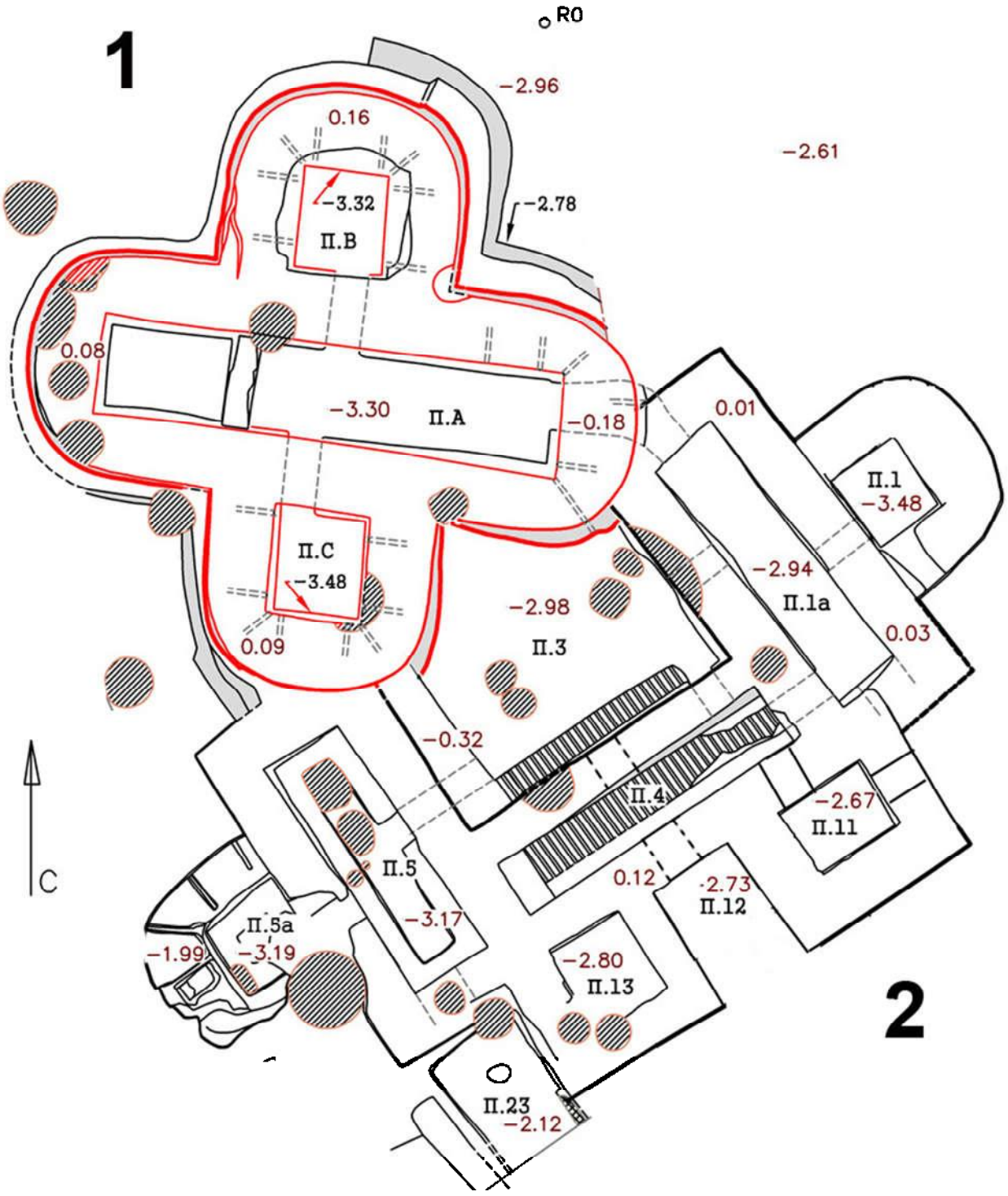


Рис.1. – План замка цитадели Культобе/Ясы.

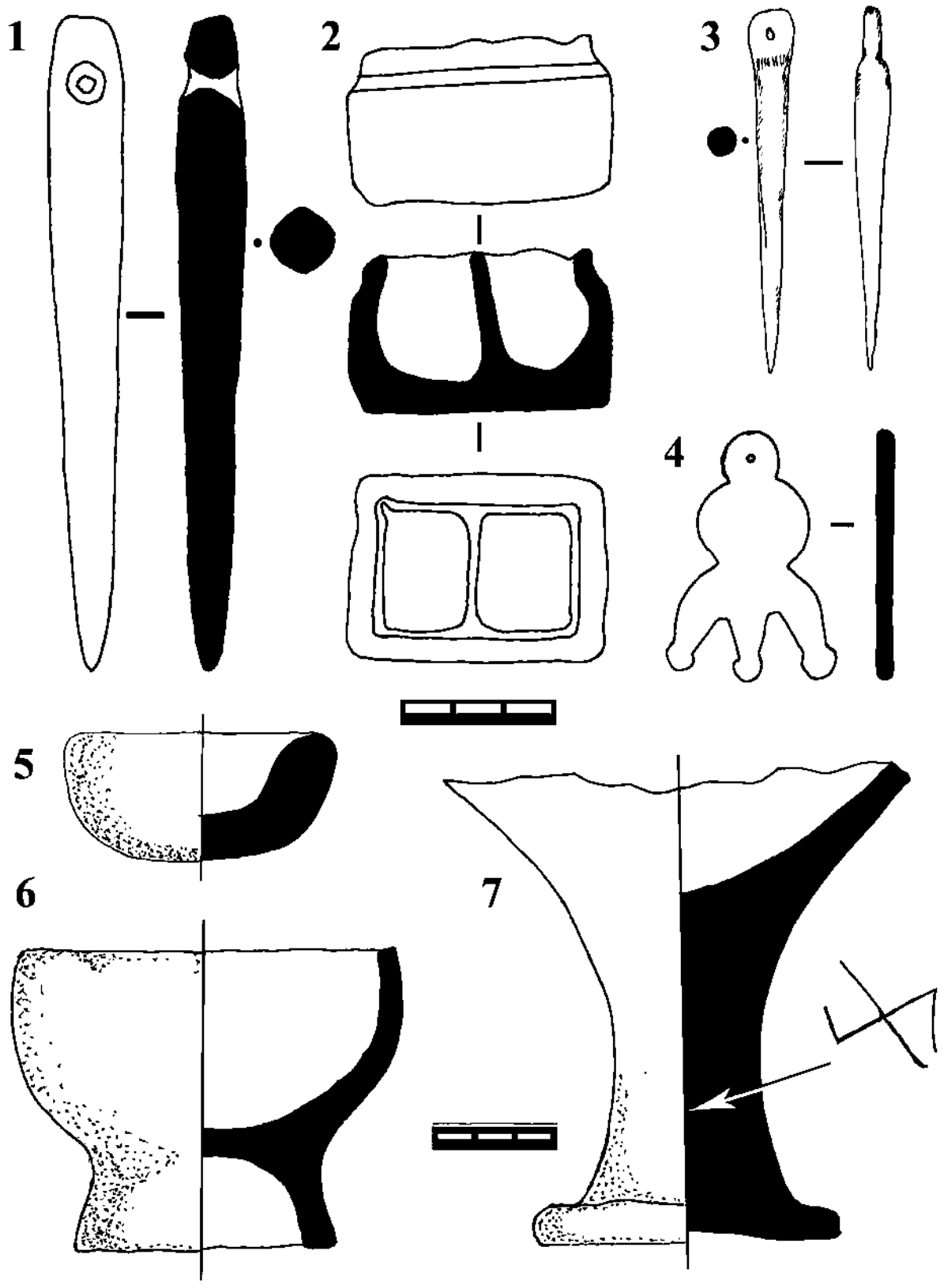


Рис.2. – Комплекс находок из «углового дома» (слой пожара).

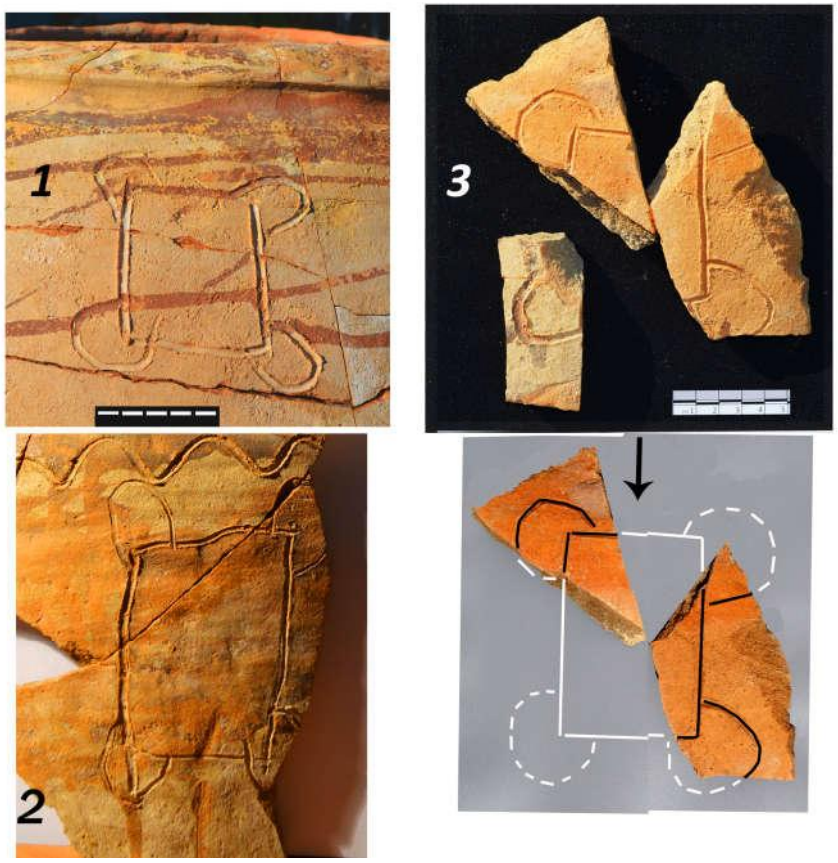


Рис.3. – Тамга «квадрат с кружками» на хумах Культобе.



Рис.4. – 1- калачиковидная серьга; 2- нашивки на одежду (золото).

Утубаев Ж. Р.,
Институт археологии А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
Болелов С.Б.
Государственный музей искусства народов Востока,
Москва, Россия

УДК 903/904 «65»(574)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ БАБИШ-МУЛЛА 7 В 2015-2017 ГГ.

Түйінді сөздер: қоныс, үй-жай, қолөнер, шеберхана, пеш, шірікрабат мәдениеті, Сырдария.
Keywords: settlement, homestead, craft, pottery workshop, culture, Syrdarya.

Впервые Бабишмуллинский оазис обследован авиаразведывательным отрядом ХАЭ в 1946 г. (Андрианов, 1969, с. 57). Тогда же были нанесены на карту городище Бабиш-мулла 1 и отдельно стоящее здание – Бабиш-мула 2, снят план крепости и собран подъемный материал. Детально-разведочное обследование в окрестности городище, было проведено Б. В. Андриановым в 1957-1960 гг. Тогда же был снят детальный топографический всей территории оазиса (Толстов, 1948, с. 192-199). В те же годы были предприняты стационарные раскопки городища Бабиш-Мулла 1 и наземного погребального сооружения Бабиш-Мулла 2.

В 2004-2006 году после более чем сорокалетнего перерыва ходе разведок Чирикрабатской археологической экспедиции на территории Бабишмуллинского оазиса было выявлено и обследовано несколько новых поселений (Курманкулов, Тажекеев…., 2007, с. 216-217).

В 2015 г. силами Чирик-рабатской археологической экспедиции в Бабишмуллинским оазисе были начаты стационарные археологические исследования. Основным объектом было избрано поселение Бабиш-мулла 7.

Работа выполнена в рамках гранта «Становление и развитие оседло-земледельческой культуры Приаралья в античную эпоху».

Поселение Бабиш мулла 7 расположено в 5 км к юго-востоку от городища Бабиш-мулла 1 (44°23′19″ С и 63°09 17″Ю). На восточном берегу сухого русла Жаны-Дарьи. Общая площадь поселения приблизительно 1, 6 га – 450 х350 м. Во всяком случае, именно на этой площади отмечены следы построек и хорошо видимые на поверхности современного такыра развалы горнов. После первого визуального обследования поселения стало очевидным, что это ремесленное поселение, производственный центр, где работали гончары ремесленники. С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м. Береговые отвалы до сих пор отчетливо прослеживаются на поверхности такыра (рис.1. 1).

Максимальная концентрация предполагаемых построек и развалов горнов фиксирует в южной части памятника. Именно сюда был подведен канал-водохранилище. Обжигательные горны, которые на поверхности четко прослеживаются в виде развала керамического шлака и печины располагались как отдельно, на некотором удалении от предполагаемых построек, так и рядом с ними. Всего, в настоящее время, в результате визуального обследования поселения выявлено 9 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения, на уровне современной дневной поверхности также в результате визуального обследования поселения зафиксировано 7 предполагаемых построек которые могут быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими. На поверхности они определяются обширными скоплениями керамики, в некоторых случаях, также на поверхности, видны контуры стен из сырцового кирпича.

В северо-западной части поселения на берегу сухого, на некотором удалении от жилых построек и горнов обнаружены остатки довольно крупной усадьбы. На поверхности четко видны контуры стен помещений сложенных из прямоугольного сырцового кирпича. Надо полагать, это южная часть усадьбы, а северная находится под большим неподвижным барханом.

В результате проведенных на поселении Бабиш-мулла 7 исследований установлено, что это было специализированное ремесленное поселение, где производилась гончарная посуда. На памятнике полностью раскопано шесть керамических обжигательных горнов - №№1, 2, 3, 4, 5, 6. Кроме того, почти полностью вскрыт жилищно-производственный комплекс (раскоп №2), который

включал в себя два обжигательных горна, жилые и производственные помещения. В северной части поселения частично раскопана крупная жилая усадьба.

Обжигательные керамические горны открыты только в центральной части поселения. Интересно, что около усадьбы никаких следов производства не зафиксировано, тем более что она располагалась на некотором удалении от гончарных мастерских.

Раскоп №1 расположен в южной части поселения. После снятия верхнего слоя, были выявлены остатки керамического обжигательного горна, прямоугольного в плане, который ориентирован по линии ССВ – ЮЮЗ. Вход в топочную камеру был с ЮЮЗ. Длина топочной камеры – 3,5 м, ширина в южной части – 0,9 м, в северной части – 1,2м. Площадь обжигательной камеры была, как можно предполагать, немногим менее 10 кв. м. – 3,6 х 2,7 м. На поверхности пода четко прослеживаются округлые в плане продухи, которыми заканчиваются жаропроводящие каналы, устроенные в перекрытии топочной камеры. Диаметр продухов в верхней части, на выходе в обжигательную камеру, – 8-12 см. На уровне пода расчищено 16 продухов (рис. 2. 1).

Раскоп №2. Был заложен в центральной части поселения на расстоянии 60м к северо-западу от раскопа №1. Здесь еще до раскопок на поверхности четко прослеживались контуры двух обжигательных горнов – нижние части обжигательных камер (рис. 1. 2).

Горн №2[22] расположен в северо-западной части раскопа. Сохранилась часть пода обжигательной камеры, который зафиксирован на отметках +70-68 от реперной точки. Это довольно плотная хорошо обожженная поверхность красно-оранжевого цвета. Как можно предполагать по сохранившимся участкам, камера была овально-подпрямоугольная в плане размерами 2 х 2,1 м. Ориентирована почти строго по линии Ю-С. Вход в обжигательную камеру шириной 60 см был с северной стороны. На участке сохранившегося пода обжигательной камеры выявлены округлые в плане продухи диаметром 7-10 см. Судя по расположению сохранившихся продухов, они располагались по периметру обжигательной камеры. В центральной части были два параллельных ряда ориентированные по длинной оси горна.

Горн №3. расположен к востоку от горна №2 практически вплотную к нему. По всей видимости, их разделяла пахсовая стена шириной не менее 0,7 м. На сохранившихся участках пода открыты округлые в плане продухи диаметром 10-20 см. Можно предполагать, что продухи располагались в пределах обжигательной камеры параллельными рядами, ориентированными по длинной оси горна. Достаточно уверенно можно говорить о трех рядах продухов, но возможно их было четыре. Таким образом, всего продухов могло быть 16. Вход в топочную камеру в виде вертикального, овального в плане лаза (0,9 х 0,44 м) открыт в северной части горна. Однако, в восточной части горна немного ниже уровня пода обжигательной камеры расчищен ряд прямоугольных сырцовых кирпичей размерами 44х24х12 см; 52х24х10 см; 50х24х12 см, которые обожжены до красно-оранжевого цвета. Нижняя часть топочной камеры горна №3 была сложена из плотной пахсы серого цвета. Она сохранилась на высоту 0,7-0,8 м от основания. Поверх этой пахсовой стены в разрезе зафиксирована кладка из сырцовых кирпичей.

К югу от производственного комплекса, в южной части раскопа. Открыты помещения, где, по всей видимости, была гончарная мастерская, о чем свидетельствуют находки в этих помещениях.

Помещение №1 было прямоугольным в плане размерами 2,8-3 х 2-2,20 м, ориентировано по линии ЮЗ-СВ. Вход в помещение был с юга. Ширина его 0,8 см. Стены помещения, которые целиком были сложены из крупных пахсовых блоков размерами 0,7 х 0,9-1 м сохранились на высоту 0,7-0,м. Ширина стен – 0,8 – 1,1 м. Помещение раскопано полностью. В северо-восточной части помещения, практически на уровне пола, обнаружено скопление керамических сосудов. Среди них два целых – вьючная фляга и крупный кувшиновидный сосуд без ручки. Рядом с ними найдены фрагменты уже сформованных, но необожженных сосудов. Кроме того, в этой же части помещения обнаружена нижняя часть крупного тарного сосуда заполненная кусками пластичной производственной глины, а также кусками глины которые явно были срезаны при формовки сосуда на гончарном круге. В южной части раскопа открыто еще одно помещение №2, в котором найдены каменные терочники призматической или кубической формы, а также несколько нижних частей небольших жерновов, которые, возможно, использовались для измельчения минералов или минеральных красок. К востоку от этих помещений вскрыта часть открытого двора явно производственного назначения. Здесь также были найдены каменные терочники и лощила. Здесь же открыт крупный напольный очаг явно производственного назначения. В западной части раскопа

[22] Нумерация горнов дана по порядку вскрытия.

открыто несколько помещений, которые были жилыми. Об этом свидетельствует отсутствие в них остатков производства, а так же наличие тандыров и очагов, которые могли использоваться для обогрева или приготовления пищи.

Раскоп №3. Расположен в северной части поселения. Еще до начала раскопок на поверхности такыра четко прослеживались стены усадьбы, северная часть которой, судя по всему, закрыта большим барханом. Вся свита культурных слоев в пределах раскопа вскрыта до материка. Глубина вскрытия составляет немногим более 1м в северной части раскопа и 0,2-25 м в южной части (рис. 3. 2).

В результате проведенных исследований частично вскрыто шесть помещений и часть двора к югу от здания. Максимальная сохранность стен здания, в северной части немногим более 1 м.

Нижние части всех стен во вскрытой части здания, построены из плотной пахсы светло-серого цвета, таким образом, образовался цоколь высотой 40-45 см и шириной 1,6-1,5 м. Пахса была положена непосредственно на слой барханного песка. Верхняя часть стен возведена из прямоугольного сырцового кирпича размерами: 48 х 30 х 10-12 см; 47 х 32 х 10-12 см; 50 х 37 х 12 см. ширина стен в сохранившейся части – 1,4-1,5 м.

В западной части раскопа вскрыта часть помещения №1 и часть двора, располагавшегося к югу от основного здания усадьбы.

Кроме того, участок жилой поверхности двора открыт в западной части двора. На всей остальной вскрытой площади двора этот уровень не сохранился. Отрытая в ходе раскопок планировка дает основание предполагать, что это была довольно крупная жилая постройка, которую можно квалифицировать как крупную жилую усадьбу сложно планировки.

Раскоп 4. Раскоп 4 был заложен в 100 м к западу от раскопа №2. Здесь еще до раскопок на поверхности четко прослеживалось округлое в плане пятно сильно обожженной глины с выходами керамического шлака, что дало основание предполагать здесь наличие обжигательного горна.

В результате проведенных исследований установлено, что горн №4, в отличие от всех остальных открытых пока на поселении, был округлой формы. Диаметр обжигательной камеры по внешнему контуру – 4,4-4,5 м. В результате произведенных раскопочных работ установлено, что стены топочной камеры были построены на уровне материка из блоков пахсы высотой 45-55 см. Максимальная сохранность стен топочной камеры – 60-65 см от основания (рис. 2. 2). Вход в нее был с ЮЮЗ. Он представлял собой овальный в плане лаз (58х45 см) устроенный непосредственно в пахсовой стене топочной камеры. Стенки прохода в топочную камеру облицованы стоящими наклонно на ребре сырцовыми кирпичами размерами 47-48х32-35х12 см.

На раскопе №4 горн, который в отличие от всей остальных раскопанных ранее на поселении был округлой формы. Система продухов, выявленная по уровню пода обжигательной камеры, дает основание провести параллель с округлыми в плане двухъярусными обжигательными горнами широко распространенными на территории Хорезма в IV – II вв. до н.э. Однако, в отличие от хорезмийских горнов, топочная камера у которых полностью была устроена в материковом грунте, в горне №4 на поселении Бабиш-Мулла 7 стены топочной камеры были построены из пахсы на уровне древней дневной поверхности. Это является характерной особенностью всех горнов на поселении Бабиш-мулла 7.

Раскоп 5. Раскоп 5 был заложен в 50 м к югу от раскопа 2. До раскопок на поверхности четко прослеживался развал обжигательного горна, как предполагалась изначально, округлой формы. В результате выявлены остатки двух обжигательных керамических горнов №5 и №6, которые раскопаны полностью (рис. 3. 1).

Горн №5 открыт в северной части раскопа. Сохранилась только нижняя часть овальной в плане (2,40х1,12м) топочной камеры. Стены топочной камеры шириной 0,4-0,5м сложены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. Они сохранились на высоту 0,5-0,6 м от уровня древнего такыра. С внутренней стороны стены были обмазаны глиной. Топочная камера ориентирована по оси В-З с незначительным меридиональным отклонением. Судя по продольному профилю топочной камеры, дно которой плавно поднимается к западу, вход в нее был именно с этой стороны.

Горн №6 открыт в центральной части раскопа, на расстоянии 1,4м к югу от горна №5. Он был также овальным в плане, ориентирован по линии В-З с незначительным меридиональным отклонением. Два открытых на раскопе 5 горна расположены практически параллельно друг другу. Второй горн сохранился значительно лучше первого, даже не смотря на то, что он смыт ниже уровня пода обжигательной камеры. Размеры горна №6 точно установить не представляется возможным, но с уверенностью можно говорить, что обжигательная камера его была прямоугольной в плане, длиной не менее 3,2-3,3 м и шириной не менее 1,8м. Полностью сохранилась топочная камера горна длиной

1,8м и шириной 0,8м. Вход в топку в виде округлого в плане (46 х 40 см), почти вертикального лаза был с западной стороны.

Работы на раскопе №5 только начаты, но уже сейчас можно предполагать, что здесь располагался крупный производственный комплекс, включавший в себя не только обжигательные горны, но и какие-то помещения, возможно, производственного характера. Кроме того, есть все основания предполагать, что горн №1, раскопанный ранее также являлся частью этого комплекса. Конструктивные особенности горна №6, а именно расположение жаропроводящих каналов в пределах переделах контура обжигательной камеры, дают основания провести параллель между Бабиш-муллинскими обжигательными горна и прямоугольными обжигательными горнами Северной Бактрии, где жаропроводящие каналы также располагались параллельно друг другу и перпендикулярно относительно центральной оси топочной камеры. Однако значительная хронологическая лакуна - не менее 300 лет – между бактрийскими и сырдарьинскими горнами не позволяет говорить об их прямой связи.

Таким образом, полученные на поселении Бабиш-Мулла 7 материалы чрезвычайно интересны и значительно расширяют наши знания об уровне и организации ремесленного гончарного производства на территории Южного Приаралья во второй половине I тыс. до н.э. Не вызывает сомнения то, что Бабиш-Мулла 7 являлся крупным производственным гончарным центром, который удовлетворял потребности в керамике населения оазиса. При этом следует отметить, что в отличие от Хорезма, где подобные центры функционировали в течение определенного сезона, поселение Бабиш-Мулла 7 функционировало постоянно. Об этом, в частности, свидетельствует почти полностью раскопанный жилищно-производственный комплекс (Раскоп 2). Впервые на территории Южного Приаралья раскопаны обжигательные керамические горны не известной ранее конструкции, которая не была до сих пор неизвестна не только на территории Юго-восточного Приаралья, но всей Средней Азии. В общих чертах выявлена структура поселения. Особо следует отметить, что в процессе изучения данного поселения выявлена система водоснабжения, которая надо полагать, была сооружена специально для обслуживания гончарного производства.

Литература:

Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969

Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т., Абдикаликов Ш.М. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. – А., 2007.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Түйіндеме

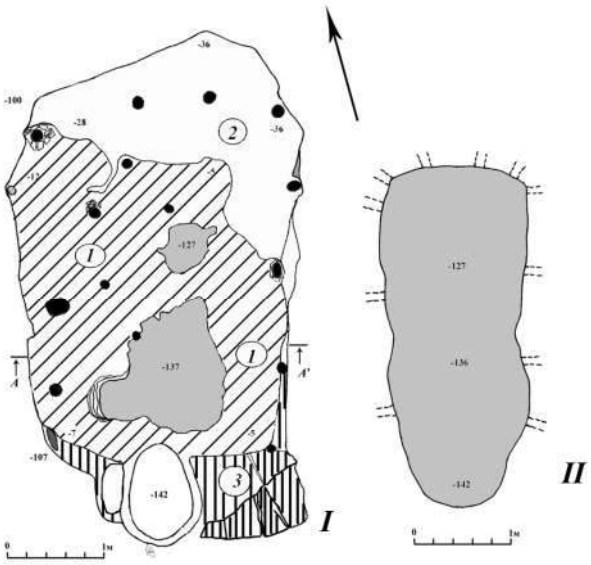
Бәбіш молла 7 елді мекеннен табылған күрделі құрлысы бар қыш күйдіретін пештер мен шеберханалар Оңтүстік-шығыс Арал өңіріндегі алғашқы үлкен керамика өндіретін өндіріс орталығы болып саналады.

Summary

The article was first introduced into scientific circulation new data on open pottery workshop in the Eastern Aral Sea region, which was part of an industrial complex.

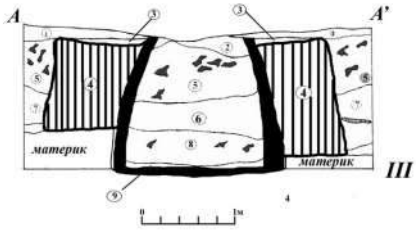


Рис. 1. 1-топографический план; 2- раскоп-2, мастерская №1. План и разрез.



Условные обозначения.

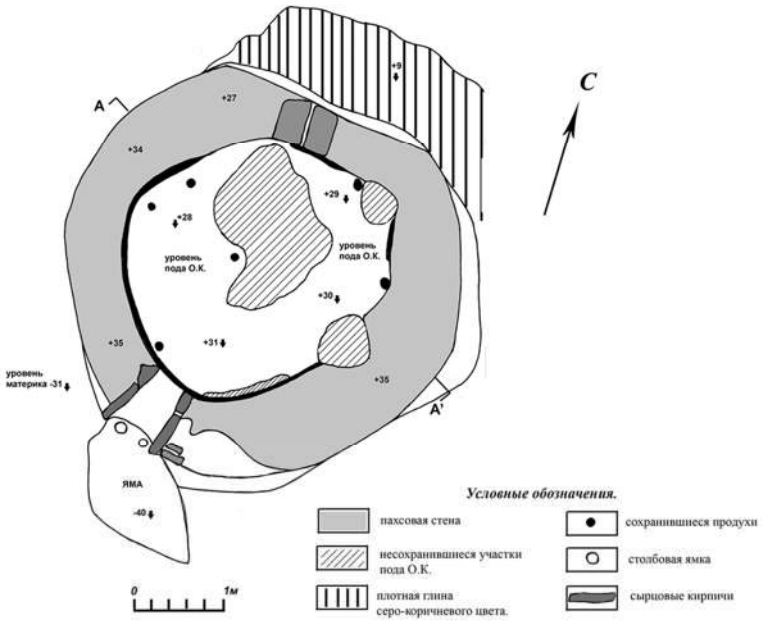
I.1 - прокаленная до красно-оранжевого цвета плотная поверхность пода обжигательной камеры.
I.2 - обожженная до красного цвета глина.
I.3 - пахса



Условные обозначения.

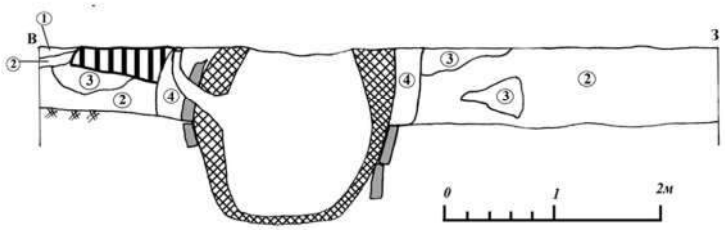
III.1 - рыхлая пылевидная супесь серого цвета (слой надувного лесса)
III.2 - слой плотной супеси серого цвета.
III.3 - прокаленные до красна глиняные обмазки.
III.4 - пахсовые стены
III.5 - рыхлый комковатый суглинок с большим кол-вом кусков керамического шлака.
III. 6 - глинисто-супесчаные натеки
III. 7 - плотная супесь серо-коричневого цвета
III.8 - плотный комковатый суглинок
III.9 - слой золы и пепла с большим кол-вом древесных угольков.

1



Условные обозначения.

пахсовая стена
несохранившиеся участки пода О.К.
плотная глина серо-коричневого цвета.
сохранившиеся продухи
столбовая ямка
сырцовые кирпичи



Условные обозначения.

1 - слой рыхлого комковатого суглинка обожженного до оранжевого цвета.
2 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-желтого цвета.
3 - слой плотного суглинка серого цвета.
4 - плотная глина обожженная до красного цвета.

- пахса
- плотная глина с саманом, прокаленная до серо-зеленого цвета (оплывшие стенки ТК).
- сырцовый кирпич

2

Рис. 2. 1- горн №1. План и разрез топочной камеры; 2- горн №4. План и разрез.

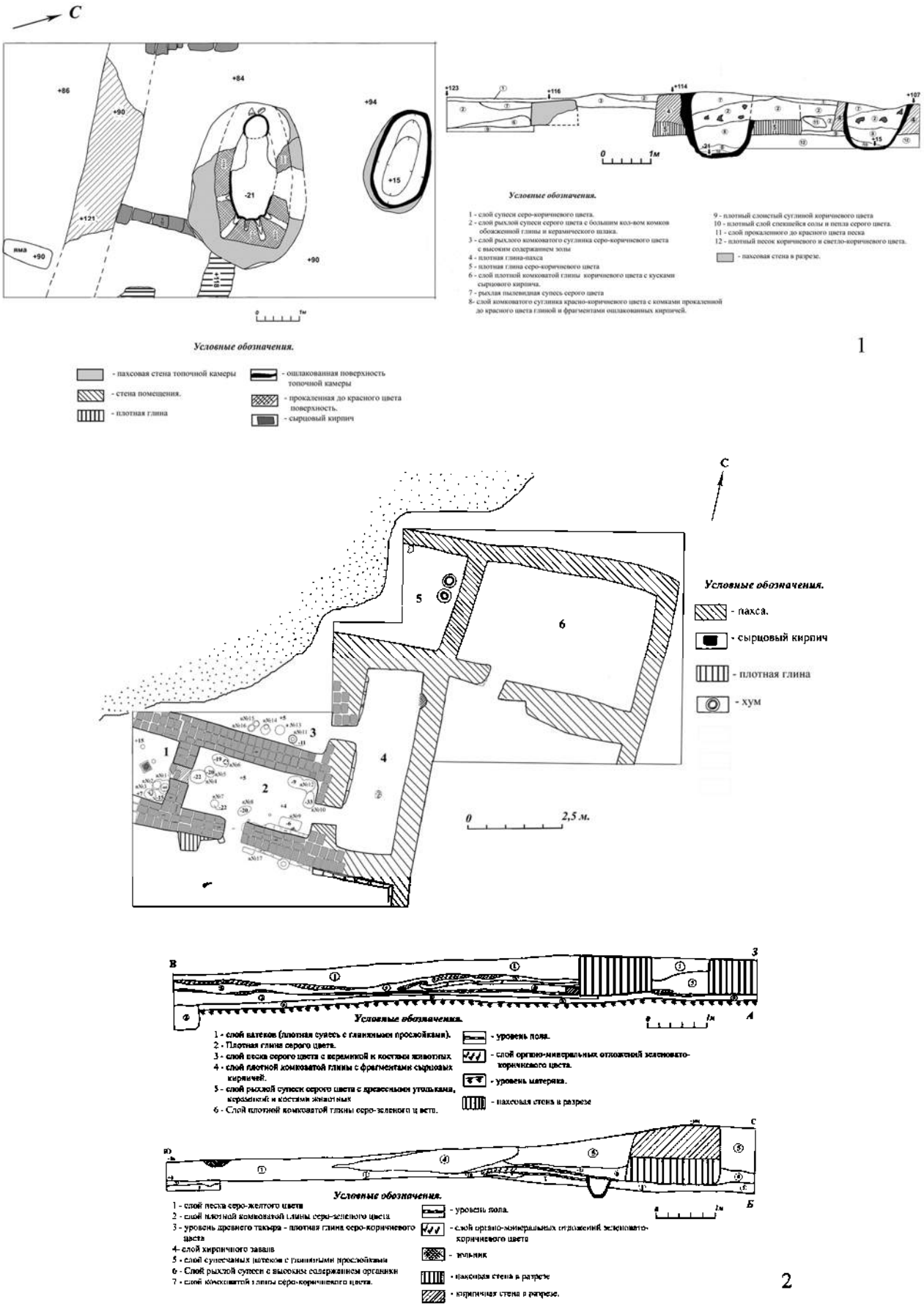


Рис. 3. 1- раскоп 5. План и разрез; 2- раскоп 3. План и разрез усадьбы.

Хамитова М.А.
ҚР Мемлекеттік орталық музейі,
Алматы, Қазақстан

Ә. МАРҒҰЛАННЫҢ СӘУЛЕТ ӨНЕРІ ТАРИХЫ МЕН ҚАЗАҚ СӘУЛЕТШІЛЕРІ ТУРАЛЫ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

Ключевые слова: строительное искусство, эпоха бронзы, А.Маргулан, скальные мавзолеи, памятники архитектуры.
Keywords: building art, bronze age, A.Margulan, rock mausoleums, monuments of architecture.

Археологиялық қазба жұмыстарымен қатар академик Ә.Х. Марғұлан сәулет өнері (архитектура) мен өнер саласын терең зерттеді. Академик Ә.Х.Марғұланның «Археология және Қазақстанның ерте заман өнері» атты екі сала бойынша профессор атанғанын біреу білсе, біреулер біле бермейді. КСРО Жоғары және арнайы орта білім министрлігінің Жоғарғы аттестациялық комиссиясының шешімі бойынша берілген профессорлық аттестатында «Маргулан Алкей Хаканович утвержден в ученом звании профессора по специальности «Археология и древнее искусство Казахстана» деп көрсетілген. (Аттестат профессора. МПР № 001621. Москва, 14 октября 1960 г. Решение высшей аттестационной комисии от 28 сентября 1960 г., протокол № 46/ II).

Ғалымның сәулет өнері туралы «Кеңгір бойындағы сәулет өнерінің белгілері», «Сарысу мен Кеңгір бойындағы архитектура белгілері», «Из истории городов и строительного искусства», Т. Басенов, М. Меңдіқұловтармен бірге жазған «Архитектура Казахстана» (Марғұлан, 1959, 172 бет, 1), «Доисламская архитектура Казахстана», «Древнейшая архитектура Казахстана из каменных исполинов», «Архитектура средневекового Казахстана» еңбектері ғалымның шығармалар жинағының «История архитектуры Казахстана» атты сегізінші томында (қазақша тоғызыншы том) жарық көрді (Марғұлан, 2011, Т.9, 472 бет, 2).

«Ерте дәуірдің архитектурасы» атты еңбегінде Ә.Х. Марғұлан: «Қазіргі Қазақстан аумағындағы құрылыс ісінің мыңдаған жылдық тарихы бар. Бұл өнер Қазақстанның таулары мен жазықтарын ертедегі адам бірте-бірте игеріп, бұлар алғашқы қоғамның өндіргіш күштерін дамыту үшін негіз болған заманда туған» дейді. Көптеген облыстық музейлер, оның ішінде Қарағанды, Павлодар облыстық тарихи-өлкетану музейлерінің экспозицияларында осы алғашқы қауым кезіндегі тас үңгірлер көрсетілген Алғашқы адам жауын-шашыннан, жыртқыштардың шабуылынан қорғану үшін тас үңгірлерді пайдаланса, Ә. Марғұлан жазуында олардың ең белгілілері – Қазықұрт, Қаратау, Баянаула, Қарқаралы, Ұлытау үңгірлері (Марғұлан, 1959, 56-б., 1).

Жезді, Тамды өзендері бойындағы палеолит қоныстарында сақталған тастан дөңгелете жасалған ошақтардың сілемдері және шашылып қалған тас қарулардың сақталуы бойынша, Ә.Х. Марғұлан бұл аймақтарда да Сібір мен Оралдағы тәрізді палеолит адамының тұрғын үйлері (күркелері) тұрған болуы керек деп болжам жасаған (Марғұлан, 1959, 57-б.1). Дөңгелете тік қадаған бөренелерден жасалып, жоғары басы шошақ шатыр түрінде тұтастырып байланған және баспананың қаңқасы аң терісімен, ағаш бұтақтарымен жабылған. Дәл осындай палеолит адамының тұрғын үйлері – күркесі Қарағанды облыстық тарихи-өлкетану музейінің археология залының экспозициясынан орын алған. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің палеонтология залында – энеолит комплекстері – Ботай тұрағы негізінде жасалған.

«Жер үстіндегі баспананың іргесін таспен бекітіп қымтау даладағы палеолит үйі құрылысындағы ең басты элементтерінің бірі. Демек, бұл Сібір халықтарының чумын еске түсіретін күрке тәрізді құрылыстың қаңқасы» деп көрсетті Ә.Х. Марғұлан (Марғұлан, 1959, 58-б.1]. ҚР МОМ-нің палеонтология залында «Соңғы қола дәуірі. Бұғылы I мекені. Орталық Қазақстан. Б.з.д. XII–X ғғ.» –деп көрсетілген аңшылар мекені – Ә.Х. Марғұланның К.А. Ақышев, М.Қ.Қадырбаев, А.М. Оразбаевтармен бірге жазған «Древняя культура Центрального Казахстана» атты еңбегінің «Поселения и жилища» деп аталатын 4- тарауындағы Бұғылы II қонысы үйлерінің түрі (реконструкция) негізінде жасалған (Марғұлан ред., 1966, 228-б., 3). Дәл осы экспозицияны Балқаш қалалық тарихи-өлкетану музейінен де көруге болады. Марғұлан жазуында Қазақстан аумағында анағұрлым көп таралған ежелгі үй жайлардың түрі конфигурациясы төрт бұрышты жартылай жертөлелер. Үй жайлардың негізі бір метр немесе одан да көп тереңдікте жерге қазылған ойпаң болған, ал жоғарырақ оның жер үстіндегі бөлігі тұрған. Жердегі қабырғалары шарбақпен, саз балшық және құм топырақ араласқан қоспамен бекітілген (Марғұлан, 2011, Т.9, 11-б., 2). Қола дәуірінен бастап далалықтар арасында тас қашау, ұқсату, бәзешілік ісі мен құрылыс ісінде тас ерекше роль

атқарды. Тас көбінесе кешен тұрғызу, мемориалдық ескерткіштер салу үшін қолданылғаны белгілі. Тас кешендер жақсы сақталып зерттеушілерге көп деректер берді. Ғалым зерттеген Беғазы-Дәндібай ескерткіштерінің айрықша ерекшелігін де тас архитектурасы құрайды. Қарасулық циклоптық құрылыстармен салыстырғанда Беғазы-Дәндібай заманында тамаша құрылыс ісі мен сәулет жетістіктері көрсетіледі. Оңтүстік және Орталық Қазақстанда жүргізілген археологиялық қазбалар өте ерте заманғы құрылыс мәдениетінің көптеген ескерткіштерін тауып, олардың түрлері мен құрылымдарын анықтады. Мұның өзі Қазақстан аумағында қола дәуірінен бастап орта ғасырлардың соңына дейінгі архитектураның құрылыс әдістерін белгілеуге мүмкіндік берді» деп көрсетеді ғалым.

Ғалым қола дәуірінен біздің дәуірімізге жеткен құрылыстың үш түрін атап өтеді. Олар: тұрғын үй құрылыстарының негізі (ірге тасы), мемориативтік құрылыстар және қабір басына қойылатын ескерткіштер.

Қазақстан аумағында көшпелі мал шаруашылығының тарихына байланысты құрылыстардың да едәуір орындары сақталған. Олардың ішінде өзінің құрылысы жағынан қарапайым болғанымен, көлемі жағынан елеулі орын алатын құрылыстар–қорғандар болып табылады. Олар көбінесе ірі тастардан қаланады, алыстан қарағанда қолдан жасалған төбешік сияқты көрінеді. Қорғандар өздерінің сыртқы бейнесі жағынан көшпелілердің киіз үйіне ұқсайды. Қорған құрылыстарының бастамасы сонау қола дәуірінің құрылыс дәстүрінен басталатынын айта келіп, ғалым архитектура тарихы үшін ерекше мәні бар қорғандардың төмендегі үш түрін сипаттағаны ғылымда мәлім:

1. Ұзын дәлізді қорғандар. Бұлар көбінесе Орталық Қазақстанның жерінде кездеседі. Бұл қорғандардан қорғаныс қамалдарының алғашқы түрін аңғаруға болады. Әдетте мұндай қорғандар таудың етегіне салынып, өзінің аумағымен едәуір жерді алып жатады. Мысалы, Қарағанды облысындағы Қанаттас қорғаны. 2. Айнала қорғаныс қабырғалары бар үлкен тас қорғандар. Бұлар көбінесе, бір жақ басы жерге терең қазылып қаланған аса үлкен гранитті плиталардан тұрады. Бұл қорған құрылысының бастамасы да қола дәуіріндегі мегалитикалық құрылыстар дәстүрінен кездеседі. Мысалы, Іле өзенінің бойындағы Бесшатыр қорғаны. 3. Қамал құрылыстарының жоспары негізінде жасалған тас қорғандар (мысалы, Қаратау маңындағы Берікқара қорғаны) (Марғұлан, 1964, 9-б., 4).

Сонымен қатар, Ә. Марғұлан Қазақстанның бұдан былайғы жердегі архитектуралық және құрылыс өнерінің дамуы бұл өлкеде феодализмнің туып, дамуына байланысты жаңа сипат алғаны туралы жаза отырып, Қазақстан архитектурасының дамуы тарихындағы бұл дәуірді негізінен төрт кезеңге бөліп көрсетеді. 1.VI –IX ғасырлар – алғашқы феодализм дәуірі; 2. X–XII ғасырларда феодалдық қатынастардың нығайып, дамыған дәуірі;

3. XIII– XIV ғасырлар – монғол шапқыншыларының дәуірі; 4. XV–XVIII ғасырлар – орта ғасырдың соңғы дәуірі. «Моңғол шапқыншылығы мен орта ғасырлық феодалдық соғыстардың бұл өлкені үлкен күйзеліске ұшыратуына қарамастан, жоғарыда аталған Қазақстан архитектурасындағы төрт дәуір азды-көпті болса да, өз артына өзіндік құрылыс өнері мен архитектуралық әсем стильдер қалдырып кетті. Ал, олар Қазақстанның ұлттық архитектурасына қосылған елеулі үлес болып табылады» деп жазады ғалым.

Марғұлан жазуында Қазақстан жерінде моңғолдар үстемдігі дәуірінде (XIII–XV ғасырлар) салынған бірнеше архитектуралық ескерткіштердің ішіндегі ең көрнектісі Қарағанды облысы, Кеңгір өзенінің бойындағы Шыңғыс ханың үлкен баласы – Жошы ханның мавзолейі.

Ғалымның 1950 жылы жарық көрген «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана» атты монографиясы – ортағасырлық Қазақстан қалалары туралы жазылған алғашқы еңбек. Ә.Х. Марғұлан Оңтүстік Қазақстандық экспедиция тапқан материалдарға сүйене отырып, Отырар мен оның айналасындағы қалашықтар қалдықтарын сипаттайды. Еңбекте Отырар сұлбасының сызбасы, керамика суреттері берілген (Марғұлан, 1950, 72–73-бб., 5). Онда, қазақ халқы – көшпелі, жабайы халық деген пікірге кереғар Ә. Марғұлан қазақ жерінде мал шаруашылығы, егіншілік, сауда, темір қорыту, қол өнері кәсіпкерлігі дамығанын, көне қалалардың болғанын, сәулеткерлік өнердің қаншалықты дамығандығын, қазақ халқы таза көшпенді халық болмағанын және қазақта отырықшылық дәстүрдің ертеден келе жатқанын археологиялық, этнографиялық және сәулеткерлік материалдар негізінде көрсетті. Сонымен қатар Сырдария бойындағы қалалардың пайда болуын, дамуын қаңлы, оғыз, қыпшақ тайпаларының тарихымен, көшпелілікті отырықшылықпен ұштастыра отырып қарастырады (Марғұлан, 1950, 68-б., 5). Бұл еңбегінде ғалым тұңғыш рет ғылыми негізде Қазақстандағы қала өркениетінің негізгі орталықтарына толық әрі жан-жақты ғылыми сипаттама беріп, терең талдау жасаған. Ә.Марғұлан қазақ сәулетшілігінің тарихын ежелгі керуен жолының бағытымен байланыстырады.

Ғалымның сәулет өнеріне арналған зерттеу еңбектерінде қазақ халқы сәулет өнерінің ең таңдаулы үлгілері Оңтүстік және Орталық Қазақстанда, Каспий маңында Маңғыстауда, Сағыз жәнеЕмбі өзендерінің бойында көбірек сақталғаны көрсетіледі. Олар өздерінің композициялық ерекшеліктері, әсіресе, формасы және конструкторлық шешімінің өзгешелігімен көзге түседі. Қазақтың ұлттық архитектурасының басты айырмашылығы – ерте кездегі салынған қандай құрылыстар болмасын барлығы да тек қана тас немесе кірпіштен қаланған. Басқа құрылыс материалдары, айталық ағаш бұған араласпаған. Құрылыстың төбесін жабуға да ағаш пайдаланылмаған. Барлық ірі құрылыстардың күмбездері тек кірпіштен немесе тастан ғана қиылып қаланған.

Ә.Х. Марғұлан өзінің «Казахская юрта и ее убранство» атты еңбегімен көшпелі халықтардың сәулет, қолөнер, сурет өнерлерінің басын құрайтын ғажайып туынды киіз үй – дала ойшылдары мен тұрғындарының дүниетанымы мен тапқырлық шешімі екендігін бүкіл дүниеге таныстырғаны мәлім (Марғұлан, 1960, 13 бет, 6). Ғұлама ғалым киіз үйді адамзат баласының ұзына тарихында жасалған материалдық мұралардың ішіндегі бірегей айғақтардың бірі деп қарады. Көшпелілер үшін киіз үй, яғни шағын әлем олардың мәңгілік серігі саналған. Тек бұл дүние емес, о дүниелік болған аруақтардың «шаңырағы шайқалмай, басынан күмбезі аумай» жалғаса бермек. Мұндай ұғым-түсінік, киіз үйді шағын әлем санаушылық күмбезді архитектуралардың көшпелілер арасында пайда болуына себепші болды. Өлген адамдардың басына күмбезді бейіттер, молалар орнатылды. «Тас мүсіндермен байланысты естелік құрылыстың бір тобы «дың», «үйтас» деп аталады. Қай жерде тас мүсін көп болса, сол жерде дың, діңгек, үйтас та жиі кездеседі. Дың мен үйтастың ерекшелігі: олар Қазақстанның ежелгі мал өсірушілерінің жазғы киіз үйіне өте ұқсас. Өлген адамның басына ескерткішті өзінің тірі күнінде жасаған үйіне ұқсатып жасау көшпелі елдің ежелгі салты болған. Сондықтан үйген оба, тұрғызған дың, үйтастардың бәрі түр жағынан жазғы киіз үйге ұқсаған (Әжіғали, 2002, 654 бет,7]. Олардың тағы бір ерекшелігі – ата-ананың аруағын әулиедей қадірлеген бақташы тайпалар ондай мәңгілік үйдің қасына өзінің өлген адамдарының тұрпатын тасқа қиып орнататын болған. Қозы Көрпеш–Баян сұлу діңгегі мен оның жанындағы сынтастар – сондай естеліктің әдемі бір түрі» деп жазды академик Әлкей Марғұлан. Ә. Марғұлан осындай ескерткіштердің қатарына 1862 жылы түсірілген фотосы сол кезде «Түркістан альбомында» сақталған Қорқыттың күмбезі, Торғай бойындағы Бақсы мола, Кеңгір бойындағы Домбауыл сияқты сәулет өнері үлгілерін жатқызады. Олардың қабырғаларының мейлінше қалың, екі метрге жуық, сырт пішіндері киіз үйге ұқсайтынын жазды (Марғұлан, 1985, 193-б.,8).

Ғалымның жазуында, бұл ескерткіштерді күмбездеп салу әдісі Орта Азиядағы, Ирандағы, Араб жеріндегі күмбездерден басқаша. Күмбез қалау әдісі мұнда «жалған еңсе», яғни «ложный свод» тәсілімен орындалған (Марғұлан, 1985, 195-б.,8). Ғалым сондай –ақ, қабырғаны қалың жасау – «жалған еңсе» тәсілді күмбез шығару үшін қолайлы болғанын көрсетеді. Сондықтан түр жағынан олар ислам дәуірінде шыққан сәулет өнеріне емес, көшпелі бақташы тайпалардың киіз үйіне ұқсап тұрады. Осындай «жалған еңсе» тәсілімен тұрғызылған құрылыстардың бірі – Жаманқара Тоқсанның күмбезі (Энциклопедия, 2002, 205-б., 9) және Бақсы мола күмбезі екенін көрсетеді. Ә. Марғұланның пікіріне сүйенсек, сыртқы жағы күйдірген кірпіштен қаланған Бақсы моланы Қорқыт күмбезінің бір түрі деуге болады (Марғұлан, 1985, 193-б.,8).

Жалпы Қорқыт туралы, оның заманында Сырдария бойында жасалған қалалар, күмбездер, кешендер туралы айтылатын қария сөз, аңыздар өте көп. Қорқыт өмірімен байланысты айтылатын сондай тарихи хикаяның бағалысы Жанкент қаласы туралы аңыздар. Ә. Марғұлан жазуында, Жанкент қаласының орнын бірінші рет қазып зерттеген археолог, ресейлік шығыстанушы ғалым П.И. Лерх. Алғаш рет, 1867 жылы П.И. Лерх көрген кезде қаланың ескі қабырғалары, кейбір архитектурасы, көшелерінің ізі жақсы сақталған екен. Ал, үйлердің орнын, қабырғасын аршып көргенде, одан көптеген сәулет өнері үлгісі, қабырғаға түсірілген суреттер, күйдірген кірпіштер, көк қызғылт шынымен (глазурь) жапқан көзе тақталар, терракоталар, ғаныштау тәсілімен жасалған өрнектер, көзе сынықтары, араб жазуымен әшекейленген сауыттар, тағы сол сияқты өнер өрнектері табылған (Марғұлан, 1985, 195-б.,8).

Сол ескі дәуірлерде әдемі заттар жасайтын шеберхана орны– ғалымды ерекше таңқалдырған. Шеберханада сілтілік металдар ерітіндісін қорытатын пештің орны және пештің үстінде шойын қазан сақталған, оның ішінде қатып қалған глазурьдің қалдығы табылған. «Олардың бірталайы XIII–XIV ғасырдағы Алтын Орда (Дешті-Қыпшақ) заманы мәдениетінен хабар береді» – деп жазды Ә. Марғұлан. Кеңес дәуірінде Жанкентті толық зерттеп, қала орнынан көп нәрселер тапқан Орта Азия халықтарының тарихын зерттеуші тарихшы, этнограф, археолог-ғалым С.П. Толстов екенін білеміз.

Қазақ жерінде ежелгі мәдениет орталықтары ретінде тек Отырар мен Сайрам, Түркістан ғана емес, Сыр бойындағы – Жент, Баршынкент, Жанкент, Сығанақ, Талас – Шу алабындағы – Тараз, Құлан, Аспара, Баласағұн қалалары да тарихта белгілі болған. Ә. Марғұлан жазуында сол кезеңдегі белгілі қалалар–Тараз, Құлан, Сайрам, Отырар, Баласағұн сияқты қалалардың салыну, жоспарлау жағынан ұқсас болғандығы айтылады (Марғұлан, 1945, 40-б.,11).

Марғұлан зерттеулерінен білетініміз –Талас қаласының негізі– Талас өзенінің бойында, біздің заманнан бір ғасыр бұрын көтерілген. Бұл қалада тұратын адамдар жаз күні Сарыарқаны жайлап, қысқа қарсы Талас қаласын, тағы басқа қалаларды қыстап жүрген. Осының нәтижесі ретінде ғұндар заманында қолданылған екі бүйірлі тас қоршауы бар обалар Орталық Қазақстан, Жамбыл мен Шымкент өңірлерінде бір нұсқада кездесіп отырады (Марғұлан, 1945, 16-б.,11).

Осы келтірілген жазуларды тереңірек ойлап қарасақ, Талас пен Шу қаласы ту ескі дәуірде жасаған ғұндардың, үйсіндердің, қаңлылардың бергі ұрпақтарына қалдырған ұлы мәдениет мұрасы екенін көреміз (Марғұлан, 1985, 45–46-бб.,10).

Ә. Марғұлан жазуында, араб географы әл-Мақдиси X ғасырдың өзінде Қазақстан аумағында 200-ден аса қала болғанын баяндаған. Бүгінгі Жамбыл облысы, Шу ауданы жеріндегі VI ғасырда іргесі қаланып, түркі тектес тайпалардың орталығы болған Баласағұн қаласы ортағасырлық отырықшы мәдениеттің ошағы болған. 1212 жылы қарақытайлар басып алғанда Баласағұнда қырыққа жуық жұма намазы оқылатын мешіттер, он медресе болыпты. Қазақ қалалары архитектуралық үйлесімділігі, сәнділігі жағынан өзге елдердегіден кем түспеген. Алтын Орда мемлекеті өзі өмір сүрген екі ғасырға жуық уақыт аралығында 150-дей қала тұрғызған. Солардың ішіндегі сәнділері Еділ бойындағы Бату Сарайы, Берке Сарайы және Жайық бойындағы Сарайшық қалалары болса керек. Сарайшық соңғы жылдарға дейін елімізде академик Ә. Марғұлан болмаса, басқа ғалымдар аса көңіл бөле қоймаған, және зерттеу еңбектерінде кездеспеген қала.

Жатжұрттық саяхатшы-зерттеушілердің қалдырған мәліметтері бойынша және өз байқауларынан қорытындылай келе академик Ә.Х. Марғұлан ғылымда Сарыарқаның қалалық мәдениеті жайлы жаңалық ашты. Мәселен, Ақсу өзенінің Қаракеңгірге құяр сағасындағы Хан Ордасы; Нұра өзеніндегі ортағасырлық елді мекен; Сарысу өзеніндегі Қарағаш, Қарасақал, Белен-ана, Жұбан-ана; Жезді өзеніндегі Басқамыр, Аяққамыр тағы басқа да елді мекендер зерттелді (Байпаков, 2005, 309 бет,12).

«Ғұндар мыңдаған жыл сахараны қоныстап, өздерінен көп ұрпақ, бай мәдениет қалдырған ел. Олардан ұрпақ болып қалған елдер – үйсіндер, қаңлылар, оғыздар, қыпшақтар, арғындар, қоңыраттар, наймандар, керейлер, уақ-үңгіттер, дулаттар» – деп жазды Ә. Марғұлан (Марғұлан, 1985, 41-б.,10).

Бабаларымыз салған қалалардың ішінде ең үлкендері – Сайрам, Сүткент, Отырар, Түркістан, Сауран, Сығанақ, Қорған ата, Артық ата, Баршынкент, Жент, Оғыз-Дабан, Хорасан ата тағы басқалары. Сонымен қатар Сыр бойы мен Қаратаудағы көптеген ескі қалалардың үлкен үйіндісі Субанкент, Атакент, Баба ата, Құмкент, Кенжек тағы басқалары. Жетісуда – Шу, Баласағұн, Талас, Мерке, Отлық (Атлах), Шельжі, Құлан, Ашпара, Күяш, Екіөгіз, Қаялық, Қапал тағы басқалары. Баба ата қалашығының үлкейтілген суреті ҚР МОМ-нің археология залында көрсетілген. Ә.Марғұлан жазуында бұл қалалардың барлығы өте берік, басқа елдердің жауларына қарсы тұра алатындай мықты етіп жасалған. Олардың сыртқы қамалдары берік, қабырғаларын, бұрыштарын мұнара тізбегімен бекітіп, кіретін қақпасын мықты бағаналармен биікке көтерген. Олардың ішінде әдемілеп салынған қонақ үйлер мен керуен-сарайлар бар. Бұл қалаларды кейбір зерттеушілер қазақ даласын қоныстанған тайпаларға көпсініп, оны жасаушылар ауып келген елдер деп түсінген. Бірақ бұл шындыққа келмейтін қате ойлар» деген пікір айтады ғалым (Марғұлан, 1985, 4-б.,10). Ә. Марғұлан жазуында, Қазақстан өлкесінде күрделі цивилизация, алтын-күмістен жасалған әдемі бұйымдар, әдемі көзелер, тас мүсіндер, тас жазулар, тас-тұнжырлар, таулы жер мен өзен бойын сұлулыққа бөлеген сәулетті күмбездер, тас сарайлар, шулы қалалар болған. Бірақ олар бірде көркейіп, бірде түрлі себептермен жойылып отырған Марғұлан, 2007, 4-б.,13).

Ә. Марғұлан Қазақстанның мәдениет тарихын зерттеу мәселесін ешқашанда өз назарынан тыс қалдырған емес. 1959 жылы Т. Бәсенов, М. Меңдіқұловпен бірлесе жазған Қазақстанның орта ғасырлық архитектурасының тарихы туралы «Қазақстан архитектурасы – Архитектура Казахстана» атты монографияны бастырып шығарды.

Сәулет өнерінің өзіндік үлгілері: Қожа Ахмет Иассауи, Айша бибі, Алаша хан, Сырлытам, Жошы хан, Қарахан ескерткіштері – неше ғасырлар бойы жаңбыр мен желге, күн сәулесі мен температуралық өзгерістерге сырын да, сынын да жоғалтпастан шыдаған ғимараттар, нағыз шебердің қиялынан туған, ұрпаққа мақтаныш боларлық ұлттық мұралар екенін бүгін мақтанышпен айтамыз. XII–XIII ғасырда қыпшақ заманында тұрғызылған Айболат күмбезі, Қаракеңгір өзенінің оң

жағасында Қарахан не оғыз-қыпшақ заманында X–XI ғасырдағы сахаралық сәулет өнерінің үлгісінде салынған Алаша хан күмбезі (Марғұлан, 1972, Т.1, 248-б.,14), XVIII ғасырдағы Тарақты Алтыбай батырға арнап салынған, кірпішін жүн, май араластырып илеген – Алтыбай күмбезі (Марғұлан, 1972, Т.1, 299-б.,14), Кеңгір өзені бойындағы XIX ғасырда салынған Асанқожа күмбезі, Жошы хан күмбезі, Орталық Қазақстанда Домбауыл кешені, Қаракеңгір өзені бойындағы Жансейіт күмбезі, Дүзен күмбезі (Марғұлан, 2002, 9, 481,269,251-бб.,9), Ұлытаудағы Ерден күмбезі, Ерубай күмбезі, Сарысу өзені бойындағы Жұбан-ана күмбездері туралы, қыпшақ заманынан келе жатқан көне архитектуралық ескерткіш – Аяққамыр туралы Әлкей Марғұлан еңбектерінен оқып білеміз (Марғұлан, 1972, Т.1,638 бет,14).

Осы орайда, Ә. Марғұлан 1965 жылы шыққан Қазақ КСР Жоғарғы Советі Президиумының «Қазақ ССР-інде мәдениет ескерткіштерін қорғаудың жайы туралы» қаулысын (Ведомости ВС КазССР, 1965, 22–25-бб.,15) ерекше қабылдаған. «Бұл қаулыны іс жүзінде бұлжытпай орындап отырсақ, мәдениет пен өнер ісінің саналуан сәулетті түрін көп уақыт сақтап, келесі заманға мирас етіп отыруға болады» деп жазды (Қадыров, 1966, 68-78-бб.,16).

Ә. Марғұлан археологиялық экспедициялар кезінде үнемі күнделік жазғаны белгілі. 1961 жылы жазылған күнделігінде: «Біз 6 тамыз күні кешкі сағат 6-да Кеңгірден шығып Ұлытауға тарттық. Қасымда суретші Власов бар. Жол Жыланды өзенін кесіп өтіп, Бас қағылға қарай созылып жатады екен. Сағат кешкі сегізде Жүзден тамның (Кеңгір өзені) қасынан өттік. Сағат сегіз жарымда Ерден тамынан өтіп, тоғыз жарымда Ұлытауға келдік» деп жазылған. Келесі күні, яғни, жетінші тамызда Ұлытау Кеңгір бойындағы көп қызыл үйлердің архитектурасы, олардың сақталуы, жасаған шеберлер, үйшілер туралы дерек жинайды. Теріскейдегі шеті ғана Бағаналы еліне қараған қызыл кірпіштен салған үйлердің картасы Қаракеңгірдің Сарыкеңгір басынан бастап құятын жеріне дейін мына түрде суреттелді- деп ғалым сексен үйді тізіп, кімдердің үйі болғанын атауларымен, оларды салған сәулетші-үйшілердің аты жөнін, үйлердің сол сәттегі хал-жайын суреттеп жазады.

Әлкей Марғұлан жазуында бұл үйлерді күйдірген кірпішпен өрнектеп өруші XVIII–XIX ғасырда өмір сүрген қазақ сәулетшілері: Серәлі Елеманұлы (1803–1902), Тобақабыл Тілеуқабылұлы (1824–1920), Ахмет Көтібарұлы (1819–1870), Бодық сәулетші, Данияр Кәрібаев, Әбіш Жандыбайұлы Құнанқара, Сатыбалды Қошқарұлы, Тілеубай үйші, Арыстанбек Жанабайұлы, Тайшық үйші, Бейсен Мәжікеев, Талпақ Байсарыұлы, Қойкелді Талпақұлы (1868–1940).

XIX ғасырдағы қазақтың атақты сәулетшілерінің бірі–Серәлі Елеманұлы. Ол қағазға түсірілген үлгі бойынша ғимараттар тұрғызған халық шебері. Сарысу өзенінің Кеңгірге құятын сағасындағы Жандәулеттің қызыл үйі, кірпішті ақ, қоңыр, қызыл түспен күйдіре білген Серәлі шебер үй қабырғасын ілулі кілем түріне ұқсатып нақыштаған. Ә. Марғұлан зерттеуінде, Ұлытау іргесімен ағатын Жанғабыл өзені бойындағы Төртқараның күмбезі, Қаракеңгір өзені бойындағы Дүзеннің күмбезі осы шебердің қолынан шыққан. Төртқарының, Жүзеннің, Наурызбайдың қызыл үйлерін, сәулетті күмбездерін тұрғызған, оның әкесі Еламан да XVIII ғасырда үй салуды жақсы білген. Серәлімен бірігіп, Төртқарының, Наурызбайдың қызыл үйлерін, күмбездерін тұрғызған сәулетші – Тобақабыл Тілеуқабылұлы. Тобақабыл Жыланшық, Шығырлы өзендері бойында көп қызыл үйлерді салған. Марғұлан зерттеуінде Төртқара мен Наурызбай күмбезінің ішкі қабырғасына өрнектеп сурет жасаушы (бейнелі фреска) –Ахмет Көтібарұлы. Ғалым көргенде қабырға әлі бұзылмай, ескі қалпында сақталып келген.

Сарысудың танымал сәулетшісі Бодық, Көрпебайдың, Жандәулеттің қызыл үйлерін, күмбездерін әсемдеген. Осы өңірдің атақты сәулетшілерінің бірі Данияр Кәрібаев, Аралтөбе кеншарында өмір сүрген, Тоғайбектің қызыл үйлерін, күмбездерін жасаған.

Кеңгір өзенінің оң жағасында орналасқан, XIX ғасырда тұрғызылған мазарлардың бірі – Жаманқара Тоқсан күмбезінің авторы – сәулетші Әбіш Құнанқараұлы екенін Ә. Марғұлан жазды. Сыртқы белдеулері (фриз) баскүр өрнегімен тартылған бұл күмбездің планы «крест» түрінде жасалғандықтан төрт беті бір қалыптас, қай жағынан қараса да бірдей болып көрінетін, композициялық жағынан өзге күмбездерге ұқсамайтын ерекше шығарма деп көрсетеді (Марғұлан, 2002, 205-б.,9), Сарысудың атақты сәулетшісі Әбіш Құнанқара, көрген қарттардың айтуынша (1940 ж.) «балпиған көркем кісі». Сарыкеңгірде Айранбайдың өрнектеп салған қызыл үйін, бес күмбезді кешенін әдемілеп салған, Сарысуда Рахматұлланың қызыл үйін, әдемі күмбезін сәулетті етіп көтерген. Оның салған үйлері Сарысу өзені бойында, Бетпақдалада, Шу өзенінің аяғында көп болған.

Сәулетші-үйші –Сатыбалды Қошқарұлы салған қызыл үйлер Кеңгірде, Ұлытауда, Жыланшық өзені бойындағы Басқопада сақталған, көбі бұзыла бастаған. Қара-Кеңгір бойындағы Мақат пен Қойшы-Қараның қызыл үйлерін тұрғызған да С. Қошқарұлы.

Көбік Қара-Кеңгір өзенінің бойында қызыл үйді көп салған сәулетшінің бірі–Тілеубай үйші. Ерденнің бір баласы Баймденденің, кейін оның баласы Сейілдің қызыл үйін күйдірген кірпішпен өрнектеп жасаушы. Сарысулық Арыстанбек Жанабайұлы Өтеп пен Өтеулінің үйін, күмбезін тұрғызады. Ғалымның жазуында сәулетші- үйші Тайшықтың сөрелеп жасағаны Майдам-Талдағы Бірәлінің қызыл үйі. Бұл жасаған қызыл үйлер Жыланшық өзенінің бойында бірталай көп болған. Сондықтан Тайшықты ел ерекше қадірлейтін болған. Осындай ел ауызында болған сәулетшінің бірі – Бейсен Мәжікеев, Сарыторғай мен Қараторғайда көп жұмыс істеп, аты ел аузында сақталған. Оның тұрғызған қызыл үйлері мен сәулетті күмбездері осы екі өзеннің бойында салынған.

XIX ғасырда Торғай өзені бойында Терісбұлақ атты мекенде туып, өмірінің көбін Торғай қаласында өткізген, қазақ халқының атақты, мықты сәулетшісі Байторыұлы Талпақ туралы да жазған Әлкей Хақанұлы. Ол алғашқыда Торғай қаласын жасауға қатынасып, онда бірнеше үйлер, моншалар тұрғызған, Ы. Алтынсарин мектебінің сәулетшісі. Оның қолымен тұрғызылған қызыл үйлер, күмбездер Торғай, Жалдама, Қабырға, Терісбұтақ, Жыланшық өзендерінің бойында. Тосынның құмында өте көп болған. Түгел, Бегімбет, Алтыбай, Жездібай, Бекбау және Берденнің қызыл үйлері секілді кейбіреулері кейінгі уақытқа дейін сақталған. Марғұланның жазуынша, Байторыұлы Талпақ жасаған сәулет өнерінің ең көрнектісі – Досан қопасындағы Қызыл мешіт пен Терісбұтақтағы көп күмбезді Бердікей мешіті. Көптеген үйлерді баласы Қойгелдімен бірлесіп жасаған. Әке мұрасын ілгері дамытқан Қойгелді жаз бойы Сарыиін бойынан қаймақтас (слюда) жинап, қызыл үйлердің есік, терезесін осы қаймақтаспен нақыштаған (Энциклопедия, 1973, 96-б.,17).

Талпақтың баласы Қойкелді сәулетші де әкесіне тартқан мықты сәулетші, Торғай қаласында туып өскен. Әкесі мен екеуі қосылып Жыланшықтың бір саласы Дулығалы өзенінің бойында бір үлкен мұнаралы мешіт тұрғызады. Оның архитектруалық формасы өзге мұсылман мешіттеріне ұқсамайды, ел бас қосатын, көп кісі жиылатын бір орын сияқты. Оны көп жыл Амангелді Иманов тұрақ етіп тұрған. Мешіттің қасынан, өзенге таяу жерде бір үлкен медіресе құрған, балалардың өзі, мұғалімі тұратын үйі жасалған. Онда кемінен жүзден аса бала оқитын болған.

Сарысудың төменгі жағы – Жетіқоңыр, Шудың аяқ кезіндегі, Ұлытау төңірегіндегі, екі Кеңгір бойындағы толып жатқан сұлу күмбездердің барлығын салған бір ғана Бағаналы шеберлері. Қазақстанның өзге жерлерінде мұндай сәулет өнері жоқ деп көрсетеді ғалым. Марғұлан тілімен айтсақ, «Халықтың искусствосына ірге болатын сәулет өнерінің белгілері бір ғана осы Ұлытау төңірегінде бар. Бұл сәулет өнері».

Ә.Х. Марғұлан тұрақты қоныс жайлар мәселесімен арнайы айналыспаса да, өзінің археологиялық зерттеулері негізінде көне дәуірдің архитектуралық құрылысының тарихы жайлы жазған еңбектерінде тұрақты қоныс-жайлар туралы сөз етіп, ғылыми дәлелдер келтіргенде, халқымыздың дәстүрлі тұрғын үй жайларын салыстырып отырғанын атап көрсету керек. Ғұлама ғалым әсіресе, мерзім жағынан тым алшақ жатқан екі дәуірде (б.з.б. II–I мыңжылдық – б.з. XV–XIX ғғ.) өмір сүрген Қазақстан тұрғындарының арасындағы тұрғын-жай салудағы ұқсастықтың болғанын көрсетеді.

Әдебиет:

Маргулан А.Х., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана //Коллективная монография. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1959. – 172 б.

Марғұлан Ә.Х. Шығармалар жинағы. – Алматы: Алатау, 2010. Т.8. – 250 б.+ илл.; Марғұлан Ә.Х. Шығармалары. Құрастырған Д.Ә.Марғұлан, Д.А. Марғұлан – Алматы: «Алматы Болашақ» баспасы, 2011. – Т. 9. – 472 б.

Древняя культура Центрального Казахстана // Под ред. Маргулана А.Х. [АН КазССР. Институт истории, археологии и этнографии им.Ч.Ч. Валиханова]. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с. С илл.

Марғұлан Ә.Х. Қазақ халқының сәулет өнері. /Білім және еңбек. -1964. -№ 5. 8-10 б.

Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1950. – 122 б.

Маргулан А. Казахская юрта и ее убранство. – М.:Наука, 1964. - 13 б.

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников: феномен истории и культуры Евразии. – Алматы: Ғылым, 2002. – 654 с.

Марғұлан Ә. Ежелгі жыр аңыздар. – Алматы: Жазушы, 1985. –368 б.

Қазақ өнері. Энциклопедия. – Алматы: Білік, 2002. – 195–209-бб.

Марғұлан Ә.Х. Эпос тудырған ортаның мәдениетке қосқан үлесі // Ежелгі жыр аңыздар. – Алматы: Жазушы, 1985. – 5–62-бб.

Марғұлан Ә.Х. Қазақ халқының эпикалық әңгімелері (миф, легенда, ертегі-жыр, аңызды әңгімелер) туралы тарихи-әдебиеттік зерттеулер: Ф.ғ.д. дисс. – Алма-Ата–Москва, 1945 // Академик Ә.Х. Марғұланның жеке архиві. (Микрофильм). – 300 кадр.

Байпақов К. Қазақстанның ежелгі қалалары. – Алматы: «Аруна Ltd», 2005. – 309 б.

Марғұлан Ә.Х. Шығармалар жинағы. – Алматы: Алатау, 2007. – Т. 2. – 432 б.

Қазақ совет энциклопедиясы. –Алматы: Қазақ Совет энциклопедиясының бас редакциясы, 1972. – Т.1. – 648 с.

Ведомости Верховного Совета КазССР. 1965. – С. 22–25.

Қадыров М., Нұрмұқамбетов Б. Ертедегі Орталық Қазақстан тайпаларының мәдениеті мен өнері // Ежелгі мәдениет куәлары. – Алматы: Қазақстан, 1966. – 68–78-бб.

Қазақ совет энциклопедиясы. – Алматы: Қазақ Совет энциклопедиясының бас редакциясы, 1973. –Т.2. – 640 б.

Резюме

М.А. Хамитова

Исследования А.Маргулана об истории архитектуры и о народных зодчих.

Статья посвящена исследованиям академика А.Х.Маргулана по истории архитектуры, городов и строительного искусства древнего Казахстана, а также мастерах-народных зодчих.

Summary

M.A. Khamitova

Studies A. Margulan on the history of architecture and the people's architects

The article is devoted to the researches of academician A.Kh.Margulan on the history of architecture, cities and building art of ancient Kazakhstan, as well as masters-folk architects.

Харламов П. В.
Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия.

УДК 903 (с 17)

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ СТЕПЕЙ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В IX-XIV ВВ.[23].

Ключевые слова: поздние кочевники, шлемы, защитное вооружение.
Keywords: late nomads, helmets, protective arms.

Оружие в погребениях кочевников эпохи средневековья является наиболее значимым материалом, так как по нему можно судить о развитости всей военной инфраструктуры отдельных кочевых обществ. Одним из редких предметов вооружения кочевников IX-XIV вв. в степях Волго-Уралья, является воинский доспех. Подобный тип вооружения не только играл важную роль в защите тела, но и являлся своеобразным показателем развития всего военного дела (Измайлов, 1997, с. 111).

Перечень защитного вооружения кочевников IX-XIV вв. включал: кольчуги и пластинчатые панцири для защиты корпуса воина, шлемы для защиты головы, поножи и наколенники для защиты ног, щиты для защиты от ударов противника и стрел.

Воинский доспех считается наиболее дорогим и тщательно оберегаемым типом вооружения. Иногда в могилу клали отдельные пластины, символизирующие целый панцирь (Кригер, 2012, с. 29). Наличие комплексов защиты тела является ярким признаком элитных погребений (Бисембаев, 2010, с. 85).

В конце XIX – начале XX вв. в процессе хозяйственного освоения и предумышленного разграбления погребальных памятников кочевников степных районов Волго-Уралья, нередко встречались находки защитного вооружения. По сведениям В.А. Иванова и Г.Н. Гарустовича было обнаружено больше 15 таких местонахождений, с защитным вооружением (Гарустович, Иванов, 2014, с. 17-32; Гарустович и др. 1998, с. 75).

Основным источником данной работы являются 22 экземпляра воинских доспехов. Всего нами зафиксировано 11 случаев нахождения кольчуг, среди которых имеются экземпляры из погребальных комплексов и случайных находок. В 11 погребениях обнаружены, пластинчатые доспехи, либо их фрагменты. Некоторые комплексы сопровождались защитой ног – наколенниками и поножами.

Кольчуга – вид оборонительного доспеха изготовленного из железных колец. Кольчуги из степей Волго-Уралья имели обычный вид плетения, одно кольцо держит четыре кольца, два кольца верхнего и два кольца нижнего. В сечении кольца, как правило, овальные. Подобный тип плетения прослежен по сохранившимся материалам из курганных могильников: Шумаево II, курган 7, погребение 5; Новоорский северная группа, курган 1, погребение 1; погребение у г. Энгельс; мавзолей у д. Бахтиярово; Житимакский курган 1, погребение 1; (Матюшко, 2008, с. 144; Заседателева, 1988, с.15; Коровин, 2011, с. 181; Ким, 1993, с. 177; Мажитов, 1981, с. 134; Гарустович, Иванов, 2014, с. 32).

Таким образом, из имеющихся по нашим сведениям 11 кольчуг, четкие данные прослеживаются только по 5 экземплярам. Рассмотренные кольчуги изготавливались из круглой в сечении проволоки, диаметр колец варьировался от 0,6 до 1,2 см. Фрагменты кольчуги из мавзолея у д. Бахтиярово изредка скреплялись медными колечками. По видимому, они соединяли поврежденные секции кольчуги, так же подобные кольца могли придавать доспеху декоративный и парадный эффект (Ким, 1993, с. 177).

Внешний вид кольчуг из погребальных комплексов кочевников малоинформативен. Вызвано это тем, что значительная часть обнаружена в обрывках, либо в сложенном виде, и сильно коррозирована. По конструктивным особенностям кольчуги использовавшиеся кочевниками степной зоны Волго-Уралья, мало отличались от аналогов в Европейской части России. Кольчуга представляла собой железную рубаху с короткими рукавами до локтей, подол рубахи доходил чуть

[23] Работа выполнена и опубликована при поддержке Задания №33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.

ниже таза. Подобный крой становится основным у кочевников в эпоху средневековья, незначительно только изменяются длина рукава, подола и оформление воротника.

В погребениях кочевников кольчугу помещали в специально вырытых нишах, либо просто сложенной возле головы (курганный могильник Шумаевский II курган 7 погребение 5). Также встречаются погребения, где кольчуга были надета на погребенного. Основная же масса материала, это фрагменты кольчуг из потревоженных и разграбленных погребений.

В четырех погребениях вместе с кольчугами были обнаружены шлемы. Один из шлемов был надет на голову погребенного (погребение у г. Энгельс), три других обнаружены в обломках и установить их местоположение в могиле не является возможным (мавзолей у д. Бахтиярово, погребение 2, курганные могильники: Орл-Оба, Житимакский курган 1 погребение 1).

Кольчуга – это дорогостоящий вид защитного вооружения, для качественного изготовления которого необходимы высокие трудовые затраты, особые навыки и терпение мастера. Например, для изготовления одной кольчуги в среднем требовалось около 600 м проволоки и не менее 20 000 колец (Кирпичников, 1971, с. 12). Кольчуга – это ремесленное изделие, требующее стационарного места работы. Из всего вышесказанного можно предположить, что все имеющиеся известные кольчуги средневековых кочевников, это импорт из средневековых государств Восточной Европы и Центральной Азии. Крой и внешний вид кольчуги в виде длинной рубахи, доходящей до бедер, с короткими рукавами и разрезным воротом, мало чем отличался от аналогичных доспехов других регионов Евразии.

Пластинчатый панцирь – вид защитного вооружения, предназначенный для защиты тела-корпуса воина состоящий из металлических или кожаных пластин, скрепленных между собой (Измайлов, 1997, с. 114).

На рассматриваемой территории было выявлено 11 погребений эпохи средневековья, содержащих пластинчатые панцири. Из них в 6 погребениях панцири зафиксированы in situ, 3 погребения плохой сохранности не позволяют восстановить их первоначальное положение и 2 погребения содержали фрагменты пластин, символизирующих "целый" доспех.

Большинство пластинчатых доспехов относятся к ламеллярному типу, по способу крепления пластин. Крепление производилось через систему сквозных отверстий в пластинах, и соединялись между собой при помощи кожаных и волосяных шнуров, в одном случае железными кольцами. Все пластины изготовлены из железа и различаются между собой внешними формами, размерами и количеством крепежных отверстий.

Доспех из могильника Лебедевка II (Одиночный курган) имел несколько иную конструкцию сбора пластин. Панцирь, надетый на погребенного воина, состоял из металлических пластин, накладывавшихся ступенчато одна на другую. Пластины крепились железными заклепками посередине и на концах. В нижней части панциря пластины скреплялись между собой с помощью отверстий. По всей видимости, на неподвижных участках панциря пластины крепились ступенчато на кожаную или войлочную основу с помощью железных заклепок, а на подвижных участках использовался ламеллярный способ крепления (Кригер, 2012, с. 29-30, 185).

Фрагменты пластин из погребения 1 кургана 23 могильника Бахтияровка, имеют прямоугольную форму с округленным основанием, некоторые со следами позолоты. В каждой пластине имелось по три отверстия – два по краям и одно в центре. Сохранившиеся полосы из пластин были нашиты на матерчатую основу шириной 3 см, соседние ряды пластин крепились встык друг к другу. Система крепления данного панциря имела, по всей видимости, ламинарный способ (Мыськов, 2015, с. 157-158).

Пластинчатые панцири IX-XIV вв., судя по расположению в погребениях, имели вид длинной рубахи доходящей до середины бедер с короткими рукавами. Панцири из Бек-Бике-Джангала, Озерное III, курган 3, и Лебедевка II (Одиночный курган) были использованы в работах В.А. Горелика. Проведенная им реконструкция позволяет наглядно отобразить доспех и его крой (Горелик, 2002, с. 69, 70, 80).

По определению В.В. Горбунова выделяется четыре вида кроя ламеллярных панцирей. В степях Волго-Уралья прослежено два из них "катафракта" и "халат" (Горбунов, 2003, с. 57-59).

«Катафракта» – вид панциря, состоящий из нагрудника, наспинника и подола, включающий в себя два прямоугольника, набранных из пластин. Рукава и наплечники состояли также из пластин. Рукава, как правило, доходили до локтей, наплечья крепились по принципу «погон» тонкими ремешками. К подобному крою можно отнести 3 экземпляра, известных по памятникам: Чалкар III курган 12, Лебедевский группа II (Одиночный курган), Озерновский III курган 3.

«Халат» – панцирь скроен из одной части со сплошным вертикальным разрезом спереди и разрезом от крестца до края подола сзади. Длина подола доходила до середины бедер. Рукава не прослежены, наплечники состояли из трех массивных пластин на каждое плечо, заходящих краями друг на друга и скреплявшихся между собой при помощи отверстий и ремешков. Известен 1 экземпляр из урочища Бек-Бике Джангала. Грудь и спину защищали пластины, соединенные между собой в вертикальном положении.

Имеющиеся образцы пластинчатых панцирей находят свои аналогии в памятниках Сибири и Центральной Азии. Изображения пластинчатых панцирей встречаются в различных иранских и китайских миниатюрах XIV вв. Панцири типа «катафракта» и «халат» имеют аналогии в реконструкциях В.В. Горбунова, сделанных им с тюркских наскальных рисунков и вещественных остатков панцирей VIII-XIV вв. (Горбунов, 2003, с. 167-171).

Количество экземпляров, обнаруженных в степях Волго-Уралья, не позволяет проследить эволюцию распространения пластинчатых панцирей на протяжении IX-XIV вв. Но помимо этого отдельные типы панцирей могли бытовать на протяжении всего рассматриваемого периода.

Панцири из мягких материалов. Очевидно, менее обеспеченные слои кочевого населения могли использовать кожаное или войлочное защитное вооружение. О наличии подобного вооружения свидетельствуют лишь письменные источники, пока археологические не могут дать подобный материал. Во время путешествия по Монгольской империи Плано Карпини подробно описал мягкие доспехи. Судя по тексту, монгольский кожаный панцирь состоял из четырех частей: нагрудника, наспинника, набедренников, и наплечников, соединенных железными креплениями. (Плано Карпини, 2008, с. 261). О широком распространении кожаных доспехов свидетельствуют сообщения различных западноевропейских хронистов и путешественников. Так, Вильгельм де Рубрук писал о вооруженных «татарах» одетых в выгнутые твердые рубахи, изготовленные из кожи. (Вильгельм де Рубрук, 1911, с. 169). Арабские, армянские, грузинские, западноевропейские и древнерусские письменные источники сообщают о массовом применении кочевниками защитного вооружения, изготовленного из кожи (Кулешов, 2010, с. 78-79).

Из сопредельных территорий известен лишь один сохранившейся экземпляр, обнаруженный на территории Волжской Булгарии. Сохранившаяся часть панциря состояла из шести прямоугольных кожаных пластин с округленным краем (размеры 13,5×9 см), толщиной 2 мм. Пластины скреплялись между собой внахлест и затем плотно сшивались (Измайлов, 1997, с. 114).

Кроме корпусной защиты, изготовленной из кожи, по всей видимости, имелась войлочная стеганая защита тела. Об этом свидетельствуют половецко-кыпчакские каменные изваяния. Судя по изображениям, верхняя одежда представляла собой покрой в виде халата с короткими рукавами и подолом, опускавшийся до колен. В области груди данный халат прижимался портупеей с нагрудными бляхами. В тазовой области находился поясной набор, на котором были прикреплены различные типы оружия – лук, помещенный в налучье, колчан, клинковое вооружение. По мнению Т.Д. Равдоникас – стеганая одежда достаточно долгое время служила доспехом и имела широкое распространение в неразвитых металлургических областях Европы и Азии. С развитием металлургии стеганый доспех превратился в мягкий нижний панцирь, который одевался под металлическую броню (Равдоникас, 1978, с. 181). Защитное вооружение из мягких материалов продолжало применяться кочевниками Восточной Европы и Центральной Азии вплоть до Нового времени.

Для удобства во время движения и во избежание скольжения доспеха на теле, панцири и кольчуги прижимались нагрудными бляхами и системой портупейных ремней. В степях Волго-Уралья выявлено 4 нагрудных бляхи, все из одиночного кургана Лебедевка II. Бляхи изготовлены из серебра и покрыты золотой фольгой. Диаметр больших блях до 10,5 см, малых блях до 5,5 см. По всей видимости, бляхи с портупейным набором имели способ крепления, аналогичный изображениям на половецких статуях, и располагаются следующим образом: от блях ремни идут через плечи и подмышки, бляхи крепились на вертикальных ремнях и соединялись между собой горизонтальным ремнем. За спиною они перекрещивались под лопатками и соединялись внизу между собой.

В погребениях пластинчатые панцири и кольчуги чаще всего сочетаются с конской упряжью, стрелами, колчанами, костяными накладками на лук, клинковым вооружением и наконечниками копий.

Исследованные образцы воинских доспехов, по всей видимости, могут относиться к импортной продукции, полученной в ходе экономических связей с развитыми ремесленными центрами. Это подтверждается разнотипностью имеющихся образцов, различающихся традициями изготовления. Данный регион располагался на торговых магистралях, проходивших через степи Поволжья на Мангышлак и Устюрт, контроль над которыми приносил дополнительный доход

кочевым объединениям. Кочевники этой территории активно участвовали в торгово-денежном и меновом обращении между государствами Средней Азии и Восточной Европы (Бисембаев, 2010, с. 91; Круглов, 2001, с. 129). Вероятность возникновения городских или ремесленных центров в Заволжье и Приуралье, где могли изготавливаться различные виды защитного вооружения в IX-XI вв., по всей видимости, исключается, ввиду нахождения кочевников на первых двух стадиях кочевания, от которых остаются разрозненные впускные погребения, либо одиночные или небольшие курганные группы (Иванов, 2001, с. 129). В начальный период становления Золотоордынского государства наблюдаются поставки вооружения из Ирана, мамлюкского Египта, позднее с налаживанием торговых связей из итальянских купеческих факторий Крыма, часть оружия поступала из территорий и государственных образований, включенных в состав улуса Джучи, где было развито железоделательное и оружейное производство: Хорезм, государства Кавказа и Закавказья, Волжской Булгарии, русских княжеств и др. (Кулешов, 2010, с. 930). В конце XIII – начале XIV вв. с образованием золотоордынских городов в Нижнем Поволжье и в металлургических центрах Южного Урала создается свое металлургическое производство и, по всей видимости, оружейные мастерские, что подтверждается находками кричного железа, шлаками, доменных печей и орудиями труда, связанными с кузнечным делом (Рязанов, электр. ресурс; Недашковский, 2016, 561-562).

Таким образом, в средневековых кочевнических погребениях IX-XIV вв. защитное вооружение встречается достаточно редко. Обусловлено это дороговизной и сложностью производства. Как правило, в случае смерти собственника оружие передавалось по наследству. Лишь в исключительных случаях дорогое оружие могло помещаться в могилу вместе с погребенным воином-кочевником, символизируя его статусное происхождение (Селезнев, 2011, с. 258). Находки в небольшом количестве целых доспехов, отдельных пластин и фрагментов кольчуг говорят о наличии тяжелой панцирной конницы, облаченной в полный комплекс защитного вооружения.

Литература:

Артамонов М.И. История хазар. – Ленинград: Наука, 1962. – 523 с.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. – Актобе: Изд-во ИП С.Т. Жанадилова, 2010. – 248 с.

Вильгельм де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. – Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1911. – 231 с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии степных кочевников Южного Урала (IX-XIV вв. н.э.). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 328 с.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX - начала XV века). – Уфа: Изд-во «Гилем», 1998. – 336 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2003. – 174 с.

Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. – М: Изд-во Восточный горизонт, 2002. – 82 с.

Джованни дель Плано Карпини. История монголов. – Москва: Изд-во Алгоритм, 2008. – 336 с.

Заседателева С.Н. Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1988 г. Архив ИА РАН. Р-1. №13345

Иванов В.А. Отчет о работе археологической экспедиции 1985 г. Архив ИА РАН.

Иванов В.А. Этносоциально-политические причины отсутствия городов на Южном Урале в эпоху средневековья. Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь: Изд-во ПГГПУ. – Вып. 1-2. – 2001. – С. 129-130.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X- начала XIII вв. – Казань - Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. – 212 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск третий. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв. – Ленинград: Наука, 1971. – 292 с.

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа, 1984. – С. 102-117.

Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X-XIV вв.). – Уральск: Изд-во ОФ "Евразийский союз ученых", 2012. – 200 с.

Коровин Д.С. Снаряжение всадника из погребения около города Энгельса в Саратовском Заволжье. Военная археология. Сборник материалов Проблемного Совета "Военная археология" при Государственном Историческом музее. – Москва: Изд-во "Русская панорама", 2011. – С. 179-189.

Круглов Е.В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX- 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. – Донецк: Изд-во Донецкого национального университета. – Т. 2. – 2001. – С. 235-243.

Кулешов Ю. А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружений. Золотоордынская цивилизация. – Казань: Изд-во Фэн, 2010. – С. 73-97.

Недашковский Л.Ф. Земледелие, скотоводство, промыслы и ремесло // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 551-578

Матюшко И.В. Захоронение забальзамированного воина XIII – XIV вв. на левобережье Иртека. Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. – Донецк: Изд-во Донецкого национального университета, – Т. 6. – 2008. – С. 141-156

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой орды. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. – 484 с.

Равдоникас Т.Д. **Одна из функций стеганой одежды народов Средней Азии //** Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сборник Музея Антропологии и этнографии. – **Ленинград: Наука,** – Вып. 34. – **1978. – С. 175-181**

Рязанов С.В. Чугунолитейное производство в европейской части Золотой Орды. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/chugunoliteinoe-proizvodstvo-v-evropeiskoi-chasti-zolotoi-ordy;

Селезнев Ю.В. Признаки принадлежности к элите Джучиева улуса в вещевой атрибутике // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Астрахань, 2011. – С. 257-260.

Summary

Armour of the nomads of the steppes of the Volga-Ural steppes in the IX-XIV centuries

In article the protective arms of late nomads are considered. The analyzed military armor is found during archeological excavations in the nomadic burials of the Volga-Ural region. The greatest attention in the work is paid to protection of the body. Types of the armor used by nomads of the Volga-Ural steppes in the IX-XIVth centuries are considered.

Резюме

Защитное вооружение кочевников степей Волго-Уралья в IX-XIV вв.

В статье рассматривается защитное вооружение поздних кочевников. Анализируемые воинские доспехи обнаружены в кочевнических погребениях Волго-Уралья. Наибольшее внимание в работе уделено защите корпуса. Рассмотрены типы доспехов, использовавшихся кочевниками в степях Волго-Уралья в IX - XIV вв.

ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ДӘСТҮРЛІ ҚОҒАМДАРДЫҢ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРІ
ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ

Донина Л.Н.
Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан
г. Казань (Россия)

УДК 745/749 904

ТЕХНОЛОГИЯ И ОРНАМЕНТАЦИЯ ТАТАРСКИХ ЧЕКАННЫХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ: ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Ключевые слова: Золотая Орда, каллиграфический орнамент, мотив птицы, растительный побег, чеканка насечкой
Keywords: Golden Horde, calligraphic ornament, bird motif, vegetative shoot, notching method.

Источниковую основу публикации составляет электронная база изделий из художественного металла, фотофиксация которых была начата в рамках исследовательского проекта 2013-2014 гг. «Ювелирные украшения тюркских народов Евразии: общее и особенное» (РФФИ № 13-06-97056). Особое внимание в последние годы было уделено изучению ювелирных технологических традиций казанских татар и других народов Евразии в фондах и особых кладовых крупнейших российских музеев. В фондах Национального музея Республики Татарстан была осуществлена макросъемка, замеры параметров и систематизация ювелирных украшений.

Исследование носит междисциплинарный этно-археологический характер, что «позволяет решать проблемы генезиса народной культуры разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения проблем» (Томилов, 1999, с. 25). Ретроспективный этно-археологический анализ ювелирных изделий, благодаря богатству их информационного поля (технико-технологические параметры, формально-морфологические признаки, орнаментальные знаки и символы), делают их фундаментальным источником в познании этапов развития традиционного искусства, тесно связанного с этнокультурной историей народа.

В ювелирной традиции татар Казанского Поволжья XVIII–XIX вв., высокое развитие получила чеканка, которая имела специфические особенности. На основании профиля следа, оставляемого инструментом, мы характеризуем её как *чеканка способом насечки*. Она напоминает разметку в виде линий на заготовке, обозначающую рисунок для последующего формирования рельефа и нередко ошибочно трактуется как гравировка, поскольку визуально от неё не отличается.

Чеканкой преимущественно орнаментировались бляхи, которые нашивались на матерчатые украшения (перевязи, нагрудники) или входили в состав ювелирных украшений в качестве подвесок, а также коранницы. Общепринятое называние метода изготовления такого вида изделий – плоскорельефная чеканка. По сути, настоящего рельефа и тем более моделировки его уровней предметы не имеют. Фон не опускался, а лишь зернился и тем самым слегка осаживался, для чего применялись так называемые зернильники – чеканы-трубочки маленького диаметра, оставляющие на металле след в виде кружка или полусферического бугорка. Элементы орнамента сохраняли чистую полированную поверхность металлической пластины и слегка оживлялись «ямочками» или «зёрнами», в зависимости от бойка чекана. Эти важные технические детали не только характеризуют технологические приёмы, но и дают представление о ремесленной традиции, связывающей разные изделия в общий круг. Контраст гладкой плоскости рельефа и фактурного фона является художественной особенностью татарских чеканных изделий, а метод чеканки способом насечки – устойчивым маркером татарской ювелирной традиции (Рис. 1, 2, 3, 4).

М. Г. Крамаровский считает, что украшения с «орнаментом, оставленном резервом на фоне, заполненном маленькими кружками пуансона, широко распространились на просторах Евразии с монголами <…> отдельные особенности формы и декора были разработаны на два-три века раньше китайскими мастерами для знати империй Ляо и Цзинь, основанных кочевниками и владевших Северным Китаем» (Крамаровский, 2002, с. 54). Способ заполнения фона мелкими кружочками

соотносится с оформлением согдийского художественного металла VIII–XI вв. (Даркевич, 2010, с. 72). Подобный приём характерен для византийских серебряных чаш XII века (Даркевич, 1975, с. 102, 180). Близкие аналогии находим в золотоордынских материалах XIII–XIV вв. (Фёдоров-Давыдов, 1976, с. 174, 175). Чеканка насечкой прослеживается в ювелирном искусстве XIX века у казахов (Маргулан, 1994, с. 198, 199; Сычёва, 1983, с. 155) и башкир (Шитова, 1995, с. 128–131).

Композиция орнамента на изделиях татарских мастеров, независимо от формы украшаемой поверхности, придерживалась определённых принципов построения. Центром служил каллиграфический текст на основе арабской графики, расположенный на двух-трёх регистрах (Донина, 2017, с. 216) или мотив «древа жизни». Он окружался бордюрной композицией – однотипным геометризированным растительным побегом типа пальметты, волнообразное движение которого ограничивалось с обеих сторон гладкими ободками.

Анализ артефактов позволяет сделать вывод, что технико-технологические особенности и мотивы орнаментации татарской чеканки сформировались на основе совокупности технических приёмов и эстетических предпочтений, характерных для совершенно особой золотоордынской синкретической культуры, возникшей на основе смешения кочевнических и оседлых черт, вобравшей и переработавшей для себя культурные достижения разных народов.

Генезис технологий и мотивов орнаментации в ювелирном искусстве татар закономерен. Современные татары Поволжья и Приуралья в качестве единого народа начали формироваться в XIII–XV веков в результате постепенного смешения и слияния мусульманизированных ещё в X веке тюркоязычных булгар с более многочисленными кыпчако-огузскими племенами. В XIII–XIV вв. происходил процесс формирования единого тюрко-татарского населения Золотой Орды, складывалась основа нового этноса – тюрко-татарского народа империи (Усманов, 2000, с. 34, 42). В XVI веке в основных чертах вызрел этап сложения тюркоязычных этносов Урало-Волжского региона, приведший к выделению башкир и татар Поволжья и Приуралья (Халиков 1978, с. 92, 93). В основе формирования традиционной культуры казанских татар лежат тюркские, тюрко-монгольские и тюрко-мусульманские традиции.

Так, комплекс «технология-орнамент» обнаруживает устойчивые связи с серией золотоордынского серебра, образующей целостную группу вещей, связанных между собой признаками материала, техники, декора и стиля при известном разнообразии форм. М.Г. Крамаровским изделия отнесены к короткому промежутку времени – среднеордынскому периоду (конец XIII – начало XIV вв.). Чаши, ковши и кубки отражают характер новой для Дешт-и Кыпчак городской культуры: изготовлены на заказ или для свободной продажи торевтами, обслуживающими городские рынки, и ориентированы на вкусы заказчика, живущего, прежде всего, в исламских кварталах золотоордынских городов (Крамаровский, 2000, с. 73, 145). В силу объективных обстоятельств, чеканные бляхи – изделия ювелирного искусства, мы сравниваем с золотоордынской посудой, поэтому наблюдаем закономерные отличия в композиции орнамента и трактовке мотивов.

Золотоордынские памятники среднеордынского периода в основном орнаментированы бордюром из растительного побега с условными листьями или эпиграфики на зерневом фоне. Стилистика побега заметно отличается, что говорит о производстве изделий в разных ювелирных центрах. Однако, технологические особенности чеканки, являющиеся общим знаменателем, объединяют их в рамки стиля золотоордынского серебра, в котором нет «ни арабского орнамента, характерного для исламских бронз XII–XIII в., ни стилизации на грани арабеска, присущей декору серебряных чаш Ближнего Востока и Византии этого же времени… В Китае сходная трактовка растительного орнамента получает распространение с VII–VIII вв., а в познетанское время находит продолжение в искусстве кочевых народов, живущих севернее великой китайской стены» (Крамаровский, 2000, с. 177).

Заимствование образов, выработанных профессиональным искусством высоких цивилизаций, а также их переосмысление и трактовка в соответствии с особенностями своего мировоззрения, художественно-пространственного восприятия и технологии исполнения, рассматривается исследователями как проявление общей закономерности развития искусства кочевников (Вайнштейн, 1988, с. 49). Так, изысканный стиль, в котором сочетаются растительный орнамент, каллиграфия и фигурные изображения, созданный к XIII веку мастерами Масула, в руках тюрко-монгольских торевтов получил особую эстетику (Вейнмарн, 1968).

Понять механизм формирования декоративно-орнаментального стиля золотоордынского художественного металла невозможно вне контекста раннесредневекового евразийского стиля, получившего название «степного орнаментализма». Важно учесть, что Джучиев Улус, являясь монгольским лишь по происхождению правящей династии, а также определённой части

аристократического сословия, с самого начала своего существования складывался, был и оставался тюркским государством по основному его населению (Усманов 2000, с. 33). С VIII века фиксируется массовое использование во всей Великой Степи и за ее пределами орнаментированных изделий, где преобладающим становится растительный декор. Традиционное мировоззрение тюрков было основой популярности растительного кода декоративного искусства, принятого тюркскими племенами в качестве идеального зрительного выражения некоторых мировоззренческих взглядов и элементов устной мифологической и эпической традиции (Фёдоров-Давыдов, 1976; Король, 2008; Фонякова, 2010). Отличие нового периода (примерно с VII–VIII веков) заключается в полной победе в прикладном искусстве собственно орнаментального начала (Фёдоров-Давыдов, 1976, с. 61).

Декоративный стиль, достигший своего расцвета к концу I тыс. н.э. – художественное явление определенной исторической эпохи. Суть его состоит в использовании в качестве основного средства выразительности растительной орнаментации, имеющей тенденцию к геометризации, и подчинении ей других видов декора. Так, сложная многолепестковая пальметта, трёхчастная пальметта, полупальметта были популярны на всей территории Евразии, однако варьировались в деталях. Согласно убеждению Г.Г. Король, в каждом регионе происходил довольно жесткий отбор определенных чужеземных прототипов орнаментальных мотивов, постепенная их переработка и появление местных вариантов, понимавшихся уже по-новому. Единство культуры евразийских степей, в том числе, «сходная стилистика декора подразумевает региональные особенности в пределах крупных государственных образований (Хазарский каганат, Волжская Болгария, Древняя Русь в Восточной Европе, Кыргызский каганат, кимако-кыпчакское этнополитическое объединение в Саяно-Алтае), отражающие этнокультурные традиции населения и направление связей с окружающим миром» (Король 2008, с. 9–11, 16).

Как было отмечено выше, основным мотивом орнаментации золотоордынских изделий является *«растительный побег»*. Его первичные формы встречаются на античных образцах. Он известен в монументальных памятниках и на предметах прикладного искусства стран ислама (Herzfeld. 1923; Вейнмарн 2002, ил. 138; Путешествие 2016, с. 60–61, 110), в архитектурном убранстве зданий Средней Азии (Денике, 1939; Ремпель 1978, рис. 56), на среднеазиатском серебре VIII–XIII веков (Даркевич 2010, с. 76). Набор всевозможных пальметт и полупальметт был чрезвычайно разнообразен и в средневосточных образцах с сасанидского времени.

«Растительный побег» (виноградная лоза) получил широчайшее распространение во всех видах декоративно-прикладного искусства казанских татар: резьба по камню, торевтика, кожаная мозаика, вышивка золотом и тамбуром (Валеев, 2002) и заметно отличается трактовкой, что обусловлено периодом появления вида искусства в традиционной культуре, его технологическими особенностями, истоками и влияниями. Одним из факторов, несомненно, повлиявших на формирование характерного стиля татарской чеканки, оказал импорт художественного серебра из Мосула, Сирии, Египта в Волжскую Булгарию (Руденко 2015), где в 922 году был официально принят ислам. «Ведущая тенденция, определявшая импорт художественного серебра, золота, бронзы… заключалась в переносе центра тяжести… на орнаментальный, чаще всего растительный… знак и на каллиграфически начертанное слово» (Червонная 1987, с. 128). К сожалению, зафиксировать этапы формирования устойчивого комплекса мотивов в торевтике татар на данном этапе не представляется возможным.

Относительно последовательное развитие мотива позволяют проследить только мусульманские надгробия, которых много сохранилось на территории Татарстана. Памятники XIV–XVIII веков свидетельствуют о высокой культуре художественной обработки камня (Валеев, 2002, с. 10; 130, табл. 3; 132, табл. 5; 133, табл. 6; с. 197, 198. прил. XXII, XXIII), наиболее близкие аналогии искомой трактовке находим в начале XIV в. (Валеева-Сулейманова, 1990, с. 40, 42; Из истории, 1976, с. 67). Заметим, что растительный побег на камнях XV–XVII вв., выполненный в характерной для татар технике плоскорельефной резьбы, занимает аналогичное положение в композиционной схеме, что и на бляхах: исполняет роль бордюра, окружающего текст, расположенный на регистрах (Валеев 2002, с. 10–11, рис. 1, 2; 29, рис. 22).

Парадоксальное на первый взгляд сходство наблюдаем в принципе стилизации мотивов в чеканке и в кожаной мозаике. Определяющим является не столько фактор непрерывности древних традиций, сколько определённая схожесть в технологических принципах: во-первых, хода инструмента предопределяет непрерывность и плавность линий, во-вторых, стороны двух соседних элементов в орнаменте объединяются общую линию.

Иконография пальметовидного побега на татарских чеканных бляхах и золотоордынской торевтике абсолютных подобий его трактовки не показала: сходство наблюдается лишь в выборе

мотива и технологии. На татарских изделиях было выявлено несколько вариантов мотива, отличающихся от опуликованных ранее (Валеев, 2002, с. 47, рис. 38). Вариативность основана на степени упрощения: мастер оставлял несколько линий, в которых визуально мотив безошибочно угадывался. Это говорит о локальном центре производства изделий в течение длительного времени, когда мотивы приобретают качества, характерные для народного искусства. Аналогичная ситуация прослеживается в трансформации львиных личин на известных пластинчатых браслетах (Калинин, 1946).

Понимание эстетики памятников материальной татарской традиционной культуры, выявление скрытого смысла их содержания не может быть вне контекста принципов мусульманского искусства. Так, в практике исламского искусства понятие пластичности всегда было связано не с моделированием объёма, предполагающим трёхмерные характеристики, а с художественным преобразованием плоскости (Стародуб, 2010, с. 25). Присущее мусульманскому видению условное понимание пространства в пластическом искусстве проявляется в двухмерной трактовкке форм. Данный фактор безусловно предопределил развитие плоскорельефной чеканки в ювелирном деле татар. Тогда как в городах Поволжья: в Ярославле, в Нижнем Новгороде, в Костроме, основное место занимала рельефная чеканка (Постникова-Лосева 1981, с. 48).

Растительные мотивы закрепляются в культуре ислама как метафоры рая (Шамсутов, 2003, с. 25) и наряду с графическим воплощением Слова (Шукуров, 1999, с. 46), становятся доминантой собственно художественной практики. Как известно, в Коране правоверные уподобляются крепкому побегу, стеблю (Коран, 1997, 48:29, с. 534). Мотив в орнаментации служил олицетворением метафорического образа «Райского сада», связанного с определённым эстетико-религиозным мировоззрением и нашедшего проявление во всех областях мусульманского искусства.

Центральную часть в татарских чеканных бляхах занимал *каллиграфический текст* на основе арабской графики. Он выполнялся нетрадиционным ювелирным авторизированным почерком «насх» с элементами «сульс», редко «насталиг», «куфи». Пространство центральной композиции делилось на регистры узкими полосками чистого металла, идущими от ободка, или горизонтальным росчерком, используя для этого форму написания спадающих элементов букв س (siin) и ى (jaa) арабского алфавита. Основным назначением коранического знака, введённого в структуру бытового предмета или украшения, было обозначить собой присутствие Аллаха. Наибольшее распространение и широкое применение у татар имели круглые бляхи, с текстом следующего содержания: «Аллах всё совершает. Это благородная высокая печать» (рис. 1), «Имена людей Пещеры» (рис. 2), (Коран, 18:9–26, с. 312–315), или из магических цифр, имеющих буквенное значение (рис. 3). Вера в магическую силу коранических слов отражала взгляды так называемого «народного ислама»: «поминание Имени Всевышнего помогало избавиться от различных бед и напастей» (Шамсутов, 2003, с. 15). Были и заказные бляхи, которые заметно отличались качеством ювелирного мастерства. В этом случае тексты имели адресное содержание: «Обладателю сего. Да сохранит Аллах благословенный её в разные времена от (всяких) бед!» (рис. 4). Тексты прочёл Н.Наккаш (2014).

Ещё одним из распространённых мотивов, характерных для татарской чеканки является *птица с раскрытыми крыльями*. Она включалась в каллиграфическую композицию на круглых чеканных бляхах над верхней или под нижней строкой. Г.Н. Бочаров определяет его как «крылатая» пальметта (Бочаров, 1984, с. 128, 118). По группе признаков мотив птицы с раскрытыми крыльями можно связать и с орнаментикой позднеордынского серебра родственных «Крымско-малоазийской» и «Средневолжской» групп, где ведущим элементом выступает полупальметта, состоящая из узкого подтреугольного листа, рассечённого одним или двумя врезами, и спиралевидного побега (Крамаровский, 2000, с. 183). Претерпев некоторую трансформацию, мотив, как нам кажется, сохранил узнаваемость первоисточника.

На уровне содержания, как видим, сохраняется связь и с тюркскими традициями, где, как известно, особо почиталась мифическая птица Умай (Черемисин, 1997), гнездящаяся в воздухе и наделяющая людей счастьем. Как древние, так и современные тюркские народы небожительницу Умай, которая спускается с неба, считали защитницей людей, охраняющей их вместе с детьми (Король, 2008, с. 142).

Итак, в ювелирном искусстве татар казанского Поволжья развитие получила чеканка способом насечки. Методом чеканки орнаментировались в основном бляхи. Основными мотивами орнаментации были каллиграфический текст, растительный геометризированный побег типа пальметты и мотив птицы с раскрытыми крыльями. Преемственность комбинированного орнаментального кода и развития ювелирных технологий обусловлена этнической историей татар. Устойчивый комплекс «технология-орнамент» сложился под влиянием искусства торевтики Золотой Орды XIII – начала XIV веков, отражающей характер новой для Дешт-и Кыпчак городской культуры.

Литература:

Бочаров Г. Н. Художественный металл Древней Руси. X – начало XIII вв. – М.: Наука, 1984. – 320 с.

Вайнштейн С. И., Кореняко В. А. О генезисе искусства кочевников: авары // Народы Азии и Африки. – 1988. – № 1. – С. 38–50.

Валеев Ф.Х. Татарский народный орнамент. – Казань – Чебоксары: РГУП «Чебоксарская типография №1», 2002. – 296 с.

Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. – М.: Советский художник, 1990. – 216 с.

Веймарн Б.В. Проблема изобразительности в искусстве феодального Востока // «Искусство». – 1968. – № 5. – С. 61–67.

Веймарн Б. В. Классическое искусство стран ислама. – М.: Изд. дом «Искусство», 2002. – 496 с.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 186 с.

Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XII века. – М.: Искусство, 1975. – 352 с.

Денике Б. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М., Л.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. – 228 с.

Донина Л.Н. Отражение мусульманской идентичности татар в ювелирном искусстве: на примере каллиграфического орнамента на чеканных бляхах // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 64–79.

Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Сборник научных трудов. – Казань, 1976. – 152 с.

Калинин Н.Ф. Болгарское искусство в металле. – Казань, 1946.

Коран. Перевод смыслов и комментарии. Валерии Пороховой. – М.: Аль-Фуркан, 1997. – 800 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.; Кемерово: Кузбасвузиздат, 2008. – 332 с.

Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 132–201.

Крамаровский М. Г. Восток и Запад в истории и культуре золотой орды (по материалам чингисидской торевтики XIII – XV вв.): дис… д. и. н. – СПб., 2002. – 62 с.

Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство, т. 3. – Алматы: Өнер, 1994. – 248 с.

Постникова-Лосева М.М. Русская золотая и серебряная скань. – М.: Искусство, 1981. – 288 с.

Путешествие Ибн Фалдана: волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. – М.: Изд. дом Марджани, 2016. – 560 с.

Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. – М.: Советский художник, 1978. – 288 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.

Стародуб Т.Х. Исламский мир. Художественная культура VI – XVII веков: архитектура, изображение, орнамент, каллиграфия. – М.: Восточная литература, 2010. – 225 с.

Сычёва Н. С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX – XX веков. Из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М.: Советский художник, 1983. – 180 с.

Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление российской науки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. – Москва-Омск: Наука, 1999. – С. 25–30.

Усманов М.А. Золотая Орда: истоки и наследие // Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 26–53.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: Искусство, 1976. – 228 с.

Фонякова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – начала X вв. по материалам художественной металлообработки. – Казань: Институт истории АН РТ, 2010. – 168 с.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань: Татарское книжное издательство, 1978. – 160 с.

Червонная С.М. Искусство Татарии. – М.: Искусство, 1987. – 352 с.

Черемисин Д. В. К ирано-тюркским связям в области мифологии: Богиня Умай и мифическая птица // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1997.

Шамсутов Р.И. Слово и образ в татарском шамаиле от прошлого до настоящего. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 200 с.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. – Уфа: Китап, 1995. – 240 с.

Шукуров Ш.М. Искусство и тайна. – М.: «Алетейа, 1999. – 247 с.

Herzfeld. E.E. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. – Berlin, 1923. – 236 с.

Резюме

Лариса Николаевна Донина

ТЕХНОЛОГИЯ И ОРНАМЕНТАЦИЯ ТАТАРСКИХ ЧЕКАННЫХ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ: ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье рассмотрены технико-технологические особенности и орнаментация татарской чеканки способом насечки с целью выявления её генезиса и этноспецифических особенностей. Комплекс «технология-орнамент», знаково-образная система и трактовка мотивов сложились на основе совокупности технических приёмов и эстетических предпочтений, характерных для золотоордынского синкретического искусства конца XIII – начала XIV веков. Устойчивые параметры указывают на стабильность национальной традиции, имеющей характер индикаторного признака.

Summary

Larisa Nikolaevna Donina

TECHNOLOGY AND ORNAMENTATION OF TATAR EMBOSSED MINTED JEWELLERY: ETHNO-ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Technical and technological features and ornamentation of the Tatar minting by the notching method are examined in order to reveal its genesis and ethnospecific features. The complex "technology-ornament", sign-shaped system and interpretation of motives were formed on the basis of a combination of techniques and aesthetic preferences characteristic of the Golden Horde syncretic art of the late 13th - early 14th centuries. Stable parameters indicate the stability of the national tradition, which has the character of an indicator trait.



Рис. 1. Бляха. Серебро, позолота, чеканка. НМРТ, инв. № 10221-277



Рис. 2. Бляха. Серебро, позолота, чеканка, сердолик, бирюза, самоцветы. НМРТ, инв. № 10221-129.



Рис. 3. Бляха. Серебро, позолота, чеканка. НМРТ, инв. № 10221-487



Рис. 4. Бляха. Серебро, позолота, чеканка. НМРТ, инв. № 10221-230

Махмудова Н.Б.
Бухарский Государственный Университет,
Бухара, Узбекистан

УДК 94(575.1)

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА КОЛОНИАЛЬНОГО ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТОВ РЕВИЗИИ СЕНАТОРА К.К. ПАЛЕНА. 1908-1909гг.)

Ключевые слова: нефть, горное дело, полезные ископаемые, добыча, разведка, земля, золото, бирюза, промышленность, хозяйство.
Keywords: oil, mining, mineral deposit, shafts, exploration, land, gold, turquoise, industry, household.

Средняя Азия издревле славилась своими «сказочными» природными богатствами, добыча которых требовала неимоверных сил и средств во все времена. В частности во времена правления царской России, были сделаны попытки разработки полезных ископаемых находящихся в крае.

С распространением русской власти в Туркестанском крае попечение о горном деле на вновь присоединённых территориях было передано Оренбургскому Генерал-губернаторству. Русскими географами, было выявлено, что граница поверхности Туркестана была равна 1.893.000 кв.вёрст. Площадь края равнялась площади, занимаемой Германией, Францией, Австрией, Италией, Данией и Бельгией вместе взятыми [24].

О проведённых исследовательских работах в крае, русскими геологами и географами, мы можем рассмотреть и изучить по материалам отчётов ревизии, проведённой сенатором К.К.Паленом в 1908-1909 г.г.,

Специальный том отчётов ревизии под названием «Горное дело» посвящён богатствам недр Туркестана, которые, по словам К.К.Палена, «придавали этой среднеазиатской колонии, особую ценность»[25]. В приложении к отчёту по «Горному делу», приводится список полезных ископаемых с указателем их месторождений, который включает 96 наименований[26]. Освещаются в этом отчёте и вопросы развития горнодобывающей промышленности, хотя применительно к тому времени это была скорее не промышленность, а организация простейшей добычи полезных ископаемых.

Край имел значительные залежи угля, нефти, поваренной соли, меди, извести, гипса, железа, марганца, свинца, цинка, серы, глауберовой соли, серебра, золота, бирюзы и др. «На момент ревизии, - пишет К.К.Пален,- в крае разрабатывались только месторождения каменного угля, нефти, соли, меди, извести, гипса, строительных материалов. Добыча остальных или вовсе не производилось, или производилась в очень слабой степени»[27].

Уже в первые годы завоевания новых территорий в Средней Азии и утверждения на них Российской империи, царское правительство начало разведку нужных России, месторождений полезных ископаемых. Прежде всего, таких важнейших топливных продуктов как каменный уголь и нефть. Для изучения этих вопросов в край были отправлены учёные геологи и опытные горные инженеры для изучения его геологического строения и возможностей развития горной промышленности. Значительных успехов в этом плане достигли геологи И.В. Мушкетов и Г.Д.Романовский [28].

---

[24] К.К.Пален. Горное дело.- С.-3.

[25] Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства. - С.38.

[26] Горное дело. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К.Паленым. Санкт – Петербург. 1910г. (366 стр.). Отчёт состоит их двух частей. Первая часть включает: введение, сведения о географии края, полезных ископаемых и заключение. Вторая часть состоит из трёх глав. Первая глава состоит из параграфов: 1. замежевание за населением разведочных площадей; 2. история недров. Вторая глава содержит данные: о выдаче дозволительных свидетельств, деятельности горнопромышленников. Третья глава рассматривает горный надзор Туркестанского края, некоторые статистические данные о горном промысле в Туркестане и общие выводы. Рассмотрены данные о Закаспийской области, о постановке дела. О правах туркмен на землю о. Челекена, жалобы туркмен, результаты ревизии и желательная реорганизация дела. Имеются приложения.

[27] Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства. - С.38.

[28] Маев Н. Туркестанская выставка 1890г. Путеводитель по выставке и её отделам. –Ташкент, 1890.- С. 96. (Результаты исследований проф. Г.Д.Романовского были изданы им под названием «Материалы для геологии Туркестана», вып. 1 и 2, а проф. И.В.Мушкетовым была издана работа «Туркестан», т.1, 1886г.)

В 1865г, то есть сразу же после образования Туркестанской области, в Среднюю Азию, по поручению военного министра, был командирован горный инженер подполковник А.Татаринов. Он обнаружил 2 довольно крупных месторождения каменного угля - в горах Каратау в Чимкентском уезде и в 90 верстах от города Ташкента. На месте последнего начала разработку угля первая казённая каменноугольная копь [29]. Проводились и частные разведочные и эксплуатационные работы русскими купцами – предпринимателями И.И.Первушиным, П. Фавицким, С.Ф.Политовским [30]. Но в целом разработки каменного угля велись довольно вяло, несмотря на то, что потребность в этом ценном топливе в крае неуклонно возрастала. На момент ревизии К.К.Палена в крае было зарегистрировано 43 участка, отведённых под добычу каменного угля на площади 2.477 десятин. Но фактически разрабатывались всего 32 участка общей площадью 1.754 десятин, то есть около 71% выделенных площадей [31].

Другим важным топливным продуктом крайне необходимым для эксплуатации железных дорог, а так же для развивающейся фабрично – заводской промышленности была нефть. По подсчётам ревизии, краю было необходимо добывать 21 млн. пудов нефти в год[32]. До открытия своих месторождений нефть, поступала в Туркестанский край из Баку и стоила по 45-50 коп. за пуд, тогда как её фактическая цена была 20 коп. за пуд[33]. Разведочные работы, проведенные в 60 -80-х годах XIXв., обнаружили нефть в больших количествах в Закаспийской области на острове Челекен и в Ферганской области в местностях Чимион и Майлисай. В 1874г. разработку нефти на острове Челекен начала фирма «Братья Нобель». За период с 1901г. по 1909г. ею было добыто 5 млн. 237 тыс. пудов нефти. На промыслах имелся небольшой опытный завод по перегонке нефти для выделения парафина[34]. В 1877г. на острове начала буровые работы фирма «Бунге и Палашковский». Но эти работы велись медленно из-за отсутствия подготовленного технического персонала. В целом, добыча нефти, как и добыча угля, велась не в полную силу. Из 57 участков, отведённых окружным горным инженером в 1909г. под добычу нефти общей площадью 566 десятин, фактически разрабатывался 31 участок[35].

Помимо разработок каменного угля и нефти в Туркестане велись работы по добыче россыпного золота по притокам рек Чаткала, Таласа, Кенегя, Зарафшана [36]. В 50 верстах от Самарканда в районе кишлака Ибрагим – ата, добывалась бирюза, отличавшаяся особой чистотой цветов – зелёного, зеленовато – голубого и светло – голубого [37]. Известны были месторождения бирюзы и в Сырдарьинской области. В Самаркандской области имелись месторождения графита [38]. Богатые залежи меди, урана и ванадия были найдены на границе Маргиланского и Ошского уездов, в Чимкентском уезде был найден свинец.[39] В горах Каратау и Актау в большом количестве имелись залежи железной руды.[40] По мнению А.Татаринова, они «позволяли рассчитывать на полную уверенность создания металлургического и фабричного производства, которые дадут жизнь стране и обогатят её»[41].

К моменту ревизии начинающаяся развиваться горнодобывающая отрасль в Туркестанском крае представляла собой большое и сложное хозяйство, составные части которого – рудники и промыслы, были разбросаны по всей его территории и часто на значительных расстояниях друг от друга. В 1909г. в это хозяйство входили: 26 каменноугольных копий, которые были расположены в 8 уездах трёх коренных областей; нефтяные, асфальтовые и озокеритовые промыслы были сосредоточенны частично на острове Челекен в Красноводском уезде, а частично в трёх уездах

---

[29] Пален К.К. Горное дело. - С.170.

[30] Маев Н.. Туркестанская выставка 1890г. Путеводитель по выставке и её отделам. – С.76-77.

[31] Пален К.К. Горное дело. – С.185.

[32] Пален К.К. Горное дело.– С.62.

[33] Там же.

[34] Пален К.К. Горное дело.– С.69.

[35] Пален К.К. Горное дело.– С.196.

[36] Пален К.К. Горное дело. – С.140.

[37] Пален К.К. Горное дело. – С.322.

[38] Пален К.К. Горное дело.– С.123.

[39] Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. -С.39-40.

[40] Пален К.К. Горное дело. – С.142.

[41] Татаринов А. Несколько слов о свойствах туркестанского каменного угля.// Материалы для статистики Туркестанского края. Выпуск II. –СПб., 1873. – С.460.

Ферганской области; 11 медных рудников находились в 5 уездах коренных областей; соляные промыслы имелись в 6 уездах коренных областей и в Красноводском уезде Закаспийской области; золотые промыслы находились по одному в Ташкентском, Наманганском и Джаркентском уездах; серный рудник находился в Кокандском уезде[42].

Надзор за всеми этими промыслами и рудниками, кроме расположенных в Семиреченской области, был сосредоточен в руках окружного инженера Туркестанского горного округа, его помощника, горного инженера на правах помощника и техника по горной части при начальнике Закаспийской области. Этого было мало и, по мнению проверяющих, требовало принятия коренных мер.[43] Кроме того успешному развитию горного дела в крае мешало несовершенство законодательных прав в организации горного надзора со стороны высшего руководства края. «Компетенция и функции Туркестанского генерал-губернатора, - пишет К.К.Пален,- на которого возложен высший надзор за горным промыслом края, законом точно не определены и по установившемуся порядку, главный начальник края разрешает по докладу горного окружного инженера лишь дела, имеющие особое принципиальное значение» [44].

Таким образом, в ходе ревизии канцелярии начальника Закаспийской области по выдаче дозволительных свидетельств, а так же по разработке вопросов, связанных с горным делом в крае, сводился к следующим результатам: «1.Просьбы горнопромышленников рассматривались не в порядке очереди, и дозволительные свидетельства в большинстве случаев выдавались по таким прошениям, которые не отвечали требованиям закона; 2. Выдача свидетельств и сообщение в отказах затягивались на долгое время без достаточных оснований; 3. Свыше 5100 прошений горнопромышленников о дозволении разведок найдены не рассмотренными, чем нарушались интересы, как казны, так и частных лиц; 4.Как правители канцелярии, так и начальники области обращали мало внимания на то, как ведётся горное дело чинами канцелярии; не принимались в соображение и жалобы горнопромышленников; 5. Исследование прав туркменов на земли острова Челекена и основанный на этом исследовании проект утверждения земель были, по-видимому, выполнены недостаточно внимательно[45]. В своих мемуарах К.К.Пален, так же описывает свое расследование на острове Челекен, где он убедился в масштабах коррупции и хищении государственного имущества[46]. В результате, сенатор предложил желательную реорганизацию дела в Закаспийской области, а именно: «1.изъять из ведения канцелярии выдачу дозволительных свидетельств и передать заведывание этой отраслью Туркестанскому горному управлению;2. Назначить особую комиссию для рассмотрения 5100 прошений оставшихся без движения; 3. Командировать на о. Челекен особую комиссию для разбора претензий туркмен, неправильно или совершенно не наделённых землёй, а так же для проверки тех отводов, которые были произведены по перекрывающимся заявкам, с тем чтобы по возможности восстановить интересы казны по неправильно устроенным отводам; 4. Ускорить разрешение вопроса о сдаче с торгов или иным способом казённых нефтеносных земель на острове Челекен и Нефтяной Горе»[47].

Учитывая все эти недостатки в организации горного надзора, К.К.Пален выразил надежду, что на разведку и добычу полезных ископаемых в Туркестане будет обращено достойное внимание, поскольку они могут «…окупится весьма скоро… »[48].

Таким образом, ревизия сенатора К.К.Палена показала, что к началу XX в. развитие сельского хозяйства Туркестана и освоение его природных богатств были чётко и последовательно ориентированы на удовлетворение интересов торгово-промышленных кругов Российской империи. Несмотря на обилие полезных ископаемых в крае, горная промышленность в Туркестанском крае не представляла значительной отрасли хозяйства, и в общем экономическом положение страны играло весьма незначительную роль: слишком ничтожные капиталы затрачивались на развитие горного дела.

---

[42] Пален К.К. Горное дело. – С.242.

[43] Пален К.К.Горное дело. – С.243.

[44] Пален К.К.Горное дело. – С.243.

[45] Пален К.К. Горное дело. – С.312.

[46] Mission to Turkestan. Being the memoirs of Count K. K. Pahlen1908-1909. Edited and Introduced by Richard A. Pierce. Translated by N. J. Couriss. Published in Association vent the CENTRAL ASIAN RESEARCH.CENTRELONDON OXFORD UNIVERSITY PRESS. NEWYORK•TORONTO1964. –P 135-141..

[47] Пален К.К. Горное дело. –С.313.

[48] Пален К.К. Горное дело. – С.245.

Что же касается развития в крае промышленности, то ни владельцы российских капиталов, ни колониальная администрация, защищающая их интересы, кроме организации самой простой первичной переработки сырья, не собирались развивать другие отрасли. За время колониального господства Царской России в Туркестане не было построено ни одной текстильной фабрики, не говоря уже о машиностроительных предприятиях. Ревизия сенатора К.К.Палена показала, что экономика края в начале XX в. развивалась исключительно в интересах державы колонизаторов.

Литература:

Горное дело. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К.Паленым». Санкт – Петербург. 1910г. 366 стр.

Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. 1-2 части. - Санкт – Петербург: Сенатская типография, 1911. – 431 с.

Маев Н. Туркестанская выставка 1890г. Путеводитель по выставке и её отделам. –Ташкент, 1890.- С. 96. (Результаты исследований проф. Г.Д.Романовского были изданы им под названием «Материалы для геологии Туркестана», вып. 1 и 2, а проф. И.В.Мушкетовым была издана работа «Туркестан», т.1, 1886г.).

Татаринов А. Несколько слов о свойствах туркестанского каменного угля.// Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Выпуск II.- СПб., 1873. С. 460-464.

Mission to Turkestan. Being the memoirs of Count K. K. Pahlen1908-1909. Edited and Introduced by Richard A. Pierce. Translated by N. J. Couriss. Published in Association vent the CENTRAL ASIAN RESEARCH.CENTRELONDON OXFORD UNIVERSITY PRESS. NEWYORK•TORONTO1964. –237p.

Резюме

В данной статье рассмотрены вопросы развития горной промышленности в Туркестанском крае в годы правления Царской Россией, однако, несмотря на обилие полезных ископаемых в крае, горная промышленность в Туркестанском крае не представляла значительной отрасли хозяйства, а было лишь направленно на удовлетворение интересов торгово-промышленных кругов Российской империи.

Summary

The article deals with the development of the mining industry in Turkestan region during the government of the Tsarist Russian, but, despite the abundance of the mineral deposits in the region mining industry in the Turkestan Region didn’t have significant spheres of economics, and was directed at the satisfaction of the industrial-commodity circles of Russian empire.

Нечвалода Е.Е.
Институт этнологических исследований
им. Р.Г Кузеева УФИЦ РАН
Уфа, Россия

УДК 902

ЗВЕЗДЫ НАД ГОНУРОМ (ОПЫТ ТРАКТОВКИ АНИМАЛИСТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ НА РИТУАЛЬНОМ КУБКЕ)

Ключевые слова: Маргиана, Гонур Депе, ритуальный кубок, анималистическая сцена.
Keywords: Margiana, Gonur Depe, ritual Cup, animalistic scene.

Духовная культура древних обществ – мир знаний, представлений, верований, ценностей эпохи давно ушедшей, засыпанной песками тысячелетий, забвения, небытия, – мир для нас во многом закрытый и непостижимый. Его осколки, фрагменты восстанавливаются по дошедшим древним текстам. Проникнуть в духовный мир культуры, не оставившей письменного наследия, намного сложнее. В таких случаях текстом становятся сами артефакты.

Гонур Депе – памятник древней Маргианы, страны Маргуш, город процветавший в дельте р. Мургаб в кон. III – II тысячелетии до н.э. и погребенный впоследствии песками Каракумов. Гонур был в сфере влияния нескольких древнейших цивилизаций. Среди находок, сделанных на его территории – предметы из Месопотамии, Элама, Хараппской цивилизации. Гонур не оставил библиотек, текстов, хранящих литературные памятники, раскрывающих религиозные, научные представления. И, тем не менее, материалы раскопок Маргианской археологической экспедиции свидетельствуют о насыщенной религиозно-обрядовой жизни Гонура. В обрядах активно использовались специальные керамические сосуды культового назначения (Сарианиди В.И., 2009. С. 275, 285-286; Антонова Е.В., 2004). Помимо керамической посуды в материалах Гонура присутствуют сосуды из драгоценных металлов: золота и серебра. Среди серебряных гонурских сосудов наше внимание привлек кубок из тайника помещения № 3 гробницы 3232, поверхность которого украшает сложная композиция, выполненная в технике рельефа: в оправе гор, среди редко расположенных деревьев, изображены различные животные: собака или волк, бык, заяц, лев, газель, баран, рыбы, козел, медведь, из-за выступа горы выступает протом кошачьего хищника[49] (Сарианиди В.И., 2005, с. 246, 255, 256, илл. 109, 111). Трактовка образов, как и на другом серебряном гонурском сосуде, украшенном изображениями верблюдов, выполненных также в технике рельефа, весьма реалистична: пластичны позы животных, проработаны детали, фактура шерсти.

Кубок с рельефной композицией из анималистических образов имеет широкую верхнюю часть, конусообразно сужающуюся к сравнительно небольшой и узкой «ножке». Кубки подобной формы мы видим в ритуальной сцене, изображенной на одном из бактрийских сосудов (Крюкова В.Ю., 2012, с. 225, рис. 12).

Сравнивая анималистическую сцену на этом кубке с изображениями животных на других сосудах бросается в глаза ее особенность. Обращает внимание отличие ее композиционного строя от композиций на других сосудах – как из драгоценных металлов, так и керамических. На ритуальных глиняных сосудах расположение изображенных животных упорядоченно и организовано в пространстве либо посредством геральдической композиции из противостоящих фигур, либо в форме фризовой композиции из расположенных друг за другом животных, размещенных по верхнему краю сосуда. В.И. Сарианиди отмечал, что фризовые композиции на венчике вероятно «передавали наиболее драматичные эпизоды мифов, посвященных соме-хаоме» (Сарианиди В.И., 2005, С. 269-230). Геральдическая композиция, помещавшаяся на стенки керамических сосудов – космологический образ, образ гармонично устроенного мира, устойчивость в котором достигается

[49] Внешняя поверхность серебряного сосуда сильно корродирована, в то время как внутренняя поверхность сохранилась в первозданном, нетронутом коррозией состоянии В 2004 г. в полевых условиях с внутренней стороны кубка был сделан оттиск А. Шаймывой (Ниязмухаммедовой) с использованием пластилина. В 2005 г. А.И. Нечвалодой была изготовлена комбинированная гипсово-формасиловая форма с пластилинового оттиска. В 2015 г. А. Кантемировым и А.И. Нечвалодой была создана 3 D модель оттиска внутренней стороны этого гонурского кубка, которую можно посмотреть пройдя по ссылке - https://skfb.ly/EoXV

балансом противоположных начал, а центральная фигура в ней – образ Мирового дерева (Сарианиди В.И., 2009. С. 286).

Анималистическая сцена, изображенная на серебряном кубке из Гонура, не имеет четко структурированной композиции и, на первый взгляд, спонтанна. Животные расположены друг над другом, но не рядами, не построчно, что было характерно для искусства Месопотамии, а свободно: звери стоят, лежат, обращены друг к другу или в противоположные стороны. При этом композиция не производит впечатления натурной, пейзажной зарисовки или сцены, в которой фигуры связаны между собой каким-либо сюжетом. Заяц убегает, но псовый хищник за ним не гонится. Фигуры в композиции, большей частью, обособлены, их разделяет то восходящая, то нисходящая линия гор/ холмов. Взмывая вверх и ниспадая эта линия, ритмически организует всю композицию. При том, что трактовка животных весьма реалистична, пространство, в которое они помещены – условно, т.к. не соблюдены пропорции: медведь размером с зайца, корпус льва в длину превосходит корпус быка и т.д.; горы, на которых стоят животные – это небольшие бугры; озеро с рыбами – размером с блюдо. Животные расположены слишком плотно друг к другу. Очевидно, что изображение на кубке – это не пейзаж с животными, это условное пространство. На некоторое несоответствие изображенного на кубке ландшафта изображенным животным обратил внимание В.И. Сарианиди: «Удивительно, но все основные персонажи представлены животными, обитающими на равнине, в то время как сцена на кубке развертывается на фоне горного, а не пустынного пейзажа» (Сарианиди В.И., 2009. С. 175). Но художнику в этой композиции были нужны и эти горы, и это озерцо. Горы структурируют всю композицию. Небольшие деревца, которые включены в композицию, размещены в определенных точках: у вершин и у оснований гор. Всего изображено 3 дерева схожей иконографии и один стилизованный растительный мотив. Они размещены примерно через равные промежутки. Существует еще одна особенность этого рельефа: при том, что богат и разнообразен видовой состав изображенных животных, каждый вид изображен единожды в пространстве композиции. Это было бы необычно для натурного пейзажа.

Изображение на серебряном сосуде не могло быть простой прихотью автора, неким экспромтом. Это невозможно даже технологически. Рельеф изначально вылепливался, с него снималась форма и лишь затем – делалась отливка. На культовом сосуде, особенности композиции, определенный состав изображенных животных, элементы «пейзажа», их взаимное расположение должны были иметь свое обоснование. Попытаемся его найти.

Проблема интерпретации древних изображений всегда сложна, особенно, если исследуемый памятник относится к бесписьменной культуре. На вооружении интерпретатора в таких ситуациях остаются – представления об архетипах сознания, а также сравнительный синхронный и диахронный анализ. Но, сколь бы ни были обстоятельно аргументированы интерпретации и семантические реконструкции, они никогда не станут доказанными фактами, судьба их - оставаться только в ранге версии, причем обычно одной из нескольких… Понимая всю бесперспективность поиска объективной истины в попытке прочтения изобразительного «текста», отдавая себе отчет, в том, что все сказанное в итоге не сможет выйти за пределы предположения, тем не менее, считаю возможным поделиться своими размышлениями.

Поиск аналогий рассматриваемой композиции весьма затруднителен. «Свободные» композиции подобные гонурской, не были характерны для культур Ближнего и Среднего Востока. В синхронных по времени и более поздних рельефах на посуде из металла заметно преобладает фризовый принцип построения композиции.

В ситуации, когда прямых аналогий нет, мы вынуждены обратиться к отдаленным. К таковым, по нашему мнению, относится анималистический сюжет росписи на греческом скифосе VII в. до н.э., найденном близ Фив. Во времени и в пространстве его отделяет от гонурского кубка практически пропасть. Сосуды различаются и по материалу, и по технике, и по стилистике изображений. Их сближает «случайный» подбор изображенных животных и отчасти их состав. На поверхности скифоса, имеющего утраты, сохранились изображения зайца, собаки, быка, змеи, скорпиона, дельфина и льва. Соединение в одной композиции скорпиона и льва, собаки и дельфина, быка и змеи долгое время считалось «случайным». Джон Барнс обратил внимание, что, эти, плохо сочетаемые в сюжетной композиции образы, точно соответствуют известным в Древней Греции созвездиям и предположил, что они являются графическими воплощениями созвездий Тельца (бык), Льва (лев), Зайца (заяц) и т.д.[50]. Версия Д. Барнса представляется убедительной, так как порядок их

[50] http://www.livescience.com/48464-ancient-greek-wine-cup-reveals-constellations.html. Дата обращения: 03.05.2015.

расположения на поверхности скифоса соответствует календарной смене сезонов, в которые эти созвездия лучше всего наблюдались. Таким образом, «случайный» набор животных в росписи на посуде оказался изображением смены сезонов в годовом цикле, маркированных соответствующими созвездиями.

На гонурском кубке, также как и на скифосе, присутствуют изображения быка и льва, собаки/волка и зайца. Может ли «случайный» набор животных на гонурском кубке также быть отражением древних представлений о сезонах и о созвездиях, воплощенных в анималистических образах? Состав изображенных на кубке животных соответствует названию многих современных созвездий: Телец, Лев, Овен, Рыбы, Козерог, Медведица (Большая или Малая), Большой или Малый пес (или Волк), Заяц. Но наши представления о созвездиях, их названиях и изображения на кубке разделяют 4 тысячелетия… Что мы знаем об астрономических представлениях гонурцев? Почти ничего конкретного. Мы знаем, что у них были свои календарные праздники, что они точно ориентировали свои постройки по сторонам света и это предполагает, определенный уровень астрономических знаний, наблюдений за светилами (Сарианиди В.И., 2002. С. 287). Среди находок есть предметы украшенные изображением астральных знаков и светил, как, например, железная заколка с золотая звездой и полумесяцем из Гонур Депе (Сарианиди В.И., 2009. С. 185). Совершенно очевидна астральная символика в бронзовой пластине из погребения 4185 на раскопе 22 Гонур Депе – треугольной плакетке, в центре которой расположена крупная звезда-розетка, а по склонам треугольной горы плотно расположены фигуры архаров (Сарианиди В.И., Дубова Н.А., 2014, с. 103-104). На оборотной стороне каменного амулета бегущий в гору бык изображен в окружении звезд (Сарианиди В.И., 2009. С. 293).

Соотносимость некоторых из изображенных животных с созвездиями – возможный ключ к пониманию композиции. Если изображение льва и быка, пса и зайца – это изображение созвездий, то рыбы, казавшиеся посторонними, случайными, нелогичными и лишними в этой композиции из сухопутных животных, в новом контексте становятся вполне уместными и закономерными.

Если принимать изображения на кубке за пластические образы созвездий, то нельзя не заметить, что трактовка некоторых из них и всей «звездной карты» заметно отличалась от иконографии изображений созвездий и в Ассирии, и в Вавилоне. В то же время, особенности изображений животных на кубке во многих случаях точно соответствуют иконографии знаков античного, греческого в основе, зодиака. Г.Е. Куртик подробно описал и сравнил иконографию знаков греческого зодиака и созвездий Месопотамии (Куртик Г.Е., 2002). Ссылаясь на автора и выделяя наиболее важные черты, перечислим очевидные совпадения. Символом созвездия Овна в античной традиции был «бегущий или лежащий баран, тело которого на небесной сфере было обращено на запад, а голова на восток; оборачивающийся баран» (Там же) - абсолютное соответствие изображению барана на гонурском кубке. Созвездие Тельца в античности изображалось протомом быка или полной фигурой «обращенной на восток», а Плеяды в последнем случае изображались «на загривке быка» (Там же). Гонурский бык обращен на восток (он изображен с низко наклоненной головой, готовым к обороне), а на его загривке - 6 небольших точек – вполне соотносимые с Плеядами (затруднительно найти для них какое-либо иное объяснение). В иконографии созвездия Тельца подобная поза быка была распространенным вариантом. Символом созвездия Льва в античности был «идущий или приготовившийся к прыжку лев, обращенный на запад» (Там же). Именно так изображен он и на кубке – перед прыжком, смотрящим на запад. Образом созвездия Козерог была коза, имеющая, рыбий хвост, обращенная головой на запад (Там же)). Наряду с этой устойчивой иконографией, в античных произведениях в качестве символа созвездия встречаются вполне реалистично трактованные изображения козла/козы, стоящих на всех своих четырех копытах. Созвездие Рыбы в греческой традиции изображалось в виде двух рыб, которые были обращены головами либо в одну сторону, либо в противоположные (Там же). На гонуском кубке две рыбы расположены именно так, как они изображались в знаке греческого созвездия: параллельно и обращены в противоположные стороны. Но в самой Греции они воспринимались как образы, заимствованные с Востока: «Рыбы, два божества сирийские круг заключают года» - сообщал об этом созвездии греческий автор Арат из Сол (315 -240 гг. до н.э.) в своей астрономической поэме «Явления»[51].

[51] Примечательно, что Арат из Сол, описавший в своем сочинении 48 созвездий и порядок их появления, по мнению астрономов, представил не современную ему (кон. III в. до н.э.) карту звездного неба, а небо III тыс. до н.э. 360º северной широты (параллель Кипра, Крита, Северного Ирана). Очевидно, что при написании «Явлений» он опирался на ранние источники.

Если рассматривать изображения на гонурском кубке как пластические образы созвездий, то можно заметить, что среди них присутствуют не только зодиакальные (Телец, Лев, Овен, Рыбы), но и другие, воплощенные в образах зайца, пса/волка, медведя, козы и кошачьего хищника (точнее его протома). Это не удивительно, т.к. зодиак, представления о круге зодиакальных созвездий оформился много позже гонурских древностей (Куртик Г.Е., 2012, с. 23). Ни зайца, ни медведя нет в списках месопотамских созвездий. Но они есть среди греческих. На карте звездного неба, составленной астрономами Древней Греции, созвездие Большого пса и Зайца расположены рядом. Их изображали вместе, они составляли устойчивую пару, соединенную сюжетом погони. Изображения пса и убегающего от него зайца, сочли необходимым поместить не только на этот ритуальный гонурский сосуд, но и на упоминавшийся выше, греческий скифос. Правее льва на кубке изображено копытное животное внешне схожее с газелью. В греческой традиции в прошлом существовало самостоятельное созвездие «Коза с козлятами» (в настоящее время – часть созвездия Возничего). Медведь, изображенный на кубке, может быть соотнесен только с греческими созвездиями (Большая или Малая Медведица). Мы столкнулись с неожиданной ситуацией, когда иконография образов созвездий и сами образы в большей степени соответствуют не синхронным по времени материалам из Месопотамии, а традициям еще не зародившейся греческой цивилизации.

В пользу предположения об астральной символике анималистической композиции на кубке говорит не только сопоставимый состав изображенных видов и образов античных созвездий, не только сходство их иконографии, но и взаимное расположение изображенных животных на кубке.

В одной части композиции собраны животные летне-осеннего цикла, в другой – зимне-весеннего. Животные, изображенные в правой части оттиска, могут быть соотнесены с летними и осенними созвездиями: Козерога, Рыб, Овна. Под Овном – изображение, которое возможно соотнести, предположительно, с греческим «Коза с козлятами» (часть Возничего)[52]. По другую сторону горы расположены изображения льва, быка, собаки и зайца, которые ассоциируется с созвездиями, которые лучше наблюдать на зимнем и весеннем небе[53]. Завершает круг образов – изображение медведя. Малая медведица как «хозяйка» Полярной звезды прекрасно наблюдается в течение всего года, а Большая медведица – в феврале-марте.

Очевидно, что символы созвездий изображены на ритуальном кубке в определенной последовательности. Иллюстрируя последовательность изображений, мы приводили современные данные о видимости созвездий в различные временные периоды, но за прошедшие тысячелетия в результате прецессиии эти сезоны сдвинулись приблизительно на два месяца. Четыре с половиной тысячелетия назад весеннее равноденствие приходилось на созвездие Тельца, а летнее солнцестояние было в созвездии Льва. (Приблизительно в 2200 г. до н.э. весеннее равноденствие сместилось в созвездие Овна). Борьба льва с быком могла символизировать весеннее возрождение природы. Сцена противостояния и борьбы быка и льва «едва ли не самая популярная композиция месопотамского искусства, неоднократно повторенная на печатях и, особенно, амулетах Маргианы» (Сарианиди В.И. 2005, с. 246), очевидно имела свой сакральный смысл.

Джон Барнс, отметивший, что на скифосе из Ламии расположение животных-созвездий не соответствует порядку их появления, на небосклоне, считает, что их разместили в соответствии с временами года, в которые эти созвездия лучше всего наблюдать. Т.е. вся композиция, по мнению автора, отражает самые обобщенные представления о годовом цикле, о ходе времени и движении светил. Вероятнее всего, что здесь, как и на скифосе, созвездия расположены по тому же принципу.

В анализируемой композиции присутствуют не только животные. В нее также включены три «деревца» и один стилизованный растительный мотив. Показательно расположение этих 4 объектов: 2 из них вписаны в вершины гор, а 2 - расположены внизу, в точке, где нисходящие линии гор встречаются; в пространстве композиции «деревья» гор и «деревья» низин чередуются и равномерно членят пространство композиции на четыре части. Логично предположить, что эти 4 изображения соответствуют дням, разделяющим год на сезоны, возможно таковыми являлись дни равноденствий и солнцестояний. Иконография дерева (небольшого пирамидального, условно трактованного) узнаваема и имеет свои аналоги в искусстве МБАК.

---

[52] Наилучшее время для наблюдения для Козерога – август, для Рыб, – сентябрь-октябрь, для Овна – ноябрь, для созвездия «Коза с козлятами» (часть Возничего) – ноябрь-декабрь. Изображение протома кошачьего хищника в правом нижнем углу композиции затруднительно соотнести с каким-либо из известных созвездий. Среди месопотамских есть созвездие «Пантера», однако его визуальное воплощение не позволяет сопоставлять его с изображением на кубке.

[53] Созвездие Тельца наблюдать лучше в ноябре-декабре, Большого Пса – в декабре-январе, Зайца – с января по март, а созвездие Льва – в феврале-марте.

Композиция чаши выстраивается из нескольких пар животных: бык противопоставлен льву, пантера – газели, козел – барану, собака/волк гонится за зайцем. В водоеме – две рыбы и они сориентированы головами в противоположные стороны. Одинок только медведь. Вероятным объяснением этому, может быть исключительность созвездия Малая Медведица, а именно, близость его звезды к Северному полюсу (т.е. к статусу Полярной звезды): звезда Кохаб (бета Малой Медведицы) с 1500 г. до н.э. была Полярной звездой, ранее (до 1793 г до н.э.) в этом качестве выступала звезда Тубан в созвездии Дракона, которая в наиближайшем положении к полюсу находилась в 2600 г. до н.э. Конечно же, в середине III тыс. до н.э. не производились столь точные вычисления положения звезд, да и понятия «полярной звезды» не существовало. Близость созвездия Малой медведицы к Северному полюсу, его компактность (в отличие от созвездия Дракона) делали очевидной его особенность, отличавшую Малую медведицу, вероятно, от остальных созвездий, а именно, – «незакатность» созвездия на звездном небе, а, следовательно, и всесезонность наблюдения за ним.

Бинарность – принцип всей композиции. Она распадается на пары противопоставленных животных, противопоставлены две горы, два полугодия. Жизнь как единство противоположных начал – это уже космологический принцип. Дуализм порождал символические ряды, в которых одним из кодов были животные. Образы животных – символы и, как таковые, они полисемантичны. Соотнесенность их с определенными созвездиями – это только часть их символического кода. Они могли маркировать и времена года, и стороны света. В оппозиции жизнь-смерть, в сценах терзаний образы травоядных воплощали начало мира, сопряженное с «жизнью», а образы хищников – противоположное, хтоническое, соотнесенное со смертью. Газель/Коза (маркирующая собой в композиции осень) – существо травоядное (и потому причастное «лету» и «жизни»), и в то же время она пьет из озерца с рыбами (а вода и рыбы соотносились традиционно с хтоническим началом). Так образно воплощается пограничный, переходный статус осени. Речка-ручей, вытекающая из озерца, пролегает буквально под копытами газели, чем подчеркивается их сопряженность. Символично, что вода, семантически связанная не только с зимой, холодом, смертью, но и традиционно с нижним миром, располагается в композиции у нижнего края.

Итак, в пользу возможности трактовать образы на кубке как изображения созвездий: 1) состав изображенных животных, 2) их иконография, 3) их взаимное расположение. Подобная номенклатура созвездий и их иконография была известна в античности и в этом обстоятельстве, а точнее, в удаленности во времени и в пространстве друг от друга Древнего Гонура и Древней Греции кроется главный аргумент против предложенной интерпретации анималистической сцены на гонурском кубке. Но это противоречие не является фатальным и неразрешимым. Сохранение в течение многих веков визуальных образов созвездий Древнего Востока и наследование их античной традицией теоретически возможно, т.к. подтверждено практикой (греческий зодиак – калька с образов зодиакальных созвездий Месопотамии). Заимствованные образы устойчиво сохранялась в европейской традиции в последующие века.

Возможно ли допустить, что на гонурском кубке представлены прообразы созвездий античности? Отсутствие в месопотамской традиции прообразов незодиакальных созвездий, представленных в композиции рельефа и присутствие их в античной могло бы быть объяснено существованием ближневосточного посредника в трансляции месопотамских астрономических знаний и визуальных образов созвездий, посредника, который, с одной стороны, испытал влияние месопотамской астрономии (сходство образов зодиакальных созвездий), а с другой – обладал собственной номенклатурой созвездий и их иконографией. В качестве такого посредника, вероятно, могли выступать культуры древнего Ирана и, в частности, цивилизация Элама, граничащая с государствами Междуречья и синхронная по времени Гонур Депе. Ее письменность не расшифрована и мы не знаем о астрономических представлениях эламцев. Можно только предполагать, что они, как и в целом культура Элама, испытали сильное влияние переднеазиатских традиций. На территории Ирана существовали развитые художественные центры. На археологическом материале выявлены культурные связи северо-восточного Ирана и Маргианы (Сарианиди В.И., Бороффка Н.Г.О., Дубова Н.А., 2014). Возможно, что и сам кубок со столь совершенными рельефными изображениями животных был произведен в Иране.

Косвенно поддержать наше предположение о связи пластических образов на рельефе кубка из Гонура и античной традиции могут другие параллели в искусстве Маргианы эпохи бронзы и в культурах раннего железного века. К.В. Чугунов, анализируя торевтику азиатских номадов, приходит к выводу о том, что звериный стиль, как явление мог сложиться во II тыс. до н.э. в МБАК (К.В. Чугунов, 2016). В качестве иллюстраций автор приводит многочисленные параллели предметам из

памятника VII в. до н.э. Аржан-2 в искусстве Маргианы. Иконография сцены борьбы двух верблюдов, запечатленной на фрагменте каменного маргушского амулета (Сарианиди В.И., 2002, С. 138), точно воспроизведена на фаларе из сарматского памятника на Южном Урале – из I Филипповского кургана (Нечвалода Е.Е., 2016). Кошачьи хищники на рассмотренном гонурском кубке, их поза (лежачий лев, прижавшийся к земле, положивший голову на переднике лапы) имеет непосредственные параллели в искусстве звериного стиля ранних кочевников.

Изображения животных на кубке – это не карта звездного неба, не порядок смены зодиакальных созвездий, не череда созвездий в строгом порядке их появления; рельеф на кубке – это произведение искусства, это текст, это образы посредством которых раскрывается основная идея всей композиции. Изображения животных могли быть как образами конкретных созвездий, так и связанных с каждым из них богов, сезонов года. На их взаимное расположение могли оказывать влияние и сюжет мифа, в котором прообразы созвездий связаны определенными отношениями, и то, что животные могли выступать символами каких-либо общих космологических принципов.

В заключение хотелось бы подытожить сказанное. Если изложенные в статье аргументы в пользу трактовки композиции на серебряном кубке из Гонур Депе как годового круга созвездий в целом верны, то: 1) перед нами – древнейшее и наиболее полное на сегодняшний день изображение подобного рода; 2) Изображения льва, быка, барана на гонурском кубке являют собой наиболее ранние образцы определенной иконографии созвездий Льва, Быка и Овна; 3) Изображения на кубке – часть художественной традиции Ближнего Востока, развитие которой – в искусстве кочевников раннего железного века. Зоологический код гонурского кубка, как язык выражения общих календарно-космологически-астрономических представлений – предтеча звериного стиля. Бинарные оппозиции в «анималистической сцене» на кубке воплощали дуальность мира, как всеобщий принцип мироустройства.

Литература:

Антонова Е.В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивпановича Сарианиди. – М., 2004. С. 193-201

Крюкова В.Ю. О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008-2010 гг. – М., 2012. С. 222-237

Куртик Г.Е. Введение зодиака как полосы созвездий в месопотамской астрономии // Вопросы истории естествознания и техники, 2012, № 17. С. 23-32

Куртик Г.Е. О происхождении названий греческих зодиакальных созвездий // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2002. Т. 23. N 1.

Нечвалода Е.Е. Фалар с изображением борющихся верблюдов из филипповских курганов: истоки иконографии и проблемы интерпретации // «Кадырбаевские чтения-2016». Материалы V Международной научной конференции. Актобе, 2016. С. 193-197.

Сарианиди В.И. Goňurdepe. Город царей и богов. А.: Miras, 2005. – 328 с.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад, 2002. – 360 с.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2009

Сарианиди В.И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008-2010 гг. – М., 2012. С. 11 – 28

Сарианиди В.И., Бороффка Н.Г.О., Дубова Н.А. Культурные контакты Маргианы в III тыс. до.н.э. Новые данные по Гонур-Депе (погребение № 4150) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур Депе в 2011-2013 гг. – М., 2014. С.127-137

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011-2013 гг. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. Исследования Гонур Депе в 2011-2013 гг. – М., 2014. С. 92-111.

Чугунов К. В. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2 // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой. М., 2016. С. 242-247.

Резюме

Е. Е. Нечвалода

Звезды над Гонуром (опыт трактовки анималистической сцены на ритуальном кубке).

Статья посвящена анализу композиции на ритуальном серебряном кубке из Гонур Депе. Изображения животных на кубке рассматриваются как пластические прообразы античных созвездий, а композиция в целом, как годовой круг сменяющих друг друга сезонов. Основаниями для выводов являются 1) соответствие состава изображенных животных списку созвездий; 2) сходство их иконографии; 3) порядок расположения образов животных на кубке.

Summary

E. E. Nechvoloda

The stars above Honorem (experience in interpretation of animal scenes on ritual Cup).

The article is devoted to analysis of the compositions on ritual silver Cup from Gonur Depe. Images of animals in the plastic Cup are considered as prototypes of the ancient constellations, and the composition in General, as the annual round in successive seasons. Grounds for conclusions are 1) conformity of the composition of the depicted animals to the list of constellations; 2) similarity of their iconography; 3) the order of the arrangement of animal formations on the Cup.



Рис. 1. Оттиск рельефа на ритуальном кубке из Гонур Депе.

Пикалов Д.В.
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, Российская Федерация

УДК 903

«СКИФСКАЯ БАНЯ» ГЕРОДОТА В КОНТЕКСТЕ ДАННЫХ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

Ключевые слова: скифы, «скифская баня», мифологические мышление, космогонический миф.
Keywords: Scythians, "Scythian sauna", mythological thinking, foundational myth.

Геродот, описывая в своих трудах экзотичные для греков обычаи скифов, упоминает и о так называемой «скифской бане»: «В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее… Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия» (Геродот, 1999, с. 259).

Факт использования скифами психоактивных веществ содержащихся в растениях для достижения изменённых состояний сознания подтверждается и археологически. В 2014 г. при раскопках кургана «Сенгилеевское-2» в Ставропольском крае, на обнаруженных в погребальной камере золотых сосудах имелся черный налет. Анализ налета показал, что в нем содержатся следы опиума и конопли, что подтверждает слова Геродота.

Некоторые исследователи, упоминают «скифскую баню» Геродота, как один из способов изменения состояния сознания и достижения трансперсонального религиозного опыта. Религиовед Мирча Элиаде пишет: «Наконец, важно отметить шаманистский характер одного из обрядов: скифы бросали семена конопли на раскаленные до красна камни, и, добавляет Геродот, не понимавший религиозной природы действа, дым делал их «столь счастливыми, что они выли от радости». Скорее всего, речь здесь идет об экстатических переживаниях, параллели которым есть и в зороастрийской традиции» (Элиаде, 2008,с. 396). В одной из своих статей мы писали, что сближению зороастризма с традиционными культами шаманистского толка, распространёнными среди ираноязычных кочевников в скифо-сарматское время в Причерноморье и на Северном Кавказе, мог способствовать экстатический опыт, вызванный применением наркотических веществ. Авестийская традиция утверждает, что сам Заратустра «предавался экстазу» и в состоянии транса слышал голос Ахурамазды и созерцал видения. Первый обращённый Заратустрой вождь племени фрианов Виштаспа, покровитель и друг пророка для достижения состояния религиозного экстаза применял гашиш, и пока он спал, душа его отправлялась в рай (Пикалов, 2016, с. 113-114).

Немецкий учёный Гео Виденгрен считает, «скифскую баню» шаманским таинством, «во время которого шаман провожал умершую душу в потусторонний мир. О шаманах ни слова не сказано у Геродота. Его описания не отражают настоящую цель очищения скифов: культ мёртвых, употребление конопли, «баня» и совместное камлание составляют единый ритуал, цель которого — экстаз» (Пикалов, 2003, с. 83).

Однако, это никак не проясняет смысл и ритуальное назначение феномена, известного как «скифская баня». И это в первую очередь связано с тем, что Геродот, описывая странный для него скифский ритуал, пытался интерпретировать его сквозь призму собственной культурной традиции. Называя войлочную юрту «баней», Геродот, на наш взгляд, был сам введен в заблуждение, так как в сознании античного грека место, где жарко, много дыма и пара, и люди, в котором обнажены, не может быть ничем иным, кроме как лаконикумом - греческой баней в виде каменной полусферы. Такая форма позволяла прогреть внутреннее помещение лаконикума достаточно быстро и равномерно. Обогрев осуществлялся за счет открытого очага, который располагался в центре и топился древесным углем. В очаге, для длительного поддержания тепла и пара, использовались аккумулирующие тепло камни. На них плескали воду для повышения влажности и, благодаря им же, наслаждались долгоиграющим теплом. Археологические раскопки показали то, что древнегреческие бани лаконикум входили в целый комплекс спортсооружений, называемый гимнасиум. Древние греки придавали огромное значение развитию физических способностей и укрепляли свое духовное и телесное здоровье с помощью спорта.

После соревнований в палестре, посещение бани было обязательным, там греки восстанавливали силы после спортивных нагрузок. А после восстановления и расслабления в бане,

они шли в экседру для приятного времяпровождения и приятных философских бесед. Поэтому греческие бани лаконикум из сооружений для гигиены и здоровья стали культурными центрами Древней Греции.

На наш взгляд, «скифская баня» описанная Геродотом ничего общего с лаконикумом не имела. Посещение «скифской бани» было не гигиенической процедурой, а ритуальным действом, смысла которого Геродот не понимал. Зато, античный историк, оставил нам важное описание того, чем же отличается «скифская баня» от лаконикума: «взяв это конопляное семя … бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой **сильный дым и пар**, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы **громко вопят от удовольствия**».

Указание Геродота на «сильный дым и пар», которого нет в греческом лаконикуме, позволяет предположить, что именно сжигание семян конопли и было важным элементом ритуала. Однако фармакологические исследования семян конопли показывают, что они не содержат психоактивных и дурманящих веществ, которые сосредоточены главным образом в клейкой золотистой смоле, которая выделяется из цветков на женских растениях.

Вероятнее всего, скифы сжигали соцветия женских растений с семенами, после чего и может наступить эффект, при котором «скифы громко вопят от удовольствия». Подобное состояние описано в медицинских справочниках и связано с интоксикации каннабиноидами (психоактивными веществами содержащимися в конопле): движения либо крайне заторможены, либо размашисты и неуклюжи, речь невнятна, позы вычурны и неестественны; для интоксикации средней степени тяжести характерны: беспричинный смех, двигательная расторможенность, болтливость. То есть Геродот довольно точно описывает типичную интоксикацию каннабиноидами. Предположение, что скифы использовали именно соцветия женских растений делает и Крис Беннетт (Chris Bennett).

Согласно британскому археологу Эндрю Шэррету, подобная практика имела место в Восточной Европе, как минимум с IV тыс. до н.э. Среди археологических открытий, относящихся к Среднестоговой культуре, следы которой были обнаружены на территории нынешней левобережной Украины, оказались котлы с несколькими ножками. Они использовались для сжигания конопли в пещерах (Sherratt, 1995).

Геродот описывал подобный ритуал и у племени массагетов, родственников скифов: «...Они находили растения с особенными плодами. Потом рассаживались группами вокруг костров и бросали эти плоды в огонь. От этого дыма они пьянели также, как греки от вина. Чем больше плодов они кидали в огонь, тем пьянее становились. Затем начинались песни и пляски» (Геродот, 1999, с. 274).

Этнография приводит множество свидетельств дошедших до нас архаических техник достижения экстаза, будь то танцы, музыка или ритуалы употребления психостимуляторов и галлюциногенных веществ природного происхождения (Widengren, Geo Die Religionen Irans., Kohlhammer, Stuttgart, 1965). Грибные и пейотные культы в Африке, Сибири и Южной Америке, сома (хаома) древних ариев, питури австралийских аборигенов, греческий культ Диониса, учившего виноделию, дзенский чай, пятая чашка которого очищает, а шестая «зовет в область бессмертия», ладан, используемый христианской церковью – все это лишь немногочисленные дошедшие до нас факты использования психоактивных веществ для достижения религиозного экстаза и «потустороннего мира» (Сафронов, 2004, с. 67). «Большинство шаманов по всему миру активно употребляет разного рода психоактивные вещества, - пишет антрополог Майкл Рипински-Нексон, - Это этнографический факт представляет подлинный аспект шаманизма. Галлюцинаторный опыт, обретаемый во время таких сеансов, является ключевым в их религиозной практике» (Michael Ripinsky-Naxon, 1998, p. 147).

На ритуальный характер «скифской бани» может указывать и тот факт, что участники данной церемонии были, скорее всего, обнажены. И хотя Геродот не упоминает об этом, тот факт, что он называет место проведения ритуала «баней», как раз и свидетельствует об этом. В случае же описания ритуала массагетов, сходного со скифским, Геродот воздерживается от сравнения его с баней.

Мы не видим смысла специально исследовать здесь феномен ритуальной наготы, которому посвящены многочисленные исследования, нам важно лишь отметить, что нагота в «скифской бане» носила религиозный характер, но именно она, в купе с «паром и дымом» ввела в заблуждение древнегреческого историка Геродота, который за внешним сходством явления не заметил глубинной ритуальной сути. Однако, и в этом нужно Геродоту отдать должное, описал эффект интоксикации каннабиноидами предельно точно.

Но ответив на вопрос «как», мы теперь сможем попытаться ответить и на вопрос «зачем». И опять нам придется обратиться к Геродоту: «После похорон скифы очищают себя следующим

образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так, устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни». (Геродот, 1999, с. 259) После сжигают на этих камнях соцветия конопли с семенами. Нужно специально отметить, что юрта была устроена таким образом, что пар и дым попадали в своеобразную ловушку, не дававшую им улетучиться, и участники ритуала могли их спокойно вдыхать. В одном из захоронений, которое относится к Пазырыкской культуре, было найдено красиво отделанное кожаное одеяло, украшенное крылатым львом — грифоном, нападающим на лося. Именно в качестве покрывала для юрты, в котором дышали коноплёй, оно и было положено в захоронение. Как отмечает Эндрю Шэрретт, «скифской традиции употребления горящей конопли в качестве наркотика, приблизительно пять или шесть тысяч лет. Она уходит корнями в древние земли современных Румынии и Кавказа, которые были центром социальных и религиозных обычаев кочевых племён центральной Евразии в доисторические и раннеисторические времена» (Sherratt, 1995, с. 48).

Не отрицая указанную Геродотом функцию ритуального очищения, мы можем предположить, что не только она была целью данного ритуала, выполняемого в «скифской бане». Да и сам ритуал, выполняемый в «скифской бане» должен был восходить к некому космогоническому мифу. Именно космогоническая идея, идея некого развернутого во времени процесса превращения Хаоса в Космос, является основой всех архаических социальных ритуалов. По мнению В. Н. Топорова, глубинный смысл любого, именно любого, архаического ритуала состоит в воспроизведении некой общей космологической схемы, заключающейся в движении от принципиально неупорядоченной реальности Хаоса к принципиально упорядоченной реальности Космоса. По его мнению, «возможности ритуала... определялись тем, что он был как бы соприроден акту творения, воспроизводил его своей структурой и смыслом и заново возрождал то, что возникло в акте творения» (Топоров, 1988, с. 15).

Геродот приводит нам такой космогонический миф: Геракл, гоня быков Гериона, попадает в холодную страну скифов, засыпает, оставляя коней пастись. Проснувшись, он обнаруживает, что кони исчезли, а поиск их приводит Геракла в пещеру, где он встречает полудеву-полузмею. Она обещает отдать похищенных коней Гераклу, только после того как он вступит с ней в любовную связь. От этой любовной связи появляются три ребенка, младший из которых, по имени Скиф, единственный смог пройти испытание Геракла (натянуть отцовский лук). От этого сына Геракла, по преданию и произошли все скифские цари.

В данном случае, благодаря Геродоту, мы имеем этногонический миф как составную часть мифа космогонического. Так же, безусловно, что мотив испытания сыновей Геракла становится парадигматической моделью скифского ритуала инициации, что подтверждается сюжетными рядами на золотых бляшках и сосудах из Куль-Обы и Солохи.

Нет смысла подробно исследовать сюжет с луком, характерный для многих культур и племен, от героев Махабхараты Панду и Арджуны, названых великими лучниками, а натягивание богатырского лука последним, во время сваямвары - свободного выбора жениха невестой, напоминает аналогичное действие в «Одиссее» Гомера. Сюда же можно отнести и многочисленные сюжеты из сказок народов мира, когда либо поиск невесты, либо состязательная борьба за нее с отрицательным персонажем (Кощеем) связаны со стрельбой из лука. Хороший лучник считался символом не только храбрости, но и мудрости - ведь для меткого выстрела ему приходилось держать в голове множество различных факторов, влияющих на полет стрелы. Как утверждают археологи лук и стрелы были обязательным оружием каждого скифа-воина (Мелюкова, 1964, с. 14.).

Геродот и не мог бы оставить нам описание подобных инициатических ритуалов у скифов, ведь сами эти обряды скрывали не только от заезжих иноземцев, но и от собственных непосвященных, женщин и детей. Однако, благодаря Геродоты мы знаем, что обряд посвящения сопровождался убийством врага: «когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь… Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные». (Геродот, 1999, с. 254-255)

На наш взгляд, «скифская баня» являлась частью инициатического ритуала скифов. Если предположить, что «скифская баня» символизирует пещеру, которых в южнорусских степях было не найти, то само посещение такой «бани» приравнивалось к нисхождению в нижний мир к змееногой богине. А слова Геродота о том, что «скифскую баню» устраивали именно во время похоронных

ритуалов, лишний раз подтверждает наше предположение. Покойник отправляется в нижний мир в сопровождении шаманов и прошедших инициацию воинов.

Аналогичные ритуалы мы видим в ритуалах так называемой «Палатки духов» или «Палатки потения» североамериканских индейцев, в котором тоже представляет собой несколько стоячих жердей накрытых одеялами и шкурами, и в которой тоже используются раскалённые камни, на которых сжигают какую-то траву и льют воду. Причем посещение ритуала «Палатки духов» возможно только для посвященных, а сами действия и видения, которыми сопровождается ритуал должны быть скрыты от посторонних.

Вероятнее всего эффект «скифской бани» сопровождавшийся сжиганием соцветий и семян конопли усиливался еще и повышением температуры с самой юрте. Ведь, как указывает известный специалист по изучению измененных состояний сознания Арнольд М. Людвиг, помимо многообразных фармакологических веществ существуют и такие способы достижения транса, как «снижение остроты сенсорных восприятий, повторяющуюся монотонную стимуляцию организма», «возбужденное эмоциональное состояние, достигаемое с помощью сенсорных перегрузок, которые могут сопровождаться активной физической деятельностью и значительным напряжением сил», «душевные состояния, являющиеся результатом фокусируемой или избирательной концентрации внимания» (Arnold M. Ludwig, 1966, p. 225-234).

Можно с полной уверенностью утверждать, что способность к переживанию измененных состояний сознания является одним из основополагающих свойств человеческой психики, а соответствующая потребность — одной из базовых человеческих потребностей. По меткому выражению М. Элиаде: «Опыт экстаза неотрывен от человеческой сути» (Элиаде, 2008, с. 23). В этой связи, изучение феномена скифской бани, описанной в «Истории» Геродота, позволяет нам лучше понять религиозные обряды бытовавшие в среде кочевников Древней Евразии.

Литература:

Arnold M. Ludwig. Altered States of Consciousness. Arch Gen Psychiatry. 1966, 15(3).

Chris Bennett. The Scythian's Ritual Use of Cannabis. [Электронный ресурс]. https://sencanada.ca/content/sen/committee/371/ille/library/spicer-e.htm (Дата обращения 11.01.2018).

Michael Ripinsky-Naxon, The Nature of Shamanist: Substance and Punction of a Religious Metaphor. State University of New York Press, 1993.

Michael Ripinsky-Naxon. «Shamanistic Knowledge and Cosmology» in Helmut Watishcher, Tribal Epistemologies: Essays in the Philosophy of Anthology, Ashgate Publishing, Aldershot, 1998.

Sherratt, A. G., Introduction: peculiar substances in J. Goodman, E E. Lovejoy, and A. Sherratt. 1995.

Widengren, Geo Die Religionen Irans., Kohlhammer, Stuttgart, 1965.

Геродот. История. – М., 1999.

Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. – СПб., 2000.

Маккенна Т. Пища богов. – М., 1995.

Мейтарчиян М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. – М., 1999.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. - М., 1964.

Пикалов Д.В. Следы зороастризма и манихейства на торговых путях Северного Кавказа. // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристических дестинаций на Северном Кавказе: материалы международной научно-практической конференции. – Ставрополь: изд-во СКФУ, 2016. – 177 с.

Пикалов Д.В. Храмовая архитектура и мифогеография скифов. // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии. Материалы межрегиональной научной конференции «VI Минаевские чтения». Ставрополь, 2003.

Прокопенко Ю.А. Связи населения Центрального Предкавказья (вторая половина I тыс. до н.э.). // Lap Lambert Academic Publishing, 2011.

Сафронов А.Г. Религиозные психопрактики в истории культуры. - Харьков, 2004.

Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. - М., 1988.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. - М., 2008.

Резюме

Д.В. Пикалов

«Скифская баня» Геродота в контексте данных истории и этнографии

В статье предпринимается попытка реконструкции магико-религиозной парадигмы, стоящей за описанным древнегреческим историком Геродотом обычаем древних кочевников Евразии, получившим в науке название «скифская баня».

Summary

D.V. Pikalov

"Scythian Sauna" of Herodotus in the Context of Data of History and Ethnography

The article is devoted to reconstruct the magic religious paradigm, which was described by the ancient Greek historian Herodotus. Herodotus described the custom of the ancient nomads of Eurasia named "Scythian sauna" in scientific circles.

Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К.
Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова
Караганда, Казахстан

УДК 94 «1946/1991» (574)

ИТОГИ ГРАНТОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕМЕ: «ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА(1946-1991 гг.)

Ключевые слова: городская повседневность, история Центрального Казахстана, история второй половины XX века, девиантное поведение, Отечественная история.
Keywords: urban everyday life, history of Central Kazakhstan, history of the second half of the twentieth century, deviant behavior, national history.

Настоящий исследовательский проект был задуман, как один из первых в Казахстане проектов, посвящённых повседневной жизни советских казахстанцев, в частности, горожан Центрального Казахстана во второй половине XX века – 1946-1991 гг.

За последние два десятилетия история повседневности, в том числе, и советской городской повседневности, стала одним из перспективных направлений в современной казахстанской исторической науке. Феномен повседневности изучается различными отраслями гуманитарных наук: социологией, антропологией, философией, культурологией и др. Обращение историков, культурологов, социологов, антропологов к данной проблеме свидетельствует о расширении ракурса изучения исторического прошлого, о междисциплинарном подходе к историческому прошлому. Если ранее исследователи занимались преимущественно проблемами социальной, экономической, политической, демографической истории, и главными персонажами исследований обществоведов выступали классы и классовая борьба, государство и политические институты, исторические личности, то теперь в центре внимания оказался простой человек с его обыденной жизнью и его рефлексией на социально-экономические, политические, этнические, конфессиональные, культурные и другие процессы, окружающие его, вольным или невольным участником которых он становился. Изучение повседневности вводит в проблемное поле науки культурно-исторические явления, которые ранее не входили в круг исследовательских интересов казахстанских историков. В исторической науке, как отмечают исследователи, становится все более заметной тенденция к «антропологизации», что связано с ростом интереса к отдельному человеку, как главному компоненту социального организма, как главному субъекту (или объекту) меняющейся реальности. Повседневная жизнь людей не только является отражением социальных, экономических, политических, культурных процессов, но и оказывает обратное воздействие на общество, и зачастую это воздействие может носить необратимый характер. Изучение и анализ этого взаимодействия позволит отразить разнообразие исторического процесса, изменить не только фокус оценки, а порой и собственно оценку событий. Кроме того, повседневность обычного человека оказывает существенное (если не фундирующее) влияние на девиации в обществе, в том числе, на уровень преступности, на возникновение очагов социальной напряженности, которые могут вылиться в различные формы протестных движений. Изучение этих процессов, их взаимовлияние до сих пор составляли лакуну в исследовательском поле отечественной историографии.

Актуальность и востребованность данного направления в социогуманитарном знании, необходимость появления монографических работ и документальных сборников, которые составляют базовую основу для исследователей по проблемам повседневности, подтверждается стремительным ростом количества работ по истории повседневности и разнообразием сюжетов в данном исследовательском жанре. В казахстанской исторической науке изучение повседневности лишь делает первые шаги. Документальных сборников и монографических работ в республике по данной тематике до появления наших работ не было ни одной, хотя публикации документального материала по проблемам социальной истории имеют место быть. В зарубежной же, в том числе, российской историографии, уже, как минимум, два десятилетия такого рода монографии и сборники публикуются. В последние два с половиной десятилетия в отечественной историографии срез советской эпохи второй половины XX века оказался вне исследовательском поля, «маленький»

человек – «винтик» механизма, именуемого «советский тоталитаризм», отступили перед более глобальными проблемами советского периода (коллективизация, голод, война и т.д.). Доступ ко многим архивным источникам сегодня открыт, в том числе ко многим документам под грифом «секретно», что дает исследователям возможность воспроизвести и объективно анализировать весь спектр проблем повседневной жизни советских людей. В настоящее время, когда на проблемы советской истории сняты многие идеологические ограничения (однако и сейчас значительная часть документов советской эпохи в архивах лежит под грифом «секретно», мы столкнулись с этими проблемами, работая по Темиртауским событиями 1959 г.), актуальными задачами являются исследования «малых жизненных миров» и повседневной жизни рядовых граждан на основе новых архивных материалов, введение их в научный оборот, в том числе, и материалов из российских архивов.В итоговых материалах проекта отражен региональный подход и микроисторический анализ к изучению истории повседневности.

Цель проекта: изучение истории городской повседневности Центрального Казахстана как фактора социальной напряженностии девиантного поведения во второй половине XX века (1946-1991 гг.).

Методы исследования. В исследовании использованы, как общенаучные (анализ, синтез, математико-статистический метод (сбор, обработка, анализ количественных данных, вычисление средних показателей, процентов, группировка статистических сведений по определенному признаку, составление таблиц), так и специально-исторические методы (сравнительно-исторический, историко-типологический, проблемно-хронологический, историко-систематический методы). Также в исследовании применялись такие методы как метод экстраполяции, синергетика, синтеза макро- и микроисторических подходов.

Новизна исследования заключалась в системном подходе в изучении проблем повседневной жизни горожан Центрального Казахстана, реконструкции культурно-антропологических типов горожан: партийный чиновник, рабочий, советский педагог. Введение в научный оборот новых архивных и иных документальных источников из архивов РК и РФ, изучение в комплексе проблем истории городской повседневности позволили представить в сравнительно-историческом аспекте социально-экономические факторы повседневности жителей Центрального Казахстана.

Научная значимость: данный проект является одним из первых в республиканской историографии специальным локально-историческим исследованием городской повседневности городов Центрального Казахстана, выполненным на основе широкого комплекса архивных, опубликованных документов и устных источников.

Практическая значимость: материалы проекта могут быть использованы историками, антропологами, этнографами, культурологами при работе над изучением проблем культурной и социально-экономической жизни советского города второй половины XX века; использоваться в чтении лекционных курсов по Отечественной истории XX века, истории повседневности, краеведению, культурной антропологии, микроистории и других социогуманитарных курсов для учреждений высшего, среднего профессионального и общего образования; в музейно-этнографической, архивной и краеведческой деятельности.

Результаты исследования 2015-2017 гг.: Опубликованы 2 сборника документальных материалов, 2 монографии и 1 учебное пособие для докторантов по теме проекта; а также 75 научных статей в отечественных и зарубежных изданиях.

Источниковый комплекс исследования складывался из разнородных по форме, содержанию, степени достоверности источников. Проблема репрезентативности и доступности источников до сих пор остается актуальной для отечественной исторической науки: и хотя на современном этапе появилась реальная возможность объективного анализа многих документальных материалов по исследуемой проблеме, однако следует отметить, что в ходе работы в архивах мы столкнулись с тем, что часть архивных документов до сих пор находятся под режимом секретности в силовых структурах, в частности, по событиям 1959 г, забастовкам 1989 г.; для исполнителей проекта представляло сложность также найти аналитическую или даже статистическую информацию за все периоды по преступности и девиациям 1940-х-1991 гг. (например, проституция, суицид, наркомания и др.), в архивах имелись данные лишь по отдельным годам (материалы МВД, прокуратуры, судов и т.п.).

В целом были выделены выделить 5 групп источников: делопроизводственные документы; статистические материалы; периодическая печать; источники личного происхождения и устные источники.

Значительную часть источниковой базы исследования составили делопроизводственные документы партийных, государственных и хозяйственных учреждений всех уровней: от союзного до районного. При работе с этой группой материалов, на наш взгляд, следовало отказаться от сверхкритичного отношения к решениям, принимаемым в то время как центральными, республиканскими и местными властными органами. Источниковедческий анализ данных материалов документов предполагал изучение их происхождения, предоставление их общей характеристики, установление исторических условий, причин составления, хода разработки, степень реальности их выполнения, сравнительный анализ союзных, республиканских и местных документов и других видов источников и т.д.

Отдельная группа источников – статистические материалы – материалы советской государственной статистики, опубликованные материалы в статсборниках ишироко задействованные в исследовании неопубликованные материалы из статистических органов, как местных, так и союзных. Многие факты, обнаруженные нами в архивах, свидетельствовали о несостыковках в отчетах, при работе с этими материалами нам пришлось столкнуться со значительным разнобоем в цифровых данных. Но неиспользование такого значительного корпуса источников означало бы выпадение из нашего видения значительной части проблемы. Поэтому при работе с данным видом источника потребовалась значительная работа по выявлению репрезентативности материалов, сравнительному анализу с другими документами и т.п.

Третью группу источниковых материалов представляли периодические издания, публиковавшиеся в исследуемый период. Изучение источников этого типа осложнялось идеологизацией всего публикуемого материала, но в них присутствует значительная «непрозрачная» информация латентного характера, иногда завуалировано, а иногда и открыто отражались различные мнения людей советской эпохи, их отношение, эмоции и восприятие к той или иной проблеме. К изученным источникам этой группы стоит отнести областные и районные газеты («Социалистическая Караганда» (на казахском языке), «Индустриальная Караганда», «Шахтёрский маяк» (г. Шахтинск), «Балхашский рабочий», «Джезказганская газета», «Темиртауский рабочий» и др.).

Следующую, четвертую группу источников составили источники личного происхождения: в микроистории и истории повседневности источники личного происхождения играют важную роль при ее изучении, поэтому в данном исследовании, былоневозможно обойтись без использования воспоминаний, как исторического источника, ведь они по большей степени раскрывают исследуемую тему. Ипользованные источники личного происхождения: дневники, мемуары и воспоминания. Данный вид источников имеет ряд отличительных черт, как в области предоставляемого знания, так и в области методов критики: один из эффективных методов проверки полноты и достоверности воспоминаний это их сопоставление с другими источниками, которые, так или иначе, пересекаются с событиями, анализируемых воспоминаний. Данный вид источника привлекался как из архивных фондов, так и из личных коллекций горожан Центрального Казахстана.

Пятая группа – материалы устных источников, собранных в результате интервьюирования с горожанами Центрального Казахстана (материал более подробный будет представлен ниже). Отличительным признаком устного исторического источника является также индивидуальность и субъективность информации, отражающей жизненный опыт конкретного человека как участника или очевидца исторических явлений и процессов, его личные оценки и представления. В определении устноисторического источника важен ряд ключевых признаков: во-первых, «субъективный способ фиксирования прошлого», во-вторых, «современная переоценка давних событий и индивидуальная психика человека»: источник дважды субъективен, так как не свободен от влияния последующего жизненного опыта человека. Все эти обстоятельства и факторы были учтены при обработке и анализе собранных материалов.

Безусловно, что огромный сегмент источникового знания представлен в архивах (из 5 видов источников 4 были задействованы из архивов), причем архивные документы составилизначительный по информативному потенциалу и объему материал, использовавшийся в работе над проектом. В ходе исследования были отработаны более 40 фондов различных архивов,из них: около 30 фондов четырех Центральных российских архивов – Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики Российской Федерации (РГАЭ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ); более 20 фондов двух Центральных казахстанских архивов – Архива Президента Республики Казахстан (АП РК) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), также фонды Государственного архива Карагандинской области (ГАКО) и Государственного архива Каркаралинского района (ГАКР).

Для выполнения работ данного этапа исследований были осуществлены научные командировки в г. Москва и г. Алматы в 2015-2017 гг. для сбора архивных материалов в российских и казахстанских фондах. Собраны и отработаны документы около трех десятков фондов государственных архивов Российской Федерации по различным проблемам городской советской повседневности. В частности, в РГАСПИ отработаны материалы из Ф. 17– Центральный Комитет КПСС (материалы о жилищно-коммунальном, культурно-бытовом строительстве, по религиозным вопросам, состоянию развития физической культуры и спорта в Казахской ССР и др).ВГА РФ отработаны фонды: Ф. 8300 – Министерство государственного контроля СССР; Ф. 9477 – Комиссия государственного контроля; Ф. 5471 – Центральный комитет профсоюзов работников пищевой промышленности; Ф. 8131 – Прокуратура СССР; Ф. 9527 – Комитет народного контроля СССР; Ф. 6991 – Совет по делам религий при СМ СССР и др.; в РГАЭ – Ф. 5 – Комитет по гражданскому строительству и архитектуры; Ф. 81 – Главное Управление по межреспубликанским поставкам товаров народного потребления при Госкомитете СМ СССР по торговле «Союзглавторг»; (дела по конъюнктурным обзорам, планам межреспубликанских поставок и др.); Ф. 339 – Государственный комитет СМ СССР по делам строительства; Ф. 1936 – Документы о выполнении поручений СМ СССР по жилищно-гражданскому строительству; Ф. 1562 – Центральное статистическое управление при СМ СССР и др.

Проведена систематизация и анализ материалов по населению городов Центрального Казахстана, собранных в АП РК, в частности, фонд 708 «Центральный Комитет Компартии Казахстана», в котором были отслежены вопросы и проблемы, касающиеся проблематики городского благоустройства, работы коммунальных служб и др. Проблемы повседневностигорожан Казахской ССР и состояние преступности в Карагандинской области, например, были специальным предметом обсуждения на заседаниях ЦК КПК, использование этих материалов позволило провести сравнительный анализ официального видения проблемы и «взгляда снизу», материалов союзных, республиканских и областного архивов.

Проведена работа по сбору, оцифровке и систематизации архивных материалов из ЦГА РК (Ф.1611 – Министерства торговли Казахской ССР; Ф.Ф. 1711 – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Казахской ССР; Ф.1611 – Конъюнктурные обзоры облторгуправлений и др.).

Значительный сегмент был отобран и систематизирован из архивных материалов ГАКО: Ф.1. Оп.39 – Информация горкомов, райкомов партии по выполнению постановлений ЦК КПК и СМ Казахской ССР «О состоянии и мерах по улучшению работы парков культуры и отдыха в республике; Ф.1. Оп.41. – Письма обкома партии в ЦК КПК по вопросам идеологии, работы органов здравоохранения и культуры; Ф.1.Оп.46 – Информации о мерах по улучшению водоснабжения, жилья, культурно-бытовых объектов; Ф.1. Оп.46 – Карагандинский Обком КПК. Отчеты о работе лечебно-профилактических учреждений и медицинского обслуживания; Ф. 1. Оп.48 – Информация областных организаций по вопросам работы транспорта; Ф.1. Оп.49 – Накопительные папки по выполнению постановления бюро обкома Компартии Казахстана; Ф.15 – Отчеты «О социально-экономическом развитии Карагандинской области за 1960-1989 гг.; Ф.555 – Общественное питание; Ф.636 – Карагандинский областной отдел коммунального хозяйства и Министерства коммунального хозяйства Казахской ССР; Ф.1158 – Главное Управление архитектуры и градостроительства Карагандинской городской администрации; Ф.30, Ф.664 – «Отчёты председателя городского Совета народных депутатов за 1970-1980-е гг.» города Шахтинска и других городов. Интересные материалы по статистике труда и зарплаты, из конъюнктурных обзоров и справок о работе общественного питания области, о фонде заработной платы, бюджета горожан Центрального Казахстана; материалы по изучению покупательского спроса населения за 1950-1980-е гг. были из Ф.596– Статистическое управление. Так же были проработаны: Ф.18 – Карагандинский областной совет народных депутатов и исполнительный комитет; Ф. 613 – Трест столовых и ресторанов Карагандинской области и т.д.

Один из важнейших фондов для реконструкции картины повседневности горожан региона был Ф.1915 – Воспоминания жителей города Караганды, эти данные (в фонде содержатся материалы воспоминаний более 30 человек по интересующему нас периоду) позволили сравнивать восприятие горожан с материалами интервьюирования и других видов источников. Воспоминания не являются бесстрастной фиксацией событий прошлого, по большей степени своей они субъективны, однако, это не уменьшает их значимость как исторического источника, ведь именно воспоминания несут «дух» той эпохи, о которой повествует человек, настроения, несут отпечаток личности повествующего. Чем длиннее временное расстояние, тем больше вероятность искажения, утраты деталей и пр. Вместе с тем временная дистанция дает возможность более спокойно оценить прошлое, более взвешенно

расставить акценты, выделить главное из частного и т. д. Один из эффективных методов проверки полноты и достоверности воспоминаний – это их сопоставление с другими источниками, которые, так или иначе, пересекаются с событиями, анализируемых воспоминаний. В прошлом, воспоминаниям отводилась малозначительная роль при исследовании, но они играют очень важную роль в освещении повседневности (быт, восприятие действительности, общественные настроения, ментальность и др.).

Для сбора одного из важнейших видов источников (пятая группа источников) для истории повседневности – устных источников было проведено интервьюирование горожан исследуемого периода. Интервьюирование проводилось в период всех трех лет работы по проекту и двух видов в зависимости от целей и степени формализации: свободное(или клиническое) интервьюи интервью с открытыми вопросами. Свободное интервью применялось в 2015 г. на первом этапе исследования, когда было необходимо сориентироваться в проблемах, целях и гипотезах исследования, для разработки его программы, анкеты.с открытымивопросам, заранее была определена только тема беседы. На данном этапе были проинтервьюированы 38 человек в возрасте от 52 до 78 лет, проживающие преимущественно в Караганде.

На втором этапе был проведен 2 этап интервьюирования (апрель – июнь 2016 г.). Наданном этапе исследования выполнялись ряд работ: осуществлялось изучение и разработка методики проведения интервью. Были изучены труды российских и зарубежных авторов по методике проведения интервьюирования (Никандров В.В.; Белановский С.А., Мертон Р., Фиске М., Кендалл П.,Квале С. и др.); проведены методологические семинары на тему «Устное интервьюирование по истории городской повседневности Центрального Казахстана». На семинарах обсуждались проблемы методологии интервьюирования, информационных ресурсов интервьюирования и т.д. Также прошла разработка, обсуждение и анализ составленных 9 анкет-вопросников по отдельным проблемам исследования (благоустройство городов, система здравоохранения и качество медицинского обслуживания, уровень доходов и жизни, общественное питание, образование, досуг и др.), включающие по 15-20 вопросов различной тематики. В результате было проведено устное интервьюирование горожан Центрального Казахстана: охвачено 55 жителей городов Центрального Казахстана периода 1950-х-1980-х гг.; респондентами стали 36 женщин и 19 мужчин 1930-х-1960-х гг. рождения, проживающие в исследуемый период в Караганде, Темиртау, Абае, Шахтинске, Каркаралинске и др. (фиксация интервью – запись на диктофон была проведена с согласия информантов). При выборе респондентов был использован метод «случайного отбора», в опросе необходимо было зафиксировать естественный разброс мнений или представлений респондентов. Беседы со специальными респондентами способствовали анализу проблем повседневности со специфичных углов зрения, обусловленных их ролевыми позициями: по благоустройству городов Центрального Казахстана; здравоохранению, уровня жизни, уровня доходов в советской семье горожан Карагандинской области; общественного питания и потребления; системы образования в советское время, которая включает в себя дошкольное воспитание, общеобразовательные школы, профессионально-техническое образование, среднее специальное и высшее воспитание; досуга в семье в советский период; религии и ее роли в жизни и ментальности горожан Центрального Казахстана; девиантного поведения и свидетельства очевидцев Темиртауских событий 1959 г. и шахтерских забастовок 1989 г. В последующие периоды продолжалось интервьюирование исполнителями в зависимости от необходимости восполнения тех или иных лакун. В целом в интервьюировании приняли участие 119 горожан региона.

Таким образом, выполненный проект (монографии, сборники документов, статьи и отчеты) был фундирован значительным по объему и типам источниковым комплексом.

Завершение трехлетней работы группы исполнителей из 7 человек дало следующие результаты: впервые был осуществлен системный подход в изучении проблем повседневной жизни горожан Центрального Казахстана; введены в научный оборот новые архивные и иные документальные источники из архивов РК и РФ; впервые в отечественной историографии появились специальные локально-исторические исследования городской повседневности Центрального Казахстана. Материалы проекта были внедрены в учебный процесс исторического факультета КарГУ им. Е.А. Букетова (докторантура, магистратура, бакалавриат).

Исполнителями проекта в целом опубликованы 80 научных работ, в которых отражены основные результаты исследований по проекту, в том числе, 2 монографии[1-2], 2 сборника архивных документов и материалов [3-4], 2 статьи в журналах с ненулевым импакт-фактором, входящих в базу Scopus, 1 статья в журнале с ненулевым импакт-фактором, входящим в базу РИНЦ [5], 8 статей в журналах, рекомендованных ККСОН РК, 25 статьей в материалах международных конференций в РК

и за рубежом. В рамках преподавания элективных дисциплин для докторантуры специальности 6D020300 – История подготовлено и издано учебное пособие по теоретико-методологическим проблемам истории повседневности [6].Таким образом, определенная ниша в казахстанской историографии по проблемам повседневности заполнилась в результате работы данной исследовательской группы над темой проекта.

Литература:

1. **История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946 – 1991 годы.** Монография / Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А. и др.; под общ. ред. З.Г. Сактагановой. – Караганда: «Гласир», 2017. – 380 с.
2. **Сактаганова З.Г., Веременко В.А., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж.А., Утебаева А.Д.** Города Центрального Казахстана в 1950 – 1960-е годы: история и повседневность: монография / под общ. ред. З.Г. Сактагановой. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 224 с.
3. **Повседневность городов Центрального Казахстана в 1946 – 1960 годы**. Сборник документов и документальных материалов / Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова,Б.А. Досова и др. – Караганды: Издательство КарГУ, 2016. – 277 с.
4. **Повседневность городов Центрального Казахстана в 1960 – 1991 годы:** сб. документов и материалов. Часть II / Сост. З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова, В.В. Козина, С.В. Елеуханова, Б.А. Досова, Ж.А. Карсыбаева, А.Д. Утебаева / отв. ред. З.Г. Сактаганова. – Караганда: Гласир, 2017. – 360 с.
5. **Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К.** Повседневность Центрального Казахстана в послевоенное десятилетие: проблемы здоровья городского населения и системы здравоохранения // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. – 2015. – № 4 (8). – С. 90-99 (РИНЦ)
6. **История повседневности: проблемы теории и историографии.** Учебное пособие для докторантов / Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А.; под общ. ред. З.Г. Сактагановой. – Караганда: «Гласир», 2017. – 139 с.

Резюме

З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова

Итоги грантового исследования по теме: «История городской повседневности Центрального Казахстана как фактор социальной напряженности и девиантного поведения во второй половине XX века (1946-1991 гг.)»

В данной статье рассматриваются основные результаты трехлетнего исследовательского гранта по истории городской повседневности Центрального Казахстана. Авторами были выделены основные проблемы и перечислены результаты исследований. Авторы подчеркивают, что были введены в научный оборот новые архивные и иные документальные источники из архивов РК и РФ; впервые в отечественной историографии появились специальные локально-исторические исследования городской повседневности Центрального Казахстана.

Summary

Z.G. Saktaganova, K.K. Abdrahmanova

Results of the grant research on the topic: «History of urban everyday life in Central Kazakhstan as a factor of social unrest and deviant behavior in the second half of the twentieth century (1946-1991)».

This article discusses the main results of a three-year research grant on the history of urban everyday life in Central Kazakhstan. The authors identified the main problems and listed the results of the research.

The authors emphasize that new archival and other documentary sources from archives in Kazakhstan and Russia were introduced into scientific circulation; special local and historical study of urban everyday life in Central Kazakhstan for the first time emerged in the national historiography.

Суслова С.В.
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ,
Казань, Россия

УДК 391

ТАТАРСКИЕ НАКОСНЫЕ УКРАШЕНИЯ: ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЕВРАЗИИ

Keywords: Tatars, hair ornaments, genesis; Finno-Ugric, Turkic-Mongolian traditions.
Ключевые слова: татары, накосные украшения, генезис, финно-угорские, тюрко-монгольские традиции.

В историко-этнографической литературе женские украшения, в том числе и накосные, долгое время рассматривались в одном аспекте: как дополнительный аргумент в связи с решением вопросов, связанных с анализом традиционной одежды. Такой подход является одним из важнейших, поскольку между одеждой и украшениями действительно существует тесная связь (и порою генетическая), порождающая множество общих черт в их развитии (Гаген-Торн, 1960). Одновременно этим принижалась их роль как самостоятельного источника, а исторические закономерности временных и территориальных трансформаций вырисовывались слабо. Особая важность этого источника обусловлена «нетленностью» и ёмкостью, заключающейся в нем научной информации (технико-технологические параметры, орнамент, конструкция и форма изделий).

В современных исследованиях этому виду источника, как важной информативной категории этнических культур, отводиться значительное место. Украшения исследуются в различных аспектах (историко-этнографическом, семиотическом, технико-технологическом, этнорегиональном). Все обозначенные аспекты изучения тесно взаимосвязаны, а полученная таким образом научная информация содержит в себе реальный материал этнокультурных напластований, позволяющий достаточно обоснованно иллюстрировать этапы культурогенеза и этнической истории народов. Содержащаяся в материалах традиционных украшений «этнографического периода» (XIX – XX вв.) научная информация, безусловно, включает в себя и материал этнокультурных напластований более ранних периодов этнической истории, что объясняется относительной устойчивостью и преемственностью типологических признаков народной культуры.

В статье предпринимается попытка использовать информативные возможности традиционных накосных украшений волго-уральских татарок как самостоятельного историко-этнографического источника. С этой целью была осуществлена попытка применения как синхронного, так и диахронного кросскультурного анализа. Накосные украшения татарок рассматриваются на широком историко-географическом фоне с привлечением идентичных материалов близкородственных тюркских, а также финно-угорских народов Евразии, этническая история которых так или иначе связана с крупными полиэтническими сообществами прошлого (Волжская Булгария, Золотая Орда, Российская империя). Особое внимание уделено историко–генетической интерпретации этноспецифических украшений.

Украшения кос у татарок, как и у большинства тюрков Евразии, получили самое широкое распространение. Украшению (скрыванию волос), как известно, придавалось магическое значение. Они были чрезвычайно разнообразны по форме и особенностям декоративного оформления, по способам ношения и технике изготовления. По материалам Историко-этнографического атласа татарского народа выявлено три типа накосников (Суслова, Мухамедова, 2000, с. 204-210).

Тип I. ***Чулпы*** (*чәч бау*) - накосники в виде узкой ленты-тесьмы, вплетаемой в косы, на которую с помощью кольца крепились звенящие подвески из монет, самоцветов или подвески, плетеные из проволоки, изготовленные из разнообразных блях (рис. 1, *1*). *Чулпы* бытовали у всех этноструктурных подразделений волго-уральских татар (за исключением крещеных татар - кряшен), а также у астраханских и сибирских татарок. У сибирских татарок, так же, как и у волго-уральских, *чулпы (цолбу)* использовались в качестве самостоятельного украшения для кос и как декоративная деталь *койрык* (хвост) другого накосного матерчатого украшения - *чәч тәнкәсе* (*тезмә*) (Смирнова, 1995, с. 221).

Чулпы из монет, собранных в той или иной композиции, характерны для большинства тюркоязычных народов Евразии. *Чулпы* литые, из самоцветов или сплетенные из проволоки в виде подтреугольных щитков с подвесками в середине XIX - начале XX в. среди татарок имели

незначительное распространение. Шире они бытовали, вероятно, в более раннее время. Судя по материалам Н.Б. Крыласовой, они напоминают, так называемые, «умбоновидные» накосники (рис. 3), широко распространенные в средневековых финно-угорских погребениях Волго-Камья, особенно в марийских древностях (Крыласова, 2001, с. 72-73, рис. 2.).

Чрезвычайно широко были распространены *чулпы* с бляхой в основе с прикрепленными к ней подвесками из серебряных монет, которые изготавливались профессиональными ювелирами (рис. 2). Бляхи выполнялись в технике скани, штамповки, часто украшались самоцветами или зернью, цветочно-растительным орнаментом или арабской вязью при использовании гравировки, черни, чеканки. По количеству и характеру сочетания в одном украшении встречаются накосники из двух, трех и даже шести-девяти блях, соединенные в два или три ряда «коромыслицем». Такие массивные *чулпы* крепились сразу к обеим косам или же использовались как декоративная деталь - *койрык* при оформлении конца матерчатых накосников (рис. 1, *2; 3*)

Наиболее распространенными были *чулпы,* имеющие в основе бляху лопастной формы – ажурную филигранную или сплошную (гравированную) со значительным преобладанием ажурных (рис.1, *1*). Они широко бытовали у башкирок, астраханских и сибирских татарок, у многих тюркских народов далеко за пределами Волго-Уральского региона, например, у казашек (Захарова, Ходжаева, 1964, с.134). Татарские филигранные *чулпы* представлены в разделе «Искусство Ближнего Востока XVIII-XX вв.» (МАЭ, экспозиция 2015 г.).

Появление накосника *чулпы*, где в качестве основного элемента служит не монета, а бляха, Н.И. Воробьев относил ко второму этапу развития данного украшения (Воробьев, 1953, с. 291). Археологические же материалы указывают на то, что татарские накосники с бляхой в основе очень древние и восходят, вероятно, к накосным украшениям булгарских женщин. Поэтому реально предположить и обратный процесс упрощения *чулпы* от массивных блях к простым монетам, вплетаемым в косы. Так, накосники ранних булгар, по сравнению с казанско-татарскими, были значительно сложнее по форме. Они состояли из надетых на ремешки спиральных бронзовых пронизок и прикрепленных к ним конусовидных или литых «шумящих» блях-подвесок, (Халикова, 1971, с. 79) общей формой напоминающих традиционные татарские украшения (например, миндалевидные серьги с подвесками или накосники *чулпы* из блях с подвесками). Они были характерны и для женского наряда древневенгерских племен, обитавших на территории Средней Волги и Нижней Камы, которые участвовали в сложении этноса и культуры Волжской Булгарии (Халикова, 1976, с.155).

Аналогичные т.н. «арочные» накосники из ажурных литых и штампованных блях с подвесками, как и упомянутые выше плетеные «умбоновидные», были чрезвычайно характерны для женского наряда средневекового финно-угорского населения Пермского Предуралья (Крыласова, 2001, 61-73). Е.П. Казаков считает, что «арочные» шумящие подвески из Приуралья и Прикамья попали и в Волжскую Болгарию. Известно, что на Билярском городище была найдена литейная форма для изготовления «арочных» накосников, что свидетельствует об их производстве непосредственно в домонгольской столице Волжской Болгарии (Культура Биляра, 1985, табл. XXXVI, 9). Более того, А.М. Белавин высказал предположение о том, что, «возникнув в VIII в., шумящие накосники прошли длительную эволюцию и развились в накосники типа татарских *чулпы*, прослеживаемые в этнографическое время у тюркских народов» (Белавин, 1999, с. 20). Нам остаётся только присоединиться к этому компетентному мнению известных археологов. В этом убеждает и тот факт, что у золотоордынских женщин и кочевников Восточной Европы накосники типа *чулпы* не выявлены (Плетнева,1958; Федоров-Давыдов,1966; Каримова, 2013).

Тип II. *Чәч тәнкәсе* (*тезмә*) - накосники в виде простеганых одной или двух-трёх (обычно скрепленных между собой перемычками) полос ткани или позументных лент, прикрывающих обе косы сверху донизу, украшенных монетами, бляхами, бусинами (рис. 1, *2*). «От шапки висит затылочное украшение, шириной в ладонь, во всем Черемисскому подобное» (Георги, 1799, с.13). Нижний конец накосника *койрык* обычно оформлялся в зависимости от региональных традиций подвесками типа *чулпы*, колокольчиками или позументными кистями. *Чәч тәнкәсе* преимущественно девичье украшение казанских татар и кряшен. Бытовало оно и у касимовских татар, и у сергачских мишарей (Суслова, Мухамедова, 2000, с. 209). Его носили в комплексе головного убора *ак калфак* или с большим бархатным калфаком.

Близкие аналоги накоснику *чәч тәнкәсе* из одной простеганной полосы ткани, ушитой монетами известны у башкир, у соседних финно-угорских народов края: мордвы, удмуртов, восточных марийцев (Суслова, 1980, с. 30). Аналоги татарским *чәч тәнкәсе* четко просматриваются в накосных украшениях народов Казахстана и Средней Азии, например, в накосниках из двух

скрепленных между собой полос материи с нашитыми на них монетами, бляхами – у казахов (ККГМИ, инв. 3707), туркмен (ГМИИТ, инв. М-59).

Происхождение накосных украшений типа *чәч тәнкәсе* Н.И. Воробьев связывал с твердыми женскими головными уборами типа *кашпау*, которые имели сзади длинный, спускающийся вдоль кос, «хвост». По мнению исследователя, этот головной убор был заменен калфаком, а наспинная лопасть эволюционировала в накосник (Воробьев, 1953, с. 282). Однако, судя по рассмотренным аналогиям, генезис накосника *чәч тәңкәсе* представляется более сложным конгломератом финно-угорских и разновременных тюркских компонентов, включая, вероятно, и ранний кипчако-ногайский кочевнический субстрат.

Тип III. ***Чәч кап*** (дословно: мешочек для кос) – накосник в виде матерчатого чехла, одеваемого на косу; украшался монетами, вышивкой или оборкой и крепился у основания кос (рис. 1, *3*; рис. 4). Нередко конец *чәч кап* также оформлялся подвесками из монет или блях. Накосник-чехол является элементом тастарного комплекса женского головного убора южной (ч-окающей) группы мишарей. Не исключено, что в более раннее время он бытовал и у казанских татар. Во всяком случае в татарском с. Мокрые Курнали Лаишевского уезда Казанской губернии (Суслова, Мухамедова, 2000, с. 210) бытовала некая промежуточная форма накосников: коса находилась почти в футляре, благодаря часто посаженным с обратной стороны накосника матерчатым перетяжкам. По сведениям Н.Н. Вечеслава, накосник-чехол был известен и кряшенам Чистопольского уезда (Вечеслав, 1879, с. 39). Термин *чәч кап*, обозначающий мишарские накосники-чехлы, использовался нередко и для девичьих накосников *чәч тәңкәсе,* и особенно у кряшен. И это не случайно: кряшены дольше и в наибольшей степени, по сравнению с казанскими татарами, сохраняли в традиционном костюме древнетюркские традиции. Заметим, что башкирский накосник – типологический эквивалент татарскому *чәч тәңкәсе*, также называется *сәс кап* (Шитова, 1995, с. 124). Известный филолог Д.Б. Рамазанова приводит целый ряд названий татарских украшений, восходящих к корням древнетюркского языка, в том числе с выделением слов, общих с определенной группой тюркских языков, например, с кыпчакской (Рамазанова, 2002, с. 305-306).

Любопытными аналогами с точки зрения генезиса накосников-чехлов являются нижние головные уборы ногаек – мешочки для волос *шуткъу,* описанные С.Ш. Гаджиевой. «В шуткъу сперва опускали косы, а затем его, как чепец, надевали на голову. Убор плотно облегал голову и спадал с косами на спину» (Гаджиева, 1976, с. 150). Сопоставимым в типологическом и функциональном отношении с *шуткъу* является нижний головной убор астраханских карагашек, состоявший из волосника-чепца, к нижнему краю которого со стороны спины пришивалась полоса ткани, прикрывающая косы (лён, ситец, шелк, парча) (Суслова, 1992, с. 41). Как известно, мишарки надевали накосник *чәч кап* также с чепцом.

Судя по материалам археологических раскопок, кочевники Восточной Европы также скрывали косы в специальные чехлы-футляры (Фёдоров-Давыдов, 1966, рис. 25/6). С.А. Плетнева, описывая женские каменные изваяния, отмечает, что к головному убору «часто прикреплялась спускающаяся на спину лопасть. Если на статуе изображались косы, лопасть делалась гораздо миниатюрнее или совсем отсутствовала. Косы никогда не изображались с насечками – видимо их носили заключенными в футляры» (рис. 5). Любопытно упоминание А. Терещенко о головном уборе казашек, относящееся к середине XIX: «Волосы женщины и девушки разделяют на 2 и 3 косы: две висят по плечам, третья обшита в бархат. Иногда вместо косы – лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами» (Терещенко, 1853, с.68).

Женские накосники-чехлы типа мишарских *чәч кап* широко представлены у тюрков-кочевников Казахстана в эпоху бронзы. Они включали один или несколько чехлов для кос в виде наспинной лопасти-хвоста (Усманова, Логвин, 1998, с. 29, 43, 49). Прототипы их обнаруживаем у древних кочевников Алтая в скифскую эпоху. Это, например, накосники-чехлы из шерсти из Пазырыкского кургана № 2 (ГЭ, инв. №1684/242,243).

Любопытен и возможный монгольский след в генезисе этого накосника. Например, у забайкальских бурят известны узкие длинные чехлы для кос из ткани, украшенные тесьмой, позументом, коралловыми бусами, серебряными пластинами. Е.А. Михайлова – известный исследователь украшений народов Сибири отмечает, что этот характерный для бурят накосник-чехол не имеет аналогий на территории Сибири, но достаточно распространен у ряда племен Монголии (Михайлова, 2005, с. 79-80). Богато декорированные футляры для кос характерны для монгольской знати (Boyer, 1952, p. 77).

Этноархеологический анализ накосных украшений волго-уральских татарок позволяет связывать их генезис с различными этническими традициями. Прототипами накосников из блях

чулпы (Тип I) являются, очевидно, средневековые украшения сопредельного финно-угорского населения, широко бытовавшие в Волжской Булгарии, Казанском ханстве. Генезис матерчатых накосников *чәч тәңкәсе* (Тип II) и особенно чехлов *чәч кап* (Тип III) тесно связан с кипчако-ногайскими кочевническими традициями, тюрко-монгольским миром в целом. Не случайно чехлы для кос широко представлены именно у южных групп татар-мишарей, наиболее тесно связанных с тюрко-кочевническими традициями Евразии.

Литература:

Белавин А.М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X - XIII веков // Актуальные проблемы исторической науки /Отв. ред. А.М. Белавин. – Пермь: ПГПИ, 1989. – С. 20-22.

Вечеслав Н.Н. Описание костюмов русских и инородческих крестьян Казанской губернии. – Казань, 1879. – 43 с.

Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань: Татгосиздат, 1953. – 380 с.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары, 1960. – 228 с.

Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX - начале XX в. – М.: Наука, 1976. – 228 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. – Спб., 1799. – 158 с.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда: XIX-начало XX века. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 177 с.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуры костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – 212 с.

Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2001. – 259 с.

Культура Биляра /Под ред. А.Х. Халикова. – М.: Наука,1985. – 216 с.

Михайлова Е.А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. – СПб: МАЭ РАН, 2005. – С. 12-120.

Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. – № 62. – С. 150-226.

Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. – Казань: Мастер-Лайн, 2002 – 352 с.

Смирнова Е.Ю. Женские украшения сибирских татар конца XIX - первой трети XX века// Материальная культура народов России. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 218-230.

Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 1980. – 124 с.

Суслова С. В. Костюм астраханских татар (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары / Отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1992. – С. 80-89.

Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX - начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Фэн, 2000. – 311 с.

Терещенко А.В. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Москвитянин. – 1853. – Т. 6. – № 22. – С. 51-85.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские накосные украшения Казахстана (эпоха бронзы). – Лисаковск, 1998. – 66 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Издательство Московского университета, 1966. – 270 с.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР, 1971. – С. 67-93.

Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – 1976. – № 3. – С. 141-156.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. – Уфа: КИТАП, 1995. – 237 с.

Boyer M. Mongol gewellery. – Kobenhavn, 1952. – 223 p.

Резюме
С.В. Суслова
Татарские накосные украшения:
этноархеологический анализ в контексте этнокультурных традиций Евразии

В статье использованы информативные возможности традиционных накосных украшений как исторического источника. У волго-уральских татарок известны три типа накосников. Этноархеологический анализ этих типов осуществлен в контексте этнокультурных традиций тюркско-монгольских и финно-угорских народов Евразии.

Summary
S.V. Suslova
Tatar women's hair ornaments:
ethnoarcheological analysis in the context of ethnocultural traditions of Eurasia.

The article uses information possibilities of the Tatar women's traditional hair ornaments as a historical source. An ethnoarcheological analysis of their types was conducted in the context of the ethno-cultural traditions of the Turkic-Mongolian and Finno-Ugrian peoples of Eurasia.

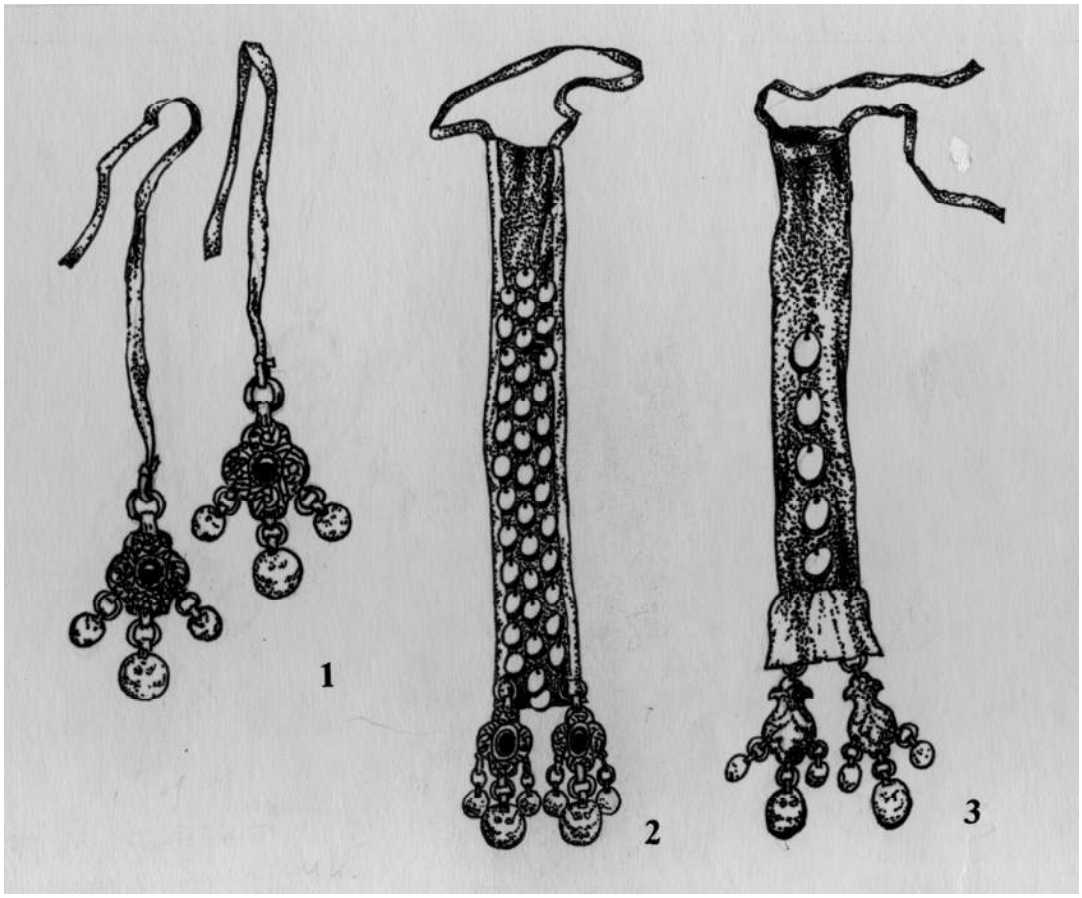


Рис. 1. Типы накосных украшений татарок: 1- Тип I; 2 - Тип II; 3 - Тип III.

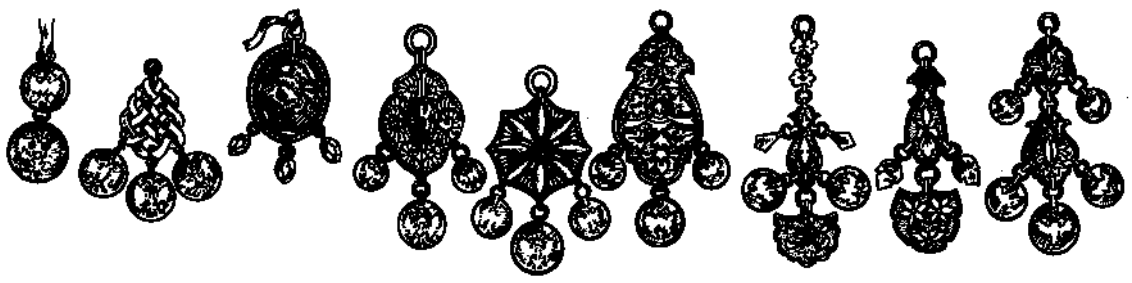


Рис. 2. Накосники чулпы из блях

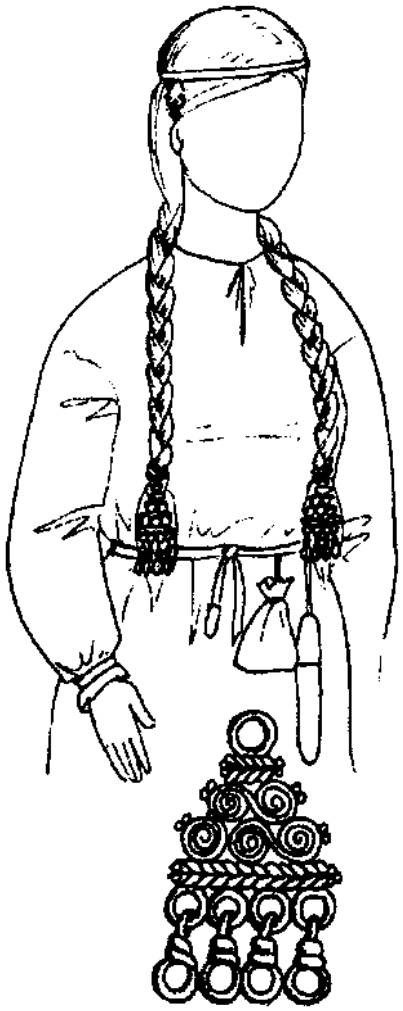


Рис. 3. Вариант реконструкции финно-угорского женского костюма с умбоновидными накосниками (Крыласова, 2001, с. 73).

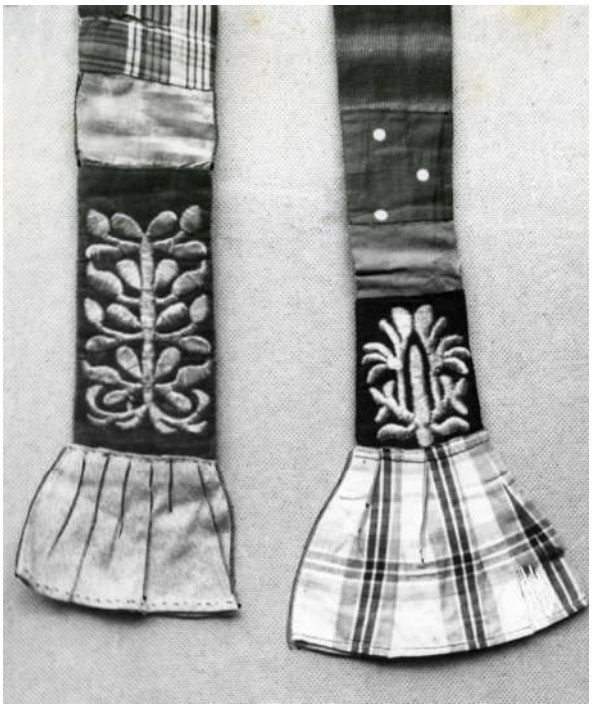


Рис. 4. Накосники-чехлы чәч кап. XIX в. Мишари (ПОКМ, инв. № 15058, 15068).

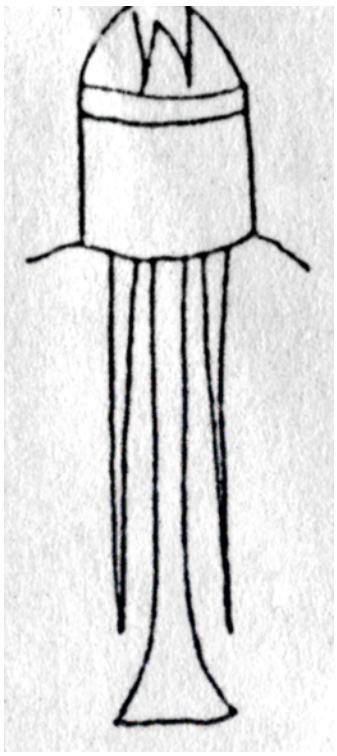


Рис. 5. Накосники-чехлы в комплексе головного убора кочевников (Плетнёва, 1958, с. 211).

Тимощук А.С.
Владимирский юридический институт ФСИН
Владимир, Россия

УДК 130.2

ИНДО-ХАРАППСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В СПОРЕ О ПРАРОДИНЕ АРИЕВ

Ключевые слова: Индоевропейцы, арии, Хараппа, Мохенджо-Даро, традиционная культура, Инд, Сарасвати
Keywords: Indo-Europeans, aryas, Harappa, Mohenjo-Daro, traditional culture, Indus, Saraswati

Согласно теории арийского вторжения (ТАВ), племена дравидийцев были неплохими строителями (так явствует из раскопок Мохенджо-Даро), но в культурно-языковом плане они были менее развиты и поэтому, не имели письменной культуры и литературы. Затем, около 1500 до н.э., Индия подверглась вторжению арийских племён, пришедших с северо-востока. Воинственные племена ариев вторглись через перевалы Гиндукуша в район современного Пенджаба. Они отличались хорошим знанием военного искусства и поэтическим мастерством. Белые кочевые племена принесли с собой характерную социальную стратификацию и ведийские гимны на санскрите. Завоеватели-арийцы, владевшие лучшей военной техникой – боевыми колесницами, покорили коренное население, навязав ему свои Законы Ману, а также установили социальную систему для порабощения местного населения.

ТАВ выдержала два столетия и в настоящий момент активно пересматривается. Западные и индийские учёные называют устоявшуюся версию истории индоариев «миссионерской» и указывают на то, что первые западные исследователи смотрели на мир через призму библейской истории.

Ревизионисты ТАВ интерпретируют артефакты с раскопок в Мохенджо-Даро и Хараппы как результаты ремесел индоариев. Так они устанавливают преемственность в религиозных представлениях, архитектуре, керамике, системе мер и весов индоариев и населения Хараппы. Археологические раскопки Мергара, поселения в Гиндукуше, постоянно обитаемое на протяжении 10000 лет, дают основания считать, что обнаруженные там признаки использования меди, ячменя, выращивания скота, указывают на близость этой культуры к индоарийской.

С момента обнаружения Хараппы и Мохенджо-Даро на реках Рави и Инд в 1922 г. было открыто свыше 2500 поселений от Белуджистана до Ганги и до долины Тапти (Feurstein et al., 1995). Они расположены на территории, охватывающей около полутора миллиона квадратных километров. Эта картина показывает, что около 75% найденных поселений сосредоточены не вокруг Инда или Ганги, а вокруг высохшей Сарасвати. Для сторонников автохтонного развития ариев очевидно, что это бедствие – высыхание реки – и привело к нарушению нормальной жизнедеятельности обитателей протоведийских городов и к последующей миграции. Это была локальная катастрофа, приведшая к массовому оттоку населения в Иран, Месопотамию и соседние регионы. Около 2000–1900 гг. до н.э. продолжительные засухи в бассейне Инда вынудили обитателей переместиться в более безопасные и пригодные для жизни районы. Некоторые двигались на юго-восток, другие – на северо-запад, третьи – на восток. Встречающиеся имена индоарийских династий в Передней Азии подтверждают для автохтонистов миграцию протоведийского населения с востока на запад. В древнегреческих источниках упоминается, что Аристобул видел тысячи оставленных городов и деревень из-за смены течения Инда (Страбон, 15.1.19). Расселение индоевропейских народов могло идти несколькими миграционными волнами от древних миттанийцев, хеттов, иранцев до цыган.

Планировка городов и архитектура найденных поселений требовала знания алгебры и геометрии, знаний, сохранившихся в ведийских «Шулва сутрах» (Seidenberg, 1983). Эти открытия подтверждаются раскопками и в других местах высохшего бассейна реки Сарасвати. Сейчас уже можно говорить о цепи Хараппских городов (начиная с Ропара в Пенджабе до Дхаулавира в Гуджарате и Калибанган в Раджастане).

Стандартная планировка городов, строгое единообразие таких элементов, как единицы мер и весов, размер кирпичей говорят о том, что индская культура была единым централизованным государством с развитой экономикой, военной наукой, искусством, подобно тем, которые ярко описываются в пуранах. Яркая особенность этой культуры – чрезвычайный консерватизм. В Мохенджо-Даро было раскопано, по крайней мере, девять слоев построек. Уровень воды,

поднимавшийся время от времени, заставлял заново возводить здания. Нижние уровни Мохенджо-Даро сейчас находятся ниже уровня Инда, русло которого поднималось в течение нескольких столетий. Поэтому появление воды воспрепятствовало проникновению в самые древние слои истории города.

За тысячи лет планировка улиц осталась неизменной. Письменность индских городов также не менялась на протяжении тысячелетий. Несмотря на поддерживаемые связи с другими, более технически развитыми культурами, например Двуречьем, индоарии не были склонны заимствовать их новшества. Форма правления тоже, видимо, не менялась. Такой беспримерный консерватизм указывает на теократичность правления, когда порядок мыслится установленным свыше (как это было и в Древнем Египте, Шумере).

И Мохенджо-Даро, и Хараппа имеют сходную планировку. Города занимали площадь около 2 квадратных километров. Их центральные улицы были совершенно прямыми, до 9 метров шириной. Большие улицы делили город на кварталы, внутри которых была сеть переулков. В западной части города находилась защищенная зубчатыми стенами каменная площадка на высоте до 15 метров, размерами 365,6 х 82,8 метров, за которой располагались общественные здания.

Дома строились из стандартного обожженного кирпича высокого качества. План постройки был сходным: прямоугольный двор, вокруг которого располагались несколько комнат. Дома возводились в два этажа и выше. Войти в дом можно было с бокового переулка, окна выходили во внутренний двор.

Нижний этаж мог быть площадью до 182 квадратных метров, однако, встречаются постройки и большего размера. Состояние и размеры построек говорят о том, что средний класс составлял значительную часть индоарийских городов, много было и зажиточных семей.

Найдены остатки домов бедных работников – двухкомнатные квартиры площадью 24 квадратных метра, расположенные в параллельные ряды. В Хараппе такие комнаты размещены рядом с круглыми каменными платформами. Возможно, это были люди низшего сословия, моловшие зерно для жрецов.

Большое значение в древних городах индоарийцев отводилось омовению. В домах имелись комнаты для омовений, оснащенные водостоком. Очевидно, индоарии, как и современные индусы, совершали омовение с помощью кувшина – стоя лили воду себе на голову. Водосточные трубы из домов направлялись в канализацию, проходившую под главными улицами и выходившую на окраинах в сточные ямы. На всем своем протяжении канализационные трубы были защищены каменными плитами. Даже римская цивилизация не имела такой детально разработанной системы водопровода. Очевидно, что за ней осуществляла надзор муниципальная власть (Бэшем, 2000, с. 14).

В Мохенджо-Даро одно из самых больших строений – большой бассейн размерами 11х6 метров и глубиной 2,5 метра. Он построен из красивого кирпича и облицован для непроницаемости составом, напоминающим битум. Через отверстие в углу спускалась вода. Водоем напоминает одетые камнем пруды рядом с индийскими храмами, вокруг него тоже располагается крытая аркада, на которую выходят комнаты. Архитектура Мохенджо-Даро и Хараппы являет пример монументальной метафизической крепости, которая подчиняется 4 инвариантам традиционной архитектуры: служить жилищем, овеществлять социальную иерархию, обслуживать функциональные требования религии, экономики, управления и быть эстетическим примером.

Ревизионисты утверждают, что в местах индской цивилизации были найдены «ведийские» огненные алтари и места для проведения жертвоприношений (yUpa), на что указывают найденные рядом с этими углублениями в земле осколки ритуальной утвари, украшения из ракушек и другие предметы, описанные в ведийских брахманах. Их оппоненты принимают эти объекты за кухонные очаги, а распространенность таких артефактов даже в неолитических стоянках и нахождение костей животных внутри некоторых подвергает под сомнение саму возможность совершения в них огненного жертвоприношения агнихотры (Witzel, 2001, § 26).

Арии РВ изображены как аграрная община, чья экономика зависела в основном от запасов сельскохозяйственных продуктов. Наличие колеса и лошади было особенно важным для их поселений. Эти признаки заставляют антрополога из Пуны М.К. Дхаваликара отождествлять поселения в долине реки Сарасвати с ариями РВ (Dhavalikar, 1997). В Хараппе, например, к северу от возвышенной площадки с общественными постройками обнаружено зернохранилище. Оно находилось на платформе, размерами 45х60 метров. Такое поднятие зернохранилища требовала, по-видимому, защита от наводнений. Складские помещения внутри разделялись на блоки размерами 15х6 метров. В хранилище собиралось зерно с крестьян в качестве поземельного налога. Главным образом, возделывались пшеница, ячмень, горох и сезам (последний сохраняет статус важной

культуры и в современной Индии, где из семян сезама выжимают масло). Свидетельств возделывания риса не было найдено, но хлопок был жителям Хараппы известен. Аграрный характер хараппской культуры не противоречит тому, что это могло быть поселение индоариев.

На территории раскопок в бассейнах Инда и Сарасвати найдены скелеты, принадлежащие разным этническим группам, что не подтверждает массового преобладания новой расы на этой местности. Да и до сих пор в этой местности встречаются представители разных рас. Краниологические исследования, проведенные в Мохенджо-Даро, позволили говорить о том, что основной тип населения представлен европеоидными черепами, однако, встречаются монголоидный и другие, о которых еще нет окончательного вывода ученых (возможно: веддоидный, альпийский, арменоидный).

При раскопке городов Мохенджо-Даро и Хараппа были обнаружены человеческие скелеты, которые, якобы, подтверждали, что в этих городах было осуществлено «избиение» коренного населения вторгшимися ариями. За последнее время взгляд на эту проблему существенно изменился. Г. Ф. Дейлз утверждает, что найденные останки не позволяют интерпретировать их как свидетельство истребления местного населения (Dales, 1964). За девять лет, с 1922 по 1931 гг., подробнейших археологических изысканий в Мохенджо-Даро на площади 4 квадратных километра было найдено 37 скелетов и их частей, которые с определенностью могут быть отнесены ко времени индо-хараппской цивилизации. Некоторые из скелетов найдены в местах, похожих на погребения. Другие скелеты не имеют всех частей тела. Однако, все они были найдены в нижней части города, которая, по всей вероятности, является жилым районом. В противоположность этому ни одного не было обнаружено в районе укрепленной крепости, где жители должны были противостоять атакующим ариям. Вдобавок, не было найдено ни наконечников стрел, ни поломанных колесниц, ни амуниции ни с той, ни с другой стороны (Agrawal).

На основании раскопок 1930–40-х гг. был сделан вывод, что жителям Хараппы и Мохенджо-Даро не была известна лошадь. Считалось, что арии одержали превосходство за счет использования колесниц, запряженных лошадьми. Однако, более поздние раскопки в поселениях вдоль реки Сарасвати дали останки прирученных лошадей. Кости лошадей были обнаружены на разных уровнях, «раннехараппском» и «позднехараппском». Были распознаны как боевые, так и тягловые лошади (Gupra, 1990).

Раскопки рядом с Дваракой позволили сделать открытия еще более крупных поселений, чем Мохенджо-Даро, датируемых 1500 лет до н.э. Морская экспедиция доктора С. Р. Рао в 1984–88 гг. провела обширные исследования останков затонувших поселений вдоль всего побережья Гуджарата (Rao, 1973). В 2001 г. в Камбейском заливе экспедиция М. Равиндрана провела акустическое сканирование дна залива. Изображения, полученные в результате исследования, показали наличие на глубине около 10 метров целого ряда геометрически правильных рельефов, общий план которых напоминал план строений вокруг акрополя, характерный для наземных археологических объектов хараппского периода. Находка затопленных океаном поселений открывает новую перспективу в интерпретации упадка хараппской цивилизации. Это открытие, по мнению ученых, может также являться доказательством гипотезы о наводнении как одной из причин постепенного упадка культуры долины Инда.

Город Дварака ассоциируется в пуранах с Кришной и с концом ведийской эпохи. «Сабха-парва» повествует о том, что Дварака была островом-фортом, в котором Кришне удалось спасти жителей Матхуры от нападения царя Джарасандхи. В «Маушала-парве» говорится о том, что в начале космической эпохи Кали (3102 г. до н.э.) город погрузится под воду. Развалины некоторых городов, затопленные у побережья Гуджарата, также датируются 3000 г. до н.э. Если вторжение ариев относили к 1500-м г. до н.э., а создание Махабхараты к 1500 г. до н.э., то датировка руин Двараки заставила усомниться в такой периодизации. Нахождение погруженного в воду города Кришны Дварака заставляет пересмотреть взгляды на историчность пуран и Махабхараты.

Исследователи Г.Ф. Дейлз, В. Алчин считают, что хараппская цивилизация погибла не в результате арийского вторжения, а по причине повторяющихся потопов (Allchin, 1997). Находка города Дварака в океане рядом с побережьем Гуджарата и схожесть этого города с другими городами Хараппы, позволили считать ее цивилизацией в ведийской традиции. Последние факты не оставляют сомнения в лагере ревизионистов, что арийского вторжения никогда не было, хотя, по сути, они означают только отсутствие противостояния, а не миграции. Для миграционистов данные археологии заранее недостаточны, чтобы делать широкомасштабные выводы. Они должны коррелировать с лингвистикой (обратное обвинение ревизионистов – мало данных лингвистики, чтобы утверждать миграцию ариев). До тех пор, пока не будут прочитаны хараппские надписи, археологические артефакты не свидетельствуют об их ИА характере (Witzel, 2001, § 20).

Геологические исследования показали, что в Пенджабе и у подножия Гималаев произошли тектонические изменения, в результате которых некоторые области поднялись на 60 метров за последние 2000 лет (это также позволяет говорить об изменении характера течения рек).

Современное исследование причин гибели цивилизации в долине Инда показало, что это явление носило комплексный характер. Очень мало, однако, оснований винить в этом гипотетические орды завоевателей. Скорее можно говорить о развале всей государственной системы, что привело в дальнейшем к миграции местного населения.

Результатом пересмотра ТАВ стало формирование новых хронологий, общим для которых является то, что индоарийская история на территории бассейнов Инда и Сарасвати отодвигается в нижнем пределе до 7–8 тыс. лет до н.э. Подобного рода хронологии предложили археологи Дж. Г. Шафер (Shaffer, 1993), С. П. Гупта (Gupta, 1996). Хронология, предложенная М. Мюллером, была основана на вере в библейскую датировку сотворения мира, а именно 23 октября 4004 г. до н.э. Такая хронология противоречит научным данным и здравому смыслу, принимающим большую древность земли. Пураны также поддерживают более древнюю историю земли в целом и ведической культуры, в частности. Там приводятся списки из сотни царей еще до рождения Кришны в 3227 г. до н.э. Греческие хроники говорят о существовании списков индийских раджей, которые уходят корнями до 7000 лет до н.э. (Klostermaier, 1998, с. 8).

Ревизионисты самым слабым местом ТАВ считают отсутствие исторических свидетельств миграции, так как она не подтверждается в какой-либо хронике. ТАВ появляется лишь в XIX в. в Европе и активно поддерживается политическими кругами, видящими в ней, по утверждению ревизионистов, основание европоцентристских притязаний (Rajaram, 1995).

Даже прежняя хронология доисторического периода Индии также заставляет усомниться в достоверности концепции вторжения ариев. Сторонники вторжения утверждали, что индо-хараппская цивилизация насчитывает 4000–5000 лет. Ее гибель они относили к 1900 г. до н.э., а вторжение ариев к 1500 г. до н.э. Однако, до сих пор не предложено вразумительного объяснения 400-летнему пробелу между гибелью индо-хараппской культуры и появлением ариев, если считать последних ответственными за разрушение индской цивилизации.

Таким образом, исторические факты для ревизионистов не оставляют сомнения в том, что арийская культура не была принесена кочевниками, а является плодом долгого локального развития. Индо-хараппская цивилизация оставила археологические свидетельства на обширной территории, но не оставила никаких текстов после себя. Напротив, имеется большое количество ведической литературы, но у нас нет ни одного археологического свидетельства существования ранних последователей Вед ни на территории Индии, ни за ее пределами. Итак, есть древнейшая история и археология «дравидийцев», не оставивших никакой литературы, и обширная литература ведийских ариев, которые не оставили следов в истории. Каким образом можно примирить эти противоречия? Это можно сделать, только приняв следующее: арии и были обитателями поселений вдоль Инда, Рави, Сарасвати, считают ревизионисты. Вторжения кочевых племен, которое бы разрушило эту цивилизацию, не было, а было передвижение народов в новое место обитания с последующим развитием синкретической культуры благодаря взаимообмену идеями.

Свидетельства древности городской ведической культуры вписываются в общий план пересмотра истории древнего мира, который происходит под влиянием новых открытий и в других районах. Так, в Сирии были найдены недавно развалины города Хамукар, как минимум 6-тысячелетней давности, древнее шумерской цивилизации (McGuire, 2000). Среди руин сохранились некоторые артефакты, свидетельствующие о высоком уровне развития городской культуры в то время: сложные оборонительные и укрепительные устройства, огромные печи для приготовления пищи на большое количество людей, штампы, для проставления печатей на глине, дренажные устройства. Жители выращивали пшеницу, овес, ячмень. Развитые города, датируемые 9000-летней давностью и ранее были найдены в прибрежной полосе города Махабалипурам, в заливе Хамбхат (Индия), на дне океана у берегов японского острова Йонагуни и у берегов Кубы.

Неолитическая цивилизация Британии – это не только менгиры и дольмены Стоунхендж, Мейсхау (Maeshowe) и Барнхауса (Barnhouse), Скара Брей (Skara Brae). Несс Бродгар на северном шотландском архипелаге Окни – это 80000 человекочасов, воплощённых в ритуальные постройки, каменные дома с отличной кладкой, каменной мебелью, сланцевыми крышами, керамикой. Останки берцовых костей 400 коров позволяют моделировать посещение этого места силы более 100 тысячами участников. Всё это существенно изменяет наши представления об организации неолитического общества. Социум в северной Европе 5000 лет тому назад предстаёт динамичными и сложным благодаря новым находкам (Ruggeri).

Подобные данные заставляют пересмотреть принятые хронологию и условия развития цивилизации. Письменность больше не считается обязательным условием ее возникновения, а это означает, применительно к Хараппской культуре, возможность ведийской субстратности без письменных носителей. Символическое письмо, как и в Хамукаре, используется для практических нужд, нежели для фиксации сакральных текстов. Наше понимание истории, ограниченное 3-4 тысячами лет назад больше не может удовлетворить факты, изложенные в Ведах. Легкомысленно считать, что огромные повествования Вед являются продуктом вымысла. Ведийская история умеет свою укоренённость в реальности, как и нынешняя история, однако, мы находимся на ином уровне сознания, чтобы адекватно ее интерпретировать.

Миграционисты полагают, что в лице автохтонной теории происходит лишь апологетика индуизма во имя науки. Они согласны с тем, что не было нашествия орд ариев, была постепенная их миграция и аккультурация в бассейне Инда. Сильной стороной защитников ТАМ является лингвистика, как уже было показано. Слабость их – в логической стороне. М. Витцел 17 раз обращается к образу бритвы У. Оккама (Witzel, 2001). Схоласт предложил свой принцип к логической реальности (в ответ на вопрос о природе универсалий), уже к онтологической реальности он применим с оговорками (проверяемость, широта охвата, наглядность), однако, когда мы имеем дело с такими сложными иерархическими феноменами, как человек, культура, общество, можем ли мы упрощать средства объяснения? Действительно ли голодание – самый совершенный вид питания? История науки показала, что сведение человека к какому-то принципу (экономическому, либидозному) в чем-то проще, но становится ли объяснение истинным от этого? Далее, возникает вопрос, какая концепция более избыточна – автохтонная или миграционная. Миграция ариев с запада на восток с самого начала носит умозрительный характер и построена целиком на сравнении лексики индоиранских и индоевропейских народов, т. е. с первого момента было увеличено объяснение. Миграционная модель проще в том смысле, что она уже есть, не нужно еще что-то предлагать, однако, и более простое объяснение плоскостной Земли и вращения ее вокруг Солнца уже было, но это не остановило исследователей перед созданием комплексной модели. Интересна мысль М. Борна: «Наилучший способ сделать мышление экономичным, это совсем его прекратить…» (Born, 1964).

В конце 1980-х удар по завоевательным причинам крушения традиционных культур был сделан с совсем неожиданной стороны. Дж. Тейнтер проанализировал длинный список цивилизационных крушений (истощение ресурсов, катастрофы, вторжение варваров, классовые конфликты, декаданс и др.) и пришел к выводу, что это все слабые и недостаточные доводы для обоснования крушения комплексных обществ. Со своей стороны он увидел, что во всех случаях, касающихся больших цивилизаций имела место реструктуризация населения, удачная адаптация к новым условиям жизни, перераспределение ресурсов (Tainter, 1988). В этих условиях ценностное ядро традиции начинает действовать в совсем иной периферии.

В конце XX в. была надежда, что окончательный ответ об этническом составе в Хараппе и Мохенджо-Даро даст молекулярная генетика. Группа ученых под руководством Виджендра Кашьяп из Национального института биологии (Нойда, Индия) провели многолетнее изучение современного индийского генофонда. Выборка была нацелена на Y-хромосомы мужчин разных каст и племен Индии. Исследователи пришли к выводу об автохтонности генофонда на протяжении последних 10000 лет (Bower, 2006).

Однако, контраверза арийского погрома еще не закрыта. Даже данные микробиологии не заставят так просто отказаться от ТАВ, поскольку вопрос уже перешел в область этнополитики (Bryant, 2014). Индусы, живущие в США, пишут о том, что их дети деморализованы преподнесением индуизма в школе как кровожадного многобожия, стыдятся своей культурной идентичности (Vedic foundation). Ведический фонд в США, направил письмо в департамент образования Калифорнии с просьбой пересмотреть представление индуизма в ряде учебников. Если Библия, Коран, Тора репрезентированы в учебниках как исторические тексты, то Веды – как «поэзия, мифология, легенды»; Иисус, Магомет, Моисей – исторические личности, а Рама и Сита – «персонажи» (Vedic foundation). Наряду с этими и другими дискриминациями, в учебниках неизменно фигурирует ТАВ.

Литература:

Бэшем А. Чудо, которым была Индия : [пер. с англ.] / А. Бэшем. –2-е изд. – М. : Вост. лит., 2000. – 614 с.

Страбон. География: В 17 кн. // http:// ancientrome.ru/antlitr/strabo/index. htm

Agrawal D. Excavations at Harappa and Mohenjo-daro / Agrawal D. The Demise of Aryan Invasion / Race Theory // http: // tamilnation.co / heritage/ aryan_dravidian / agrawal. htm

Allchin R. & B. Origins of a Civilization // The Prehistory and Early Archaeology of South Asia. – New Delhi: Viking. 1997. – 287 p.

Born M. Die Relativitatstheorie Einsteins. – Springer; Berlin; Gottingen; Heidelberg, 1964. – 242 s.

Bower B. India cultivated homegrown farmers // Science News. – January 28. – 2006. – P. 61.

Bryant E. The Debate on Indo-Aryan Origins: Malleability and Circularity // Sindhu-Sarasvati Civilization / Nalini Rao. – D.K. Printworld, 2014. – 664 p.

McGuire Gibson. Hamoukar – early city in northeastern Syria // The Oriental Institute News and Notes. – Summer, 2000. – No. 166. – P. 1-9.

Gupta S.P. The Indus-Saraswati Civilization. – Delhi, 1996. – P. 193–196.

Dales G. The Mythical Massacre at Mohenjo-daro // Expedition. – 1964. – Vol. VI, 3. // https://www.penn.museum/sites/expedition/the-mythical-massacre-at-mohenjo daro/

Dhavalikar M. K. Indian Protohistory. – Pune, 1997. – 274 p.

Feurstein G., Kak S., and Frawley D. In Search of the Cradle of Civihzation. Delhi: Motilal Banarasidass, 1995. 341 p.

Klostermaier, K. Questioning the Aryan Invasion Theory and Revising Ancient Indian History / K. Klostermaier // ISKCON Communic. Journ. – June 1998. – Vol. 6, № 1. P. 5-16.

Hicks H.H., Anderson R.N. Analysis of an Indo-European Vedic Aryan Head, 4th Millennium BC // Journal of Indo-European Studies. – Fall. – 1990. – P. 425–446.

Rajaram N. S. Politics of History – Aryan Invasion Theory and the Subversion of Scholarship. – New Delhi: South Asia Books , 1995. – 244 p

Rao S. R. Lothal and the Indus Valley Civilization. – Bombay: Asia Publishing House, 1973. – 215 p.

Ruggeri A. Were these remote wild islands the center of everything? // http://www.bbc.com/travel/story/20151210-were-these-remote-wild-islands-the-centre-of-everything

Seidenberg A. The Geometry of the Vedic Rituals // Agni: The Vedic Ritual of the Fire Altar: 2 vols. Vol. 2. – Berkeley, 1983. – P. 95–126.

Shaffer J. G. Harappan Culture: A Reconsideration // Harappan Civilization, ed. Possehl G.L. – New Delhi; Oxford, 1993. – P. 41–50.

Tainter J. The Collapse of Complex Societies. – Cambridge: Cambridge University Press , 1988. – 250 p.

Vedic foundation: Textbook Reform Initiative Youth Stories // http://thevedicfoundation.org/Textbook Reform Initiative/youth stories.html

Vedic foundation: Inaccuracies in Textbooks // http://thevedicfoundation.org/Textbook Reform Initiative/inaccuracies in textbooks.html

Witzel M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts // EJVS. – 2001. – Vol. 7. – Issue 3 (May 25). / http://www.people.fas.harvard.edu/~witzel/EJVS-7-3.pdf

Zabern Philipp von (ed.). Vergessene Städte am Indus: Frühe Kulturen in Pakistan. – Mainz am Rhein, 1984. – 312 S.

Резюме

В XIX в. получила развитие теория арийского вторжения, согласно которой аборигенное население долины Инда состояло из тёмнокожих миролюбивых дравидийцев, их следы запечатлены в останках Хараппской цивилизации (в бассейне реки Инд). Образ воинственных индоевропейцев не устарел. В гуманитарных науках сложился даже «архетип кшатрия», возлагающий на ариев роль поработителей. Это не такой безобидный образ, если вспомнить Гитлера и его идею «чистых арийцев». Без понимания арийской проблемы мы не поймем современных процессов развития традиционной культуры. В статье разбираются археологические результаты исследования древнейших поселений Индии.

Summary

In the XIX century. the theory of the Aryan invasion was developed, according to which the aboriginal population of the Indus Valley consisted of dark-skinned peace-loving Dravidians. Ttheir traces were imprinted in the remains of the Harappan civilization in the Indus river basinx. The image of belligerent Indo-Europeans is not outdated. In the humanities there is even an "archetype of the kshatriya", which places the Aryans on the role of enslavers. This is not such a harmless image, if we recall Hitler and his idea of "pure Aryans". Without an understanding of the Aryan problem, we do not understand modern processes of the development of traditional culture. The article deals with the archaeological findings of the study of the ancient settlements of India.

Уланов М.С.
Калмыцкий государственный университет
имени Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация

УДК 273.912

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проекты №16-23-03002а(м) «Роль традиций в современной культуре монголоязычных народов»; №18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность».

Ключевые слова: Монголия, монголы, кереиты, найманы, христианство, несторианство, католицизм.
Keywords: Mongolia, Mongols, kereites, naimans, Christianity, Nestorianism, Catholicism.

Первоначальное знакомство монгольских народов с христианством относится к средним векам. В этот период у монгольских и тюркских народов Центральной Азии в результате их широких контактов достаточно мирно сосуществовали самые разные религиозные верования и культы, среди которых особо можно отметить несторианство, получившее широкое распространение на Востоке. Несторианское миссионерство — одно из самых удивительных явлений христианской истории. Проповедь несторианства осуществлялась на огромных территориях: вплоть до Тихого океана, Индонезийских островов, включая казахстанские и монгольские степи, равнины Китая и Центральной Азии, Индию, Персию и острова Индийского океана. Так, например, только на Тянь-Шане археологам известно более 700 эпиграфических памятников несторианского происхождения, а также четыре несторианских храма. Несторианские археологические памятники, имеющие отношение к различным эпохам, были найдены на территории Внутренней Монголии, а также в Дунхуане, Кашгарии, Турпане и Алмалыке. При этом количество открываемых археологами несторианских памятников постоянно растет.

Известно, что несторианами в средние века была и некоторые монголоязычные народы, в частности, кереиты, покоренные позже Чингисханом и вошедшие в состав ряда тюрко-монгольских этносов. Одним из остатков их, вероятно, можно считать нынешний казахский род кереев. В наиболее вероятной этимологии слово «кереит» является древнейшим тотемным этнонимом и переводится с монгольского как «вороны». Интересно, что вороны часто изображаются на несторианских крестах XIII-XIV вв., которые археологи обнаруживают в Монголии и Синьцзяне (северо-западный Китай). Согласно некоторым источникам, в начале II века принял крещение правитель керитов, получивший христианское имя Маркус. Вероятно, в это же время несторианство распространяется и среди соседних найманов, ключевую роль в обращении которых сыграли уйгурские несториане, селившиеся в средние века на землях Найманского ханства крупными колониями (Бураев, 2015, с.22-23). Культура кереитов и найманов, впитавшая в себя наряду с традициями азиатской кочевой цивилизации элементы несторианского христианства, представляла собой яркий пример евразийского синтеза.

Академик Б.Я. Владимирцов в книге «Чингис-хан», указывает на распространение несторианского христианства, как у найманов, так и у кереитов. По его мнению, благодаря принятию христианства «Ван-хан совершенно незаслуженно сделался знаменитой личностью, в особенности в Европе, куда проникли и нашли себе горячий отклик легендарные сказания о царе-священнике Иоанне, который будто бы блистательно правит христианским народом где-то на отдаленном Востоке; титул «Ван-хан» дал повод отождествлять легендарного попа Иоанна с кереитским ханом» (Владимирцов, 1992, с.19).

В то же время, причислять монгольские и тюркские народы данной эпохи к несторианам, буддистами или мусульманам можно только условно. Как справедливо замечает тюрколог Т.С. Жумаганбетов, номады того времени жили в среде, где господствовало многобожие. За каждый стороной их жизни, за любым явлением природы или каким либо процессом стояли разнообразные божественные силы, которые были персонифицированы в Тенгри, Умай, Эрклика и т.д. В данный ряд божеств кочевники, вероятно, встраивались и богов иных религий. Новые боги, если их культ не входил в прямое противоречие с традиционным тенгрианским мировоззрением, могли в

определенных обстоятельствах оказаться влиятельнее старых божеств. Гибкость тенгрианского мировоззрения заключалась в том, что номады, знакомясь с новыми религиозными традициями, не отвергали их, а, напротив, органично вбирали их в свою культуру и перерабатывали под свою ментальность (Жумаганбетов, 2006, с.157.).

После создания Монгольской империи несторианство продолжало удерживать сильные позиции в Центральной Азии. Так, Марко Поло отмечал, что видел немало христиан-несториан в Самарканде, а также несторианский храм в честь Иоанна Крестителя, построенный монгольским правителем Средней Азии ханом Чагатаем, который, по утверждению Поло, сам был христианином. Последний факт, однако, не подтверждается другими источниками.

Многие Чингизиды брали в жены кереитских принцесс, которые также исповедовали христианство несторианского толка. Главной покровительницей несториан на территории Монгольской империи была Сорхахтани-беки, дочь кереитского Ван-хана и жена Толуя. Она была матерью Великих ханов Менгу и Хубилая, а также монгольского правителя Ближнего Востока Хулагу. Женой последнего стала другая кереитская принцесса Докуз-хатун, которая активно поддерживала христиан в этом регионе (Майоров, 2013, с.42). Следует отметить, что женщины, как на Востоке, так и на Западе, в средние века играли важную роль в распространении христианства через семейные связи и неформальное общение. Известно, что первой правительницей, способствовавшей распространению христианства на Руси, была княгиня Ольга. Интересно, что женщины сыграли большую роль в распространении буддизма в Китае, Японии и Тибете. Так в Японии, в период Асука и Нара становлению буддизма способствовали императрицы, содействовавшие введению буддизма в придворный ритуал.

Существует мнение, что поход монголов на Ближний Восток – Сирию и Палестин, начавшийся в 1253 г. был подготовлен монголами-несторианами. Интересно, что такие христианские регионы, как Грузия, Армения и Антиохия довольно быстро признали власть монгольского хана. Одновременно Хулагу-хан заключил союз с христианской Никейской империей. В 1258 г. монголы захватили Багдад. При этом Хулагу запретил грабить и убивать христиан всех исповеданий, а несторианскому патриарху для устройства резиденции был подарен дворец халифа. Местные христиане - армян и сирийцев – с радостью восприняли победы монголов. Армянский патриарх благословил Хулагу-хана на священную войну с мусульманами, а царь Малой Армении Гетум I и князь Антиохи Боэмунд VI даже присоединили свои армии к монгольскому войску, поддержав своеобразный крестовый поход. И только успешные действия мамлюков из Египта поставили крест на честолюбивых замыслах монголов. Учитывая то обстоятельство, что большое число монгольских воинов, а также их военачальник Китбука-нойон придерживались несторианской конфессии, некоторые ученые называют данный поход монголов «крестовым походом» или «желтым крестовым походом» (Путилов).

В исторической литературе широко распространено мнение о том, что сын Бату-хана Сартак также был несторианцем. Возможно, именно этим и объясняется уважительное отношение татаро-монголов к православной церкви на Руси. Известный армянский историк XIII века Киракос Гандзакеци отмечал, что Сартак в значительной степени облегчил положение христианских церквей и, заручившись поддержкой Бату-хана, издал указ об освобождении христианских священников от податей. Кроме того, к нему часто приезжали христианские епископы, иереи и богословы, которых он уважительно принимал и старался исполнять их пожелания и просьбы. «Сам он жил в постоянном страхе Божием и благочестии — возил с собой в шатре алтарь, всегда исполняя священные обряды» (Киракос Гандзакеци, 1976, с.219). Другой армянский ученый того времени - Вардан Аревелци также указывал, что Сартак был «совершенным христианином и часто являлся виновником спасения многих, обращая в христианскую веру из своих и из чужих» (Всеобщая история…, 1861, с.183). Конечно, можно предположить, что христианские историки нарочно преувеличивали его интерес к данной религии. Однако, факт приверженности Сартака христианству подтверждается и мусульманскими авторами того периода, в частности Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни в его знаменитой «Истории завоевателя мира» (Чингисхан: история завоевателя мира…, 2004, с.96).

В XIII веке в Монголию стали проникать католики, стремившиеся установить дипломатические отношения с монголами и одновременно обратить их в свою веру. В Европе того времени были хорошо известны завоевательные планы монголов и мало кто сомневался в их военной мощи. Не имела ощутимых результатов и проповедь крестового похода против монголов. В этой ситуации Папа Римский Иннокентий IV принял решение отправить к монголам своих послов-миссионеров. Подобному решению способствовали также и распространявшиеся в Европе слухи об уже упомянутом выше пресвитере Иоанне, христианском правителе, управлявшим неким крупным

государством на Востоке. Так, в 1246 году монах-францисканец Плано Карпини с разведывательно-дипломатической миссией посетил Сарай, где встречался с правителем Улуса Джучи Бату-ханом и его сыном Сартаков. Последний, хотя он принял гостей из Европы достаточно доброжелательно, но не стал вести с ними дипломатические переговоры, а перенаправил к Бату-хану.

Позже Карпини побывал в Каракоруме, где в ханской ставке был принят каганом Гуюком. Здесь Карпини вновь упоминает о придворных христианах из несториан: «Говорили нам также христиане, принадлежащие к его челяди, что они твердо верят, что он должен стать христианином, и явный признак этого они видят в том, что он держит христианских клириков и дает им содержание, а также перед большой своей палаткой имеет всегда христианскую часовню»(Джиованни дель Плано Карпини, 1957, с.59). Таким образом, Карпини «первым доставил на Запад точные сведения о том, что среди ближайшего окружения Великого хана и некоторых других монгольских правителей сильны позиции христиан» (Майоров, 2012, 81).

Можно также отметить миссию другого монаха-францисканца - Гийома де Рубрука, который по просьбе короля Франции Людовика IX также побывал в Монголии, написав по итогам поездки книгу «Путешествие в восточные страны». Первоначально Рубрук прибыл на Нижнюю Волгу, где встретился с Бату-ханом. Однако Бату не счел себя вправе разрешить миссионеру проповедовать католичество среди монголо-татар, как того желал кароль Франции, и направил Рубрука для решения данного вопроса к всемонгольскому правителю Мункэ. В период нахождения Рубрука в Монголии при дворе кагана произошел интересный диспут между проповедниками и представителями разных вероисповеданий. О подобном решении всемонгольского правителя, решившим выслушать священников различных религий мы узнаем только из сочинения Рубрука(Гильом де Рубрук, 1957, 87-194). Рассматривая материал Рубрука и сравнивая его с данными некоторых китайских источников того времени, можно сделать вывод о том, что проповедь католических миссионеров потерпела неудачу у монголов, а буддизм, вероятно, восторжествовал.

Следует отметить, что миссионерская проповедь не была главной задачей Карпини и Рубрука. Их основными целями были разведка и установление дипломатических отношений с монголами. Собственно миссионерская деятельность католиков в Монголии началась позже и связана с деятельностью Джованни Монтекорвино, который был отправлен проповедовать христианство в Китай, где, несмотря на противодействие местных христиан-несторианцев, развернул активную миссионерскую деятельность, построив первый на территории Пекина католический храм. Из Пекина Монтекорвино несколько раз посещал и Монголию. Итальянский миссионер перевел на монгольский язык христианскую литературу - Новый Завет и Псалмы (См.: Садченко, 2016, с.28-42).

В целом, монгольские правители проявляли терпимость к католическим монахам, так как уже были знакомы с христианством через несториан, присутствовавших в Центральной Азии с VII века. В то же время для католиков христианство несторианского толка было безусловной ересью. Значительный ущерб католической миссии на территории империи Юань был нанесен восстанием Красных повязок, имевшем националистический оттенок. Руководила восстанием буддийско-даосская секта Белого лотоса. Католики же воспринимались восставшими как резиденты монгольских правителей. С падением монгольской династии Юань в 1368 году католическая миссия на территории Китае и Монголии перестала функционировать. Миссионерская деятельность католиков на территории Монголии возобновилась только в XIX веке, после Опиумных воин.

Литература:

Бураев А.И. Христианство в Центральной Азии. Начало распространения // Православие и дипломатия в странах азиатско-тихоокеанского региона: Материалы международной научно-практической конференции. - Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. - С. 20-28.

Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. - Горноалтайск: Ак чечек, 1992. - 116 с.

Жумаганбетов Т.С. Генезис государственно-религиозной идеологии в древнетюркских каганатах // Этнографическое обозрение. - №4. - 2006. - С.154-162.

Майоров А.В. Монгольская угроза и христианский мир Европы в середине XIII века. // Вопросы истории. - №4. - 2013. - С.34-49.

Путилов С. Крестовый поход монголов [Электронный ресурс]. URL: http://vpk-news.ru/articles/5341

Киракос Гандзакеци. История Армении. - М.: Наука, 1976. - 357 с.

Всеобщая история Вардана Великого. - М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1861. - 184 с.

Чингисхан: история завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. - М.: Магистр-пресс, 2004. - 749 с.

Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов, именуемых нами Татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. - С.23-86.

Майоров А.В. Монгольская угроза и экуменические процессы середины XIII в. // Евразия: духовные традиции народов. - 2012. - №3. - М.: Лаборатория ИАРИП РПУ, 2012. - С.80-94.

Гильом де Рубрук Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благости 1253 // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. - С.87-194.

Садченко В.Н. Расширяя границы мира, или как францисканцы открывали азиатский Восток // История и историческая память. - 2016. - Т.13-14. - С.28-42.

Резюме

Мерген Санджиевич Уланов.

К вопросу о распространении христианства в средневековой Монголии

Статья посвящена истории распространения христианства в средневековой Монголии. Отмечается, что несторианами в средние века была и некоторые монголоязычные народы, в частности, кереиты, покоренные позже Чингисханом и вошедшие в состав ряда тюрко-монгольских этносов.

Summary

Mergen Sanjievich. Ulanov

On the issue of the spread of Christianity in medieval Mongolia

The article is devoted to the history of the spread of Christianity in medieval Mongolia. It is noted that in the Middle Ages some of the Mongol-speaking peoples were also Nestorians, in particular, kereites, later conquered by Genghis Khan and included in a number of Turkic-Mongolian ethnic groups.

Яданова К.В.
МКУ «Управление территории традиционного природопользования и туризма»
МО «Кош-Агачский район»
Республика Алтай, Кош-Агачский район

УДК 398

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕЛЕНГИТОВ О СВЯЩЕННОЙ ЗЕМЛЕ – ЭРЕ-ЧУЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ)

Ключевые слова: Горный Алтай, теленгиты, Эре-Чуй, Кош-Агачский район, Чуйская степь, предание, алтайский фольклор.
Keywords: Mountain Altai, Telengits, Ere-Chui, Kosh-Agach district, Chui Steppe, legend, Altai folklore.

Теленгиты – этническая группа южных алтайцев, проживают в основном в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай. Теленгитский диалект относится к одному из южных диалектов алтайского языка и входит в киргизско-кыпчакскую группу восточнохуннской ветви тюркских языков (Баскаков, 1981, с. 20). В 2017 г. нами производился сбор фольклорных и этнографических материалов в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Во время летне-осенней экспедиции наше внимание привлекло представление теленгитов о священной земле – *Эре-Чуй*.

Просторы священной земли – *Эре-Чуй* охватывают Чуйскую степь и, окружающие ее, священные горы – *ыйык*. Чуйская степь – алт. *Чуйдыҥ чӧли*, межгорная котловина, расположена на юго-востоке Республики Алтай, в Кош-Агачском районе на высоте около 1700-1900 м над уровнем моря в верхнем течении реки Чуя (алт. *Чуй*). Чуйская котловина ограничена горными хребтами: на севере – Курайским хребтом, на западе – Северо-Чуйским и Южно-Чуйским хребтами, на юге – хребтом Сайлюгем, на востоке – хребтом Чихачёва.

В Чуйской степи преобладают полупустыни, отличается суровым и сухим климатом, бедной растительностью, малоснежной (иногда бесснежной) зимой. Весной, летом и осенью наблюдаются пыльные бури, вихри – *тӱӱнек* (*тунек*).

Жители Кош-Агачского района описывают местность *Эре-Чуй*: *Ачык јаланҥ Эре-Чуй ол на, бу јер учкуш ачык, андый бийик, јарык јер јок. Тӧмӧн барсаҥ, агыш-таш, андый капчал, ӱсе ле андый бол билдирер туру.* – «Открытое поле, ведь это *Эре-Чуй*, как эта земля [*Эре-Чуй*], такой открытой, высокой, светлой земли нет. Если поедешь в нижние [места][54], [всюду] леса (*агыш-таш* – алт. букв. «лес-камень»), ущелья, непроходимые места, всюду так кажется ведь»[55] [Мешкеева У., с. Теленгит-Сортогой].

Топоним *Эре-Чуй* образован от названия реки *Чуй* (Чуя), которая протекает по территории Кош-Агачского, Улаганского и Онгудайского районов Республики Алтай. Вдоль реки проходит федеральная трасса Р-256 «Чуйский тракт». Очевидно, гидроним *Чуй* имеет семантику «вода, река». Об этимологии *Чуй* см.: (Яданова 2017а, сс. 31-33; Яданова 2017б, сс. 483-490). Существуют различные версии толкования значения топонима *Эре-Чуй*; по одной из версий: «Чуй с переливающимися [песками]» [Демчинова М.А., г. Горно-Алтайск]. Житель с. Курай, А.М. Эльдепов, приводит к лексеме *эре* синоним *элбек*, который имеет в алтайском языке значения: «широкий, просторный»: *«Эре» дегени ол бистиҥ сӧскӧ [келиштире] осоо «кошту усун» ба, «элбек» пе деп бодорым не мен оны. «Эне Чуй» болтуртан, анаҥ «Эре Чуй»… Је, бу «Эре-Чуй» деп јер байлу ады болбой деп бодорым мен оны…* – «[Слово] *эре*, мне кажется, раньше на нашем языке означало: “очень длинный” или “широкий, просторный – *элбек*”. Называли *Эне Чуй* – “Мать Чуй”, потом *Эре-Чуй*… Ну, это название местности *Эре-Чуй*, я думаю, иносказательное, заветное название, наверное» [Эльдепов А.М., с. Курай].

Другой рассказчик считает, что *эре* – тувинское слово: *«эре» деп ол сойоҥ не, тувин тил ол* – «*Эре* – это [слово] *сойон*[56], из тувинского языка» [Таханов О.А., с. Чаган-Узун]. В тувинском языке

[54] Нижние места – алт. тӧмӧн / тӧмонги јер, жители Кош-Агачского района РА к нижним местам относят: Онгудайский, Чемальский, Шебалинский и др. районы Республики Алтай.
[55] Здесь и во всех случаях запись, расшифровка, перевод текстов с алтайского языка на русский язык произведен нами.
[56] Сойон – алт. сойоҥ, алтайцы называют тувинцев – сойоҥ (сойон).

лексема *эре-* / *эрээр* имеет значения «желать, хотеть; надеяться» (ТРС, 1968, сс. 617, 619). Мы полагаем, что *эре* – заимствование из монгольского языка. В монгольском языке *хээр* – сущ. «открытое поле, степь»; *хээрийн* – прил. «полевой, степной» (БАМРС, 2002, с. 300; Кручкин, 2006, сс. 350, 497). Очевидно, этимология семантики *эре* в топониме *Эре-Чуй* восходит к монгольской лексеме *хээр* и имеет значения: «1. открытое поле, степь; 2. степной».

Местные жители приводят устойчивые формы к топониму *Эре-Чуй*: *алаканча Эре-Чуй* – «Эре-Чуй размером в ладонь», *куjурлу jер* – «земля, имеющая солончак – *куjур*», *jылан jӱрбес jер* – «земля, где не водятся змеи», *узун курт ӧтпӧс jер* – «земля, куда не проходит змея – *узун курт*[57]», *ару jер* – «чистая земля», *байлу jер* – «священная земля», *эрjинелӱ Эре-Чуй* – «сокровенный *Эре-Чуй*», *эне болгон Эре-Чуй* – «матерью являющаяся *Эре-Чуй*», *Эре-Чуй – кабай* – «колыбель – Эре-Чуй», *jердиҥ киндиги* – «пуповина земли», *jердиҥ эҥ бийиги* – «самая высокая (высокогорная) из земель» (Личный архив автора).

Эрjинелӱ Эре-Чуй – «сокровенный / священный *Эре-Чуй*»; *байлу jер* – «священная земля». По представлениям теленгитов, Чуйская земля – *Эре-Чуй* священная, благодатная земля, т.к.: *Бо[г]о jаткан улус тойу jӱрер, качан да joксырабас, тобрагын да jисе, аш болор, эм болор не, ташы да эм.* – «Люди, живущие здесь, всегда бывают в достатке (*тойу – алт.* букв. «сытые»), никогда не бедствуют, даже если попробуют землю, то станет она [им] пищей, будет лекарством же, даже камни [обладают] лекарственными средствами» [Эдешев А., с. Курай].

Эре-Чуй – ару jер / *ару алтай, jылан jӱрбес jер* / *узун курт ӧтпӧс jер* – «*Эре-Чуй* – “чистая” земля» / “чистый” *алтай*; «земля, где не водятся змеи»; «земля, куда не проходит змея – *узун курт*». *Ару* – алт. букв. «чистый», зд. в знач. «святой, священный», *алтай* – зд. в знач. «земля». В традиционном представлении алтайцев *jылан* – змея / *узун курт* – «длинный червь», *бака* – «лягушка», *келескен* – «ящерица» и др. относятся к «нечистым», хтоническим существам. *Эре-Чуй – ару jер, курт-коҥыс, андый jаман неме баспас, ару jер* – «*Эре-Чуй* – “чистая” земля, черви-насекомые, такие плохие существа [здесь] не водятся, чистая земля» [Белешева Ч., с. Мухор-Тархата].

Эре-Чуй – куjурлу jер – «Эре-Чуй – земля, имеющая солончак – *куjур*»; *куjурыла бай jер* – «земля, богатая солончаком». *Туусту*, *куjурлу jерде jылан jӱрбес* – «В засоленной, солончаковой земле змеи не обитают» [Эдешев А., с. Курай]. *[Чуйда] jылан jӱрбес, jӱрбей тураны ол не на, куjурлу, туусту, ол jылан jӱр болбос туусту jерге.* – «В Чуйской [земле] змея не обитает, не обитает, потому что с солонцом, с солью, в засоленной земле змея не водится» [Таханов О.А., с. Чаган-Узун].

Эре-Чуй – jердиҥ киндиги – «*Эре-Чуй* – пуповина земли». Представление о центре, «пуповине» земли относится ко всей территории Республики Алтай, т.к. считается, что Горный Алтай расположен в центре Евразийского континента, примерно на равном удалении от четырех океанов. В 2006 г. в Республике Алтай на 429-ом км Чуйского тракта – Р-256 установлен обелиск – памятный знак «Алтай – сердце Евразии». Жители Кош-Агачского района объясняют, почему *Эре-Чуй* является «пуповиной земли»:

Эре-Чуй – «чистая», святая земля, где не водятся «не чистые» / плохие (*jаман*), хтонические (подземные) существа: змея, лягушка, ящерица и т.д.

Эре-*Чуйга бака-jылан баспайтан, jаман неме келбейтен jер тийт, «jердиҥ киндиги» деер.* – «На [земле] *Эре-Чуй* лягушка-змея не обитает, говорят, земля, куда плохое не приходит, называют *jердиҥ киндиги* – “пуповина земли”» [Урелова М., с. Мухор-Тархата].

Эре-Чуй – благодатная земля, где люди спаслись от бедствий, невзгод, нищеты.

Эре-Чуй – jердиҥ киндиги, нениҥ учун дезе аштаган-суусаган [киши] мында киши болгон… Аштаган-суусаган неме, ончосы келерде, бастыра бу Эре-Чуйдаҥ тын алган… – «Эре-Чуй – пуповина земли, потому что голодный-изнуренный жаждой [человек] здесь стал человеком [встал на ноги]… Все голодные-изнуренные жаждой [люди] придя, все сохранили свою жизнь в [земле] *Эре-Чуй*» [Тудуева З.У., с. Бельтир].

Jердиҥ эҥ бийиги – «самая высокая (высокогорная) из земель».

Jуу-чак байа jаман неме, кошту андый каа-jаа оору, jе байа jаан кар да болбос, общем, андый jаман неме келбес, jердиҥ эҥ бийиги дийт. Jе ару, кошту ару дийт… Jылан jылып кирбес, бака-jылан кирбес, андый jаман неме jӱрбес, jе мында келескен де jок… Jе соок, бийик jер не. – «[В земле *Эре-Чуй*] не бывает войны-бедствия, такого плохого [не свершается], страшных таких редких болезней, ну, даже больших снегов не бывает, в общем такое плохое не приходит, говорят, самая высокогорная из земель. Ну, святая (*ару* – алт. букв. «чистая»), очень «чистая» [земля], говорят. Змея ползая, не

[57] Узун курт – алт. букв. «длинный червь»; одно из иносказательных названий змеи.

проберется, лягушка-змея не проползет, такое плохое [здесь] не водится, ну, здесь и ящерицы-то нет… Ну, холодная, высокогорная местность ведь [Урелова М., с. Мухор-Тархата].

Алаканча Эре-Чуй – «Эре-Чуй размером в ладонь». По представлениям теленгитов, территория *Эре-Чуй* начинается с верховьев реки *Чуй* (Чуя) – *Чуй бажы* и простирается до местности Уйтту-Терек (*Ӱйттӱ-Терек*) / до речки местности Уйтту-Терек. Речка названа по названию долины, по которой она протекает – *Ӱйттӱ-Терек суу* / *Ӱйттӱ-Теректиң суузы* – «р. Уйтту-Терек» / «р. [местности] Уйтту-Терек». *Ӱйттӱ-Терек* (Уйтту-Терек) – алт. букв. «Тополь с отверстием», речка находится к северо-западу от села Ортолык Кош-Агачского района в отдалении примерно 7 км, правый приток р. Чуя (алт. *Чуй*); на картах и атласах обозначена как «р. Тыдтуярык» (алт. *тытту јарык* (тытту дьарык) – букв. «трещина, теснина, ущелье с лиственницами» (Молчанова, 1979, с. 321)) (Илл. атлас, 2006, с. 177; Подроб. спут. карта). Речка Уйтту-Терек (*Ӱйттӱ-Терек*) в дорожном знаке, находящемся на федеральной автомобильной дороге «Чуйский тракт» – Р-256 (~ 93 км от границы с Монголией), неправильно указана как: «р. Туярык».

Предание о состязании змеи – *јылан* и антилопы дзерен (алт. *дьеерен* (*јеерен*)); установление границы земли *Эре-Чуй*. Среди жителей Кош-Агачского района бытует предание о состязании змеи и антилопы дзерен: раньше на земле *Эре-Чуй* состязались антилопа дзерен (алт. *дьеерен* (*јеерен*)) и змея: кто в какой земле будет обитать; под конец решили: антилопа дзерен будет обитать в голой, безлесной степи *Эре-Чуй*, а змея – в лесистой местности с черноземной почвой и установили границу, через которую не будут переходить: речка местности Уйтту-Терек / местность Уйтту-Терек; издавна считается, что если змея переползет через речку Уйтту-Терек / через долину Уйтту-Терек и окажется на «чистой» земле *Эре-Чуй*, то последуют бедствия – *чак* (война, стихийные бедствия и т.д.).

В 2017 г. в Кош-Агачском *аймаке* Республики Алтай нами записано более 5 текстов предания. Приводим один из вариантов текста:

«Јылан бистиң Чуйдон өтпөс јаңду неме»

Јылан бистиң Чуйдон өтпөс јаңду неме теген. Бу јанында Ӱйттӱ-Терек деп туран јерди…, јылан ла јеерен экӱси маргышала, айла бой-бойыла јөптөшөлө, Ӱйттӱ-Теректи бери јеерен кечпес, јылан Ӱйттӱ-Теректи өрө өтпөс деп сөсин берингн неме деп угуп јӱрем. Јылан бистиң Чаган јеринде бар… Јеерен деп аңды бу ла мен бала тушумда [көргөм]… (Је оны сениң абаларың, адаң да көргөн лө болбой?) Ортолыктың чөлинде толтыра болгон не ол.

«Змея – *дьылан* (*јылан*) не должна проходить в нашу [местность] *Чуй*»

«Говорили, что змея – *дьылан* (*јылан*) не должна проходить в нашу [местность] *Чуй*. О местности Уйтту-Терек, которая [находится] на этой стороне [рассказывали]…, змея – *дьылан* и антилопа дзерен вдвоем посостязавшись, решили между собой: на эту сторону [местности] Уйтту-Терек не будет проходить антилопа дзерен, змея же дала слово, что не будет переползать в ту сторону [местности] Уйтту-Терек, так об этом я слышал. Змея – *дьылан* в нашей земле Чаган[58] есть… Животное – антилопу дзерен я [видел] в детстве… (Ну ее твои старшие родственники – *аба* и отец твой тоже видели, наверное?). В степной местности [села] Ортолык их было очень много ведь» [Адыкинов А.Ј., с. Чаган-Узун].

Антилопа дзерен, занесенная в Красную книгу, исчезла в Чуйской степи еще в 80-х годах XX в. Судя по преданию, название долины и речки – Уйтту-Терек (*Ӱйттӱ-Терек*), существует в Кош-Агачском районе уже давно.

У местных жителей известно поверье: *Јылан Эре-Чуйга өтсө, чак болор* – «Если змея появится в *Эре-Чуй*, то последуют бедствия»;

Ӱйттӱ-Теректи јылан өтсө, јуу болор неме деди не – «Если змея перейдет через [местность] Уйтту-Терек, то, говорили, будет война» [Отукова К.И., с. Ортолык].

Эйе, «Ӱйттӱ-Теректиң сасында јылан јадала, анда өлкалтыр, бу јуу-чак башталар ла» – деп јаан улустар ай ла көрӱмдеп турганча, јуу башталып, албаты тӱгенип… – «Да, “змея лежа на болоте Уйту-Терека, там, оказывается, умерла, война-бедствие [теперь] начнется” – когда так пожилые люди предсказывали, началась война (Великая Отечественная война), народ истребился…» [Турлунова М.А., с. Ортолык].

Поэтому теленгиты Чуйской степи придерживаются запрета – *бай*: при виде мертвой змеи, принесенной детьми из лесистой местности, просят вернуть ее обратно.

А балдар јылан өтӱралала Чаганнаң, јылан көрбөөн улуска јылан көргӱс келгенде, тургуса ла айт јат: «Мыны кайдаң алдың, кайда өтӱрдӱң, ол ло јерине апар сал!» – деп кемиси ле болсо, айдып,

[58] Чаган – с. Чаган-Узун (алт. Чаган-Оозы) Кош-Агачского р-на Республики Алтай.

ол јерине бошотыр јат. Өтүреле, экелен немеси болсо до таштат јат, андый болгон. – «Когда дети, убив змею в [местности] *Чаган*, приносили, чтобы показать людям, не видевшим змею, то [они] сразу же говорили: «Это откуда взял, где убил, туда и верни!» – так говоря, любой [из взрослых] просил вернуть [змею обратно] на свою землю. Если приносили [змею], убив, то просили выбросить, так было» [Тудуева З.У., с. Бельтир].

Когда привозят змею в *Эре-Чуй*, змея сразу же умирает.

Бого бака-јылан баспайтан, бого бир артисттар јылан экелерде, өлкалан деди не. – «Здесь лягушка-змея не водится, когда артисты привезли сюда змею, говорили, умерла» [Урелова М., с. Мухор-Тархата].

Ол чын неме бе? Меке неме бе? Бир јыланду канцерт көргүстирип [цирк] келерде, јыланы өлкалан деп неме айдышар. Ол та чын неме айттуран, та меке неме айттуран? Андый неме угала, мен кайкап, сананкалам турум мен оны: «Чын болбой адасын, өтпöси чын эмтир» – деп аный санан јүртем. – «Это правда или ложь? Когда с змеей прибыл [цирк], чтобы показать концерт, рассказывали, что змея их умерла. Это правду говорят или ложь? Такое услышав, я удивилась, тогда я подумала: «Правда, наверное, что [змея] не проходит [в *Эре-Чуй*] – это правда, оказывается» – так думала» [Таханова М., с. Чаган-Узун].

Бу агышта иштеп туран уулдарла, агышла кошо јылан келген тийт [Эре-Чуйга], сразу келген ле мончо өлөрөн тийт. Јылан келсе, Кудай, улус ал-сагышка түшкен: «Эре-Чуйга јылан кирбес, јаманга» – деп улус кошту коркот не. – «Парни, которые работают на лесорубе, вместе с дровами, говорят, привезли змею [в *Эре-Чуй*], как только приехали, говорят, [змея] сразу же умерла. Когда змея оказалась [на земле *Эре-Чуй*], *Кудай*[59], люди загоревали: «В *Эре-Чуй* змея не проползает, если проползет, то к плохому» – так люди сильно боятся ведь [Урелова Т.Ч., с. Мухор-Тархата].

Турлунова М.А., с. Ортолык*Осоо јылан деп неме Чуйга кирбес тийт, төө деп неме Улаган ашпас деп осоогы улус ай айдатан.* – «Раньше, говорили, что змея не проползет в землю *Чуй*, верблюд не пройдет в землю Улагана[60], так люди говорили» [Шонхорова М.М., с. Кош-Агач]. В Горном Алтае только в Кош-Агачском *аймаке* разводят, таких высокогорных животных, как яков – *сарлык* и верблюдов – *төө*, в горно-лесистой зоне Улаганского района обитают змеи. Возможно, в Улаганском районе бытует предание, объясняющее почему в Улаганской земле нет верблюдов, а в Кош-Агачском районе не обитают змеи.

Таким образом, *Эре-Чуй* в представлении чуйских теленгитов предстает, как священная земля, сакральная территория, где не водятся нечистые, хтонические существа: змеи, лягушки, ящерицы и др. Существует поверье, по-видимому, сложившееся уже давно, что с появлением змеи – *дьылан* в Чуйской степи – *Эре-Чуй* последуют несчастья, войны-бедствия. Несмотря на скудную растительность, *Эре-Чуй* воспринимается у жителей Кош-Агачского района, как благодатная земля, «Родина-колыбель – *кабай*», «пуповина земли».

Литература:

Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М., 1981. – 135 с.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. – Т.4. – М., 2002. – 501 с.

Илл. атлас **– Иллюстрированный атлас «Республика Алтай» / Отв. ред. И. В. Данилевич. – Новосибирск, 2006. – 368 с.**

Кручкин Ю. Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь = Орос-монгол – монгол-орос орчин үеийн хэлний дэлгэрэнгүй бичиг. – М., 2006. – 921 с.

Личный архив автора

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979. – 399 с.

Подроб. спут. карта – Подробная спутниковая карта Кош-Агачского района с населенными пунктами // URL: http://zoomkarta.ru/altay/index.php?url=view_addr_list&lvl=regions&id=1

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968. – 646 с.

[59] Кудай – алт. «господь, Бог»; зд. в знач. «О, Боже!», «О, Господи!».

[60] Улаган – Улаганский район Республики Алтай.

Яданова 2017а – Яданова К.В. Этимология гидронима *Чуй* // Прорывные научные исследования: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей IX Международной научно-практической конференции в 4 ч. Ч. 4. – Пенза, 2017. – С. 31-33.

Яданова 2017б – Яданова К.В. О происхождении гидронима *Чуй* // Актуальные проблемы татарской филологии: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. 15 декабря 2017 г. / Отв. ред. И.Ф.Зарипова. – Уфа, 2017. – С. 483-490.

Перечень рассказчиков по нашим записям в Кош-Агачском районе РА

Адыкинов А.Ј., 1952 г.р., с. Чаган-Узун, запись 31 августа 2017 г.

Белешева Ч., 1936 г.р., с. Мухор-Тархата, запись 29 августа 2017 г.

Демчинова М.А., 1957 г.р., родилась, жила в с. Бельтир, с 1981 г. живет в г. Горно-Алтайск. Запись 5 марта, 2010 г., г. Горно-Алтайск.

Мешкеева У., 1938 г.р., с. Теленгит-Сортогой, запись 5 сентября 2017 г., повторн. запись 9 октября 2017 г.

Отукова К.И., 1936 г.р., с. Ортолык, запись 10 августа 2017 г.

Таханов О.А., 1946 г.р., с. Чаган-Узун, запись 31 августа 2017 г.

Таханова М., 1950 г.р., с. Чаган-Узун, запись 31 августа 2017 г.

Тудуева З.У., 1921 г.р., с. Бельтир, запись 4 августа 2017 г.

Турлунова М.А., 1932 г.р., с. Ортолык, запись 10 августа 2017 г.

Урелова М.Ј., 1940 г.р., с. Мухор-Тархата, запись 29 августа 2017 г.

Урелова Т.Ч., 1963 г.р., с. Мухор-Тархата, запись 29 августа 2017 г.

Шонхорова М.М., 1927 г.р., с. Кош-Агач, запись 30 августа 2017 г.

Эдешев А.В., 1954 г.р., с. Курай, запись 1 сентября 2017 г.

Эльдепов А.М., 1959 г.р., с. Курай, запись 1 сентября 2017 г.

Резюме

Кузелеш Владимировна Яданова

Представление теленгитов о священной земле – Эре-Чуй
(по материалам экспедиции)

В статье рассматривается представление теленгитов о священной земле – *Эре-Чуй*, приводятся фольклорные материалы, собранные автором во время экспедиции в Кош-Агачском районе Республики Алтай. К.В. Яданова приходит к выводу, что *Эре-Чуй* в представлении чуйских теленгитов предстает, как священная земля, сакральная территория, где не водятся нечистые, хтонические существа: змеи, лягушки, ящерицы и др. *Эре-Чуй* воспринимается у жителей Кош-Агачского района, как благодатная земля, «Родина-колыбель – *кабай*», «пуповина земли».

Summary

Kuzelesh Vladimirovna Yadanova

Representation of the Telengits about the sacred land of Ere-Chui
(on the materials of the expedition)

The article discusses the representation of the Telengits about the sacred land of Ere-Chui, contains folklore materials collected by the author during the expedition in the Kosh-Agach district of the Altai Republic. K.V. Yadanova comes to the conclusion that Ere-Chuy in the representation of the Chui Telengits appears as a sacred land, a sacred territory, where unclean, htonic creatures are not found: snakes, frogs, lizards, etc. Ere-Chuy is perceived among the inhabitants of the Kosh-Agach region as a fertile land, "Motherland-cradle – *kabay*", "umbilical cord of the earth".

ЕЖЕЛГІ ӨНЕР ЖӘНЕ СӘУЛЕТ
ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Аббасова Б.Г.
Гянджинский Государственный Университет,
Азербайджанская Республика

УДК 903(574.3)

УНИКАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

Ключевые слова: архитектура, памятники, Азербайджан, доисторическое жилье, искусство, ковры, наследие.
Keywords: architecture, monuments, Azerbaijan, prehistoric housing, art, carpets, heritage

Азербайджанский народ, являющийся одним из наиболее древних народов мира, по праву гордится своими историческими памятниками материальной культуры, своей богатой литературой, искусством и музыкальной культурой. Значительное влияние на художественное мышление и творчество азербайджанского народа оказали также прекрасная природа, благоприятные климатические условия и природные богатства этого края. Хотя каждый вид искусства нашей страны сам по себе прошел длительный и сложный путь развития, тем не менее, они составляют единое целое и позволяют составить полное представление об искусстве и культуре Азербайджана. Искусство Азербайджана, как и его природа, разнообразно, целостно и богато. Территория Азербайджана богата уникальными архитектурными сооружениями и историческими памятниками всемирного наследия. Самые древние образцы материальной культуры, обнаруженные на территории Азербайджана, относятся к 8-му тысячелетию до н.э. Для населенных пунктов расположенных в Азербайджане характерными были древние мегалитические памятники, менгиры, дольмены, пещеры, оборонительные сооружения, курганы, металлические орудия, гончарное дело и ювелирное искусство. На монументальных наскальных рисунках нашли свое отражение культура и эстетическое представление нашего народа. Азербайджанские народные промыслы, созданные благодаря усилиям нашего народа и широко применяемые в его жизни и быту, имеют большую и богатую историю. Произведения искусства, изготовленные из металла, найденные в Нахчыване, Мингячевире, Кедабеке, Газахе, Гяндже и других местностях, имеют историю около 5000 лет. Найденные на этих территориях образцы посуды, оружия и украшений являются ценнейшими источниками не только как исторический факт, но и как источник информации о мастерстве людей, чьими руками были созданы эти образцы. С древнейших времен Азербайджан прославился не только произведениями изобразительного искусства, но и произведениями архитектуры, являющейся одной из ветвей народного искусства. Девичья Башня и комплекс Дворца Ширваншахов в Баку; мавзолеи Момине Хатун и Юсифа ибн Кюсеира, созданные известным зодчим Аджеми в Нахчыване; дворец Панахали хана, дом поэтессы Натаван в Шуше; рисунки на стенах дворца шекинских ханов, представляют собой редкие жемчужины архитектурного искусства (Берже, 1875, с 188).



Крепость Шахбулаг

Азербайджан является сокровищницей памятников архитектуры. Архитектура - это история. История человечества. Эта история берет свое начало из естественных пещер, где проживали первобытные люди. На территории Азербайджана искусственные пещеры обнаружены в Юго-восточном предгорье Большого Кавказа, в горах Малого Кавказа, в долинах рек Бергушат и Акара Губадлинского района, в Ширванском регионе -недалеко от селений Мараза, Сунди и Дерекенд, а также на территориях, принадлежавших древним государствам Манна и Мидия в южных провинциях. Однако независимо от того, где были построены искусственные пещеры, они, как правило, находятся значительно выше поверхности земли. В дальнейшем, после появления нового типа строительства, а именно каменной кладки, в искусственных пещерах произошли сперва незначительные, а затем более серьезные изменения. В результате появления каменной кладки люди стали возводить новые жилища типа землянки или полуземлянки. Эти жилища, как правило, строились в предгорьях. Люди, еще недостаточно совершенно освоившие искусство каменной кладки и не обладающие возможностью обеспечить тепло в своих жилищах, вынуждены были часть дома строить под землей, а на верхней части его сооружать балконы (эйваны), огражденные естественным камнем, и тем самым оберегать себя от изменения климата (Берже, 1875, с 187). Древнейшие поселения людей, обнаруженные в Гобустане (пещеры, различные примитивные убежища), а также памятники архитектуры мегалитового периода – кромлехи, менгиры (камни пастухов), долмены и сооружения типа циклоп были широко распространены.

Архитектура Азербайджана — комплекс строительных сооружений на территории современного Азербайджана, представляющих архитектурно-историческую значимость. Архитектура Азербайджана включает архитектуру народов, проживавших и проживающих на территории страны. На территории Азербайджана сохранились руины античных и средневековых городов. Столицы, центры ремесла и культуры государств в Нахчыван, Кабала (Габала), Барда, Гянджа, Шабран, Орен Кала (Бейлаган), Шемаха, Халхал и другие издревле привлекали завоевателей. Сохранились остатки многочисленных оборонительных сооружений - крепости и башни - Чирахкала, Дидван и другие, воздвигнутые в начале нашей эры и позже для защиты от нашествий кочевых племен и иноземных поработителей.

Мегалитические и циклопические сооружения в предгорьях Малого Кавказа и на территории Нахичевана, остатки доисторического жилья (прообраз народного жилища — кар адам) характеризуют строительство эпохи энеолита и ранней бронзы на территории Азербайджана (Пахомов, 1938, с 102). На серебряных пиалах, бронзовых сосудах для воды, найденных в Мингячевире, Торпаггале и в других местах археологических раскопок даны изображения оленей, львов, павлинов и овальные изображения.



В образцах овальной и выпуклой структуры, относящихся к этому времени (изготовленных из бронзы и камня) чаще встречаются изображения людей и животных сцены, связанные с бытом, охотой и религиозными церемониями. Предметы материальной культуры, найденные при раскопках на территории Азербайджана, убедительно свидетельствуют о том, что наши предки еще во втором тысячелетии до нашей эры изготовляли из бронзы посуду, кинжалы, топоры, пояса и другие предметы украшения изящных форм и пользовались ими в жизни и быту. Это говорит о том, что мастера медных изделий и ювелиры занимались этими промыслами еще в древние времена. Мощные башни, замки, дворцы и другие сооружения XII-XV в. входят в золотой фонд памятников архитектуры Ширвана. Жемчужина дворцовых сооружений Азербайджана - ансамбль дворца Ширваншахов в г. Баку (середина XV в). В настоящее время он является государственным заповедником-музеем.

Исторические, этнографические и художественные особенности народного творчества отражаются в одежде. Эта особенность проявляется как в одежде определенной формы и ее украшениях, так и в образцах художественного шитья, вязания и текстиля. При археологических раскопках на территории Азербайджана были обнаружены иголка и шило, сделанное из бронзы в начале бронзового периода (III тысячелетие до нашей эры). Эти находки свидетельствуют о том, что древние жители Азербайджана умели шить себе одежду. Глиняные скульптуры, найденные в Кюльтепе и Мингячевире (II тысячелетие до нашей эры) и печати-напалечники, относящиеся к V веку до н.э., позволяют составить определенное представление об одежде того времени. А в могилах Мингячевирской катакомбы (V-VI вв. нашей эры) найдены остатки одежды, сшитой из различных шелковых тканей (Материальная культура Азербайджана, 1951, с 212).



Глиняная посуда из Кюльтепе

Согласно археологическим материалам и письменным источникам, ковроткачеством в Азербайджане занимались еще со времен бронзового периода (конец II тыс. н.э. начало I тыс.). О развитии ковроткачества в Азербайджане сообщали Геродот, Клавдий Элиан, Ксенофонт и другие историки древнего мира. В разные времена в отдельных школах ковроткачества Азербайджана (Губа, Баку, Ширван, Гянджа, Газах, Карабах, Тебриз) были сотканы ковры, красотой которых люди восхищаются по сей день. Многие из них хранятся в известных музеях мира.

Азербайджанское искусство, как и история нашего народа - древнее и богатое. Исследование отдельных видов театра, кино, музыки и народного искусства, прошедшего сложный и длительный путь развития, свидетельствует о высоком культурном наследии азербайджанского народа. Деятели культуры и искусства Азербайджана постоянно прилагали усилия для доведения нашей национальной культуры до мирового сообщества и частично добились этой цели.

Литература:

Берже А. Кавказ в археологическом отношении.-Тифлис, 1875, 180-188с.

Материальная культура Азербайджана.- Баку: АН Азерб. ССР, 1951.- Т.II.- 212 с. (АН Аз.ССР, Музей истории Азербайджана). Текст на азерб. и русском яз.

Пахомов Е. Клады Азербайджана и других республик, краев Кавказа /Евгений Пахомов; отв. ред. А.Климов.- Баку: Азерб.филиал АН СССР, 1938.- Вып. 2.- 102 с.

Резюме

Б. Г. Аббасова

УНИКАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА

В статье рассматривается азербайджанского древние памятники в контексте межцивилизационного диалога. Прослежены истоки развития искусства в Азербайджане, традиционные особенности национальных ковров, их взаимодействие с мировой культурой, место и значение в мировой культуре. Выявлена и обоснована необходимость восстановления и сохранения исторических и культурных памятников и заповедников является новой вехой в истории азербайджанской археологии и культуры в целом.

Summary

B. H. Abbasova

UNIQUE ARCHITECTURAL STRUCTURES AND HISTORICAL MONUMENTS OF THE AZERBAIJANİ PEOPLE.

The article deals with ancient Azerbaijani monuments in the context of intercultural dialogue. The period of development of arts in Azerbaijan, traditional peculiarities of national carpets, their influence to world culture, their place and meaning in world culture. The necessity of restoration and preservance of historical and cultural monuments and reserves were allocated and grounded as well as it is a new stage in the history of azerbaijani arclxology and culture as a whole.

Аббасова Г.Г.
Средняя школа № 162 г. Баку, им.Э.Алиева
Азербайджанская Республика

УДК 903(574.3)

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НАГОРНОГО КАРАБАХА

Ключевые слова: Азербайджан, Нагорный Карабах, древние памятники и топонимы, архитектурные шедевры, античные источники, Абдал-Гюлаблы
Keywords: Azerbaijan, Nagorno-Karabakh, ancient monuments and toponyms, architectural masterpieces, ancient sources, Abdal-Gulabli

Азербайджан богат историческими культурными памятниками. Если книги – письменная память народа, то памятники – каменная память истории. Карабахский регион Азербайджана является территорией, где жили обитатели одной из древнейших стоянок человека - Азыхского лагеря, который насчитывает 2000-летнюю историю. Территория Карабаха является территорией обитания создателей Куручайской культуры эпохи палеолита, а также сменивших друг друга поселенцев, продолжателей существующих в эпоху бронзы и железа Кура-Аразской (Аракс) и Ходжалы-Кедабекской культур. Обнаруженные в нагорных и равнинных частях территории Карабаха древние каменные памятники - дольмены в Ходжалы, кромлехи в Ханкенди, а также найденные в различных местностях Карабаха могилы в виде каменных ящиков, относящиеся к античному периоду, являются материально-культурными образцами, отражающими идеологию и форму мышления того периода.

На стыке III-IV вв. до нашей эры на территории Азербайджанской Республики наряду с государствами Манна, Мидия, Скит, Атропатена образовалось государство Кавказская Албания. В I веке нашей эры Албанией правила династия албанских Аршакидов. Южная граница Албании в этот период проходила вдоль реки Аракс. На территориях Бейлагана, Агджабеди, Барды, Агдама, Тертера и в нагорной части Карабаха было обнаружено принадлежащее тюркам, относящееся к VI-III в.в. большое количество скифских курганов. Античные источники дают интересные сведения о существовании древних городов на древней территории Карабаха - в Ути, Арцахе и Пайтакаране. Прослеживая развитие культуры в Карабахе мы обнаруживаем, что данные археологических раскопок свидетельствуют о высоком художественном оформлении различных сооружений. Таковы капители, на углах которых имеются изображения голов баранов, художественно оформлены основания колонн, обнаруженных в Лачине, Губадлы, Ханкенди, Шуше, Агдаме, Барде. Их аналоги встречаются в других памятниках Азербайджана (Мингечауре, Тезекенде, Шемахе) (1, с 62).

В мусульманский период возникли города Карабаха – Агдере, Кельбаджар, Ходжавенд, Шуша, Ханкенди, Тертер, Физули, Джебраил, Агджабеди, Лачин, Губадлы, Зенгилан. В структуре этих городов наблюдается художественное воплощение национально-духовного и идеологического образа мышления в строительной культуре. Новые национально - идеологические особенности дают о себе знать в интерьерах жилых домов и административных зданий.

В 1960 год близ города Физули, недалеко от селения Туг археолог Мухаммедали Гусуйнов обнаружил черепную крышку и челюсть «азыхантропа». Она была менше, чем у современных людей. Они жили почти 2 миллиона лет тому назад. Самое же главное, М. Гусейнов нашел орудия, которые служили для работы и охоты. Эти орудия - каменные пластины, «ручные рубила» (3, с 27).

Это начало производства. Труд положил начало человеческой осмысленной речи. На первых же ступенях своего развития люди Карабаха ознакомились с огнем и стали им пользоваться. Огонь обогревал, давал уют и отпугивал зверей. Окружали людей Карабаха этого времени пещерный медведь, олень и дикий кабан. Люди Карабаха были высокими. У карабахцев же подбородок выступал вперед, был прекрасно обрисован, как у современного человека.

О духовном развитии азыхантропа свидетельствуют остатки их искусства, кости медведя, а также оружия для охоты. Об истории Карабаха в середине прошлого столетия ограничилась, по существу, историей областей Орхистена, Арсаг и Камбисена. Об истории Карабаха тогда почти ничего не знали, кроме нескольких имен, которые сохранили в искаженном виде древние писатели. Древняя история Карабаха была сплошным белым пятном.

А, ныне? Благодаря археологам мы познакомились с памятниками Карабаха. Мы знаем, как трудились и жили тюрки коренное население, о существовании которых недавно еще никто не подозревал. Археология, таким образом, неизмеримо расширила и географические рамки древней истории Карабаха.

Археология убедительно решила вопросы, на которые тогда нельзя было дать ответа. Один из таких вопросов принадлежность земли тюркам или армянам. Но вот в спор вступили археологи. Они нашли кости и мотыги, древние тюркские города Козлуча и извлекли из-под земли остатки мастерских, где, когда то работали гончары, кузнецы, ювелиры. Легенда о дикой и полукочевой жизни жителей Карабаха рассеялась как дым. Много, бесконечно много сделано археологами для восстановления истории далеко прошлого Карабаха. Вещи из могил мертвых городов как Козлуча оказываются красноречивыми; именно благодаря им мы восстанавливаем историю производства Карабаха, история быта и жилища, знакомимся о предках о которых прежде мало знали, проникает в тысячелетия, о которых молчат письменные источники. Первую информацию о тюрских племенах представил греческий историк Геродот.

На окраине Агдама высится холм. Теперь, известно, что этот холм возник на месте крепости Козлуча, построенный одним из тюркских царей, но когда ученые начинали раскапывать Козлуча, они не знали, что именно там найдут, ибо об этой крепости не упоминалось ни в одном из древних памятников письменности. Начало раскопок ознаменовалось удачей, рост мужчины обычно достигали 3 метра. Были широки в плечах, имели очень широкую и объемистую грудную клетку. Это были крепкие, сильные и выносливые люди. Большая тяжелая голова сидела у них на шее. Находки Козлуча были обильными; кладовые и мастерские, оружие и сосуды, остатки деревянных предметов и тканей.





Агдам, Козлуча (село Абдал-Гюлаблы)

Археологические данные полностью подтверждают, что при последовательном развитии земледелия постоянно увеличивалось население Карабаха. Что же вызвало этот рост селений и городов Карабаха? Рост населения, повышение эффективности основных видов хозяйственной деятельности, переход к оседлости ранее кочевых тюрков и социальная организация, направленная к концентрации населения. В последнее время и торговля стала рассматриваться все большим числом ученых как один из основных факторов в развитии сложных обществ того времени. Контроль за торговлей осуществляли храмы и дворцы.



Таким образом, и природно - географические условия, и основные виды хозяйства, и тюркское население, и торговля, и социальная организация, и технология играла важную роль в развитии ведущих культур древности Карабаха. Это подтверждается построенными по всему

средневековому Азербайджану, в том числе в Карабахе, архитектурными шедеврами. Своевременно на территориях районов Азербайджана - в Шуше, Агдаме, Барде, Физули, Зангилане, Джебраиле, Лачине, Кельбаджаре было обнаружено и исследовано большое количество могил, строительных и эпиграфических памятников:

В Физулинском регионе мавзолей Шейха Ягуба (XII век); 12 угольный мавзолей в Агдамском регионе недалеко от села Хачинь-Дербенд; мечеть Джума в Агдаме (1870) и мавзолеи; Имам Али булагы в селе Гюлаблы Агдама(XII век), здание бани в селе Абдал-Гюлаблы Агдама (начало XX века); Шахбулагская мечеть в Агдам; 12 арочный мост в городе Барда на реке Тертер (XIV век); мавзолеи "Барда" и "Ахсадан-баба" (XIV век); комплекс мечети "Имамзаде" с парным минаретом, построенный в городе Барда Кербалаи Сафхан Карабахи (1868) и др (6,с 47).

В структуре этих городов наблюдается художественное воплощение национально-духовного и идеологического образа мышления в строительной культуре. Новые национально - идеологические особенности дают о себе знать в интерьерах жилых домов и административных зданий. Это подтверждается построенными по всему средневековому Азербайджану, в том числе в Карабахе, архитектурными шедеврами. Арабские источники отмечают наличие в городе Барда красивых домов из красного кирпича и крытые базары. Следует добавить, что подобные сооружения встречаются везде на мусульманском Востоке (5, с 154).

Состояние археологических объектов Нагорного Карабаха на сегодняшний день весьма неоднозначно, как и всякой приграничной конфликтной территории, когда исторические памятники становятся аргументами политических споров.

Литература:

1. **"Az rbaycan inc s n ti"** Bakı, 1992, s.18; Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV-VII вв., Баку, Маариф, 1993, s.62
2. **Ал-Куфи.** Китаб ал-футух.- Баку, 1995; Хамдуллах Казвини. Нузхат алкулуб Архив Института Истории, инв. N:4960
3. **Бунятов З. М..** Азербайджан в VII-IX веках. - Баку, 1999, гл. II; Алиев И.Г. Нагорный Карабах (история, факты, события), - Баку, 1989, с. 27.
4. **Большаков О.Г**.Средневековый город Ближнего Востока (VII-середина XIII в), - М., 1984, с. 16.
5. **Величко В.Л.** Кавказ. - СПб, 1904, с.154.
6. **БунятовЗ.М.** Азербайджан в VII-IX веках. - Баку, 1999, гл. II.

Резюме

Г. Г. Аббасова

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НАГОРНОГО КАРАБАХА

В статье рассматривается как Азербайджан, его часть неотъемлемая Нагорный Карабах богат историческими культурными памятниками. Можно сказать, что велика роль исторических и культурных памятников в изучении истории азербайджанского народа. В результате анализа автор доказывает что, культурно-исторические памятники Азербайджана – всего лишь капля в море познания славного и богатого культурного прошлого нашей страны. Но, как в малой капле подчас отражается океан, так и наше небольшое повествование об исторических памятниках позволяет заглянуть в славные и скорбные страницы истории Азербайджана, с трепетом и благоговением прочитать летопись жизни азербайджанского народа, запечатленную в камне.

Summary

G. H. Abbasova

STUDY OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF NAGORNO-KARABAKH

In the report it is noted that Nagorno Karabakh is the integral part of Azerbaijan and a place of valuable historical monuments.These historical monuments are the cultural and historical memory of our people. These monuments are collected as a small drop of Azerbaijan .Culture and reflect the richness of our morality as the oceans. These stone monuments are the glorious memory of our high cultural heritage in the past. Our peoples cultural heritage lives in these stone monuments. But it is hard to say it these monuments are under the occupation.

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С.
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КОСТЮМА

(Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, ИРН проекта AP05131573)

Ключевые слова: костюм, ранний железный век, монументальное и мобильное искусство, статуарные объекты.
Keywords: costume, early iron age, monumental and mobile art, statuary objects.

В настоящее время с территории Казахстана происходит интересный блок материалов, позволяющих исследовать особенности костюма эпохи раннего железа. Данный тип источников условно можно разделить на две группы: монументальное и мобильное искусство. К первой группе относятся оленные камни, изваяния, наскальные изображения. Ко второй – предметы мелкой пластики. Целью настоящего сообщения ставится составление краткого экскурса по вопросам дальнейших перспектив в исследовании костюма раннего железного века в сравнительном аспекте.

Начало систематического изучения изобразительных памятников, в том числе, неразрывно связано с образованием Академии наук Казахской ССР. Основная заслуга в организации археологических исследований принадлежит двум выдающимся личностям отечественной науки – К.И. Сатпаеву и А.Х. Маргулану. В отчетном сообщении С.С. Черникова, выполнявшем определенное время обязанности заведующего отделом археологии Института истории АН КазССР, первым археологом страны назван К.И. Сатпаев [Черников, 1950; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева, 2017].

А.Х. Маргулану принадлежит открытие большого количества статуарных объектов, датируемых широким хронологическим диапазоном [Ермоленко, Касенова, 2014; Кызласов Л.Р., 2017]. Одной из ярких находок, содержащей информацию о некоторых элементах костюма, является изваяние из Жангабыла. Как показал тщательный анализ данного памятника, объект представляет собой переоформленный оленный камень [Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016а]. Наше внимание привлекло изображение серьги, а также элементов воинской экипировки. Элементы костюма также присутствуют на серии оленных камней из Казахского Алтая [Самашев и др., 2010; Самашев, 2013; Самашев, Ермолаева, Джумабекова, 2017]. За последние несколько лет сделан мощный рывок в изучении скульптуры раннего железного века. Например, стало возможным выделить группу изваяний сакского времени [Курманкулов, Ермоленко, 2014; Бейсенов, Ермоленко, 2014; Хабдулина, 2015; Ермоленко, Курманкулов, Касенова 2016]. По предварительным подсчетам из Сарыарки происходит порядка 20 таких объектов.

Авторами настоящего сообщения в полевых сезонах 2015–2017 гг. исследовались памятники ранних кочевников близ аула Ашутасты, расположенного на территории маслихата г. Аркалык (Костанайская обл.) [Базарбаева, Джумабекова, 2017]. В результате работ получены новые данные о скульптуре раннего железного века. Так, на памятнике Ашутасты-2 изваяние было установлено в ограде, маркирующей начало южной каменной гряды комплекса кургана с «усами». В северной гряде, примерно посередине «уса», зафиксирована каменная антропоморфная стела. Изваяние и стела хранятся в фондах музея Областного музея истории степного края в г. Аркалыке. Относительно датировки комплексов, содержащих курганы с «усами», пока нет единого мнения. В то же время следует предполагать, что в данном вопросе решение за отечественными исследователями, поскольку абсолютное большинство курганов с каменными грядами приходится на казахские степи. Видимо, далеко не случайна приуроченность курганов с усами к памятникам тасмолинской культуры. Для изготовления изваяния из Ашутасты-2 использовался камень, трудно поддающийся обработке. Древнему каменотесу удалось обозначить головной убор или прическу, брови, глаза, нос, уши, нашейное украшение (?), руки.

В Казахстане благодаря наличию податливого материала наиболее четко проработанными скульптурными изображениями эпохи раннего железа являются изваяния, выявленные в ходе изучения Арало-Каспийского региона экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева [Тасмагамбетов, 2002; 2003; Ольховский, 2005; Самашев и др., 2007; Самашев и др., 2011]. Эти памятники позволяют четко представить образ физически крепких воинов.

Головные уборы более всего напоминают капюшоны. Статус воина подчеркивает набор предметов вооружения, предназначавшихся для ближнего и дальнего боя. Место человека в социальной иерархии выражено присутствием нашейного украшения – многовитковой гривны (?).

Облик древнего воина позволяют также представить наскальные изображения, оставленные в тех регионах, где для этого были благоприятные литологические условия [Самашев, 2006]. Например, в Жетысу информативным является плоскость 18 в местонахождении Кулжабасы [Рогожинский, Джумабекова, 2017]. Здесь запечатлено два воина с оружием ближнего боя – мечом, кинжалом, чеканом и защитным – щитом. Форма головного убора одного из персонажей перекликается с находками в курганах с мерзлотой Алтая. Он конусовидный с закругленной макушкой. На голове второго персонажа показан невысокий колпак с откинутым назад верхом.

Произведения мобильного искусства представлены в виде скульптурных изображений конного лучника и спешившегося всадника, происходящие из сцен, размещенных на курильницах [Джумабекова, 1998; Тасмагамбетов, 2003; Джумабекова, Базарбаева, 2013], бронзовая фигурка воина из Жамбылского областного историко-краеведческого музея в шлеме («кубанского» типа). Всадник в развевающемся плаще протиражирован на штампованных бляшках из Тенлика [Акишев К.А., 1978]. Две многофигурные композиции с изображением мифологической и батальной сцены запечатлены на находках из памятников эпохи раннего железа Центрального (Нуркен-2) и Западного Казахстана (Таксай-1) [Бейсенов, 2014; Бейсенов, Джумабекова, 2014; Лукпанова, 2014; Лукпанова, 2015].

Фасон одежды на предметах мелкой пластики создает впечатление, что показан костюм, комфортный для ношения в теплое время года. Это плотно облегающие тело кафтан, высокие сапоги-ноговицы. Головные уборы – чаще шлемовидные. Также реконструируется бронированный доспех по некоторым изобразительным памятникам. Перечисленные выше образы – мужские. С территории Казахстана в предметах мелкой пластики раннего железного века пока нет ни одного изображения женщины. Очевидно, с образом мужчины были связаны многие функции. Это был воин, вождь, жрец, героизированный предок. Возможно, сюжеты, запечатленные в металле, сопоставимы с эпосом, воспевающем ратный подвиг, сцены из обрядов, важных событий.

Развитие традиции художественного воплощения образа воина, героизированного предка фиксируется в эпоху средневековья. Воплощение мужественного облика героя, воина, батыра нашел свое продолжение в эпоху воинственных тюрков, оставивших каменные изваяния с детальной проработкой всех элементов (прическа, головной убор, выражение лица, комплекс вооружения и др.). Несомненно, комплексное изучение статуарных и мобильных произведений искусства с антропоморфными образами, археологических памятников под определенным углом зрения позволит не только произвести научную реконструкцию облика представителей древнего общества, но и этические идеалы, мифологические представления, комплекс вооружения и т.д.

А.Х. Маргулан, специально исследовавший казахский эпос, выделял в его развитии пять основных периодов: 1) архаический; 2) сказания о богатырях; 3) эпические предания эпохи «Ногайлы»; 4) цикл сказаний об Аблае и его богатырях; 5) героические песни об Исатае и Махамбете, о Бекет-батыре, о Кенесары и Наурызбае, о Джанходже [Маргулан, 1946, с. 80, 81]. Учитывая год выхода статьи – 1946 г. Аликей Хаканович подчеркивал, что создание эпоса продолжается. Он развивается дальше. Его героями на тот момент становились образ Амангельды Иманова, прославленные воины Великой Отечественной войны – Тулеген Тохтаров, Малик Габдулин [Маргулан, 1946, с. 81].

Основоположник отечественной археологии – А.Х. Маргулан подчеркивал, что в казахском эпосе «меньше беспочвенной фантастики и витиеватых мифологических украшений» [Маргулан, 1946, с. 75]. Думается, что комплексный подход в исследованиий произведений древнего искусства сквозь призму нематериального культурного наследия казахов – этноса, впитавшего достижения предшествующих эпох, позволит получить дополнительные сведения, поскольку образ жизни населения казахской степи раннего железного века, а также позднего средневековья и Нового времени во многом сходен.

Литература:

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. – 2017. – Т. 6, № 2 (19). – С. 117–121.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. Бляшка с мифологическим сюжетом из Центрального Казахстана // Известия АлтГУ. – 2014. - Вып. 4 (84). - С. 42–46.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – С. 11–64.

Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. – 2014. – № 3 (59). – С. 34–40.

Джумабекова Г. Опыт атрибуции конного лучника из Алматы // Вопросы археологии Казахстана: сб. научн. статей. – М.–Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1998. – Вып. 2. – С. 72–82.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – 120 с.

Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х. Маргулана в изучение древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // Вестник КемГУ. – 2014. – № 3 (59). – С. 20–23.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Изваяние из долины реки Жангабыл: перепетии атрибуции // Археология Южной Сибири: сб. научн. ст. к 40-летию кафедры археологии КемГУ. – 2016а. – Вып. 27. – С. 46–54.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016б. – С. 129–135.

Курманкулов Ж., Ермоленко Л. Древности Сарыарки: каменные изваяния. – Караганды: «Credos Ltd C», 2014. – 168 с.

Кызласов Л.Р. Дорожные зарисовки. Центрально-Казахстанская архитектурно-археологическая экспедиция АН КазССР. 18.VII.–1.X.1948 года. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. – 96 с.

Лукпанова Я.А. Костюм женщины сарматской эпохи: опыт реконструкции // Диалог культур Евразии и археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2014. – С. 430–440.

Лукпанова Я.А. Знаковая функция предметов с зооморфными изображениями из кургана № 6 комплекса Таксай-1 (Степное Приуралье) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. статей, посвящ. памяти выдающегося казахского археолога К.А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 154–159.

Маргулан А. О характере и исторической обусловленности казахского эпоса // Известия КазФАН СССР. Сер. историч. – 1946. – № 2 (27). – С. 75–81.

Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. – М.: Наука, 2005. – 299 с.

Рогожинский А.Е., Джумабекова Г.С. Комплекс уникальных гравюр сакской эпохи из Кулжабасы (культурно-исторические связи и датировка) // Металлические котлы ранних кочевников Жетысу. Коллективная монография. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. – С. 115–135.

Самашев З. Петроглифы Казахстана. – Алматы: Өнер, 2006. – 200с.

Самашев З. История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье / Казахское искусство в 5-ти томах. – Алматы: Елнур, 2013. – Т. 1. Древнее искусство. – 240 с.

Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С. Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – С. 101–156.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы: «Археология», 2011. – 400 с.

Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище – Кызылуйык. – Астана: «Археология», 2011. – 200 с.

Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Толегенов Е., Исин А., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана (древность и средневековье). – Алматы: ТОО «Археология», 2010. – 216 с.

Тасмагамбетов И. Кулпытас. – Алматы: ОФ «Берел», 2002. – 392 с.

Тасмагамбетов И. Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников. – Алматы: ОФ «Берел», 2003. – 336 с.

Хабдулина М.К. Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. научн. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. – Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. – С. 372–375.

Черников С.С. Основные проблемы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. ист. – 1950. – Вып. 5 (№ 77). – С. 63–70.

Резюме

В статье рассматривается составление краткого экскурса по вопросам дальнейших перспектив в исследовании костюма раннего железного века в сравнительном аспекте. Освещается интересный блок материалов, происходящие с территории Казахстана, позволяющие исследовать особенности костюма эпохи раннего железа. Данный тип источников условно можно разделить на две группы: монументальное и мобильное искусство. К первой группе относятся оленные камни, изваяния, наскальные изображения. Ко второй – предметы мелкой пластики.

Summary

In this article one considers the construct of short excursion according to questions of further perspectives in the research of the Early Iron Age on comparative aspect. One lighted up an interesting block of materials, occurring in the territory of Kazakhstan, which allow to study peculiarities of costume of the Early Iron period. This type of sources conditionally can be divided into two groups: monumental and mobile art. To the first group the deer stone, graven images and rock carvings are applied. To the second one – items of indoor sculptures.

Гераськова Л.,
Киев, Украина;
Пыслару И.
Мангалия, Румыния

ПРЕДОК, ГЕРОЙ, ВРАГ, БОЖЕСТВО?

«Чем больше археологи писали об этом предмете, тем сильнее разыгрывалась их фантазия, а вопрос затемнялся в высшей степени»
(Н. И. Веселовский, 1915)

«Не пришло ещё время для обобщающей работы, в которой рассматривались бы эти статуи как разные формы отражения определённого комплекса верований. Не доказано также и то, что они являются отголосками различных культов и проявлением различных идеологий. Нет уверенности, что семантику и назначение их мы понимаем правильно, даже когда имеем дело с самыми поздними изваяниями двух последних групп»
(Г. А. Фёдоров-Давыдов, 1976)

«…вопрос этот после длительной дискуссии уверенно решился в пользу точки зрения о них (древнетюркских изваяниях) как об изображениях самих покойных тюрков, а не их предполагаемых врагов»
(В. Д. Кубарев, 1984)

Ключевые слова: скульптура, тюрки, кипчаки, половцы, буддизм, иконография
Keywords: sculpture, Turks, Kypchak, Cumans, Buddhism, iconography

Вопросы идеологии занимали и занимают одно из важных мест в работах исследователей, которые изучают историю и культуру средневековых тюркоязычных кочевников. В этой области работали многие русские (В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. И. Веселовский), советские (М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов, А. Д. Грач, Я. А. Шер, Г. А. Фёдоров-Давыдов, С. А. Плетнева), казахские (А. Х. Маргулан, А. М. Досымбаева, Г. Ш. Елеукенова), российские (С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, В. Д. Кубарев, Л. Н. Ермоленко), монгольские (Сэр-Оджав, Д. Баяр) и видные западные ученые (М. Элиаде, О. Прицак). И, тем не менее, как ранее мы уже писали, проблемы семантики памятников скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников евразийских степей остаются далекими от своего окончательного решения.

Ещё полвека назад известный исследователь Я. А. Шер, поднимая вопросы семантики каменных изваяний средневековых тюркоязычных кочевников, обратил внимание на недостатки археологической методики изучения семантики каменных изваяний и противоречивость данных письменных источников, что привело к появлению разных гипотез и возникновению споров между их сторонниками. Поэтому исследователь счел целесообразным рассмотрение вопросов семантики на основе археологической классификации каменных изваяний с привлечением эпиграфических источников для дополнения и корректировки полученных выводов.

По нашему мнению, указанных источников недостаточно для решения вопросов семантики монументальной каменной скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников. Ощущается острая необходимость привлечения и других данных из области искусствоведения, религиоведения и этнографии.

Если о мировоззрении древних тюрков имеются эпиграфические и археологические свидетельства, то о мировоззрении средневековых кочевников восточноевропейских степей сведений практически не сохранилось. То, в чем едины почти все исследователи, так это признание что основой языческого мировоззрения кочевых племен, говорящих на тюркском, по-видимому, был

культ предка и шаманизм, сохранившийся у них вплоть до настоящего времени, несмотря на существование у них буддизма, ислама и др. религий, как манихейство, христианство.

Многие исследователи признают существование у древних тюрков культа предка и тенгрианства, но при этом, данные явления рассматриваются как самостоятельно возникшие в среде тюрков и никак не связанные с подобными явлениями у их соседей[1].

Считается, что тюрки обожествляли леса, горы и реки, а их божественный пантеон составляли боги Тенгри, ЫдукЭр Суб и Эрклиг, которые представляли три мира. Во главе богов стоял Тенгри. Кроме того широко известна богиня Умай (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 175–176), которая вместе с Тенгри составляли божественную пару, сотворившую мир.

ЫдукЭр Суб было божеством среднего мира и называлось и "Святой Землей Водой" Посредничество между мирами, по убеждениям тюрков, исполняли два посредника – Йол Тенгри. Это были два бога дорог аналогичные по функциям древнегреческому Гермесу и римскому Меркурию[2]. В "Книге Гаданий" они упомянуты как "Боги на рябом и черном конях".

Богом подземного мира был Эрклиг, функции которого были похожи на Аида древних греков и Плутона римлян. Посредником между мирами в мире людей считался жрец – qam (Güngör, 2002, p. 781). Во время обряда он входил в транс и совершал разные действия (Пріцак, 1997, с. 143).

Хотя, в целом, тюрков считают язычниками, тем не менее, правители кочевых тюркских народов, желая обеспечить своим племенам процветание, принимали другие идеологии, как например буддизм у древних тюрков и иудаизм у хазар. Поскольку все идеи исследователей, высказываемые по поводу мировоззрения тюрков, связаны по большей части с монументальной каменной скульптурой, то именно на ней и на рассмотрении вопросов её семантики мы и сосредоточим наше внимание, чтобы разобраться в том, какие представления нашли отражение в этих монументальных произведениях искусства и кого изображали средневековые скульпторы.

Большинство исследователей средневековой монументальной скульптуры кочевников евразийских степей никогда не высказывались в пользу того, что статуи изображают богов, но считают, что они посвящены конкретным людям и потому все статуи портретны. Ученик В. В. Радлова, хакасский ученый, тюрколог Н. А. Катанов в своей диссертации «Опыт исследования урянхайского языка» писал, что «каменные бабы у нынешних хакасов, тувинцев и монголов чтутся не как божества, а как изображения предков» (Катанов, 1903, с. 342). Мастера изображали «лики конкретных людей, разного возраста и различного социального положения», что якобы прослеживается на статуях святилищ Жайсан и Мерке, на изваяниях Центрального Казахстана, Волжско-Донского региона, Монголии (Плетнева, 1974, с. 75; Елеукенова, 1999, с. 61, пл. 72; Маргулан, 2003, с. 44–45; Досымбаева, 2010).

С. А. Плетнева считала, что искусством ваяния передавались индивидуальные черты лица, а средствами изображения «этнографических особенностей костюмов» или наоборот, отсутствием таковых, подчеркивалось социальное положение человека, в честь которого высекалась и воздвигалась статуя. По мнению С. А. Плетневой "при изготовлении женских статуй имелись в виду какие-то, вполне определенные женщины, превращенные в покровительниц семьи или рода" (Плетнева, 1974, с. 75,74).

Трудно согласиться с приведенными выше идеями, поскольку даже античная скульптура греков не была портретной. Мы должны принять во внимание, что искусство древности и средневековья было глубоко символичным и ни о каком реализме, вообще не могло быть и речи. Это справедливо даже и для скульптурных произведений соседней Бактрии, в которых слиты воедино эллинистические традиции, буддийское искусство Гандхары и местное бактрийское искусство.

В своей монографии антрополог В. П. Алексеев делает некоторые выводы на основе анализа скульптуры Халчаяна и Дальверзина. Их исследовательница Г. А. Пугаченкова отмечает «высокие реалистические достоинства и портретность скульптур», а также видит возможность для антропологических определений (Пугаченкова, 1971, с. 11). В. П. Алексеев считает, что предположения о том, что скульптуры Халчаяна и Дальверзина имеют реалистический характер, остаются недоказанными. Чтобы подходить к скульптурному произведению как к антропологическому источнику, - говорит исследователь, - необходимо учитывать уровень художественной культуры общества, которое его создало, время и факторы, определяющие степень формального совершенства в воспроизведении натуры, в том числе и человеческого лица; а также индивидуальность творца, создающая значительный диапазон отклонений от фотографического копирования натуры; и огромную амплитуду в выборе того, что фиксируется художником в лице человека как типичное (Алексеев, 1989, с. 326). Однако рассмотрение поставленных выше вопросов может быть решено лишь совокупными усилиями искусствоведов, историков культуры и

антропологов. Современная антропология отказалась от процедур визуального оценивания сходства скульптурных и живописных портретов с теми или иными расовыми комбинациями.

Как считает искусствовед А. Ф. Лосев, скульптура у греков являлась основой символизма – скульптурный символизм. Духовное и телесное в скульптуре находятся в полном равновесии. Здесь телесное дано лишь в меру своей духовности. От того античная статуя в принципе – безглазая, холодноватая и величавая. Это идеализированное и одухотворенное тело. Скульптура у древних греков является изображением человеческого тела (Лосев, 1993). Статуи мифологических героев и богов у древних греков ничем не отличались от идеального образа человека, но практически никогда не изображали конкретных людей.

То же самое можно было бы сказать и о тюркской скульптуре. Это были достаточно обобщенные образы людей, с четко выработанными иконографическими типами, но создаваемые порой не на очень высоком профессиональном уровне. Большое внимание в этих произведениях уделялось позе фигуры и атрибутам. Нет сомнения, что они были всецело подчинены тем религиозным воззрениям, которые существовали у древних тюрков в определенные периоды их истории. Приведем мнение искусствоведа, посвятившего свою диссертацию древнетюркской скульптуре, касающееся портретности тюркских изваяний: «Главной жанровой особенностью *поминальной*[61] скульптуры является интерес к особенностям черт лица, пусть схематично переданного, но очень характерного. Обобщенное соединено с конкретным. Образ строится как легендарно-исторический. Символико-догматический жанр не требовал соблюдения точной портретности, абсолютной схожести с образом умершего, как в древней египетской монументальной скульптуре» (Елеукенова, 1992).

У римлян – наследников греческого античного искусства изображения конкретных людей началось от обычая делать восковые маски умерших предков**,** существовавшего в Древнем Риме. Его дальнейшим развитием стал скульптурный портрет. Портретный жанр включал различные формы: статуи, изображавшие человека стоящим или сидящим, бюсты, а также надгробные рельефные портреты. Большинству римских портретов первой половины и середины I века до н. э. характерен реализм, граничащий с натурализмом.

В буддийском искусстве, в отличие от греко-римской скульптуры, изображения Будды и других персонажей буддийского пантеона не были только воплощением телесной красоты человека. Всем деталям внешнего облика изображаемых персонажей в буддийской скульптуре придавалось символическое значение. Буддийский канон, выработанный в Индии и позже дополненный в Тибете, был официальным руководством для всех буддийских мастеров-скульпторов и живописцев (Антипова, 2010).

Г. А. Федоров-Давыдов считал, что тюркские статуи VI–VII вв. Алтая, Тувы, Монголии и прилегающих областей всегда изображали мужчин и ставились в память умерших у специальных оградок из камней, перед которыми совершались обряды, связанные с культом предков. Предок как бы присутствовал на заупокойной трапезе, что и символизировала статуя, изображавшая человека с *чашей для возлияний*[3].

Долгое время каменные изваяния считались надгробными статуями. Однако специальные археологические исследования установили, что нет прямой связи между погребёнными в насыпях курганов людьми и стоящими на этих курганах изваяниями. И это относится не только к западной области кыпчаков, но и ко всей заселённой тюрками евразийской степи, где существовал обычай устанавливать каменные статуи. Изваяния ставились отдельно, но не на могилах (Кызласов, 1964, с. 31; Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 190.)

Изваяния древнетюркского времени, как отмечают многие исследователи, традиционно изображали «воина» с его атрибутами – саблей, кинжалом или мечом, а также с поясом и чашей в правой руке; левая – опирается на рукоятку меча, сабли, кинжала или на пояс[4]. Поэтому исследователи видят в них скульптурные портреты конкретных людей: племенных вождей, представителей высшей военной аристократии, прославленных воинов. А вот в простых каменных столбах или столбиках изображения врагов – балбалы, выполнявшие роль элементов мемориальных комплексов. Число таких камней на мемориальных комплексах могло доходить «до ста и даже до тысячи» (Бичурин, 1950, I, с. 230). Их установка, как считают исследователи, совершалась с целью увековечить память погибших воинов и прославить их военные подвиги.

---

[61] Автор не поясняет, на каком основании он называет скульптуру поминальной

Обратим внимание на тот факт, что изваяния могли устанавливаться как отдельно, так и у простых каменных четырехугольных оградок или в архитектурно-мемориальных ансамблях. Считается, что оградки с изваяниями и рядами камней-балбалов являются упрощённой «проекцией» храмовых комплексов наподобие таких как памятники Кюль-Тегину, Бильге-кагану и пр. (Шер, 1966, с. 62).

Эти храмовые комплексы были построены китайскими мастерами по буддийским канонам и сходны с погребальными комплексами китайской знати, в которых присутствуют аллея статуй, стела с надписью, водруженная на спине гигантской черепахи, и погребальный храм, двор которого окружен стенами[5].

Говоря о семантике каменных древнетюркских изваяний, следует сказать, что в научной среде по этому поводу существуют разные представления. Одни полагают, что изваяния изображают умершего, а камни-балбалы представляют побеждённых и убитых им врагов. По мнению других исследователей и балбалы, и каменные статуи изображали врагов. Более примитивные балбалы представляли рядовых, а статуя изображала главного убитого врага, который должен быть на том свете слугой для своего победителя (Грач, 1961; Кызласов, 1964).

По мысли искусствоведа монументальная скульптура древних тюрков в зримых формах представляла образ почитаемого» предка и выражала идею семейно-родового гения-покровителя (Елеукенова, 1992).

Хорошо изготовленные статуи исследователи приписывают богатым людям – представителям знати, для которых характерны такие детали как пучок волос *айдар* или *ушнишу* на макушке и серьги (Маргулан, 2004)[6]. А вот изваяния, изготовленные менее искусно, принадлежали более бедным слоям тюркского социума. При этом, каменные изваяния являются зачастую не отдельным памятником или знаком, а важным элементом в архитектурно-пространственном комплексе, будь то каменные оградки или мемориальные храмовые комплексы, обладающими сакральным значением, в которых заключен исторический и политический смысл, а также отражены культурно-художественные и эстетические идеалы общества, создавшего эти комплексы.

Г. А. Федоров-Давыдов считает, что примитивная каменная фигура «с едва намеченной антропоморфностью и схематически выгравированным лицом замещает реального покойника. Ему приписывают свойства живого существа и с ним обращаются как с конкретным человеком — поят, кормят и одевают». Вряд ли, эти каменные изваяния были предметом широкого культа, но они почитались узким кругом ближайших родственников умершего.

Что же касается антропоморфных стел, установленных у оградок лицом на восток, Я. А. Шер предполагал, что они изображали более или менее рядовых воинов, а когда подобные стелы находились в рядах балбалов, то их он предлагает связывать с изображениями врагов.

Я. А. Шер разделял всю тюркскую средневековую скульптуру из Семиречья на два основных типа, высказав при этом мысль, что иконографический стиль, в котором изготовлены статуи, взаимосвязан с мировоззрением номадов. Основой различия между выделенными им двумя типами каменных изваяний, являются разные культы, бытовавшие у тюркских кочевников Центральной Азии и которые нашли отражение в статуях. Выделенные исследователем особые типы памятников он объясняет принадлежностью к двум разным обрядам. Статуи I типа связаны с обрядом поминовения конкретных умерших или погибших людей (воинов) и потому эти статуи представлены исключительно мужскими фигурами. Данная группа изваяний олицетворяет представителей тюркской знати, кочевой военной аристократии.

Статуи II типа относятся к значительно более широкому культу обожествлённых предков. Они могут быть отнесены к изображениям чиновной аристократии не занимавшихся военным делом, но которые были близки к правящей военной верхушке (Шер, 1966, с. 70).

Кочевую тюркскую аристократию не удовлетворяли устаревшие культовые обряды и церемонии и, неслучайно, у тюрок был «период поиска» новых форм идеологии, чем и было обусловлено принятие ими буддизма китайского толка. Результатом этого нововведения стало появление пышных храмов, сооруженных в честь тюркских каганов и их близких сподвижников. Этот обычай получил широкое распространение в тюркском обществе. Подражая высшей знати, простые кочевники стали сооружать каменные оградки с изваяниями и балбалами в степях от Монголии до Западного Казахстана. Таковы комплексы в честь Кюль-Тегина, Бильге-кагана и др. Заметим, что термины «хан» и «каган» также свидетельствуют о китайском влиянии[7].

Таким образом, мы видим, что мнения исследователей по поводу семантики скульптуры древних тюрков при всех их различиях могут быть сведены к нескольким заключениям.

- установка статуй диктовалась культом предков, существовавшим у средневековых тюрков;

- это изображения конкретных людей, что и связано с портретностью изображаемых;

- примитивные статуи со схематически выгравированным лицом замещают реального покойника;

- изображения мужчин с оружием связаны с обрядом поминовения конкретных умерших или погибших – представителей тюркской знати, кочевой военной аристократии;

- изображения фигур без оружия связаны с чиновной аристократией и относятся к культу обожествлённых предков;

- изображения отражают социальные различия в обществе и потому среди статуй различают те, которые принадлежат представителям военной и чиновной аристократии, а также рядовым членам общества;

- в установленных простых каменных столбах исследователи видят изображения побеждённых и убитых врагов, при этом главному убитому врагу могли устанавливать статую.

Для всех вышеприведенных суждений общим является признание того факта, что изваяния изображают конкретных умерших людей и неважно рассматривают ли их как героизированных или обожествленных предков. Исследователями не допускалась мысль, что изваяния представляют каких-то божеств.

Следует отметить, что обряд установки статуй у тюрков в азиатских степях сохранялся до появления ислама. После продвижения тюркских племен на запад, на территории южнорусских и северо-причерноморских степей каменные статуи начинают связывать с представлениями о героизированном предке вообще, абстрактном родоначальнике, обожествлённом мифическом предке (Шер, 1966, с. 58, 61, 62, 70). Обряд установки статуй в западной части кочевого мира, в южнорусских степях, просуществовал до первой четверти XIII в.[8]

Идея, что изваяния с изображениями мужчин связаны с культом предков наталкивается на трудность, когда дело касается статуй с женскими изображениями. В отличие от своих азиатских сородичей, у которых известны преимущественно мужские изображения, у европейских номадов немалую часть статуй представляют изображения женщин. Но было бы неверным считать, что в азиатских степях изображались только мужские фигуры. Во времена карлуков (VIII–IX вв.) появляются женские статуи[9], которые ставились не у оградок, а у погребальных сооружений типа квадратных каменных выкладок, а у кыпчаков (X–XIII вв.) на курганах. Балбалы уже не ставились, а на мужских изваяниях перестали изображать военные доспехи, но сохранились изображения сосудов.

В западнокыпчакских степях, по словам Г. А. Федорова-Давыдова, каменное изваяние почитается более широким кругом кочевников. Как и Я. А. Шер в этом обычае он видит значительный компонент культа предков, но только героизированного и мифического родоначальника. В подтверждение этого он приводит сообщение Низами, который говорит о всеобщности поклонения у куман каменной статуе. Половцы воспринимали их как изображения божеств, и в особенности это касалось женских изваяний. Затем он делает вывод, что женские статуи можно связывать с общетюркской богиней Умай (Фёдоров-Давыдов, 1976)[10].

В опубликованном Своде каменных изваяний из степей Восточной Европы С. А. Плетнева дала описание более 1300 статуй, из которых для 300 наиболее хорошо сохранившихся статуй она привела рисунки. Статуи, по её словам, изображали «мужчин-воинов и женщин» (Плетнева, 1974, с. 72). Вслед за Я. А. Шером исследовательница переносит предложенную им трактовку тюркских статуй на половецкие изваяния. И, таким образом, мужские стоящие фигуры с оружием приписаны воинам, военной аристократии. Сидящие мужские представляют мирную часть общества – глав богатых семей, входящих в род (Плетнева, 1974, с. 75).

С. А. Плетнева полагала, что “при изготовлении женских статуй имелись в виду какие-то, вполне определенные женщины”, а “специально выделенные женские черты изваяния, в частности большая, как правило, обнаженная грудь, позволяют предполагать, что статуи имели и обобщенное значение благодетеля и покровителя семьи и рода”. Стоящие женские статуи ею были интерпретированы как жены военной знати, в то время как сидящие представляют хозяек-домоправительниц (Плетнева, 1974, с. 74).

Статуи, как считает исследователь, принадлежали только богатым и знатным половцам. Отражали они в целом культ предков, превратившийся в культ представителей аристократической верхушки и который с приходом татаро-монголов исчез[11].

Сотрудник Днепропетровского исторического музея, где хранится достаточно большая коллекция каменных средневековых изваяний, возражает С. А. Плетневой, считая, что «несмотря на явно портретные черты, статуи изображают не конкретных людей, а легендарных личностей с

чертами богов и героев, а, может быть, в ряде случаев, непосредственно, богов и героев» (Чурилова, 1999).

Среди половецких женских статуй есть одна, определяемая С. А. Плетневой как изображение «амазонки». Она хранится в Николаевском музее. На голове у нее плоская шляпа и «рога», в ушах серьги, на шее – гривны. На поясе справа висит колчан, а слева – сабля. Основываясь на этой находке исследовательница стала даже рассматривать амазонок как социально-политическое явление (Плетнева, 1998, с. 74).

Мы высказали предположение, что в половецких изваяниях выразительно просматриваются черты буддийского иконографического канона (Гераськова, Пыслару, 2017а). Так вот, данное изваяние, скорее всего, представляет женскую ипостась Раджа Видьи (рис. 1). Вот как описал этот персонаж румынский исследователь буддизма Японии Октавиан Симу. Это раджа с манифестацией любви и сочувствия к людям. Она представляет собой с одной стороны – пять стихий (земля, вода, воздух, огонь, пространство), с другой стороны сексуальную любовь. Она сдерживает негативные чувства и успокаивает желания совершать зло. Согласно буддийским представлениям, видья-раджи являются гневными ипостасями будд и защитниками буддизма. Эмблемами этого персонажа являются – колчан со стрелами, лук, ваджра, звоночек, крючок, лотос (Simu, 2007, p. 132).

Ранее мы высказали предположение, что среди скульптур древних тюрков и половцев есть изображения божеств, связанных с буддийским пантеоном (Гераськова, Пыслару, 2017а) Нам представляется, что в некоторой части половецких статуй изображающих женщин можно предполагать изображения бодхисатв. По приводимым описаниям исследователем буддийского искусства характерной приметой внешнего облика бодхисатв являются многочисленные ювелирные украшения – как *браслеты, ожерелья и диадемы или «короны»*, а также нарядные одеяния, соответствуя женственности (Кравцова, 2009–2011). Именно эти черты и присутствуют на многих половецких статуях (рис. 2).

Приведем для сравнения буддийское изображение бодхисатвы (рис. 2, *2*). Фигура изображена в сидящей позе с руками, сложенными в позиции Дхьяна-мудра (Мкртычев, 2002, с. 177, рис. 2). Эта мудра, называемая «жестом созерцания» была распространена в Гандхаре и является элементом присущим божествам в «сидящих» позах. Большие пальцы обеих рук соединяются, оставаясь при этом в горизонтальном положении, либо образуя треугольник. Треугольник символизирует «три драгоценности»: Будду, Учение и монашескую общину.

Среди других изваяний, как мы можем предполагать, имеются и такие изображения, которые находят соответствия в персонажах буддийского пантеона. Таков образ Авалокитешвары, который по доктрине Махаяны является бодхисатвой, давшим великий обет выслушать молитвы всех существ, обратившихся к нему в часы страданий, и отказаться от собственной сущности Будды до тех пор, пока он не поможет каждому существу достигнуть нирваны.

В буддийской мифологии Авалокитешвара наделяется способностью принимать различные облики в соответствии с условиями оказания помощи живым существам. Поэтому в китайско-буддийском искусстве с самого начала проявилась тенденция к созданию различных его художественных воплощений. В VIII–X вв. бодхисатва предстает в антропоморфном виде, чаще всего — монаха или воителя. С X в. мужская ипостась в иконографии Авалокитешвары уступает место женской.

Бодхисаттва Авалокитешвара – это воплощение бесконечного сострадания всех будд и является одним из самых почитаемых представителей буддийского пантеона. В Китае мужскую ипостась Авалокитешвары называют Гуань-ши-инь («Слушающий звуки мира»), а женский образ получил название Гуань-инь и восходит он к одному из трех женских воплощений Авалокитешвары, а именно, к Белой Таре, культ которой был широко распространен в Тибете и Монголии. Её изображали то в облике девушки, то – зрелой женщины-матери. Вместе с Авалокитешварой она является покровительницей человечества. Призванная, она приносит спасение от бесчисленных опасностей (рис. 4).

Для скальных храмов Китая более характерны изображения Гуань-инь в облике юной девы или величественной матроны. Вероятно, кыпчакские женские изображения с круглыми девичьими грудями предположительно можно отождествить с божеством Гуань-Инь в образе юной девы (рис. 5).

В найденной нами женской статуе в с. Чернухино, изображающей женщину с ребенком-девочкой на груди, был велик соблазн видеть некую Половецкую Мадонну, подобно христианской богоматери (Гераськова, 1974, с. 256–257). Но, пол ребенка поставил и нас и С. А. Плетневу в тупик и заставил искать другое объяснение данному персонажу (Плетнева, 1974б, с. 258–262). После долгих

поисков мы пришли к выводу, что эта статуя может быть интерпретирована как изображение богини Харити (Гераськова, Пыслару, 2017).

По Октавиану Симу в буддийском пантеоне божеств существует команда царей-локапал Дхритараштa – восток, Вирудхана – юг, Вирукаша – запад, Вайсравана – север (Simu, 2007, p. 134). Это изображения воинов в доспехах с саблями, коронами или шлемами, с хорошо сделанными прическами и аксессуарами. Возьмем для примера половецкую статую из коллекции Одесского Археологического Музея и сравним её с изображением локапалы времени династии Тан, найденном в Семиречье (рис. 6). Обратим внимание на умбо, которые изображены у воинов на груди. Такие же элементы защитного вооружения можно проследить на изображениях локапал в Индии, Тибете, Монголии, Японии.

Интересно заметить, что за многие десятки лет изучения средневековых кочевнических древностей в степях Восточной Европы было открыто большое число наступательного и защитного вооружения, однако подобные «умбо» археологами пока так и не найдены.

Очень возможно, что среди древнетюркских статуй имеются изображения бога Огня, Космического Будды Вайроканы – небесного охранника (Simu, 2007, p. 128). В буддийском пантеоне Японии этот персонаж известен с IX в. Он имеет длинные волосы до половины торса, в одной руке сабля (символ мудрости и милости), в другой веревка. Сабля режет невежество. Приведем несколько изображений тюркских статуй с длинными распущенными по пояс волосами (рис. 7).

В настоящее время по подсчетам монгольского исследователя таковых известно 14 из 526 изваяний, исследованных на территории Жетысу/Семиречья, Алтая, Сарыарки, Южного Казахстана и Центральной Монголии (Баяр, 2007, с.63-76).

Итак, подводя некоторые итоги анализа семантики, и отвечая на поставленные в начале статьи вопросы, мы должны сказать следующее. Мы не можем исключать того, что тюркские, кыпчакские и половецкие статуи рассматривались народами как воплощение обожествленных предков. У нас пока нет достаточно данных, чтобы с уверенностью утверждать или отрицать высказанные до нас исследователями идеи о принадлежности статуй погибшим героям и их врагам. Но нам ясно, что вся монументальная скульптура средневековых тюркоязычных кочевников глубоко символична и вовсе не изображает конкретных людей, за несколькими исключениями (Кюльтегин и др.)[12]. Это статуи божеств или обожествленные изображения, воздвигнутые в честь тех или иных выдающихся персон или по поводу каких-то важных событий.

Обычай установки статуй покровительниц детей и материнства, покровителей и заступников не могло быть заимствовано тюрками ни в исламе, ни в иудаизме, ни в православном христианстве, поскольку там не существует традиций изготовления объемных трехмерных скульптур. Зато такая скульптура характерна для буддизма. Ранее мы уже высказали предположение, что в половецкой скульптуре надо видеть персонажей подобным из буддийского пантеона божеств. Это даёт возможность для изучения верований, которые были восприняты тюркоязычными средневековыми кочевниками, проявляющиеся в трактовке тел изображенных, в иконографии поз, жестах и изображении наборов различных атрибутов.

Говоря о монументальной скульптуре половцев, надо сказать, что она, в отличие от предшествующей ей скульптуры древних тюрков, достигла высокого художественного уровня и исполнительского мастерства, и в создании её, по нашему мнению, принимали участие буддийские мастера.

Однако, для подтверждения этой гипотезы необходимо накопление новых данных и проведение сравнительных и аналитических исследований буддийской и половецкой иконографии. Для нас несомненно, что без совместных усилий различных специалистов искусствоведов, историков костюма, религиоведов, этнографов, лингвистов и др. проблема семантики скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников не может быть решена.

Примечания

1 – Культ предков – одна из ранних форм религии, заключающаяся в поклонении душам умерших предков. Культ предков, то есть обожествление и почитание общего предка рода по мужской линии, который в Китае вместе с культом Неба трансформировался в универсальный культ предков, ставший основой религиозной жизни в продолжение многих веков и существовавший в почти неизменном виде до настоящего времени. Все китайские праздники, так или иначе, связаны с культом предков. Тенгрианство – культ, в основе которого лежит верование в Небо как верховное божественное существо. Название культа «тенгри» производно от китайского «тянь ди», что значит «владыка Неба» или «Бог» и указывает на китайское происхождение культа. Небо регулировало

движение светил, наблюдало за делами людей: награждая одних и наказывая других. Оно является как бы духом-правителем, живущим на небе и оттуда распоряжающийся Поднебесной. Позднее культ тенгри от тюрков был перенят монголами. У Тенгри не было святилищ, поэтому его никогда не изображали в виде статуй.

2 – Возможно, что многочисленные камни и плиты с изображениями только головы, которые мы идентифицировали как «гермы», и являются божественными стражами дорог.

3 – Г. А. Федоров-Давыдов в данном случае описывает чашу, изображенную на статуе как «чашу для возлияний». Такую же интерпретацию сосуду дает и А. М. Досымбаева, считая что на статуях мужских фигур с оружием сосуд олицетворяет возлияние божеству или божествам, покровительствующим войне. Однако когда речь у нее заходит об изваяниях «кыпчакского облика, характеризующиеся стеловидностью», то сосуд уже не пиршественная чаша, но вместилище пищи, которая в виде жертвы предлагается нижнему миру (Досымбаева, 2010). Следует отметить, что на тюркских статуях известны изображения сосудов в виде чаш и ваз. В китайской буддийской иконографии патра – чаша полусферической формы для сбора еды-подаяния олицетворяет добродетели мирянина, служит, подобно другим типам сосудов, «вместилищем» Учения, выступая заместителем образа самого Будды. В традиции ваджраяны она воплощает женское начало Вселенной. Другой тип сосуда – ваза/кувшин служил символической емкостью для подношения Будде или *«вместилищем» Закона, Истины.* Самостоятельным атрибутом выступает «ваза, наполненная амритой», которая изображается в виде сосуда с крышкой и свешивающимися нитями бус. Он означает сосредоточение благих намерений и ниспадение в мир живительной влаги (Кравцова, 2009–2011).

4 – В этом описании уже с самого начала вместо констатации факта – «изваяние изображает мужскую фигуру с оружием», дается интерпретация. Исходя из того, что на статуе изображено оружие, то делается вывод, что изображён воин. Исследователи, по-видимому, не допускают даже и мысли, что изображенные на статуях детали могут быть определенными символами. Несколько иначе к изваяниям изображающих людей с такими атрибутами как оружие и сосуд подошла Л.Н.Ермоленко. Она рассматривает эти атрибуты как изображения реальных вещей, но которым она приписывает символизм: сосуд связывается ею с сакральным напитком соответствующий благодати-жизни, а оружие - смерти-ущербу. Это якобы подчеркивается и иконографией - сосуд находится 'справа вверху', а оружие - 'слева внизу' (Ермоленко, 2004). Исследователь рассматривает указанные атрибуты в «аспекте военной идеологии», согласно которой сосуд ассоциируется с древним обычаем жертвоприношения, пьянящим напитком и олицетворяет возлияние божеству/божествам, покровительствующему войне; а прикосновение к оружию Л.Н.Ермоленко рассматривает как жертвоприношение – «клятва оружию», которое будучи орудием убийства, является атрибутом военного божества. Общеизвестен факт культурного влияния на тюрков со стороны его соседей – Китая и земледельческих центров Средней Азии. Там в этот период господствовал буддизм, который также был воспринят и поддерживаем тюрками. И вот как рассматривается оружие в буддизме. Стрелы и лук у божеств являются символами взаимного дополнения мудрости и метода; меч/сабля – символ мудрости различения и отсечения привязанностей; ритуальный кинжал символизирует мудрость, обретаемую посредством однонаправленной концентрации; изогнутый нож с лезвием похожим на полумесяц символизирует отсечение трёх корневых ядов.

5 – В данном случае возникает вопрос по поводу принадлежности храмовых комплексов. Судя по археологическим материалам, описаниям и реконструкциям подобных комплексов, то здесь речь идет о храмовых комплексах буддийского типа. Благодаря широким связям с буддийскими центрами, как Гандхара и под значительным китайским влиянием, строятся культовые памятники, оформлявшиеся каменной скульптурой, которую изготавливали китайские мастера – представители провинциальных художественных школ.

6 – Ушниша – рельефная выпуклость на макушке Будды. Она является одним из 32-х отличительных признаков высшего существа. Лама Калмыкии Геше Тензин Дугды говорит, что ушниша – признак просветленного существа.

7 – Глубокое проникновение буддизма во все сферы китайской жизни ознаменовалось новшествами в архитектурном творчестве также иного рода. В Китае до проникновения буддизма не делали объемных скульптур и лишь с проникновением в V–VI вв. индийских и среднеазиатских влияний на смену плоским рельефам ханьской скульптуры пришли объемные каменные изваяния Будд и бодхисатв. Поэтому появление рельефов и статуй у тюрков было результатом культурного взаимодействия с Китаем. По мнению Мкртычева значительная часть семиреченской каменной скульптуры VIII–X вв. демонстрирует китайское влияние на регион и что в эпоху Тан (618–907 гг.)

получает развитие не рельефы, а отдельно стоящие скульптуры, а стелы постепенно выходят из моды (Мкртычев, 2002, с. 124).

8 – И. А. Жерносенко в своей статье, рассматривая «особенности иконографии богини Умай в сакральных центрах Алтая», вслед за Л. Р. Кызласовым приходит к выводу, что в изображениях человеческих фигур в трехрогих головных уборах представлены небесные боги, чаще женские, и их жрецы (шаманы) (Жерносенко, 2016, с. 315; Кызласов, 1949, с. 48–54). Так на Кудыргинском валуне в изображении человека в трехрогой тиаре видят кама (шамана), поклоняющегося богине.

9 – Известно, что тюркские правители получали «ханские» титулы от императорского двора. Кстати, для титула правителя «хан» нет определения ни в тюркском, ни в монгольском языках. Присвоение титула правителям является китайской традицией, когда предводители кочевников получали титулы власти только от рук императора. Тюрки служили в армии китайского императора. После смерти Куль Тегина (731 г.) и Бильге кагана (734 г.) власть правителей дома Ашина ослабла. В 745 г. история Восточного каганата и история династии Ашина закончилась. И, не имея такого важного союзника как тюрки, в 751 г. танский Китай, познал поражение от арабов в битве у Таласа, что остановило китайское продвижение на Запад.

10 – Вплоть до X в. во всех вариантах иконографии Авалокитешвары господствовала его мужская ипостась, которая после X в. постепенно стала вытесняться женской.

11 – Статуи, исследованные Казакевичем в Дариганге – районе проживания народа халха, говорят о том, что то, что проявилось в скульптурах из Чернухино в нач. XIII в. нашло свое логическое продолжение в Монголии. Часть половцев, переселённая из Донецкой степи и поселенная на границе с Китаем, не отказалась от своих обычаев и продолжала соблюдать свои верования и традиции, устанавливая каменные изваяния вплоть до XVI в. (Казакевич, 1930; Викторова, 1980; Гераськова, 1988).

12 – При этом, образ Кюльтегина был трактован как образ Будды. Известно, что китайцы с древности поклонялись богу неба и верховному божеству Шан-ди (Тенгри у тюрков), стоящему над всеми остальными богами. Древние китайцы верили, что после смерти их родители и прародители тоже становились богами, которым надо поклоняться. И неслучайно, что даже у средневековых монголов, принявших буддизм, об умерших правителях говорили «Он стал тенгри» (Алтан-тобчи, 1973).

Литература:

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989.– 445 с.

Антипова Е.А. Формирование и специфика воплощения буддийского художественного канона в скульптуре Монголии: автореф. дис. … канд. искусствоведения. – Екатеринбург, 2010. – 24 с.

Баяр Д. Иконографические и художественные особенности каменных изваяний средневековых монголов // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2002. – С. 167–178.

Баяр Д. Уникальный памятник древнетюркского искусства в Западной Монголии // Тюркологический сборник–2006. – 2007. – С. 63–76.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. – М.–Л., 1950. – Т. II.- 1181с.

Веселовский Н.И. **Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах». – Одесса, 1915. – 40 с. + 14 табл.**

Викторова Л.А. **Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980. – 224 с.**

Гераськова Л.С. Половецкая статуя из с. Чернухино // СА. – 1974. – №3. – С. 256–257.

Гераськова Л.С. Половцы и Дариганга // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в центральном Донбассе: тез. докл. конф. – Перевальск, 1988. – С. 34–36.

Гераськова Л.С., Пыслару И. А. Х. Маргулан и проблемы изучения монументальной скульптуры древних тюрков, кыпчаков и половцев // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. – Караганды, 2017. – В печати.

Гераськова Л.С., Пыслару И. Буддийские черты в монументальной скульптуре средневековых тюркоязычных кочевников // Археологическое наследие Центрального Казахстана:

изучение и сохранение: сб. научн. статей, посвящ. 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. – Караганды, 2017а. – В печати.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961. – 96 с., 95 рис.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – 1330с.

Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби. – МИА. – М.,Л.: Изд-во АН СССР,– 1956. – №48. - 163 с.

Досымбаева А.М. Мерке: сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз: «Сенім», 2002. – 107 с.

Досымбаева А.М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. – Алматы, 2006. – - 168 с.

Досымбаева А.М. Традиционное мировоззрение средневековых тюрков Жетысу (по материалам культовых памятников): автореф. дис. … докт. ист. наук. – Алматы, 2010. – 26с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. – МИА. – 1952. – Вып. 24. – 158 С..

Елеукенова Г.Ш. Древнетюркская монументальная скульптура Казахстана (региональные особенности): автореф. дис. …канд. искусствоведения. – М., 1992. – 25 с.

Елеукенова Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. – Алматы: Ғылым, 1999. – 220 с.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск: Изд-во ИАЭтСО РАН, 2004. — 133 с.

Жерносенко И.А. Особенности иконографии богини Умай в сакральных центрах Алтая // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – №1. – С. 312–317.

Казакевич В.А. Намогильные статуи в Дариганге. – Л., 1930. – – 64 с.

Катанов Н.А. Опыт исследования урянхайского языка: дис. … магистра наук. – Казань, 1903. – 1600 стр.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей (древность и средневековье). // СПб: «Петербургское востоковедение».2004: 2-е изд.,368с.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма.— СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2003. — 560 с.

Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах // Тюркологический сборник–1974. – 1978. – С. 253–254.

Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Древние изваяния в Гоби // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: тез. докл. – М., 1981. – С. 49–50.

Кляшторный С. Г., Лубо-Лесниченко Е. И. Древние изваяния в Гоби.- Тез. докл. к конференции "Искусство и культура Монголии и Центральной Азии". М., 1981, с. 50.

Кравцова М.Е. История искусства Китая. – Краснодар–М.–СПб., 2004. – 416 с.

Кравцова М.Е. «Буддийское искусство»// Духовная культура Китая: энциклопедия: Т. 6 (дополнительный). Искусство / — 2010. —С. 183 - 200.

Кравцова М.Е. Буддизм как социальный и культурный феномен китайского общества // Религии Китая. Хрестоматия. Сост. Е. А. Торчинов. СПб., 2001. С. 139-262.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1979. — 99 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. - Новосибирск: 1984. - 232 с.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири. Каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. - Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2013. – 79 с.

Кызласов Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXIX. – С. 48–54.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. – 1964. – №2. – С. 27–39.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – 391 с.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993.– 962с.

Лубсан Данзан. Алтан-тобчи («Золотое сказание»). – М.: Наука, 1973. –439 с. Маргулан А.Х. Каменные изваяния Улытау // Маргулан А. Х. Соч. в 14 т. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – Т. 3/4. – С. 21–46.

Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). – СПб., 2002. – 286с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. – САИ. – 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.

Плетнёва С.А. Женская половецкая статуя с ребёнком // СА. – 1974. – №3. – С. 258–262.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северной Монголии.– Тр. МАО.– М., 1886.– Т.Х. 50-57.

Пріцак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). – Киев: Обереги,, 1997. – Т. 1. –1084 с.

Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. – М.: Искусство, 1971. – 204 страниц

Радлов В. Атлас древностей Монголии. – СПб, типография Императорской Академии наук, 1892. – Вып. I, II. – 129 с.

Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1897. – Т. IV. –45 с. и 7 табл.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: ЛГУ, 1984. – 174 с.

Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд (6-8 зууы) (Древние тюрки VI–VIII вв.). – Улан-Батор, Шинжлэх Ухааны Академиин хэвлэл., 1970. – Т. V. – 116 тал..

Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: «Искусство», 1976. – 228 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Издание Московского университета, 1966. – 276 с.

Чурилова Л.Н. Каменные бабы в коллекции Днепропетровского исторического музея, 1999. Режим доступа: http://antikclub.ru/load/club collektors/1/54-1-0-1113

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л.: Издательство "Наука". 1966.–139 стр.

Элиаде М. История веры и религиозных идей. – М., 2002. – Т. 3: от Магомета до Реформации. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov Buks/Relig/ Eliad 4/01.php

Güngör H. The religion of ancient turks // The Turks. – Vol. 1. – Istanbul: Yeni Turkiye Yayınları, -2002. - p.777.

Simu Octavian. Budismul japonez, istorie, doctrină şi tradiţii.– Bucureşti, Editura Herald, -2007. – 430 p.

Резюме

Любовь Гераськова, Ион Пыслару

ПРЕДОК, ГЕРОЙ, ВРАГ, БОЖЕСТВО?

В изучении семантики каменных изваяний средневековых тюркоязычных кочевников до сих пор не выработано общее мнение. Существующие гипотезы вызывают острые дискуссии в научном сообществе. Нами было высказано предположение, что в появлении и формировании монументальной скульптуры тюркоязычных средневековых кочевников надо видеть буддизм, черты которого ранее уже отмечались в скульптуре древних тюрков.

Однако, без совместных усилий различных специалистов – искусствоведов, историков костюма, религиоведов, этнографов, лингвистов и др. проблема семантики скульптуры средневековых тюркоязычных кочевников не может быть решена

Summary

Lubov Geraskova (Kiev, Ukraine), Ion Pyslaru (Mangalia, Romania)

ANCESTOR, HERO, ENEMY, GOD?

In a study of the semantics of stone sculptures of medieval Turkic-speaking nomads still have not worked out the general opinion. Existing hypotheses cause heated debate in the scientific community. We have suggested that in the emergence and formation of the monumental sculpture of the Turkic-speaking nomads must see medieval Buddhism, which observed previously in the sculpture of the ancient Turks.

However, without the joint efforts of various specialists – historians of art, costume historians, theologians, anthropologists, linguists and others a problem of semantics sculptures of medieval Turkic-speaking nomads can not be solved.



Рис. 1. Раджа-видья

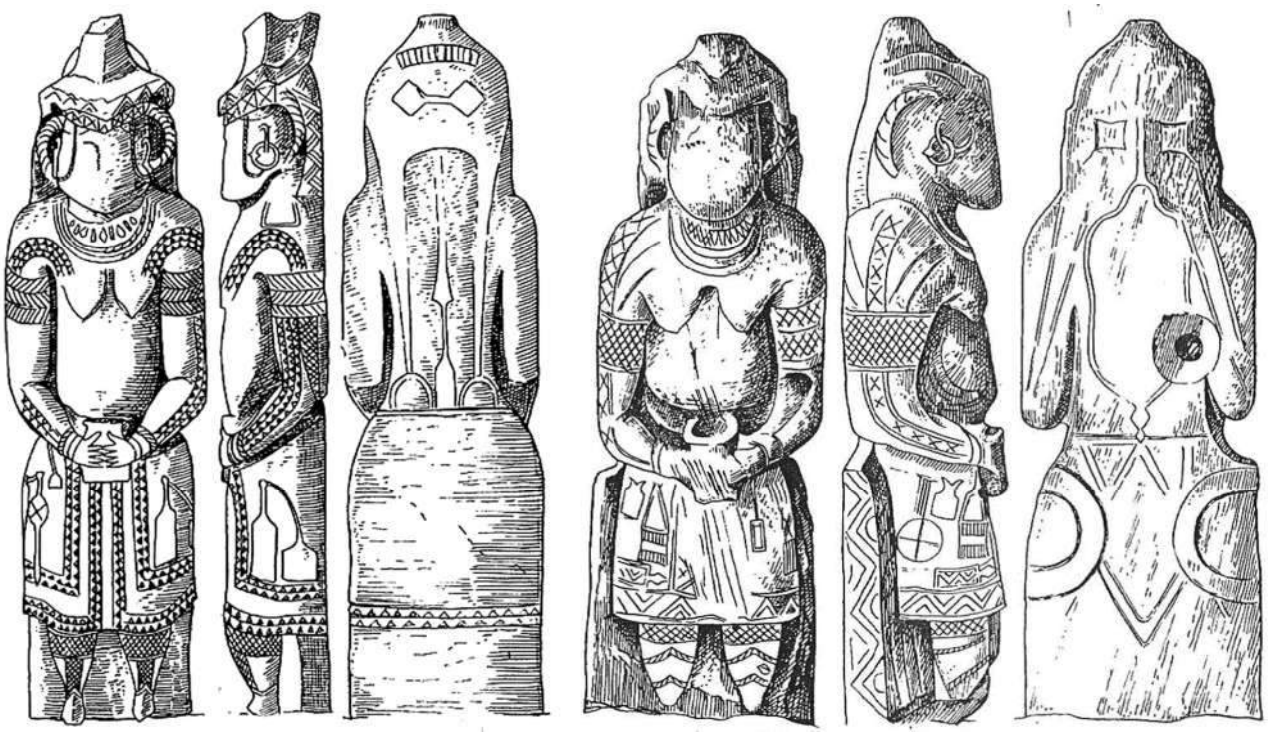


Рис. 2. Бодхисатвы

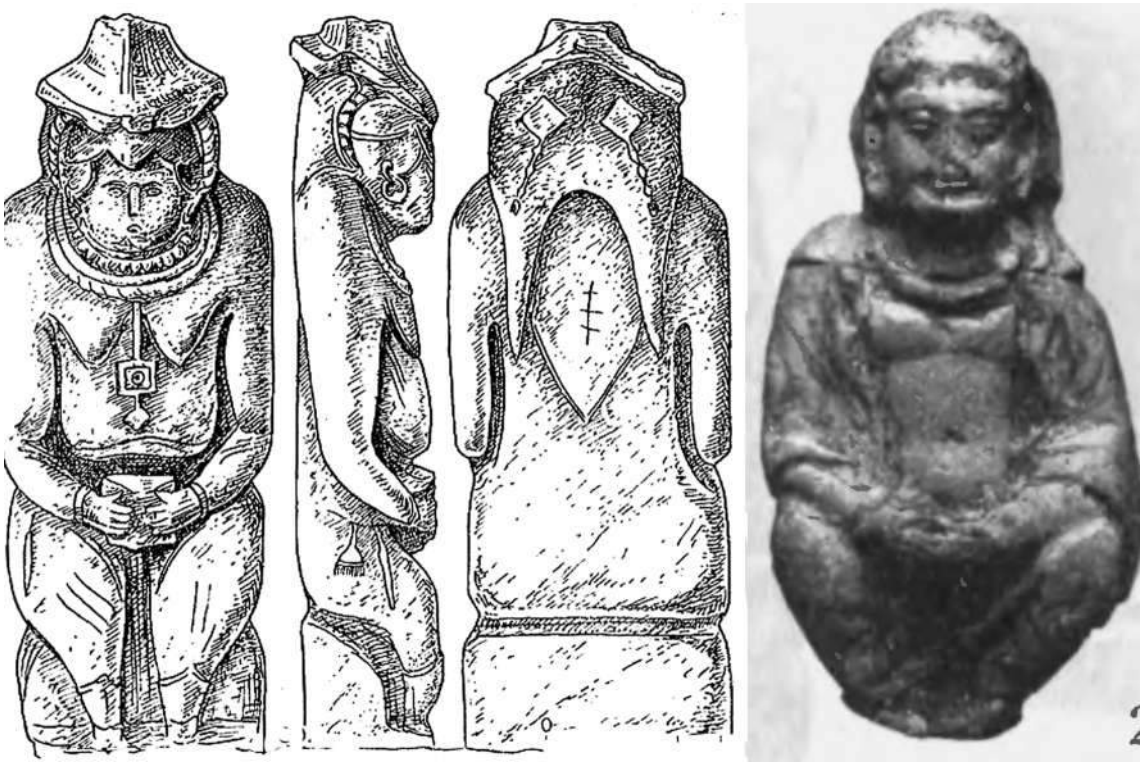


Рис. 3. Бодхисатвы

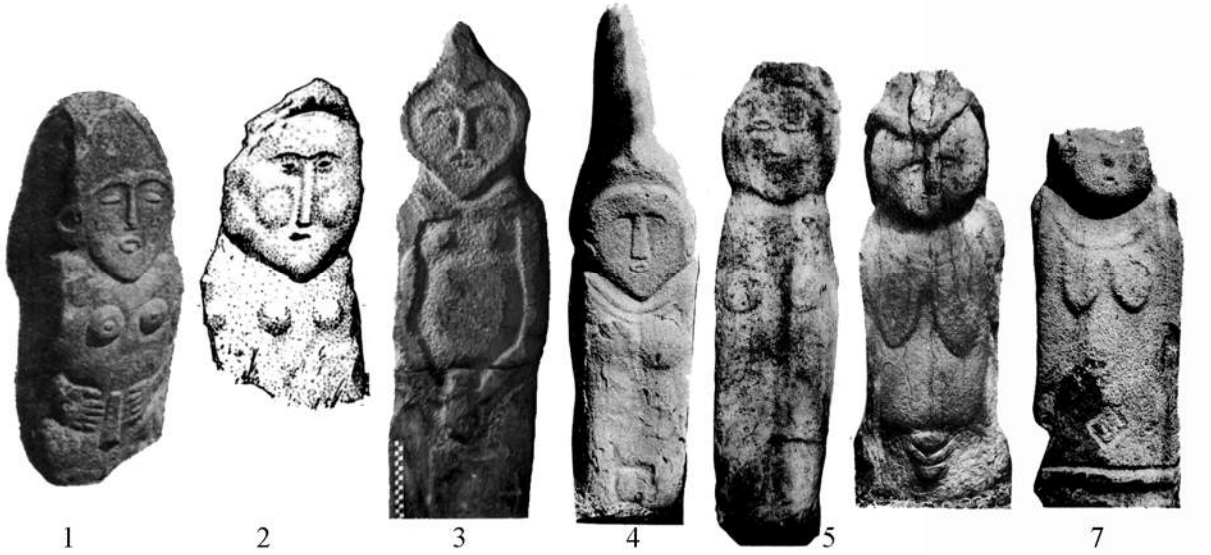


Рис. 4. Гуань-инь

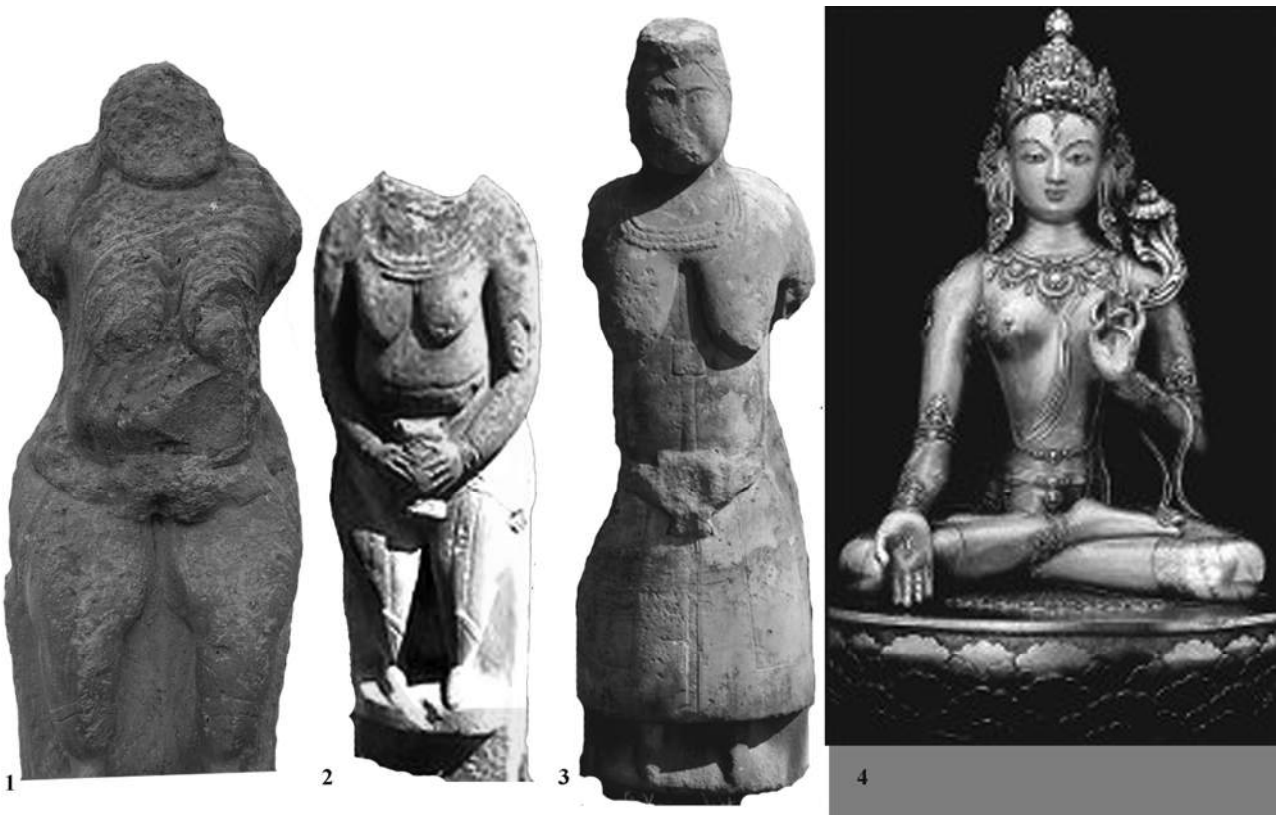


Рис. 5. Авалокитешвара

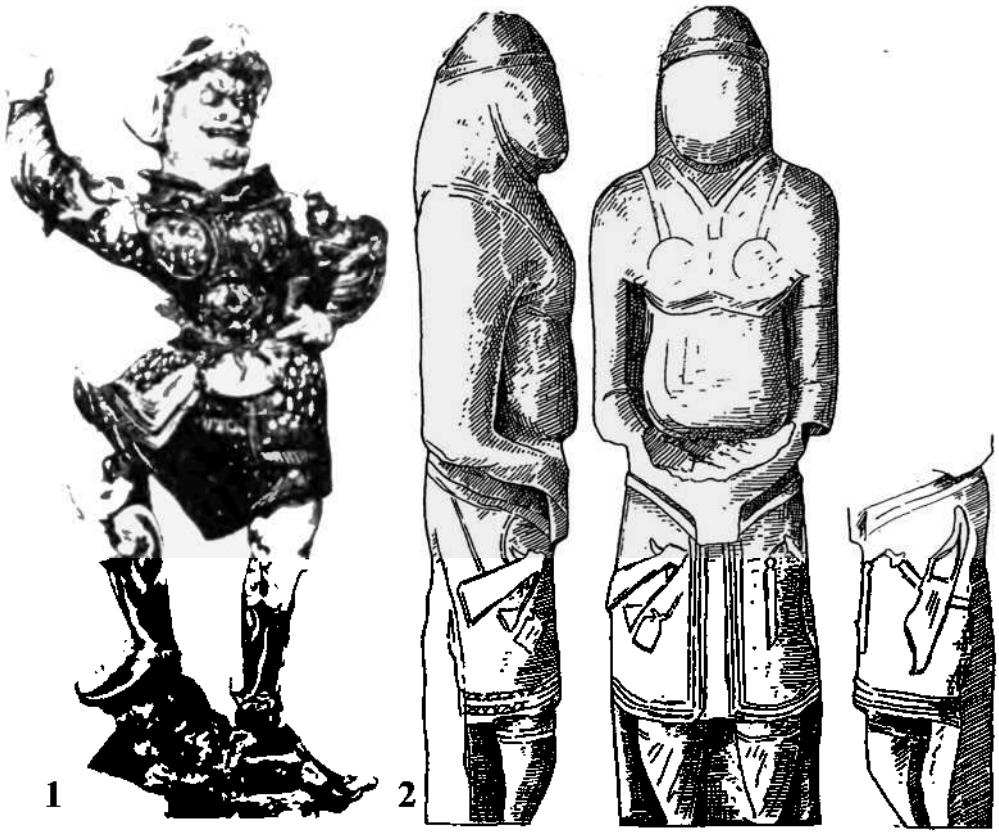


Рис. 6. Локапала

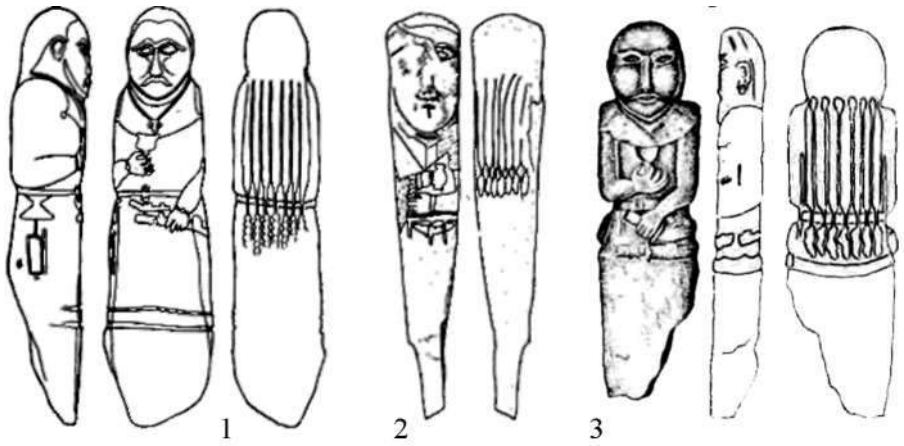


Рис. 7. Бог огня

Нургожина Б.Е.
Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Ключевые слова: культурные связи, декоративно-прикладное искусство, Казахстан, Средняя Азия.
Keywords: cultural ties, arts and crafts, Kazakhstan, Central Asia.

Средняя Азия, благодаря своему географическому расположению в самом центре азиатского континента – рядом с могущественными цивилизациями Китая, Индии, Ирана многие века являлась посредником в торговом и культурном обмене между Востоком и Западом. Здесь соприкасались и взаимодействовали два мира – оседлых земледельцев и кочевников. В период раннего средневековья сюда проникают тюрки, потеснив древнее ираноязычное население. За среднеазиатским регионом, где продолжают бок о бок жить народы, говорящие как на тюрских, так и на иранских языках, закрепляется название Туркестан («Страна тюрков»). Ислам, начавший распространяться в Средней Азии еще в VIII веке, в большей степени оказал влияние на искусство городского оседлого населения Туркестана. В степях, пустынях и горных ущельях население сохраняло самобытность традиционной культуры.

На территории Средней Азии быстрая и необратимая трансформация традиционных обществ начала происходить с XVIII века в результате промышленной революции. Для стран, не являвшихся территориями промышленной революции, выпадала судьба колонизации и серьезной культурной трансформации. Однако изменения могут происходить не только под насильственным влиянием колонизации, но и в связи с естественными изменениями торговли и рынков (Алимжанова, 1999).

К настоящему моменту этот процесс захватил почти весь мир. Быстрые перемены и отход от традиций могут переживаться традиционным человеком как крушение ориентиров и ценностей, утрата смысла жизни и т. п. Другие воспринимают изменения в культуре как новые возможности получения новых социальных статусов. В конечном счете, эти процессы являются функциональной частью форм декоративно-прикладного искусства.

Рассматривая особенности декоративно-прикладного искусства казахов, мы рассмотрим динамику трансформации, развития декоративно-прикладного искусства в период наступления эпохи колониализма.

В 1978 году состоялась первая в Советском Союзе конференция посвященная вопросам этнокультурной традиции, а именно в Ереване, где иногда допускалась несколько большая свобода, чем в центре. На этой конференции впервые прозвучала мысль о необходимости создания общей теории культурной традиции и были очерчены ее предметные границы. Традиция была определена в целом, как «механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы, включающей в себя процесс и результаты стереотипизации как сгусток социально-исторического опыта людей» (Маргулан, 1986-1987).

Таким образом, тогда традиция понималась как один из механизмов изменения общества. «Развитие культуры, в частности, развитие этнической культуры, выражается в процессах инноваций и их стереотипизации. Под инновацией понимается введение новых технологий или моделей деятельности, а под стеоретипизацией– принятие этих моделей определенным множеством людей в пределах соответствующих групп»

Итак, почти без споров, как само собой разумеющееся, «традиционность» примитивных обществ перестала рассматриваться как нечто монолитное, обнаружилась множественность традиций уже на архаических стадиях развития; между локальными, национальными традициями и общечеловеческими формами жизни выявилось множество связей... Заметно стерлась грань между традицией и обществом» (Маргулан, 1986-1987).

Был сделан вывод о том, что «важно не противопоставлять инновацию традиции в целом, а рассматривать ее как одну из сторон механизма функционирования традиции, диалектически противостоящую стабилизирующей его стороне. Это единственный способ, который помогает понять развитие традиции не только как результат внешнего воздействия, но и как следствия ее самодвижения» (Маргулан, 1986-1987).

Традиция, это нечто, находящееся в постоянном движении, изменения; и источник этого движения в ней самой: «динамика культурной традиции – это постоянный процесс преодоления

одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процесса социальной самоорганизации».

Для российских авторов традиция – феномен принципиально динамичный и саморазвивающейся. Однако при этой легкости и естественности перетекания форм, которую казалось бы описывает российская наука, сам процесс этого «перетекания» волнует российских ученых в большей мере, чем западных, во всяком случае в тех аспектах культуры, которые не являются материальными.

Трактовки традиции, которые возникли к началу 70-х годов в России ближе всего стоит к пониманию традиции Ш. Айзенштадтом, много трудов посвятившего изучению принципов формирования и изменения традиции.

Однако следует выделить некоторые нюансы, на наш взгляд существенные, которые отличают сформировавшееся в России понимание термина «традиция» от его понимания у Айзенштадта. Прежде всего, бросается в глаза, что для российских авторов процесс развития традиции, смена одних стереотипов другим столь же естественен и органичен, как течение реки, как смена дня и ночи. Для любого западного автора, и для Айзенштадта в частности, изменчивость традиции – нечто нуждающееся в доказательствах и он прибегает к этим доказательствам, используя довольно сложный научный аппарат.

Феномен «традиция» также развивался казахстанской историографией. Большинство работ, посвященных народному искусству, рассматривалось как традиционное и малоизменяемое. В связи с этим большинство работ посвящено семантике декоративно – прикладного искусства. В трудах казахстанских ученых А. Маргулана, У.Джанибекова аспект одежды изучен в комплексном варианте. Также детальное исследование комплекса казахского национального костюма проведено И.В. Захаровой, Р.Д. Ходжаевой. Семантику казахского национального костюма рассматривает в своей монографии Н.Ж. Шаханова, (Шаханова, 1998) символическое значение отдельных элементов структуры казахского национального костюма раскрыто и в работе Б.А. Ибраева. Комплекс украшений казахского национального костюма досконально изучен Ш.Ж. Тохтабаевой (Тохтабаева, 2005): проведен анализ художественной структуры, технологии, выявлена символика орнаментально-декоративных составляющих и материалов. В других работах этого автора раскрыты семантические особенности казахского национального костюма, выявлена знаковая функция его отдельных элементов. В трудах К.Т. Ибраевой, М.Ш. Омирбековой с большой полнотой изучена орнаментика казахского декоративно-прикладного искусства в целом (и костюма, в частности).

Проблема обоснования требований, предъявляемых к проектированию одежды на основе казахского национального костюма, раскрыта в работе М.А. Нуржасаровой, А.А. Жиенбекова исследовала казахский национальный костюм в общецивилизационном культурном аспекте.

Значительное количество исследований по традиционному костюму народов Центральной Азии проведено с использованием сравнительно-этнографической методики, согласно которой костюм рассматривается как важный источник изучения проблем этногенеза. Видное место среди работ по данной тематике занимают труды О.В.Сухаревой, Ф.М.Пармона. Отдельные теоретические аспекты проблемы исследования костюма народов Центральной Азии рассмотрены в трудах Г.П.Васильевой, ЕА. Писарчика, М.Л. Бережновой и Ю. Смирновой, Т.Д. Равдоникас, М.В.Сазоновой, З.А. Широковой. Сравнительный анализ видов кроя проведен Н.П.Лобачевой, которая рассматривает генезис форм плечевой, поясной одежды и головных уборов как результат межэтнических социокультурных взаимодействий в центральноазиатском регионе.

Таким образом, костюм как предмет бытового назначения и как объект сохранения и передачи социокультурных традиций был тщательно изучен в XX веке. Но следует отметить, что проблема трансформации, генезиса и становления основных форм декоративно-прикладного искусства до сих пор не стала предметом специального исследования. Отсутствуют работы исторического характера, позволяющие выявить особенности декоративно-прикладного искусства казахов и в частности его трансформацию в историческом процессе.

Традиции в декоративно-прикладном искусстве складываются двумя путями. Один идет «снизу», когда можно сказать, что традиция «возникает», «зарождается». Это спонтанный, стихийный процесс, в который вовлечены достаточно большие массы людей. Все начинается с того, что кто-то обращает особое внимание на определенные фрагменты исторического наследия. Затем интерес, уважение, пристрастие, почтение распространяются вширь, охватывая все более широкие слои населения, и принимают форму ритуалов, церемоний, побуждают к поискам и обновлению старых объектов, к новой интерпретации старых кредо. Индивидуальные предпочтения и действия

становятся массовыми и превращаются в поистине социальный факт. Так рождается традиция. Парадоксальным образом данный процесс очень сходен с распространением новаций, хотя в рассматриваемом случае речь идет, скорее, об открытии того, что уже существовало в прошлом.

Второй «маршрут» формирования традиции начинается «сверху», действуя через механизм навязывания, когда традиция выделяется, отбирается и даже навязывается теми, кто обладает властью или влиянием. Это может быть монарх, вводящий для своих подданных традиции своей династии; диктатор, делающий упор на прошлой славе нации; полководец, напоминающий воинам о великих исторических сражениях, или известный модельер-дизайнер, находящий вдохновение в прошлом и диктующий стиль «ретро».

Анализируя процесс заимствований, следует отметить, что существовала декоративно – прикладном искусстве казахов некая грань в восприятии «чужого». Так, например, нельзя было надевать весь ансамбль иноэтничных ювелирных изделий. «Чужая» вещь могла включаться в костюм на фоне традиционного комплекта. Вместе с тем, среди имущих мужчин в ходу были иноэтничные изделия, в основном это оружие, полученное в качестве дарственных подношений. Они являлись знаком отличия высокого социального положения. Важную роль в культурном взаимодействии играли торговые связи, вовлечение обозначенных стран в деятельность Шелкового пути, а также урбанистические эффекты Исламского халифата, Золотой Орды, «синтетическая» культура которых явилась итогом гармонического сплава творческих усилий среднеазиатских, кавказских, поволжских, ближне и средневосточных народов. В данной диссертации одним из важных моментов исследования будет исследование товаров караванных путей, которые формировали стандарты вкуса эпохи XVIII-XIX веков.

Отдельную группу источников составляют иллюстрации этнографического характера, начиная с рисунков, опубликованных в работах П. С. Палласа, И. Г. Георги, А. И. Левшина, Рошенберга, до картин и зарисовок художников Барбиша, А. Орловского, А. Чередеева, М. Фёдорова, Т.Г. Шевченко, В. В. Верещагина, Н.Н. Каразина, Джузеппе Кастильоне (также известного как Лян Шинин), Ш. Юхна и других. Особую ценность представляют зарисовки Ч. Валиханова, этнографические альбомы художников В. Н. Плотникова и П. М. Кошарова. Следует отметить два иностранных издания с оригинальными рисунками с натуры - английского акварелиста Т. В. Аткинсона и швейцарского путешественника Анри Мозера. Значительное количество ценного иллюстративного материала представлено в альбомах европейских и российских путешественников, художников С.М. Дудина, П.И. Лерха, О.П. Орлова, Р. Карутца. Также использованы натурные зарисовки из альбома А. Галимбаевой: несмотря на то, что им по большей части соответствуют сохранившиеся музейные экспонаты, для нас имеет принципиальное значение их изображение в комплектном варианте.

Накопление материалов о среднеазиатской одежде в европейской литературе началось в средние века, начиная со времен первых путешествий в этот регион, помимо книжных средневековых миниатюр. Благодаря находкам археологов в распоряжении науки имеется богатейший материал настенных росписей доарабского времени. Книжные миниатюры дают возможность специально исследовать средневековый костюм. Зачинательницей исследований выступила Г.А. Пугаченкова (Пугаченкова, 1983), которая опубликовала статьи по истории среднеазиатского костюма. Продолжал исследовать историю костюма на основании этого же источника – М.В. Горелик. Изучением по росписям занимались Н.П. Лобачева, по скульптуре - В.А. Мешкерис.

Одно из первых описаний казахского костюма встречается в сочинении Сейфи Челеби, написанном в 1582 году. Ценные данные, касающиеся одежды народов Центральной Азии, содержатся в произведениях Плано Карпини и Гильома Рубрука. Однако вплоть до конца XVIII века попытки провести научный анализ одежды казахов (равно как и других народностей центральноазиатского региона) не предпринимались. Начало XIX в. ознаменовалось принципиально новым подходом к изучению национального костюма, именно в этот период были написаны работы, которые можно с полным основанием считать этнографическими. Казахское прикладное искусство, костюм, головные уборы обстоятельно характеризуют в своих трудах Г.Н. Потанин, И.Г. Георги, А.И. Левшин, Ч.Ч. Валиханов, В. Бартольд (Бартольд, 1968, с. 342-362).

Задействование археологами и этнографами прогрессивного метода ретроспективных реконструкций позволило расширить временной диапазон исследований. Уникальные реконструкции средневекового костюма Центральной Азии и Казахстана выполнены М.В. Гореликом, комплекс воинских доспехов детально воссоздан Л.А. Бобровым, Ю.С. Худяковым

Мы располагаем значительным количеством источников, касающихся казахского костюма конца XIX – первой половины XX века. Этнографические экспедиции 1955-1980-х годов охватили

практически все области Казахстана. Полевые материалы хорошо представляют одежду 1940-70-х годов, данные опросов позволили исследователям углубить сведения, но не далее, как до начала XX века. Отдельные уникальные экземпляры казахской национальной одежды были собраны шестью экспедициями 1957 года и систематизированы академиком А.Х. Маргуланом. Ценные сведения были получены в результате полевых исследований И.В.Захаровой и Р.Д. Ходжаевой (Захарова, Ходжаева, 1964).

В Казахстане наиболее полная коллекция экспонатов находится в ЦГМК и ГМИИ им. А. Кастеева (Алматы). Также широко представлены образцы одежды и головных уборов в собрании Национального музея РК в г. Астана. За рубежом значительное число экспонатов находится в российском ГМВ (Государственном музее Востока), РЭМ (Российском этнографическом музее) и в Музее антропологии и этнографии АН РФ. Из областных музеев наиболее крупными коллекциями располагают Омский областной краеведческий музей, экспонаты которого собирались с 1880-х годов.

Таким образом, казахская степь являлась территорией, где перекрещивались десятки караванных путей, направлявшихся из Китая на запад, из России на юг и восток, что способствовало активному обмену, торговле в самой степи. Это было основой появления новых вкусов и как результат, формирования новых культурных форм и трансформаций в прикладном искусстве.

На всей территории казахской степи шла постоянная трансформация во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в области декоративно-прикладного ремесла.

В целом же традиционная культура казахов, в том числе и исследованная нами область декоративно-прикладного искусства, постепенно трансформируется под влиянием модернизационных процессов в направлении унификации и упрощения. Одним из основных рычагов, приведших в движение процесс капиталистической модернизации, явилось преобразование экономики на базе создания местной индустрии и развития торгово-рыночных отношений, при одновременно доминантно сохраняющихся приоритетах кочевого хозяйства.

Литература:

Алимжанова А.Ш. Динамика эстетических ценностей художественной культуры казахского народа. – Алматы: Раритет, 2004. – 120 с.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т.1-2 – Алма-Ата: «Онер», 1986-1987.

Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. – Алматы: Казахстан, 1998. – 174 с.

Тохтабаева Ш. Ж. Серебряный путь казахских мастеров// ТохтабаеваШ. Ж.; Ин-т востоведения им. Р. Б. Сулейменова МОН РК.- Алматы: Дайк-Пресс, 2005.- 474 с.: ил.-(Культура и искусство).

Пугаченкова Г.А. Средняя Азия. – М. 1983.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Главная редакция Восточной литературы. – М.: Наука, 1968.–С.342-362. – 757 с.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. – Алма-Ата: «Наука», 1964.

Резюме

В статье «Культурные связи декоративно-прикладного искусства Казахстана и Средней Азии» автором рассматриваются особенности декоративно-прикладного искусства казахов, а также динамика трансформации, развития декоративно-прикладного искусства в период наступления эпохи колониализма. Анализируется процесс заимствований, также отмечается существование в декоративно – прикладном искусстве казахов некая грань в восприятии «чужого».

Summary

In the article "Cultural relations of arts and crafts of Kazakhstan and Central Asia" the author considers the features of decorative and applied art of Kazakhs, as well as the dynamics of transformation, development of decorative and applied art in the period of the onset of the colonial era. The process of borrowing is analyzed, as well as the existence in the decorative and applied art of Kazakhs of a certain facet in the perception of "someone else".

ЕУРАЗИЯ КӨНЕ ХАЛҚЫНЫҢ АНТРОПОЛОГИЯСЫ
АНТРОПОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИИ

Балабанова М.А.
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия

УДК 903.01

АНТРОПОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ПОД ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ НАСЫПЯМИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Преемственность и трансформация в развитии культур раннего железного века Нижнего Поволжья по данным археологии, палеоантропологии, палеоэкологии и палеогенетики», № 17-11-34006.

Ключевые слова: Миграции, сарматы, антропологический тип, статистический анализ, канонические вектора, серии.
Keywords: migrations, Sarmatians, an anthropological type, statistical analysis, canonical vectors, series.

Введение. В истории изучения среднесарматских древностей можно выделить несколько ключевых моментов, которые сыграли важную роль в дальнейшем развитии археологии памятников этого времени. Прежде всего следует отметить, что выделение среднесарматских погребений связано с именами таких ученых как П.С. Рыков, П.Д. Рау и Б.Н. Граков. Важным событием в истории этих памятников явились раскопки Сусловского могильника в 1924 и 1926 гг. П.С. Рыковым. Данное исследование позволило рассмотреть специфику этой культуры на массовом материале (70 курганов). Не углубляясь в результаты исследования П.С. Рыкова, так как за почти сто лет произошли изменения в датировке и в определении культурно-хронологических границ этого памятника, почти все погребения укладываются в рамки I-II вв. н.э. Несмотря на то, что периодизация П.С. Рыкова не получила развитие, так как в принципе была неверной, его исследование было первым опытом осмысления и интерпретации памятников среднесарматского времени (Рыков, 1925, с. 28-53).

Дальнейшим изучением материалов первых веков нашей эры занимался П.Д. Рау. Собственно его можно считать основателем сарматской археологии. В своих исследованиях он разработал периодизацию сарматских памятников, в том числе и тех, которые сейчас принято относить к среднесарматской культуре. Этот хронологический пласт он отнес к Stufe A раннеримского времени (Ray, 1927, с.64-68). Созданная им хронология и периодизация сарматских древностей оказала значительное влияние на последующую историю изучения сарматских памятников. В частности под влиянием его взглядов находились известные исследователи Б.Н. Граков и К.Ф. Смирнов.

Б.Н. Граков одновременно с П.С. Рыковым и П.Д. Рау занимался раскопками нижневолжских памятников сарматского времени. Так же как П.С. Рыков и П.Д. Рау он в своих взглядах на развитие сарматской культуры стоял на позициях эволюционизма. Выделенные им четыре культуры отличались одна от другой по погребальному обряду и инвентарю и в то же время являлись ступенями или периодами единой сарматской культуры, последовательно сменившими друг друга и генетически связанными между собой. Среднесарматская культура в его периодизации фигурирует под названием сусловская, названная по эпонимному памятнику (Граков, 1947, с. 100-107).

Впервые термин среднесарматская культура встречается в работах ученика Б.Н. Гракова К.Ф. Смирнова. Он расширил на целый век хронологические рамки этой культуры по сравнению с периодизацией П.Д. Рау и начало функционирования среднесарматских памятников предложил датировать концом II-I вв. до н.э. (Смирнов, 1947, с. 76).

Новый этап в изучении погребений среднесарматского времени начался в 50-е годы XX столетия, когда были получены массовые материалы в процессе раскопок могильников в зоне строительства Волжской ГЭС. В эти же годы выходит несколько работ К.Ф. Смирнова, в которых формулируются дальнейшие задачи сарматской археологии и намечаются пути их решения. Наряду с комплексами других культурно-хронологических групп им были изучены и среднесарматские памятники. Наиболее резонансной оказалась его статья по диагональным погребениям, которые имели широкое распространение от Северного Причерноморья до Южного Приуралья (Смирнов,

1948; 1954, с. 202-204, 212). Впоследствии К.Ф. Смирнов отошел от жесткой позиции отождествления диагональных погребений с роксоланами и был склонен считать, что носителями этого погребального обряда наряду с ними могли быть и аорсы с аланами (Смирнов, 1959, с. 319).

Материалы Калиновского могильника, которые изучал В.П. Шилов, послужили основанием для критики роксоланской принадлежности диагональных погребений. Относительно бедные погребения с диагональным захоронением умерших, по мнению этого ученого были оставлены какой-то этнической группе, которая занимала отнюдь не доминирующее положение в сарматских племенных союзах (Шилов, 1959, с. 456).

Статья М.П. Абрамовой опубликованная в 1959 году подводит итоги изучения среднесарматских памятников. Она приводит сводку известных на то время памятников, дает подробную характеристику погребального обряда и вещевого материала (Абрамова, 1959, с. 52-71). В вопросе становления среднесарматской культуры М.П. Абрамова придерживалась концепции единой линии развития сарматской культуры. На основе ряда признаков (диагональные погребения, мечи с кольцевым навершием и др.) начало становления среднесарматской культуры она отнесла ко II в. до н.э. (Абрамова, 1959, с. 69). Кроме этого она поддерживала роксоланскую концепцию К.Ф. Смирнова принадлежности диагональных погребений.

В 60-70-е годы XX в. меняются взгляды на эволюционное развитие сарматской культуры. Так, обработка массового материала из среднесарматских памятников привела к идее о том, что с I в. н.э. в сарматских древностях наблюдается сибирско-китайское и среднеазиатское влияние (Хазанов, 1963, с. 58-71). Тогда же публикуется ряд ярких комплексов среднесарматского времени, а в 1989 году выходит том "Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время", в котором имеется статья посвященная среднесарматской культуре. В ней дается подробная характеристика погребального обряда, вещевого комплекса и наиболее полная сводка памятников этого времени (Мошкова, 1989, с. 176-191). М.Г. Мошкова написавшая этот текст хронологические рамки среднесарматской культуры определяет концом II в. до н.э. - началом II в. н.э., а ее формирование рассматривает как эволюционный процесс, при котором основные черты погребального обряда и вещевой комплекс сложились в недрах раннесарматской культуры. Наряду с этим отмечает и большую роль миграций, фиксируемых на вещевом комплексе уже в III в. до н.э. По ее мнению именно они привели к трансформации облика раннесарматской культуры, а первый век до нашей эры был временем становления среднесарматского археологического комплекса, так как в это время фиксируются как признаки раннесарматской, так и признаки среднесарматской культур (Мошкова, 1989, с. 37-41, 191; 1994, с. 10).

В 80-90-х гг. сформировалась новая концепция происхождения и этнического содержания среднесарматской культуры, которая связана с разработками А.С. Скрипкина. Результаты изучения массового материала привели его к выводу о том, что граница между раннесарматской и среднесарматской культурами должна приходиться на рубеже эр. (Скрипкин, 1990, с. 214-222). Для большинства новаций, характеризующих среднесарматскую культуру, он находит восточные истоки (Скрипкин, 1990, с. 206-215). Большую роль в становлении среднесарматской культуры этот исследователь отводит миграциям, в частности, перемещением в восточноевропейские степи аланов в I в. н.э. (Скрипкин, 1990, с. 214-222).

Следует отметить еще один важный момент. В 1990-2000 гг. накопленный массовый материал позволил более детально рассматривать региональную специфику каждой сарматской культуры. Итогом данного исследования послужила статистическая обработка погребальных комплексов среднесарматской культуры, осуществленная И.В. Сергацковым в 2002 году, результаты которой позволили сформулировать ряд важных выводов.

1. В Доно-Уральском междуречье функционировала единая археологическая культура, время которой определяется I - первой половиной II вв. н.э.

2. На фоне всех памятников отчетливо выделяются могильники Калиновка в Заволжье, Первомайский и Новый на Нижнем Дону, рамки которых определяются I в.н.э.

3. Несмотря на монолитность культуры выделяется 6 регионов, каждый обладающий своей спецификой в количественном распределении признаков погребального обряда.

4. Выделенные на основе анализа локальные группы можно связать с отдельными племенными образованиями, которые кочевали в этих районах.

5. Прослеживается линия преемственности погребального обряда и инвентаря ранне- и среднесарматской культур, выявленная на материалах могильников Калиновка, Быково, Верхнее Погромное, Первомайский и др.

6. Подтверждается гипотеза о том, что среднесарматская культура сформировалась на основе раннесарматского субстрата и пришлых алан (Сергацков, 2002, с.130).

В последние десятилетия в процессе изучения культуры кочевников сарматского облика были поставлены вопросы, связанные с выделением периодов внутри отдельных археологических культур, с изучением инноваций и локально-территориальной их специфики.

Так, проявление восточных инноваций в памятниках раннесарматской культуры, усиление которых связывают с политическими процессами, протекавшими далеко на востоке, привело исследователей к необходимости выделения ее отдельного этапа в рамках II – I вв. до н.э. Видимо, культурные изменения являются результатом непосредственного появления на сарматской территории кочевников несарматского происхождения. Они принесли с собой традиции, характерные для среднеазиатского и южно-сибирского регионов. Отдельные находки имеют аналогии в хуннских и китайских древностях (Скрипкин, 2000; Симоненко, 2003; 2010 и др.). С этими новациями в культуре связана дискуссия о времени появления памятников среднесарматской культуры, которое ученые определяют по-разному для отдельных регионов, обозначая период середина I в. до н.э. – середина I в. н.э. Было предложено и выделение I в. до н.э. как особого переходного этапа от раннесарматской к среднесарматской культуре, так как в некоторых районах памятники раннесарматского облика доживают до рубежа эр, а элементы, ставшие типичными для среднесарматской культуры, появляются во II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 1990; 2007; Сергацков, 2002 и др.). На отдельных территориях наблюдается как сосуществование, так и взаимодействие носителей раннесарматской и среднесарматской культур.

Таким образом, все выше сказанное позволяет говорить о том, что среднесарматский культурный комплекс сложился из сочетания черт предшествующего периода и новаций, имеющих восточное происхождение. Становление среднесарматской культуры связывают с появлением алан как политической силы на исторической арене Европы (Скрипкин, 2001). Исследователи отмечают в культуре кочевников этого времени «возрождение» старых черт, свойственных скифо-савроматским древностям диагональный тип захоронения, звериный стиль и другие признаки, которые были принесены на сарматскую территорию мигрантами (Скрипкин, 1990; Малашев, Мошкова, 2010).

Все выше обозначенные проблемы, которые поставлены перед сарматоведением, не могут решаться без привлечения палеоантропологических материалов как важнейшего исторического источника. Одно из направлений биологического исследования палеоантропологических материалов - расогенетическое, которое предполагает изучение материала традиционными методами антропологии (антропометрия и антропоскопия) физических особенностей людей (морфология черепа, зубной системы, костей посткраниального скелета) с целью установления генезиса объединяющей их общности.

Первые работы по изучению серий среднесарматского времени были связаны с анализом краниологических выборок, включающих определение общего усредненного типа и внутригрупповой изменчивости на основе индивидуальной типологии каждого черепа (Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Фирштейн, 1970).

С середины 1990-х годов в исследованиях по реконструкции внутригруппового состава и определения генетических связей сарматского населения начали использовать методы многомерной статистики и популяционный подход. Одновременно с этим получает распространение и биоархеологический аспект изучения материала среднесарматского времени, который связан в основном с работами Е.В. Перервы.

К 2000 году был обобщен весь имеющийся на тот момент краниологический материал по среднесарматскому времени, а в 2011 году были опубликованы материалы этого времени Нижнего Дона (Балабанова, 2000; 2010; Батиева, 2011). Результаты этих антропологических исследований показали, что, очевидно, именно миграции привели к тому, что в серии I – первая половина II в. н.э. доля брахикранов среди мужчин значительно сокращаться, с 45,1 до 35,9%, по сравнению с предшествующим периодом, II-I вв. до н.э. Что касается женщин, то их антропологический тип мало меняется, а доля брахикраннов остается почти в тех же пределах, что и в предшествующую эпоху, около 50%. Все это приводит к тому, что усредненный среднесарматский мужской тип выглядит несколько иначе, чем раннесарматский. Так, пропорции мозговой коробки с брахикранной меняется на мезокранную, а в лицевом скелете горизонтальная профилировка умеренная уже на обоих уровнях, по сравнению с раннесарматским комплексом (Балабанова, 2010, с. 73). Как показали результаты исследования в антропологическом массиве среднесарматского времени выделяется территориальная неоднородность. Выше описанный тип, мезокранный с умеренной горизонтальной профилировкой на обоих уровнях и средне выступающим носом, преобладает в могильниках Волго-

Донского междуречья. Видимо, этот регион, а также регион Нижнего Дона были территорией наибольшей концентрации пришлого компонента, так как здесь самый низкий процент брахикранных черепов – чуть больше 20% и достаточно высокая доля долихокранных черепов. Тип пришлых групп в чистом виде улавливается на материалах могильников Астраханского правобережья и характеризуется типом длинноголовых европеоидов. Видимо в заволжских и северопричерноморских могильниках сохраняется субстратное население раннесарматского облика. Частота встречаемости брахикранных черепов в этих регионах сохраняется на уровне серий II–I вв. до н.э. и составляет больше половины черепов. Причем в причерноморской группе вес их даже больше, чем в заволжской: около 60%. Такая территориальная специфика антропологического типа позволяет предположить, что сарматские миграционные потоки в причерноморские степи направлялись преимущественно из Заволжья, не включая кочевые группы из Волго-Донского междуречья и Нижнего Дона. А их раннесарматский облик можно объяснить тем, что эта группа оказавшись в чужеродной среде не смешивалась с местным населением и сохранила свой первоначальный облик. Сохранение определенной доли субстратных черт у среднесарматского населения или же приобретение раннесарматской популяцией новых культурных признаков дают материалы отдельно взятых могильников – Калиновка, Бережновка II, Новый, Первомайский и др. Об этом свидетельствуют и результаты сравнения средних значений серий II–I вв. до н.э. и I – первой половины II в. н.э. У мужчин признаков с достоверно значимыми различиями восемь, у женщин – пять (Балабанова, 2000, с. 109).

Одной из ярких новаций, характеризующих среднесарматскую культуры, является массовое распространение диагональных захоронений. Изучение антропологии диагональных погребальных комплексов I – первой половины II в. н.э., дало интересные результаты (Балабанова, 2002). Краниологическая серия оттуда оказалась чрезвычайно неоднородной и что характерно, брахикранный тип, свойственный раннесарматскому населению, здесь преобладает. На него приходится около половины черепов в обеих разнополых группах “диагональников”. Локальная изменчивость, присущая данной группе, позволяет выделить две серии, в которых преобладает тип длинноголовых европеоидов: заволжскую и волго-донскую (Балабанова, 2002, с. 85, 89). В связи с этим можно предположить, что пришлые группы носителей данного культурного признака, шли с востока, и среди них были как носители длинноголовых, так и носители короткоголовых типов. О восточных миграциях свидетельствуют краниологический комплекс с гораздо более уплощенным лицом на обоих уровнях и как раз у мужчин. Доля длинноголового варианта в женской группе I – первой половины II в. н.э. хотя и невелика, все же возрастает, а черепная коробка приобретает мезобрахикранную форму (Балабанова, 2010, с. 75). В остальном же сохраняются черты предшественников, населения II–I вв. до н.э.

Что касается серии среднесарматского времени из могильников Нижнего Дона, то в своей публикации Е.Ф. Батиева выделяет группу раннего этапа с хронологическими рамками I в. до н.э. - I в. н.э. и группу позднего этапа - I-II вв. н.э. Обе группы отличаются как между собой, так и с раннесарматской группой (III-I вв. до н.э.). По ее мнению среднесарматская серия I-II вв. н.э, имеет сходство с раннесарматским нижневолжским комплексом (Батиева, 2011, с.60-63).

Выше приведенный обзор антропологической литературы по населению среднесарматского времени показывает, что до сих пор не анализировались отдельно комплексы под индивидуальными насыпями, кроме комплексов с диагональным трупоположением. Так как именно тип захоронений под индивидуальными насыпями считают основным культурным критерием среднесарматской культуры, то вполне оправданной становится цель данного исследования. Она включает выделение из общего массива памятников среднесарматского времени под индивидуальными насыпями и рассмотрение их антропологической специфики.

Как показали результаты статистической обработки погребальных комплексов среднесарматского времени, доля погребений под индивидуальными насыпями по регионам разнится, но в разных территориях Нижнего Поволжья они составляют абсолютное большинство: в Заволжье -64,1 %; на севере Волго-Донского междуречья - 86,25 %; в южной части Волго-Донского региона - 79,23 %; в могильниках Правобережья Волги - 75,8 %. Довольно высока доля их и могильниках Южного Приуралья, а вот в западных территориях, в Прикубанье и на Нижнем Дону, их около одной трети от общего количества все погребений в кургане одного времени (Сергацков, 2002, с. 89).

Материал и методика исследования. Для решения поставленной задачи изучалась суммарная краниологическая серия среднесарматского времени, насчитывающая 296 черепов (180 мужских и 116 женских), которая была разбита на две части. В первую были включены черепа из

индивидуальных насыпей, а во вторую из курганов-кладбищ. Последний обряд характерен для предшествующего населения раннесарматского времени. В результате проведенной процедуры группа черепов из погребений под индивидуальными насыпями составила чуть больше половины от общей численности среднесарматской серии: 52,8 % в мужской серии и 54,4 % в женской серии. Кроме этого антропологический материал из этих двух групп рассматривался на предмет наличия локальной изменчивости и определения типа погребенных в могилах разной конструкции.

Весь материал изучался общепринятыми в антропологии методами анализа, которые включали как методы одномерной, так и многомерной статистики. Прежде всего полученные серии сравнивались по t-критерию Стьюдента, затем были включены в межгрупповой канонический анализ с последующей обработкой обобщенных расстояний Махаланобиса кластерным анализом.

Обсуждение результатов анализа. Усредненные данные по краниологическому типу серий среднесарматского времени, полученные из погребений под индивидуальными насыпями и из курганов-кладбищ приведены в таблице 1. Сравнительный анализ мужских и женских серий по t-критерию Стьюдента не выявил значимых различий ни по одному из изученных 70 признаков. Таким образом выше приведенное деление на группы не дало желаемого результата. Тем не менее следует обратить внимание на то, что обе мужские группы характеризуются мезокранными пропорциями по черепному указателю и умеренной горизонтальной профилировкой лица на обеих уровнях при резко выступающим носе к линии профиля, что несколько отличает их тип от раннесарматского (IV-III вв. до н.э. и II-I вв. до н.э.).

Что касается обеих женских групп, то они сочетают суббрахикранную черепную коробку с резкой горизонтальной профилировкой лица на среднем уровне. Таким образом, если для мужского краниологического типа обеих групп среднесарматского времени по сравнению с предшествующим раннесарматским периодом видны значительные изменения в сторону накопления длинноголового компонента, у которого умеренная профилировка лица на обоих уровнях, то для женского типа - сохранение субстратного раннесарматского типа. Тем самым подтверждается концепция о культурных и антропологических изменениях в сарматской среде связанных с мужскими миграциями.

В дальнейшем для выделения морфологического типа мигрантов рассматривались группы полученные из разных территорий локализации памятников: Заволжье, Волго-Донское междуречье; Астраханское правобережье, Калмыкия, Нижний Дон, Северное Причерноморье. Попарное сравнение серий из индивидуальных насыпей и курганов кладбищ показало, что обе мужские группы из могильников Заволжья имеют похожее сочетание, которое встречалось у предшествующего раннесарматского населения, субрахикранный тип с небольшим уплощением лицевого профиля на линии глазниц при резко выступающем носе. Аналогичный набор признаков имеют материалы с территории Северного Причерноморья.

Мужские группы из могильников Волго-Донского междуречья различаются между собой. Так группа из курганов кладбищ самая длинноголовая, узколицая и умеренно профилированная на обеих лицевых уровнях при средневыступающем носе. Серия же из погребений под индивидуальными насыпями, наоборот, мезокранная, относительно широколицая и умеренно профилированная на уровне глазниц при очень резко выступающем носе. Две другие группы: из погребений под индивидуальными насыпями это серия из могильников Астраханского правобережья - тип мезокранный европеоидный и из могильников с территории Калмыкии имеет очень длинную мозговую коробку самое плоское лицо при резко выступающий нос.

Выше приведенное распределение локальной изменчивости демонстрируют и результаты сравнительного анализа этих групп каноническим методом. Наиболее значимыми являются первые два канонических векторов, на которые приходится более 60,0 % от межгрупповой изменчивости.

Первый канонический вектор при анализе мужских групп разграничивает два крайних варианта: первый тип сочетает умеренную горизонтальную профилировку лица на верхнем уровне и средневыступающий нос; второй тип – альтернативный первому, у которого резкая профилировка лица сочетается с сильно выступающим носом. Полюса изменчивости заняли с одной стороны группа из курганов кладбищ могильников Волго-Донского междуречья (положительный полюс), а с другой - группа из индивидуальных насыпей могильников Астраханского правобережья (отрицательный полюс изменчивости). О наличии в могильниках Волго-Донского междуречья типа, сочетающего уплощение горизонтальной профилировки на обоих уровнях и среднего угла выступания носа, а также в могильниках Астраханского правобережья длинноголового европеоидного типа мною уже отмечалось (Балабанова, 2000, с. 99). Второй канонический вектор при анализе межгрупповой изменчивости локальных мужских групп описывает имеющиеся различия как по размерам мозговой

коробки: продольный и поперечный диаметры и наименьшая ширина лба (1; 8; 9 размеры по Мартину), так и по размерам лицевого отдела черепа: высота носа и назомалярный угол (55; 77). В этом случае на положительном полюсе будет локализоваться тип, у которого короткая, широкая мозговая коробка, узкий лоб сочетается с высоким носом и резкой горизонтальной профилировкой на уровне глазниц; на отрицательном, наоборот, тип с длинной и узкой мозговой коробкой и широким лбом в сочетании с умеренной горизонтальной профилировкой лица и низким носом. Положительный полюс изменчивости по этому вектору заняли группы западной локализации: нижнедонская[62] и украинская, а отрицательный полюс - волго-донская группа из курганов кладбищ.

Таким образом, выше приведенная картина межгрупповой изменчивости позволяет говорить о том, что существенные различия в мужских локальных группах между населением среднесарматского времени погребенных в курганах-кладбищах Волго-Донского региона и в индивидуальных насыпях, проживающих на территории Астраханского правобережья.

Результаты канонического анализа женских групп не дают такой четкой картины как локальной изменчивости, так и изменчивости групп, сформированных из погребений под индивидуальными насыпями и из курганов кладбищ. Корреляция на оба канонических вектора слабая и отражает изменчивость лицевых признаков. Морфологическое разнообразие мужской и женской частей населения среднесарматского времени демонстрирует дендрограмма кластеризации, и положение групп в пространстве первого и второго канонического векторов (рис. 1). Выше отмеченное морфологическое отличие мужской серии из курганов кладбищ Волго-Донского междуречья обособляет ее от всего остального массива групп. Обе серии из могильников Заволжья демонстрируют значительное сходство и объединяются в один кластер. К этим двум группам примыкают серия из под индивидуальных насыпей могильников Волго-Донского междуречья и Калмыкии. Определенным сходством обладают обе нижнедонские, украинская серии и серия из астраханского правобережья. Несмотря на различия в направлении локальной изменчивости женских серий, дендрограмма кластеризации и положение их в пространстве первого и второго канонического векторов имеет те же тенденции, что и у мужских серий.

Таким образом, результаты последнего исследования хотя и наметили некоторые тенденции, но не дают четкого представления о типе мигрантов. В связи с этим я попыталась рассмотреть еще один аспект, это определение морфологического облика групп, полученных из различных типов погребальных конструкций: диагональный, подбойный, прямоугольный. Усредненные краниологические данные групп, полученных на основе этого критерия и результаты межгруппового канонического анализа, проведенного по комплексу 14 краниологических признаков позволяют отметить следующее (рис. 2). По первой канонической переменной мужские группы различаются в основном по продольному и скуловому диаметрам (1; 45) и высоте носа (55). На разных полюсах изменчивости находятся группы из могил подквадратной формы (отрицательный полюс изменчивости) из под индивидуальных насыпей и из могил прямоугольной формы из курганов кладбищ (положительный полюс изменчивости). Первая группа самая длинноголовая и широколицая, а вторая, соответственно, обладает противоположным набором признаков.

Второй канонический вектор разграничивает мужские группы по признакам отражающим высоту носовых костей (SS:SC) и их угол выступания (75-1). В шести группах самый большой угол выступания носа ($33,7^0$) в серии из погребений подбойной конструкции из под индивидуальных насыпей, а ему противостоит группа из погребений подквадратных конструкций ($27,5^0$).

Результаты межгруппового анализа женских серий сформированных по типу могильных конструкций дают совершенно иную картину распределения межгрупповой изменчивости. Первый канонический вектор имеет более менее высокую корреляцию только с высотой черепного свода от базион-брегма (17). Наиболее высокосводчатой оказалась серия из могил подбойной конструкции под индивидуальными насыпями, а низкосводчатой из могил прямоугольной конструкции под индивидуальными насыпями. Второй канонический вектор при анализе женских групп дает высокие корреляции с поперечным и высотным диаметрами (1; 17) и наименьшей шириной лба (9). Морфологический комплекс с длинной, низкой черепной коробкой и широким лбом встречается в группе из комплексов с диагональным типом трупоположения, а альтернативный - в могилах прямоугольной конструкции из под индивидуальных насыпей.

Результаты кластерного анализа обобщенных расстояний Махаланобиса и положение групп в плоскостях 1 и 2 канонических векторов, на которые приходится более 70,0 % межгрупповой

[62] Так как в нижнедонских сериях очень мало черепов из под индивидуальных насыпей, то они отдельно не выделялись.

изменчивости отражены на рисунке 2. Обе мужские группы из могил подбойной конструкции имеют большое сходство и объединились в один кластер. Обе серии из могил прямоугольной конструкции также имеют сходное сочетание признаков и тоже объединились. В этот кластер входит и группа из диагональных захоронений, хотя и несколько отличается от них. Особняком располагается только группа из могил квадратной и подквадратной формы.

Результаты аналогичного анализа женских серий имеют несколько иные тенденции. Пять групп, включенных в анализ образовали два кластера. В одном оказалась группа из могил с диагональным захоронением и группа из могил прямоугольной формы под индивидуальными насыпями. В другом кластере оказались остальные три группы: обе серии из подбойных могил и группа из могил прямоугольной формы из курганов кладбищ.

Выводы. Результаты выше проведенного исследования позволяют сформулировать ряд заключений.

1. Морфологический тип погребенных под индивидуальными насыпями мало чем, отличается от типа погребенных в курганах-кладбищах. Такая картина распределения антропологических типов позволяет высказать предположение о том, что изменение погребального обряда курганов-кладбищ у части среднесарматского общества на индивидуальные насыпи носило скорее всего мировоззренческую нагрузку нежели этническую.

2. При распределении антропологического материала по регионам резко выделяется по комплексу признаков группа из погребений курганов кладбищ Волго-Донского междуречья и серия из погребений под индивидуальными насыпями из могильников Астраханского правобережья. Видимо как в первом, так и во втором случаях перед нами возможный антропологический тип мигрантов.

3. В наибольшей степени субстратный компонент раннесарматского облика присутствует в обеих группах из Заволжья, в материалах могильников Украины и, в какой то степени в группах из нижнедонских могильников. Данные результаты локальной изменчивости можно связать с данными письменных источников о перемещении сарматских племен в западном направлении на рубеже эр в I в. н.э. (Страбон, Плиний Старший, Птолемей и др.).

4. При распределения антропологического материала по типам погребальной конструкции в наибольшей степени отличается материал из диагональных захоронений и подквадратной конструкций. Видимо, обе эти группы можно связать либо с определенной социальной группой, либо имелся какой-то другой критерий. Тем не менее, большие могилы квадратной и подквадратной формы с положением умершего по оси могилы отличаются набором богатого инвентаря. Причем, самые богатые комплексы среднесарматского времени сооружались именно в могилах такой формы.

Литература:

Абрамова М.П. Сарматская культура II в. до н.э. – I в.н.э. (по материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап) // СА. – 1959. – № 1. – С. 52-71.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М.: Наука, 2000а. – 133с.

Балабанова М.А. Антропология сарматских диагональных погребальных комплексов // НАВ. Вып. 5. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – С. 82-94.

Балабанова М.А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. – № 2. – С. 65-77.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 160с.

Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По материалам Калиновского могильника) // МИА. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1959 – № 60. – С. 524-594.

Глазкова Н. М., Чтецов В. П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. – М.,–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – № 78. – С. 286-292.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100-121.

Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (К постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Сборник научных статей. Вып. III. – Волгоград: Изд–во ВолГУ, 2010. – С. 37–56.

Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989а. – С. 177–190.

Рыков П.С. Сусловский курганный могильник // Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов, 1925. Т.IV. Вып.3. С.28-102.

Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников в I–II вв.н.э. / И.В. Сергацков // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. – М.: Восточная литература, 2002. – 143с.

Симоненко А.В. Китайские и центрально-азиатские элементы в сарматкой культуре Северного Причерноморья // НАВ. Вып. 6. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 45–65.

Симоненко А.В. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // НАВ. Вып. 11. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 392–402.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: Из-во СГУ, 1990. – 299с.

Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 17–40.

Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 7. – Армавир, Москва, 2001. – С. 15–40.

Скрипкин А.С. Раннесарматскаяя культура (проблема переодизации и теминологии) // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Сборник научных статей. Вып. II. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 119–128.

Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. – М.: Изд-во МГУ, 1947. – Вып. 5. – С.75-80.

Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. – 1948. – № 1. – С. 213–219.

Смирнов К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. –С.195-219.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. – М.: АН СССР, 1959 – № 60. – С. 300–314.

Фирштейн Б.В. **Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. – Л.: Наука, 1970. – С. 69–201.**

Хазанов А.М. **Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. – №4. – 1963. – С.58–72.**

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – М.: АН СССР, 1959. – № 60. – Т. 1. – С. 323–523.

Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. – Pokrowsk, – 1927. – 112s.

Резюме

М.А. Балабанова

АНТРОПОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ПОД ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ НАСЫПЯМИ

Статья посвящена антропологии погребений среднесарматского времени под индивидуальными насыпями. Для этого была проанализирована краниологическая серия из 296 черепов, которая была поделена на две части: группа из погребений под индивидуальными насыпями и группу из курганов кладбищ. Обе серии изучались методами мономерной и многомерной статистики.

Результаты исследования показали сходство антропологического типа обеих серий на среднем уровне и различие серий локально-территориальной приуроченности. Группы различаются и при распределения антропологического материала по типам погребальной конструкции.

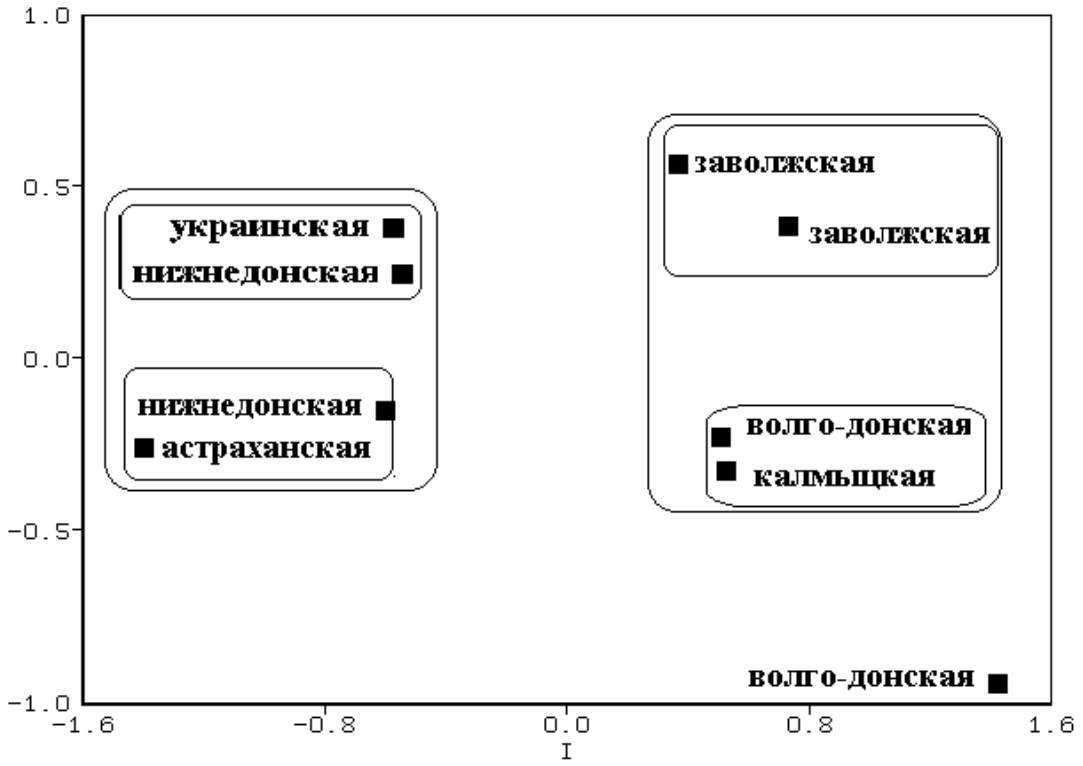
Summary

Maria. A. Balabanova

THE ANTHROPOLOGY OF BURIALS OF MID TIME UNDER THE INDIVIDUAL MOUNDS

The article is devoted to the anthropology of burials of the average time under the individual mounds. For this purpose, a craniological series of 296 skulls was analyzed, which was divided into two parts: a group of burials under individual mounds and a group of burial mounds of cemeteries. Both series were studied by methods of one-dimensional and multidimensional statistics.

The results of the study showed the similarity of the anthropological type of both series at the middle level and the difference between the series of local-territorial timing. The groups also differ in the distribution of anthropological material by types of burial structure.



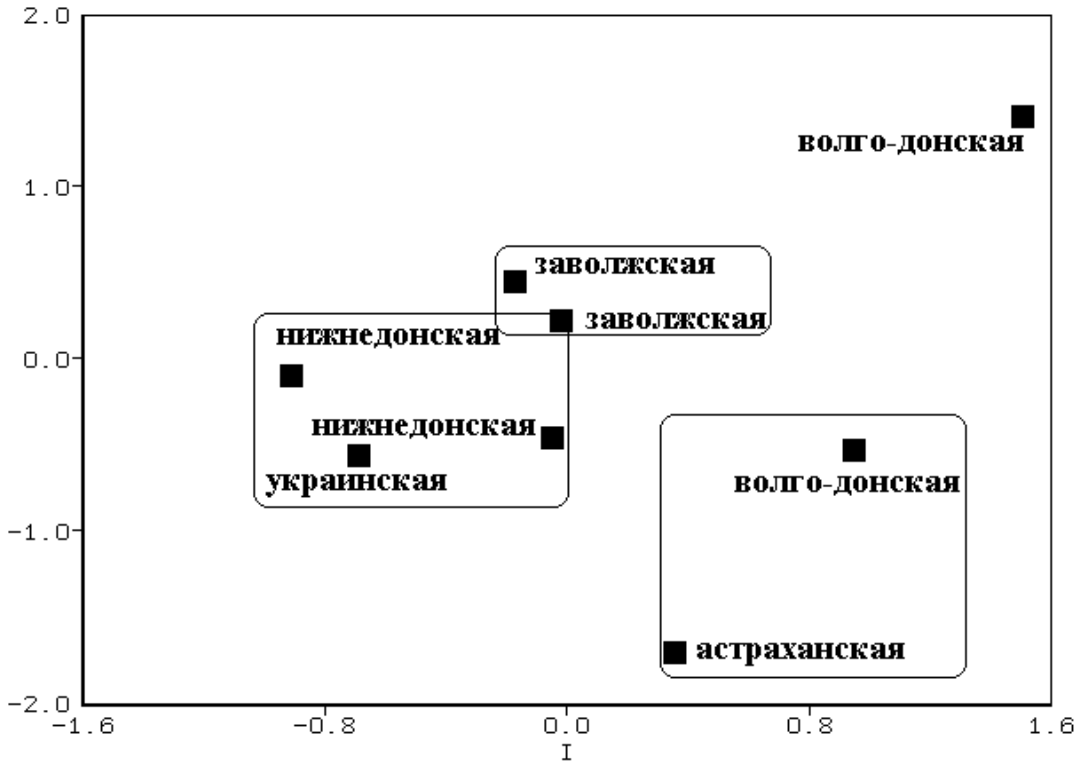
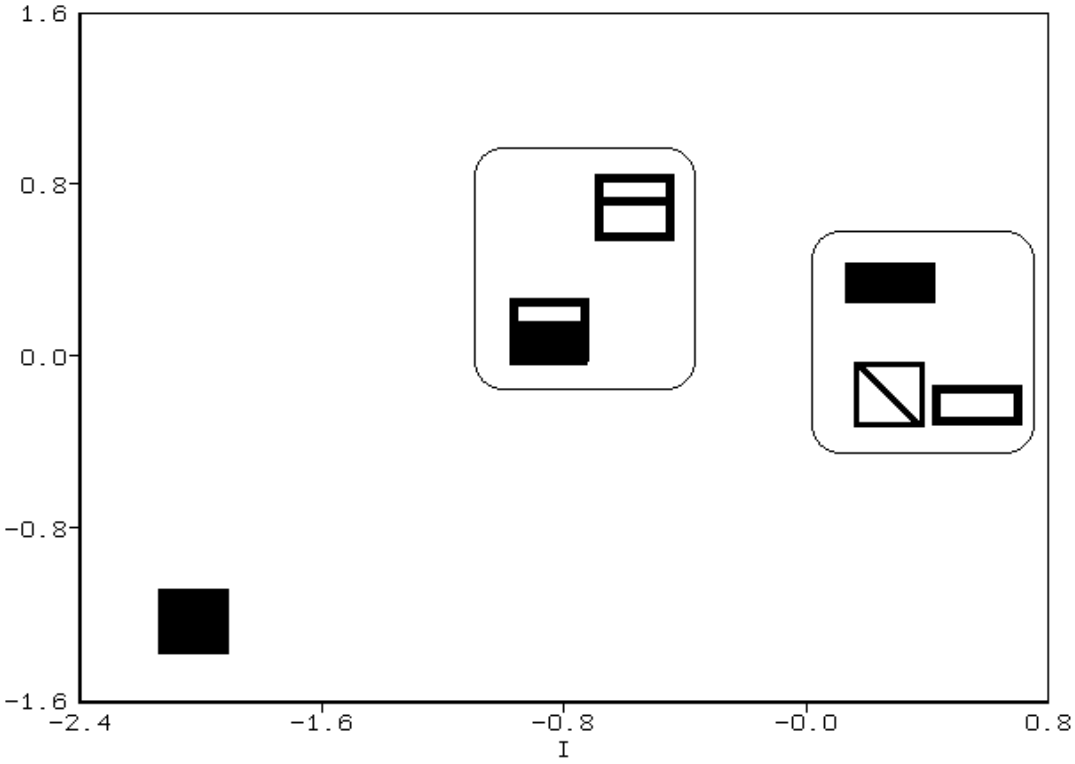


Рис. 1. Положение локальных краниологических групп в пространстве первого и второго канонического векторов (объединены группы, образующие один кластер).
А - мужские серии; Б - женские серии.



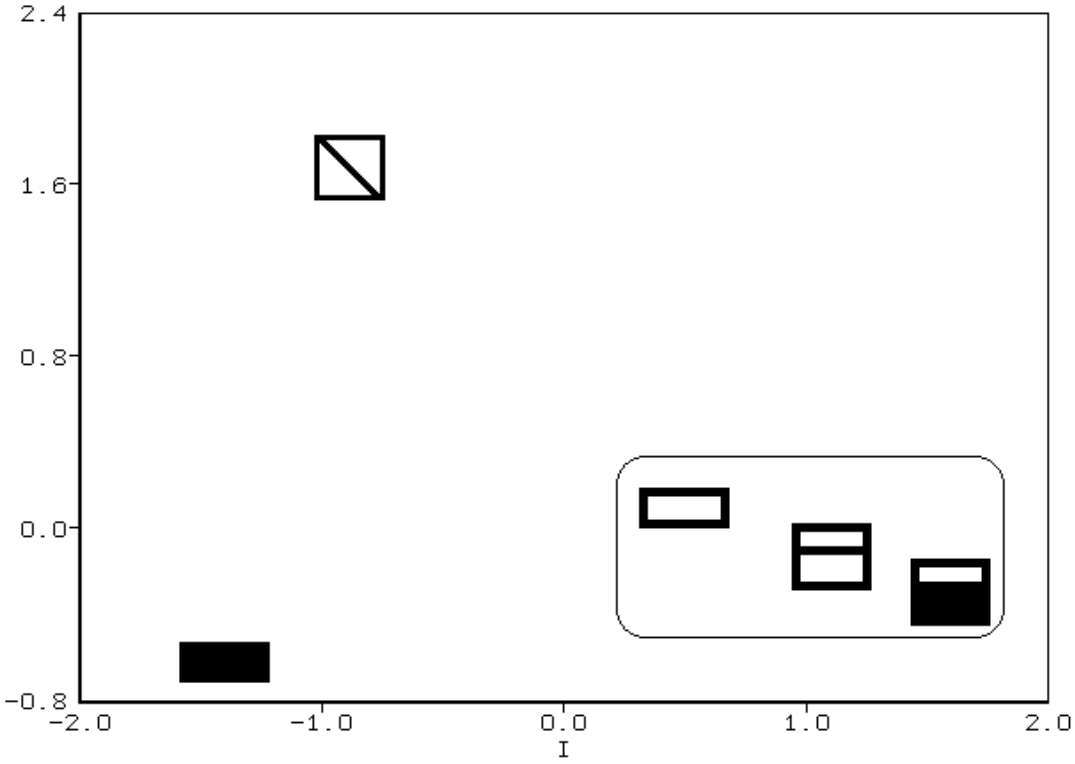


Рис. 2. Положение краниологических групп, сформированных на основе типа погребальной конструкции, в пространстве первого и второго канонического векторов (объединены группы, образующие один кластер). А - мужские серии; Б - женские серии.

Китов Е.П.
Центр физической антропологии
Института этнологии и антропологии РАН,
г.Москва, Российская Федерация
Лаборатория палеоантропологического изучения Казахстана
Института археологии им. А.Х. Маргулана,
Алматы, Казахстан
Китова А.О.
Центр египтологических исследований РАН,
г. Москва, Российская Федерация

ПОСМЕРТНЫЕ РИТУАЛЫ У РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, ранний железный век, ранние кочевники, посмертный ритуал, перфорация, трепанация, бальзамирование, мумификация.
Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Early Iron Age, early nomads, post-mortem ritual, perforation, trepanation, embalming, mummification.

Исследования памятников сакской общности в Центральной Азии насчитывают уже более полутора сотен лет. Яркие погребальные памятники ранних кочевников дали уникальный по обилию, разнообразию и научной ценности материал, чему способствовали и крупные размеры погребальных сооружений с особой конструкцией, и условия климата. Особое отношение к захороненным в крупных курганах региона в раннем железном веке было описано неоднократно. Особое место среди археологических сооружений раннего железного века региона занимают курганы пазырыкской культуры. При изучении таких комплексов исследователи часто встречали следы посмертных манипуляций с телом и костями погребенных. При изучении скелетированных останков из археологических памятников на территории современного Казахстана также встречаются свидетельства посмертных ритуалов. К сожалению, на степени достоверности получаемых данных сказывается то, что эти памятники, несмотря на свои крупные размеры (а, возможно, благодаря этому) как правило, грабленые. И все же, за последнее время накоплено достаточно много антропологического материала со следами посмертных повреждений, которые можно рассматривать как свидетельства существования ритуалов, сопровождавших процесс подготовки тела к захоронению

Находки скелетов с посмертными перфорационными отверстиями на костях скелета и черепах а также свидетельствами пробоев затылочной части из могильника Аксуат III и Берел в Восточном Казахстане (Китов, 2013; Китов, Китова, Оралбай, 2016), находят аналогии на костях индивида из первого Башадарского кургана, где на костях посткраниального скелета, шейных позвонках фиксируются перфорации (Руденко 1960: 331-332). Они, по мнению автора, свидетельствуют об их выполнении на костях трупа с нетронутыми связками и мышцами на препарированном теле. Там, где нужно было проникнуть в костномозговые полости или канал спинного мозга, выполнялось сверление, после чего вводился консервирующий состав для бальзамирования тела погребенного (Руденко 1960: 331-332).

Анализ тел из погребений пазырыкской культуры, сохранившихся благодаря мерзлотным линзам, позволил выявить гораздо больше информации, чем мы можем получить, имея в распоряжении лишь костные останки. Так на телах старика и мальчика из раскопок Шибинского кургана установлено, что из их тел были удалены внутренности и мускулатура, а через трепанационное отверстие был удален мозг. Все разрезы были зашиты нитками. У женщины из второго Пазырыкского кургана на черепе разрезана и раздвинута кожа, тупым предметом была выполнена трепанация. После извлечения мозга черепная коробка была заполнена землей, хвоей и шишками, фрагмент кости был вставлен на прежнее место, кожа была сшита сухожильными нитками. Также на телах из погребений Пазырыкской культуры были выявлены многочисленные разрезы на телах и конечностях погребенных, которые, вероятно, были зашиты после введения в них консервирующего состава (Руденко 1953: 326-327). Также аналогичный прием бальзамирования был описан Е.В. Гинзбургом на скелете мужчины из кургана 1, могильника 4 у озера Сары-Коль (раскопки Восточно-Казахстанской экспедиции в 1949 году). С.С. Черниковым он был датирован III в. до н.э. Все находки костей со следами мумификации происходят из погребений знати, могил вождей племени (Руденко 1960: 334).

Случаи с фрагментами, изъятыми в результате трепанации женских черепов из погребений кургана 14 могильника Аксуат III и кургана 16 могильника Берел, находят аналогии с манипуляциями на женском черепе второго Пазырыкского кургана. Можно предположить, что данные фрагменты после удаления мозга были вставлены на место и зафиксированы сшиванием кожи. А просверленные ветви челюсти у мужчины из кургана 16 могильника Берел позволяют сделать вывод об удалении жевательных мышц, что повлекло за собой необходимость зафиксировать челюсть в ее естественном положении, путем вероятно, крепления к дужкам скуловых костей.

Также следы бальзамирования встречены на других хорошо сохранившихся останках из крупных и средних курганов пазырыкской культуры. В целом они близки описанным С.И. Руденко случаям (Молодин и др. 2000). Встречены они и на материалах уюкско-саглынской культуры с территории Тувы (Зубова 2009).

Чаще всего мы имеем возможность работать лишь с костями погребенных. В этом случае одним из признаков подобного рода мумификации могут быть трепанации, выполненные для очищения черепа от мозга. К такому предположению пришел А.Д. Грач на основании наличия большого количества трепанированных черепов из могильников саглынской культуры с территории современной Тувы (Грач 1980: 73). Некоторые черты погребального обряда скотоводов Алтая (например, мумификация) имеют аналогии у населения Синьцзяна, что определялось образом жизни кочевников в близких экологических условиях, общностью мировоззренческих представлений, постоянными контактами между «пазырыкцами» и населением Синьцзяна, а также, возможно, их этнической близостью (Полосьмак 1998: 342; Синьцзян Чауху… 1999).

Все вышеперечисленные следы манипуляций с телами индивидов встречены на материалах V-I вв. до н.э. Но на современной территории Казахстана найдены и более ранние трепанированные черепа в крупных курганах, соотносимых с погребениями знати. Они датируются VIII-V вв. до н.э. и соотносятся с тасмолинской культуры – могильники Карабие с территории современного Актогайского района, Карагандинской области. (6 трепанационных отверстий). Все они не несут никаких следов заживления. Целью выполненной трепанации, по мнению авторов, было лечение эндокринного заболевания у погребенного с высоким социальным статусом (Боев, Исмагулов 1962). Один из черепов, происходящих из могильника в урочище Сарша (Центральный Казахстан), имеет на венечном шве 2 просверленных отверстия диаметром около 10 мм каждое. Отверстия сделаны после смерти на обнаженной от мягких тканей крыше черепа (Гинзбург 1956: 260-261; Кадырбаев 1978: 111).

Также при обработке краниологических коллекций Е.П. Китовым в 2013-2015 гг. из могильников тасмолинской культуры с территории Центрального Казахстана еще на 10 черепах зафиксированы трепанационные отверстия (перфорации). Все трепанационные отверстия выполнены на затылочной или задней части теменных костей. Их количество варьирует от 1 до 15 на черепе. Все курганы, в которых найдены трепанированные черепа, находятся на территории нескольких административных районов, имеющих общие границы: Абайский район Восточно-Казахстанской, (бывш. Семипалатинской) области, Актогайский, Каркаралинский районы, Карагандинской области и Баянаульский район Павлодарской области. Из них 9 мужских черепов и 1 детский. По мнению авторов, трепанации на черепах из могильников тасмолинской археологической культуры делались, вероятно, в связи с необходимостью сохранения тела до погребения и были выполнены либо для введения консервирующего состава, либо для стекания разлагающихся мягких тканей из черепа в процессе временного хранения тела, до обряда его захоронения. Существуют этнографические свидетельства о подобных манипуляциях с телами знатных лиц у казахов. (Бейсенов, Китов 2014; Китов, Бейсенов 2015, Kitov, Beysenov, 2014). На сегодняшний день свидетельства возможного появления традиции трепанирования черепов на материалах тасмолинской культуры являются самыми ранними среди материалов по ранним кочевникам Центральной Азии.

Можно предположить, что подобные ритуалы мумификации являются общими для всей сакской общности раннего периода ее функционирования и связаны с общим направлением антропологически разнородного миграционного потока при участии местных групп населения с территории Сибири и Алтая до Тянь-Шаня, в результате подобных миграционных потоков происходило формирование общего информационного поля связанного с передачей и использованием близких по форме ритуальных действий.

Надо отметить, что на сегодняшний день уже известны подобные манипуляции с телом погребенного с территории современной Киргизии удаление фрагмента затылочной кости на черепе перфорированием острым предметов (неопубликованные материалы Е.П. Китова).

На материалах ранних кочевников Волго-Уральского региона трепанации встречены редко, что может свидетельствовать об отсутствии широкого применения традиции трепанирования как в погребальных практиках, так и для лечения в среде сарматских племен. Однако, подобные практики все же встречаются (Рохлин, 1960; Китов, Мамедов, 2014; Кириченко, 2016; Перерва, 2017)

Для древних обществ важное значение имели ритуальные действия, связанные с прощанием и проводами покойных знатных лиц. На трепанированных черепах с территории рассматриваемого нами региона практически во всех случаях отверстия расположены в «слепой зоне», которая остается невидимой для всех участников ритуального процесса прощания с покойником. Можно допустить, что одним из важных практических моментов здесь выступала необходимость хранения тела до момента предания земле. В случаях, зафиксированных на материалах пазырыкской культуры, тщательность бальзамирования, удаление мягких тканей, введение консервирующих составов и набивка тела травой, стеблями и кореньями с дальнейшим зашиванием рассеченной кожи может свидетельствовать о необходимости сохранения тела в течении длительного времени до момента его погребения. Цель подобной традиции может быть объяснена необходимостью прощания членов родоплеменного объединения с лицом высокого социального ранга, что в условиях кочевого образа жизни не всегда представляется возможным в короткие сроки.

Анализ информации, полученной при антропологическом изучении костных останков может быть существенно дополнен данными, полученные при анализе микроэлементов, металлов, неорганических веществ, могут быть использованы для реконструкции диеты, путей миграции, профессиональной активности индивида. Кроме того, микроэлементный анализ может быть полезен для уточнения состава бальзамирующих веществ, использовавшихся при процедуре мумификации. Состав бальзамирующих веществ определяется с помощью комплекса биохимических анализов продуктов распада липидов и белков. Технологический прогресс позволяет применять все новые естественнонаучные методы при исследовании археологического и антропологического материала. С одной стороны, это открывает большие возможности для получения максимально полной информации о каждом индивиде, но с другой — порождает соблазн бесконечно долго исследовать каждый обнаруженный объект (Китова, 2016). Возможно анализ с применением новых технологий поможет в решении целого ряда вопросов о ритуальных действиях для представителей знати раннекочевых обществ Центральной Азии сакского облика. Подобные исследования планируется провести в ближайшее время, что вероятно расширит наши сведения методах бальзамирования.

Таким образом, можно сделать вывод о местных корнях традиции бальзамирования покойника для его мумификации, а также о близости идеологических представлений населения на территории Центральной Азии. Анализ подобных манипуляций с телом погребенного может существенно расширить сведения о посмертных ритуалах.

Литература:

Бейсенов А.З, Китов Е.П. 2014. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана. Известия Алтайского государственного университета. №4-2(84), 31-41.

Боев П., Исмагулов О. 1962. Трепанированный череп из Казахской ССР. Советская этнография (2), 131-132.

Гинзбург В.В. 1956. Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным. Труды Института этнографии Академии Наук СССР, (XXXIII), 238-298.

Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. Москва: Наука. 256 с.

Зубова А.В. 2009. К вопросу о мумификации у раннескифского населения Тувы. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (XV, № 1), 267-269.

Кадырбаев М.К. 1978. Археологические данные по истории медицины в Казахстане. Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 109-116.

Кириченко Д.А. О случаях трепанации у сарматских племен Евразии. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 112-119.

Китов Е.П. Посмертные повреждения на черепах из могильника Берел (новые данные о мумификации?) // Труды филиала института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Том II. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 237-241.

Китов Е.П., Бейсенов А.З. 2015. Черепа с трепанациями из курганов раннего железного века Сарыарки. Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология, (№ 1), 37-48.

Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е. Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // Stratum plus. 2016. №3. С. 369 – 379.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. – Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.

Китова А.О. Мумификация в Древнем Египте: история изучения, современные методы исследования // Египет и сопредельные страны 4 (2016). С. 31-41.

Молодин В.И. и др. Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Перерва Е.В. Поздние сарматы нижнего поволжья (по данным палеопатологии) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научной конференции. 2017. С. 111-122.

Полосьмак Н.В. 1998. Пазырыкские аналогии в могильниках Синьцзяна. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭ СС РАН, (IV). Новосибирск, 337–341.

Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Москва – Ленинград: Наука.

Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время Москва – Ленинград: Наука.

Синьцзян Чауху: Дасиншицзу муди фацзюэбаогао (Синьцзян Чауху: Отчет о раскопках крупного родового могильника). Синьцзянский НИИ памятников культуры и археологии. Пекин: Издательство Восток, 1999. (на кит.яз.).

Beisenov A., Kitov E. Trepanation among the nomads of Central Kazakhstan (VIII-IIId centuries BC) // Vestnik Moscovskogo Universiteta. Series 23 (Anthropologiya). 19th congress of the European anthropological association. Anthropology: Unity in diversity. Moscow, 2014. - №3 - P. 66.

Резюме

Статья посвящена анализу искусственных повреждений костей и черепов погребенных из могильников Восточного Казахстана раннего железного века. Анализ перфорационных отверстий на костях посткраниального скелета, а также трепанационных отверстий на черепах позволяет связать их с процедурой бальзамирования для мумификации тел знатных представителей кочевых сообществ региона — обрядом, ранее выявленным на территории Алтая и Тувы. Цель подобной традиции может быть объяснена необходимостью прощания членов родоплеменного объединения с лицом высокого социального ранга, что в условиях кочевого образа жизни не всегда представляется возможным в короткие сроки. Исследования подобных манипуляций с телом погребенного могут существенно расширить сведения о посмертных ритуалах такого рода; в частности, можно предполагать увеличение территории их распространения.

Summary

The article deals with analysis of the human bones and skulls subjected to artificial damage which are coming from Early Iron Age cemeteries of East Kazakhstan. Analysis of the perforations on the bones of the postcranial skeleton and trepanations in the skulls makes it possible to associate them with the implementation of embalming bodies for mummification of noble members of nomadic communities in the regions of Altai and Tuva. The purpose of this tradition can be explained by the necessity for members of the tribal association to give last respects to a person of high social rank, that in a nomadic life style is not always possible within a short time. Analysis of such manipulations with the body of the deceased can significantly enhance the information on postmortem rituals and increase the area of their distribution.

Нечвалода А.И.
Уфимский федеральный научный центр РАН
Уфа, Россия

УДК 572

КРАНИОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ

Ключевые слова: палеантропология, краниология, антропологическая графическая реконструкция, ранние сарматы, Южное Приуралье,
Keywords: anthropology, craniology, anthropological graphic reconstruction, early Sarmatians, southern Urals.

Раскопки Переволочанских курганов под руководством А. Х. Пшеничнюка состоялись в 1974 и в 1991 гг. прошлого века. В результате археологических исследований «погребальных сооружений кочевой знати» были получены интереснейшие археологические артефакты. Материалы раскопок Переволочанских курганов во многом явились тем фундаментом, на котором А. Х. Пшеничнюк построил свою концепцию «единой культуры ранних кочевников», которая включает в себя памятники савроматской и раннесарматской культуры Южного Урала VI-III вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1995. С. 96).

Памятники типа Филипповка, Переволочанский могильник и Прохоровка образуют, как считает Л. Т. Яблонский, неразрывную в культурно-хронологическом отношении цепочку в Южном Приуралье (Яблонский, 2010. С. 361).

Необходимо отметить, что если краниологические материалы, полученные в результате раскопок Филипповских (Юсупов, Нечвалода, 2012) и Прохоровских курганов (Яблонский, 2010), были достойным образом опубликованы, то очередь Переволочанских курганов наступает только сейчас.

Данная публикация имеет своей целью ввести в научный оборот краниологические материалы, полученные в результате раскопок Переволочанских курганного некрополя. Краниометрические данные черепов из Переволочан никогда ранее не публиковались, бланки измерений были утеряны, что подтолкнуло нас вновь измерить черепа по расширенной краниометрической программе. Черепа в настоящее время хранятся в фондах Лаборатории антропологической реконструкции ИИЯЛ УНЦ РАН.

Краниологическая коллекция из Переволочан состоит из 5 мужских и 2 женских черепов. Все мужчины, как отмечает А. Х. Пшеничнюк, погребенные в данном могильнике были похоронены с оружием [1995.С. 94] Данное обстоятельство предоставило основание археологам говорить о «дружинном» характере Переволочанского курганного некрополя, и ему подобных, в частности, Филипповских курганов.

В табл. 1 приведены средние статистические показатели мужской части выборки, в табл. 2. индивидуальные и средние краниометрические показатели женских черепов. В связи с малочисленностью женской части выборки стандартные отклонения признаков не вычислялись.

Небольшая численность серии диктует обращение к индивидуально-типологической характеристике мужских черепов из Переволочанскогог некрополя, которая приводится ниже.

Курган 6/погребение 1. Череп с нижней челюстью прекрасной сохранности принадлежал мужчине, по состоянию швов и зубов находившемся на момент смерти в зрелом биологическом возрасте. Череп матуризованный, с умеренно развитым рельефом. Мозговая коробка высокая, сфеноидной формы с хорошо оформленными теменными буграми. Сосцевидные отростки предельно развиты.

Лицо высокое и широкое. Лицевой скелет обладает уплощенностью на орбитальном уровне и хорошо профилирован на среднем. Клыковые ямки глубокие. Общая профилированность лица – 134.7º.Орбиты широкие и высокие, мезоконхные по орбитному указателю. Переносье широкое и высокое. Носовые кости широкие и высокие, выступают сильно. Общая профилированность переносья – 78.9º. Модуль профилированности лица – 106.8. Указатель профилированности – 58.5. Грушевидное отверстие средней ширины с хорошо выраженными подносовыми ямками. Развитие передненосовой ости выше среднего (4 балла). Нижняя челюсть массивная, с высоким симфизом и телом.

Череп европеоидный.

Курган 6/погребение 3. Череп прекрасной сохранности с нижней челюстью (рис. 1). Судя по состоянию зубной системы, принадлежал возмужалому мужчине. Основные швы мозгового черепа претерпели преждевременную облитерацию. Мозговой коробка высокая, сфероидной формы, имеет большой продольный и поперечный диаметры, обладает самой большой в серии величиной индекса массивности мозгового черепа – 159.0.

Лоб широкий и прямой со средним развитием рельефа надпереносья (3 балла). Затылок со слабо оформленным затылочным бугром. Лицо широкое и высокое. На данном черепе зафиксирована минимальная, в исследуемой выборке, величина верхней высоты лица. Соответственно и модуль относительной величины лицевого скелета самый небольшой в серии – 58.9.

Лицевой скелет довольно уплощенный на верхнем уровне и резко профилированный на среднем. Общая профилированность лица – 133.7º. Клыковая ямка глубокая. Верхнечелюстная вырезка плавных очертаний. Орбиты широкие и высокие, по указателю мезоконхные. Носовые косточки и переносье широкие и высокие. Угол выступания носа средний.

Общая профилированность переносья – 79.5º. Общий модуль профилированности – 106.6º. Указатель профилированности – 59.4.

Нижняя челюсть массивная, с округлым подбородком и широкими, вертикально поставленными восходящими ветвями.

Череп европеоидный с некоторыми чертами слабой монголоидной примеси.

Курган 10/погребение 1. Череп мужчины хорошей сохранности, судя по состоянию швов мозговой коробки, степени стертости зубов, зрелого возраста (рис.2). Мозговая коробка средневысокая с малым продольным и большим поперечным диаметрами, сфеноидной формы с хорошо оформленными теменными буграми, брахикранная по указателю. Лоб слабонаклонный, среднеширокий с развитым надпереносьем (5 баллов). Свод черепа несколько уплощен в постбрегматической области. Затылок слегка выступающий, слабо преломленный. Сосцевидный отросток развит сильно.

Лицевой скелет широкий и высокий, ортогнатный по общему лицевому углу. Данный череп демонстрирует предельную для данной серии величину модуля относительной величины лицевого скелета, которая составила 66.9. На орбитальном уровне лицо сильно уплощенное. Угол при точке субспинале средней величины. Общая профилированность лица – 141.0º. Носовые косточки широкие и высокие. Переносье также широкое и высокое, хорошо профилированное. Общая профилированность переносья – 100.3º. Общий модуль профилированности – 120.6º. Указатель профилированности – 71.1.

Носовые косточки длинные, широкие и высокие, образуют небольшую плоскую площадочку в области точки ринион. Выступание носа среднее. Грушевидное отверстие среднеширокое, нижний его край образует подносовые ямки. Развитие пердненосовой ости сильное. Верхнечелюстная вырезка образует со скуловой костью клювовидный отросток. Клыковая ямка неглубокая.

Орбиты широкие и высокие с закругленным краем, наклонно поставленные в латеральной норме. Нижняя челюсть массивная, с высоким симфизом, с хорошо оформленным широким подбородком. Углы челюсти развернуты в стороны.

Наряду с выраженным европеоидным морфологическим комплексом, лицевой скелет несет, и некоторые следы слабой монголоидной примеси. Она выражается, в частности, в значительной уплощенности лицевого скелета на орбитальном «этаже», высоких и широких орбитах, достаточно слабой углубленности клыковой ямки.

Представление о физическом типе мужчины из погребения 1 кургана 10 дает профильная графическая реконструкция (рис. 6), выполненная нами по его черепу в соответствии с методическими приемами, принятыми в российской школе антропологической реконструкции (Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009).

Курган 20/погребение 7. Череп прекрасной сохранности с нижней челюстью принадлежал мужчине 25-30 лет (рис3). Повреждены только концевые части носовых костей. В латеральной норме лоб средненаклонный. Чешуя лобной кости соединяется с теменными костями свода мозговой капсулы под углом. Это придает своду черепа своеобразную крышевидность в области брегмы в боковой норме Можно только строить предположения об искусственном, либо патогенетическом происхождении данной индивидуальной особенности.

Стоит отметить, в данном контексте, что крышевидность свода образовалась за счет резкого уплощения теменных костей черепа. Складывается впечатление, что на теменнные кости свода черепа оказывалось долговременное давление извне, в результате чего теменные кости утратили

свою естественную, присущую им кривизну. Швы свода черепа уплотнены, и примерно соответствуют дентальному возрасту, что на наш взгляд говорит об отсутствии патологических изменений, которые часто приводят к преждевременному закрытию швов.

Лоб широкий и наклонный с развитым надпереносьем (4 балла). Сосцевидный отросток хорошо развит (3 балла). Затылок округлый слабо выступающий. Затылочный бугор и выйные линии хорошо выражены. Черепная коробка в вертикальной норме сфеноидной формы. Продольный диаметр мозговой капсулы большой, поперечный очень большой, по указателю череп брахикранный. Высота черепа от базиона небольшая.

Лицо широкое и очень высокое. Модуль относительной величины лицевого скелета – 61.8. На орбитальном уровне лицевой скелет значительно уплощен (платиопия), на уровне зигомаксиллярных точек резко клиногнатный. Общая профилировка лица – 136.8º. Клыковая ямка не глубокая. Переносье довольно широкое и очень высокое, хорошо профилированное. Носовые косточки среднеширокие и высокие. Общая профилировка переносья - 68.3º . Модуль профилированности – 102.5º . Указатель профилированности – 50.0.

Нос выступает сильно. Лицевой скелет ортогнатный. Грушевидное отверстие среднеширокое с приостренным нижним краем. Развитие подносовой ости выше среднего.

Орбиты подпрямоугольной формы, широкие и высокие. Края глазниц замкнутые, с закругленным верхним орбитальным краем, наклонно поставленные в латеральной норме.

Нижняя челюсть с высоким симфизом и телом. Угол ветви нижней челюсти большой. Углы нижней челюсти развернуты кнаружи с хорошо читаемым макрорельефом.

Череп, несомненно, европеоидный. Хотя о некотором небольшом, как принято выражаться, налете монголоидности могут свидетельствовать ряд описанных нами особенностей. Это и уплощенное на орбитальном уровне лицо, также большая верхняя высота лицевого скелета, форма и плавные очертания верхнечелюстной вырезки, небольшая глубина клыковой ямки.

Представление об особенностях физического типа мужчины из кургана 20 дает профильная графическая реконструкция (рис. 7).

Курган 10/погребение 2. Череп плохой сохранности с нижней челюстью. От черепа сохранилась мозговая коробка, которая к тому же подверглась подверглась посмертной деформации, отсутствует левая височная кость, носовые кости, правая верхнечелюстная кость.

Мозговая капсула высокая, в вертикальной норме сфеноидной формы со средним продольным и большим поперечным диаметром. По указателю брахикранная. Модуль массивности мозговой коробки – 156.1. Лоб широкий.

Лицевой скелет высокий и широкий. Модуль относительной величины лицевого скелета – 64.0. Лицо на орбитальном уровне довольно плоское. Клыковая ямка глубокая. Орбиты широкие и высокие, мезоконхные по указателю. Нижняя челюсть широкая по мыщелковой и угловой ширине, с высоким симфизом.

Переходя к общей краниологической характеристике мужских черепов из Переволочанских курганов можно сказать, что в целом они характеризуются средними величинами продольного и большими величинами поперечного диаметров, по форме резко брахикранные. Высота мозговой коробки попадает в категорию малых величин, соответственно по высотно-продольным пропорциям череп ортокранный (средневысокий), по высотно-поперечному индексу – тапейнокранный (низкий). Лоб широкий и слабо наклонный с хорошо развитым рельефом надпереносья.

Лицо высокое и широкое, мезопрозопное, по общему лицевому углу – мезогнатное. Что касается углов горизонтальной профилировки лицевого скелета то на орбитальном уровне он довольно уплощен, на среднем уровне хорошо профилирован. Орбиты широкие и высокие, мезоконхные по пропорциям. Нос среднеширокий, лепторинный. Носовые кости средней ширины, высокие. Переносье хорошо профилировано, широкое и высокое. Дакриальный и симотический углы не достигают величины 90º (от 83.5º до 78.9º соответственно). Угол выступания носа из плоскости лица на нижней границе средних величин. Передненосовая ость имеет предельное развитие, нижний край грушевидного отверстия представлен преимущественно формой с подносовыми ямками.

Нижняя челюсть крупных размеров с большой высотой симфиза и тела, а также угловой и мыщелковой шириной.

Показатель уплощенности лицевого скелета – 44.1, преаурикулярный фацио-церебральный указатель – 84.9, условная доля монголоидного компонента – 56.2.

О морфологическом облике женщин серии судить, к сожалению, сложно из-за крайней малочисленности черепов. Стоит отметить, однако, резкие отличия в степени уплощенности

лицевого скелета на среднем уровне: у женщин величина угла при точке субспинале попадает в категорию мезогнатии.

Кроме того, резко отличаются размеры ширины, и особенно высоты носовых костей и переносья, которые у женщин значительно меньше (см. табл. 2). Угол выступания носа из плоскости лица у женщин также небольшой. Все перечисленные особенности убеждают нас в значительном присутствии монголоидной примеси на черепах женщин из Переволочанского могильника.

Нами было проведено межгрупповое сопоставление мужской краниологической серии из Переволочанского могильника с привлечением данных по 23 краниологическим выборкам эпохи раннего железа Прикамья, Южного Приуралья и Зауралья (табл.3), с использованием канонического анализа по 14 признакам[63], а также вычислены расстояния Махалонобиса (D^2), по которым произведена кластеризация и построена дендрограмма.

Как видно на дендрограмме (рис.4) серия из Переволочан объединилась с небольшой по численности синхронной и территориально близкой серией черепов ранних кочевников из Филипповского курганного могильника.

Пьяноборские серии из Чегандинского, Камышлы-тамакого и Кушулевского могильника образуют отдельный кластер. Мужские серии из кара-абызских могильников Южного Приуралья Охлебинино и небольшая серия из Шипово II ассоциируются с данным кластером на уровне объединения, говорящем о тесных связях между группами.

Большой кластер, состоящий из двух подкластеров с тесными связями в масштабе сравниваемых серий, образовали раннесарматские серии из Лебедевки, I Аллагуватских, I Октябрьских курганов. Савроматы Лебедевки, серия из Тетюшского могильника ананьинской культуры, кара-абызская выборка из Шипово, и две серии саргатской культуры объединились в другой подкластер. И наконец, следующий кластер дендрограммы образован в результате объединения сарматских серий из Черная 2-Кардаилово, Старых Киишков, Мечет-Сая и Прохоровки.

При рассмотрении результатов канонического анализа, мы видим, что в каноническом векторе I (далее – КВ) максимальные нагрузки приходятся на поперечный диаметр черепа. Неудивительно, что по этому вектору серия из Переволочанского могильника, наряду с сериями из Филипповки и Мечет-Сая занимает крайнее положение на графике. В КВ II максимальные нагрузки имеют наименьшая ширина лба, высота носа, ширина орбиты и назомалярный угол. В КВ III максимальная нагрузка падает на скуловой диаметр (табл. 4).

При рассмотрении положения групп в пространстве КВ I и КВ II (рис.5) выделяется три скопления: раннесарматские серии из Филипповки, Мечет-Сая, Переволочан, Прохоровки, Лебедевки I и Старых Киишков,. Здесь серия из Переволочанских курганов оказывается близкой к серии из Мечет-Сая и Филипповки. Наибольшее своеобразие демонстрирует серия Черная 2-Кардаилово, черепа которой демонстрируют отчетливую примесь монголоидных черт.

Напомним, что М. С. Акимова характеризует сарматские черепа из курганного некрополя Мечет-Сай как брахикранные, обладающие низкой мозговой коробкой средневысоким и широким, слегка уплощенным лицом, довольно сильно выступающим носом, низкими и широкими орбитами, отмечает небольшую примесь монголоидного компонента в данной серии [1968а, С. 407].

При сопоставлении мужских черепов по максимально широкому перечню краниометрических признаков из могильника Переволочан с серией черепов из Мечет-Сая, Прохоровки, Старых Киишков, Черная 2 и Кардаилово, Лебедевки и Филипповки с использованием критерия Уилкоксона-Манна-Уитни (U-тест) нами были выявлены достоверные различия. Краниологическая серия из Переволочан отличается от серии из Мечет-Сая большей высотой мозговой капсулы, а также более уплощенным лицевым скелетом на орбитальном уровне (при $p<0.05$), что и нашло свое отражение на графике.

От серии из Прохоровки - более высоким лицом (при $p<0.01$), высокими орбитами и заметно более слабым выступанием носа из плоскости лица (при $p<0.05$). Население, оставившее могильник Старые Киишки, М. С. Акимова охарактеризовала как европеоидное обладающее низким и широким лицевым скелетом, средней его профилированностью на горизонтальном уровне, сильно выступающим носом. Она не исключает возможности незначительной примеси монголоидности [1968а, С.]. По мнению С. Г. Ефимовой в формировании антропологического состава северных

[63] Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы CANON, разработанной Б. А. Козинцевым, и пакета Statistica 6.0

сарматских групп (Альмухаметово, Ново-Мурапталово, Старые Киишки) значительное участие приняло низколицее лесное население [2006, С. 135].

От серии из могильника Старые Киишки серия из Переволочанских курганов статистически достоверно отличается по высоте лица (при $p<0,01$), высотному диаметру черепа, ширине основания черепа, скуловому диаметру, верхней ширине лица, высоте носа, ширине и высоте орбиты, дакриальной ширине, углу выступания носа (при $p<0.05$). Как мы видим в данном случае черепа из Переволочан демонстрируют действительно достаточно широкий спектр различий с черепами из Старых Киишков.

От черепов из Лебедевки I (IV-III вв. до н. э.) черепа из Переволочанского могильника отличаются по назомалярному углу, и углу выступания носа (при $p<0.05$). От серии из Лебедевки II (V в. до н. э.) – заметно более высокими орбитами (при $p<0.05$). Наконец, от серии из Черная 2-Кардаилово также более высокими орбитами и большей симотической высотой (при $p<0.05$). Достоверных отличий с Филипповской серией обнаружено не было.

В противоположном углу графика расположилось серии пьяноборской культуры, обладающие весьма ощутимой примесью монголоидных элементов и ряд серий кара-абызской культуры из Бектимирово II, Шипово III и Охлебинино II с меньшей монголоидной компонентой.

И наконец, промежуточный локус на графике, куда попадают выборки саргатской культуры, Лебедевки II, сарматские серии из Южной Башкирии (I Аллагуватские и Октябрьские курганы), серия из Тетюшского могильника ананьинской культуры, кара-абызские выборки из Шипово, Шипово II, Охлебинино.

Таким образом, изученный нами краниологический материал из раннесарматских «дружинных» погребений Переволочанского некрополя продемонстрировал своеобразное сочетание морфологических особенностей в строении мозгового и лицевого скелета. Это массивный брахикранный череп в сочетании с достаточно уплощенным лицом на орбитальном «этаже» лицевого скелета и клиногнатией на среднем уровне. Это широкие и высокие орбиты, слабо-средне выступающий нос при хорошо профилированном переносье и высоких носовых костях.

В масштабе привлеченных для многомерного анализа выборок краниологическая серия из Переволочан продемонстрировала существенное сходство с серией из Филипповских курганов.

Литература:

Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М.,1968. – 119 с.

Акимова М. С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // Археология и этнографии Башкирии. Т. III. - Уфа: Издание БНЦ РАН, 1968 а.

Акимова М.С. Антропология населения лесостепи Западной Сибири в эпоху раннего железа // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. - М., 1972. – С. 150-159.

Багашев А.Н. Материалы к краниологии сарматов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.1. - Тюмень, 1997.- С. 65-74.

Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949. – 190 с.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). - М., 1955. – 585 с.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. - М.: Изд-во МГУ, 1991.- 95 с.

Ефимова С. Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. Вып. 67. М., 1981. – С. 64-73.

Ефимова С.Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из лебедевского курганного комплекса // Древности Лебедевки (VI-II вв. до н. э.). М., 2006. – С. 133-149.

Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. - М., 1998. – 125 с.

Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском соборе Московского Кремля. Т. 1. - М., 2009. – С. 137-167.

Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников южного Урала. - Уфа, 1995. – 200 с.

Трофимова Т.А. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. - М., 1968. – С. 154-178.

Трофимова Т.А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры // МИА. № 42. - М., 1954. – С.500-505.

Юсупов Р.М., Нечвалода А.И. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. - Уфа, 2012. – С.

Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. - М.: Таус, 2010. – 384 с.

Резюме

А. Нечвалода

КРАНИОЛОГИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗ ПЕРЕВОЛОЧАНСКОГО КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ

Статья посвящена изучению краниологических материалов из раннесарматских «дружинных» погребений Переволочанского курганного некрополя. Индивидуальный анализ черепов из данного могильника выявил смешанный характер их краниотипа, который является, европеоидным в своей основе, но с весьма значительной примесью монголоидных черт. На женских черепах монголоидная примесь наблюдается вполне отчетливо. По совокупности всех признаков сарматские черепа из Переволочан обнаруживают наибольшее сходство с серией из Филипповских курганов.

Summary

A. Nechvaloda

SKULL OF EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS FROM PEREVOLOCHAN

The work is devoted to the craniological material of the Perevolochan burial ground from the South Urals. The authors analyzed a small series of five men's skulls belonging to the early Sarmatian culture. Statistics analysis Skulls of the Perevolochan showed their similarity with sculls from the necropolis of Filippovka.



Рис. 1. Череп мужчины из кургана 6 / погребение 3;
слева – лицевая норма , справа – боковая норма.



Рис. 2. Череп мужчины из кургана 10 / погребение 1;
слева – лицевая норма , справа – боковая норма.



Рис. 3. Череп мужчины из кургана 20 / погребение 7;
слева – лицевая норма , справа – боковая норма

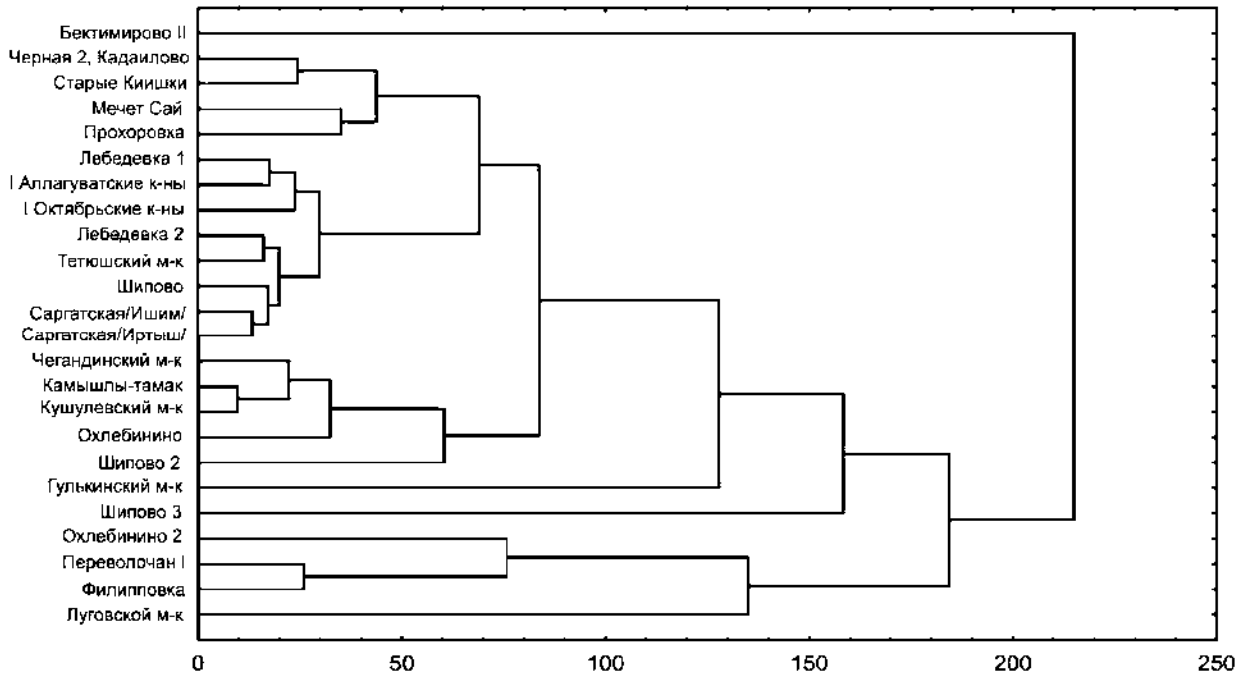


Рис. 4. Результаты кластеризации расстояний Махалонобиса(D2)по 14 признакам 24 мужских краниологических серий из могильников раннего железного века.

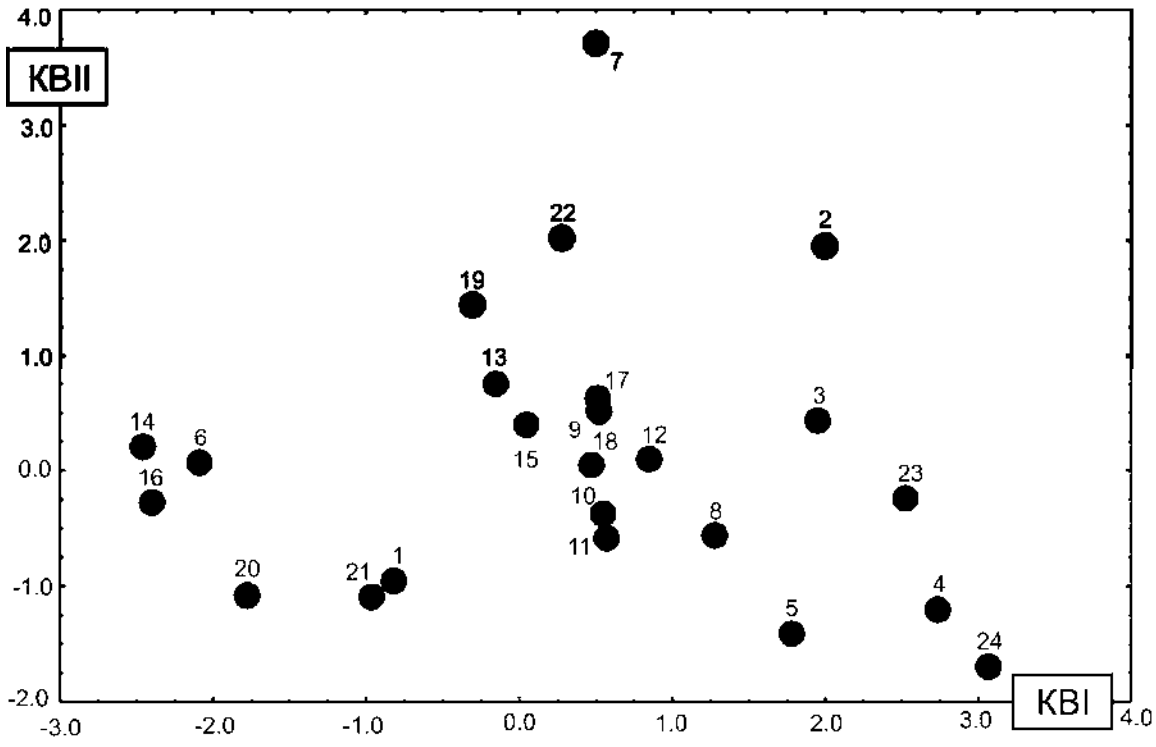


Рис. 5.Положение 24 мужских серий эпохи железного века в пространстве I и II канонических векторов (КВ).

1. - Биктимирово II; 2. - Черная 2- Кардаилово; 3. - Старые Киишки; 4. - Мечет-Сай; 5. – Прохоровка; 6. - Чегандинский м-к; 7. - Гулькинский м-к; 8. - Лебедевка I; 9. - Лебедевка II; 10. – I Аллагуватские кург.;11. – I Октябрьские кург.;12. – Шипово; 13. – Охлебинино;14. - Камышлы –Тамак; 15. - Тетюшский м-к;16. - Кушулевский м-к;17. - Саргатская (Ишим);18. - Саргатская (Иртыш);19. - Шипово 2; 20. - Шипово 3; 21. - Охлебинино 2; 22. – Луговской; 23. - Переволочан I; 24. – Филипповка.

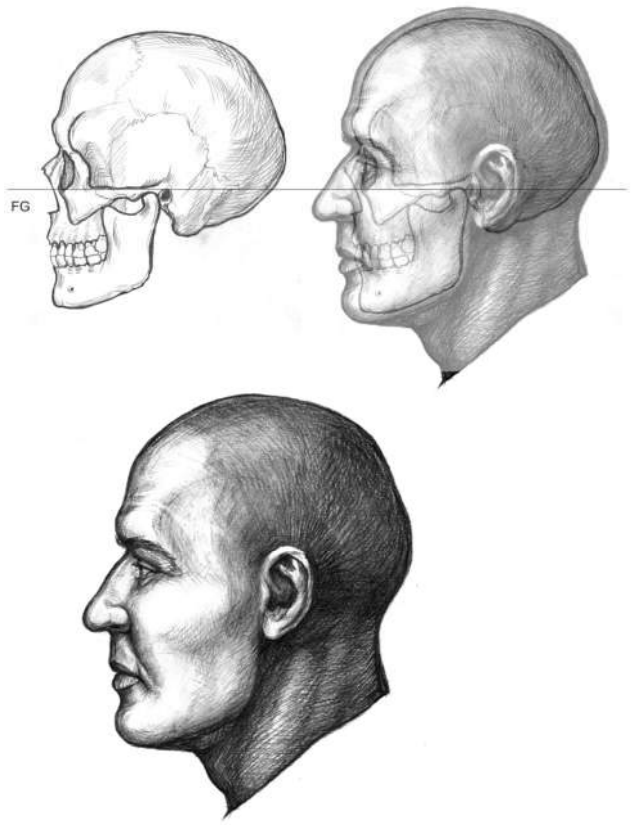


Рис. 6. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины прохоровской культуры из курганного некрополя Переволочан. Курган 10, погребение 1. Автор А.И. Нечвалода; графическая проработка Е.Е. Нечвалода.

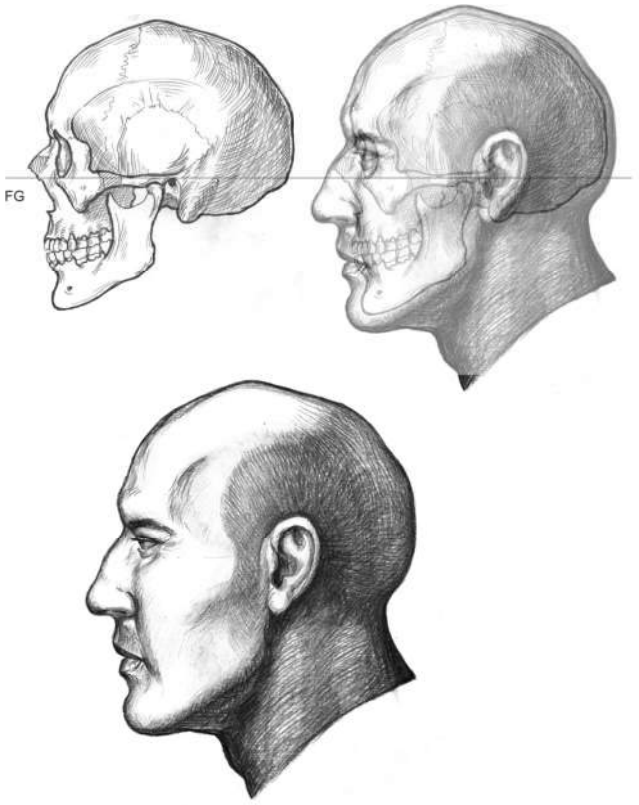


Рис. 7. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины прохоровской культуры из курганного некрополя Переволочан. Курган 20, погребение 7. Автор А.И. Нечвалода; графическая проработка Е.Е. Нечвалода.

Телегин А.Н.
Алтайский государственный
педагогический университет,
Барнаул, Россия

УДК 902/571.150

ТРЕПАНИРОВАННЫЙ ЧЕРЕП ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ КУЛУНДЫ

Ключевые слова: Каменская культура, курган, трепанация, мумификация, Кулунда.
Keywords: Kamenskaya culture, barrow, trepanation, mum-mification, Kulunda/

В 1994-1996 гг. Степной отряд Археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического университета (рук. автор) осуществлял раскопки курганной группы Ключи-3, расположенной в трех километрах к северо-западу от с. Ключи Ключевского района Алтайского края (Телегин, 1995, 1996, 1997).

Все три исследованных кургана датируются концом раннесакского времени (вероятно, не позднее VI в. до н.э.), а содержащиеся в них погребения, принадлежат кочевой знати, в пользу чего красноречиво говорят большие размеры насыпей (до 40 м в диаметре), сложные конструкции погребальных камер и присутствие в сопроводительном инвентаре статусных украшений из золота.

Погребения всех трех раскопанных курганов оказались разграбленными, но несмотря на это, в каждом из них удалось получить весьма интересные находки. Пожалуй, самой яркой их них, является трепанированный череп из третьего, самого южного кургана.

Насыпь кургана имела округлую в плане форму, диаметром около 27,0 м и высотой около 0,7 м. Сравнительно небольшая высота насыпи объясняется ее интенсивной распашкой. Под насыпью, на уровне зачистки хорошо читался кольцевой ров без перемычек. В центре кургана находилась могильная яма прямоугольной формы, размером 2,9 х 2,0 м, глубиной 2,0 м. Длинной осью яма была ориентирована строго по линии З-В. К восточному торцу могилы примыкал дромос шириной 1,0 м, длиной 4,3 м. Его дно имело наклон в виде пологого спуска к погребальной камере. Спуск начинался с уровня погребенной почвы до отметки 0,88 м от дна могилы. На уровне древнего горизонта могильная яма и дромос были перекрыты одним рядом поперечно уложенных бревен длиной около 3,7 м.

На дне могильной ямы, среди разбросанных грабителями костей погребенного, обнаружены мелкие фрагменты железного предмета и семь фигурок кошачьих хищников, изготовленных из золотой фольги.

Череп погребенного принадлежит мужчине зрелого возраста. На черепе фиксируется пять сквозных отверстий, имеющих округлую форму диаметром 6-8 мм. Одно из этих отверстий находится в верхней части затылочной кости, рядом с точкой лямбда, второе — на правой теменной кости, выше первого почти на двадцать миллиметров, третье — прямо на сагиттальном шве, выше второго на двенадцать миллиметров, четвертое — на левой теменной кости, в двадцати миллиметрах от второго, а пятое — на правой теменной кости, в двенадцати миллиметрах от второго. Края отверстий достаточно острые, следов заживления не прослеживается.

Кроме сквозных отверстий, на поверхности черепа присутствуют две несквозные перфорации. Одна из них расположена на левой теменной кости, в пятнадцати миллиметрах от третьего сквозного отверстия, вторая — на правой теменной кости, в восьми миллиметрах от третьего сквозного отверстия. Диаметр первой перфорации — 5 мм, второй — 4 мм. Канал этих отверстий имеет форму острого конуса. Как и у сквозных отверстий, края рассматриваемых перфораций острые, без следов заживления.

Как по размерам кургана (большой) и специфике внутримогильной конструкции (дромос), так и по особенностям трепанации черепа погребенного (затылочная область, характер и размер перфораций), публикуемые находки обнаруживают ближайшие и наиболее полные аналогии в материалах тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, Китов, 2014. С. 33-37).

Интерпретируя назначение трепанации, мы полностью солидаризируемся с мнением А.З. Бейсенова и Е.П. Китова, предположивших, что эти отверстия делались «в связи с необходимостью охранения тела до погребения» и соответственно могли использоваться «либо для введения консервирующего состава, либо для стекания разлагающихся мягких тканей из черепа» (Бейсенов, Китов, 2014. С. 40).

Литература:

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Посмертная трепанация черепов в элитных захоронениях сакской эпохи Центрального Казахстана// Известия Алтайского государственного университета. – 2014. №2-4 (84). – С. 31-41.

Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Ключи III// Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (Тезисы научно-практической конференции). – Барнаул, 1995. – С. 103-104, 112.

Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи-3// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). – Барнаул, 1996. – С. 138-141.

Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи-3// Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). – Барнаул, 1997. Вып. VIII. – С. 140-142.

Резюме

А.Н. Телегин

Трепанированный череп из погребения сакского времени Кулунды

Рассматриваются материалы кургана 3 могильника Ключи-3, для которого характерны большие размеры, сложная конструкция, наличие в могиле престижных изделий, датируются в рамках раннесакского периода — VII-VI вв. до н.э. Среди антропологических материалов из новых памятников каменской культуры Кулунды обнаружен череп с трепанациями, имеющимися в затылочной части. По итогам анализа материалов отмечается, что подобные трепанации маркируют высокий социальный статус погребенного.

Необходимость выполнения небольших отверстий в затылочной области черепа, вероятно, связана либо с введением консервирующего состава в полость черепной коробки для бальзамирования тела, либо с очищением скелета от мягких тканей в процессе хранения тела до времени погребения. Рассмотренные данные подтверждают наличие традиций специфической подготовки тела к переходу в загробный мир, широко распространенных на территории Казахстана, Алтая и Центральной Азии в древности.

Summary

A.N. Telegin

Trepanated scull from the Kulunda burial ground of the Saka Period

In the present article materials of barrow 3 in Kluchy-3 burial ground are considered. This monument marked with big size, so-phisticated design, presence of elite objects in the grave, are dated the early Saka period (the VII BC–VI BC). Among anthropological materials from new monuments of the Kamenskaya culture in Kulunda skull with the trepanations located on the occipital part were revealed. Following the analysis results of the materials it is noted that similar trepanations mark the high social status of the buried person.

The necessity to make small openings in the back of the skull could have been connected with inserting preserved structure into the cranium cavity for mum-mification of the body, or with skeleton purging from soft fabrics while preserving the body before obsequies. The considered data proves the fact that there existed traditions of preparing the body of the dead to transition to another world, which was widespread on the territory of Kazakhstan, Altay and Central Asia in ancient times.

Хохлов А.А.
ФГБОУ ВПО Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛЬСКО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №18-09-00309

Ключевые слова: антропология, энеолит, эпоха бронзы, Урало-Казахстанские степи.
Keywords: anthropology, the Eneolithic, the Bronze Age, the Ural-Kazakhstan steppes.

Происхождение населения ранних культур на территории степной и лесостепной полосы Евразии является одной из самых актуальных и проблемных вопросов в древней истории региона. Каждая находка является уникальной и требует особого рассмотрения. В настоящее время наука обладает пока еще небольшими фактическими палеоантропологическими материалами с территории обширного пояса степной полосы Евразии, относящихся к времени нео-энеолита. К одному из таких опорных источников относят три черепа поселения Ботай Урало-Иртышского междуречья. Впервые они были описаны Г.В.Рыкушиной и отнесены в целом к протоевропейскому типу (Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 134). При этом автор отмечала их необычность. Один череп (п.2, ск.4) по Г.В.Рыкушиной, возможно, следует рассматривать как следствие метисации в зоне контактов между европеоидами и монголоидами.

Интересно, что все ботайские черепа при разной степени выступания носовых костей, во-первых, имеют средневысокое переносье и умеренную горизонтальную профилировку лицевого скелета. Нужно сказать, что некоторое уплощение в лицевой части наблюдается практически на всех краниологических материалах нео-энеолита Зауралья и Казахстана (Железинка, Шидерты, Черновая II, Гладунино-3, Усть-Нарымское). Не исключение здесь и черепа ямной культуры ранней бронзы Западного Казахстана (Кумсай, Жиренкопа)[64] (Яблонский, 1998; Хохлов, Яблонский, 2002; Хохлов, Нечвалода, 2002; Шилов, Маслюженко, 2006; Биссембаев и др. 2015). Исследователи по-разному относились к проявлению такой специфики черт. Известно мнение Л.Т.Яблонского о возможности некоторой монголоидной примеси на краниологических материалах неолитического могильника Тумек-Кичиджик кельтеминарской культуры Приаралья, а относительно черепа из Шидерт он считал вероятным его связь с морфологическим комплексом протоуралоидов (Яблонский, 1992). Краниологические материалы из данной серии неоднородны (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986; Хохлов, 2010). По мнению Л.Т.Яблонского в составе этой выборки может присутствовать также и средиземноморский расовый компонент, видимо, среднеазиатского или переднеазиатского происхождения, а в целом физический облик кельтеминарского населения складывался в результате контактов носителей этого южного краниологического комплекса с протоевропейскими северными формами (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986). Также мы имеем череп оюклинской культуры – Коскудук I, который характеризуются яркими чертами южного краниологического комплекса с отчетливым альвеолярным прогнатизмом, что мало свойственно северным европеоидам. Несмотря на определенные сходства, краниум из Мангышлака на фоне приаральской выборки выделяется, классическим набором южноевропеоидных черт Хохлов и др., 2015, Хохлов, Китов, 2016).

Черепа Ботая неоднократно пересматривались. Одна из ранних точек зрения о том, что ботайские черепа, представляют некий степной вариант древнеуральской расы (Хохлов, 2000). К настоящему моменту сложилось впечатление (Китов, 2011, Хохлов, Китов, 2012, 2015: Хохлов, 2017) о существовании особого степного антропологического пласта, складывавшегося в степной части Центральной Азии еще в нео-энеолитический период. Люди этой формации своей спецификой черт отличались от своих западных соседей, как носителей хвалынской энеолитической культуры, так и ямной раннебронзового века. Вероятно, они действительно были каким-то образом связаны с древними популяциями юга Западной Сибири и Северного Казахстана. Нам представляется, что это

[64] Пользуясь случаем, нужно поправить, что вследствие археологической корректировки погребение №3 могильника Шоктыбай II в Западном Казахстане, ранее отнесенное к ямной культуре и опубликовано в связи с этим (Хохлов, Китов, 2012), сейчас интерпретируется как относящееся к РЖВ.

население, исходя из географии его фиксации, можно было бы таксономически выделить как «степной казахстанский» вариант.

Их моделирующее влияние прослеживается и в эпоху бронзы. Некоторая уплощенность лицевого отдела на ямных черепах Западного Казахстана, возможно, является следствием некоей генетической преемственности от древнейшего местного населения. Это могло произойти в результате метисации пришлого европеоидного населения с аборигенным (Хохлов и др., 2016). Морфологические черты древнего казахстанского пласта обнаруживается и в дальнейшем, в качестве одного из антропологических компонентов синташтинско-потаповского населения (Хохлов, Китов, 2014, Хохлов, Китов, Нечвалода, 2015; Khokhlov, Kitov, 2014, Китов и др., 2018).

Наука остро нуждается в дополнительных древних материалах с территорий Урало-Казахстанских степей. Подтверждение гипотезы о существовании особого древнеказахстанского антропологического пласта может серьезно дополнить сведения о специфике расогенетических процессов и скорректировать прежние убеждения.

Литература:

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Китов Е.П. Предварительные итоги исследования ямного могильника Кумсай в 2010 г. // Древний Тургай и великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летнему юбилею Виктора Николаевича Логвина. Костанай – Алматы, 2015. С. 359-368.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. - М.: Наука, 1986. – 199 с.

Зайберт В.Ф., Рыкушина Г.В. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башкирский университет, 1984. - С.121-137.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: реф. дис. … канд. ист. наук: 03.03.02 . – 2011. - 215 с.

Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // Stratum plus. 2018. №2.

Хохлов А. А., Китов Е. П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). – Самара, 2014. – С. 131-142.

Хохлов А.А, Китов Е.П. К антропологии раннего этапа бронзового века Западного Казахстана // ВААЭ. - Тюмень: Изд-во Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2012. - №1. – С.64-71.

Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в волго-уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита - бронзового века), Самара, 2017. 368 с.

Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // ВкА. - 1996а. - Вып.1.- С.121-141.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита – бронзы // реф. дис. … докт. ист. наук: 03.03.02 . – 2013. – 631 с.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век». - Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. - С.309-332.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Краниум человека с энеолитического поселения Коскудук I: к обсуждению вопроса о южно-европеоидном компоненте населения Западного Казахстана // Актуальные проблемы археологии Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (18-19 октября, 2016 г.). – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 223-230

Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о краниологических материалах ранних этапов бронзового века с территории Западного Казахстана// Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы докладов международной научной конференции,

посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. - Алматы, 2011. Т.1. - С. 274-277.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Рыкушина Г.В. Краниум человека с энеолитического поселения Коскудук I на территории Восточного Прикаспия Вестник Московского университета. Серия XXIII . Антропология, 2015. № 4. С. 131-135.

Хохлов А.А., Китов Е.П. Физический облик представителей ботайской энеолитической культуры в контексте проблемы формирования степного населения Казахстана // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства. – Алматы, 2015. – С. 437-445.

Хохлов А.А., Китов Е.П., Нечвалода А.И. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // Stratum plus. 2016. №2. С. 277-284.

Хохлов А.А., Нечвалода А.И. Краниум человека, погребенного на территории древнего поселения Гладунино –3 // Вопросы археологии Урала: сб.научных статей. – Екатеринбург, 2002. - С.32-38.

Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век». - Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. - С.278-307.

Хохлов А.А., Нечвалода А.И. Краниум человека, погребенного на территории древнего поселения Гладунино –3 // Вопросы археологии Урала: сб.науч. ст. – Екатеринбург, 2002. - С.32-38.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. Сидячие погребения эпохи энеолита на территории лесостепного Притоболья // Вопросы археологии Поволжья: сб.научных статей. – Самара, 2006. - Вып.4. - С.186-190.

Яблонский Л.Т. Ареал “протоуралоидов” (к постановке вопросов) // Тезисы 1-ой Международной Конференции “Раса: Миф или Реальность”. - М., 1998. - С.95-96.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу о формировании уральской расы (меллятамакские могильники) // Материалы к антропологии Уральской расы: сб.научных статей. - Уфа. 1992. С.135-149.

Khokhlov A.A., Kitov E.P. On the origin of the southern Uralian and forest-steppe Volga varieties of the sintashta and potapovka cultures, middle to late bronze age transition // Vestnik Moscovskogo Universiteta. Series 23 (Anthropologiya). 19th congress of the European anthropological association. Anthropology: Unity in diversity. Moscow, 2014. - №3 - P.72-73

Summary

The oldest population from the Urals-Kazakhstan steppes and its manifestation in the anthropological materials of the Bronze Age

The article considers the skulls of eneolithic period from the Urals-Kazakhstan steppes in the context of the origin of the ancient population of Kazakhstan. The author dealt with specific peculiarities of the skulls and which were interpreted as features of equatorial type. Nowadays these peculiarities are linked with ancient anthropological formation, that is connected with the peculiar steppe anthropological type, which was formed in the steppe part of Asia in the neoeneolitical period and which was mentioned in the materials of burial grounds and in the syntashta culture.

Резюме

Древнейшее население Уральско-Казахстанских степей и его проявление в антропологических материалах эпохи бронзы

В статье рассматриваются черепа энеолитического периода из уральско-казахстанских степей в контексте происхождения древнего населения Казахстана. Ранее эти специфические особенности черепа интерпретировались, как особенности экваториального типа. В настоящее время эти особенности связаны с древней степной антропологической формацией, которая сформировалась в степной части Азии в нео-энолитический период и встречается более поздних культурах эпохи бронзы.

Худавердян А.Ю.
Институт археологии и этнографии НАН РА
Деведжян С.Г.
Институт археологии и этнографии НАН РА
Енгибарян А.А.
Ереванский государственный медицинский университет
г. Ереван, Армения

УДК 930.26

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКА ЛОРИ БЕРД

Ключевые слова: Армения, эпоха поздней бронзы, железный век, расчленение, кремация
Keywords:т Armenia, Late Bronze and Iron Ages, dissection, cremation

Археологам и антропологам, работающим на погребальных памятниках, хорошо известно, что не всегда можно зафиксировать «правильное» анатомическое положение костяка, имеющего в сохранности абсолютно все скелетные элементы, которые при этом находятся в полном анатомическом соответствии. С момента погребения тело умершего начинает испытывать воздействие целого спектра естественных деструктивных факторов, приводящих к смещениям в первоначальном положении костяка, а иногда полной деструкции, как его отдельных скелетных элементов, так и всего костяка в целом. С другой стороны согласно этнографическим данным известны самые различные приемы преднамеренного нарушения анатомической целостности тела умершего до его погребения. Подобные способы обращения с умершими приводят к появлению археологически фиксируемых расчлененных, вторичных и парциальных погребений (Зайцева, 2005). Часто такие погребения в силу своей редкости совсем не используются в анализе и систематизациях или же только упоминаются в работах, что не способствует их детальному изучению. С другой стороны имеются серьезные методические сложности и отсутствие четких критериев их выявления. Между тем тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям. Интерпретация археологически фиксируемых особенностей погребального обряда возможна только при условии широкого привлечения данных этнографии и фольклора, т.е. сопоставления разных семиотических текстов, в которых дублировалась традиционная модель мира. «Расчленение вселенной, животного, человека, вещи представляет один из наиболее универсальных мотивов мировой мифологии …расчленение обозначает умерщвление …убить, т.е. лишить сущности, можно лишь, разъяв тело чисто физически на части, клочья, куски… Покойник часто не считался окончательно мертвым до тех пор, пока не был окончательно расчленен, т.е. пока не была нарушена физическая целостность его тела» (Евсюков, 1988, с. 45). Расчленение в этом смысле, как и сожжение, у многих народов означает освобождение души от оков телесности и является способом перевода в иное состояние (Пропп, 1998, с. 186).

Иногда наблюдается ошибочная тенденция, когда любое нарушение анатомической целостности костяка и/или его некомплектность объясняется расчлененным погребением. Определить было ли в могилу помещено тело с уже нарушенной анатомической целостностью, или же наблюдаемое анатомическое несоответствие в положении костяка вызвано постдепозиционными смещениями и нарушениями, на основе чисто археологических методов зачастую оказывается невозможным. Выход из сложившейся ситуации видится нам в привлечения возможностей естественных наук и интеграции методов археологии, физической антропологии, судебно-медицинской экспертизы и тафономии. Комплексный подход, тщательный анализ и фиксация всего антропологического материала, позволит установить произошло ли расчленение после смерти человека и является особой формой обращения с телом умершего или же расчленение стало причиной смерти. Каким бы образом не осуществлялась процедура расчленения тела на отдельные сегменты, следы этих операций всегда фиксируются на костях. Их наличие может служить надежным тафономическим индикатором расчлененных погребений. Даже в случае очень “аккуратного” и “профессионального” расчленения по суставам, следы порезов или рубки обязательно останутся в области суставных поверхностей костей. Чаще всего рубленые повреждения трубчатых костей встречаются при исследовании расчлененных трупов (Дементьева, 1955; Геньбом, 1963). Острота лезвия, толщина, уровень погружения и выраженность углов определяют морфологические свойства

повреждений. Огромное значение также имеют условия воздействия (Шадымов, Рыкунов, 2012) – высокая скорость и большая масса (которые обеспечивают достаточную энергию удара) в сочетании с направлением удара (встречное, под острым углом).

Традицию кремации можно отнести к универсальным человеческим феноменам, ее возникновение фиксируется на различных территориях, в разнообразных культурных контекстах во все эпохи существования самой погребальной обрядности. Практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, была призвана обеспечить благосклонность богов. Во многих евразийских культурах энеолита - бронзы (трипольская, софиевская, баденская, Злота, Волынь и др.) обнаружены погребения с кремированными останками человека (Rosen, 2004).

Если характеризовать памятник Лори Берд одним словом, то самым подходящим будет слово "уникальный". Очень важно понять, что скрывается за уникальностью признаков погребального обряда Лори Берда – этническое или же социальное своеобразие группы людей, оставивших могильник? Для ответа на эти вопросы нужно, в первую очередь, рассмотреть те признаки погребального обряда, которые редко встречаются (возможно, не фиксируются) в других синхронных могильниках. Целью работы – комплексное исследование лорибердских погребений с нарушенной анатомической целостностью костяка. В этих погребениях скелетные останки фиксируются в расчлененном, кремированном, анатомически несогласованном порядке и представлены заведомо неполным набором костей. "Особые" виды погребений отражают малоизученные в армянской археологии, специфические формы обращения с телом умершего и его костными останками. Привлечение также этнографических источников в определенной мере позволит осмыслить данный феномен и раскрыть некоторые стороны мифоритуальных представлений, определявших подобные способы обращения с телами умерших. Весь материал изучался по хорошо известным антропологическим и судебно-медицинским методикам. Все кости визуально обследованы на предмет наличия прижизненных повреждений, следов заболеваний.

Погребение 103 (раскопки 2007-2008гг., рис. 1а). Диаметр кромлеха 8.5м. Грунтовая, прямоугольная камера (2.4×1.2×1.2 м) с северо-восточной и юго-западной ориентацией. Погребение датируется эпохой поздней бронзы и раннего железного века. Прослежено следы вторичного проникновения в камеру. В центре погребения был помещен череп одного индивида (условно назовем 1) и были сгруппированы фрагменты костей черепа другого (условно назовем 2). Неполные кости посткраниальных скелетов расположены не в анатомическом порядке и дистанцированы в пределах могилы. По морфологическим признакам N 1 скелет принадлежал мужчине 20-29 лет. У индивида выявлены лопатообразные формы верхних латеральных резцов и метопический шов. Поротический гиперостоз фиксируется на правой теменной кости. Маркер формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний (Stuart-Macadam, 1992). Обнаружены поражения (типа cribra) в области правого наружного слухового проход, что представляет собой результат адаптации организма к ветренным условиям. Выявлены также остеофитные образования, которые представляют собой опухоли остеобластического происхождения, в виде бесформенных масс. Появление экзостозов связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале. Эмалевая гипоплазия, маркер стрессов детского возраста, обнаружена на клыках и на правом первом премоляре (P^1), что позволяет считать, что в возрасте от 6 месяцев до 10 лет индивид перенес сильный физиологический стресс (недоедание, наблюдался дисбаланс в рационе питания и т.д.) (Goodman, Rose, 1990). На левом втором премоляре (P^2) выявлен кариес. Клинические данные связывают наличие кариеса у индивидов с потреблением большого количества карбогидратов. На правом клыке обнаружено травматическое повреждение непреднамеренного происхождения. Серьезным травмирующим фактором при случайном попадании на зуб могут служить мелкие обломки костей, застрявшие в мясе. Сильно выражена на правой бедренной кости шероховатая линия (linea aspera), образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды (Capasso et al., 1999, p. 104). Следы расчленения выявлены на правой бедренной и левой плечевой костях. Расчленение проводили в то время, когда кости были связаны мягкими тканями.

По морфологическим признакам N 2 скелет принадлежал мужчине 40-49 лет. У индивида обнаружено острое гнойное воспаление тканей левого сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). При мастоидите бактерии проникают из среднего уха в ячейки сосцевидного отростка,

где воспаление приводит к разрушению костных структур. Следы расчленения не выявлены на костях.

Погребение 105 (раскопки 2008г., рис. 1б). Прямоугольная камера в каменном ящике ориентированная восток-запад (4.4×1.9м на восточной стороне, на западе 1.3м×на глубокой западной стороне 1.63м, на востоке 1.8 м). Погребение датируется 8-6вв. до н.э. На восточной стороне камеры были уложены останки одного индивида. Кости мужчины 18-20 лет выложены в псевдоанатомическом порядке. У индивида фиксируются следующие краниоскопические (дискретно-варьирующие) признаки: os zygomaticum bipartitum, foramina zygomaticofacialia, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, os wormii suturae lambdoidea, canalis condyloideus, foramina mastoidea. Одонтологический комплекс характеризует индивида как представителей «западного» одонтологического ствола. Фиксируются: бугорок Карабелли (балл 3), каленчатая складка, 2med (II), четырехбугорковые формы на первых и вторых нижних молярах, межбугорковые борозды на M_1 имеют "У" тип узора, на M_2 – "Х". Поротический гиперостоз обнаружен на правой теменной кости. У правого ушного прохода выявлены поражения типа cribra и остеофитные образования. Отдельные фрагменты посткраниального скелета со следами расчленения (рис. 1б). Удар со значительной силой по бедру привел к частичному погружению в кость лезвия оружия. Край разруба скругленный, длина разруба составляет 7мм, ширина – 4мм. Только при ударе со значительной силой края повреждения на наружной костной пластинке бывают ровные, а концы П-образные. При ударе оружием с углом заточки 30°, отмечается локализация сколов, как на поперечной части разруба, так и на боковых его стенках. Ширина сколов от 2 до 4 мм. На дне разруба обнаружены костные осколки. На безымянной кости длина разруба равна 6мм, ширина – 5мм. Обряд частичной кремации также прослежен в погребении. Частичное сожжение костей могла проводиться после расчленения. Косвенным подтверждением этому служит малый объем жженных остатков в этом погребении. Не исключено, что в могилу помещали только часть обоженных остатков. Сжигание тела совершалось на стороне, вероятно, на погребальном костре, так как в погребении следов прокала не обнаружено и предметы не подвергнуты воздействию огня. После кремации кальцинированные кости переносились в могилу. На зубах и на фрагментах костей посткраниального скелета деформации умеренные. Такие характеристики дают основание предполагать, что трупосожжение происходило при температуре 300 °С (Walker et al., 2008).

Погребение 106. Камера в каменном ящике ориентированная восток-запад (рис. 2а). Погребение датируется 6-5вв. до н.э. Длина камеры 5.8 м, на западной стороне 1.5 м, в центре 1.8 м, на восточной стороне 2.25 м, под глубокой плитой, на западной стороне 2.05 м, на восточной стороне 2.11 м. В погребении обнаружены костные останки двух индивидов. На восточной стороне камеры разрубленные фрагменты костей черепа мужчины 30-39 лет выложены на гладком камне. Нижняя челюсть отделилась и находилась к западу от фрагментов черепа. У индивида фиксируются следующие дискретно-варьирующие признаки: os wormii suturae sagittalis, os asterion, os wormii suturae lambdoidea. Обнаружены редукция гипоконуса на M^2, пятибугорковые формы на первом нижние моляре, межбугорковые борозды на M_1 имеют "У" тип узора, четырехбугорковые формы выявлены на вторых и третьих молярах и имеют "+" тип узора. Torus occipitalis развит умеренно (балл 2) (Худавердян, 2016). На резцах, клыках и премолярах заметны линейные гипоплазии. На левом втором верхнем моляре зафиксирован кариес. Следы расчленения обнаружены на левой бедренной кости (рис. 2а). На костях также выявлены следы ямок, скобления, дефекты сочленовных поверхностей. Нет сомнений, что эти деструкции – результат деятельности мелких животных при полном или частичном поедании мягких тканей. Тело индивида, возможно, оставили на возвышенности для распада мягких тканей и съедания хищными птицами и только потом похоронили.

По морфологическим признакам череп N 2 принадлежал мужчине 50-59 лет. Отдельные фрагменты черепа и посткраниального скелета со следами частичного сожжения (температура 300 °С). На затылочной кости фиксируется прижизненная травма со следами воспаления.

Погребение 107. Камера в каменном ящике (3.35×1.8, 1.75×1.7) ориентированная восток-запад (рис. 2б). Погребение датируется 6-5вв. до н.э. В северной части камеры, на каменной плите, находилась правая половина черепа мужчины 50-55 лет. Череп находился внутри бронзового пояса. Лицевая часть была обращена на восток. Череп очень длинный, высота правой ветви нижней челюсти очень большая, высота тела – средняя, толщина – очень большая, наименьшая ширина ветви большая. На черепе фиксируются следующие дискретно-варьирующие признаки: foramina supraorbitalia, os wormii suturae squamosum, foramina parietalia, os asterion, foramina mastoidea (вне шва). Четырехбугорковые формы фиксируются на первом, втором и третьем молярах нижней

челюсти, межбугорковые борозды имеют “У” (M_1, M_2) и “Х” (M_3) типы узоров. Поротический гиперостоз фиксируется на верхней стенке орбиты (cribra orbitalia). У индивида обнаружены поражения (типа cribra) в области правого наружного слухового прохода и остеофитные образования (экзостозы). Затылочные структуры выражены средне (occipital torus: балл 2, retromastoid process: балл 1, posterior supramastoid process: балл 1). Сильно выражены лингвальные экзостозы на верхней (балл 3) и нижней (балл 3) челюстях. Травматические повреждения непреднамеренного происхождения выявлены на премоляре (P^2) и моляре (M^1). Зубной камень обнаружен на премоляре (P^2) и молярах (M^1, M^2). Известно, что витамин С замедляет его формирование, а витамин А, кальций и углеводы, наоборот, стимулируют. Эмалевая гипоплазия средне выражена на резце (I^2), клыках (С) и премоляре (P_1). Кариес зафиксирован на молярах (M^2, M_1). Следы расчленения выявлены на суставной поверхности акромиона (рис. 2б). Отдельные фрагменты посткраниального скелета со следами «расчесов» и «погрызов», а также частичного сожжения (температура 300 °С). У индивида сильно выражены внекапсульная мощная клювовидно-ключичная связка, конусовидный бугорок (коническая связка) и трапециевидная связка.

Погребение 109 (раскопки 2011). Прямоугольная камера в каменном ящике ориентированная восток-запад. Погребение датируется 6-5вв. до н.э. Высота камеры 0.75м, глубина 0.27м. В погребении обнаружены костные останки одного индивида. По морфологическим признакам скелет принадлежит мужчине 50-55 лет. Фиксируются пятибугорковые формы на первом нижние моляре, четырехбугорковые - выявлены на втором моляре и имеют “Х” тип узора. На лингвальной поверхности нижнего второго моляра зафиксирован один из редких расово-разграничительных признаков - “Бугорок Карабелли де Йонге”. Из признаков восточного одонтологического ствола фиксируется коленчатая складка метоконида. Цвет толщи компактной костной ткани на фрагменте нижней челюсти светло-серый, в ряде мест заметны потемнения. Это позволяет предположить, что кремация была проведена при температуре 600–700°С, с ограниченным доступом кислорода.

Морфологические исследования повреждений костей скелета имеют важное диагностическое значение, так как позволяют решить широкий круг экспертных вопросов и относятся к числу сложных и малоизученных вопросов связанных с идентификацией видов орудия по видоспецифическим особенностям причиненных повреждений. Как известно, костная ткань является хорошим следовоспринимающим объектом. Нами были зафиксированы повреждения костей черепа и посткраниального скелета в виде надрубов. Исходя из характера повреждений, рубящий предмет был с «острым» лезвием (края и стенки дефектов ровные, приконцевые изменения незначительные). В Лори Берде, в погребении 106, был обнаружен топор, предназначенный для церемониальных целей (рис. 2а). Подобным топором расчленяли головы в Египте . В подавляющем большинстве случаев рубящий предмет с «острым» лезвием частично вонзал в кости трупа. Видимо, это один из «правил» церемонии, совершаемых с телами умерших. Далее тела освобождали от плоти. «Расчесы» и «погрызы» на костях явились следствием первичного воздушного погребения. Обряд частичной кремации является продолжением ритуальных действий, совершаемых с телами умерших. Расчленяя, освобождая от плоти, частично разрушая (при кремации) тело, люди стремились всячески способствовать быстрейшему отделению души от тела покойного. В данных действиях прослеживается семантический комплекс «предки - кости - возможность новой жизни». А затем оставшиеся костные останки помещали в погребальную камеру.

Обряд захоронения можно рассматривать как презентацию, назначение которой - продемонстрировать отношение к умершему, делая по необходимости акцент на его социальный статус, религиозную или этническую принадлежность. Безусловно, данный обряд связан с культом предков, который представлен ритуалами, в основе которых лежит подсознательный инстинкт отождествления умершего родственника с его останками. Объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале во многом зависит от социального статуса умершего индивида. Эти затраты отражаются в таких чертах погребения, как его размеры, методы обращения с трупом и способ его захоронения, а также характер погребального инвентаря (предметы роскоши, пищи и имущества, амулеты). При этом обрядовые действия могли совершаться не только из-за уважения к усопшим, но и для пользы живых, существование которых в большей мере определялось заботой, которой они окружали ушедших (Антонова, 1999, с. 21).

Литература:

Геньбом Р.Г. Основные вопросы, подлежащие разрешению при судебно-медицинском исследовании расчлененных останков // Научные труды Республиканского бюро судебномедицинской экспертизы. – Душанбе: Изд-во Таджикского мед. ин-та, 1963. – С. 110-121.

Дементьева С.Ф. К методике исследования рубленых повреждений мелких трубчатых костей: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Хабаровск, 1955. – 18 с.

Евсюков В.В. Мифология китайского неолита: По материалам росписей на керамике культуры яншао. – Новосибирск: Наука, 1988. – 128 с.

Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дисс… канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 18с.

Пропп В. Исторические корни Волшебной Сказки. М.: Лабиринт, 1998. 509с.

Худавердян А.Ю. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2016. № 1 (32). С. 103-114.

Шадымов А.Б., Рыкунов И.А. Влияние условий внешнего воздействия на формирование рубленых переломов костей свода черепа // Медицинская экспертиза и право. – М.: 2012. – № 3. – С.42-46.

Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. (1999), Atlas of Occupational Markers on Human Remains. Teramo, Edigrafital S.P.A

Goodman A.H., Rose, J.C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. – 1990. – N 33. – P. 59–110.

Rosen F. Cremation in America. N. Y.: Prometheus Books, 2004. 278 p.

Stuart-Macadam P. Porotic hyperostosis: A new perspective // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1992. 87. P. 39–47.

Walker P., Miller K., Richman R. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone // The analysis of burned human remains / C. Schmidt and S. Symes (eds.). L.: Acad. Press, 2008. P. 129–136.

Резюме

А.Ю. Худавердян, С.Г. Деведжян, А.А. Енгибарян

Экстраординарные погребения из памятника Лори Берд

Анализируется несколько способов обращения с останками у населения эпохи поздней бронзы и железного века на территории Армянского нагорья: расчленение тел, кремация, захоронение только правой половины черепной коробки и фрагментов посткраниального скелета, трепанация. На костях отмечены следы ямок, скобления, дефекты сочленовных поверхностей, являющиеся результатом деятельности животных при полном или частичном поедании мягких тканей.

Summary

A.Yu. Khudaverdyan, S.G. Devedjyan, A.A. Yengibaryan

Extraordinary burials from the Lori Berd monument

Subject to examination being several methods of treating buried remains of the Late Bronze and Iron Ages on the territory of the Armenian upland, such as: body dissection, cremation, burial of only the right half of a cranium and fragments of postcranial skeleton, craniotomy. The bones bear traces of pits, scratching and defects of the jointing surfaces. These destructions resulted from animal activity, with total or partial eating of soft tissues.



Рис. 1. Лори Берд: пог. 103 и 105

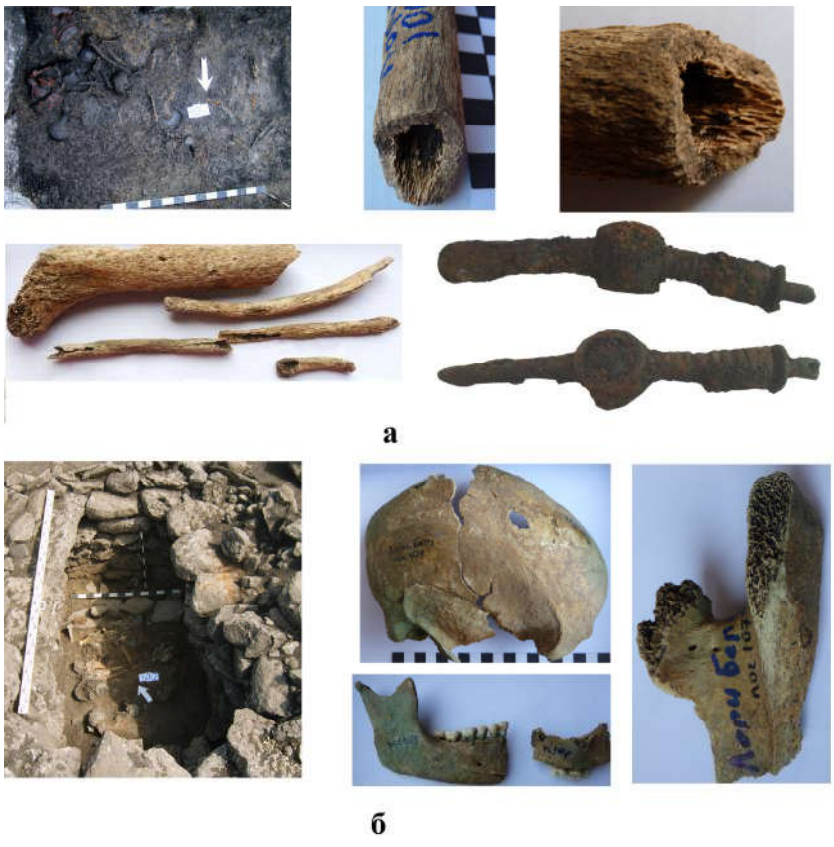


Рис. 2. Лори Берд, пог. 106 и 107

АРХЕОЛОГИЯДАҒЫ ЖАҢА ТҰРҒЫЛАР МЕН ИННОВАЦИЯЛЫҚ ӘДІСТЕР НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

Антонов М.А.
Талдыкорган, Казахстан

УДК 902.4/ 528.74

ТЕКЕЛИЙСКАЯ БУДДИЙСКАЯ СТЕЛА: ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОМ ФОТОГРАММЕТРИИ

Ключевые слова: Культурное наследие, Фотограмметрия, Agisoft Photoscan, Текелийская стела.
Keywords: Cultural heritage, Photogrammetry, AgisoftPhotoscan, Tekeli stela.
Түйінді сөздер: Мәдени мұра, фотограмметрия, AgisoftPhotoscan, Текелі стеласы

Фотография является незаменимым способом документирования в археологии и культурном наследии в целом, наряду с чертежной документацией и письменными описаниями. В отличии от чертежей и письменных описаний, фотографии более объективно отражают информацию об археологических объектах. Но нужно не забывать, что любая методика фиксации информации зачастую не заменима другой.

Фотография прошла длительный этап развития в качестве источника информации – начиная от изображений с перспективной проекцией к различным типам масштабируемого ортографического фото. В настоящее время благодаря широкому распространению персональных компьютеров и программного обеспечения, фотография стала надежным материалом для 3D-моделирования, ставя проблему дисторсии фотографической оптики к нулю. Современные технологии позволяют сделать не только виртуальные копии объектов, применяемые для киноиндустрии или же для виртуальных прогулок, но и модели из пластика любого масштаба с помощью 3D-печати. Можно сказать, что эволюция графической документации достигла объемного воспроизведения объектов, неотъемлемой частью которой является фотограмметрия.

«Фотограмметрия (от фото..., греч. grámma – запись, изображение и ...метрия), научно-техническая дисциплина, занимающаяся определением размеров, формы и положения объектов по их изображениям на фотоснимках» (Большая Советская энциклопедия). Современная цифровая фотограмметрия активно используется в геодезии, криминалистике, медицине и архитектуре. В настоящее время она также стала гибким и масштабируемым инструментом, способным помочь в документировании археологических и архитектурных объектов (Cantoro, 2015, с. 117). Получаемые облака точек или же модели в сочетании с геоинформационными системами становятся весьма продуктивными базами данных, открывающие дополнительные возможности не только для каких либо измерений и чертежей, но и для аналитики, трехмерной реконструкции и многого другого.

В настоящей работе мной продемонстрированы возможности фотограмметрии как метода, способного не только представить метрические характеристики и воспроизведение объекта исследования, но и показать его познавательные возможности.

В качестве объекта исследования была выбрана Текелийская стела, расположенная на правом берегу р. Кора, при выходе из ущелья, в 30 км юго-восточнее г. Талдыкорган. В центре верхней грани выбит символ Калачакры и несколько молитвенных надписей (рис. 1). На восточной грани изображена ступа которую поддерживает Снежный лев, в центре ступы изображена фигура сидящего Будды Шакьямуни (Ерофеева, 2017, с. 176-180).

Для съемки использовалась фотокамера среднего класса - Nikon d7200 с объективом NIKKOR 18-140. Обмеры для маркировки размеров, для дальнейшего масштабирования модели объекта и его ориентировки делались вручную.

Положительную роль для съемки сыграли атмосферные явления, в частности легкая туманность и отсутствие снегопада: при легкой туманности как на объекте, изображениях на его поверхности, практически отсутствовали тени. Съемка проходила в три этапа: первый - так называемая орбитальная съемка в два обхода вокруг памятника; второй этап - съемка двух участков, в верхней части отдельно; и третий этап максимально подробная съемка изображения на восточной грани. Всего было сделано более 300 фотоснимков. В них входили комплект снимков, сделанный в авто режиме (для более четкой видимости заснеженного окружения памятника), и ручная съемка с минимальным ISO, с постоянной выдержкой, для минимизации шумов на фото и более осветлённой подачей поверхности памятника.

Камеральная работа, т.е. обработка изображений (построение облака точек и модели), производилась с помощью различного программного обеспечения. На сегодняшний день существует не мало программ или онлайн сервисов позволяющих строить модель из комплекта фотоснимков. К примеру PPT (Python Photogrammetry Tollbox) имеет не привычный интерфейс и ряд не больших ограничений, но вполне применим для археологии (Антонов, 2013, с. 393-396). Также хотелось бы отметить практически полностью автоматизированную фотограмметрию при помощи 3DF Zephyr, использование которой возможно, как бесплатно, так и по весьма доступным ценам. Также стоит отметить абсолютно бесплатную онлайн обработку ARCH 3D (https://www.arch3d.org) которая позволяет получать плотное облако точек из нескольких снимков. Можно долго перечислять различное программное обеспечение, но лучше всего ознакомится с довольно массивным списком на веб страницах Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Comparison of photogrammetry software).

Для работы использовалась профессиональная версия Photoscan компании Agisoft (http://www.agisoft.com). Photoscan один из наиболее удобных, на данный момент, в сфере науки программных пакетов, позволяющий делать калибровку камеры и привязку модели к координатной системе, а также «склейку» отдельных частей объекта (chunks).

Результатом обработки в Photoscan PRO было получено облако размером более 20 миллионов точек (сам объект без его окружения). После масштабирования модели, были проведены контрольные замеры и ориентировка. Далее полученная модель (рис. 2,*2*), при использовании шейдера Radiance Scaling в бесплатной программе MeshLab, послужила основой для получения рисунков, методом точечной штриховки. Изображения, где отсутствует текстура, но максимально точно передается сама фактура объекта, обрабатывались в программе Paint.net (https://www.getpaint.net) с помощью плагина Stippling (https://forums.getpaint.net/topic/25637-stipple-plugin-updated-to-v11-27th-nov-2012). Результаты применения данного метода отображены на рисунках (рис.1, *1*; рис.3, *1*).

Построенная модель была скорректирована: обрезаны детали окружения под основанием и невидимая нижняя часть объекта в виде отсутствующих полигонов, была затянута практически ровной поверхностью. Это дало возможность измерить объем видимой части объекта. Высчитанный автоматической операцией объем составляет более 18 кубических метров, данные полученные при расчете- 18.321 кубических метров, однако данное измерение не совсем точное, так как часть объекта скрыта под землей. Исходя из результатов расчета объема можно оценить вес памятника. Предполагаемая порода камня – тоналит (плагиогранит) с удельным весом около 2,7. Исходя из этого вес видимой части объекта составляет более 48 тонн. Также можно указать размеры объекта, что легче всего сделать по сторонам света. Наибольшая длина объекта по линии ЮВ-СЗ составляет 5,7 метра, по лини С-Ю 4 метра. Наибольшая высота видимой части 3,7 метра от основания. Сами размеры легко распознать на полученном плане (рис. 3, *1*) и на сечениях по линиям С-Ю (рис 3, *2*) и З-В (рис 3, *3*).

Для большей детализации самих изображений и надписей памятника, фотографии обрабатывались отдельно. Для создания плотного облака точек этих частей объекта использовался онлайн сервис ARCH 3D. Преимущества данной обработки – достаточно небольшого количества снимков; обработка идет без использования вашей техники и вашего времени; облака весьма плотные и корректные. В итоге вы получаете ссылку для скачивания результатов фотограмметрии на электронную почту. Минусом является то, что сервис не позволяет создавать цельные модели, только поверхности или угловые части, однако для подробной передачи рельефа на плоскости, данный сервис продуктивен.

Полученные два облака с изображением на восточной и верхней грани масштабировались, однако угол наклона обоих облаков точек, относительно горизонтальной плоскости были сведены к нулю. Эти две части модели объекта, можно сказать дублировали уже имеющиеся, но работа велась отдельно с каждым. Горизонтальное положение позволило создать карту высот со шкалой цветовых тонов от черного к белому, т.е. от низкого участка рельефа, к более высокому. Все это делалось с помощью программы CloudCompare. Также с помощью шейдера E.D.L. Полученная карта высот, как и облако точек, без оригинального окраса, дает возможность распознавать многие детали, зачастую скрытые цветом поверхности. Данную возможность можно сравнить с бумажным эстампажем или с использование полимеризационных пластиков, для получении копии поверхности. В данном случае, для более плотного и детального облака точек, полученного фотограмметрией, желательно использовать объективы фотокамер предназначенные для макросъемки.

В результате были получены изображения, передающие фактуру поверхностей с более четко распознаваемыми деталями рельефа. Текстурированная поверхность, карта высот, и облако точек «окрашенное» шейдерами, получились вполне информативными (рис. 4; рис. 5). Данные изображения могут быть использованы для визуализации методом векторной обрисовки. Наиболее

подходящим программным обеспечением для векторизации является САПР (CAD), но в данном случае обрисовка велась с помощью бесплатной программы Inscape (https://inkscape.org/en/). Редактор векторной графики послужил инструментом для передачи основного рисунка (рис.1, *2*).

Потратив минимальное время в полевых условиях, с использованием полупрофессиональной камеры и подручных средств - рулетки, компаса и отвеса, фотограмметрия открывает возможность для подробного документирования памятников. Был измерен приблизительный объем Текелийской стелы, а также произведен расчет ее веса. Построены план и отображены сечения, получена основа для передачи ортофотопланов. При использовании дополнительного программного обеспечения, произведена корректировка и обработка как самих облаков точек так и результатов рендеринга. В итоге, помимо самой трехмерной модели, получен весьма информативный набор чертежей. Фотограмметрия как метод документирования позволит избежать субъективного влияния ученого на археологический источник.

Особая благодарность за консультации – Эмме Усмановой, Г. Мотуза Александру Покусаеву и Роману Ильину. Также Шамилю Шаханову, Антону Якимчюк и Александру Триппель за предоставленный транспорт, расчистку памятника от снега и уборку окружающей территории памятника от мусора, оставленного туристами.

Литература:

Антонов М.А. Фотограмметрия поселения Талдысай // Артюхова О.А., Курманкулов Ж.К., Ермолаева А.С., Ержанова А.Е. Комплекс памятников в урочище Талдысай. – Алматы, 2013. С. 393-396.

Большая Советская энциклопедия / http://bse.sci-lib.com/article117188.html

Ерофеева И.В. Памятники тибетского буддизма в Семиречье: Текелийская стела и иконографическая панорама Тамгалытас // История и археология Семиречья. – Выпуск 5. – Алматы, 2017. – С. 176-180.

Cantoro G. Recovering Lost Landscapes // Aerial photogrammetry: when archaeology meets SIFT. – Belgrade, 2015.

https://www.arch3d.org

https://en.wikipedia.org/wiki/Comparison_of_photogrammetry_software.

http://www.agisoft.com

https://www.getpaint.net

https://forums.getpaint.net/topic/25637-stipple-plugin-updated-to-v11-27th-nov-2012

https://inkscape.org/en

Резюме

М.А. Антонов

Текелийская буддийская стела: исследование методом фотограмметрии

В настоящей статье приведены результаты применения метода фотограмметрии в археологии. На примере Текелийской стелы, автор статьи показывает насколько информативен сбор данных с использованием простых замеров, с помощью фотосъемки. Обработка данных полученных за короткое время открывает возможность для создания различного рода чертежей, расчетов и т.д.

Summary

M.A. Antonov

Tekeli Buddhist stela: research **by photogrammetry**

In this article, the results of the application of the photogrammetry method in archeology are presented. On the example of Tekeli stela, the author of the article shows how informative the collection of data using simple measurements and photography. Processing data obtained in a short time opens up the possibility of creating various kinds of drawings, calculations, etc.

Түйіндеме

М.А. Антонов

Текелі будда стеласы: фотограмметрияны зерттеу әдісі

Осы мақалада археологиядағы фотограмметрия әдісін қолданудың нәтижелері келтірілген. Мақаланың авторы текелі стеласында қарапайым өлшеулер мен фотосуреттерді пайдаланатын деректер жинаудың қаншалықты маңызды екенін көрсетеді. Қысқа уақыт аралығында алынған деректер түрлі сызбаларды өңдеуге, есептеулерге және т.б. жасауға мүмкіндік береді.

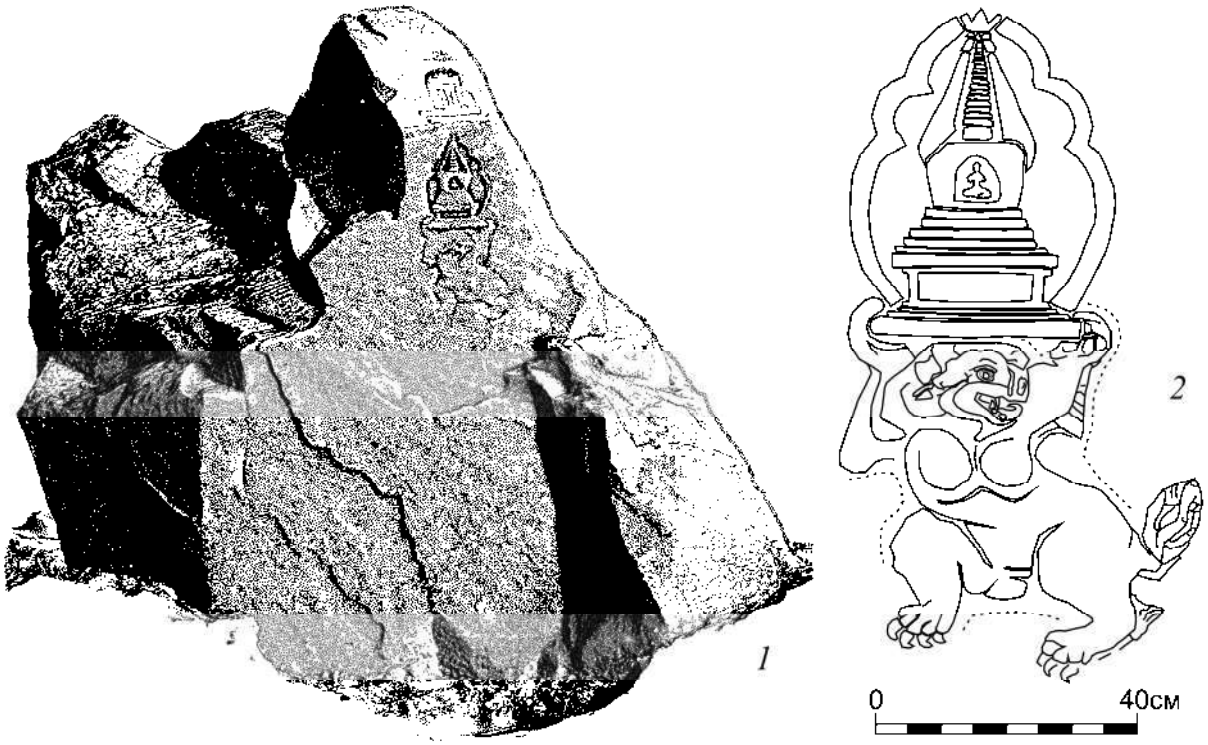


Рис. 1.
1-Внешний вид текелийской стелы.
2-Рисунок с восточной стороны.

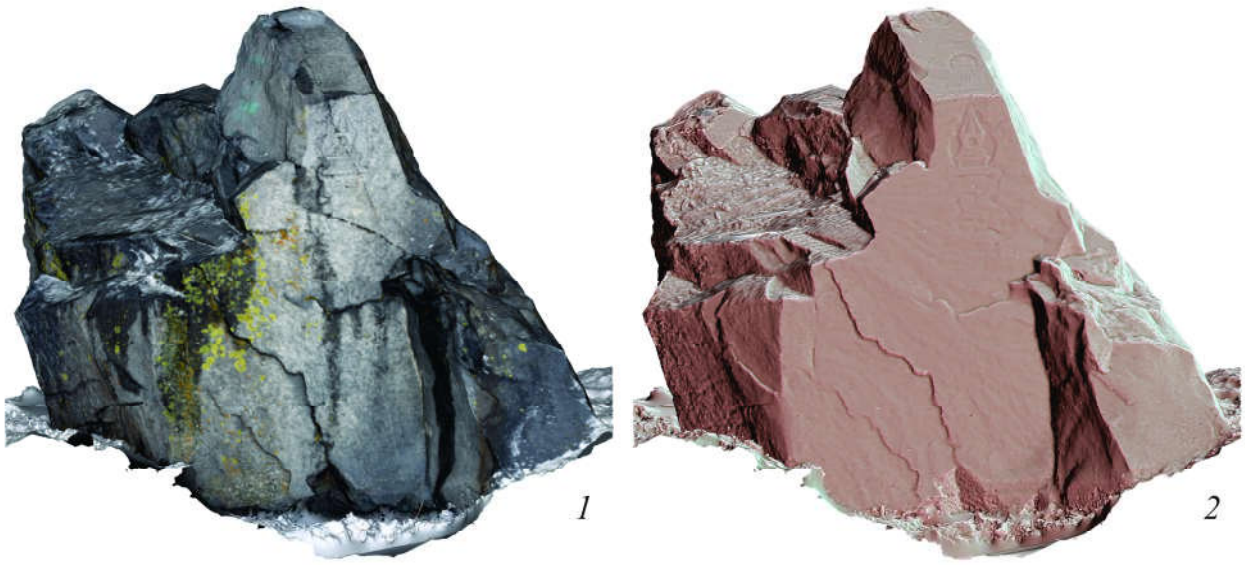


Рис. 2.
1-Трехмерная текстурированная модель.
2-Модель без текстуры, рендеринг с использованием шейдера Radiance Scaling (MeshLab)

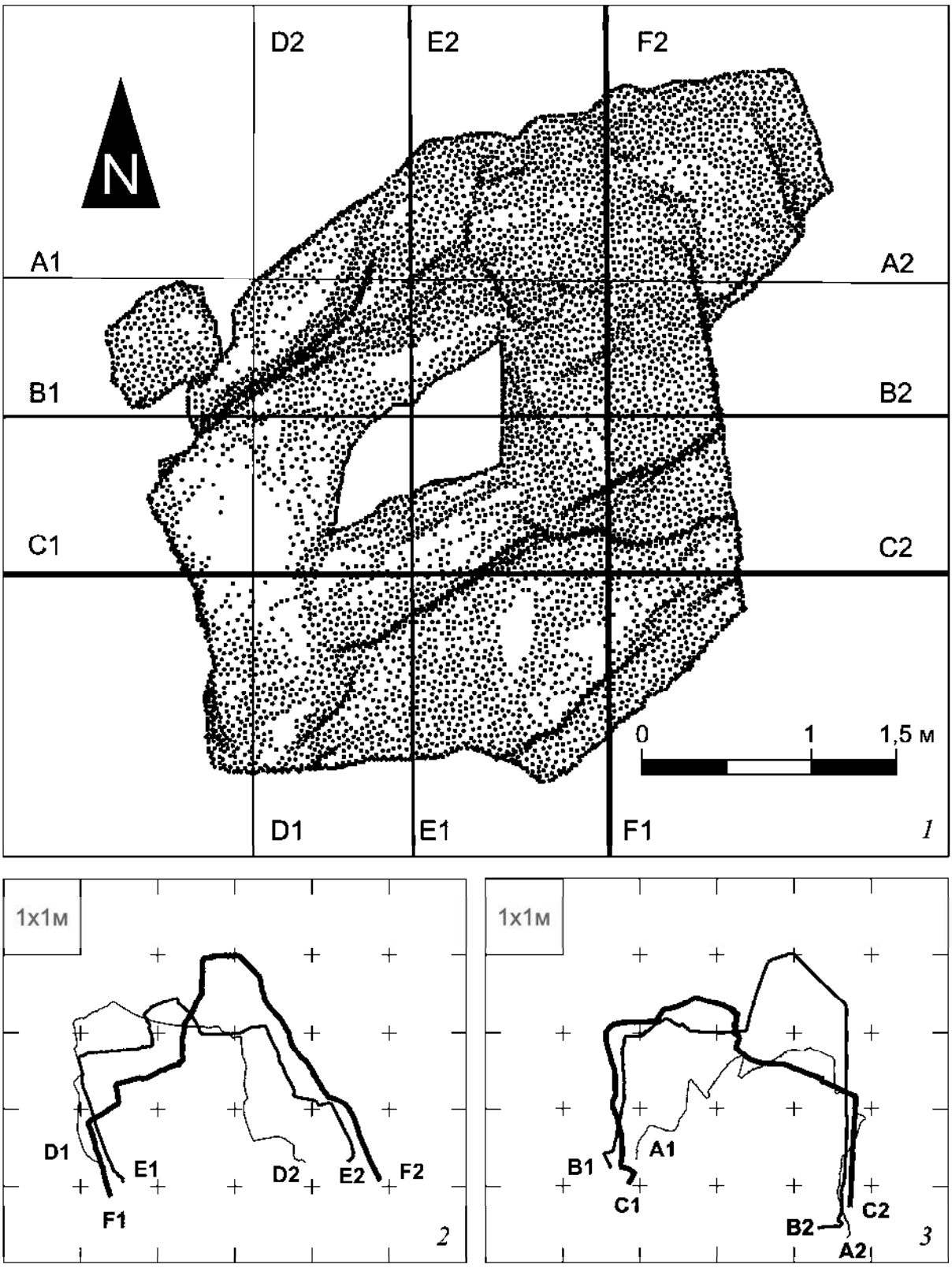


Рис. 3.
1-План объекта с линиями сечения.
2-Сечения объекта С-Ю.
3-Сечения объекта З-В.

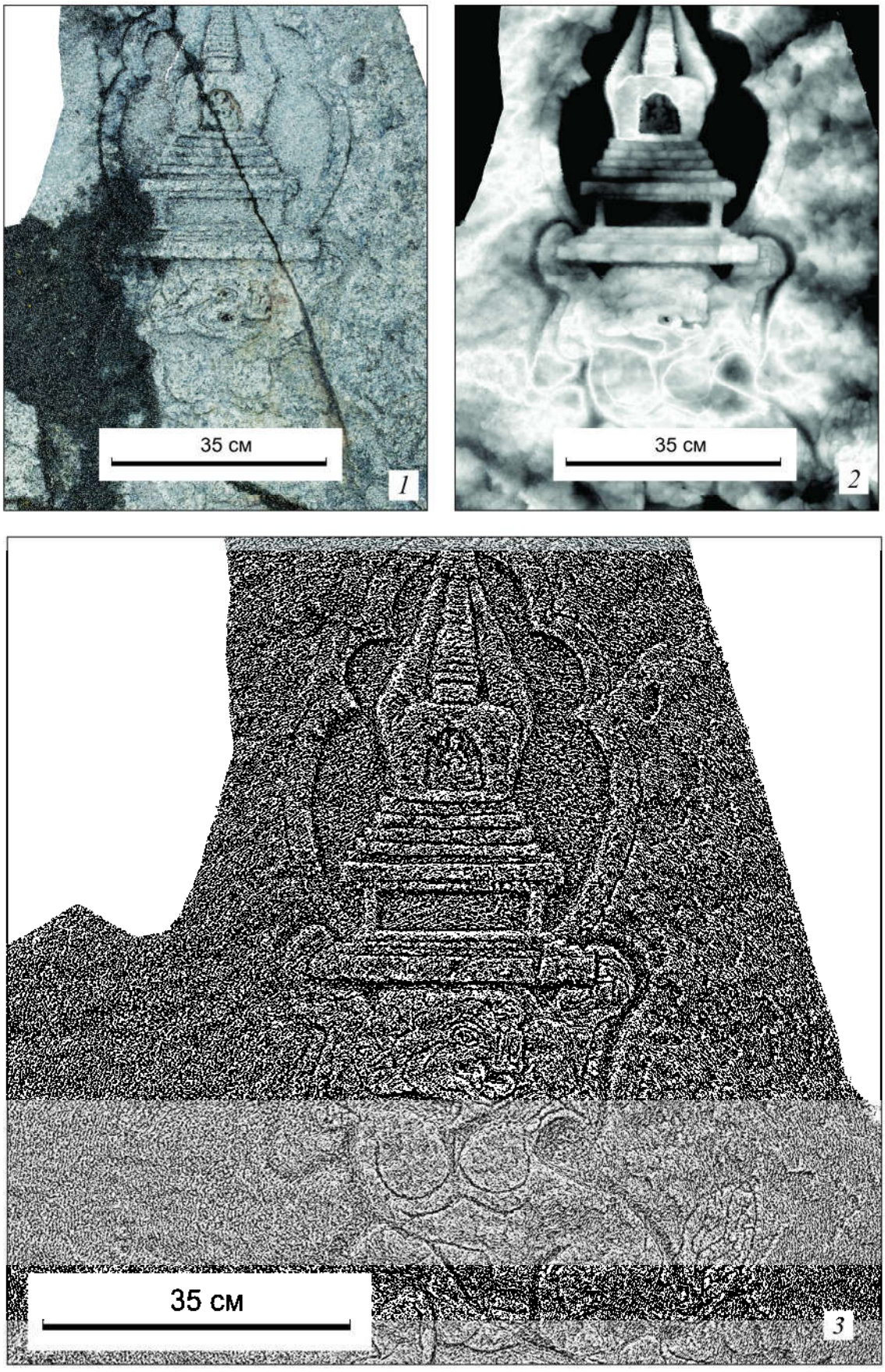


Рис. 4.
1-Ортофотоплан основного рисунка.
2-Карта высот.
3-Облако точек с шейдером E.D.L (CloudCompare)

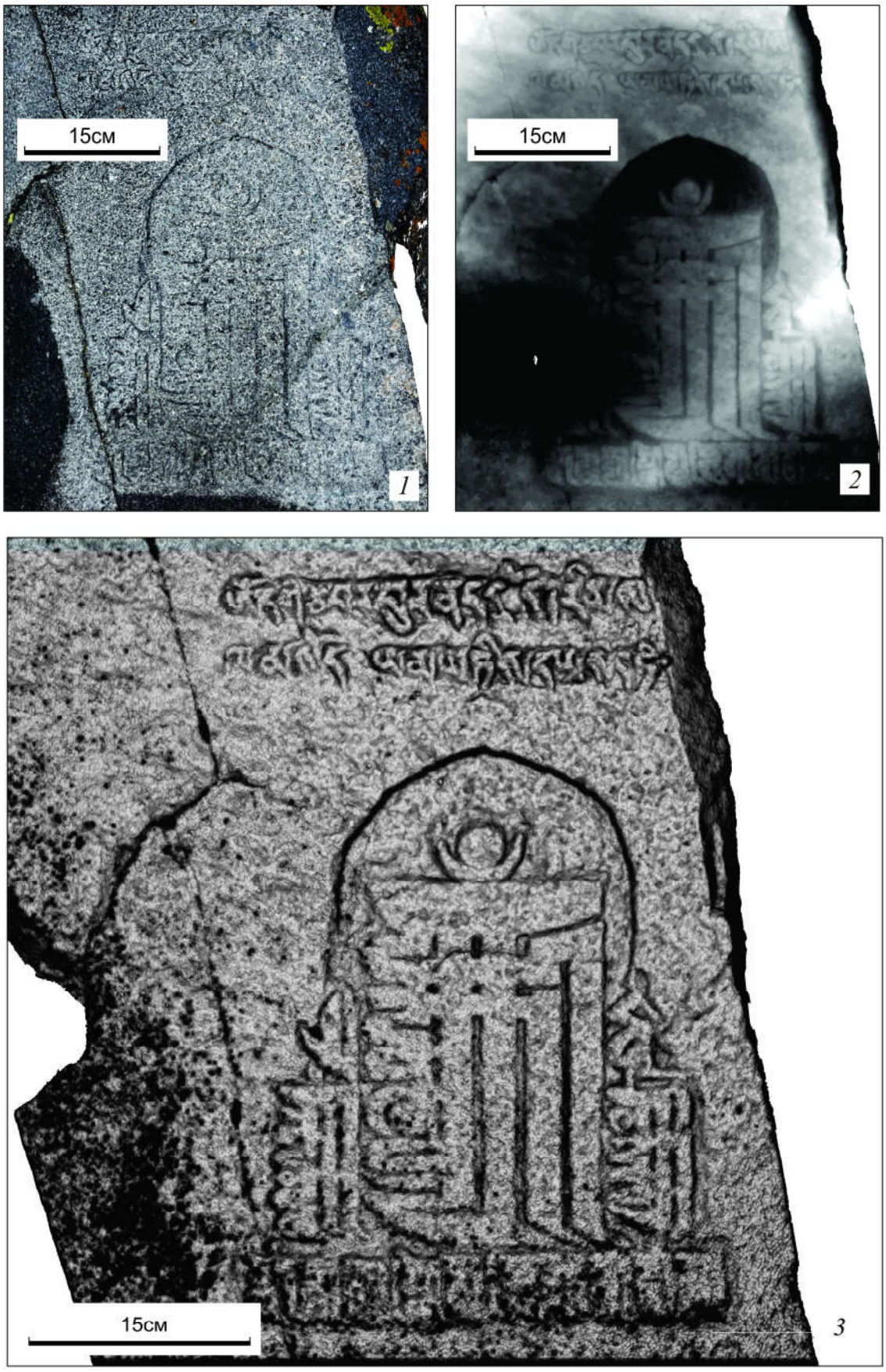


Рис. 5.
1-Ортофотоплан надписи.
2-Карта высот.
3-Облако точек с шейдером E.D.L (CloudCompare)

Ахмедов Ж.З.
Государственный музей истории Узбекистана
Ташкент, Узбекистан

УДК. 94(584.4)

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ключевые слова: музеефикация, археология, памятник, реставрация, консервация, музей, экспозиция.
Keywords: museumification, archaeology, monument, restoration, conservation, museum, exposition.

Ежегодно на территории Узбекистана проводятся археологические раскопки более чем на 30 памятниках. Основные раскопочные работы сосредоточены на эталонных объектах, таких как Афрасиаб, Коктепа, Кафиркала, Дабуссия в Самаркандской области; Сангиртепа – в Кашкадарьинской области; Пайкенд и Учкулок – в Бухарской области; Ахсикет – в Наманганской области; Старый Термез и Кампыртепа – в Сурхандарьинской области. Все эти памятники являются важнейшими и крупнейшими памятниками истории и культуры нашей Республики, представляют собой огромную историко-культурную и духовную нагрузку и поэтому они номинируются в список памятников, являющихся Мировым культурным наследием. На территории республики имеются еще тысячи археологических памятников, на которых исследования пока не проводились. Однако и они содержат в себе бесценные материалы, предметы материальной и духовной культуры нашего народа, изучение которых позволит восстановить забытые страницы истории минувших поколений и цивилизаций.

В советское время с увеличением потока туристов интересующихся археологическим, историческим культурным наследием народов Узбекистана возникла идея консервации и музеефикации вскрытых особо выдающихся памятников археологии. Поэтому перед реставраторами Института археологии была поставлена задача по разработке химических методов консервации сырцовых археологических объектов. Работы в этом направлении были начаты тридцать пять лет назад. В результате проведённых исследований и последующего тестирования на экспериментальных участках в качестве консервантов выбрана группа мономеров из класса диизоцианатов.

Проведенные лабораторные испытания дали удовлетворительные результаты. Методики консервации проходили тестирования на археологических памятниках в различных регионах республики. Это памятники эпохи бронзы Сапаллитепа и Джаркутан (юг Узбекистана), эпохи античности и средневековья (Афрасиаб в Самарканде, Канка, Актепа и Шаштепа в Ташкенте).

Музеефикация – процесс преобразования историко-культурных и природных объектов в музейные объекты. Предполагает этапы их выявления, исследования, консервации, реставрации, экспозиционной интерпретации и дальнейшего использования в качестве объектов музейного показа (Исмаилова, 2016, с. 52).

Проблема музеефикации археологических памятников является на сегодняшний день одной из наиболее актуальных. Все меньше остается музеев, перед которыми в той или иной форме не вставали бы проблемы музеефикации. С ними столкнулись многие музеи, которые раньше работали только с коллекциями и экспозициями движимых памятников. Можно с уверенностью прогнозировать, что в наступившем столетии эта тенденция сохранится и даже активизируется (Каулен, 2008, с. 41).

Существенной особенностью археологических памятников является то, что музеефикация, по сути дела, – единственный вариант их использования в качестве музейного объекта. Существует ряд мер, направленных на сохранение подобных памятников от разрушения, но практически не раскрывающих информационный потенциал и не обеспечивающих их функционирования в современной культурной среде.

Сегодня памятники археологии не только становятся объектами грабительских раскопок, но и разрушаются от ведения хозяйственной деятельности, действий вандалов. Музеефикация, таким образом, позволяет не только решить проблему их сохранения, но и включает памятник в музейную сеть, превращая его в культурно-исторический, туристический объект, приносящий прибыль и презентующий памятник национального культурного наследия широкой публике.

При музеефикации археологических объектов работа осуществляется в следующей последовательности: выявление, исследование, восстановление объекта, организация

экспозиционного показа. Проектировочные работы могут вестись даже параллельно с раскопками, а фиксация памятника в процессе исследований осуществляется с учетом его последующей музеефикации. Невозможность транспортировки на другое место – специфическая особенности при музеефикации памятников археологии. Они могут быть музеефицированы лишь на месте обнаружения.

Археологическое наследие нередко выступает комплексно в тесной связи с культурным ландшафтом, где оно в совокупности и взаимосвязи составляющих его объектов может формировать довольно своеобразный археологический компонент (или археологический слой) культурного ландшафта.

Особое место среди подобных археологических памятников занимают наскальные изображения. Они обладают исключительной аттрактивностью и экспрессивностью, оказывают на зрителя сильное эстетическое воздействие. Однако опыт показывает, что иногда чрезмерная популярность наскальных росписей приносит им вред.

Наскальные изображения как специфический объект культурного наследия требуют особой заботы об их сохранении и специальной организации показа. Существует несколько возможных схем действия. Во-первых, показывать памятники пещерной живописи в природной среде, во-вторых, демонстрировать ее фрагменты или копии в музеях, в-третьих, создавать объекты-копии.

Можно увидеть, что в случае с музеефикацией произведений наскального искусства сначала должен быть продуман способ их демонстрации посетителям. В Узбекистане, к примеру, созданы музей на основе петроглифов – «Сармишсайские петроглифы» в Навоинской области. Так как памятники расположены под открытым небом, то проблем с изменением микроклимата памятника не возникло.

Существуют разные подходы к музеефикации археологических памятников. Критериями отбора археологических объектов для музеефикации являются: историческая значимость, степень сохранности, информативность, доступность, современное значение (т.е. чем новый музей сможет выделиться из ряда себе подобных).

Музеефикация памятников археологии имеет свою специфику, связанную с их характерными особенностями. Она складывается из технологического и социального аспектов. Технологический аспект включает в себя методы проведения раскопок, консервации и отчасти создание экспозиции. Под социальным аспектом понимается востребованность памятников археологии в современной социокультурной ситуации.

Сегодня все чаще при музеефикации археологических памятников используется метод реконструкции, основанный на возведении постройки целиком на основании сохранившихся частей, данных раскопок и привлечения аналогов. Этот зрелищный прием вызывает негативное отношение со стороны многих специалистов, ведь при реконструкции внешний вид памятника меняется достаточно и он, по сути, теряет свою аутентичность. Сторонники такого подхода утверждают, что сделать памятник археологии интересным и понятным для самого широкого круга посетителей – одна из важнейших задач археологического музея, и наиболее действенный путь к решению этой задачи – применение реконструкций.

Наиболее простой и старый способ музеефикации археологических объектов и памятников – консервация недвижимых частей объекта под открытым небом, зачастую в сочетании с экспонированием найденных при раскопках предметов в отдельном здании. Другой способ – изоляция от атмосферных воздействий путем возведения навесов, павильонов или других укрытий над археологическими объектами(Ахмедов, 2016, с. 79).

В настоящее время, реставраторами Института археологии практикуется сочетания методов химической консервации вскрытых археологических комплексов с полной их музеефикацией. Над раскопанными сооружениями теперь возводятся перекрытия. Посетители имеют возможность ознакомиться с ними только визуально. Сегодня такие работы проводятся на буддийском комплексе Каратепа, относящемся к эпохе античности. Надежная консервация и особенно музеефикации требует разработки проектов с привлечением специалистов различного профиля, строительных материалов и, потому приводит к значительным финансовым затратам. По этой причине сегодня для консервации выбираются наиболее важные уникальные участки раскопов.

В 2000 году ступа и часть двора, где она располагается, были перекрыты навесом высотой 5 м и решены проблемы отвода атмосферных осадков. Проводимый ежегодно мониторинг до сих пор не показал никаких разрушений древних конструкций (Пидаев, 2010, с. 123).

Другим памятником, где в настоящее время ведутся такие же консервационные и реставрационные работы является Кампыртепа. С 2006 года на этом городище сотрудниками

Института искусствознания под руководством академика Э.В.Ртвеладзе осуществляется консервация и реставрация целых хозяйственно-жилых комплексов и культовых построек. Особенно заслуживают внимания работы, проведенные на оборонительных стенах и башнях городища. Они отреставрированы на высоту древних стен и башен, причем здесь были учтены все конструктивные особенности архитектуры.

Большой комплекс реставрационных работ был проведен с материалами некрополя Мунчактепа (Наманганская область), где впервые в Центральной Азии были обнаружены подземные склепы с захоронениями в гробах из камыша. Вместе с погребенными был найден богатый набор предметов, изготовленных из разнообразных материалов органического и неорганического происхождения. Поскольку гробы из камыша впервые были встречены в реставрационной практике, то в лаборатории Института археологии были разработаны методы консервации этого хрупкого материала. Используя разработанную методику, были проведена реставрация 18 гробов, а также других уникальных предметов, выполненных из органического материала – плетеных корзин, деревянных столиков, посуды и т.д. В данное время эти материалы экспонируются в Папском археологическом музее.

В настоящее время проводится целенаправленная политика по охране, учету, изучению, поэтапной реставрации, консервации и музеефикации сложившихся в течение веков исторических городов, архитектурных реликвий и исторических памятников, сыгравших огромную роль в развитии мировой цивилизации.

Литература:

Ахмедов Ж.З. Проблемы музеефикации археологических объектов // Материалы Рериховских чтений «Культурное наследие: сохраним прошлое во имя будущего» – Т., 2016. – С. 76-81.

Исмаилова Ж.Х. Музейшунослик атамаларининг изоҳли луғати. – Тошкент: Turon zamin ziyo, 2009. – 100 с.

Каулен М.Е. Музеефикация как одно из основных направлений музейной деятельности // Экологические проблемы музеев-заповедников. – М., 2008. – С. 41.

Пидаев Ш.Р. Опыт консервации, реставрации археологических, памятников и предметов культурного наследия Узбекистана // Совещание Региональных специалистов Культурное наследие Центральной Азии и вклад Японии. – Т., 2010. – С. 119-127.

Резюме
Ж.З. Ахмедов

В статье рассматриваются вопросы музеефикации археологических объектов. Отмечены этапы их выявления, исследования, консервации, реставрации, экспозиционной интерпретации и дальнейшего использования в качестве объектов музейного показа.

Summary
J.Z. Akhmedov

This article demonstrates the museumification of archaeological objects. The stages of their identification, research, conservation, restoration, exposition interpretation and further use as objects of the museum display are noted.

Жусупкалиев Т., Орынбасаров Е.
Инспекция по охране историко-культурного наследия,
Уральск, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТЫ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: Западно-Казахстанская область, историко-культурное наследие, памятник археологии, Священное Приуралье.
Keywords: West Kazakhstan region, historical and cultural heritage, archaeological monument, Sacred Priurale.

На территории Западно-Казахстанской области насчитывается более 6-ти тысяч археологических памятников разных эпох и более 500 памятников истории, архитектуры, монументального искусства и градостроительства.

В настоящее время в области 2153 памятников состоят под государственной охраной. Из них 1966 памятников археологии. В списке предварительного учёта состоят 134 объектов археологии.

Все памятники имеют правовой статус историко-культурного наследия, содержащие историческую и научную ценность в соответствии со статьей 5, Закона РК «Об охране и использовании историко-культурного наследия».

В целом если кратко остановиться о работе нашей Инспекции по охране историко-культурного наследия, то с 2015 по 2017 годы были пасспортизированы археологические памятники Бурлинского, Зеленовского, Казталовского и Теректинского районов области. На очереди подготовка документаций объектов археологии Таскалинского района.

В период 2015-2017 гг. проводились работы по установке охранных знаков на памятники археологии области. Также завершились данные работы в Бурлинском, Зеленовском и Теректинском районах. Результаты не заставили себя долго ждать, т.к. природо- и недропользователи уже обращаются к нам с просьбой согласовать те или иные проекты.

В рамках Програмной статьи Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева «Модернизация общественного сознания: взгляд в будущее» 27-31 августа 2017 года была организована экспедиция «Қасиетті Ақжайық» (Священное Приуралье), инициатором которой выступил Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. В экспедиции, имевшей пунктом назначения районы Западно-Казахстанской области (Казталовский, Жанибекский, Букейординский, Жангалинский, Акжаикский, Каратобинский, Сырымский, Чингирлауский, Бурлинский районы), где находятся историко-культурные объекты, приняли участие директор и сотрудники областного историко-краеведческого музея, директор и инспектор Государственной инспекции по охране историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области, научные сотрудники научно-исследовательского института «Қасиетті Қазақстан» А.Екимбаева и А.Рахымберді. По завершении данной экспедиции 31 августа в рамках республиканского проекта «Сакральная география Казахстана» Управлением культуры, архивов и документации Западно-Казахстанской области был организован круглый стол с участием научных сотрудников научно-исследовательского институтута «Қасиетті Қазақстан» и краеведов области. В результате в список 100 макро объектов республиканского значения по Западно-Казахстанской области было решено включить 6 объектов, а в 500 микро объектов было предложено разработать список сакральных мест регионального значения по Западно-Казахстанской области.

7 сентября 2017 года на круглом столе, организованном специалистами Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея, было обсуждено и рассмотрено 93 объектов местного значения и отобраны из них – 87.

12 сентября 2017 года Государственной инспекцией по охране историко-культурного наследия Западно-Казахстанской области был организован круглый стол с участием краеведов области и представлен весь материал (фотографии, краткое описание, научное исследование, легенда) по каждому объекту утвержденного списка по образцу научно-исследовательского института «Қасиетті Қазақстан».

В сентябре-ноябре 2017 года была проведена обширная работа по сбору и редактированию материалов согласно утвержденному списку объектов регионального значения и отправлена в научно-исследовательский центр «Қасиетті Қазақстан» в г. Астана.

По итогам обсуждений в список 100 макро объектов республиканского значения по Западно-Казахстанской области было включено 6 объектов, из них 2 объекта археологии. Это – городище Жайык и комплекс Таксай. А в список 500 микро объектов регионального значения по нашей области вошло 40 объектов. Археологические памятники представлены здесь курганными комплексами Кырык-Оба, Сегизсай (Лебедевка) и городище Жалпактал.

Планируется каждый год обновлять список макро объектов республиканского значения и микро объектов регионального значения по мере исследования учеными и степени изученности памятников археологии согласно утвержденному образцу научно-исследовательского института «Қасиетті Қазақстан» (фотографии, краткое описание, научное исследование, легенда).

И в заключении, историко-культурное наследие, как важнейшее свидетельство исторической судьбы народа, как основа и непременное условие его настоящего и будущего развития, как составная часть всей человеческой цивилизации требует постоянного изучения, воссоздания и защиты.

Резюме

Статья посвящена результатам работ, проделанных Государственной инспекцией по охране историко-культурного наследия в период с 2015 по 2017 года. Также внимание уделяется результатам работ по Програмной статье Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева «Модернизация общественного сознания: взгляд в будущее».

Summary

The article is devoted to the results of the work done by the state Inspectorate for the protection of historical and cultural heritage in the period from 2015 to 2017. Also attention is paid to the results of a Programmatic article of the President of the Republic of Kazakhstan N..Nazarbayev "social Modernization of consciousness: a look into the future".



Городище Жайык



Городище Жалпактал



Комплекс Таксай



Кырык-Оба 1

Кольцов П.М., Ашкаев М.С., Кольцова К.П.
Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация

УДК 902.26(470.47):528.8(470.47)

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Ключевые слова: Республика Калмыкии, археологические памятники, геоинформационные системы, дистанционное зондирование Земли, археологическая карта, цифровая карта, междисциплинарные исследования.
Keywords: Republic of Kalmykia, archaeological monuments, geoinformation systems, remote sensing of the Earth, archaeological map, digital map, interdisciplinary research.

Полученные в ходе археологических исследований материалы с каждым годом увеличиваются, и обрабатывать их традиционными способами становится затруднительно. Одним из факторов, осложняющих эту задачу, является большая пространственная разбросанность археологических памятников. Наиболее универсальным средством передачи пространственного распространения археологических объектов разных культур и типов является карта, которая позволяет установить закономерности в их размещении и динамику развития.

При решении задач пространственно-временного анализа археологических данных исследователи все чаще используют геоинформационные системы (ГИС), т. е. фактически ведутся междисциплинарные исследования на стыке как минимум трех наук: информатики, географии и истории (Рыгалова 2014).

Построенные на технической базе геоинформационных систем электронные (или цифровые) карты состоят из слоев, каждый из которых несет определенную смысловую нагрузку и является эффективным средством хранения пространственной информации. Например, цифровая карта может состоять из слоя почв, слоя растительности, слоя гидрографии, слоя административно-территориального деления исследуемого региона. Такие карты допускают единовременный обзор пространства в любых пределах; создают пространственный образ отображаемых явлений; содержат их количественные и качественные характеристики; позволяют определить координаты, длину, площади и объемы нанесенных объектов; показывают их взаимосвязи, особенности и закономерности расположения. В этих свойствах заключаются значение и ценность цифровых карт (Холюшкин 1989).

ГИС-технологии позволяют не только объединять данные, но и делать новые научные выводы, а не просто отображать уже известные сведения. Таким образом, может быть сформулирована прямая задача ГИС в археологических исследованиях — рациональное представление имеющейся информации о территории, разработка и применение к этой информации ГИС-инструментов анализа, позволяющих получить новые знания о данной территории (Коробов 2011).

Данные дистанционного зондирования являются важным источником информации для специализированных археолого-информационных систем. Такие системы могут оказаться основой для глобальной систематизации материалов, которая могла бы облегчить поисковую работу исследователей.

На сегодняшний день наибольшую востребованность в археологических исследованиях ГИС получили на региональном уровне.

На территории Республики Калмыкия археологические исследования с применением ГИС и ДЗЗ впервые были предприняты ГУ «Археологическая лаборатория», однако в дальнейшем работы в данном направлении были свернуты.

Работа по созданию Археологической карты Республики Калмыкия была продолжена Прикаспийским научно-образовательным археологическим центром Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова в двух направлениях: первое — составление книжного (бумажного) варианта; второе — формирование баз данных археологического наследия в цифровом и графическом режимах с использованием возможностей современных ГИС. Это позволило

осуществить перевод картографической информации в цифровую форму и создать тематическую электронную базу данных, которая имеет свойства уточнять информацию по известным уже памятникам и вносить в реестр новые объекты археологии.

Книжный вариант «Археологической карты Калмыкии» состоит из двух частей. Первая часть содержит «Предисловие», главы «Физико-географическая характеристика», «История археологического изучения», «Археологические культуры Калмыкии» и «Реестр археологических источников», где в обобщенном виде представлены важные сведения об археологических памятниках Республики Калмыкия. Во вторую часть вынесено приложение, где приводятся более подробные сведения о каждом памятнике в отдельности (Археологическая карта Республики Калмыкия, 2016).

Одной из основных идей создания электронной версии археологической карты Республики Калмыкия была общедоступность контента для всех онлайн и оффлайн картографических сервисов, а также доступность в большинстве устройств глобального позиционирования. Для этого использовались файлы с расширением .kml (.kmz) и .gpx. В данных файлах была использована система координат WGS 84, которая получила широкое распространение в приборах глобального позиционирования и картографических сервисах благодаря минимальной погрешности. В ходе полевых и кабинетных работ вырабатывались необходимые методики для последующего выявления и внесения памятников археологии в электронную базу археологической карты.

Сам процесс создание цифровой базы данных археологического наследия Калмыкии был разбит на следующие этапы:

- сбор и систематизация исходной (ретроспективной) информации;
- картографирование исторических данных.

Базовым программным обеспечением проекта является отечественная компьютерная программа SAS.Planeta находящаяся в свободном доступе в Интернете (http://www.sasgis.org/). Программа эффективно используется для получения изображений спутниковых снимков высокого разрешения и обычных карт, представляемых такими сервисами, как Google Earth, Google Maps, DigitalGlobe, «Космоснимки», Яндекс.карты, Yahoo!, Maps, VirtualEarth, Gurtam, OpenStreetMap, eAtlas, iPhone maps, карты Генштаба и др., с сохранением пространственной привязки. Сохраненные с помощью этой программы изображения могут использоваться в ГИС-проектах без дополнительных процедур по созданию пространственной привязки.

Во время создания электронной карты археологических памятников Республики Калмыкия, процесс полевого обследования археологических памятников сопровождался измерением их географических координат с помощью приборов глобального спутникового позиционирования навигационного класса Garmin Dakota 20, дающих точность измерений от 5 до 15 м. Координаты снимались при наличии над горизонтом не менее пяти спутников. Эти координаты в дальнейшем были использованы в ГИС в виде точечного слоя. Все замеры археологических объектов сформировали векторный слой (Кольцов и др., 2016, с. 26-27).

Для электронной версии археологической карты Калмыкии использовались данные не только результатов современных археологических разведок, но и архивные данные. Помимо внесения в систему объектов по GPS отметкам, была проведена идентификация памятников по ориентирам и характерным особенностям рельефа на картографических материалах и космоснимках. Данные вносились в картографический сервис SAS.Planeta, что позволило реконструировать координаты объектов археологического наследия, исследованных в советский период, когда отсутствовали глобальные системы позиционирования.

Электронная карта Республики Калмыкия представляет собой базу данных тематических элементов и элементов топографии, наполненную атрибутивной информацией (рис. 1). Археологические памятники представлены стоянками древних людей, их поселениями, курганными могильниками, местонахождениями и др.

Базовые слои можно разделить на две основные части:

1) В качестве растрового слоя служат карты и космоснимки картографических online-сервисов (Google Earth, Яндекс.карты, карты Генштаба (1940-41 гг.) и др.) представленных на сервисе SAS.Planeta.

2) В качестве векторного слоя послужили географические координаты выявленных археологических памятников (курганы, стоянки), которые помечались на карте точечными метками.

Для обозначения памятников на полученной электронной карте в зависимости от вида, типа памятника, применялись различные графические символы. Графические средства предоставляют неограниченные возможности для построения условных знаков и сколько угодно полных систем, где необходимо обращать внимание на информационную (содержательную) ценность, легкость

восприятия пользователями, удобством запоминания, не забывая о традиционно принятых обозначениях (Берлянт, 1997, с. 37).

Существенным отличием данной системы от имеющихся аналогов является возможность автоматического нанесения археологических памятников на электронные карты с использованием имеющейся в свободном доступе картографической основы (космоснимки, топографические карты).

Атрибутивные данные включают: описательную информацию об археологическом объекте (высота, диаметр); фотоснимки археологического памятника и его окрестностей; информацию об особенностях географического положения; топографический план археологического памятника; фотоснимки и рисунки наиболее ярких археологических предметов; сведения об истории исследований памятника; информацию об открытых листах (рис. 2).

Особенностью созданной базы также является введение в неё данных не только о памятниках, но и о фактах археологических вскрытий, которые были зафиксированы в отчетах. Это позволяет в дальнейшем оперировать большим объемом информации, отражать степень изученности археологических объектов Калмыкии, и выделять участки с наименьшей концентрацией археологических объектов, что позволит решать различные исследовательские и инвестиционные задачи.

Таким образом, каждый памятник имеет базовые характеристики, определяемые нормативными документами (информационное описание различных типов объектов историко-культурного наследия). Исследователь, может внести дополнительную атрибутивную информацию, необходимую для конкретного исследований, а также ввести ссылки на файлы других форматов (bmp, jpg и др).

Использование созданной картографической базы археологических памятников позволяет расширить возможности и спектр исследований археологии Республики Калмыкия. В частности: изучать аспекты, связанные с пространственными характеристиками памятников и их взаимоотношений, проводить статистический анализ, анализировать зоны скопления, тяготения к определенным ландшафтным особенностям, моделировать древние миграционные пути, проводить реконструкцию древнего административно-территориального деления и пр.

Цифровая версия археологической карты Республики Калмыкия имеет существенное практическое значение для решения задач инвентаризации и учета объектов археологического наследия и сохранения их при планировании современного хозяйственного развития территорий, строительстве новых объектов, транспортных маршрутов, трубопроводных сетей и т.д.

Картирование археологических объектов позволяет на стадии проектирования обеспечить сохранение памятников археологии в зонах строительства, что существенно уменьшит финансовые затраты, предупредит процесс спасательных раскопок памятников. Установление закономерностей расположения археологических памятников открывает перспективу применения метода прогнозно-оценочной характеристики территорий при оценке их историко-культурного потенциала и планировании археологических исследований.

Данная геоинформационная система может быть эффективно использована государственными органами охраны историко-культурного наследия, а также в качестве справочного пособия для других государственных ведомств и учреждений.

Таким образом, опыт отечественных и зарубежных исследователей показал, что комплексное применение геоинформационных технологий и данных дистанционного зондирования Земли в решении археологических задач открывает принципиально новые возможности.

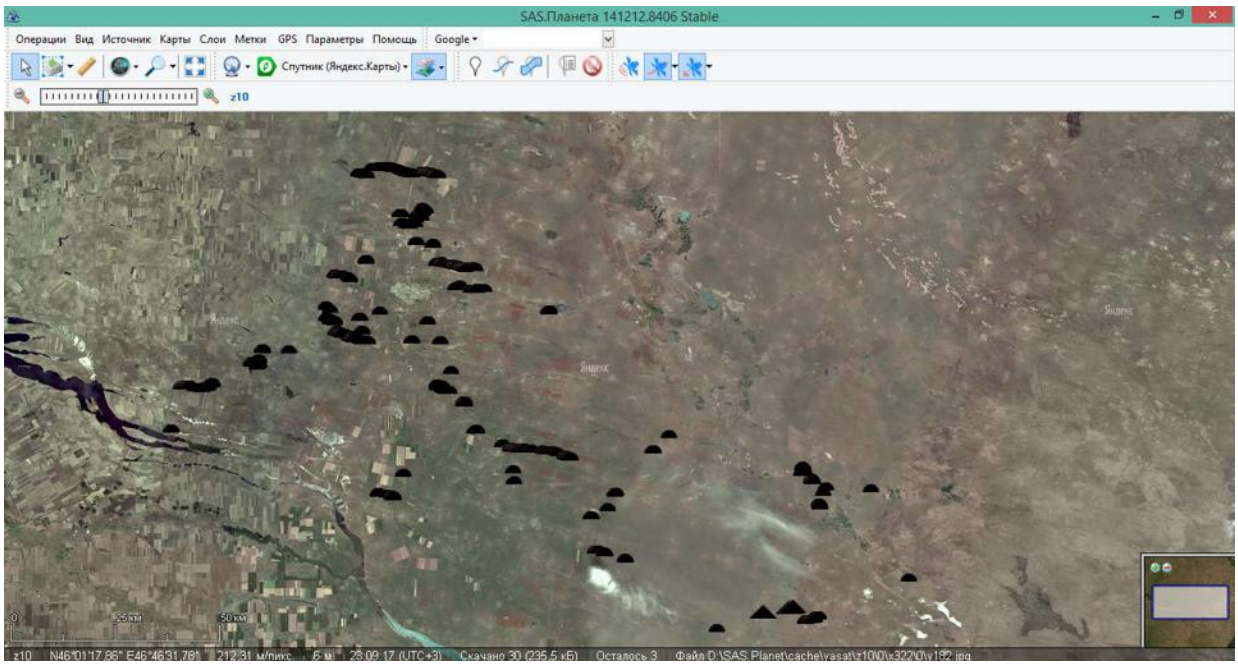


Рис. 1. Фрагмент карты археологических памятников Республики Калмыкия на основе базовых электронных карт сервиса SAS.Planeta

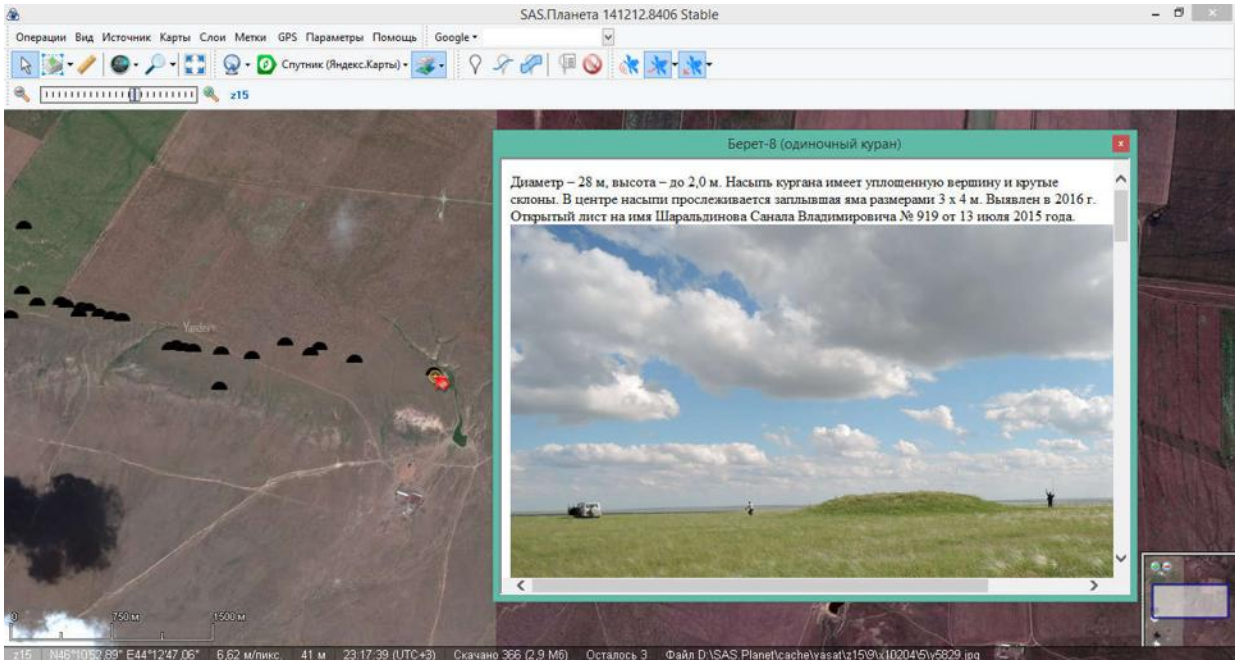


Рис. 2. Отображение метки и атрибутивных данных курганной насыпи Берет-8 на электронной карте Республики Калмыкия

Литература:

Археологическая карта Республики Калмыкия. Часть 1 / Под ред. П.М. Кольцова. – Элиста: Изд-во ЗАОр «НПП «Джангар», 2016. – 300 с.

Берлянт А.М. Геоинформационное картографирование. – М.: Астрея, 1997. – 64 с.

Кольцов П.М., Ашкаев М.С., Эльтеева Г.В. ГИС-технологии в археологических исследованиях // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – С. 26-27.

Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии: учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, 2011. – 224 с.

Рыгалова М. В. Зарубежный опыт применения ГИС в исторических исследованиях: основные направления // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – Вып. 4(1). – С. 199–203.

Холюшкин Ю. П. Предисловие // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 3–4.

Резюме

П.М. Кольцов, М.С. Ашкаев, К.П. Кольцова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,

Элиста, Российская Федерация

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Статья посвящена раскрытию теоретических и практических возможностей применения геоинформационных технологий и данных дистанционного зондирования Земли в археологических исследованиях. На примере археологических памятников Республики Калмыкия была отработана методика археологических исследований с применением геоинформационных технологий и данных дистанционного зондирования Земли. Это позволило осуществить перевод картографической информации в цифровую форму и создать тематическую электронную базу данных.

Summary

P.M. Koltsov, M.S. Ashkayev, K.P. Koltsova

Kalmyk State University. B.B. Gorodovikova,

Elista, Russian Federation

APPLICATION OF GEOGRAPHICAL INFORMATION SYSTEMS AND REMOTE SENSING OF THE EARTH IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KALMYKY

The article is devoted to the discovery of theoretical and practical possibilities of application of geoinformation technologies and data of remote sensing of the Earth in archaeological research. On the example of archaeological monuments of the Republic of Kalmykia, a methodology was developed for archaeological research using geoinformation technologies and remote sensing data from the Earth. This made it possible to translate cartographic information into digital form and create a thematic electronic database.

Михайлов В.В.
Институт языков и культур им. Льва Толстого,
Москва, Россия

УДК 930

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: теоретические вопросы истории и археологии, методология археологических исследований.
Keywords: theoretical issues of history and archaeology, archaeological research methodology

Будучи по базовому образованию историком, автор изучал археологию и лично участвовал в раскопках. Последующий переход к занятиям философией способствовал осмыслению теоретических вопросов исторических исследований...

Всем известен хрестоматийный пример успешных раскопок Г. Шлиманом (1822-1890) Трои и других объектов, основой для которых стало изучение древнегреческого эпоса, в историческую достоверность которого тогда кроме Шлимана мало кто верил. То есть, теоретической предпосылкой исследования в данном случае послужило оправданное доверие археолога к данным литературных источников. Произведения Гомера в данном случае послужили ориентиром того, где «копать» и «что» искать. Эта проблема сохраняет своё значение и сегодня, потому что так или иначе, ресурсы археологов ограничены и поэтому производить раскопки где попало, и искать неизвестно что они не могут. Работа их должна быть результативной и по возможности общественно и экономически значимой, в плане последующей организации музеев, выставок, археологических парков для туристов и т.п.

Поэтому, для успешных раскопок археологам нужны ориентиры для выявления перспективных направлений и мест будущих исследований. Таких материалов сегодня много как в виде различных видеофильмов, размещенных в интернете, так в виде книг и прочих публикаций на исторические темы, которые нужно отслеживать и проверять на предмет их перспективности и достоверности. Так, например, достаточно богатая и постоянно пополняемая подборка соответствующих материалов – ориентировок для возможных раскопок содержится на российском сайте https://www.kramola.info, который можно рекомендовать к регулярному просмотру нашим казахским коллегам.

Другой вопрос – это концептуальное осмысление и интерпретация уже известных исторических сведений и материалов. Сегодня в изложении исторических материалов и на исторических картах преобладает модель американского геополитика Д. Спикмена (1893-1943), который в противовес своему коллеге Х. Маккиндеру, считавшему центральную Евразию географической осью истории, основной акцент сделал на развитии и значении прибрежных территорий Евразии, в зону которых попали основные древние цивилизации, изучаемые официальной наукой: Древний Рим, Греция, Египет, Ближний Восток, Вавилония, Персия, Индия, Китай, Юго-Восточная Азия и Западная Европа. Центральная Евразия, к которой принадлежит и территория современного Казахстана выглядит на его карте как некая «черная дыра» (Дугин, 2011, с.97). Исходя из этой модели центрально-евразийской «черной дыры» истории, большая часть территории современной России (в т.ч. Сибирь) и почти вся Средняя Азия оказались в роли «земли неисторической» по выражению немецкого историка Г.Ф. Миллера (1705-1783), который в 25 лет стал профессором истории, а потом официальным историографом Российской империи и «главным специалистом» по истории Сибири, надолго определившим теоретические предпосылки для её археологического изучения и по сей день считающимся «классиком» соответствующего направления. Так как по мнению его оппонентов, Миллер собрал и уничтожил (или где-то спрятал, скрыл, кому-то передал) архивные материалы по истории Сибири, то его труды оказались значимым источником по евразийской истории до сегодняшнего дня. Но свою роль в закрытии Сибири и Средней Азии для масштабных археологических исследований они сыграли, так как если в «неисторических землях» важных исторических процессов не происходило и значительных цивилизаций не было, то и производить там раскопки смысла не имело и не имеет. В результате, археологические исследования этих территорий во многом остались на уровне узких, локальных краеведческих исследований и экспедиций самодеятельных энтузиастов, лишенных необходимых для полноценных исследований

ресурсов, информационной и правовой поддержки. Естественно, всё это создало и продолжает создавать серьезные препятствия в археологическом изучении Центральной Евразии, как это хорошо показано в книге профессионального геолога и энтузиаста-краеведа С.Н. Новгородова «Сибирская прародина» (Новгородов, 2006). Значимый прорыв в исследовании и концептуальном осмыслении истории Евразии дали труды Л.Н. Гумилева (1912-1992), который однако тоже подвергался репрессиям в СССР и, к сожалению, умер в 1992 г., что конечно же не способствовало популяризации его идей после ослабления цензуры. Лидер современных неоевразийцев А.Г. Дугин, в свою очередь, был изгнан из МГУ им. М.В. Ломоносова в 2014г. и попал в американский санкционный список...

Тем не менее, концепция евразийской «географической оси истории» Х. Маккиндера и множество других как теоретических так и археологических находок (например, Аркаим или недавно найденные пирамиды на Чукотке) дают нам все основания для развертывания широкомасштабных археологических исследований центральной (и всей остальной) Евразии.

Для теоретического обоснования активных раскопок в Средней Азии существенное значение, на мой взгляд, имеет новая книга А.Г. Суркова «Гвардия Стального Императора» (Сурков, 2017), в которой уделяется значительное внимание истории казачества, а также истории центральной казачьей орды (которую в Европе называли «Тартарией») в Средней Азии и этногенезу казахского народа, имеющего русско-китайские корни. Его выводы согласуются и с данными ДНК-генеалогии известного биохимика А.А. Клёсова, доказывающего центрально-азиатское происхождение индоевропейцев, перекочевавших впоследствии в Европу. По А.Г. Суркову, центральная Азия до середины XVIII века была не «черной дырой истории», а была объединена в Центральную орду (Джунгарское казачье войско), являвшееся прямым преемником державы Чингисхана (Стального Императора) (Сурков, 2017, с.161). Во второй половине XVIII в. эти земли вошли в состав Цинской империи (Китая), лишь спустя столетие снова вернувшись в состав России, как наследницы казачьей орды («Тартарии» западноевропейских картографов и историков). Конечно, существуют и иные точки зрения на исторические процессы, например обширная критика методологии и выводов А.А. Клёсова. Но для археологии это не препятствие, а, напротив, стимул к практической работе, так как именно она может и должна вносить свой вклад в разрешение подобных исторических дискуссий, подтверждая или опровергая их найденными археологическими материалами. Эти материалы, в свою очередь, должны соотноситься с данными этнопсихологии, языкознания, антропологии, чтобы можно было определить к какому этносу, культуре, языковой семье принадлежали раскопанные археологами артефакты. Чтобы не получалось, как это было до недавнего времени, когда история оперировала понятиями государств и народов, а археология – понятиями культур слабо или вообще никак не соотносимых с первыми. В результате человек, попавший в музей, совершенно не мог соотнести археологическую информацию с известной ему исторической и сделать сколько-нибудь внятные мировоззренческие выводы из увиденных археологических материалов…

Вторая часть данной статьи посвящена популяризации методологии раскопок, обнаруженной автором в книге Н.С. Новгородова (Новгородов, 2006), которая, как представляется, является наиболее полной и многосторонней из всех, которые автору когда-либо встречались. В этом С.Н. Новгородову удалось совершить очевидный прорыв, и если бы подобная методология применялась всеми археологами, то раскопки были бы гораздо более результативными. Сам С.Н. Новгородов, не будучи профессиональным историком и археологом (по профессии он геолог), но будучи творчески ориентированным энтузиастом, сумел выйти за рамки привычных методов археологической работы.

Перечислим основные методы исследования Н.С. Новгородовым перспективных для археологических изысканий местностей и объектов: 1. комплексная геофизическая рекогносцировка местности, 2. высокоточная магниторазведка магнитометрами ММП-203, 3. биолокация (экстрасенсорная работа с маятником и рамкой) для поиска подземных артефактов и аномалий, 4. электромагнитные исследования георадаром ОКО-1М, 4. ручное бурение земли, 5. визуальный осмотр местности, 6. топографическое исследование местности с помощью теодолита-тахеометра и стальной мерной ленты, 7. зондирование глубинным георадаром АВ-150 на глубину 20 м., 8. использование металлоискателя, 9. целевая ночёвка и сон в районе предполагаемых объектов для раскопок, с целью анализа содержания сновидений в данном месте, могущих дать археологически значимую информацию, 10. опрос местных жителей по теме раскапываемых объектов, 11. исследование аэрофотоснимков и космических снимков местности, для обнаружения невидимых с земли аномалий. Это помимо использования более привычных методов: 13. обычных раскопок на местности, 14. исследования старинных и современных карт местности для раскопов, 15. исследования исторических документов и литературы по теме, 16. анализа и сопоставления полученных результатов. Как видно, профессиональный опыт геолога и помощь экстрасенсов,

парапсихологов и сновидцев пошли на пользу исследованиям, так как в результате комплексного применения всех этих методов удалось получить гораздо больше данных, чем при традиционных археологических исследованиях, результаты которых представлены автором в своей работе (Новгородов, 2006, с.484-491).

В конечном итоге, главными помехами научным изысканиям древних поселений и артефактов Сибири Н.С. Новгородовым стали общественные условия: нежелание властей и частных предпринимателей финансировать его экспедиции и их же равнодушие к результатам его работы. Такую же позицию по отношению к ним заняло и научное сообщество Томска, где автор проводил свои исследования и СМИ. «Томские редакторы считают историческую тему нечитабельной. Даже в связи с наступлением 400-летнего юбилея Томска я не смог убедить редактора «Томского Вестника» В. Долженкову в необходимости исторической рубрики в газете. При этом мне показалось, что чем дальше от Томска находится то или иное издание, тем более приемлемой является и томская историческая тематика. Что за странная закономерность?» (Новгородов, 2006, с.504), - с горечью отмечает автор. Действительно странно и похоже на какой-то «заговор» или тайную программу, запрет на изучение истории своего края или может быть Сибири в целом. Выводы Н.С. Новгородова подтверждает и личный опыт автора, который во время посещения Томска не смог получить от сотрудников местных исторических музеев какой-либо информации о деятельности Н.С. Новгородова. Похоже, что местные историки его не знают и знать не хотят, хотя он много лет проработал в Томске, занимаясь краеведческой работой с детьми, многократно выступал по местному телевидению, писал статьи в местную прессу и т.п. Это доказывает то, что сложности с археологическими и историческими изысканиями имеют в основном социальные причины. Складывается впечатление, что в обществе существует комплекс табу, негласных подсознательных запретов на исследование и осмысление если не всех, то ряда исторических направлений и тем. Поэтому историкам и археологам, несомненно, надо осознать данную проблему и попытаться выявить перечень подобных негласных запретов для большей свободы и продуктивности в своей деятельности. Также опыт Н.С. Новгородова свидетельствует о важности инициирования и даже организации общественного интереса к результатам археологических изысканий, их пропаганды и популяризации. Поучиться этому можно у мексиканцев, которые успешно превращают расчищенные и раскопанные города майя в популярные туристические объекты: здесь и организаторам музеев прибыль и для туристов мировоззренчески значимые и яркие впечатления и знания.

Таким образом, нам удалось дать ориентировку для поиска археологически интересных объектов и достаточно полную методологию конкретного выявления на местности и поиска археологических артефактов. Опираясь на изложенную в статье методологию археологических исследований можно, на наш взгляд, делать интересные и значимые археологические исследования и находки.

Литература:

В России найдена долина ПИРАМИД Императоров! - https://www.kramola.info/blogs/letopisi-proshlogo/v-rossii-naydena-dolina-piramid-imperatorov

Древние города на дне Аральского моря. - https://www.kramola.info/vesti/letopisi-proshlogo/drevnie-goroda-na-dne-aralskogo-morya

Дугин А.Г. Геополитика: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2011. – 583с.

Клёсов А.А. - https://ru.wikipedia.org/wiki/

Новгородов Н.С. Сибирская прародина. В поисках Гипербореи. 3-е изд., исправл. – М.: Белые альвы, 2006. – 544с.

Сурков А.Г. Гвардия Стального Императора. Тайна происхождения русского народа. – М.: Изд-во «Спорт и Культура – 2000», 2017. – 432с.

Резюме

Владимир Владимирович Михайлов, «Некоторые теоретические предпосылки и методология археологических исследований». В статье выявляются мировоззренческо-теоретические предпосылки поиска перспективных объектов и мест археологических исследований. Предлагается более полная методология непосредственного поиска археологичских объектов с комплексным привлечением средств геологической разведки и экстрасенсорно-парапсихологических методов наряду с традиционными методами археологических исследований.

Summary

Vladimir Vladimirovich Mikhailov,"Some theoretical background and methodology of archaeological research". The article reveals the ideological and theoretical background of the search for promising objects and places of archaeological research. More complete methodology of direct search of archaeological objects with complex attraction of means of geological investigation and extrasensory-parapsychological methods along with traditional methods of archaeological researches is offered.

Плешаков А.А.
Северо-Казахстанский государственный
университет им. М.Козыбаева
Петропавловск, Казахстан

УДК. 930.221

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ АК-ИРИЙ.

Түйінді сөздер: Фортификация, қайта құру, эксперимент, трасология, үй кәсібі, мұражай кешені.
Keywords: Archaeological monument, housing complexes, open-air museum, reconstruction of the economy, tracology.

В современных условиях неизмеримо возросли роль и значение Отечественной истории, основными задачами которой являются сохранение исторической памяти и познание закономерностей общественного развития и консолидация общества. За более чем двадцатилетний период казахстанскими историками была проведена колоссальная работа по переосмыслению дореволюционной и советской историографии Казахстана, изучению «белых пятен» истории Казахстана на основе новых артефактов и архивных источников.

Национальная история на новом этапе развития Казахстана играет всевозрастающую роль в формировании идентичности, гражданственности, патриотизма казахстанцев. В своем Послании народу Казахстана «Стратегия Казахстан-2050: новый курс состоявшегося государства» Президент Республики Казахстан – Лидер Нации Н.А. Назарбаев в числе приоритетных целей определил - формирование нового казахстанского патриотизма и исторического сознания нации.

Н.А. Назарбаев подчеркивает, что «В нынешнем глобализирующемся мире идет тенденция усиления общецивилизационных ценностей как фундамента нового миропорядка и бытия. Происходит сильная трансформация самого казахского этноса, заметны новые модели стиля жизни. Необходимо, чтобы цивилизационные проблемы органично переплетались с собственными, национальными».

Коллекции материалов, полученные в ходе работ СКАЭ за 48 лет, являются основой экспозиции зала древней истории областного музея и музея СКГУ, получили отражение в залах Центрального республиканского музея г. Алматы и музея Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, демонстрировались в экспозициях выставок в Великобритании, Германии и США.

Идея проекта состоит в создании музея под открытым небом на основе реконструкции погребальных комплексов и жилищных конструкций разных эпох в натуральную величину. Внутренние интерьеры и площадки межжилищных пространств, предполагается использовать для реконструкции различных производств и домашних промыслов от каменного века до средневековья. Функциональные реконструкции кузнечного дела, керамического производства, плетения и вязания, изготовление одежды и украшений по древним технологиям привлекут интерес экскурсионных групп для активного отдыха в полевых условиях с возможностью участия в различных древних производственных процессах.

Практическая значимость проекта обусловлена растущей потребностью вовлечения подростков в общественно-полезную деятельность и необходимость патриотического воспитания подрастающего поколения. Создание музея под открытым небом позволит получить рабочие места для местного населения и молодых специалистов, расширит сферу деятельности туристического направления в области.

Предложенный проект направлен на развитие системы знаний по истории и культуре Республики Казахстан, на формирование исторического сознания и патриотизма учащихся школ, трудовых навыков молодежи, совершенствованию научно-методического и культурно-просветительского уровня специалистов.

Уже в этом году проведены мероприятия по ознакомлению школьников с древней историей края на основе созданных реконструкций жилищных комплексов, производственных процессов и костюмов по образцам древности на городище Ак-Ирий. Заключены договоры с районными отделами образования о творческом сотрудничестве, на основе которых ученики старших классов имеют возможность принять участие в увлекательном историческом походе в древность и своими руками создать образцы культуры по аналогиям с первобытных производственных комплексов и уникальных экспонатов.

Резкое сокращение финансирования (менее 30%) может отрицательно повлиять на результаты работ и увеличить сроки создания музея, поскольку нет возможности проводить полноценные полевые работы по созданию открытой экспозиции. В запрашиваемом финансировании не предполагалось приобретения оборудования, излишних штатов и командировок, была составлена реальная смета расходов с минимальными затратами на выполнение грантового задания. Из-за недостаточности финансирования для выполнения программы возникла угроза не выполнения планов работ, и пришлось изыскивать финансы из других источников и личных средств участников проекта.

Для проведения работ по реконструкции производств и жилищных комплексов различных эпох Северного Казахстана собрана база научных данных по истории изучения и состояния изученности памятников каменного века, эпохи бронзы и РЖВ лесостепной зоны Евразии. Для этого был составлен библиографический список научных работ по различным разделам древнейшей истории Северного Казахстана.

Особое внимание уделено научным данным по реконструкции одежды эпохи бронзы и раннего железного века и украшениям костюма древнего населения. Для этого изучены способы изготовления украшений, собраны образцы украшений различных эпох из разных материалов, используемых как при украшении собственно костюма древнего населения каменного, бронзового, раннего железного века и средневековья (расшивные бляшки и бляхи для ремня, различные пронизи и трубочки для украшения одежды.), так и украшений, которые использовались для ношения на теле (подвески, браслеты и кольца и т.д.).

Согласно календарного плана работ выполнения грантового задания по теме: «Комплексное исследование городища раннего железного века Ак-Ирий у села Долматово и реконструкция хозяйственных комплексов древних племён Северного Казахстана» группой исследователей произведена работа по разным направлениям проекта:

Реконструкции древнего гончарного производства.

При реконструкции древнего гончарного производства были обустроены площадки для изготовления керамики и обжига в различных условиях с использованием различных методов формовки посуды и различных способов обжига готовых экземпляров. Были оборудованы кострища и сооружена печь для обжига керамической посуды, изготовленной экспериментально участниками проекта по реконструкции древнейших производств при создании музея под открытым небом. Проведена работа по полному циклу производства керамики по образцам различных эпох с использованием различных методов формовки посуды и различных способов обжига готовых экземпляров. Применен метод ленточного налепа – когда на подготовленную донную часть витками укладывается глиняная масса шнуровой формы с последующего процесса заглаживания каменными или костяными гладилками при подготовке к нанесению орнамента и сушке перед обжигом. Вторым методом было применение матрицы в виде готового сосуда, на который наносится глиняная масса с последующим уплотнением путем выколачивания деревянной колотушкой.

Обжиг производился на костре или в печи. В результате была создана коллекция керамической посуды и керамических изделий в виде украшений для этнологической экспозиции будущего музея под открытым небом (фото 1,2).

Воссоздание древних жилых и хозяйственных конструкций.

Для реконструкционных начал были положены многолетние наблюдения и данные, выявленные работами Северо-Казахстанской археологической экспедиции при раскопках памятников каменного века и эпохи бронзы.

Основой землянки эпохи каменного века явился глубокий котлован, сооруженный с помощью современных инструментов на склоне небольшого естественного оврага. Метрические размеры котлована составили 2,0х3,0 м глубиной 1,3 м. Перекрытие жилища конструктивно явилось составной частью его двускатной крыши, опирающейся на три столбовые конструкции. Центральная плаха, закрепленная на этих столбах, приняла на себя давление и вес кровли, сложенной из березовых плах, веток тальника и земляных дерновых пластов. Высота землянки составила до 1,9 м. Фронтоны крыши, изготовленные из коротких плах, были обложены земляными пластами. Вход прокопан в виде ступенчатой траншеи шириной 0,7 м. В конечном итоге землянка позволила комфортно вместить четыре спальных места.

Для реконструкции помещения эпохи бронзы выкопан неглубокий котлован размером 2,0х4,0 м при глубине 0,25 м и деревянный столбовой каркас. Перекрытие жилища конструктивно схоже с кровлей конструкции № 1 и явилось составной частью его двускатной крыши, опирающейся на три центральные столбовые стойки и деревянные каркасные столбовые опоры, по периметру

скрепленные плахами. Кровля была сложена из березовых плах, веток тальника и перекрыта земляными дерновыми пластами.

Высота землянки, от уровня пола котлована, составила от 2,25м до 2,55м. Стены конструкции были изготовлены по типу плетня с последующей обмазкой глиняной массой, смешанной с травой (фото 3,4).

Реконструкция одежды древнего населения Северного Казахстана.

В традиционной для современной этнографии системе описания костюмов принято делить одежду на плечевую (платья, кафтаны, рубахи и пр.) и поясную (штаны, юбки, шаровары). Плечевая одежда в свою очередь делится на распашную и нераспашную. По имеющимся артефактам с территории Северного Казахстана говорить об использовании в эпоху бронзы распашной одежды не предоставляется возможным.

Фиксируемая у многих народов Евразии - туникообразная рубаха (платье), является наиболее примитивной и архаичной формой нераспашной одежды. Она отмечена у восточных славян, угорских племен раннего средневековья в Поволжье, сибирских народов, таджиков, туркменов, узбеков, а также являлась основой одеждой у всего населения средневековой Европы. Вероятнее всего, туникообразная рубаха (платье) была также основой костюма эпохи бронзы. Скорее всего, как женская, так мужская и детская одежда не различалась по принципам кройки и шитья. Она изготавливалась на основе туникообразной рубахи (платья) из кусков холста и практически не требовала какого-либо раскроя.

Хронометраж экспериментальных работ: Раскрой и пошив платья заняли по времени от 2 до 2,5 часов общего времени. Вышивка и нашивание украшений и орнаментальных сюжетов на одежде заняла по времени от 7 до 12 часов общего времени (фото 5-7).

Изготовление ювелирных украшений.

Украшения - почти единственный вид артефактов, который позволяет составить представление о древнем костюме эпохи бронзы (подвески, бляхи, браслеты, бусы и пр.). Органические составляющие одежды, как правило, не сохраняются, однако в сочетании с другими подобными элементами, образуют комплексы украшений, которые вкупе с органической основой являются составляющими элементами костюма (накосные украшения, лицевые подвески, нагрудники, головные уборы) и, как правило, образуют декор отдельных его частей (обшивка платья, обуви). По месту расположения в погребениях украшений и ювелирных изделий нередко удается воспроизвести облик древней одежды.

Именно украшения определяют стиль, культурное своеобразие костюмов, так как сама одежда, ее покрой и внешний вид, скорее всего, не отличались разнообразием. Это подтверждают примеры современных традиционных обществ, в которых на протяжении многих столетий не менялся покрой и стиль костюмов, а различия между роскошью и бедностью выражались лишь в качестве ткани и количестве украшений).

Для этого изучены способы изготовления украшений, собраны образцы украшений различных эпох из разных материалов, используемых как при украшении собственно костюма древнего населения каменного, бронзового, раннего железного века и средневековья (расшивные бляшки и бляхи для ремня, различные пронизи и трубочки для украшения одежды.), так и украшений, которые использовались для ношения на теле (подвески, браслеты и кольца и т.д.).

В процессе работ по организации историко-этнографического туристического парка-музея под открытым небом у села Долматово с целью воспитательного воздействия на молодежные и детские группы и формирования здорового образа жизни, развития туристской индустрии организуется полевой археологический лагерь труда и отдыха для учащихся школ города и области в рамках Исторического похода «Мое родное Приишимье в древности». В полевом сезоне 2015 года приняли участие студенты СКГУ им. М. Козыбаева, 75 учеников школ Кызылжарского района и 20 учеников Мамлютского района Северо-Казахстанской области. Привлечение студентов и учащихся школ города и области к работе в археологической экспедиции и активному отдыху в летнее время позволяет отвлечь от улицы и нежелательных явлений современности десятки подростков. В конце концов, все это служит важной составляющей в деле воспитания казахстанского патриотизма населения, чего не хватает в наше время.

Осуществление проекта позволит вписать территорию Северного Казахстана, бывшую до того белым пятном на карте экономических путей Великого Шелкового Пути, в общую евразийскую панораму событий раннего этапа континентальных миграционных процессов. Материалы исследования актуальны в плане сравнительного изучения процессов древнего культурогенеза в Евразии. Уже начаты работы по восстановлению жилищных комплексов, реконструкции одежды и украшений, гончарному делу, ювелирному промыслу для создания музея под открытым небом на

основе реконструкции жизнедеятельности древнего населения Казахстана в разные периоды первобытности от каменного века до средневековья.

Қорытынды

Зерттеу нысаны: Солтүстік Қазақстан Ақ-Ирий ескі қаласының материалдары кешенді түрде зерттелеу. Тұңғыш рет Қазақстанда қаланы кешенді зерттеуде алуан түрлі әдістемелерді пайдалану авторларға темір ғасырының алғашқы кезеңінің бекітілген поселкелерінің сәулеттік және бірегей фортификацияланған құрылғыларын қайта құруға мүмкіндік береді, үйдегі кәсіпшілікті жұмыстар қайта жасайды.

Жұмыстың мақсаты: ашық аспан астында археология-этнографиялық мұражайдың кешенді жасау үшін әртүрлі дәуірінің жерлеу және қоныстау кешендерін негізінде қайта құру, ежелгі өндіріс түрлерін мен үйдегі кәсіпшілікті жұмыстар жүргізу, тақырыпта материалдарын жариялау.

Атқарымдық темір соғу ісі, керамикалық өндірісі, тоқу ісі, зергерлік өндіріс қайта құру бойынша трасология және т.б. жаратылыстану ғылымының деректеры негізінде жасайды.

Жаңашылығы мен нәтижесі: осы жобасының ғылыми зерттеулері Солтүстік Қазақстан аймағы жалпы евразиялық оқиғасының, Ұлы Жібек жолын экономикалық байланыстарынан ерекше орын табады және белсеңді демалыс үшін экскурсиялық топтарының көңілі аулады.

Қолданылатын саласы: экскурсия- туристтік қызметі және Қазақстан Республикасының тарихи-мәдениет мұрасы, патриоттық тәрбие насихаттауы.

Жобаның тиімділігі: жастарды пайдалы қоғамдық жұмысқа тарту, патриоттық тәрбиенің кажеттілігі. Мұражайдың құрылуы жас мамандықтарын және жергілікті халықта жаңа жұмыс орындары жасау мүмкіндік береді.

Жоба Қазақстан Республикасының тарих және мәдениет жалпы білімінің дамуына бағыттау, тарихты сана,еңбек дағдыстары,патриоттық сезімі жасау ушін, ғылыми-әдіснамалық мен мәдени-ағарту дәрежесі жетілдіру талап етеді.

Essay

The object of the study is the materials of ancient monuments of Northern Kazakhstan and the complex study of the ancient settlement of Ak-Iriy. For the first time in Kazakhstan, the use of the technique of experimental tracological research in a comprehensive study will allow authors to reconstruct architectural and unique fortifications, recreate ancient domestic crafts.

The aim of the work is to create a museum archaeological and ethnographic complex under the open sky and publish data on the basis of reconstruction of funerary and housing complexes of different ages in full size and the reconstruction of various industries and domestic crafts from the Stone Age to the Middle Ages.

Functional reconstructions of blacksmithing, ceramic production, weaving and knitting, making of clothes and ornaments are made according to ancient technologies on the basis of tracological and other methods of natural sciences.

The creation of the open-air museum will allow to get jobs on the basis of self-financing for the local population and young professionals, expand the scope of the tourist destination in the region. The proposed project is aimed at developing a system of knowledge on the history and culture of the Republic of Kazakhstan, on the formation of historical consciousness and patriotism of schoolchildren, the labor skills of young people, and the improvement of the scientific, methodological and cultural-educational level of specialists.

The result and novelty lies in the fact that scientific research on this Project will allow to enter the territory of Northern Kazakhstan into the common Eurasian panorama of the events of the economic ties of the Great Silk Road and will attract the interest of excursion groups for active recreation. Field of application - excursion and tourism and activities to promote the historical and cultural heritage of the Republic of Kazakhstan, patriotic education. The practical importance of the project is due to the growing need to involve teenagers in socially useful activities and the need for patriotic education of the younger generation.

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО



Фото 1



Фото 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОСЕЛКА ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ



Фото 3



Фото 4

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ОДЕЖДЫ



Фото 5



Фото 6



Фото 7

Abay Namen
Head specialist at the Scientific Research
Institute of Archaeology and Steppe Civilizations,
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

APPLICATION OF ANALYTICAL TOOLS IN THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Abstract

The paper introduces scientific approach on the study of archaeological materials. It mainly concentrated in explaining the development history of archaeometry, multi-disciplinary study applied to archaeology, including scientific analyses and using analytical tools such as gas chromatography coupled with mass spectroscopy and optical microscopy in obtaining variety types of information from the artefacts.

Keywords: archaeology; archaeometry; science; analytical tools.
Ключевые слова: археология, археометрия, наука, аналитические инструменты.
Түйінді сөздер: археология, археометрия, ғылым, аналитикалық құралдар.

Introduction

Archaeology is a science that studies objects, settlements, monuments, landscapes, and human past in general. It is part of historical sciences, however, it cannot be compared to the discipline of history. If history deals with the reconstructing the past events relying on written sources, then the five million years (or more) of human evolution is beyond the reach of history (Pollard et al., 2006).

As leading archaeologists of modern days Renfrew and Bahn (1996) stated that "archaeology is concerned with the full range of past human experience – how people organized themselves into social groups and exploited their surroundings; what they ate, made, and believed; how they communicated and why their societies changed". Therefore, the purpose of archaeology is the process of reconstructing the human past and past events from the material remains.

Archaeological materials are particularly rich and diverse as they are made of a great variety of materials, and often combinations thereof. Historically, a very large amount of artefacts are made of organic materials such as paper, leather, wooden tools, parchment, vellum, dyes etc.; bioinorganic materials such as tools made of human and animal bones, ivory, teeth etc.; inorganic materials such as ceramics, lithic tools, bricks, glass, metal objects and so forth. All of the mentioned material evidences are commonly found during the archaeological excavations around the globe. Every broken piece of ceramic, every bone remains can be of use in reconstructing the history. In order to obtain more precise information concerning the functional, social and other aspects of the archaeological materials, the need of multi-disciplinary approach is required.

Since the mid-20th century, a new discipline of archaeometry (or archaeological science) has been developed specifically to study archaeological materials. Archaeometry consists of the application of scientific techniques (Martinon-Torres and Killick, 2015) and includes all branches of science such as chemistry, physics, geology, earth sciences, ecology, biology, statistics, botany, etc. Current work is concentrated to introduce the development history of archaeometry, as well as explains the scientific techniques used to study archaeological remains.

Development history of archaeometry

Due to the need of understanding the history of human past and its evolution, archaeology had to develop from a theoretical to a scientific form of study. The human curiosity to the past and the development of sciences brought to life archaeometry. This new discipline and/or branch of archaeology is a great use in researching and analysing all types of ancient material remains. The word of archaeometry derives from ancient Greek, meaning "archaeo" – ancient, "metria" – measure. Therefore, archaeometry is a science that deals with the application of scientific methods and technologies to the study of archaeological materials.

As a separate branch of archaeology, archaeometry has developed in the second half of the 20th century. The first ""radiocarbon revolution" in the late 1940th made a huge step forward in archaeology (Garret, 1963). The scientific papers of Willard Libby on radiocarbon dating and other papers on different fields dealing with the study of archaeological materials in a scientific perspective became the beginning chapter of archaeometry. Since then, the major interest in studying ancient materials became more prominent. For instance, radiocarbon scientists had previously known that bimodal distribution of carbon

isotopic ratios, mainly in plants, reflected different mechanisms of synthesis (Gogel and van der Merwe, 1977). It therefore could be a great use in reconstructing the palaeodiets of ancient humans.

The development of molecular archaeology and variety scientific papers published in Europe, mainly in the UK (Evershed, 2008), had made a progress in establishing of archaeometry as separate branch of archaeology.

Nowadays, most scientist consider archaeometry as part of geoarchaeology, however, its research field is much wider and multi-disciplinary as it includes all branches of science which can be of use in retrieving information concerning the human past. For instance, the development process of archaeometry in Europe especially in the United Kingdom has advanced rapidly. It is considered as a different field. Majority of archaeology departments have chosen to emphasise archaeometric research and made it as a major focus on the curricula (Killick and Young, 1997).

Archaeology of Kazakhstan has made a step towards developing and enhancing of archaeometry. One of the examples is the establishment of the international laboratory of geoarchaeology at Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. It currently deals with the problems of palaeoenvironment (Sala, 2016), geoarchaeology (Sala, 2009), urbanization (Sala, 2010) etc.

Analytical tools in archaeology: gas chromatography – mass spectroscopy

Gas chromatography coupled with mass spectroscopy (GC-MS) is an analytical method that combines the features of two instruments, gas chromatography and mass spectroscopy. The combination of these two is commonly used in identification of different substances in a given sample. It is widely used in drug tests, medicine, food industry, criminal forensics, astrochemistry, archaeology and so forth.

GC-MS is also commonly used in archaeometry, and most research laboratories are equipped with this technique. It is becoming the tool of choice for the identification of variety information from an archaeological sample. The application of GC-MS has increased, which contributed to several scientific discoveries (Outram et al., 2009). Due to its functions in separating complex organic compounds and high sensitivity, it became possible to conduct chemical analyses on ancient organic remnants. Thanks to this, modern archaeology is now able to determine the organic residues from the ceramic materials (Outram et al., 2012; Namen, 2017), organic dyes used in the ancient times (Manhita et al., 2015) and so forth.

Analytical tools in archaeology: optical microscopy

Optical microscopy (also known as light microscopy) is a traditional form of microscopy which uses the visible light to closely observe a sample through the magnification of a lens. It was first introduced in the 18th century and still used by researchers today.

Due to the prevalence of archaeological materials, particularly small fragments of different artefacts, microscopy is widely used. More importantly, the functions of microscopy allow a researcher to conduct variety types of analysis such as histological, palynological, petrographical, and other. For instance, histological analysis is mainly performed to study the anatomy (i.e. cells and tissues) of an organic material such as human, animal and plant remains. It is of great use for the identification the level of preservation of a certain archaeological material. Palynological analysis is the study of plant dusts collected from air, from water or from a deposit of any age. The application of palynology in archaeology may contribute to understand the ancient climate and ecology (Sadori et al., 2010).

Optical microscopy is main tool to perform petrographical analysis. It is a branch of earth sciences (geology). The application of petrography in archaeology is quite a modern phenomenon which started developing at the end of the 20th century (Whitbread, 1995). It is often performed on ceramic materials in order to determine the mineralogical microstructure. Application of petrography is quite a destructive approach to study ceramics since it requires a piece of a ceramic to be studied by employing optical microscopy. However, it is one the efficient ways for the characterization, obtaining a preliminary provenance information, and technological features (Namen, 2017).

Conclusion

Since the development of sciences and technological advancement, archaeology has made a huge step forward in studying the human past. The scientific examination of ancient materials using analytical techniques is important and provides variety of information. Thus, they not only allow to identify and characterize the objects, but also may contribute to reconstruct the past events.

References

Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed., (2009). The earliest horse harnessing and Milking. Science: Vol. 323, no. 5919: 1332-1335

Evershed R P. (2008). Organic residue analysis in archaeology: The archaeological biomarker revolution. Archaeometry 50 (6): 895-924

Garrett A.B., (1963). Carbon-14 dating: Willard F. Libby. Journal of Chemical Education, 40 (2): 76

Manhita, A., Martins, S., Moreira, M., Lopes, M.C., Da Silva M.G., Dias, C.B., 2015. On the study of the organic content of Early Empire ceramics from Beja's Castle. A preliminary report. ArchaeoAnalytics. Chromatography and DNA analysis in archaeology, pp. 155-167.

Namen, A., (2017). Identification of organic residues and petrographical analysis in underwater amphoras from Porto Palo, Sicily. Master disstertation: Palermo, Italy.

Outram, K. Alan, Kasparov, A., Stear, Natalie A., Varfolomeev, V., Usmanova, E., Evershed, R.P., (2012). Patterns of pastorialism in Later Bronze Age Kazakhstan: new evidence from faunal and lipid residue analyses. Journal of Archaeological Science: Vol. 39: 2424-2435

Renfrew, C., Bahn P. G., (1996). Archaeology: Theories, methods and practice. Social Sciences: 656

Sadori, L., Giardini, M., Giraudi, C., Mazzini, I., (2010). The plant landscape of the imperial harbour of Rome. Journal of Archaeological Science: Vol. 37: 3294-3305

Sala R. (2010). 'The Medieval urbanization of Semirechie'. In: Watanabe M. and Kubota J. (eds.). Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia: An Historical Perspective on the Future. Proceedings of the International Workshop (Kyoto, Japan 1-2 February 2009), Kyoto-Research Institute for Humanity and Nature, Ili Project: 117-150.

Sala R., Deom J.-M., Nigmatova S., Endo K., Kubota J. (2016). 'Soviet, recent and planned studies of the behavior of the Balkhash lake'. In: News of the National Academy of Sciences of Kazakhstan, series of Geology and Technical sciences, Vol.2, №416: 76-86

Sala, R., Deom, J. (2009). 'Ancient Wild Game Management in Arid Regions: New Evidences from the Northern Ustyurt Plateau (Kazakhstan)' In: Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii Almaty, 25-26 Aprelya 2008, Almaty, Daik-Press: 135-141.

VOGEL, J.C. & N.J. VAN DER MERWE. (1977). Isotopic evidence for early maize cultivation in New York State, American Antiquity 42: 238-42.

Whitbread, I.K., (1995). Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study. Fitch Laboratory Occasional Paper, 4, British School at Athens, Athens.

Summary

Abay Namen is a young scientist, working as a head specialist at the Scientific Research Institute of Archaeology and Steppe Civilizations. He is currently at the beginning level of his scientific career. He has obtained the BA degree at Al-Farabi Kazakh National University, and MSc degree at the La Sapienza Universita di Roma, ARCHaeological MATerials (ARCHMAT) programme funded by the European Union. His main scientific interest is the application of science to the study of archaeological materials, especially petrography, mineralogy, and organic residue analysis.

Резюме

Abay Namen - молодой ученый, работает главным специалистом в Научно-исследовательском Институте археологии и степной цивилизации. Он в настоящее время вначале находится на начальном уровне своей научной карьеры. Получил степень бакалавра в Казахском национальном университете имени аль-Фараби и степень MSc в Ля Сапьенсе Университе ди Роме, Археологические Материалы (ARCHMAT) программа, финансируемая Европейским союзом. Его главный научный интерес - применение науки к исследованию археологических материалов, особенно петрография, минералогия и органический анализ остатка.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	Академия наук СССР
АН Тадж СССР	Академия Наук Таджикская СССР
АОИКМ	Актюбинский областной историко-краеведческий музей
АРТ	Археологические работы в Таджикистане
ВДИ	Вестник древней истории
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ ЮУ	Государственный исторический музей Южного Урала
ГИМ	Государственный Исторический музей
ГИС	Географические информационные системы.
ГМИИТ	Государственный музей изобразительных искусств Туркменистана (Ашхабад)
ГУ	Государственное учреждение.
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДЗЗ	Дистанционное зондирование Земли.
ЕНУ им. Гумилева	Евразийский национальный университет им. Гумилева
ЗКЦИИА	Западно-Казахстанский Центр истории и археологии
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИВ РАН	Институт востоковедения Российской Академии Наук
ИИМК РАН	Институт истории и материальной культуры РАН
ИМКУ	История материальная культура Узбекистана
ИПОС СО РАН	Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии Наук
КИГИ РАН	Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук.
ККГМИ	Государственный музей искусств имени И.В. Савицкого (Узбекистан, Нукус)
ККО АН РУз	Каракалпакское отделение Академии Наук Республики Узбекистана.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
МГУ	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	Материалы исследования по археологии
МИЦАИ	Международный институт Центральноазиатских исследований
НА ИИМК	Научный архив Института истории материальной культуры
НАВ	Нижневолжский археологический вестник
НМ РТ	Национальный музей Республики Татарстан
НОА ИА РАН	Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук.
ОГПУ	Оренбургский государственный педагогический университет
ОмГУ	Омский государственный университет
ПОКМ	Пензенский объединенный краеведческий музей
РА	Российская археология
РАНИОН	Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИО УрО РАН	Редакционно-издательский отдел Уральского отделения российской академии наук

СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СамГПУ	Самарский государственный педагогический университет
СЭ	Советская этнография
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УАВ	Уфимский археологический вестник
УСА	Успехи Среднеазиатской археологии
ЦИА ЗКО	Центр истории и археологии Западно-Казахстанской области
ЭО	Этнографическое обозрение
ЮНЦ РАН	Южный научный центр Российской академии наук
ЮТАЭ	Южно-Таджикская археологическая экспедиция
ЮУрГУ	Южно-Уральский государственный университет
OIP	Oriental Institute Publications
UPA	Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie

«РУХАНИ ЖАҢҒЫРУ ЖӘНЕ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ МҰРА. МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ-2018» ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ПРАКТИКАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК

МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018. ДУХОВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Басуға қол қойылған күні 04.04.2018
Қалыбы 60x84 1/16. Есепке алынатын баспа табағы 79,2
Таралымы 200

ЖК С. Т. Жанәділов баспаханасында
дайын оригинал-макеттен басылған

Ақтөбе қаласы, Ағайынды Жұбановтар көшесі, 278А